

Институт языкознания
Российской академии
наук

Тамбовский государственный
университет имени
Г.Р. Державина

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 3 (50)

КОГНИЦИЯ, КУЛЬТУРА,
КОММУНИКАЦИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

ISSN 2071-9639

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА
РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ ЛИНГВИСТОВ-КОГНИТОЛОГОВ

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 3 (50)

КОГНИЦИЯ, КУЛЬТУРА,
КОММУНИКАЦИЯ В СОВРЕМЕННЫХ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ

Материалы Всероссийской научной конференции
с международным участием
15–16 сентября 2022 года

МОСКВА–НОВОСИБИРСК–ТАМБОВ
2022

УДК 40
ББК 80
К 57

Серия включена в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК Министерства науки и высшего образования РФ для публикации результатов диссертаций.
Зарегистрирована Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-52638 от 25 января 2013 г. Индекс 79191 в каталоге периодики «Урал Пресс» на 2022 г.

Мероприятие проведено при финансовой поддержке Новосибирского государственного технического университета в рамках реализуемой программы развития НГТУ, проект № С22-7

Редакторский совет:

Болдырев Н. Н., доктор филологических наук, профессор (гл. редактор);
Федяева Е. В., доктор филологических наук (отв. ред. выпуска);
Демьянков В. З., доктор филологических наук, профессор;
Новооранова В. Ф., доктор филологических наук, профессор;
Бабина Л. В., доктор филологических наук, профессор;
Виноградова С. Г., доктор филологических наук;
Панасенко Л. В., доктор филологических наук, профессор;
Потанина Н.Л., доктор филологических наук, профессор;
Фурс Л. А., доктор филологических наук, профессор;
Шарандин А. Л., доктор филологических наук, профессор;
Златев Й., доктор филологии, профессор (Лунд, Швеция);
Талми Л., доктор филологии, профессор (Буффало, США);
Козлова Е. А., кандидат филологических наук (отв. секретарь)

К 57

Когнитивные исследования языка / гл. ред. Н. Н. Болдырев; М-во науки и высш. обр. РФ, Рос. акад. наук, Ин-т языкознания РАН, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоц. Лингвистов-когнитологов. – М. : Ин-т языкознания РАН; Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008 – .

ISBN 978-5-89016-442-1

Вып. № 3 (50): Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 15–16 сентября 2022 г. / отв. ред. вып. Е. В. Федяева. – Новосибирск : Изд-во НГТУ, 2022. – 839 с.

ISBN 978-5-7782-4730-7

В настоящем сборнике представлены материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках». Разделы сборника включают теоретические и методологические проблемы когнитивной лингвистики, когнитивные аспекты исследования текста и дискурса, проблемы переводоведения, когнитивные аспекты изучения современной профессиональной коммуникации. Представлены исследования в области когнитивной прагматики, этно-, психо- и социолингвистики, лингвокультурологии, методики преподавания языков и культур.

Книга адресована специалистам в области теории языка, когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и широкому кругу читателей, интересующихся взаимодействием языка, сознания, культуры.

**УДК 40
ББК 80**

ISBN 978-5-7782-4730-7 (Вып. № 3 (50))

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2022

ISBN 978-5-89016-442-1

© ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный технический университет, 2022

© Российская ассоциация лингвистов-когнитологов, 2022

ISSN 2071-9639

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF LINGUISTICS OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
NOVOSIBIRSK STATE TECHNICAL UNIVERSITY
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY
THE RUSSIAN COGNITIVE LINGUISTS ASSOCIATION

COGNITIVE STUDIES OF LANGUAGE

Volume # 3 (50)

COGNITION, CULTURE, COMMUNICATION
IN MODERN HUMANITIES

Proceedings of the All-Russian Research Conference with
International Participation September, 15–16, 2022

MOSCOW–NOVOSIBIRSK–TAMBOV
2022

УДК 40
ББК 80
К 57

The publication is included in the List of publications recommended by Higher Assessment Board of Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation for publishing the results of candidate and doctoral dissertations.

Registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technologies and Mass Communications (Roscomnadzor), Certificate of Registration PI No. FS77-52638.

The volume enters the catalogue of periodicals of Ural Press agency of 2022.

The index is 79191.

Editorial Board:

Boldyrev N.N., Doctor of Philology, Professor (editor-in-chief);

Fedyayeva E.V., Doctor of Philology (volume editor-in-chief);

Demyankov V.Z., Doctor of Philology, Professor;

Novodranova V.F., Doctor of Philology, Professor;

Babina L.V., Doctor of Philology, Professor;

Vinogradova S.G., Doctor of Philology;

Panasenko L.V., Doctor of Philology, Professor;

Potanina N.L., Doctor of Philology, Professor;

Furs L.A., Doctor of Philology, Professor;

Sharandin A.L., Doctor of Philology, Professor;

Zlatev J., Doctor of Philology, Professor (Lund, Sweden);

Talmy L., Doctor of Philology, Professor (Buffalo, USA);

Kozlova E.A., Candidate of Philology, Associate Professor (executive secretary).

К 57

Cognitive studies of language / editor-in-chief N.N. Boldyrev; Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, The Russian Cognitive Linguistics Association. – Moscow Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences; Tambov : Publishing House of TSU named after G.R. Derzhavin, 2008 – .

ISBN 978-5-89016-442-1

Vol. # 3 (50): Cognition, Culture, Communication in Modern Humanities: Proceedings of the All-Russian Research Conference with International Participation. September, 15–16, 2022 / volume editor-in-chief E.V. Fedyayeva. – Novosibirsk : NSTU Publisher, 2022. – 839 p.

ISBN 978-5-7782-4730-7

This volume presents the proceedings of the All-Russian research conference with international participation "Cognition, Culture, Communication in Modern Humanities". The chapters of the proceedings include theoretical and methodological issues of cognitive linguistics, cognitive aspects of text and discourse analysis, issues of translation studies and cognitive aspects of modern professional communication studies. It also includes research in cognitive pragmatics, ethno-, psycho- and socio-linguistics, cultural linguistics as well as methods of teaching languages and cultures.

The book is addressed to specialists in language theory, cognitive and cultural linguistics, intercultural communication and a wide range of readers interested in the interaction of language, mentality and culture.

УДК 40
ББК 80

ISBN 978-5-7782-4730-7 (Vol. # 3 (50))

ISBN 978-5-89016-442-1

© FSBEI HE «Derzhavin Tambov State University», 2022

© FSBEI HE «Novosibirsk State Technical University», 2022

© The Russian Cognitive Linguists Association, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	24
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	
<i>Бабина Л.В.</i> Двухкомпонентные синтаксически сложные слова: объективируемые ими знания и модели интерпретации.....	27
<i>Болдырев Н.Н.</i> Концептуальное взаимодействие как фактор бесконфликтной языковой коммуникации.....	31
<i>Демьянков В.З.</i> Когнитивная невероятность и физическая возможность	36
<i>Дудорова М.В.</i> Концептуализация полноты в русском языке.....	42
<i>Ефименко Т.Н.</i> Концептуальные основы бесконфликтной коммуникации	45
<i>Зыкова И.В.</i> Полимодальная концептуализация чувств и эмоций в кинодискурсе.....	49
<i>Ирисханова О.К.</i> Неопределенность при решении спонтанных задач: что могут сказать жесты	54
<i>Киосе М.И.</i> Теории конструирования события в когнитивной семантике и их экспериментальная верификация.....	59
<i>Колесов И.Ю.</i> Об интерфейсе грамматики и семантики в грамматических конструкциях	66
<i>Краева И.А.</i> Градуальность на пересечении когниции и коммуникации	70
<i>Корнева В.В.</i> Концептуальная деривация как источник формирования испанского ономастического пространства	74
<i>Кишеновская У.Л.</i> Применение когнитивного моделирования к лингвокреативным процессам	77
<i>Лось А.Л.</i> Когнитивные основы семантической дифференциации синонимов, репрезентирующих отсутствие света в русском языке	81
<i>Магировская О.В.</i> Основные характеристики жестовой концептуализации	85
<i>Макурова Д.А.</i> Понимание информации в современной парадигме научного знания.....	89
<i>Мухина И.К.</i> Опозитивность как принцип организации обыденных знаний в синонимической картине мира.....	93
<i>Панасенко Л.А.</i> Вторичные структуры лексического уровня как результат активации схем интерпретации.....	97
<i>Судейманова О.А., Петрова И.М.</i> Отражение процессов языковой интерпретации в вариативности следования элементов атрибутивных словосочетаний.....	101
<i>Топорова В.М., Корнева Е.В.</i> Семантико-когнитивная вариативность средств графической визуализации	104
<i>Фурс Л.А.</i> Вариативность модусов интерпретации синтаксической конструкции в контексте бесконфликтной коммуникации.....	108
<i>Хрисонопуло Е.Ю.</i> Концептуализация референта именной группы как фактор выбора предлога в английских причастных конструкциях со значением состояния	112
<i>Цзинь Т.</i> Семантическая деривация: методологическая ограниченность понятия	117

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

<i>Al-Lami H.M., Balandina E.S.</i> linguistic representation of the concept “science” in ted-talk discourse	121
<i>Атлас А.З.</i> Образное сравнение во вторичном тексте как метакомментарий	126
<i>Баженова А.Г., Богданова-Бегларян Н.В.</i> Когнитивный подход к описанию грамматических особенностей двухместных коннекторов	130
<i>Баландина И.Д., Юздова Л.П., Москвитина Т.Н.</i> Когнитивно-дискурсивные особенности вербализации кризиса в англоязычных СМИ	134
<i>Беляева Ю.С.</i> Эвфемизм vs политкорректный термин	137
<i>Беневоленская Н.П., У Сяохун.</i> Встречная интенция как необходимый фактор успешной коммуникации гиперадресант-адресат (на материалах издания «РИА Новости»)	141
<i>Беседина В.Г.</i> Оптимизм vs токсичная позитивность: проблема категоризации	145
<i>Борботько Л.А.</i> Лингвокогнитивный потенциал рецензии: эпитекстуальность, полифункциональность, медиафактуальность	149
<i>Бубнова И.А., Розатова С.В.</i> Функции полных и частичных квазиреалий в формировании автором образов искусственно созданной литературной вселенной	153
<i>Водяницкая А.А.</i> Лингвистическая аксиология академического дискурса в свете когнитивно-дискурсивной парадигмы	157
<i>Воронцова Т.И.</i> Роль метафоры в формировании художественной картины мира литературного произведения	162
<i>Воронцова Ю.А.</i> Прецедентное имя как средство формирования семантического пространства интернет-комментария	165
<i>Выровцева Е.В.</i> Концепт НОВОЕ ЗНАНИЕ в научно-популярном медиадискурсе: постановка проблемы	169
<i>Галичкина Е.Н.</i> Словообразовательная систематизация лексики молодежного сленга в интернет-дискурсе (на материале русскоязычной социальной сети ВКонтакте)	173
<i>Гишкаева Л.Н., Комова Д.Д., Ломакина О.В.</i> Репрезентация концепта ГОСТЕПРИИМСТВО в паремиологии (на материале родственных и неродственных языков)	177
<i>Григорьева В.С., Зайцева В.В.</i> Концептуальная структура дискурсивной практики «насилие» и вербальные средства ее репрезентации	181
<i>Гричин С.В., Ульянова О.В.</i> Моделирование эвиденциальности в научном дискурсе	185
<i>Гудкова К.В.</i> Персуазивный дискурс как объект лингвистического анализа: механизмы вариативного отображения референтной ситуации	187
<i>Гусева И.Г., Плива Е.П.</i> Когнитивно-дискурсивный аспект метафоризации коронавируса в российских СМИ	191
<i>Дамбаа Ш.В.</i> Фразеологические средства репрезентации концепта ОХОТА в творчестве К.-Э.К. Кудажы	195
<i>Димитриева О.А.</i> Особенности концептуализации ситуации винопития в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и антихрист»	199

<i>Дроздова Т.В.</i> Оценочные смыслы как рефлексия социальной когниции и их вербализация в профессиональном дискурсе социально-ориентированных областей	202
<i>Егорова К.Б., Петрова Т.Е.</i> Когнитивные механизмы обработки содержательной структуры риторических текстов	206
<i>Землякова К.В.</i> Когнитивно-дискурсивная интерпретация концепта PRESIDENT в твиттер-коммуникации Д. Байдена	210
<i>Иванов Е.Е., Комова Д.Д., Нелюбова Н.Ю.</i> Категоризация пословичной семантики: «трюистические пословицы»	214
<i>Ильин М.И.</i> Коммуникативное поведение пользователей Twitter и Facebook при обращении к аудитории	218
<i>Карельская Ю.Ф.</i> Лингвопрагматические особенности дискурса международных соглашений Великобритании и США в области социальной защиты	222
<i>Катермина В.В.</i> Неологизмы медицинского дискурса в английском языке: когнитивный аспект	226
<i>Кащеева А.В.</i> Целостность английского учебного текста: когнитивный аспект	230
<i>Киселева С.В., Смирнова А.А.</i> Лингво-когнитивные особенности эффективной коммуникации через чат-бот	234
<i>Климова Т.А.</i> Специфика концепта MEMORY в языковом сознании билингва и её репрезентация в тексте (на материале романа Кадзуо Исигуро “The Buried Giant”)	238
<i>Кожанов Д.А.</i> Метафорические модели как элементы художественного дискурса в научных текстах	242
<i>Кожухова И.В.</i> Дискурсивные маркеры в импозитивных комментариях: краткое описание	245
<i>Козлова Л.А.</i> Эволюция понятия «контекст» в контексте смены научных парадигм	249
<i>Комкова Н.И.</i> Особенности репрезентации концепта ХУДОЖЕСТВО в прозе Б.В. Шергина	253
<i>Коннова М.Н.</i> Темпоральное пространство памяти в рассказе И.С. Шмелева «Еловые лапы»: аксиологический аспект	257
<i>Красикова Е.А.</i> Системная и дискурсивная метафорика в китайской фразеологии	261
<i>Кремнева А.В., Головина Т.А.</i> Интертекстуальность как один из способов репрезентации особенностей концептуальной системы персонажей англоязычного академического романа	265
<i>Купцов А.Е., Шилова Н.В.</i> Дискурсивы и синтаксические конструкции как средства формирования прагматического эффекта акта коммуникации в англо- и испаноязычном художественном дискурсе	269
<i>Леонтьева А.В., Котова Е.Г., Савельева Е.Б.</i> Прагмалингвистическая и семантико-когнитивная специфика интернет-публикаций о национально-культурной маркированности гастрономической реалии «борщ»	273
<i>Литвиненко Т.Е.</i> Религиозные источники метафоры человек-творец в интертексте	277
<i>Лю Минсюань</i> Концептуальное переосмысление частей тела человека в финансовой терминологии на китайском языке	281

<i>Макарова А.С.</i> Семантизация концепта ЛЮБОВЬ в православной медиапроповеди	285
<i>Маринченко И.А.</i> Речевые тактики убеждения в кулинарном дискурсе.....	289
<i>Минеева М.В.</i> Дискурсивные маркеры в лингвистическом гипертексте как способ эпистемической оценки	293
<i>Минченков А.Г., Солнцева Е.С.</i> Интерпретирующая функция языковых средств обозначения британской королевы Елизаветы II в медиадискурсе Британии и Германии	297
<i>Миньяр-Белоручева А.П.</i> Исторический дискурс как предмет когнитивного исследования.....	301
<i>Морина (Гольшикина) Л.А.</i> Ментальный текст-образец как ориентир риторического декодирования	305
<i>Москвитина Т.Н.</i> Особенности использования языковых средств в освещении кризисной ситуации в дискурсе британских СМИ (на примере пандемии COVID-19).....	309
<i>Мячинская Э.И.</i> Когнитивно-матричный характер концептов искусствоведческого дискурса.....	313
<i>Некрасова М.Ю., Байко В.А.</i> Интерпретационный потенциал прецедентных текстов в полицейском детективе (на материале романов П. Робинсона)	317
<i>Опарина О.И.</i> К вопросу о достоверности информации в интернете (на материале статей по философии).....	321
<i>Павлова Д.С.</i> Выделение ключевых слов в устном и письменном тексте: сопоставительный анализ	324
<i>Пахомов Л.В., Павлова Д.С.</i> Моделирование метафорического пространства педагогического дискурса музыкантов-инструменталистов	328
<i>Питолина Н.В., Бровченков Р.В.</i> Метафора как способ терминологической номинации в научном дискурсе (на материале астрономических исследований).....	333
<i>Проскурин С.Г., Проскурина А.В.</i> К вопросу о когнитивной сущности концептов и метакоцептов.....	336
<i>Разумовская Ю.М.</i> Особенности осмысления прецедентных имен (на материале французского языка).....	340
<i>Робустова В.В.</i> Ономастический фрейм как средство формирования когнитивного контекста.....	344
<i>Русанова С.В.</i> О предпосылках и языковом опыте использования книжно-славянских элементов в деловом языке петровской эпохи	348
<i>Рябова И.Ю.</i> Вторичный правовой текст как элемент формально-содержательной структуры литературного произведения	352
<i>Рябуха О.В.</i> Репрезентация динамичного концепта EDUCATION на материале современных англоязычных медиатекстов	356
<i>Сергиенко П.И.</i> Когнитивная свертка смысла в текстах PR-дискурса.....	360
<i>Сивова Т.В.</i> Гортензия в концептосфере цвета русского языка: от многообразия расцветки к цвету роскошная гортензия	364
<i>Сироткина Т.А.</i> Концепт СОВЕТСКИЙ и его репрезентация в книге «Мир советского человека».....	369

<i>Соколова В.Л.</i> Концептуальные основания, психоэмоциональная основа и дискурсивные особенности лакриматорного эффекта в англоязычном песенном дискурсе	371
<i>Соколова Н.Ю.</i> Концептуальное наполнение языковых единиц в англоязычных названиях выставок советского искусства	375
<i>Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н.</i> Топоним «Челябинск» в британском медиа-дискурсе XIX века.....	379
<i>Стефанович М.В.</i> Особенности модусной (интерпретирующей) перекатегоризации в сфере наречий на <i>-ly</i>	383
<i>Сунь Сяоли.</i> Это самое как маркер-ксенопоказатель современной русской устной коммуникации	387
<i>Таймур М.П.</i> Banner blindness или когнитивный механизм предельного дефокусирования в англоязычном мультимодальном дискурсе	391
<i>Тарабакина А.К.</i> Метафора и жест в художественном тексте: когнитивно-семиотический аспект	395
<i>Телицына Е.Л.</i> Пространственно-временная параметризация исторического события в медиадискурсе	399
<i>Теплякова А.Б.</i> Метафтонимия при использовании неологизмов в мультимодальном медийном дискурсе	402
<i>Тетюхина А.Ю., Широкова Е.Н.</i> Специфика дискурсивной реализации фрейма БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ.....	406
<i>Троценкова Е.В.</i> Превращение слогана оппонента в оружие политической борьбы: меметизация Build Back Better	410
<i>У Нань.</i> Формы-идиомы со значением «все равно» в русской повседневной речи: гендерный аспект и когнитивный подход	415
<i>Хвостенко А.А.</i> Построение когнитивных моделей терминов свойства “wif и “hūs-bonda” на материале древнеанглийских текстов.....	419
<i>Хомякова Е.Г.</i> Политика и искусство в англоязычном искусствоведческом дискурсе	422
<i>Хохлов А.А.</i> Репрезентация диады «война – мир» в современном газетном заголовке (на примере использования крылатых единиц в российской прессе)	426
<i>Хрущева О.А.</i> Отголоски теории концептуальной интеграции в современном рекламном дискурсе.....	430
<i>Цвенгер Л.В.</i> Концептуализация цвета розовый в русскоязычном газетном дискурсе	433
<i>Ченских Е.П.</i> Метафорическая представленность концепта HEART в романах «Гордость и Предубеждение» Джейн Остин и «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг	436
<i>Черкунова М.В.</i> Англоязычные рекламные аннотации к произведениям художественной литературы: опыт системно-динамического анализа.....	440
<i>Чес Н.А.</i> Концептуально-метафорические основания формирования оценки в политическом медиадискурсе (на материале английского и французского языков)	445
<i>Чжао Цзэли.</i> О построении «идеального» монолога-рассказа на неродном языке (методика с учетом когнитивистики)	449

<i>Чуксина Е.А.</i> Гендерный аспект репрезентации концепта FEAR в художественном дискурсе	453
<i>Чурляева Т.Н.</i> Понимающее непонимание: к проблеме ценностно-смыслового аспекта чтения	457
<i>Шевченко Л.Л.</i> Когнитивный стиль – метакогниция – гипертекст: к вопросу о моделировании авторской картины мира (на материале произведений Айрис Мердок)	461
<i>Шмелёва Е.С.</i> PARTYGATE, OMI-GONE и COVID WATCH: словообразовательная креативность в эпоху пандемии (на материале текстов англоязычных таблоидов)	465
<i>Шутёмова Н.В.</i> Параметр значимости в реализации категории оценки в искусствоведческом дискурсе	469
<i>Шушмарченко Е.А.</i> Невербальное и вербальное осмысление концепта ОДИНОЧЕСТВО в кинотексте	472
<i>Щирова И.А.</i> Картина мира с позиции сложного	476
<i>Яременко В.И.</i> Структурные и лексические особенности жанра научно-технических новостей из современного цифрового пространства в когнитивном рассмотрении	480

КОГНИТИВНЫЕ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Баранова К.М., Могии А.А.</i> Концептуальная метафора “to take, we must give” в романе ДЖ. Апдайка «Бразилия»	485
<i>Болдырев Н.Н., Фролова С.С.</i> Специфика оценочных концептов ЛИЧНОСТЬ / PERSONALITY	488
<i>Бочарникова Е.А.</i> В чем суть гуманитарного знания (анализ научных текстов гуманитарного характера).....	493
<i>Гаевская Н.З.</i> Проблема табуированной достоверности: когнитивный аспект	497
<i>Иванова Л.Ю.</i> Фактор адресата при построении контрфактивного бледа в научно-популярной коммуникации с использованием новых медийных форм	500
<i>Карпинская Н.В.</i> Отражение концептуальных представлений архетипического характера в соматической фразеологии	504
<i>Коняева Ю.М.</i> Кингвистическая инновация как объект освещения в массмедиа.....	508
<i>Костеева Д.Ю., Гишкаева Л.Н.</i> Культурные доминанты языковой личности преподавателя французского языка	512
<i>Кривенко Е.В.</i> Концепты СОЛНЦЕ и ПРАВО-ЛЕВО в заговорах (на примере французского, английского и русского языков и культур)	515
<i>Кузьмина Е.А.</i> Роль концепта DEUTSCHTUM в становлении немецкой государственности (на материале немецких медиатекстов 20–21 веков).....	519
<i>Меркулова М.Г., Тропина Н.А.</i> Poleмика с драматургическими универсалиями в пьесе Марка Равенхилла «Фауст мертв»: когнитивный аспект	523
<i>Москвичева С.А., Александрова О.И., Борисова А.С.</i> Фреймовое представление концептуальных полей «Русская культура» и «Культура российской федерации»	527
<i>Петрова Т.Е., Михеева А.Е.</i> Особенности восприятия разных типов социальной рекламы	531
<i>Петухова Т.И.</i> Соцреализм vs импрессионизм: когнитивные основания сравнения и оценочной интерпретации в англоязычном искусствоведческом дискурсе.....	535

<i>Позднякова Е.М., Суворина Е.В.</i> Применение системы lancsbox в когнитивно-корпусных исследованиях	539
<i>Рябых Е.Б., Татаринова В.О.</i> Изучение специфики визуальной метафоры, вопросов её корреляции с вербальной метафорой и их интерпретирующего потенциала	542
<i>Старостина Ю.С.</i> Лингвоаксиологическая доминанта как когнитивно-коммуникативный конструкт в англоязычном драматургическом дискурсе	546
<i>Талески А.</i> Двойная пространственная ориентация в виртуальной реальности: дейктическая вариативность	550
<i>Томская Н.Н.</i> Когнитивная поэтика абсурда в драме Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы».....	554
<i>Цзиньчжи Д., Зелянская Н.Л.</i> Цифровое измерение «наивной» географии и моделирование геоконцептов.....	558
<i>Чжао Сьминь.</i> Метафора и метонимия как способы косвенной номинации концептов в провербальном пространстве (на примере русских пословиц, вербализующих концептуальное поле <i>прямота – лукавство</i>)	562
<i>Шелепова Н.В.</i> Когнитивные процессы образования метафоры (на материале английского языка)	566
<i>Шкуран О.В.</i> Соотношение смысла и значения слова.....	570
КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	
<i>Абакумова О.Б., Ильминская В.И., Кубышкина Д.А.</i> Пословичные трансформы, их использование и перевод в художественном тексте	575
<i>Бакина А.Д.</i> Зооморфный код культуры в библейской фразеологии	579
<i>Бредис М.А., Гишкаева Л.И., Ершов В.И.</i> Названия денежных единиц как способ репрезентации концепта БОГАТСТВО в пословицах разных языков.....	583
<i>Верецагина А.В.</i> Цветообозначения синего/голубого/серого в греческом языке.....	587
<i>Гришаева Л.И.</i> Особенности структурирования информационного потока в интеракции как условие успеха и фактор риска в межкультурной коммуникации	590
<i>Коканова Е.С., Никифорова Л.С.</i> Неологизация в англоязычном экономическом дискурсе как когнитивное осмысление вторичных явлений	595
<i>Колодяжная В.Н., Трубаева Е.И.</i> Формирование аутентичной англоязычной речевой среды как одно из средств создания образов в художественном произведении (на материале произведений о Гарри Потере).....	598
<i>Самарина А.Г.</i> Наружная реклама как источник межкультурного конфликта (на примере русских баннеров).....	602
<i>Столяр Е.Д.</i> Оценочная категоризация в межкультурном аспекте.....	606
<i>Сурмятова Ю.В.</i> Категоризация красного цвета в идиоматике немецкого языка: аксиологический аспект.....	609
<i>Федяева Е.В., Массон Э.В.</i> Культурноспецифическое знание как основание межкультурного взаимодействия.....	613

<i>Шеришкова О.А.</i> Парадоксы языковой репрезентации малого количества в португальском языке.....	617
<i>Юзефович Н.Г.</i> «Внутренний перевод» как важное средство конструирования интерлингвокультурного мира.....	621

КОГНИТИВНАЯ ПРАГМАТИКА

<i>Виноградова С.Г.</i> Интерпретирующий характер производных междометий как части языковой картины мира	625
<i>Пермякова Т.Н.</i> Когнитивно-прагматический потенциал метатекстовых показателей в текстах интервью (на примере сочетания <i>грубо говоря</i>).....	629
<i>Попова Г.Е.</i> Политическая когниция: интерпретация как аргументация и интеракция	633
<i>Сунь Сяоли, Богданова-Белларян Н.В.</i> Особенности употребления прагматического маркера <i>это самое</i> в спонтанной монологической речи.....	636
<i>Толмачева И.Н.</i> Служебная единица языка как средство интерпретативной репрезентации знаний на уровне грамматики	641
<i>Юздова Л.П., Баландина И.Д., Москвитина Т.Н.</i> Нравственно-патриотическое воспитание в эпоху цифровизации в условиях смешанного обучения: прагматический аспект	644

КОГНИТИВНОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

<i>Алексеева Л.М., Мишланова С.Л.</i> Понятие переводящей личности в когнитивном переводоведении	649
<i>Березовская М.К., Влавацкая М.В.</i> Анализ результатов поэтического перевода в контексте разновекторной переводческой асимметрии	652
<i>Дубровская О.Г.</i> Когнитивная вариативность в переводном дискурсе.....	657
<i>Ивлева М.А.</i> Влияние личности переводчика на качество научного перевода	661
<i>Игнатъева И.Г., Семенов Ф.Ю.</i> Когнитивно-дискурсивные основания прагматической адаптации при переводе безэквивалентной лексики	665
<i>Иноземцева Н.В., Черномырдина Е.Ю.</i> Когнитивные особенности перевода научно-технических текстов (на материале статьи по нанотехнологиям “Potential Benefits and Risks of Nanotechnology on Environment and Health”).....	668
<i>Калинин А.Ю.</i> Концептуальная аппроксимация в переводе материалов аудиовизуальных СМИ.....	672
<i>Коканова Е.С., Пак Н.С.</i> Предредактирование текстов для машинного перевода как метод исследования английских конструкций с причастием в медицинском дискурсе.....	676
<i>Лютянская М.М., Коканова Е.С.</i> Сохранение связности текста в процессе постредактирования машинного перевода (когнитивный аспект).....	680
<i>Малёнова Е.Д.</i> Поликодовый аудиовизуальный текст: от восприятия к переводу	684
<i>Миклухо Ю.Ю.</i> Концепт ОДИНОЧЕСТВО в ранней драматургии Герхарта Гауптмана и ее русскоязычных переводах.....	688
<i>Песина С.А., Солончак Т.Ю.</i> Механизмы перевода метафорических единиц	692
<i>Шевченко О.Г.</i> Когнитивная специфика перевода как акта интерпретации	696

КОГНИТИВНАЯ СОЦИО-, ЭТНО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКА

<i>Андрюшкина Ю.С.</i> Нейрофизиологический и психолингвистический контекст возникновения иноязыковой тревожности у индивида при субординативном типе билингвизма	701
<i>Ахмедова Э.Н.</i> Как язык масс-медиа меняет систему ценностей своих читателей	704
<i>Бабенко Л.Г.</i> Вербальные репрезентации сложных и комплексных эмоций: типы и когнитивные стратегии	708
<i>Белова М.С.</i> «Настоящий русский человек» в языковом сознании носителей языка (опыт экспериментального исследования).....	712
<i>Бочкарев А.И.</i> Антиценностный концепт ANGER в комическом дискурсе англоязычной лингвокультуры	715
<i>Бутакова Л.О.</i> Когнитивные особенности речевых действий носителей русского языка разного возраста при реагировании на стимул с ценностной семантикой	720
<i>Бучнева К.А.</i> «Учитель» и «преподаватель» как образы сознания и объекты рецепции старшеклассников	725
<i>Гайсина А.Р.</i> Оппозиция <i>свой-друг</i> или <i>чужой-враг</i> : этнопсихолингвистический подход	729
<i>Грачев Г.В.</i> Формирование категории hlāf (хлеб) в древнеанглийский период	732
<i>Ерофеева Е.В., Худякова Е.С.</i> Фреймовая структура текстового блока «семья» в устных русскоязычных текстах коми-пермяков и татар	736
<i>Zherdeva O.N., Frolova O.V.</i> Implementation of the concept WORK in the Russian and German languages: comparative aspect	741
<i>Кротова А.Г., Алимова Я.Ю.</i> Восприятие и интерпретация синестетической метафоры носителями языка (экспериментальное исследование).....	744
<i>Лиханова Н.А.</i> Логико-понятийная система как способ моделирования региональной лексики	748
<i>Онал И.О.</i> Концепт ВРАГ в турецкой паремиологической картине мира.....	752
<i>Плешков Е.С.</i> Образ Украины в языковом сознании россиян (на материале ассоциативного эксперимента)	756
<i>Полуран Н.Н.</i> Особенности организации двуязычного ментального лексикона: сравнительный анализ перевода текста	760
<i>Пыхтина А.Ю.</i> Применение экспериментальных методов в рамках когнитивных исследований	764
<i>Сергаева Ю.В.</i> Имя как скрытое событие: о некоторых моделях креативного имянаращения в современном англоязычном социуме	768
<i>Чжао Цзэхун.</i> Гендерный аспект концепта ВЕЖЛИВОСТЬ.....	771
КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ТЕРМИНОЛОГИИ	
<i>Барашева Д.Е.</i> Модели персонализации субъекта-источника в научной коммуникации: роль прецедентных антропонимов и их дериватов	776
<i>Глинская Н.П.</i> Специфика метаязыкового описания ложно-ориентирующих терминов (misnomers) в англоязычном научном психологическом дискурсе.....	780
<i>Дмитриева Е.И.</i> Когнитивная структура подязыка транспорта.....	784

<i>Епимахова А.С.</i> Словарь как средство снижения когнитивной нагрузки в международной профессиональной коммуникации моряков (на материале рукописного словаря 1940–1942 гг.)	787
<i>Mironova M.Yu.</i> The role of conceptual metaphor in term formation	791
<i>Немкина Н.И.</i> Мультиmodalность в когнитивном аспекте современной коммуникации	795
<i>Панкратова С.А.</i> Профессиональная коммуникация и образность в осмыслении когнитивных лагун	798
<i>Русакова М.М., Маврина Н.В.</i> Цифровая коммуникация и терминология в здравоохранении	801
<i>Сабирова С.Г.</i> Функционально-дискурсивные особенности концепта ЗЕЛЁНАЯ ЭКОНОМИКА в таджикском, английском и русском языках	806
<i>Чжао Цихан</i> Когнитивный аспект изучения терминисистемы биомедицинской инженерии (тематическая группа «биоматериаловедение»)	810

КОГНИТИВНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА В ОБРАЗОВАНИИ

<i>Барабашёва И.В.</i> Когнитивные особенности профессионального развития преподавателя вуза	814
<i>Zherdeva O.N., Frolova O.V., Golovina T.A.</i> A foreign language text as a means of forming cognitive and speech processes (on the material of the German language)	818
<i>Макарова Ю.А.</i> Когнитивный подход к обучению креативному письму в вузе	821
<i>Мелёхина Е.А.</i> Парадигмы образования: от традиционной к когнитивно-информационной	825

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

<i>Ненашева Ю.А.</i> Просодические средства компенсации психофизиологических ограничений в процессах порождения/восприятия речи (на примере чтения вслух)	830
<i>Разумникова О.М. Каган В.А.</i> Когнитивный тренинг с применением игровых информационных технологий	834

CONTENTS

Preface.....	24
THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ISSUES OF COGNITIVE LINGUISTICS	
<i>Babina L.V.</i> Two-component syntactically complex words: knowledge represented by them and models of interpretation.....	31
<i>Boldyrev N.N.</i> Conceptual interaction as a factor of conflict-free language communication.....	36
<i>Demyankov V.Z.</i> Cognitive improbability and physically possibility.....	41
<i>Dudorova M.V.</i> Conceptualization of the corpulence in Russian.....	45
<i>Efimenko T.N.</i> Conceptual framework of conflict-free communication.....	49
<i>Zykova I.V.</i> Multimodal conceptualization of feelings and emotions in cinematic discourse.....	54
<i>Irishkanova O.K.</i> Indeterminacy in spontaneous problem solving: What can gestures reveal?.....	59
<i>Kiose M.I.</i> Event construal theories in cognitive semantics and their experimental verification.....	65
<i>Kolesov I.Yu.</i> Towards the notion of interface of structure and meaning in constructions.....	70
<i>Kraeva I.A.</i> Graduality at the intersection of cognition and communication.....	73
<i>Korneva V.V.</i> Conceptual derivation as a source for the formation of the Spanish onomastic space.....	77
<i>Kshenoskaya U.L.</i> Applying cognitive modeling to linguocreative processes.....	81
<i>Los' A.L.</i> Cognitive foundations of semantic differentiation of synonyms representing the absence of light in the Russian language.....	85
<i>Magirovskaya O.V.</i> Key characteristics of sign conceptualization.....	89
<i>Makurova D.I.</i> Understanding the notion of information in the modern paradigm.....	92
<i>Mukhina I.K.</i> Opposition as a principle of organization everyday knowledge in the synonymous picture of the world.....	96
<i>Panasenko L.A.</i> Secondary structures of the lexical level as a result of activation of interpretation schemas.....	100
<i>Suleimanova O.A., Petrova I.M.</i> Reflection of the linguistic interpretation processes in the variability of the elements of attributive phrases.....	104
<i>Toporova V.M., Korneva E.V.</i> Semantic and cognitive variability of graphic visualization tools.....	108
<i>Furs L.A.</i> Variability of interpretation modes of a syntactic constructions in the context of conflict-free communication.....	112
<i>Khrisonopulo E.Yu.</i> Conceptualization of a nominal group's referent as a factor for choosing a preposition in English participial constructions with the meaning of state.....	116
<i>Tszin T.</i> Semantic derivation: methodological limitedness of the concept.....	120

COGNITIVE STUDIES OF TEXT AND DISCOURSE

Аль-Лами Х.М., Баландина Е.С. Лигвистическая репрезентация концепта НАУКА в дискурсе ted-talk125

Atlas A.Z. Simile as meta-commentary in revisionist fairy tales129

Bazhenova A.G., Bogdanova-Beglarian N.V. Cognitive approach to grammatical description specifics of two-part speech connectors.....133

Balandina I.D., Yuzdova L.P., Moskvitina T.N. Cognitive and discourse features of crisis verbalization in English language mass media137

Beliaeva Yu.S. Euphemism vs politically correct term141

Benevolenskaya N.P., Xiaohong Wu. Reciprocal intention as a necessary factor for successful hyperaddresser-addressee communication (based on RIA NEWS).....144

Besedina V.G. Optimism vs toxic positivity: categorization problem149

Borbotko L.A. Linguistic and cognitive potential of review: epitext of multiple functions and mediafact153

Bubnova I.A., Rogatova S.V. The functions of complete and partial quasi-realia in the formation of the author's images of an artificially created literary universe157

Vodyanitskaya A.A. Linguistic axiology in the framework of cognitive approach161

Vorontsova T.I. The role of metaphore in the formation of the artistic picture of the world of literary writing164

Vorontsova Yu.A. Precedent name as a means of forming the semantic space of an internet comment.....168

Vyrovitseva E.V. The concept of NEW KNOWLEDGE in popular science media discourse: problem statement172

Galichkina E.N. Word formation and the processes of systematization of Russian teens slang used in internet discourse (on the basis of social network VKontakte).....176

Gishkaeva L.N., Komova D.D., Lomakina O.V. Representation of the concept of HOSPITALITY in paremiology (based on related and unrelated languages)180

Grigorieva V.S., Zaitseva V.V. The conceptual structure of the discourse practice "violence" and the verbal means of its representation184

Grichin S.V., Ulyanova O.V. Modeling evidentiality in scientific discourse.....187

Gudkova K.V. Persuasive discourse as an object of linguistic study: the methods of variable representation of a referential situation191

Guseva I.G., Pliva E.P. Cognitive-discursive aspect of coronavirus metaphorization in the Russian mass media.....195

Dambaa Sh.V. Phraseological means of representation of the concept HUNTING in the works of K.-E.K. Kudazhy198

Dimitrieva O.A. Features of conceptualization of the situation of wine drinking in D.S. Merezhkovsky's trilogy "Christ and the antichrist"202

Drozдова T.V. Evaluative meanings viewed as a reflection of social cognition, and their verbalization in the professional discourse of socially-oriented spheres206

Egorova K.B., Petrova T.E. Cognitive mechanisms of processing the semantic structure of rhetorical texts.....210

Zemlyakova K.V. Cognitive-discursive interpretation of the concept PRESIDENT in J. Biden's communication in twitter.....214

<i>Ivanov E.E., Komova D.D., Neljubova N.Yu.</i> Category of proverbial semantics: “proverbs-truisms”	218
<i>Ilin M.I.</i> Communicative behavior of Twitter and Facebook users when appealing to the audience	222
<i>Karelskaya Yu.F.</i> Linguo-pragmatic features of discourse of the UK and US treaties on social security	226
<i>Katermina V.V.</i> Neologisms of medical discourse in the English language: cognitive aspect	229
<i>Kashcheyeva A.V.</i> Content integrity of educational text: cognitive aspect	233
<i>Kiseleva S.V., Smirnova A.A.</i> Linguo-cognitive features of effective communication through a chatbot	237
<i>Klimova T.A.</i> The distinctive nature of bilingual language consciousness in literary text: the concept of MEMORY in Kazuo ishiguro’s “The Buried Giant”	241
<i>Kozhanov D.A.</i> Metaphorical models as the elements of literary discourse in scientific texts	245
<i>Kozhukhova I.V.</i> Discourse markers in impositive comments: a brief description	248
<i>Kozlova L.A.</i> The evolution of the notion “context” in the context of paradigm shift	252
<i>Komkova N.I.</i> Features of the representation of the concept ART in the prose of Boris Shergin	256
<i>Konnova M.N.</i> Temporal plane of memory in Ivan Shmelev’s “Spruce branches”: axiological perspective	260
<i>Krasikova E.A.</i> Systemic and discursive metaphors in Chinese phraseology	265
<i>Kremneva A.V., Golovina T.A.</i> Intertextuality as method to represent the conceptual system of English campus novel character	269
<i>Kuptsov A.E., Shilova N.V.</i> Discourse markers and syntactic constructions as a means for forming the pragmatic effect of the act of communication in English and Spanish fiction discourse	273
<i>Leontieva A.V., Kotova E.G., Saveleva E.B.</i> Pragmalinguistic, semantic and cognitive peculiarities of internet articles about “borshch” as a culture-specific element	277
<i>Litvinenko T.E.</i> Conceptual metaphor <i>man is creator</i> in religious and artistic intertext	281
<i>Mingxuan Liu</i> Conceptual rethinking of human body parts in financial and economic terminology in Chinese	285
<i>Makarova A.S.</i> Semantization of the concept LOVE in the orthodox media sermon	289
<i>Marinchenko I.A.</i> Speech tactics of persuasion in culinary discourse	293
<i>Mineeva M.V.</i> Discourse markers in linguistic hypertext as a means of epistemic validity	297
<i>Minchenkov A.G., Solntseva E.S.</i> Interpretative function of the language nominations of the British queen Elizabeth II in the media discourse of Britain and Germany	301
<i>Minyar-Beloroucheva A.P.</i> Discourse of history as a cognitive research subject	305
<i>Morina L.A.</i> Mental text sample as orientation for decoding rhetoric	308
<i>Moskvitina T.N.</i> Peculiarities of the use of language while covering a crisis situation in the British media discourse (based on the situation of the COVID-19 pandemic)	312
<i>Myachinskaya E.I.</i> Cognitive-matrix character of the concepts of art criticism discourse	316

<i>Nekrasova M.Yu., Baiko V.A.</i> Interpretational potential of precedent texts in the genre of police procedurals (based on the novels by P. Robinson).....	320
<i>Oparina O.I.</i> On information reliability in Internet (based on articles on philosophy)	324
<i>Pavlova D.S.</i> Selecting keywords in oral and written text: a comparative analysis.....	328
<i>Pakhomov L.V., Pavlova D.S.</i> Modeling the metaphorical space of the pedagogical discourse of instrumental musicians.....	332
<i>Pitolina N.V., Brovchenkov R.V.</i> Metaphor as a method of terminological nomination in scientific discourse (on the material of astronomical research).....	336
<i>Proskurin S.G., Proskurina A.V.</i> On the issue of cognitive essence of concepts and metaconcepts	339
<i>Razumovskaya Yu.M.</i> Peculiarities of conceptualization of precedent names (based on the French language).....	343
<i>Robustova V.V.</i> Onomastic frame as a means of forming cognitive context	348
<i>Rusanova S.V.</i> TO The background and linguistic experience of using church Slavonic elements in the business language of peter the Great Period	352
<i>Ryabova I.Y.</i> Secondary legal text as an element of the formal and informative structure of a literary work	356
<i>Ryabukha O.V.</i> Representation of a dynamic concept EDUCATION in contemporary English mediatexts	360
<i>Sergienko P.I.</i> Cognitive folding of meaning in the texts of PR discourse	364
<i>Sivova T.V.</i> Hydrangea in the Russian language colour conceptsphere: from the diversity of colour to the <i>luxurious hydrangea</i> colour	368
<i>Sirotkina T.A.</i> The Concept of SOVIET and its representation in memoir texts	370
<i>Sokolova V.L.</i> Conceptual foundations, psychoemotional basis and discursive features of the lacrimatory effect in English language song discourse.....	374
<i>Sokolova N.Yu.</i> Conceptual content of linguistic units in English-language names of exhibitions of Soviet art.....	378
<i>Solopova O.A., Koshkarova N.N.</i> The place-name “Chelyabinsk” in the XIX century British media discourse	382
<i>Stefanovich M.V.</i> The peculiarities of modus (interpreting) recategorisation in the sphere of adverbs in <i>-ly</i>	386
<i>Sun Xiaoli.</i> <i>Eto samoe</i> as a xeno-marker in modern Russian oral communication	390
<i>Taymour M.P.</i> Banner blindness or a cognitive mechanism of limited defocusing in the English multimodal discourse	394
<i>Tarabakina A.K.</i> Metaphor and gesture in fiction text: cognitive semiotic perspective	399
<i>Telitsyna E.L.</i> Spatiotemporal characteristics of the historical event in the mediadiscourse	402
<i>Teplyakova A.B.</i> Metaphtonymy with neologisms in a multimodal media discourse.....	406
<i>Tetyukhina A.Y., Shirokova E.N.</i> The specific of the discursive implementation of the frame DOMESTIC VIOLENCE	410
<i>Troshchenkova E.V.</i> Turning opponent’s slogan into a tool for political struggle: memetization of build <i>back better</i>	414
<i>Wu Nan.</i> Forms-idioms with the meaning “doesn’t matter” in Russian everyday speech: gender and cognitive approach.....	418

<i>Khvostenko A.A.</i> Construction of cognitive models of the affinity terms “wif” and “hūs-bonda” on the material of Old English texts.....	421
<i>Khomyakova E.G.</i> Politics and art in anglophone art discourse	426
<i>Khokhlov A.A.</i> Representation of the war–peace dyad in a modern newspaper headline (using the example of the use of winged units in the Russian press).....	430
<i>Hrushcheva O.A.</i> The legacy of conceptual integration theory in today’s advertising discourse	432
<i>Tsvenger L.V.</i> Conceptualization of the colour <i>pink</i> in Russian Newspaper’s Discourse.....	436
<i>Chenskikh E.P.</i> Metaphorical representation of the concept HEART in "Pride and Prejudice" by Jane Austen and "Bridget Jones's Diary" by Helen Fielding...440	440
<i>Cherkunova M.V.</i> English advertising abstracts to works of fiction: system-dynamic approach.....	445
<i>Ches N.A.</i> Metaphorical concepts as tools of evaluation in mediatized political discourse (a case study of British, American and French discourses)	449
<i>Zeli Zhao</i> On the construction of an “ideal” monologue-story in a non-native language (methodology taking into account cognitive science).....	453
<i>Chuksina E.A.</i> Gender aspect of the FEAR concept representation in the artistic discourse.....	457
<i>Churlyaeva T.N.</i> Lack of understanding as key to understanding: to the problem of the value-and-meaning aspect of reading	460
<i>Shevchenko L.L.</i> Mind style – metacognition – hipertext: the problem of modeling the author’s world view (on the works of Iris Murdoch).....	465
<i>Shmelyova E.S.</i> PARTYGATE, OMI-GONE и COVID WATCH: creativity in word formation amid COVID-19 pandemic (based on English language tabloids).....	469
<i>Shutemova N.V.</i> Category of evaluation in art discourse: parameter of significance.....	472
<i>Shushmarchenko E.A.</i> Non-verbal and verbal interpretation of the concept LONELINESS in the movie	476
<i>Shirova I.A.</i> Worldview from the standpoint of complexity	480
<i>Yaremenko V.I.</i> Cognitive analysis of some structural and lexical features of online scientific technical news texts	484
COGNITIVE LINGUISTICS AND INTERDISCIPLINARY RESEARCH	
<i>Baranova K.M., Mogish A.A.</i> The conceptual metaphor “to take, we must give” in the novel “Brazil” by J. Updike.....	488
<i>Boldyrev N.N., Frolova S.S.</i> The specifics of the evaluative concept of PERSONALITY	492
<i>Bocharnikova E.</i> What is the essence of humanitarian knowledge (analysis of scientific texts of a humanitarian nature)	496
<i>Gaevskaya N.Z.</i> The problem of taboo reliability: the cognitive aspect	500
<i>Ivanova L.Y.</i> The addressee factor in the construction of a counterfactual blend in popular science communication using new media forms	504
<i>Karpinskaya N.V.</i> Reflection of conceptual ideas archetypal character in somatic phraseology	508
<i>Konyaeva Yu.M.</i> Linguistic innovation as an object of media representation.....	512
<i>Kosteeva D.Yu., Gishkaeva L.N.</i> Cultural dominants of the linguistic personality of a French teacher	515

<i>Krivenko E.V.</i> Concepts RIGHT-LEFT and SUN in charms (on the material of French, English and Russian cultures)	518
<i>Kuzmina E.A.</i> The role of the concept DEUTSCHTUM in the development of the German statehood (on the material of German media texts of the 20th-21st centuries).....	523
<i>Merkulova M.G., Tropina N.A.</i> Polemic with dramaturgical universals in Mark Ravenhill’s play “Faust is dead”: a cognitive aspect	527
<i>Moskvitcheva S.A., Aleksandrova O.I., Borissova A.S.</i> Frames of conceptual fields "Russian culture" and "Culture of the Russian Federation"	530
<i>Petrova T.E., Mikheeva M.E.</i> Processing of different types of social advertising	534
<i>Petukhova T.I.</i> Socialist realism vs impressionism: cognitive bases of comparison and evaluating interpretation in the Anglophone art discourse.....	538
<i>Pozdnyakova E.M., Suvorina E.V.</i> Lanesbox system in cognitive corpus-based study	542
<i>Riabykh E.B., Tatarinova V.O.</i> The study of the specifics of visual metaphor, the issues of its correlation with verbal metaphor and their interpretive potential.....	546
<i>Starostina J.S.</i> Linguoaxiological dominant as a cognitive-communicative construct in English drama discourse.....	550
<i>Taleski A.</i> Dual spatial orientation in virtual reality: deictic variability	554
<i>Tomskaya N.N.</i> Cognitive poetics of the absurd in Tom Stoppard’s “Rosencrantz and Guildenstern are dead”	558
<i>Jinzi D., Zelyanskaya N.L.</i> Digital measurement of «naive» geography and modeling of geoconcepts.....	562
<i>Zhao Simin.</i> Metaphor and metonymy as methods of indirect nomination of concepts in the proverbial space (based on the Russian proverbs verbalizing the conceptual field <i>directness – slyness</i>).....	566
<i>Shelepova N.V.</i> Cognitive processes of metaphor formation (based on the English language analysis)	570
<i>Shkuran O.V.</i> The relationship of meaning and meaning of the word	574

**COGNITIVE LINGUISTICS AND INTERCULTURAL
COMMUNICATION: INTERACTION ISSUES**

<i>Abakumova O.B., Ilminskaya V.I., Kubyshkina D.A.</i> Proverbial transformations, their usage and translation in the texts of fiction	578
<i>Bakina A.D.</i> The zoomorphic code of culture in biblical phraseology	582
<i>Bredis M.A., Gishkaeva L.A., Ershov V.I.</i> Names of monetary units of representing the concept WEALTH in proverbs from different languages	586
<i>Vereschagina A.V.</i> Color designations blue/light blue/gray in Greek.....	590
<i>Grishaeva L.I.</i> Features of structuring of the information flow in interaction as a condition for success and a risk factor in intercultural communication.....	594
<i>Kokanova E.S., Nikiforova L.S.</i> Neologization in English economic discourse as conceptualization of secondary phenomena.....	598
<i>Kolodyazhnaya V.N., Trubaeva E.I.</i> Formation of the authentic English-speaking speech environment as one of means for creating of images in literature (on the material of books about Harry Potter).....	602

<i>Samarina A.G.</i> Outdoor advertising as a source of intercultural conflict (based on Russian banners)	605
<i>Stolyar E.D.</i> Evaluate categorization in intercultural perspective	609
<i>Surmyatova Yu.V.</i> The categorization of red in German idiomatics: an axiological aspect	613
<i>Fedyaeva E.V., Masson E.V.</i> Culture specific knowledge as the basis for intercultural interaction.....	617
<i>Shershukova Oxana A.</i> Paradoxes of the linguistic representation of a small number in Portuguese	621
<i>Iuzefovich N.G.</i> Inner translation as a means of creating an interlanguacultural view.....	624

COGNITIVE PRAGMATICS

<i>Vinogradova S.G.</i> The interpretive nature of secondary interjections in the linguistic model of the world.....	629
<i>Permyakova T.N.</i> Cognitive-pragmatic potential of metatext indicators in interview texts (using the example of the combination <i>roughly speaking</i>)	632
<i>Popova Galina Ye.</i> Political cognition: interpretation as argumentation and interaction.....	636
<i>Sun Xiaoli, Bogdanova-Beglarian N.V.</i> Features of using the pragmatic marker <i>eto samoe</i> in spontaneous monological speech.....	640
<i>Tolmacheva I.N.</i> Functional word as a means of interpretative knowledge representation in grammar	644
<i>Yuzdova L.P., Balandina I.D., Moskvitina T.N.</i> Moral and patriotic education in the era of digitalization in a mixed learning environment: the pragmatic aspect.....	648

COGNITIVE TRANSLATION STUDIES

<i>Alekseeva L.M., Mishlanova S.L.</i> The concept of translation personality within cognitive translation studies	652
<i>Berezovskaya M.K., Vlavatskaya M.V.</i> Analysing the results of poetic translation in the context of multi-vector translation asymmetry	657
<i>Dubrovskaya O.G.</i> Cognitive variability in translated discourse.....	661
<i>Ivleva M.A.</i> The influence of translator's personality on the scientific translation quality	664
<i>Ignateva I.G., Semenov F.Yu.</i> Pragmatic adaptation in translating non-equivalent vocabulary: concept and discourse analysis	668
<i>Inozemtseva N.V., Chernomyrdina E.Yu.</i> Cognitive features of translation of scientific and technical texts (based on the article in the field of nanotechnologies "Potential Benefits and Risks of Nanotechnology on Environment and Health").....	672
<i>Kalinin A.Y.</i> Concepts' approximation in translation of audiovisual media content.....	676
<i>Kokanova E.S., Pak N.S.</i> Pre-editing texts for machine translation as a method for analysing the prepositional absolute participle constructions in English medical discourse	680
<i>Lyutyanskaya M.M., Kokanova E.S.</i> Maintaining textual cohesion while post-editing machine translation (cognitive aspect)	683
<i>Malenova E.D.</i> Polycode audiovisua text: from cognition to translation	687

<i>Miklukho Yu.Yu.</i> The concept of LONELINESS in Gerhart Hauptman's early dramaturgy and its Russian-language translations.....	692
<i>Pesina S.A., Solonchak T.Yu.</i> Mechanisms of metaphorical units translation.....	696
<i>Shevchenko O.G.</i> Cognitive peculiarity of translation as an act of interpretation.....	670

**COGNITIVE SOCIO-, ETHNO-
AND PSYCHOLINGUISTICS**

<i>Andryushkina Y.S.</i> Neurophysiological and psycholinguistic context of the emergence of foreign language anxiety in an individual with a subordinate type of bilingualism	704
<i>Akhmedova E.N.</i> How the language of mass media changes the value system of its readers	707
<i>Babenko L.G.</i> Verbal representations of difficult and complex emotions: types and cognitive strategies.....	711
<i>Belova M.S.</i> “The real Russian person” in the language consciousness of native speakers (experimental research)	715
<i>Bochkarev A.I.</i> The anti-value concept ANGER in humorous discourse of English language culture	719
<i>Butakova L.O.</i> Cognitive features of speech actions of Russian speakers of different ages in response to a stimulus with value semantics.....	725
<i>Buchneva K.A.</i> “Teacher” and “lecturer” as images of consciousness and objects of reception of high school students	729
<i>Gaisina A.R.</i> The opposition our <i>own-friend</i> or <i>alien-enemy</i> : ethnopsycholinguistical approach.....	732
<i>Grachev G.V.</i> Formation of the category Hlāf in the Old English period.....	736
<i>Erofeeva E.V., Khudiakova E.S.</i> Frame structure of the text block “about family” in Komi-permyaks’ and Tatars’ oral texts in Russian	740
<i>Жердева О.Н., Фролова О.В.</i> Реализация концепта РАБОТА в русском и немецком языках: сравнительный аспект	744
<i>Krotova A.G., Alimova Y.U.</i> How native speakers perceive and interpret synesthetic metaphors.....	748
<i>Lihanova N.A.</i> Logical conceptual system as a method of regional vocabulary modeling	751
<i>Onal I.O.</i> The concept ENEMY in the Turkish paremiological worldview	755
<i>Pleshkov E.S.</i> Image of Ukraine in linguistic consciousness of Russians (based on associative experiment).....	759
<i>Pomuran N.N.</i> The organization of the bilingual mental lexicon: a comparative translation analysis of a text.....	763
<i>Pykhtina A.Y.</i> Application of experimental methods in the framework of cognitive research	767
<i>Sergaeva Y.V.</i> Name as a hidden event: on some creative naming models in English-speaking countries.....	771
<i>ZeHong Zhao</i> The gender dimension of the concept of POLITENESS.....	775

**COGNITIVE APPROACH IN PROFESSIONAL
COMMUNICATION AND TERMINOLOGY STUDY**

<i>Barasheva D.E.</i> Source subject personalization models in science communication: a role of precedent anthroponyms and their derivatives	780
<i>Glinskaya N.P.</i> Specific metalinguistic description of terminological misnomers in English psychological discourse.....	783
<i>Dmitrieva E.I.</i> Cognitive structure of the sub-language of transport	787
<i>Epimakhova A.S.</i> Dictionary as a means of reducing cognitive load in professional international communication at sea (based on a manuscript dictionary of 1940–1942)	791
<i>Миронова М.Ю.</i> Роль концептуальной метафоры в терминообразовании	794
<i>Nemkina N.I.</i> Multimodality in the cognitive aspect of modern communication	798
<i>Pankratova S.A.</i> Professional communication and imagery in the conceptualization of cognitive lacunae	801
<i>Rusakova M.M., Mavrina N.V.</i> Digital communication and healthcare terminology	805
<i>Sabirova S.G.</i> Functional and discursive features of the concept GREEN ECONOMY in the Tajik, English and Russian	809
<i>Zhao Qihang</i> Cognitive aspect of studying the term system of biomedical engineering (thematic group “biomaterials science”).....	813

COGNITIVE AND IT PARADIGM IN EDUCATION

<i>Barabasheva I.V.</i> Cognitive aspects of university teacher's professional development.....	817
<i>Жердева О.Н., Фролова О.В., Головина Т.А.</i> Иноязычный текст как средство формирования когнитивных и речемыслительных процессов (на материале немецкого языка)	821
<i>Makarova Yu.A.</i> Cognitive approach to teaching creative writing in higher education	825
<i>Melekhina E.A.</i> Educational paradigms: from traditional to cognitive-informational	829

COGNITIVE PSYCHOPHYSIOLOGY

<i>Nenasheva Iu.A.</i> Prosodic means compensating for the psycho physiological constraints in speech production/speech perception	834
<i>Razumnikova O.M., Kagan V.A.</i> Cognitive training using information technologies of video gaming.....	838

ПРЕДИСЛОВИЕ

Российская ассоциация лингвистов-когнитологов (РАЛК), Институт языкознания РАН, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина и Новосибирский государственный технический университет провели Всероссийскую научную конференцию с международным участием «Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках». Научное мероприятие подобного рода впервые принял Новосибирск. Площадкой для проведения конференции стал Новосибирский государственный технический университет.

Конференция «Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках» является продолжением многолетней традиции проведения международных и всероссийских конференций и конгрессов по когнитивной лингвистике в России, которые представляют собой научный форум для обсуждения актуальных вопросов и проблем в области когнитивной лингвистики и смежных с ней научных дисциплин.

В конференции приняли участие около 200 представителей вузовской и академической науки из 32 городов Российской Федерации: Астрахани, Архангельска, Барнаула, Белгорода, Брянска, Воронежа, Владивостока, Екатеринбурга, Иркутска, Калининграда, Краснодара, Кызыла, Москвы, Магнитогорска, Нижнего Новгорода, Новосибирска, Омска, Орла, Оренбурга, Перми, Пскова, Самары, Санкт-Петербурга, Севастополя, Сургута, Тамбова, Тулы, Тюмени, Ханты-Мансийска, Чебоксар, Челябинска, Ярославля. Конференция также была представлена участниками из городов Гродно (Республика Беларусь), Душанбе (Республика Таджикистан), Луганск (Луганская Народная Республика), Оснабрюк (Германия).

Целью конференции стало обсуждение достижений лингвистики на современном этапе, выявление актуальной проблематики проводимых исследований в сфере когнитивной, социо-, этно- и психолингвистики, когнитивной прагматики, теории перевода, теории межкультурной коммуникации, теории и методики преподавания языков и культур. Конференция явилась значимым научным событием как для ученых-когнитологов, так и для молодых исследователей, предоставив возможность всесторонне рассмотреть дальнейшие перспективы развития лингвистики, апробировать новые методы когнитивного анализа, определить новые форматы исследований, учитывая принципы трансдисциплинарности и интеграции различных научных подходов.

Вектор реализации цели конференции определил тематику выступлений участников конференции. Значимым для развития современной лингвистики в рамках когнитивно-коммуникативной парадигмы является обращение к теоретическим и методологическим проблемам, связанным с пониманием ведущей роли человека в осмыслении действительности и осуществлении им речемыслительной деятельности. Взгляд на язык как на систему знаний и опыта многих поколений человечества, различных культур, социокультурных групп и каждого отдельного индивида способствует решению проблемы типологизации знаний. Изучение различных дискурсивных практик и технологий обеспечивает лучшее понимание сложного феномена коммуникации, а выявление когнитивных механизмов формирования смыслов в ходе сопоставительных исследований языков и культур оказывается значимым для процесса перевода. Не менее важным в сегодняшних условиях представляется и анализ когнитивных особенностей обучающихся при построении образовательного процесса в цифровой среде, что обуславливает необходимость формирования когнитивной модели обучающегося, учитывающей его познавательные способности и личный когнитивный опыт.

Материалы конференции сформированы в соответствии со следующими направлениями:

- Теоретические и методологические проблемы когнитивной лингвистики;
- Когнитивные исследования текста и дискурса;
- Когнитивная лингвистика и междисциплинарные исследования;
- Когнитивная лингвистика и межкультурная коммуникация: проблемы взаимодействия;
- Когнитивная прагматика;
- Когнитивное переводоведение;
- Когнитивная социо-, этно- и психолингвистика;
- Когнитивный подход в изучении профессиональной коммуникации и терминологии;
- Когнитивно-информационная парадигма в образовании;
- Когнитивная психофизиология.

Широкий спектр обсуждаемых в рамках конференции проблем позволил оценить роль когнитивных исследований в современной научной парадигме знания, повысить научную квалификацию молодых ученых-исследователей, стимулировать научный поиск в области изучения языка, взаимосвязи языка и сознания, языка и культуры.

Материалы конференции представлены в предлагаемом читателям очередном выпуске научной серии «Когнитивные исследования языка», которая включена в перечень рецензируемых научных изданий, предназначенных для опубликования основных научных результатов диссертаций на соискание

степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. В подготовке к печати материалов этого тома научной серии «Когнитивные исследования языка» принимали участие сотрудники кафедры иностранных языков гуманитарного факультета Новосибирского государственного технического университета И.О. Онал, А.К. Тарабакина, О.Г. Шевченко.

Проведение Всероссийской научной конференции с международным участием «Когниция, культура, коммуникация в современных гуманитарных науках» в Новосибирске свидетельствует о развитии когнитивной лингвистики в России, продвижении идей данного научного направления в новые регионы страны.

Е.В. Федяева

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

*Л.В. Бабина (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
ludmila-babina@yandex.ru*

ДВУХКОМПОНЕНТНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКИ СЛОЖНЫЕ СЛОВА: ОБЪЕКТИВИРУЕМЫМИ ИМИ ЗНАНИЯ И МОДЕЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ¹

В статье рассматриваются те знания, которые передаются двухкомпонентными синтаксически сложными словами. Устанавливается, что слова используются для передачи знаний о растениях, человеке и его болезнях. Выявляются модели интерпретации двухкомпонентных синтаксически сложных слов.

Ключевые слова: сложные слова, интерпретация, репрезентация, когнитивные модели, фоновое знание.

Сложные слова, характеризующиеся большой информативностью, семантической нагруженностью, эмотивностью и оценочностью, не перестают привлекать интерес исследователей. Одной из проблем, получающих активную разработку, служит выявление того вклада, который вносит каждый компонент сложного слова в создание единого смысла, передаваемого сложным словом.

Сложные слова, в частности сложные слова N + N, состоят, по меньшей мере, из двух компонентов, которые выполняют разную смысловую роль: один играет роль модификатора, в то время как другой компонент является ключевым и задает категорию, к которой относится сложное слово в целом. В английском языке компонент слева – это модификатор, а компонент справа обычно является ключевым. Исследования показывают, что компоненты сложного слова вносят не одинаковый вклад в создание целого смысла. Выделяют три типа сложных слов: слова, которые состоят из двух семантически прозрачных компонентов, как *bedroom*, слова, включающие семантически прозрачный и непрозрачный компоненты (например, *jailbird*) или два семантически непрозрачных компонента (например, *hogwash*). Действительно, семантически непрозрачные компоненты приводят к более медленной обработке сложных слов, особенно когда семантически непрозрачный компонент является синтаксически главным в сложном слове.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372).

При осмыслении сложных слов, включающих семантически прозрачные компоненты, происходит осмысление каждого компонента наряду с параллельной концептуальной обработкой целого слова. Результаты исследований подтверждают использование гибкого двойного маршрута обработки сложного слова [MacGregor, Shtyrov 2013], что позволяет максимизировать возможность создания смысла. Отмечается, что первоначальное разложение сложного слова на компоненты облегчает (т. е. ускоряет) осмысление слов, значения которых выводятся из значений компонентов, но замедляет осмысление слов, состоящих из семантически непрозрачных компонентов, предположительно, из-за конфликта между значениями составляющих сложное слово компонентов и целостным значением сложного слова. Обработка целого слова является доминирующим механизмом при восприятии сложных слов, включающих семантически непрозрачные компоненты, в частности частотные сложные слова [Davis, Libbena, Segalowitz 2019].

В рамках данной статьи ставится цель – выявить те знания, которые передаются английскими двухкомпонентными синтаксически сложными словами N's + N, а также дать представление о моделях, определяющих интерпретацию данных сложных слов. Анализ фактического материала проводится при помощи метода концептуально-дефиниционного анализа и метода когнитивного моделирования.

Изучение английских двухкомпонентных синтаксически сложных слов показало, что данные слова передают знания о растительном мире, человеке и его болезнях.

Именно для обозначения *растений* используются двухкомпонентные синтаксически сложные слова, при создании которых происходит метафорический перенос на основе сходства формы или других ассоциаций. В качестве примера можно привести модели:

– PART OF BODY – BELONG TO – SUBJECT и PLANT – ANIMAL: *mare's tail* “a widely distributed water plant with whorls of narrow leaves around a tall stout stem” [COED 2006: 872], *pheasant's-eye* “a plant of the buttercup family which has scarlet flowers with dark centres” [COED 2006: 1075], *snake's head* “a fritillary with flowers chequered in red and purple, typically growing in damp hay meadows and water meadows” [COED 2006: 1364] (растение получило такое название в Англии потому, что его пятнистые лепестки напоминают чешую змеиной головы);

– OBJECT – BELONG TO – SUBJECT и PLANT – ARTEFACT: *shepherd's needle* “a white-flowered plant of the parsley family, with long needle-shaped fruit” [COED 2006: 1326], *shepherd's purse* “a white-flowered weed of the cabbage family, with triangular or heart-shaped seed pods” [COED 2006: 1327], *prince's feather* “a tall South American plant with upright brush-like spikes of small red flowers” [COED 2006: 1140], *lady's-smock* “a spring-flowered plant with pale lilac flowers, growing in damp habitats” [COED 2006: 797/348] (цветок получил название из-за

чашевидной формы цветков, а также различных ассоциаций, связанных женщинами). Очевидно, что при осмыслении слов привлекаются фоновые знания об окружающем мире.

Интересно отметить, что было обнаружено одно двухкомпонентное синтаксически сложное слово, служащее обозначением *животного*, название рыбы *miller's thumb* “a small freshwater fish with a broad flattened head” [COED 2006: 907]. Наблюдается метафорический перенос по форме, поскольку у животного широкая приплюснутая голова (PART OF BODY – BELONG TO – SUBJECT и ANIMAL – HUMAN BEING).

При создании двухкомпонентных синтаксически сложных слов, обозначающих *человека*, используется или только пропозициональная когнитивная модель SUBJECT 1 – BELONG TO/ BE ASSOCIATED – SUBJECT 2, или она применяется совместно с метафорической моделью.

По пропозициональной когнитивной модели создаются следующие слова: *ladies' man* “informal a man who enjoys spending time and flirting with women” [COED 2006: 797]; *lady's maid* “chiefly historical a maid who attended to the personal needs of her mistress” [COED 2006: 797]; *mummy's boy* “a boy or man who is excessively influenced by or attached to his mother” [COED 2006: 940].

При создании следующей группы сложных слов метафорически переосмысливается второй компонент: *devil's advocate* “a person who expresses a contentious opinion in order to provoke debate or test the strength of the opposing arguments” [COED 2006: 392]; *ship's husband* “an agent providing maintenance and supplies for a ship in port” [COED 2006: 1329]; *printer's devil* “historical an errand boy in a printing office” [COED 2006: 1141]. При осмыслении первого слова знания о профессиональной деятельности определяют осмысление особенностей межличностного общения, при осмыслении второго слова знания о семейном статусе определяют понимание профессиональной деятельности человека. Относительно появления третьего слова существует несколько версий. По одной из версий название появляется из-за того, что некоторые участки кожи учеников печатника неизбежно окрашиваются в черный цвет чернилами, используемыми при печати. А поскольку черный цвет ассоциировался с «черными искусствами», ученика стали называть дьяволом. Согласно другой версии, происхождение слова связано с причудливым верованием печатников в то, что особый дьявол (типографское воплощение Титивилла) обитает в каждой типографии, совершая такие проказы, как переворачивание шрифта, ошибки в написании слов и удаление целых строк заверщенного шрифта. Ученик стал замещающим источника вины, и по ассоциации его стали называть дьяволом печатника. Упоминаются и другие версии.

Отмечается активное использование двухкомпонентных синтаксически сложных слов для обозначения *болезней человека*. Подобного рода слова, в первых, могут создаваться по пропозициональной когнитивной модели CONTENT – BE ASSOCIATED WITH – SUBJECT, в которой под CONTENT

понимается проявление болезни. В качестве примера можно привести следующие слова: *dowager's hump* “forward curvature of the spine resulting in a stoop, typically in women with osteoporosis” [COED 2006: 430]; *writer's cramp, scrivener's palsy* “pain in the fingers or hand caused by too much writing” [big_en_ru.academic.ru]; *barber's rash* “any of various irritable eruptions of the bearded sections of the head and neck barber's rash” [big_en_ru.academic.ru]. Встречается пример, в котором CONTENT осмысливается как оценочная категория *king's evil* “historical scrofula, formerly held to be curable by the royal touch” [COED 2006: 785]. Также используется метонимическая когнитивная модель PART 1 (effect) – PART 2 (cause), поскольку как утверждали короли Англии и Франции, они способны вылечить золотуху своим прикосновением. То есть при осмыслении сложного слова требуются особые фоновые знания культурного характера.

Вместе с тем может использоваться метонимическая когнитивная модель PART 1 (the anatomical localization of the disease) – PART 2 (disease): *athlete's foot* “a form of ringworm infection affecting mainly the skin between the toes” [COED 2006: 82]; *farmer's lung* “a condition in which certain fungi infect the lungs or other tissues, especially through inhalation of spores from mouldy hay” [COED 2006: 516/27]; *housemaid's knee* “inflammation of the fluid-filled cavity covering the kneecap, often due to excessive kneeling” [COED 2006: 691]. Первое слово является названием грибкового заболевания ног, заразиться которым можно в бассейнах, спортзалах, не отличающихся чистотой, где спортсмены ходят босиком. Второе слово – профессиональное заболевание легких, которое возникает в результате аллергии; вызывается грибковыми спорами, которые начинают расти в оставленном на хранение, но плохо высушенном сене, соломе или хлебных злаках, в результате чего быстро плесневеют. Третье слово – название воспаления коленного сустава.

Таким образом, исследование показало, что двухкомпонентные синтаксически сложные слова репрезентируют знания о растениях, человеке и его болезнях. Их интерпретация предполагает использование как одной (для структурно-мотивированных слов), так и нескольких моделей (для структурно-немотивированных слов). Осмысление слов обеспечивается за счет привлечения языкового контекста, а также фоновых знаний.

Литература

- Англо-русский большой универсальный переводческий словарь. URL: https://big_en_ru.academic.ru
COED – Concise Oxford English Dictionary. Oxford: Oxford University Press, 2006.
Davisa Ch.P., Libbena G., Segalowitz S.J. Compounding matters: Event-related potential evidence for early semantic access to compound words // *Cognition*. 2019. 184. P. 44–52.
MacGregor L.J., Shtyrov Yu. Multiple routes for compound word processing in the brain: Evidence from EEG // *Brain and Language*. 2013. 126(2). P. 217–229.

*L.V. Babina (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

TWO-COMPONENT SYNTACTICALLY COMPLEX WORDS: KNOWLEDGE REPRESENTED BY THEM AND MODELS OF INTERPRETATION

The article deals with the knowledge that is transmitted by two-component syntactically complex words. The author establishes that words are used to convey knowledge about plants, human beings and their diseases and reveals models for creating two-component syntactically complex words.

Keywords: compound words, interpretation, representation, cognitive models, background knowledge.

*Н.Н. Болдырев (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.П. Державина
boldyrev@tsutmb.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ФАКТОР БЕСКОНФЛИКТНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КОММУНИКАЦИИ²

Эффективное концептуальное взаимодействие между отправителем и получателем информации рассматривается в статье как основа и главный фактор бесконфликтной языковой коммуникации. Выделяются типы и виды концептуального взаимодействия и соответствующие им когнитивные и языковые механизмы формирования смысла, а также конкретные языковые средства, использование которых обеспечивает бесконфликтное вербальное общение.

Ключевые слова: бесконфликтная коммуникация, концептуальное взаимодействие, механизмы формирования смысла.

Современные условия общественного развития, постоянно снижающийся уровень массовой культуры и образования на фоне новых возможностей распространения информации и получения к ней свободного доступа провоцируют появление разного рода конфликтных ситуаций на межличностном и межкультурном уровне. В основе многих из них лежит конфликтная манера языкового общения, обусловленная факторами концептуального и собственно языкового характера. К числу факторов первого типа следует отнести степень эффективности концептуального взаимодействия между участниками коммуникации, которая непосредственно влияет и на степень бесконфликтности / конфликтности их языкового взаимодействия. Иначе говоря, взаимопонимание и правильная интерпретация высказываний, а также ответные реакции на них, обусловлены во многом степенью адекватной "настройки" концептуальных систем коммуникантов относительно друг друга.

² Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

Анализ существующих работ по данной проблеме показывает, что большинство исследователей фокусировали свое внимание на анализе состоявшегося конфликта и его основных типов, его определении как психического или социального феномена, причин его возникновения и форм проявления, в том числе в языковой коммуникации или в языковом описании, см.: [Белоус 2008; Лукин 2007; Шейнов 2014; Ray 1998; Declercq et al 2019] и др. В данной статье внимание фокусируется на формах языкового сознания, обеспечивающих эффективное концептуальное взаимодействие участников коммуникации как основы их бесконфликтного языкового общения.

Концептуальное взаимодействие в процессе языковой коммуникации предполагает разные уровни обработки информации, ее структурирования и представления в разных форматах. Его **эффективность** обусловлена параметрами структурно-содержательного соответствия индивидуальных концептуальных систем участников коммуникации, их картин мира, оценки концептуальной системы собеседника, его профессионального и социального статуса, его мотивов и намерений. Она зависит также от уровня владения коллективным знанием и языковым опытом с учетом их социокультурной и национальной специфики. Немаловажное значение имеет и соответствие используемых участниками общения принципов, механизмов и когнитивных контекстов формирования смыслов и их понимания, см. подробнее: [Болдырев 2012; 2017]. Проблема заключается в том, что концептуальные системы жителей разных стран и регионов, людей разных профессий и возрастов, разного образовательного и материального уровня, различаются по составу концептов и категорий, их значимости (степени доминантности), по характеру их внутренней структуры, межконцептуальных и межкатегориальных связей.

Соответственно **бесконфликтность** на концептуальном уровне рассматривается как учет и преодоление не только конфликта различных точек зрения, мнений и интенций, но и конфликта знаний и опыта (в том числе языкового) с точки зрения степени совпадения их по объему и способам структурирования у разных коммуникантов, а также в плане соответствия механизмов формирования и понимания смыслов. При этом различия в типах и условиях коммуникации (устная – письменная, личная – опосредованная, актуальная – отсроченная), как и использование других семиотических систем, могут рассматриваться в рамках строго лингвистического исследования лишь в той степени, в которой они представлены в самом анализируемом материале.

С учетом вышеназванных моментов можно предположить, что **эффективность концептуального взаимодействия** участников коммуникации как фактор их бесконфликтного языкового общения определяется смещением основного акцента на **речевое взаимодействие в норме**. Это предусматривает в обязательном порядке **учет и оценку отправителем информации**: 1) интеллектуального уровня и возможностей получателя информации, его социокультурного опыта и знаний, их национальной специфики; 2) объема и структуры его знаний в обсуждаемой области; 3) его профессионального и социального статуса; 4) его системы ценностей, норм, стереотипов, используемых

схем и критериев оценки; 5) языковых средств разного уровня: словообразовательных, лексических, фразеологических, грамматических, дискурсивных, семантика которых потенциально допускает разную, в том числе конфликтную, интерпретацию, связанную с возможными нежелательными инференциями и импликациями в рамках индивидуальных концептуальных систем и в зависимости от разной области определения (разных контекстов интерпретации, конкретной референции к адресату); 6) системы языковых средств и механизмов нейтрализации и предотвращения отрицательной, конфликтной интерпретации языковой семантики и смысла, в том числе за счет использования языкового контекста как средства структурирования и актуализации необходимого контекста знаний; 7) способности получателя информации использовать те же когнитивные и языковые механизмы формирования и понимания смыслов.

Проиллюстрируем сформулированные положения конкретными примерами. Предварительно следует оговориться, что в каждом отдельном случае на эффективность концептуального взаимодействия между участниками языковой коммуникации могут влиять как один, отдельно взятый, или одновременно несколько разных параметров из числа перечисленных, так и вся система этих параметров в едином комплексе.

Учет интеллектуального уровня и возможностей получателя информации проявляется, в частности, в общей оценке уровня его воспитания и образования, физических, физиологических, возрастных и гендерных характеристик, жизненного уровня, материальных или духовных потребностей, интенций. В частности, работникам сферы услуг и торговли, государственных учреждений следует помнить, что потребители услуг, покупатели, посетители учреждений не обязаны знать или помнить специфику их профессиональной деятельности, владеть той информацией, которую они запрашивают у них как профессионалов: какими насадками пользоваться во время стрижки, какую шпатлевку или клей для обоев использовать для ремонта, где расположен и сколько стоит тот или иной товар, какую форму и как заполнять, какие лекарства выписывать. Объяснить это на общедоступном языке входит в их профессиональные обязанности. В качестве примера можно привести следующий фрагмент разговора обычного посетителя, зашедшего в мужскую парикмахерскую, с парикмахером:

Посетитель: *Сколько стоит постричься?*

Парикмахер: *Вам простую или модельную стрижку?*

Посетитель: *Простую.*

На этом бесконфликтная коммуникация заканчивается, поскольку мастер начинает задавать профессиональные вопросы относительно самой процедуры стрижки для уточнения стоимости:

– *С одной или с двумя насадками?*

Растерявшийся посетитель просто уходит.

Аналогично в банке оператор, заботясь о собственном профессионализме и соблюдении общей инструкции, начинает информировать пенсионерку весьма преклонного возраста, которая просто пришла снять часть денег со

вклада, о различных вариантах действий, возможностей и условий, включая существующие сроки и процентные ставки. В результате разговор надолго затягивается, к неудовольствию самого оператора, не говоря уже о других посетителях, ожидающих своей очереди, а пенсионерка, запутавшись во всей этой информации и окончательно растерявшись (она не для этого пришла), не может решить, что ей делать, в том числе вообще снимать деньги или не снимать. В данном случае отправитель информации не учитывает не только интеллектуальные возможности и возрастные особенности получателя информации, но и его интенции, которые не связаны с получением дополнительной информации, а также ограниченный объем его знаний в данной области.

Учет объема и структуры знаний получателя информации при бесконфликтной коммуникации предполагает оценку связей между определенными концептами, которые устанавливает собеседник в своем сознании:

– *Вчера купил новую машину. Если бы еще не дождь!*

– *А при чем здесь дождь?*

– *Приехал домой на грязной машине, которая совсем не выглядела новой.*

Важна также оценка уровня компетентности в обсуждаемой области не только собеседника, но и своего собственного, и, следовательно, возможность использования базовой или терминологической лексики, в том числе заимствований, соответствующих пояснений, уточнений, конкретизации, образных средств. Этот фактор часто игнорируют те же банковские служащие и IT-специалисты:

– *Я хочу Вас проинформировать о новых инвестиционных проектах – нотах.*

– *А что такое ноты?*

– *Ну, это – просто название такое.*

Или:

Для этого Вам нужно проверить установки брандмауэра на своем компьютере и отключить все лишнее и подключить LTE на телефоне.

Бесконфликтному общению способствует нормативное использование обращений, литературной или разговорной лексики, синтаксических конструкций с учетом профессионального и социального статуса собеседника: наличие приветствия, обращение на Вы или на ты, формы вопросов и ответов, завершение общения (например, телефонный разговор обычно завершает тот, кто позвонил), формы прощания и т. д.:

Главный бухгалтер посетителю: *Надо стучать, прежде чем входить!*

Третий участник: *Ревизор это.*

Главный бухгалтер: *Проходите, пожалуйста, присаживайтесь. Извините не признал.*

Пример, напротив, бесконфликтной коммуникации:

Сейчас здесь пройти не получится – идет ремонт! Скоро закончим и уберем этот забор! (Из объявления).

В целях бесконфликтного общения важно учитывать систему ценностей собеседника, его самооценку, стереотипы, используемые им схемы и критерии

оценки, его ценностные доминанты, а также избегать личностных оценок и конкретной референции к собеседнику:

О. Бузова (о процентной ставке по кредиту): *Я не все. Я – Ольга Бузова, а они мне, как – всем. Мне! Как всем!*

Психолог: *А давайте посмотрим иначе: не Вам, как всем, а всем, как Вам. И это прекрасно* (из рекламы Райффайзенбанка).

Бесконфликтная языковая коммуникация предполагает также учет того факта, что семантика используемых языковых средств: словообразовательных, лексических, фразеологических, грамматических, дискурсивных, может допускать потенциально разную, в том числе конфликтную, интерпретацию в рамках индивидуальных концептуальных систем и в зависимости от разной области определения (разных контекстов интерпретации), обусловленную возможными нежелательными инференциями и импликациями, которые следует избегать:

Продавец: *Эта зубная щетка прекрасно очищает зубы даже в труднодоступных местах.*

Покупатель: *У меня нет зубов в труднодоступных местах* (Интернет).

Или:

Преподаватель в конце лекции для иностранных студентов: *До свидания! До следующей встречи!*

Иностранные студенты: *Скатертью дорога!*

Эффективность концептуального взаимодействия и, соответственно, бесконфликтность общения зависит, наконец, от прогнозирования отправителем информации способности ее получателя использовать те же когнитивные и языковые механизмы формирования и понимания смыслов, например, при фразеологизации:

Корреспондент: *Что же Вы так поторопились? Взять и уволить человека с работы – это самое легкое. А не лучше ли было поддержать работника, протянуть ему, так сказать, руку?*

Начальник управления: *У нас руки делом заняты, нам их некогда протягивать* (фрагмент из х/ф «Дайте жалобную книгу»).

Подводя итог, необходимо еще раз подчеркнуть, что одним из главных факторов, определяющих бесконфликтность языковой коммуникации, является эффективность взаимодействия ее участников на концептуальном уровне, что предполагает учет и оценку отправителем информации интеллектуального уровня и возможностей ее получателя, его социокультурного опыта и знаний, их национальной специфики, а также его профессионального и социального статуса, системы ценностей, норм, стереотипов, используемых схем и критериев оценки. На языковом уровне это обеспечивается использованием языковых средств, семантика которых исключает потенциально разную, в том числе конфликтную, интерпретацию, связанную с нежелательными инференциями и импликациями, а также использованием системы языковых средств и механизмов нейтрализации и предотвращения отрицательной, конфликтной интерпретации языковой семантики, способностью отправителя информации прогнозировать соответствие используемых им и получателем информации когнитивных и языковых механизмов формирования и понимания смыслов.

Литература

- Белоус Н.А.* Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. д-ра филол. наук. Краснодар, 2008.
- Болдырев Н.Н.* Проблемы концептуального взаимодействия в процессе вербальной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XI. С. 39–45.
- Болдырев Н.Н.* Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5–14.
- Лукин Ю.Ф.* Конфликтология: управление конфликтами. М.: Академический Проект; Гаудеамус, 2007.
- Шейнов В. П.* Управление конфликтами. СПб.: Питер, 2014.
- Declercq Ch., Federici F.M.* (Eds). Intercultural Crisis Communication. Translation, Interpreting and Languages in Local Crises. L.: Bloomsbury Publishing, 2019.
- Ray J.L.* R.J. Rummel's Understanding Conflict and War: An overlooked classic? // Conflict Management and Peace Science. 1998. Vol. 16. No 2. Pp. 125–147.

*N.N. Boldyrev (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

CONCEPTUAL INTERACTION AS A FACTOR OF CONFLICT-FREE LANGUAGE COMMUNICATION

The article analyzes effective conceptual interaction between the sender and a recipient of information as the basis and main factor of conflict-free language communication. The author outlines types and aspects of conceptual interaction and the corresponding cognitive and linguistic mechanisms of meaning creation, as well as specific linguistic means, the use of which ensures conflict-free verbal communication.

Key words: conflict-free communication, conceptual interaction, mechanisms of meaning creation.

*В.З. Демьянков (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
vdemiank@gmail.ru*

КОГНИТИВНАЯ НЕВЕРоятНОСТЬ И ФИЗИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ³

Статистика употребления лексем со значением «возможность» и «вероятность» в большом французском корпусе показывает сходства и различия с русским и с латинским языками. Толкования этих лексем затрагивают проблемы, выходящие далеко за пределы чисто филологического исследования, и относятся к когнитивной науке в целом.

Ключевые слова: когнитивные науки; контрастивное корпус-статистическое исследование; возможность; вероятность; французский язык.

³ Разделы 1 и 2 данного исследования выполнены за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00429) в Институте языкознания РАН. Исследование, описанное в разделе 3, выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

1. Введение

Категории возможности и вероятности играют важнейшую роль в когнитологии, указывая на границы между известным и неизвестным, между знанием и незнанием. Языковые средства речи об этих категориях помечают «эпистемически подозрительные» высказывания, призывая к осторожности в обращении с мнениями, как с чужими, так и особенно со своими. Одним из важных аспектов лингвистического исследования этих средств является установление динамики продвижения по эпистемической шкале – от неуверенности к полной уверенности и обратно.

В цикле моих предыдущих публикаций были рассмотрены вопросы о семантике и прагматике лексем классов «возможность» и «вероятность» в русском и западноевропейских языках. В частности, установлено статистическое преобладание класса «возможность» над классом «вероятность» в больших корпусах указанных языков, выявлены свойства сочетаемости соответствующих лексем в русском, английском, немецком, латинском, итальянском и испанском языках [Демьянков 2020]. Показано также, на каком языковом материале возникли и развивались идеи логической «семантики возможных миров» [Демьянков 2021].

В данной работе остановимся на данных, касающихся сочетаемости французских лексем, по результатам анализа большого оригинального корпуса французских оригинальных (не переводных) текстов 17–21 вв., как художественных, так и не художественных.

Число круглых в скобках при лексической единице в тексте данной статьи указывает абсолютное количество случаев. Так, в данной статье рассмотрены: основы «позитивного» классов *possible / possibilité* «возможный/возможность» (73283), *probable / probabilité* «вероятный/вероятность» (24168) и «негативных» классов *impossible / impossibilité* «невозможный/невозможность» (45848), *improbable / improbabilité* «невероятный/невероятность» (619).

Указывая источники примеров, где это возможно, мы указываем и год написания произведений.

2. В каких контекстах по-французски говорят о невероятном

Improbable «невероятный» в качестве эпитета чаще употребляется при существительных класса *cas* «случай», *événement* «событие», *circonstances*, «обстоятельства», *supposition* «предположение», даже *possibilité* «возможность» (как гипотеза-реконструкция), *vérité* «правда». Ср.: *Entre le mensonge plausible et la vérité improbable, la justice, institution humaine, c'est-à-dire sujette à l'erreur, doit opter pour la vraisemblance* «Когда есть выбор между ложью во спасение и невероятной правдой, правосудие как человеческое, а потому не лишённое ошибок, должно делать выбор в пользу правдоподобия» (Émile Gaboriau, Monsieur Lecoq, 1869).

Французская *vérité improbable* «невероятная правда» не суперлатив (каким сегодня нам кажутся *сущая правда* и *Правда с большой буквы*), а «неправдоподобие, правда, не выглядящая как правда». Это добрая фея, которая, как

в «Золушке», переодета нищенкой, чтобы испытать непосвященных на праведность и искренность их убеждений.

В противоположность этому, по-русски *невероятно правдивый пионер* звучит как «в высшей степени и до неосознаваемой жестокости искренний и справедливый» («Павлик Морозов»). А прямой перевод русского выражения *невероятный успех* как *succès improbable* по-французски (когда «успех исключен», а не «исключительный успех»!) совсем не соответствует реальному контексту: [...] *notre cause n'est pas la vôtre, parce que le but est incertain, le succès improbable: parce que le danger est partout, de tous côtés!* (букв.) «[...] наше дело не то же, что ваше: потому что цель неясна, успех невероятен: потому что опасность повсюду, со всех сторон!» (Émile Gaboriau, Monsieur Lecoq, 1869).

Как и другие эпитеты, *improbable* допускает степени сравнения, ср.: *D'ailleurs, cette histoire est la plus improbable que j'aie jamais entendue* «Впрочем, это самая невероятная история из всех, которые я когда-либо слышал» (Émile Chevalier, L'enfer et le paradis de l'autre monde, 1866).

3. Сочетания (не)возможного с (не)вероятным во французском тексте

Такие сочетания в большом французском корпусе совсем не редки. Наиболее вероятно сочетание «позитивных» основ: со значением «возможно» и «вероятно». На втором месте, в три раза реже – «невозможно» плюс «вероятно». В десять раз еще реже – возможно плюс невероятно.

Possible + probable (643), напр.: *Toutefois, s'il était possible que la Revue Scientifique eût raison avec Adhémar, il était bien probable que la North Polar Practical Association n'avait jamais compté sur cette modification due à la précession des équinoxes* «Однако, если бы было возможно, чтобы журнал «Научное обозрение» был прав, как и Адемар, вполне можно было бы допустить (букв. было бы вполне вероятно), что «Практическая Ассоциация Северного полюса» никогда не полагалась бы на эту модификацию из-за прецессии равноденствий» (J. Verne, Sans dessus dessous, 1889).

Иногда противопоставление возможного вероятному просто категорично: *C'est possible, mais, à mon avis, ce n'est pas probable, mon cher John...* «Это возможно, но, по-моему, это невероятно, мой дорогой Джон...» (J. Verne, Le village aérien, 1901). Цели ниспровержения служит этот порядок следования в следующем отрывке: *J'ignore, je l'avoue, s'ils sont arrivés dès maintenant à Saye, mais cela est possible, je dirai même probable* «Признаюсь, не знаю, прибыли ли они данный момент в Сэй, но это возможно, я бы даже сказал, вероятно» (Jules et Michel Verne, L'étonnante aventure de la mission Barsac, 1919). И в противоположном порядке: [...] *il réclame en faveur de leur réalité; sans chercher si loin, nous allons voir si elles sont même probables, pour ne pas dire possibles* букв. «он говорит в пользу их реальности; не заглядывая так далеко, мы посмотрим, вероятны ли они, если не сказать, возможны ли они» (J. Verne, Edgar Poe et ses œuvres, 1864).

Impossible + probable (223), напр., когда сначала говорят о невозможности, а потом «снисходят» до признания вероятности: *Il ne cherchait pas à analyser*

ses sensations, cela aurait été impossible et pourtant parfois il était en proie à des rages froides et terribles, en songeant que cette fière jeune fille, qui ignorait jusqu'à son existence, n'avait probablement pour lui, si elle le connaissait, que dédain et mépris «Он не пытался анализировать свои ощущения, это было бы невозможно, и все же иногда его охватывала холодная и ужасная ярость при мысли о том, что эта гордая молодая девушка, которая до сих пор не знала о его существовании, вероятно, испытывала к нему, если бы знала его, только презрение и презрение» (G. Aimard, *Le chercheur de pistes*, 1858).

В обратном порядке, когда сначала говорится о позитивном, а потом, резко качнув головой, отказываются от кратковременного заблуждения и с полной ответственностью за истину нечто объявляют невозможным: *C'est probable, mais je ne saurais l'affirmer, j'étais, je vous le répète, mon ami, dans un état qui me mettait dans l'impossibilité de rien apercevoir clairement* «Это вероятно, но я не смог бы этого утверждать, я был, повторяю вам, мой друг, в состоянии, из-за которого я не мог ничего четко разглядеть (букв. в состоянии, которое меня ставило в невозможность ничего не воспринимать четко)» (G. Aimard, *La loi de Lynch*, 1859).

Невозможное очень даже может быть вероятным, если говорят о человеческой оценке того, насколько реальный мир соответствует уровню когниции человека, напр.: *La logique voulait néanmoins qu'une association économique entre deux états d'inégale importance ne puisse en pratique fonctionner, en présence de vétos, à cause de l'impossibilité probable d'aboutir à des compromis dans les politiques communes qui ne soient pas systématiquement contraires aux intérêts de l'état le plus petit* «Логика, тем не менее, заключалась в том, что экономическая ассоциация между двумя неравнозначимыми государствами не могла бы на практике функционировать при наличии вето из-за вероятной невозможности достижения компромиссов в совместном политическом курсе, которые принципиально не противоречили бы интересам самого маленького государства» (Rodrigue Tremblay, *Le Québec en crise*, 1981).

Следующие два случая, сочетание «невероятного» с возможным и с невозможным, отсутствуют в латинском корпусе: «В рамках одного предложения не сочетается *improbabilis* с *possibilis* и/или *impossibilis*. Складывается такое впечатление, что для эгоцентричного носителя латинского языка если что-либо нельзя помыслить (*improbabilis*), то не играет роли, возможно оно или невозможно. В наследниках латыни, романских языках, как в германских и в русском, нет ограничения сочетаемости (не)возможного с (не)вероятным» [Демьянков 2020: 13]. Во французском же эти случаи представлены, но относительно редко.

Possible + improbable (23), напр.: *Ce gaillard-là doit avoir tout prévu, tout absolument, jusqu'à la possibilité improbable d'un soupçon s'élevant jusqu'à lui* «Этот молодчик, должно быть, все предусмотрел, абсолютно все, вплоть до невероятной возможности, что на него падет подозрение (E. Gaboriau, *L'affaire Lerouge*, 1865). В этом предложении говорится о «невероятном варианте (возможности) развития событий». В противоположном направлении следует

мысль в следующем случае: *Mais, c'était tellement improbable que ce n'était pas possible* «Но это было настолько невероятно, что не было возможным» (J. Verne, un billet de loterie: Le numéro 9672, 1886). То есть, крайняя невероятность дает основание делать вывод об отсутствии возможности.

Impossible + improbable (40). Напр.: *Non, répliqua le docteur; j'ai beau retourner l'aventure dans mon esprit, me dire que c'est improbable, impossible ...* «Нет, - возразил доктор, - я прекрасно могу прокрутить ход событий этого приключения в моем мозгу, говоря себе, что это невероятно, невозможно...» (J. Verne, Aventures du Capitaine Hatteras, 1866). Здесь предикат *невероятно* поясняется как [*более того,*] *невозможно*. Бывает и иной ход размышлений: *невозможно*, потому что *неправдоподобно*, напр.: *Ce qu'il y avait dans cette lettre lui paraissait tellement impossible, improbable, effrayant qu'il ne pouvait le croire* «То, что было в этом письме, казалось ему настолько невозможным, невероятным, пугающим, что он не мог в это поверить» (G. Leroux, Un homme dans la nuit, 1911). Особенно часто о чем-либо как неправдоподобном (*improbable*), но не невозможном (*pas impossible*) говорит Ж. Верн: *Se produirait-il une circonstance, un contre-coup qui «l'extérioriserait», pour employer un mot assez exact, c'était improbable, mais ce n'était pas impossible* «Произойдет ли нечто, что даст противоположный толчок, который извлечет его из сложившихся обстоятельств, если выражаться точно, - это было невероятно, но не невозможно» (J. Verne, Face au drapeau, 1896); *Si improbable que fût la rencontre de la terre et d'une comète, elle n'était pas impossible* «Сколь невероятным ни было столкновение Земли с кометой, но оно не было невозможным» (J. Verne, Hector Servadac: Voyages et aventures à travers le monde solaire, 1877).

И наконец, два случая, когда в рамках одной и той же модальности (возможности или невозможности) позитивное утверждение сочетается с негативным. Оказывается, что такая компрометация «возможности» встречается значительно чаще, чем компрометация «вероятности». Уж не потому ли, что физическая природа гибко меняется, а человеческие представления и оценки «вероятности» по природе своей должны быть ригидны и консервативны?

Possible + impossible (825), напр.: [...] *elle était douée d'une âme forte, d'un caractère énergique, elle comprit qu'elle devait aider autant que possible cet homme qui se dévouait pour elle, et ne pas lui rendre impossible sa tâche si difficile déjà* «у нее была сильная душа, энергичный характер, она понимала, что должна как можно больше помогать этому человеку, который был ей предан, и не делать невозможной его и без того трудную задачу» (G. Aimard, Le grand chef des Aucas: Tome II, 1858). В противоположном порядке тоже часто встречаем: *Mais la Russie, en la personne du directeur de son observatoire de Poulkova, leur prouva qu'ils avaient raison tous deux; cela dépendait du point de vue auquel ils se mettaient pour déterminer la nature du phénomène, en théorie impossible, possible en pratique* «Но Россия в лице директора своей обсерватории в Пулковке доказала им, что они оба правы; это зависело от того, с какой точки зрения они подходят к определению природы этого явления, невозможного теоретически, но возможного на практике» (J. Verne, Robur Le Conquérant, 1886).

Probable + improbable (25), когда немислимое ранее может или не может стать вероятным сегодня, напр.: *Souvent même on les réproouve, malgré les attestations les plus formelles; souvent on dit qu'une chose improbable en elle-même ne peut devenir probable par des histoires* «Часто их даже отвергают, несмотря на самые формальные свидетельства; часто говорят, что нечто невероятное само по себе не может стать вероятным благодаря случившимся историям» (Voltaire, *Questions sur les miracles*, 1765).

У Ф.Р. де Шатобриана (1768–1846) встречаем открыто оксюморонное словосочетание **probabilités improbables** «невероятные вероятности»: *Ce n'est pas tout, messieurs; et comme s'il ne suffisait pas que l'indemnité s'évanouit au milieu de probabilités improbables, il faut qu'elle soit amoindrie par son côté matériel; il faut que la réalité vienne encore en augmenter la fiction* «Это еще не все, господа; мало того, что компромисс заглушили невероятные вероятности, он еще уменьшается и материально: нужно, чтобы вымысел подкреплялся реальностью» (François-Auguste Chateaubriand, *Politique: Opinions et discours*).

4. Заключение

Исследование относительной частоты последовательностей лексических единиц рассмотренных классов в большом корпусе текстов обладает, разумеется, только эвристической ценностью для сопоставления различных культур «дискурсивности», то есть, излюбленных техник рассудочного умозаключения. Можно предположить, что это таким образом выявляются излюбленные маршруты передислокации по эпистемической шкале у носителей различных культур, говорящих на различных языках мира.

Литература

Демьянков В. З. О языковых техниках адаптации мнения // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 5–17.

Демьянков В.З. О возможности в логике и в когнитивной семантике // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 5–21.

V.Z. Demyankov (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

COGNITIVE IMPROBABILITY AND PHYSICALLY POSSIBILITY

Reliability and limits of human cognition as well as dynamics and flexibility of cognitive states are evaluated by judgments on possibility, feasibility, probability, etc. Possibility has to do with physical properties of the world, whereas probability reflects cognitive aspects of human perception of the world. A contrastive corpus-statistical investigation of French lexical items denoting possibility and probability compared with their Latin and Russian counterparts pose some questions relevant for cognitive sciences as a whole.

Key words: cognitive sciences; contrastive corpus-statistical investigation; possibility; probability; French.

М.В. Дудорова (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
primrose81@yandex.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПОЛНОТЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ⁴

В статье рассмотрена концептуализация телосложения живого существа относительного параметра вес/объем; выделены когнитивные признаки, профилируемые в лексике и фразеологии денотативно-идеографической группы «Особенности телосложения живого существа». Материалом исследования являются данные, полученные при работе над универсальным словарем-тезаурусом русского языка.

Ключевые слова: концептуализация, когнитивные признаки, русская лексика и фразеология, идеографический словарь.

Исследование выполнено в рамках работы над универсальным словарем-тезаурусом русского языка, в котором воплощен «новый подход к описанию системы русской лексики, при котором она рассматривается как межчастеречная лексическая система особого типа, состоящая из денотативно-идеографических групп слов различной частеречной принадлежности, включая наречия, модальные слова, предлоги и предложные сочетания, союзы, междометия» [Бабенко 2015а: 7]. Рассматриваемые лексемы относятся к денотативно-идеографической группе «Особенности телосложения живого существа», представляющей шестой классификационный уровень в составе денотативно-идеографической сферы «Живая природа» (Живое существо – Живое существо (человек и животное) как организм – Форма и строение организма живого существа – Особенности внешнего строения организма живого существа – Особенности телосложения живого существа) (классификация приведена в соответствии с синопсисом, разработанным на основе комплекса идеографических словарей, подготовленных учеными Уральской семантической школы [Бабенко 2015б: 24]).

Номинации телосложения живого существа структурируются вокруг нескольких базовых параметров, одним из которых является вес/объем организма, осмысляемый по шкале «ниже нормы – норма – выше нормы» (худой – стройный – толстый). Семантика полноты представлена в русском языке 127 лексемами различных частей речи: существительными (*толщина* и синонимы, *толстяк* и синонимы, *толстячок* и синонимы, *толстуха* и синонимы), прилагательными (*толстый* и синонимы, *толстоброхий* и синонимы, *толстозадый* и синонимы), глаголами (*толстеть* и синонимы) и фразеологическим рядом; также рассматриваемый смысл представлен в группе «Часть головы живого существа, а также часть того, что на ней расположено» прилагательными (*полнолицый* и синонимы, *толстощекий* и синонимы). Рассмотрим когнитивные признаки, профилируемые в лексических и фразеологических единицах.

⁴ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352, <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>.

1. Степень проявления признака демонстрирует градуируемость:

– нормативно толстый: *толстый, круглый, устар. корпулентный, устар. корпусный, разг. мясистый, разг. сытый, разг. пухлый; есть за что подержаться; толстеть/потолстеть* и т. д.;

– умеренно толстый: *дебелый, дородный, полнотелый, полный, пышнотелый, пышный, упитанный, устар. крупитчатый, разг. гладкий, разг. солидный; полнеть/пополнеть; разг. наливать/налиться* и т. д.;

– непомерно толстый: *грузный, тучный, пренебр. жирный, разг. неохватный, разг. расплывшийся; тучнеть/отучнеть и потучнеть; разг.-сниж. жиреть/ожиреть и разжиреть; попереk себя шире (толще); в дверь не проходит; груда (гора) мяса [и жира]* и т. д.

2. Причина появления признака маркируется в ряде единиц, указывающих на возникновение признака в результате обильного питания: *откормленный, раскормленный, сытый, упитанный*. Отметим, что единицы *откормленный* и *раскормленный* употребляются как по отношению к человеку, так и применительно к животному.

3. Приобретение признака представлено прежде всего глагольным рядом с семантикой «становиться/стать толстым»: *толстеть/потолстеть, полнеть/пополнеть, поправляться/поправиться, тучнеть/отучнеть и потучнеть* и т. д. Ряд прилагательных указывает на постепенность появления признака: *расплывшийся* (утративший прежнюю форму, ставший очень толстым в противовес толстому), *ожиревший, ожирелый* (ставший очень толстым), *раскормленный, откормленный, гладкий* (ставший толстым в результате обильного употребления пищи; при использовании единиц в отношении животного указывает на сознательность совершения этого действия со стороны человека).

Широко значение становления признака представлено во фразеологии, где наблюдается градуируемость от небольших изменений (*прибавлять/прибавить в весе; нагуливать/нагулять жир; входить/войти в тело*) до максимального значения (*наедать/наест [себе] морду; лопаться/лопнуть с (от) жира (жиру); заплывать/заплыть жиром*).

4. Сочетание признака полноты с другими внешними/внутренними признаками: полнота и крепкое телосложение (*дородный, полнотелый*), полнота и наличие женской груди большого размера (*пышнотелый, пышный*); полнота и особенности движения, возникшие в следствие полноты (*грузный*); полнота и соотношение мягких/твердых тканей (*мясистый, толстомясый; жирный, ожиревший, ожирелый*); полнота и особенности кожного покрова (*обрюзглый, обрюзгий и расплывшийся*); в указанных единицах компоненты 1) полный и 2) имеющий дряблую, обвислую кожу являются равноправными и демонстрирует пересекаемость единиц рассматриваемой группы с денотативно-идеографической группой «Особенности кожного покрова живого существа».

5. Носитель признака в случае номинации полноты маркирован в ряде единиц и определяет коммуникативные рамки их использования:

– человек определенного пола; ряд прилагательных относим только к женщинам (*дебелый, пухлый, пышнотелый, пышный, сдобный*); отдельные

синонимические ряды существительных номинируют носителя-признака мужчину (*толстяк* и синонимы) и женщину (*толстуха* и синонимы);

– человек определенного возраста (ребенок) номинируется в синонимическом ряду с доминантой *ласк. толстячок*; также к ребенку относимо прилагательное *пухлый*;

– к живому существу (животное или птица) как носителю признака полноты относимы прилагательные *толстый, грузный, жирный, круглый, откормленный, упитанный, разг. гладкий, разг. раскормленный, разг. сытый, разг.-сниж. бокастый, разг.-сниж. ожиревший, разг.-сниж. ожирелый*.

6. Характеризуемый объект относительно строения живого существа:

– группа прилагательных номинирует признак «имеющий значительный объем, жировую прослойку» и характеризует части тела: *толстый, жирный, крупный, мясистый, полный*;

– группа прилагательных номинирует признак «имеющий большой по размерам живот» (*разг. толстобрюхий* и синонимы; *майорское брюхо; отрацивать/отрастить [себе] брюхо*); данный признак, как правило, маркируется относительно представителей мужского пола;

– ряд прилагательных номинирует признак «имеющий значительные по размерам ягодицы» (*разг. толстозадый* и синонимы; *зад как у ломовой лошади*);

– лицо и его части, характеризующиеся как объемные, представлены в рядах с доминантами *полнолицый* и *толстощекий*, а также фразеологизмом *щеки как у хомяка* и *щеки из-за спины видны*, отметим, что последний фразеологизм представляет собой синекдоху «объемные щеки = толстый человек».

7. Оценка полноты представлена тремя вариантами, во многом симметричными степени проявления признака: приятная полнота (*пухлый*) – нормативная полнота (*толстый* и под.) – чрезмерная полнота (*жирный, пузатый* и под.); последнее маркируется в единицах разговорных и просторечных. Наиболее ярко эмоциональные коннотации представлены на крайних точках шкалы признака: например, *разг., шутол. пончик, разг., шутол. пузырь, разг.-сниж., ласк. брюханчик – разг.-сниж., груб. корова, разг.-сниж., презр. боров, разг.-сниж., презр. сало*. Отдельно стоит выделить единицу, содержащую оценку по производимому впечатлению (*солидный*).

8. Образное осмысление полноты связано с рядом предметов/действий:

– геометрическая фигура шара: *круглый; разг. округляться/округлиться, пухлый как пузырь; круглый как пузырь (шарик; колобок)*;

– объемные предметы, близкие к форме шара (*тучный; тучнеть/отучнеть и потучнеть*);

– предметы, имеющие выпуклые бока (*разг. кубышка, разг., неодобр. тумба, разг.-сниж., груб. колода; толстый как бочка*);

– полнота женской фигуры уподобляется мучным изделиям (*сдобный, пышный, пышнотельный; разг., шутол. пончик, разг., шутол. памтушка, разг. пышка*);

– зоометафоры полноты представлены образами животных, имеющих излишний вес и откармливаемых на мясо (*толстый как боров (свинья; поросенок*;

корова); *жирный как каплун*) или воспринимаемых как объемные и неповоротливые (*толстый как бегемот*);

– изменение веса уподобляется увеличению в объеме или способности занять больший объем пространства (*разг. разбухнуть / разбухнуть, разг. раздаться/раздаться, разг. расплзаться/расплзтись, разг., неодобр. расплываться/расплывтись, разг. распухнуть/распухнуть*).

Таким образом, полнота в русской лексике номинируется единицами разных частей речи, а также фразеологизмами. В семантике лексем отражены следующие когнитивные признаки: степень проявления, причина появления; приобретение признака; сочетание признака полноты с другими внешними/внутренними признаками; носитель признака; характеризуемый объект; оценка; образные представления. Доминирующее количество единиц указывает на максимальное проявление признака, что чаще оценивается отрицательно.

Литература

Бабенко Л. Г. Концепция, структура и основные лексикографические параметры словаря // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. Москва–Екатеринбург: Каб. ученый, 2015а. С. 6–21.

Бабенко Л. Г. Синописис (свод) идеографической классификации русской лексики (общая глобальная структура словаря) // Универсальный идеографический словарь русского языка: проспект / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. –Москва–Екатеринбург: Каб. ученый, 2015б. С. 22–42.

M.V. Dudorova (Ekaterinburg, Russia)
Ural Federal University

CONCEPTUALIZATION OF THE CORPULENCE IN RUSSIAN

The article considers the conceptualization of the physique of a living being related to the weight/volume parameter; the cognitive features profiled in the vocabulary and phraseology of the denotative-ideographic group "Physique features of a living being" are highlighted. The research material is the data obtained while working upon the universal dictionary-thesaurus of the Russian language.

Key words: conceptualization, cognitive features, Russian vocabulary, ideographic dictionary.

Т.Н. Ефименко (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
tefimenko@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ БЕСКОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ⁵

В статье рассматриваются когнитивные основы нейтрализации интерпретации потенциально конфликтной информации и реализации бесконфликтного общения. Выявляются когнитивные и

⁵ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

языковые механизмы формирования смысла, способствующие элиминированию когнитивных и дискурсивных разногласий, а, следовательно, бесконфликтной коммуникации.

Ключевые слова: бесконфликтная коммуникация, когнитивные основы, концептуальное взаимодействие.

В современной науке активно обсуждаются вопросы о стратегиях и тактиках бесконфликтного и конфронтационного взаимодействия, о построении модели гармоничной коммуникации и о маркерах дисгармонии.

Повышенный интерес к данным проблемам предопределён теми условиями в которых живет сегодня человек. Сложно найти кого-то, кто лично или опосредованно не был бы участником конфликтных ситуаций, вызванные неадекватной интерпретацией и субъективной оценкой того или иного события. Кроме того, человек ежедневно сталкивается с необходимостью интерпретировать большое количество потенциально конфликтной информации, которое находит свое освещение в средствах массовой информации. Совершенно очевидно, что дискурс современных СМИ характеризуется повышенной конфликтностью: сенсационные сообщения о военных событиях, чрезвычайных происшествиях, конфликтные ток-шоу становятся характерным атрибутом телевидения и Интернета. Учитывая, что бесконфликтная коммуникация предполагает предотвращение когнитивных и дискурсивных разногласий участников общения, возникает необходимость изучения способов бесконфликтной коммуникации и нейтрализации конфликтогенных факторов концептуального и речевого взаимодействия.

В рамках данной работы внимание фокусируется на изучении концептуальных механизмов нейтрализации потенциально конфликтной информации, представленной языковыми единицами, которые служат средством структурирования и актуализации контекста знаний. В качестве материала исследования выступают тексты интервью с общественными и политическими деятелями, рекламные сообщения, опубликованные в сети Интернет.

С учетом существующих подходов к изучению конфликта и в рамках данного исследования, конфликт определяется как отрицательно маркированный сценарий межличностной коммуникации, сопряженный с различиями концептуальных систем коммуникантов (концептуальная асимметрия), несовпадением интенций и целей говорящего и слушающего, различиями их языковых картин мира, см. подробнее [Белоус 2008: 97; Казыдуб 2012: 94].

Конфликт интерпретируется как специфическое содержание знания, определенная когнитивная схема, которая представляет собой семантическую сеть взаимосвязанных значений (того, что подразумевается) обусловленную несовместимостью целей (интенций) обеих сторон (подробнее см.: [Klar, Bar-Tal, Kruglanski 1988]). Другими словами, конфликт является результатом несоответствия концептуальных систем коммуникантов, столкновения между противоположно направленными интересами, интенциями, мнениями, целями [Болдырев, Григорьева 2020: 186]. К причинам возникновения конфликта можно отнести

непонимание, то есть отсутствие знания, различия в объеме и содержании концептуальных систем у коммуникантов как участников конфликта, негативные эмоциональные реакции, которые могут быть следствием обманутых ожиданий. Интерпретация информации адресата может отличаться от содержания, заложенного в тексте адресанта, и как следствие, возникает конфликт, обусловленный противоречием порождения и восприятия текста. От адекватности интерпретации содержания высказывания зависит в какой зоне гармоничной или негармоничной будет проходить коммуникация; поскольку восприятие и оценка объектов, событий и знаний об этих событиях, отношение к ним человека, формируемое как основание представлений, коллективного и индивидуального опыта и знаний, закрепленных культурно-национальной традицией в соответствующей концептуальной системе, предопределяет коммуникативное поведение человека (подробнее см.: [Комалова 2016; Левин 2000]).

Таким образом, успешность бесконфликтного общения во многом зависит от эффективности концептуального взаимодействия между ее участниками, которое, в свою очередь, определяется структурным и содержательным соответствием индивидуальных концептуальных систем участников общения, степенью адекватности оценки концептуальной системы собеседника, уровнем владения коллективным знанием и языковым культурно и национально обусловленным опытом, соответствием используемых коммуникантами принципов, механизмов и когнитивных контекстов формирования и понимания смыслов [Болдырев 2012; 2017].

Кроме того, для реализации бесконфликтной коммуникации необходимо тщательно подходить к выбору языковых средств и темы сообщения, учитывая специфику целевой аудитории, их способность к адекватному восприятию и интерпретации информации.

Рассмотрим ряд примеров использования языковых средств, способствующих бесконфликтному взаимодействию коммуникантов:

1) использование языковых средств определенной семантики в диалогическом дискурсе вместо общих или неопределенных фраз: *Нет, этого в планах нет* (интервью с Путиным В.В.) [www.kremlin.ru/events/president]. *Нет, твоя не оплачивала эту рекламу, но она сообщила какие газеты ты читаешь* (реклама бриллиантов De Beers) [www.liberty.ua]. *–Why is 19? Not 20? Not round number? – I think 19 is because one is the beginning and nine is the end. It's a wonderful number* (интервью с Ellen DeGeneres) [www.youtube.com/watch?v=4bKgbnoeKPQ].

2) конкретизации контекста: *С Россией лучше дружить и торговать, но это должно быть честно, равноправно и со взаимным уважением* [www.rg.ru/2022/02/16/sovbez-rg].

3) использование эвфемизмов и перефразирования в отношении неприятных тем: *Люди не хотят обращать их взор на те события, которые их не касаются* (интервью с В. Познером) [www.youtube.com/watch?v=wg-TMymYSwE]. *Но, возвращаясь к тому, что мы разочаровали Евросоюз и то, что мы не*

оправдали ожиданий... ну это конечно же, знаете, просто королевство кривых зеркал (интервью Соловьева В. с Лавровым С.) [www.youtube.com/watch?v=wffZvKbUорo].

4) использование фразеологизмов: *Они пият сук, на котором сидят; Перейти под крыло рекламного агентства; Программа приказала долго жить.*

5) использование метафор: *I know how to read the room, how to read the guest; I am a people pleaser* (интервью с Ellen DeGeneres) [www.youtube.com/watch?v=4bKgbnoeKPQ].

6) избегания нежелательных прямолинейных оценок: *На первый взгляд выглядит странно все-таки, пока. Мне кажется, об это рановато говорить.*

Ну, скажем, политических взглядов...

– *Вы боитесь коронавируса? – Как Вам сказать? Я опасуюсь* (интервью с Познером В.) [www.youtube.com/watch?v=wg-TMymYSwE].

Позже, когда мы окончательно проведём разбирательство, я думаю, мы уже раскроем эту информацию, чтобы мы сейчас огульно никого преждевременно не обвинили», – рассказал изданию пресс-секретарь Кремлёвского дворца Константин Ярошевский. [www.news.mail.ru/society/51239246].

7) апеллирование к авторитету собеседника, его компетенции: *Для того, чтобы эмитировать, нужно, Вы знаете об этом, огромное количество энергии* (интервью Гэмбл Х. с Путиным В.В.) [www.kremlin.ru/events/president].

8) предварительная подготовка собеседника к некомфортной теме беседы: *So, let me push you on that a little bit* [www.youtube.com/watch?v=4bKgbnoeKPQ].

Проанализированный материал позволяет сделать вывод, что использования определенных языковых средств и когнитивных механизмов формирования смысла способствует эффективному концептуальному взаимодействию участников общения, адекватной оценке и интерпретации содержания высказывания, и как следствие обеспечивает бесконфликтную коммуникацию.

Литература

- Белоус Н.А. Конфликтный дискурс в коммуникативном пространстве: семантические и прагматические аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2008.
- Болдырев Н.Н. Проблемы концептуального взаимодействия в процессе вербальной коммуникации // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XI. С. 39–45.
- Болдырев Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5–14.
- Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе: монография. Тамбов: Принт-Сервис, 2020.
- Левин К. Разрешение социальных конфликтов. СПб.: Издательство «Речь», 2000.
- Казыдуб Н.Н. Бесконфликтный дискурс: концепты, стратегии, сценарии // Вестник ИГЛУ. Серия: Филология. 2012. № 3(20). С. 94–99.
- Комалова Л.Р. Межличностная коммуникация: От конфликта к консенсусу: монография. Москва, 2016.
- Klar Y., Bar-TalD., Kruglanski A. Conflict as a Cognitive Schema: Toward a Social Cognitive Analysis of Conflict and Conflict Termination // The Social Psychology of Intergroup Conflict. Theory, Research and Applications / Ed. by W. Stroebe a. o. Berlin, 1988. P. 73–85.

*T.N. Efimenko (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

CONCEPTUAL FRAMEWORK OF CONFLICT-FREE COMMUNICATION

The article considers cognitive foundations of neutralisation of potential negative information interpretation as well as conflict-free communication implementation. The author reveals cognitive and linguistic mechanisms of meaning formation that facilitate to smooth over cognitive and discursive differences that ultimately will bring about conflict-free communication.

Key words: conflict-free communication, cognitive foundations, conceptual interaction.

*И.В. Зыкова (Москва, Россия)
Институт языкознания РАН
irina_zykova@iling-ran.ru*

ПОЛИМОДАЛЬНАЯ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЧУВСТВ И ЭМОЦИЙ В КИНОДИСКУРСЕ⁶

Исследование направлено на развитие теории и методологии изучения креативного использования вербальных и невербальных единиц языка кино. В качестве материала анализируется экранизация романа Д.С. Фоера «Extremely Loud & Incredibly Close». Разработанный комплексный подход позволяет прояснить механизмы креативного взаимодействия вербальных и невербальных средств киноязыка в процессе полимодальной концептуализации чувственно-эмоциональной сферы человека.

Ключевые слова: кинодискурс, полимодальная концептуализация, язык кино, лингвокреативность, эмоции, чувства.

В фокусе нашего исследования находится специфика креативного (или оригинального) использования вербальных и невербальных средств для художественной передачи чувств и эмоций человека. Вербальные средства в фильмах представлены в устном и письменном форматах: реплики, диалоги и монологи киноперсонажей (произносимые в кадре и за кадром), надписи (записки, объявления, плакаты, афиши и т. д.) и титры. Невербальные средства включают звуковой ряд (шумы, звуки, музыкальное сопровождение), визуальный ряд (план съемки, движение камеры, точка съемки, световые эффекты и др.) и кинетический ряд (действия, жесты, мимика киногероев). Взаимодействием вербальных и невербальных средств обеспечивается концептуально-семантическая связность и целостность кинопроизведения.

Процесс полимодальной концептуализации чувственно-эмоциональной сферы человека изучается нами посредством применения ряда взаимодополняющих методов: метода фреймовых семантик, метода параметрического анализа

⁶ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

лингвистической и полимодальной креативности, сопровождающегося методом корпусного аннотирования, и метода лингвокультурологической реконструкции концептуальных оснований семантики вербальных и невербальных единиц языка кино, базирующегося на теории метафорических концептов Лакоффа–Джонсона (о специфике применения данных методов к анализу разных дискурсов, включая кинодискурс, см., например, [Беляевская 2018; Бугаева 2016; Зыкова 2015; Gibbs 2015; Schmitt et al. 2014]).

В качестве материала исследования выступает фильм американского режиссера Стивена Долдри «*Extremely Loud & Incredibly Close*». Фильм был снят в 2011 году по роману с одноименным названием, написанному в 2005 году американским писателем Джонатаном Сафраном Фоером. Сюжет данного кинопроизведения основан на одной из глобальных тем – теме жизни и смерти, раскрывающейся сквозь призму вопроса о том, как найти в себе силы продолжать жить после смерти близкого человека. Главным киноперсонажем – девятилетний Оскар Шелл (Томас Хорн), живущий вместе с родителями Томасом (Том Хэнкс) и Линдой (Сандра Буллок) в Нью-Йорке, переживает страшную трагедию в своей жизни – внезапную смерть отца. Томас Шелл погибает 11 сентября 2001 года в результате обрушения Северной башни Всемирного торгового центра, вызванного преднамеренным столкновением с ней самолета, управляемого террористами. Вернувшись в этот день раньше времени из школы, Оскар обнаруживает на автоответчике пять сообщений от своего отца. Телефон звонит в шестой раз, но сильно испуганный Оскар не может заставить себя снять трубку. Автоответчик записывает шестое сообщение, которое обрывается в момент падения здания. Спустя год после трагедии мальчик находит в вещах отца конверт с фамилией «Black» и ключом. Эту находку он воспринимает как «руководство» к поиску замка, который открывает этот ключ и поможет ему отыскать некое сообщение – «подсказку», специально оставленную, как он считает, для него отцом. Поиски не приносят желаемого результата, однако, они помогают Оскару обрести тот жизненный опыт, который позволяет ему справиться с крайне тяжелым переживанием смерти самого дорогого человека.

Поскольку максимальную коммуникативную нагрузку выполняет название кинопроизведения, то отправной точкой в исследовании является анализ фильмонима и специфики его полимодальной интродукции в составе целостного заголовочного комплекса рассматриваемой кинодрамы.

Так как киноповествование ведется от лица главного киногероя, то логично предположить, что название «*Extremely Loud & Incredibly Close*» представляет собой описание Оскаром своих ощущений жизни и происходящих в ней шокирующих событий. В пользу такой интерпретации названия свидетельствует и киноафиша, на которой изображено лицо мальчика, закрывающего руками рот – жест, выражающий страх, ужас, испуг от воспринимаемого. Фильмоним имеет структуру словосочетания с сочинительной связью между компонентами, обозначающими разные перцептивные ощущения: *loud* передает экстероцептивное ощущение громкого звука ('producing or capable of producing much

noise') [NODE: 1093], а *close* – проприоцептивное ощущение близкого расстояния ('only a short distance away') [NODE: 345]. Образование смыслов высокой степени интенсивности данных перцептивных ощущений достигается за счет адъективов *extremely* и *incredibly*, обозначающих предельную степень их (т. е. ощущений) проявления. Примечательным представляется использование приема графогибридизации, состоящего в замене в названии английского союза *and* знаком '&' (лигатура латинского союза *et*). Фильмоним в целом концептуализирует сильнейше эмоциональное напряжение и стресс, которые испытывает Оскар, оказавших в крайне трудных жизненных обстоятельствах. Данный фильмоним имеет оригинальную интродукцию в составе заголовочного комплекса анализируемого кинопроизведения.

В структуре заголовочного комплекса фильма можно выделить две части. Первая часть запечатлевает гипотетически реконструируемые последние минуты жизни Томаса Шелла: на фоне голубого неба изображается падающий с высоты человек. За счет использования таких кинематографических приемов, как замедленная съемка и план «деталь», т. е. человек не виден нам полностью, формируется генерализированный образ гибели Томаса Шелла таким способом, каким она (т. е. гибель) представляется в воображении его сына Оскара. Возникающее в кадре также на фоне голубого неба название фильма «*Extremely Loud & Incredibly Close*» вербально эксплицирует чувства ужаса и страха от наблюдаемого. Полупрозрачные буквы, похожие на стекло, постепенно превращаются на экране во множество разлетающихся мелких осколков, символически репрезентируя акт бьющихся окон обрушающегося здания и в то же самое время «разбивающейся» жизни. О начале второй части заголовочного комплекса сигнализирует переход из внешнего (городского) пространства во внутреннее темное пространство небольшого помещения в доме, в котором в полумраке появляется лицо Оскара. Этот переход символически осмысливается как «проникновение» свершившегося факта трагедии во внутренний мир главного героя. Такие приемы, как крупный план глаз Оскара и постепенный отъезд камеры, направлены на метонимическую передачу состояния его глубокой внутренней рефлексии. Данная метонимическая проекция поддерживается таким кинематографическим средством, как свет, и получает развитие в коротком закадровом монологе Оскара о придуманном им методе захоронения умерших людей: в небоскребах, которые строятся вглубь земли под небоскребами, которые находятся на поверхности и в которых живут их родственники. Продолжительность интродукции заголовочного комплекса определяется длительностью саундтрека – музыкального рефрена кинопроизведения. Плавное тихое звучание мелодии служит целям аудиальной концептуализации испытываемых главным персонажем чувств и эмоций – утраты, горя, страха, отчаяния, а также огромной любви к отцу.

Детальный анализ заголовочного комплекса позволяет определить вершину фреймовой структуры, лежащей в основе всего содержания изучаемого кинопроизведения, и выявить такие ее ключевые слоты, как «горе», «боль»,

«страх», «тоска», «страдание», «любовь», а также «смерть» и «жизнь». Специфику их полимодальной концептуализации мы исследовали последовательно, начиная с вербальных средств их репрезентации и далее обращаясь к рассмотрению особенностей их взаимодействия с невербальными единицами киноязыка.

В результате применения методов параметрического анализа и корпусного аннотирования было установлено, что стержневые слоты фреймовой структуры фильма репрезентируются как прямыми, так и непрямыми вербальными номинациями. В качестве примеров прямых номинаций можно привести следующие лексические единицы: *darling, love, kiss, worry, like, hurt, miss, cry, sorry, scare, favorite, loving, terrible, dangerous, (very) angry, afraid, panicky* и др.:

(1) [Оскар]: *I still **feel scared** every time I go into a strange place. I'm **so scared** I have to hold myself around my waist or I think I'll just break apart!*

Среди не прямых номинаций были обнаружены такие образно-выразительные средства, как, например, лексические повторы, эпитеты, оксюмороны, эвфемизмы, метафоры, метонимии, фразеологизмы, ср.:

(2) [Оскар]: *I've always **had a hard time** doing certain things.*

(3) [Оскар]: *I hadn't gone into my dad's closet since **the worst day**.*

Усиление выразительности прямых и не прямых вербальных номинаций чувств и эмоций, испытываемых Оскаром, а также и другими действующими лицами фильма осуществляется за счет определенных невербальных средств. Покажем принцип их креативного взаимодействия на примере эпизода, посвященного первому путешествию главного киногероя по Нью-Йорку в поисках замка, к которому подойдет ключ его отца:

(4) [Выйдя из дома на улицу, Оскар испытывает нарастающее чувство страха]: *<...> But the worst day made the list of things a lot longer. Old people... Ah! ...running people... airplanes... tall things... things you can get stuck in... loud things. Screaming, crying. Aah! People with bad teeth. Ha-ha-ha! Bags without owners, shoes without owners, children without parents, ringing things, smoking things, people eating meat... people looking up. Towers, tunnels, speeding things, loud things, things with lights, things with wings. ... Bridges make me especially panicky.*

В данном эпизоде для концептуализации чувства страха используются эвфемизмы, метафоры, лексические эмотивы, синонимы, лексические и синтаксические повторы, параллельные конструкции, перечисление, градация и другие средства. Все называемые Оскаром вещи и объекты сопровождаются в фильме не только их изображением, но и громкими, резкими, неприятными звуками, например, гул самолета, выкрики людей, звук отбойного молотка, напоминающий выстрелы, пронзительный вой сирены скорой помощи. Следовательно, вербальный ряд в этом эпизоде полностью согласуется с визуальными и аудиальными средствами, что значительно усиливает их экспрессивность и художественно-эстетическое воздействие. Особо примечательным является то, что эскалация эмоционального напряжения Оскара от восприятия окружающей его на улице людей и городских объектов раскрывается за счет

ускорения темпа речи, сопровождающегося ускорением смены кадров, а также изменений громкости его голоса и синхронно звучащего на втором плане саундтрека. Особую роль в передаче невербальными средствами чувства страха играют круговое движение камеры, метафорически выражающее состояние головокружения; быстрые шаги и резкие движения Оскара, интерпретируемые как его стремление «убежать» и защититься от кажущейся ему повсюду опасности; и крупные планы выражения его лица и глаз, отражающего сильную тревогу. После гибели отца Нью-Йорк для Оскара – это город, представляющий прямую угрозу для жизни, это город-убийца. О том, что чувство страха перед этим городом является не только его глубинным внутренним переживанием, но и объектом рефлексии и самоанализа, свидетельствует применение такого кинематографического приема, как голос за кадром.

В ходе анализа были определены особо значимые в сюжетно-смысловом плане вербальные и невербальные единицы. Это такие лексические единицы, как *voice, swings, lock и key, clue, six Borough, story, skyscraper, make sense*; такие невербальные объекты, как фотография, запись автоответчика, качели, мост, письмо, дневник, небоскреб. Их исследование посредством метода лингвокультурологической реконструкции позволило установить основные концептуальные модели репрезентации внутреннего мира человека в анализируемом фильме. Так, анализ специфики функционирования лексемы *voice* и других единиц, описывающих вербальную коммуникацию (*conversation, speak* и др.), эпизодов с прослушиванием записи автоответчика, на которой Томас в последний раз обращается к сыну, и с чтением записки отца, обнаруженной Оскаром в сиденье качелей, приводит к реконструкции концептуальных моделей СТРАХ – ЭТО ЗВУЧАЩИЙ ГОЛОС, ГОРЕ – ЭТО ОТСУТСТВИЕ ВЕРБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ, а также ЖИЗНЬ – ЭТО ЗВУЧАЩИЙ ГОЛОС, СМЕРТЬ – ЭТО МОЛЧАНИЕ. Например, мальчик постоянно вспоминает то, что Томас ему говорил, и как они общались:

(5) [Оскар]: <...> *I see Mr. Black, who hasn't heard a sound in twenty four years. Which I can understand, because I miss dad's voice that much. Like when he would say "Are you up yet?" or....* [в кадре Томас произносит слова]: *Let's go do something.*

Оскар испытывает острую потребность слышать голос отца, мучительную боль и страдание вызывает у него невозможность поговорить с ним.

Подводя итог, отметим, что разработанный комплексный подход позволил проанализировать фреймовую структуру кинопроизведения и выявить концептуальные модели, лежащие в основе семантики вербальных и невербальных единиц языка кино, посредством которых осуществляется полимодальная концептуализация чувственно-эмоциональной сферы человека в фильме.

Литература

Беляевская Е.Г. Номинативный потенциал концептуальных метафор (концептуально-метафорическая репрезентация как иерархическая система) // Актуальные проблемы современной лексикологии и фразеологии. М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. С. 13–30.

Бугаева Л.Д. Метафора в интертексте // Интертекстуальный анализ: принципы и границы: сборник научных статей. СПб: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 49–62.

Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Gibbs R.W. Our metaphorical experiences of film // Cinematic metaphor in perspective: Reflections on a transdisciplinary framework. Vol. 5. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 2014. P. 120–140.

NODE – The New Oxford Dictionary of English. Oxford/New York: OUP, 1999.

Schmitt Ch., Greifstein S., Kappelhoff H. Expressive movement and metaphoric meaning making in audio-visual media // Body language communication / An international handbook on multimodality in human interaction. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton, 2014. 2092–2112.

I.V. Zyкова (Moscow, Russia)

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

MULTIMODAL CONCEPTUALIZATION OF FEELINGS AND EMOTIONS IN CINEMATIC DISCOURSE

The research aims to develop the theory and methodology of studying the creative use of verbal and non-verbal units of the cinema language. The adaptation of the novel “Extremely Loud & Incredibly Close” by D.S. Foer is analyzed. The elaborated complex approach makes it possible to clarify the mechanisms of creative interaction of verbal and non-verbal means of the cinema language in the process of multimodal conceptualization of the perceptual-emotional sphere of a person.

Key words: cinematic discourse, multimodal conceptualization, cinema language, linguistic creativity, emotions, feelings.

О.К. Ирисханова (Москва, Россия)^{1,2}

¹ *Московский государственный лингвистический университет*

² *Институт языкознания РАН*

oiriskhanova@gmail.com

НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ ПРИ РЕШЕНИИ СПОНТАННЫХ ЗАДАЧ: ЧТО МОГУТ СКАЗАТЬ ЖЕСТЫ?

В настоящем исследовании ставится вопрос о роли вербальных и жестовых средств выражения неопределенности в устной коммуникации. На материале устного русскоязычного дискурса, в котором говорящие объясняют различия между близкими синонимами, анализируются языковые средства нечеткой номинации – заместители и аппроксиматоры. Показано, что данные языковые единицы способны к кластеризации и в большинстве случаев сопровождаются жестами – адаптерами и прагматическими жестами, которые указывают на особую роль изучаемых языковых кластеров.

Ключевые слова: неопределенность, нечеткая номинация, заместитель, аппроксиматор, жест.

Феномену неопределенности (нечеткой референции) посвящено немало исследований – от логико-семантических (напр., [Russell 1956; Partee 1972; Стросон 1982; Barnes, Williams 2011]) до когнитивных [Kraus, Clark 1993;

⁷ Исследование выполнено в Институте языкознания РАН.

Divjak, Milin 2020]. Большинство когнитивологов сходятся во мнении, что неопределенность является неотъемлемым свойством когниции, проистекающем из отсутствия возможности у человека всегда точно предсказывать последствия тех или иных действий. Неопределенность в бихевиористской и когнитивной психологии рассматривается как наличие таких условий принятия решений, к которым человек должен адаптироваться, пытаясь нивелировать их отрицательное воздействие на результаты его деятельности. Не случайно в некоторых работах по нейропсихологии подчеркивается связь между нейронными сетями, отвечающими за обработку информации в условиях неопределенности, и теми нейронными связками, которые реализуют когнитивный контроль [Mushtaq, Bland, Schaefer 2011].

В лингвистических исследованиях неопределенность рассматривается как фундаментальное свойство языковой системы и вербальной коммуникации в целом, которое находит выражение в языковых явлениях разного формата и разной функциональной предназначенности – в артиклях, местоимениях и наречиях, дискурсивных маркерах, лексемах широкой семантики и пр. [Lakoff 1973; Sperber, Wilson 1995; Cutting 2007; Podlesskaya 2010; Tárníkyová 2019]. Нередко подчеркивается, что язык, благодаря обобщенности номинативных процессов, позволяет не только отражать диффузную категоризацию мира, но и реализовывать ее в той или иной степени в зависимости от условий коммуникации и характера решаемых задач.

Несмотря на изученность проблематики неопределенности в лингвистических исследованиях, остаются нерешенными вопросы о роли средств выражения неопределенности (в частности, зачем говорящему эксплицитировать когнитивное состояние неопределенности при решении разного рода задач) и об универсальности этого феномена (в частности, как он проявляется в других модальностях в ходе естественной коммуникации)

В настоящем исследовании изучается роль языковых выражений неопределенности при решении спонтанных задач, предполагающих открытое множество путей их решения. К таким задачам относятся метаязыковые задачи, основанные на пояснении различий между словами родного языка. Особенности такого вида деятельности заключаются в том, что говорящие решают подобные задачи с ходу, опираясь только на свои фоновые лингвистические знания; решение задачи предполагает устную интеракцию между говорящим и слушающим; наряду с вербальными средствами, коммуниканты используют и невербальные средства; пути решения демонстрируют естественную вариативность. Ставятся следующие исследовательские вопросы: 1) Насколько активно используются говорящими вербальные средства неопределенной (нечеткой) референции, и каковы они? 2) Насколько часто данные средства сопровождаются невербальными (жестовыми) средствами? 3) Какова роль используемых словесно-жестовых единств для говорящего и для слушающего?

В исследовании, проведенном с группой испытуемых в количестве 19 человек (студенты филологических факультетов, возраст от 18 до 23 лет), участникам

предлагалось объяснить разницу между предьявляемыми последовательно в устной форме парами близких синонимов (*огонь – пламя; мертвец – труп; битва – схватка; чепуха – ерунда; кара – наказание; идеал – совершенство; ложь – враньё; страх – боязнь; время – ноша; усердие – старание; долг – обязанность; линия – черта; вой – рев; тьма – темнота*) (см. подробнее в [Иришханова, Аврамова 2021]). Полученные видеозаписи аннотировались в программе ELAN (Институт психолингвистики Макса Планка в Неймегене, Нидерланды) с точки зрения языковых выражений неопределенности и синхронизированных с ними жестов.

Ранее применительно к данному материалу нами было установлено, что к языковым выражениям нечеткой референции, используемым говорящими, относятся заместители и аппроксиматоры. Первая группа включает в себя средства замещения существительных лексемами более широкой семантики – местоимениями, широкозначными существительными, субстантивами, а также обобщающими выражениями (*кто-то, где-то, ситуация, процесс, [что-то] хороше, вот так*). Ко второй группе принадлежат хеджи, модальные наречия и глаголы, указательные частицы и наречия, метадискурсивные комментарии (*типа, скорее, какой-нибудь, может, наверно, тут, вот, как-то так*).

Кроме этого, в анализируемом материале обнаружена еще одна особенность, а именно: тенденция порождать целые цепочки подобных выражений (кластеры неопределенности), которые включают в себя как заместители, так и аппроксиматоры. Подобные фрагменты выделяются на основании референтного единства (указания на одну ситуацию или один ее аспект); их объем, как правило, превышает одну элементарную дискурсивную единицу (ЭДЕ), а в состав входят не менее трех нечетких номинаций одного или (что встречается чаще) двух типов. Приведем несколько примеров: *это что-то больше приближенное к процессу горения; это все-таки скорее воспринимается как некое такое...; ну, для меня битва – это что-то такое очень крупное; во тьме может присутствовать какой-то недруг, нежелательный персонаж, злодей и так далее, что-то угрожающее; тьма, не знаю, наверно, что-то мифическое, что-то больше к сказкам как-то относится*.

В представленном в данной статье исследовании кластеры неопределенности выявляются на примере 10 испытуемых, устанавливается частотность их употребления с жестами, анализируются функциональные особенности жестов. Далее, на основании выявленных особенностей сочетаемости вербальных и жестовых единиц, делаются выводы о роли кластеров неопределенности в решении интересующих нас спонтанных задач.

Количественный анализ частотности употребления кластеров неопределенности с жестами показал, что из 271 кластера 233 сопровождалась жестами (их ударными фазами), что составляет около 86 % от общего количества соответствующих выражений. Данный показатель варьирует от 100 % до 68 % в зависимости от индивидуальных особенностей испытуемых. При этом на один кластер приходится в среднем 1,6 жеста; общее количество жестов – 442.

Относительно функциональных особенностей жестов, употребляемых с указанными фрагментами, установлено, что наиболее частотными являются жесты-самоадаптеры – потирания рук, коленей, подергивание себя за ухо, сжимание и разжимание пальцев (44 %, N = 195; 100 % = 442). Далее следуют прагматические жесты, устанавливающие контакт с собеседником, указывающие на эмфазу или выражающие неуверенность – ладони, направленные к собеседнику, жесты колебания или циклические движения, биты (33 %, N = 146); репрезентирующие жесты, иконически представляющие свойства объектов – форму, производимые им физические действия, вес и пр. (15 %, N = 66); дейктические жесты, непосредственно указывающие на объекты (8 %, N = 35).

Полученные количественные данные позволяют на данном этапе заключить, что анализируемый тип решения задач сопровождается весьма интенсивной экспликацией неопределенности, причем в обеих модальностях – вербальной и жестовой. Иными словами, пользуясь терминами теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсона, испытуемые активно «инвестировали» не только словесные, но и кинетические ресурсы в экспликацию того, что, казалось бы, не приносит положительного когнитивного эффекта, поскольку не делает понимание проще и достовернее. Вместе с тем, в соответствии с когнитивными и коммуникативными принципами релевантности, каждое высказывание нацелено на максимизацию релевантности и содержит презумпцию своей оптимальной релевантности [Sperber, Wilson 1995]. Иными словами, можно предположить, что если разные говорящие активно используют полимодальные единства с повышенной степенью неопределенности, то данные выражения релевантны для решения соответствующей задачи. Попробуем объяснить, с чем связан такой парадокс.

Во-первых, высокая концентрация неопределенности в кластерах обусловлена характером решаемой задачи: говорящим приходится не только производить дефиниции слов «с ходу», но и оперировать сущностями высокой степени абстракции, что приводит к повышению уровня неопределенности в речи – в частности, к обращению к словам общей семантики.

Во-вторых, нельзя не учитывать, с одной стороны, близость предъявляемых синонимов (ср. *чепуха* и *ерунда*), что создает повышенную когнитивную нагрузку даже для тех, кто владеет языком в совершенстве; с другой стороны – неформальный характер общения испытуемого и экспериментатора, выступающего в роли слушающего. Отмеченные особенности приводят к повышенному содержанию в речи заполнителей пауз, выражений субъективного мнения и иных хеджей, призванных замедлить темп речи и предоставить больше времени для раздумий. О том, что кластеры неопределенности выполняют функцию снятия напряжения, свидетельствует преобладание жестов-самоадаптеров над всеми остальными функциональными типами жестов (44 %).

В-третьих, при решении спонтанных метаязыковых задач для говорящего, по-видимому, важной становится возможность сигнализировать слушающему, что он действует в условиях неопределенности. Аппроксиматоры в сочетании

с заместителями не только позволяют подниматься с базового уровня категоризации на суперординатный (напр., *что-то больше относящееся к мистике*), реифицируя сущности с размытыми границами и как бы легитимизируя их, но и избежать повышенных ожиданий со стороны собеседника и тем самым сохранить свое лицо. Подтверждением этому служат прагматические жесты, которые занимают второе место по частотности в нашем материале (33 %) и которые применяются для привлечения внимания говорящего к тому, о чем идет речь (включая конструирование объекта как члена категории с размытыми границами); для наведения контакта с собеседником в моменты неопределенности; для подчеркивания того, что знания говорящего не точны и могут быть пересмотрены.

В целом, полученные результаты подтверждают кросс-модальный характер неопределенности и указывают на то, что при решении спонтанных метаязыковых задач говорящие привлекают дополнительные коммуникативные ресурсы не только для собственной адаптации к неопределенности и снятия когнитивного напряжения, но и для экспликации своего когнитивного (эпистемического) состояния в интересах слушающего.

Литература

- Ирсаханова О.К., Аврамова Ю.С.* Нечеткая референция при решении метаязыковых задач как полимодальный феномен // Когнитивные исследования языка. 2021. № 4 (47). С. 233–244.
- Строгон П.Ф.* Идентифицирующая референция и истинностное значение // Новое в зарубежной лингвистике, 1982. № 13. С. 109–133.
- Barnes E., Williams R.* A Theory of Metaphysical Indeterminacy // Oxford Studies in Metaphysics, 2011. Vol.6. Oxford: Oxford University Press, 2011. P. 103–148.
- Cutting J.* Introduction to vague language explored // Cutting, Joan (ed.) Vague Language Explored. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. P. 3–20.
- Divjak D., Milin P.* Exploring and exploiting uncertainty: Statistical learning ability affects how we learn to process language along multiple dimensions of experience // Cognitive Science. 2020. № 44. P. 1–32.
- Krause P., Clark D.* Representing Uncertain Knowledge: An Artificial Intelligence Approach. Oxford: Intellect Press, 1993.
- Lakoff G.* Hedges // Journal of Philosophical Logic, 1973. Vol. 2. P. 458–508.
- Mushtaq F., Bland A.R., Schaefer A.* Uncertainty and cognitive control // Frontiers in Psychology. 2011. Vol. 2. P. 1–14.
- Partee B.N.* Opacity, Coreference and Pronouns // Semantics of Natural Language / D. Davidson, G. Harman (eds.). Dordrecht: Reidel, 1972. P. 415–441.
- Podlesskaya V.I.* Parameters for typological variation of placeholders // Amiridze, Nino, Boyd H. Davis and Margaret MacLagan (eds.) Fillers, Pauses and Placeholders. Typological Studies in Language, 2010. Vol. 93. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing House. P. 11–32.
- Russell B.* Logic and Knowledge. London: Allen and Unwin, 1956.
- Sperber D., Wilson D.* Relevance: Communication and Cognition. Hoboken, New Jersey: Wiley-Blackwell, 1995.
- Tárnyiková J.* English Placeholders as Manifestations of Vague Language: Their Role in Social Interaction // Brno Studies in English, 2019. Vol. 45. No. 2. P. 201–216.

*O.K. Iriskhanova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences*

INDETERMINACY IN SPONTANEOUS PROBLEM SOLVING: WHAT CAN GESTURES REVEAL?

The present study investigates the role of verbal and non-verbal means of expressing indeterminacy in oral communication. Two types of indeterminacy markers (place-holders and approximators) are analyzed in spoken Russian discourse, in which speakers are encouraged to explain the difference between close synonyms. The study reveals that the indeterminacy markers form clusters in speech and in most cases co-occur with gestures, especially adapters and pragmatic gestures, which points to a special role of the clusters in this type of multimodal interaction.

Key words: indeterminacy, indeterminacy markers, place-holder, approximator, gesture.

*М.И. Киосе (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет, Москва
maria_kiose@mail.ru*

ТЕОРИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ СОБЫТИЯ В КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКЕ И ИХ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ВЕРИФИКАЦИЯ⁸

В работе представлены подходы к анализу события как онтологического, гносеологического и коммуникативного феномена в когнитивной семантике. Показано, что коммуникативное измерение события может быть использовано для экспериментального анализа иных измерений события. На примере анализа асинхронной адаптации коммуникативных модальностей, визуальной и речевой (коммуникативное измерение), демонстрируется значимость онтологической характеристики перспективы в конструировании события.

Ключевые слова: когнитивная семантика, теория события, полимодальный метод анализа события, окулографический эксперимент, перспектива.

В когнитивной семантике наблюдается повышенный интерес к феномену события (и событийности), что обусловлено, во-многом, его объяснительным потенциалом для изучения особенностей конструирования мира в языке и дискурсе. Как известно, событие может подвергаться анализу в аспекте его тематических ролей [Dowty 1991], формирующих событие компонентов (сегментов), например, референтов, пространства и времени, действий и состояний [Elman 2009; Richmond & Zacks 2017], его координат (статичность – динамичность, контролируемость – неконтролируемость и др.) [Демьянков 1983], когнитивных схем интерпретации, в основании которых находятся концептуально-тематические области [Болдырев 2016], иначе – в онтологическом измерении. Во многих случаях событие исследуется с точки зрения

⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 20-012-00370 «Гетерогенность текста и факторы ее успешной интерпретации читателем» в Московском государственном лингвистическом университете.

реализующих его когнитивных механизмов, например, профилирования, фокусирования, перспективизации, динамики силы и др. (см. обзор в [Verhagen 2007]), то есть как способ изучения познавательных процессов, что соотносится с его гносеологическим измерением. Также событие может быть рассмотрено в коммуникативном и социокоммуникативном измерении; так, участники коммуникации, их действия и отношения как компоненты коммуникативного события могут быть описаны с помощью пропозициональных структур [Ирисханова 2014], а коммуникативные модальности (например, речь и жест, речь и взгляд) – с помощью типов их адаптации в полимодальной коммуникации и в дискурсе в целом [Демьянков 2019; Ирисханова 2021]. Каждое из перечисленных измерений события может выступать в качестве самостоятельного объекта анализа (см. подробнее в [Ирисханова, Киосе 2016]), однако коммуникативное измерение предоставляет возможности экспериментальной верификации особенностей конструирования события как онтологического и гносеологического феномена. Наблюдаемые изменения в коммуникативном поведении при интерпретации событий как онтологических феноменов, например, в отношении типов представленных референтов или перспективы, могут служить индикаторами значимости данных референтов или перспективы для конструирования события. При этом чем большие изменения обнаруживаются в показателях некоторой коммуникативной модальности или модальностей (при полимодальном конструировании события), тем о больших изменениях в конструировании события в онтологическом или гносеологическом измерении они, очевидно, свидетельствуют. Изучение таких изменений в условиях адаптации модальностей в коммуникативном событии помогает установить значимость тех или иных онтологических и гносеологических характеристик события в языке и полимодальных дискурсах. Указанная задача решается, например, в работе [Divjak et al. 2020], в которой изменения глазодвигательного поведения в отношении стимулов (включающих текст и изображение), предъявляемых с и без языкового комментария, позволяет ранжировать значимость таких сегментов события, как его локативность, агентивность и ролевой трансфер (агентивность – объектность). В исследовании определено, что воздействие данных сегментов, реализуемых в языковом описании, определяет порядок восприятия предъявляемых объектов, изменение в зрительных паттернах, распределение внимания на компонентах изображения. В ряде исследований с помощью глазодвигательных реакций подтверждается значимость для конструирования события когнитивных механизмов салиентности (зд. конвенционализации) [Givoni & Giora 2018] и фокусирования тех или иных компонентов или характеристик события, например, его аспектуальности [Ji & Parafragou 2018].

Таким образом, особенности адаптации коммуникативных модальностей (например, речи, жеста, взгляда) играют важную роль в конструировании события участниками коммуникации. В настоящей работе мы обратимся к типам их временной адаптации. Как известно, существуют две возможности такой

адаптации: 1) когда модальности синхронизированы во времени, то есть задействуются одновременно (такой тип можно назвать «адаптация-синхронизация»), и 2) когда конструирование события разными модальностями происходит с разрывом во времени («асинхронная адаптация»). Оба типа адаптации исследуются в экспериментальных работах, однако чаще анализу подвергается первый. В этом случае «снятие» показаний двух коммуникативных модальностей происходит одновременно, как, например, в работе [Brône 2021], где показатели глазодвигательной активности «снимаются» одновременно с показателями жестовой и речевой модальностей. Второй тип подразумевает использование *post hoc* показаний, чаще – речевой модальности. Так, в работе [Trueswell & Papafragou 2010] использование процедуры асинхронной адаптации модальностей (глазодвигательной и речевой) позволило установить особенности ранжированной значимости для конструирования событий типов его участников (агентивных и неагентивных).

В работе мы также обращаемся к феномену асинхронной адаптации двух коммуникативных модальностей, глазодвигательной и речевой. Во многих исследованиях убедительно показано, что изменения глазодвигательного поведения определяются влиянием такой онтологической характеристики события, как тип перспективы [Mikkonen & Lautenbacher 2019]. С целью проверить значимость перспективы для конструирования коммуникативного события при асинхронной адаптации модальностей был проведен эксперимент, в ходе которого испытуемые рассматривали ряд стимулов и предоставляли речевые интерпретации после их рассматривания. Основным вопросом исследования был следующий: сохраняются ли характеристики перспективы события в условиях его конструирования разными модальностям с «разрывом» во времени или же при «вторичной интерпретации» события [Болдырев 2016] эти характеристики подвергаются значительной трансформации? В качестве стимулов использованы односторонние фрагменты художественных книг, включающие текстовый компонент и изображение. Был подготовлен цикл из шести стимульных образцов, которые предъявлялись в течение 15 секунд, между образцами использовались «пустые» слайды, во время наблюдения которых испытуемые давали свои речевые интерпретации увиденному и прочитанному событию [Kiose, Rzheshhevskaya, Izmailova 2022]. Далее анализу подвергались тепловые карты для установления особенностей визуальной модальности и типов дискурса в речевых интерпретациях для установления особенностей речевой модальности. Рассмотрим в качестве примера два стимульных образца (комиксы), демонстрирующих различные характеристики перспективы события. Во-первых, в стимулах по-разному представлена такая характеристика, как «Точка и направления обзора»: на стимуле 1 в зонах изображения присутствует внутренний наблюдатель – девочка, рассматривающая и в некоторых случаях взаимодействующая с «очеловеченными» экспонатами (фиктивная коммуникация [Pascual 2014]) в AOI 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15; на стимуле 2 демонстрация внутреннего наблюдателя в ходе его взаимодействия с иными участниками

представлена только в последней зоне изображения АОI 13 и в АОI 12, где реализуется «взаимодействие» участника с компьютером (до этих зон испытуемые часто «не доходили»). Во-вторых, различия наблюдаются в реализации характеристики «Путь обзора»: на стимуле 1 путь обзора не является жестко определенным, зритель может выбрать несколько вариантов движения по стимулу, в то время как интерпретация стимула 2 предполагает обязательный выбор жесткого пути обзора, который диктуется хронологией событий. Приведем выделенные на стимулах зоны текста и изображения и полученные тепловые карты на рис. 1 и 2.

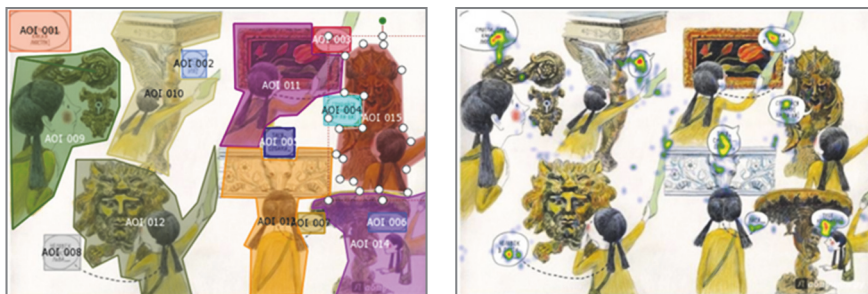

Рис. 1. Зоны интереса (зоны текста и изображения) и тепловая карта стимула 1

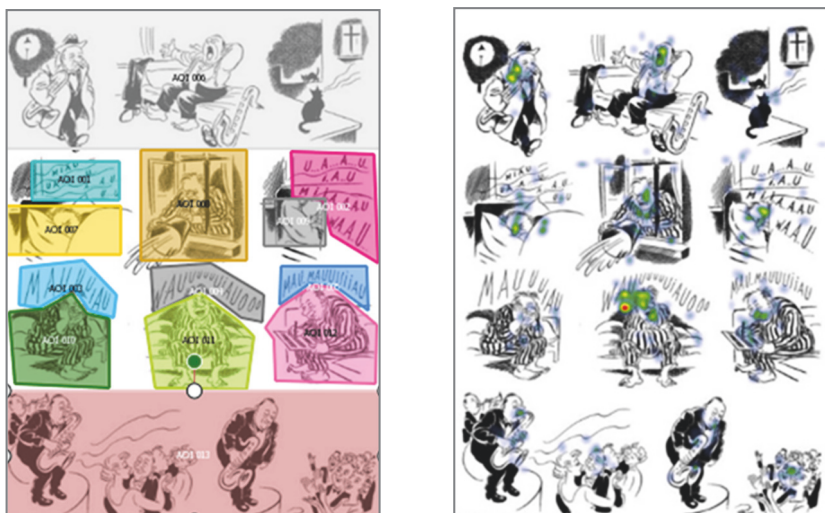

Рис. 2. Зоны интереса (зоны текста и изображения) и тепловая карта стимула 2

На первом этапе был проведен анализ значимых различий в глазодвигательных показателях на стимулах. Как оказалось, эти различия обнаруживаются в целом ряде показателей: частоте фиксаций ($F(1;17) = 5.9$; $p < 0.05$), средней амплитуде саккад ($F(1;17) = 5.6$; $p < 0.05$), продолжительности первых фиксаций в зонах текста и изображения ($F(1;269) = 10.1$; $p < 0.01$) и среднем количестве переходов между зонами ($F(1;269) = 4.6$; $p < 0.05$). Можно предположить, что данные различия обусловлены именно различиями в характеристиках перспективы события. На это указывают, прежде всего, различия в продолжительности первых фиксаций в зонах текста и изображения и в среднем количестве переходов между зонами, так как эти показатели свидетельствуют об особенностях переключения между зонами текста и изображения, «управляемых» в большей степени именно перспективой.

На втором этапе для анализа адаптации речевого поведения, не синхронизированного с процессом предъявления стимула, проведена оценка дискурсивных типов интерпретаций в ответах испытуемых. Прежде всего, было отмечено, что в речевых интерпретациях присутствуют нарративные, дескриптивные и спекулятивные (рассуждение) образцы дискурса. Выводы об использовании того или иного типа дискурса в интерпретации были сделаны по итогам обнаружения в речи таких маркеров, как время глаголов (настоящее для дескриптива, прошедшее либо смена времен для нарратива), перечисление (для дескриптива), использование модальных слов (рассуждение), использование слов с оценочным значением (рассуждение), использование слов с семантикой телесности (*видит, смотрит*) (дескриптив) и слов с семантикой акционности (*делает, берет*) (нарратив), использование слов с семантикой неопределенности (рассуждение) и некоторых других. Установлено, что первый образец чаще получал дискурсивные интерпретации дескриптива и рассуждения, причем в большинстве случаев они использовались совместно, в начале давалось описание, потом – рассуждение. Приведем некоторые примеры ответов: *Девочка смотрит... Это наверно в музее. Ее тянет... за руку... Экспонаты всякие; Это комикс ... где нарисована ... одна и та же девочка в ... разных ракурсах с разными произведениями искусства и по каждому из них она выдает какую-то ... реплику ... реакцию на картину, я понимаю; Девочка Тася судя по всему пришла в музей и смотрит разные объекты ... которые с ней разговаривают ... разные произведения искусства. Рассуждение здесь демонстрируется в выборе модальных конструкций (это наверно в музее), речевых паттернов (я понимаю в смысле 'как я понимаю', судя по всему). При интерпретации второго образца испытуемые чаще выстраивали нарратив, в некоторых случаях нарративу предшествовало рассуждение. Приведем примеры интерпретаций: *Человек играет на саксофоне и возвращается поздно домой. Ложится спать, но кошка не дает ему спать и он облива.. поливает ее водой... из окна. На следующий день у него концерт и ... он играет на саксофоне и все ему аплодируют; Э... кот беспокоил... человека... и ... который постоянно его слышал из окна и ... значит он сидел слушал.. слушал это потом сочинил из мелодии ... которой.. из мяуканья**

кота мелодию, которую потом исполнил на концерте (нарративы); Это наверно типичный день джазового музыканта..., Я увидела прям... день из жизни одного человека ... как он вернулся домой, проснулся и чем он занимался днем утром и вечером. Спал, проснулся немного раздраженный (рассуждения и нарратив).

Можно предположить, что различие в выборе дискурсивного типа речевых интерпретаций – дескриптив + рассуждение для первого стимула и рассуждение + нарратив для второго стимула – может быть обусловлено присутствием внутреннего наблюдателя на стимуле 1 и отсутствием такового на стимуле 2. В первом случае внимание испытуемого будет управляться принятием позиции внутреннего наблюдателя (девочки) и построением дескриптивного дискурса с последующим представлением своей позиции, результатом чего становится появление рассуждения в интерпретации. Во втором случае дискурс начинается с рассуждения, в ходе которого, возможно, и происходит выбор позиции и оценка ситуации, далее выстраивается нарратив. Выбор дескриптива и нарратива также представляется обусловленным путем обзора, а именно вариативностью построения последовательности микрособытий на стимуле 1 и жестко определенной последовательностью микрособытий на стимуле 2.

Таким образом, даже в случае асинхронной адаптации коммуникативных модальностей характеристики перспективы события определяют особенности реализации глазодвигательного и речевого поведения. Иначе – наблюдаются согласованные «реакции» коммуникативных модальностей на данную онтологическую характеристику события. Полагаем, что не на все онтологические и гносеологические характеристики события будет получена такая согласованная реакция; скорее всего, она будет определяться взвешенной значимостью характеристик для конструирования события в стимуле. Данный метод анализа события, заключающийся в установлении значимости онтологических или гносеологических характеристик события при помощи анализа особенностей адаптации коммуникативных модальностей, можно назвать полимодальным. В отличие от исследований, в которых полимодальная коммуникация сама является объектом анализа, здесь она выступает инструментом или, как мы указали, методом верификации значимых для человека особенностей конструирования мира в языке и дискурсе.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. Вып. 4. С. 10–20.
- Демьянков В.З.* «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320–329.
- Демьянков В.З.* Согласование и адаптация модальностей // Когнитивные исследования языка. Вып. 39, 2019. С. 88–99.
- Ирисханова О.К.* Социокогнитивная лингвистика: Структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 5–17.
- Ирисханова О.К.* (ред.) Полимодальные измерения дискурса. М.: Языки славянской культуры, 2021.

- Ирисханова О.К., Кюсе М.И.* Технологии трансфера междисциплинарных терминов в лингвистику // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: методы, принципы, технологии. Отв. ред. В.В. Фещенко. М.: Культурная революция, 2016. С. 151–180.
- Brône G.* The multimodal negotiation of irony and humor in interaction: On the role of eye gaze in joint pretense / A. Soares da Silva (ed.) // *Figurative language – Intersubjectivity and usage*. Amsterdam: John Benjamin's Publishing Company, 2021. P. 109–137.
- Divjak D., Milin P., Medimorec S.* Construal in language: A visual-world approach to the effects of linguistic alternations on event perception and conception // *Cognitive Linguistics*, 2020. № 19. P. 37–72.
- Dowty D.* Thematic proto-roles and argument selection. *Language*, 67(3), 1991. P. 547–619.
- Elman J.L.* On the meaning of words and dinosaur bones: Lexical knowledge without a lexicon. *Cognitive Science*. 2009. 33(4). P. 547–582.
- Givoni S., Giora R.* Salience and Defaultness / F. Liedtke, A. Tuchen (eds.) // *Handbuch Pragmatik*. Stuttgart: J.B. Metzler, 2018. P. 207–213.
- Graumann C.F., Kallmeyer W.* (eds.) *Perspective and perspectivation in discourse*. Amsterdam: John Benjamins Publishing company, 2002.
- Ji Y., Papafragou A.* Midpoints and endpoints in event perception / T. T. Rogers, M. Rau, X. Zhu, C. W. Kalish (Eds.) // *Proceedings of the 40th Annual Conference of the Cognitive Science Society*. Austin, TX: Cognitive Science Society, 2018. P. 1874–1879.
- Kiose M., Rzheshvskaya A., Izmailkova A.* Gaze behavior in single-page monomodal and cross-modal switches as affected by Event construal. Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. 2022. Вып. 22. Дополнительный том. P. 1078–1088.
- Mikkonen K., Lautenbacher O.* Global attention in reading comics Eye-movement indications of interplay between narrative content and layout // *ImageText* 10(2), 2019. Accessed at: http://imagetext.english.ufl.edu/archives/v10_2/mikkonen/
- Pascual E.* *Fictive Interaction: the Conversation Frame in Thought, Language, and Discourse*. Amsterdam: John Benjamins, 2014.
- Richmond L.L., Zacks J.M.* Constructing experience: Event models from perception to action. *Trends in Cognitive Sciences*. 2017. № 21. P. 962–980.
- Trueswell J., Papafragou A.* 2010. Perceiving and remembering events cross-linguistically: Evidence from dual-task paradigms. *Journal of Memory and Language*. 2010. 63. P. 64–82.
- Verhagen A.* Construal and perspectivization / D. Geeraerts, H. Cuyckens (eds.) // *The Oxford handbook of cognitive linguistics*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 48–81.

M.I. Kiose (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University, Moscow

EVENT CONSTRUAL THEORIES IN COGNITIVE SEMANTICS AND THEIR EXPERIMENTAL VERIFICATION

The work features Event construal in its ontological, epistemic and communicative aspects in cognitive semantics. It shows that communicative characteristics of events may serve to explore its ontological and epistemic characteristics. In the current study, we address two communicative modalities (gaze and speech) displaying asynchronous adaptation, to identify how perspective as an ontological characteristic affects event construal.

Keywords: cognitive semantics, eventuality, multimodal method of event construal analysis, eye tracking experiment, perspective.

*И.Ю. Колесов (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный педагогический университет
kolesov_iv@altspu.ru*

ОБ ИНТЕРФЕЙСЕ ГРАММАТИКИ И СЕМАНТИКИ В ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЯХ

В статье рассматривается проблема интерфейса как переходной зоны между формой и содержанием конструкций в рамках когнитивного подхода в теории грамматики конструкций. Акцент также сделан на преемственности в рассмотрении обусловленности семантической интерпретации языковых выражений знаниями говорящего о референтных ситуациях и ресурсах языка для их описания, заключающейся в учете взаимопроникновения всех звеньев системы языка.

Ключевые слова: конструкция, грамматика конструкций, знание, интерфейс.

Интерфейс предполагает наличие области взаимодействия взаимно ориентированных явлений. Будучи заимствованным в лингвистику из компьютерных наук, данное понятие связывало, в частности синтаксис и семантику в парадигме формальной семантики, интерфейс также связан с установлением проекций синтаксических (поверхностных) структур на семантические, что было актуально в трансформационной грамматике и позднее в семантическом синтаксисе. Интерфейс – это то, каким образом одно ведет к другому в качестве перехода, перекодирования, трансформирования и т. п. при помощи определенных инструментов, «правил», связывающих один тип языкового материала с другим. В известной теории И.А. Мельчука «Смысл \Leftrightarrow Текст» естественный язык выступает в качестве глобального интерфейса между смыслами и текстами, как «преобразователь, выполняющий переработку заданных смыслов в соответствующие им тексты и заданных текстов в соответствующие им смыслы» [Мельчук 1974: 9; Мельчук 1997].

Связь при посредстве интерфейса не может быть упрощена: нельзя сказать, что семантика языковых выражений перекодируется, без остатка «перетекает» в форму (как известно, всякое языковое значение имеет свою форму выражения, и всякая форма в языке содержательна). Если одно «переходит» в другое, интерфейс разделяет одно от другого, соединяя обе ипостаси языка своей возможностью проводить проекции одного на другое, проводя линии соединения и разграничения. Место «интерфейса» как механизма, который обеспечивает переход от одного к другому, и его устройство было бы важным объяснительным понятием в анализе языка, его единиц и категорий.

В данной работе при помощи понятия интерфейса представлен взгляд на языковые конструкции в рамках теории грамматики конструкций (Construction Grammar). В грамматике конструкций ведущая роль принадлежит принципу функциональности: в том, как организовано, структурировано содержание языковых выражений (конструкций) главную роль играет коммуникативная функция языка, а связь между коммуникативной актуализацией языковых единиц и их статусом в организации языка может служить объяснением устройства

языка – языковые выражения, их таксономии, подсистемы языка и язык в целом устроены таким образом, чтобы было обеспечено решение коммуникативных задач [Boas, Fried 2005]. В качестве преемственности теории, отметим, что данная идея давно разрабатывалась в отечественной науке, как отмечает Е.В. Падучева, коммуникативная структура – это просто деление на тему и рему, это источник сведений о семантике, «позволяющий выводить семантические следствия и предсказывать существенные аспекты языкового поведения слов и конструкций» [Падучева 2009; 2012]. Опираясь на описание трансформационной структуры предложения [Хэррис 1962; Хомский 1962], в работе 1964 г. Е.В. Падучева акцентировала внимание на том, что синтаксическая структура должна описываться двояко – в соответствии с тем, что она основана на отношениях согласования, управления и примыкания между словами и группами слов, и тем, что она содержит информацию о выводе из смысла отдельных слов и синтаксических конструкций смысла более крупных частей предложения, а в конечном счете – смысл предложения в целом [Падучева 1964: 99]. Здесь важно заметить существенные различия в двух подходах – соответствие смыслов текстов (и наоборот) определяется И.А. Мельчуком сугубо функционально – только в плане преобразований, и антименталистски, т. к. язык не зависит от реального речевого поведения говорящих, их когнитивных и психологических состояний. Это отчасти объясняется замкнутостью лингвистики в системно-структурном синхроническом описании языка начала и середины XX в. В рамках пост-хомскианской семантической и семантико-когнитивной интерпретации синтаксических структур язык уже не рассматривается как самодовлеющий феномен, а как вспомогательный инструмент, обеспечивающий мыслительную деятельность, находящийся в неразрывном единстве с мышлением [Сепир 1993: 248, 249]. Отдадим дань среди многих отечественных лингвистов А.Е. Кибрику, сформулировавшему лингвистические постулаты (1983 г.), среди которых на первом плане семантическая интерпретация функционирования языка: «Исходными объектами лингвистического описания языка следует считать значения» [Кибрик 1992: 24], а также такие, в которых заложена идея интерфейса между грамматикой/синтаксисом и семантикой: «Как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной степени предопределены семантическим уровнем» [Кибрик 1992: 21], «Устройство грамматической формы отражает тем или иным образом суть смысла» [Кибрик 1992: 25].

Возвращаясь к предмету исследования, попытаемся очертить понятие интерфейса между семантическими свойствами конструкций и грамматической структурой языкового выражения.

В теории грамматики конструкций ведущим принципом оказывается расширительное понимание конструкции – это и устойчивые синтаксические структуры (например, английские каузативные структуры *He danced her out of the hall*, конструкции с неличными глагольными формами типа Complex Subject, Complex Object, и др., русские структуры типа *мне/ему не до + имя*

в Род.П. – мне не до шуток), именные конструкции, ориентированные на семантику «контейнера» «глубокий X», «X с Y-ом», «X в Y-е», «X Y-а» – *глубокая миска, миска с кашей, каша в миске, миска каши* [Рахилина 2004] и т. п.

Эти и другие примеры свидетельствуют о том, что принципом включения языковых единиц или выражений в репертуар конструкций не является их структурно-синтаксическая основа, и синтагматическое развертывание одних и тех же единиц в лексически близких контекстах регулярно порождает различия не за счет собственно сочетаемости, а по иным причинам: вследствие семантических различий между грамматическими формами (*выпил чай – выпил чаю*), различных отношений между элементами в схожих структурах на основе их лексико-семантических признаков (*He gave me a nod – He gave me a book*); благодаря коммуникативно-семантическим признакам элементов высказывания: *Девушка (тема предложения) вошла в комнату – В комнату вошла девушка* (рема предложения), при смене категориально-семантического признака сказуемого *I walk with my dog every night (процессуальный предикат, называющий процесс) – I walk my dog every night (акциональный предикат, обозначающий действие, направленное на объект)*.

Безусловно, основным признаком конструкции является ее композиционность, поэтому к конструкциям в обсуждаемом смысле принадлежат наряду с коммуникативными единицами (высказываниями) такие составные номинативные единицы языка, как производное слово, или сложносоставное слово и прилегающие к ним образования, в которых соблюдается принцип свертывания коммуникативной единицы в номинативную, например, уже имеющее историю в блогосфере *мояхатаस्कрайники*, ср. англ. *matter-of-fact-ness (практичность, безразличность), the girl I met at the party's picture (фото девушки, с которой я познакомился на вечеринке)*.

Связь, имеющаяся между формой конструкции и ее семантикой, безусловно, должна быть включена в понятие интерфейса языковых конструкций. Данная связь, чаще всего, является односторонней и необходимой в первую очередь для интерпретации конструкции, вследствие чего, сама по себе она – сигнал наличия интерфейса. Сравним следующие предложения: *We saw him cross the street and enter the book store – We saw him crossing the street (we don't know where he went)*. Значения грамматических форм инфинитива и причастия (соответственно, полное, завершенное, цельное действие и фрагмент незавершенного действия) служат «точкой входа» в интерфейс. Сам же интерфейс формируется фреймом знания о том, каким образом события могут восприниматься, например, зрительно, – как разворачивающиеся перед лицом наблюдателя, увидевшего все или часть события. Чтобы укрепить наше понимание интерфейса, обратимся к анализу таких пар предложений, как:

- (1) *They planted wheat in the field. They smeared butter on bread.*
- (2) *They planted the field with wheat. They smeared bread with butter.*

В предложениях (1) названа ситуация использования пшеницы и хлеба, каким образом они были израсходованы – посев пшеницы в поле, намазывание

масла на хлеб. Предложения (2) обозначают то, как были задействованы в данных событиях поле (его засеяли пшеницей) и сливочное масло (им намазали хлеб). Эти типы содержания выражены в актуальном членении предложений: во всех предложениях тема – это то, что было «израсходовано»: в предложениях (1) пшеница использована в поле и масло на бутерброде, а в предложениях (2) поле использовано под пшеницу и хлеб для масла. Знание о ситуации 1 типа структурируется фреймом «Агент – Действие – Объект действия – Место», знание о ситуации 2 типа представлено фреймом «Агент – Действие – Объект действия 1 – Объект действия 2». Структурирование знания данными фреймами способствует соединению поверхностной структуры данных предложений с выражаемым ими смыслом и является интерфейсом в данном виде конструкций.

Наличие ограничений на включение элементов в конструкции, либо на включение их самих в единицы более высокого уровня является их значимым признаком. Так в конструкции NP + make + NP (*A good husband makes a good wife; She made a good wife to him; She made him a good husband because she made him a good wife; etc.*) нельзя избежать использования атрибутов при именах: **A husband makes a wife*, поскольку значением конструкции является нетривиальное соединение элементов, что сказывается также и на развитии значения «become» у глагола make – *A good husband makes a good wife* («У хорошего мужа и жена хорошая»; досл. «При хорошем муже и жена становится хорошей»). Данную конструкцию не смешивают с дупереходными структурами *She made us coffee (She made coffee to us)* благодаря имеющемуся в обеих конструкциях интерфейсу – наличию знания о референтных ситуациях, которое структурируется у каждой конструкции своим фреймом: в конструкции NP + make + NP фрейм содержит узлы «Субъект – Процесс становления качества (перехода в состоянии) – Новое качество», в структурах о приготовленном кофе интерфейсом является фрейм «Агент – Действие – Объект-фактитив (созданный при осуществлении действия) – Объект-бенефактив (получивший положительный результат действия).

Таким образом, в грамматике конструкций интерфейсом между формой и содержанием конструкции является структура знания, которая может быть сопоставлена другой структуре знания о референтных ситуациях. Поиск интерфейса как своего рода «шлюза» между формой и содержанием конструкций осуществляется в сфере когнитивного анализа семантики языковых выражений, где могут быть выявлены особенности концептуализации и категоризации их референтов т. е. в сфере выявления знания, репрезентируемого в конструкциях.

Литература

- Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Издательство МГУ, 1992.
Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Москва-Вена: Языки рксской культуры, 1997.
Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ⇔ Текст». Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974.
Падучева Е.В. К семантике коммуникативной структуры: исходные структуры и линейно-акцентные преобразования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции «Диалог». 2012. Вып. 11. С. 522–535.

Падучева Е.В. О способах представления синтаксической структуры предложения // Вопросы языкознания. 1964. № 2. С. 99–113.

Рахилина Е.В. Контейнер и содержимое в русском языке: наивная топология // Языковые значения: Методы исследования и принципы описания (памяти О.Н. Селиверстовой). М.: МГПУ, 2004. С. 233–257.

Сенур Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: пер. с англ. / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. М.: «Прогресс», 1993.

Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. 1962. Вып. 2. С. 412–527.

Хэррис З.С. Совместная встречаемость и трансформации в языковой структуре // Новое в лингвистике. 1962. Вып. 2. С. 528–636.

Boas H., Fried M. Grammatical constructions. Back to roots. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2005.

I.Yu. Kolesov (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

TOWARDS THE NOTION OF INTERFACE OF STRUCTURE AND MEANING IN CONSTRUCTIONS

The article focuses on the problem of interface as transitional area connecting structure and meaning in lingual units within the cognitive aspect in the theory of Construction Grammar. The emphasis is also placed on the continuity in linguistic research in viewing semantic interpretation of language expressions as dependent upon the speaker's knowing reference scenes expressed by sentences and the resources of the language for their nomination, which is effected in accounting for interpenetration of all subsystems in a language.

Key words: construction, Construction Grammar, knowledge, interface.

И.А. Краева (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
irinakraeva@linguanet.ru

ГРАДУАЛЬНОСТЬ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КОГНИЦИИ И КОММУНИКАЦИИ

В статье предложено авторское определение концепта «градуальность». Высказывается мнение, что формирование и развитие категории градуальности в английском языке имеют свои концептуальные основания и определяются в первую очередь самим концептом «градуальность» и модусным характером категории градуальности.

Ключевые слова: градуальность, концепт, модусная категория, концептуальные основания, когнитивная матрица.

Не иссякает интерес исследователей и к «старым» проблемам, особенно тем, которые важны для выявления и изучения того общего, что объединяет всех людей. В первую очередь, это исследования онтологических категорий (количества, качества, градуальности, оценки, интенсивности и др.), которые находятся в центре внимания ученых разных областей на протяжении всей истории научной мысли, поскольку имеют для мышления человека и его изучения непреходящее значение.

Одной из таких основополагающих универсальных понятийных категорий является **градуальность**, которая выражает, по мнению Соломона Давидовича Кацнельсона, «отношение одного понятия к другому».

Данная категория формируется у человека в ходе сравнения объектов окружающего мира и стоит в одном ряду с такими онтологическими категориями, как качество и количество, единичное и общее, содержание и форма, целое и часть, причина и следствие, пространство, время, движение и др. В то же время, отражая субъективные представления человека о степени проявления свойств объекта, категория градуальности оказывается тесно связанной с модусными категориями оценки, модальности, эмотивности, экспрессивности. Кроме того, градуальность соотносится с языковыми категориями и явлениями – такими как суперлативность, качественность / относительность прилагательных, интенсивность и пр.

Из всего множества существующих на сегодняшний день определений концепта, базирующихся на разных релевантных признаках, положенных в основу его дефиниции, для нашего исследования наиболее важны два определения. Во-первых, это определение концепта, данное Е. С. Кубряковой: концепт – это «термин, служащий объяснению единиц ментальных и психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова 1996: 90].

Второе, также широко принятое определение, дали в своих работах Зинаида Даниловна Попова и Иосиф Абрамович Стернин: «Концепт понимается как глобальная мыслительная единица, представляющая собой квант структурированного знания. Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека» [Попова, Стернин 1999: 4].

Основываясь на указанных определениях концепта в целом, модусный концепт «градуальность», на базе которого формируется объективирующая его в языке категория градуальности, мы определяем как **квант структурированного знания о том, что признак предмета, состояния или действия может варьироваться, то есть проявляться в разной степени. При этом степень проявления признака может изменяться в большую или меньшую сторону по отношению к некоторому стандарту / норме / эталону.**

И здесь следует особо подчеркнуть, что большим вкладом в развитие теории категоризации стало выделение Николаем Николаевичем Болдыревым, **модусных, или оценочных** (в широком смысле этого слова) категорий, которые обеспечивают возможности различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов.

На протяжении определенного времени ученые, опираясь на онтологический треугольник «мир – человек – язык», сводили всё многообразие языковых категорий как форм репрезентации знаний к двум основным видам категоризации, соответствующим двум основным моделям категориального видения мира

человеком, – **лексической и грамматической**. Н. Н. Болдырев впервые высказал и обосновал мысль о том, что «всё многообразие языковых категорий как форм репрезентации знаний можно свести к трем основным типам, представляющим собой три модели категориального видения мира: лексические, грамматические и модусные» [Болдырев 2006: 21].

В ходе сравнения концепт «градуальность» ведет к логическому процессу градуирования / градации, результаты которого вербализуются в языке. При этом, с точки зрения Е. С. Кубряковой, «чем значимее определенный концепт для человеческого мышления, тем более сложной системой языковых средств и языковых форм он может быть выражен» [Кубрякова 2004: 313].

Несмотря на устойчивый интерес современных лингвистов к изучаемому явлению, на настоящий момент не предложено единой концепции градуальности, которая позволила бы с когнитивных позиций объяснить широкий диапазон языковых явлений (морфологических, лексико-семантических, синтаксических, прагматических), опирающихся на категорию градуальности, а также выявить **концептуальные основания развития** этой важнейшей категории, отражающей способность человека вычленять изменяемые свойства объектов, оценивать степень их проявления и выразить это в языке. Между тем, как и другие языковые категории, категория градуальности **развивается**.

Изучая категорию градуальности, мы впервые предприняли попытку рассмотреть в русле когнитивной парадигмы лингвистического знания **процесс ее развития**. Категория градуальности изучается нами как категория, совмещающая в себе онтологическую, модусную (интерпретационную) и языковую категориацию и объективирующая в языке модусный концепт «градуальность». Основная задача исследования заключается в том, чтобы выявить содержание и особенности данного процесса в современном английском языке.

Отметим, что при трактовке термина «развитие категории», мы опираемся на мнение ученых, которые считают, что к динамическим языковым процессам можно отнести 1) эволюцию языка, 2) развитие языка, 3) совершенствование языка.

Полагаем, что формирование и развитие категории «градуальность» в английском языке (в том числе характер этого развития и его особенности) имеют свои **концептуальные основания** и определяются в первую очередь самим концептом «градуальность» и модусным характером категории градуальности.

Одним из актуальных вопросов современной лингвистики при изучении концептов и формируемых вокруг них языковых категорий является вопрос о разработке **новых методов исследования** концептуальных структур. В частности, исследователи у нас в стране и за рубежом уже на протяжении ряда лет отмечают необходимость разработки новых методов исследования концептов – их содержания и структуры.

В качестве **концептуальных оснований развития** языковой категории градуальности выступает в первую очередь сам **модусный концепт «градуальность»**.

Представляется, что для описания модусного концепта «градуальность» наиболее удачным является представление его именно в виде когнитивной

матрицы, поскольку данный вид представления концепта «градуальность», как и других модусных концептов, действительно открывает доступ к нескольким концептуальным областям различного уровня сложности.

Полагаем, что источниками-компонентами матрицы в случае концепта «градуальность» могут рассматриваться концептуальные области «сравнение», «признак», «степень проявления признака», «норма», «количество», «качество», «оценка», «языковая репрезентация».

Кроме того, для данного исследования важно применение именно когнитивно-матричного анализа, так как его использование «предполагает учет основных механизмов работы человеческого сознания, таких как: сравнение, отождествление, внимание, апперцепция, инференция. Действие этих механизмов требует объединения нескольких элементов, подвергающихся сравнению, отождествлению, выделению и т. д. в единую концептуальную структуру и установления определенных типов отношений между ними. Такие динамические, возникающие в ходе мыслительной деятельности, концептуальные структуры, состоящие из элементов и отношений между ними, Ж. Фоконье предложил называть ментальными пространствами [Fauconnier 1985]» [Болдырев, Куликов 2006: 5]. А ментальные пространства, как известно, изменяются, пересекаются и т. д., т. е. подвержены различного рода динамическим изменениям.

Что касается структуры модусного концепта «градуальность», то, по нашему мнению, она включает в себя **ядро** – знание о том, что признак предмета, состояния или действия может варьироваться, то есть проявляться в разной степени – и собственно **матрицу**.

Литература

- Болдырев Н. Н.* Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
- Болдырев Н. Н., Куликов В. Г.* О диалектном концепте в когнитивной системе языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65. № 3. С. 3–13.
- Кубрякова Е. С.* Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996. С. 90–93.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Попова Э. Д., Стернин И. А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж: Изд-во Воронежского ГУ, 1999.

*I.A. Kraeva (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic Universit*

GRADUALITY AT THE INTERSECTION OF COGNITION AND COMMUNICATION

The article proposes the author's definition of the concept of "graduality". The opinion is expressed that the formation and development of the category of graduality in the English language have their own conceptual foundations and are determined primarily by the concept of "graduality" and the modus character of the category of graduality.

Key words: graduality, concept, modus category, conceptual foundations, cognitive matrix.

В.В. Корнева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
kornevavalentina@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ КАК ИСТОЧНИК ФОРМИРОВАНИЯ ИСПАНСКОГО ОНОМАСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье на примере лексемы *campo* 'поле' описываются когнитивные механизмы формирования испанского ономастического пространства. Делается вывод о значимости для испанского языка концептуальной деривации разных типов. При концептуальной деривации метонимического типа происходит перекатегоризация и название природной реалии становится названием населенного пункта, а затем фамилией человека. При концептуальной деривации композиционного типа создаются более сложные когнитивные структуры, будь то производные, сложные и составные топонимы или титульные номинации Девы Марии.

Ключевые слова: концептуальная деривация, категоризация, перекатегоризация, оним, топоним, испанский язык.

Ученые давно обратили внимание на тот факт, что имена нарицательные – апеллятивы служат неиссякаемым источником для образования имен собственных – онимов. Подобно другим единицам языка, онимы в когнитивно-дискурсивной парадигме рассматриваются как схваченные телом знака структуры знания об окружающем мире, а потому выявление когнитивных механизмов формирования ономастического пространства в конкретной лингвокультуре представляет актуальную задачу лингвистики (подробнее см.: [Корнева 2016]).

Предметом нашего изучения являются возможности использования лексемы *campo* 'поле' для формирования ономастического пространства в испанской лингвокультуре, а целью – выявление и описание лежащих в их основе когнитивных механизмов. Материалом для исследования послужили данные различных испанских словарей.

Рассмотрим, как происходит в испанском языке формирование ономастических единиц и какие когнитивные механизмы задействованы в их образовании. Начнем с анализа испанских названий населенных пунктов с компонентом *campo* 'поле'. По структуре топонимы в испанском языке могут быть простыми, производными, сложными и составными. Все эти словообразовательные типы представлены в названиях с компонентом *campo*. В его семантической структуре закрепляются разные сведения об окружающем пространстве. В частности, в простых производных ойконимах – названиях населенных пунктов отражена сама природная реалия *campo* 'поле' с присущим ей набором категориальных признаков, закрепленных в словарных дефинициях соответствующей лексемы. Этимологом испанской лексемы *campo* является латинское слово *campus* 'ровная местность'. В современных словарях испанского языка *campo* трактуется как 'обширная территория вне населенного пункта' [DRAE 2014: 417] и отражает такие категориальные признаки поля, как «большой размер» и «местонахождение», тогда как в латинском языке категориальные

признаки поля были иными – «местность/место» и его характеристика «ровная». Очевидно, в период романизации Иберийского полуострова при создании географических названий в фокус внимания номинатора попадало как раз-таки ровное место, выделявшееся на фоне горной местности Испании. Так в результате вторичного семиозиса происходит образование ойконима, в основе которого лежит концептуальная деривация метонимического типа: природная реальность – населенный пункт. Созданная таким образом топонимическая единица отражает результаты познавательной деятельности человека и фиксирует в языке новую структуру знания, относящуюся к принципиально иной концептуальной сфере.

Названия *Campo* широко представлены на карте Испании. Они есть и на севере, и на юге, и на востоке, и на западе страны (подробнее см.: [García Sánchez 2007: 150-153]). Однако непроемкие географические названия населенных мест довольно быстро утрачивают свою дифференциальную силу и на смену им приходят более сложные топонимические единицы – производные, сложные и составные названия. В их создании также задействована концептуальная деривация, однако это концептуальная деривация другого типа, основанная на принципе композиционности (далее концептуальная деривация композиционного типа). В результате этого категориальный образ природной реальности – поля в структуре топонимации осложняется целым рядом когнитивных признаков, что отражает связь одних концептов с другими в концептосфере этноса. Многие признаки, зафиксированные в географическом названии, достаточно предсказуемы, поскольку они непосредственно связаны с тем, что оно-масиологический базис (топооснова) географического названия населенного пункта относится к категории предмет / предметности, а предметы, как известно, характеризуются определенным набором признаков, таких, как форма, размер, материал, количество, цвет и др., которые в изученном нами языковом материале в той или иной степени находят отражение в семантико-когнитивной структуре топонима. Такие потенциально возможные связи концептов в сложной номинации правомерно, на наш взгляд, обозначить термином когнитивная аттракция. Ярким примером когнитивной аттракции могут служить испанские производные географические названия населенных мест, в которых зафиксированы результаты взаимодействия концептов *поле*, *размер* и *количество*. Оно-масиологическим базисом таких топонимов является *поле*, а оно-масиологическим признаком выступает либо размер, либо количество. Средством репрезентации оно-масиологического признака являются диминутивные и собирательные суффиксы. Диминутивные суффиксы указывают на небольшой размер именуемого объекта, как в следующих названиях: *Campello*, *Campiello*, *Campillo*, *Campins*, *Campiel*, *El Campet* (уменьшит. от лат. *campus* – *campitos*, *campillos* ‘маленькое поле’). Собирательный же суффикс *-etum* указывает на большое количество. Соответственно названия *Campanet*, *Campaneta*, *Campet*, *Campanile* означают ‘[место, где] много полей’ [Celdrán 2009 : 193-195].

Концептуальная деривация композиционного типа лежит в основе образования и других структурных видов ойконимов – сложных и составных. Семантико-когнитивная структура производных, сложных, а иногда и составных ойконимов во многом схожа, если не сказать идентична. И те, и другие есть результат взаимодействия двух концептов. Принципиальное различие заключается в языковых средствах вербализации этих концептов: в производных названиях это лексические и морфологические средства (суффиксы), а в сложных – только лексические, причем вторые постпозитивные компоненты – суффиксы или слова играют роль ономаσιологического признака, приписываемого ономаσιологическому базису, выраженному лексемой *campo*, а также в разнообразии этих признаков. Если ономаσιологический признак представлен прилагательным, то в названии актуализируется либо большой размер поля, как в примерах *Campplong*, *Campplongo* (лат. *campus longus* ‘большое поле’), *Campo manes* (лат. *campus magnus* ‘большое поле’), либо цвет, как в названии *Camporrells* (лат. *campus butellos* ‘алоэ, светло-красное поле’), либо характеристика местности: *Campuzado* (лат. *campus sanus* ‘открытое и просторное поле’). Постпозитивное существительное в атрибутивной функции репрезентирует другие признаки, в частности, такие, как флора (наличие определенной растительности): *Camporrobles* (лат. *campus + robre* ‘поле дубов’), принадлежность: *Campdevánol* (лат. *campus + vandalus* ‘поле вандалов’) и другие характеристики местности: *Campoo* (лат. *campus + podium* ‘холмистое поле’). В составных топонимах первый компонент представлен уже существующим географическим названием – простым, производным или сложным. Следовательно, в них закрепляются результаты взаимодействия не только двух, но и трех концептов. Среди разнообразных характеристик топообъекта – поля чаще всего указывается его пространственная локализация: *CampodeYuso* (лат. *campus + jusum- deorsum* ‘Нижнее поле’), *Campoo de Yuso* (лат. *campus + podium + jusum- deorsum* ‘Нижнее холмистое поле’), *Campoo de Suso* (лат. *campus + podium + susum- desusum* ‘Верхнее холмистое поле’), *Campoo de Enmedio* (лат. *campus + podium + inmedium* ‘Среднее холмистое поле’), *Campillo de Azaba* (лат. *campus* ‘Небольшое поле на берегу реки Асаба’).

В свою очередь топонимические единицы разной структуры также служат для расширения испанского ономаσιологического пространства. Особенно часто они используются в испанских фамилиях в результате действия концептуальной деривации метонимического типа. Назовем лишь некоторые из них: *Campo*, *Campos*, *DelCampo*, *Campillo*, *Campillos*, *Campoamor*, *Camprubí*, *Campuzano* [Faure2005: 198-201]. Кроме того, простой непроемный топоним может стать атрибутивной частью титульной номинации Девы Марии: *Nuestra Señora del Campo*, *Virgen del Campo* как следствие концептуальной деривации композиционного типа.

В заключение отметим, что в испанском языке лексема *campo* ‘поле’ служит ономаσιологическим базисом либо ономаσιологическим признаком таких

разных разрядов онимов, как ойконимы, антропонимы (фамилии) и экклезионимы (религиозные онимы). Все они есть результат концептуальной деривации либо метонимического типа, либо композиционного, благодаря которой в испанском ономастическом пространстве появляются новые ономастические единицы за счет использования уже существующих в языке средств.

Литература

- Korneva B. B.* Топонимические исследования в новой научной парадигме // Вестник Воронеж гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. № 1. С. 60–72.
- Celdrán P.* Diccionario de topónimos españoles y sus gentilicios : 5ª edición. Madrid : Espasa Calpe, S.A., 2009.
- DRAE – Diccionario de la Lengua Española de la Real Academia Española. Madrid : Espasa Calpe, S.A., 2014. Vol. 1, 2.
- Faure R., Ribes M.A., García A.* Diccionario de apellidos españoles. Madrid : Espasa Calpe, S.A., 2009.
- García Sánchez J.J.* Atlas toponímico de España. Madrid: Arco/Libros, 2007.

V.V. Korneva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

CONCEPTUAL DERIVATION AS A SOURCE FOR THE FORMATION OF THE SPANISH ONOMASTIC SPACE

Using the lexeme campo ‘field’ as an example, the article describes the cognitive mechanisms of the formation of the Spanish onomastic space. The conclusion is made about the importance for the Spanish language of conceptual derivation of different types. With the conceptual derivation of the metonymic type, recategorization occurs and the name of the natural reality becomes the name of the settlement, and then the surname of the person. With the conceptual derivation of the compositional type, more complex cognitive structures are created, whether they are derivatives, complex and compound toponyms or titular nominations of the Virgin Mary.

Key words: categorization, categorical features, toponym, oikonym, Spanish.

У.Л. Кишеновская (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный педагогический университет
sj@ngs.ru

ПРИМЕНЕНИЕ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ К ЛИНГВОКРЕАТИВНЫМ ПРОЦЕССАМ

Креативность вообще и лингвистическая креативность в частности всесторонне изучается многими исследователями, при этом вопросы, касающиеся когнитивных оснований лингвокреативности, остаются открытыми. Использование метода когнитивного моделирования позволяет с разных сторон рассмотреть процесс лингвокреативности, открывая дальнейшие перспективы для изучения механизмов, лежащих в его основе.

Ключевые слова: лингвокреативность, когнитивные механизмы, когнитивное моделирование, интерпретирующие свойства сознания.

Лингвокреативность является объектом пристального внимания исследователей на протяжении уже нескольких столетий, при этом в исследованиях понятие креативности рассматривается в основном с двух точек зрения – креативность как результат творческого вдохновения, т. е. создание нового и оригинального без опоры на опыт, фоновые знания, существующие идеи, принцип аналогии и т. д. [Sawyer 2006, Carter 2015] и креативность как рациональное, осознанное действие, состоящее в конструировании нового знания на основе существующих моделей и материала и целенаправленном отклонении от регулярности [Macfarlane 2007, Козлова 2012].

Вплоть до 60-х в лингвистике креативность была сопряжена с понятием художественного текста, однако, с введением теории речевых актов стало очевидно, что как литературному тексту, так и стандартному языку на разных его уровнях во всех сферах его употребления присущ ряд свойств речевых актов (например, коммуникативная намеренность, конвенциональность, регулярность), что предполагает, если исходить вслед за М. Хэллидеем из понятия речевого акта как выбора одной из альтернатив, образующих «семантический потенциал языка» [Halliday 1985] – когда язык выступает не набором правил и формальных предписаний, но совокупностью выборов, – что в самом языке заложен креативный потенциал, проявляющийся отнюдь не только в условиях художественного текста. Такой подход в свою очередь породил ряд исследований собственно языковых явлений, при этом полученные результаты также подтверждались корпусными данными. Именно в этот период произошел существенный сдвиг в интерпретации креативного использования языка, т. е. переход от индивидуального авторского словотворчества в рамках создания литературного текста к двунаправленному коммуникативному процессу, совместной творческой и со-конструктивной языковой деятельности, целенаправленному планированию речи. Данное направление не только расширило понимание языковой креативности, но послужило источником исследований языковой игры и окказионального словотворчества, их моделей и прагматического потенциала [Лингвистика креатива 2013].

Исследователи в области прагматики неоднократно предпринимают попытки смоделировать креативность. Особого внимания заслуживают, например, модель американского ученого венгерского происхождения М. Чиксентмихайи [Csikszentmihalyi 2006] (Модель 1) и более поздняя холистическая модель креативности С. Кериган [Kerrigan 2013] (Модель 2), представленные на рис. 1.

Данные модели подчеркивают, что креативность возникает в результате взаимодействия трех систем – личного, культурного и общественного. Для более полного понимания процессов лингвокреативности данная модель требует переосмысления с включением лингвокогнитивных процессов.

Посредством метода когнитивного моделирования, предложенного Дж. Лакоффом [Lakoff 1987] и разработанного в трудах российских ученых-когнитивистов [Болдырев, Алпатов 2008], целью которого является осмысление

механизмов корреляции когнитивных процессов как результата освоения мира человеческим сознанием и его интерпретирующей деятельностью с языковыми явлениями, можно реконструировать когнитивный механизм, актуализирующий процесс креативности языковой личности.

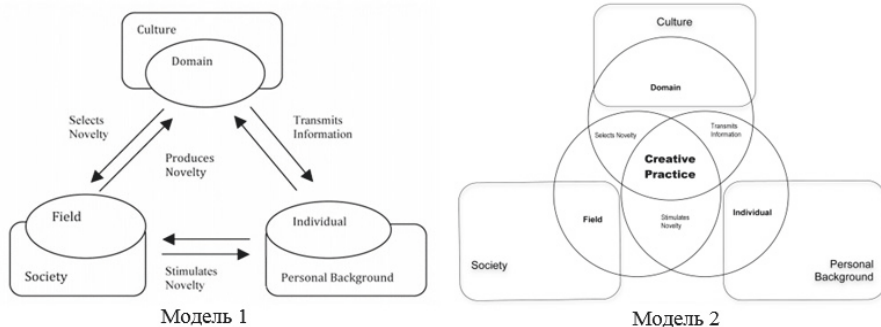

Рис. 1. Модели креативности М. Чиксентмихайи и С. Кериган

Модифицируя предложенные прагматиками модели (рис. 1) с включением лингвокреативных процессов (рис. 2), можно проследить когнитивно-коммуникативную функцию последних.

Рис. 2. Взаимосвязь коллективного и индивидуального в процессе лингвокреативной деятельности

Изменения, происходящие в обществе, стимулируют появление новых языковых единиц для наименования объектов изменившейся реальности, которые порождаются отдельными языковыми личностями, удовлетворяя общественный запрос. Несомненно, сама природа сознания предполагает постоянную интерпретацию происходящих в мире событий и явлений, их категоризацию

и последующую объективацию в языке. Такие события, как выход Великобритании из состава Евросоюза (Brexit), пандемия, вызванная Covid-19, такое явление, как Метавселенная (Metaverse), и многие современные тенденции повлекли за собой появление ряда новых концептов, которым потребовалась языковая объективация. При этом интерпретация и категоризация этих явлений происходит по аналогии с уже существующими категориями. Кроме того, именно в процессе вторичной интерпретации у языковой личности появляется возможность включить оценочный компонент в передаваемое знание, «встроить» свое отношение к интерпретируемому им объекту эксплицитными или имплицитными средствами (*an EUge mistake* [EU + huge]; *covidiot* [codid + idiot]; *sharent* [share + parent]; *situationship* [situation + relationship]; *truthiness* [truth + y + ness]). Таким образом, языковые наименования в своей вторичной функции не только отражают знание о мире, но передают отношение человека к фрагментам этого мира, и лингвокреативность – проявление интерпретирующей функции сознания языковой личности.

При этом у интерпретатора в процессе декодирования смысла возникает момент непредсказуемого когнитивного диссонанса, который устраняется в процессе дискурсивного и ситуативного анализа контекстуальных связей лингвокреативной единицы, ее морфологической и семантической структуры. Чем прозрачнее структура единицы и чем яснее контекст для интерпретатора, тем меньше когнитивных усилий ему потребуется для успешной инференции. Успешность процесса напрямую зависит от степени «разделенного знания» [Кубрякова 2001]. Понимание обеспечивается общностью энциклопедических и языковых знаний, культурных норм, ценностей и стереотипов, когнитивной системы в целом, так как коммуникативный процесс кодирования и декодирования информации будет успешным лишь при наличии общего кода у посылающего и принимающего. Например, для успешной интерпретации значения единицы *to Meghan Markle* (to value yourself enough to leave an environment in which your authentic self is not valued) реципиенту необходимо обладать фоновыми знаниями о событиях в британской королевской семье в последние годы. Следует отметить, что успешность понимания способствует закреплению и передаче полученного знания, и именно коллективное использование статичной индивидуально созданной единицы придает ей динамизм, способствуя ее вхождению в повседневное общение и в словарный состав языка, транслируя и фиксируя полученные знания.

Итак, использование метода когнитивного моделирования позволяет с разных сторон рассмотреть процесс лингвокреативности и повышает объяснительную силу интерпретации этого процесса.

Литература

Болдырев Н. Н., Алтаев В. В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4. С. 5–14.

Козлова Л. А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их реализации в тексте // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия Филология. 2012. № 2s(18). С. 121–128.

- Кубрякова Е. С. О когнитивной лингвистике и семантике термина «когнитивный» // Вестник ВГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2001. Вып. 1. С. 4–10.
- Лингвистика креатива: Коллективная монография / ред. проф. Т. А. Гридина. Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский гос. пед. ун-т», 2013.
- Carter R. Language and Creativity: The Art of Common Talk. London: Routledge. 2015.
- Csikszentmihalyi M. Implications of a systems perspective for the study of creativity // Handbook of Creativity / R. Stenberg (Ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2006. P. 313–335.
- Halliday M. An Introduction to Functional Grammar. London: Edward Arnold. 1985.
- Kerrigan S. Accommodating creative documentary practice within a revised systems model of creativity // Journal of Media Practice. 2013. 14 (2). P. 11127.
- Lakoff G. Women, Fire, and Dangerous Things. What Categories Reveal About the Mind. Chicago: The University of Chicago Press. 1987.
- Macfarlane R. Original Copy: Plagiarism and Originality in Nineteenth-Century Literature. Oxford: Oxford University Press. 2007.
- Sawyer R. K. Explaining Creativity: The Science of Human Innovation. NY: Oxford University Press, 2006.

*U.L. Kshenoskaya (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Pedagogical University*

APPLYING COGNITIVE MODELING TO LINGUOCREATIVE PROCESSES

The current paper gives an overview of the advantages of cognitive modeling in the study of linguocreative processes. Researchers have been actively and comprehensively studying creativity in general and linguistic creativity in particular for several centuries, however, many questions regarding the cognitive foundations of linguistic creativity remain open. Applying cognitive modeling to linguocreative processes helps to explore their nature and basic mechanisms.

Key words: linguocreativity, cognitive mechanisms, cognitive modelling, cognitive interpretation.

*А.Л. Лось (Москва, Россия)
Национальный исследовательский университет «МИЭТ»
al_los24@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ СИНОНИМОВ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ОТСУТСТВИЕ СВЕТА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье исследуются различия в значениях слов *темнота*, *тьма*, *мрак*, репрезентирующих зрительные ощущения. На основе корпусных данных по лексической сочетаемости исследуемых лексем выявлены семантико-когнитивные признаки в составе их значения. Показано, что когнитивная интерпретация позволяет выявить когнитивные аспекты различий в значениях исследуемых русских лексем.

Ключевые слова: значение, лексическая сочетаемость, семантико-когнитивный признак, когнитивная интерпретация, зрительное восприятие.

Перцептивный опыт реализуется в значениях языковых выражений и отражает то, как человек воспринимает и осмысляет окружающий мир. Перцептивная информация хранится в нашем сознании в виде перцептивных образов – зрительных, слуховых, осязательных и др. С помощью перцептивных образов воспринимающий субъект анализирует другие события, в том числе абстрактного, нематериального характера, и присваивает этим событиям известные ему перцептивные признаки, например: *светлые помыслы, темная история, темные силы, темная личность, dark mind, dark deeds, dark thoughts* и др. Свет и тьма являются универсальными понятиями в разных культурах. Вместе с тем особенности репрезентации *света* и *тьмы*, *светлого* и *темного* в естественном языке, могут отличаться.

Изучение сочетаемостных характеристик русских синонимов *темнота*, *тьма*, *мрак*, репрезентирующих зрительное ощущение отсутствия света, имеет целью выявить когнитивные признаки, дифференцирующие их значения.

Анализ словарных дефиниций слова *темнота* и его синонимов *тьма*, *мрак* показал, что эти лексемы толкуются друг через друга или через сходные определения.

Мрак – отсутствие света, тьма, темень [Ефремова 2015: 108].

– глубокая, непроглядная тьма [ТСРЯ 1999: 421].

– полное отсутствие света, освещения, тьма, темнота [СРЯ1 1995: 307].

Темнота – отсутствие света, освещения, мрак, тьма [СРЯ2 1995: 351].

– то же, что и тьма [ТСРЯ 1999: 836].

Тьма – отсутствие света, мрак [ТСРЯ 1999: 841].

– темнота, мрак [СРЯ2 1995: 433].

Из представленных дефиниций видно, что фактических различий между значениями трех слов не отмечается, и складывается впечатление, что они в значительной степени сходны и взаимозаменяемы во всех контекстах. Как известно, синонимы могут быть взаимозаменяемы только в некоторых контекстах. При этом о полной взаимозаменяемости речи не идет. Синонимы в языке развиваются для уточнения понятия, для придания описываемому референту новых оттенков значения. Язык не терпит избыточности, поэтому наличие двух или более слов с идентичным значением исключается. Как правило, значения синонимов не совпадают по одному из четырех компонентов вносимой ими информации: 1) смысловой компонент; 2) стилистический компонент; 3) эмоционально-экспрессивный компонент; 4) конфигуративный компонент – лексическая сочетаемость [Селиверстова 2004]. Исходя из этого, полная взаимозаменяемость синонимов *темнота*, *тьма*, *мрак* и абсолютное сходство их значений вызывает сомнения. Вместе с тем, опираясь на сходные словарные определения (напомним, что в толковых словарях значения слов *тьма*, *темнота* и *мрак* описываются не просто сходно, а в ряде случаев идентично) можно как раз заключить, что лексемы *тьма*, *темнота* и *мрак* взаимозаменяемы во всех контекстах. Действительно, есть контексты, в которых лексемы *темнота*, *тьма*, *мрак* могут быть взаимозаменяемы: 1) *Она быстро пошла*

к воротам, и ее сразу же поглотила глубокая тьма ночи / темнота ночи; Она быстро пошла к воротам, и ее сразу же поглотил глубокий мрак ночи; 2) Бегущие скрылись в темноте / во тьме / во мраке; 3) Обдав Красноперова бензиновой гарью, ягуар растворился во мраке / во тьме / в темноте (Все примеры взяты из Национального корпуса русского языка, далее – НКРЯ). При этом также имеются контексты, в которых такая взаимозамена невозможна. Например, в предложениях Темнота, впрочем была недолгой / Володька в темноте взяла ее руку при замене лексемы темнота на лексему тьма или мрак, высказывания становятся неправильными: *Тьма, впрочем, была не долгой / *Мрак, впрочем, был недолгим; *Володька во тьме взяла ее руку / *Володька во мраке взяла ее руку (Здесь и далее неправильные высказывания отмечены «*»). Неприемлемы и обратные замены лексем тьма и мрак на лексему темнота в контекстах: На лесной поляне стоял серенький козлик, рядом тьма леса казалась особо злоеющей (*темнота леса – будет неправильно); Казалось ему, что не дожидаясь ночи, тьма упадет на сады и накроет дома, деревья, заборы, цветы (*мрак упадет / *темнота упадет – будет неправильно). Следовательно, необходимо более детально изучить различия в значении рассмотренных лексем.

Для выявления различий в сочетаемости лексем тьма, темнота и мрак с целью уточнения их значений методом сплошной выборки из НКРЯ были отобраны и проанализированы контексты их употребления. Отметим, что в целом, за основу исследования были взяты прямые значения данных лексем. Данные анализа и обобщения сочетаемостных характеристик являются основой для составления когнитивной интерпретации значения исследуемых лексем. Когнитивная интерпретация – это набор семантико-когнитивных признаков в составе значения, которые формулируются словесно и помогают объяснить семантические различия между исследуемыми словами [Стернин 2004: 67].

Для слова темнота по данным НКРЯ была выявлена следующая сочетаемость:

темнота глубокая / кромешная / ночная / нежная / полная / минутная / недолгая / совершенная;

темнота скрывала / наступила / возникла / настала / стояла;

сверху была темнота / кто-то кричит в темноте / наткнуться в темноте / из темноты послышалось / в темноте раздался крик / в темноте на берегу появились деревенские.

Лексема тьма сочетается со словами:

тьма загадочная / полная / глубокая / кромешная / ночная; тьма ушла / отступила / упала / стояла / сгустилась / накрыла / пожирала; растворяться / улыбаться / мерцать во тьме; тьма стеной; тьма леса; во тьме веков.

У лексемы мрак выявлены следующие сочетаемостные характеристики:

отступить во мрак шахты; пробиваться через мрак; раствориться во мраке; неразличимый во мраке; отовсюду во мраке слышались голоса; мрак отступил / навалился / надвигался; мрак ночи.

В ходе дальнейшего анализа и обобщения сочетаемостных характеристик сформулированы следующие семантико-когнитивные признаки, которые составляют когнитивную интерпретацию значения слов *темнота*, *тьма* и *мрак*.

Темнота – это 1) среда, существующая в рамках воздушного пространства, которая характеризуется 2) отсутствием света, 3) разной продолжительностью во времени (*минутная темнота, темнота была недолгой*); 4) возможностью воспринимать звуки в этой среде (*из темноты слышались голоса / в темноте раздался истошный крик*); 5) вектором распространения: к объекту / воспринимаемому субъекту (*наступила / надвинулась темнота*); от объекта / воспринимающего субъекта (*темнота ушла / отступила*); сверху вниз (*темнота навалилась / спустилась*). Пространство, занимаемое *темнотой*, может быть как 6) ограниченным (*темнота вагона / в темноте дома; холод, теснота, темнота*), так и 7) условно неограниченным (*в темноте ночи, на берегу в темноте*).

ТЬма – это 1) среда, существующая в рамках воздушного пространства, которая характеризуется 2) отсутствием света, 3) наличием границы раздела пространства (*тьма стеной / тьма над бездной*); 4) вектором распространения: к объекту / воспринимаемому субъекту (*наступила / надвинулась тьма*); от объекта / воспринимающего субъекта (*тьма ушла / отступила*); сверху вниз (*тьма навалилась / спустилась*). Пространство, занимаемое *тьмой*, может быть только 5) условно неограниченным (*во тьме ночи, на берегу во тьме, тьма леса*).

Мрак – это 1) среда, существующая в рамках воздушного пространства, которая характеризуется 2) отсутствием света, 3) вектором распространения: к объекту / воспринимаемому субъекту (*с севера на Тавриду надвигался мрак*); от объекта / воспринимающего субъекта (*мрак отступил*); сверху вниз (*мрак навалился / спустился*). Пространство, занимаемое *мраком*, может быть только 4) условно неограниченным (*во мраке ночи, во мраке шахты*).

Как видно из представленных интерпретаций, значения лексем *темнота*, *тьма* и *мрак* различаются по ряду признаков: по продолжительности во времени и возможности воспринимать звуки в данной среде (эти признаки присутствуют только в составе значения лексемы *темнота*), по признаку ограниченности пространства (лексема *темнота* имеет в составе значения две составляющие признака – ограниченности и условной ограниченности пространства, тогда как в значении лексем *мрак* и *тьма* выявлена только одна составляющая – условная неограниченность пространства, занимаемого средой – *мраком* или *тьмой*), и также по признаку наличия раздела пространства (данный признак есть в составе значения только лексемы *тьма*).

Дополнительного исследования требует признак «возможность / невозможность аудиального восприятия в среде», как составляющий значения лексем *тьма* и *мрак*, т. к. есть единичные примеры, репрезентирующие этот признак: *отовсюду во мраке слышались голоса; вдруг он услышал голос, говорящий*

из тьмы, при невозможности его функционирования в целом ряде других контекстов: *во тьме / *мраке кто-то кричит; *из тьмы / *из мрака доносились / слышались голоса.

Выявленные различия в значениях лексем *темнота*, *тьма* и *мрак*, равно как и семантико-когнитивные признаки, требующие дальнейшего уточнения, говорят о сложности репрезентации зрительных ощущений и эффективности когнитивной интерпретации в разграничении значений лексем, описывающих эти ощущения.

Литература

Ефремова Т.Ф. Самый полный современный толковый словарь русского языка: в 3 т. Т. 2. Москва: АСТ, 2015.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/search-main.html>

Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004.

СРЯ 1 – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1995.

СРЯ 2 – Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1995.

Стернин И.А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 65–69.

ТСРЯ – Ожегов С.И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999.

A.L. Los' (Moscow, Russia)

National Research University of Electronic Technology

COGNITIVE FOUNDATIONS OF SEMANTIC DIFFERENTIATION OF SYNONYMS REPRESENTING THE ABSENCE OF LIGHT IN THE RUSSIAN LANGUAGE

The article covers the differences in the meanings of the words: *темнота* (*darkness*), *тьма* (*dark*), *мрак* (*gloom*) representing visual sensations in Russian. Based on corpus data on lexical compatibility of the lexemes studied, semantic and cognitive features as constituents of their meaning are revealed. It is shown that cognitive interpretation allows revealing cognitive aspects of differences in the meanings of the Russian lexemes.

Key words: meaning, lexical combinability, semantic-cognitive feature, cognitive interpretation, visual perception.

О.В. Магировская (Красноярск, Россия)

Сибирский федеральный университет

magirovskayaov@yandex.ru

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЖЕСТОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Жестовая концептуализация рассматривается в статье как процесс осмысления и репрезентации мира в языке особой социальной группы людей с ограниченными возможностями по слуху, единственным форматом формирования и транслирования знаний которой выступает визуально-

кинетический. Выявляются и описываются такие характеристики жестовой концептуализации, как металингвистичность, интегративность и пространственная обусловленность. Указывается на интрактивность как отличительный параметр жестовой коммуникации.

Ключевые слова: жестовый язык, жест, визуально-кинетическая модальность, жестовая концептуализация

В рамках решения проблемы социальной обусловленности когниции и, как следствие, языка, до недавнего времени в качестве ведущих факторов, которые влияют на ментальное и языковое конструирование мира, рассматривались идеология, нравственные установки, экономическое и политическое устройство общества, профессиональная принадлежность социальной группы, ее интересы, культурно обусловленная или законодательно регулируемая обособленность и др. При этом интерес исследователей всегда фокусировался на языке звучащем как языке большинства населения любой территориальной единицы. С развитием толерантности к людям с ограниченными возможностями в процессе формирования инклюзивной среды общество стало все чаще замечать людей с нарушением физиологических возможностей.

Такой социальной (и на данный момент очень многочисленной) группой являются люди, общающиеся на жестовом языке, который фиксирует особую, присущую только им систему восприятия мира. Данная система обусловлена ограниченными возможностями осуществлять аудиальный контакт с миром как в плане получения знаний, так и в плане их передачи и, соответственно, невозможностью пользоваться звучащим языком. Единственным семиотическим кодом, наиболее удобным для социальной группы с проблемами со слухом и часто их критичной формой проявления – глухотой, является жест. Внимание к данной социальной группе как группе с нетипичным каналом коммуникации и средствами кодирования и декодирования информации и знаний привело к выделению такого не менее значимого социального фактора объединения/отграничения одной социальной группы от другой, как физиологический. Данный фактор может выступать ведущим, если предполагается использование жестового языка в качестве единственной системы общения.

Жестовый язык является продуктом особой системы концептуализации и категоризации знаний. Тем самым он фиксирует особую картину мира. Формирование данной системы осуществляется на основе образов, воспринимаемых четырьмя органами чувств. Отсутствие/слабая развитость слуховой способности не позволяет формировать знания с помощью звучащих единиц языка (слов, словосочетаний и предложений). Вполне вероятно, именно данный факт послужил причиной исходных допущений Л.С. Выготского, который наряду с психологией и дефектологией также изучал вопрос о сущности жестового языка, об ограниченности жестового мышления [Выготский, 1983]. Ученый предполагал, что жестовый язык лишен жестов, фиксирующих абстрактные понятия, и ограничивается только номинациями конкретных образов. Познакомившись с данной семиотической системой ближе, он понимает богатство жестового языка, в котором «есть подлинная речь во всем богатстве её функционального значения» [Там же: 215].

Основным типом модальности, лежащей в основе жестовой концептуализации, выступает визуальная модальность, которая получает свою реализацию посредством кинетического канала коммуникации с его потенциалом передавать движения рук (как основного типа движения), движения других частей тела (если они попадают в зону видимости коммуникантов), а также мимики. Соответственно, жест – это основная знаковая кинетическая единица, которая выступает аналогом слова как основной номинативной единицы в звучащем языке. В отличие от линейности слова жест динамичен в пространстве. К его значимым компонентам традиционно относятся жестовое пространство (пространство выполнения жеста); форма кисти руки, выполняющей жест; траектория движения руки и ориентация рук в пространстве относительно друг друга и корпуса говорящего [Жестовые языки..., 2022]. Жестовая система концептуализации также включает в себя жесты, значимыми компонентами которых выступают выражение лица, взгляд и поза [Braffort, 2002].

Достаточно большое количество мануальных и немануальных компонентов жеста обуславливают адаптивность и гибкость данной языковой системы кодирования, формирование и функционирование которой обусловлено необходимостью концептуализации знаний о мире и их передачи/обмена в процессе жизнедеятельности и потому подстраивается под физические возможности человека за счет определенных семиотических знаков.

Физиологические особенности носителей жестового языка обуславливают целый ряд характеристик жестовой концептуализации и коммуникации. Основными характеристиками жестовой концептуализации выступают 1) металингвистичность, 2) высокая степень интегративности и 3) пространственная обусловленность. В свою очередь, жестовая коммуникация в наивысшей степени интерактивна.

Металингвистичность (еще в середине прошлого века У. Стоуки, основоположник лингвистического изучения жестовых языков, охарактеризовал жестовый визуально-кинетический код как металингвистическое коммуникативное явление (*metalinguistic communicative phenomena*) [Stokoe, 1960]) заключается как в одновременном учете коммуникантами нескольких компонентов жеста, так и в распределении внимания на сам жест и лицо (тело) собеседника. Исследователи отмечают, что центром восприятия, наряду с руками, также выступает центральная часть тела. По наблюдениям других ученых, собственно жест, передающий основную концептуальную информацию, воспринимается периферическим зрением, в то время как лицо собеседника, часто транслирующее дополнительную концептуальную информацию, выступает объектом особого (направленного) внимания [Perlmutter, 2019]. При этом любая из точек зрения указывает на сложность визуально-кинетического кодирования и декодирования.

Интегративность жестовой концептуализации тесно связана с ее металингвистичностью. Она предполагает возможность передачи сложных пропозициональных структур знания с помощью одного жеста, что, в свою очередь,

обусловлено как его многокомпонентностью, так одновременным включением немануального компонента. Данное потенциал жестового кодирования отличает репрезентацию пропозиции жестом в жестовом языке от репрезентации пропозиции предложением в звучащем языке.

Пространственная обусловленность жестовой концептуализации также во многом отличает данный тип концептуализации от концептуализации с помощью звукового языка. Именно пространственные модели репрезентации знаний лежат в основе жестового кодирования, что обусловлено их естественностью для социальной группы людей, жизнедеятельность и общение которых полностью зависят от ориентации в пространстве и восприятия пространства. Более того, пространство выступает средой выражения жестового языка (*Space is the medium in which sign language is expressed* [Campbell, Woll, 2003]). В рамках жестовой концептуализации используется, как правило, весь потенциал пространства вокруг тела человека. Соответственно, направление движения руки/рук, а также его характер и амплитуда могут быть пространственно протяженными и объемными.

Пространственная конфигурация выступает обязательным условием исполнения жеста, причем каждого из компонентов жестовой коммуникации. Данная конфигурация всегда трехмерна и потому очень сложно фиксируется на письме как двухмерной сущности и требует обязательного визуального контакта или видео-фиксирования.

Ученые отмечают, что существование в пространстве и сильная зависимость от него дает носителям жестового языка особое понимание собственного пространства. С одной стороны, задействуются все возможности ориентации в нем. С другой стороны, жестовое пространство ограничено как физиологическим потенциалом движения руки/рук, так и потенциалом глаз охватить только то, что находится в зоне видимости. В отличие от коммуникации с помощью звучащего языка, при которой видимость собеседника не является обязательным фактором ее успешного осуществления, для общения на жестовом языке необходим обязательный обзор собеседника. Этим во многом объясняется стремление носителей жестового языка общаться, стоя кругом [Valli, Lucas, 2000; Bienvenu, Colonomus, 1885, 1988].

Наличие обязательного визуально-кинетического контакта с миром как в процессе общения, так и в процессе когнитивного взаимодействия с предметами и объектами обуславливает высокую степень *интерактивности* жестовой коммуникации. В первую очередь она проявляется в постоянном визуальном взаимодействии с собеседником. Данное визуальное взаимодействие является обязательным условием для считывания жестового кода. В качестве не менее важного подтверждения интерактивности представляется необходимым рассматривать такие базовые модели пространственной концептуализации, как субъект ориентированная и объект ориентированная модели. Например, концептуализация эмоций в большинстве случаев осуществляется по вектору переживания эмоций субъектом или их направленности на объект.

Перечисленные характеристики жестовой концептуализации свидетельствуют о сложном характере жеста и обусловленности его сущности, структуры и параметров проявления таким социальным фактором, как физическая обусловленность активности органов чувств у определенной социальной группы. Это, в свою очередь, объясняет необходимость и доказывает перспективность и актуальность дальнейших исследований жестовых языков и жестовой концептуализации.

Литература

- Braffort A.* Research on Computer Science and Sign Language: Ethical Aspects // *Gesture and Sign Language in Human-Computer Interaction*. GW 2001. Lecture Notes in Computer Science / Wachsmuth I., Sowa T. (eds). Berlin: Springer, 2002. Vol. 2298. P. 1–8.
- Bienvenu M.J., Colonomus B.* Rules of Social Interaction [videorecording], 1985.
- Bienvenu M.J., Colonomus B.* Group Norms [videorecording], 1988.
- Campbell R., Woll B.* Space is Special in Sign // *TRENDS in Cognitive Sciences*. 2003. № 7 (1). P. 5–7.
- Valli C., Lucas C.* Linguistics of American Sign Language: an Introduction. Washington D.C.: Gallaudet University Press, 2000.
- Perlmutter D.M.* What is Sign Language. 2019. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.linguisticsociety.org/content/what-sign-language>
- Выготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5 Основы дефектологии / под. ред. Т.А. Власовой, 1983.
- Жестовые языки: Лингвистика и социальная инклюзия: монография / Л.В. Куликова, О.В. Магировская, С.А. Шатохина, Е.С. Привалихина, А.А. Арский. Москва: ФЛИНТА, 2022.

O.V. Magirovskaya (Krasnoyarsk, Russia)
Siberian Federal University

KEY CHARACTERISTICS OF SIGN CONCEPTUALIZATION

The article views sign conceptualization as a process of knowledge formation and representation in the language of a special social group of people with hearing disabilities, whose perception of the world is limited to visual and kinetic format. It identifies and describes the key characteristics of sign conceptualization: metalinguistic mode, integrity and spatial coverage. Interactivity is considered as a distinctive parameter of sign communication.

Keywords: sign language, sign, visual and kinetic modality, sign conceptualization.

Д.А. Макурова (Санкт-Петербург, Россия)
РГПУ имени А.И. Герцена
dmakurova@mail.ru

ПОНИМАНИЕ ИНФОРМАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ПАРАДИГМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

В статье рассматривается неортодоксальный подход к определению информации в современной когнитивно-коммуникативной парадигме научного знания, в частности, ее биокогнитивном направлении. Биокогнитивный поворот в лингвистике ознаменовал новое понимание того, как устроен процесс человеческой коммуникации, и какое место в этом процессе занимает язык и информация.

Ключевые слова: информация, коммуникация, язык, биокогнитивизм.

Традиционное описание информации в терминах сведений или данных, над которыми возможны различного рода манипуляции (хранение, передача, запоминание), базируется на том, как понимается информация в обыденном смысле. Такое понимание «перекочевало» в лингвистическую науку и закрепились в словарных дефинициях. Так, в лингвистическом словаре даются следующие определения информации: «1) осведомление; сообщение, сведения о ч.-л.; 2) обмен сведениями между людьми, человеком и автоматом...» [Жеребило 2016: 163].

Следует отметить, что подобный подход к информации связан с тем, как в лингвистической науке трактуется язык и коммуникация. Традиционно, язык определяется как средство общения, в процессе которого происходит передача сообщений, мыслей, сведений, знаний и т. д., в связи с чем коммуникация концептуализируется как обмен чем-либо, как «передача информации посредством языка и других знаковых систем» [Васильева 1995: 49]. Такое осмысление языка и коммуникации укоренилось благодаря популярности кодовой модели коммуникации (Р. Якобсон), которая до сих пор признается как наиболее удобная при анализе коммуникативных процессов. Информация, согласно такой модели, трактуется как нечто материальное, как объект, который можно передать и получить.

Однако со становлением и развитием новой когнитивно-коммуникативной парадигмы происходит переосмысление природы и сущности языка. Среди существующих сегодня концепций особый интерес вызывает биокогнитивизм, основоположниками которого являются чилийские ученые-когнитивисты У. Матурана и Ф. Варела. Разработанная ими новая эпистемология, переосмысление того, как устроено сознание, процесс познания и формирование знания, было с энтузиазмом заимствовано лингвистами, разделяющими постулаты биокогнитивной теории и активно развивающими её в отношении к языку, коммуникации и информации (И.К. Архипов, А.Г. Гурочкина, А.В. Кравченко, С.А. Песина и др.).

С позиций биокогнитивизма информация есть процесс «встраивания» организма в среду, в результате которого он становится информированным (*informed*), т. е. категорически неправильно рассматривать информацию как нечто эфемерное, существующее «где-то там» и ожидающее, когда кто-то (человек, живая система) им воспользуется в своих целях.

Язык, согласно такой концепции, понимается как уникальная биологическая данность человека, выполняющая функцию адаптации к среде. Кроме этого, базовой функцией языка признается ориентирующая функция, заключающаяся в оказании воздействия на адресатов и их поведение в среде [Кравченко 2008; Maturana Varels 1980; Steffensen 2011].

Коммуникативная функция языка при этом не сводится к передаче информации от некоего абстрактного отправителя абстрактному получателю, а заключается в конструировании кооперативной (консенсуальной) области взаимодействия (структурного сопряжения) между коммуникантами.

Иными словами, язык в когнитивно-коммуникативной парадигме описывается как средство взаимодействия человека (живой системы) с окружающей его средой, с тем, что немецкий биосемиотик Я. фон Икскуль обозначил словом «*umwelt*». Информация же используется живыми системами для (со)существования в среде и уменьшения энтропии (неопределённости) при встраивании в среду и взаимодействия с ней.

По мнению ряда исследователей, в мире, в сущности, нет т.н. «pre-existing» информации, «ждущей своего высвобождения» и поэтому информацию человек, в сущности, создаёт для себя сам [Архипов 2013: 6]. Т. е. верным является и допущение о том, что информация не передается, а скорее воспроизводится, воссоздается. Сообщая о чем-либо, мы лишь запускаем в сознании другого процесс семиозиса, результат которого обусловлен его жизненным, когнитивным и коммуникативным опытом, знаниями и компетенциями (лексикон, грамматикон, прагматикон, тезаурус) [Песина 2016].

Адепты теории о «воплощенном сознании» (*embodied cognition*) важную роль в процессе коммуникации отводят и собственно телу человека (*body*), которое отождествляется с «открытым радаром» [Менегетти 2003: 141], постоянно воспринимающим и реагирующим на различные сигналы внешней среды своими органами чувств. При этом, тело, воспринимающее сигналы, реагирует и запоминает наиболее значимые и ценные для него, те, которые идут ему на пользу. Сами сигналы не несут никакой информации, но в связи с условиями контекста и памятью об аналогичных ситуациях, имевших место в прошлом, они могут быть интерпретированы с точки зрения их значимости и ценности для существования и адаптации организма. Если поступающий сигнал оценивается субъектом восприятия как значимый, субъект сам создает значение (*информацию*). При этом, адекватная интерпретация сигнала определена как ситуативным контекстом, так и набором фоновых знаний и опыта [Гурочкина 2018: 30].

Все сказанное во многом созвучно соображениям классиков (В. фон Гумбольдта, Г.П. Мельникова и др.): «...смысл сообщения “мысли” будет заключаться скорее в возбуждении *аналогичного* события в мозгу слушающего, чем в спиритуалистическом процессе переселения готовой мысли» [Мельников 1969: 53]. В ходе коммуникации адресат, в сущности, сам (вос)создает информацию на основе личного опыта структурного сопряжения с предметом, за которым в сознании адресата закреплён тот или иной языковой знак; опыта взаимодействия с данным знаком [Колмогорова 2006]. Смыслопорождение зависит и от опыта ориентации других на определенное взаимодействие с данным предметом. Похожие размышления находим и у М.В. Никитина: «При сообщении значений, строго говоря, не происходит их передачи <...> знаки ... индуцируют тождественные или сходные значения, возбуждают *аналогичные* информационные процессы в двух сознаниях» [Никитин 2007: 24].

Таким образом, согласно биокогнитивной теории, в процессе коммуникации никакой передачи информации не происходит. «Выражение типа “передача информации” – в лучшем случае метафора» [Блюменау 1985: 3]. Коммуниканты

сами (вос)создают информацию, исходя из контекста общения, своего опыта и фоновых знаний, а также значимости (ценности) поступающих из внешней среды сигналов, уменьшая тем самым степень неопределенности путем взаимодействий в собственной когнитивной области (нише).

Литература

- Архинов И.К.* Имплицитные и эксплицитные значения, или парадокс обыденного сознания // *Studia Linguistica*. СПб., 2013. № XXII. С. 5–10.
- Бломенау Д.И.* Информация: миф или реальность? (о состоянии понятий «знание» и «социальная информация») // Научно-техническая информация. Серия 2: Информационные процессы и системы. 1985. № 2. С. 1–4.
- Васильева Н.В.* Краткий словарь лингвистических терминов / Н.В. Васильева, В.А. Виноградов, А.М. Шахнарович. М.: Русский язык, 1995.
- Гурочкина А.Г.* Язык, познание, коммуникация с позиций современной когнитивно-коммуникативной парадигмы // *Язык и текст в антропомерной науке: коллективная монография*. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, 2018. С. 7–31.
- Жеребило Т.В.* Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2016.
- Колмогорова А.В.* Языковое значение как структура знания и опыта // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. Москва: Гнозис, 2006. С. 240–256.
- Кравченко А.В.* Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: БГУЭП, 2008.
- Мельников Г.П., Преображенский С.Ю.* Методология лингвистики: учебное пособие. М.: Изд-во УДН, 1969.
- Менегетти А.* Психосоматика. Новейшие достижения. М: Онтопсихология, 2003. С. 140–141.
- Никитин М.В.* Курс лингвистической семантики: учебное пособие. 2-ое изд., доп. и испр. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2007.
- Песина С.А.* Философия языка: учебное пособие. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016.
- Maturana H.R., Varela F.J.* *Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living*. Reidel, Dordrecht, 1980.
- Steffensen S.V.* *Beyond mind: An extended ecology of languaging*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2011. P. 185–210.

D.I. Makurova (*Saint Petersburg, Russia*)
Herzen State Pedagogical University of Russia

UNDERSTANDING THE NOTION OF INFORMATION IN THE MODERN PARADIGM

The article examines an unorthodox approach to the definition of information in the modern cognitive-communicative paradigm, in particular, its biocognitive direction. The 'biocognitive turn' in linguistics marked a new understanding of the process of human communication and what role language and information play in this process.

Key words: information, communication, language, biocognitivism.

*И.К. Мухина (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
golst@el.ru*

ОППОЗИТИВНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ОРГАНИЗАЦИИ ОБЫДЕННЫХ ЗНАНИЙ В СИНОНИМИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА⁹

Статья посвящена выявлению оппозиций, репрезентирующих обыденное знание в разных зонах лексикографического описания идеографического словаря синонимов русской речи. Обыденное знание представляют собой опорное, коллективное, универсальное, фоновое знание, аккумулирующее известную информацию, которая помогает осмысливать новые сведения.

Ключевые слова: обыденное знание, типы знаний, прототип, синонимы, лексикографическое описание, идеографическая карта мира.

Национально-культурная специфичность языкового картирования, по мысли И.В. Приваловой, составляют принципы вербальной репрезентации и национально и культурно детерминированные результаты этого процесса в отличие от универсального процесса «облечения» мысли в слово [Привалова 2005: 5]. Ученые выделяют различные типы знаний, среди которых на основании типа источника получения знание разграничивается на научное и обыденное. При синонимичном номинировании объектов окружающей действительности человек маркирует не все наблюдаемые явления, а только те, которые стали для него приоритетными. В связи с этим продуктивным представляется изучение обыденных знаний на материале идеографического словаря синонимов русской речи [Большой толковый словарь... 2008], поскольку именно синонимические обозначения фиксирует своеобразную «сетку предпочтений», связанную с тем или иным типом знания.

Репрезентантами обыденных знаний в идеографическом словаре синонимов являются лексемы *обыденный*, *традиционный*, *традиционно* и др., указывающие прежде всего не на культурные традиции как установившийся общепринятый порядок, издавна укоренившийся в быту народа или общественной группы (в частности, в армейских коллективах, см., примеры к прилагательному *казарменный* – «*Перен. Разг. Грубый, непристойный и пошлый (об анекдоте, остроте, юморе) или непристойный и грубый (о брани)*»; подобный таким, какие можно услышать в казарме, среди некультурных, ограниченных людей. *Грубая казарменная <...> глубоко возмущает мою душу, не терпящую ничего грубого, но это считается «обыденным» в войсках* (Гиндин Л.)), а на сочетании их с совокупностью практически усвоенных знаний, навыков, основанных на пережитом, испытанном опыте, как это проявляется, например,

⁹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00352 «Свод лексики как идеографическая карта мира: универсальный словарь-тезаурус русского языка», <https://rscf.ru/project/22-18-00352/>.

в зоне иллюстраций лексемы *отполировать* – «Разг.-сниж. После принятия спиртных напитков или после еды выпить дополнительно (обычно более крепкий напиток) для повышения степени опьянения. *Зашли в бар, выпили водки за встречу потом, по русской традиции, отполировали пивом* (разг. инт.)».

Важным приемом нежесткой репрезентации категорий в языковом сознании выступают оппозиции (оппозитивные пары), «разводящие» содержание категории по обобщенным в обиходном языковом сознании семантическим полюсам [Топорова, Корнеева 2017: 195]. Обыденные знания в русской синонимической картине мира также репрезентируются с помощью разного рода оппозиций.

Во-первых, обыденные знания отражаются в различных словарных зонах идеографического словаря синонимов. Представления о существовании различных типов знания заключены в **зоне прототипа синонимического ряда** (далее – СР) как устойчивым мыслительным образом, связанном со всеми синонимами – лексическими репрезентациями общей семантической идеи, например, в прототипе СР с доминантой *знания* (*знания, данные, познания, сведения*): «Совокупность представлений, понятий, полученных, накопленных в процессе учения, благодаря опыту и обычно реализующихся в деятельности. Знания соотносятся с определенной предметной областью или фрагментом действительности. Знания могут систематизированными и разрозненными, отражающими научную картину мира, и *бытовыми, наивными*».

Обыденные знания, в частности, маркирующие прецедентные для русской культуры феномены содержатся в **зоне словарных дефиниций**, например, к лексеме *бич* (из СР *бродяга, бич, бомж, босяк, книжн. люмпен, устар., презр., побродяга, разг.-сниж., презр. подзаборник, разг.-сниж. шатуни*): «Опустившийся человек, чаще всего достаточно образованный, обладающий некоторыми способностями, занимавший ранее определенное социальное положение, имевший друзей, хорошую работу, который всего лишился в силу слабости характера или жизненных обстоятельств. **В обыденном массовом сознании носителя русского языка осмысляется как аббревиатура “бывший интеллигентный человек”**».

Знания, известные всем, касающиеся повседневных ритуалов, происходящих в силу установившихся традиций, устраиваемый по заведенному обычаю и при этом лишенных оригинальности, проявляются и в **зоне иллюстраций**, например, в иллюстративном материале к лексеме *треснуть* – «Разг.-сниж. То же, что выпить. *Турнир прошел в теплой дружеской обстановке, поиграли, поели отличного шашлыка, треснули коньяку – в общем все первомайские традиции были соблюдены* (разг. инт.)», входящей в СР с доминантой *выпить* «Глотая, принять внутрь что-либо спиртное»; лексемы *возлияние* – «Разг. Шутл. То же, что пьянка. *Говорят, что предыдущий визит президента в Пекин не обошелся без обильных китайских обедов и традиционных возлияний* (газ.)» (из СР с доминантой *пьянка*); а также лексемы *повивальщица* – «Устар. Женщина, оказывающая помощь при родах. *Традиционно родимица отправлялась в баню*

перед самыми родами и оставалась в ней на 9 дней, почивая опосля родов и набираясь сил, в это время повивальщица, напарив роженицу, критерии новорожденного, парила его, читала над ним заговоры, совершала особые ритуалы (разг. инт.)» (из СР с доминантой акушерка).

Наиболее полные представления об обыденных знаниях содержатся во всех зонах словарного описания СР с доминантой *будничный* (**будничный**, *житейский*, *обыденный*, *повседневный*, *приземленный*, *прозаический*, *прозаичный*): в зоне прототипа СР, включающей в себя и семантическую идею ряда – «такой, с которым сталкиваются ежедневно, постоянно, который повторяется изо дня в день и поэтому может вызывать скуку (о делах, занятиях, теме разговора и т. п.)»; в словарной дефиниции лексемы *обыденный* – «Будничный; такой, как всегда, с которым сталкиваются ежедневно, постоянно»; в составе близкородственных синонимических рядов, а именно: *будничность*, *обыденность*, *повседневность*, *приземлённость*, *прозаичность* – «Свойство чего-л., ничем не выделяющегося, лишённого возвышенности и часто связанного с мелкими, житейскими интересами; *буднично*, *житейски*, *обыденно*, *по-будничному*, *повседневно*, *приземлённо*, *прозаически*, *прозаично* – «Так, как всегда, привычно, однообразно»; в составе репрезентирующих основную идею СР фразеологизмов (*дело житейское* (обычное); *встречается на каждом шагу*).

Обыденные представления имеют категориальную природу, в связи с чем в их составе также выделяются знания разных типов, см., например, языковые знания, в прототипе СР с доминантой *изречение* (**изречение**, *афоризм*, *книжн. апофегма*, *книжн. апофтегма*, *книжн. максима*, *книжн. сентенция*, *спец. гнома*): «Изречения могут быть анонимными, **выражающими обобщенный социальный опыт**, <...> **благодаря своему универсальному содержанию**, лаконичной, отточенной форме, оригинальной формулировке, выразительности часто используются в речи как средство аргументации, подкрепления или заострения авторской мысли, идеи»; а также в зоне иллюстраций к лексеме *спич* – «*Книжн.* Краткая приветственная речь на торжественном обеде, банкете и т. п. – *Леди и гамильтоны*, – торжественно сказал я словами известного нашего вратаря, который, будучи на приеме в Англии, обратился к собравшимся со спичем и **вместо традиционного «леди и джентльмены»** начал его восклицанием «*Леди Гамильтон*» (Катаев В. П.)» (из СР **тост**, *высок. здравица*, *книжн. спич*).

Во-вторых, обыденные знания отражают оппозиции, значимые для категоризации мира, в частности, противопоставления в прототипах, фиксирующие взаимосвязь явлений действительности: «**Перемещение и движение традиционно противопоставляются неподвижному состоянию, покою**» (в СР **перемещаться/переместиться**, *двигаться*, *идти*, *передвигаться/передвинуться*, *подвигаться*, *сов. подвинуться*, *следовать*).

В-третьих, оппозиции фиксируют не только укоренившиеся в быту традиции, но и представления о «не-норме» в различных денотативных сферах – сфере питания: в словарной дефиниции лексемы *сооружать/соорудить* –

«Разг. Готовить, какое-либо **необычное, нетрадиционное кушанье или в необычных условиях**. *Представляю себе твою жену, пытающуюся соорудить в кастрюлке в общей кухне дома порционные судачки а натюрель!* (Булгаков М. А.); *Два улыбающихся «юга» за несколько минут соорудили ей блюдо чудно поджаренных кебабов, поставили рядом деревянную миску с салатом, масло, приправы, бутылку минеральной воды* (Аксенов В. П.)» (в СР с доминантой **готовить**); сфере оценки: см. прототип СР с доминантой **чужачество** «То, что нечасто встречается в реальной, повседневной жизни, **не является обыденным явлением**, событием, предметом и др. и поражает своими признаками, формой, интенсивностью».

Одной из функций любого вида знания является способность выполнять роль опоры в процессе осмысления новых впечатлений. Человеку необходимо сравнить новое знание с чем-то хорошо известным, т. е. опереться на знание, им уже освоенное, поскольку в сознании воспринимаемая новая информация интегрируется с ранее известными фактами [Залевская 2005: 113]. Обыденное знание как опорное знание «представляет собой знание об окружающем мире, освоенное данной культурой, или субъективное знание, имеющееся у отдельного индивида» [Гольдберг 2009: 99]. В этом смысле обыденное знание может быть осмыслено как опорное, коллективное, универсальное, фоновое знание, аккумулирующее известную информацию, которая помогает осмысливать новые сведения.

Литература

Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.

Гольдберг В. В. Формирование и лексическая репрезентация опорного знания // Вестник Тамбовского университета. Серия: гуманитарные науки. 2009. № 5. С. 89–99.

Залевская А. А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды. М.: Гнозис, 2005.

Привалова И. В. Интеркультура и вербальный знак (лингвокогнитивные основы межкультурной коммуникации): монография. М.: Гнозис, 2005.

Топорова В. М., Корнеева Е. В. Когнитивные схемы нежесткого структурирования языкового знания // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 193–196.

*I.K. Mukhina (Yekaterinburg, Russia)
Ural Federal University named
after First President of Russia B.N. Yeltsin*

OPPOSITION AS A PRINCIPLE OF ORGANIZATION EVERYDAY KNOWLEDGE IN THE SYNONYMOUS PICTURE OF THE WORLD

The article is devoted to the identification oppositions representing ordinary knowledge in different zones the lexicographic description of the ideographic dictionary synonyms of Russian speech. Ordinary knowledge is a basic, collective, universal, background knowledge that accumulates well-known information that helps to comprehend new ideas.

Key words: ordinary knowledge, types of knowledge, prototype, synonyms, lexicographic description, ideographic map of the world.

Л.А. Панасенко (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
laptop74@mail.ru*

ВТОРИЧНЫЕ СТРУКТУРЫ ЛЕКСИЧЕСКОГО УРОВНЯ КАК РЕЗУЛЬТАТ АКТИВАЦИИ СХЕМ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ¹⁰

В статье рассматриваются когнитивные основы формирования вторичных интерпретирующих структур на уровне лексических категорий. Концептуальное основание лексической категории рассматривается как ее интерпретирующая база, представленная разными форматами знания. На примере формата наблюдения показан процесс активации схем интерпретации.

Ключевые слова: лексические категории, интерпретирующий потенциал, первичная интерпретация, вторичная интерпретация, схемы интерпретации, межконцептуальные связи.

Изучение вторичных языковых явлений, в том числе лексического уровня, в когнитивной парадигме лингвистических исследований осуществляется с позиции учета динамики концептуальной системы человека и операций с информационными структурами, закрепленными за языковыми формами. В основе образования вторичных смысловых структур, актуализируемых лексическими единицами в дискурсивном употреблении, лежит процесс интерпретации исходного вербализованного знания, под которым понимается его конфигурирование на основе разных схем и моделей [Болдырев 2019: 2021]. В этой связи можно констатировать, что концептуальное основание лексической категории, как категории отражательного типа, представляющей знание о реалиях окружающего мира, выступает интерпретирующей базой вторичных смысловых структур, ориентированных на передачу ценностного отношения говорящего к объекту интерпретации. Исследование структур знания, лежащих в основе лексических категорий, объективирующих онтологию мира, позволило выявить интерпретирующие форматы знания, к числу которых можно отнести перцептивный, функциональный, операциональный, экспериенциальный, ассоциативный форматы и формат наблюдения (подробнее см.: [Панасенко 2014]).

Формирование вторичных интерпретирующих структур обеспечивается установлением концептуальных связей между разными тематическими областями за счет активации признаков выявленных форматов на основе принципа концептуального согласования для интерпретирующей и интерпретируемой областей. Это говорит о том, что интерпретирующие форматы знания имеют статус схематизированного знания, т. е. ментального инварианта, получающего реализацию в конкретном акте лингвокреации. Понятие схемы использовалось в когнитивной психологии для объяснения процессов восприятия и познания. Так, например, У. Найссер определяет схему как «психологическое орудие (средство)», направляющее исследовательскую активность, благодаря

¹⁰ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372)

которому «открывается доступ к новой информации, вызывающей в свою очередь дальнейшие изменения схемы» [Найссер 1981: 73]. Интерпретирующие форматы знания, лежащие в основе лексических категорий, и обеспечивающие реализацию соответствующих векторов интерпретации, могут быть осмыслены в терминах схем интерпретации.

Рассмотрим процесс активации схем интерпретации в рамках формата наблюдения. Вторичные интерпретирующие структуры, формирующиеся за счет активизации в качестве доминант интерпретации признаков опыта наблюдения, базируются на кинетической, модификационной, реляционной и интеракционной схемах. Кинетическая схема (КИНЕТИКА) предполагает активацию паттернов моторного опыта человека, включающего его представления о двигательной активности объектов и явлений. Модификационная схема (МОДИФИКАЦИЯ) основывается на паттернах структурных модификаций объектов и явлений. Реляционная схема (РЕЛЯЦИЯ) базируется на паттернах реактивного поведения человека и объектов природы в определенных условиях. Интеракционная схема (ИНТЕРАКЦИЯ) основывается на паттернах взаимодействия с другими людьми.

Схема КИНЕТИКА обеспечивает интерпретацию характера движения объекта (перемещение или динамику), что можно наблюдать при активизации соответствующего знания об объектах живой природы (насекомых, птицах, растениях) и артефактах, например:

The girls are fluttery little butterflies [COCA];

Agrippa, perched on the edge of the bench, hummed softly to himself, rocking to and fro like some cheerful sparrow [BNC];

She floated away like a flower that is tossed into a pool [COCA];

Much easier to photograph were the giant tortoises which were lumbering around like tanks in the undergrowth [BNC].

Та же схема лежит в основе интерпретации динамики ментального состояния человека или изменения его эмоционально-психологического состояния (интенсификация эмоционального состояния). В качестве интерпретирующей базы (паттернов-конфигураций) выступают кинетические характеристики объектов растительного мира или природных явлений, например:

Thoughts floated in my head like lily pads in a clogged pond [COCA];

I could sense my mother's impatience climbing like a mist up the front of the house [COCA].

Схема МОДИФИКАЦИЯ лежит в основе интерпретации изменения физического состояния объекта и изменения/динамики его эмоционально-психологического состояния. В качестве паттернов-конфигураций этой схемы может выступать, например, такое знание, как жизненный цикл растения, внутренняя динамика природных явлений, структурное видоизменение артефакта:

She's wilting like a flower in that bed, ... [BNC];

All her worries evaporated like mist [COCA];

I feel like a bottle that just could explode with so much feelings that are running through me [COCA].

Модификационная схема служит основой интерпретации динамики события. Например, знание о характере роста растений может выступать паттерном-конфигурацией для оценки качественных характеристик события, определяющих его динамику:

The rumours are growing thick and fast as weeds ... [BNC].

Схема РЕЛЯЦИЯ определяет интерпретацию действий или поведения человека как его реакцию на внешние стимулы или условия. В основе интерпретации лежит знание (паттерны-конфигурации) о специфике поведения/действий/физиологических проявлений объектов живой природы (птиц, насекомых, рыб, растений) как их ответной реакции на внешние раздражители. Например:

Many will have taken the 'ostrich' attitude, refusing to discuss or even acknowledge its approach [BNC];

And somehow that meanness was what drew my Belinda to him, like a bee to honey [COCA];

Had I actually spoken, or had I simply opened and closed my mouth like a fish? [M. Atwood. The Blind Assassin].

Та же схема с паттерном-конфигурацией, определяемой знанием об особенностях роста растения в определенных условиях, лежит в основе интерпретации изменения эмоционально-психологического состояния человека как реакции на внешние факторы:

He had opened like a flower in the sun, and was learning to enjoy every pleasure in life [COCA].

Схема ИНТЕРАКЦИЯ служит основой интерпретации действий человека, определяющих характер его взаимодействия с другими людьми/социумом. В качестве паттернов-конфигураций схемы часто выступает знание о действиях объектов живой природы:

For-profit corporate managers need to stop acting like «sea-gull» managers toward emergency medicine [COCA];

But when Squint dropped the loop around his shoulders and began to spin the rope around him like a spider enwrapping a hornet, Mutano let out a ferocious roar, ... [COCA].

Активация интеракционной схемы также лежит в основе интерпретации коммуникативных действий человека. Паттерны-конфигурации могут базироваться на знании специфики действий представителей профессий, например, типичных профессиональных действий/действий, определяющих профессиональную стратегию, или знании культурных особенностей представителей этноса, например, характерных бытовых действиях или типичных жестах:

He had to remind us of this for three or four stops, but he did so gently, like a teacher with a slow kindergarten class [COCA].

I pause, hoping she'll start her story, but she smiles like a therapist, encouraging me on [COCA].

...he used his long facile fingers like a Frenchman, when explaining a point [BNC].

Проведенный анализ языкового материала свидетельствует о том, что процесс языковой интерпретации на лексическом уровне строится на активации схем – ментальных репрезентаций-абстракций, которые являются результатом первичной интерпретации и выступают базой для вторичной интерпретации. Схемы интерпретации являются ментальным инструментом ориентации и адаптации человека в окружающем мире, позволяющим осмыслить и упорядочивать его бесконечное разнообразие. Активация схем осуществляется в результате установления межкатегориальных проекций и межконцептуальных связей. Экспрессия схемы, обеспечиваемая активизацией разнообразного знания об объектах и явлениях, проявляется в дифференцирующих ее паттернах-конфигурациях, которые лежат в основе вторичных интерпретирующих структур.

Литература

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Болдырев Н. Н. Взаимодействие первичных и вторичных структур в языковой картине мира как факторе ее динамики // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 26–30.

Найссер У. Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981.

Панасенко Л. А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2014.

Atwood M. The Blind Assassin. London: Virago, 2001.

BNC – British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk>

COCA – Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.buy.edu/coca/>

L.A. Panasenko (Tambov, Russia)

Tambov State University named after G.R. Derzhavin

SECONDARY STRUCTURES OF THE LEXICAL LEVEL AS A RESULT OF ACTIVATION OF INTERPRETATION SCHEMAS

The article deals with the cognitive grounds of the formation of secondary interpretive structures at the level of lexical categories. The conceptual basis of the lexical category is considered as its interpretive base, represented by different knowledge formats. The example of the observation format shows the process of interpretation schemas activation.

Key words: lexical categories, interpretive potential, primary interpretation, secondary interpretation, interpretation schemas, inter-conceptual links.

О.А. Сулейманова, И.М. Петрова (Москва, Россия)
ГАОУ ВО г. Москвы
«Московский городской педагогический университет»
olgasoul@rambler.ru, miinna@yandex.ru

ОТРАЖЕНИЕ ПРОЦЕССОВ ЯЗЫКОВОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В ВАРИАТИВНОСТИ СЛЕДОВАНИЯ ЭЛЕМЕНТОВ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЙ

В статье представлены результаты исследования вариативности атрибутивных структур в контексте когнитивной теории языка. Вариативность атрибутивных цепочек рассматривается как проявление процесса языковой интерпретации говорящего. Данная интерпретация анализируется исходя из положений теории классов о порядке следования определений и теории когнитивного фокусирования, которая постулирует, что первичность позиционирования элемента структуры служит маркером фиксации когнитивного фокуса. На материале атрибутивных структур с лексемами *степь*, *равнина*, *пустыня*, который был получен в результате лингвистического эксперимента с использованием поисковой системы Google, в работе показано, что вариативность атрибутов в русском и английском языках сопряжена с разными аспектами интерпретации объекта.

Ключевые слова: концептуализация, атрибутивная структура, вариативность структуры, характеристика объекта, языковая интерпретация.

В современной когнитивной теории языка значительное место уделяется такому аспекту когнитивной активности как интерпретация, которая рассматривается как в широком, так и узком понимании. В частности, в узком понимании интерпретация рассматривается как «языковая познавательная активность преимущественно отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации или его отдельных характеристик» [Болдырев 2019: 253].

Атрибуты в системе интерпретации языка играют значительную роль, поскольку атрибут (от лат. *attribuo* – придаю, наделяю) выступает как необходимое, существенное и неотъемлемое свойство объекта, что, безусловно, включает его в систему интерпретационных процессов. Это проявляется в том, что атрибуты конкретизируют содержание определяемых слов по их характеристикам, конкретизации. Расположение и выбор атрибутов для описания концепта сопряжены с культурно-обусловленными особенностями, характеризующими определенную языковую среду.

Объектом данной работы выступают атрибутивные группы, описывающие такие лексемы, как *степь*, *равнина* и *пустыня*. Данные атрибутивные группы исследуются на **предмет** того, какой из атрибутов является предпочтительным при описании объектов русскоговорящими и англоговорящими пользователями Интернета. Исследование данного вопроса позволяет установить особенности восприятия или интерпретации объекта в разных лингвокультурных сообществах.

Методологическая основа данного исследования базируется на теории классов, которая постулирует, что, хотя характеристики объекта классифицируются исходя из коллективно обусловленного восприятия данного объекта,

ранжирование этих характеристик связано с индивидуальным опытом говорящего [Сулейманова 2013; Борискина, Голикова 2017; Сулейманова, Петрова 2018; Петрова 2019], а также на теории когнитивного фокусирования, которая позволяет установить, какая из характеристик обладает приоритетом [Петрова 2020].

Методика проведения исследования включает в себя лингвистический эксперимент на базе поисковой системы Google, который позволил получить эмпирические данные, показывающие в каком количестве и в какого рода текстах реализуются изучаемые атрибутивные структуры. Данная методика активно используется в современных исследованиях языка [Wulff 2003; Сулейманова, Демченко 2018; Петрова 2020 и др.]. В табл. 1 приведены результаты вариативности цепочки атрибутов, полученные в результате запроса в поисковую систему Google.

Таблица 1

Количество вхождений атрибутивной структуры в Google

	Фраза 1	Количество вхождений	Фраза 2	Количество вхождений
Степь	<i>бескрайняя пустая степь</i>	57	<i>пустая бескрайняя степь</i>	6
	<i>endless empty steppe</i>	266	<i>empty endless steppe</i>	7
Равнина	<i>бескрайняя пустая равнина</i>	77	<i>пустая бескрайняя равнина</i>	4
	<i>endless empty plain</i>	796	<i>empty endless plain</i>	1120
Пустыня	<i>безжизненная пустая пустыня</i>	5	<i>пустая безжизненная пустыня</i>	30
	<i>lifeless empty desert</i>	399	<i>empty lifeless desert</i>	395

Дата запроса: 3.06.2022. Фильтр «», текст PDF

Результаты запросов атрибутивной структуры *бескрайняя пустая степь – пустая бескрайняя степь* показывают, что атрибут *бескрайний* играет доминирующую роль в процессе характеристики объекта в русском языке, что также подтверждается данными результатов запросов атрибутивной структуры *бескрайняя пустая равнина – пустая бескрайняя равнина*. В англоязычных структурах аналогичной устойчивости данной доминирующей характеристики не наблюдается, например, при характеристике объекта *степь* данная характеристика занимает ведущее положение в структурах *endless empty steppe – empty endless steppe*, однако в случае характеристики объекта *равнина* посредством структур *endless empty plain – empty endless plain* значительно большее число вхождений имеет Фраза 2, первую позицию в которой занимает атрибут *empty* (1120 вхождений), хотя и показатель атрибута *endless* (796 вхождений) также достаточно высок.

Анализ текстовой реализации данных структур (543 единицы) показывает, что, например, существительное *степь* в атрибутивных структурах характеризуется тенденцией к выделению визуальной составляющей на первый план при описании данного объекта для обеих языковых аудиторий с устойчивой фиксацией когнитивного фокуса. Например, предложение из русскоязычного материала *Я открываю глаза и первое, что вижу, это бескрайняя пустая равнина, над которой нависли страшные черные облака* (<https://www.wattpad.com/251457662-напиши-мою-смерть-часть-3-глава-3>) явно указывает на визуальный канал получения информации.

Результаты проведенного исследования текстового материала позволяют заключить, что вариативность позиции актуальных атрибутов при описании объекта выявляет особенности интерпретации данного объекта в определенной лингвокультуре. Так, при характеристике сухопутного природного объекта типа *степь* или *равнина* для русскоязычного интерпретатора характеристика визуального восприятия *бескрайний* (нет возможности увидеть край объекта) представляется доминирующей, тогда как для англоязычного носителя данная характеристика не является однозначной, поскольку характеристика *наполненность объекта* выступает как более значимая, особенно при характеристике лексемы *равнина*. Более того, подтверждается предположение о том, что контекст ситуации оказывает влияние на ее интерпретацию, что отражается в первичном позиционировании актуального атрибута.

Литература

- Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
- Борискина О. О., Голикова О. А. Именная классификативность и ее интерпретация в лингвистической теории // Вестник ВГУ. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 11–16.
- Петрова И. М. Об анализе порядка следования определений в атрибутивной группе в английском и русском языках на основе теории классов // Русистика и компаративистика: Сборник научных трудов по филологии. М.: Общество с ограниченной ответственностью «Книгодел», 2019. С. 281–291.
- Петрова И. М. Механизм когнитивного фокусирования (на примере реляторных структур русского и английского языков). М.: Языки народов мира, 2020.
- Сулейманова О. А., Демченко В. В. Использование Big Data в экспериментальных лингвокогнитивных исследованиях: анализ семантической структуры глагола *shudder* // Когнитивные исследования языка. 2018. № 33. С. 466–472.
- Сулейманова О. А. Порядок следования определений в атрибутивной группе: когнитивная интерпретация // *Лінгвістичний вісник*. 2013. № 1. С. 42–47.
- Сулейманова О. А., Петрова И. М. Экспланаторный потенциал теории классов для лингвистического исследования: порядок следования определений // Филология: научные исследования. 2018. № 3. С. 52–64.
- Suleimanova O. A., Petrova I. M. Using big-data experiments in cognitive and linguo-cultural research in English and Russian. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. 2020. № 13(3). P. 392–400.
- Wulff S. A multifactorial corpus analysis of adjective order in English // *International Journal of Corpus Linguistics*. 2003. № 8(2). P. 245–282.

*O.A. Suleimanova, I.M. Petrova (Moscow, Russia)
Moscow City University*

REFLECTION OF THE LINGUISTIC INTERPRETATION PROCESSES IN THE VARIABILITY OF THE ELEMENTS OF ATTRIBUTIVE PHRASES

The article presents the results of a study of the variability of attributive structures in the context of the cognitive theory of language. The variability of attribute chains is considered as a manifestation of the speaker's linguistic interpretation process. This interpretation is analyzed based on the provisions of the class theory on the order of definitions and the theory of cognitive focusing, which postulates the primacy of positioning an element of the structure as a marker of fixation of cognitive focus. Based on the material of attribute structures with the lexemes *steppe, plain, desert*, which was obtained as a result of a linguistic experiment using the Google search engine, the paper shows that the variability of attributes in Russian and English is associated with different aspects of the interpretation of the object.

Keywords: conceptualization, attributive structure, variability of structure, object characterization, linguistic interpretation.

*V.M. Toporova, E.V. Korneva (Voronezh, Russia)
Voronezhский государственный университет
vtoporova@mail.ru; el_korneva@mail.ru*

СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ СРЕДСТВ ГРАФИЧЕСКОЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ

В работе описываются некоторые когнитивные паттерны пространственно-графической визуализации ментальных образов; рассматривается метафорический потенциал обозначений эталонных графических конфигураций.

Ключевые слова: графическая репрезентация, визуализация, технологически-опосредованная актуализация, трансляция, пространственная метафора, паттерн, график, перцептограмма.

Когнитивная значимость визуализации знания составляет актуальный предмет исследования в разных областях современной науки, в том числе в междисциплинарном формате (нейрофизиология, нейролингвистика, биоллингвистика, психоллингвистика, биосемиотика, когнитивная семантика и др.) [Герасимова 2008]. Графическая визуализация данных используется практически во всех областях человеческой деятельности, являясь важным когнитивным инструментом, транслятором мысли и интенций человека. В широком понимании формат графической визуализации в обиходном сознании современного общества, в СМИ, в сфере компьютерных технологий и т. п. захватывает территорию изобразительных идеографических средств любого рода, противопоставляя рисунок как любую форму наглядного изображения слову, как вербальному способу выражении мысли.

В задачу настоящего исследования входит рассмотрение когнитивных оснований паттернов графической визуализации ментальных образов в более

узком понимании графических средств в формате линейных пространственных конфигураций различного рода. Наиболее значимыми паттернами здесь выступают элементарные геометрические фигуры (круг, квадрат, спираль, овал и др.). Вообще в целом геометрические понятия (геометрии Евклида) составляют основу пространственно-практической ориентации человека и обладают особой наглядной данностью, будучи встроенными в само сознание человека, организую процесс восприятия окружающего пространства. В подтверждение сказанному можно привести множество примеров актуализации геометрических образов при вербализации фрагментов пространства (Бермудский *треугольник*; *треугольники материков*; *круг бытия*, *круги ада*; *Земной шар*; *четырёхугольник комнаты*). Показателем когнитивной значимости геометрических конфигураций является их метафорическое переосмысление при актуализации абстрактных непространственных смыслов (*спираль развития идей*; *логический круг*; *параллельные миры*; *возвратиться на круги своя*).

Геометрические образы получают в сознании разнообразную семантическую разработку, образуя вторичную зону пространственно-практической ориентации на основе динамической трансформации эталонной конфигурации (*разорван круг друзей*; *сойти с круга*; *замыкание спирали*; *раскрученная спираль*) или на основе опосредованной предметно-маркированной актуализации геометрической фигуры (*квадрат окна*; *овал лица*; *прямоугольники газонов*). Характерно, что значимость эталонных могут приобретать пространственные конфигурации предметов. К таким предметно-маркированным эталонам можно отнести форму *гриба*, *груши*, *ёлочки* [Топорова 1999]. К паттернам пространственного восприятия относятся также пространственно-графические схемы объёмных объектов, актуализирующие признак *трёхмерности*, реализуемый в семантике пространственного образа *вместиллица*, репрезентирующего концепт «пространство» в рамках когнитивной лингвистики. Аналогично признак *трёхмерности* актуализируется в выражениях *куб столовой*, *метафора комнаты*.

Средством представления предметно маркированных пространственных эталонов выступает графическая контурная линия, выделяющая схематическим образом особенности формы объекта. Характерно также, что и символизируется именно контур вещи, а не сама вещь. Следует особо подчеркнуть когнитивную значимость *линии* как принципиально динамического объекта. Мы не можем мыслить линию, не проводя её, равно как не можем мыслить окружность, не описывая её. В этом контексте хорошо просматривается динамика процесса *рисования*, определяющая концептуальную семантику глагола *рисовать*, а также выявляющая обобщающий потенциал семантики графического *рисунка*, его схематизирующую функцию. Не случайно *рисунком* называют любые графически оформленные объекты, несущие информацию (схемы, таблицы, символы, линейные изображения). Рисование – это процесс трансляции какой-либо информации (какого-либо фрагмента информационного поля), содержания ментального образа, смысла. Лексема *рисунок* выступает в функции

обобщенно-метафорического названия паттерна когнитивной визуализации знания, паттерна когнитивного действия. Здесь мыслительная деятельность транслируется в визуальный графический образ путем естественной опосредованности через моторику руки, визуализирующей «мозговую картинку» [Раушенбах 2012].

Видимо, можно говорить о различных ступенях и инструментах, механизмах опосредования при трансляции и графической визуализации ментального образа. В этом контексте имеются в виду нейрофизиологические компоненты и порождающие ментальный образ (нейрофизиологическую мозговую картинку) паттерны как когнитивные модели, структурирующие эту мозговую картинку и управляющие моторикой руки, осуществляющей графическую экстеризацию внутреннего образа. Рисунок – это графическая явленность мысли (ментального образа), проявление его особенностей, соотношения взаимодействующих компонентов объекта мысли любой природы и структурной сложности (*вырисовываются истинные намерения, причины поступка; вырисовывается истинное положение дел; вырисовываются контуры будущей политики*). Номинации из поля «рисование», «черчение» обладают семантикой высокой степени обобщения и широко используются в метафорическом значении. Так, можно говорить о *рисунке шахматной игры, о рисунке танца; о мелодическом рисунке, о тактическом рисунке*. В этих примерах также актуализируется динамический аспект, некая последовательность взаимосвязанных конфигураций движения в танце, композиции тактических ходов в шахматной игре.

Понятие о совокупности сложных переплетений взаимодействующих элементов какого-либо объекта (содержания), при актуализации эстетической семы воплощает семантика лексем «узор», «ткань», получающая разностороннее метафорическое развитие. Так, узор может переосмыслиться как индивидуальный след, оставляемый человеком в духовном пространстве народа.

Так, у О. Мандельштама в «Дано мне тело – что мне делать с ним...»:

На стёкла вечности уже легло / моё дыхание, моё тепло// Запечатлеется на нём узор / неузнаваемый с недавних пор // Пускай мгновения стекает муть / узора милого не зачеркнуть //

О. Мандельштам описывает также процесс появления *ткани стиха*.

Пространственно-визуальные коды, которые рассматриваются Л.Ф. Чертовым при описании визуальных перцептограмм [Чертов 2014], есть, на наш взгляд, один из видов паттернов, аналогичных по функции геометрическим фигурам, а перцептограммы как форма записи объектов перцептуального пространства человека (эмоционально-чувственного мира) есть чувственно воспринимаемые (и концептуализируемые), транслируемые сознанием художника, визуализируемые компоненты ментального образа. В графическом формате визуальную перцептограмму представляет *нотная запись*, как некое интегративное семантическое единство графических и акустических объектов. Следует отметить особую когнитивную значимость *партитуры* как совокупности музыкальных знаков, визуализирующих картину структурного

соотношения объединенных в единое целое всех партий многоголосного музыкального произведения. Эта структурирующая функция составляет основу развития метафорического значения лексемы партитура:

палитра чувств и партитура их выразительных средств; партитура движений, почти в духе современного экспрессионистического танца; партитура развала.

Статус и когнитивную значимость паттерна приобрели в сознании современного человека графики и диаграммы как наиболее распространенные инструменты визуализации данных [Топорова, Корнева 2018]. В этой группе особое значение приобрела инструментально опосредованная графика. Так, к числу распространенных графиков этого типа можно отнести *кардиограмму* – запись биоэлектрической активности сердца на ленте кардиографа в графическом виде, представляющую кривую линию с отклонениями в виде пиков, зубцов и волн разной формы и величины. Кардиограмма расшифровывается на основе знания соответствий графических элементов физиологическим проявлениям сердечной деятельности, свидетельствующим о степени их нормальности или характере физиологических нарушений. Это внутренняя симптоматика, фиксируемая прибором. Субъективная симптоматика, фиксируемая человеком, имеет свои маркеры, находящие вербальное выражение (*сердце бьется часто или медленно, останавливается, выскакивает из груди, бьется тревожно..., стучит, замирает*). Графика (пространственная конфигурация) кардиограммы приобрела эталонный характер в силу распространения этого графического образа в сознании, обусловив метафорический потенциал данного термина, его использования в значении «схема, график и т. п., наглядно показывающие течение какого-либо процесса и его состояние». Метафорическое использование лексемы *кардиограмма* часто связано с функциональной характеристикой объекта, с репрезентацией аналитической картины его внутреннего состояния:

Кардиограмма сценического процесса, кардиограмма чувств и мыслей

Программа игрового кино – кардиограмма того, что сегодня происходит в российском кинематографе

Графическая кривая кардиограммы, особенности её конфигурации (резко взлетающие вверх и резко падающие, сменяющие друг друга пики) ассоциируются с динамическим состоянием нервозности, резкой сменой направления (*кардиограммный почерк*), но также может характеризовать внешнее сходство, например, очертаний крыш с пиками и зубцами кардиограммы. Вместе с тем такое обозначение, как *кардиограмма шпилей*, в семантике которого актуализируются архитектурные особенности ансамбля соборных шпилей, могут свидетельствовать об особенностях духовной жизни города, выступать в роли культурно-специфических символов.

Рассмотренный нами материал выявляет когнитивно-метафорическую значимость технологически-опосредованной графической визуализации, что свидетельствует о внедрении в сознание человека новых эталонов визуализации.

Литература

- Визуальный образ* (Междисциплинарные исследования) / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. И.А. Герасимова. М.: ИФРАН, 2008.
- Топорова В.М.* Концепт «форма» в семантическом пространстве языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1999.
- Топорова В.М., Корнева Е.В.* Концептуальные и образные параметры графической визуализации // Когнитивные исследования языка. 2018. Вып. 34. С. 324–328.
- Раушенбах Б.В.* Геометрия картины и зрительное восприятие. М.: Аграф, 2012.
- Чертов Л.Ф.* Знаковая призма. Статьи по общей и пространственной семиотике. М.: Языки славянских культур, 2014.

V.M. Toporova, E.V. Korneva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University

SEMANTIC AND COGNITIVE VARIABILITY OF GRAPHIC VISUALIZATION TOOLS

The paper describes some cognitive patterns of spatial and graphic visualization of mental images; the metaphorical potential of designations of reference graphic configurations is considered.

Key words: graphic representation, visualization, technology-mediated actualization, translation, spatial metaphor, pattern, graph, perceptogram.

Л.А. Фурс (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
liudmila.furs@gmail.com

ВАРИАТИВНОСТЬ МОДУСОВ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ КОНСТРУКЦИИ В КОНТЕКСТЕ БЕСКОНФЛИКТНОЙ КОММУНИКАЦИИ¹¹

В статье рассматриваются синтаксические конструкции, допускающие вариативность модусов интерпретации. Установлено, что синкретичные, тавтологические, квазипридаточные конструкции, а также конструкции с синтаксическими амальгамами проецируют потенциально конфликтную семантику, что вызывает когнитивный диссонанс у адресата. В качестве алгоритма элиминации когнитивного диссонанса предложен принцип конфликтного мониторинга, который предполагает оценку средств конструирования смысла и прогнозирование их эффекта на достижение успешной коммуникации.

Ключевые слова: модусы интерпретации, бесконфликтная коммуникация, когнитивный диссонанс, принцип конфликтного мониторинга.

Определение бесконфликтной коммуникации как общения, в котором отсутствуют противоречия между ее участниками, что предполагает гармонию интересов, взглядов, ценностей и целей, позволяет считать, что именно такая

¹¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

коммуникация является успешной. В этой связи важным является прогнозирование воздействующего потенциала языковых средств, чтобы избежать неблагоприятных последствий от употребления тех или иных языковых единиц. Как указывает Н.Н. Болдырев, одним из факторов бесконфликтного общения на концептуальном и языковом уровнях является «выявление системы потенциально конфликтных языковых средств разного уровня: словообразовательных, лексических, фразеологических, грамматических, дискурсивных, допускающих или провоцирующих разные модусы осмысления (и, как следствие, конфликтное понимание и интерпретацию событий и объектов)» [Болдырев 2022].

Целью данного исследования является анализ синтаксических конструкций, которые допускают вариативность модусов интерпретации смысла, что приводит к когнитивному диссонансу. Понятие когнитивного диссонанса было введено в лингвистический оборот Л. Фестингером [Festinger 1957]. По мнению ученого, в случае с двумя несовместимыми точками зрения возникает ощущение диссонанса, которое приводит к необходимости предпринять определенные действия для уменьшения этого ощущения и установления консонанса. В качестве причин когнитивного диссонанса выделяются такие ситуации, когда наблюдается логическая несовместимость элементов, нарушаются культурные нормы, имеет место несоответствие прошлого опыта человека той ситуации, в которой он оказывается, а также необходимость выражать общее мнение социальной группы, хотя человек этого мнения не разделяет [Фестингер 2000].

Характерно, что на современном этапе развития когнитивного подхода к изучению языковых явлений внимание было привлечено не только к изучению способов конструирования смысла, но также и к процессам обработки этого знания в соответствии с интенциями человека и условиями коммуникации. Что касается анализа синтаксических конструкций, то в этой области был поставлен акцент на взаимодействие когнитивной лингвистики и семиотики, в частности, такого ее аспекта, как прагматика. Положения теории имплицатур Грайса [Grice 1975], выделение максимы релевантности [Грайс 1985] и теории косвенных речевых актов Серля [Searle 1975] имели важное значение для включения в анализ и тех конструкций, которые характеризуются ненормативным порядком слов. Отметим точку зрения на понятие релевантности Д. Уилсон и Д. Спербера, указавших, что «люди неосознанно стремятся к максимальной релевантности, т. е. к максимальному когнитивному эффекту при минимальных усилиях при переработке» [Wilson, Sperber 1988]. Иными словами, любое аномально сконструированное предложение релевантно, и должно рассматриваться адресатом с позиций релевантности (о когнитивной природе релевантности см.: [Фурс 2012]).

Фактологический анализ позволил установить ряд синтаксических конструкций, которые открывают возможности варьирования модусов интерпретации и обнаруживают потенциально конфликтную семантику:

(1) синкретичные конструкции

Синкретизм как языковое явление обеспечивает совмещение противопоставленных смыслов, репрезентируемых конструкцией. Конструкция What +

+ Noun! характеризуется вариативностью модусов интерпретации: *What a hat/ a dress/ a coat/ a bag!* В зависимости от контекста данные предложения могут быть интерпретированы как средства репрезентации позитивной оценки или же негативной оценки. Вариативность модусов интерпретации проявляется в том, что несмотря на то, что цель адресанта заключается в реализации позитивной оценки “*What a good hat/ dress/ coat/ bag!*”, адресат с учетом имеющегося у него фонового знания о противоречиях во взглядах или частом несовпадении точек зрения с адресантом может интерпретировать это высказывание и как критику “*What a bad hat/ dress/ coat/ bag!*”.

(2) тавтологические конструкции

Как отмечает А. Вежбицка, тавтологические конструкции способны репрезентировать несколько значений одновременно [Wierzbicka 1987]. Несмотря на ненормативную структуру, подобные предложения рассматриваются как релевантные средства объективации комплексного знания. Они лаконичны, отражают действие закона языковой экономии, выступают в качестве средств реагирования на оцениваемую ситуацию и допускают вариативность модусов интерпретации. Характер оценочного знания зависит от контекста коммуникативной ситуации. Важно отметить, что разграничение модусов интерпретации в этом случае не осуществляется. Так, высказывания *Gifts are gifts! Boys are boys!* выступают своеобразным «контейнером» для нескольких смысловых линий. В первом случае тавтологическая конструкция допускает ряд интерпретаций: «подарки есть подарки» и (1) в этом случае не имеет значения цена; (2) к этому нужно относиться философски; (3) они могут вызвать разочарование; (4) они часто бесполезны; (5) их следует воспринимать как простую любезность; (6) их дарят часто с корыстными целями и т. п. Во втором случае также репрезентируется несколько смысловых линий: «мальчики есть мальчики» и (1) для них характерны шумные игры; (2) они не слушают родителей; (3) они не сидят на месте; (4) они нарушают порядок и т. п. В зависимости от контекста ситуации могут оказаться значимыми и другие интерпретации. Характерно, что наличие разных модусов интерпретации свидетельствует о возможности расценивать данные высказывания и как критику в свой адрес, что может вызвать когнитивный диссонанс у адресата этого высказывания.

(3) конструкции с синтаксическими амальгамами

Понятие «синтаксическая амальгама» было введено в лингвистический оборот Дж. Лакоффом и обозначает предложение, в котором есть «фрагменты лексического материала, которые не соответствуют логической структуре предложения, но они включаются в нее в соответствии с семантическими и прагматическими показателями» [Lakoff 1974: 321]. Такие «включения» приводят к неоднозначной интерпретации смысла, допускающей активацию разных оценочных фокусов. Как показывает фактологический анализ, наиболее частотной является конструкция с включением в ее структуру фразеологизма *God knows*, который лексикализуется за счет сочетания с различными вопросительными словами:

God knows how long you'll have to wait for the bus;
They'll be here for God knows how long (LG).

Особенность данных примеров заключается в том, что адресат предложения-высказывания может прогнозировать следующие ассоциации: «я не знаю, и никто не знает, как долго придется ждать автобус» в первом примере, и во втором случае; «я не знаю, и никто не знает, как долго они будут здесь». Когнитивный диссонанс заключается в том, что точка зрения адресата не учитывается и даже не предпринимается попытка уточнить его мнение. К тому же прослеживается выражение раздражения со стороны говорящего, что не является основой для успешной коммуникации.

(4) квазипридаточные конструкции

Квазипридаточные конструкции, инициальным компонентом которых выступает союзное слово *as if*, *as though*, *if*, являются интонационно завершенными и формально автосемантическими. Они являются семантически и синтаксически самодостаточными для автономного функционирования. Эти конструкции призваны репрезентировать не только определенную денотативную ситуацию, но и эмоциональное отношение говорящего к этой ситуации. При этом доминирующей является линия эмоциональной экспрессии (подробнее о когнитивной природе этих конструкций см.: [Фурс 2004]). Такие конструкции являются средством репрезентации имплицитного отрицания, что может спровоцировать конфликтное восприятие такого высказывания:

As if it mattered anyway! (MD);

As if I cared! (Glasgow E.).

Оба примера репрезентируют незаинтересованность адресанта в обсуждении определенных вопросов. В результате трансформации эксплицируется скрытое отрицание: *As if it mattered anyway!* → *It does not matter*; *As if I cared!* → *I do not care*, что можно интерпретировать как отказ от дальнейшего обсуждения, что также приводит к когнитивному диссонансу у адресата.

Проведенный анализ рассмотренных выше конструкций позволил прийти к заключению, что в качестве алгоритма элиминации когнитивного диссонанса может выступать **принцип конфликтного мониторинга**. Этот принцип предполагает оценку средств конструирования смысла и прогнозирование их эффекта на достижение успешной коммуникации.

Таким образом, в синтаксисе была выделена группа конструкций, допускающих вариативность модусов интерпретации. Она включает синкретичные, тавтологические, квазипридаточные конструкции, а также конструкции с синтаксическими амальгамами. Данные конструкции проецируют потенциально конфликтную семантику, что вызывает когнитивный диссонанс у адресата. За счет прогнозирования негативных последствий употребления таких конструкций на основе принципа конфликтного мониторинга удастся достичь успешной коммуникации.

Литература

Болдырев Н.Н. Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (в печати).

Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 217–237.

- Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса: пер. с англ. СПб.: Речь, 2000.
- Фурс Л.А. Принцип релевантности в конструировании смысла // Социально-экономические явления и процессы. 2012. № 10. С. 241–243.
- Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов, 2004.
- Festinger L. A theory of cognitive dissonance. Evanston, IL: Row Peterson, 1957.
- Glasgow E. Barren Ground. Moscow: Progress Publishers, 1981.
- Grice P. Logic and Conversation. In Speech Acts, Syntax and Semantics / ed. by Cole P., Morgan J.L. New York: Academic Press, 1975.
- Lakoff G. Syntactic Amalgams. Chicago Linguistic Society. 1974.
- LG – Ludwig Guru. URL: <https://ludwig.guru>
- MD – Macmillan Dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com>
- Searle J. R. Indirect speech acts // Syntax and Semantics. Speech Acts /ed. by Cole P., Morgan J.L. New York: Academic Press, 1975. P. 59–82.
- Wierzbicka A. Boys will be boys: Radical semantics vs Radical pragmatics. Language, 1987, vol. 63. P. 95–114.
- Wilson D., Sperber D. Representation and relevance // Mental representations: The interface between language and reality. Cambridge, 1988. P. 133–153.

L.A. Furs (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

VARIABILITY OF INTERPRETATION MODES OF A SYNTACTIC CONSTRUCTIONS IN THE CONTEXT OF CONFLICT-FREE COMMUNICATION

The article deals with syntactic constructions that allow variability of interpretation modes. It has been established that syncretic, tautological, quasi-subordinate constructions, as well as constructions with syntactic amalgams, project potentially conflicting semantics, which causes cognitive dissonance in the addressee. As an algorithm for the elimination of cognitive dissonance, the principle of conflict monitoring is proposed, which involves evaluating the means of constructing meaning and predicting their effect on achieving successful communication.

Key words: modes of interpretation, conflict-free communication, cognitive dissonance, principle of conflict monitoring.

Е.Ю. Хрисонопуло (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный институт культуры
katherine0824@gmail.com

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ РЕФЕРЕНТА ИМЕННОЙ ГРУППЫ КАК ФАКТОР ВЫБОРА ПРЕДЛОГА В АНГЛИЙСКИХ ПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ СО ЗНАЧЕНИЕМ СОСТОЯНИЯ

В исследовании анализируются факторы выбора английских предлогов *by* и *with* в причастных конструкциях со значением состояния: *ornamented by / with flower beds*. В работе показано, что употребление конкретного предлога мотивируется концептуализацией референта вводимой предложением именной группы: либо как детерминанта субъекта состояния (*by*), либо как релевантной субстанции обозначенного состояния (*with*).

Ключевые слова: предлог, причастная конструкция, именная группа, концептуализация, дискурсивный актанта.

Цель настоящей работы состоит в исследовании особенностей выбора английских причастных конструкций, выражающих состояние, с предлогами *by* и *with*, как в следующих примерах: *surrounded by / with trees; ornamented by / with flower beds*. В центре внимания представленного ниже анализа будут находиться факторы, которые способствуют предпочтительному употреблению одного из двух предлогов при обозначении объекта, связанного с наступлением либо с той или иной формой проявления состояния. В целом, исследуемые конструкции включают в себя три элемента: причастие прошедшего времени, предлог и вводимую предлогом именную группу. Последняя, в свою очередь, может быть выражена как именным словосочетанием, так и одним словом, представленным именной частью речи, т. е. существительным либо личным местоимением.

Материалом для исследования послужили художественные тексты, представляющие собой современные переводы повести А.С. Пушкина «Дубровский» на английский язык. Наиболее ранний из этих переводов был выполнен в 20 веке британским переводчиком Гиллоном Айткенем [The Complete Prose Tales 2008: 189-286]. Два других перевода выполнены в 21 в. американскими переводчиками Полом Дебречени [Pushkin 2017b: 159-247] и Ричардом Пивиром в соавторстве с Ларисой Волохонской [Pushkin 2017a: 127-197]. Выбор переводных текстов в качестве материала для исследования обусловлен тем, что в этом случае имеется возможность проследить выбор различных языковых средств при описании идентичной денотативной ситуации, представленной в тексте оригинала. В когнитивной лингвистике альтернативные способы языковой репрезентации определенного положения дел рассматриваются как случаи «мыслительного конструирования» (mental construal) [Langacker 1991: 35; Croft and Wood 2000], понимаемого как различные способы осмысления и толкования того или иного концептуального содержания в дискурсе. При этом параметры конструирования могут быть различны в зависимости от обозначаемого аспекта ситуации (подробнее см.: [Болдырев 2019: 185-198]). Поскольку, как отмечается в работе М.Я. Блоха [2017: 64], предлоги «выражают зависимости и взаимозависимости субстантивных референтов», немаловажную роль в выборе того или иного предлога играет концептуализация соответствующих референтов в дискурсе.

Роль осмысления субстантивного референта при дифференциации предлогов *by* и *with* в причастных конструкциях со значением состояния подчеркивается в исследовании Д.А. Штеллинга [1996: 134-148]. Автор отмечает, что при описании состояния физического объекта предлог *by* характеризует вводимую именную группу как нечто отдельное, вычлененное из общей ситуации и мыслимое говорящим как наиболее значительное, в то время как предлог *with* указывает на нерасчлененность описываемого состояния и референта последующей именной группы. С позиций когнитивной семантики альтернативное употребление предлогов *by* и *with* анализируется в работе А.С. Кириченко [2010]. На материале использования предлогов в конструкциях с причастием *surrounded* автор приходит к выводу о том, что важную роль в выборе предлога играет не

только концептуализация референта именной группы, но и элементы пространственной ситуации, обозначаемой конструкцией в целом.

В нашем недавнем исследовании [Хрисонопуло 2021], где анализировались факторы выбора английских причастных конструкций с предложениями *by*, *with* и *at* при выражении эмоционального состояния, была предложена интерпретация значения английских предлогов, которая совместима с обоими упомянутыми подходами. При этом предлоги характеризовались при отсылке к семантическим актантам, которые они вводят. В частности, в работе отмечено, что предлог *by* вводит семантический актант «Эффектив» (т. е. сущность, оказывающую воздействие), в то время как предлог *with* указывает на актант «Энактив» (т. е. сущность, составляющую предметную основу состояния).

Рабочей гипотезой настоящей работы является предположение о том, что при описании состояния физического объекта, как и эмоционального состояния лица, английские предлоги *by* и *with* различаются аналогичным образом, поскольку каждый из предлогов задает какой-то один тип осмысления референта последующей именной группы. В связи с тем, что осмысление референта имени всегда происходит в конкретном контексте, актант, который вводит предлог, в дальнейшем будет называться **дискурсивным актантом**.

В целом, анализ языкового материала, представленный ниже, производится на материале 75 причастных конструкций с предлогами *by* и *with*, среди которых выделяются группы по две-три конструкции, которые описывают идентичную ситуацию состояния физического объекта. При этом в структурно-грамматическом отношении конструкции являются абсолютно аналогичными, поскольку включают в свой состав причастие, предлог и именную группу. Вместе с тем, причастные формы могут быть образованы от различных (как правило, синонимичных) глаголов.

В проанализированном корпусе примеров имеются случаи, когда идентичная ситуация состояния объекта во всех переводных текстах описывается при использовании одного из двух предлогов. При этом только предлог *by* выбирается в тех случаях, когда референт вводимой предлогом именной группы концептуализируется как фактор, который предопределяет физическое состояние объекта. Например, в высказывании, где говорится о языках пламени (*flames*), окружающих животное (*it*), подразумевается, что животное находится в состоянии опасности: *...it was surrounded on all sides by flames* (The Complete Prose Tales 2008; Pushkin A. 2017a). В описаниях статичных ситуаций только предлог *by* используется в тех случаях, когда референт вводимой именной группы в значительной мере предопределяет восприятие обозначаемого состояния объекта: *At last he reached a small hollow, surrounded on all sides by the wood...* (The Complete Prose Tales 2008); *He finally reached a small hollow, surrounded by the woods on all sides...* (Pushkin A. 2017a); *At length he came upon a little hollow, surrounded by woods on all sides...* (Pushkin A. 2017b). В приведенных высказываниях подчеркивается контраст окружающего пространства, образуемого густым лесом, и маленького пространства ложины. Употребление предлога *by* во всех переводах подчеркивает визуальное доминирование леса над тем маленьким пространством, где персонаж на какое-то время укрылся.

При описании состояний неодушевленных объектов словосочетания с предлогом *with*, как правило, указывают на материальную субстанцию, через которую выражается состояние. Речь идет о покрытии чем-либо (*covered with*) либо наполненности той или иной субстанцией (*filled with*). Например: *The night was dark, the sky covered with clouds...* (The Complete Prose Tales 2008). Здесь предложное сочетание *with clouds* способствуют визуализации состояния затянутости тучами. Аналогичный эффект возникает и при описании ситуации наполненности чем-либо: *The stables were filled with carriage-horses, the court-yards and coach-houses crowded out with a variety of horses* (The Complete Prose Tales 2008); *The stables were filled with carriage horses, the yards and coach houses were cluttered with all sorts of vehicles* (Pushkin A. 2017a).

Приведенные выше примеры преимущественного использования предлога *by* либо *with* в причастных конструкциях предполагают, что предлоги вводят различные дискурсивные актанты. Уточняя понятие «Эффектив», о котором говорится в нашей предшествующей работе, представляется целесообразным обозначить актантный статус именной группы, вводимой предлогом *by*, как «детерминант субъектно-предикатного отношения», т. е. как сущность, предопределяющую предизируемое тому или иному предмету (одушевленному либо неодушевленному) состояние. Напротив, предлог *with* указывает на осмысление референта именной группы как субстанциональной основы состояния, что дает возможность определить соответствующий актантный статус как «релевантная субстанция глагольного признака».

Дифференциация упомянутых выше дискурсивных актантов подтверждается примерами альтернативного употребления предлогов *with* и *by* при описании идентичных ситуаций. Достаточно иллюстративными являются следующие высказывания: *The windows of this wing were barricaded with wooden bars...* (The Complete Prose Tales 2008); *The windows in that wing were protected by wooden bars...* (Pushkin A. 2017b). Из примеров видно, что сочетание с предлогом *with* используется в контексте конструкции с глаголом *barricade*, предполагающим материал, из которого состояло заграждение. Таким образом, в переводе раскрыта только визуальная картина заграждения. Напротив сочетание с предлогом *by* подчинено предикату с более общей семантикой *protect*. В итоге акцент делается на функции заграждения – сделать невозможным побег из флигеля девушек, которые там работали. Иначе говоря, деревянная решетка осмысляется как объект, создающий преграду для тех, кто находится в помещении, а не просто как материальная реализация заграждения.

Достаточно интересным представляется случай дифференцированного употребления предлогов *by* и *with* в контексте конструкций с одним и тем же глаголом *ornament*: *The courtyard, formerly ornamented by three rectangular flower-beds...was now an unmown meadow...* (The Complete Prose Tales 2008); *The yard, which used to be ornamented with three neat flowerbeds...had by now turned into an unmowed pasture...* (Pushkin A. 2017b). В высказывании, где выбрано словосочетание с предлогом *by*, цветники изображаются как объекты, предопределившие сам вид цветущего двора. Напротив, предложение, содержащее сочетание с *with*, представляет те же цветники как саму материальную субстанцию, составлявшую украшение.

Проведенный анализ английских причастных конструкций с предлогами *by* и *with* свидетельствует в пользу того, что важную роль в передаче общего смысла словосочетания играет не только значения составляющих его знаменательных слов, но и значения предлогов, указывающих на отношения между этими словами. Выбор предлогов *by* или *with* в таких словосочетаниях связано с различиями в концептуализации референтов вводимых предлогами именных групп. На основании этих различий в языке получает выражение дифференциация двух дискурсивных актантов: детерминанта субъектно-предикатного отношения (*by*), с одной стороны, и релевантной субстанции глагольного признака (*with*), с другой.

Литература

- Блох М.Я. Теоретическая грамматика английского языка: учебник. 7-е изд., перераб. и доп. Дубна: Феникс+, 2017.
- Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.
- Кириченко А.С. Проблема дифференциации предлогов *by* и *with* в сочетании с причастием *surrounded* // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2010. № 2 (6). С. 40–45.
- Хрисонопуло Е.Ю. Фреймы, сцены и употребления предложных конструкций со значением эмоционального состояния в переводах прозы А.С. Пушкина на английский язык (на примере повести “Пиковая дама”) // Пушкинские чтения. 2021. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст: материалы XXVI Междунар. науч. конф. / отв. ред. Т.В. Мальцева. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2021. С. 58–68.
- Штеллинг Д.А. Грамматическая семантика английского языка. Фактор человека в языке: учебное пособие. М.: МГИМО, ЧеРо, 1996.
- Croft W. and Wood E.J. Construal Operations in Linguistics and Artificial Intelligence // Meaning and Cognition / Ed. by L. Albertazzi. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2000. P. 51–78.
- Langacker R.W. Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar. Berlin; Mouton de Gruyter, 1991.
- Pushkin A. Novels. Tales. Journeys. The Complete Prose of Alexander Pushkin. A New Translation by Richard Pevear and Larissa Volokhonsky. USA: Penguin Books, 2017a.
- Pushkin A. The Queen of Spades and Other Stories / Translated by Paul Debreczeny. Surrey: Alma Classics, 2017b.
- The Complete Prose Tales of Alexandr Sergejevitch Pushkin / Translated by Gillon Aitken. London: Vintage Books, 2008.

E.Yu. Khrisonopulo (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Peterburg State University of Culture

CONCEPTUALIZATION OF A NOMINAL GROUP 'S REFERENT AS A FACTOR FOR CHOOSING A PREPOSITION IN ENGLISH PARTICIPIAL CONSTRUCTIONS WITH THE MEANING OF STATE

The paper analyzes the factors for choosing the English prepositions *by* or *with* in participial constructions with the meaning of state: *ornamented by / with flower beds*. The proposed study reveals that the occurrence of a particular preposition is motivated by the discursive categorization of a referent designated by the subsequent nominal group: either as a determinant of the entity to which the state is attributed (*by*) or the relevant substance inherent in the state (*with*).

Key words: preposition, participial construction, nominal group, conceptualization, discursive case.

*Цзинь Тао (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
tszin_t@pfur.ru*

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ДЕРИВАЦИЯ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОГРАНИЧЕННОСТЬ ПОНЯТИЯ

В статье рассматривается методологическая ограниченность понятия «семантической деривации» как следствие того, что акт осознания связей между значениями и акт осознания самих значений – два разных процесса. Обосновывается мнение о том, что для создания объяснительной теории полисемии необходимо исходить из того, что весь семантический объем произволен, его генерирующее «начало» находится вне семантической структуры.

Ключевые слова: полисемия, деривация, предпосылка, акт осознания, методологическая ограниченность.

Сегодня большинство лингвистов при исследовании полисемии придерживается теории «семантической деривации», пришедшей на смену традиционной «списочной теории» полисемии в силу общего понимания того, что исследование полисемии не может ограничиваться лишь ее описанием, а должно стремиться к объяснению данного явления. Как справедливо отмечает Л. М. Лещёва: «Генеративная теория полисемии в настоящее время находится в стадии становления. Существуют лишь попытки описать и представить семантический объем отдельных слов с учетом их деривационного механизма» [Лещёва 2014: 208]. Нет никакого сомнения, что такие попытки значительно расширяют и углубляют наше знание о семантике языка, но в то же время нельзя априорно полагать, что при накоплении этого знания мы получим именно генеративную теорию полисемии, объясняющую механизм ее возникновения.

Латинское слово *derivation* означало «отведение, отклонение». Его употребление в лингвистике отражает представление о «развитии» семантики языковой единицы как появление «производных» значений от некоего «начала», находящегося внутри семантической структуры языковой единицы: «Семантическая деривация – это процесс появления у слова семантически производных значений, со-значений, семантических коннотаций, т. е. процесс расширения семантического объема слова, приводящий к появлению семантического синкретизма, а потом и процесс распада семантического синкретизма, приводящий к появлению явления так называемой полисемии. Деривация имеет направления изменений, которые определяют основные типы самой деривации: метонимические и метафорические процессы изменений в семантической структуре слова» [Некипелова 2011: 36]. По сути, «семантическая деривация» – это гипотетическая модель развития семантики с вытекающими из нее методологическими приемами. Известно, что любая гипотеза не должна противоречить наблюдениям, а ее объяснительная сила напрямую зависит от того, насколько выдерживают критику ее первоначальные (априорные) предпосылки. Является ли с этой точки зрения понятие «деривация» достаточно

удачным для формирования объяснительной теории полисемии? Ответ на этот вопрос, скорее, отрицательный.

Во-первых, данная модель не согласовывается с наблюдаемой «легкостью», с которой человек справляется с употреблением и пониманием полисемантов своего родного языка. Как признают сами лингвисты, «интерпретация некоторой совокупности языковых фактов как реализации определенного семантического перехода есть результат сложной исследовательской работы, включающей применение определенных принципов и методов, но в целом не формализуемой и опирающейся, в конечном счете, на опыт и интуицию исследователя» [Зализняк 2013: 41]. Однако еще на стадии освоения родного языка ребенок демонстрирует чуткость к полисемантам, угадывая их значения и даже употребляя их в прецедентных высказываниях, значения которых, опять же, может быть угаданным адресатами без особого труда. Крайне трудно предположить, что при этом действительно срабатывает некий деривационный механизм, изменяющий некое исходное, производящее значение. Напрашивается вывод о том, что акт осознания значений и акт осознания связей между «производящим» и «производным» в семантике – два разных процесса.

Во-вторых, представление о «деривации» не подтверждается эмпирически. Как известно, в качестве «производящего» значения по умолчанию зачастую берется так называемое «прямое» или «буквальное» значение, однако результаты экспериментов, нацеленные на сравнение трудности обработки буквального и небуквального значения полисемантов при чтении, противоречивы [Слюсарь и др. 2017], т. е. не доказано, что при обработке случаев «небуквального» употребления полисеманта человек мысленно обращается к некоему «исходному» значению, и тем самым увеличивается время обработки.

Во-третьих, объяснительный потенциал у понятия «семантической деривации» вызывает сомнение, особенно при сравнении полисемантов из разных языков. Дело в том, что когда схожее «производящее» значение у полисемантов из разных языков не обеспечивает схожесть их семантического объема в целом, то приходится лишь констатировать факт, что для какого-то полисеманта (или группы полисемантов) в одном языке характерна разветвленная семантическая структура, тогда как его (их) аналоги в других языках отличаются менее сложной системой вторичных значений [Киселева, Тодосиенко 2019: 27], а попытка объяснить этот факт сводится к «национальной специфике» взаимосвязи языка с действительностью, мышлением и психофизиологической организацией человека, с обществом и культурой. Но ведь ни один из перечисленных факторов не является детерминантным для остальных. Иными словами, представление о «семантической деривации» фактически порождает замкнутый эпистемологический круг, из которого невозможно выводить причинно-следственную цепочку, необходимую для объяснительной теории.

Причину несогласованности представления о «деривации» с наблюдениями и ограниченности его объяснительного потенциала следует искать в предпосылках данной гипотетической модели развития семантики. Первая

предпосылка, на наш взгляд, – это убеждение в системности семантики, т. е. в наличии связей между выделяемыми компонентами семантического объема полисеманта. Само это убеждение предопределяется не столько онтологией познаваемого (в нашем случае это семантика языка), сколько познавательной стратегией, присущей человеку. Систематизация познаваемого – это процесс познания, направленный на поиск ответа на вопрос «ЧТО ЕСТЬ», а не на вопрос «КАК ОНО ВОЗНИКЛО». Когда мы осознаем значение А и значение Б под эгидой одного и того же знака, мы можем определить отсутствие или наличие связи между ними, однако само наличие связи никак не подразумевает, что значение Б возникло на основе значения А или наоборот. Точно так же, как физики могут измерить силу взаимодействия между ядром и электронами в атоме, но они не могут утверждать, что атом, ядро или электроны возникли в силу наличия связей между ними. Любая попытка систематизации семантики, в том числе и с помощью представления о «деривации», приводит только к описанию семантики. Вторая предпосылка – это убеждение в линейности развития и обусловленной этим убеждением необходимостью определения некоего «начала» развития. Сам факт эволюции семантики неоспорим, но этот факт отнюдь не означает, что генерирующее начало находится внутри системы, которую оно порождает. С этой точки зрения, выделение «производящего» и «производных» значений – это методологическая необходимость, обусловленная двумя предпосылками, но не имеющая отношения к реальному ментальному акту осознания семантики.

Итак, модель развития семантики с использованием понятия «деривации» остается описательной, а не объяснительной моделью, ее эпистемологические возможности ограничиваются ее предпосылками. Следовательно, для создания гипотезы, нацеленной на поиск ответа на вопрос «как генерируется семантика», нужна новая исходная позиция.

Психолингвистические эксперименты с участием рядовых носителей языка показывают, что семантика индивидуально вариативна, подтверждается суждение, высказанное Бертраном Расселом: «Хотя словарь или энциклопедия дают нам то, что может быть названо официальным или общественно санкционированным значением слова, нет двух людей, которые в своем сознании вкладывают в одно и то же слово одинаковое содержание» [Рассел 2009: 78]. Методом статистической обработки результатов опросов возможно выделение центральной и периферической части в семантическом поле полисемантов, а также возможно уловить «своего рода общую идею, ядерное семантическое содержание. В той или иной мере отголоски ядерного содержания проявляются во многих компонентах внутри полисемического поля, хотя каждый компонент имеет и свои особенные семантические отличия и оттенки» [Ушакова, Григорьев 2013: 18]. Одновременно с этим неполноэквивалентность / безэквивалентность полисемантов из разных языков – явление повсеместное, у них могут быть частичное совпадение в центральной или периферической частях, и даже в общие идеи, но полное совпадение не наблюдается, т. е. семантика

национально вариативна. Эти факты должны убедить нас в том, что семантика не данность, ее следует рассматривать как живой продукт умозаключения, относительность является ее фундаментальной чертой. Соответственно, отправной точкой для объяснительной теории полисемии должно служить понимание того, что на созидательное «начало» может претендовать не какой-то элемент внутри семантической структуры, а сама способность представителей Homo sapiens в ходе кооперации генерировать сознание, находящее отражение в том, что языковой коллектив признает применимость полисеманта к определенному кругу ситуаций, и в конкретной ситуации у представителей этого коллектива возникает схожее понимание.

Литература

Зализняк А. А. Семантический переход как объект типологии // Вопросы языкознания. 2013. № 2. С. 32–51.

Киселева Л. А., Тодосиенко З. В. Когнитивные основания семантической деривации в разноструктурных языках (на материале глагольных предикатов физического процесса) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 21–29.

Лециёва Л. М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. – М.: Языки славянской культуры, 2014.

Некителова И. М. К вопросу о разграничении понятий семантической деривации и семантического словообразования в диахроническом аспекте // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 2(14). С. 33–46.

Рассел Б. История западной философии и ее связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней: в трех книгах. Изд. 7-е. М: Академический проект, 2009.

Слюсарь Н. А., Петрова Т. Е., Михайловская Е. В., Череповская Н. В., Прокопья В. К., Чернова Д. А., Черниговская Т. В. Экспериментальные исследования ментального лексикона: словосочетания с буквальным и небуквальным значением // Вопросы языкознания. 2017. № 3. С. 83–98.

Ушакова Т. Н., Григорьев А. А. Полисемия как форма организации вербально-семантического пространства // Вопросы психолингвистики. 2013. № 18. С. 10–19.

T. Tszin (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia

SEMANTIC DERIVATION: METHODOLOGICAL LIMITEDNESS OF THE CONCEPT

The article considers the methodological limitations of semantic derivation. The fact that the act of realizing connections between meanings and the act of realizing the meanings themselves are two separate processes. In order to create an explanatory theory of polysemy, it is necessary to proceed from the fact that the entire semantic volume is random, its generative “beginning” is outside the semantic structure.

Keywords: polysemy, derivation, prerequisite, act of realizing, methodological limitation.

КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕКСТА И ДИСКУРСА

*H.M. Al-Lami, E.S. Balandina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University (National Research University)
husseinbreesam91@gmail.com, balandinaes@susu.ru*

LINGUISTIC REPRESENTATION OF THE CONCEPT “SCIENCE” IN TED-TALK DISCOURSE

The article deals with the issue of “science” representation in TED-Talk discourse. As scientific developments and innovations became an integral part of life, the topic under consideration is considered to be relevant as it highlights the peculiarities of science perception by the society. The article aims to create a collocation network of the node “science” and on its base to study the linguistic peculiarities of its representation.

Keywords: corpus, collocation, Ted-Talk discourse, T-score, science.

Science represents an important aspect of our life, as it holds the key to the progress and development of society [Anaeto, et al. 2016]. It contributes to providing a fertile source of novel technological researches that improve life by introducing new advances for humanities. Therefore, the study of science representation becomes relevant and important. In the research, we decide to concentrate attention on linguistic representation of the node “science” in TED-Talk discourse. TED-Talk presentations serve to reflect different themes in concise and precise manner. Moreover, it should be noted that TED-Talks can be regarded as a unique genre that is realised as a primary genre in real communication (presented for the audience at an official TED conference) and as a secondary one on the Internet (ted.com) [Konovalova, Nizamiyeva 2020].

In order to start the analysis, we were to construct the corpus that would be big enough to reveal the most interesting cases of science representation. For that purpose, we selected 100 scripts on the topic “Science” from the site [<https://www.ted.com>]. From our point of view, the selected number of scripts allowed to construct a representative foundation for the analysis as it corresponded to such significant characteristics as sampling, balance and representativeness. The collected data were analysed using corpus linguistics methods. The T-score measure was applied to select the frequent, non-exclusive collocations with the analysed node.

$$\text{T-score} = \frac{O_{11} - E_{11}}{\sqrt{O_{11}}}$$

Among the most frequent adjectives, we can highlight the ones with neutral connotation *new, national, social, modern, medical, political, basic, good, interested, real, open*. The group of adjectives with the positive colouring is represented by the only word *best*, while the frequent usage of the negative adjectives is not common. Therefore, we can state that TED-talk speakers prefer to concentrate their attention on some general sides of scientific development. The speech is intended to present the opportunities provided by technological revolution and make people estimate themselves the influence on everyday life.

(1) *Conservation of information isn't just an arbitrary rule, but a mathematical necessity, upon which much of **modern science** is built.*

(2) *Knowledge in **medical science** and science overall is doubling every 15 to 20 years. Technology is increasing at a comparable rate.*

(3) *So we need to have a second **open science** revolution.*

Exaggeration in the judgements concerning scientific investigations can also be found in TED-Talk presentations, but they are not numerous and as a result, the adjectives with positive connotation are not included into the frequency list except for the word *best*.

(4) *And I am here to share with you what fascinating things we can try to manage with this **powerful modern science**. But let's start with the term itself: biomolecular archeology.*

(5) *In our modern technological age, when our very survival depends on discovery, innovation and science, it is critical, absolutely critical, that our scientists are free to undertake their work, free to collaborate with other scientists, free to speak to the media and free to speak to the public. Because after all, **science** is humanity's **best** effort at uncovering the truth about our world, about our very existence.*

As for the diminishing, we can't find a lot of sticking examples when the node "science" stands next to the adjective with the negative colouring. However, if some negative effects of scientific innovations are mentioned they are generally accompanied by some good examples that are opposed to the bad ones.

(6) *Science can be used for **good or bad**.*

The verbs that accompany the analysed node can be organized into the groups of relational *was, is, are*, material *use, open*, mental *understand, know, believe, think* or behavioral verbs *do*.

(7) ***Understand** that math is a **science** and it is a language ruled like other verbal languages, or like verbal language generally, by its own grammar and system of logic.*

(8) *We want to **use science** to overcome the national and cultural barriers.*

Among them the most frequent are the verbs *use* (24 cases of collocation frequency), *know* (20 cases of collocation frequency), *understand* (14 cases of collocation frequency) that underline the necessity of practical implementation of scientific achievements and the mental abilities to perceive, analyse, conduct and create new technological products that could be introduced to the public.

Particular attention should be given to the meaning of modals that stand close to the node “science”. The dynamic modal verb *can* refers to the ability of science to have a significant impact on the life of the whole society.

(9) **Science can**, in our lifetimes – even in a decade change everything that surrounds us.

As for the modal *should*, it is used both as epistemic and deontic modal, that expresses the moderate level of certainty. It either stresses the importance of human control over the technological situation or marks the judgment of the truth-value of the proposition, such as possibility or necessity.

(10) *We believe that decision-makers should be acting on science and facts.*

(11) *In our really it is urgent to understand that nature, science and society should work together.*

The most frequent areas of concern in various TED-Talks are presented by the nouns: *computer, rocket, math, mathematics, history, medicine, technology, arts*. Therefore, we can see that TED-Talk speakers deal with a wide range of topics from both science and humanitarian fields.

(12) *Creativity is the idea. So, if we can't reach space or build a rocket, we can be creative in science.*

(13) *And what we do in science and in medicine in particular is to send out firefighters, because cancer is like a big fire.*

The usage of such nouns as *foundation, technology, scientists* strengthen the importance of scientific and technological development, involvement in its creation, and understanding of its origin and further evolution.

(14) **Science is like a pyramid: you cannot lay the upper block without a foundation of the blocks beneath.**

(15) *They show us how our prejudices, our hopes and our values are embedded in science and technology through the questions that we ask and the choices that we make.*

It is also worth saying, that the function of the node “science” that mostly serves as a noun changes when it co-occurs in the right span with such collocates as *data, fiction, research, project, brain, education*. In that cases “science” receives the functions of the adjective characterizing the nouns in order to give it more scientific credibility.

(16) *I believe that the next big, quantum leap in science education is on its way.*

(17) *And to study this, we started a citizen-science project. We built a free smartphone app, which allowed people all over the Netherlands to take pictures of...*

(18) *Here's a NASA model and science data from satellite showing the 2017 hurricane season.*

The pronouns *our, my, I, us, we* that construct collocations with the studied node help to make conclusions not only about the involvement of society into the sphere of science, but also about the peculiarities of TED-Talk presentations.

The frequent usage of individualized representational strategy through the personal pronoun *I, my* is known to be the general characteristic of TED-Talk presentation when

the speaker refers to his views and position concerning the topic under consideration. The pronouns *our*, *we* fulfill the function of involvement. They are used to evoke speakers' ideas as common ones and thus create a collective unity.

(19) *I agree that in science, every paradox is an opportunity for new discoveries.*

(20) *So, sometimes, unexpected connections are made in science that helps us to find new solutions.*

(21) *In our modern technological age, when our very survival depends on discovery, innovation and science, it is critical, absolutely critical, that our scientists are free to undertake their work, free to collaborate with other scientists, free to speak to the media and free to speak to the public.*

The wide collocation network of the analysed node “science” is presented graphically in pic. 1.

In conclusion, we can say that T-score statistics gives a fruitful field for the detailed node analysis. Through its calculation we can not only conduct the quantitative study of the most frequent collocates with the node “science” but also organize the qualitative research that would enable to highlight the main peculiarities of its co-occurrence with various words belonging to different parts of speech.

References

Anaeto F.C., Asiabaka C.C., Ani A.O., Nnadi F.N., Ugwoke F.O., Asiabaka I.P., Anaeto C.A. & Ihekweronye N. The roles of science and technology in national development // Direct Research Journal. 2016. Vol. 3 (3). P. 38–43.

Kononova E., Nizamieva M. Stylistic devices and expressive means in ted talks lectures on architecture and construction. URL: <https://iopscience.iop.org/article/10.1088/1757-899X/890/1/012206/pdf>

*Х.М. Аль-Лами, Е.С. Баландина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет*

ЛИГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА НАУКА В ДИСКУРСЕ TED-TALK

Цель представленной статьи состоит в анализе лингвистических особенностей репрезентации концепта SCIENCE в дискурсе Ted-Talk с помощью методов корпусной лингвистики. Актуальность представленной темы обусловлена ролью научно-технического процесса в современном обществе.

Ключевые слова: корпус, коллокации, дискурс Ted-Talk, T-score, наука.

ОБРАЗНОЕ СРАВНЕНИЕ ВО ВТОРИЧНОМ ТЕКСТЕ КАК МЕТАКОММЕНТАРИЙ

Статья посвящена исследованию когнитивно-культурологического содержания образных сравнений в авторских реинтерпретациях классических немецких сказок и их роли как метакомментария к вторичному тексту. Указывается, что реализация в образных сравнениях ассоциативных связей с опорой на современные реалии свидетельствует об учете фактора адресата при смене целевой аудитории и расширении временных рамок условно-реального мира сказок.

Ключевые слова: образное сравнение, метатекстовый комментарий, вторичный текст, реинтерпретация, претекст, интертекст.

Сравнения являются одним из самых мощных средств характеристики явлений и предметов действительности и представляют собой важный материал для изучения механизмов познания мира человеком. В художественной литературе сравнительные обороты выявляют субъективно-оценочное отношение автора к фактам объективной действительности и способствуют выявлению специфических черт почерка поэта или писателя. Исследованию когнитивно-культурологического содержания образных сравнений и их роли в создании индивидуально-авторской картины мира посвящено немало исследований. В предисловии к книге, посвященной в том числе сравнениям в поэтической картине мира А. Блока, Б. Пастернака и С. Есенина, А.Д. Григорьева пишет о том, что «суммирование излюбленных авторских приемов позволяет более или менее уверенно судить о его склонности к определенным формальным решениям поставленной темы» [Некрасова, Бакина 1982: 3].

Для исследования особенностей авторского выбора образа сравнения, т. е. его языкового воплощения, в компаративных конструкциях и их смысловой нагрузки в стихотворном тексте обратимся к книге стихов “Transformations” Энн Секстон, известной представительницы исповедальной поэзии в США. Стихотворения сборника тематически объединены: они являются реинтерпретацией сказок братьев Гримм («Ганзель и Гретель», «Красная Шапочка», «Спящая красавица», «Рапунцель» и другие). Следует отметить сходство структурно-композиционного построения переложений знакомых с детства сюжетов. Каждое из шестнадцати стихотворений предваряет пролог, в котором рассказчица, “the speaker in this case /... a middle-aged witch, me” [Sexton 1971: 1], в бойкой и отчетливо современной манере рассказывает актуальные случаи из повседневной жизни; затем она излагает собственно сказочный сюжет; некоторые стихотворения завершает эпилог, в котором рассказчица вновь возвращает читателя из сказочного мира в современность. В отличие от других авторов реинтерпретаций классических сказок, которые свободно меняют элементы исходного сюжета (например, кульминационный пункт или развязку) и набор

персонажей, микшируют мотивы из разных версий одного и того же сюжета и т. д., Секстон достаточно точно следует повествовательной линии претекста.

Вместе с тем автор меняет характер адресации своих «волшебных превращений»: их адресатом становятся взрослые, что предопределяет другие композиционные и стиливые решения. Так, прологи, представляющие собой параллель рассказываемой в исходном тексте истории, а также рамочная конструкция в виде пролога и эпилога, которая основана на удвоении инкорпорированного текста [Лотман 1992] и стремится охарактеризовать его, на наш взгляд, выполняют роль метакомментария во вторичном тексте [Атлас 2015], раскрывают авторское видение сказок братьев Grimm. Представляется, что еще одним способом обнаружить авторское отношение к рассказываемой истории и пролить свет на ее смысл становятся образные сравнения, насыщенность стихотворений которыми необычайно велика. Автор с невероятной настойчивостью, бросающейся читателю в глаза, использует этот риторический прием. Очевидно, что подобное намеренное обнажение приема имеет не столько декоративно-стилистическую функцию, сколько смысловую, идеологическую. Они выполняют роль культурного метатекста наряду с другими метатекстовыми явлениями, которые являют собой «средства культурного “расширения” текста и его своеобразную прагматическую “настройку” на предполагаемого адресата» [Рябцева 2009: 754].

Образные сравнения используются повсюду – в прологах (и эпилогах) и в переложении сказочной истории. По форме они представляют собой канонические сравнения [Дюбуа 1986: 209], вводимые при помощи союзов “like” и “as... as”. Будучи способом описания объекта, образное сравнение, по мнению Цветана Тодорова, «сближает разные предметы для того, чтобы лучше описать один из них» (цит. по [Дюбуа 1986: 207]). В.Б. Гольдберг справедливо замечает, что образные сравнения «отражают познание нового путем опоры на известное, т. е. на некоторый квант фонового знания» [Гольдберг 2014: 22].

Обращает на себя внимание способ реализации ассоциативных связей в сравнениях, а именно референциальная отнесенность слов, используемых автором в качестве образа сравнения. Они представляют собой большей частью современные реалии и рассчитаны на пресуппозицию общего знания автора и реципиента, читателя второй половины XX в.:

*The stepmother had a mirror to which she referred – something like the **weather forecast**;*

*[Snow White] was as full of life as **soda pop**;*

*The jealous queen has danced herself to death, her tongue flicking in and out / like a **gas jet**;*

*[Doppelgänger] speaks up as tiny as an **earphone** / with Truman’s **asexual voice**;*

*The queen... was as persistent as a **Jehovah’s Witness**;*

*The princesses sprang out of their beds / and fussed around like a **Miss America Contest** (Sexton A. Transformations).*

Здесь предмет сравнения принадлежит сказочной реальности, а образ сравнения – текущей реальности. Заимствуя определение «левой» поэтики у поэта, скажем, что «истертые вещи» сказочного обихода, «оживленные новыми, близкими нам определениями, выявлены через современность» [Маяковский 1937: 45]. Отдельные «модернизирующие» сравнения смыкают первобытный страх, выраженный в классических сказках посредством символов, с олицетворением этого ужаса в XX в.: *Her eyes slit like Venetian blinds; she keeps vigil like a ballistic missile* (Sexton A. Transformations). В “Hansel and Gretel” использование образного сравнения «сгоревшая в печи ведьма красная, как японский флаг» мотивировано ассоциациями со Второй мировой войной (Япония, как известно, принимала в ней участие на стороне Германии), когда для уничтожения людей использовались печи концлагерей. В качестве контекста, подготавливающего появление этого сравнения, Секстон использует варваризм на немецком языке: *[The witch] explained to Gretel / that she must climb into the oven... / Gretel spoke at last: / Ja, Fräulein, show me how it can be done* (Sexton A. Transformations).

It was a matter of gymnastics.

*Gretel,
seeing her moment in history,
shut fast the oven,
locked fast the door,
fast as Houdini,
and turned the oven on to bake.*

The witch turned as red

*as **the Jap flag**.*

Her blood began to boil up

Like Coca-Cola

Altogether a memorable incident (Sexton A. Transformations).

Раскованность авторских ассоциаций служит стратегии обнажения недетских тем, приближает нас к несентиментальному, не приукрашенному литературными конвенциями происхождению этих историй. Анахронизмы, детали урбанистического или подчеркнуто реального мира вносят в условно-сказочный мир безапелляционную конкретность. С другой стороны, ряд сравнений заимствован из Библии и истории или мифов Древней Греции. Они помещают сказочные сюжеты в более широкий мифопоэтический контекст:

*As blind as **Oedipus** he [the blinded prince] wandered for years;*

*[The wolf] appeared to be in his ninth month / and Riding Hood and her grandmother / rode like **two Jonahs** up and down / with his every breath;*

*Two-Eyes... became as strong as **Moses**;*

*[Iron Hans's hair turned] as gold as **Midas's daughter**. / As stiff as the **Medusa hair of a Greek statue*** (Sexton A. Transformations).

Известно, что ареной действия для волшебной сказки является мир вообще «со снятой пространственно-временной и исторической конкретикой» и что «сказочная... условность всегда тяготеет к глобальному обобщению, к выводу

ситуации на уровень бытия в целом и возвращения ее... к очищенному от наслоений существованию» [Ковтун 1999: 150, 143]. Анахронизмы (обычно это привнесение признаков более позднего времени в изображение прошлого) подразделяют на нейтральные и необходимые. В приведенных выше примерах они безусловно не являются нейтральными.

Исследование референциального выбора образа сравнения во множественных компаративных конструкциях в книге стихов Энн Секстон “Transformations” и их функциональной нагрузки показывает, что, создавая образные сравнения, автор, с одной стороны, реализует свое право на неожиданные ассоциативные связи, а с другой стороны – учитывает фактор адресата, его познавательный потенциал и, в целом, его картину мира. В свое переложение классических сказок с их сказочным условно-прошлым она вводит конкретные временные маркеры или маркеры мифопоэтического контекста. Тем самым Секстон вносит в сказочный мир абстракций психологически достоверную модальность, расширяя временные рамки и достигая большей степени обобщения вневременных истин.

Литература

Atlas A.Z. О метатекстовом комментарии во вторичном тексте // Когнитивные исследования языка. 2015. № 22. С. 251–253.

Гольдберг В.Б. Опора на знак и фоновый концепт в образном сравнении // Слово и текст: психолингвистический подход. 2014. № 14. С. 22–25.

Дюбуа Ж., Пир Ф. и др. Общая риторика: пер. с фр. М.: Прогресс, 1986.

Ковтун Е.Н. Поэтика необычайного: художественные миры фантастики, волшебной сказки, утопии, притчи и мифа. М.: Изд-во МГУ, 1999.

Лотман Ю.М. Текст в тексте / Избранные статьи: в 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн: Александра, 1992. С. 148–160.

Маяковский В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. / под общей ред. Л.Ю. Брик. М.: Худож. литература, 1937. Т. 12. С. 44–46.

Некрасова Е.А., Бакина М.А. Языковые процессы в современной русской поэзии. М.: Наука, 1882.

Рябцева Н.К. Фоновые знания и язык: примечания к тексту как культурный метатекст / Горизонты современной лингвистики: традиция и новаторство: сборник в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянской культуры, 2009. С. 753–763.

Sexton A. Transformations. Boston: Houghton Mifflin Co., 1971.

A.Z. Atlas (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia

SIMILE AS META-COMMENTARY IN REVISIONIST FAIRY TALES

The article focuses on cognitive and cultural content of similes in revisionist reinterpretations of classic German fairy tales and their role as meta-commentary. It is pointed out that the leaps of associations in similes with their reliance on modern realities testify to the author's regard of addressee factor when changing the target audience, and expanding the time frame beyond the limit of the fairy tales' conventional pseudo-real world.

Key words: simile, meta-commentary, revisionist fairy tale, re-interpretation, pre-text, intertext.

А.Г. Баженова, Н.В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
anastabazhenowa@yandex.ru; n.bogdanova@spbu.ru

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ ГРАММАТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДВУХМЕСТНЫХ КОННЕКТОРОВ

Статья посвящена описанию грамматических особенностей двухместных коннекторов в русском устном повседневном дискурсе с точки зрения когнитивного аспекта исследования. Такие структурные новообразования описаны на примере анализа употреблений речевого коннектора *в плане* и моделей с ним.

Ключевые слова: речевой коннектор, конъюнкционализация, устный дискурс, когнитивная информация.

Современная устная речь дает богатый материал для анализа различных союзов новообразований, которые являются, как правило, результатом процесса *грамматикализации*. Такие союзные конструкции живой речи давно привлекают внимание лингвистов, особенно их «функционирование в качестве служебных единиц при явной лексичности, при стойкой связи с породившим их существительным» [Шереметьева 2010: 56]. По данным петербургских исследователей, союзов в устной речи в два раза меньше, чем в письменной (4,5 vs. 8,0 %), и более чем в три раза меньше, чем глаголов, существительных и частиц, занимающих первые три позиции в частотном списке частей речи в устном дискурсе (4,5 vs. 17,2, 15,8 и 15,7 % соответственно) [Звуковой корпус... 2014: 299], однако ручная обработка и контекстный анализ материала дают совсем другие результаты. Именно отсубстантивные (или *отыменные*) служебные части речи составляют огромный пласт служебных новообразований в современной устной речи.

В области служебных слов наблюдается активизация процессов структурного усложнения, что связано с «большим количеством и разнообразием языковых средств, участвующих в их образовании» [Завьялов 2008: 87]. Ядерную позицию в классе двухместных коннекторов «составляют коннекторы, представляющие собой классические коррелятивные пары, члены которых связаны анафорическим отношением» [Инькова 2018: 168]. Предметом настоящего исследования являются модели речевого коннектора (РК) *в плане*, которые не имеют лексикографического и грамматического описания, однако активно функционируют в устном повседневном дискурсе. Перед современными лексикографами стоит задача по развитию когнитивной информации в словарном толковании, ср.: «когнитивная семантика, изучающая знания с точки зрения интеграции в них языковой и экстралингвистической информации, обращена не только к содержанию языковых единиц, но и к среде их обитания» [Богданова 2021: 12]. Соответственно, привлечение контекстов из реальной живой речи значительно расширяет исследования в области современной грамматики, а современная *речевая лексикография* направлена на «необходимость учета

всего функционально-семантического потенциала слова, наиболее полно раскрывающегося именно при анализе его употреблений носителем языка» [Богданова-Бегларян 2021: 5]. При таком подходе необходимо учитывать потенциал речевых корпусов. Настоящее исследование базируется на материале устного подкорпуса (УП) Национального корпуса русского языка. Кроме того, привлечены материалы личных записей окружающей речи, сделанных автором.

Исследуемые в настоящей работе отсубстантивные РК выстраиваются в эволюционную динамическую цепочку: (I) *план* – (II) *в плане* – (III) *в этом плане* – (IV) *в том плане что* (подробнее см.: [Баженова 2022: 60]). Так выглядит «классическая» шкала *грамматикализации* существительного *план*, где каждый следующий элемент семантически и структурно сложнее предыдущего. Следующим этапом исследования стал анализ двухместных моделей указанного коннектора, структурной модификации которых способствует коммуникативная цель говорящего, а потому важно *коммуникативное поведение* [Осьмак 2015] единицы в речи. Ниже рассмотрены некоторые модели функционирования РК *в плане* и *в том плане что* – их последовательность определяется усложнением структуры.

Модель 1 <не + РК>

(1) [№ 4, муж, 36, рабочий] *Задорнов вчера сказал/ что экономика Америки держится на потребителях. Если люди перестанут потреблять/ а это зависит от эмоций/ то экономика у них рухнет.* [№ 3, муж, 59, научный сотрудник] *Влияние всё это окажет/ но не в том плане/ что изменится курс или будут какие-то экономические потрясения* (УП);

(2) *Ну, Настя, конечно, не в плане учебы, а там, работы* (из телефонного разговора).

В контексте (1) с прагматической точки зрения коннектор выполняет функцию *самокоррекции* – в первой части высказывания говорящий соглашается с предположением собеседника, а затем с помощью модели 1 поправляет себя, конкретизирует собственную точку зрения (влияние будет, но не в тех аспектах, о которых говорил собеседник). В контексте (2) наблюдается семантика противопоставления, и если располагать компоненты *учебы* и *работы* на *аргументативной шкале* [Инькова, Попкова 2016] (хотя в данном случае точнее говорить о *шкале важности* для говорящего обозначаемых явлений), то шкала эта будет восходящая, где РК маркирует менее значимый элемент высказывания. Любопытно, что в этом контексте вторая часть коннектора вербально не выражена, но подразумевается (*не в плане учебы, а в плане работы*), то есть может быть отнесена и к модели 2.

Модель 2 <не + РК (...), а + РК>

(3) *И небезопасно не в плане «у-у, меня, может быть, оштрафуют», а в плане... ну, я в прошлом видео рассказывал о том, что происходит* (из подкаста Д. Поперечного);

(4) *Эта история вообще Кадзу-центричная, я бы сказала, не в том плане что она о нем, а в том плане что он по сюжету, как-то, ну, больше экранного времени имеет* (из голосового сообщения);

(5) [Дмитриева, жен, депутат] *Бюджетная заначка не в том плане / что где-то зафиксировано и прописано в бюджете «заначка» / а в том плане / что занижаются доходы/ тут разные варианты* (УП).

Методика *шкалирования* компонентов высказывания от более значимого к менее значимому, или наоборот, которую предлагают О.Ю. Инькова и Н.А. Попкова, позволяет выделить разные семантические точки этой шкалы. Так, в контексте (3) говорящий определяет два события, располагая их на *шкале безопасности*, где пропозиция, выраженная прямой речью, отрицается, и, с точки зрения прагматики высказывания, воспринимается говорящим с меньшей категоричностью. Соответственно, РК, как и в контексте (2), маркирует часть высказывания, которая является ниже по значимости упоминаемых событий, чем то, что находится во второй части (в данном контексте говорящий отсылает слушателей к предыдущему видеоролику). В контексте (4) применить методику *шкалирования* затруднительно, т. к. говорящий предполагает реакцию слушателя и отрицает его версию (это история не про него, у него просто больше экранного времени). Однако семантика *аргументированности* здесь все же присутствует, т. к. говорящий заявляет некое утверждение и аргументирует его с двух противоположных (на его взгляд) позиций. В контексте (5) уместно расположить описываемые события на *шкале правдоподобности*, которую условно можно обозначить следующим образом: «зафиксировано и прописано в бюджете “заначка”» – «занижаются доходы», где правая часть высказывания находится выше по шкале (то есть ближе к действительности). Таким образом, компонент РК с отрицанием чаще маркирует ту часть высказывания, которая находится на шкале (выделяемой на основании коммуникативной цели) ниже, что способствует усилению части высказывания, в которой утверждается позиция или точка зрения на рассматриваемую ситуацию.

Модель 3 <не + РК² (...), а + РК>

(6) [№ 6, муж, 29, научный работник] *Не в том смысле/ что они просто несамостоятельные/ как личности/ а в том плане/ что их действия/ они продиктованы кем-то/ кто находится при них* (УП).

Модель 3 встретилась в материале пока ровно один раз, и в ней исследуемому коннектору РК предшествует РК² *в том смысле что*, также образуя двухместный союз. Такое совмещение разных коннекторов может сигнализировать об их семантическом «родстве» (синонимичности), а потому описание интегральных и дифференциальных особенностей этих коннекторов вынесено в отдельный аспект настоящей работы.

Результаты предложенного анализа могут быть полезны при описании когнитивных особенностей речевого коннектора *в плане* – например, в потенциальной словарной статье на него.

Литература

Баженова А.Г. Специфика изучения речевых коннекторов в курсе русского языка как иностранного (на примере анализа единиц *в плане / в этом плане / в том плане что* в русском повседневном дискурсе) // Социально-педагогические инновации в образовании: сборник статей Международной научно-практической конференции. 15–16 марта 2022 г. Ижевск: Ереванский гос. ун-т, Ижевский филиал, 2022. С. 59–64.

Богданова Л.И. Когнитивная составляющая словарной статьи // Современные проблемы славянской филологии. Интерпретации текста и толкования слова. Slavica Formosana III: материалы VIII Международной научной конференции. Тайбэй: Ф-т славистики гос. ун-та Чжэнчжи, 2021. С. 7–29.

Богданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора / Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–51.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Т 1. О некоторых особенностях устной спонтанной речи разного типа. Звуковой корпус как материал для преподавания русского языка в иностранной аудитории / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2014.

Инькова О.Ю. Лингвоспецифичность коннекторов: методы и параметры описания / Семантика коннекторов: контрастивное исследование / под научной редакцией О.Ю. Иньковой. М.: ТО-РУС ПРЕСС, 2018. С. 5–23.

Инькова О.Ю., Поткова Н.А. Структура двухместных коннекторов русского языка в свете корпусных данных // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы Международной конференции «Диалог 2016». 1–4 июня 2016 г. М.: РГГУ, 2016. С. 200–214.

Окатова Н.Т. О некоторых тенденциях употребления составных союзных образований // Русский синтаксис: от конструкций к функционированию: сборник материалов Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 95-летию доктора филологических наук, профессора Аллы Федоровны Прияткиной. 11–13 ноября 2021 г. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. С. 26–33.

Осьмак Н.А. Основные принципы речевой лексикографии // Языковые категории и единицы: синтагматический аспект: материалы XI Международной научной конференции. 29 сентября – 1 октября 2015 г. Владимир: Транзит-ИКС, 2015. С. 379–383.

Шереметьева Е.С. Отыменный релятив в коммуникативной структуре предложения // Мир русского слова. 2010. № 2. С. 56–63.

Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>

*A.G. Bazhenova, N.V. Bogdanova-Beglarian (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University*

COGNITIVE APPROACH TO GRAMMATICAL DESCRIPTION SPECIFICS OF TWO-PART SPEECH CONNECTORS

The article is devoted to the description of grammatical features of two-part connectors in Russian oral discourse from the point of view of the cognitive aspect. Such structural modifications are described by the example of the analysis speech connector *v plane* and models with it.

Key words: speech connectors, conjunctivalization, oral discourse, cognitive information.

*И.Д. Баландина, Л.П. Юздова, Т.Н. Москвитина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
irfrish@mail.ru, uzdovalp@cspu.ru, moskvitinatn@cspu.ru*

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВЕРБАЛИЦИИ КРИЗИСА В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СМИ

Статья посвящена изучению динамики кризисного дискурса в СМИ. Поскольку СМИ до сих пор являются одним из важнейших инструментов воздействия на индивида, публицистическая риторика способна оказать существенное влияние на общественное мнение. В результате анализа англоязычных статей делается вывод о том, что, вербализуя и акцентуализируя определенные аспекты происходящих событий, СМИ формируют отношение к ним.

Ключевые слова: СМИ, кризисный дискурс, вербализация, когнитивные связи.

Последние десятилетия мир находится практически в непрекращающемся состоянии кризиса. Вызываются они разными причинами, но неизменно одно – их причины, развитие, пути выхода влияют на мировую экономику в целом и жизнь каждого индивида в частности. И даже если отдельный человек не почувствовал на себе влияние кризиса непосредственно, при помощи освещения происходящих событий в СМИ большая часть населения осознает происходящие события, поскольку именно медиа-дискурс отражает состояние общества, как положительные, так и отрицательные изменения в определенный период его развития. Он встраивается в различные типы отношений, проникая во все типы институционального и повседневного общения. Статьи в СМИ вносят свой вклад в формирование общественного мнения, мировоззрения и мировосприятия общества в целом и отдельного индивида в частности.

В связи с этим факт отражения кризисных явлений в медийном дискурсе не подвергается сомнению. Мы присоединяемся к мнению Т. Н. Митрохиной в ее понимании кризисного дискурса как «совокупности коммуникативных практик, имеющих вербальный и невербальный характер, интегрированных по такому проблемному основанию, как отношение к кризисным явлениям, и характерных для определенного социального сообщества» [Митрохина 2016: 136–137].

Однако осознание происходящих событий – это только один из этапов когнитивного процесса. Вслед за осознанием начинается обработка полученной информации, построение ментальных структур и связей. В процессе обработки информации читатель обращается к медийному дискурсу, и именно в этот момент происходит воздействие кризисной риторики СМИ на формирование мнения и восприятие действительности.

В качестве материала для выявления особенностей динамики кризисного дискурса нами были выбраны статьи из журнала *The Economist* за 2008, 2020 и 2022 г. Вкратце напомним причины кризисов в указанные годы.

Кризис 2008 г. был вызван общей цикличностью экономического развития, дисбалансом мировой торговли и движения капиталов; кроме того, кредитный рынок был перегрет, его следствием стал ипотечный кризис [Википедия: URL].

Кризис 2020 г. был вызван пандемией коронавируса, последующим локдауном, остановкой ряда производств и перераспределением национальных расходов. 2022 г. ознаменован глобальными геополитическими изменениями, в результате которых в странах Европы и США отмечены огромные темпы роста инфляции, спровоцированные в том числе санкциями в отношении Российской Федерации.

Освещая данные события, СМИ 2008 г. не скупаются на лексемы с негативной коннотацией: *downturn, setback, recession, slowdown*:

(1) *More and more signs are pointing to a punishing slowdown – with a recession looking likelier by the day* (The Economist).

Преобладают глаголы, указывающие на быстрое падение или сокращение, а также стесненное положение вещей, вынужденное совершение поступков, страдание: *squeeze, tumble, shrink*:

(2) *That forms part of a broader slump in the housing market, in which turnover is shrinking because mortgage finance has dried up and house prices are tumbling* (The Economist).

Распространенной является метафора со сферой-источником «водные суда, путешествие по воде», таким образом подчеркивая, что экономика все же останется на плаву:

(3) *Yet business surveys are signalling a downturn*;

(4) *Marks & Spencer, a food and clothing retailer, reported falling sales and Stuart Rose, its chief executive, gave warning of “stormy times ahead”* (The Economist).

За счет метафоры «остаться на плаву» кризисная риторика лишена упаднических настроений, она скорее фиксирует события, и более того, хотя бы лингвистически, вселяет надежду за счет использования слов с положительной коннотацией, простого построения фраз. СМИ успокаивают читателя, апеллируя к прошлым успехам и подсознательно формируя оптимистичный настрой.

(5) *Making the Bank independent was one of his genuine achievements: he has no day-to-day control over it*;

(6) *When he was chancellor of the exchequer, inflation was low and stable, national output grew quarter after quarter, and year after year Mr Brown boasted of his brilliant management* (The Economist).

Статьи этого периода насыщены экономическими терминами (*monetary, bonds, mortgage, national accounts*), что тоже дает понять, что СМИ знают, о чем говорят. Интересно, что в данный период времени никто не ищет виноватых и не обвиняет политиков или экономистов в сложившейся ситуации, если критика и присутствует, то она выражена опосредованно и с упоминанием былых успехов:

(7) *But he could still influence outcomes by raising the inflation target and thus loosening monetary policy; and a government whose electoral prospects look as dire as this one's do is bound to be tempted* (The Economist).

Иная картина наблюдается в статьях, посвященных кризису 2020 г. Самое значительное отличие, которое бросается в глаза: наряду с экономическими

терминами часто используются медицинские: *pandemic, covid-19, vaccination*. И это легко объяснимо, ведь в 2020 г. весь мир понял, что от вируса и здоровья зависит очень многое. Пандемия затронула множество сфер жизни: работу, образование, покупательские привычки, организацию рабочего места, взаимодействие сотрудников и вообще людей в целом.

Вторым существенным отличием является прямая критика политиков и их решений или упоминание их в негативном контексте:

(8) *After the financial crisis some hawks warned that bond buying by central banks (known as quantitative easing, or *qe*) would reignite inflation;*

(9) *In November Britain's fiscal watchdog warned that a combination of new issuance and *qe* had left the state's debt-service costs twice as sensitive to short-term rates as they were at the start of the year, and nearly three times as much as in 2012;*

(10) *It is an abdication of responsibility and a betrayal of the future (The Economist).*

Политики подвергаются критике за излишний оптимизм, непредусмотрительность и отсутствие четкого плана действий для предотвращения пандемии и ее последствий для экономики.

В качестве сферы-донора для экономической метафоры выступает не только «водное путешествие», но и более угрожающая – «природные и человеческие катаклизмы»:

(11) *Asteroid strikes were an extreme example of the world's willful ignorance, perhaps – but not an atypical one;*

(12) *The blazing hot corona which envelops the Sun – seen to spectacular effect during solar eclipses – intermittently throws vast sheets of charged particles out into space (The Economist).*

И другая тональность у статей 2022 г. Они насыщены экономическими терминами (*inflation, consumer prices, government-bond, price control, interest rate*). Таким образом СМИ стараются вселить уверенность, что все под контролем. Нам представляется, что для этого есть еще одна причина. Возможно, СМИ пока не знают, какая риторика будет востребована, они опасаются делать громкие заявления или обвинять кого-либо. Поэтому, несмотря на беспокойное время, статьи, посвященные кризису, поразительно безоценочны. Они не критикуют политиков, не назначают виноватых, оперируют только фактами и цифрами:

(13) *In May 2021 a respondent in the median rich country thought inflation over the next year would be 2.3 %. Now they expect a rate of 4.2 % (The Economist)*

Безусловно, необходимо учитывать, что материалом для исследования послужили статьи из достаточно серьезного экономического издания, то есть политика изначально не была основной темой публикаций журнала. И тем не менее, даже на материале публицистических статей прослеживается стремление влиять на читателя, подсознательно вызывая те или иные эмоции и чувства.

Литература

- Кропотухина П.В. Концептуальные метафоры кризисного дискурса Великобритании // Политическая лингвистика. 2017. № 2. С. 94–99.
- Митрохина Т. Н. Кризисный дискурс // Дискурс-Пи. 2016. № 1. С. 130–138.
- Мировой экономический кризис (с 2008) // Википедия (wikipedia.org). URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Мировой_экономический_кризис_\(с_2008\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Мировой_экономический_кризис_(с_2008))
- Britain's sinking economy // The Economist. 2008. June 23. URL: <https://www.economist.com/leaders/2008/07/03/britains-sinking-economy>
- After the pandemic, will inflation return? // The Economist. 2020. December 12. URL: <https://www.economist.com/leaders/2020/12/12/after-the-pandemic-will-inflation-return>.
- Politicians ignore far-out risks: they need to up their game // The Economist. 2020. June 25. URL: <https://www.economist.com/leaders/2020/06/25/politicians-ignore-far-out-risks-they-need-to-up-their-game>
- People's inflation expectations are rising – and will be hard to bring down // The Economist. 2022. June 19. URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/06/19/peoples-inflation-expectations-are-rising-and-will-be-hard-to-bring-down>

*I.D. Balandina, L.P. Yuzdova, T.N. Moskvitina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University*

COGNITIVE AND DISCOURSE FEATURES OF CRISIS VERBALIZATION IN ENGLISH LANGUAGE MASS MEDIA

The article studies dynamics of crisis discourse in mass media. The media is one of the most significant influential tools capable of affecting and even forming public opinion. Analysis of the magazine articles shows that with the help of language means by focusing attention and verbalizing certain aspects of the events the media form the attitude to them.

Key words: mass media, crisis discourse, verbalization, cognitive links.

*Ю.С. Беляева (Иркутск, Россия)
Иркутский научно-исследовательский технический университет
yalu84@mail.ru*

ЭВФЕМИЗМ VS ПОЛИТКОРРЕКТНЫЙ ТЕРМИН

Эвфемизм и политически корректный термин используются в качестве замены обозначения предметов, действий, реалий и т. п. При образовании эвфемизма Субъект ориентируется на интенциональный горизонт Другого. Семантика политкорректного знака базируется на идеологических принципах той группы, к которой относит себя Субъект.

Ключевые слова: политкорректный термин, эвфемизм, табу, стертый эвфемизм, истинный эвфемизм.

Языковая потребность в эвфемии проявляется в желании заменить слово, обозначающее определенный предмет или явление, которое по каким-то причинам не должно быть названо. Одной из причин такого запрета было, например, явление табу в культурах с мифологическим сознанием [Малиновский

1998; Тайлор 2000]. В отличие от табу, где слово вообще не должно произноситься, при эвфемии Субъект (говорящий) выбирает такой способ смыслообразования, где ориентиром для него выступает Другой [Лотман 2000], поскольку Субъект, или говорящий, четко осознает или предполагает, что употребление определенного знака способно привести к нарушению норм общения согласно Принципам Кооперации [Грайс 1985]. Поэтому для Субъекта цель заменить существующий знак становится понятной и ясной. Подобные эвфемизмы определяются как замещение слова или выражения, неприятного для Другого [Galperin 2014], замена того, что внушает страх или вызывает неприязнь, негативные эмоции [Кану 1960]. Помимо желания смягчить свое высказывание ради Другого, Субъект может руководствоваться желанием показать себя с лучшей стороны, произвести благоприятное впечатление [Partridge 1967], стремлением избежать конфликтов и коммуникативных неудач, предвосхитить появление коммуникативного дискомфорта у собеседника [Крысин 1996]. Обе эти функции указывают на ориентированность Субъекта на интенциональный горизонт Другого, т. е. Субъект должен 1) «зашифровать» свое табуированное слово посредством тех интерпретантов, которые являются общими для максимально большого количества людей, – обратиться к дискурсу различий (под дискурсом различий понимается общее феноменологическое знание, базирующееся на индивидуальном опыте [Каплуненко 2007]); 2) убедиться, что данные интерпретанты существуют на интенциональном горизонте Другого, иначе произойдет коммуникативная неудача. Другой должен распознать, что подразумевает под сказанным Субъект, в противном случае Субъект должен либо найти другие интерпретанты, либо прибегнуть к прямому называнию табуируемого слова.

Эвфемизмами часто выступают слова широкого значения, такие как *thing* или *action*. Интерпретанты этих знаков позволяют замещать знаки, относящиеся к разным по своей природе объектам. В дефиниции знака *action* (“the state or process of doing something or being active; operation” [Collins]) находим интерпретанту знака такой широты, которая уводит знак от «запрещенных» объектов на максимальное расстояние [Ботороева 2010]. В словаре эвфемизмов Р. Холдера знак-эвфемизм *action* имеет разнообразные интерпретанты [Holder 2003]. В первом случае эвфемизм *action* означает противозаконные действия различного характера: азартные игры, наркотики, проституцию и т. п. В третьем случае эвфемизмом *action* описывается случайная половая связь: “then he stared around to check the action”, причем далее контекст интерпретации ситуации сужается, и место эвфемизма занимает прямое наименование, скрываемое ранее: “he had gone to a bar in search of a woman for casual sex” [Holder 2003: 4]. Данный пример показывает стремление автора быть понятым правильно, вследствие чего употребление эвфемизма может быть рассмотрено как некая «дань» Принципу вежливости, однако Принцип информативности превалирует, поскольку табуированный объект все же называется напрямую, пусть и после употребления эвфемизма. Р. Холдер отмечает, что *action* выступает

заменой слову геноцид в контексте Второй мировой войны. Интересно отметить, что среди многочисленных определений action словари английского языка отмечают такие, как “fighting in a war” [Cambridge], “an engagement between troops or ships” [Merriam-Webster], “the fighting which takes place in a war” [Collins]. Очевидно, что эвфемизация знака war посредством слова action привела к тому, что эвфемистическое наименование перешло в разряд прямого обозначения.

Подобный механизм отмечается А.М. Кацевым, который выделяет два типа эвфемизмов: стертые и истинные [Кацев 1988]. В случае истинной эвфемизации Субъект ищет связь объекта и эвфемизма таким образом, чтобы эти связи присутствовали, но были новыми в первую очередь для Другого. Отметим, что знак-эвфемизм нельзя выбрать произвольно, поскольку «диапазон интерпретанты диктует успешность знака, сформированного для выполнения эвфемистической функции» [Ботороева 2010: 19]. Частая замена определенным эвфемизмом в определенном контексте приводит к изменению структуры признаков воспринимаемого так, что эвфемизм уже интерпретируется в рамках этого нового семиозиса как истинный репрезентатив объекта, а не эвфемизм, т. е. утрачивает свои эвфемистические функции, заменяя их чисто номинативными. Примерами такой стертой эвфемизации могут являться *pass away* или вышепомянутое *action* в значении военных действий или военной операции. Феномен эвфемизации речи обладает одним главным недостатком: эвфемизм, являясь некой подменой уже существующему слову, сам требует постоянной замены знака.

Истинный эвфемизм является способом познания мира через Другого, когда именно на его горизонт интерпретации опирается Субъект, ища эвфемистическую замену. Является ли эвфемизмом политкорректный термин? Политкорректный термин понимается нами как эвфемизм, преобразовавшийся в современных условиях в некую радикальную форму. Это обусловлено тем, что современная культура представлена субкультурной мозаикой [Лиотар 1998; Ильин 1998]. Отличительной чертой эвфемизма является то, что при употреблении эвфемизма Принцип вежливости доминирует над Принципом информативности [Leech 2005; Грайс 1985]. Политкорректный термин же является частью идеологии, идеологического словаря некоего сообщества, некой субкультуры. Термин обладает широким содержанием, т. е. большим набором признаков и узким объемом, т. е. в мире существует малое количество объектов, которые обладают всеми признаками одновременно [Каплушенко 2007]. Таким образом, применение определенного политкорректного термина означает то, что Субъект говорит о своей принадлежности к определенной субкультуре. Например, знак *challenged* образовался от глагола *challenge*, который обозначает собой преодоление каких-то трудностей для достижения цели. Знак *challenged* долгое время употреблялся как часть политкорректных терминов – *mentally challenged*, *visually challenged*, *physically challenged*. Под знаком *visually challenged* подразумевается слепой человек, однако *visually challenged*

представляет объект как человека, преодолевающего трудности со зрением, что намного отдаляет реальный объект от репрезентамена политкорректного термина. Такая идеология не просто пытается прикрыть проблему, а отрицает ее, поэтому такие термины являются не заботой о том, как назвать слепого человека таким образом, чтобы не доставлять ему и себе душевный дискомфорт, а скорее попыткой вычеркнуть подобных людей из круга беспроблемных, счастливых и всегда справляющихся с любыми проблемами людей. Данная часть термина настолько укрепилась, что является теперь и словарной единицей. Так, *challenged* сопровождается пометой «устаревшее»: “used as a polite way to refer to someone who has a disability (= a physical or mental condition that makes it more difficult for them to do particular things” [Cambridge]. В этом же словаре находим также значение “having a physical or mental condition that makes ordinary activities more difficult than they are for other people; handicapped” [Cambridge] с пометой «американизм». Схожее значение “presented with difficulties (as by a disability)” является основным в американском словаре английского языка [Merriam-Webster]. Указанный знак выражает смыслы, значимые для современного культурного пласта США, отражая такие концепты, как COMPETITION и EQUALITY OF OPPORTUNITY, но как бы забывая при этом, что слепого и человека с нормальным зрением сравнивать и ставить на один уровень нельзя.

Таким образом, можно говорить о том, что политкорректный термин и эвфемизм используют почти универсальный метод – поиск новых признаков объекта. Однако цели и некоторые способы образования различны. Так, при эвфемистической замене важно то, что находится на интенсиональном горизонте Другого. В политкорректной идеологии основной является не интенция соблюдения Принципа вежливости, а максима качества, где термин является не заменой, а подменной номинации с точки зрения той или иной идеологии.

Литература

- Ботороева Ю.С.* Лингвосемиотические аспекты эволюции эвфемизма в контексте времени культуры: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2010.
- Грайс П.Г.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. 1985. Вып. 16. С. 217–237.
- Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия. М.: Интрада, 1998.
- Каплуенко А.М.* Концепт – понятие – термин: Эволюция семиотических сущностей в контексте дискурсивной практики // Азиатско-тихоокеанский регион: диалог языков и культур: материалы Международной научно-практической конференции. 20–31 января 2007 г. Иркутск. 2007. С. 115–120.
- Кацев А.М.* Языковое табу и эвфемия. Л.: ЛГПИ, 1988.
- Крысин Л.П.* Эвфемизмы в современной русской речи / Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 384–407.
- Лиотар Ж.Ф.* Состояние постмодерна. СПб.: АЛЕТЕИЯ, 1998.
- Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб.: Искусство СПб, 2000.
- Тэйлор Э.Б.* Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск: Русич, 2000.
- Galperin I.R.* English Stylistics. М.: КРАСАНД, 2014.
- Holder R.W.* Dictionary of euphemisms. How not to say what you mean. London: Oxford University Press, 2003.

- Kany Ch.E.* American-Spanish euphemisms. Berkeley: University of California Press, 1960.
Leech G. Politeness: Is there an East-West Divide? // Journal of Foreign Languages. 2005. № 6. P. 3–31.
Partridge E. Usage and Abusage: a guide to good English. Middlesex: Penguin Books, 1967. Cambridge. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
Collins. URL: <https://www.collinsdictionary.com/>
Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

Yu. S. Beliaeva (Irkutsk, Russia)
Irkutsk National Research Technical University

EUPHEMISM VS POLITICALLY CORRECT TERM

Euphemism and politically correct term are used as an exchange of a direct nomination of objects, actions and phenomena, etc. The Subject considers the Other's intentionality horizon when he/she creates an euphemism. PC term semiosis is based on the ideological principles of the group which the Other / the Subject believes being part of.

Key words: euphemism, PC term, taboo, weak euphemism, pure euphemism.

Н.П. Беневоленская, У Сяохун (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
fff2204@mail.ru, 276443957@qq.com

ВСТРЕЧНАЯ ИНТЕНЦИЯ КАК НЕОБХОДИМЫЙ ФАКТОР УСПЕШНОЙ КОММУНИКАЦИИ ГИПЕРАДРЕСАНТ-АДРЕСАТ (НА МАТЕРИАЛАХ ИЗДАНИЯ «РИА НОВОСТИ»)

В данной работе рассматривается необходимость учета встречной интенции читателей текстов СМИ и ее влияние на речевые стратегии, применяемые гиперadresантом. Авторами проанализированы новостные тексты о сотрудничестве Китая и России, опубликованные на сайте проправительственного издания «РИА Новости». По реакции и комментариям читателей проверялась успешность речевых стратегий и тактик гиперadresанта.

Ключевые слова: встречная интенция, гиперadresант, тексты СМИ, речевые стратегии, образцовые читатели.

Массовая коммуникация эффективна в том случае, когда адресат правильно декодирует и воспринимает интенцию гиперadresанта, т. к. «инициатор речи в процессе речемышления вступает в диалог с предполагаемым реципиентом, моделируя его возможные реакции, и что адресат неизбежным образом также воздействует на адресанта» [Дускаева 2012: 36]. Таким образом, в массовой коммуникации гиперadresант неизбежно учитывает роль адресата и его встречную интенцию.

В данной статье мы рассматриваем встречную интенцию адресата и оцениваем успешность используемых гиперadresантом речевых стратегий и тактик по реакции и комментариям читателей.

Материалом исследования послужили новостные тексты, опубликованные на сайте «РИА Новости» (2021-2022), специфика «РИА Новости» как проправительственного издания состоит в том, что при передаче информации формируется положительный образ государства и реализуется стремление вызвать у читателей одобрение действий власти во всех сферах [У Сяохун, Навасарьян 2021].

В наших материалах интенция гиперadresанта заключается в том, чтобы представить массовой аудитории отношения между Китаем и Россией не только как партнерские, но и как дружеские. В результате проведенного анализа было установлено, что используемые гиперadresантом речевые стратегии можно признать успешными, если интенция созидания отразилась в откликах читателей, и наоборот. Например, в ряде новостей подчеркивается рост товарооборота между двумя странами:

(1) *Российские металлурги в апреле резко нарастили продажи полуфабрикатов в КНР* (РИА Новости, 17.05.2022);

(2) *В денежном выражении импорт алюминиевых изделий за период с января по март 2022 года составил 260 миллионов юаней, что в 7 раз больше, чем за аналогичный период годом ранее* (РИА Новости, 09.05.2022);

(3) *Товарооборот между Россией и Китаем по итогам первых четырех месяцев 2022 года вырос на 25,9 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и составил 51,09 миллиарда долларов, свидетельствуют обнародованные в понедельник данные главного таможенного управления КНР. <...> экспорт из КНР в РФ достиг отметки в 3,8 миллиарда долларов, импорт из России в КНР – 8,8 миллиарда* (РИА Новости, 09.05.2022).

Рассмотрим приемы, с помощью которых гиперadresант обеспечивает высокую степень достоверности предъявляемой им информации. В данных фрагментах применяется **речевая стратегия убеждения и тактика доказательства**, чтобы уверить читателей в том, что сотрудничество двух стран в области экономики и бизнеса обладает перспективой. В указанной сфере большие суммы и точно названные показатели товарооборота – наиболее достоверное доказательство успешности тех или иных отношений.

Также удостоверяют успешные результаты двусторонних отношений в сфере экономики и бизнеса глаголы прошедшего времени совершенного вида со значением повышения (*вырос, нарастили*) и достижения чего-либо (*составил, достиг*). При этом с помощью лексем *свидетельствовать, обнародованный* поддерживается достоверность цифровых данных и всей информации. Ссылка на главное таможенное управление КНР – официальный орган государства – также доказывает подлинность информации.

На последнюю новость отреагировали 408 человек, из них 371 чел. выбрали знаки одобрения (большой палец вверх и смайлик), 27 чел. выбрали знаки неодобрения (грусть, злость и большой палец вниз). Кроме эмодзи, 6 читателей оставили комментарии, в которых большинство выразило положительную оценку сотрудничества двух стран. Например: *Хорошо; Хорошие отношения*

с *нормальной* страной, не ворующей доход от продажи товара и т. д. Читатели с помощью лексем с положительным значением (*хорошо, хорошие, нормальный*) выражают одобрение и поддержку сотрудничества между Китаем и Россией.

Итак, можно считать, что в данном примере гиперадресант успешно применяет речевую стратегию убеждения и тактику доказательства, встречная интенция большинства читателей данного сообщения совпала с интенцией гиперадресанта.

В следующем примере гиперадресант применяет **речевую стратегию сотрудничества и тактику единения**, чтобы продемонстрировать взаимопомощь и взаимодействие между Китаем и Россией перед лицом трудностей. Рассмотрим используемые гиперадресантом приемы воздействия на читателя. Гиперадресант использует метонимию (*Москва, Пекин, Кремль* и др.), ее разновидность – синекдоху (Запад), а также предложения, где метонимические замены выступают в роли субъекта, что позволяет придать именам собственным Москве, Пекину и др. сему одушевленности, а всему тексту – оттенок нарратива о совместных действиях друзей и борьбе с недругами.

(4) *Москва и Пекин **выстроили всю инфраструктуру** для перехода на торговлю в национальных валютах. <...> Китай **выступил против** односторонних санкций, наложенных странами Запада на Россию из-за спецоперации по денацификации и демилитаризации Украины. <...> После начала спецоперации на Украине Запад **усилил санкционное давление** на Москву. **Ограничительные меры** прежде всего затронули банковский сектор и высокотехнологичную продукцию, также часть золотовалютных резервов страны оказалась **заблокирована**. Многие бренды **объявили об уходе** из России. В Кремле новые санкции назвали экономической войной, но подчеркнули, что **были готовы** к такому развитию событий* (РИА Новости, 26.04.2022).

В данном примере с помощью глаголов совершенного вида прошедшего времени (*выстроили, выступил против санкций* и др.) реализуется другая тактика – тактика единения, из чего делаем вывод, что данные формы глагола способствуют доверию читателя.

Гиперадресант использует контраст: передавая действия Запада, он использует ряд лексем и словосочетаний с отрицательным значением (*усилил давление, ограничительные, заблокирована, уход* и т. д.). Думается, благодаря таким приемам как метонимия, совершенный вид, прошедшее время глаголов и др., в целом – благодаря применению речевой стратегии сотрудничества и тактики единения, гиперадресант в сфере экономики и бизнеса выстраивает матрицу человеческих взаимоотношений. В частности, Китай ведет себя не только как надежный политический и экономический партнер, но и как благородный человек, верный друг, в отличие от вредоносного коллективного Запада.

Закономерно, что публикация собрала большое количество откликов, среди которых абсолютное большинство положительных. На данную информацию отреагировали 1016 человек. Из них 988 чел. выбрали знаки одобрения

(большой палец вверх и смайлик), 12 чел. выбрали знаки неодобрения (грусть, злость и большой палец вниз). Кроме эмодзи, 7 читателей оставили комментарии, в которых выразили положительную оценку проекту сотрудничества: *Сердечно одобряем!*; *Молодцы. Очень хорошо! Совместный «ответ Чемберлену». Вот это важная новость! Великолпнный результат. Так и надо!* и др.

Горячее одобрение читателей – результат точно подобранной речевой стратегии, передающей теплые и надежные взаимоотношения России и Китая, что делает интенцию шире, чем интенция информативного текста СМИ. Гиперадресант удовлетворяет запрос читателя-адресата на честность, соблюдение этических норм и т. д.

Проанализировав более 10 новостей и комментарии читателей к ним, мы пришли к выводу, что в большинстве случаев гиперадресант «РИА Новости» верно прогнозирует встречные интенции своих образцовых читателей и эмпирических читателей, нуждающихся в надежной информационной опоре, в доказательствах существования успешных взаимоотношений между двумя великими державами и партнерами – Россией и Китаем.

Литература

Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М. Н. Кожинной. 2-е изд., доп., испр. СПб.: СПбГУ: Филол. факультет, 2012.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. М.: ООО «А ТЕМП», 2006.

У Сяохун. Речевые стратегии и языковые средства реализации интенции гиперадресанта новостных текстов, освещающих международную деятельность В. Путина и Си Цзиньпина // Известия Волгоградского Государственного Педагогического Университета. Филологические науки. 2022. № 2 (165). С. 239–244.

У Сяохун, Навасартян Л. Г. Речевые стратегии и тактики достижения эффективности массовой коммуникации (на примере текстов «РИА Новости») // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/59FLSK421.pdf>

*N.P. Benevolenskaya, Wu Xiaohong (Saint-Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

RECIPROCAL INTENTION AS A NECESSARY FACTOR FOR SUCCESSFUL HYPERADRESSER-ADDRESSEE COMMUNICATION (BASED ON RIA NEWS)

In this paper, we consider the need to take into account the counter-intention of readers of media texts and its influence on the use of speech strategies by a hyperaddresser. News texts about cooperation between China and Russia published on the website of the pro-government publication RIA News were analyzed. The success of the speech strategies and tactics of the hyperaddresser was checked by the reactions and comments of the readers.

Key words: counter intention, hyperaddresser, media texts, speech strategies, exemplary readers.

ОПТИМИЗМ VS ТОКСИЧНАЯ ПОЗИТИВНОСТЬ: ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИЗАЦИИ

Статья посвящена проблеме категоризации текстов, содержащих позитивно окрашенные высказывания и положительную оценку будущих событий. Исследование выполнено на материале интернет-мемов. Описана роль отдельных элементов интернет-мема при отнесении текста к категории «оптимистичного». Выделена категория «токсично позитивных» интернет-мемов, обладающих схожими характеристиками с «оптимистичными» мемами.

Ключевые слова: категоризация, интернет-мем, позитивность, оптимизм, сарказм.

В условиях недавней пандемии и мирового экономического и геополитического кризиса отмечается повышение уровня стресса и тревожности среди населения. Чтобы как-то компенсировать избыток негатива в окружающем информационном пространстве, пользователи соцсетей и мессенджеров обмениваются положительно окрашенными посланиями в виде часто пересылаемых картинок – интернет-мемов – с оптимистичными жизнеутверждающими надписями (см. пример на рис. 1).

Рис. 1. Позитивно окрашенные интернет-мемы на русском и английском языках

Такая практика основана на желании поддержать собеседника и, вероятно, на убеждении, что генерируемый полученным текстом положительный настрой поможет собеседнику справиться с негативными переживаниями. Такое убеждение подтверждается научными исследованиями, указывающими на связь между оптимистичным настроем и способностью успешно преодолевать жизненные трудности [Seligman 2006]. Однако всегда ли такая позитивно окрашенная коммуникация имеет желаемый позитивный эффект, словно по волшебной схеме моделируя эмоциональное состояние собеседника? С целью изучить особенности и виды позитивно окрашенной коммуникации нами были исследованы интернет-мемы, содержащие наиболее распространенные, шаблонные вербальные и авербальные элементы

традиционных «позитивных посланий». Теоретической основой исследования послужили научные работы, рассматривающие оптимизм как лингвистическую категорию, как способ мировосприятия [Котова 2013], как стиль мышления [Арапова 2017].

Исследуя языковые средства, которые можно было бы считать показателем оптимистичности высказывания, Ю.В. Котова отмечает, что существует целый ряд сложностей, не позволяющих однозначно относить отдельные языковые формы и единицы языка к оптимистичной или пессимистичной речи, вследствие чего требуется рассматривать совокупность признаков: активный или пассивный залог глагола, совершенный и несовершенный вид, является ли глагол глаголом состояния или действия, наличие выражения оценки и другие [Котова 2013]. Поскольку, помимо положительной оценки, исследуемые интернет-мемы должны манифестировать положительные эмоции, следует обратиться к наиболее распространенным средствам, используемым в соцсетях для выражения позитивных эмоций. Исследование комментариев, выражающих радость, в популярных социальных сетях «ВКонтакте», «Twitter» и других показывает, что, например, в спортивном дискурсе некоторые способы экспликации положительных эмоций полностью повторяют привычные для офлайн-коммуникации паттерны, в то время как другие характерны именно для интернет-коммуникации, а именно: выделение цветом, использование эмодзи, многократных восклицательных знаков, междометий, серии одинаковых букв в слове, имитирующих длительность радостного крика [Колмогорова 2021].

Кроме того, в поликодовых текстах значительную роль при создании эмоциональной окраски сообщения играет авербальный компонент. Как правило, главным элементом изображения в положительно окрашенном интернет-меме является рисунок или фото человека или животного. Это может быть прецедентное изображение, известное реципиентам текста по произведениям массовой культуры и/или другим интернет-мемам, или новое, ранее не публиковавшееся изображение, например, животного, вызывающего положительные эмоции. Своеобразным символом позитивно окрашенной интернет-коммуникации стали «коттики», хотя ту же роль могут выполнять собаки, кролики и другие животные. Позитивный посыл может передаваться авербально посредством мимики или жестов, например, таких как улыбка или кулак с поднятым вверх большим пальцем.

В качестве материала исследования нами были отобраны 70 интернет-мемов, отвечающих одной или нескольким из вышеназванных характеристик текстов, репрезентирующих положительные эмоции и оптимизм. Вербальный компонент отобранных интернет-мемов содержит оптимистичные высказывания на русском языке «Все будет хорошо», «Все к лучшему» и их вариации, а также высказывания на английском языке “Everything is going to be alright”, “It’s gonna be OK”, “It’s fine” и их вариации (см. примеры на рис. 1). Традиционный для «оптимистичных» мемов вербальный компонент в отобранных мемах, как правило, дополнен графическими средствами (в примерах на рис. 1 –

скобки, репрезентирующие эмотикон «улыбка», и восклицательный знак и/или характерными изображениями (в приведенных примерах – фото котенка и щенка).

Части определяют внешнюю форму объекта и его восприятие индивидом и, как следствие, позволяют отнести его к той или иной категории [Болдырев 2001: 88]. Как показало исследование, у 30 интернет-мемов в выборке наряду с одним или несколькими элементами, характерными для «оптимистичных» мемов, имелись один или несколько элементов, которые меняли общий посыл и уже не позволяли категоризовать послание креолизованного текста как оптимистичное или позитивное. У части интернет-мемов один из элементов отличался незначительно – например, дополненным вербальным элементом, в то время как другие характеризовались смысловой контрастностью, где авербальный компонент резко противоречил вербальному (см. рис. 2).

Рис. 2. «Оптимистичный» мем, мем с дополненным вербальным элементом, мем с контрастом вербального и авербального компонентов

Изменение шаблонной схемы «позитивного» мема в выделенных группах мемов создает комический эффект за счет эффекта неожиданности. На примере интернет-мема на рис. 2 видно, что традиционная схема «котик + позитивное послание» («все будет хорошо») дополнена неожиданной концовкой («а потом ты умрешь»), которая уже не позволяет однозначно категоризовать мем как «оптимистичный». Следует отметить, что часто встречающиеся в интернет-мемах упоминания смерти, депрессии и других негативных явлений, по мнению многих, не являются смешными; однако комичное не обязательно должно быть смешным, и в интернет-мемах особенно ярко просматривается нетождественность этих понятий [Беседина 2019: 17].

Интернет-пользователи зачастую используют фрагменты шаблонных «оптимистичных» интернет-мемов для создания собственных креолизованных текстов, изменяя их таким образом, что оптимистичное послание высмеивается, нередко переходя в сарказм. Посредством сарказма объект речи характеризуется с позиций нравственной оценки, отражающей субъективное неприятие и осуждение [Сарказм: URL]. Возникает закономерный вопрос, чем вызвано такое неодобрительное отношение к оптимистичному взгляду на жизнь и выражающим его посланиям, какие их недостатки осмеиваются, вызывая их

общественное порицание? Ответ на этот вопрос можно получить, исследуя экстралингвистические аспекты позитивно окрашенных интернет-посланий. В исследуемых саркастичных интернет-мемах осуждается чрезмерный, нездоровый оптимизм, который психолог К. Лукин называет «токсичной позитивностью»: такой преувеличенно позитивный взгляд на жизнь сопряжен с отрицанием негативных эмоций – и даже самого права на то, чтобы испытывать и демонстрировать их – как у себя, так и у окружающих [Лукин 2019]. Такая стратегия переживания кризиса считается не только неэффективной, но и способной нанести вред психике в долгосрочной перспективе, а потому справедливо названа «токсичной». «Закупоренные» негативные эмоции, в какой-то момент прорвавшись наружу, грозят вылиться в депрессию. Создаваемое в соцсетях внешнее давление демонстрировать только позитив производит в личности интернет-пользователя внутренний конфликт, когда внутреннее состояние не соответствует его внешним проявлениям.

Распространенность такого нездорового способа преодоления стресса, повлекшая за собой выделение в языке отдельной категории «токсичной позитивности», приводит к тому, что в зависимости от особенностей восприятия интернет-пользователя, его внутреннего состояния и владения эффективными копинговыми стратегиями, позитивно окрашенный поликодовый текст может быть отнесен им к категории «оптимизм» или «токсичная позитивность».

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что при наличии элементов, характерных для позитивно окрашенной интернет-коммуникации, и при сходстве множества вербальных и невербальных элементов, общий смысл, передаваемый интернет-мемом, может существенно отличаться и может быть воспринят как оптимистичный, токсично-позитивный или саркастичный, содержащий имплицитно негативную оценку чрезмерного оптимизма.

Литература

Беседина В.Г. Интернет-мем как инструмент копинга // Современное гуманитарное научное знание: мультидисциплинарный подход 2019: материалы международной научно-практической конференции / под общ. ред. И.В. Рогозиной. 25 июня 2019 г. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2019. С. 15–19.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамб. ун-та, 2001.

Колмогорова А.В., Ахмадеева С.П. Радость болельщиков в социальных сетях: вербальные, паравербальные и невербальные средства выражения // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. М.: ИНИОН РАН, 2021. № 2 (46): Homo emoticus в цифровую эпоху. С. 34–52

Котова Ю.В. Языковые аспекты классификации оптимистичных/ пессимистичных высказываний // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. Вып. 70. 2012. № 28 (282). С. 91–94.

Fulton C. Internet's 'Hide the Pain Harold' accidentally used by Swedish COVID-19 vaccine website // Reuters. March 31, 2021. URL: <https://www.reuters.com/lifestyle/oddy-enough/internets-hide-pain-harold-accidentally-used-by-swedish-covid-19-vaccine-website-2021-03-31/>

Lukin K. Toxic Positivity: Don't Always Look on the Bright Side // Psychology Today. August 1, 2019. URL: <https://www.psychologytoday.com/us/blog/the-man-cave/201908/toxic-positivity-dont-always-look-the-bright-side>

Seligman M.E.P. Learned Optimism: How to Change Your Mind and Your Life. NY: Vintage books, 2006. Сарказм // Русский язык. URL: <https://ruskiiyazyk.ru/leksika/sarkazm-primeriy.html>.

*V.G. Besedina (Barnaul, Russia),
Polzunov Altai State Technical University*

OPTIMISM VS TOXIC POSITIVITY: CATEGORIZATION PROBLEM

The article discusses the problem of categorizing texts comprising positive statements and forecasts. Polycode Internet memes were used as the material for the study. The role of various meme's elements, including the image, in its categorization is described. A category of "toxic positive" memes, which have some common characteristics with "optimistic" memes, is defined.

Key words: categorization, Internet meme, positivity, optimism, sarcasm.

*Л.А. Борботько (Москва, Россия)
Московский городской университет
ludmilaborbotko@gmail.com*

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РЕЦЕНЗИИ: ЭПИТЕКСТУАЛЬНОСТЬ, ПОЛИФУНКЦИОНАЛЬНОСТЬ, МЕДИАФАКТУАЛЬНОСТЬ

Театральная рецензия рассматривается в рамках настоящего исследования как вторичный текст, в частности, эпитекст, возникающий в референции к спектаклю как первичному тексту, но обладающий собственным расширенным функциональным потенциалом.

Ключевые слова: театральный дискурс, рецензия, эпитекст, полифункциональность, медиафакт.

Безусловным является факт наличия сложных отношений между разными типами текстов, каждый из которых по сути своей характеризуется интертекстуальностью (Р. Барт). Рассматривая текстовую матрицу в рамках коммуникативного пространства того или иного дискурса, предполагающего взаимодействие адресанта (автора) и адресата (аудитории) [Викулова 2017], можно сделать вывод о производности / вторичности текстов, возникающих на основании изначальных / первичных текстов. При этом, вторичные тексты, реализуемые «по поводу», выполняют ряд функций, в частности, выступают в качестве ориентирующей системы (термин С.В. Васильева), позволяющей открывать новые смыслы по работе с текстовым комплексом, включающим первичный и все последующие тексты.

В рамках театрального дискурса к первичным текстам относится непосредственный текст пьесы, составивший основу сценария будущего спектакля. В то же время спектакль также справедливо считать первичным текстом в силу сценичности как базового принципа организации и реализации театральной коммуникации – произведения созданы для инсценирования. Следовательно, те тексты, которые возникают «по поводу» спектакля – после / перед просмотром – формируют паратекстуальную рамку первичного текста согласно формуле «паратекст = эпитекст + перитекст» [Genette 2001], подчеркивающей

околотекстовый (*around-text*) характер перитекста в соотношении с затекстовым (*above-text*) у эпитекста.

Объектом рассмотрения в данной работе выступает эпитекст, который понимается как выходящий за пределы театральной постановки и расширяющий изначальную дихотомию театрального пространства – пространства сцены и зрительного зала. Следовательно, даже при условии того, что театральное пространство мыслится как двухвекторное, эпитексты, несмотря на нахождение за границами физического пространства театра и будучи по большей части «оторванными» во времени от театральной постановки, являются его неотъемлемой составляющей.

В то же время эпитекст отвечает за формирование общего контекста вокруг основного текста, оказывая непосредственное влияние на его интерпретацию аудиторией. Если рассматривать последовательность «перитекст – основной текст – эпитекст», то именно эпитекст, занимая финальную позицию (рема – с точки зрения актуального членения), формирует наше представление о содержании основного текста.

При этом, наиболее значимым различием между перитекстом и эпитекстом является некая обособленность и отстраненность последнего от основного текста: он находится за пределами издания, содержащего основной текст (“not materially appended to the text within the same volume”) [Genette 2001: 344]; является кросс-темпоральным (между основным текстом и появляющимися эпитекстами может быть временной интервал) и кросс-персональным (эпитексты и основной текст создаются разными авторами). В рамках театрального дискурса, к эпитекстам, подразделяющимся на публичные и частные [Литвиненко 2008], относятся: рецензии профессиональных критиков, театральные обзоры, отклики зрителей, интервью, биография / автобиография, афиша, театральная программа, флаер (рекламный буклет), билет, сайт / социальные сети, личные дневники, частные беседы.

Отметим, что большинство из перечисленных выше видов эпитекстов являются полифункциональными. В частности, рецензия выполняет *репродуктивную* и *информативную* функцию по мере того, как критик дает общую информацию о пьесе и раскрывает сюжет. *Реактивная* функция предполагает оценку, которую рецензент дает спектаклю, основываясь на эстетических ценностях, архиве знаний [Vikulova et al 2020]. *Рекламная* функция находит свое воплощение в том, что оценка спектакля рецензентом будет способствовать его популярности у аудитории. *Генеративная* функция предполагает краткое изложение вышесказанного, сделанное автором, а также представляемые выводы. Кроме того, отличительной и обуславливающей функциональный потенциал рецензии чертой является ее «эстетическое» начало, реализуемое посредством используемых автором лингвистических средств выразительности. Более того, помимо *комментирующей* функции, свойственной рецензии как эпитекстуальному образованию, она также реализует определенные маркетинговые задачи, выступая в качестве продвигающего текста, создавая рекламу и стимулируя

общественный интерес. При этом рецензия как продвигающий текст подстраивается под условия рынка, где «важнейшим качеством текста становится его продаваемость» [Выровцева 2017: 32]. Также рекламным потенциалом обладает *воздействующая*, или *аттрактивная*, функция [Груздева 2015: 55], позволяющая привлечь внимание аудитории не только к объекту рецензии (прорекламировать спектакль – обеспечить покупку билетов), но и к личности критика за счет используемых языковых средств. При этом текст рецензии выступает в качестве авторского «носителя картины мира» [Кройчик 2015: 13], представляющего индивидуальное мировоззрение.

Тем не менее субъективизм, обусловленный сущностными характеристиками рецензии, не лишает ее статуса медиафакта. Амбивалентность как противопоставление собственного мнения критика и объективной фактуальной информации в тексте рецензии позволяет говорить о «размывании ценностной составляющей факта» [Пром 2018: 48], т. е. о снижении валидности мнения рецензента для аудитории, «страдающей от когнитивного шума в результате поглощения гигантского объема информации» [Там же].

Чтобы проиллюстрировать структурные особенности, когнитивный фон и прагматический потенциал рецензии, позволяющие стимулировать диалог между критиком и аудиторией, обратимся к примеру рецензии на пьесу «Макбет», представленной Марком Смитом для British Theatre Guide [<https://www.britishtheatreguide.info/reviews/macbeth-the-quarry-lee-20716>].

Первый абзац – это экспозиция, в которой упоминается о месте, которое занимает пьеса в мировом театральном наследии, и в целом о ее популярности как спектакля, проверенного временем. Тем не менее, намеренно обращаясь к бафосу как выразительному средству, автор подчеркивает сложный характер пьесы (*deceptively tricky beast of a play*), что отражается в многочисленных попытках поставить ее – либо с огромным успехом, либо с абсолютным провалом. Более того, акцент также сделан на вечном сюжете и актуальных сегодня проблемах, которые поднимались еще Шекспиром: *endless attempts to reinvent it, attempting to expand on the central couple's characters*.

Собственно, уже во втором абзаце раскрывается положительное, даже восторженное отношение рецензента к рассматриваемой пьесе. Критик упоминает режиссера (Эми Лич), звукорежиссера и других специалистов, которые вложили душу в постановку, чтобы оставить самые лучшие впечатления от постановки у потенциальных зрителей. Как со структурной, так и с лингвистической стороны интересно отметить, что абзац начинается с глагола *blast*, метафорически используемого для описания оглушительного успеха премьеры. Имеет место кольцевая композиция, поскольку в последнем предложении используются такие лексические единицы, как *grandeur*, *spectacle* в дополнение к *blast* в первом предложении, которые также описывают визуальный потенциал спектакля. Более того, последовательность предикативов (*a powerful sense of grandeur and spectacle, Nicola T Chang's filmic electronica sound design*) раскрывает личное отношение рецензента к фактору, который, в основном, определил

успех и привлек большее внимание зрителей: в структуре предложения *filmic electronica sound design* занимает позицию ремы в актуальном членении предложения.

Следующий абзац полностью посвящен описанию режиссерской работы с акцентом на темпоритм спектакля. В частности, витальность и энергия являются главной особенностью спектакля. Грамматически в тексте рецензии это проявляется в использовании анадиплосиса: второй абзац заканчивается словом *energetically* при описании звукового оформления, в то время как третий абзац начинается со слова *energy*, чтобы показать, что это связующее звено, объединяющее все основные составляющие постановки. Еще одним важным аспектом, отмеченным в третьем абзаце, является подбор режиссером актерского состава: *uniformly excellent and inclusive*. Здесь рецензент ссылается на другую постановку режиссера Э. Лича “Ramps on the Moon”, демонстрируя собственную экспертность, в соответствии с интертекстуальной природой рецензии как жанра, поскольку читатели получают возможность сравнить режиссуру обоих постановок.

Автор рецензии последователен в раскрытии важных для оценки постановки фактов. Если в третьем абзаце представлен анализ режиссуры, то следующие абзацы полностью посвящены актерам: как работающим в ансамбле, так и лично каждому. Таким образом критик подчеркивает свой собственный взгляд на подбор исполнителей ролей, опираясь на свой опыт и знания (*I've seen eerier witches*), что позволяет реализовать непосредственную коммуникацию с читателями, реализуя реактивную функцию рецензии.

Как генеративная, так и рекламная функции полностью реализованы в заключительном абзаце: есть краткое изложение позиций критика относительно сюжета (*it feels to me, deliberate choices rather than evidence of oversight or a lack of attention to the text*), работы актеров (*The show has been assembled with care and conviction*), постановки в целом (*heart-pumping, edge-of-the-seat*). Опять же, здесь появляются прямые указания (через такие дискурсивные маркеры, как *it feels to me*) на позицию рецензента, обуславливающую сделанные выводы и предложенные рекомендации. Более того, именно так реализуется фактор паратопии, когда рецензент становится рекламодателем, продвигающим спектакль.

Таким образом, многофакторность и полифункциональность рецензии позволяет говорить о ее динамическом характере, коррелирующем с динамизмом театрального дискурса как матричной системы.

Литература

Борботько Л.А., Викулова Л.Г. Коммуникативное пространство театра в лингвопрагматической парадигме // Языковой дискурс в социальной практике: сборник научных трудов международной научно-практической конференции. 7–8 апреля 2017 г. Тверь: Тверской государственный университет, 2017. С. 49–52.

Вырощева Е.В. Театральная критика в современных СМИ как средство формирования ценностей // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. № 17. С. 32–36.

- Груздева М.М. Роль языковых средств в создании полифункциональности театральной рецензии // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2015. № 4. С. 54–69.
- Давыдова М. Конеч театральной эпохи. М.: ОГИ, 2005.
- Кройчик Л.Е. Публицистический текст как жанр и как дискурс // Акценты. Новое в массовой коммуникации. 2005. Вып. 3–4. С. 11–16.
- Пром Н.А. Медиафакт: между достоверностью и вымыслом // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2018. № 4 (30). С. 47–53.
- Скворцов Л.В. Информационная культура и цельное знание. М., 2001.
- Genette G. Paratexts: Thresholds of interpretation. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Vikulova L.G., Tareva E.G., Serebrennikova E.F., Gerasimova S.A., Rayskina V.A. Retrospective semiometrics of the sign valeur | La semiometrie retrospective du signe valeur // XLinguae. 2020. № 13 (1). P. 169–183.

*L.A. Borbotko (Moscow, Russia)
Moscow City University*

LINGUISTIC AND COGNITIVE POTENTIAL OF REVIEW: EPITEXT OF MULTIPLE FUNCTIONS AND MEDIAFACT

The study regards theatre review as a secondary text, namely an epitext. The latter appears as a reference to performance as a primary text. Nevertheless, there is a wide range of functions that review realizes simultaneously.

Key words: theatre discourse, review, epitext, polyfunctionality, mediafact.

*И.А. Бубнова, С.В. Рогатова (Россия, Москва)
Московский городской педагогический университет
aribubnova@gmail.com, sofiia.rogatova@gmail.com*

ФУНКЦИИ ПОЛНЫХ И ЧАСТИЧНЫХ КВАЗИРЕАЛИЙ В ФОРМИРОВАНИИ АВТОРОМ ОБРАЗОВ ИСКУССТВЕННО СОЗДАННОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ВСЕЛЕННОЙ

В данной работе анализируются функции квазиреалий в текстах произведений искусственно созданных литературных вселенных (ИЛВ) на материале произведений Дж.Р.Р. Толкина. В статье рассматривается проблема классифицирования и определения роли квазиреалий при создании ИЛВ. Указанные аспекты имеют большое значение для глубокого понимания произведений жанра. Раскрывается влияние личности автора на формируемые им квазиреалии. Предложенные классификации позволяют охватить всю глубину искусственно созданных реалий.

Ключевые слова: реалии, квазиреалии, Толкин, окказионализмы, искусственные литературные вселенные.

На сегодняшний день искусственно созданные вселенные как структурный элемент художественного произведения, определяющий их литературное бытие, используется очень широко и давно вышел за границы литературы. Он переселился в кинематограф, компьютерные игры, «фандомы» и т. д. Одна вселенная может существовать в нескольких разных жанрах и видах искусств.

Конструирование вселенных стало одним из основных векторов развития литературы и киноискусства.

Поскольку авторами создается целый литературный мир, в нем появляются собственные реалии, связанные с топонимикой, именами персонажей, предметами обихода и пр. Так как они имеют лишь относительную связь с миром реальности, они выделяются в отдельный вид *квазиреалий*. Такие лексемы созданы искусственно, часто не имеют аналогов, и иногда для их именования даже разрабатываются вымышленные языки и наречия. При этом квазиреалии отличаются от реалий принадлежностью не к реальному миру, а к миру, выдуманному писателем.

В произведениях художественной литературы встречаются как реалии в чистом виде, так и квазиреалии. С одной стороны, писатель может разворачивать действие книги в существующих в действительности локациях, помещать его в существовавшую историческую эпоху, вводить объекты и явления, которые можно трактовать как приметы времени. Это придает произведению реалистичность.

С другой стороны, в художественном произведении большое место отводится вымышленным писателем личностям, объектам, событиям и пр. Такие объекты разделяются на две категории: *нереальные*, нарочито вымышленные, очевидно принадлежащие к области фантазии (*полные квазиреалии*), и *имитирующие реальность*, позволяющие писателю создать квазимир по образу и подобию мира, в котором мы существуем (*частичные квазиреалии*). Использование разных видов квазиреалий позволяет добиться разного восприятия произведения читателем.

Дж.Р.Р. Толкин в серии произведений строит свою искусственную литературную вселенную, стремясь приблизить восприятие читателем событий к описанию реального места. В квазитопонимах автор делает отсылки к средневековой Англии, наделяя создаваемые наименования сходством с реальными топонимами этой эпохи [Беренкова 2017]. Среди 200 квазиреалий, выбранных из текста данной ИЛВ для исследования, полностью вымышленными оказались 69 (34,5 %) – к примеру, топоним *Eriador*, образованный с помощью составленного автором искусственного языка [Tolkien 1980: 2]. Остальные примеры (131 квазиреалия, 65,5 %) были основаны на реалиях, в т. ч. квазиреалии, составленные из нескольких реалий. Такова, к примеру, квазиреалия *eleventy-first*, обозначающая не существующее в реальности числительное.

Каждая квазиреалия, вводимая в искусственно созданную литературную вселенную, имеет свою функцию. Являясь одним из видов реалий, квазиреалии имеют те же **функции**, что и реалии. Согласно С.И. Маниной, выделяются следующие функции реалий [Манина 2010: 95-98]: *ассоциативная, символическая, эмотивная, дескриптивная, локализирующая, функция маркера чуждой культуры, создание темпорального колорита и создание национального (культурного) колорита*.

В своем искусственном мире Толкин чаще всего использует квазиреалии, выполняющие функцию создания **национального колорита** (30 %) и **символьную** (28 %) функцию. Это связано со спецификой сюжета (большое количество народностей, разницу между которыми необходимо показать; наделённость искусственной вселенной магическими силами и артефактами) и жанровой принадлежностью.

Толкин наделяет полные и частичные квазиреалии разными функциями. **Полные** квазиреалии в основном несут функцию маркера чужой культуры, создания национального колорита и локализирующую функцию. **Частичные** квазиреалии выполняют ассоциативную, дескриптивную функцию и функцию создания темпорального колорита.

Рассмотрев общие классификации реалий в сопоставлении с 200 квазиреалиями, обнаруженными в романе, мы пришли к выводу, что классификация В.С. Виноградова позволяет получить наиболее адекватное представление о составе и типе квазиреалий у Дж.Р.Р. Толкина [Виноградов 2001]: *бытовые, этнографические и мифологические, реалии природного мира, реалии государственного строя и общественной жизни, ономастические реалии, ассоциативные*. Кроме того, мы обнаружили 25 квазиреалий, которые не принадлежат ни к одной группе – это *слова, обозначающие магические артефакты или явления, существующие только в данной вселенной*. Эта группа была также включена в классификацию.

Так как данное произведение относится к жанру фэнтези, чаще всего автор использует **топонимы** (37 %), чтобы описать территории огромного мира с большим количеством городов и земель, **антропонимы** (21 %), чтобы дать характеристику персонажей – как действующих лиц, так и исторических, являющихся частью созданной автором истории искусственного мира, **этнографические** и **мифологические** (16 %) – для описания народов искусственно созданной литературной вселенной.

Среди этнографических и мифологических квазиреалий чаще всего встречалась функция создания **национального (культурного) колорита** (41 %): так как к данному типу относятся все квазиреалии, называющие *этнографические, социальные общности и их представителей, божеств, сказочных существ, легендарные места* и пр., все они создают национальный и культурный колорит (например, *the Bree-landers; Elven-wise, lords of the Eldar from beyond the further seas*). Эту функцию в основном выполняют те квазиреалии, которые играют второстепенную роль в сюжете произведения, являются для него *культурным фоном* [Беренкова 2007].

К **символьной** функции (19 %) относятся названия *ключевых* рас, групп и пр.; это связано с тем, что каждый из народов получает свое название не случайно: оно отражает его ключевую характеристику и роль, которая отведена ему в истории этой ИЛВ (*Mr. Bilbo Baggins, Bag End*). **Ассоциативная** функция (13 %) используется для того, чтобы сделать *отсылку к объектам нашей реальности*, в большей степени – к Великобритании. Больше всего таких отсылок

оказалось в названиях племен, пантеоне богов и мифологических героев и других этнографических и мифологических квазиреалиях (*Shire-folk*).

В ходе исследования было выявлено, что функция реалии зависит как от ее вида, так и от типа (полная квазиреалия или частичная). Поскольку писатель противопоставляет в созданной им вселенной существ, подобных человеку, вымышленным созданиям, не похожим на привычные человеку виды, весь мир делится на то, что Толкин старается приблизить к реальному миру читателя, и то, что он делает наиболее чужеродным. Таким образом, одни и те же виды квазиреалий функционально делятся на две группы.

Так, к полностью нереальным квазиреалиям в основном относятся квазиреалии, созданные для обозначения топонимов-маркеров чужой культуры – 34 примера, 49,3 % от полных квазиреалий (*Minas Tirith* – название города, чуждого культуре, которой принадлежит главный герой повествования). 12 слов (17,4 %) – квазиантропонимы, описывающие придуманные автором расы и виды, отличающиеся от привычных человеку. Этнологические и мифологические квазиреалии, используемые для описания выдуманных народов и мифологем, на третьем месте по частоте: 10 слов, 14,5 % от полных квазиреалий.

К частичным квазиреалиям в большей степени также относятся топонимы, однако имеющие ассоциативную функцию – те, которые дают отсылку на реальный мир и на Англию в частности. Таких примеров было обнаружено 40, что составило 30,5 % от общего числа частичных квазиреалий. На втором месте – квазиантропонимы, относящиеся к наиболее человекоподобным расам искусственной вселенной (29 примеров, 22,14%). Третье место так же, как и среди полных квазиреалий, занимают этнологические и мифологические квазиреалии, построенные по подобию реалий такого вида.

Таким образом, квазиреалии играют ключевую роль в формировании искусственных литературных вселенных. Такая лексика может формироваться на основе естественных языков или даже реалий, а может быть полностью выдумана автором или основана на созданном специально для ИЛВ искусственном языке. Принцип формирования квазиреалии зависит от типа и функции этой лексической единицы в тексте произведения. В произведениях своей искусственной вселенной Дж.Р.Р. Толкин в большей части случаев создает квазиреалии на основе морфем или лексем естественных языков, формируя ассоциацию с реальным миром. Такое преобладание данного вида квазиреалий объясняется заложенными в них функциями: мир главного героя вселенной должен был быть близок и понятен читателю, поэтому автор использует отсылки к британским топонимам, мифологемам и другим реалиям.

Литература

Беренкова В.М. Топонимы в трилогии «Властелин колец» как объекты художественного перевода // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. Краснодар, 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/toponimy-v-trilogii-vlastelin-kolets-kak-obekty-hudozhestvennogo-perevoda>

Беренкова В.М. Авторские новообразования и их функции в трилогии Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин колец»: в английском и русском текстах: дис. ... канд. фил. наук. М.; Адыгейский государственный университет. Майкоп, 2007.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.

Манина С.И. Прагматические функции иноязычных вкраплений // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение, 2010.

Миньяр-Белоручева А.П., Плотникова А.В. Имена собственные в романе Дж. Р. Толкиена «Властелин колец» // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика, 2007. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imena-sobstvennyye-v-romane-dzh-r-tolkiena-vlastelin-kolets>

Рогатова С.В. Способы передачи реалий в текстах англоязычных СМИ // Пространство научных интересов: иностранные языки и межкультурная коммуникация – современные векторы развития и перспективы. Москва, 2019. URL: <https://lang.hse.ru/mirror/pubs/share/direct/326634765>

Tolkien J.R.R. Guide to the Names in The Lord of the Rings // A. Tolkien Compass, Ballantine Books, 1980. URL: <http://www.kulichki.com/tolkien/cabinet/guide/guide.shtml>

Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings: The Fellowship of the Ring. М.: Рольф, 2002.

Tolkien J.R.R. The Monsters & the Critics. London: HarperCollins, 2009.

I.A. Bubnova, S.V. Rogatova (Russia, Moscow)

Moscow City Pedagogical University

THE FUNCTIONS OF COMPLETE AND PARTIAL QUASI-REALIA IN THE FORMATION OF THE AUTHOR'S IMAGES OF AN ARTIFICIALLY CREATED LITERARY UNIVERSE

The authors analyze the functions of quasi-realities in the texts of artificially created literary universes (ACLU) based on the works of J. R. R. Tolkien. The article deals with the problem of classifying and determining the role of quasi-realities in the creation of ACLU. These aspects are of great importance for a deep understanding of the works of the genre. The influence of the author's personality on the quasi-realities formed by him is revealed. The proposed classifications allow us to cover the full depth of artificially created realities.

Keywords: realia, quasi-realities, Tolkien, occasionalism, artificial literary universes.

А.А. Водяницкая (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

avodyanickaya@yandex.ru

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ АКСИОЛОГИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЫ

В работе рассматриваются возможности изучения ценностной составляющей академического дискурса в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы. Анализируются традиционные и инновационные методы исследования значимых событий академического дискурса, среди которых ведущее место занимают фреймовый анализ и методы выявления тональности (SentiStrength) и неосознаваемого воздействия фонетической структуры текста (ВААЛ-мини).

Ключевые слова: академический дискурс, когнитивно-дискурсивная парадигма, фреймовый анализ, цифровые технологии.

На современном этапе развития когнитивно-дискурсивной парадигмы в языкознании в фокус внимания исследователей попадают различные аспекты функционирования институциональных типов дискурса, среди которых важное место занимает академический дискурс (далее – АқД). Изучаются культурно-специфические аспекты функционирования АқД как системы конструирования и трансляции знаний [Хутыз 2015], рассматриваются жанры и стиль АқД [Куликова, Бурмакина 2018], выявляются закономерности осуществления диалога с *Другим* в АқД [Сулейманова 2016], анализируется вербальное поведение языковой личности в АқД [Сулейманова 2019] и цифровой идентичности современного исследователя [Сулейманова, Водяницкая 2022].

С расширением изучаемых аспектов АқД происходит увеличение числа методик исследования и возникает возможность разработки многофакторной методологии дискурса. Так, например, в настоящее время разрабатывается лингвоаксиологическая методология изучения АқД, сочетающая в себе инновационные (например, методы выявления тональности текста) и традиционные (например, фреймовый анализ) методы исследования [Водяницкая 2021].

В рамках данного исследования изучаются лингвоаксиологические аспекты функционирования АқД на материале макрособытий «Защита выпускной квалификационной работы», «Защита курсовой работы», «Заседание кафедры», а также «Выступление с докладом на конференции». Целью данных макрособытий является представление результатов научного труда на завершающем или промежуточном этапе его создания. Макрособытие включает в себя ряд разворачивающихся во времени микрособытий, представляющих собой выступления участников макрособытия. В данном исследовании анализируется ценностная составляющая макрособытий, поскольку исходную посылку составило представление о том, что взаимодействие участников АқД является аксиологически ориентированным: происходит взаимообмен ценностными установками в процессе взаимодействия *преподаватель-студент, студент-преподаватель, преподаватель-исследователь-преподаватель-исследователь*.

Методика исследования макрособытий заключается в следующем:

- 1) фреймовый анализ [Болдырев 2004] макрособытия, включающий выделение ролей его участников и микрособытий, входящих в его структуру;
- 2) выделение оценочных высказываний участников макрособытия;
- 3) анализ структуры оценки (субъект, объект, основание оценки, адресат оценки);
- 4) выявление превалирующих оценочных стратегий участников макрособытий;
- 5) анализ неосознаваемого фоносемантического воздействия высказываний участников макрособытия с помощью платформы ВААЛ-мини;
- 6) определение тональности высказываний посредством программы Senti-*Strength*;
- 7) выявление ключевых ценностей АқД.

Данный алгоритм представляется возможным экстраполировать и на жанры письменного академического дискурса, однако событийная интерпретация АқД

представляется возможной только при рассмотрении устных жанров данного дискурса.

Обратимся к рассмотрению макрособытия «Защита выпускной квалификационной работы» (Защита ВКР). Фреймовый анализ данного макрособытия позволяет выделить его участников а именно: студента, представляющего научную работу к защите, членов государственной аттестационной комиссии (ГАК), научного руководителя, рецензента, являющихся одновременно участниками микрособытий, в которых они играют ключевую роль. Так, рецензент является актантом микрособытия «Отзыв рецензента», научный руководитель – ключевое действующее лицо микрособытия «Отзыв научного руководителя» и т. д. Рассмотрим оценочную составляющую микрособытия «Отзыв научного руководителя» на примере одного из отзывов, озвученных в процессе защиты ВКР на кафедре языкознания и переводоведения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета:

NN добросовестно относилась к исследовательскому процессу, с любовью и интересом обрабатывала эмпирический материал. Постоянно взаимодействовала с научным руководителем. NN является доброжелательным и отзывчивым студентом. Я бы рекомендовала ей поступать в магистратуру, поскольку академический дискурс только обогатится, если NN продолжит научную деятельность.

С точки зрения структуры оценки, в качестве субъекта оценки выступает научный руководитель, объект оценки представлен как сформировавшимися исследовательскими навыками студента (*работа с материалом, отношение к процессу написания работы*), так и личностными качествами (*отзывчивость, доброжелательность*). В качестве адресата оценки выступает и студент, и члены ГАК. Рекомендация поступать в магистратуру, не содержит оценочных слов, однако она обладает аксиологическим потенциалом в рамках АкД, поскольку имплицитно подразумевает наличие у студента способностей к осуществлению научной деятельности. Подобные высказывания, как, например, высказывание о том, что *академический дискурс студента сформирован* относятся в данной работе к аксиологическим маркерам в силу своего ценностноориентированного характера. Как представляется, дальнейшее исследование аксиологических маркеров позволит вскрыть закономерности инференции в академическом дискурсе.

С точки зрения ценностной составляющей данного фрагмента, отметим, что в отзыве научного руководителя актуализируются аксиосфера *Отношение к труду*, в рамках которой актуализируются телеологические оценки, а также аксиосфера *Отношение к Другому* (см. в этой связи [Сулейманова 2016; 2019]), представленная этическими оценками (*добросовестный, доброжелательный*). Таким образом, наряду с важностью профессиональных навыков научный руководитель подчеркивает ценность уважительного межличностного взаимодействия и ценность позитивного восприятия труда.

Проведем анализ отзыва с помощью цифровых методов. В связи с тем, что нас преимущественно интересуют оценочные высказывания, рассмотрим

результаты анализа высказываний с оценочными словами с помощью платформы SentiStrength [http://sentistrength.wlv.ac.uk/]. Программа характеризует текст как нейтральный с эмоциональной точки зрения (рис. 1 и рис. 2).

Рис. 1. Фрагмент анализа тональности текста

The text 'дискурс России только обогатится, если NN продолжит научную деятельность' has positive strength 1 and negative strength -1

Approximate classification rationale: дискурс России [proper noun] только обогатится ,если NN продолжит научную деятельность [sentence: 1,-1] [result: max + and - of any sentence][trinary result = 0 as pos=1 neg=-1] (Russian)

Рис. 2. Фрагмент анализа тональности текста (продолжение)

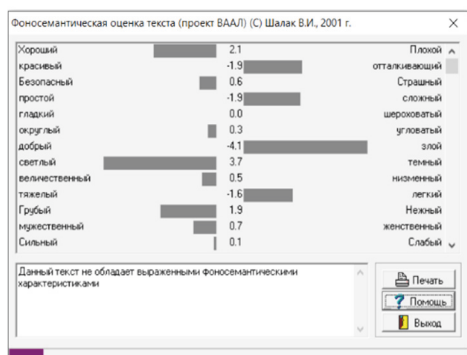

Рис. 3. Результат анализа фоносемантического воздействия текста

Отметим при этом, что программа не выявляет положительную семантику слов *добросовестный*, *с любовью*, *обогатится* и т. д., что связано, как предполагается, с тем, что функционал программы находится на стадии разработки и не все слова с оценочной семантикой внесены в настоящее время в словарь программы.

Выявим неосознаваемое фоносемантическое воздействие данного отзыва на реципиента с помощью программы ВААЛ-мини.

Как показал анализ, программа ВААЛ-мини не выявила выраженных фоносемантических характеристик данного отзыва, следовательно, его воздействие на реципиента является нейтральным (негативные и положительные

свойства фонетической структуры текста находятся примерно в равном соотношении). В то же время, положительные характеристики преобладают над отрицательными: текст характеризуется как *хороший, безопасный, мужественный, сильный, величественный, светлый*. В связи с тем, что данные показатели не осознаются субъектом оценки (научным руководителем) на этапе создания отзыва, представляет интерес изучение таких текстов с помощью программы ВААЛ-мини, поскольку они являются положительными по своей сути, и программа выделяет положительные фоносемантические характеристики.

Выстраивание лингвоаксиологической перспективы дискурса является в настоящее время одним из приоритетных направлений изучения дискурса вообще и АкД, в частности.

Литература

Болдырев Н. Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики Вопросы когнитивной лингвистики. 2004. № 1. С. 18–36.

Водяницкая А.А. Лингвоаксиологические аспекты академического дискурса: потенциал цифровых технологий // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 461–464.

Куликова Л.В., Бурмакина Н.Г. Академический дискурс. Институциональность, стиль, жанры. Москва: Едиториал УРСС, 2018.

Сулейманова О.А. Особенности языковой личности в академическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (135). С. 106–109.

Сулейманова О.А. Академический диалог: дискурсивная интерпретация // Концепт и культура: диалоговое пространство культуры: языковая личность. Текст. Дискурс. Сборник статей VI Международной научной конференции. 2016. С. 519–524.

Сулейманова О.А., Водяницкая А.А. Особенности языковой личности в академическом дискурсе // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 2 (135). С. 106–109.

Хутыз И.П. Академический дискурс. Культурно-специфичная система конструирования и трансляции знаний. Москва: Флинта, 2015.

A.A. Vodyanitskaya (Moscow, Russia)
Moscow City University

LINGUISTIC AXIOLOGY IN THE FRAMEWORK OF COGNITIVE APPROACH

The paper focuses on the research methods of studying the value component of academic discourse within the framework of the cognitive-discursive paradigm. The author analyzes traditional and innovative methods of studying significant events of academic discourse, with frame analysis, SentiStrength (detects the sentiment of the text) and VAAL-mini (reveals unconscious impact of the phonetic structure of the text on the recipient) being among them.

Keywords: academic discourse, cognitive-discursive paradigm, frame analysis, digital technologies.

Т.И. Воронцова (Санкт-Петербург, Россия)

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

vti2005@yandex.ru

РОЛЬ МЕТАФОРЫ В ФОРМИРОВАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В статье рассматриваются понятия «картина мира», «художественная картина мира», а также роль метафоры, одного из самых эффективных стилистических приёмов, в создании образности и выразительности художественной картины мира литературных произведений.

Ключевые слова: картина мира, художественная картина мира, художественный образ мира, метафора, литературное произведение.

Термин «картина мира» возник на рубеже 19–20 века и получил широкое распространение и популярность при изучении языка, а также религии, живописи, науки и т. д. Наиболее полное определение этого понятия принадлежит В.И. Постоваловой, которая считает, что картина мира является фундаментальным понятием, выражающим специфику человека и его бытия, его взаимоотношения с миром, важнейшие условия существования в мире. Это целостный, глобальный образ мира, который лежит в основе мировидения человека и представляет сущностные свойства мира в понимании её носителей, который является всей духовной активности человека [Постовалова 1988: 11-16]. Авторы выделяют шесть основных видов картин мира: религиозная, научная, художественная, нравственная, политическая, языковая, и все они соответствуют шести компонентам культуры – науке, религии, искусству, нравственности, политике и языку.

Художественная картина мира – это отражение, воссоздание реальной действительности в произведениях искусства с помощью наглядно-чувственных образов, она является синтезом субъективного восприятия и объективного познания мира. Синонимичные термины: «художественный образ мира», «художественная модель мира», «художественная действительность». Художественная картина мира – это сложное образование способное более или менее достоверно представлять реальную действительность. Она определяется как открытая концептуальная многомерная система, выстроенная на основе соотношения художественно-эстетического и философского знания [Мусат 2016: 17]. Художественная картина мира не отражает мир во всей его полноте и многообразии. Она находит своё воплощение в разнообразных видах искусства (литература, живопись, кино и т. д.) и описывает важные события и эпизоды различных эпох. Каждая эпоха искусства отражает определенный уровень художественного мышления [Мейлах 1985: 299-309].

Универсальным средством познания жизни является человеческая речь, а искусство слова – это литературное творчество, которое может представлять

реальную действительность более полно и многогранно, чем другие виды искусства. Таким образом, литература отражает жизнь во всей её целостности, многообразии и богатстве проявлений. Целью литературного произведения является передача читателю идей, мыслей, переживаний художника, то есть оно всегда коммуникативно направлено. Уникальность и неповторимость литературного произведения основаны на индивидуально-авторском восприятии мира. Любое явление действительности, попадая в сферу искусства, перестаёт иметь значение только явления действительности, и становится частью внутреннего мира автора, поэтому концепция художественного текста, его основная идея будет нести авторскую печать воззрения на мир [Кухаренко 1988: 186-188]. Индивидуальность литературного произведения – это проявление языковой личности художника.

Художественная картина мира, воссоздаваемая в литературных произведениях, как правило, бывает яркой и выразительной. Предметом повествования являются значимые события повседневной жизни или важные исторические события, которые бывают представлены достоверно и эмоционально благодаря выразительности и разнообразию индивидуального стиля авторов. Искусство позволяет писателю недостаточно точно представлять реальность, поэтому он не копирует её, а воссоздаёт в соответствии со своим авторским видением мира. Художественная картина мира – это часть общей картины мира, составляющими которой являются элементы сознания человека и человечества в целом.

Роль метафоры в создании художественной картины мира невозможно переоценить, так как она является наиболее ярким и оригинальным стилистическим приёмом. Исследование метафоры всегда актуально, поскольку она представляет собой феномен, онтологически связанный с человеком и языком, а также отражает взаимообусловленность мышления с особенностями языковой реализации. Уже в античной науке существовало мнение о том, что язык метафоричен по своей сути, и метафора является его основной формой и важным принципом его функционирования. Квинтилиан считал метафору самым красивым и часто употребляемым тропом, он также полагал, что метафора дарована нам самой природой и содействует тому, чтобы ни один предмет не остался без обозначения [Античные теории языка и стиля 1936: 218]. Это одно из изобразительно-выразительных средств, которое заключается в употреблении одного слова или выражения вместо другого на основе их общего признака. Метафора обладает номинативной и характеризующей функциями. Выразительность и познавательная ценность метафоры обеспечивают ей особое место среди разнообразия стилистических приёмов, так как в лаконичной форме метафора способна передавать семантическую, образную, эмоционально-оценочную и эстетическую информацию. Главными достоинствами метафоры Аристотель считал её ясность, приятность и прелесть новизны, привносимые в высказывание [Античные теории языка и стиля 1936: 178]. Основываясь на этом

положении, представляется возможным выделить три основные функции метафоры в речи: эмотивная, познавательная и эстетическая. Богатый метафорическими выражениями язык может рассматриваться как способ убеждения. Метафора обладает четкостью и способствует точному обозначению предметов и явлений. Используя метафоры и воспринимая их, человек получает новые знания. Метафора также употребляется в речи для того, чтобы речь была приятной, выразительной и вызывала положительные эмоции. Важной заслугой античной филологии и основоположника теории метафоры Аристотеля, заключается в том, что они дали актуальное по настоящее время определение метафоры как образного сравнения.

Повышенный интерес к метафоре в исследованиях конца XX века привёл к представлению о вездесущности метафоры, так как любой способ образного выражения смысла в литературном произведении и в изобразительных искусствах стали называть метафорой. Таким образом, метафора в литературном произведении является эффективным средством создания образности художественного текста и, соответственно образности и выразительности его художественной картины мира.

Литература

- Античные теории языка и стиля. М.; Л.: ОГИЗ, Соцэргиз, 1936.
Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Л.: Просвещение, 1988.
Мейлах Б.С. Процесс творчества и художественное восприятие. М.: Искусство, 1985.
Мусат Р.П. Художественная картина мира в духовном универсуме современной эпохи: дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 2016.
Постолова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 8–70.

T.I. Vorontsova (Saint-Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia

THE ROLE OF METAPHORE IN THE FORMATION OF THE ARTISTIC PICTURE OF THE WORLD OF LITERARY WRITING

The article deals with the notions “picture of the world”, “artistic picture of the world” and also with the role of metaphor, one of the most effective stylistic devices, in the creation of imagery and expression of the artistic picture of the world of literary writings.

Key words: picture of the world, artistic picture of the world, artistic image of the world, metaphor, literary writing

*Ю.А. Воронцова (Белгород, Россия)
Белгородский юридический институт
МВД России имени И.Д. Путилина
vorontsova73@mail.ru*

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ИНТЕРНЕТ-КОММЕНТАРИЯ

В статье рассматриваются прецедентные имена в современном виде интернет-коммуникации – комментарии; выявляется, что прецедентные имена составляют фундамент семантического пространства текста интернет-комментария, формируют глубинные смыслы, заложенные комментатором, тем самым расширяют информационный потенциал текста.

Ключевые слова: интернет-комментарий, прецедентные имена, семантический потенциал, когнитивная база.

Стремительное распространение информационных технологий, изменение средств и способов передачи информации способствовали развитию виртуальной коммуникативной среды. Современные дискурсивные практики свидетельствуют о том, что значимым элементом интернет-коммуникации является комментарий, основная цель которого заключается в «направлении внимания адресатов на новые актуальные факты, выходящие на первый план общественной жизни, их оценивание, предоставление и обсуждение информации, выражение личного отношения, получение информации в ответ» [Танабаева 2017: 209].

В контексте интернет-коммуникации изучение прецедентности как специфического способа речевого поведения открывает новое поле исследования. В данной статье обратимся к прецедентным именам как особому средству формирования семантического наполнения комментария в интернет-коммуникации. С помощью метода сплошной выборки иллюстративный материал выделялся нами из текстов, размещенных в комментариях к публикациям новостных, профессиональных, образовательных, развлекательных и других интернет-сообществ в социальной сети Вконтакте. Орфография и пунктуация образцов текстов комментария передаются без изменений.

Релевантными свойствами прецедентных имен являются оценочность, образность, воспроизводимость, аксиологичность, способность создавать представления и вызывать ассоциации в сознании эталонной и стереотипной модели поведения, отражать концептуальную картину мира, интерпретировать события. Эти свойства обеспечивают быстрое вхождение прецедентных имен в языковое сознание носителей языка, обладающих определенным знанием ситуации, первоисточника, а благодаря информативности, экспрессивности, репрезентированности они актуализируют смысловые и коммуникативные характеристики предмета речи во вновь создаваемом тексте. Репертуар прецедентных имен, присутствующих в интернет-комментариях, обусловлен денотатной сферой номинации. В языковом сознании потребителей информации

прецедентные онимы маркируют определенные конвенциональные ценности или антиценности.

Отметим, что комментарий не ставит целью глубокое проникновение в суть передаваемой информации, он апеллирует к фоновым знаниям потребителей сообщения с помощью прецедентных имен. При этом участники интернет-общения чаще всего выбирают прецедентные онимы, ориентированные на тезаурус носителей языка усредненного типа, поскольку «в современном российском обществе процесс формирования смыслового содержания прецедентных имен и их номенклатуры в индивидуальном языковом сознании детерминирован основными цивилизационными факторами – массовой культурой и системой школьного образования» [Горохова 2019: 6]. Прецедентные имена демонстрируют «способности коммуникантов оперировать культурно значимой информацией, воплощенной в лингвоментальной базе человека и социума» [Нахимова 2018: 42].

Большую роль в осуществлении дискурсивных стратегий в интернет-комментарии играют прецедентные имена, основу которых составляют различные источники, дифференциация которых обусловлена зависимостью от именуемого объекта (антропонимы, топонимы, хронимы и т. д.) и понятийной сферы (литература, мифология, библия, фольклор, кино, политика, история, бизнес и т. д.). Например:

(1) Информация о хищении топ-менеджером и бывшей чиновницей 50 миллионов рублей (Комсомольская правда – KP.RU). *К: Бонни и Клайд могут позабавдовать.*

(2) Средняя сумма ипотеки, которую берут белгородцы, составила 2,4 млн рублей (БЭИ | Белгород – это интересно). *К: Родион Раскольников вошел в чат. К: Кто это? К: Тот, кто решает проблемы по кредитам и ипотекам (Достоевский).*

(3) О новых назначениях в региональном правительстве (БЭИ | Белгород – это интересно). *К: Мушкетер своих ставропольских Портосов и Атосов набирает. К: Миледи привез в этот раз. Ришелье на подходе.*

(4) Женщина обманом оформила кредит на 100 тысяч рублей, после перевела деньги себе. В дело вмешалась полиция. (Сайт Белгорода – Go31.ru). *К: Лиса Алиса и Кот Базилио. Кинуть Базилио не получилось.*

(5) Руководитель управлением культуры назначен на должность врио замгубернатора по соцблоку (Бел.ру) *К: Чем интересно современная номенклатура отличается от советской? Помните тов. Огурцова (х/ф «Карнавальная ночь» и «Старый знакомый») – ему было все равно, чем руководить, домом культуры или больницей!*

(6) Вооруженная молотком жена начальника отдела полиции напала на предполагаемую любовницу мужа прямо в отделе МВД (Типичная полиция). *К: Семь невест ефрейтора Збруева.*

(7) О неудачной покупке и низком качестве пластиковых окон (Черный список / Белгород). *К: Семен Семенych.*

(8) Члены Европарламента выступили с инициативой наградить Зеленского Нобелевской премией мира в 2022 году (НТВ). К: *Иуда! Смех и грех...* . К: *Ну да, потом Геббельсу, Мюллеру, Гитлеру...* . Мир перевернулся. К: *Фраза Задорнова – навеки! К: Может премию Дарвина?*

(9) Губернаторский подарок положен даже деткам, которые не ходят в сад (Честный список / Белгород). К: *Страна Павликов Морозовых.*

(10) О введении новых ограничений из-за коронавируса (Честный список / Белгород). К: *Автобус – это Ноев Ковчег, такой же, как и церковь, школа, больница. А торговый центр – это ящик Пандоры.*

(11) Группа компаний LVMH прекратила поставки в Россию (Манипуляция). К: *Он президент, он что должен выйти к людям в куртке из «Глория Джинс»?* К: *Действительно! Президент страны должен был в куртке из «Смешных цен» выйти.* К: *Скоро перейдет на белорусский трикотаж.*

(12) Об очередях на заправках в США (Mash | Мэш). К: *Если бы у нас не было ядерного оружия, нас бы постигла участь Ливии и Ирака.* К: *По сути, нас сейчас постигла участь Ливии и Ирака.* К: *Верните Билли.* К: *Аляска хочет в родную гавань. Сан-Франциско русский город.* К: *Вспомни Задорнова.*

(13) О драке на проезжей части, в результате образовалась пробка на дороге (Mash | Мэш). К: *Дулин все-таки поймал Михалыча.* К: *Макгрегор попытался взять реванш у Хабиба в 2039 году под Кисловодском.* К: *Украина vs Россия, а разнимает Китай.*

(14) Об организации «зеленых коридоров» для беженцев (БЭИ | Белгород – это интересно). К: *Просто поразительно, к чему мы пришли, оглядываясь на 1941 год, если бы наши люди были в том состоянии, в котором мы находимся...* . *Гитлер бы радовался этой толерантности.* К: *Половцев и печенегов еще вспомните.* К: *зовите Газманова, пусть выезжает.* К: *И Любэ за компанию.* К: *Повторение 2008 года. Саакашвили тоже надеялся на помощь и поддержку.*

Особый интерес представляют комментарии, которые имеют диалогический формат, в таком случае требуются короткие, информационно-емкие реакции, поэтому ключевая роль в формировании смысла отводится именно прецедентным именам. Например:

(15) Боевики «Азова» пытаются покинуть Мариуполь, переодевшись в женщин (Цитаты Владимира Путина). К: *Новые серии «Джентльмены удачи».* К: *Попандопуло существует.* К: *Цирк уехал, а клоуны остались.* К: *Ну прям «Свадьба в Малиновке».* К: *«Свадьба в Малиновке» повторяется.* К: *Керенский.* К: *Свадьба в Малиновке отдыхает.* К: *Свадьба в Малиновке, вторая серия, в новом составе.* К: *«Свадьба в Малиновке» документальный фильм.* К: *Банда непуганых «сердючек» разбегаются в разные стороны.* К: *А в это время где-то на границе с Польшей, сидя на заднем сидении Kia Picanto? Президент «Керенский» поправил хвост песцовой шубы и проверил в зеркальце макияж.* К: *Свадьба в Малиновке.* К: *Я мог поговорить об этом и с живым Керенским.* К: *Вот дурак, сейчас такой фасон не в моде.* К: *Верки Сердючки местного пошива.*

В данном случае с помощью прецедентных имен участники интернет-общения выражают личное отношение к содержанию исходной информации, субъективную реакцию на высказывания других пользователей. Подобный виртуальный полилог имеет равностатусное общение, коммуникативный фокус сосредотачивается на предмете обсуждения, комментарии базируются на тактике сарказма и иронии по отношению к исходному сообщению и выражают согласие с предыдущими высказываниями, демонстрируют возникновение совпадающих позитивных реакций, в результате с помощью прецедентных имен создается общее культурное поле и отражается коллективное сознание.

«Инференция во всех ее формах играет важную роль при интерпретации ... текстов» [Тимофеева 2007: 70], она помогает актуализировать синкретичный характер прецедентного имени, т. е. позволяет выявить имплицитную информацию, заложенную в текст комментария, и восстановить смысл, не представленный вербально.

Таким образом, прецедентное имя как «элемент концептосферы национальной культуры, являющейся, в свою очередь, частью общего информационного поля культуры, ... как единица индивидуального лексикона человека» [Горохова 2019: 3] превалирует в когнитивной базе участников интернет-комментария. Прецедентные имена обладают способностью формировать необходимые смысловые приращения в текстах-реципиентах. Будучи самостоятельной смысловой единицей, прецедентное имя не только составляет полноценное семантическое пространство интернет-комментария, но и формирует глубинные смыслы, заложенные автором сообщения, тем самым расширяя информационный потенциал текста.

Литература

Горохова Д.В. Динамика содержания и номенклатуры прецедентных имен в языковом сознании носителей русской лингвокультуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2019.

Нахимова Е.А. О классификации и дифференциации видов прецедентных феноменов в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2018. № 1. С. 41–46.

Танабаева И.Р. Комментарий как особый жанр в интернет-общении // Молодой ученый. 2017. № 51 (185). С. 207–210.

Тимофеева Т.Н. Специфика прецедентных феноменов в англоязычных научных текстах экономической тематики // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 2. С. 69–73.

*Yu.A. Vorontsova (Belgorod, Russia)
The Belgorod Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs in Russia named
after I.D. Putilin*

PRECEDENT NAME AS A MEANS OF FORMING THE SEMANTIC SPACE OF AN INTERNET COMMENT

The article deals with precedent names in the modern form of Internet communication – comments; it is revealed that precedent names make up the foundation of the semantic space of the text of an Internet comment, form the deep meanings laid down by the commentator, thereby expanding the information potential of the text.

Key words: Internet comment, precedent names, semantic potential, cognitive base.

*Е.В. Выровцева (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.vyrovitseva@spbu.ru*

КОНЦЕПТ НОВОЕ ЗНАНИЕ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ¹²

Исследование посвящено проблемам представления нового знания в научно-популярном медиадискурсе. Когнитивная лингвистика позволяет рассмотреть особенности формирования данного концепта в условиях дискуссии, разворачивающейся в массмедиа. Автор текста и его адресат в научно-популярной коммуникации одинаково активно участвуют в создании медиаобраза нового знания как реализованного концепта.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, концепт «новое знание», научно-популярная коммуникация, медиадискурс.

Когнитивная революция [Chomsky 1968] относится к ментальному состоянию человека, которое определяется прежде всего такими процессами, как приобретение новых знаний, формирование навыков, развитие восприятия. В связи с этим обращение к исследованию когниции как способа освоения знаний в лингвистических формах представляется особенно актуальным в условиях глобализации информации и медиатизации всех сфер жизни, включая науку. Функционирование в современном медиапространстве разных каналов и типов научно-популярной коммуникации свидетельствует, во-первых, о поиске представителями науки (включая научную журналистику) наиболее эффективных способов распространения научных знаний, во-вторых, о стремлении носителей научного знания сделать их неотъемлемой частью картины мира («концептуального образа мира, вычленения наиболее важных и существенных свойств элементов мира» [Чернобров 2012: 230]), в-третьих, о востребованности и популярности данного типа коммуникации. Между тем остается неисследованным сам концепт «новое знание», чересчур широко трактуемый представителями разных областей науки – философии, социологии, коммуникативистики и т. д. Под концептом вслед за Е.С. Кубряковой мы понимаем «оперативную единицу памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира» [Кубрякова 1996: 92].

С точки зрения философии, новое знание создается «в процессе научного познания» и либо «добавляется к наличному, либо стимулирует трансформацию всего имеющегося массива знаний» [Пружинин 2020: 474-475]. Для журналистики новое знание – это прежде всего так называемая абсолютная новость: сообщение о только что произошедшем событии (в широком смысле слова). К такого рода событиям относится, например, научное открытие. Заметим, что социологи давно обратили внимание на необходимость разведения понятий «знание» и «научное знание», «социально-научное знание» и социальное

¹² Исследование выполнено при финансовой поддержке РФН, проект № 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакоммуникации».

«знание» [Scheler 1980], однако и сегодня этот вопрос остается дискуссионным [Малинкин 2002].

В научно-популярной медиакommunikации, которая, как и любой медиадискурс, характеризуется принципиальной диалогичностью – «онтологически присущей медиатекстам чертой» [Дускаева 2019: 36], в процессе освоения нового знания участвует огромное количество субъектов, проявляющих свою активность с помощью речемыслительной деятельности, вступающих в многовекторный диалог/полилог. Через восприятие (критичное или некритичное) и оценку (позитивную, нейтральную, негативную) полученной информации эти субъекты, способные мгновенно менять коммуникативную позицию адресата на позицию адресанта, апробируют новое знание, тем самым определяя его значение в культуре и социальной практике, его роль в жизни конкретного человека и общества в целом. Не случайно современные ученые вводят понятие «коллективный субъект познания» [Крушанов 2019]. Ярким примером такой общественной «апробации» стало осознание через (не)принятие нового знания о эпидемии коронавирусной инфекции COVID-19, о способах борьбы с ней, о роли и принципах вакцинации. Концептуальную значимость именно в этот период приобретает понятие «новое знание»: каждый активный участник дискуссии старался обосновать свою позицию наличием такого знания, которое (якобы) отсутствовало у всех остальных или у большинства. В научно-популярном медиадискурсе этого периода можно обнаружить самые разные речевые стратегии, что, безусловно, заслуживает специального изучения и требует междисциплинарного подхода.

В центре внимания когнитивной лингвистики оказывается модель коммуникации, которая позволяет наиболее эффективно представлять и распространять знания, в том числе и новые, а также обмениваться ими. Авторы научно-популярных изданий, опираясь на традиционные речевые конструкции – сообщение, демонстрация, представление, объяснение, описание, стараются достигнуть главной коммуникативной цели – сделать новое знание частью картины мира адресата. При этом цифровые технологии, обеспечившие интерактивную коммуникацию, позволяют полиадресной аудитории становиться обязательным и важным участником процесса *осознания* нового знания. Включившись в диалог, представители этой аудитории обращаются к самым разным речевым действиям – поддержке, восхищению, сомнению, недоверие, провокация, возращение, разоблачение и др. Таким образом, можно говорить об усложнении дискурсивного освоения нового знания. Обозначим основные проблемы, связанные с этими процессами.

Особое значение в представлении с позиции адресанта и в осознании с позиции адресата нового знания приобретает выбор концептосферы, так как любое новое знание должно «опираться» на уже имеющиеся устойчивые представления. В общественно-политической коммуникации, освещающей реальные факты и события, это сделать проще, так как и субъект высказывания, и его адресат имеют практический опыт восприятия реальной действительности,

кроме того идеологичность как основа публицистического дискурса всегда опирается на систему ценностей, принятую или в обществе в целом, или в конкретной социальной группе, которая в медиакоммуникации определяется как целевая аудитория. Новое *научное* знание, характеризующееся «стремлением к полноте, систематичности, объективности» [Чернобров 2012: 231], очень часто представляет такой объект, который не является частью повседневного опыта, который иногда невозможно увидеть, как, например, абстрактное понятие. Поэтому научно-популярная коммуникация пытается найти лингвистические средства, способные помочь адресату включить ранее не известное знание в его индивидуальную концептосферу.

Не менее важным оказывается определение места нового научного знания в социальной практике, в общественном диалоге. Выбор наиболее точных (для адресата) языковых средств в представлении нового знания обеспечивает внимание к нему, позволяет зафиксировать его в языковой картине мира, создать адекватный (не обязательно позитивный) ассоциативный образ. Язык как способ кодирования результатов познания, как ментальный феномен [Попова 2003] рассчитан на декодирование и перекодирование, причем не только, а в массмедийной коммуникации и не столько, конкретным потребителем информации, а именно массовой аудиторией. Не случайно когницию рассматривают как *манипуляцию* со знанием, предполагающую несколько этапов его освоения, то есть перекодирования из знака в значение, из значения в смысл, концепт, образ. Согласно теории концептуальной интеграции, достижение семантической генерации достигается благодаря сочетанию ассоциации и интеграции [Fauconnier, Turner 2002].

Наконец, новое научное знание, растиражированное массмедиа, всегда представляет собой часть культуры. Так, Б.И. Пружинин считает, что ученые должны осознавать «свою познавательную практику как деятельность, мотивированную культурными целями науки» [Пружинин 2020: 475]. Концептуальная интеграция предполагает *творческое* освоение нового знания, которое невозможно без вовлечения всех участников коммуникации в общую когнитивно-познавательную, рационально-аксиологическую деятельность. К средствам такого творческого вовлечения в научно-популярном дискурсе можно отнести метафоризацию, прецедентность, разные формы комического, языковую игру. В современном мультимедийном пространстве вербальная составляющая взаимодействует с аудиовизуальными компонентами, что оказывается весьма востребованным поликодовым форматом распространения нового знания. Принципиальная открытость концептуальных систем обеспечивает неограниченность, безграничность познания, постоянное и непрерывное развитие культуры.

Специально стоит сказать о том, что исследователи различают научную и наивную картины мира, трактуя последнюю как языковую, которая отражает обывательские представления, а не фундаментальные понятия [Чернобров 2012]. Однако новое научное знание, освоенное языком и осознанное массовой

аудиторией, становится частью наивной картины мира, при этом одним из главных инструментов такого освоения можно назвать научно-популярную коммуникацию. В связи с этим специального исследования заслуживают вопросы о границах концепта «новое знание», о принципах его восприятия и освоения в различных дискурсивных практиках, о способах фиксации в языке «перехода» нового знания из научной картины мира в концептосферу – индивидуальную, групповую, общественную.

Литература

- Дускаева Л.Р.* Стилистический анализ в медиалингвистике. М.: Флинта, 2019.
- Крушанов А.А.* Эпистемологические особенности коллективных познавательных процессов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2019. № 2. С. 111–116.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Фил. фак. МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
- Малинкин А.Н.* Социология знания и современное «Общество знания» // Социологический журнал. 2002. № 2. С. 36–58.
- Попова Т.Г.* Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). М.: Изд-во МГОУ «Нар. Учитель», 2003.
- Пружинин Б.И.* Феномен «нового знания» в концептуальной сетке философии науки // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 3. С. 473–483. URL: <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.305>
- Чернобров А.А.* Научная и «наивная» картины мира: культурологический, лексический и текстологический аспекты // Сибирский педагогический журнал. 2012. № 7. С. 230–236.
- Chomsky N.* Language and Mind. New York, 1968.
- Fauconnier G., Turner M.* The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities. New York, 2002.
- Scheler M.* Probleme einer Soziologie des Wissens / Gesammelte Werke. Bd. 8. Die Wissensformen und die Gesellschaft. Bern, 1980. S. 15–190.

E.V. Vyrovitseva (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University

THE CONCEPT OF NEW KNOWLEDGE IN POPULAR SCIENCE MEDIA DISCOURSE: PROBLEM STATEMENT

The research is devoted to the problems of presenting new knowledge in the popular science media discourse. Cognitive linguistics allows us to consider the peculiarities of the formation of this concept in the context of a discussion unfolding in the mass media. The author of the text and its addressee in popular science communication are equally actively involved in creating a media image of new knowledge as a realized concept

Key words: cognitive linguistics, the concept of NEW KNOWLEDGE, popular science communication, media discourse.

*Е.Н. Галичкина (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный университет имени В.Н. Татищева
elena.galichkina@mail.ru*

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ МОЛОДЕЖНОГО СЛЕНГА В ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ)

В статье описываются основные способы образования русского молодежного сленга (иноязычные заимствования, аффиксация, сокращения и метафоризация). Детальное описание получают структурно-семантические особенности сленговых единиц, которые используются современной молодежью в сетевом пространстве русскоязычной социальной сети ВКонтакте. Представлены результаты анализа 300 сленговых единиц на русском языке.

Ключевые слова: интернет-дискурс, сленг, молодежный сленг, социальная сеть, ВКонтакте, словообразование.

В современной лингвокогнитивной научной парадигме изучение разговорной речи находится в центре внимания. Являясь междисциплинарной областью знания, когнитивная лингвистика занимается изучением роли участия языка в процессах осмысления мира [Маслова 2004] и категоризацией человеческого опыта [Попова 2010; Болдырев 2014]. Цель данной статьи – описать структурно-семантические особенности сленговых единиц, используемых в речи современной молодежи, выявить и проанализировать основные способы словообразования русского молодежного сленга (на материале социальной сети ВКонтакте).

Материалом исследования послужили 300 сленговых единиц, отобранных методом сплошной выборки из словарей («Словарь молодежного сленга» Т.Г. Никитиной 2009, «Словарь современного молодежного жаргона» И.Б. Голуб 2007 и др.) и сетевого пространства русскоязычной социальной сети ВКонтакте. Примеры, приведенные в работе, были получены в ходе личного опроса студентов 1–3 курсов ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева».

В настоящее время социальные сети занимают ведущее место среди других форматов коммуникативного взаимодействия в интернет-дискурсе. В данном исследовании, вслед за В.И. Карасиком, под понятием «социальная сеть» будем понимать интернет-ресурс или коммуникативный формат, обеспечивающий возможности общения пользователей Интернета [Карасик 2019: 49]. Роль языка и его «образ» стремительно трансформируются в интернет-пространстве [Галичкина 2021]. Изучение феномена социальных сетей с позиции лингвистики, как отмечают И.А. Юрина, Н.Ю. Бородулина и М.Н. Макеева, требует определенных знаний в области периодизации развития интернет-коммуникации. С момента создания социальные сети постоянно развиваются. Каждое появление новых компьютерных технологий

порождает новый этап в изучении интернет-лингвистики [Юрина, Бородулина, Макеева 2017: 79]. Постоянное развитие компьютерных технологий, а также расширение специфики социальной коммуникации в Интернете способствуют изучению словообразовательных особенностей языка неформального общения молодежи.

В отечественном языкознании «сленг» определяют как «стилистически сниженный лексический пласт, который характеризуется относительной устойчивостью в определенный период времени, широким использованием, обладающий пейоративной экспрессией» [Хомяков 2009: 43-44]. Схожая точка зрения представлена у О.С. Ахмановой, согласно которой сленг – это элементы разговорного варианта, используемые в речи определенной социальной или профессиональной группы, которые, при проникновении в речь людей, которые не относятся к данным группам, получают эмоционально-экспрессивную окраску [Ахманова 1966: 310]. В данной работе, вслед за Т.В. Мизюриной, под понятием «сленг» будем понимать относительно устойчивый стилистически сниженный пласт лексики, к которому принадлежат такие части речи, обозначающие бытовые явления, как глаголы, существительные, прилагательные. Данные лексические единицы обладают пейоративной окраской [Мизюрина 2013: 111].

В ходе анализа практического материала нами были выявлены следующие способы словообразования русского молодежного сленга, отобранного на материале русскоязычной социальной сети ВКонтакте: иноязычные заимствования, аффиксация, сокращения и метафоризация. В результате анализа было выделено 148 сленговых единиц из английского языка, которые, как мы полагаем, были заимствованы путем транслитерации, транскрипции и гибридизации.

При транслитерации заимствованное слово передается буквами заимствующего языка [Тимофеева 1992: 63]. В ходе анализа было установлено, что 13 сленговых единиц были заимствованы путем транслитерации, например, *го* (to go – идти), *окей* (okay – хорошо, ладно), *мессага* (message – сообщение), *лухури* (luxury – роскошь), *флекс* (flex – хвастаться, понтоваться), *менеджер* (manager – менеджер), *скролл* (scroll – прокручивать). Приведем примеры в контексте: *Ребята, го устройм сходку*; *Лухури дама рассказывает о лухури жизни*; *Меня повысили до должности менеджера*. Значения некоторых заимствованных сленгизмов могут отличаться от языка-источника. Показательным является сленгизм «*го*». Данная лексема используется в значении императива «пойдем», она синонимична служебным словам «давай», «давайте», которые участвуют в образовании формы будущего времени, в то время как слово-оригинал «*go*» имеет значение «идти» и используется во всех временах. Транскрипция иностранных слов, в отличие от транслитерации, предполагает перенос фонетической формы заимствованного слова. В результате анализа практического материала было выявлено 85 сленговых единиц, среди которых: *абыюз* / *абыюзер* (abuse – плохое обращение / abuser – агрессор, насильник), *пруф* (to prove – доказывать), *кринж* (cringe – отвращение), *лакиери* (luxury – роскошный), *хеитер*

(*hater* – недруг, ненавистник), *хэштег* (*hashtag* – тематическая метка в социальных сетях), *сторис* (*stories* – истории), *кэш* (*cash* – наличные деньги), *фейл* (*fail* – провал), *хайп* (*hype* – шумиха, ажиотаж), *флуд* (*flood* – наводнение), *байт* (*bait* – приманка, наживка), *бан* (*ban* – запрещать), *буллинг* (*bullying* – травля, издевательство), *изи* (*easy* – легкий, легко), *камон* (*come on!* – да брось!) и др. Анализ практического материала показал, что сленгизмы, заимствованные способом транскрибирования, являются преимущественно существительными. Данные сленговые единицы обычно не меняют свою форму и с использованием аффиксации русифицируются [Береговская 1996: 33]. Путем сокращения (усечения) исходных лексем было образовано 44 сленговые единицы, которые мы разделили на следующие группы: аббревиация, универбизация, апокопа. В результате анализа фактического материала было выявлено 32 сленговые единицы, которые были разделены нами на две группы по способу образования: сленгизмы, образованные суффиксальным и префиксальным способами. Суффиксация – это образование сленгизмов путем добавления суффиксов к корню или основе слова. В результате анализа практического материала было выявлено 25 сленговых единиц, образованных способом суффиксации. Наиболее продуктивными суффиксами являются: **-ух(а)**: *стипуха*, *житуха*, *братуха*, *кликуха*, *татуха*, *кукуха*; **-он**: *причесон*, *прикидон*, *расслабон*; **-як**: *походняк*, *депрессняк*, *точняк*; **-ос**: *косметос*, *паблос*, *энергос*, *полтос*, *видос*. Ряд глаголов также образован путем суффиксации, среди которых: *ливнуть*: от английского *to leave* (уходить) + суффикс *-у(ть)*; *стрелкануть* (встретиться): от *стрелка* (сленговое – встреча, разборки, драка) + суффикс *-(а)ну(ть)*. Приведем наиболее показательные примеры: *Я три часа монтировала этот видос*; *Я опять осталась без стипендии в этом семестре*; *Ловлю очередной депрессняк после окончания сериала*.

Подведем итоги. Социальные сети, занимая ведущее место среди других форматов коммуникативного взаимодействия в интернет-дискурсе, привлекают подрастающее поколение уникальной возможностью создавать вербальные новообразования, включая сетевой сленг. В результате анализа 300 сленговых единиц, отобранных методом сплошной выборки из лексикографических источников и сетевого пространства русскоязычной социальной сети ВКонтакте, были выделены следующие наиболее частотные способы словообразования русского молодежного сленга: иноязычные заимствования, аффиксация, сокращения и метафоризация.

Анализируя особенности функционирования русского языка в социальной сети ВКонтакте, мы обратили особое внимание на процесс заимствования, который, на наш взгляд, наиболее активно проявляется в молодежном сетевом сленге. Заимствованные сленговые единицы посредством транскрипции и транслитерации «инкорпорируются» в русский текст в сетевом пространстве и активно грамматически осваиваются. Значительное количество сленгизмов образовано путем соединения иностранного корня с русскими аффиксами. Ряд аффиксов характерен только для образования сленгизмов

и отсутствует в литературном варианте русского языка, среди которых суффикс *-ос*, в словах *видос*, *косметос*. Значительное количество аббревиатур, согласно исследуемому материалу, представляя собой сокращения словосочетаний, прибавляют аффиксы русского языка с целью передать определенное грамматическое значение.

Литература

- Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
- Береговская Э.М.* Молодежный сленг: формирование и функционирование // Вопросы языкознания. 1996. Вып. 3. С. 32–41.
- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
- Галичкина Е.Н.* Интернет-дискурс: основные направления изучения и тенденции развития // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2021. № 7 (160). С. 94–101.
- Голуб И.Б.* Словарь современного молодежного жаргона. М.: Эксмо, 2007.
- Карасик В.И.* Интернет-жанры // Жанры речи. 2019. № 1 (21). С. 49–55.
- Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2004.
- Мизюрина Т.В.* Определение и общие характеристики понятия «сленг» и его роль в языке и культуре современной России // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). С. 106–111.
- Никитина Т.Г.* Молодежный сленг. Толковый словарь. М.: Астрель, 2009.
- Попова З.Д.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010.
- Тимофеева Г.Г.* Английские заимствования в русском языке. СПб, 1992.
- Юрина И.А., Бородулина Н.Ю., Макеева М.Н.* Исследование социальных сетей в контексте лингвистики новых медиа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №11 (77): в 3-х ч. Ч. 2. С. 178–181.
- Хомяков В.А.* Введение в изучение основного компонента английского просторечия. М.: Либром, 2009.

E.N. Galichkina (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

WORD FORMATION AND THE PROCESSES OF SYSTEMATIZATION OF RUSSIAN TEENS SLANG USED IN INTERNET DISCOURSE (ON THE BASIS OF SOCIAL NETWORK VKONTAKTE)

The article describes the word-formation processes of Russian teens slang (foreign borrowings, affixation, abbreviation, metaphorization). The detailed description of structural and semantic features of slang units used by teens on social network VKontakte / The results of the Russian 300 slang units' analysis are presented.

Key words: Internet discourse, word formation, slang, teens slang, social network, VKontakte.

*Л.Н. Гишкаева, Д.Д. Комова, О.В. Ломакина (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
gishkaeva-ln@rudn.ru, poni1967darcom1@rambler.ru, rusoturisto07@mail.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА ГОСТЕПРИИМСТВО В ПАРЕМИОЛОГИИ (НА МАТЕРИАЛЕ РОДСТВЕННЫХ И НЕРОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ)¹³

Статья посвящена рассмотрению концепта ГОСТЕПРИИМСТВО в пословицах разных языков. В качестве материала исследования выступают русские, чеченские, турецкие, португальские, английские, финские, карельские, вепские пословицы, извлечённые приёмом сплошной выборки из словарей. Выделена семантика, объединяющая пословицы разных языков, которые репрезентируют отношение к гостю и хозяину в рассматриваемых лингвокультурах.

Ключевые слова: ценности, пословица, лингвокультура, языки коренных народов России, европейские языки.

К настоящему времени паремиология понимается как самостоятельное направление лингвистики, опирающееся на методологию анализа разных классов устойчивых единиц [Паремиология в дискурсе 2015; Паремеиология без границ 2020; Паремеиология на перекрёстках... 2021].

Паремиологический фонд языка содержит информацию о традициях, обычаях народа, его системе ценностных координат. «Семантическое сходство паремий разных языков свидетельствует об определенной общности ассоциативно-образного мышления разных народов» [Гишкаева, Ломакина, Макарова 2021: 143]. Выявление лингвоаксиологического потенциала сопряжено с процессом инвентаризации в первую очередь существующих лексикографических источников, а также не зафиксированных, а бытующих лишь в устной традиции паремий для представления ценностных констант и ценностных переменных определённой лингвокультуры. Под ценностными константами мы понимаем «ментальные постоянные, характерные для того или иного народа, сформулированные им в виде паремий, которые выступают как ретрансляторы традиций, менталитета, национального характера, социального опыта» [Ломакина, Мокшенко 2018: 313], под ценностными переменными – ценности, «меняющиеся под влиянием социо-историко-культурного контекста» [Ломакина 2020: 82]. Мы признаём амбивалентность ряда ценностей, что находит отражение в пословицах [Бредис 2019; Ломакина 2022].

Гостеприимство как ценность отождествляется с традициями народов Востока, исповедующих мусульманство. Согласно Корану, «Кто верует во Всевышнего и Судный День, тот пусть говорит только благо, либо молчит! Кто верует во Всевышнего и Судный День, тот пусть не причиняет боли и обид своему соседу! Кто верует во Всевышнего и Судный День, тот пусть оказывает

¹³ Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

почет своему гостю» (Хадис 15). В христианстве также отмечается почтительное уважение к гостю, при этом традиция странничества и традиции гостеприимства сопрягаются: Христос много странствовал, искал, где приклонить голову. Апостол Павел завещал: «Страннолюбия не забывайте; ибо чрез него некоторые, не зная, оказали гостеприимство Ангелам». В восточнославянской традиции «негостеприимство выступает одной из основных причин превращения человека в животное» [Кабакова 2019: 95].

Ф.Б. Тозаева справедливо отмечает: «Принцип гостеприимства считается универсальным, но его практическая реализация существенно отличается у разных народов, что связано с особенностями их цивилизационной модели, исторического опыта, географического положения, социально-экономических и политических трансформаций» [Тозаева 2021: 5].

Цель данной статьи – проанализировать паремиологические средства презентации ценностного концепта ГОСТЕПРИИМСТВО в русском, чеченском, турецком, португальском, финском, карельском, английском языках и выявить универсальные и национально-специфические семантические модели.

Источник исследования – авторская картотека паремий, извлечённых приёмом сплошной выборки из различных лексикографических сборников: «Большого словаря пословиц» под ред. В.М. Мокиенко, «Турецко-русского словаря пословиц» О.Ю. Мансуровой, «Турецко-русского паремического словаря» А.А. Елифанова, Р.А. Елифановой, сборников «Карельские пословицы и поговорки» (сост. В.Г. Макаров), «Народные пословицы чеченцев и ингушей», «Финские пословицы и поговорки и их русские аналоги» О.А. Храмцовой, «Русские пословицы и поговорки и их английские аналоги» И.Е. Митиной, «Dicionário locuções expressões língua portuguesa».

Концепт ГОСТЕПРИИМСТВО в рассматриваемых нами языках количественно представлен неравномерно, что связано с зафиксированным в лексикографических источниках паремиологическим фондом. Количественное превосходство русских паремий (около 200) объясняется объёмом словаря: «Большой словарь русских пословиц» под ред. В.М. Мокиенко включает более 70 тыс. единиц. Несмотря на количественную асимметрию русских паремий по отношению к пословичным фондам других языкам, пословицы, служащие презентации концепта ГОСТЕПРИИМСТВО, содержат идентичные семантические доминанты – установки культуры: отношение к гостю в лингвокультуре, взаимоотношения хозяина и гостя, правила нахождения в гостях и дома. Представим анализ каждой из выделенных групп.

Почтительное отношение к гостю отражается в следующих пословицах: рус. *Гость в дом, а Бог в доме*; чечен. *Хъаша ца везар, нахан ма везила* – С тем, кто не считается с гостем, не будет считаться и Бог. Показательна чеченская паремия *Хъаша Дельгара ву* – гость от Бога и русская *Гость – посланец Божий*.

Паремиология представляет взаимоотношения хозяина и гостя. Пословицы рекомендуют принимать традиции дома, следовать воле хозяина: тур. *Misafir umduğunu değil, bulduğunu yer* – Гость ест не то, на что рассчитывал, а то, что

подают; тур. *Misafir ev sahibinin bađli kuzusudur* – Гость – связанный ягнёнок хозяина дома; карел. *Щду лг лицийб мфи аоа тцирефб шец щдуе пцыешы* – Будь как дома, но не забудь, что в гостях.

Гость должен соблюдать правила приличия и знать этикет: чечен. *Кхо де даьлча хьошалла дадолу* – Через три дня гость перестаёт быть гостем; рус. *Гость до трёх дней – в радость, после трёх дней – в тягость, Мил гость, что недолго гостит, У себя как хочешь, а в гостях – как велят*; португ. *O hóspede e o peixe aos três fede* – Гость и рыба начинают попахивать (вонять) через три дня, *O hóspede e o peixe aos três dias aborrecem* – Гость или рыба спустя три дня докучают (достают, злят). Отметим, что в приведённых пословицах обозначаются временные рамки путём включения нумератива *три*, который несёт универсальное символическое значение: это число символизирует «развитие и завершенность процесса, полноту некоторой последовательности, имеющей начало, середину и конец» [Вальтер 2017: 190].

В ряде пословиц осуждается внезапность появления гостя, отсутствие приглашения, что трактуется как невоспитанность: тур. *Çađrılan yere erimne, çađrılmayan yere görünme* – Не ленись пойти, если пригласили, и не показывайся там, куда не звали; фин. *Talo elää tavallaan, vieras tulee ajallaan* – Дом живёт своим обычаем, гость приходит в своё время; рус. *Не в пору гость – хуже татарина, Не вовремя гость – хуже татарина*. Образ незваного гостя отражается в следующих пословицах: рус. *Нежданный гость хуже татарина*; карел. *Ei sidä pidua, kun ei kuokkavierasta* – Нет такого торжества, на котором не было бы незваных гостей; *Kuščumatoi vieras pahembi pagania* – Незванный гость хуже поганого.

Принято, что гость приносит подарки, еду (рус. *За хорошим гостем хозяин сыт*) и хозяин предлагает своё угощение (чечен. *Къамелаицца хъаиша ца вуьзна* – Речами сыт не будешь; вепс. *Küläleibäd – kündusehesai* – Угощённой едой сыт до порога; португ. *Para hóspedes a melhor iguaria é a alegria* – Для гостя лучший деликатес и радость); совместная трапеза объединяет гостя и хозяина. Гостеприимство понимается как радушие, забота о госте, его телесном благе: чечен. *Хъеше юур ярий ма баха: ере хъалхахотмае* – Не спрашивай гостя, что он будет есть, накрывай на стол).

Семантическая доминанта «Гостишь – сам приглашай в гости» содержится в следующих паремиях: рус. *Любишь гостить – люби и к себе звать*; фин. *Vuoroin vieraisa käydään* – По очереди в гости ходят.

Дихотомия *гости – дом* содержится в следующих паремиях: рус. *В гостях хорошо, а дома лучше; Хорошо в гостях, кому дома скучно*; карел. *Gostissa hyvä, koissa parempi*; англ. *There is no place like home* – Нет места лучше, чем дом.

Проанализированный материал показал, что, несмотря на различие образов, семантические доминанты – установки культуры при репрезентации концепта ГОСТЕПРИИМСТВО в рассматриваемых языках идентичны: представлено отношение к гостю, показаны взаимоотношения хозяина и гостя, пословицы содержат правила нахождения в гостях и дома.

Литература

- Библия. URL: <https://bibleonline.ru>.
- Бредис М.А. Человек и деньги: очерки о пословицах русских и не только. СПб.: Петербургское востоковедение, 2019.
- Гишкаева Л.Н., Ломакина О.В., Макарова А.С. Отражение веры в Бога как ценностной константы в пословичном фонде (на примере христианской и мусульманской лингвокультуры) // Cuadernos de Rusística Española. 2021. Vol. 17. С. 135–147.
- Кабанова Г.И. Гостеприимство / негостеприимство // Восточнославянские этимологические сказки и легенды: энциклопедический словарь. М.: Неолит, 2019. С. 95–96.
- Коран. URL: <https://quran-online.ru>.
- Ломакина О.В. Понятие веры в системе ценностных координат народа (на паремиологическом материале русского, турецкого, русинского и алтайского языков) // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта: сборник научных трудов Международного научного форума, посвященного Всемирному дню науки за мир и развитие. Москва, 10–12 ноября 2020 г. М.: РУДН, 2020. С. 81–86.
- Ломакина О.В. Тувинская паремиология: лингвокультурологический и лингвоаксиологический потенциал // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 6–16.
- Ломакина О.В., Мокиенко В.М. Ценностные константы русинской паремиологии (на фоне украинского и русского языков) // Русин. 2018. № 4 (54). С. 303–317.
- Паремиология без границ / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломакиной. М.: РУДН, 2020.
- Паремиология в дискурсе / под ред. О.В. Ломакиной. М.: URSS: Ленанд, 2015.
- Паремиология на перекрестках языков и культур: монография / М.А. Бредис, Е.Е. Иванов, О. В. Ломакина, Н. Ю. Нелюбова, Ю. А. Петрушевская; под ред. Е. Е. Иванова, О. В. Ломакиной. М.: РУДН, 2021.
- Тозаева Ф.Б. Лексико-семантическое поле «гостеприимство – мехмоннавози» в русском и таджикском языках: дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2021.
- Walter H. Число ТРИ в русской и немецкой фразеологии (от Троицы до трех горшков и drei Käse) // Numerologia we frazeologii i paremiologii Redakcja naukowa / Ewa Komorowska, Jolanta Ignatowicz-Skowrońska, Agnieszka Krzanowska, Harry Walter. Szczecin, 2017. S. 189–201.

*L.N. Gishkaeva, D.D. Komova, O.V. Lomakina (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia*

REPRESENTATION OF THE CONCEPT OF HOSPITALITY IN PAREMIOLOGY (BASED ON RELATED AND UNRELATED LANGUAGES)

The article is devoted to the concept of "hospitality" in the proverbs of different languages. The material of the study is Russian, Chechen, Turkish, Portuguese, English, Finnish, Karelian, Vepsian proverbs extracted by the method of continuous sampling from dictionaries. The semantics that combines proverbs of different languages, which represent the attitude towards the guest and the host in the considered linguistic cultures, is highlighted.

Key words: values, proverb, linguistic culture, languages of the indigenous peoples of Russia, European languages.

В.С. Григорьева (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный технический университет
grigorieva@mail.ru*

В.В. Зайцева (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет имени Г.П. Державина
apolinarija06@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДИСКУРСИВНОЙ ПРАКТИКИ «НАСИЛИЕ» И ВЕРБАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

В статье рассматриваются характеристики многокомпонентного концепта НАСИЛИЕ, его пропозициональная структура, типы и способы репрезентации вербального насилия на примере немецкого, английского и русского языков. Цель данной статьи – дать представление о некоторых языковых средствах и речевых действиях, формирующих концептуальную структуру понятия насилие.

Ключевые слова: концепт, репрезентация, физическое насилие, вербальное насилие, речевая тактика, угроза.

Язык как продуктивный способ интерпретации человеческой культуры, как средство понимания и взаимопонимания является одной из актуальных тем исследовательских работ в лингвистике и смежных науках. В то же время язык и языковые процессы могут быть не только средством достижения взаимного согласия, но и инструментом осуществления насилия, власти. Настоящая статья посвящена изучению концепта НАСИЛИЕ и языковых средств его репрезентации.

В фокусе концептологических исследований как особой парадигмы в рамках антропоцентрической парадигмы знаний находятся концепты как оперативные единицы теоретического и обыденного знания. Согласно Н.Н. Болдыреву, «концепт – это единица осмысленного (осознанного) знания о предмете или событии, их отдельных свойствах, характеристиках, взаимосвязях с другими предметами и событиями, которой оперирует человек в процессе речемыслительной деятельности» [Болдырев 2019: 48]. Среди концептов современной культуры одним из социально-значимых представляется концепт НАСИЛИЕ.

На наш взгляд, проблеме насилия, его причинам, формам и сферам проявления не всегда уделяется достаточное внимание исследователей. В названной области известна кандидатская диссертация Л.Р. Газизулиной (см.: [Газизулина 2013]). Автор исследует концепт НАСИЛИЕ на материале русского и английского языков в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, характеризуя его как «структуру высокой социальной значимости, сохраняющую возможность неоднозначной оценки, обусловленной ее ситуативностью» [Газизулина 2012: 23]. Как правило, в фокус исследовательских работ данного автора и других попадали в основном лексемы, репрезентирующие физические виды насилия,

например, такие как *beat, batter, flap, kick, punch, slap, smack, assault, attack, blemish, crush, damage, destroy, harm, inflict, injure, mutilate, rape*; *бить, колотить, избивать, илепнуть, пнуть, врезать пощечину* и др.

На наш взгляд, однако, концепт НАСИЛИЕ, являясь абстрактным, по сути, представляет собой концептуализацию сложных логических связей и зависимостей между объектами и событиями, требующую осмысления большого количества ситуаций. Поэтому данный концепт не является однозначным, предметным. Сущность данного концепта может быть передана различными средствами репрезентации в языке, в том числе предложением, текстом, дискурсивной практикой, целым произведением. Конкретные характеристики любого абстрактного концепта, составные элементы его структуры и содержание формируются на основе чувственного восприятия мира, его обыденного познания. Вышесказанное предполагает изучение концепта НАСИЛИЕ как суперконцепта или сложного концепта (о суперсложных концептах см.: [Болдырев 2010: 18-19]).

Среди дефиниций в философских словарях, на наш взгляд, наиболее точно сущность понятия насилие выражена в следующем определении: «Насилие – одна из форм принуждения, осуществляющаяся вопреки воле тех, против кого она направлена» [<http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/n/nasilie.html>]. Важным моментом в данном определении является тот факт, что одна воля подчиняет себе другую, и это подчинение осуществляется путем внешне ограничивающего воздействия.

Рассматривая НАСИЛИЕ как многокомпонентный концепт, логично выделить в его пропозициональной структуре как способе концептуальной организации нашего знания АГЕНС (лицо, осуществляющее насилие); ПАЦИЕНС (лицо, подвергающееся насилию); БЕНЕФАКТИВ (одушевлённый участник, интересы которого затрагиваются в той или иной ситуации); ИНСТРУМЕНТ, с помощью которого осуществляется насилие и др. Аналогичный фрейм как структурированный концепт имеет схожую структуру: СУБЪЕКТ, осуществляющий насилие, ОБЪЕКТ, подвергающийся насилию, ПРЕДИКАТ, или ИНСТРУМЕНТ, с помощью которого осуществляется насилие. В качестве инструмента насилия могут выступать как авербальные действия (физические действия, действия, причиняющие психический ущерб), так и вербальные. При этом языковое насилие является средством осуществления власти, однако понятия насилие и власть не идентичны. Насилие скорее проявляется там, где заканчиваются полномочия власти. При вербальном насилии речь идет о диалогическом дискурсе, интегративный анализ которого при когнитивном подходе включает адресанта и адресата речевого действия, локально-темпоральные характеристики осуществления речевого взаимодействия, выбор концептуального содержания и языковых средств его репрезентации в соответствии с интенцией адресанта речевого взаимодействия, личностными характеристиками и знаниями коммуникантов (см. подробнее: [Болдырев, Григорьева 2020; Григорьева 2018]).

Приведем примеры глагольных лексем, репрезентирующих насилие с помощью языка: *affect, control, dictate, kontrollieren, verletzen, diktieren, auferlegen*,

einschränken, воздействовать, ущемлять контролировать, диктовать, навязывать, ограничивать и др. В данную группу входят глаголы, обозначающие действия, совершаемые без согласия адресата, но с его участием. Одной из эксплицитных форм власти является словесный поединок. Речь антагониста может уязвить собеседника, оскорбить, обидеть, заставить замолчать. Данная функция слова отражена в пословицах, афоризмах, крылатых словах в различных языках. Ср.: «*Слово не воробей, вылетит – не поймаешь*»; “*Ein Wort, das dir entfliegen ist, fängst du nicht mehr ein*”; “*The word is not a sparrow, it will fly out – you won’t catch it*”; “*Die Zunge ist schärfer als das Schwert*”; «*Злые языки страшнее пистолета*»; “*Worte können tödliche Waffen sein*”.

Формы вербального насилия разнообразны. Это могут быть лексические, грамматические, фонетические средства. С помощью таких номинаций, как *клец, корова* или *бык* люди метафорически классифицируются и получают соответствующую оценку. В качестве оценки национальности могут выступать идиомы: «*скуп как еврей*». Вербальное насилие проявляется в данном случае в многовековой антисемитской дискриминации. Дискурсивные практики национального превосходства активно практиковались в фашистской Германии, манифестированные, например, в национальном гимне третьего рейха: “*Deutschland, Deutschland über alles, über alles in der Welt!*”, что привело к насильственной экспансии и преступлениям против народов Европы.

Призывом к насилию можно рассматривать и тексты песен некоторых современных музыкальных групп. Приведем в качестве примера песню “*Verrecke*” правой экстремистской группы в Германии “*Leitwolf*”.

*Als ich noch zur Schule ging, da traf's mich wie der Schlag.
In meiner Klasse ging 'ne Punkerin, die so schön gestunken hat.
Ihre Haare waren so fettig und mit Läusen übersät,
die Klamotten alt und dreckig und keiner war da, wo sie steht.
Hey, Du scheiß Zecke, verrecke.*

[https://power.gybka.com/song/171667983/Leitwolf_-_Verrecke/]

Аффекты ненависти, презрения и личной неприязни передаются угрожающими и оскорбительными словами: *Punkerin, stinken, fettige Haare, Läuse, alte und dreckige Klamotten*, следствием чего является потребность и призыв к насилию, косвенный призыв к убийству.

Зачастую в дискурсивной практике «насилие» используется речевая тактика «угроза». Высказывания угрозы репрезентируют схемы действий адресанта в случае неисполнения адресатом требуемых действий или прекращения исполняемых действий. Например: «*Илья Петрович, директор школы: «С каких это пор дети стали на наших и не наших делиться?» <...> «Ну, вот что, товарищ директор, сказал председатель, переходя на чистейшую русскую мову, вы эту демагогию оставьте. Мы вас очень ценим, но если не нравятся наши порядки, задерживать вас никто не станет*» (Варламов А.Н. Затонувший ковчег). Наиболее частой формой манифестации высказываний угрозы являются придаточные условные предложения.

В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть факторы определения дискурсивной практики «насилие», выявить некоторые лингвистические средства репрезентации вербального насилия. Поскольку рамки статьи не позволяют осуществить комплексный анализ интегративного формата концепта НАСИЛИЕ, авторы ограничились выявлением его отдельных характеристик и средств репрезентации в языке.

Литература

Болдырев Н.Н. Взаимодействие когнитивных и языковых структур: результаты и перспективы исследования // Взаимодействие мыслительных и языковых структур: собрание научной школы: материалы Всероссийской научной конференции. 28 мая 2010 г. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 17–22.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Болдырев Н.Н., Григорьева В.С. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе: монография. Тамбов: Принт-Сервис, 2020.

Варламов А.Н. Затонувший ковчег. М.: Молодая гвардия, 2002.

Газизулина Л.Р. Симметрия и асимметрия базового слоя вариантов концептов «НАСИЛИЕ» и «VIOLENCE» // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 13. (267). Филология. Искусствоведение. Вып. 65. С. 23–28.

Газизулина Л.Р. Реализация концептов НАСИЛИЕ и VIOLENCE в дидактических текстах школьной литературы (на материале русского языка и американского варианта английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2013.

Григорьева В.С. Интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе (на примере бытовых дискурсивных жанров): дис. ... д-ра филол. наук. Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2018.

V.S. Grigorieva (Tambov, Russia)
Tambov State Technical University

V.V. Zaitseva (Tambov, Russia)
Tambov State University G.R. Derzhavin

THE CONCEPTUAL STRUCTURE OF THE DISCOURSE PRACTICE "VIOLENCE" AND THE VERBAL MEANS OF ITS REPRESENTATION

The article discusses the characteristics of the multicomponent concept VIOLENCE, its propositional structure, types and ways of representing verbal violence based on the German, English and Russian languages. The purpose of this article is to give an idea of some of the language means and speech actions that form the conceptual structure of the concept of VIOLENCE.

Key words: concept, representation, physical violence, verbal violence, speech tactics, threat.

*С.В. Гричин, О.В. Ульянова (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
grichinsergei@mail.ru, olgauljanova@mail.ru*

МОДЕЛИРОВАНИЕ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ

В работе на примере категории эвиденциальности описываются возможности когнитивно-дискурсивного подхода к моделированию функционально-семантических категорий, приводится структура эвиденциальной модели научного текста, позволяющая интерпретировать дополнительные эвиденциальные смыслы.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, эвиденциальность, текст, дискурс.

Когнитивно-дискурсивный подход к изучению функционально-семантических категорий предполагает рассмотрение их как явлений, экспликация средств выражения которых обусловлена совокупностью языковых и экстралингвистических факторов.

Эвиденциальность в ряду функционально-семантических категорий, обладающих равноуровневыми языковыми средствами, объединенными общностью семантической функции, занимает особое место, так как обладает признаками квалификативной модусной категории, основанной на дихотомии свое-чужое, а также противопоставлении эксплицитной формы выражения имплицитной. Прагматическая нагруженность значений эвиденциальных конструкций, их корреляция с модальностью текстовых фрагментов, обуславливает интерес к этой категории со стороны отечественных и зарубежных лингвистов, рассматривающих ее реализацию на уровне текста и дискурса. В немалой степени этот интерес связан с тем, что эвиденциальность как категория модусного типа обеспечивает, по словам Н.Н. Болдырева, «возможность различной интерпретации говорящим того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого отдельных смыслов» [Болдырев 2006: 15].

Многофакторное изучение эвиденциальности позволяет представить ее в виде когнитивно-дискурсивной модели, реализующейся в каждом из отдельно взятых дискурсов по-разному. Для научного текста такая модель быть определена как единство выраженных эвиденциальными маркерами смыслов, основывающихся на коммуникативном намерении автора и производимых им ментальных операциях по обработке и выражению в тексте научного знания [Гричин 2020: 162-163]. Такая модель позволяет представить роль эвиденциальных конструкций в воплощении в тексте авторского замысла в целом и отдельных прагматических установок в частности. Так, анализируя соотношение субъективированных и объективированных форм эвиденциальности к предмету высказывания, связь эвиденциальных конструкций с его оценкой, учитывая место этих оценок в композиционной структуре текста, становится возможным выявлять актуализацию отдельных смыслов, связанных с подчеркнутым вниманием автора к отдельным аспектам описываемой им действительности. Это внимание выражается в преобладании в тексте связанных с указанием на

источник информации аксиологических показателей с положительным или отрицательным значением, а также в преобладании одной из форм эвиденциальности (имплицитной или эксплицитной). Анализ комбинаций эвиденциальных маркеров с аксиологическими показателями в тексте позволяет раскрывать реализующиеся в тексте авторские стратегии, выявлять дискурсивные закономерности распределения в тексте компонентов коммуникативной и научно-познавательной деятельности автора.

Представление эвиденциальности в виде когнитивно-дискурсивной модели позволяет также объяснить саму экспликацию эвиденциальных показателей в тексте. В основе такого объяснения лежит представление о типовой эвиденциальной ситуации, при которой в тексте объективируются дискретные участки, эксплицирующие компоненты содержательного, коммуникативно-информационного и прагматического содержания, сопровождающиеся эвиденциальными маркерами. Эти текстовые участки характеризуются внутренней тематической изоморфностью (однородностью смылосодержательных компонентов, единством коммуникативно-прагматической установки) и обладают различной линейной протяженностью. Протяженность таких дискретных участков определяется рамочным маркированием эвиденциальными показателями.

Принадлежность текста определенному дискурсу обуславливает возможность создания для него обобщенной типологии таких отрезков, хотя составление их конечного списка представляется затруднительным. Основным критерием выделения таких отрезков в отдельных дискурсах следует, очевидно, считать их регулярную воспроизводимость в коммуникативно-информационном и прагматическом содержании текста, отражение ими когнитивно-дискурсивной деятельности автора-создателя.

Еще один элемент описываемой модели представляет собой комплекс выражаемых ею субъективных компонентов речи, отражающих авторскую рефлексию. Понятие «субъектный компонент речи», введенное Н.К. Рябцевой, представляет собой компонент текста / высказывания, обладающий свойствами, имеющими «прямое отношение к сознанию говорящего, его личности, производимым им в текущем процессе общения мыслительным, речемыслительным и речевым операциям» [Рябцева 2005: 380]. Основное свойство субъектных компонентов речи заключается в маркировании связи высказывания с производимой субъектом рефлексией, сопровождающей обработку поступающей информации. Основанием для отнесения эвиденциальных показателей к числу субъектных компонентов речи является их функция маркирования присутствия говорящего в речи через средства выражение модуса и субъективной модальности, дейктические единицы, оценку и метатекст.

Слияние функции маркирования источника информации со смыслами метауровневости, синкретичности, конситуативности, интенциональности и супрасегментности приводит к созданию полифонического, синкретичного, многомерного текстового сообщения, в каждом отдельном дискурсе имеющего свою специфику.

Литература

- Болдырев Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
- Гричин С. В. Авторизационная модель научного текста: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2020.
- Рябцева Н. К. Язык и естественный интеллект. М.: Academia, 2005.

*S.V. Grichin, O.V. Ulyanova (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University*

MODELING EVIDENTIALITY IN SCIENTIFIC DISCOURSE

The paper describes the possibilities of the cognitive and discursive approach to the modeling of functional-semantic categories on the example of the category of evidentiality. The structure of the evidential model of the scientific text, which allows to interpret additional evidential meanings, is given.

Key words: functional-semantic category, evidentiality, evidential model, text.

*K.B. Gudkova (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
gudkovakira@bk.ru*

ПЕРСУАЗИВНЫЙ ДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА: МЕХАНИЗМЫ ВАРИАТИВНОГО ОТОБРАЖЕНИЯ РЕФЕРЕНТНОЙ СИТУАЦИИ

Статья посвящена анализу лингвистических характеристик персуазивного дискурса. Рассматриваются способы отражения референтной ситуации в дискурсе. Проводится анализ выбора языковых единиц широкой и узкой референции, с помощью которых происходит вариативное представление ситуации в персуазивном дискурсе.

Ключевые слова: персуазивный дискурс, вариативное отображение референтной ситуации, широкая и узкая референция.

Исследования различных типов дискурса давно и прочно вошли в лингвистические работы. Принятое в лингвистике определение Н.Д. Арутюновой «дискурс – есть речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова 1990] отражает две важные характеристики дискурса: во-первых, его антропоцентрический характер, и, во-вторых, его референтность. Антропоцентричность дискурса проявляется в том, что именно автор выбирает языковые средства для представления указанной ситуации. Референтность дискурса проявляется в том, что в любом дискурсивном произведении всегда отражается та или иная ситуация действительности.

В данной статье исследование проводится на материале персуазивного дискурса. Языковые средства персуазивности всегда привлекали и привлекают внимание исследователей [Клаус 1967]. Следует отметить, что язык как

система представляет собой дискретное множество, в то время как внеязыковая действительность являет собой непрерывный континуум. Преобразование недискретного в дискретное всегда приводит к искажениям, в зависимости от использования языковых средств меняется интерпретация референтной ситуации, взгляд на нее [Баранов 2007: 177]. В силу указанной дискретной специфики языковой системы встает проблема вербального выражения той или иной референтной ситуации в дискурсе.

Исследователи говорят об определенных правилах отражения внеязыковой ситуации. В частности, это правило стереоскопии, согласно которому референт представляется объемным, отражаются максимально его свойства и признаки, и правило изоморфизма, согласно которому референт и его вербальный эквивалент должны находиться в соответствии друг к другу [Клюев 1998]. Но, как все правила, они могут нарушаться и часто нарушаются, что приводит к вариативности отражения той или иной референтной ситуации в дискурсе. Причем следует отметить, что нарушение правил может быть неосознанным, что может приводить к коммуникативным сбоям, непониманию между участниками. Но автор дискурса может и сознательно нарушать правила, что позволяет ему отображать референтную ситуацию в нужном ему аспекте. Часто нарушение указанных правил можно наблюдать в дискурсе персуазивном, который направлен на убеждение реципиента в некоем положении. Эти сознательные нарушения правил становятся стратегиями убеждения.

В качестве иллюстративного примера можно взять дискурс слушаний стонрон по тому или иному делу. Обе стороны вербально представляют одну и ту же референтную ситуацию, но профилируют одни аспекты и оставляют без внимания другие, выбирают разные языковые выражения для характеристики референта.

Рассмотрим пример такого дискурса на материале дискурса президента Клинтона в ходе слушаний по делу, связанному с его отношениями с интерном Белого Дома Моникой Левински. Последовавший после обнародования этой связи скандал получил широкую огласку и чуть не стоил Клинтону политической карьеры, поскольку на основании выдвинутых обвинений в клятвопреступлении и даче ложных показаний его политические противники смогли найти основания для объявления импичмента. Сначала Клинтон под присягой отрицал отношения с Левински, но, после того как сама Левински дала показания перед Большим жури, Клинтон был вынужден признать существование отношений.

(1) *As you know, in a deposition in January, I was asked questions about my relationship with Monica Lewinsky. While my answers were legally accurate, I did not volunteer information. [...]*

(2) *Indeed, I did have a relationship with Miss Lewinsky that was not appropriate. In fact, it was wrong. It constituted a critical lapse in judgment and a personal failure on my part for which I am solely and completely responsible. [...]*

В своем дискурсе Клинтон профилирует выгодные ему аспекты описываемой ситуации. Клинтон отрицает ложь под присягой: *my answers were legally accurate, I did not volunteer information* (до показаний Левински он открыто говорил: *I'm going to say this again. I did not have sexual relations with that woman, Miss Lewinsky*). Теперь Клинтон признается, в том, что имел отношения с Левински, но отрицает их конкретный характер. В данном случае Клинтон ссылается на техническое определение понятия *sexual relations*, которое было дано юристами в данном процессе. Это определение позволило ему отрицать совершение клятвопреступления, технически его заявление не было ложью, поскольку определенные аспекты отношений не были отражены в предложенном юристами техническом определении. И получается, что, когда он говорил, что у него не было сексуальных отношений с Левински, технически все было верно.

В ходе слушаний независимый прокурор К. Старр задавал детализированные вопросы об отношениях президента с Левински, на которые Клинтон отказался давать ответы. Потом его адвокат сказал, что ответы были честными, но президент не давал специфическую информацию, т. е. представил ситуацию в общем, не вдаваясь в конкретные детали.

(3) *As to a very few highly intrusive questions, with respect to the specifics of this [sexual] contact, in order to preserve personal privacy and institutional dignity, he gave candid, but not detailed, answers.*

Любая референтная ситуация или событие являются многогранными, у любой ситуации или события существуют как причины для осуществления, так и последствия. Соответственно, при языковом отражении имеется возможность фокусироваться либо на причинах, либо на следствиях. И если обвинение в рассматриваемом дискурсе ставит в фокус последствия дачи показаний под присягой, а именно лжесвидетельство, то Клинтон выносит в фокус именно причины события.

(4) *I can only tell you I was motivated by many factors. First, by a desire to protect myself from the embarrassment of my own conduct.*

(5) *I was also very concerned about protecting my family. The fact that these questions were being asked in a politically inspired lawsuit, which has since been dismissed, was a consideration, too. [...]*

Таким образом, профилируются нужные аспекты ситуации, а именно причины, которые лежат в основе ответов президента, желание защитить себя и свою семью.

С точки зрения языковых репрезентаций можно видеть, что правило изоморфизма также нарушается. Возможность нарушения этого правила заложена в природе самого языкового знака, а именно в аксиоме о произвольности языкового знака, что позволяет говорящему использовать различные обозначающие для референта, а антропоцентричность дискурса вынуждает его осуществлять выбор. Использование тех или иных языковых средств меняет интерпретацию референтной ситуации. У автора дискурса имеется возможность

осуществить узкую и широкую референцию, использовать единицы базового или суперординатного уровней лексической категоризации, или единицы модусной категоризации. Категории модусного типа обеспечивают возможность различной интерпретации того или иного концептуального содержания и формирования на основе этого новых смыслов [Болдырев 2014: 159].

Так, в дискурсе Клинтонa единица узкой референции *lying* заменяется единицей более высокого уровня, *did not volunteer information* (определение глагола ‘volunteer’ в OLD: “to suggest something or tell somebody something without being asked”).

Клинтон использует широкую модусную референцию, называя весь процесс “the spectacle of the past seven months”:

(6) *And so tonight, I ask you to turn away from the spectacle of the past seven months, to repair the fabric of our national discourse, and to return our attention to all the challenges and all the promise of the next American century.*

Сами же отношения, в которых Клинтону все-таки пришлось сознаться, в его дискурсе именуется как “a relation that was not appropriate” (слово ‘relationship’ определяется в OLD как “the way in which two people, groups or countries behave towards each other or deal with each other”).

Единицы более высоких уровней языковой категоризации, как правило, более широкой семантики, отличаются абстрактным, расплывчатым значением. Единицы же низких уровней более конкретно описывают объекты и ситуации, характеризуют объект или ситуацию с точки зрения присущих им характеристик.

На протяжении всего дискурса Клинтон употребляет языковые единицы широкой референции, избегает ответов на вопросы, детализирующие его отношения с Левински, то есть вопросы, содержащие единицы узкой референции, базового уровня категоризации и направленные на ответы, сформулированные таким же образом.

Языковые единицы высоких уровней обозначают категории реального мира, выступают в роли родовых понятий по отношению к видовым. В их значениях рациональный слой преобладает над конкретно-чувственным, с данным словом в сознании не ассоциируется никакой конкретный образ [Кобозева 2016: 88]. Единицы более высоких уровней категоризации характеризуют референта объемно, расширенно, и, соответственно, употребление таких единиц допускает интерпретацию референтной ситуации. Языковая единица ‘sexual relations’ связана в сознании с конкретным образом, а ‘relationship’ не связана и поэтому допускает различные интерпретации.

Таким образом, можно говорить об определенных механизмах вариативного отображения референтной ситуации в дискурсе, которые являются персуазивными стратегиями, а именно – нарушение правила стереоскопии, которое проявляется в профилировании нужных аспектов ситуации, и нарушение правила изоморфизма, которое проявляется в употреблении единиц высоких уровней категоризации, допускающих широкую референцию.

Литература

- Арутюнова Н.Д. Дискурс. Речь / Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 136–137.
- Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста. М.: Флинта: Наука, 2007.
- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2014.
- Клюев Е.В. Речевая коммуникация: учебное пособие для университетов и вузов. М.: Приор, 1998.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: Ленанд, 2016.
- Clinton's Grand Jury Testimony, Part 12. URL: https://www.washingtonpost.com/wp-srv/politics/special/clinton/stories/bctest092198_12.htm.

*K.V. Gudkova (St. Petersburg, Russia)
St. Petersburg State University*

PERSUASIVE DISCOURSE AS AN OBJECT OF LINGUISTIC STUDY: THE METHODS OF VARIABLE REPRESENTATION OF A REFERENTIAL SITUATION

The article is devoted to the linguistic characteristics of persuasive discourse. The analysis of methods of representation of a referential situation is conducted. Special attention is paid to the use of words with broad and specific reference that can contribute to representation of a referential situation in different ways.

Key words: persuasive discourse, variable representation of a referential situation, broad and specific reference.

*И.Г. Гусева, Е.П. Плива (Калининград, Россия)
Калининградский государственный технический университет
irina.guseva@klgtu.ru elena.pliva@klgtu.ru*

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ АСПЕКТ МЕТАФОРИЗАЦИИ КОРОНАВИРУСА В РОССИЙСКИХ СМИ

Целью данной статьи является рассмотрение особенности метафорического моделирования ситуаций эпохи пандемии в дискурсе российских СМИ. В работе проанализированы наиболее типичные модели, позволяющие концептуализировать понятия и явления, относящиеся к рассматриваемой ситуации, способы и механизмы их языковой репрезентации. Результаты исследования дают определенный ключ к пониманию наиболее эффективных способов воздействия на сознание адресата исследуемого дискурса.

Ключевые слова: концептуализация, метафора, метафоризация, метафорические модели, медиадискурс, понятие «коронавирус».

С появлением пандемии изменились не только условия жизни и поведение людей, произошли изменения и в их сознании, в нравственно-психологическом состоянии общества. На новые реалии наиболее оперативно реагируют СМИ и,

фактически, являются информационным инструментом воздействия на общественное мнение. Концептуальная метафора используется в них как мощное языковое средство привлечения внимания к актуальным проблемам действительности через “фокусировку” внимания и “высвечивание” определенных характеристик концептуализируемого знания, воплощенного в новом наименовании. Задача исследования – выявить особенности метафорического моделирования ситуаций, касающихся жизни общества в эпоху пандемии на материале сообщений СМИ в русском языке и с помощью применения в работе метода фреймового анализа показать процессы концептуализации и категоризации знания, вербализуемого в дискурсивных образованиях. Материалом для исследования послужили статьи российских электронных изданий, отобранные методом произвольной выборки по ключевым словам *коронавирус, пандемия*.

На основании семантического анализа сообщений российских электронных изданий выделяются несколько наиболее значимых метафорических моделей концептуализации вируса и пандемии: ВИРУС ЕСТЬ ВРАГ/ПАНДЕМИЯ ЕСТЬ ВОЙНА; ВИРУС ЕСТЬ СТИХИЯ (ВОДА. ОГОНЬ); ВИРУС ЕСТЬ ЖИВОЕ СУЩЕСТВО; ВИРУС ЕСТЬ БАГ (информационная метафора). Рассмотрим каждую из них более подробно.

ВИРУС ЕСТЬ ВРАГ/ПАНДЕМИЯ ЕСТЬ ВОЙНА. Данная метафорическая модель отличается очень подробной детализацией и представляет собой метафорический сценарий, то есть комплексно описывает все аспекты противостояния вирусу, и предполагает наличие множества фреймов: врага/противоборствующей стороны, собственно боеспособных сил, локализации, вооружения, союзников и т. д. Вирус в рамках данного фрейма приобретает образ невидимого врага: *Невидимый враг: в России и мире продолжают бороться с COVID-19* [vesti.ru]. Основные «действующие лица», те, кто активно участвует в военных действиях, в рамках данной метафорической модели – врачи: *Как и положено, на любой «горячей» войне, на передовой находятся наиболее боеспособные силы. В этом случае – медики. Именно на них ложится основное противостояние с невидимым врагом* [riastrela.ru]. Локализация распространения вируса также метафорически осмысливается в терминах военных действий. Как известно, целью войны является захват территорий, с которым метафорически сопоставляется распространение вируса в рамках данного фрейма: *Если не давать ситуации развиваться, вирус теряет над нами свою силу и власть и перестает захватывать новые территории* [interfax.ru]. Само взаимодействие с вирусом также описывается в терминах военных действий. Вирус может наступать: так, описывая подъем заболеваемости, главврач “Коммунарки” заявляет в своем Telegram-канале, что *Вирус снова перешел в наступление* [rg.ru]; отступать: *...COVID-19 начнет отступать, если в России будет 60% вакцинированных* [rg.ru]; нападать: *На что в организме коронавирус «нападает» прежде всего?* [iz.ru]. Следует отметить, что вирус, как многоголовая гидра, может называться по-разному, в зависимости от штамма – дельта, омикрон – однако ведущие модели концептуализации остаются прежними.

Данная метафорическая модель включает в себя также такие фреймы, как «Союзники»: *Паника – лучший союзник коронавируса* [regnum.ru]; «Вооружение», в роли которого выступает вакцина, с одной стороны: *Гонка вакцинаций: в каких масштабах и чем мир прививается от COVID* [kommersant.ru]; и поражающая сила вируса, с другой: *Коронавирус может вскоре потерять свою поражающую силу* [rg.ru].

ВИРУС ЕСТЬ СТИХИЯ. Вирус также зачастую концептуализируется как стихия, в частности, как вода или огонь, что обусловлено их способностью нести разрушения, обладать мощной силой. При этом актуализируются те признаки концепта, которые оправданы в контексте использования его обозначения.

Следует отметить, что решающее значение при выборе области-источника имеет характер распространения стихии. Так, например, вирус концептуализируется как *огонь* (и его проявления – *вспышки, очаги*), если речь идет о внезапном, неожиданном, непредсказуемом проявлении: *Эксперт считает, что в ближайшем будущем человечество получит вспышку этого штамма*. [lenta.ru]; *Пандемия: новые очаги заражения по всему миру* [там же]. Стихия воды как область-источник может быть основой нескольких метафорических моделей, поскольку актуализирует массивный характер распространения вируса с выраженными подъемами и спадами. Волны не знают преград, набирают силу на больших пространствах-водоемах, накрывают собой то, что лежит на пути. Кроме того, в данной метафоре актуализируется нелинейный, синусообразный характер течения явления с выраженными подъемами и спадами: *Волна заболеваемости... идет на спад* [tass.ru]. Распространение вируса может уподобляться сверхмощной разрушительной океанической волне: *Штаммы коронавируса «дельта» и «омикрон» могут вызвать цунами новых заражений* [kommersant.ru].

Следует отметить также, что помимо того, что областью-источником служит *вода*, имеет место визуальная схожесть *волны* и графического изображения динамики распространения вируса на диаграмме: *Иммунолог рассказал о новом всплеске заболеваемости коронавирусом в России* [lenta.ru]; *...через месяц после пика волны “омикрона” уже завершится ее спад* [news.mail.ru]. Концептуализация пандемии как стихии воды проявляется также и в том, что вирусу приписывают такое свойство воды, как текучесть: *Почему в мире снова заговорили об утечке коронавируса из лаборатории?* [lenta.ru].

Графическое изображение кривой динамики распространения заболевания на диаграмме служит основанием для других метафорических употреблений через, например, географическую метафору/ориентационную - *Коронавирусная равнина. Выйти на плато*. В концептуализации статистической информации данной области задействована модель ПЛАТО – ПИК ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ. Мы часто слышим о выходе на плато по заболеваемости: *Коронавирусная «равнина». Что значит «выйти на плато»...* [360tv.ru]. Хорошо прослеживаются те конкретные элементы структуры сферы-источника, которые нашли отражение в географической метафоре сферы-мишени: возвышение, ровная поверхность, ориентирующие нас в статистическом пространстве заболеваемости.

ВИРУС ЕСТЬ ЖИВОЕ СУЩЕСТВО. Вирус зачастую концептуализируется как живое существо, обладающее разумом, способное действовать по определенному плану: *Он сейчас победжит впереди всех остальных штаммов... . То есть, получилась как бы природная вакцина* [lenta.ru]. Данное «существо» способно перемещаться в пространстве: *Мутировавший коронавирус быстрее распространяется по воздуху* [iz.ru]. При этом «существо» довольно агрессивное: *Пока неизвестно, может ли «Омикрон» вытеснить штамм «Дельта»* [iz.ru]; *Звериный оскал коронавируса: страны ищут способы усмирить кровожадное чудовище* [vesti.ru].

ВИРУС ЕСТЬ БАГ (информационная метафора). Не менее интересными представляются и случаи обратного метафорического переноса, то есть когда областью-источником выступает информационная сфера. Так, например, заголовок статьи в <https://russiancouncil.ru> гласит: *Коронавирус: новый баг или фича мировой политики?* [Российский совет по международным делам. Новости]. Метафорическая модель: ВИРУС – БАГ, как случайная ошибка в компьютерной программе, или фича (от англ. слова feature – особенность, необычное свойство), на основании функций объектов в источниковой области проецирует их свойства в область-мишень. Эпидемия коронавируса может восприниматься как глобальная случайность, ошибка, утечка научных испытаний, которую необходимо немедленно «отфиксить».

Семантический и фреймовый анализ концептуализируемого знания позволил показать сложный характер вербализуемых явлений. Комплексное описание разных метафорических моделей актуализирует разные свойства пандемии в отдельно взятый период времени. Как показало исследование, может происходить перенесение концептуального содержания одного фрейма в другой, что отражает динамичность концептуальной системы и требует операции инференции для выведения дополнительного знания для понимания ситуации. Представленные метафорические модели войны, разбушевавшейся стихии, опасного живого существа имплицитно указывают на опасность, которую несет в себе вирус/пандемия и отражают ту часть коллективного бессознательного, которая связана с апокалиптической картиной мира.

Литература

- Вести.ру*: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vesti.ru>. (Дата обращения 20.12.2021).
ИА ТАСС: [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru>. (Дата обращения 19.07.2021).
ИД «Коммерсантъ»: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru>. (Дата обращения 27.01.2021).
Известия: [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru>. (Дата обращения 21.01.2021).
Интерфакс: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru>. (Дата обращения 05.04.2020).
Лента.ру: [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru>. (Дата обращения 01.12.2021).
Новости Mail.ru: [Электронный ресурс]. URL: <https://news.mail.ru>. (Дата обращения 01.01.2022).
РИА «Стрела»: [Электронный ресурс]. URL: <https://riastrela.ru/> (Дата обращения 30.11.2021).
Российская газета: [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru>. (Дата обращения 12.10.2021).
Российский совет по международным делам. Новости: [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru>. (Дата обращения 15.03.2020).

Сетевое издание «360tv.ru»: [Электронный ресурс]. URL: <https://360tv.ru>. (Дата обращения 01.05.2020).

Ямал Медиа: [Электронный ресурс]. URL: <https://yamal-media.ru>. (Дата обращения 02.11.21).

REGNUM: [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru>. (Дата обращения 26.07.2021).

*I.G. Guseva, E.P. Pliva (Kaliningrad, Russia)
Kaliningrad State Technical University*

COGNITIVE-DISCURSIVE ASPECT OF CORONAVIRUS METAPHORIZATION IN THE RUSSIAN MASS MEDIA

The article considers the metaphorical modeling of coronavirus in the Russian media discourse on the example of electronic publications. The most typical models, their linguistic representation are analyzed in the paper. The aim of the paper is to study the conceptualization of the situation in the pandemic period and the mechanisms of its representation.

Keywords: conceptualization, metaphor, metaphorization, metaphorical models, media discourse, the concept of “coronavirus”.

*Ш.В. Дамбаа (Кызыл, Россия)
Тувинский государственный университет
shenne2242@mail.ru*

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ОХОТА В ТВОРЧЕСТВЕ К.-Э.К. КУДАЖЫ

Статья посвящена анализу концепта ОХОТА в художественных произведениях тувинского писателя К.-Э. К. Кудажы. Данный концепт выражается при помощи лексических средств, фразеологических единиц, использование которых определяет стиль писателя. Показано, что концепт ОХОТА отражает жизнь и традиционную культуру тувинского народа.

Ключевые слова: концепт ОХОТА, тувинский язык, язык К.-Э.К. Кудажы, фразеологические единицы.

Охота – одно из основных занятий тувинцев, которое до настоящего времени остается в ряду значимых видов деятельности народа. Как любая специальная отрасль, охотничье дело имеет свои индивидуальные черты, которые выражаются в различных способах репрезентации концепта ОХОТА.

Концепт ОХОТА становился предметом изучения многих ученых: Н.А. Хохлова исследовала анализируемый концепт на материале произведений русских писателей [Хохлова 2016]; Н.Ю. Ушницкая рассматривала данный концепт в языковой картине мира эвенков [Ушницкая 2021]; А.С. Захарова, Ю.А. Штарк верифицировали концепты ОХОТА и РЫБАЛКА как базовые концепты английской культуры [Захарова, Штарк 2021]; Н.А. Селунская описала репрезентанты концепта ОХОТА в канадской народной сказке [Селунская 2021].

О.В. Ломакина отмечает, что «описание концептосферы того или иного писателя подразумевает последовательное рассмотрение отдельных концептов

в контексте всего творческого наследия писателя, т. е. с учетом не только художественных, но и дневниковых, эпистолярных, мемуарных, публицистических текстов, дополняющих индивидуальную картину мира» [Ломакина 2019], поэтому перспективным является поэтапное рассмотрение концептов для составления концептосферы конкретного писателя.

Рассмотрение творчества одного из основателей тувинской литературы, Народного писателя Тувы Кызыл-Эник Кыргысовича Кудажи с позиций когнитивистики не было предметом специальных исследований в области тувинской филологии, что дает основание говорить об актуальности последовательного описания концептов, вербализованных в творчестве К.-Э. Кудажи. В качестве материала исследования выступает сборник рассказов К.-Э. Кудажи «Танды кежи» («Таежные дары»), где писатель знакомит читателей с разными приключениями охотника, что позволит представить концепт ОХОТА в творчестве данного тувинского автора.

В рассказе «Чеди бөрү» («Семь волков») автор излагает, что его отец был опытным охотником на волка, брал сына на охоту; так К.-Э. Кудажи с детства приобрел навыки охоты, его тексты служат для нас материалом, полученным от лица самого охотника.

Концепт ОХОТА в рассказах писателя вербализуется при помощи различных фразеологических единиц. В «Тувинско-русском фразеологическом словаре» Я.Ш. Хертека приводится фразеологизм *адыг аалдаар* букв. ‘гостить у медведя’ [Хертек 1975: 20], обозначающий охоту на медведя. Тувинские охотники не употребляют в речи слово *өлүрөр* ‘убивать’, *аңнаар* ‘охотиться’ из-за того, что дикие животные могут услышать охотника, в результате слово стало табуированным. Данное утверждение подтверждается примерами из произведения: *Оларның адыг өлүрөр дээнде, «аңнап чоруптум» деп улуг аас этпес дээр ада-өгбезиниң аажы-чаңчылын кым билген боор – Кто бы мог знать традицию их предков, которая гласит – нельзя говорить «пошел охотиться, когда уходишь в охоту на медведя* (Кудажи К.-Э. Шымбай ирей). Вместо этого используется фразеологизм: *Тождулар болза адыг аалдаарда эң эки боону сыгыроктуг дижир деп чугааны каш-даа кижиден дыңнаан мен – Я от нескольких людей слышал, что тоджинцы малокалиберную винтовку считают лучшим ружьем, когда ходят в гости к медведю, который спит в берлоге* (Кудажи К.-Э. Ужуражылга); *Адыг аалдап өөрөнгөн тождулар эвес, ындыг боолар-биле канчап адыгже баар боор – Зачем ходить к медведю с такими ружьями – мы не тоджинцы, которые умело идут в гости к медведю, спрятому в берлоге* (Кудажи К.-Э. Мажаалайның дугаарлары).

Одним из важных элементов охоты является ружье и пуля. Использование данного снаряжения, выстрел из ружья К.-Э. Кудажи изображает с помощью авторских или трансформированных фразеологизмов, которые подвергаются субституции: вместо глагола *боолаар* ‘стрелять’ [ТРС 1968: 112] употребляются компоненты *дегзир* (букв. ‘касаться чего-либо’): *Диң чоокшулап бадын, кээрге-даа, дегзип чадап кагдым – Когда белка спустилась и стала ближе,*

я не мог попасть в цель (Кудажы К.-Э. Динц); **дааи үндүрер** (букв. ‘издавать шум’): *Ам хей черге боо этсип, дааи үндүрген херек чок – Сейчас из-за пуляков незачем стрелять из ружья, издавать шум* (Кудажы К.-Э. Эликтер); **чаза тудар** (букв. ‘открывать (ружье)’): *Мен боомну анаа-ла углаан хевээр чаза тудупкан мен – Я просто открыл огонь туда, куда ружье направилось* (Кудажы К.-Э. Эьдин кайыладып алып бис); **боо эдер** (‘издавать звук (о ружье’) [ТРС 1968: 606]: *Бистиң аравыста бир-ле кижиниң боо эдискени ылап чуве – Правда в том, что кто-то из нас издал звук ружьем* (Кудажы К.-Э. Хөглүг аңчы); **ок кижини каяа-даа чедиң болур** (букв. ‘пуля где угодно может добраться до человека’): *Маңнаар, маңнааска-даа дөмей херек-тир, ок кижини каяа-даа чедиң болур – Беги, не беги, пуля где угодно может добраться до человека* (Кудажы К.-Э. Чаңчылдар, чаңчылдар...).

Как известно, для охотника имеет значение и время. Для обозначения наступления темноты используется фразеологизм **хараал үстүр** ‘темнеть, наступать (о сумерках)’, букв. ‘мушка прервется’ [Хертек 1975: 169]. Исследователь творчества К.-Э. Кудажы Ш.Ю. Кужугет обозначила, что природное время в прозе К.-Э. Кудажы занимает особое место, оно отражает национальное сознание и мировоззрение тувинцев [Кужугет 2014]. Приведем пример из рассказа «Хөглүг аңчы» («Веселый охотник»): *Боолай бербейн, хараал үстүр деп барганда – Не дай бог начнут стрелять из ружья, когда уже стало темно* (Кудажы К.-Э. Хөглүг аңчы). Также встречаются фразеологизмы с компонентом **хараал** ‘мушка’: изменение направления мушки выражается **хараал салыр** ‘прицеливаться’ букв. ‘ставить мушку’, **хараал итпес** ‘не изменять прицел’ букв. ‘не толкать мушку’, **хараал кириер** ‘прицеливаться’ букв. ‘наводит мушку’: *Олап келзе, хараалды ынчага салыр, дорт келзе, хараал итпес – Если придут оттуда, то мушку нужно там держать, если прямо придут, то не надо изменять направление мушки* (Кудажы К.-Э. Сегиржип алыышкын); *Келген улус моторун өжүрүпкен, хеме шапкын сугга чайганырга, боолуг кижини хараал кириип чадап тур – Пришедшие люди отключили мотор, из-за того, что лодка качалась в бурной реке, человек с ружьем не мог наводить мушку* (Кудажы К.-Э. Фронтучунуң кичээли).

При помощи фразеологической единицы **боо соонга олуруп чорбаан** (букв. ‘ни разу не сидел позади ружья’) автор характеризует человека, который ни разу не стрелял из ружья: *Боо соонга олуруп чорбаан оом-на кончуг-дур, оон баика Чурекпен-биле кандыг-даа ужуралдарга таварыштым ыйнаан! – Страшно то, что я ни разу не сидел позади ружья, а то с Чурекпеном (собакой) могли бы попасть в разные приключения* (Кудажы К.-Э. Хирээн).

Согласимся с мнением О.В. Ломакиной, что «анализ художественного текста должен учитывать гетерогенность его структуры, т. е. рассмотрение авторской речи, речи персонажей (как диалогической, так и внутренней), несобственно-прямой речи» [Ломакина 2018: 154]. Действительно, при воссоздании концептосферы писателя в целом и анализе репрезентантов концепта в частности следует учитывать гетерогенность текста художественной литературы.

В тувинской литературе творчество К.-Э.К. Кудажы занимает особое место, язык писателя отличается от других богатством национально маркированных компонентов, которые отражают своеобразие культуры народа, природы родной земли. Тема охоты в произведениях тувинских писателей затрагивается часто, представляя традиционный уклад жизни народа. В цикле рассказов «Танды кежи» («Таежные дары») концепт ОХОТА репрезентируют следующие фразеологические единицы: *адыг аалдаар* ('гостить у медведя'), *хараал устур* ('темнеть, наступать (о сумерках)'), а также фразеологизмы *дааши ундүрер* ('издавать шум'), *чаза тудар* ('открывать (ружье)'), *боо эдер* ('издавать звук (о ружье)'), *ок кижини каяа-даа чедип болур* ('пуля где угодно может добраться до человека'), *хараал салыр* ('прицеливаться'), *хараал итпес* ('не изменять прицел'), *хараал кишер* ('прицеливаться'), *боо соонга олуруп чорбаан* (букв. 'ни разу не сидел позади ружья').

Таким образом, анализ фразеологических репрезентантов концепта ОХОТА, проведенный нами на материале сборника «Танды кежи» («Таежные дары») К.-Э. Кудажы, позволяет показать значение охоты в жизни тувинского человека через художественное слово и охарактеризовать фразеологические репрезентанты концепта ОХОТА как элементы концептосферы писателя.

Литература

- Захарова А.С., Штарк Ю.А. Охота и рыбалка как базовые концепты английской культуры (на материале английского языка) // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 11. С. 240–244.
- Кужугет Ш.Ю. Лексико-семантическое поле 'природное время' в прозе К.-Э.К. Кудажы: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014.
- Ломакина О.В. Фразеологические средства вербализации концепта *смерть* в творчестве Л.Н. Толстого // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 780–785.
- Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. М.: РУДН, 2018.
- Селунская Л.Ю. Концепт «охота» в канадской народной сказке // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: материалы III Всероссийской научной конференции. Омск. 2021. С. 201–203.
- Ушницкая Н.Ю. Концепт «Бьюмэжит / охота» в языковой картине мира эвенков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. № 3. С. 183–190.
- Хертек Я.Ш. Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл: Тувинское книжное издательство, 1975.
- Хохлова Н.А. Концепт охоты в русской литературе второй половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2016.
- ТРС – Тувинско-русский словарь. Около 22.000 слов / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Сов. энциклопедия, 1968.

Sh.V. Dambaa (Kyzyl, Russia)
Tuvan State University

PHRASEOLOGICAL MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT HUNTING IN THE WORKS OF K.-E.K. KUDAZHY

This article is devoted to the analysis of the concept HUNTING in the artistic works of the Tuvan writer K.-E. K. Kudazhy. With the help of lexical means, phraseological units, this concept is expressed, the special style of the writer is determined. The concept HUNTING reflects the life of the Tuvan people, their traditional culture.

Key words: the concept HUNTING, the Tuvan language, the language of K.-E.K. Kudazhy, phraseological combinations.

О.А. Димитриева (Чебоксары, Россия)

Чувашский государственный педагогический университет имени И.Я. Яковлева
olgaal_79@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ ВИНОПИТИЯ В ТРИЛОГИИ Д.С. МЕРЕЖКОВСКОГО «ХРИСТОС И АНТИХРИСТ»

В статье уделяется внимание концептуализации ситуации винопития в романе Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист». Рассматриваются такие функции вина, как сакральная (оппозиция языческое – христианское), социальная (через маркирование частнооценочных свойств вина), эстетическая (переход от прекрасного к безобразному).

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, историсофский роман, концептуализация, бытовая деталь, винопитие, индивидуально-авторская интерпретация, ментальность.

Вводные замечания. Репрезентация окружающего мира, по Н.Н. Болдыреву, осуществляется на двух уровнях: концептуальном и языковом [Болдырев 2018: 103]. В рамках художественного текста слово «обрастает» дополнительными, аксиологическими смыслами. «Дискурсивная интерпретация мира», как отмечает Е.Г. Беляевская, эксплицирует индивидуально-авторское мировидение, систему взглядов автора, его оценку [Беляевская 2016]. Значимыми в мире художественного произведения являются не только система персонажей и сюжетная линия, но и фоновые составляющие описания событий, детали быта. Ю.М. Лотман пишет о культуроносной ценности бытовых описаний (подробнее см. [Лотман 1999]). Бытовые зарисовки в историсофском романе Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист» играют определенную роль: с одной стороны, воссоздают исторический фон и время события, с другой – несут семантическую нагрузку в структуре повествования, маркируют тот или иной аспект в оценочно-культурном поле текста, несут символическую нагрузку. Предметом рассмотрения в данной статье являются функции вина в трилогии Д.С. Мережковского «Христос и Антихрист», их символическая роль.

Винопитие как социальный маркер. Ранее мы уже отмечали социальную нагрузку объектов питания в произведениях Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского [Димитриева 2020; Димитриева 2019]: сорт вина, как правило, соответствует социальному статусу субъекта винопития, занимаемому им положению в обществе. Например, Ф.М. Достоевский пишет в «Скверном анекдоте» о генерале Пралинском, что *«Он никогда прежде не пил водки»*, в отличие от гостей чиновника Пселдонимова, которым в основном подавалась водка (*...еще с начала вечера, поставлена была на маленьком столике, накрытом ярославскою скатертью, водка двух сортов...*).

Несколько отличается способ репрезентации социального положения в романе Д.С. Мережковского. В первых двух частях романа вкусовая оценка является маркером качества вина, и как следствие, статуса субъекта винопития:

В лицо ему [Юлиану] веяло, сквозь аромат курений, дыхание черни, пропитанное запахом вяленой рыбы и кислого вина (Мережковский Д.С. Смерть Богов. Юлиан Отступник); *Целыми часами за полбрентой дешевого кислого вина беседуем под ругань лодочников, играющих в засаленные карты, и совещаемся, как предатели* (Мережковский Д.С. Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи). В третьей части качественная (вкусовая) характеристика вина нивелируется, на первый план выступает количественный аспект.

Сакральная функция вина представлена в романе в двух проявлениях: как составляющая языческих ритуалов (вакхических шествий, жертвоприношений, гаданий) и как часть христианских обрядов и символов (традиционный христианский символ крови). Рассмотрим следующие примеры:

(1) *Юлиан устроил в Константинополе вакхическое шествие. Он сидел на колеснице, запряженной белыми конями; в одной руке его был золотой тирс, увенчанный кедровой шишкой, символом плодородия, в другой – чаша, обвиняющая плещом; солнечные лучи, падая на хрустальное дно, отражались ослепительно, и казалось, что чаша до краев полна, как вином, солнечным светом* (Мережковский Д.С. Смерть Богов. Юлиан Отступник);

(2) *Она [Кассандра] достала маленький круглый, запечатанный воском глиняный сосуд, из тех, какие употребляются на Дальнем Востоке, налила густого, как масло, вина, странно пахучего, золотисто-розового, в древний кубок из хризолита, с резьбою по краям, изображавшей бога Диониса и вакханок, и, подойдя к окну, подняла чашу, как будто для жертвенного возлияния. В луче бледного солнца на прозрачных стенках оживились розовым вином, словно теплюю кровью, голые тела вакханок, славивших пляской бога, венчанного гроздьями <...> Это вино непорочно и свято: оно из лоз, растущих на холмах Назарета. Это – чистейшая кровь Диониса-Галилеянина* (Мережковский Д.С. Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи);

(3) *Перед ним [новоизбранным папой] несли две фляги с «вином пьянственнейшим», одну – позолоченную, другую – посеребренную, и два блюда, одно – с огурцами, другое – с капустою, а также непристойные иконы голого Бахуса. Князь-папа, трижды кланяясь князю-кесарю и кардиналам, поднес его величеству дары – фляги и блюда* (Мережковский Д.С. Антихрист. Петр и Алексей).

В первых двух частях романа (примеры 1, 2) вино включается в символический ряд, манифестирующий эстетику питания, приносящего веселье. Спектр желтого цвета (*солнечные лучи, солнечный свет; золотисто-розовый, в луче бледного солнца, кубок из хризолита*), прозрачность (*хрустальное дно; прозрачные стенки*), яркость (*ослепительно*), изменение внешнего вида сосуда под влиянием вина или солнца (*казалось; оживились голые тела вакханок*), ольфакторные характеристики (*странно пахучее*), телесность (*густое, как масло*) подчеркивают красоту вина и его обрамления. И если в первой части трилогии «Юлиан Отступник» эстетика вина связывается в основном с языческим образом Митры-Диониса, а гастрономия в речи одного из персонажей приравнивается поэзии («возникает» муза Гастрономии), то во второй части «Леонардо да

Винчи» две ипостаси (язычество и христианство) сливаются воедино: вино становится символом крови – *чистейшая кровь Диониса-Галилеянина*, добавляются христианские маркеры – непорочность и святость. В третьей же части «Петр и Алексей» эстетика прекрасного сменяется эстетикой безобразного, гармония – уродливым маскарадом: кубок и чашу заменяет фляга (см. пример 3), красивый бог Дионис становится *непристойно голым Бахусом*, вино превращается в *вино пьянственнейшее*, т. е. водку, закуской становятся огурцы и капуста, практически исчезают цветочные (за исключением позолоченной и посеребренной фляг), ольфакторные и другого плана субъективные оценки – все эти детали так или иначе воссоздают образ Петра-Антихриста, насаждающего новый распорядок и разрушающего христианские обычаи и веру.

Эстетическая функция винопития. Как видно из описанных выше примеров, сакральная функция вина зачастую пересекается с эстетической. Помимо описаний свойств вина, тщательной проработки деталей его окружения, перцептивных характеристик (цветовых, ольфакторных, тактильных и других частнооценочных свойств) интересны своего рода прецедентные (возможно, для конкретного исторического периода) тексты, сопровождающие процесс винопития. Приведем несколько примеров:

(1) *Тогда Скудило, получивший образование на медные гроши (он был способен смешать Гекубу с Гекатой), произнес с гордостью единственный стих Марциала, который помнил: **Candida nigrescant vetulo crystallata Falerno** [Светятся льдинки в бокалах с фалернским (лат.)] (Мережковский Д.С. Смерть богов. Юлиан Отступник);*

(2) *<...> хриплым голосом затянул застольный гимн школяров: <...> В сердце буйный хмель шумит, **Dum vinum potamus** [Упиваясь вином (лат.)]. Братья, Вакху пропойем: **Te Deum laudamus** [Тебя, Бога, хвалим! (лат.)] (Мережковский Д.С. Воскресшие боги, или Леонардо да Винчи);*

(3) *В начале попойки приставала она [царица] к ее высочеству, убеждая пить довольно странными пословицами, которых на этот счет у русских множество: «**Чарка на чарку – не палка на палку. Без поливки и капуста сохнет. И курица пьет**» (Мережковский Д.С. Антихрист. Петр и Алексей).*

Высокий стиль, представленный в латинских строчках (в примерах 1, 2), сменяется народными изречениями, пословицами, что создает определенный фон, подчеркивает особенности отношения к винопитию.

Вывод. Итак, функции вина, такие как сакральная, пересекающаяся с ней эстетическая и социальная реализуются посредством перцептивных (частнооценочных) характеристик, описывающих свойства вина, его качество, сосуд, материал, из которого он сделан, могут указываться детали, маркирующие возраст вина и его обрамления.

Репрезентация ситуации винопития, с одной стороны, акцентирует внимание на бытовой зарисовке, исторической детали, с другой стороны, связывает разновременные части трилогии и в тоже время противопоставляет события, выражая авторское мировидение ситуации в целом.

Литература

Абрамова Е.И. Своеобразие костюма Петра I в романе Д.С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 2-2. С. 190–193.

Беляевская Е.Г. Дискурсивная интерпретация знаний о мире в языке // Вестник МГЛУ. 2016. № 19 (758). С. 18–27.

Болдырев Н. Н. Доминантные принципы формирования значения и смысла // Фортунаговские чтения в Карелии: сборник докладов международной научной конференции в 2 ч. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2018. Ч. 1. С. 103–105.

Димитриева О.А. Что и как пьют герои Н.С. Лескова и Ф.М. Достоевского // Русский язык: исторические судьбы и современность: VI Международный конгресс исследователей русского языка. М.: ИД «МГУ им. М.В. Ломоносова», 2019. С. 234–235.

Димитриева О.А. Особенности концептуализации ситуации винопития в произведениях Н.С. Лескова // Научный диалог. 2020. № 2. С. 70–84.

Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). 2-е изд., доп. СПб.: Искусство-СПБ, 1999.

*O.A. Dimitrieva (Cheboksary, Russia)
Chuvash I. Yakovlev State Pedagogical University*

FEATURES OF CONCEPTUALIZATION OF THE SITUATION OF WINE DRINKING IN D.S. MEREZHKOVSKY'S TRILOGY "CHRIST AND THE ANTICHRIST"

The article focuses on the conceptualization of the situation of wine drinking in D.S. Merezhkovsky's novel "Christ and the Antichrist". Such functions of wine as sacral (pagan – Christian opposition), social (through labeling of private-valued properties of wine), aesthetic (transition from the beautiful to the ugly) are considered.

Key words: D.S. Merezhkovsky, historiosophical novel, conceptualization, household detail, wine drinking, individual author's interpretation, mentality.

*T.B. Дроздова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный технический университет
drozdova_astu@mail.ru*

ОЦЕНОЧНЫЕ СМЫСЛЫ КАК РЕФЛЕКСИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОГНИЦИИ И ИХ ВЕРБАЛИЗАЦИЯ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ОБЛАСТЕЙ

В статье утверждается, что формирование оценочных смыслов в профессиональном дискурсе социально-ориентированных областей коррелирует с результатами социальной когнициии. В подтверждение приводятся вербальные средства их объективации в области информационных технологий.

Ключевые слова: профессиональный дискурс, социальная когнициия, оценочные смыслы, вербализация.

В социально-ориентированных научно-практических областях нередко анализируются и систематизируются результаты внедрения собственных достижений в разные сферы жизнедеятельности социума. Осмысление в рамках определенной профессиональной картины мира того, «что связано с совместной жизнью людей, с различными формами их общения» [ФЭС 2002: 430], предполагает, что результаты научно-практического познания коррелируют в данном случае с результатами социальной когниции, процессы которой направлены на формирование, кодирование и хранение знания о людях как представителях социума, их деятельности, поведении, социальных ситуациях участия и др. При этом учитывается характер и такое содержание социальных отношений, «когда поведение даже одного индивида оказывается под влиянием другого индивида или группы индивидов» независимо от их физического присутствия [СС 2008: 431].

Результаты процессов концептуализации и категоризации, которые осуществляются в профессиональном дискурсе и обеспечиваются особым репертуаром вербальных средств репрезентации экспертного знания, таким образом, ингерентно содержат элементы социальной категоризации, т. е. суждения об объекте категоризации, способствующие его пониманию и запоминанию. К таким элементам, очевидно, относится и социальная оценка, подразумевающая в социологии практическую оценку социальных фактов, рассматриваемых «с этической, культурной или какой-либо иной точки зрения как желаемые или нежелательные» [Вебер 1990: 557]. Отметим, что М. Вебер указывал на независимость существования эмпирических фактов от ценностных предпочтений познающего субъекта, который должен сохранять объективность суждений [Там же: 557-559 и сл.].

Не затрагивая вопрос о субъективном или объективном характере оценки социальных явлений, мы предлагаем рассматривать такую оценку в научно-практическом знании, в первую очередь, с точки зрения ее релевантности как для профессионального сообщества, так и для социума в целом, если по своему содержанию она отвечает общим запросам реализации жизнедеятельности, и говорить о формируемых и репрезентируемых в профессиональном дискурсе оценочных смыслах как включенных в содержание соответствующих концептов, объединяемых в специальные категории, а также объективированных в дескрипциях, анализируемых экспертами социальных ситуаций и иных социальных феноменов. Такой подход, по нашему мнению, позволяет считать социальную оценку в рамках специальной картины мира объективной.

Отметим, что субъект профессионального дискурса, выступая наблюдателем и аналитиком социальных явлений, одновременно оказывается и представителем подлежащего изучению социума, участником анализируемых типичных социальных отношений и/или ситуаций, т. е. и генератором, и пользователем результатов своей профессиональной деятельности, и исследователем, предоставляющим себе эмпирические данные о социуме для их теоретического обобщения, абстракции. Сформированная на ментальном уровне субъектов

научно-практического познания концептосфера определенной области профессиональной деятельности может рассматриваться как идентичная у представителей разных лингвокультурных социумов благодаря институциональному характеру деятельности и наднациональности экспертного знания. Мы полагаем, что и в аспекте репрезентации элементов социальной оценки (оценочных смыслов) в содержании отдельных концептов и сформированных категорий профессиональной концептосферы также может наблюдаться значительная степень идентичности. При этом специальные категории могут быть соотнесены с оценочными категориями разных уровней (прежде всего – суперординатным), сформировавшимися в коллективном сознании определенного лингвокультурного социума как результат социальной когниции.

Рассмотрим в целях подтверждения сказанного выше вербальные средства репрезентации оценочных смыслов в англоязычном и русскоязычном профессиональном дискурсе области информационных технологий, в частности такого направления как информационная безопасность. При этом вербальные средства предлагается охарактеризовать с учетом разделения оценочных категорий, рассматриваемых как формат языкового знания (модусные категории), на собственно оценочные категории и категории оценочных слов [Болдырев 2008]. Собственно оценочные категории репрезентируют оценочное знание о неязыковых объектах внешнего мира, а категории оценочных слов – «знание о единицах языка, выполняющих определенную оценочную функцию» [Там же: 28]. В данной статье рассматриваются, в первую очередь, собственно оценочные категории.

Прежде всего отметим, что широкое внедрение достижений IT-области во все социальные сферы оказалось не только благом, но и породило ряд негативных явлений, одним из которых стала возможность несанкционированного доступа к личной и корпоративной конфиденциальной информации, ее хищение или изменение. Концептуальный анализ специализированных текстов, раскрывающих проблему обеспечения информационной безопасности, позволил определить основные когнитивные форматы репрезентации специального знания, из которых мы выбрали как явно включающие негативные оценочные смыслы концепт/понятие и одноименную категорию, обозначенную нами условно на высоком уровне абстракции как ПОХИТИТЕЛЬ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ. Родовым именем концепта/понятия и соответствующей категории является терминологическая номинация *social engineer* – *социальный инженер*. Укажем, что данное понятие заимствовано в сферу информационной безопасности из области социологии, в которой социальный инженер рассматривается как специалист, занимающийся изменением и регулированием социальных институтов, «принимая участие в решении социально-управленческих задач» [Резник 1994: 91].

Конституирующие признаки этого понятия «изменение и регулирование», как следует из анализа содержания текстов, в сфере информационной безопасности были профилированы и получили смысловое развитие, а содержание

понятия подверглось интерпретации и вторичной концептуализации, вследствие чего концептообразующий признак стал передавать смысл «изменение и/или регулирование поведения обладателя конфиденциальной информации посредством психологического воздействия на него (с использованием информационных технологий)». Этот признак служит критерием и для объединения концептуализируемых социальных феноменов в специальную категорию, и для формирования их отрицательной оценки в профессиональном дискурсе:

(1) [социальные инженеры] *используют особенности человеческой природы – любопытство, уважение к властям, желание помочь другу* (Касперски К. Секретное оружие социальной инженерии)

(2) *(act of) manipulating human beings, most often with the use of psychological persuasion, to gain access to systems, containing data, documents, and information that the social engineer should not have access to obtain* (Washo A. An interdisciplinary view of social engineering: A call to action for research)

Реконструированный фрейм, репрезентирующий содержание концепта СОЦИАЛЬНЫЙ ИНЖЕНЕР, включает слоты СПОСОБ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА ОБЛАДАТЕЛЯ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ и СРЕДСТВО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ОБЛАДАТЕЛЕМ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ. Вербальные средства, объективирующие содержание первого слота, включают языковые единицы и сочетания с отрицательной семантикой: *использовать особенности человеческой природы, приманивать, вводить в заблуждение, обман, искушение, manipulating human beings, manipulation tactics, luring, fraud* и др. Заметим, что такие лексические единицы могут быть объединены в соответствующие категории слов с отрицательной оценочной семантикой. Содержание второго слота также репрезентируется рядом единиц, передающих негативную оценку: *кибератака, несанкционированный доступ, сфабрикованные данные, приманка, вредоносное программное обеспечение, компьютерный вирус, cyberattack, unauthorized access, fake e-mail, fake identity, illegal document, malicious software, computer virus* и др.

Отрицательные оценочные смыслы, содержащиеся в семантике приведенных выше вербальных средств, позволяют подвести концепт/понятие СОЦИАЛЬНЫЙ ИНЖЕНЕР под оценочную категорию социально-психологического характера, соотносящуюся с социальным стереотипом «плохой человек» или «человек, имеющий плохие намерения». В профессиональном дискурсе члены этой категории представлены широким спектром единиц, отдельные из которых могут рассматриваться как термины других гуманитарных областей: *злумышленник, мошенник, подставное лицо, hacker, criminal, impersonated employee*, и др. На основе критерия «злонамеренность» способы взаимодействия мошенника и жертвы можно соотнести с социальной категорией «злонамеренное/злумышленное действие», с которой в профессиональном дискурсе будут соотноситься, например, все виды кибератак: *претекстинг, фарминг, phishing, baiting* и др.

Таким образом, на основании анализа вербальных средств репрезентации оценочных смыслов в профессиональном дискурсе сферы информационных

технологий можно сделать вывод, что оценка здесь является одновременно и результатом научно-практического познания, и рефлексией социальной когниции, а вербальные средства с оценочной семантикой способствуют формированию концептосферы данной области и репрезентации экспертного знания, которое определенным образом коррелирует с социальным знанием.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Оценочные категории как формат знания // Когнитивные исследования языка. 2008. Вып. III. С. 25–37.
- Вебер М.* Смысл «свободы от оценки» в социологической и экономической науке / Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 547–600.
- Касперски К.* Секретное оружие социальной инженерии. URL: http://citforum.ru/security/articles/soc_eng/
- Резник Ю.М.* Социальная инженерия: предметная область и границы применения // Социологические исследования. 1994. № 2. С. 87–96.
- Washo A. H.* An interdisciplinary view of social engineering: A call to action for research // Computers in Human Behavior Reports. 2021. Vol. 4. P. 1–8.
- СС – Социологический словарь. М.: Норма, 2008.
- ФЭС – Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 2002.

T.V. Drozdova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University

EVALUATIVE MEANINGS VIEWED AS A REFLECTION OF SOCIAL COGNITION, AND THEIR VERBALIZATION IN THE PROFESSIONAL DISCOURSE OF SOCIALLY-ORIENTED SPHERES

It is argued in the paper that evaluative meanings formation in the discourse of socially-oriented professional spheres correlates with the results of social cognition. Verbal means of their representation in the information technologies discourse are used to support the argument.

Key words: professional discourse, social cognition, evaluative meanings, verbalization.

К.Б. Егорова, Т. Е. Петрова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
k.b.egorova@spbu.ru, t.e.petrova@spbu.edu

КОГНИТИВНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОБРАБОТКИ СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РИТОРИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ¹⁴

В статье представлены результаты психолингвистического исследования, направленного на изучение особенностей восприятия и понимания риторического текста. С помощью методики набора ключевых слов показано, что в содержательной структуре торжественного поздравления

¹⁴ Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ № ID92566385.

могут быть выделены разные тематические блоки, которые актуализируются в сознании носителей русского языка в разной степени в зависимости от формата предъявления текста (аудирование или чтение).

Ключевые слова: риторический текст, восприятие торжественной речи, методика набора ключевых слов, русский язык.

Механизмы восприятия и понимания разных типов текста – один из актуальных вопросов современной когнитивной лингвистики [Черниговская и др. 2018; Petrova 2016]. Торжественные тексты, относящиеся к области красноречия и имеющие четко заданную риторической традицией ступенчатую композицию (вступление, основная часть, заключение) [Аннушкин 2019], до сих пор не являлись предметом психолингвистических исследований. Изучение особенностей построения и восприятия устной и письменной форм торжественной поздравительной речи носителями современного русского языка представляет особый интерес.

Материалом для проведения экспериментального исследования стали два текста, которые являются примером современного русского торжественного красноречия, т. е. строятся по особым риторическим моделям и ориентированы на произнесение оратором перед аудиторией. Текст 1 – «Поздравление с Днем российской науки», Текст 2 – «Поздравление с Днем российского студенчества». Оба текста – выступления Министра науки и высшего образования Российской Федерации Валерия Николаевича Фалькова – имеют официальные идентичные устную и письменную формы. Они размещены на официальных каналах Министерства.

Различие между двумя когнитивными процессами восприятия разных типов текста можно проследить с помощью методики ключевых слов, разработанной в рамках Петербургской школы психолингвистики [Сахарный и др. 1984; Мурзин, Штерн 1991]. Восприятие в настоящей работе рассматривается как многоуровневый феномен, отражающий возможности человеческого сознания к анализу вербальной информации. Под ключевым словом (далее – КС) понимается «слово или словосочетание (термин) в тексте документа или запроса, несущее в нем существенную информационную нагрузку» [ГОСТ Р 7.0.66-2010]. КС позволяют выделить семантическое ядро текста.

Цель исследования – изучение особенностей восприятия письменного и звучащего торжественных текстов, в частности сравнение и анализ пересечения множеств КС, записанных реципиентами для каждого из стимульных текстов.

Предварительный анализ содержательной структуры поздравительных текстов В.Н. Фалькова показал, что оба текста сохраняют основные черты русского красноречия, а именно трехчастную композицию: обращение (поздравление) – основная часть – обращение (заключение).

Участниками психолингвистического эксперимента выступили 60 носителей русского языка (в возрасте от 18 до 40 лет). Исследование проводилось

онлайн на платформе Google forms. Было составлено два протокола. 30 участников, получившие протокол 1, должны были прочитать Текст 1, выделить и записать 10–15 КС к этому тексту, по шкале от 1 до 5 оценить, насколько предъявленный текст показался им сложным и понятным; потом участникам было предложено прослушать Текст 2 и выполнить аналогичные послетекстовые задания к нему. 30 участников второй группы (протокол 2) должны были, напротив, прочитать Текст 2 и прослушать Текст 1, инструкция оставалась прежней. Последовательность предъявления стимулов в рамках каждого протокола (чтение – аудирование, аудирование – чтение) была случайной. Время прохождения эксперимента не ограничивалось.

Обработка данных проводилась следующим образом: КС к каждому тексту записывались в общий список, после составления сводного списка они индексировались, т. е. подсчитывалась частота их встречаемости в ответах респондентов. Слова сводились к словарной форме (поздравляю – поздравлять), объединялись однокоренные слова (преодолевать – преодоление), словосочетания делились на слова, входящие в них (год науки – год и наука), числительные и аббревиатуры считались за одно слово (МГУ – университет). В ходе анализа полученного материала было выявлено три набора КС для каждого из стимульных текстов: малый НКС, состоящий из слов, имеющих наибольшую частоту индексирования (50 % и более); средний НКС, в который вошли слова, встретившиеся в ответах у 30 % участников; большой НКС включал в себя малый НКС, средний НКС и детализирующие слова, которые выделили не менее чем 20 % респондентов. Далее наборы КС для устной и письменной форм предъявления текстов были сопоставлены между собой. Результаты этого попарного сравнения представлены в табл. 1.

Предварительный анализ результатов показал, что не все КС, вошедшие в эти наборы, изначально присутствуют в исходном стимульном тексте, что подтверждает положение о том, что вне зависимости от формы предъявления текста при построении вторичного текста-перефразы читающий/слушающий берет ключевую информацию не только из текста, но и из собственных представлений о затекстовой ситуации.

Анализ попарных сравнений полученных наборов КС показал, что малые наборы КС к устному и письменному тексту не различаются. Как видно из табл. 1, большее согласие ответов участников в подборе КС наблюдается при работе с письменным поздравлением. Большой разброс выделенных КС и процент КС, встречающихся в ответах участников всего один раз, выше для устной формы предъявления текста. Наличие таких КС свидетельствует о разнообразии в понимании и толковании текста, о наличии индивидуальных черт в рецепции семантического целого и актуализации дополнительных тем, имплицитно заложенных в тексте. При аудировании испытуемые записывали больше уникальных слов (в обоих случаях в пределах 13–14 %), тогда как число уникальных слов при чтении находится в пределах 7–9 %. Такие результаты позволяют сделать предположение о том, что устный текст дает реципиенту большую возможность отклонения от общей темы, трактуется свободнее.

Результаты анализа наборов ключевых слов

Параметры	Торжественные тексты			
	Текст 1		Текст 2	
	Аудирование	Чтение	Аудирование	Чтение
Количество выделенных КС, абс.	188	180	228	148
Количество разных КС, абс.	36	38	38	33
% слов, встречающихся один раз, от общего количества КС к тексту	13,16 %	7,2 %	13,68 %	8,8 %
Малый НКС	наука	наука	студент, книга	студенты, книга
Совпадение парных текстов по малому НКС, %	100 %		100 %	
Средний НКС	наука, исследование, Россия, поздравление, талант, интеллектуальный	наука, исследовать, знание, ученые, молодежь	студенты, книга, образование, любимый, Зубр, преодолевать, наука	студенты, книга, праздник
Совпадение парных текстов по среднему НКС, %	40 %		66 %	
Большой НКС	наука, исследование, знание, Россия, поздравление, талант, идеи, вклад, открытие, задача, интеллектуальный	наука, исследовать, знание, ученые, молодежь, изобретения, престиж, сотрудничество, люди, специалисты, день, технологии	студенты, книга, Зубр, поздравлять, трудности, потенциал, университет, образование, Россия, любимый, наука, успех, преодолевать	студенты, книга, Зубр, поздравлять, трудности, потенциал, праздник
Совпадение парных текстов по большому НКС, %	27 %		86 %	

Тип текста ставит еще одну исследовательскую задачу – оценить, влияет ли структура риторического текста на наборы КС, т. е. обусловлен ли процесс восприятия самой структурой текста. Анализ наборов КС позволил выделить семантическое ядро каждого из текстов. При чтении оно находится в основной части торжественной речи (вторая часть в соответствии со структурой риторического текста). Первая и третья части (обращение, поздравление) не входят в семантическое ядро, на них приходится меньшее количество КС. При аудировании значимость первой и последней частей возрастает, в ядро ключевых слов начинают входить слова из этих отрезков текста. Это показывает, что важность обращения к аудитории и заключения воспринимается только в звучащей речи, при чтении эти части выпадают из поля внимания респондентов.

Общие результаты анализа полученных данных подтверждают выдвинутую нами гипотезу о значимых различиях в восприятии, запоминании и осознании семантической структуры звучащего и письменного поздравительных текстов.

Литература

Аннушкин В.И. Коммуникативные качества речи в русской филологической традиции. М.: ФЛИНТА, 2019.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. Текст и его восприятие. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1991.

Сахарный Л.В., Сибирский С.А., Штерн А.С. Набор ключевых слов как текст // Психолого-педагогические и лингвистические проблемы исследования текста. Пермь, 1984. С. 81–83.

Черниговская Т.В., Петрова Т. Е., Алексеева С.В., Дубасова А.В., Прокопеня В.К., Чернова Д.А. Взгляд kota Шрёдингера: регистрация движений глаз в психолингвистических исследованиях. СПб.: СПбГУ, 2018.

Petrova T. Eye movements in reading the texts of different functional styles: Evidence from Russian // Smart Innovation, Systems and Technologies. 2016. Vol. 57. P. 285–298.

*К.В. Egorova, Т.Е. Petrova (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

COGNITIVE MECHANISMS OF PROCESSING THE SEMANTIC STRUCTURE OF RHETORICAL TEXTS

The article presents the results of a psycholinguistic study aimed at revealing the features of processing and understanding of rhetorical texts. The method of keywords was applied. The results demonstrate that different thematic blocks can be actualized by a recipient to varying degrees depending on the format of text presentation (listening or reading).

Key words: rhetorical text, perception of a rhetorical text, method of keywords, Russian language.

*К.В. Землякова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций
имени профессора М.А. Бонч-Бруевича
ksu-zemlyakova@mail.ru*

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КОНЦЕПТА *PRESIDENT* В ТВИТТЕР-КОММУНИКАЦИИ Д. БАЙДЕНА¹⁵

Статья посвящена когнитивно-дискурсивному анализу концепта *PRESIDENT* в Твиттер-аккаунте Джо Байдена через выделение его дискурсивных признаков. Выявленные признаки образуют ментальные схемы: ПРЕЗИДЕНТ – ГАРАНТ, ПРЕЗИДЕНТ – ПОБЕДИТЕЛЬ, ПРЕЗИДЕНТ – ПОЛИТИК, ПРЕЗИДЕНТ – ЖУРНАЛИСТ, ПРЕЗИДЕНТ – ЧЕЛОВЕК.

Ключевые слова: концепт, дискурсивный признак, когнитивный анализ, ментальная схема, Твиттер, президент.

¹⁵ Проект реализуется победителем Конкурса на предоставление грантов преподавателям магистратуры 2020/2021 благотворительной программы «Стипендиальная программа Владимира Потанина» Благотворительного фонда Владимира Потанина.

Концепт ПРЕЗИДЕНТ в русском языковом сознании и картине мира уже многомерно описан в трудах ученых с позиций когнитологии, дискурсологии, лингвокультурологии. В современных работах ПРЕЗИДЕНТ назван ключевым концептом политического дискурса, а также институционального, статусно-обусловленного, административного типов дискурса, дискурса власти.

«Концепты *президент* и *president* относятся к базовым социальным концептам, используемым для обозначения социального статуса и определенного вида деятельности» [Хренова 2019: 219]. Наше исследование фрагмента авторской речи президента в соцсети позволяет раскрыть смыслы, порождаемые действием двух факторов: функциями главной политической фигуры страны и особенностями дигитальной коммуникации в онлайн-среде как пространстве для осуществления его полномочий.

М.А. Ширинкина очерчивает круг тем в Твиттер-блогах политиков следующими: твиты ориентированы «на выражение своего отношения к происходящему, на сообщение подписчикам о событиях своей жизни ... или того, что особенно волнует адресанта – представителя исполнительной власти» [Ширинкина 2021: 314-315]. Можно сделать наблюдения о личности автора-политика через тематику поднимаемых им вопросов. Для проведения анализа Твиттер-аккаунта (4 марта 2022 г. Роскомнадзор заблокировал работу Твиттера на территории РФ) Джо Байдена была сделана сплошная выборка публикаций с ядерной лексемой *president*, сделанных за первый год пребывания на посту, с 20 января 2021 г. по 20 января 2022 г. В блоге насчитывается 61 текст с данным номинантом. В индивидуально-окрашенной Твиттер-коммуникации Д. Байдена преломляются как налагаемые на него установки социума (функциональные роли его должности), так и его личное определение себя и своих действий, иными словами, «часть элементов приобретают социально и / или индивидуально значимый, т. е. доминантный, характер, определяющий специфику мировидения целого социума или отдельного человека» [Болдырев 2020: 24-25]. Считаем, что содержание концепта у данного политика предопределено в том числе его субъективным видением своих полномочий, результатов своей деятельности, а также его реализацией себя в соцсети как медийного актора.

М.В. Гаврилова анализирует концепт через три когнитивных элемента в его содержании: Кто такой президент? Что он делает? Что имеет отношение к президенту? [Гаврилова 2020: 93]. Нами осуществлено описание подобных признаков концепта на англоязычном материале, а именно в соцсети президента США Д. Байдена. Поскольку концепт – это способ упорядочения знаний о мире, уже общепринятой является идея о субъективном, индивидуально-обусловленном характере концептуализации этих знаний в сознании познающего. Это еще один аргумент, обусловивший актуальность исследования авторского медиадискурса: «своим составом, структурой и содержанием концепты и категории передают видение мира определенным социумом или отдельным человеком» [Болдырев 2019: 47]. Концептуальный анализ, представляющий собой путь познания смысла концепта, начинается с установления понятийных

признаков концепта, которое осуществляется через работу со словарными статьями [Девдариани 2021: 263]. Опустим анализ дефиниций ядерной лексики и перейдем к когнитивно-дискурсивному моделированию президентской фигуры в Твиттер-коммуникации американского лидера. Концепт PRESIDENT в письменном дискурсе Д. Байдена реализуется через следующие когнитивные модели:

1) **ПРЕЗИДЕНТ – ГАРАНТ** – это носитель такой должности, которая предполагает проявление силы, призванной быть на защите ценностей (*to defend your right to vote – and our democracy*). Д. Байден берет на себя эти полномочия и готов их осуществлять: *The fundamental obligation of a President is to defend America; I will use my powers as president...*

2) **ПРЕЗИДЕНТ – ПОБЕДИТЕЛЬ**. Модель «Президент-победитель в гонке» вбирает в себя смыслы, привнесенные из экстралингвистической ситуации, из самого контекста процедуры выборов в стране. Исследователи относят ее к военной метафоре (по классификации А.П. Чудинова) [Хренова 2019: 220]. Считаем, что данная ментальная схема порождается и дискурсом спортивной сферы, следовательно, победа в президентской гонке рассматривается как результат военного и спортивного успеха. Свою победу Д. Байден реализует

через противопоставление двух периодов: *Before we took office – from when I took office / Since the start of my presidency / Since I was sworn in on January 20*, т. е. до его избрания и после вступления в должность.

3) **ПРЕЗИДЕНТ – ПОЛИТИК** актуализирует смысл самой должности, реализуемых мер. М.В. Гаврилова предлагает давать такое описание через грамматическую основу предложения, где в качестве субъекта представлен сам лидер, а также через предложения, в которых контекст позволяет легко восстанавливать Я-субъект [Гаврилова 2020: 96]. Как легко заметить в нашем материале, глаголы служат предикатами при подлежащих *I, we, president, Biden*. Неслучайно частое употребление подлежащего *we*: посредством множественного числа Д. Байден позиционирует тандем President + Vice President как команду надежных руководителей страны, объединенных одними целями: *We must be absolutely clear about what is true...* Таким способом политик «имплицитно хвалит и свою работу, прибегая к местоимению *we* в его инклюзивном значении» [Каменова 2021: 90]: *We are getting results. We added 6.4 million jobs. We've created 1.5 million jobs*. В подобных предложениях концептуализируется типовое противопоставление политического дискурса «свой-чужой» посредством атрибуции или сближения по свойствам: от членов «своих» мы склонны ожидать поведение и образ мысли, схожие с нашими. «Человек, как правило, убежден в “себеподобности” тех, кого он объединяет понятием “мы”» [Дискурсивные практики... 2015: 94].

4) **ПРЕЗИДЕНТ – ЖУРНАЛИСТ**, аналитик положений дел в стране. «Дискурсивные практики могут использоваться для утверждения власти, для защиты или критики» [Там же: 93-94]. Как некий сторонний обозреватель,

Д. Байден реализуется в своей письменной речи в роли журналиста, часто подводя итоги проделанной работе спустя три месяца, полгода и год осуществления своих полномочий: *...more jobs than have ever been created in the first three months of any president in our nation's history. More jobs created than any other president's first six months in history.* С одной стороны, он приводит цифры и статистику (*6.4 million jobs, 200 million vaccinations*), с другой – оценивает их как несомненный успех на фоне его предшественников и в истории Америки в целом: *... the strongest first-year economic track record of any president in the last 50 years; ... a record for a new president.*

Кроме прямого осуществления своих президентских функций, автор одновременно является и лицом, которое публикует новости или анонсирует события, а также журналистом-аналитиком, дающим этим новостям и событиям оценку со своих политических и личностных позиций. К вербальным средствам освещения новостей в аккаунте Д. Байдена относятся вводные фразы-предложения: *Here is the truth ...; Big news.* Таким способом предваряются записи с важной информацией, новостями, цифрами, отражающими результаты работы его администрации. Действуя как медийный актер (журналист или ведущий новостей), президент оформляет свои твиты таким образом, чтобы привлечь к ним внимание читателей, одновременно давая имплицитную оценку последующей новости как значимой, существенной для понимания народом его действий. Частотный перифраз *former president* позволяет автору соблюдать некую корректность, избегать навешивания ярлыков, давать оценку политике предшественника исключительно исходя из занимаемой им должности, говорить о его действиях и о нем как о лице, наделенном властью. Целью данного приема является дистанцированность, стремление избежать предвзятого тона или хотя бы создать такую иллюзию. Для этой же цели употребляется перифраз *new president* в значении «я». Последнему в текстах твитов приписываются заслуги и высокие результаты (тактика иллюстрации достижений), в то время как деятельность, исходящая от фигуры *former president*, подвергается критике. Подобные номинации также сближают президентский дискурс соцсетей с журналистским дискурсом.

5) ПРЕЗИДЕНТ – ЧЕЛОВЕК: как человек он способен испытывать чувства, которые и выражает в своих постах по разному поводу. Как правило, это проявления «высокой эмоциональной сферы», социально одобряемые – благодарность, уважение, привязанность, любовь, чувство дружбы, признательность: *We have a lot to be thankful for this holiday season. And I couldn't be more grateful to serve as your president; Happy 97th Birthday to my dear friend, President Jimmy Carter. ... and I send our love to you and Rosalynn; I couldn't have asked for a better partner and friend* (о вице-президенте США).

На основе дискурсивной схематизации фигуры президента в твитах Д. Байдена можно сделать вывод о совмещении двух проекций на должность президента: его взгляда «изнутри» как исполнителя и носителя этой социальной роли и взгляда «извне» как опосредованного наблюдателя, оценивающего свою работу со стороны. Эта картина также дополняется «человеческой», психоэмоциональной стороной личности президента.

Литература

- Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4 (43). С. 21–79.
- Болдырев Н.Н. Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 43–53.
- Гаврилова М.В. Дискурсивное конструирование понятия «Президент» в русском политическом дискурсе // Политическая наука. 2020. № 2. С. 87–109.
- Девдариани Н.В., Рубцова Е.В. Особенности концепта «президент» в русской лингвокультуре // Балтийский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 3 (36). С. 262–264.
- Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации: коллективная монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015.
- Каменева В.А., Потапова Н.В. Стратегия самопрезентации политика (на материале личного и официального блогов в Twitter вице-президента США Камалы Харрис) // Научный диалог. 2021. № 11. С. 82–105.
- Хренова А.В. Образные признаки концептов *president* и *президент* // Лингвополитическая персоналия: дискурсивный поворот. Екатеринбург, 2019. С. 219–221.
- Ширинкина М.А. Письменный дискурс исполнительной власти в жанрово-стилистическом аспекте: дис. ... д-ра филол. наук. Пермь, 2021.

K.V. Zemlyakova (Saint Petersburg, Russia)

The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications

COGNITIVE-DISCURSIVE INTERPRETATION OF THE CONCEPT *PRESIDENT* IN J. BIDEN'S COMMUNICATION IN TWITTER

The paper is dedicated to cognitive discursive analysis of the concept *PRESIDENT* in J. Biden's profile page in Twitter through revealing its discursive features. Disclosed features form mental schemes: *PRESIDENT – PROTECTOR*, *PRESIDENT – WINNER*, *PRESIDENT – POLITICIAN*, *PRESIDENT – JOURNALIST*, and *PRESIDENT – HUMAN*.

Key words: concept, discursive feature, cognitive analysis, mental scheme, Twitter, president.

Е.Е. Иванов, Д.Д. Комова, Н.Ю. Нелюбова (Москва, Россия)

Российский университет дружбы народов

ivanov-msu@mail.ru

КАТЕГОРИЗАЦИЯ ПОСЛОВИЧНОЙ СЕМАТИКИ: «ТРЮИСТИЧЕСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ»¹⁶

В статье рассматривается категоризация пословичной семантики по критерию «отношение к действительности». Цель исследования – выделить и описать категорию «трюистические пословицы». В результате исследования дифференцированы пословицы, в которых выражаются общеизвестные vs. не общеизвестные, очевидные vs. неочевидные, стереотипные vs. нестереотипные закономерности действительности (на материале пословиц коренных народов России).

Ключевые слова: когнитивная семантика, категоризация, пословица, закономерность действительности, трюистическая семантика, языки коренных народов России.

¹⁶ Публикация выполнена в рамках проекта D.2-F/S2022 Системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

Семантика пословиц категоризируется преимущественно по предметно-тематическому принципу, что традиционно отражается в паремиографии [Паремиология... 2020: 106]. В последние два десятилетия обоснован и активно применяется понятийно-концептуальный принцип категоризации пословичной семантики. Различные аспекты данного принципа используются для дифференциации пословичной картины мира, выделения в ней доминантных и периферийных концептов этнической (национальной) картины мира, которые репрезентированы в пословицах [Иванова 2002; 2003; 2006], для моделирования когнитивно-дискурсивных смыслов и построения референциально-оценочной типологии пословиц [Абакумова 2013ab], для описания когнитивно-прагматической парадигмы пословичной семантики [Семененко 2011ab]. Однако следует отметить, что обращение к предметной и понятийной сферам традиционно используется при категоризации лексической семантики. Актуальной в этой связи представляется разработка специальных критериев онтологической категоризации пословичной семантики, что позволило бы дифференцировать пословицы на общие семантические классы без использования инструментария предметной или понятийной категоризации действительности.

На наш взгляд, при категоризации пословичной семантики достаточно репрезентативным будет использование критериев когнитивной категоризации афористических высказываний, одним из основных классов которых являются пословицы [Иванов 2019: 390-391]. В частности, основным критерием онтологической категоризации семантики афоризма является его отношение к действительности. Так, если исходить из того, что в афоризмах выражаются «закономерности связей между неединичными объектами в границах реального мира или одного из вымышленных миров» [Иванов 2004: 63-64], то такие закономерности будут объективно различаться «по сфере своего действия, по условиям и формам своего проявления, по степени необходимости своего существования, по своему соответствию реальному порядку вещей в мире» [Иванов 2004: 64]. В зависимости от этого выделяются группы афоризмов, в которых выражаются закономерности одного рода, т. е. «семантические типы афоризмов» [Иванов 2003]. Семантическая типология афоризма включает ряд противопоставленных категорий: «сентенции» и «максимы» (декларативные и директивные афоризмы) [Иванов 2002b], «законы» [Иванов 2000b], «грегерии» и «трюизмы» [Иванов 2000с; Иванов 2007], «парадоксы» и «коаны» [Иванов 2002а; Иванов 2014]. Большинство выделенных категорий являются размытыми, т. е. не имеют строго очерченных границ, однако сохраняют строгую организацию членства (для всех элементов данной категории характерен типичный набор семантических признаков, что позволяет объединять данные элементы в одну категорию) [Иванов 2000а; 2008]. Размытой категорией являются «трюизмы», однако их пересечение с другими категориями носит избирательный характер, поэтому трюистическая семантика представляет существенный интерес для лингвокогнитивной категоризации пословиц.

Как известно, в пословицах, если их рассматривать как фразовые тексты вне дискурсивной сферы, выражаются закономерности действительности,

которые в своем прямом значении либо не противоречат, либо противоречат действительности. Те пословицы, которые содержательно противоречат действительности, квалифицируются как парадоксальные [Иванов 2014] и не рассматриваются в данной статье. В свою очередь, те пословицы, содержание которых не противоречит действительности, выражают закономерности, различающиеся по общеизвестности vs. не общеизвестности, банальности vs. оригинальности, очевидности vs. неочевидности своего проявления. Такой набор признаков позволяет, на наш взгляд, объективно дифференцировать закономерности, которые детерминированы поиском нового в постижении и осмыслении действительности, и закономерности, которые отражают сами собой разумеющиеся явления действительности и могут лишь фиксироваться как самоочевидная данность. Закономерности, в которых проявляются только общеизвестные, очевидные и стереотипные связи между неединичными объектами действительности, являются базовыми, элементарными в ее познании, а пословицы, в которых выражаются закономерности такого рода (трюизмы), целесообразно квалифицировать как трюистические (имеющие трюистическую семантику).

Строго говоря, трюистические пословицы не несут никакой полезной с гносеологической точки зрения информации, они вовсе не предназначены при употреблении в прямом смысле (при возможном переосмыслении отдельных компонентов) для передачи чего-то «нового», их содержание безусловно известно каждому (при условии, конечно, одинакового уровня знаний и представлений о мире участников речевого акта). Например, в тувинском языке многие пословицы (в своем прямом смысле) характеризуются трюистической семантикой: *Алгы чугазы ойгур, Сөөчугазы сыйлыр* 'Тонкая кожа рвется, Тонкая кость ломается'; *Пөске от эдектевес* 'В подоле огонь не носят'; *Буура кырыыр, Бодаган өзер* 'Верблюд состарится, Верблюжонок вырастет'; *Далай дүвүнге холл четпес, Танды бажынга аргамчы четпес* 'Рукой и дна моря не достанешь, Вершину горы не заарканишь'; *Дарганга хөрүк херек, Далганга омааш херек* 'Без горна огонь не раздуешь, Без ложки далган не съешь' (далган – еда в виде муки из жареного ячменя или пшеницы); *Даиш чок черге тара тарыыр, Дазыл чок черден ай казар* 'Хлеб сей, где нет камней, Сарану копай, где нет корней' (сарана – травянистое растение со съедобным корневищем, которое в народной медицине употребляют от желтухи); *Думчукка тулганда, Бызаа сугжу* 'Вода до носа дойдет, И теленок поплывет'; *Дылың-биле дыт ужурба, Аксың-биле аал көжүрбе* 'Языком дерево не срубишь, Словами аал не перевезешь'; *Кижии ийи катап төрүттүнер эвес* 'Человек два раза не рождается'; *Өшкенден чылыг эреве, Өлгенден чем эреве* 'Не грейся у потухшего огня, Не надейся на мертвого'; *Хат чокта, сиген бажы шимчевес* 'Без ветра трава не зашелестит' и т. д. Часто трюистической является только одна (преимущественно первая) часть тувинской пословицы: *Кижии өлүр, Алдар өлбөс* 'Человек смертен, Слава бессмертна'; *Назын кырыыр, Өжээн кырывас* 'Человек стареет, А мечь никогда' и т. д.

Следует отметить, что в ряд фактов упорядоченности действительности, из знания которых состоят базовые (обязательные) представления человека о себе и об окружающем мире, естественно, могут входить закономерности, которые являются номологическими. В основном, это эмпирические законы, знание которых является эпистемологической базой как наивной, так и научной картины мира. Например, в тувинском языке: *Мөңгүнде дат чок 'Серебро не ржавеет'*; *Бөрү кырыза-даа, дигжи чидиг 'Даже если волк стареет, зубы остаются острыми'*; *Балык бажындан чыдыыр, терек өзээнден ириир 'Рыба сгниет с головы, тополь становится трухлявым изнутри'* и т. п. Однако такие пословицы нельзя квалифицировать как трюистические, поскольку именно существенность, необходимость и регулярность проявления выраженных в них эмпирических законов бытия детерминируют их принадлежность к базовым знаниям человека о мире, а не наоборот. То, что сообщается в трюистических пословицах, как уже было сказано, не имеет существенной пользы в плане познания действительности, в то время как информация, которая содержится в номологических пословицах, используется человеком как эпистемологическая основа для построения непротиворечивой картины мира (аналогами пословиц-трюизмов в научной картине мира могут считаться аксиомы).

Литература

- Абакумова О.Б.* Пословицы в языке, сознании и коммуникации: когнитивно-дискурсивное моделирование смысла пословицы в дискурсе и референциально-оценочная типология русских, английских, испанских, французских и чешских пословиц о правде и лжи. СПб.: Алеф-Пресс, 2013а.
- Абакумова О.Б.* Пословичные концепты в паремическом дискурсе: дис. ... д-ра филол. наук. Орел, 2013б.
- Иванов Е.Е.* Парадоксальные пословицы в русском и белорусском языках // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. 2014. № 77. С. 21–24.
- Иванов Е.Е.* Аспекты эмпирического понимания афоризма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 381–401.
- Иванова Е.В.* Пословичные картины мира (на материалах английских и русских пословиц). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2002.
- Иванова Е.В.* Пословичная концептуализация мира (на материале английских и русских пословиц): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003.
- Иванова Е.В.* Мир в английских и русских пословицах. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
- Иваноў Я.Я.* Семантыка беларускіх афарызмаў // Известия Гомельского государственного университета. 2000а. № 2 (25). С. 94–99.
- Иваноў Я.Я.* Аб адной семантычнай разнавіднасці афарызмаў (афарыстычныя выказванні-законы) ва ўсходнеславянскіх мовах // Białostocki przegląd kresowy. 2000b. Т. VIII. С. 37–49.
- Иваноў Я.Я.* Семантычная структура афарыстычных выказванняў-трызмаў // Dziedzictwo przeszłości związków językowych, literackich i kulturowych polsko-bałto-wschodniosłowiańskich. 2000c. Т. V. С. 104–115.
- Иваноў Я.Я.* “Парадоксы” і “кааны” як семантычныя тыпы афарыстычных выказванняў // Весні Беларускага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта. 2002а. № 2 (32). С. 82–88.
- Иваноў Я.Я.* “Сентэнцыя” і “максіма” як семантычныя разнавіднасці афарызма паводле яго адносін да рэчаіснасці (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Studia wschodniosłowiańskie. 2002b. Т. 2. С. 179–195.
- Иваноў Я.Я.* Семантычная тыпалогія афарызма ў славянскіх і германскіх мовах // Frazeologiccké štúdie. 2003. Т. III. С. 43–60.

Іваноў Я.Я. Семантыка афарыстычных выказванняў (на матэрыяле славянскіх і германскіх моў) // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 4. 2004. № 1. С. 63–68.

Іваноў Я.Я. Грэгерыя як семантычны тып афарыстычнага выказвання // Веснік Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя філал. навук. 2007. № 1 (7). С. 103–107.

Іваноў Я.Я. Катэгарыяльныя разнавіднасці і сферы ўжывання афарызмаў розных семантычных тыпаў // Вучоныя запіскі Брэсцкага ўніверсітэта. 2008. Т. 4. Ч. 1. С. 36–44.

Пареміология без границ: монографія / под ред. М.А. Бредиса, О.В. Ломачиной. М.: РУДН, 2020.

Семененко Н.Н. Русские поговорки: функции, семантика, прагматика. Старый Оскол: РОСА, 2011а.

Семененко Н.Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка): дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2011б.

*E.E. Ivanov, D.D. Komova, N.Yu. Neljubova (Moscow, Russia)
RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia)*

CATEGORY OF PROVERBIAL SEMANTICS: “PROVERBS-TRUISMS”

The article deals with the categorization of proverbial semantics according to the criterion of “relation to reality”. The purpose of the study is to identify and describe the category of “semantics of proverbial truism”. As a result of the study, the proverbs are differentiated, which express the well-known vs. not well-known, obvious vs. non-obvious, stereotypical vs. not stereotypical consistent patterns (based on the proverbs of the autochthonous peoples of Russia).

Key words: cognitive semantics, categorization, proverb, consistent pattern, truism semantics, autochthonous languages of Russia.

*М.И. Ильин (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена
michaelilian93@gmail.com*

КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ TWITTER И FACEBOOK ПРИ ОБРАЩЕНИИ К АУДИТОРИИ

В статье рассматриваются особенности вербального / невербального поведения обычных англоязычных (американских и британских) пользователей Twitter и Facebook при обращении к аудитории в данных соцсетях, используемые ими коммуникативные тактики и особенности наполнения создаваемых ими текстов.

Ключевые слова: бытовой дискурс, коммуникативное поведение, социальные сети, Twitter, Facebook.

Коммуникативное поведение, как известно, является одним из видов поведения субъекта в акте межличностного взаимодействия и подразумевает вербальное и невербальное поведение отдельного человека или группы людей, обусловленное условиями коммуникации и совокупностью правил, норм, традиций коммуникативного взаимодействия, сложившихся и закрепившихся в культуре определенного социума [Зиновьева 2016].

Коммуникативное поведение субъекта(-ов) осуществляется как в рамках статусно-ориентированного, так и в рамках бытового дискурса, в рамках которого человек выступает не как представитель определенного общественного института, а как обычный человек со своими обыденными потребностями, объединяя различные дискурсивные разновидности связью с обыденной жизнью и соответствующими концептуальными основаниями и поведением [Мельникова 2016]. В современном мире дискурсивная деятельность, в том числе и бытовая, меняется с возникновением и развитием интернет-общения и соцсетей [Boyd 2011]. В связи с этим представляется актуальным рассмотреть, какое коммуникативное поведение характерно сегодня для обычных граждан в таких популярных соцсетях, как Twitter и Facebook.

В ходе исследования были отобраны 1600 различных сообщений британских и американских граждан за разные периоды с сентября 2018 года по январь 2022 года из лент твитов в Twitter и со стен с сообщениями в Facebook, в которых пользователи обращаются к аудитории в условиях массовой, публичной коммуникации. Как показал анализ материала, для коммуникативного поведения данной категории пользователей в Twitter более характерно использование тактики демонстрации своего отношения к определенному объекту или явлению и тактики репоста, в то время как для пользователей Facebook более характерны тактики демонстрации своего отношения и представления личного опыта автора.

Тактика демонстрации своего отношения к определенному объекту или явлению подразумевает обращение к чужому опыту, позиции, действиям и раскрытие своего отношения к ним. Так, в связи с критикой футболистом Тибо Куртуа УЕФА и ФИФА британка Фарназ представила аудитории в своем аккаунте Twitter следующий твит: *This guy has been moaning for the past 5 days* [эмодзи «лицо со спиральными глазами»] [эмодзи «ничего не слышу»] [Далее – твит пользователя В/R Football, в котором он указывает на ситуацию и приводит видео с интервью футболиста]. В своем сообщении Фарназ в явной форме демонстрирует свое недовольство словами игрока, усталость от его заявлений и нежелание слушать Тибо, используя глагол *moan* при описании его действий и соответствующие эмодзи. Репост сообщения от аккаунта В/R Football в данном случае, на наш взгляд, можно рассматривать как указание на ситуацию и объект, к которым британка демонстрирует отношение. Для указания на объект используется также указательное местоимение *this* в сочетании с существительным *guy*. При этом в твите не используются приемы сокращения дистанции между автором и читателем или навязывания последнему определенной позиции. Таким образом, придание твиту публичного характера, по нашему мнению, можно рассматривать исключительно как представление личных мыслей аудитории и вынесение их на общественное обсуждение.

Тактика репоста подразумевает молчаливую демонстрацию пользователем чужой позиции при размещении стороннего сообщения у себя в профиле без каких-либо комментариев со стороны размещающего. Как отмечают

исследователи, содержание акта молчания следует понимать как импликатуру, позволяющую собеседнику сделать тот или иной вывод, при этом молчание не однозначно и его адекватная интерпретация сильно зависит от условий коммуникации [Акопян 2013]. В рассмотренных нами примерах во многих случаях однозначно сказать, чего пытался добиться пользователь, осуществляя репост, оказывалось затруднительно, т. к., начиная диалог, пользователь своим молчанием нарушал максимум ясности. Так, например, американка Mallory Arnold в качестве одного из своих сообщений в Facebook осуществила репост юмористического изображения из группы Waitress Problems, на котором был представлен пожилой мужчина, собирающийся выйти из помещения, и надписи: *Leaving work after a total s*** show shift; F*** you and I'll see you tomorrow!* В данном случае молчаливое действие американки можно связать и с задачей представить личный опыт, и с задачей показать свое одобрение, и с задачей отождествить свои впечатления, мысли, эмоции с таковыми у другого человека (у читателя, у авторов изображения). Однако, каким бы ни было желание Мэллори, репост сообщения с изображением позволяет ей акцентировать внимание своей аудитории на этом сообщении в ряду многих других сообщений в Facebook и, путем привлечения минимум 10 пользователей (кто оставил лайк) из этой аудитории, попытаться достигнуть поставленной ею задачи. В силу неоднозначности подобных коммуникативных актов мы предлагаем считать тактику репоста, в первую очередь, реализацией стремления коммуниканта выделить, подчеркнуть определенную информацию в общем потоке сведений ради дальнейшего достижения конкретных задач.

Тактика представления личного опыта автора подразумевает демонстрацию фрагмента своей собственной жизни или связанных с ней впечатлений. Так, американец Chuck Schaff из г. Тампа, увидев на небе признаки надвигающейся бури, разместил в своем профиле Facebook следующее сообщение: *Here it comes... ..* [Далее – 2 фотографии, на которых изображены дорога и надвигающиеся тучи на небе]. В данном случае какие-либо элементы, указывающие на то, чья точка зрения представлена в предлагаемом тексте, в самом сообщении отсутствуют, однако связь между американцем и демонстрируемым на стене Facebook может быть установлена читателем на основании соотнесения с автором материала. С учетом имеющихся у нас фоновых знаний о том, как люди обычно реагируют на тучи, знаний о климатической обстановке в г. Тампа, и принимая во внимание использованное Чаком Шаффом многогочие, нередко применяемое для указания на волнение говорящего и дополнительно удлиненное американцем, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что пользователь в представленном сообщении демонстрирует крайнюю озабоченность увиденным и, соответственно, рассматривает приближающуюся бурю как нечто негативное. Поскольку в сообщении отсутствуют маркеры, указывающие на искусственную самопрезентацию пользователя или попытку навязать определенную позицию, то именно демонстрация, передача эмоций и мнения другим коммуникантам, на наш взгляд, является в данном случае одной из важнейших задач автора.

Вербальное и невербальное наполнение сообщений обычных пользователей в Facebook в сущности не отличается от такового в Twitter, при этом сообщения данной категории пользователей в обеих соцсетях преимущественно невелики по объему. Как показал анализ материала, вербальный компонент коммуникации таких пользователей характеризуется активным употреблением эмоционально-оценочной лексики (у британки Фарназ в Twitter: *MY DARLING IS BACK!!!*), а также лексики, характерной для неформального общения (например, уменьшительно-ласкательной формы имени у Фарназ в Twitter: *My Rashy ruined him*; у американца Джастина Лоадера в Facebook: *Maaan thats messed up lol*), широким использованием обценной лексики, грубых слов, выражений (у Джастина Лоадера в Facebook: *What a bunch of dumbasses*; у британца Лиамы Моргана в Twitter: *Dele Alli is an atrocious football player*). Комментарии обыкновенных пользователей в Twitter и Facebook часто содержат характерные для интернет-коммуникации в целом такие особенности, как, например, частое использование интернет-специфичных сокращений и аббревиатур (у британки Тани Проктор в Facebook: *too hot to work lol*). Также для коммуникативного поведения обыкновенных британских и американских граждан в данных соцсетях характерно использование изображений, видео, эмодзи, хештегов, мемов, чужих комментариев, гиперссылок, экспрессивной пунктуации (у американки Сэнди Алмонте в Facebook: *I've got my favorite little man to sing to me!!!!*; у британца Роберта Сондерса в Twitter: *Things. Have. Changed.*) и шрифтовых выделений (у американца Мэттью Блайта в Twitter: *F*** Cancel Culture!*).

Анализ отобранного нами материала также показал, что британцы периодически добавляют один или несколько “х” в конце сообщений, чего у американцев замечено не было (например, у британки Тани Проктор в Facebook (часть сообщения): *we weren't egging her on were we lol xx*), проявляются особенности, связанные с разными вариантами английского языка (например, американцы иногда используют аббревиатуру “plz”, в то время как британский вариант данной аббревиатуры выглядит как “pls” (у американки Эмми в Twitter: *I need this plz*), отбором лексики (в частности, при обращении к кому-либо близкому американцы предпочитают использовать обращение *bro*, а британцы – *mate*, *pal* (британец Дейв Стил в Facebook: *Happy Christmas mate*; британец Аарон Пули в Facebook: *Edd Callegari still not as good looking as you pal x*; американец Мэттью Блайт в Twitter: *Heck yeah bro!!!!*).

Таким образом, коммуникативное поведение британцев и американцев в Twitter и Facebook при обращении к аудитории в своих профилях отличается предпочитаемыми ими тактиками, но схоже по вербальному и невербальному наполнению. При этом коммуникативное поведение британцев, проявленное в публикуемых ими текстах, отличается от поведения американцев на уровне лексических, орфографических особенностей и в целом на уровне отбора включаемых в текст элементов.

Литература

Акопян К.С. Коммуникативная природа силенциального акта // Русский язык в формате 3D: лингвистика, образование, культура / гл. ред. Г.Р. Гаспарян. Ереван: Лингва, 2013. С. 301–310.

Зиновьева Е.И. Лингвокультурология: от теории к практике: учебник. СПб.: СПбГУ: Нестор-История, 2016.

Мельникова Е.А. Когнитивно-дискурсивные особенности медиарепрезентации события в англоязычном тексте новостного сообщения: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2016.

Boyd D. Social Network Sites as Networked Publics: Affordances, Dynamics, and Implications // Networked Self: Identity, Community, and Culture on Social Network Sites / ed. Zizi Papacharissi. New York: Routledge, 2011. P. 39–58.

M.I. Ilin (Saint Petersburg, Russia)

Herzen State Pedagogical University of Russia

COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF TWITTER AND FACEBOOK USERS WHEN APPEALING TO THE AUDIENCE

This article deals with characteristics of verbal / non-verbal behavior of ordinary English-speaking (American and British) communicants when appealing to the audience on Twitter and Facebook. It also attempts an analysis of the features of communicative tactics used by participants and the content of their texts.

Key words: colloquial discourse, communicative behavior, social networking sites, Twitter, Facebook.

Ю.Ф. Карельская (Москва, Россия)

Московский Педагогический Государственный Университет

uglf@mail.ru

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДИСКУРСА МЕЖДУНАРОДНЫХ СОГЛАШЕНИЙ ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

В фокусе рассмотрения автора находится дискурс англоязычного международного договора о гуманитарном сотрудничестве, представленного официально зарегистрированными договорами о социальной защите граждан, заключенными Великобританией и США с другими государствами за последние 10 лет. Предлагается описание стилистических особенностей документов.

Ключевые слова: прагматика, международный договор, дискурс, стиль, термин, личность.

Дискурс международного договора, как и любого контракта, понимается через призму стремления к достижению целей государств-участников и с точки зрения установления международных отношений.

В качестве материала исследования выступают международные договоры о социальной защите граждан, заключенные Великобританией с Чили, Ирландией, которые в силе с 2015 и 2020 г.; решение от 1 мая 2021 г. комитета о торговле между Европейским Союзом и Великобританией о координации социальной защиты; международные договоры о социальной защите граждан,

заключенные США с Швейцарией, Словакией, которые в силе с 2014 г.; действующее с 2016 г. соглашение с Венгрией; вступившие в силу в 2018 г. договоры с Бразилией, Уругваем и в 2019 г. с Исландией и Словенией. Всего рассмотрено три международных договора Великобритании и семь договоров США.

В нашем исследовании делается попытка рассмотреть лингвопрагматические особенности правовых документов, которые различаются в соответствии с традиционным и модернизированным построением текста [Doonan 2001: 91].

По мнению Л. Фридмэна, составители правовых документов чаще всего использовали тяжеловесный язык традиционного стиля, чтобы зафиксировать «бесчисленные оговорки», используемые судами для «поиска лазеек в документе или превращения мелких щелок в большие» [Фридмэн 1993: 87]. С другой стороны, некоторые юридические документы в настоящее время составляются в менее формальном лично-ориентированном стиле.

Степень традиционности или модернизованности стиля отдельного международного договора обусловлена дейктической, функциональной и терминологической маркированностью текста, а также структурными и содержательными особенностями [Глинская 2002: 72].

Традиционный стиль текстов, представляющих дискурс англоязычного международного соглашения о социальной защите, бесспорно определяется функциональными маркерами модальности: глаголом *shall*, который восходит к древнеанглийскому *sculan* «быть в долгу, быть обязанным кому-то» [Комова 2013: 29], наличием *such* «такой, настоящий», наименований *rights*, *obligations* для обозначения прав и обязанностей, конструкций, содержащих глагол и существительное для обозначения действия, например: *give effect* вместо *enact* «вводить закон, устанавливать». *This Convention shall not affect rights and obligations arising under any laws or regulations which amend the legislation for the purpose of giving effect to such a convention – Настоящая Конвенция не затрагивает прав и обязательств, вытекающих из любых законов или нормативных актов, которые изменяют законодательство с целью введения в действие настоящей конвенции* (UK-Chile, article 2).

С другой стороны, глагол *will*, который восходит к древнеанглийскому *willan* “*wish*”, сигнализирует наличие элементов модернизованного стиля. Наличие *will* вместо *shall* в конструкциях долженствования указывает на меньшую обязательность соглашения [Aust 2007: 33]. В договорах Великобритании доля конструкций с *will* среди всех конструкций с *shall* и *will*, в среднем составляет 4,9%, в соглашениях США – 2%. *The relevant authority of Party B will deal with this claim – Соответствующий орган Стороны В рассмотрит или должен рассмотреть это требование* (UK-Ireland, article 39).

Дейктическая маркированность характерна для традиционного стиля и определяется наличием в текстах международных договоров устаревших форм, наречий *thereto* «для этой цели, кроме того», *whereof* «о чем, о котором» и других. *IN WITNESS WHEREOF, the undersigned, being duly authorized thereto,*

have signed the present Agreement – В удостоверение чего нижеподписавшиеся, должным образом на то уполномоченные, подписали настоящее Соглашение.

Следующим индикатором модернизированности или традиционного стиля текста является терминологическая маркированность. По мнению В. М. Лейчика, термин представляет собой «вербализованный концепт, который материализуется в профессиональном дискурсе» [Лейчик 2014: 235]. Л.А. Манерко полагает, что термины представляют концептуальную и языковую картину изучаемой сферы знания [Новодранова, Манерко 2012: 234]. В более модернизированных текстах для обозначения одной пропозиции используется более ограниченный набор терминов, где выделяются основные прототипы.

Ключевым концептом международных договоров о социальной защите граждан Великобритании и США является концепт человеческой личности, которая представляет собой фигуру, когнитивно-выделенный объект на фоне человечества, отдельного государства, профессионального сообщества, сферы социальной защиты или семьи.

В первой группе наименований, определяющих личность на фоне государственных и территориальных структур, можно выделить центральный элемент *national* «человек, имеющий право законно жить в стране», который встречается во всех договорах. Периферийными обозначениями индивидов являются: термин, называющий более широкую категорию *resident* «постоянно проживающий в стране» и термин, указывающий на более узкую категорию *citizen* «гражданин», а также *refugee* «беженец». Во второй самой широко представленной группе терминов, обозначающих индивида в профессиональном сообществе, центральными элементами являются *employer* «работодатель», *employee* «работник, служащий», *self-employed* «самозанятый». Периферийные обозначения: *frontier worker* «приграничный трудящийся», *gainfully employed person* «занятый оплачиваемым трудом», *worker* «работник, рабочий», *unemployed person* «безработный», *civil servant* «гражданский служащий, чиновник», *governmental servant* «государственный служащий», *airline employee* «работник авиаотрасли», *seafarer* «моряк». В третьей группе терминов, определяющих личность – получателя социальных благ на фоне круга близких людей, центральным элементом, присутствующим во всех соглашениях, является термин *survivor* «выживший наследник». Периферийными терминами, обозначающими семейные узы, являются *family member* «член семьи» и более общее *dependent* «материально зависимое лицо». И, наконец, группа обозначений индивидов в обществе представлена центральными элементами *person* «человек», реже встречается *individual* «лицо», «отдельный представитель», которые имеют место во всех рассмотренных международных договорах. Периферийный элемент, зафиксированный в трех соглашениях США, *subject* «субъект, лицо, соотношенное с группой».

Важным индикатором прагматической направленности соглашения является статья о порядке разрешения диспутов, касающихся интерпретации текста как дискурса соглашения. Чем более подробно расписано данное положение,

тем сильнее выражается стремление сторон достичь заявленные цели. В договорах США со Словакией, Швейцарией, Словенией и Исландией предусмотрено разрешение споров через компетентные органы *Competent Authorities*, в договорах с Венгрией, Уругваем и Бразилией допустимо дополнительно подключение дипломатических каналов *Diplomatic channels*. В соглашениях Великобритании с Чили эта функция закреплена за компетентными органами, медиаторами, арбитрами *Competent Authorities, mediation, arbitration*. В следующем соглашении Великобритании с Ирландией предписано, что к разрешению споров могут быть подключены множество разных субъектов: *A third arbitrator, President of the International Court of Justice or the next senior judge of that Court not having the nationality of either Party – Третий арбитр, Председатель Международного Суда, или следующий по старшинству судья этого Суда, не имеющий гражданства ни одной из Сторон*.

В дискурсе международных договоров Великобритании и США в области социальной защиты наблюдаются динамические процессы. Общий структурный и содержательный анализ документов, автоматический подсчет сложных конструкций выявил возрастание объемов и общего уровня сложности соглашений Великобритании, что может быть следствием выхода государства из ЕС и расхождения правовых систем, а также возрастание и снижение количества комплексных языковых конструкций в международных соглашениях США. Последнее может быть следствием ослабления стремления к достижению внешнеполитических целей во время предвыборных кампаний.

В заключение следует отметить, что дискурс международных договоров Великобритании и США в области социальной защиты за последние 10 лет представлен текстами, которые, наряду с чертами строгого традиционного стиля, который сигнализирует о стремлении сторон к успешному решению судебных споров и защите своих интересов, содержит элементы модернизированного стиля, подразумевающего передачу обычным индивидам информации об их правах и обязанностях в понятной форме.

Литература

Глинская Н.П. Юридическая терминология в разных функциональных стилях английской речи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Комова Т.А. Модальный глагол в языке и речи: на материале глаголов *shall* и *will* в истории английского языка. М.: Либроком, 2013.

Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2014.

Манерко Л.А., Новодранова В.Ф. Использование методов когнитивного анализа в терминологических исследованиях // Когнитивные исследования языка. 2012. № 11. С. 226–228.

Фридман Л. Введение в американское право: пер. с англ. / под ред. М. Калантаровой. М.: Прогресс – Универс, 1993.

Aust A. *Modern Treaty Law and Practice*. Cambridge: University Press, 2007.

Doonan E. *Drafting*. London: Cavendish Publishing, 2001.

GOV.UK Government Legislative process: detailed information. URL: <https://www.gov.uk/government/collections/bilateral-and-multilateral-treaties-published-in-the-treaty-series-2018>

US Department of State. *Treaties and other International Acts Series (TIAS)*. URL: <https://www.state.gov/tias/>

*Yu.F. Karelskaya (Moscow, Russia)
Moscow Pedagogical State University*

LINGUO-PRAGMATIC FEATURES OF DISCOURSE OF THE UK AND US TREATIES ON SOCIAL SECURITY

The author focuses on the discourse of the English-language international agreement on humanitarian cooperation represented by the UK and US treaties on social security over the last 10 years. The author outlines the stylistic characteristics of the international instruments.

Key words: pragmatics, treaty, discourse, style, term, personality.

*В.В. Катермина (Краснодар, Россия)
Кубанский государственный университет
veronika.katermina@yandex.ru*

НЕОЛОГИЗМЫ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ¹⁷

В статье рассматриваются когнитивные особенности англоязычных неологизмов медицинского дискурса. Проведенный анализ данных электронных словарей позволил выявить влияние новой лексики медицинского дискурса на общественное мнение создателей данного вида дискурса при помощи определенных дискурсивных практик, свойственных данному институту.

Ключевые слова: неологизмы, дискурс, медицина, когниция, оценка, коннотация.

Изучение неологизмов важно для лингвистики, т. к. «исследование состава новообразований, их структурных особенностей, функционального предназначения способствует решению многих проблем лексикологии, словообразования, грамматики, стилистики» [Катермина 2017: 84].

Неология считается одним из направлений лингвистики будущего: «возникновение неологизмов отражает развитие языка и становление новых культурных ценностей и социальных отношений. Неологизмы отображают механизмы познания мира, являясь инструментом категоризации действительности. Неологизмы являются репрезентацией изменений ценностной картины мира» [Катермина, Липириди 2021: 51].

Согласно ученым, медицинский дискурс – «хорошо прописанный, канонический тип профессионального взаимодействия с широким кругом людей, охваченных одной глобальной проблемой – оказание медицинской помощи

¹⁷ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных».

любому нуждающемуся» [Барсукова 2007]; данный вид дискурса представляет собой «один из видов институционального дискурса» [Карасик 2002: 6]; медицинский дискурс может рассматриваться как «пусковой механизм, толчок к началу любой речи» [Горелов, Седов 2001: 64].

В данной статье нами будут рассмотрены медицинские неологизмы английского дискурса в когнитивном аспекте. Материалом послужили лексико-графические онлайн-словари.

Одно из важных мест в английском неологическом дискурсе, представленном медицинской лексикой, занимает понятие «психологическая помощь». В наши дни большое количество людей испытывают психологические трудности, что вызвано последствиями пандемии, экономическим кризисом. В результате этого наблюдается эмоциональный дискомфорт при общении друг с другом.

Согласно А.Г. Лидерс, в данном концепте можно выделить следующие составляющие «1) эмоциональная поддержка и внимание к переживаниям клиента; 2) расширение сознания и повышение психологической компетентности; 3) изменение отношения к проблеме; 4) повышение стрессовой и кризисной толерантности; 5) развитие реалистичности и плюрализма мировоззрения; 6) повышение ответственности клиента и выработка у него готовности к творческому освоению мира» [Лидерс 2001].

В нашем материале можно выделить такие лексемы, как *microstress – a small act or event that makes someone feel frustrated or anxious and that can combine with other similar acts or events over time to cause emotional harm; orthosomnia – the inability to sleep well, caused by thinking too much about getting enough sleep and by using apps and other technology to measure how much sleep you get; home separation anxiety – a feeling of worry and fear about being away from home, especially as a reaction to having spent so much time at home during lockdown; headline stress disorder – a feeling of stress and anxiety caused by reading or watching a lot of negative or worrying news; holistorexia – a mental illness where someone has an extreme obsession with their health and wellness.*

Ключевыми лексемами данных неологических единиц выступают stress – стресс, somnia – грёзы, anxiety – тревога, disorder – расстройство.

Отрицательная оценка выражается такими семами, как *frustrated – an emotion that you experience while being impatient due to the lack of possibility to achieve your goal (эмоции, которые испытывает человек, когда он не может достичь чего-либо); inability – lacking the power to perform (отсутствие сил для выполнения чего-либо); worry – an emotion which a person experiences while being anxious (эмоции, которые испытывает человек, находясь с тревожным состоянием); fear – an emotion one experiences when feeling bad because you dread something wrong might occur (эмоции, которые человек испытывает, когда он боится, что что-то плохое может случиться); illness – a physical or mental disease (физическое или умственное заболевание), а также интенсификаторами too – more than is necessary or acceptable (более, чем необходимо или допустимо);*

extremely – very: used for emphasizing an adjective or adverb (очень: используется для усиления прилагательных или наречий); so much – of so extreme a degree or extent (до крайней степени).

Решением данной проблемы могут выступать фитнес-тренировки, полезные диеты и особые клубы: *fitness snacking – keeping fit by doing very short periods of physical activity regularly*; *immersive yoga – a type of yoga accompanied by relaxing sounds and images*; *laughter club – an organization of people who meet regularly to laugh together as a form of therapy*.

Данные неологические единицы демонстрируют новые виды йоги и клубов: *immersive yoga* – иммерсивная, захватывающая йога, характеризующаяся сочетанием расслабляющих звуков и видов, и *laughter club* – клуб смеха – особый клуб, в котором люди регулярно собираются, для того чтобы посмеяться вместе в качестве терапевтической помощи.

Последствия пандемии коронавируса затронули все социальные слои и институты в большинстве стран и повлекли за собой радикальные культурные трансформации, сформировавшие новые культурные ориентиры современного глобального сообщества. Данные изменения не могли не отразиться в языке, о чем свидетельствуют следующие неологизмы: *re-entry anxiety – a feeling of stress or worry about returning to normal life after the restrictions caused by COVID-19*; *supercold – a cold that has more serious symptoms than most colds and is often mistaken for COVID-19*; *vaccine envy – resentment felt by someone waiting to receive the COVID-19 vaccination towards people who have already been vaccinated* и многие другие.

К данным новым культурным и социальным ориентирам можно отнести так называемую «тревогу повторного входа» (*re-entry anxiety*) – опасения и страхи, связанные с возвращением к обычной жизни после ограничений пандемии; появление «сверхпростуды» (*supercold*) – опасения заразиться и заболеть и гриппом, и ковидом; существование «вакцины зависти» (*vaccine envy*) – негодования и чувства обиды, связанных с ожиданием получения вакцины от ковида; чувства, которые испытывают люди, которые еще ее не получили.

Как мы видим, во всех проанализированных единицах присутствует дерогативная оценка, что еще раз подтверждает мысль о важности данной проблемы и появления подобных неологизмов как отражения реакции общества.

Желание быть здоровым и красивым – естественное состояние человека. Поэтому в английском неологическом дискурсе особое внимание среди медицинских неологизмов уделяется тенденциям, выраженным такими неологизмами, как *concierge medicine – a sector of medical practice where extra attention is given to wealthy patients able to pay a high price* и *medicalization – the process of treating a problem as a medical problem when it isn't*. Первый неологизм отражает возможность повышенного внимания к богатым пациентам, что противоречит основам медицинской этики (данное внимание показано при помощи сем «дополнительное внимание» – *extra attention*, «способность заплатить высокую цену» – *ability to pay a high price*, «богатый» – *wealthy*, в то время как вторая

единица обозначает процесс решения проблемы как медицинской, хотя на самом деле данная проблема таковой не является.

Отдельно стоит выделить группу неологических единиц, представляющих собой медицинскую метафору: *lockdown foot – a condition resulting from someone having spent lockdown at home in bare feet or slippers, allowing their feet to change shape and making it difficult or painful to wear normal shoes again; bungalow leg – a condition where the leg muscles have become weak through living in a single-storey house and not having to climb stairs*. Медицинская метафора олицетворяет личный вербальный и невербальный когнитивный опыт человека в опоре на социальные и культурные нормы.

Таким образом, анализ когнитивного аспекта английских медицинских неологических единиц, извлеченных из электронных лексикографических источников, позволяет говорить о выделении тематических групп, охватывающих области, связанные с физическим и ментальным здоровьем людей, с когнитивным опытом человека в свете новых реалий и норм.

Литература

Барсукова М.И. Медицинский дискурс: стратегии и тактики речевого поведения врача: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007.

Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Катермина В.В. Культурно-интерпретирующий потенциал массмедийных неологизмов в английском дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1. С. 84–90.

Катермина В.В., Литвириди С.Х. Прагматико-аксиологический потенциал сетевых английских неологизмов туристического дискурса: монография. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2021.

Лидерс А.Г. Практическая психология как помогающая профессия // Психологический тренинг с подростками. М., 2001. С. 6–29.

Cambridge Dictionary Blog. URL: <http://dictionaryblog.cambridge.org/tag/neologisms>

Macmillan Dictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/>

Urban Dictionary. URL: <http://www.urbandictionary.com/>

Word Spy. URL: <http://www.wordspy.com/>

V.V. Katermina (Krasnodar, Russia)
Kuban State University

NEOLOGISMS OF MEDICAL DISCOURSE IN THE ENGLISH LANGUAGE: COGNITIVE ASPECT

The article examines the cognitive features of English neologisms of medical discourse. The analysis of the data of electronic dictionaries made it possible to identify the influence of the new vocabulary of medical discourse on the public opinion of the creators of this type of discourse with the help of certain discursive practices inherent in this institution.

Key words: neologisms, discourse, medicine, cognition, evaluation, connotation.

А.В. Кащеева (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
kashcheyeva@mail.ru*

ЦЕЛОСТНОСТЬ АНГЛИЙСКОГО УЧЕБНОГО ТЕКСТА: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

В статье изучается природа свойства целостности текста. Проводится краткий анализ английских учебных текстов в сфере информационных технологий. Сделан вывод, что целостность содержания учебных текстов имеет концептуальную основу, создаваемую взаимодействием тематических и операционных концептов с помощью механизмов профилирования и фокусирования и выраженную с помощью ключевых слов и терминов.

Ключевые слова: учебный текст, целостность, тематический концепт, операционный концепт, ключевые слова, термины.

Одним из направлений современных исследований текста в когнитивном аспекте являются общие, конституирующие свойства текста, выделенные и детализированные в рамках коммуникативно-функционального подхода [Каменская 1990; Колшанский 2007]. Приоритетной функцией текста, реализуемой в процессе коммуникации, считается гносеологическая функция, которая означает отражение в тексте опыта и результатов познания человека [Колшанский 2007: 93, 124]. С когнитивной точки зрения важен фокус знаний, «фрагмента человеческого опыта и его осмысления», репрезентируемый в тексте, который позволяет выявить цель его создания, или «когнитивную подоплеку» [Кубрякова 2004: 515-516].

Гносеологическая функция осуществляется лишь при условии единства и завершенности текста как коммуникативной единицы и «семантического пространства» (формулировка Е.С. Кубряковой), что обуславливает приоритет смысловых свойств, а именно целостности и связности [Колшанский 2007: 94; Кубрякова 2004]. Представляется, что учебный текст является наиболее репрезентативным типом текста с точки зрения реализации гносеологической функции и проявления смысловых свойств. Это продиктовало выбор темы исследования. Материалом послужили английские учебные тексты для IT специальностей.

А.А. Леонтьев определяет целостность (цельность) и связность текста в качестве его основных и взаимосвязанных свойств. Связность рассматривается на уровне сверхфразового единства и выражается грамматическими, стилистическими и иными способами языковой соотнесенности предложений в тексте [Леонтьев 1976: 46]. Связность есть неперемutable, но не единственное условие целостности, однако именно наблюдаемая соотнесенность, повторяемость языковых единиц является маркером целостности текста. Свойство целостности представлено как психолингвистическая сущность, поскольку оно складывается из смысловых предикатов, соответствующих цели текста. [Леонтьев 1976: 47].

Дальнейшие исследования текста также отводят ведущую роль смысловым свойствам текста. Связность (интеграция), а также завершенность и модальность текста признаются главными атрибутами его целостности [Гальперин 2007; Каменская 1990; Колшанский 2007; Панченко 2010]. Текст может считаться целостным, если он содержит «доминирующее смысловое ядро», равнозначное глобальной связности [Колшанский 2007: 121]. Этот тезис допускает существование свойства локальной связности в тексте и вызывает противопоставление целостности и связности. Например, свойство связности в большей степени может быть отнесено к форме организации смысловой структуры текста, в то время как целостность характеризует саму смысловую структуру, или содержание [Валгина 2003: 26-27].

Целостность содержания текста определяется единой тематической структурой, взаимосвязью тем [Валгина 2003; Колшанский 2007]. Макротема, или основная идея текста, наблюдаема, поскольку она часто выражена эксплицитно или имплицитно в заголовке. Основная идея развивается в микротемах, которые не столь очевидны, но могут быть выведены из начальных предложений абзацев [Согланник 1997: 68].

Сторонники коммуникативного подхода также определяют условиями целостности текста наличие концептуальной и модальной связности [Валгина 2003; Солганик 1997]. Остановимся на понятии концептуальной связности как когнитивном аспекте текста. Мы полагаем, что роль модальности как условия целостности в учебном тексте менее важна, поскольку большинство исследуемых текстов лишены очевидной авторской оценки и имеют единую модальность.

Представляется, что именно концептуальная связь в содержании учебного текста делает его целостным высказыванием. Мы опираемся на положения теории концептуализации о тематических концептах, образующих особые концептуальные области, и операционных концептах, обуславливающих, в том числе, профилирование и фокусирование знаний [Болдырев 2021: 70-73]. Следовательно, когнитивный аспект целостности текста позволяет рассматривать это свойство с точки зрения системы репрезентированных в тексте тематических концептов и операционных концептов, соответствующих учебной ситуации. Учтите, что особенностью содержания учебного текста является передача теоретического знания, предположим, что его целостность в большей степени определяется тематическими концептами, что нуждается в практическом подтверждении.

Лексический способ является основным способом репрезентации концептов и создания целостного содержания, организованного вокруг ключевых слов, или «смысловой доминанты» [Панченко 2010: 61]. Целостность текста проявляется в повторении ключевых слов, их производных, синонимии и антонимии [Валгина 2003; Солганик 1997; Панченко 2010]. Очевидно, что выбор автором текста ключевой лексики и особенности ее употребления есть проявление когнитивных механизмов профилирования и фокусирования.

Проиллюстрируем способы реализации концептуальных взаимосвязей, обеспечивающих целостность учебных текстов, некоторыми примерами. Выбор учебных текстов для IT-специальностей обусловлен популярностью концептуальной области информационных технологий, большей очевидностью целостности малых текстов вообще [Гальперин 2007; Кубрякова 2004] и выраженностью смысловой структуры в научных и учебных текстах [Колшанский 2007]. В качестве примеров выбраны тексты пособия “Infotech. English for computer users” [Esteras 2008: 8, 27].

Выявлено, что темы всех текстов обозначены в заголовках, например, *Networking FAQs*, *What is a computer?*, *Channels of communication*. Микротемы представлены различными способами. Анализ более 30 текстов показал, что примерно половина из них содержит подзаголовки. Например, *Digital camera*, *What is wireless networking?* То есть, в этих текстах эксплицитно и однозначно определена концептуальная область и входящие в нее тематические концепты.

Обнаружено, что некоторые абзацы содержат выделенные слова-термины, которые не обладают очевидной частотностью. Например: *DPT centres around a page layout program; A computer consists of two parts: hardware and software. Hardware is any electronic or mechanical part you can see or touch*. Тема абзаца может отличаться от выделенных слов. Например, в предложении *On the rear panel of the computer there are several ports into which we can plug a wide range of peripherals* выделенный термин уже темы абзаца «типы устройств, взаимодействующих с компьютером». Мы полагаем, что выделение и использование терминов является проявлением фокуса и профилирования знания по теме «компьютер» с помощью тематических (hardware, page layout program) и операционных концептов (ports, mouse).

Половина изученных текстов не содержит эксплицитных формулировок тем абзацев, их можно сформулировать путем анализа ключевых слов. Например, в тексте *What is a computer?* ключевые слова *data*, *process*, *computer's memory*, *program* позволяют выделить микротему «как работает компьютер». Другой пример: в первом предложении абзаца о процессоре есть прямое указание на то, что он является самым важным элементом: *Perhaps the most influential component is the main processing unit*. Эта тема абзаца разворачивается с помощью ключевых слов *computer*, *process* и *unit* в абзаце.

Приведенные примеры наглядно свидетельствуют о том, что тематическая целостность учебных текстов обеспечивается единым когнитивным контекстом в концептуальной области информационных технологий. Доказательством служит повторяемость ключевых слов в каждом отдельном тексте. Так, для текста *What is a computer?* наиболее частотны слова *computer*, *data*, *system*, *process*, *program*, *memory*, *instructions*, *store(age)*, *peripherals*, and *devices*. Они репрезентируют тематический концепт КОМПЬЮТЕР в единстве его функций и характеристик. В тексте *The eyes of your computer* происходит профилирование этого концепта за счет описания видов дополнительных устройств: *data*, *device*, *computer*, *store*, *memory*, *scanner*, *photocopier*, *camera*. Кроме того,

метафора *eyes*, которая репрезентируется словами *image, see, lighting, film, photograph, view, video, pictures, movies, and live*, есть пример операционного концепта. Она расширяет характеристики тематического концепта, уточняя его способность предоставлять дополнительные источники зрительного восприятия. То есть, мы наблюдаем единство и взаимодействие концептов, обеспечивающих содержательную целостность текста. Более того, можно утверждать, что содержание всех текстов пособия также характеризуется целостностью и представляет собой единое текстовое пространство.

Проведенный анализ английских учебных текстов в сфере ИТ позволяет сделать вывод о том, что целостность их содержания является наблюдаемым, определяемым свойством. Об этом свидетельствует эксплицитное обозначение тем текстов и абзацев, их отнесенность к одной тематической области. Целостность содержания учебных текстов в сфере ИТ имеет, главным образом, концептуальную природу, которая проявляется во взаимосвязи тематических и операционных концептов в единой концептуальной области информационных технологий. Эта взаимосвязь обеспечивается механизмами профилирования и фокусирования знаний в данной области. Основными средствами репрезентации тематических и операционных концептов являются ключевые слова и термины.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.
- Валгина Н.С.* Теория текста. М.: Логос, 2003.
- Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования. М.: КомКнига, 2007.
- Каменская О.Л.* Текст и коммуникация. М.: Высшая школа, 1990.
- Колчанский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Леонтьев А.А.* Признаки связности и цельности текста // Смысловое восприятие речевого сообщения. М.: Наука, 1976. С. 46–48.
- Панченко Н.В. и др.* Теория текста: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2010.
- Солганик Г.Я.* Стилистика текста: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2001.
- Esteras S.R.* Infotech. English for Computer Users. Cambridge: CUP, 2008.

*A.V. Kashcheyeva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

CONTENT INTEGRITY OF EDUCATIONAL TEXT: COGNITIVE ASPECT

The article discusses the nature of the text content integrity as basic property. It analyzes English educational IT texts in brief. It concludes that the integrity of the content of educational texts has a conceptual basis created by the interaction of thematic and operational concepts with the help of profiling and focusing mechanisms represented by key words and terms.

Key words: educational text, content integrity, thematic concept, operational concept, key words, terms.

*С.В. Киселева, А.А. Смирнова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Smirnova_a.a.spb@mail.ru*

ЛИНГВО-КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММУНИКАЦИИ ЧЕРЕЗ ЧАТ-БОТ

Изучение когнитивных особенностей речевого взаимодействия, в частности, в период активного использования цифровых средств коммуникации, является приоритетной задачей для лингвистов. Интернет-дискурс имеет свою специфику и закономерности, оказывая значительное влияние на коммуникацию. В данной статье авторы делают акцент на особенностях организации эффективной коммуникации через чат-ботов, обращая внимания на некоторые когнитивные аспекты.

Ключевые слова: чат-бот, коммуникация, когниция, конверсационный анализ, интернет-дискурс.

На современном этапе развития общества, человечество достаточно активно осваивает новые технологические продукты, цель которых – упростить и облегчить жизнь и различные важные процессы. Так появился интернет, социальные сети, мессенджеры. На сегодняшний момент эти технологии являются не только достижениями науки и техники, но и особыми понятиями в современной лингвистике.

Известные лингвисты изучают виртуальную реальность, выявляя законы и принципы ее функционирования, описывая различные процессы. Так, Д. Кристал сформулировал особый раздел, назвав его «Интернет-лингвистика» [Кристал 2011]. Также был выделен особый вид дискурса – «интернет дискурс», а В.И. Карасик раскрыл особые жанры текстов социальных сетей [Карасик 2019: 50].

Лингво-когнитивный подход в изучении особенностей организации речевого акта с применением виртуальной реальности: интернета, социальных сетей, мессенджеров – является приоритетным в применении, поскольку большая часть коммуникаций сегодня протекает именно через данные каналы. Актуализация виртуальной реальности в том числе дала толчок к развитию искусственного интеллекта. Самый простой пример искусственного интеллекта с позиции технологий – чат бот. Однако, с точки зрения коммуникации данный объект является одним из самых сложных.

Согласно определению, чат-бот – это «компьютерная программа, предназначенная для создания имитации разговора пользователя с другим собеседником в сети Интернет» [OLD 2022]. С технической точки зрения существуют два вида чат-ботов: 1) самообучающиеся на базе алгоритмов Machine Learning и методов понимания естественного языка; 2) работающие по заранее выстроенному сценарию [proglib.io 2017].

На сегодняшний день чат-боты активно использует бизнес-сообщество. Крупные компании разрабатывают голосовых помощников с технологией самообучения. Средний и малый бизнес создает чат-ботов в социальных сетях (второй вид). Использование ботов очень часто приводит к неуспешности

коммуникации как со стороны коммуниканта, так и со стороны коммуникатора по разным причинам. Рассмотрим на примере коммуникации в социальной сети «ВКонтакте» с чат-ботом от компании МТС. Анализ диалога будет проходить с применением методик когнитивного анализа, конверсационного анализа, корпусного анализа текстов, составления фрейма.

В первую очередь, определим, что компания оказывает услуги. При построении фрейма «услуга» проведем корпусный анализ текстов Национального корпуса русского языка [НКРЯ 2022]. При поиске леммы «услуга» было найдено порядка 800 текстов разного стиля (художественный, публицистический, научный и т. д.)

Большее количество коллокатов со словом «услуга» имеют отношение к финансам: «платная услуга», «коммерческая услуга», «услуга будет прибыльной», «услуга дорогая», «услуга приносит деньги» и т. д. При этом дорогая услуга встречается гораздо чаще (11 раз), чем дешевая (3 раза). Сферы оказания услуг обширны: «государственная услуга», «страховая услуга», «услуга риелтора», «жилищная услуга», «медицинская услуга» и т. д. Можно отметить наличие коллоката «навязываемая услуга» (8 раз), что подчеркивает наличие определенного негативного отношения.

Выстраивая фрейм, можно сказать, что термин «услуга» в сознании русскоговорящих людей репрезентируется лексическими категориями: деньги (дорого), я (подчеркивание антропоцентризма), сферы (междисциплинарность понятия, универсальность для разных сфер). Таким образом, согласно трудам известного лингвиста Н.Н. Болдырева, формируются когнитивные знания о мире в этом узком аспекте фрейма «услуга» [Болдырев 2013].

Теперь перейдем непосредственно к конверсационному анализу диалога с чат-ботом МТС:

Приветственное сообщение:

1) *Привет. Напиши свой вопрос тут, мы обязательно поможем разобраться! Не забудь указать номер телефона и ФИО владельца 😊 P.S. Стикеры закончились*) [МТС 2022]

2) А: *Что ты можешь?*

3) Б: *Здравствуйте! Меня зовут Марти, я попробую ответить на ваш вопрос. Я могу ответить вам на некоторые общие вопросы, а также принять обращение по качеству связи и рассказать о тарифах.*

4) А: *расскажи о тарифах*

5) Б: *У нас есть много самых разных тарифов! 🍷 Семейный, с большим количеством звонков, с безлимитным интернетом... Какой вам нужен? Тарифы на любой вкус можно найти здесь: <https://mts.ru/personal/mobilnaya-svyaz/tarifi/vse-tarifi> [МТС 2022].*

Анализ диалога с чат-ботом будет происходить по следующим пунктам: механизм обмена репликами, стандартное спаривание реплик и наличие речевых стратегий и тактик.

Механизм обмена репликами. Приветственное сообщение можно увидеть перед началом диалога. Далее обмен репликами идет в таком порядке: человек (коммуникант, обозначен в диалоге «А»), чат-бот (обозначен в диалоге «б») отвечает. Для коммуниканта реплики будут являться иллокутивно-вынужденными. Это можно определить исходя из стартового сообщения, где перед коммуникантом ставится цель задавать вопросы («Напиши свой вопрос тут» [МТС 2022])

Смежных пар в данном диалоге можно выделить несколько. Для большего удобства были пронумерованы все реплики цифрами. Смежными парами могут быть: 1) и 2), 2) и 3), 3) и 4), 4) и 5), а потенциально может быть вариант 1) и 4). Поскольку «первые реплики смежных пар иллокутивно вынуждают последующую смежную реплику» [Королева 2015], можно сделать вывод, что данный диалог является своего рода «конструктором»: если после приветственной фразы последует другой вопрос, на который может дать ответ бот – он его напишет.

Универсальная структура фраз, заложенных в бот, помогает диалогу обрести более признанную форму, где наличие иллокутивно-зависимых реплик указывает на заинтересованность в общении, вынуждает коммуникантов к действиям.

Наличие стратегий и тактик. Как известно из теории речевых актов, для успешности речевого акта все участники должны испытывать подлинные эмоции и желание коммуницировать. Организация, которая создает чат-бота, действительно испытывает потребность в коммуникации с пользователями. Другой момент – интенция самого коммуниканта. Он обратился к диалогу с ботом, имея определенную цель. Эта цель служит основой для выбора стратегии и тактики проведения речевого акта, а значит – базой для создания алгоритма коммуникации.

Существуют две основные тактики коммуникационного взаимодействия в аспекте конверсационного анализа: изучение ситуации и запрос о немедленном прояснении [Королева 2015]. На примере данного диалога можно увидеть два вида тактик: реплики 1), 2), 3) представляют собой запрос на немедленное прояснение – чем же он может помочь; 1), 4) (в данной последовательности реплик) – изучение ситуации. Однако, начало диалога не предполагает уведомление о ведении диалога ботом. Также, не совсем ясен перечень тех вопросов, которые поможет решить бот: *Я могу ответить вам на некоторые общие вопросы, а также принять обращение по качеству связи и рассказать о тарифах* [МТС 2022]. В таком случае, лучше всего детализировать текст перечнем функционала бота. Помимо этого, для реализации цели коммуниканта, необходимо продумать наличие функции переключения диалога на оператора (человека) – при невозможности решить проблему тем сценарием, который есть у бота, или при наличии у человека негативного опыта общения с ботами.

Таким образом, подводя итог работы, стоит сказать, что общение в социальных сетях зачастую обусловлено не только стимулом, но и предыдущим

обменом информацией «его прагматическим контекстом, инференциями, выводимыми из высказываний, эмоциями и т. д.» [Королева 2015]. Для эффективности речевого акта в чат-ботах необходимо предварительно выбрать тактику коммуникации и определить стратегию. Тактико-стратегический аспект задается интенцией коммуниканта, которую необходимо знать заранее. В самом начале исследования был выстроен концепт сферы «услуга», к которой относится компания «МТС». Ключевым фактором стали лексические единицы «дорого», «деньги», «я». Цели, которые ставят перед собой клиенты компании напрямую связаны с этими единицами (высокая стоимость услуг влечет наличие негатива, а также прямых вопросов о качестве услуг, наполненности и т. д.). В этом плане важно учитывать и когнитивный аспект, стараясь предупредить человека о том, что общается он с чат-ботом, а при необходимости его быстро свяжут с оператором. При совокупности этих действия диалог можно будет считать успешным.

Литература

Болдырев Н.Н. Теоретические основы и методологические принципы когнитивного исследования языка // Вестник ЧелГУ. 2013. № 24 (315). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-i-metodologicheskie-printsipy-kognitivnogo-issledovaniya-yazyka>

Карасик В.И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. №1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-setevogo-diskursa>

Королева Т.А. Конверсационный анализ жанра чата (на примерах англоязычного материала) // Вестник БГУ. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konversatsionnyy-analiz-zhanra-chatana-primerah-angloyazychnogo-materiala>

Crystal D. Internet Linguistics: A Student Guide. Routledge, 2011.

OLD – Oxford Learners Dictionaries, 2022. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/chatbot>

МТС – чат-бот компании МТС в социальной сети ВКонтакте. URL: <https://vk.com/im?sel=-8458649>

НКРЯ – национальный корпус русского языка. URL: https://processing.ruscorpora.ru/search.xml?lang=ru&mode=main&no-dia=1&out=kwic&req=%D1%83%D1%81%D0%BB%D1%83%D0%B3%D0%B0&sort=i_grstd&text=lexform

S.V. Kiseleva, A.A. Smirnova (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University of Economics

LINGUO-COGNITIVE FEATURES OF EFFECTIVE COMMUNICATION THROUGH A CHATBOT

The study of the cognitive features of speech interaction, in particular during the period of active use of digital means of communication, is a priority task for linguists. Internet discourse has its own specifics and patterns, having a significant impact on communication. In this article, the authors focus on the features of organizing effective communication through chatbots, paying attention to some cognitive aspects.

Key words: chatbot, communication, cognition, conversational analysis, internet discourse.

Т.А. Климова (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный педагогический университет
klimova.tania@gmail.com

СПЕЦИФИКА КОНЦЕПТА MEMORY В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ БИЛИНГВА И ЕЁ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В ТЕКСТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА КАДЗУО ИСИГУРО “THE BURIED GIANT”)

В работе рассматривается специфика репрезентации концепта MEMORY в языковом сознании носителя английской и японской лингвокультур. Как показал анализ, под влиянием японского языка в англоязычном романе Кацзуо Исигуро “The Buried Giant” эксплицируются характеристики, присущие японскому концепту ОМОИДЭ. Концепт MEMORY, таким образом, приобретает статус художественного и формирует когнитивный стиль автора.

Ключевые слова: языковое сознание, билингвизм, когнитивный стиль, концепт, художественный концепт.

Когнитивный подход к изучению памяти позволяет реконструировать соответствующий фрагмент языковой картины мира с учётом национально-культурной специфики его концептуализации. Так, Е.С. Кубрякова называет ПАМЯТЬ «словом духовной культуры» и рассматривает концепт как центр притяжения новых смыслов и порождения определённых ключевых слов [Кубрякова 1991: 85]. Интерпретируя результаты концептуального анализа существительного «память», Е.С. Кубрякова приходит к выводу, что данный феномен репрезентируется в языке через концепт ВМЕСТИЛИЩЕ, на базе которого в числе прочих формируется концепт ЕДИНИЦА [Там же: 88]. Это позволяет рассматривать концепт ПАМЯТЬ как сложноорганизованный многокомпонентный феномен.

В нашем исследовании мы опираемся на трактовку концепта, предложенную Ю.С. Степановым, который определяет его как «сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов 1997: 40-41]. Подобная трактовка позволяет говорить о различных способах экспликации концептов в языке, в частности, в художественном тексте. По этой причине Ю.С. Степанов также ввёл понятие т.н. художественного концепта – «абсолютного изолята», который не имеет оппозиции в языке [Степанов 2007: 17]. Художественный концепт представляет собой идею, характерную для конкретного автора, что позволяет говорить и о своеобразии авторской объективации концепта в художественном тексте.

Можно утверждать, что художественные концепты во многом формируют когнитивный стиль автора (*mind-style*). Британский лингвист Роджер Фаулер предложил данный термин для обозначения существующей внутри любого романа совокупности устойчивых структурных решений, на которых строится его художественный мир, и каждое из которых представляет собой отдельную форму существования сознания (повествование от первого лица; персонажи; подразумеваемый автор, который контролирует как рассказчика, так и персонажей и часто занимает определённую позицию по отношению к ним) [Fowler

1977: 76]. Иными словами, когнитивный стиль – это «любое своеобразное языковое проявление индивидуального сознания» [Fowler 1977: 103].

Романы Кацзуо Исигуро характеризуются сложным смысловым содержанием, а тема памяти лежит в основе творчества писателя. Исследование данной темы стало для Исигуро своего рода миссией. Так, в ранних интервью он заявляет, что частое обращение к ретроспективным эпизодам и воспоминаниям персонажей в его романах играет не только механическую, повествовательную функцию, но и представляет собой попытку «нащупать» связь между изменениями в текстуре памяти и эмоциональным состоянием человека: «Я пытаюсь запечатлеть текстуру памяти. Мне нужно раз за разом напоминать людям, что ретроспекция – не просто объективный, технический приём описания событий в прошлом. Это кто-то перелистывает страницы воспоминаний в контексте своего эмоционального состояния в данный момент. Мне интересны очертания этих событий [...]» [Kelman 1989: 48] (перевод наш – Т. К.). Писатель намеренно строит повествование на территории неопределённости в попытке избежать догматичности и морализаторства.

В английском языке концепт MEMORY репрезентируется такими характеристиками, как способность запоминать и хранить информацию, запас хранящихся в сознании впечатлений/информации, воспоминания о тех или иных событиях прошлого [MWD; OLD]. В японском языке для выражения данного концепта, в зависимости от контекста, используются разные сочетания кандзи, имеющие разное смысловое наполнение и прочтение: 思い出 (*омоидэ*) и 記憶 (*киоку*) [Seely 2016: 55, 323]. Так, *омоидэ* можно развёрнуто перевести как «оставившее впечатление воспоминание», причём воспоминание эмоциональное, ностальгического характера (одним из радикалов, входящих в состав первого кандзи, является полисемант 心 (*кокоро*) – «сердце»). В свою очередь, *киоку* используется для обозначения памяти как строго механической когнитивной функции и хранилища информации – кандзи, входящие в состав данного сочетания, можно перевести как «записывание» и «запоминание» соответственно. Производные от данных существительных глаголы 思い出す (*омоидасу*) и 記憶する (*киоку-суру*) используются в сочетании с понятиями, описывающими сферу межличностных отношений и сферу фактов/событий соответственно. Стоит также отметить, что 記憶する (*киоку-суру*) по сути представляет собой глагольное сочетание, которое буквально можно перевести как «совершать действие запоминания», что лишней раз подчёркивает ограниченность его использования для описания памяти как функционального когнитивного феномена.

Седьмой по счёту роман Исигуро – “The Buried Giant” («Погребённый великан») – несколько отличается от предыдущих работ писателя. Так, это первый роман, в котором повествование ведётся не только от первого, но и от третьего лица. Несколько отличаются и жанрово-стилистические характеристики – в произведении присутствуют элементы фэнтези и притчевого романа, а его действие разворачивается в «тёмный век» средневековой

Британии, на закате эпохи короля Артура. В привычной для себя манере Исигуро выстраивает повествование на ретроспективных эпизодах, облечённых в форму воспоминаний и рассуждений персонажей.

“The Buried Giant” начинается с фрагментарных и разрозненных воспоминаний и реминисценций. Имея лишь смутные представления о собственном прошлом, персонажи не могут выстроить целостную картину своих жизней и, как следствие, осмыслить настоящее. Языковые единицы, репрезентирующие концепт MEMORY в тексте романа, отражают фрагментарность и разрозненность: *something comes back to me, element of recognition, shadows of half-remembered faces, to tug at some lost memory*. Данные характеристики присущи и метафорам, которые персонажи используют для описания зыбкой природы памяти. В следующем примере воспоминания сравниваются с «беспокойным воробьём, который вот-вот вырвется и исчезнет с дуновением ветра»: *This country awakens so many memories, though each seems like some restless sparrow I know will flee any moment into the breeze* (Ishiguro K. The Buried Giant).

Можно сказать, что компонент впечатления в японском концепте ОМОИДЭ подчёркивает важность любых воспоминаний для настоящего опыта. Таким образом, воспоминания представляются кусочками мозаики, которые персонажи пытаются найти и восстановить общую картину памяти. При этом персонажи понимают ценность любых воспоминаний в процессе восстановления – как хороших, так и плохих: *[...] With this mist upon us, any memory's a precious thing and we'd best hold tight to it* (Ishiguro K. The Buried Giant). На ценность воспоминаний указывает и часто негативная оценка заколдованного тумана, который стирает их. Персонажи расценивают туман как проклятье (*cursed with a mist of forgetfulness*) и напасть, которую необходимо преодолеть, чтобы вернуть себе воспоминания: *[...] Our memories aren't gone for ever, just mislaid somewhere on account of this wretched mist. We'll find them again, one by one if we have to [...]* (Ishiguro K. The Buried Giant). В решительности персонажей вернуть себе воспоминания и буквально «крепко держаться за них» просматривается механическая составляющая – они готовы прикладывать для этого все усилия.

С точки зрения грамматики обращает на себя внимание частое использование Past Perfect: автор отдаёт предпочтение именно этой видовременной форме глагола для описания событий в прошлом. Такое предпочтение представляется далеко не случайным – перфектная форма подчёркивает связь прошлого с настоящим и, как следствие, значимость воспоминаний и событий в прошлом для понимания происходящего. Заколдованный туман лишает персонажей не только долговременной, но и кратковременной памяти: порой они с трудом вспоминают события последних пары часов. Важно отметить, что по мере повествования автор заостряет внимание только на значимых для персонажа недавних воспоминаниях. Так, следующий отрывок показывает, как один персонаж решил признаться другому, что всё путешествие его обманывал, однако буквально в течение часа туман оставляет от воспоминаний о решении «лишь невнятные обрывки» (*nothing but confused wisps*):

Their destination had, for the moment, drifted beyond his recall. What was more, there had been something important to tell the warrior: he had been deceiving Wistan about something, and now it was almost time to confess. When they had started their climb, leaving the exhausted mare tied to a shrub beside the mountain path, he had resolved to make a clean breast of it once they reached the top. Yet now he was almost there, his mind held nothing but confused wisps (Ishiguro K. *The Buried Giant*).

Частое использование перфектной формы можно рассматривать и как одно из проявлений билингвального языкового сознания Кадзуо Ишигуро. Так, в японском языке существуют глагольные формы *–тэ иру* и *–тэ ару*, которые используются и для выражения оттенков значения перфекта-результатива в том числе. Глагольная форма *–тэ иру*, в частности, используется для выражения действия или события в прошлом, которое значимо для настоящего.

Подводя итоги, можно утверждать, что экспликация концепта MEMORY в романе “*The Buried Giant*” обусловливается спецификой языкового сознания Кадзуо Ишигуро, в котором две национальных культуры и языка взаимно дополняют друг друга, формируя тем самым когнитивный стиль писателя. Так, в романе ставится акцент на важность эмоционального измерения памяти, которое в японском языке находит отражение в отдельном концепте ОМОИДЭ. Видовременные формы Past Perfect служат связующим звеном между прошлым и настоящим, и представляют собой отражение перфектно-результативных глагольных форм *–тэ иру/–тэ ару*, используемых в японском языке для выражения прошлых действий или событий, которые так или иначе влияют на настоящее.

Литература

- Кубрякова Е.С. Об одном фрагменте концептуального анализа слова память // Логический анализ языка. Культурные концепты. М.: Наука, 1991. С. 85–91.
- Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
- Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Kelman S. In Toronto (1989) // *Conversations with Kazuo Ishiguro* / ed. by Brian W. Shaffer and Cynthia F. Wong. Jackson: University Press of Mississippi, 2008.
- MWD – Merriam-Webster Dictionary. URL: <https://bit.ly/3mQF3bG>
- OLD – Oxford Learner’s Dictionary. URL: <https://bit.ly/3aYBcGN>
- Fowler R. *Linguistics and the Novel*. London: Methuen & Co., 1977.
- Seely C. *The Complete Guide to Japanese Kanji: Remembering and Understanding the 2,136 General Use Characters*. Boston: Tuttle Publishing, 2016.

*T.A. Klimova (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University*

THE DISTINCTIVE NATURE OF BILINGUAL LANGUAGE CONSCIOUSNESS IN LITERARY TEXT: THE CONCEPT OF MEMORY IN KAZUO ISHIGURO’S “THE BURIED GIANT”

The paper examines the distinctive nature of the concept MEMORY in the linguistic consciousness constructed from two linguocultures—English and Japanese. Analysis reveals that characteristics pertaining to the Japanese concept ОМОИДЕ manifest themselves in the English-language text of Kazuo Ishiguro’s

“The Buried Giant” as a result of the Japanese language influence. This way, concept MEMORY becomes an artistic concept, shaping the author’s mind style.

Key words: linguistic consciousness, bilingualism, mind style, concept, artistic concept.

Д.А. Кожанов (Барнаул, Россия)

*Алтайский государственный педагогический университет
dsf46k@yandex.ru*

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КАК ЭЛЕМЕНТЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА В НАУЧНЫХ ТЕКСТАХ

В статье рассматривается вопрос трансфера концептов между художественной и научной картинами мира. Новизна исследования заключается в обращении к метафорическим моделям, которые выступают в качестве репрезентантов внешнего дискурса. Делается вывод о важной роли инодискурсивных включений в процессах порождения и интерпретации научных текстов.

Ключевые слова: дискурс, дискурсивные взаимодействия, трансфер концептов, метафорические модели, научная картина мира, художественная картина мира.

Использование методологического аппарата когнитивной лингвистики при проведении дискурсивных исследований становится все более популярным, т. к. оно позволяет рассмотреть механизмы взаимодействия дискурсов в неразрывной связи с трансформациями ментальных структур, составляющих концептуальный уровень взаимодействующих дискурсов. Как следствие, теория дискурса и когнитивная лингвистика обогащают друг друга как с теоретической, так и с методологической точек зрения.

Наше исследование посвящено изучению механизмов взаимодействия научного и художественного дискурсов, играющих заметную роль в коммуникативном пространстве современного общества, в контексте проблемы генерации новых смыслов участниками дискурсивных ситуаций, в которых художественный дискурс выступает в роли дискурса-донора, а научный дискурс в роли дискурса-реципиента. В качестве источника новых смыслов в работе рассматривается феномен интердискурсивности, реализующийся, с одной стороны, в использовании элементов одного дискурса в пространстве другого дискурса, а с другой – в смене ролей в процессе интерпретации художественного или научного текста, когда читатель выступает последовательно как субъект различных дискурсов.

Ориентация на построение модели взаимодействия дискурсов обусловила наше понимание дискурса как коммуникативного события, включающего процессы порождения и интерпретации смысла [Дейк 1989]. Свообразным итогом данного события является восстановление читателем «мысленного мира автора», что подразумевает «внедрение в чужое сознание», при котором авторские смыслы модифицируются «под влиянием системы устоявшихся мнений интерпретатора» [Демьянков 2003: 117]. Данная трактовка понятия «дискурс»

знаменует отказ от статического понимания сущности знака в пользу динамичного, предполагающего «соучастие читателя в интерактивном процессе порождения новых смыслов» [Степанов 2006: 7-8].

В контексте данного исследования концептуальная метафора рассматривается как основанная на аналогии когнитивная модель, позволяющая осмыслить познаваемые объекты и явления на основании знания об иных объектах и явлениях, которая находит выражение в дискурсе в виде набора метафорических выражений. Гносеологический потенциал концептуальной метафоры обусловил ее востребованность в языке науки, где ей отводится роль инструмента, позволяющего преодолеть ограниченность имеющихся в распоряжении исследователя языковых средств при описании новых научных феноменов. Так, В.Н. Телия указывала, что «место и роль метафоры в языковом оформлении нового значения рассматривается в контексте философских проблем, связанных с изучением вербализации концептуального содержания» [Телия 1988: 170].

Очевидно, что в текстах различных жанров присутствуют в той или иной пропорции разные типы метафор, в связи с чем возникает вопрос о критериях отбора практического материала, который может быть рассмотрен только в контексте более общей проблемы, а именно с точки зрения того, какие случаи метафорического переноса являются отражением особенностей человеческого мышления (в нашем случае научного мышления), а какие представляют собой следы художественного дискурса в пространстве научного текста. Рассматривая данную проблему, Л.В. Александрова отмечает, что в научном дискурсе существует немало метафор со «стершейся» образностью, которые служат цели конкретизации представления, риторической цели (подчеркивание, выделение), но не обладают эстетической выразительностью, как например, *the vicious circle* [Александрова 2000: 38].

По нашему мнению, связь метафорических моделей научного текста с художественным дискурсом прослеживается в тех случаях, когда к чисто логическому содержанию метафорических выражений добавляются экспрессивно-эмоциональные оттенки, что достигается посредством обращения к некоторому художественному концепту (концептам), т. е. к ментальной единице художественной картины мира. В приведенном ниже примере американский лингвист и антрополог Эдвард Сепир рассматривает идею своеобразия структуры различных языков, обращаясь к художественному концепту ПУТЕШЕСТВИЕ, который является ключевым концептом для многих художественных произведений, с которыми так или иначе знаком адресат текста:

*We have observed that one language runs to tight-knit synthesis where another contents itself with a more analytical, piece-meal handling of its elements. It must be obvious to anyone who has felt something of the spirit of the foreign language that there is such a thing as a basic plan, a certain cut, to each language. This type, or plan, or structural "genius" of the language is something much more fundamental, much more persuasive, than any single feature of it. When we **pass from Latin to***

Russian, we feel that it's approximately the same horizon that bounds our view, even though the near, familiar landmarks have changed. When we come to English, we seem to notice that the hills have dipped down a little, yet we recognize the general lay of the land. And when we have arrived at Chinese, it is an utterly different sky that is looking down upon us (Sapir E. Language).

Идея об уникальной глубинной структуре, присущей каждому языку (*the spirit of the foreign language; a basic plan, a certain cut, to each language; structural "genius" of the language*), раскрывается Эдвардом Сепиром через аналогию между человеком, изучающим языки (*pass from Latin to Russian, come to English, have arrived at Chinese*), и человеком, путешествующим по миру и знакомящимся с разными странами, который обнаруживает что по мере удаления от родных мест знакомых и узнаваемых черт становится все меньше (*the same horizon that bounds our view, familiar landmarks have changed, the hills have dipped down a little, recognize the general lay of the land, an utterly different sky that is looking down upon us*).

Логическое содержание приведенной в примере развернутой метафоры (язык – коллектив носителей языка – страна, в которой проживает коллектив носителей языка) несомненно является фундаментом для научного понятия, которое вводит автор научного текста. Вокруг ядра научного понятия, содержащего рациональную и объективную информацию (путешествие как длительная поездка за пределы постоянного местожительства), формируются периферийные слои, содержащие эмоционально-экспрессивную информацию, в первую очередь, оценочного характера. Здесь содержатся сведения о цели путешествия (деловая, образовательная, религиозная и т. п.), положительная оценка увиденного и пережитого в путешествии, отрицательная оценка ожидающих путешественника трудностей и т. п. Формирующаяся в результате когнитивная структура обладает несомненной лингвокультурной спецификой, которая объясняется заметными отличиями в способах осмысления идеи путешествия в разных языках и культурах.

Приведенный выше пример представляет собой случай реализации пространственной метафоры, которую многие исследователи определяют как один из самых распространенных типов метафоры [Lakoff, Johnson 2003]. Данная группа метафорических моделей связана с идеей представления информации на основе восприятия и осмысления категории пространства, принадлежащей к числу базовых категорий человеческого мышления. Пространственная метафора позволяет представить предметную область научного текста как пространство, сформированное из ряда подпространств, включенных в сложную систему отношений. Существование таких подпространств, каждое из которых имеет свою систему пространственно-временных координат, объясняется тем фактом, что автор научного текста не может не вступать в диалог с другими исследователями в своей предметной области, свидетельством чему является наличие в любом научном тексте большого числа эксплицированных интертекстуальных связей в виде цитат, отсылок и комментариев, которые отражают

содержание того диалога, который ведет исследователь с иными теориями и концепциями, независимо от места и времени их появления.

Как следствие, хронотоп научного текста напоминает неоднородный хронотоп художественного произведения, время которого легко сжимается или растягивается в результате пропуска одних событий и выделения других событий крупным планом. Все это говорит об определенном влиянии художественного дискурса на научный дискурс, которое имеет место на том глубинном уровне дискурса, который определяет общую сюжетно-композиционную организацию научного текста.

Литература

Александрова Л.В. Языковая выразительность научной прозы // Вестник Московского государственного университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2000. № 3. С. 32–42.

Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.

Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Издательство Московского государственного университета, 2003. С. 116–133.

Степанов Ю.С. Семиотика, философия, авангард // Семиотика и авангард: антология. М.: Академический проект: Культура, 2006. С. 5–32.

Телия В.Н. Послесловие // Метафора в языке и тексте. М.: Наука, 1988. С. 170–172.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: The University of Chicago Press, 2003.

D.A. Kozhanov (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

METAPHORICAL MODELS AS THE ELEMENTS OF LITERARY DISCOURSE IN SCIENTIFIC TEXTS

The article considers the issue of concept transfer between literary and scientific pictures of the world. The topicality of the research consists in studying metaphorical models used as representatives of the outer discourse. The conclusion is made about the role of interdiscursive inclusions in the processes of generation and interpretation of scientific texts.

Key words: discourse, discursive interactions, concept transfer, metaphorical models, scientific picture of the world, literary picture of the world.

И.В. Кожухова (Челябинск, Россия)
Челябинский государственный университет
vinantov@mail.ru

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ИМПОЗИТИВНЫХ КОММЕНТАРИЯХ: КРАТКОЕ ОПИСАНИЕ

Приводится краткий анализ функционирования дискурсивных маркеров в импозитивных комментариях. Выделяются следующие ключевые особенности: преобладание начальной позиции; использование полифункциональных дискурсивных маркеров «ну», «так», «вообще», а также

маркера-акронима «лол». Использование дискурсивных маркеров в совокупности с другими языковыми элементами повышает конфликтогенность комментария.

Ключевые слова: комментарий, дискурсивный маркер, импозитивность, полифункциональность, начальная позиция.

Интернет-комментарии по праву являются популярным средством исследования при изучении интернет-коммуникации. В рамках материала исследования можно найти как формальные, так и неформальные комментарии, комментарии между знакомыми и незнакомыми между собой пользователями, зарегистрированными и незарегистрированными пользователями ресурсов, комментарии могут охватывать различную тематику. Все вышперечисленные параметры могут значительно влиять на характеристики комментариев, позволяя акцентировать внимание на разнообразных языковых характеристиках.

Объектом нашего исследования являются комментарии на областном новостном портале 74.ru (всего проанализировано 67 импозитивных комментариев). *Материалом* анализа послужили новости за период с 25 апреля по 2 мая 2022 г. Были проанализированы три самые комментируемые новости: (На площади Революции...), (А если продукты плохие или товар...), (Из Челябинска улетел первый в сезоне...); всего 1814 комментариев. Критерием отбора комментариев является их импозитивный характер: текст комментария несет в себе угрозу позитивному лицу иницирующего комментатора. Отметим, что все комментарии на сайте проходят модерацию и комментарии с явными оскорблениями и нарушениями правил не пропускаются. В выявленных комментариях нас интересовало использование дискурсивных маркеров: их характер и качество. Именно дискурсивные маркеры в импозитивных комментариях являются *предметом* исследования.

Дискурсивные маркеры представляют собой «средства, обеспечивающие грамматическую и смысловую цельность дискурса, организующие смысловую связность его единиц» [Болсуновская 2015: 117]. Дискурсивные маркеры не относятся к определенной части речи, но могут выражаться разными частями речи, имея общую черту – функцию встраивания, погружения высказывания/комментария в контекст. Также из примеров ниже видно, что маркеры находятся как бы вне синтаксической структуры комментария и могут быть исключены из комментария/предложения/высказывания без потери смысла.

Рассмотрим ключевые особенности функционирования дискурсивных маркеров в импозитивных комментариях. Заметим, что орфография и пунктуация сохранены.

1. Начальная позиция. Обращает на себя внимание тот факт, что в большинстве импозитивных комментариев дискурсивные маркеры располагаются в начале комментария:

Ну, поплачься в платочек.

Вот и пусть там улетевшие остаются. На завод по производству Байрактаров идет работать

В целом, это подтверждает общую теорию о том, что дискурсивные маркеры тяготеют к началу предложения [Brinton 2017: 9].

2. Оказиональное использование полифункционального дискурсивного маркера-акронима lol/lol:

Лод, ну ты же сам сказал, что относится можно по разному. Так что проявляй толерантность

Первоначальная функция акронима – указывать на нечто смешное, забавное (англ. “laughing out loud” – «смеюсь в голос»), в настоящее время все ярче проявляется тенденция в использовании данного акронима не в прямом, но в переносном значении – иллюстрация усмешки, ухмылки, отсылающая к саркастическому восприятию адресата высказывания. Полифункциональность в данном случае зависит от контекста и отношения.

3. Частотное использование дискурсивных маркеров:

а) «ну»:

ну, попроси бумажный чек – и все дела

Дискурсивный маркер «ну» также относится к полифункциональным дискурсивным маркерам, в некоторых контекстах может выступать в качестве элементарной дискурсивной единицы и нередко может идентифицировать «вынужденное говорение», т. е. говорящий сигнализирует о том, что его высказывание мотивировано условиями конкретной речевой ситуации, известными адресату речи [Шмелев 2004].

б) так/дак

Дак что же Вы тут до сих пор? Кто держит то? Вас ведь везде ждут золотые горы

Так вы думайте сначала как перейти от бумажных чеков на электронку, согласуйте с покупателями, а уже потом эти бумажные чеки отменяйте. А вы сначала чеки разом отхреначили, а потом думаете как бы их заместить. Хотя вам это на руку, чтобы чеков и в электронном виде не было. Похоже на то. Иначе бы думали о покупателях в первую очередь. Так что кастрюля вместо башки у вас, а не у покупателей!

Дискурсивные маркеры иллюстрируют связь текста и комментария, апеллируя к уже известной читателю информации. Данным дискурсивным маркером адресанты показывают нелогичность высказывания адресата, неодобрение со стороны адресанта, что подтверждается дальнейшим текстом комментария.

Вариант использования дискурсивного маркера «дак» (вместо «так») говорит о разговорном, просторечном характере, иллюстрирующем сближение интернет-дискурса с разговорным дискурсом.

в) вообще

Смирись, наверно тяжело сознавать что ты в меньшинстве и ничего не решаешь. А вообще не нравится что то – вали отсюда. Плакать не станем

Прагматическое значение маркера – заставить адресата посмотреть на ситуацию под другим углом, сменить точку зрения, акцентируя внимание на различных характеристиках. Данный дискурсивный маркер также относится к ряду полифункциональных – значение реализуется контекстуально. Более того,

отметим, что из всех частотных дискурсивных маркеров, рассмотренных выше, именно дискурсивный маркер «вообще» имеет наиболее универсальные характеристики: встречается в различных жанрах, регистрах, монологах и диалогах.

Краткий анализ использования дискурсивных маркеров в импозитивных комментариях хотя и носит обобщенный и предварительный характер, намекает общие тенденции использования, характерные именно для анализируемого материала. Использование дискурсивных маркеров в импозитивных комментариях не только организует текст комментария, но и своими прагматическими характеристиками аггравировывает, т. е. усиливает импозитивный характер ликоугрожающего комментария.

Перспективой исследования может стать корпусный анализ выделенных дискурсивных маркеров для более полного определения и описания их импозитивного эффекта.

Литература

Болсуновская Л.М., Зеремская Ю.А., Дубровская Н.В. Виды дискурсивных маркеров в русскоязычных и англоязычных научных статьях по геологии и нефтегазовому делу // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (157). С. 117–121.

Шмелев А.Д. «Заполнители пауз» как коммуникативные маркеры // Жанр интервью. Особенности русской устной речи в Финляндии и Санкт-Петербурге: сборник статей. Slavica Tampereusia VI. Тампере: Университет Тампере, 2004. С. 205–222.

Brinton L.J. The Evolution of Pragmatic Markers in English: Pathways of Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.

А если продукты плохие или товар не подошел?: торговые сети перестали выдавать бумажные чеки. URL: <https://74.ru/text/economics/2022/04/29/71293595/comments/>

Из Челябинска улетел первый в сезоне самолет в Турцию. URL: <https://74.ru/text/world/2022/04/29/71295038/comments/>

На площади Революции прошел рок-концерт с патриотическим уклоном. URL: <https://74.ru/text/gorod/2022/04/29/71297141/comments/>

I.V. Kozhukhova (Chelyabinsk, Russia)
Chelyabinsk State University

DISCOURSE MARKERS IN IMPOSITIVE COMMENTS: A BRIEF DESCRIPTION

A brief analysis of discourse markers functioning in impositive comments is given. The key features are as follows: the predominance of the initial position; the use of polyfunctional discursive markers «ну», «так», «вообще», as well as the acronym marker “lol”. The use of discursive markers together with other linguistic elements increases the conflict potential of the comment.

Key words: comment, discourse marker, imposition, multifunctional, initial position.

Л.А. Козлова (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный педагогический университет
lyubovkozlova@list.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ПОНЯТИЯ «КОНТЕКСТ» В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ НАУЧНЫХ ПАРАДИГМ

В статье делается попытка проследить эволюцию понятия «контекст», обусловленную сменой научных парадигм. Как показано в статье, изменение смыслового наполнения данного понятия происходило в двух направлениях: по своему объему и по своей значимости в контексте той или иной парадигмы. Эмпирический материал, представленный в статье, показывает значимость когнитивного контекста в межкультурном общении, интерпретации текста и переводческой деятельности.

Ключевые слова: контекст (языковой, коммуникативный, культурный, когнитивный), парадигма, контекстуализация, деконтекстуализация, реконтекстуализация.

Как показывает история развития лингвистической мысли, переход от одной научной парадигмы к другой неизменно влечет за собой как появление новых терминов и стоящих за ними понятий, так и переосмысление содержания некоторых базовых терминов, которые пополняются новыми смыслами в контексте новой парадигмы. К их числу относится понятие *контекст*, которое существует во всем протяжении лингвистики, но при этом его объем и его значимость во многом определяется магистральным направлением доминирующей парадигмы.

В рамках настоящей статьи попытаемся проследить эволюцию понятия *контекст* в аспекте объема данного понятия и его значимости в трех ведущих парадигмах XX и XXI веков: системно-структурной, генеративной и функционально-когнитивной. В рамках системно-структурной парадигмы данное понятие занимало одно из центральных мест, что позволяет охарактеризовать данный период развития лингвистики как период контекстуализации. Однако, в соответствии с магистральным развитием данной парадигмы, исследователи при этом не выходили за пределы семантического пространства языка, т. е. изучалась только языковой контекст. Классификация видов контекста осуществлялась по двум аспектам: в соответствии с языковым уровнем и выполняемой функцией. В соответствии с уровневой классификацией выделялись такие виды контекста, как контекст фонемы, морфемы, слова, грамматической формы, словосочетания, предложения и текста. При описании семантики слова и грамматической формы традиционно выделялись т.н. парадигматические (системные) и синтагматические (контекстуальные) значения. Контексту отводилась главная роль в установлении значения слова или грамматической формы в их употреблении, что имеет особую значимость для такого языка, как английский, в котором полисемия и омонимия пронизывают весь строй языка. Как отмечал Г.В. Колшанский, «чем шире значение слова, тем больше его зависимость от контекста» [Колшанский 1980: 130]. В соответствии с выполняемой функцией

выделялись такие виды контекста, как разрешающий, поддерживающий, погашающий, компенсирующий, интенсифицирующий [Торсуева 1980: 238-239]. Вместе с тем, как это часто бывает в науке, ростки новой парадигмы, а именно выход за пределы языковой семантики был сделан уже в системно-структурной парадигме и нашел свое выражение в попытках выделения таких видов контекста, как коммуникативный, ситуативный и культурный. Так, рассматривая коммуникативный контекст, В.Я. Мыркин включал в него собственно языковой контекст, а также невербальный, ситуативный, культурный и психологический виды контекста, подчеркивая значимость и необходимость учета каждого из них в процессе исследования языка и коммуникации [Мыркин 1978: 98].

В центре внимания генеративной лингвистики находились вопросы, связанные с т.н. *language competence* и *language performance*, которые носят генетически обусловленный, а потому универсальный характер, что неизбежно отодвигало проблемы коммуникативного, социального или культурного типов контекста на второй план. В соответствии с магистральной линией данного направления, прежде всего проблемой порождения грамматически отмеченных синтаксических структур, в качестве иллюстративного материала в работах Н. Хомского и его последователей обычно использовались довольно простые, контекстно необусловленные предложения типа *John was persuaded by Bill to leave; John solved the problem* и т. п. [Хомский 1972: 66-72], что часто подвергалось критике. Противопоставляя функциональный подход генеративному в предисловии к своему фундаментальному труду по функционализму, Т. Гивон писал: “*Meaning is not 100 % literal and non-contextual. Meaning is 100 % metaphoric and contextual*” [Givon 1995: XVI]. Сегодня исследователи характеризуют генеративный этап лингвистики как период деконтекстуализации [Geeraerts 2018: 43].

Появление и стремительное становление когнитивной лингвистики, в основе которой лежит принцип антропоцентризма и обусловленный этим принципом ее междисциплинарный характер, закономерно привело к возрождению интереса и росту значимости контекста, что позволяет определить этот этап как период реконтекстуализации [Geeraerts 2018: 43]. Характерной особенностью процесса реконтекстуализации в контексте когнитивной парадигмы является не только возрастание значимости контекста, но и расширение объема самого понятия *контекст*. Следствием реализации принципа экспансионизма, т. е. сотрудничества лингвистики с другими науками стало то, что понятие *контекст* широко используется сегодня в таких областях знания, как социальная антропология, психология, эпистемология, теория межкультурной коммуникации, история философии. Так, в теории коммуникации фактор контекста является одним из критериев классификации культур, на основе которого различаются культуры с высокой и низкой степенью контекстной обусловленности. Учет этого фактора имеет большое значение в межкультурном общении, а незнание этой специфики зачастую приводит к коммуникативным неудачам.

Как отмечает Т. Ван Дейк, в современной научной парадигме контекст представляет собой ментальный конструкт, который фиксирует когнитивные,

прагматические, социальные, личностные параметры, релевантные для осуществления процесса коммуникации [Dijk van 2008]. По мнению Н.Н. Болдырева, для когнитолога *контекст* – это структуры знаний, лежащие в основе формирования и интерпретации языковых значений [Болдырев 2014:119]. Результатом расширенного понимания контекста явилось введение понятия *когнитивный контекст*, который представляет собой сложный комплекс, включающий знания о языке, (причем как о системе, так и об узусе, т. е. принятых коммуникативных конвенциях), знания о когнитивных механизмах, лежащих в основе языковых процессов, знания о собеседнике, о типе дискурса, в котором употребляется языковая единица, а также знания этнокультурного характера, которые находят свое отражение в семантике языковых единиц и этностиле коммуникации.

Отсутствие необходимых знаний в любой из перечисленных областей может привести к неточностям в передаче или интерпретации смысла как в непосредственной коммуникации, так и в процессе перевода. Приведем несколько примеров, подтверждающих значимость контекста в процессах коммуникации, перевода и интерпретации текста. Так, перевод предложения “*Here in Israel we are happy to embrace anyone who comes to our country with good intentions*” как «Здесь в Израиле, мы рады обнять каждого, кто приезжает в нашу страну с добрыми намерениями», который однажды прозвучал в одном из новостных выпусков *Euronews*, представляется не вполне корректным в данном типе дискурса. Такая неточность обусловлена особенностью английского полисеманта *embrace*, который включает значения обнимать и *принимать, включать (в свое сообщество)*. Второе значение представляется более приемлемым для новостного политического дискурса.

Опора на контекст, как эксплицитный, так и имплицитный в процессе интерпретации текста позволяет нам осуществлять операцию инференции, т. е. извлечение того смысла, который хотел передать автор, при этом не эксплицируя этот смысл в тексте, а оказывая кредит доверия читателю, который должен извлечь этот смысл из контекста. Так, рассказ С. Мозма «Дождь» заканчивается самоубийством миссионера, который долгое время пытался убедить своими проповедями женщину с низкой социальной ответственностью вернуться к праведному образу жизни. В финале рассказа эта женщина с презрением кричит: “*You men! You filthy, dirty pigs! You’re all the same, all of you. Pigs! Pigs!*”. (S. Maugham. Rain). Короткие предложения автора *Dr Macphail gasped. He understood*, завершающие рассказ, позволяют читателю вместе с персонажем извлечь из контекста смысл ее слов.

Особое значение как в устной межкультурной коммуникации, так и в переводе имеет культурный контекст. Так, только знание особенностей немецкой и китайской культур позволит вам не испытать культурного шока от вопроса немецкой хозяйки о том, будете ли вы пить чай и сколько чашек, или от извинений китайской хозяйки в ответ на вашу благодарность за оказанный теплый прием.

Значительную сложность для переводчика представляет особый вид культурного контекста, связанный с феноменом прецедентности. Как отмечает Б.М. Гаспаров, вся наша языковая деятельность осуществляется как непрерывный поток «цитации», хранящейся в нашей языковой памяти. При этом цитаты, извлеченные из памяти и используемые в процессе коммуникации, могут подвергаться различным трансформациям, редуцируясь до «едва замеченных, мерцающих намеков» [Гаспаров 1996:14], и именно такие намеки, будучи неопознанными, представляют сложность для переводчика.

Все сказанное позволяет сделать вывод о тесной взаимосвязи между понятием *контекст* и особенностями парадигмы, в которой оно используется, а также о сложности и многоаспектности феномена *когнитивный контекст*.

Литература

Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6 (335). Филология. Искусствоведение. Вып. 88. С. 118–122.

Гаспаров Б.М. Язык. Память. Образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Колианский Г.В. Контекстная семантика. М.: Наука, 1980.

Мыркин В.Я. Типы контекстов. Коммуникативный контекст // Филологические науки. 1978. № 1. С. 95–100.

Торсуева И.Г. Контекст // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1980. С. 238–239.

Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса. Перевод с английского под редакцией и с предисловием В.А. Звегинцева. М.: МГУ, 1972.

Dijk van T.A. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach. N.Y.: Cambridge University Press, 2008.

Geeraerts D. Paradigm Shifts in Linguistics// Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIV. М.: МГУ имени М.В. Ломоносова: Неолит, 2018. – С.41–45.

Givón T. Functionalism and Grammar. Amsterdam/ Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995.

L.A. Kozlova (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University

THE EVOLUTION OF THE NOTION “CONTEXT” IN THE CONTEXT OF PARADIGM SHIFT

The article presents an attempt to analyze the evolution of the notion “CONTEXT”, conditioned by the paradigm shift. As the author shows, the change of the semantic essence of this notion was taking place in two directions: according to its volume and according to its significance in the context of the paradigm. The empirical material presented in the article illustrates the significance of cognitive context for intercultural communication, text interpretation and translation.

Key words: context (lingual, communicative, cultural, cognitive), paradigm, contextualization, de-contextualization, recontextualization.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА ХУДОЖЕСТВО В ПРОЗЕ Б.В. ШЕРГИНА

Статья посвящена изучению концепта ХУДОЖЕСТВО как семантически важной части концептосферы Б.В. Шергина в целом. На материале рассказов разных лет показано, какие лексемы участвуют в репрезентации концепта, как они очерчивают превалирующие ценности и важность выбранной профессии в жизни поморов.

Ключевые слова: концепт ХУДОЖЕСТВО, лексема, концептосфера, язык писателя, язык поморов, художественный текст, концептуальная модель.

С позиции когнитивной лингвистики основополагающим элементом любого произведения всегда выступает концепт, представляющий собой сопряжённость эквивалентных объектов [Комкова 2021: 98]. Чтобы рассмотреть концептосферу в целом, необходимо изучить каждый отдельный концепт в частности [Ломакина 2019: 781], а также совокупность концептов в их нерасторжимом семантическом единстве [Комкова 2021: 100].

Система ценностей и особенности мировоззрения отдельного народа отражены в произведениях писателей конкретного региона [Ломакина 2021: 172]. Произведения Б. В. Шергина как транслятора культуры Поморского края неразрывно связаны с его этническими особенностями и нравственными характеристиками [Комкова 2021: 75].

К выбору профессии поморы всегда подходили осознанно, считали, что искусство владения ремеслом необходимо оттачивать всю жизнь, приближая свои труды к художественной ценности [Горелов 1984: 8]. Работник для поморов тождественен талантливому художнику, ведь любой труд должен оставаться в веках и представлять «ценность значимую» спустя десятилетия [Горелов 1983: 10], поэтому концепт ХУДОЖЕСТВО является одним из основополагающих концептов в концептосфере Б.В. Шергина

Цель статьи заключается в изучении воспроизведения концепта ХУДОЖЕСТВО в рассказах Б.В. Шергина посредством тех или иных репрезентантов.

Материалом изучения являются такие произведения писателя, как: «Слово о Москве», «Запечатленная слава», «Устюжского мещанина Василия Феоктистова Вопиящина краткое жизнеописание», «Лебязья река», «Собирай по яголке – наберёшь кузовок», «Художество».

В данных произведениях превалирующим лексическим репрезентантом концепта ХУДОЖЕСТВО служит одноимённая лексема, которая в «Словаре русского языка» выступает в четырёх лексико-семантических вариантах: «1. Устар. Искусство. 2. Устар. Изобразительное искусство. 3. Устар. Умение, мастерство, искусное исполнение чего-либо. 4. Разг. Прodelка, выходка» [МАС: 630].

Данный концепт представлен в прозе Б.В. Шергина в третьем значении, но значительно семантизируется в текстах писателя не просто как мастерское владение тем или иным ремеслом, но как любая профессия, выбранная *художником*, за которую он болеет всей душой и посвящает ей себя без остатка [Горелов 1983: 13].

Любой изразец на глиняном сосуде, каждая фреска на ветхом судёнышке, росписи на старинных печах и домашней утвари у поморов истинно *художественны*. Они влекут за собой, манят в особый мир, где труд не служит человеку работой и средством пропитания, но становится светочем жизни его, приходит в грёзах, чарует в воображении, не отпускает из рук своих наработанных, ибо отныне ремесло есть мастер, а мастер – ремесло. «Единожды немислимы они уже друг без друга, одно направляет другого, а он служит ему без остатка, до финального аккорда, до вздоха последнего». Они ведут друг друга, подсказывая путь праведного труда, от которого жизнь становится слаще, а досуг – ценнее, долгожданнее, как первые ростки после суровой поморской зимы, подаренные ранними стыдливými лучами солнца. [Горелов 1983: 13].

Вообще концепт ХУДОЖЕСТВО в рассказах Б. В. Шергина выступает в плане выражения различных видов изобразительного искусства и *художников*, его воплощающих. Так, в статье «О хмелю» писатель рисует портрет мастера Никодима Сийского, работы которого не забыты и чтятся благодарными потомками: «*Никодим, автор “разноличных художеств”, был родом с Онеги, в XVIII веке и по сей час именит был по всей Северной Двине как искуснейший живописец*» («О хмелю»). Существительные *художества* и *живописец* приводятся Б.В. Шергиным в эквивалентном ключе. Длительный темпоральный промежуток *в XVIII веке и по сей час* возносит незыблемость и важность истинного таланта в любую эпоху до недостижимых вершин. Повторяемость глагола прошедшего времени *был* и употребление суперлатива *искуснейший* своеобразно закольцовывают неизменность и память в веках ремесла Никодима [Горелов 1984: 8]. Гидронимы *Онега* и *Северная Двина* конкретизируют жизненный путь мастера и делают его более реалистичным [Горелов 1983: 10].

Художеством в текстах писателя выступает и художественная резьба по дереву, и все виды живописи: «*Любовь к слову сочеталась у отца с любовью к художеству. Двери, ставни, столы, крышки сундуков в нашем доме расписаны его рукой*» («Запечатленная слава»). Б.В. Шергин отождествляет ценность труда писателя и труда художника на примере своего отца, для которого обе эти профессии были неотделимы друг от друга и одинаково важны. Ювелирное овладение выбранной профессией Б.В. Шергин актуализирует лексемой *любовь*, самым светлым и бескомпромиссным человеческим движением души [Горелов 1984: 8].

«*Художеством великим*» является работа любого мастера, если воплощает труд жизни его [Горелов 1983: 13]: «*Любителей простонародного художества нонче у нас довольно. Уповаю, что и моя практика маляра-живописца послужит к пользе и удовлетворению таковых любителей*»

(«Устюжского мещанина Василия Феоктистова Вопиящина краткое жизнеописание») и т. д. Посредством просторечного наречия *nonче* Б.В. Шергин, с одной стороны, сводит труд живописца к малярному промыслу, с другой – подчёркивает необходимость и востребованность даже такого простого на первый взгляд ремесла в жизни и домашних делах поморов.

Эквивалентное рассматриваемому концепту однокоренное существительное *художество* в рассказах Б.В. Шергина определяется не только как сам труд ремесленника на всех этапах его выполнения, но и «плоды работы его терпкой» [Горелов 1983: 13]: «*Соловецкие суда отличались богатством украшения. Я знавал там ревнителя искусства сего рода. Его звали Евграф, был он отменный резчик по дереву... Он говорил: – ...Когда мой ум обленится, я иду глядеть **художество** прежде бывших мастеров. Любуюсь, удивляюсь: как они умели делать прочно, красовито...*» («Евграф»). *Художество* отождествляется с наивысшей степенью *мастерства* человека, всю жизнь посвятившего выbranному им ремеслу. Внешний монолог героя посредством прямой речи акцентирует внимание читателя на возможности признания работы «каждого мужа», вне зависимости от выбранной им профессии, если он талантлив и боится всем сердцем за плоды трудов своих [Горелов 1983: 11].

Важным семантическим посылом репрезентации концепта ХУДОЖЕСТВО в рассказах писателя является использование номинативов *художество* и *судостроение* в тождественном воспроизведении категориальной градации [Лихачёв 2014: 100], отражённом в архивных источниках: «*Новгородцы и дети их, архангельские поморы... судостроение обозначали словом “художество”*» («Запечатленная слава»). Глагол *обозначали* нивелирует семантическую разницу между корабельным строительством и трудом живописца.

На наш взгляд, неким кульминативным произведением в репрезентации концепта ХУДОЖЕСТВО в прозе Б. В. Шергина является одноимённая новелла, входящая в цикл рассказов «Государь-кормщики». Данная прозаическая зарисовка о Маркеле Ушакове своим повествованием объясняет не только семантическую наполненность концепта ХУДОЖЕСТВО в культуре поморов, но и их отношение к *художеству* в целом [Зализняк 2010: 44]: «*Знал **столярное и кузнечное дело**; превосходно умел чертить и переписывать книги. Все свои знания Маркел объединял словом “художество”*. Спутник и ученик Маркела, Анфим Иняхин, спросил Маркела: – *Когда же мы сядем на месте, дома заниматься **художеством**? Маркел отвечал: – Кто же теперь отнимет у нас наше **художество**? **Художество** места не ищет. Маркел говаривал: – Пчела куда ни полетит, делает мёд. Так и **художный** мастер: куда ни придёт, где ни живёт, зиждет доброту (создаёт красоту). У работы Маркел любил петь песню. Скажет, бывало: – Сапожник ли, портной ли, столяр ли – поют за работой. Нам пример – путник с ношей. Песней он облегчает труд путешествия» («Художество»)). Обращение к народной песне отражает ценность любого выбранного помором в жизни ремесла, если профессия та становится творением настоящего *мастера*. Отождествление лексем *мастер* и *дело* позволяет*

полнее понять писательский замысел: любимая работа приравнивается поморами к искусству, остающимся навсегда в памяти и сердцах будущих поколений. В рассказе Б.В. Шергин визуализирует одноимённую рассматриваемому нами концепту лексему *художество* в качестве базового репрезентанта в концептосфере Поморья в целом. *Художество* во всех делах, трудах, чаяниях дивного народа Северного края, *художественны* песни их, сложенные в веках, их книги и деревянные носы карбасов, *художественна* речь и колыбельная матери малютке. Истинно неповторима Земля та, и имя ей – Архангельск [Горелов 1983: 11].

Таким образом, концепт ХУДОЖЕСТВО в различных произведениях Б.В. Шергина представлен в значении *искусство* как высшей точки владения выбранным в жизни ремеслом и максимально приближен к лингвокультурной репрезентации: от понимания художества как ремесла и живописи до приобретения им статуса прецедентной величины культурного наследия Русского Севера.

Литература

- Горелов Ал. Поморское узорочье // Шергин Б., Писахов С. Сказы и сказки. М.: Современник, 1983. С. 6–15.
- Горелов Ал. «Словесный жемчуг» Бориса Шергина // Шергин Б. Повести и рассказы. Л.: Лениздат, 1984. С. 3–9.
- Зализняк А. А. Из заметок о любительской лингвистике. М.: Русский Мир, 2010.
- Комкова Н. И. Лексико-фразеологическое пространство художественной прозы Б.В. Шергина: дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.
- Лихачёв Д. С. Заметки о русском. М.: Колибри, 2014.
- Ломакина О.В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в пословицах (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 172–175.
- Ломакина О. В. Фразеологические средства вербализации концепта «смерть» в творчестве Л.Н. Толстого // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 780–785.
- Словарь русского языка: в 4-х т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 4. С-Я.

N.I. Komkova (Tula, Russia)

*Private educational institution of the higher education Tula Institute
of Management and Business named after N.D. Demidov*

FEATURES OF THE REPRESENTATION OF THE CONCEPT ART IN THE PROSE OF BORIS SHERGIN

The article is devoted to the study of the concept ART as a semantically important part of the conceptual sphere of Boris Shergin as a whole. Based on the material of stories from different years, it is shown which lexemes are involved in the representation of the concept, that they outline the main values and the work's way of the choice of the Pomors.

Keywords: the concept ART, lexeme, conceptsphere, the language of the writer, the language of the Pomors, literary text, conceptual model.

М.Н. Коннова (Калининград, Россия)
Балтийский федеральный университет имени И. Канта
mkonnova@kantiana.ru

ТЕМПОРАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО ПАМЯТИ В РАССКАЗЕ И.С. ШМЕЛЕВА «ЕЛОВЫЕ ЛАПЫ»: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Исследуются когнитивные особенности пространства памяти в рассказе И.С. Шмелева «Еловые лапы». Утверждается, что отличительной особенностью архитектоники произведения является сложное взаимодействие категорий времени и вечности. В хронотопе памяти, представляющем собой ключевой элемент пространственно-временной ткани текста, разобщенные темпоральные планы прошлого и настоящего обретают единство.

Ключевые слова: когнитивное литературоведение, память, ценность, время, вечность, И.С. Шмелев.

Память является ведущим элементом познавательной деятельности, активно участвуя в процессах категоризации и концептуализации действительности. Память соотносится с результатами категоризации темпорального опыта, который выходит не только за ограниченные рамки настоящего момента, но часто и за пределы жизненного цикла отдельного человека. Являющая собой «вечное онтологическое начало, создающее основу всего исторического» [Бердяев 1990: 57], память противостоит «уничтожающей силе времени» и выступает фундаментом культуры, история которой – это «история человеческой памяти, история развития памяти» [Лихачев 1985: 65].

Отдельные грани феномена памяти активно изучаются в различных дисциплинах когнитивного цикла, в частности, в когнитивном литературоведении [Бондарева 2020]. Вместе с тем «разрыв между вечным и временным» [Бердяев 1990: 58], приведший к абсолютизации временности как важнейшей характеристики бытия, стал причиной того, что в когнитивной науке до сих пор остается практически неисследованным вопрос о соотношении в пространстве памяти двух онтологических темпоральных планов – времени и вечности. Это и определило проблемное поле настоящей статьи, целью которой является анализ ценностного аспекта сопряжения в хронотопе памяти категорий времени и вечности в рассказе И.С. Шмелёва «Еловые лапы» (1947).

В основу рассказа «Еловые лапы» положено реальное событие – «случай в Москве», о котором И.С. Шмелеву сообщила княгиня С.Е. Трубецкая летом 1947 года. Служащие антирелигиозного музея, в котором находились изъятые из монастыря святые мощи преподобного Серафима Саровского, стали свидетелями того, «как глубокий старец, в лаптях, 3 года приходил с мешком и выкладывал на пол у “экспоната” – ворох еловых лап и сосновых сучьев “с ба-тошкиного леску”» [Шмелев 2004: 633; выделения – автора, И.С. Шмелева]. О замысле будущего рассказа И.С. Шмелев пишет О.А. Бредиус-Субботиной: «Но *что* это за свет! что за жемчужина!.. Я должен о сем написать, сжато

и крепко. Нет, далеко не изжит “нравственный запас”! Пешком, с-под Сарова... Искал и нашел (!) батюшку. Чудо сердца и – благодарения. Чудо – верности. Всего не упишу. Сам скажу. Вот, что дает силу жить и ждать» [Там же; выделения – автора, И.С. Шмелева].

Хронотопические координаты событийного пространства рассказа намечаются его начальным предложением: *День был будний, метельный, музейные посетители были редки, и появление старика ... привлекло любопытство музейских и хорошо запомнилось* (Шмелев И.С. Еловые лапы). Место действия обозначается определением *музейный* («музейные посетители были редки»). Оно соотносит линейный хронотоп повествования с институциональным пространством «овеществленной» памяти. Привычно-будничное течение «музейного» времени нарушает появление главного героя – «старика ... с мешком за спиной». Анахроничность его внешнего вида, подчеркиваемая многократным повтором слова *старый* в окружении близкочуждых определений – «в ветхом полушубке», «согбенный», «зросший, как моховой» – свидетельствует о принадлежности героя к иному – прежнему, «старому» – времени.

Первые же слова старика в ответ на вопрос «откуда он, и что ему тут нужно» вводят в повествование образ иной, не-музейной реальности: *Из-под Сарова, пришёл Батюшке Серафиму поклониться* (Шмелев И.С. Еловые лапы). Топоним *Саров* метонимически указывает на Свято-Успенскую Саровскую пустынь – мужской монастырь на северо-востоке Тамбовской губернии, прославившийся как место молитвенных подвигов преподобного Серафима, Саровского чудотворца (1754–1833). Имя Преподобного, данное в форме благоговейно-ласкового обращения – «*Батюшка Серафим*» – сопрягает хронотоп повествования с вневременной тайной святости.

Вопрос старика «... где тут у вас Батюшка Серафим?» строится на антитезе высокого и низкого. Локативное наречие *тут* имплицитно мыслит о несоответствии места действия Тому, Кто в нём находится. Дейктическое местоименное сочетание «у вас», с присущей ему семантикой дистанцирования, отчуждения, усиливает контраст между «своим» (Батюшка Серафим) – «чужим» (музей). Соположение несопоставимых экзистенциальных планов – секуляризированного госучреждения и метафизического мира святости – подчеркивает противоестественность происходящего. Тем самым актуализируется исторический предтекст повествования – трагические события декабря 1921 г., когда в рамках кампании по ликвидации святых мощей нетленные останки преподобного Серафима были насильственно изъяты из Саровского монастыря и перевезены в Москву, где находились в одном из анатомических музеев.

В беседе с «барышней, пробывавшей ярлычки» старик раскрывает цель своего прихода: *Пришел пешком, по обещанию; от Сарова верстов сот пять, шел боле месяца, «все было хорошо, задачливо»; а пришел – «по маменькину наказу, для памяти»* (Шмелев И.С. Еловые лапы). Пассивной безжизненности памяти музейной здесь противопоставляется «память в действии, в деле» [Даль 1956: 14]. Уточняющие дополнения «по маменькину наказу», «по обещанию» вводят структурообразующий для рассказа хронотоп памяти.

Темпоральный опыт героя сосредоточен вокруг памяти о чуде: *Как маменька помирала, – наказала: «помни, Ваня... вымолила я тебя у Батюшки Серафима...» – «отмолила, стало-ть, маменька меня...» – «воздвиг тебя Батюшка Серафим» ... Мальчонком, был он дюже болен, вот помрет; ни рукой – ни ногой, сразу с чего-то стало. Все слезы маменька выплакала, всё ходила к Батюшке Серафиму на могилку, от их села верстов сорок. И Батюшка Серафим воздвиг его* (Шмелев И.С. Еловые лапы).

Чудо исцеления становится событийным центром индивидуально-личностного хронотопа героя: *С той поры всякий год хаживали они на могилку, правили панихидку, – «порадовать-поклониться цветочками, с его полянки в бору», а в зимнюю пору еловые лапы в бору ломали и сосновые сучочки с шишечками, на могилку клали – порадовать. А как «просветились мощи», годов тридцать тому, беспрерывно два раза на году навеивали. И маменька померла, и жена-покойница померла, и сына в большую войну убили, и внуки попримерли, «от бедовой жизни», никого у него теперь... а то все ходили, «по завету, для памяти»* (Шмелев И.С. Еловые лапы).

Дейктическое обстоятельство «с той поры» указывает на точку отсчета – центральную веху, с которой соотносится вся последующая жизнь героя. Ведущим становится мотив благоговейной и верной памяти, памяти-благодарения. Семантика общности, присущая обстоятельству «всякий год», подчеркивает постоянство «памяти в действии», её внутреннее единство.

Смысловым центром повествования, его кульминацией является поклонение святыне – «память-радование»: *Старик – словно и не слышал: ткнулся головой в елки, «потрясая там»... и, стоя на коленях, – «стал тянуть, жа-лобно-плаксиво»... – передавали музейские шепотком: «.....роди-мый ты на-ш..., Ба-а-тюшка Серафи-им... пришел к тебе... Ваню-шка-а... по-мню..., го-ду-бчик ты на-аш... Ба-а-тюшка Серафи-им... Угодник Бо-о-жий...!»* (Шмелев И.С. Еловые лапы). Значение малости, незначительности, выражаемое уменьшительно-ласкательным именем *Ванюшка*, отражает состояние крайнего смирения, детской кротости, передаваемое и позой молящегося («стоя на коленях») и манерой речи («жалобно»). Имя героя, прототипическое в системе русской ономастики, приобретает символическое значение: в лице старика Ивана на поклонение к Преподобному Серафиму приходит вся прежняя, страдающая Россия. Глагол *помню*, замыкающий центральную синтагму – «пришел к тебе... Ваню-шка-а... по-мню...», вновь актуализирует центральный для рассказа хронотоп памяти. В памяти-молитве снимается «стена, отделяющая и закрывающая ... настоящее от ... прошлого, от любимых умерших, от совместной с ними жизни, от детства, от, казалось бы, давно потерянных сокровищ» [Фудель 2009: 56].

Зримым символом памяти становятся принесенные стариком «еловые лапы» из саровского леса: *Еловые лапы это... с самого борку Батюшки... любил Батюшка свой борок... память наша... в память это ему, по маменьке...* (Шмелев И.С. Еловые лапы). Еловые лапы своей вечнозеленой хвоей напоминают в зимний «метельный» день о весне как прообразе будущего всеобщего

воскресения. Принесенные «с самого борку Батюшки» и вытряхнутые «под витрину, на пол», они делают пространство музея причастным освященному хронотопу Саровского монастыря.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что отличительной особенностью архитектоники рассказа И.С. Шмелева «Еловые лапы» является сложное взаимодействие категорий времени и вечности. Хронотоп памяти как первооснова бытия становится местом, где восстанавливается единство разорванных темпоральных планов прошлого и настоящего. Хронотоп чуда, в котором соединяются временное и вневременное, являет собой момент-грань, когда вечность «вторгается» в течение земного бытия, преображая и освящая его. В хронотопе встречи-сретения, преодолевающим замкнутость земной действительности и простирающемся за пределы видимого мира, время сопрягается с безграничным пространством «всеобъемлющей и вечной жизни» [Франк 1990: 170]. Можно утверждать, что когнитивное пространство памяти представляет собой сложное единство разнородных темпоральных планов – настоящего и прошлого, исторического бытия народа и индивидуально-личностного хронотопа героя, будущего и вневременной реальности вечности.

Литература

Бердяев Н.А. Время и вечность // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов: Философия и мировоззрение. М.: Политиздат, 1990. С. 402–410.

Бондарева Л.М. Лингвокогнитивные и текстотипологические параметры ретроспективного дискурса (на материале немецкого языка): дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2020.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х томах. М.: Государственное изд-во иностранных и национальных словарей, 1956. Т. 3.

Лихачев Д.С. Искусство памяти и память искусства // Прошлое – будущему: статьи и очерки. Л.: Наука, 1985. С. 63–70.

Франк С.Л. Сочинения. М.: Издательство «Правда», 1990.

Фудель С.И. Воздух Церкви. М.: Православное братство святого апостола Иоанна Богослова, 2009.

Шмелев И.С. Роман в письмах: в 2 т. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. Т. 2 (1942–1950).

M.N. Konnova (Kaliningrad, Russia)
Immanuel Kant Baltic Federal University

TEMPORAL PLANE OF MEMORY IN IVAN SHMELEV'S "SPRUCE BRANCHES": AXIOLOGICAL PERSPECTIVE

The article focuses upon peculiarities of the chronotopical structure of memory in Ivan Shmelev's short story "Spruce Branches". It is argued that in the chronotope of memory that forms the story's dominant spatio-temporal motif the disparate temporal planes of the past and the present are unified.

Key words: cognitive poetics, memory, value, time, eternity, Ivan Shmeleff.

СИСТЕМНАЯ И ДИСКУРСИВНАЯ МЕТАФОРИКА В КИТАЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ¹⁸

Сопоставление метафорических концептов, лежащих в основе семантики китайских идиом, реализующихся в дискурсе и зафиксированных в словаре, указывает на значительные совпадения оснований системной и дискурсивной метафорики. При формировании идиом в китайском и в английском языке активностью характеризуются разные метафорические концепты.

Ключевые слова: китайский язык, концептуальная метафора, фразеологические единицы, когнитивные основания семантики, дискурс, кинодискурс, фразеологическая креативность.

В настоящее время в разных странах изучение китайской фразеологии признается актуальным направлением лингвистических исследований [Meng Ji 2007; Ahrens & Chung 2019]. В имеющихся работах, однако, обычно описывается история формирования идиом и мало внимания уделяется когнитивным основаниям, на которых базируется образность китайских словосочетаний с переносным значением. Нами была поставлена задача рассмотреть наиболее креативные для китайской фразеологии метафорические концепты.

В ходе разработки понятия «фразеологическая креативность» И.В. Зыкова указывает на необходимость разграничивать системную и дискурсивную креативность, поскольку одни и те же концептуальные структуры или концепты могут по-разному проявлять свои креативные возможности в двух лингвокультурных процессах – в процессе системного порождения фразеологических единиц и в процессе их функционирования в том или ином дискурсе [Зыкова 2015; 2021].

С учетом необходимости разграничения системной и дискурсивной креативности на первом этапе исследования мы проанализировали китайские идиомы, входящие в словарь «101 Modern Chinese Phrases», куда были включены наиболее частотные, по мнению китайских лексикографов, единицы. В материал нашего исследования вошли 100 фразеологизмов (далее ФЕ), одна идиома была исключена из рассмотрения, поскольку она базируется на омонимии. В ходе проведенного исследования было установлено, что входящие в данный словарь наиболее частотные идиомы используются как для характеристики человека (30 ФЕ), так и для описания ситуации (46 ФЕ). Также была выделена третья группа идиом, репрезентирующих одновременно и человека, и ситуацию (23 ФЕ).

Подлежащие большинству проанализированных идиом отличаются национально-культурной спецификой и происходят от традиций китайского общества, его истории, поверий и др. Например, идиома 打包票 (*lit. issue a guarantee*

¹⁸ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

ticket; fig. vouch for somebody or something) используется для описания ситуации, когда человек гарантирует что-либо или ручается за кого-либо, и это связано с тем, что в Древнем Китае 包票 обозначало гарантийное письмо или письмо-заверение, которое выдавалось человеку и гарантировало, что дело будет выполнено в соответствии с планом.

Идиомы, основанные на современных образах не многочисленны (8 ФЕ). Это, например, такие единицы как: 开夜车 (*lit. drive a night car; fig. work late into the night – засиживаться за работой по ночам*), 掉链子 (*lit. bike chain falls off; fig. drop the ball – терять мяч*).

Изучение мотивационных оснований формирования семантики ста китайских наиболее частотных идиом позволило выявить следующие наиболее креативные метафорические концепты. Одной из самых креативных является зооморфная метафора (19 ФЕ), например, 笑面虎 (*lit. a smiling tiger; fig. A friendly-looking villain – опасный человек, который внешне не вызывает подозрений*). Метафора, связанная с приготовлением и потреблением пищи, участвует в формировании 13 ФЕ, например, 醋坛子 (*lit. a vinegar jar; fig: a jealous person – ревнивый человек*). Интересно отметить, что данные метафорические концепты могут пересекаться, то есть реализовываться одновременно. Например, в идиоме 落汤鸡 (*lit. a chicken in a hot soup; fig. soaked through*), которая означает «промокнуть до нитки» реализуется и зооморфная, и пищевая метафора.

Такое же количество ФЕ порождают метафорические концепты стихий и природных явлений: огня, воды, воздуха (в китайском языке обычно ветра), земли (13 ФЕ): 耳边风 (*lit. ear-side wind; fig. words or advice that are not taken seriously by the listener*), 和稀泥 (*lit. mix liquid mud; fig. try to mediate differences at the sacrifice of principle*), 夹板气 (*lit. air between the splints; fig. criticized from both sides*).

Метафорика, связанная с частями тела человека, служит источником 11 ФЕ: 抱佛脚 (*lit. to embrace Buddha's feet (in time of emergency), fig. to make an effort at the last moment – попытаться успеть в последнюю минуту*). Одинаковое количество ФЕ продуцируют такие метафорические концепты, как: концепт ДВЕРЬ (который взаимодействует с метафорическим концептом СТРОЕНИЕ (6 ФЕ)) – 门外汉 (*lit. someone outside the door; fig.: laymen – непрофессионал*); концепт ОДЕЖДА (6 ФЕ) – 戴高帽 (*lit. to give someone a tall hat to wear; fig. To flatter – льстить*); концепт МУЗЫКАЛЬНОЕ ИСКУССТВО (6 ФЕ) – 乱弹琴 (*lit. play the stringed instrument in a chaotic way; fig. talk nonsense – нести чепуху*).

Можно отметить низкую креативность метафорических концептов ДЕНЬГИ (4 ФЕ) и ХОЛОД (3 ФЕ). Необычной для европейского восприятия представляется реализация пространственной метафоры (3 ФЕ), например, 擦边球 (*lit. edge ball – мячик для пинг-понга, попавший на край стола; fig. margins of the law or regulations – действия на грани закона*).

Для того, чтобы оценить, насколько креативными в дискурсе могут оказаться те метафорические концепты, которые были выделены в словарном материале, мы рассмотрели фразеологизмы, реализующиеся в китайском кинодискурсе, на примере фильма комедийного жанра «洋姐到我家» (When a Peking Family Meets Aupair) 2014 года выпуска (хронометраж 98 мин.), сюжет которого основывается на истории няни из Колумбии, приехавшей в Китай в поисках работы. Как показало проведенное исследование в данном фильме, точнее в тексте речи персонажей фильма реализуется 15 разных идиом.

Были выявлены исторически мотивированные метафоры, метафоры, основанные на современных образах, а также метафорические выражения, основанные на общих знаниях о мире. Например, происхождение идиомы 乱七八糟, которая в разговорном дискурсе используется со значением «хаос, беспорядок, путаница», напрямую связано с двумя историческими событиями Китая: 七国之乱 восстание семи уделов (154 год до н. э., восстание семи удельных князей против центральных властей империи Хань) и 八王之乱 междоусобица восьми князей Западной Цзинь. Таким образом, переосмысление данных исторических реалий мотивировало современное значение «беспорядок».

В речи персонажей в данном кинофильме используются идиоматические выражения, и при этом эти идиомы имеют в качестве своего когнитивного основания, выделенные нами выше метафорические концепты. Зооморфная метафора представлена такими идиоматическими выражениями, как: 陌生人可能是大灰狼 (*strangers can be bad wolves ~ незнакомцы могут быть очень опасны*); 溜须拍马 (*lit. to smooth whiskers and pat a horse's bottom; fig. to apple-polish, to flatter ~ льстить*). Идея приготовления пищи отражена в семантике идиоматического выражения 吃醋 (*lit. drink vinegar; fig. be jealous ~ ревновать*).

В кинодискурсе также были выделены метафорические концепты, которые в словарном материале оказались менее креативными. Так, например, метафорический концепт смерти и холода встречается в двух идиомах, реализующихся в кинодискурсе: 冷战 (*lit. cold war; fig. tense relationship ~ неприязненные отношения, вражда*), 吓死 (*lit. to be scared to death; fig. to be extremely scared ~ сильно испугаться*). Данные словаря и дискурса здесь совпадают поскольку в словарном материале метафорический концепт «холод» также реализует идею напряженных отношений между людьми, например: 冷板凳 (*lit. a cold bench; fig. a cold reception ~ холодный прием*).

Концепт ДЕНЬГИ как основание формирования образных идиом характерен как для системной, так и для дискурсивной метафорики. В словарном источнике данный концепт лежит в основе таких идиом, как: 卖关子 (*lit. sell the crucial part; fig. keep people in suspense at a crucial moment ~ держать людей в напряжении в самый нужный момент*), 摇钱树 (*lit. money-spinning tree; fig. A gold mine, a money-spinner ~ золотая жила*). В кинодискурсе данный концепт отмечен в реализации идиоматической единицы 挤兑 (*lit. a run on a bank; panic*

bank withdrawals; fig. bump and discord ~ суета, неразбериха), которая в прямом значении описывает ситуацию банковской паники в связи с массовыми изъятиями вкладов, а в переносном значении используется в ситуации для подшучивания или поддразнивания.

С концептом ДЕНЬГИ взаимодействует концепт КОЛИЧЕСТВО. Синкретизм двух метафор («деньги» и «количество») можно проследить на примере идиомы 二百五 (*lit. two hundred and fifty; fig. a stupid person/ not mature or poise ~ недоумок*). Интересно конкретизировать происхождение данной идиомы. Когда в древнем Китае использовались медные монеты, тысяча медных монет была соединена вместе в виде одной цепочки медных монет, используемых в качестве денежного обозначения. Следовательно, 500 штук составляли половину цепочки, что указывало на недостаточное количество для создания целой цепочки. Двести пятьдесят медных монет – это всего лишь половинка от половины цепочки, что составляет еще более маленькое количество от целой цепочки. Таким образом, уничижительное словосочетание «двести пятьдесят» теперь используется для обозначения людей, которые неразумны, банальны или глупы. Следует отметить, что метафорический концепт КОЛИЧЕСТВО, непродуктивный по данным словарной выборки, характерен для кинопроизведений. Например, в ходе анализа были отмечены следующие единицы: 千叮万嘱 (*lit. a hundred practical hints and a thousand salutary warnings; fig. repeatedly urging, imploring over and over again ~ стоять над душой, постоянно повторять или напоминать о чем-либо*); и 挑三拣四 (*lit.: pick three times, choose four times; fig.: pick and choose; be very particular about one's food, etc. ~ быть разборчивым, привередливым; тщательно выбирать*).

Таким образом, проведенное исследование показывает, что в китайском языке и в словарной, и в дискурсивной выборке идиом креативны одни и те же метафорические концепты, что, возможно связано с тем, что в словарь были включены китайские идиомы, наиболее частотные в устной речи. В обоих случаях наиболее креативной в китайской метафорике являются зооморфная метафора, метафора приготовления и приема пищи, а также концепт ПРИРОДА, что связано с антропоцентрической картиной мира в китайской культуре, в основе которой лежит ряд фиксированных когнитивных моделей [Беляевская 2020: 179]. Некоторые особенности, например, креативность «денежной метафоры» и метафоры «количества» в китайском кинодискурсе могут быть объяснены особенностями жанра комедии. Имеющиеся в лингвистической литературе данные указывают на разную креативность одних и тех же метафорических концептов в китайском языке, с одной стороны, и английском и русском языках, с другой стороны [Зыкова 2015].

Литература

Беляевская Е.Г. Метафоризация как механизм конструирования образов в языке и тексте // Язык, культура, творчество: Мировые практики изучения: Сборник научных статей к 90-летию профессора Вероники Николаевны Телия. Москва: Гнозис, 2020. С. 170–180.

Зыкова И.В. Концептосфера культуры и фразеология: Теория и методы лингвокультурологического изучения. Москва: Ленанд, 2015.

Зыкова И.В. Фразеология в конструировании кинематографической образности: теоретические и методологические аспекты // Славянская фразеология и паремиология. Национальное и интернациональное. Стабильное и изменчивое: к 70-летию со дня рождения профессора В.И. Коваля: Сборник научных статей. Гомель: Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины, 2021. С. 138–145.

Ahrens Kathleen & Chung, Siaw-Fong. Metaphors in Chinese. The Routledge Handbook of Applied Chinese Linguistics. (pp. 364-378). New York and London: Routledge, 2019.

Ji Meng. "From etymology to modern phraseology: A corpus-based study of structural variants of Chinese idioms in naturally-occurring contexts." J. Chin. Lang. Comput. 2007. № 17. P. 67–82.

Zhang Jinyu. 101 Modern Chinese Phrases. Beijing, 2017. (惯用语 101: 汉英对照/张锦玉编著; 龚燕灵翻译. 北京: 华语教学出版社).

*E.A. Krasikova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

SYSTEMIC AND DISCURSIVE METAPHORICS IN CHINESE PHRASEOLOGY

The comparison of metaphorical concepts producing idioms in the Chinese language, realized in discourse and recorded in the text, indicates significant coincidences of the foundations of systemic and discursive metaphors. Similar metaphoric concepts have different productivity in Chinese and in English imagery.

Keywords: the Chinese language, conceptual metaphor, phraseological units, cognitive structures underlying semantics, discourse, cinema discourse, phraseological creativity.

*A.B. Кремнева, Т.А. Головина (Барнаул, Россия)
Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова
annakremneva@mail.ru, gol-an-ta@mail.ru*

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ОСОБЕННОСТЕЙ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ПЕРСОНАЖЕЙ АНГЛОЯЗЫЧНОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО РОМАНА

В статье кратко перечисляются основные характеристики англоязычного академического романа. Отмечается, что интертекстуальные включения являются неотъемлемой частью речи персонажей академического романа, а также свидетельством того, что в их концептуальной системе содержится большое количество оперативных единиц знания из области культуры и науки.

Ключевые слова: интертекстуальность, концептуальная система, академический роман, Дэвид Лодж.

Академический роман, «возникший как «цеховой» и относительно маргинальный феномен, сегодня занимает одно из центральных мест в литературном каноне; не будет преувеличением сказать, что художественный процесс англоязычной литературы второй половины XX в. без него непредставим»

[Ким 2019: 3]. Западные университеты всегда были цитаделью культуры, важными центрами формирования общественно-политических взглядов, их значение особенно возросло после Второй Мировой войны в эпоху переосмысления прошлого опыта и становления новых реалий. Отметим, что в целом текстовые практики академического романа несут следы влияния того культурно-исторического контекста и той парадигмы гуманитарного знания, которые сложились на западе во 2-й половине XX века во многом благодаря таким факторам как структуриализм в лингвистике, фрейдизм в художественном и обыденном сознании и постмодернизм в литературе. Именно благодаря своим постмодернистским образцам, созданным в 1970–2000-е гг., академический роман получил широкую известность. Речь идет, прежде всего, о романах таких авторов как Дэвид Лодж, Малколм Брэдбери, Том Шарп, Эрих Сигал, Дон Делилло, Антония Сьюзен Байетт, Джон Кутзее, Филип Рот. Практически все авторы произведений, написанных в жанре академического романа, являются и писателями, и в то же самое время преподавателями и исследователями (по выражению Е.Г. Водолазкина «ихтиологом и рыбой одновременно»). Благодаря этому читатель получает возможность заглянуть в замочную скважину «башни из слоновой кости», окунуться в довольно замкнутый, закрытый академический мир, в котором люди, наряду с преподаванием и научно-исследовательской работой, плетут интриги, заводят романы, сражаются за место под солнцем, разворачивая целые войны в борьбе за должности и грантовое финансирование [Ахмедова URL].

К числу неотъемлемых элементов академического романа традиционно относят комизм, иронию, сатирический характер описания особенностей академического мира, изыскную постмодернистскую игру, утонченный эротизм, а также следы интертекстуального и интердискурсивного взаимодействия. Персонажи академического романа, представленные в основном преподавателями гуманитарных наук, нередко прибегают к нетрадиционным способам кодирования смысла, к числу которых относится использование «чужого слова». Речь героев академического романа насыщена интертекстуальными включениями в виде всевозможных цитат (атрибутированных, неатрибутированных, маркированных, немаркированных, парафразов), аллюзий, прецедентных феноменов, прецедентных имен и т. д. В частности, герои университетской трилогии Д. Лоджа бесконечно цитируют представителей английской классической прозы и поэзии (Чосер, Шекспир, Йейтс, Джойс, Китс, Остин и т. д.), упоминают героев классической мифологии (Атланта, Андромеда) и Библии (Соломея), имена известных философов, лингвистов и литературных критиков (Соссюр, Бахтин, Кристева, Барт), художников (Леонардо да Винчи, Боттичелли), классические фразеологические выражения (*as rich as Croesus*, *the salt of the earth*, *to know smb. from Adam*) не только в рамках профессионального, но и бытового дискурса. Эти языковые знаки репрезентируют то, как, по задумке автора, персонажи академического романа видят мир, то, какие знания образуют их концептуальную систему, «основными элементами которой

являются концепты и категории разного уровня сложности и обобщения» [Болдырев 2018: 44]. Выбор интертекстуальных включений в качестве языковых средств выражения смысла свидетельствует о том, что в концептуальной системе персонажей содержится большое количество оперативных единиц знания, сформированных в ходе освоения ими профессиональной сферы, вследствие чего их представления о мире неразрывно связаны с такими областями, как литература, мифология и философия. Отметим также, что наличие в речи интертекстуальных включений, представляющих собой готовые отрезки всевозможных текстов и «позволяющих построить краткое по форме и емкое по смыслу высказывание, ... в полной мере отвечает современным требованиям к коммуникации передавать максимальное количество информации за минимальную единицу времени [Николаева 2000: 15] и свидетельствует о реализации принципа когнитивной экономии. Можно полагать, что интертекстуальные включения выполняют функцию «дорожных указателей» и «позволяют говорящему передавать информацию, используя меньшее количество языковых средств, а слушающему достаточно совершить минимальное inferенциальное усилие для интерпретации смысла предложения» [Козлова 2019: 39].

Обратимся к примерам из текста.

1. *He was trying to compose a poem about Angelica Pabst. Unfortunately some lines of W. B. Yeats kept interposing themselves between him and his muse, and the best he could do was to adapt them to his own case.*

How can I, that girl standing there,

My attention fix

On Chaucer or on Dryden

Or structuralist poetics?

As he recited the words to himself, it occurred to Persse McGarrigle that perhaps he was in love [Lodge 1985: 14-15].

Первое, что приходит в голову главному герою романа “*Small World*” Персу в минуты глубоких душевных переживаний – это стихотворение ирландского поэта Уильяма Йейтса (*How can I, that girl standing there / My attention fix / On Roman or on Russian / Or on Spanish politics*). Молодой человек осознает, что он влюбился в свою коллегу Анджелику и пытается посвятить ей стихотворение, однако не может отделаться от строчек Йейтса, застрявших в его памяти:

2. *“Be my Madeline, and let me be your Porphyro!»*

«What, and miss the rest of the conference?»

«I can wait till tomorrow night...”

Angelica giggled. «It would be kind of fun to re-enact the poem tomorrow night. ... You could hide in my room and watch me go to bed. Then I might dream of you as my future husband [Lodge 1985: 35].

В примере (2), обсуждая вопросы интимных отношений молодые литературоведы Перс и Анджелика вспоминают сюжет поэма Джона Китса “*The Eve of St. Agnes*”. отождествляя себя с ее героями, они договариваются о том, чтобы разыграть сцену из поэмы в жизни.

3. *Persse walked on in a daze. He felt as though he were drowning, fighting for breath. He cannoned blindly into other, protesting pedestrians, stumbled over a kerb, heard a squeal of brakes, and found himself sprawled over the bonnet of a car whose driver, leaning out of the window, was shouting angrily at him in Dutch or German. «Tis pity she's a whore.» Persse said to the driver [Lodge 1985: 152].*

В примере (3) в момент душевного потрясения, узнав, как ему кажется, всю неприглядную правду о своей возлюбленной, разочарованный Перс выражает свои чувства с помощью цитаты, обращаясь к названию пьесы английского драматурга Джона Форда «Жаль, что она блудница».

4. *Fulvia's bedroom was a deeply carpeted octagon, lined, walls and ceiling, with rose-tinted mirrors that multiplied every gesture like a kaleidoscope. A bevy of Fulvias stepped, naked as Botticelli's Venus, from the white foam of their discarded dresses and converged upon him with a hundred outstretched arms ... Fulvia Smiled her Mona Lisa smile [Lodge 1985: 103-105].*

В примере (4) герой романа “*Small World*” американский литературовед Моррис Цапп попадает в дом к своей итальянской коллеге Фульвии Моргане, которая пытается его соблазнить. При этом вид Фульвии и вся обстановка мгновенно вызывают в памяти героя ассоциации с известными полотнами итальянцев Сандро Боттичелли и Леонардо да Винчи.

Итак, одна из особенностей концептуальной системы центрального персонажа англоязычного академического романа заключаются в наличии в ней большого числа оперативных концептов, сформированных в ходе освоения личностью сферы культуры, литературы, философии и других областей гуманитарного знания. В процессе поиска форм для наиболее точного выражения смысла в концептуальной системе говорящего происходит активация всех имеющихся средств, в том числе фрагментов хорошо знакомых ему текстов, которые он использует в качестве интертекстов в ходе построения собственного высказывания. Способ кодирования смысла с помощью интертекстуальных включений относится к числу наиболее сложных. Добавим также, что адекватная интерпретация текста с интертекстуальными включениями обусловлена уровнем межтекстовой компетенции реципиента, наличием в его когнитивной базе необходимых интертекстуальных фреймов, а также умением использовать знания, хранящиеся в этих фреймах, в ходе рефлексии над смыслом высказывания [Кремнева 2019: 23].

Литература

Ахмедова Э. Академический роман. Эстетис. Журнал о литературе. № 4 (4), июль 2016. URL: <https://aesthesis.ru/magazine/july16/academic-novel> (дата обращения 20.03.2022).

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.

Ким Ю.В. Художественные особенности раннего англо-американского академического романа (1950-х гг.): дис. ... д. канд. филол. наук. М., 2019.

Козлова Л.А. Когнитивная экономика и ее манифестация в языке и коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 37–45.

Кремнева А.В. Интертекстуальность как одна из форм межтекстового взаимодействия: когнитивно-семиотический аспект (на материале английского языка): дисс. ... д. филол. наук. Барнаул, 2019.

Николаева Т.М. От звука к тексту. М.: Языки русской культуры, 2000.

Lodge D. Nabokov and the Campus Novel // *Cynos*. 2007. Vol. 24. № 1. P. 229–246.

Lodge D. Small World. An Academic Romance. London: Penguin Books, 1985.

A.V. Kremneva, T.A. Golovina (Barnaul, Russia)
Polzunov Altai State Technical University

INTERTEXTUALITY AS METHOD TO REPRESENT THE CONCEPTUAL SYSTEM OF ENGLISH CAMPUS NOVEL CHARACTER

The article gives a short list of basic features of English campus novels. Intertextuality in an English campus novel is viewed as an inalienable characteristic of its characters' speech. It also proves that their conceptual systems contain a great amount of operative units of knowledge in the sphere of culture and humanities.

Key words: intertextuality, conceptual system, campus novel, David Lodge.

А.Е. Купцов, Н.В. Шилова (Ярославль, Россия)
Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского
kupcov.a@mail.ru, n.shilovanina@yandex.ru

ДИСКУРСИВЫ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ КОНСТРУКЦИИ КАК СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА АКТА КОММУНИКАЦИИ В АНГЛО- И ИСПАНОЯЗЫЧНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Дискурсивы и синтаксические (эмфатические) конструкции играют большую роль в эффективности дискурса, так как представляют собой основной инструмент для создания художественного дискурса и инструмент формирования его своеобразия.

Ключевые слова: дискурс, художественный дискурс, дискурсивы, синтаксические конструкции.

Как отмечает ряд исследователей, дискурс является важнейшей формой повседневной практики человека. Различные типы дискурса обладают специфическими когнитивными, прагматическими, идеологическими и культурными мотивами, в которых наблюдается различие в их реализации [Бабаян 2017: 76; Дейк 1989; Купцов, Шилова 2022; Мельникова 2019: 94; Тюкина 2020: 289 и др.]. Художественный дискурс является отражением объективной реальности, которая наполнена эстетическим, эмоциональным и оценочным смыслами, объединенными в идейно-художественном содержании текста. Одним из главных факторов, оказывающих влияние на художественный дискурс, является

внутренний мир отправителя (писателя, адресанта), его стиль мышления, т. е. объединение реальности и вымысла, а также его культурные ценности. Таким образом, для текста художественной литературы характерна экспрессивность, при помощи которой формируются художественные образы.

Как отмечает ряд исследователей, язык художественной литературы обладает определенной системой средств художественной выразительности, которая служит для выражения полноты смысла. Художественный дискурс является воплощением вербального сообщения, способным передавать эстетическую, эмоциональную, образную, а также оценочную информацию, которая объединена в идейно-художественном содержании текста [Рамазанова 2017: 88-89]. Единицы дискурса способны образовывать риторические отношения, при помощи которых автор (адресант) достигает определенных интенций при выражении актуальной информации в художественном дискурсе [Егорова 2012: 155; Купцов 2017: 195; Шилова 2022: 62-63].

В современном языкознании традиционно изучают функциональный диапазон дискурсивных маркеров, а также частотность использования данных лексем в различных типах дискурса. Довольно большое количество существующих теорий дискурсивных маркеров обусловлено не только возможностями языка как системы, но и вариативностью речевых ситуаций использования данных единиц языка в различных экстралингвистических условиях [Егорова 2013: 166].

Обзор научной литературы позволил обнаружить различные термины, относящиеся к рассматриваемой единице дискурса: *дискурсивные частицы, дискурсивные слова, дискурсивные маркеры, прагматические маркеры, дискурсивные коннекторы* и др. В рамках настоящего исследования в разряд дискурсивных маркеров включены частицы, наречия, союзы, местоимения, выступающие в определенной речевой ситуации. Все они являются важными элементами в семантико-коммуникативном и коммуникативно-прагматическом аспектах [Бабаян 2017: 77].

Одним из еще недостаточно разработанных вопросов художественного дискурса является вопрос об изучении функционального диапазона дискурсивов и синтаксических (эмфатических) конструкций с выделительными оборотами в англо- и испаноязычном художественном дискурсе. Исследуемые лексические единицы – дискурсивные маркеры – в совокупности с риторическими средствами (синтаксические конструкции с выделительными оборотами, порядок слов, лексические повторы, инверсия и т. д.) образуют риторические отношения для достижения определенных коммуникативных целей при передаче актуальной и дополнительной информации в художественном дискурсе.

И.В. Арнольд отмечает, что в современном английском языке структура «*It is ...that/who...*» является специальной синтаксической конструкцией усиления и с ее помощью растет эмоциональность предложения-высказывания [Арнольд 2002: 20]. В испанском языке выделительные обороты *Es...que* и *Ser...el (la) que (quien)* рельефно оформляют заключенную в высказывании актуальную информацию [Купцов 2017: 195-197].

Как показал анализ фактического материала настоящего исследования, синтаксические конструкции *It is ...that/ who...* с дискурсивами в английском языке и *Es...que* и *Ser...el (la) que (quien)* с дискурсивами в испанском языке, выделяя подлежащее, создают в целом эмоционально окрашенное предложение-высказывание в художественном дискурсе. Например: (1) ***It is only Andalusia that can produce such types*** (Maugham); (2) *Ella se percataba enseguida de que **no solamente era agua lo que** le ofrecían* (Delibes); (3) ***no era ésta la respuesta que don Bernardo esperaba*** (Benedetti).

Исследуемые конструкции с дискурсивами служат для выражения *утверждения* (1), *возражения* (2), *выражения эмоционального состояния* литературных героев/персонажей (3).

Кроме подлежащего, данные конструкции с частицами в современном англо- и испаноязычном художественном дискурсе употребляются достаточно часто для выделения в высказывании дополнения. Например: (4) ***For it is only by reconciling contradictions that power can be retained indefinitely*** (Orwell); (5) ***No es tan sencillo de explicar, sobre todo para el que no lo vivió*** (Benedetti).

Как следует из вышеприведенных примеров, функционально-прагматическая стратегия эмфатической конструкции *It is ...that/ who...* с дискурсивом **only** (4) в английском языке, конструкции *Ser...el (la) que (quien)* с дискурсивом **sobre todo** (5) в испанском языке – активизировать воображение читателя, а также выражать свое отношение в косвенной форме. Экспрессивность художественного дискурса создается благодаря связи эмфатических конструкций и дискурсивов, таким образом, степень воздействующей силы высказывания значительно повышается.

Анализ позволил выявить также и выделения обстоятельства при помощи дискурсивов и синтаксических конструкций. Например: (6) ***It is only when we are young that we think it is*** (Christie); (7) ***No es por tanto de extrañar que yo recibiera siempre con alegría la orden de partir*** (Delibes); (8) ***No fue fácil para mí llegar a una postura que contradecía viejas tradiciones*** (Llosa).

На наш взгляд, важно обратить внимание на то, что, акцентируя обстоятельство при помощи эмфатических конструкций и дискурсивов (6-8), автор (адресант) обращает внимание читателя (адресата) на *время, когда происходит действие* (6) ***only when we are young***; *эмоции (отсутствие удивления)* (7) ***No es por tanto de extrañar***; *выражение эмоционального состояния героев* (8) ***No fue fácil para mí llegar***.

Следует подчеркнуть, что приведенные выше примеры предложений-высказываний художественного дискурса (6-8) показывают, что эмфатические конструкции, употребляясь с дискурсивами в английском и испанском языках, усиливают экспрессивно-эмоциональное воздействие на читателя (адресата), а также фиксируют его внимание на вещественной информации. Данные синтаксические конструкции с дискурсивами как экспрессивные средства выражения содержания в художественном дискурсе отражают *эмоционально-оценочные* (6, 7) и *образные характеристики* (8). Под образными характеристиками

понимается выражение внешнего облика реальной действительности, а под эмоционально-оценочными – внутреннее состояние литературных героев и их отношение к действительности.

Итак, эмфатическая конструкция *It is ...that/ who...* в современном английском языке и конструкции *Es...que, Ser...el (la) que (quien)* в испанском языке и дискурсивы позволяют выделить синтаксические компоненты предложения-высказывания: *подлежащее, дополнение, обстоятельство*. Важно подчеркнуть тот факт, что художественные тексты строятся в соответствии с художественно-образной речевой конкретизацией, что отражается во взаимосвязи языковых единиц, а именно эмфатических конструкций и дискурсивов, которые оказывают значительное влияние на воображение читателя (адресата) и несут дополнительную композиционно-смысловую нагрузку в художественном дискурсе.

Из всего вышеизложенного можем заключить, что синтаксические и лексические выразительные средства, а также стилистические приемы представляют собой основной инструмент для создания художественного дискурса и инструмент формирования его своеобразия.

Литература

Арнольд И.В. *Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов*. М.: Флинта: Наука, 2002.

Бабаян В.Н. Различные подходы к определению понятия «дискурс» и его основные характеристики // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 1. С. 76–81.

Дейк Т.А. *Язык. Познание. Коммуникация*. М.: Прогресс, 1989.

Егорова О.С., Купцов А.Е. Особенности функционирования частиц в коммуникативной структуре предложения // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. 2012. № 4. Т. 1. С. 155–160.

Егорова О.С., Купцов А.Е. Коммуникативно-синтаксическая типология предложений, включающих частицы (на материале русского и испанского языков) // Ярославский педагогический вестник. Гуманитарные науки. 2013. № 4. С. 166–174.

Купцов А.Е. Усилительные частицы как средство маркирования темы в испанском и русском предложении // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 3. С. 195–197.

Купцов А.Е., Шилова Н.В. Лингвокультурные особенности кубинского варианта испанского языка в художественном дискурсе: лексический аспект // Язык и общество. Диалог культур и традиций. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022.

Мельникова К.А. Дискурс с точки зрения корпусной лингвистики // Лингводидактика в неязыковом вузе: традиционные и инновационные подходы: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. 17–18 мая 2019 г. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2019. С. 94–99.

Рамазанова Д.А., Хасбулатова Х.М., Курбанова З.Г. Экспрессивность в художественном тексте и способы ее выражения // Общественные и гуманитарные науки. 2017. Т. 11. № 3. С. 86–91.

Тюкина Л.А., Бабаян В.Н. Структурно-композиционный анализ бытового анекдота на немецком, английском и русском языках как объекта юмористического диалогического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. Вып. 9. С. 286–292.

Шилова Н.В. Дидактические игры как средство обучению иностранному языку в высших учебных заведениях // Лингводидактика и лингвистика в вузе: традиционные и инновационные подходы: сборник научных статей по материалам IV Международной научно-практической конференции. 20–21 мая 2022 г. Ярославль: Изд-во ЯГТУ, 2022. С. 62–65.

*A.E. Kuptsov, N.V. Shilova (Yaroslavl, Russia)
Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky*

**DISCOURSE MARKERS AND SYNTACTIC CONSTRUCTIONS
AS A MEANS FOR FORMING THE PRAGMATIC EFFECT
OF THE ACT OF COMMUNICATION IN ENGLISH
AND SPANISH FICTION DISCOURSE**

Discourse markers and syntactic (emphatic) constructions play an important role in the effectiveness of discourse, since they are the main tool for creating fiction discourse and a tool for forming its originality.

Key words: discourse, fiction discourse, discourse markers, syntactic constructions.

*A.B. Леонтьева (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
lealesya1979@yandex.ru*

*Е.Г. Котова, Е.Б. Савельева (Орехово-Зуево, Россия)
Государственный гуманитарно-технологический университет
kotova070809@yandex.ru; lenaandrei2007@rambler.ru*

**ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ
И СЕМАНТИКО-КОГНИТИВНАЯ СПЕЦИФИКА
ИНТЕРНЕТ-ПУБЛИКАЦИЙ О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ
МАРКИРОВАННОСТИ ГАСТРОНОМИЧЕСКОЙ РЕАЛИИ «БОРЩ»**

В статье дается обзор прагмалингвистической и семантико-когнитивной специфики англоязычных статей на тему национально-культурной маркированности гастрономической реалии «борщ». В результате проведенного анализа выявлены основные типы публикаций и обнаружена значительная доля конфликтогенной риторики.

Ключевые слова: культурная идентичность, риторика, конфликтогенный, гастрономическая реалия, борщ.

В условиях разрастания спектра конфликтогенной риторики, в том числе относительно прецедентных феноменов, возникает немало споров вокруг культурно и национально маркированных единиц. Подобное противостояние включает не только объекты культурного наследия и национального быта, но и неизбежно касается релевантных лексических единиц. Это означает, что адекватная оценка происходящему должна строиться на многоаспектном анализе ситуации в культурно-историческом, когнитивном и лингвистическом ракурсе. Одним из примеров предмета такого пылкого спора в политическом ракурсе явилось слово «борщ», означающее хорошо известное в мультикультурном аспекте блюдо. В наши задачи входило выявление прагмалингвистической и семантико-когнитивной специфики англоязычных интернет-статей на тему национально-культурной маркированности реалии «борщ».

Как правило, разные источники свидетельствуют о том, что изначально одноименный суп варили из борщевика, который использовали в ряде блюд. Следует отметить, что борщевик, ранее употреблявшийся для приготовления пищи, как, например, борщевик сибирский, не стоит путать с борщевиком Сосновского, вызывающим опасные и трудно заживающие ожоги. Начиная с XVI в., древнеславянское слово «бърщ» использовалось для обозначения борщевика согласно историко-этимологическому словарю П.Я. Черных [Черных 1999: 105]. Этимология слова неоднозначна, есть предположение, что актуализировалось значение зазубрин по форме листьев борщевика, однако точное происхождение слова не ясно. Ряд лингвистов полагает, что слово «борщ» немецкого происхождения (от *Borste*, нем. «щетина»). Постепенно применение борщевика в пищевых целях кануло в Лету, а главным неизменным ингредиентом борща стала свекла. Украинское слово «буряк» (по цвету овоща) имело значение «свекла». На современном этапе сложно назвать точное место происхождения борща. Предположительно возникновение данного блюда связывают с территорией Киевской Руси. Хотя традиционным является словосочетание «украинский борщ», «ареал» популярности и распространения борща в национальном контексте обширен и включает разные страны.

Целью данной статьи является анализ семантико-когнитивных и прагматико-лингвистических особенностей англоязычных статей и материалов о национально-культурной специфике указанной гастрономической реалии. Ряд авторов публикаций о борще признают, что самый простой способ идентифицировать происхождение борща – указать на то, как и с чем его подают [URL: <https://www.rbth.com/russian-kitchen/332994-russian-ukrainian-borsch>].

Большинство авторов проанализированных нами статей о борще, его разновидностях, рецептах разделяют мнение о том, что фактически существуют разные способы приготовления и подачи этого блюда в зависимости от страны и традиций. Как правило, в меню заведения уже указан определенный тип борща, который будет иметь соответствующие ингредиенты и подачу: «русский борщ», «украинский борщ», «борщ по-украински», «борщ белорусский», «борщ московский», «литовский борщ», «рижский борщ» и т. д. Как видно из списка приведенных примеров, такая идентификация часто основана на указании страны или населенного пункта, что вовсе не обязательно означает исключительное соблюдение традиции приготовления и подачи только в рамках соответствующего географического положения. При этом, безусловно, существуют и практически неизменные «атрибуты» некоторых видов борща, а также аналогичные ассоциативные реакции, связанные с ними, в зависимости от идентификации разновидности борща через определяющее слово. Таким образом, часто наблюдается идентификация блюда, связанная с определенным артефактом (ингредиентом, рецептурой): борщ с пампушками = украинский борщ, «литовский холодный борщ» и т. д. В одной из статей на английском языке автор свидетельствует о том, что «в России борщ обычно подают с черным (ржаным) хлебом, в то время

как «украинский борщ» – с чесночными пампушками; «белорусский» часто дополнительно декорируют травами и половинкой вареного яйца, но могут быть и другие вариации» [URL: <https://www.rbth.com/russian-kitchen/332994-russian-ukrainian-borsch>].

Часто в ассоциативной цепочке, представленной в разных дидактических материалах учебников русского языка как иностранного или в заданиях, направленных на формирование лингвокультурной компетенции, «борщ» и «щи» соседствуют. Например, в рамках разработки темы «Русская кухня» для формирования речевой компетенции уровня В2 на русском языке Брунева Ю.А. и Кашеварова Ю.А. предлагают задание на составление предложения из представленных слов. Одна из цепочек в задании 9: «популярный, русский, суп, это, борщ, щи, окрошка» [Брунева, Кашеварова 2021: 28]. Для изучающих русский как иностранный подобные ассоциативные ряды и компоновки давно являются типичными, отражающими реалии так называемого «русского мира».

В англоязычном названии публикации от 13 декабря 2019 г. “Borsch: The Slavic Signature Soup” борщ заявлен в более обобщенной идентификации как «знаковый/классический суп славян». При этом в самой статье подчеркивается, что он имеет сложную и долгую историю развития, отличается разными вариациями с учетом обширного ареала распространения, а в современном виде в качестве основного ингредиента содержит преимущественно свеклу [URL: <https://folkways.today/borsch-slavic-beet-soup/>]. Автор статьи резюмирует, что данное блюдо, будучи представленным в кухнях разных народов и в меню многочисленных ресторанов, представляет собой некий собирательный образ безотносительно точной и единственно возможной конфигурации ингредиентов.

Иным прагматическим, семантико-когнитивным и лингвостилистическим потенциалом обладают тексты с агрессивным или конфликтогенным характером плана выражения, направленные на целевую аудиторию и имеющие определенную прагматическую установку. Такие материалы всегда узнаваемы по реализуемой категории интенсификации и наличию лексики, относящейся к концептосферам «власть», «государство», «война»: *Ukraine's sovereignty over borscht, to defend the borscht, the new front, borscht dispute, battle over borscht, to steal borscht, Crimea was not enough*. Подобные лексические элементы с указанными функциями регистрируются как в названиях публикаций, так и в текстах статей. Такие публикации носят заявительный и обвинительный характер и обладают конфликтогенным потенциалом, но не подкрепляются историко-этимологическими данными и не обладают аргументированностью.

Анализ интернет-публикаций с 2014 по 2022 г. о национально-культурной маркированности искомого блюда выявил неоднородность материалов в плане реализации прагмалингвистической установки автора. Стоит отметить, что проанализированные англоязычные публикации гетерогенны относительно авторской идентичности самих статей: публикации на английском языке могут

быть написаны представителями разных культур. В ряде публикаций зафиксированы сведения в формате рассуждений или историко-этимологических данных относительно слова «борщ» как номинативной единицы и гастрономической реалии. Однако значительный ряд статей за указанный период обладает конфликтогенным потенциалом и, по сути, носит определенный пропагандистский характер. В подобных источниках сложно найти даже попытки фактического представления этимологических данных и показательный лингвокультурный след, данные исторических источников. Таким образом, публикации такого рода выходят за рамки лингвокультурологического анализа, а вернее, даже не обусловлены целями научного анализа на стыке лингвистики и истории, культурологии, имея политический контекст и преследуя цель создания дополнительной напряженности и негативного образа России, якобы присвоившей указанную гастрономическую реалию. Другим характером обладают публикации на иностранном языке, содержащие отсылки к разного рода историческим источникам и их интерпретацию. Такие статьи отражают нейтральную позицию авторов и обладают разной степенью аргументированности, построенной на анализе исторической и справочной литературы. Англоязычные публикации такого рода констатируют сложность решения задачи ввиду многослойности развития исторических событий и одновременно обусловленности вторичными факторами, имеющими отношение к настроениям противостояния, но не способствуют исследованию историко-этимологических данных и когнитивно-семантического потенциала искомого названия и идентичности кулинарного блюда.

Литература

Брунева Ю.А., Кашеварова Ю.А. Формирование речевой компетенции в аспекте актуальных страноведческих реалий у иностранцев, изучающих русский язык // Вестник педагогических наук. 2021. № 8. С. 24–30.

Герман Н.Ф. Лингвокультурная идентичность субъекта современной межкультурной коммуникации: дис. ... канд. культурологии. Челябинск, 2009.

Крашенинникова Е.И., Крашенинникова Н.А., Леонтьева А.В. Культурно-специфические элементы как проблема перевода // Язык. Культура. Коммуникация: материалы XIV Международной научно-практической конференции (памяти профессора С.А. Борисовой) / отв. ред. И.Н. Соколова. 2 июня 2021 г. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2021. С. 251–257.

Черных П.Я. Борщ // Историко-этимологический словарь современного русского языка. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1999. Т. 1.

Sorokina A. How does Russian borsch differ from Ukrainian? // Russian Kitchen 2020. November 13. URL: <https://www.rbth.com/russian-kitchen/332994-russian-ukrainian-borsch>

Tanyarattinan T. Borsch: The Slavic Signature Soup. – URL: <https://folkways.today/borsch-slavic-beet-soup/>

Borsch whose national soup. Who invented the borsch? The history of borsch. URL: <https://bel-pi-atto.ru/en/hitrosti/borshch-chei-nacionalnyi-sup-kto-izobr-l-borshch-istoriya-voznikoveniya/>

*A.V. Leontieva (Moscow, Russia)
Moscow City University*

*E.G. Kotova, E.B. Saveleva (Orekhovo-Zuevo, Russia)
State University of Humanities and Technology*

PRAGMALINGUISTIC, SEMANTIC AND COGNITIVE PECULIARITIES OF INTERNET ARTICLES ABOUT “BORSHCH” AS A CULTURE-SPECIFIC ELEMENT

The article gives a review of pragmalinguistic as well as semantic and cognitive peculiarities of internet publications in English about the national and cultural identity of “borshch”. As a result, the basic types of published materials are figured out and a great deal of conflictogenic rhetoric is found.

Key words: cultural identity, rhetoric, conflictogenic, culture-specific, borshch.

*Т.Е. Литвиненко (Иркутск, Россия)
Иркутский государственный университет
littatiana0424@gmail.com*

РЕЛИГИОЗНЫЕ ИСТОЧНИКИ МЕТАФОРЫ ЧЕЛОВЕК-ТВОРЕЦ В ИНТЕРТЕКСТЕ

В статье рассматривается вопрос об источниках метафоры *человек – это творец бытия* в художественном дискурсе, дается интертекстуальное обоснование ее вербальных актуализаторов в прозе, раскрывается роль религиозно-мифологических концептов в данном виде коммуникации и анализируются причины изменения их аксиологического статуса.

Ключевые слова: концептуальная метафора, художественный дискурс, религиозный дискурс, интертекст, проза Х. Кортасара.

Попытка постижения своей истинной природы и сложный путь поиска себя человеком в универсуме сакральных и профанных смыслов и практик неизбежно находит отражение в различных дискурсах в виде репрезентаций базовых концептуальных метафор, которыми, по справедливому утверждению классиков когнитивной науки, «мы живем» [Lakoff, Johnson 1980] и, очевидно, будем жить, пока говорим.

Одной из таких структур знания и познания, относящихся, согласно концепции Лакоффа и Джонсона, к онтологическому типу, является метафора БОГ – ЭТО ЧЕЛОВЕК, в ходе ментального конструирования которой бог, как абстрактная трансцендентальная сущность, персонафицируется и наделяется суммой антропоморфных черт и качеств.

Наличие данной метафоры, порожденной человеческим сознанием, в дальнейшем позволяет создать обратную формулу, ЧЕЛОВЕК – ЭТО БОГ, инверсия доменов которой становится зеркальным отражением первого тождества. В качестве же средства его дискурсивного представления выступает

метафора *человека-творца*, связанная с процессом самоидентификации человека, с пониманием его креативных (и, в том числе, лингвокреативных) способностей, с утверждением его в роли полноценного и полноправного создателя, а не только *творения* или *твари* божьей.

Примером актуализации указанной метафоры может быть назван наиболее известный рассказ аргентинского писателя Х. Кортасара “*El perseguidor*”, посвященный жизнеописанию гениального джазового музыканта Джонни Картера, чьим прототипом послужил знаменитый американский саксофонист прошлого века Чарли Паркер.

На смену имен, имеющую непосредственное отношение к вербализации рассматриваемой метафоры (подробнее см.: [Литвиненко 2008]), указывает сам автор, предваряя свое произведение тремя эпитафиями, первый из которых, “*In memoriam Ch. P.*”, посвящен упомянутому музыканту, получившему в тексте имя с двумя другими первыми буквами *J.C.* – *Johnny Carter*.

Второй эпитафия устанавливает прямую связь рассказа как интертекста с его религиозным претекстом, из которого приводится атрибутированная цитата: *Sé fiel hasta la muerte (Apocalipsis, 2, 10) – Будь верен до смерти* [Апокалипсис 2, 10].

Третий эпитафия представляет собой заимствование из стихотворения Дилана Томаса: *O make me a mask (Dylan Thomas)*, отсылающего как к уже выраженной теме смерти/бессмертия, так и к важному для Кортасара мотиву превращения/переименования/маскировки/игры в другого.

Что же касается самого рассказа, то в нем главный герой оказывается постоянно «вписанным» в библейский и, прежде всего, в апокалиптический контекст, который объективирует не только его творческий дар, среди прочего восходящий к символизму ангела – “*este ángel*”, вострубившего (сыгравшего на саксофоне) о конце времен и о приближении новой эры, но и обстоятельства трагической земной жизни Джонни, завершившейся болезнью и телесным распадом.

Кроме этого, интертекстуальными отсылками к Апокалипсису или, по библейской традиции, книге Откровений Иисуса Христа являются многочисленные прозрения настоящего-будущего, сны-видения и трагические переживания Джонни, воплощенные затем в его необыкновенной музыке.

Среди них связанные с третьим из вострубивших ангелов слова о «звезде польнъ» [Apocalipsis 8, 11]: “*El nombre de la estrella es Ajenjo*”, объединенные с цитатой из [Apocalipsis 11, 8] о гибели пророков, убитых зверем из безднъ: “*Y sus cuerpos serán echados en las plazas de la grande ciudad*”. А также сравнение его умершей дочери с “*piecita blanca*” – «белым камнем», на котором будет написано новое тайное имя посвященных [Apocalipsis 2, 17], и себя самого с “*caballo Amarillo*” – «бледным конем», несущим всадника по имени смерть, за которым следовал ад [Apocalipsis 6, 8].

Следует сказать, что метафорическое уподобление Джонни Картера Иисусу не ограничивается только «присвоением» им слов бога. Их сближает

ряд новозаветных символов, связанных с метафорическими именами Христа, ставшими основой религиозной картины мира [Литвиненко 2015]. Так, Джонни неоднократно обсуждает мистическую сущность хлеба, несомненно являющегося чем-то большим, чем простая вещь, лежащая на столе, чем еда, бездумно потребляемая каждый день, и чье разрезание ножом напоминает о принесенной две тысячи лет назад жертве. Ср.:

Tienes el pan ahí, sobre el mantel... Es una cosa sólida, no se puede negar, ... Algo que no soy yo, algo distinto, fuera de mí. ... El pan está fuera de mí, pero lo toco con los dedos, lo siento, siento que eso es el mundo, ... En el pan es de día, – murmura Johnny, tapándose la cara. Y yo me atrevo a tocarlo, a cortarlo en dos, a metérmelo en la boca. No pasa nada, ya sé: eso es lo terrible. ¿Te das cuenta de que es terrible que no pase nada? (Cortázar J. El perseguidor)

Наряду с интерпретацией библейской цитаты «Я есмь хлеб жизни» – “*Yo soy pan de vida*” [Juan 6, 35] в рассказе дается отсылка к номинации Христа как двери в царство небесное “*Yo soy la puerta; el que por mí entrare, será salvo; y entrará, y saldrá, y hallará pastos*” [Juan 10, 9]. В последнем случае, однако, религиозный концепт осмысливается как ценностно амбивалентный: творчество дает возможность приоткрыть дверь в вечность, но Христос не позволяет Джонни проникнуть «на ту сторону» из-за недостатка святости:

Bruno, toda mi vida he buscado en mi música que esa puerta se abriera al fin. ... Yo tenía mi saxo... lo que hacía falta... porque no puede ser que no haya otra cosa, no puede ser que estemos tan cerca, tan del otro lado de la puerta... Sobre todo, no acepto a tu Dios. ... Y si realmente está del otro lado de la puerta, maldito si me importa. No tiene ningún mérito pasar al otro lado porque él te abra la puerta. ... yo creo que abrí la puerta con mi música, hasta que tuve que parar y entonces el maldito me la cerró en la cara nada más que porque no le he rezado nunca, porque no le voy a rezar nunca, porque no quiero saber nada con ese portero de librea, ese abridor de puertas a cambio de una propina, ese... (Cortázar J. El perseguidor).

Аллюзией метафорического тождества «Бог есть любовь» – “*Dios es amor*” [Juan 4, 8] может быть признано название лучшего музыкального произведения Джонни “*Amorous*”, актом творения которого он возвестил о своей любви к миру божественному, демоническому и человеческому.

Наконец, само имя Джонни Картера, точнее, выбранные Кортасаром инициалы имени и фамилии саксофониста взамен оригинальных *Ch.P.*, полностью повторяют первые буквы имени Иисуса Христа, как, кстати, и имени аргентинского писателя: *Jesús Cristo – Johnny Carter – Julio Cortázar*.

К сказанному следует добавить, что уподобление Джонни Иисусу в той реальности, которая была создана Х. Кортасаром, делается и с помощью других актуализаторов. Как и Христос, который «несмь от мира сего» (“*yo no soy de este mundo*” [Juan 8, 23]), Джонни-творец отмечен принадлежностью к иному миру, хотя, оставаясь человеком, он неразрывно связан и с этой стороной бытия: *Todo esto prueba que Johnny no es nada del otro mundo, pero apenas lo pienso me pregunto si precisamente no hay en Johnny algo del otro mundo* (Cortázar J. El perseguidor).

За фигурой джазиста проступает некто более грандиозный и призрачный: *en Johnny hay como el fantasma de otro Johnny que pudo ser, y ese otro Johnny está lleno de grandeza* (Cortázar J. El perseguidor).

А сам он обретает сходство с распятием Иисуса на кресте: *los parroquianos del Flore, ... aun sin saber en su mayoría que ese negro arrodillado es Johnny Carter me han mirado como miraría la gente a alguien que se prepara a un altar y tironeara de Cristo para sacarlo de la cruz* (Cortázar J. El perseguidor).

Анализ рассказа как интертекста позволяет выявить еще несколько репрезентантов исследуемой метафоры. Так, музыкальный критик Бруно, пишущий биографическую книгу о Джонни Картере, называется в рассказе «евангелистом»: *Empiezo a parecerme a un evangelista y no me hace ninguna gracia. ... ¿Qué clase de evangelista soy?* (Cortázar J. El perseguidor), что косвенным образом свидетельствует о присущей им иной ипостаси.

Кроме этого, Бруно становится элементом воссозданного библейского контекста, поскольку именно ему приписывается «апокалиптический» эпитет *fiel*: *Sé fiel hasta la muerte → El compañero Bruno es fiel como el mal aliento*. А его произведение определяется им самим как зеркало, верно отражающее природу, искусство и человека: *¿Qué más quieres? Los espejos son fieles* (Cortázar J. El perseguidor).

Между тем, Евангелие от Бруно, как и всякая подобная книга о творце, оказывается слишком авторской, раскрывающей прежде всего свою модель реальности, утверждающей превосходство интерпретаций над объектом, ускользающим от тривиального языка и чужих стратегий. Игра слов в ней затемняет истинность, личные оценки стирают действительность, невыразимое упрощается до символа, подлинный демиург бессознательно заменяется собой.

Впрочем, неизбежная ограниченность картины мира не устанавливает пределов в сфере создания метафор. Метафор, соединяющих древнее сакральное знание и светские представления о бытии, интегрирующих миф и *ratio*, смыслы и знаки религиозного и художественного дискурсов.

Именно эти когнитивные конструкции объективируют креативный потенциал сознания, порождают новые онтологии, ориентируют субъекта в пространстве-времени и структурируют хаос в космос. И именно метафоры представляют человеческое как божественное, отождествляя *esse homo* с образом совершенного творца.

Литература

- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Литвиненко Т. Е. Метафоры интертекста // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. Т. 20. С. 175–181.
- Литвиненко Т. Е. Метафора в религиозном дискурсе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 5 (716). С. 79–88.
- Apocalipsis de San Juan*. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?search=Apocalipsis%201&version=RVR1960>
- Juan. Evangelio según San Juan*. URL: <https://www.biblegateway.com/passage/?Search=Juan%201&version=RVR1960>

*T.E. Litvinenko (Irkutsk, Russia)
Irkutsk State University*

CONCEPTUAL METAPHOR MAN IS CREATOR IN RELIGIOUS AND ARTISTIC INTERTEXT

The article discusses the problem of the metaphor *MAN IS THE CREATOR OF BEING* in religious and artistic discourses, gives an intertextual justification of its verbal actualizations in modern Argentine fiction, reveals the role of mythological concepts in this type of communication and analyzes the reasons for changing their axiological status.

Key words: conceptual metaphor, artistic discourse, religious discourse, intertext, modern Argentine fiction, Julio Cortázar.

*Лю Минсюань (Москва, Россия)
Московский государственный педагогический университет
liu.mingxuan@bk.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ЧАСТЕЙ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА В ФИНАНСОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена изучению концептуального переосмысления частей тела человека в финансово-экономической терминологии на китайском языке. В рамках антропоцентрической парадигмы на основании положений теории когнитивного терминоведения автор исследовал словари на финансовую тематику, выявив соматизмы в составе специальных терминов, которые отражают концептуализацию частей тела на семантическом и графическом уровнях.

Ключевые слова: когнитивное терминоведение, соматизмы, концептуализация, финансово-экономический термин.

Познание мира начинается с познания человеком себя и всего вокруг – эта идея интенсивно развивается в языкознании в последние десятилетия. Представление о человеке как субъекте познания в антропоцентрической парадигме получило дальнейшее развитие в работах Е.С. Кубряковой [Кубрякова 1991], Б.А. Серебренникова [Серебренников 1988], В.М. Алпатова [Алпатов 1993], А.В. Кравченко [Кравченко 2004] и других исследователей. Принцип антропоцентризма, поставивший во главу угла человеческий фактор в языке, переместил вектор лингвистики от исследований языка как такового к исследованиям, нацеленным, по меткому выражению Е.С. Кубряковой, на «человека в языке» и на «язык в человеке».

Одним из проявлений исследования «человека в языке» является принцип антропоморфизма, в рамках которого исследуется использование отдельных наименований частей тела в специальном терминоведении. Отметим, что термины с когнитивной точки зрения исследуются в России довольно активно, известны работы Л.А. Манерко [Манерко 2000; 2018], Е.И. Головановой [Голованова 2013].

В рамках когнитивного терминоведения был выдвинут ряд идей, среди которых «понимание термина и других специальных единиц как результатов сложного взаимодействия когниции и коммуникации в особом семиотическом пространстве определенной области знания и деятельности» [Голованова 2013: 14].

Так, термин воспринимается как результат переосмысления элементов окружающей действительности, следствием которого является появление новой единицы номинации в специальной области знания. Л.А. Манерко указывает по этому поводу, что «особенности построения терминосистем разных областей знания отличаются антропоцентрическими представлениями, раскрывающими особенности активности человека в определенной сфере деятельности» [Манерко 2018: 723].

На наш взгляд, одной из слабо изученных областей когнитивного терминоведения является проявление принципа антропоморфизма в терминосистемах на разных языках. Например, А.В. Пискарева рассмотрела лингвистические термины с точки зрения антропоморфизма [Пискарева 2019]. Отдельные исследователи изучают соматизмы как проявление антропоморфизма в топонимике [Хисамитдинова и др. 2018] и в наименованиях насекомых [Галимова, Сабитова 2019]. Отметим, что исследований антропоморфных явлений в финансовой лексике ранее не проводилось.

Целью данной работы является изучение проблематики концептуального переосмысления частей тела человека в финансовой терминологии на китайском языке.

Материалом исследования явились три словаря по финансово-экономической и внешнеторговой тематике [Сизов 2004; Хуан 2002; Ян, Тылемиссов 2004] и один разговорник этой же тематики [Юй, Ши, Ши 1993]. В качестве метода исследования использовался последовательный анализ словарных статей с целью выявления соматизмов в семантике финансово-экономических терминов посредством изучения структурных и словообразовательных особенностей.

Подобный подход оказывается применим к китайскому языку, т. к. структура иероглифического письма предполагает наличие семантики у каждой отдельной морфемы. Например, 吞吐量 – «пропускная способность» (для порта), *объем грузооборота*. Эта лексема построена по принципу основосложения (吞 – глотать + 吐 – плевать) и добавления полусуффикса (量 – количество, объем). При этом итоговая семантика слова (пропускная способность) не является простой суммой сложения смыслов входящих в состав слова элементов, порт как бы олицетворяется, уподобляется человеку, который может как проглотить (принять), так и выплюнуть (выпустить) какое-то количество еды (грузов).

Результаты

Всего в исследованных нами словарях были выявлены 108 терминов-соматизмов, которые включали в себя такие наименования частей тела, как 心 (сердце – 10); 头, 首 (голова, макушка – 21); 口 (рот – 22); 手 (рука – 6); 足, 脚 (нога – 4); 眼, 目 (глаз – 17); 脸, 面 (лицо – 13); 背 (спина – 7); другие – 5.

Представим полученные результаты в виде диаграммы (см. рис. 1).

Теперь последовательно рассмотрим примеры терминов, распределенные по наименованиям частей тела, и попытаемся определить доминирующие концептуальные модели. Для получения представления о принципах осмысления частей тела в финансово-экономической терминологии разберем два наиболее частотных соматизма: рот и голова.

(1) □ – рот

Лексема □ с изначальным этимологическим значением «рот» является идеографическим знаком, впервые появившимся еще на гадательных костях Цзягувэнь (4 тыс. лет до н.э.). В современном китайском языке исходное соматическое значение было в значительной степени переосмыслено, появились новые значения, которые можно разделить на две группы: 1. отверстие, дыра, устье, проход; 2. слова, речь, говорящий человек. Первая группа соотносится как с формой рта, который представляет собой отверстие, так и с внешней формой самого иероглифического знака. Отметим, что □ является идеограммой, то есть знаком, записывающим идею, поэтому появление подобного значения вполне объяснимо. Вторая группа значений связана с исходной семантикой знака «рот». Рот переосмысляется через функцию и результаты речевой деятельности как части значения органа тела.

Среди выявленных терминов можно наблюдать такое разделение на две группы:

а) 进出口 (进 – входить + 出 – выходить + □ – рот = внешнеторговая деятельность), 口岸 (□ – рот + 岸 – берег = таможня на море), 预算缺口 (预 – заранее + 算 – считать + 缺 – недостаток + □ – рот = брешь в бюджете).

б) 口头合同 (□ – рот + 头 – голова + 合 – совместно + 同 – вместе = устный контракт), 口号商标 (□ – рот + 号 – наименование + 商 – торговля + 标 – символ = товарный знак, эмблема), 专业对口 (专 – специальный + 业 – работа + 对 – соответствовать + □ – рот = профильный).

(2) 头, 首 – голова, макушка

Обе эти лексемы также имеют длинную историю и являются идеограммами, что предопределяет их лексическую многозначность в современном китайском языке. Так, 头, помимо исходного значения «голова», также имеет значения вершина, верхняя часть (1), начало, передняя часть (2). Мы можем наблюдать, что голова осмысливается в пространственных координатах либо как что-то

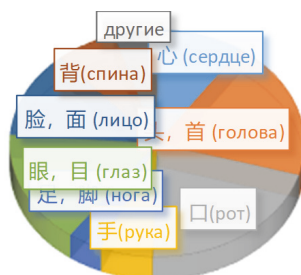

Рис. 1. Количественное распределение соматизмов в анализируемых терминах

верхнее, либо как что-то, находящееся впереди. Лексема 首, основное значение которой макушка (головы), имеет сходные значения: глава, лидер, зачинщик, главарь (1); передний, ведущий, главный (2). Все эти результаты концептуального переосмысления головы как органа, пространственно находящегося выше и выполняющего самую важную функцию, отражены и в финансово-экономических терминах: 财经首长 (财 – богатство + 经 – закономерность + 首 – макушка + 长 – старший = финансовый директор), 首创 (首 – макушка + 创 – создавать = быть создателем), 金融寡头 (金 – золото + 融 – финансы + 寡 – небольшое количество + 头 – голова = плутократия), 人头税 (人 – человек + 头 – голова + 税 – налог = подушный налог).

Таким образом, мы видим, что наименования частей тела используются в специальной финансово-экономической терминологии. Несмотря на их незначительное количество, нам удалось на основе анализа семантики исходных соматических морфем продемонстрировать, что в специальной терминологии наименования частей тела чаще всего реализуют свое вторичное значение, полученное в результате развития лексической системы языка, которое отражает результаты концептуального осмысления частей тела в их взаимодействии с окружающим миром. Некоторые проявления антропоморфизма не отличаются китайской спецификой (см. «глава банка» в русском языке), однако мы также наблюдаем такое явление, как графическое переосмысление, когда концептуализация базируется на форме иероглифа (目) или форме части тела (口).

Литература

- Алпатов В.М. Об антропоцентричном и системоцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 15–26.
- Галимова О.Н., Сабитова И.И. Отсоматические инсектонимы в татарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. № 5. С. 162–165.
- Голованова Е.И. Когнитивное терминоведение: проблематика, инструментарий, направления и перспективы развития // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. Т. 24. № 315. С. 13–17.
- Кравченко А.В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. 2-е изд. исправл. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004.
- Кубрякова Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М.: Наука, 1991.
- Манерко Л.А. Когнитивное терминоведение как отражение антропоцентрического и конструирующего взгляда на терминосистемы и специальный дискурс // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 720–725.
- Манерко Л.А. Язык современной техники: ядро и периферия. Рязань: Изд-во РГПУ, 2000.
- Пискарева А.В. Антропоморфная метафора в лингвистической терминологии (на материале русского, немецкого и английского языков) // Германистика 2019: nove et nova: материалы Второй международной научно-практической конференции. 10–12 апреля 2019 г. Москва: МГЛУ, 2019. С. 293–296.
- Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира / под ред. Б.А. Серебренников. Москва: Наука, 1988.
- Сизов С.Ю. Русско-китайский словарь юридических, экономических и банковских терминов. Москва: Восток-Запад, 2004.

Хисамитдинова Ф.Г. и др. Место соматизмов в башкирской топонимии // Сибирский филологический журнал. 2018. Т. 4. С. 157–168.

Хуан Ю. Китайско-русский словарь терминов и выражений, встречающихся в периодике. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 2002.

Юй С., Ши Ч., Ши Т. Китайско-русский разговорник по внешнеэкономическим связям. Пекин: Пекинский институт иностранных языков, 1993.

Ян Ю., Тылемиссов М. Новый китайско-русский политико-экономический словарь. Пекин: Central Compilation & Translation Press, 2004.

Liu Mingxuan (Moscow, Russia)
Moscow State Pedagogical University

CONCEPTUAL RETHINKING OF HUMAN BODY PARTS IN FINANCIAL AND ECONOMIC TERMINOLOGY IN CHINESE

The article examines the conceptual rethinking of human body parts in financial and economic terminology in Chinese. Within the framework of the anthropocentric paradigm, based on the foundational basis of the cognitive terminology theory, the author studied dictionaries on financial topics, identifying somatisms in the composition of special terms that reflect the conceptualization of body parts at the semantic and graphic levels of terminological units.

Key words: cognitive terminology, somatisms, conceptualization, financial and economic term.

A.S. Макарова (Москва, Россия)
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет;
Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова
aleste_63@mail.ru

СЕМАНТИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА ЛЮБОВЬ В ПРАВОСЛАВНОЙ МЕДИАПРОПОВЕДИ

В статье на материале православной медиапроповеди представлен анализ процесса семантизации религиозного концепта ЛЮБОВЬ. Изучение функционирования религиозных концептов в медиадискурсе обусловлено важностью осмысления и решения неизученных вопросов, которые происходят в религиозном православном медиадискурсе.

Ключевые слова: православный религиозный медиадискурс, православная медиапроповедь, концепт ЛЮБОВЬ.

В процессе семантизации концепта роль дискурса представляется во многом определяющей, при этом сам концепт может быть частью разных картин мира. При рассмотрении одного и того же концепта на базе различных авторских текстов важно учитывать тип дискурса, особенности вербализации концепта, тематическую направленность и, как следствие, семантическое наполнение через объективацию исследуемого концепта.

Русская концептосфера формировалась под влиянием православной веры. Если «язычник живёт настоящим <...> в режиме “витальной” (биологической)

предрасположенности» [Колесов 2019: 634], то христианин думает о душе и её спасении. Система ценностных координат как «структура иерархически организованных ценностей» [Ломакина 2020: 82] характеризуется амбивалентностью и трансформируется под влиянием экстралингвистических факторов.

На рубеже XX–XXI вв. российское общество столкнулось с кризисом нравственных ценностей. Однако, вопреки пережитым катастрофам, историко-культурная память и ценностные основы нравственной жизни народа сохраняются в сознании русского человека и отражаются в литературном языке. Очевидно, что возрождение христианской веры способствовало возникновению особого интереса лингвистов, в том числе и лингвистов-когнитологов, к религиозному языку в широком понимании этого термина, а также к актуализации религиозных смыслов через осмысление религиозной концептосферы, так как «религия оказывает влияние на восприятие и понимание новыми поколениями уже сформировавшейся картины мира, а язык позволяет выявить и определить эти особенности» [Макарова 2021: 579]. Применительно к медиапроповеди справедливо высказывание: «Каждый текст, будучи звеном цепи национальной и мировой литературы, создаётся с опорой на уже существующие тексты» [Ломакина 2018: 34], поскольку в основе этого жанра – библейский мотив или тема.

Постсоветское время характеризуется процессом возвращения к культурно-историческим истокам русской цивилизации, в основе которой лежит христианское вероисповедание. Подобный феномен отмечен переоценкой ценностей, благодаря чему научный вектор направлен на изучение и осмысление базовых концептов русской православной культуры, где концепт ЛЮБОВЬ является одним из главных в православной концептосфере и «в эмоциональной сфере русской картины мира, поэтому его изучение имеет непреходящее значение для познания национального менталитета народа в целом» [Салимова 2014: 174]. С.Г. Воркачѐв считает, что данный концепт оказывает серьёзное влияние на представление смысла жизни как цели, которую невозможно достичь на материальном уровне бытия [Воркачѐв http://].

Зарождение и развитие ценностной православной медиасферы – следствие трансформационных процессов в современном обществе, с одной стороны, расширение сферы воздействий медиа – с другой. Распад СССР как экстралингвистический фактор способствовал трансформации системы ценностей общества, которому навязывались ценностные установки западного мира и представления о вере, морали, справедливости, красоте, добре и зле, а каналом связи сначала были СМИ, а потом – интернет. Следствием подобной информационной политики стало изменение традиционных ценностных идей, транслируемых в российском медиaprостранстве, задача которого, как известно, создавать новостную повестку и формировать общественное мнение. Однако в последнее время заметную роль в российских массмедиа играют не столько традиционные православные СМИ (газеты, журналы, радио и телеканалы) сколько их интернет-версии (православные сайты, социальные сети, блоги и т. д.). В связи с этим, растёт интерес лингвистов к изучению нового явления в российском

языкознании – православного медиадискурса, с одной стороны, и православного медиатекста, в котором актуализируются православная картина мира и её концептосфера, – с другой. В качестве материала исследования выступает текст медиапроповеди протоиерея Андрея Ткачёва «Война не началась, война заканчивается» [Ткачёв <https://>].

Основная задача данного исследования определяется возрастающим интересом к изучению религиозной концептосферы и её лексемам-репрезентантам и состоит в определении и характеристике процесса семантизации базового концепта православной религиозной концептосферы *Любовь* на примере обозначенного текста.

При работе с эмпирическим материалом выбор методов определялся природой анализируемого медиатекста. Соответственно, для анализа семантизации концепта применялся коммуникативно-прагматический подход. В числе методов, использованных в данной работе, перечислим такие, как когнитивный метод, методы логического анализа языка и функционально-стилистического анализа семантического наполнения концептов.

Концепт ЛЮБОВЬ характеризуется особой интегральностью, о чём справедливо пишет Н.Г. Складаревская: «Интегральный характер, единство и нерасторжимость двух видов любви и божественной и человеческой – было обосновано Иисусом Христом, утверждено в евангельские времена, описано в Евангелиях, Деяниях и Посланиях апостолов <...>» [Складаревская 2013: 105]. «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой приводит следующее определение лексемы: «ЛЮБО'ВЬ, любви', тв. любо'вью, ж. 1. Чувство глубокого расположения, самоотверженной привязанности. 2. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. 3. Постоянная сильная склонность, увлечённость чем-н. 4. Предмет любви» [МАС т. 2: 209].

Очевидно, что отсутствие интегрального подхода в определении концепта ЛЮБОВЬ предельно упрощает его значение, ограничивая его секулярными рамками и исключая его божественное наполнение.

Автор анализируемого медиатекста прот. Андрей Ткачёв делает акцент именно на божественном содержании концепта ЛЮБОВЬ, которое противопоставляется его ограниченному секулярному пониманию: «*А вот то, что Бог – Любовь, это нравится, это мы запомним, это мы будем как щит перед собой держать. Он – Любовь, Он должен нас любить. Он – Любовь, и вы должны всех любить. <...> Подождите! <...> Это не единственное имя Божие. Кроме имени Божия Любовь, есть имя Божие Судия, Бог Небесных воинств, Царь Саваоф и много других имён есть у Господа Бога.*»

Во-первых, священник напоминает, что Любовь – это одно из имён Божиих, через которое актуализируется божественная сущность. Используя глагольный дериват *любить*, употреблённый с глаголом *должен/должны*, проповедник точно характеризует секулярное понимание концепта людьми: «*Он – Любовь, Он должен нас любить. Он – Любовь, и вы должны всех любить.*». Во-вторых, противопоставление имён Любовь и Судия не случайно – тематика

проповеди призвана напомнить людям, что нарушение божьих заповедей или законов влечёт за собой наказание.

Христианство учит, что «Бог есть любовь» [1 Ин.4:16)], и «кто не любит Бога, тот не познал Бога, потому что Бог есть любовь» [1 Ин. 4: 7-8]. Иисус Христос оставил особую заповедь апостолам «Да любите друг друга» [Ин. 13: 34], которая является новой, и посредством которой Господь призывает людей любить друг друга. Такая любовь представляет собой жертву, что находит отражение в крестной жертве Иисуса Христа или жертвенной любви Спасителя, представленной в медиаконтенте метафорой *Любовь Божия*, а использование стилистического приёма синтаксического параллелизма приводит к усилению лингвопрагматического эффекта: «*Любовь Божия на кресте распята. И Любовь Божия в гроб легла. Любовь Божия из гроба воскресла. Любовь Божия будет нас судить*».

Подчеркнём, что посредством использования синтаксического параллелизма и метафорического образа осуществляется логическая связность текста. Сын Божий, Иисус Христос, который есть Любовь Божия и который распят на кресте, – это жертвенная, спасительная любовь, и именно такой смысл имеет концепт ЛЮБОВЬ в христианстве, являясь антонимом его секулярному пониманию: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине» [Кор., 13: 4]. В текстуальном соотношении объём приведённых отрывков, где происходит репрезентация концепта ЛЮБОВЬ, ко всей медиапроповеди, невелик. Вербализация концепта происходит за счёт употребления лексем *любовь* и *любить*, а также метафоры *Любовь Божия*.

Анализ медиапроповеди показал, что концепт ЛЮБОВЬ занимает особое место в русской религиозной картине мира. Возвращение первоначального значения, заложенного в лексеме *любовь* и одноимённом концепте, произошло благодаря возрождению православной веры в нашем обществе и возможностям Интернета, через который осуществляется ретрансляция духовных смыслов на огромную аудиторию, позволяя не только восстановить, расширить и дополнить семантическое наполнение данного концепта, но и переосмыслить его с учётом существующей реальности, что и нашло своё отражение в рассмотренной медиапроповеди.

Литература

- Азбука веры. <https://azbyka.ru/cto-znachit-lyubit-boga>; <https://azbyka.ru/biblia/in/?1Jn.4:8&r>; <https://azbyka.ru/biblia/in/?1Cor.13:4-6&r> (дата обращения 20.05.2022).
- Андрей Ткачёв *прот.* Война не началась, война заканчивается. URL: <https://www.youtube.com/c/ПротоиерейАндрейТкачев> (дата обращения 03.04.2022).
- Воркачев С.Г. Концепт любви в русском языковом сознании. URL: <http://www.lincon.narod.ru/love.htm> (дата обращения 20.04.2022).
- Колесов В.В. Мир человека средневековой Руси. М.: Академический проект, 2019.
- Ломакина О.В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль. М.: РУДН, 2018.

Ломакина О.В. Понятие веры в системе ценностных координат народа (на паремиологическом материале русского, турецкого, русинского и алтайского языков) // Вопросы современной лингвистики и изучения иностранных языков в эпоху искусственного интеллекта: сборник научных трудов Международного научного форума, посвящённого Всемирному дню науки за мир и развитие. М.: РУДН, 2020. С. 81–86.

Макарова А.С. Концептуальная оппозиция *рай – ад* в секулярном и православном медиадискурсе: функционально-когнитивный анализ // «Когнитивные исследования языка». 2021. № 4 (47). С. 578–585.

Салимова Л.М. О лингвокультурном концепте «любовь» в русской языковой картине мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32). Часть 2. С. 173–175.

Склярёвская Г.Н. Концепт “Любовь” в христианском понимании: попытка лексикографического описания (предварительные заметки) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Редкол. М.Л. Ковшова, В.В. Красных, А.И. Изотов, И.В. Зыкова. М.: МАКС Пресс, 2013. Вып. 46. С. 104–112.

Словарь русского языка: В 4-х т.: под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1981–1984. Т. 1–4.

A.S. Makarova (Moscow, Russia)

St. Tikhon's Orthodox University, the Plekhanov Russian University of Economics

SEMANTIZATION OF THE CONCEPT LOVE IN THE ORTHODOX MEDIA SERMON

The article presents an analysis of the process of semantization of the religious concept *Love* based on the material of the Orthodox media sermon. The study of the functioning of religious concepts in media discourse is due to the importance of understanding and solving unexplored issues that occur in the religious Orthodox media discourse.

Ключевые слова: Orthodox religious media discourse, Orthodox media sermon, concept Love.

И.А. Маринченко (Владивосток, Россия)

Дальневосточный федеральный университет

irmarinchenko@yandex.ru

РЕЧЕВЫЕ ТАКТИКИ УБЕЖДЕНИЯ В КУЛИНАРНОМ ДИСКУРСЕ

Предметом изучения в данной статье является коммуникативная стратегия вербального убеждения, используемая на кулинарных интернет-сайтах. Особое внимание уделяется выявлению речевых тактик и коммуникативных приемов, используемых авторами при описании рецепта.

Ключевые слова: кулинарный дискурс, кулинарный рецепт, стратегия убеждения, речевая тактика, речевой прием.

Самым распространенным жанром *кулинарного дискурса* является *кулинарный рецепт*. В качестве наиболее типичных черт кулинарного рецепта выступают *алгоритмичность* и *рекомендательный характер* [Вареник 2021: 31]. П.П. Буркова в диссертации 2004 года рассматривает кулинарные рецепты в основном на материале поваренных книг и художественных текстов [Буркова 2004]. Очевидно, что сегодня сферы функционирования анализируемого жанра

значительно расширились в связи с развитием сети Интернета. Размещение рецептов в сети Интернет привело к усложнению и обогащению их текстовой структуры с помощью средств поликодовой коммуникации, диалогизации, субъективации. Кулинарный дискурс специализированных интернет-сайтов отражает современные представления о «новом стиле сотрапезничества – с неким грандиозным анонимным другим, несомненно, оценивающим как трапезу, так и стоящую за ней персону» [Сохань 2014: 23].

Материалом нашего исследования послужили тексты кулинарных рецептов на сайте «Поваренок.ру» [<http://www.povareнок.ru>], который пользуется большой популярностью среди пользователей Интернета. Здесь каждый желающий может предлагать свои рецепты и оставлять комментарии к чужим. Структура материала, относящегося к рецепту, на сайте состоит из нескольких блоков (заголовок, описание-рекомендация, перечень ингредиентов, пошаговая инструкция по приготовлению блюда с иллюстрациями, комментарии к тексту и др.), имеющих разную значимость и предназначение.

Рекомендательный характер присущ не только инструкции по приготовлению блюда, но и *авторскому описанию рецепта*, предваряющему его инструктивную часть. Эта презентативная часть располагается на отдельной странице сразу после названия и сопровождается фотографией. Давая общее представление о блюде, описание в то же время направлено на то, чтобы *убедить* пользователя сайта перейти на основную страницу рецепта и ознакомиться с ним. Под *вербальным убеждением*, таким образом, мы понимаем мотивированное обоснование необходимости познакомиться с кулинарным рецептом и использовать его на практике. *Коммуникативная стратегия убеждения* рассматривается лингвистами как «совокупность речевых действий, направленных на достижение говорящим своей цели», при этом отмечается, что «реализация этой стратегии допускает различные способы – речевые тактики убеждения» [Заюкова 2020: 406].

Цель такого блока кулинарного рецепта, как описание, как мы уже отметили, заключается в том, чтобы убедить читателя в достоинствах предлагаемого рецепта для дальнейшего его использования. Ей соответствуют две основные *речевые тактики*: 1) вызвать интерес у пользователя сайта и 2) расположить к себе читателя – «собеседника», придать общению дружеский и доверительный характер. Каждая речевая тактика реализуется с помощью совокупности типизированных *приемов*, которые будут описаны ниже.

Первая речевая тактика – вызвать интерес у пользователя сайта.

Приемы:

1) акцентирование внимания на культурно значимом компоненте: указание на особый, культурно или субъективно ценностный характер источника сведений («легендарный, заветный, обретенный источник»): *Так готовила моя прабабушка, она рассказывала, что рецепт ей дали иноки Дивногорского монастыря; Я училась готовить эти щи по книге «Краткая энциклопедия домашнего хозяйства» 1959 г.; Этот рецепт из моей кулинарной тетрадки; культурная история блюда* (введение образа специалиста, указание на

особый характер места, времени): *Это блюдо было придумано в 1870 году французским шеф-поваром известного парижского ресторана Адольфом Дюглером; описание культурного контекста, связанного с одним из ингредиентов блюда: На одной из своих картин «Натюрморт с южными плодами» Ренуар, в числе других фруктов и овощей, изобразил такие знакомые нам баклажаны [Баклажанный крем-суп «Ренуар»]; история названия, его истолкование, оценка: Название блюда в переводе с армянского языка означает «неряха», «замарашка»; Название борща произошло от слова «диво» – чудо;*

2) акцентирование внимания на субъективно значимом компоненте (на предшествующих или последующих событиях). Это могут быть сведения о личных обстоятельствах, предшествующих приготовлению блюда (случай из жизни): *Напала сегодня на моего мужа ностальгия... И вот он решил мне показать мастер-класс, как правильно варить этот простой и вкусный суп – затируху; описание реакции окружающих, попробовавших приготовленное автором блюдо (аналог типичного рекламного приема «введения потребителя как источника информации из первых рук»): У меня сынулька мечтает стать капитаном – так вот, увидев «сырные паруса», уплетал за обе щеки; Муж после обеда позвонил со словами: «Супруга, супу – зачет! Зачет!»; Сын, придя с работы, сказал: «Мама, офигительный суп!»;*

3) акцентирование внимания на уникальности или необычности предлагаемого рецепта блюда: *Можно сказать, торт-викторина. Еще никто ни разу не отгадал, из чего он приготовлен; Очень уж забавные эти осьминожки, пока посчитаете, сколько же там ножек, тарелка будет пуста [Суп «Осьминожек»];*

4) акцент на индивидуальном подходе к приготовлению блюда («отсылка к опыту»): *Ну и все-таки есть определенные хитрости, чтобы получилось именно, как у меня; Знаю, что на сайте очень много сырных супчиков, но у каждой хозяйки свои секреты;*

5) введение в текст оценки. Это может быть сенсорно-вкусовая оценка: *Безумно вкусная куриная печень. Оторваться невозможно!; утилитарная* (мотивация положительной оценки – простота приготовления блюда, его польза для здоровья, соответствие времени года или другим обстоятельствам, дополнительные возможности): *В зимнюю непогоду согреет и даст ощущение сытости и умиротворения; Готовится быстро и легко, ловите момент, пока сезон грибов!; Если исключить бекон, будет незаменим в пост; Лечебные свойства чечевицы известны с глубокой древности; Может стать емкостью для индивидуальной подачи салата или закуски; эстетическая: Такой кораблик может служить украшением стола; Они очень красиво смотрятся на праздничном столе; нормативная: (указание на соответствие эталону в конструкциях сходства): *И правда, чем-то похож на «Сникерс»!* Ведущими модальностями кулинарного рецепта обычно считаются вкусовая и зрительная [См.: Вареник 2021: 32], однако наш анализ показывает, что современному потребителю не менее важны факторы пользы, экономии времени и соответствия образцам.*

Вторая тактика – расположить к себе читателя–собеседника», придать общению дружеский и доверительный характер.

Приемы:

1) диалогизация. Используются следующие языковые средства, приемы или жанры речи: обращения, «контактные» вводные слова, оценочная лексика: *Рецепт, поверьте, сказочный; Здравствуйте, дорогие повара! А вот и я! Решила, что не имею права скрывать от вас, дорогие мои, рецепт печенья; эмоционально окрашенные элементы речи*: *Кусочек такой творожной вкусняшки всегда будет кстати к чашечке чая или кофе; Ну кто же откажется от маленьких «капкейков» с разнообразной начинкой?; выражение положительного эмоционального отношения к другим участникам*: *Не знаю, как вы, а я соскучилась по вам; моделирование предполагаемой реакции и «нейтрализация» ее отрицательного заряда*: *«Что нового может быть в приготовлении куриного бульона?» – подумаете вы. Но, оказывается, поговорка «Век – живи, век – учись» неспроста появилась в народе; – Опять селедка? Опять под шубой? Ну, сколько можно???! – Да, но зато с маленьким секретиком и в новом оформлении!; приглашение «в гости»: Заходите, смотрите, прокомментируйте, спрашивайте и готовьте; Добро пожаловать!; Милости прошу; приглашение «к совместному действию»: Пробуем?; Соблазнились? Тогда давайте готовить!; имитация угощения: Угощайтесь!; имитация «акта дарения»: Решила в честь моего повышения на Поваренке, подарить Вам подарок от всей души; доброе пожелание: Уже совсем скоро замечательный женский праздник 8 Марта. И пусть у каждой будет своя Пристань, своей Надежды [Салат «Пристань моей надежды»]; Приятного аппетита и вкусной зимы; обещание, заверение: Соблюдая температурный режим и некоторые другие условия, вы добьётесь превосходного результата; просьба: Простите за тысячный рецепт борща! Это мой дебют на сайте;*

2) апелляция к личным воспоминаниям, к событиям лично-событийного плана: *Напиток со вкусом нашего детства. Помните, когда в летний зной в пору нашей молодости у бочек с квасом выстраивалась длинная очередь;*

3) посвящение (помогает читателям понять мотивы выбора предлагаемого рецепта): *Ветеранам Сталинградской битвы посвящается; Софьюшке, милой принцессе-очаровашке!!!; Моей бабушке посвящается.*

Таким образом, анализ описательно-рекомендательной части кулинарного рецепта на сайте «Поваренок.ру» позволил выявить, что стратегия вербального убеждения реализуется в ней с помощью двух основных тактик, направленных на то, чтобы вызвать интерес у пользователя сайта и расположить его к себе. Убеждающее воздействие на адресата обеспечивается совокупностью различных приемов, таких как введение в текст культурно значимого компонента, указание на уникальные свойства блюда, акцент на индивидуальном подходе к приготовлению блюда, субъективизация и диалогизация речи и т. д.

Литература

Буркова П.П. Кулинарный рецепт как особый тип текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2004.

Вареник Е.С. Особенности кулинарного дискурса как субжанра инструкции // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 4. С. 30–42.

Заюкова Е.В. Вербальные средства актуализации стратегии убеждения в англоязычном туристическом дискурсе // МНКО. 2020. № 5. С. 406–408.

Сохань И.В., Нужеа И.В. «Глобализация» российской гастрономической культуры сквозь призму языка // Вестник Томского гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2014. № 4 (16). С. 18–26.

Поваренок.ру: сайт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.Povarenok.ru/> (дата обращения: 21. 03. 2022).

*I.A. Marinchenko (Vladivostok, Russia)
Far Eastern Federal University*

SPEECH TACTICS OF PERSUASION IN CULINARY DISCOURSE

The subject of study in this article is the communicative strategy of verbal persuasion used on culinary Internet sites. Particular attention is paid to the identification of speech tactics and communication techniques used by the authors when describing the recipe.

Keywords: culinary discourse, culinary recipe, persuasion strategy, speech tactics, speech technique.

*М.В. Минеева (Оренбург, Россия)
Оренбургский государственный университет
mvmineeva@mail.ru*

ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ГИПЕРТЕКСТЕ КАК СПОСОБ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ

Статья посвящена описанию затекстового комментария как важного когнитивного инструмента, который позволяет элиминировать неоднозначности при интерпретации англоязычного художественного текста. Особое внимание уделяется использованию дискурсивных маркеров как способу регуляции процесса понимания иноязычного текста.

Ключевые слова: лингвистический гипертекст, интерпретация иноязычного художественного текста, дискурсивные маркеры, эпистемическая бдительность, эпистемическая ответственность.

В настоящее время информационное пространство претерпело значительные изменения в связи с критическим увеличением объема и манипулятивного потенциала информации. Как справедливо отметила Т.В. Черниговская, появился новый тип личности – Номо Confusus, или «человек в растерянности» [Черниговская 2019], т. е. человек, который сбит с толку обилием и недостоверностью информации и вынужден не доверять даже надежным источникам.

Помимо онлайн ресурсов и СМИ, современный читатель также может получать информацию через такую традиционную форму коммуникации, как иноязычный художественный текст, который изобилует лингвокультурологической информацией и оказывает эмоционально-эстетическое воздействие на читателя.

Чтение иноязычного художественного текста представляет собой коммуникативное сотрудничество автора и читателя. Коммуникативные сбои, возникающие в процессе понимания текста, являются результатом неуспешной интерпретационной познавательной деятельности адресата. Способом преодоления подобных сбоев является затекстовый комментарий или лингвистический гипертекст, единицы которого вербализуют имплицитно заложенную в тексте информацию и заполняют возможные лакуны в тезаурусе читателя. Составитель комментария выступает медиатором между автором и читателем и дает когнитивно-языковую оценку культурно маркированной информации, представленной в художественном тексте. Таким образом, лингвистический гипертекст является инструментом эпистемической бдительности, с помощью которого происходит когнитивная фильтрация информации. Основной задачей составителя затекстового комментария является представление информации как достоверной и снижение эпистемической бдительности читателя за счет использования комплекса языковых средств, или дискурсивных маркеров.

При восприятии письменного текста именно дискурсивные маркеры способствуют установлению определенных отношений между коммуникантами. Такие маркеры позволяют определить степень правдоподобности поступающей информации и являются важными когнитивными сигналами. Вслед за В.В. Смирновой мы предлагаем разграничивать маркеры проблемной достоверности и маркеры уверенности и достоверности. Очевидно, что такое разграничение основано на степени эпистемической модальности маркеров, т. е. выражении полноты знаний говорящего.

Как указывает В.В. Смирнова, некоторые дискурсивные маркеры семантически связаны с идеей зрительного восприятия, поскольку воспринимаемое зрением исторически считается очевидным [Смирнова 2018: 177]. Такие наречия как *apparently* / *evidently* / *obviously* указывают на уверенность комментатора в достоверности информации, однако справедливо утверждать, что эти наречия могут рассматриваться и как маркеры проблемной достоверности:

I will come down on you like a ton of bricks. – Obviously if a ton of bricks were to fall down on someone he will be very squashed indeed (Роман Магнуса Макинтайра «Круговерть»: комментарий).

В сочетании с модальным глаголом *might*, который выражает предположение, маркер *apparently* указывает на проблемную достоверность:

average punter – the word has recently acquired a wider meaning as “a customer, someone who takes part, someone who is ready to act”. **Apparently**, with the adjective “average” it **might** be used to indicate the normal person’s response to

what happens when he acts (Роман Магнуса Макинтайра «Круговерть»: комментарий).

Маркеры *widely regarded*, *almost always* апеллируют к общепризнанным стереотипам оценочного восприятия действительности и, соответственно, снижают порог эпистемической бдительности и помогают классифицировать информацию как достоверную:

the same multinational purveyor – Macintyre expects us to understand “MacDonalds”. MacDonalds gets everywhere, as Russians know, and is widely regarded as a company which contributes to global degradation and misuse of resources (Роман Магнуса Макинтайра «Круговерть»: комментарий).

Дискурсивный маркер *always* может функционировать как маркер уверенности, но выражение *almost always* приобретает значение проблемной достоверности:

He had a worldliness he utterly lacked. – “worldly” is almost always used pejoratively (Роман Магнуса Макинтайра «Круговерть»: комментарий).

Примечательно употребление маркера *legally*, который подчеркивает формальность информации, надежность источника и может рассматриваться как маркер уверенности:

Anyone can be a psychotherapist in the UK. – Legally anyone can call themselves a psychotherapist/counsellor without any training qualification (Роман Руфи Ренделл «Портобелло»: комментарий).

В следующем примере комментатор не только указывает на достоверность информации, представленной в тексте, но и выражает оценочное отношение. Более того, использование эмоционально окрашенной лексики привлекает внимание читателя, апеллируя к его чувствам:

60 % of the land in Scotland is owned by just a thousand people. – This is shockingly true (Роман Магнуса Макинтайра «Круговерть»: комментарий).

Возможно также употребление косвенных маркеров проблемной достоверности, например, *significant minority of the population were against / for the majority / popular law / evident happiness*, с помощью которых комментатор не выражает своего мнения напрямую, но направляет читательскую интерпретацию в определенное русло:

his civil partnership partner – In 2004 a law was passed in Britain, establishing “civil partnerships” for same-sex couples... A significant minority of the population were against the law... However, for the majority it was a popular law, and many people seem to have been converted by the evident happiness of the couples at the ceremonies (Роман Руфи Ренделл «Портобелло»: комментарий).

Применительно к лингвистическим гипертекстам, составленным англоязычными комментаторами, достоверностью для иноязычного читателя будут обладать такие маркеры, как *typically British*, *specifically British*:

One Asian may look just like another: in Britain Asian means someone from the Indian subcontinent: from India, Pakistan and Bangladesh, countries which used to

be a part of the British Empire. In other countries, quite other ethnic groups can be described as Asian, so remember that this usage is typically British (Роман Руфи Ренделл «Портобелло»: комментарий).

На наш взгляд, высокой степенью достоверности для русскоязычного читателя обладают фрагменты, которые содержат указание на сходство или различие с русской лингвокультурой, что позволяет категоризировать явление или понятие: *as in Moscow and other old cities / used less common than its Russian equivalent / imagine a 10 year old Russian child / Russian-seeming idea* и т. д. (Роман Магнуса Макинтайра «Круговерть»: комментарий).

К маркерам проблемной достоверности можно отнести такие наречия как *possibly, it seems, perhaps* и т. п.: *this seems to be never explained / possibly the author of the novel forgot / perhaps this is true* (Роман Руфи Ренделл «Портобелло»: комментарий). В таких случаях комментатор не посягает на свободу читательского восприятия и предлагает читателю приложить когнитивные усилия по дешифровке информации.

Как известно, познание субъективно и возможности познания ограничены. Другими словами, объект или понятие должны быть интерпретированы, описаны, исходя из когнитивных способностей комментатора. Следовательно, маркеры *I think, I consider, in my point of view* и т. п. сигнализируют о выражении личного мнения и могут быть классифицированы как маркеры проблемной достоверности. Т.А. Клепикова подчеркивает, что существует не только механизм эпистемической бдительности, но и механизм, который призван контролировать порождение информации со стороны автора, а именно «эпистемическая ответственность» [Клепикова 2019: 9]. Применительно к жанру затекстового комментирования необходимо отметить, что задачей комментатора является предоставление объективной информации для элиминации возможных языковых и культурных лакун в тезаурусе читателя, причем эта информация должна быть максимально независимой от политической пропаганды и личностных установок комментатора.

Итак, объективность утверждения не может быть абсолютной величиной, т. к. реальная действительность преломляется сквозь призму восприятия комментатора и является интерпретацией. Однако обращение к затекстовому комментарию позволяет снять неоднозначность художественного текста, определить культурно маркированную информацию как достоверную или недостоверную и направить читательскую интерпретацию в нужное русло.

Литература

Клепикова Т.А. Языковая личность в эпистемическом измерении // Актуальные вопросы развития современной науки: теория и практика: сборник докладов XXXXI научной конференции. 01 марта – 30 апреля 2019 г. СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 7–10.

Роман Магнуса Макинтайра «Круговерть»: комментарий / науч. ред. К. Хьюитт; под общ. ред. Б. Проскурнина. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2014.

Роман Руфи Ренделл «Портобелло»: комментарии / науч. ред. К. Хьюитт; под общ. ред. Б. Проскурнина. Пермь: Перм. гос. нац. исслед. ун-т, 2011.

Смирнова В.В. Формирование дискурсивных маркеров проблемной достоверности с исходной семантикой зрительного восприятия: дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2018.

Черниговская Т.В. «Человек растерянный – homo confusus и новая цифровая реальность»: научный доклад на заседании Ученого совета СПбГУ, 2019. URL: [https:// yandex.ru/video/ preview/10731402965608776028](https://yandex.ru/video/preview/10731402965608776028).

*M.V. Mineeva (Orenburg, Russia)
Orenburg State University*

DISCOURSE MARKERS IN LINGUISTIC HYPERTEXT AS A MEANS OF EPISTEMIC VALIDITY

The article is devoted to the analysis of commentary as a means of overcoming ambiguity when interpreting English literary text. Special attention is given to the analysis of discourse markers which serve to facilitate the understanding of a foreign-language text.

Key words: linguistic hypertext, interpretation of literary text, discourse markers, epistemic vigilance, epistemic responsibility.

*A.G. Minchenkov, E.S. Solntseva (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
a.minchenkov@spbu.ru, e.solntseva@spbu.ru*

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ ОБОЗНАЧЕНИЯ БРИТАНСКОЙ КОРОЛЕВЫ ЕЛИЗАВЕТЫ II В МЕДИАДИСКУРСЕ БРИТАНИИ И ГЕРМАНИИ

В статье проводится сравнительный анализ языковых средств обозначения британской королевы Елизаветы II в современных британских (The Guardian, Daily Mail) и немецких (Süddeutsche Zeitung, Focus, Bild) изданиях. Показывается, что, помимо указания на обозначаемое лицо, многие средства выполняют интерпретирующую функцию, способствуя формированию у читателя определенного образа королевы.

Ключевые слова: интерпретирующая функция языка, медиадискурс, дискурсивная интерпретация, языковые обозначения, сравнительный анализ.

В современных когнитивных исследованиях одной из ключевых функций языка, наряду с хранением и передачей информации, признается его интерпретирующая функция [Болдырев 2017: 20; Беллевская 2017: 86]. Познание окружающего мира человеком носит интенциональный характер, т. е. репрезентация мира на концептуальном и языковом уровнях не является его зеркальным отражением, а предполагает определенное осмысление и интерпретацию этого мира. Активная роль человека проявляется в выборе объекта концептуализации и категоризации, формировании языковых значений, а также в выборе средств языковой репрезентации сформированных концептов и категорий.

Помимо собственно языковой интерпретации, подразделяемой на первичную и вторичную [Болдырев 2014: 21], выделяется дискурсная интерпретация, при которой человек выражает свое отношение к описываемым событиям, людям или объектам в процессе устной или письменной коммуникации в языковой форме. Дискурсная интерпретация обеспечивает передачу определенного видения мира некоему получателю информации с использованием соответствующих коммуникативному заданию языковых средств. Причем эти языковые средства, с одной стороны, «объединяют в своей семантике интерпретацию знаний о мире, характерную для всего социума», а с другой стороны – «индивидуальную интерпретацию события ... с позиций автора этого речевого сообщения» [Беляевская 2017: 88].

С точки зрения реализации интерпретирующей функции языка в дискурсе большой интерес представляют исследования медиадискурса. Подавая информацию с определенных позиций, СМИ выступают в качестве посредника между объективным миром и целевой аудиторией. Используемые языковые средства отражают определенные способы интерпретации объектов, лиц и событий и одновременно формируют знания и представления адресатов. Применительно к репрезентации в СМИ образов известных личностей можно говорить о том, что языковые средства репрезентации в совокупности создают определенную виртуальную модель личности, влиятельный медиаобраз, призванный воздействовать на восприятие этой личности в социуме. Гипотеза нашего исследования состояла в том, что в медиадискурсе интерпретация образа личности может проявляться не только в приписываемых ей характеристиках, но и в выборе языковых средств обозначения этой личности. Говоря иначе, семантика слов, выбираемых для обозначения определенной личности, может включать в себя не только информацию, необходимую для идентификации объекта обозначения, но и информацию, отражающую определенный способ видения обозначаемого.

В качестве объекта исследования были выбраны языковые средства наименования британской королевы Елизаветы II. Материалом исследования послужили 100 статей за период с конца 2021 г. по март 2022 г., посвященные событиям в жизни британской королевы Елизаветы II и ее семьи, в англоязычных британских изданиях *The Guardian* и *Daily Mail* и в немецкоязычных изданиях *Süddeutsche Zeitung*, *Focus* и *Bild*. В качестве методов исследования были выбраны контекстуально-репрезентативный анализ, когнитивное моделирование и сравнительный анализ.

Как показал анализ, наиболее частотными средствами обозначения британской королевы являются слова и словосочетания, представляющие собой различные способы языковой репрезентации ее статуса как главы государства. В англоязычных изданиях это прежде всего *Queen* или *the Queen* и *the monarch*, а также *the sovereign* и *head of state*. Кроме того, встречались словосочетания, соединяющие в себе обозначения статуса и имени, в частности, *Queen Elizabeth*

II; Elizabeth II; Elizabeth R. В издании *The Guardian* встречаются официальные обозначения королевы, указывающие исключительно на статус и использующие метонимический перенос, а именно *the palace, Buckingham palace, the crown*. Для британских изданий также достаточно характерны наименования, выражающие уважительное отношение к королеве, а именно *Her Majesty* (и сокращенный вариант *HM*); *Her Majesty the Queen; Her Majesty Queen Elizabeth II*.

При этом анализ выявил несколько обозначений, посредством которых некоторые авторы, даже несмотря на уважительное отношение к королеве как к личности, заявляют о том, что в демократическом государстве королева не должна иметь никакого особого статуса или же вообще главой государства не может быть неизбранный политик по праву наследства. К таким обозначениям можно отнести, во-первых, *the queen*, с помощью которого автор, в отличие от большинства других, используя не заглавную, а строчную букву, подчеркивает, что королева лишь часть политической системы. Интересно отметить наименование *the unelected queen*, также содержащее строчную букву и указывающее на негативное отношение автора к тому, что королева как глава государства не избирается. Не содержащее указание на статус наименование *Elizabeth Windsor* призвано показать читателю, что лицо, занимающее высший пост, по сути всего лишь глава одной из многочисленных семей в государстве. Стоит отметить также обозначение *the present incumbent*, подчеркивающее, что королева – это не более чем лицо, занимающее определенный пост в государстве в данный период времени. В одной статье обозначение *Elizabeth the Last* прямо свидетельствует о том, что автор считает, что Елизавета должна быть последним монархом во главе государства, а после ее смерти монархия должна быть упразднена. Все указанные обозначения были отмечены в издании *The Guardian*, среди авторов которого распространены левые и республиканские взгляды.

В немецких изданиях было отмечено значительно меньшее разнообразие обозначений королевы. Среди отмеченных преобладают единицы, репрезентирующие статус и/или имя королевы, в частности, *die Monarchin; die Königin; Elisabeth II.; Elisabeth; Elisabeth R.* Среди наиболее частотных обозначений такого рода был отмечен англицизм, употребляемый только применительно к британской королеве: *die Queen*. В немецких изданиях встречалось уважительное наименование *Ihre Majestät*. В отличие от британских, немецкоязычные издания не используют метонимию, при этом только немецкоязычные обозначения включают упоминание национальности: *die britische Königin Elizabeth II*.

Отдельно стоит остановиться на обозначениях королевы, представляющих собой словосочетания, иногда достаточно развернутые, и содержащих ту или иную дополнительную характеристику. Такие обозначения можно разделить на несколько групп. К первой группе были отнесены наименования, характеризующие солидный возраст королевы. Они встречаются как в немецкоязычных изданиях – *die 95 Jahre alte Monarchin; die 95-Jährige* – так и в англоязычных – *the 95-year-old monarch; the 95-year-old; the 95-year-old head of*

state. При этом только в британских источниках возрастная характеристика может сопровождаться лексемами *woman* и *lady*, смещающими ракурс со статусно-официального на человеческий: *a 95-year-old woman, a 95-year-old lady*. Перечисленные наименования первой группы используются авторами для акцентирования уважительного отношения к человеку, достигшему столь солидного возраста, для привлечения внимания к опыту королевы как политика, к проблемам со здоровьем, неизбежным для данного возраста, но одновременно, нередко, к стойкости и силе характера королевы, мужественно переносящей невзгоды ради выполнения своих обязанностей. Изредка такие наименования могут также выполнять функцию указания на скорую смерть королевы, на то, что она не вечна.

Ко второй группе были отнесены наименования, указывающие на длительность правления королевы. Они также встретились как в британских, так и в немецких изданиях: *the nation's longest-reigning monarch; the world's oldest and longest-reigning monarch; die ewige Königin* («вечная королева»); *die am längsten regierende Königin der Welt* («королева, правящая дольше всех в мире»). Данные наименования, как правило, используются для дополнительного указания на большой опыт королевы и неизбежные проблемы со здоровьем.

Еще одну группу образуют немногочисленные обозначения, характеризующие королеву как главу большой семьи, как мать или бабушку. В британских изданиях встретились, например, наименования *his* (Charles's) *mother; beloved grandmother; the head of the clan*, в немецких *Mutter*.

Отдельно стоит выделить отмеченные в британском издании Daily Mail обозначения *Grandma England* и *our very own Grandma England*, которые характеризуют королеву как символ Англии, акцентируя такие характеристики, как любовь королевы к своим поданным и заботу о них, взаимность этой любви, мудрость, длительность служения, а также олицетворение королевой всего лучшего, что есть в Англии.

Таким образом, проведенный анализ показал, что в британском и, в меньшей степени, в немецком медиадискурсе используется большое количество разнообразных и разнопротяженных языковых средств обозначения британской королевы, многие из которых, помимо контекстуального указания на обозначаемое лицо, передают читателю дополнительную информацию, отражающую определенный способ интерпретации этого лица, и тем самым способствуют формированию у читателя определенного образа королевы. Передаваемая дополнительная информация при этом может меняться от статьи к статье, в зависимости от интенций и представлений отдельных авторов, хотя при этом можно проследить некие общие для социума тенденции. Исследование выявило также определенные различия в репрезентации образа королевы в британских и немецких изданиях.

Литература

Беляевская Е.Г. Интерпретация знаний о мире в языке: методы изучения // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 82–157.

Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. 2014. Вып. XI. С. 20–28.

Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке: коллективная монография. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 19–81.

*A.G. Minchenkov, E.S. Solntseva (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

INTERPRETATIVE FUNCTION OF THE LANGUAGE NOMINATIONS OF THE BRITISH QUEEN ELIZABETH II IN THE MEDIA DISCOURSE OF BRITAIN AND GERMANY

The paper presents comparative analysis of the language nominations of the British Queen Elizabeth II in modern British (The Guardian, Daily Mail) and German (Süddeutsche Zeitung, Focus, Bild) media. It is shown that besides the referential function many of the nominations perform the interpretative function creating a particular image of the queen.

Key words: interpretative function of the language, media discourse, interpretation in discourse, language nominations, comparative analysis.

*А.П. Миньяр-Белоручева (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
ostvera@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКИЙ ДИСКУРС КАК ПРЕДМЕТ КОГНИТИВНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье рассматривается исторический дискурс с позиций когнитивных исследований, необходимых для извлечения глубинного смысла, заложенного в нем, и его реконструкции на новом уровне. Исторический дискурс занимает особое место в современной дискурсологии. Когнитивные механизмы, используемые для анализа исторического дискурса, позволяют лучше понять события прошлого для решения конкретных проблем настоящего.

Ключевые слова: когнитивное исследование, реконструкция, исторический дискурс, ментальное пространство.

В рамках современной когнитивно-дискурсивной парадигмы когнитивное исследование исторического дискурса приобретает особое значение в силу специфики предмета истории. Мир исторического прошлого, который не дан человеку в непосредственном восприятии, является когнитивным конструктом, образованным посредством языка, который «служит осуществлению такой деятельности, которая постоянно требует операций со структурами знания как особыми ментальными репрезентациями; ... (и) изучается главным образом

в процессах порождения и восприятия речи, в рамках дискурсивной деятельности и анализе её результатов» [Кубрякова 2004: 406]. История, сохраненная и возрожденная благодаря языку, воспроизводится в историческом дискурсе с идеологических позиций историка, который не может абстрагироваться от среды его окружающей. Лингвистический поворот в исторической науке постулировал основополагающую роль языка, который является не столько связующим звеном между историком и прошлым, сколько системой знаков, реконструирующей историческую реальность [Фуко 2004]. Когнитивно-дискурсивный подход позволяет решить «вопрос о том, какова роль всех языковых единиц, категорий, моделей и механизмов языка для нормального протекания речемыслительных процессов, но также и для протекания ментальных, внутренних процессов человеческого сознания» [Кубрякова 2004: 406], поскольку дискурс отражает мир через языковые репрезентации [van Dijk 2014].

Исторический дискурс, соединивший в себе науку и искусство, средства сообщения и воздействия которого интегрированы в единое целое, не имеет однозначного определения. Под дискурсом истории Ролан Барт понимал сверхфразовые словесные комплексы [Барт 2003: 427]. Арон Реймон, французский историк, считал, что «дискурс историка состоит из предложений, повествующих о событиях и их взаимосвязи» [Реймон 2004: 261]. Изыскания в области когнитивной лингвистики и дискурсологии позволили по-новому взглянуть на данное явление в стремлении понять его. Исторический дискурс, неотъемлемой составляющей которого является профессионально ориентированный связный текст, погруженный в темпорально-пространственно-культурный контекст с целью оказания воздействия на сознание адресата и побуждения его к действию, рассматривается как сложный когнитивный феномен. Исторический дискурс многомерен, вариативен, институционален [Карасик 2000], полидискурсивен, рассматривает «прошлое как идеологию» [Фуко 2004: 36] и соотносится с текущей политикой, обуславливающей интерпретацию событий прошлого посредством перестановки их смысловых акцентов. Исторический дискурс, обращенный одновременно к прошлому, настоящему и будущему, вырабатывает модель настоящего, интерпретируя события прошлого исходя из текущих прагматических установок.

История информирует, убеждает, пропагандирует, программирует мировоззрение. Это приводит к необходимости выявления имплицитных механизмов исторического дискурса, обуславливающих «формирование смысла» [Болдырев, Федяева 2020] высказывания. Сущность исторического дискурса как постоянно прерывающегося ряда – «дисконтинуитета», согласно М. Фуко, – раскрывается посредством «эпистемы» или «дискурсивной формации», являющейся совокупностью научных представлений своего времени. В истории западноевропейской цивилизации философ выделяет пять основных периодов, которые различаются по образу мышления и характеризуются соответствующими дискурсами [Фуко 2004: 36]. В задачи историка входит выявление

скрытой в языке конкретных эпох специфики мышления социума, концептуализируя то, что близко его собственному мировосприятию. Поскольку историческое знание организовано в концептуальные системы [Дейк 1989: 13], представления людей исторического прошлого, закрепленные в концептах, вербализуются в словах, метафорах, проявляются в стереотипах, которые являются основным предметом когнитивного анализа. Установлено, что когнитивное исследование «дискурса включает в себя структурный анализ текста на всех его уровнях, от фонетического до синтаксического» [Шапочкин 2018], что необходимо для анализа и синтеза, кодирования и декодирования смысла высказывания, заложенного в современном историческом дискурсе. При этом особое внимание уделяется изучению развития семантических полей концептов на протяжении веков и их корреляции с языковыми структурами. Постижение смысла понятий исторического дискурса посредством анализа метафорических конструкций является приоритетным в рамках когнитивных исследований. Однако одной из важнейших когнитивных операций является инференция, т. е. «операция извлечения смысла или информации из текста или дискурса, которые в них, казалось бы, напрямую непосредственно не представлены» [Кубрякова 2004: 411], что имеет особое значение для исследования исторического дискурса.

Когнитивный анализ многоуровневого исторического дискурса необходимо начинать с верхнего слоя, в котором существенное значение имеют, согласно Р. Барту, два типа *шифтеров*. Посредством первого типа шифтера историк обозначает любое упоминание источников сведений, свидетельств, любую ссылку на услышанное, которое является иным по отношению к его собственному дискурсу [Барт 2003: 428]. Такие шифтеры, как “as is (generally) known”, “as far as we know”, “from smb’s viewpoint”, историк использует для проведения «разграничительной линии» между своим дискурсом и «чужим». В высказывании: *From the Christian viewpoint, the danger signals began to flash when the Turks used their new-found strength to move westward* (Davies N. Europe: A History), помимо стремления дистанцировать себя шифтером “From the Christian viewpoint”, историк, подчеркивая, что последующая мысль принадлежит не ему, очень аккуратно и осторожно передает ее посредством введения метафоры, «включающей» инференцию, основанную на фоновых знаниях адресата.

Категоризация исторического знания передается посредством шифтера второго типа, который историк использует как инструмент для выстраивания собственного дискурса, что позволяет выявить структуру исследования и связи между ее частями. Являясь структурно-композиционными составляющими, такие шифтеры указывают на порядок информирования, обеспечивая адекватное понимание смысла высказывания. Когнитивный анализ исторического дискурса – это анализ концептуальной структуры текста. Историк сообщает о ходе своих мыслей, предлагая адресатам следить за ними или присоединиться к нему [Барт 2003: 428] в путешествии по истории. Как правило, процесс информирования происходит в логической последовательности и шифтеры

второго типа выполняют роль дорожной карты, указывая адресатам направление их последующего движения в пространстве исторического дискурса – от начала пути: *The first point to be made is...*, к его продолжению: *We shall now proceed to show*; к отходу от намеченного маршрута: *we must turn to...* и возвращению к нему: *As has been mentioned earlier...*; внесению дополнений: *It requires an additional remark...*; уточнению: *In other words...*; верификации: *It is verified in...* и завершению: *Having described... we must conclude that...* Шифтеры второго типа неравномерно распределены по ткани дискурса, причем большинство из них сосредоточены в начале и в конце исторического произведения [Миньяр-Белоручева 2001].

Исторический дискурс является сложной ментальной конструкцией, в которой сопряжены два темпоральных параметра, позволяющие историку пребывать в двух временных континуумах одновременно – во времени акта высказывания и во времени излагаемых событий [Барт 2003: 429]. Это приводит историка к необходимости вести диалог между прошлым и настоящим или постоянно напоминать адресату о своем присутствии. Нарушая хронологию и линейность повествования о событиях далеких веков, историк может виртуально путешествовать по всему пространству истории, ускоряя ее движение, забегая вперед, сообщать адресату, что произойдет века спустя: *In seventh-century England integrated 'village community' was still in the future* (Oxford History of Britain) или замедлять ее ход возвращением из будущего в прошлое в поисках матрицы победы и поражения: *At Waterloo the English squares had missile weapons on their side against the French cuirassiers; it was otherwise at Hastings* (Trevelyan G.M. History of England). Таким образом, историк показывает свою власть над временем и пространством, которые по его воле могут сжиматься до точки или расширяться до бесконечности. Когнитивный анализ исторического дискурса позволяет утверждать, что смысл и значение исторических конструкций изменяются в результате сдвигов в когнитивной модели [Демьянков, Кубрякова 1996: 56-57], вызванных политикой настоящего. В теле исторического дискурса когнитивному исследованию подвержены сложные переплетения, существующие на его многочисленных уровнях.

Подводя итог, необходимо отметить, что когнитивное исследование исторического дискурса является перспективным для реконструкции его глубинных смыслов и выявления взаимосвязи концептуальных структур и языка.

Литература

- Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.
- Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5–14.
- Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Демьянков В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная модель // Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.
- Карасик В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Миньяр-Белоручева А.П. Язык историка. М.: Изд-во МГУ, 2001.

Реймон А. Избранное: измерения исторического сознания. М.: РОССПЭН, 2004.

Фуко М. Археология знания. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия»: Университетская книга, 2004.

Шапочкин Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2018.

Dijk T.A. van. Discourse and Knowledge: A Sociocognitive Approach. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

A.P. Minyar-Beloucheva (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University

DISCOURSE OF HISTORY AS A COGNITIVE RESEARCH SUBJECT

The article examines the discourse of history from the cognitive perspective for the purpose of demonstrating the significance of cognitive analysis in extracting the discourse deep meaning and its reconstruction at a new level. The cognitive mechanisms are used to correlate the interconnection of conceptual fields and language within the discourse of history to better understand the events of the past, which are mapped on the present.

Key words: cognitive research, reconstruction, historical discourse, mental space.

Л.А. Морина (Гольшикина) (Новосибирск, Россия)

Новосибирский государственный технический университет

Ludmila200273@mail.ru

МЕНТАЛЬНЫЙ ТЕКСТ-ОБРАЗЕЦ КАК ОРИЕНТИР РИТОРИЧЕСКОГО ДЕКОДИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются когнитивные основания риторического декодирования – концепции, нацеленной на реконструкцию текстообразования в свете категории эффективности. Риторическое декодирование опирается на методологические идеи текста-образца, ориентировочной деятельности, модели коммуникативного контекста и коммуникативно-когнитивных корреляций.

Ключевые слова: риторическое декодирование, текст-образец, риторический текстотип, ориентировочная деятельность, модель коммуникативного контекста, текстообразование, эффективность.

Понимание текста как феномена, фиксирующего человеческий опыт и выходящего инструментарием его осмысления, становится отправным пунктом для развития когнитивистики текста.

Когнитивные исследования текста основываются на признании того, что «когнитивный метод – анализ процесса или сам процесс кодирования и декодирования смысла текста» [Романова 2013: 172], что определяет перспективы как анализа восприятия разноуровневых смыслов текста, так и реконструкции текстообразования и определяющей этот процесс интенциональности.

В обозначенное поле исследований встраивается и разрабатываемая нами концепция риторического декодирования текста (далее РДТ – Л. М.). РДТ нацелено на выявление текстообразующего замысла продуцента в фокусе категории коммуникативно-речевой эффективности, результатом чего становится понимание и оценка воздействующих возможностей текста. По сути, РДТ интересуется т.н. реконструкция намерений, одним из направлений которой является реконструкция плана, связанная с распознаванием стратегического замысла говорящего [Демьянков 1989: 131].

В концепции РДТ восстановление «ситуации мышледействования продуцента» (Г.И. Богин) происходит путем активации декодирующим текста-образца. Истоки концептуальной идеи текста-образца, текста-модели, текста-эталона как определенной структуры представления знаний находим в психологических, психолингвистических и когнитивных исследованиях таких ученых, как Н.А. Бернштейн, П.Я. Гальперин, А.А. Леонтьев, Е.С. Кубрякова, Э. Рош, Н.Н. Болдырев.

В рамках РДТ таким эталонным воплощением, «или ментальным образцом, выступает... абстрагированный от конкретного жанрового воплощения текстотип, созданный согласно риторическому канону как технологии эффективного текстообразования» [Гольшкينا 2020: 13] и вследствие этого обладающий системой параметров текстовой результативности.

Таким образом, РДТ сосредоточено на обнаружении в исследуемом тексте вербального кода, отражающего представления продуцента о риторическом текстотипе-образце. Сама же «распаковка» механизмов создания текста осуществляется путем установления соответствий между способами и средствами воплощения текстообразующего замысла и параметрами эффективности текста как продукта когнитивно-коммуникативной практики.

Риторическое декодирование как ориентировочная деятельность

Методологическая корректность декодирования текста обеспечивается знанием когнитивно-психологических оснований кодирования.

Идея ментального текста-образца как эталонного ориентира, обеспечивающего действенность текста в коммуникативной практике, уходит корнями в получившую развитие в работах П.Я. Гальперина, А.В. Запорожца, А.А. Леонтьева, А.И. Подольского, Н.Ф. Талызиной теорию планомерного формирования умственных действий. Объектом ее исследования выступает ориентировочная деятельность субъекта как «средство приспособления к ситуациям, которые отличаются от условий работы механизмов, управляющих автоматическими реакциями» [Гальперин 2007: 134]. В данной психологической концепции ведущим понятием выступает т.н. «ориентировочная основа действия» (П.Я. Гальперин, Н.С. Пантина) – представления о том, на что необходимо ориентироваться для правильного выполнения действия.

В качестве ориентировочной основы создания текста мы принимаем модель коммуникативного контекста – «специфический тип ситуационной модели, а именно репрезентации коммуникативной ситуации, в которой порождается

дискурс» [Дейк ван 2015: 276]. В данной структуре представления знаний аккумулярована информация о коммуникантах, их целеполагании, о типе воспроизводимой социальной ситуации, наконец, о содержании текста [Там же: 170].

Указанные механизмы мышления, описанные в связи с практикой кодирования, распространяются и на декодирование. Так, обнаружение авторского текстообразующего замысла осуществляется путем соотнесения объекта познания (актуального текста) с соответствующим когнитивным ориентиром (риторическим текстотипом-образцом). При этом выявленные несоответствия образцу интерпретируются в фокусе актуализации / неактуализации в текстообразовании составляющих коммуникативного контекста.

Таким образом, ориентировочная деятельность в рамках РДТ осуществляется как принятие модели коммуникативного контекста в качестве условия, обеспечивающего «выход за пределы непосредственно данного в самом тексте» [Кубрякова 2004: 517], направляющего декодирующего в область реконструкции представлений о той коммуникативной ситуации, которая и обуславливает текстообразование.

Коммуникативная природа риторического текстотипа как ментального образца эффективности

Концепция РДТ, вскрывающая механизмы текстообразования и тем самым входящая в поле когнитивистики, опирается на следующую методологическую посылку: «...Смысл и содержание, значения и знания, понимание и мышление рассматриваются сейчас в схемах актов коммуникации. Выбор схемы акта коммуникации в качестве онтологического основания, по сути дела, во многих пунктах предопределяет все то, что может быть нами получено в дальнейшем анализе» [Щедровицкий 2005: 135].

Структура акта коммуникации, являясь основанием контекстной модели, в совокупности своих компонентов (см.: [Городецкий 1989, 2003]) обуславливает возможности установления коррелятивных отношений с параметрами текстотипа-образца: «коммуниканты / диалогичность как следствие авторства и адресности; практическая цель / акциональность; коммуникативная цель / персуазивность; обстоятельства общения / публичность; процессы вербализации и понимания / ориентация на актуальность для реципиента предмета речи; коммуникативный текст / технологическая осознанность текстообразования» [Голышкина 2020: 14].

Отмеченные текстотипологические параметры свидетельствуют о субординатном уровне категоризации объекта (риторического текста), который связан с активацией специальных знаний, или отличительных признаков (см.: [Болдырев 2012: 45]), что позволяет говорить о метакогнитивном характере РДТ.

Коммуникативно-когнитивные корреляции задают параметрическую матрицу, которая объективирует риторическую природу текстуальности. Декодирующий исходит из того, что текст риторического типа программируется структурой коммуникативного акта, каждый компонент которого так или иначе

получает свое вербальное воплощение, что и определяет воздействующий потенциал текста, а также свидетельствует об осознанном подходе продуцента к текстовой деятельности.

Проекция предлагаемой параметрической матрицы на тот или иной текст позволяет, с одной стороны, диагностировать его эффективность / неэффективность, выявлять зоны риторических рисков. С другой – обнаруживать неэксплицированные в тексте компоненты акта коммуникации, осуществляя тем самым выход за пределы собственно текстовой структуры.

Ориентация декодирующего в ходе его аналитической практики на риторический текстотип как ментальный образец эффективности открывает возможности как для реконструкции намерений субъекта речи, так и для выявления уровня его риторической компетентности.

Литература

Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке: коллективная монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 17–120.

Гальперин П.Я. Введение в психологию. 7-е изд. М.: КДУ, 2007.

Гальперин П.Я., Пантина Н.С. Зависимость двигательного навыка от типа ориентировки в задании // Доклады Академии педагогических наук РСФСР. 1957. № 2. С. 43–46.

Гольшикина Л.А. Риторика декодирования: теоретико-методологическое обоснование научного направления // Научный диалог. 2020. № 5. С. 9–24.

Городецкий Б.Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIV. Компьютерная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. С. 5–31.

Городецкий Б.Ю. Моделирование вербального общения и типология коммуникативных актов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: труды Международной конференции «Диалог 2003». М., 2003. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2632/gorodetskij.pdf>

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2015.

Демьянков В.З. Интерпретация, понимание и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. М.: Изд-во Московского ун-та, 1989.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Романова Т.В. Когнитивный анализ текста: работа над методологическими ошибками // Теоретические и прикладные аспекты изучения речевой деятельности. 2013. Т. 8. № 1. С. 170–181.

Щедровицкий Г.П. Мышление – Понимание – Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005.

L.A. Morina (Golyshkina) (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

MENTAL TEXT SAMPLE AS ORIENTATION FOR DECODING RHETORIC

The article discusses the cognitive fundamentals for decoding rhetoric – a concept aimed at reconstructing text formation in the light of the category of effectiveness. Decoding rhetoric is based on the methodological ideas of the sample text, the orientation activity, the model of communicative context, and the communicative and cognitive correlations.

Key words: decoding rhetoric, sample text, rhetorical text type, orientation activity, model of communicative context, text formation, effectiveness.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ОСВЕЩЕНИИ КРИЗИСНОЙ СИТУАЦИИ В ДИСКУРСЕ БРИТАНСКИХ СМИ (НА ПРИМЕРЕ ПАНДЕМИИ COVID-19)

Автор исследует воздействующий потенциал медийного дискурса в кризисных ситуациях, роль языковых средств в нагнетании и разрешении ситуации вокруг пандемии и Covid-19. В статье делается вывод, что самыми частотными средствами воздействия на аудиторию на лексико-стилистическом уровне являются эпитеты и метафоры. Сферы-источники метафоры меняются на протяжении трех выделенных этапов пандемии, что демонстрирует разные цели, актуальные на том или ином этапе развития кризисной ситуации.

Ключевые слова: медиадискурс, речевое воздействие, метафора, кризис, COVID-19.

Феномен речевого воздействия исследуется в рамках лингвистического, семиотического и психологического подходов, а термин «речевое воздействие» традиционно в широком и узком смыслах. В первом случае оно воспринимается как воздействие на индивидуальное или коллективное сознание, мышление и поведение, реализованное при помощи вербальных (реже невербальных) средств. Однако чаще всего данный термин употребляется в узком смысле как речевое общение в СМИ, ориентированное на конкретную аудиторию, с использованием различных лингвистических средств. Важнейшим инструментом воздействия на массовую аудиторию являются средства массовой информации. Адресаты сообщения информируются о произошедших событиях, помимо этого, у авторов статей есть возможность манипулировать информацией. При этом создается необходимый образ действительности, формируются ценностные ориентиры, навязываются мнения, соответствующие модели поведения и мировоззрение.

Целью исследования является анализ и сопоставление использования основных языковых средств воздействия, усиления экспрессивности и убеждения в текстах современных британских СМИ на трех этапах развития пандемии коронавируса. Практической базой послужили публикации британских СМИ в период с января 2020 г. по декабрь 2021 г., в той или иной мере касающиеся темы пандемии. Языковой материал был извлечен методом сплошной выборки из статей с официальных сайтов “Financial Times”, “The Sun”, “The Guardian”, “GOV.UK”, “DailyMail”, “Reuters” и ряда новостных порталов. Всего было проанализировано 150 статей, опубликованных в период с января 2020 г. по декабрь 2021 г.

Актуальность исследования обусловлена стойким повышенным вниманием к теме пандемии со стороны СМИ за указанный период, глобальностью самого события и его влиянием на жизнь людей. Средства массовой информации сыграли очень важную роль в распространении информации, связанной

с COVID, среди широкой общественности. Многие рекомендации по предотвращению распространения COVID–19 усиленно пропагандировались среди людей с помощью заметных рекламных объявлений на часто используемых платформах социальных сетей. Внедрение непопулярных мер, введение жестких ограничений, ограничение свободы передвижения и изоляция должны были вызвать не возмущение и отторжение среди населения, а стремительную консолидацию общества в борьбе за выживание. С этой целью использовались различные методы и приемы, позволяющие в короткие сроки, с учетом национальной специфики донести информацию и вызвать необходимую реакцию.

На практике речевое воздействие осуществляется с помощью конкретных способов и приемов. Выбор подходящего способа зависит от тех целей и задач, которые ставит перед собой субъект воздействия. К основным способам речевого воздействия исследователи относят убеждение, побуждение и внушение [Стернин 2001; Седов 2011; Панкратов 2001].

Убеждение – это воздействие на сознание личности через обращение к ее собственному мышлению. Убеждение затрагивает рациональную и эмоциональную сферу человека. Оно осуществляется с помощью логических операций (аргументации, обоснования и др.), которые могут сочетаться с эмоциональным воздействием.

Проведённый анализ показал, что наибольший эффект персуазивности осуществляется средствами выразительности на лексико-стилистическом уровне. Активное внедрение в медийный текст таких тропов, как метафора, олицетворение, эпитет и гипербола подчёркивает опасность ситуации, неизбежность последствий, безапелляционность требований.

Побуждение (волеизъявление) – это воздействие на волю адресата, а не на его чувства или разум. Собеседника побуждают действовать в соответствии с желаниями говорящего. Побуждение может быть прямым или косвенным и проявляться в таких формах, как просьба, призыв, приказ, принуждение, угрозивание и т. д. И.А. Стернин исключает из этого списка принуждение, поскольку «речевое воздействие как наука об эффективном и цивилизованном общении учит нас обходиться без принуждения» [Стернин 2001: 61]. В период развития пандемии на всех трех анализируемых этапах побуждение (или императив) выражалось с целью донести до населения необходимость соблюдения гигиенических норм, профилактических мер (дистанцирование, самоизоляция, а на третьем этапе – вакцинация). Императивность проявляется в языке через использование предложений с использованием побудительного наклонения, модальных глаголов (сначала содержащих желательность и вероятность, а затем обозначающих должествование).

На начальном этапе развития пандемии (январь 2020 – март 2020) прослеживается стремительное образование неологизмов, связанных с коронавирусной инфекцией. Уточняется название нового явления, в СМИ, в свете неясности ситуации и нарастающей волны паники, появляются и циркулируют разные названия: термин *Covid–19*, *2019-nCoV*, *SARS–CoV–2*, *coronavirus*, *corona*. Самыми продуктивными способами словообразования становятся словосложение и стяжение и акронимия.

Британские СМИ использовали такие средства лингвистического воздействия, как стилистические средства с негативной коннотацией, дисфемизмы, сравнения (особенно с природными катастрофическими явлениями), метафорическое представление кризисной ситуации. Среди проанализированных примеров метафоры в текстах британских СМИ чаще всего встречается использование военной метафоры (75 %): *war on deadly coronavirus, to fight killer bug on frontline, to consider the virus as public enemy number one, the battle is still raging, battles are uninterrupted day and night, an emergency battle plan*; и метафоры из сферы-источника «катастрофа» (15 %): *hospitals were flooded, killer plague, a coronavirus nuclear reactor, the real Chernobyl, «tsunami (of cases), wildfire*.

Первоначально, на первом этапе развития пандемии, различные новостные каналы начали давать непоследовательную информацию о вирусе, количестве случаев и смертей во всем мире. Это привело к стремительному росту паники среди людей. Анализ ключевых слов на этом этапе (*outbreak, pandemic, infection, novel, death, deadly, spread, confirm*) позволяет определить главную сферу, в которой использовались различные средства нагнетания ситуации – в первую очередь, это медицинские термины, обозначающие заболевание и симптоматику, и слова, обозначающие неизвестность и страх. В период, предшествующий локдауну, СМИ транслируют информацию с «жестким» подтоном, с ярко выраженным акцентом на проблеме (наличие медицинской терминологии и слов, обозначающих внезапность). Другие его особенности: натурализм, ссылка на опыт жертвы негативного поведения, использование отрицательной мотивации реципиента (прежде всего мотива страха и смерти) и связанного с ней спектра отрицательных эмоций. В текстах данного периода часто присутствуют такие семантические компоненты, как «смерть», «боль» и т. д. При этом текст нередко дополняет изображение удручающей статистикой или содержит призыв отказаться от негативной модели поведения.

Использование мотива страха является одной из главных стратегий при создании медиатекстов при освещении кризисных ситуаций. В современной психологии страх определяется как эмоция, возникающая в ситуациях угрозы биологическому или социальному существованию индивида и направленная на источник действительной или воображаемой опасности.

После введения локдауна начинается второй этап развития пандемии, пик напряжения в СМИ, кажется, достигнут. Вектор внимания смещается на поиск эффективных способов лечения (dexamethasone) и профилактики (mask, covering, distancing), борьбе с социальными и экономическими последствиями в связи с эпидемией (среди ключевых слов периода все чаще встречаются экономические термины и термины IT технологий (zoom)). Ключевые слова в апреле, мае и июне 2020 г. показывают дальнейшие изменения в ситуации: *quarantine, lockdown, reopen, furlough, Covid, stay-at-home, mask, zoom*. Новая реальность характеризуется появлением новых слов (*zombombing, videoparty, doomscrolling*), появляется надежда на возвращение к обычной жизни, градус нагнетания ситуации понижается, что заметно по использованию стилистических средств. Милитаристская метафора по-прежнему доминирует в текстах британских СМИ (63 %): *a heat gun* – бесконтактный термометр для измерения

температуры тела, *the fight against the virus, frontline healthcare workers, silver bullet*, на второй план выходит метафора спорта (23 %) и природных явлений (11 %): *fog*. Нагнетание ситуации осуществляется через использование экономических терминов наряду с медицинскими, продолжает доминировать семантический компонент «смерть», «опасность», добавляется компонент «падение» (*freefall, big holes*), эпитетов с негативным коннотативным значением, гиперболами олицетворениями.

Третий период пандемии (23 июня 2020 г.–декабрь 2021 г.) характеризуется снижением общей напряженности в ожидании вакцины, началом вакцинации. Среди ключевых слов доминирует *vaccination* и его дериваты, в сочетании с названиями различных вакцин: *oxford–astrazeneca, astrazeneca, sinovac, pfizer–biontech, pfizer, biontech, moderna*. Среди лексико-стилистических средств доминируют метафоры, сравнения и эпитеты. На данном этапе доминирует метафора спорта и соревнования, что указывает на конкурентную борьбу между фармацевтическими компаниями за самые лучшие показатели и аудиторию: *knocking the ball out of the ball park, race to find treatments*.

Полученные результаты показали, что СМИ применяют различные виды лексических, грамматических средств для воздействия на аудиторию. В течение трех основных периодов развития пандемии коронавируса наблюдаются изменения в сочетании использованных лингвистических средств. Таким образом, СМИ не только привлекали внимание к проблеме, но манипулировали человеческими страхами, объединяя страх перед известной стихией или событиями и ранее неизвестной, быстро распространяющийся болезнью.

Литература

Панкратов В.Н. Психотехнология управления людьми: практическое руководство. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2001.

Седов К. Ф. Дискурс как суггестия: Иррациональное воздействие в межличностном общении. М.: Лабиринт, 2011.

Стернин И.А. Введение в речевое воздействие. Воронеж: Истоки, 2001.

The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/world/live/2020/mar/11/coronavirus-update-live-news-uk-health-minister-italy-lockdown-australia-us-china-stock-markets-outbreak-latest-updates?filterKeyEvents=true>

The Sun. URL: <https://www.thesun.co.uk/news/10794530/coronavirus-as-deadly-spanish-flu-killed-millions/>

T.N. Moskvitina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University

PECULIARITIES OF THE USE OF LANGUAGE WHILE COVERING A CRISIS SITUATION IN THE BRITISH MEDIA DISCOURSE (BASED ON THE SITUATION OF THE COVID-19 PANDEMIC)

The author explores the impact potential of media discourse in crisis situations, the role of language tools in escalating and resolving the situation around the pandemic and Covid-19. The article concludes that the most frequent means of influencing the audience at the lexical and stylistic level are epithets and

metaphors. The source areas of the metaphor change throughout the three stages of the pandemic, which demonstrates the different goals that are relevant at one stage or another in the development of the crisis.]

Keywords: media discourse, speech impact, metaphor, crisis, COVID-19.

*Э.И. Мячинская (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.myachinskaya@spbu.ru*

КОГНИТИВНО-МАТРИЧНЫЙ ХАРАКТЕР КОНЦЕПТОВ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОГО ДИСКУРСА¹⁹

Рассматривается тип англоязычной искусствоведческой рецензии на натюрморт Роберта Фалька «Картошка», в которой название картины одновременно является арт-концептом, получающим смысловую интерпретацию и разное когнитивное наполнение в зависимости от переключения на иной ситуативный и социальный контекст.

Ключевые слова: искусствоведческий дискурс, когнитивная матрица, натюрморт Картошка, Роберт Фальк, элементы матрицы.

Искусствоведческий дискурс в значительной степени посвящен анализу содержания и художественных особенностей отдельного произведения искусства, в частности живописной картины, посвященной определенному объекту, группе объектов или событию. Особый интерес для выявления матричной структуры лежащего в основе произведения концепта представляет совпадение изображаемого объекта, названия картины и языковой номинативной единицы. Таким художественным произведением, созданным в 1955 г. может служить натюрморт Роберта Фалька «Картошка» (или «Картофель»), на котором изображены несколько картофелин, лежащих в корзинке и на поверхности стола – этим предметность картины исчерпывается. Картина, однако, имеет драматическую судьбу и находит в искусствоведческом дискурсе множественную интерпретацию, которую и представляется возможным характеризовать как когнитивно-матричную структуру, или матричный арт-концепт.

Арт-концепт, на наш взгляд, является обязательно гибридным и многоаспектным: в основе всегда материальное (живописное, скульптурное и др.) произведение, которое, к тому же, связано с материальным референтом. Когнитивная составляющая концепта – представление автора о том, что он изображает, а также представления зрителей о том, что изображено. И, наконец, – вербальное воплощение этих представлений имеет место в искусствоведческой рецензии о данном художественном произведении, где могут отражаться представления разных участников этого сложного акта, включающего «создание – восприятие-интерпретация – вербальное представление». Многоаспектность

¹⁹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276

художественного дискурса неизбежна, но может иметь различную структуру. Так, к примеру, когнитивная структура искусствоведческой репрезентации (текст, понимание, отношение) художественной выставки (события), отражающей реальное историческое событие, может быть телескопической [Мячинская 2020]. Однако исследуемая в настоящей статье рецензия [Reid 2017] позволяет выявить иной тип комплекса когнитивной интерпретации.

Исследователям, использующим когнитивные методы, направление и способ исследований в значительной мере заданы работами Н.Н. Болдырева, который показывает возможности интерпретации неординарных когнитивных единств, в частности когнитивно-матричный метод анализа. Самым существенным в нем для нашего случая представляется главная отличительная черта когнитивной матрицы – «ей в целом не характерна какая-либо иерархия. Компоненты когнитивной матрицы открывают доступ к разным концептуальным областям, ни одна из которых не является строго обязательной, производной или доминирующей по отношению к другим» [Болдырев 2014: 60].

Натюрморт Р. Фалька «Картошка» оказался в центре самого горячего обсуждения после того, как в 1962 г., уже после смерти автора, он был представлен на выставке в московском Манеже и был показан Н.С. Хрущеву, который пришел от него в ярость. Он назвал картину «мазней», в которой ничего не понятно, и непонятно, как такая картина может быть вообще выставлена. После его посещения Манежа начались гонения на «левое» искусство. «Картошка» стала для властей концептом антисоветским, антинародным и анти-соцреалистическим.

Обычен вопрос, задаваемый реципиентом художественного произведения: Что хотел сказать автор. В своей рецензии на картину и связанные с ней ассоциации и представления, искусствовед Сюзан Рид описывает текстуру и художественную манеру Фалька, что и представляется собственно авторским намерением. При этом автор входит в неприменное отрицание (отсутствие намерения) – не изображает изобилия, не содержит сюжета (*gave nothing for literary description*), не стремится передавать глубину пространства или линейную выделенность предметов:

(1) *It lacked illusionistic deep space and distinct outlines or tonal contrasts delineating the objects and distinguishing them from the surrounding space* (Reid S.E. *Still Life and the Vanity of Socialist Realism: Robert Fal'k's Potatoes, 1955*).

Вероятно, то, что в самом деле хотел сказать художник, отражено в его ощущении предмета изображения:

(2) *Rough and earthy, as if just grubbed from the soil* (Reid S.E. *Still Life and the Vanity of Socialist Realism: Robert Fal'k's Potatoes, 1955*).

С. Рид пишет, что Фальк с восторгом говорил своей жене о картофелинах, у которых у каждой свой характер, не то, что апельсины, похожие друг на друга, как две капли воды (явная отсылка к Сезанну):

(3) *Fal'k spoke with admiration of the potatoes: "Look, each one has its own character, it's not like oranges, all identical like drops of water";*

(4) *Fal'k's composition, the limited somber ochre color scheme, and the Rembrandt-esque Chiaroscuro...*;

(5) *...impressions of a lilac-grey color scale like those of a musical study* (Reid S.E. Still Life and the Vanity of Socialist Realism: Robert Fal'k's Potatoes, 1955).

Поклонники Фалька времен оттепели считали, что тот стремится передать материальность мира через цвет:

(6) *For his followers in the Thaw, Fal'k's search to express the material essence of the world through color* (Reid S.E. Still Life and the Vanity of Socialist Realism: Robert Fal'k's Potatoes, 1955).

Анализ рецензии показывает, что нигде не проявляются идеи или стремления Фалька выйти за рамки художественного изображения в социальные или иные сферы – общественное звучание его работы слышат и воспринимают рецензенты, в частности автор рецензии.

Включение Фалька в художественную парадигму эпохи представлено четкой бинарной оппозицией: он НЕ следует соцреализму ни своим изобразительным методом, ни тематикой. Он – убежденный последователь идей авангарда, сторонник постимпрессионизма, особенно Поля Сезанна, хотя он противостоит ярким краскам Сезанна своей приглушенной палитрой. В «Картошке» явно прослеживается переключка с «Едоками картофеля» Ван Гога, однако нет свидетельства, что Фальк видел или знал эту картину.

(7) *Perhaps Fal'k was trying to place his Soviet potatoes in a historical tradition that passes through Van Gogh back to Rembrandt, painting the humble and ugly, to demonstrate art's alchemical power to transform dross into gold* (Reid S.E. Still Life and the Vanity of Socialist Realism: Robert Fal'k's Potatoes, 1955).

Для зрителей просвещенных, не простых обывателей и не таких как Хрущев, картина обнаруживала многослойность значений, происходящих от интертекстуального резонирования картины с другими художниками настоящего и прошлого [Reid 2017: 425] Тот факт, что Фальк не включается в соцреалистическую парадигму прославления советской жизни, приводит к обобщенному пониманию картины: если это не изобилие, то это концептуальная БЕДНОСТЬ. В значении картины возникает оппозиция: «Не богатство, не общественное благополучие, а бедность».

Концепт КАРТОШКА для русской жизни очень важен, как правило, в паре с концептом ХЛЕБ. В представлении автора рецензии ХЛЕБ – это прерогатива колхозов, государства, государственного планирования, тогда как картошка выращивается людьми на своих участках, своими руками. Из этого соображения выводится оппозиция «не государство, не коммунистическая партия, а люди»

Для миллионов советских людей КАРТОШКА – это символ выживания, стойкости и выносливости в периоды лишений и голода, особенно в военное время, а не просто еда, пищевой продукт. Наличие или отсутствие картошки для людей означало выживание, а не голод, жизнь, а не смерть.

(8) *That the painting of potatoes said more about hunger than about its satisfaction was part of the set of meanings available to viewers in the Thaw;*

(9) *The nutritional importance of potatoes in times of crisis gave them huge cultural significance. Potatoes, seemingly so humble and insignificant, were the staff of life and objects of great care* (Reid S.E. Still Life and the Vanity of Socialist Realism: Robert Fal'k's Potatoes, 1955).

Позиция автора рецензии, используемая ею тактика выстраивания матричной парадигмы – это интеграция в социокультурный контекст через противопоставление, отрицание и контрадикторную оппозицию.

Арт-концепт КАРТОШКА, возможно, и не прозвучал бы во всем его многообразии и многослойности, не получил бы такого широкого и глубокого искусствоведческого освещения, если бы не был активно, даже скандально, противопоставлен социальному и культурному жизненному фону. Именно благодаря разным аспектам восприятия он может трактоваться как когнитивно-матричный концепт, который Н.Н. Болдырев называет частным [Болдырев 2019: 95-96]. В его центре можно изобразить арт-концепт КАРТОШКА, а вокруг – описанные суб-концепты плюс неограниченное множество возникающих у реципиентов представлений и интертекстуальных ассоциаций.

Литература

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Мячинская Э.И. Интерпретация англоязычного искусствоведческого текста как когнитивного события // Когнитивные исследования языка. 2020. № 2 (41). С. 418–422.

Reid S.E. Still Life and the Vanity of Socialist Realism: Robert Fal'k's Potatoes, 1955 // The Russian Review. 2017. Vol. 76 (3). P. 408–437.

*E.I. Myachinskaya (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

COGNITIVE-MATRIX CHARACTER OF THE CONCEPTS OF ART CRITICISM DISCOURSE

The paper concerns the study of an English-language art critical review dedicated to Robert Fal'k's still life "Potatoes", in which the name of the painting is simultaneously an art concept, receiving its interpretation and different cognitive contents depending on the switch to a different situational and social context.

Key words: art criticism discourse, cognitive matrix, still life Potatoes, Robert Falk, matrix elements.

*М.Ю. Некрасова, В.А. Байко (Севастополь, Россия)
Севастопольский государственный университет
nekramar@mail.ru, beskar_valeria@inbox.ru*

ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ В ПОЛИЦЕЙСКОМ ДЕТЕКТИВЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНОВ П. РОБИНСОНА)

Статья посвящена изучению прецедентных текстов в жанре полицейского детектива. В ходе анализа выявлены категории прецедентных текстов в романах Питера Робинсона в соответствии с источниками прецедента. Основное внимание уделяется репрезентации прецедентного текста и прецедентной ситуации, рассматривается их интерпретационный потенциал.

Ключевые слова: прецедентный текст, прецедентная ситуация, интерпретация, полицейский детектив, П. Робинсон.

В настоящее время одной из основных характеристик художественного текста является его высокая интертекстуальность. Включение в повествование прецедентных текстов апеллирует к сознанию читателя, его ассоциативным связям, чувствам, эмоциям. Прецедентные тексты являются значимыми для языковой личности, хорошо известны широкому окружению данной личности, и при воспроизведении в дискурсе данной языковой личности соответствуют представлениям других членов лингвокультурной группы об этом тексте и его содержании [Караулов 1986]. Такие интертекстуальные включения представляют определенную ценность для общества и должны получать правильную обработку и интерпретацию в сознании реципиента. Как правило, они предполагают установление связи с произведениями классической литературы, кинематографа, библейскими текстами и др. Цель данной статьи – категоризация источников прецедентного текста в романах Питера Робинсона и изучение их интерпретационного потенциала.

Жанр полицейского детектива изображает реально существующие методы и процедуры полицейского расследования [Danūtė 2011], основным его признаком является реализм – то есть максимальное соответствие тому обществу, которому он адресован: отражение традиционных ценностей; олицетворение справедливости и общественного порядка; идеализация полицейского. Детективные произведения этого жанра ориентированы на обсуждение социально-правовых противоречий. Повествование ведется от третьего лица, чтобы максимально дистанцировать читателя, как представителя социума, от персонафицированного противоборства добра и зла персонажей [Байко 2019].

При взаимодействии автора и читателя осуществляется «интерпретация коллективного знания, то есть вторичная интерпретация» [Болдырев 2017], в процессе которой происходит формирование новых индивидуальных смыслов. Необходимо правильно интерпретировать коммуникативные средства, базирующиеся на личном опыте, знаниях криминальных аспектов жизни общества, умении логически мыслить. Кроме того, чтобы повысить привлекательность

произведения для разных групп читателей, широко используются интертекстуальные включения, в том числе прецедентные тексты.

При помощи прецедентных текстов происходит передача ментальных структур. Автор расставляет акценты на значимых частях сообщения, переключая когнитивный процесс читателя от скучных описаний и размышлений к ассоциативным связям и более точной интерпретации содержательного смысла. Прецедентные тексты усиливают связность смысловых частей произведения, повышают информативную функцию текстового фрагмента. Происходит обнаружение общности когнитивной базы автора и читателя, то есть читатель чувствует себя причастным к кругу автора.

В результате анализа детективных романов П. Робинсона можно выделить основные источники прецедентного текста.

– музыка;

Каждое расследование преступления сопровождается набором музыкальных произведений. Это могут быть классические произведения Бетховена, Шуберта, Моцарта, произведения исполнителей рока, таких как: Bob Dylan, Pink Floyd, Radiohead и др. Сознание читателя воспринимает состояние главного героя и его готовность к раскрытию преступления. *He plugged his iPod into the adapter, on shuffle, and Ray Davies's "All She Wrote" came on, a song he particularly liked, especially the line about the big Australian barmaid. That would do for a Sunday-morning drive to a crime scene, he thought; it would do just fine* (Robinson P. Friend of the Devil). Данный пример относится к началу произведения, когда детектив едет на место преступления. Интерпретируя текст упомянутой песни в контексте повествования романа, читатель проецирует в сознании, что жертвой является девушка. Кроме того, репрезентируется эмоциональное состояние главного героя.

– литература;

Flies buzzed around her, snapping her out of the chain of association. A couple of curious rabbits approached, twitched their noses and turned away. Annie wondered if she would end up in Wonderland if she followed one (Robinson P. Close to Home). Прецедентный текст, сочетающий в себе назойливых мух, а затем кроликов, неизбежно обращает сознание читателя к прецедентной ситуации о том, как Алиса попадает в Страну чудес в произведении Льюиса Кэрролла "Alice's Adventures in Wonderland". Автор подталкивает читателя к такому выводному знанию, а затем сам называет его, вызывая у реципиента чувство сопричастности, что повышает интерес к дальнейшему чтению произведения.

– кино;

It didn't take The Birds to make Annie aware of the threat inherent in a flock of gulls. They had once swarmed her when she was in her pram and her father was off about twenty yards away sketching a particularly artistic group of old oaks (Robinson P. Friend of the Devil). Прецедентный текст, отсылающий читателя к знаменитому фильму Альфреда Хичкока «Птицы», проецирует в его сознании опасную картину стаи птиц и усиливает понимание описания места преступления.

– искусство;

*Adam fireplace, was a strange mix of the antique and the contemporary. A framed picture that reminded Annie very much of **Jackson Pollock** hung over the empty fireplace. Maybe it was a **Jackson Pollock**. Sunlight poured in through the high sash windows, lighting the Persian carpets, antique desk and a brown leather-upholstered settee* (Robinson P. Piece of My Heart). Чтобы найти преступника, необходимо проникнуть в жизнь жертвы и понять, что могло привести к трагическому стечению обстоятельств. Для того чтобы не превратить в рутину описание жилища жертвы, автор использует прецедентное имя Джексона Поллока. Этот прием помогает читателю концептуализировать стиль абстрактного экспрессионизма. Современные картины тут же противопоставляются антикварным вещам и отражают в сознании читателя противоречивость характера убитого актера.

– народное творчество;

*“... No wonder they couldn't understand. And all those trappings, they just helped turn it into a kid's game, **ring around the roses**, that's all.”* (Robinson P. Aftermath). Прецедентная ситуация, которая должна устрашающе подействовать на читателя и репрезентировать в его сознании ужасные картины. Отсылка к детской игре *Ring a Ring o' Roses* (*Ring Around the Rosie* или другие подобные варианты) создает двойную проекцию. Изначально, сама игра апеллирует к периоду распространения чумы. По правилам игры, дети водят хоровод, произнося считалочку:

*Ring-a-ring o' roses,
A pocket full of posies,
A-tishoo! A-tishoo!
We all fall down.*

После этих слов, участники падают на землю, последний упавший считается проигравшим. В словах перечисляются симптомы чумы: круг вокруг розочки (кожный симптом), чихание; упоминается традиция ношения трав в карманах; падение вниз символизирует смерть. В романе “Aftermaths” эта игра упоминается, при расследовании случаев жестокого обращения с детьми. Детектив предполагает, что, возможно, сама процедура была замаскирована под детскую игру. Такой прецедент глубоко укрепляется в сознании читателя, позволяя интерпретировать самые страшные последствия упомянутых действий. В данном случае задачей автора является также реализовать задачи полицейского детектива: отражение традиционных ценностей и недопустимость их нарушения.

– библия;

*The wind also drove the rain hard across the churchyard, and the mourners seemed to draw as deeply into their heavy overcoats, gloves and hats as they could. At least the vicar was using the old version, Banks noticed. “**The Lord is my shepherd; therefore can I lack nothing**” had about as much resonance as “**as in a mirror, dimly,**” he thought* (Robinson P. Cold is the Grave). Библия является одним

из самых распространенных источников прецедентного текста. В упомянутом фрагменте обращение к библейскому тексту позволяет концептуализировать оппозицию духовной жизни и современной социальной действительности.

Таким образом, использование прецедентного текста в полицейском детективе способствует актуализации признаков жанра: его реалистичность и достоверность художественного пространства. Источниками прецедентного текста в романах Питера Робинсона являются: литература, искусство, кинематограф, народное творчество, библия. Интерпретация прецедентных имен и событий основана на общности интересов автора и читателя, призвана усилить эффект воздействия на сознание читателя, должна выполнять функцию пропаганды общественно-нравственных ценностей.

Литература

Байко В.А. Интертекстуальность в пейзажных описаниях современного британского детектива: дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2019.

Болдырев Н.Н. Язык как интерпретирующий фактор познания // Интерпретация мира в языке. Тамбов: ТГУ, 2017. С. 19–81.

Караулов Ю.Н. Роль прецедентных текстов в структуре и функционировании языковой личности // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы. М., 1986. С. 105–126.

Danyté M. Introduction to the analysis of crime fiction. Kaunas, 2011.

Robinson P. Cold is the Grave. London: MacMillan, 2001.

Robinson P. Aftermath. London: Pan MacMillan, 2002.

Robinson P. Close to Home. UK: Avon Books, 2004.

Robinson P. Piece of My Heart. New York, 2007.

Robinson P. Friend of the Devil. New York, 2008.

M.Yu. Nekrasova, V.A. Baiko (Sevastopol, Russia)
Sevastopol State University

INTERPRETATIONAL POTENTIAL OF PRECEDENT TEXTS IN THE GENRE OF POLICE PROCEDURALS (BASED ON THE NOVELS BY P. ROBINSON)

The article is devoted to the study of precedent texts in the genre of police procedurals. The analysis revealed the categorization of the precedent texts in the novels written by Peter Robinson in accordance with the sources of the precedent. Much attention is paid to the representation of the precedent text and the precedent situation; their interpretive potential is considered.

Key words: precedent text, precedent situation, interpretation, police procedurals, P. Robinson.

О.И. Опарина (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
oloparina@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ДОСТОВЕРНОСТИ ИНФОРМАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЕЙ ПО ФИЛОСОФИИ)

Статья обращается к вопросу достоверности информации в сети и рассматривает некоторые способы, призванные создать впечатление «надежности» предлагаемого материала через языковые средства, а именно: выбор лексем для обозначения «знаний» и принципы организации изложения. В качестве материала исследования взяты статьи интернет журнала по философии в период 2019–2022.

Ключевые слова: знание, лексема, научный дискурс, философия, актуальность, достоверность.

События последнего времени способствовали цифровизации всего общества, особенно переходу коммуникации в мессенджеры, онлайн платформы и интернет. Несмотря на необходимость перехода к этому формату обмена информацией быстро, процесс появления «цифровых источников» знаний начался давно. Многие научные журналы имели сайты и предоставляли доступ к опубликованным материалам (иногда за несколько лет, без ограничений и условий). Появились также журналы только в электронной версии. Часть журналов строго следовали стандартам академических публикаций, часть разрабатывала более привлекательные для адресата формы подачи материала. Кроме того, многие словари и энциклопедии переведены на новый формат.

Рассмотрение способов представления знаний, с одной стороны, и знакомство с ними, освоение и интерпретация, с другой, является актуальным вопросом когнитивных исследований. Е.С. Кубрякова подчеркивала, что именно язык играет исключительная роль «...в процессах обработки информации о мире, в процессах концептуализации и категоризации мира, во всех процессах, способствующих росту и прогрессу знаний» [Кубрякова 2004: 9].

Безусловно, научный дискурс развивается в рамках общих тенденций в языке. Так, Н.Б. Гвишиани выделяет следующие положения в качестве основных при формировании стандартов научного дискурса: развитие научной мысли в определенной стране, историю формирования национального литературного языка и его состояние на рассматриваемый отрезок времени, личностный аспект, т. е. социальный, образовательный опыт автора / языковой личности [Гвишиани 2008]. При этом, автор следует преобладающим тенденциям, которые расцениваются как эффективные в подаче материала на определенный момент и отвечающие вызову времени.

Актуальным также остается вопрос о достоверности материала в интернете, и о соотношении *веры* и *знания*. Если первое не требует доказательств,

то последнее подразумевает достоверность, подтвержденную либо эмпирическим опытом, либо представленную как результат логических умозаключений.

Целью исследования было рассмотреть способы создания «достоверности, надежности», актуальности и объективности излагаемой информации посредством языковых средств. В качестве материала использованы статьи по филологии из интернет журнала, который в рамках редакционной политики объединил академическую строгость и творчество журналистов (“academic rigor”, “journalistic flair”).

Результаты исследования выявили ряд закономерностей, которых придерживаются авторы.

1. Выбор лексем. В ходе изучения были проанализированы 28 статей, в том числе 3 опубликованы в 2022 году. Из лексем, входящих в концептуальное поле *знание*, наиболее частотными являются лексемы, обозначающие конкретные данные / сведения: *facts, data, results, evidence*. Данные лексемы указывают на фактическую сущность приводимых сведений, основанную на конкретных, эмпирически полученных данных. Среди перечисленных наибольшую частотность имеет лексема *data: data used, based on the achieved data, data demonstrates*. Лексемы *view, idea* и *theory*, несмотря на теоретическую суть обозначаемых явлений, соотносятся с конкретными, единичными подходами или теориями: *a quasi-scientific idea, the idea of human rights, not keen on this idea, their political views, the views of their students quantum theory – the physical theory that describes the universe at the smallest scales*.

Можно предположить, что выбор лексем продиктован необходимостью подчеркнуть фактическую обусловленность, представленной информации. В качестве второй тенденции следует назвать стремление к «штучности» материала: конкретная теория, данная точка зрения и т. д. Авторы стремятся избежать абстракции и систематизации, характерной для научного дискурса. Представленные результаты исследований имеют дело с конкретными, частными сведениями / фактами / данными.

Интересно также обратить внимание на соотношение понятий *веры* и *знание*. Безусловно, понятие *веры* не характерно для научного дискурса, так как наука предполагает сомнение, доказательства, аргументы, основанные на фактах. В рассматриваемых текстах лексема *вера / belief, faith, trust* не зафиксирована, за исключением статей, посвященных религии. *Знание* – это систематизированная, ментально обработанная информация. Путь формирования *знаний* предусматривает многоэтапный когнитивный процесс. Научные статьи нацелены на представление информации, схожее с когнитивными механизмами, присущими человеку. Они обращаются к начальному этапу познания: эмпирические данные, анализ этих данных, первичное обобщение. Статьи опираются именно на факты / сведения, полученные из наблюдений или опыта.

2. Организация изложения. Тексты статей рассматриваются с точки зрения используемых способов представления информации, чтобы сделать ее понятной, аргументированной, привлекательной и мотивирующей к дальнейшему

изучению обсуждаемого вопроса или мнения. В качестве существенного элемента статей следует отметить соотношение "чистой" теории и актуальных для момента создания текста проблем.

Представление материала основано на принципе блендинга. Цель авторов состоит в объединении теоретических/академических знаний и проблем, насущных для текущего момента. Каждая из статей содержит изложение философских теорий, актуальность которых доказывается посредством адаптации к вызовам времени. Так, в одной из них обсуждаются отдельные элементы теорий Т. Гоббса, Б. Паскаля, Р. Декарта и Ф. Бэкона. Концепции философов «накладываются» на проблему изменения климата. Описание проблем идет через словосочетания: *preconceived dogma(s)*, *Scientific revolution*, *the idols of the theatre*, которые создают единое поле или общие ключевые понятия (выраженные в данном случае через словосочетания), присущие обеим сферам.

Интересна и структура статей. Они начинаются с изложения философских теорий, которые переносятся на современные проблемы. Завершаются статьи постулатами или цитатами философов, которые иллюстрируют суть вопроса и служат выводом, тем самым возвращая к идеям начала статьи. Так, рассматриваемая статья заканчивается цитатой Ф.Бэкона: *By far the greatest obstacle to the progress of science – to the launching of new projects and the opening up of new fields of inquiry – is that men despair and think things impossible*. Это своего рода призыв к решению современных проблем, опираясь на философские принципы прошлого.

Актуальность современных проблем для адресата очевидна. С ней предполагаемые читатели сталкиваются в реальной жизни (эмпирический опыт). Они обсуждаются в различных источниках информации (медиа публикации, форумы, различные TV и радио программы), что создает некое информационное пространство, где каждая из тем имеет частотность обсуждения и набор затрагиваемых аспектов. Наложение теоретических постулатов из философских теорий на знакомые моменты указывает на актуальность «чистой теории», подтверждает «современность» чистой науки и применимость ее принципов/методов для анализа и решения проблем сегодняшнего дня.

Таким образом, организация изложения нацелена на соединение и сопоставление дискутируемых («модных») проблем, с теорией, что подкрепляет актуальность и современность взглядов, в частности, философов XVII века. Однако такое соединение способствует и подтверждению важности современных проблем. Обращение к науке вызывает больше доверия у адресата. Наука и научные воззрения прошлого – это систематизированные знания, прошедшие проверку временем. Они были актуальны, обсуждались людьми разных эпох. Наложение теоретической методологии на современные вопросы указывает на реальность, важность и вневременной статус последних.

В рамках данной статьи рассмотрены два способа доказать актуальность и достоверность информации, относящийся к научному дискурсу и представленной в интернет источниках. Открытым остается вопрос: «Насколько

актуален и выверен материал Интернета?» В качестве ответа можно сказать, что Интернет предоставляет обширную и разнообразную информацию, к которой применим параметр «доверие к информации /данным», а рассмотренные выше способы способствуют повышению уровня «доверия».

Литература

Болдырев Н.Н. Доминантный принцип концептуального взаимодействия в языковом общении // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 21–30.

Гвишиани Н.Б. Язык научного общения: вопросы методологии. М.: Изд-во ЛКИ, 2008.

Заботкина В.И. Когнитивные основы лингвистической креативности // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVIII. С. 208–216.

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.

Philosophy News, Research and Analysis. URL: <http://www.inquiriesjournal.com/articles/1327/>

O.I. Oparina (Moscow, Russia)

Lomonosov Moscow State University, RANEPO

ON INFORMATION RELIABILITY IN INTERNET (BASED ON ARTICLES ON PHILOSOPHY)

The article focuses on information reliability in the web and considers some ways to create the impression of the “reliability” of the proposed material through linguistic means, namely: the choice of lexemes to denote “knowledge” and the principles of narration organization. The material under regard is the articles from the online journal on philosophy within the period of 2019–2022.

Key words: knowledge, lexeme, academic discourse, philosophy, relevance, reliability.

Д.С. Павлова (Пермь, Россия)

Санкт-Петербургский государственный университет

Пермский государственный национальный исследовательский университет

pavlovads@mail.ru

ВЫДЕЛЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ СЛОВ В УСТНОМ И ПИСЬМЕННОМ ТЕКСТЕ: СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ²⁰

В статье представлены результаты пилотного эксперимента по выделению ключевых слов в тексте, предъявленном информантам в письменном и устном форматах. Предварительные результаты позволяют говорить о влиянии формы стимульного материала на выделение ключевых слов.

Ключевые слова: письменный текст, устный текст, ключевые слова; восприятие.

²⁰ Работа выполнена при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, грант № 92566385 «Механизмы чтения и интерпретации текста на родном и неродном языках: междисциплинарное экспериментальное исследование с использованием методов регистрации движения глаз, визуальной аналитики и технологий виртуальной реальности».

Одно из ключевых и выделяемых всеми исследователями свойств текста – цельность. Она соотносится со смысловой (содержательной) стороной текста и может быть отражена в тексте с большей или меньшей степенью подробности [Сахарный 1991].

Одним из методов исследования цельности текста, механизмов его восприятия, интерпретации является эксперимент по выделению набора ключевых слов (КС), активное многолетнее использование которого свидетельствует об адекватности и релевантности получаемых результатов. Отметим, что методика выделения КС использовалась на материале письменных и устных (в том числе вторичных) текстов, инфографики и др., на материале текстов разных жанров и дискурсов (см., например: [Грудина, Губушкина 2020; Матвеева 2018; Петрова и др. 2017; Помазов 2019] и мн. др.).

Настоящее исследование посвящено изучению сходства и различия набора ключевых слов (НКС), получаемого при восприятии письменного и устного текста на русском языке и выявление силы влияния канала восприятия информации, структуры текста на выделение КС информантами носителями и не носителями русского языка. Представленное исследование – это пилотный эксперимент. В качестве материала исследования взят устный спонтанный монолог «О себе» на русском языке, длительностью 2 мин. 24 сек., длина текста в словах – 343. Далее этот текст был преобразован в письменный.

В предварительном эксперименте приняли участие 10 китайских студентов (5 мужчин и 5 женщин), владеющих русским языком на уровне В1, в возрасте от 21 до 27 лет. Эксперимент проводился с одной и той же группой информантов с разницей в 2 недели. На первом этапе участникам предлагалось прочитать письменный текст, а затем написать от 5 до 15 слов, наиболее важных с точки зрения содержания текста. На втором этапе информанты дважды слушали устный текст, а затем вновь писали от 5 до 15 слов, наиболее важных с точки зрения содержания текста.

В письменном тексте информантами было выделено 93 слова, а в устном – 84. Отметим, что информанты выделяли не только отдельные слова, но и словосочетания типа «студенческие годы», «семья врачей» и др. В таких случаях словосочетания разбивались на отдельные слова (единицы от пробела до пробела). Все КС сводились к исходной форме, например, «работал, работать» = «работать» (см. рис. 1 и 2).

Результаты, полученные в ходе пилотного эксперимента, позволяют выделить некоторые тенденции, которые могут быть подтверждены или опровергнуты при увеличении количества информантов, а также участии в эксперименте носителей русского языка.

Из рисунков 1 и 2 видно, что в ядро НКС письменного текста вошли слова *студенческие, годы, веселые, работать, день* (выделены более, чем 40 % информантов), а в ядро НКС устного текста – *работать, закончил, общежитие, школу, веселые, годы, день, студенческие*. Так, ядро НКС письменного текста полностью вошло в ядро НКС устного текста, во втором дополнительно появилось

3 слова. Различия в большей степени проявляются в предъядерной и средней зоне, а также периферии.

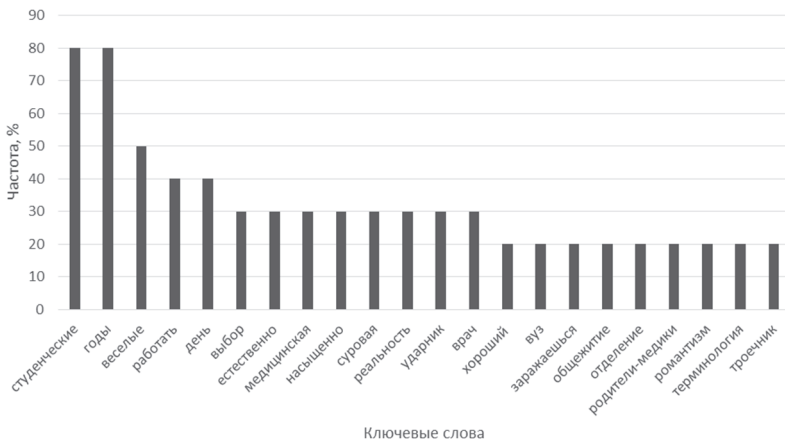

Рис. 1. Распределение высокочастотных КС при чтении письменного текста (более 1 упоминания)

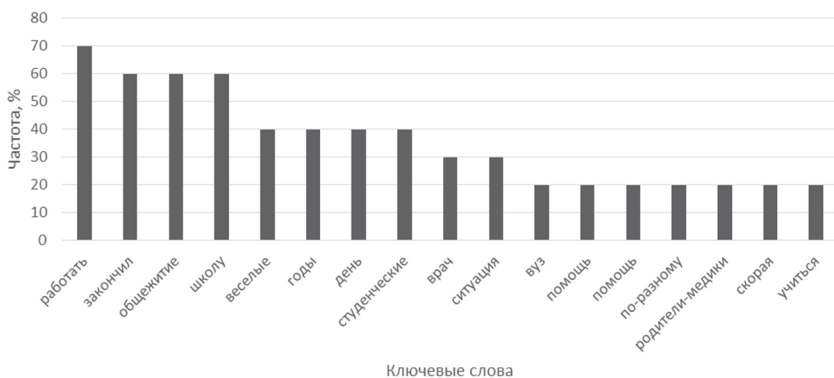

Рис. 2. Распределение высокочастотных КС при прослушивании устного текста (более 1 упоминания)

При работе с письменным текстом информанты выделили большее количество ключевых слов, чем при работе с устным текстом. Стоит отметить, что выделенные лексемы совпадают лишь частично, например, *студенческие*, *годы* встретились у 8 из 10 информантов в письменном тексте и лишь у 4 из 10 информантов в устном тексте. Вероятно, это можно объяснить так: в письменном варианте текста со словосочетания *студенческие годы* начинается третий

абзац, это сочетание как бы предваряет тему фрагмента, а в устном варианте текста на этом сочетании слов нет произносительного акцента, нет паузы. В случае с КС, сведенными к единой форме *работать*, видно, что при прослушивании их выделили 7 из 10 информантов, а при прочтении только 4 из 10. Это может быть связано с тем, что в тематическом блоке «работа» автор монолога несколько раз просодически акцентирует внимание на глаголах *работаю*, *работал* и т. д.

В письменном тексте информантами было выделено 22 индивидуальных ключевых слова, связанных с содержанием текста. В прослушанном же тексте информанты выделили 23 слова, однако не все они связаны со смыслом (например, *хотя*, *наверно*, *конечно* и др.), но все они выделены интонацией говорящего, имеются акцентные паузы.

Стоит отметить, что даже в ходе пилотного эксперимента наблюдаются отличия в выделении набора ключевых слов мужчинами и женщинами. Например, в качестве ключевого слово *врач* написали только женщины (2 при восприятии письменного текста и 3 при восприятии устного текста). Слово *общеежитие* при восприятии письменного текста написали только женщины (2 реакции), а при восприятии устного – и мужчины (4 реакции), и женщины (2 реакции). Так, вероятно при проведении основного эксперимента фактор «гендер» окажет влияние на восприятие текста в разных форматах.

В дальнейшем планируется проведение эксперимента не только с китайцами, изучающими русский язык, но и с носителями русского языка, а также перемещение проведения этапа эксперимента, связанного с чтением письменного текста, в виртуальную реальность (см. подробнее о технических аспектах таких исследований в [Ryabinin, Belousov 2021]). Испытуемый в VR очках читает текст, а затем лазерной указкой отмечает ключевые слова. В таком случае он уже не сможет выделить словосочетание (или даже целое предложение), а вынужден будет отмечать конкретные слова. Увеличение объема и сложности исследуемого материала позволит приблизиться к понимаю механизмов чтения и интерпретации текста (письменного и устного) на родном и неродном языках.

Литература

Грудева Е.В., Губушкина А.А. Набор ключевых слов и устный пересказ как вторичные тексты (на материале вторичной речевой деятельности учащихся 6-х классов) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2020. № 2 (95). С. 56–72.

Матвеева Н.В. Принцип доминантности и ключевые слова как основа механизма порождения текста: психолингвистический аспект // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2018. № 4. С. 98–106.

Петрова Т. Е., Риехакайнен Е.И., Кузнецова А.С., Мараев А.В., Шаталов М.А. Выделение ключевых слов в вербальных и невербальных паттернах // Социо- и психолингвистические исследования. 2017. № 5. С. 149–156.

Помазов А.И. Ключевые слова как языковой механизм создания аттрактивности текста в интернет-дискурсе (на материале сайтов российских вузов) // Научный диалог. 2019. № 7. С. 89–106.

Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения // Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи. М.: Наука, 1991. С. 221–237.

Ryabinin K.V., Belousov K.I. Visual analytics of gaze tracks in virtual reality environment // Scientific Visualization. 2021. Т. 13. № 2. С. 50–66.

*D.S. Pavlova (Perm, Russia)
St. Petersburg State University
Perm State University*

SELECTING KEYWORDS IN ORAL AND WRITTEN TEXT: A COMPARATIVE ANALYSIS

The paper presents the results of a pilot experiment on the selection of keywords in the text presented to informants in written and oral formats. Preliminary results allow us to speak about the influence of the form of stimulus material on the selection of keywords.

Key words: written text, oral text, keywords; perception.

*Л.В. Пахомов (Пермь, Россия)
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермский государственный институт культуры
pahomov_l@mail.ru*

*Д.С. Павлова (Пермь, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет,
Пермский государственный национальный исследовательский университет,
pavlovads@mail.ru*

МОДЕЛИРОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА МУЗЫКАНТОВ-ИНСТРУМЕНТАЛИСТОВ²¹

В статье представлено оригинальное понимание модели метафорического пространства, а также анализ механизмов метафорического переноса, используемых в преподавании инструментального исполнительства. Материал исследования – расшифровки занятий преподавателей инструментального исполнительства (скрипка, гитара, фортепиано) с учениками ОЦ «Сириус». Результаты отражают специфику преподавания инструментального исполнительства в зависимости от инструмента.

Ключевые слова: метафора, метафорические перенос, модель метафорического пространства, инструментальное исполнительство.

В настоящем исследовании результат анализа метафорических выражений представлен в виде модели метафорического пространства. Понимание метафорического пространства строится с опорой на понятие семантического пространства текста, данное К.И. Белоусовым [Белоусов 2013]. «Семантическое пространство текста структурируется в процессе сканирования формы текста с помощью **знаниево-языковых структур** (выделено нами – Л.П., Д.П.).

²¹ Работа выполнена при поддержке Санкт-Петербургского государственного университета, грант № 92566385 «Механизмы чтения и интерпретации текста на родном и неродном языках: междисциплинарное экспериментальное исследование с использованием методов регистрации движения глаз, визуальной аналитики и технологий виртуальной реальности».

Компонентами семантического пространства могут выступать разносубстратные единицы концептуальной системы индивида (значения, смыслы, ассоциации и пр.)» и система способов их выражения в тексте – лингвистические формы [там же: 226].

Под метафорическим пространством понимается часть семантического пространства дискурса, структурообразующими компонентами которой являются совокупность метафор и закономерности их построения. Метафорическое пространство формируется как единое целое, основанное на сложном взаимоотношении семантических пространств источника и мишени, а также семантических областей внутри этих пространств, во всем множестве метафор дискурса [Пахомов 2018: 5].

Материалом исследования послужили расшифровки занятий преподавательской инструментальной исполнительства с учениками ОЦ «Сириус». Всего было выделено 240 метафорических выражений по следующим инструментальным направлениям: гитара – 97, скрипка – 76, фортепиано – 68.

Определение фреймов области-источника основано на базовых грамматических категориях – действии и имени, а выявление фреймов области-мишени – на взаимосвязи технического и художественного аспектов музыкального исполнительства.

Фрейм **ДЕЙСТВИЕ** области-источника состоит из большого количества глаголов различных семантических сфер и позволяет представить действия, связанные с игрой на музыкальных инструментах (слоты «физическое воздействие», «звучание», «перемещение» и др.). Фрейм **ИМЯ** отражает наименования объектов, связанных с инструментальным исполнительством, и их характеристики (слоты «конкретное» и «абстрактное» имя). Распределение по фреймам и слотам основывалось на прямом значении входящих в метафорическое выражение слов.

Фрейм **ТЕХНИКА ИГРЫ** области-мишени представлен языковыми единицами, отражающими техническую сторону инструментального исполнительства: выработку верной позиции музыканта (слот «положения тела»), способы звукоизвлечения (слот «приемы игры») и общее качество исполнения (слот «общее качество игры»). Фрейм **ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБРАЗ** включает средства создания художественного образа исполняемого музыкального произведения: динамические нюансы (слот «динамика»), темпоритмические особенности (слот «темпо-ритм») и образные моменты исполнения (слот «образность»).

Модели метафорического пространства рассматриваемых инструментальных направлений представлены на рис. 1.

В результате анализа была выявлена взаимосвязь особенностей исполнения на определенном инструменте (скрипке, гитаре и фортепиано) и реализации межфреймовых и внутрифреймовых семантических связей.

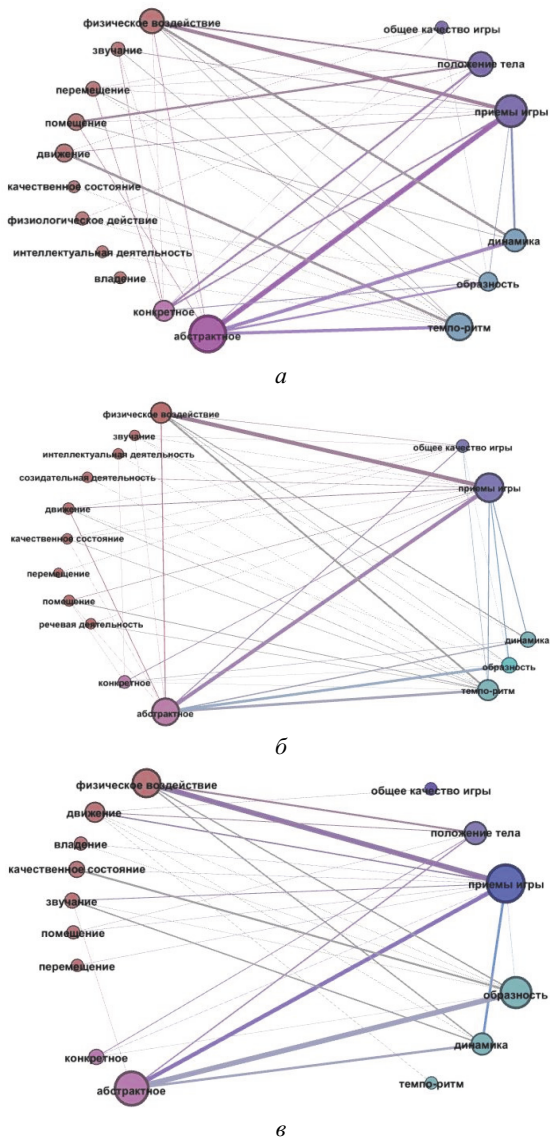

Рис. 1. Модель метафорического пространства:
гитара (*a*), скрипка (*б*), фортепиано (*в*)

В текстах-расшифровках преподавателей **гитары** выявлены следующие соотношения слотов:

– «физическое воздействие» – «приемы игры»: метафоры *и не поддавайся желанию долбануть этот бас шестой, это получается грубовато; такой удар убивает* демонстрируют значимость осмысления способов взаимодействия с инструментом для воплощения технических задач с глаголами физического воздействия (*долбануть, убивать*);

«абстрактное имя» – «приемы игры»: метафоры *нажал каким-то настроением, пусть даже интересным, но одним, и музыка не развивается; само состояние, мне кажется, этот сон, он начинается как будто бы как бы ниоткуда удивление* отражают соотношение употребления абстрактных существительных (*настроение, музыка, состояние, сон, удивление*) с конкретными способами звукоизвлечения;

– «абстрактное имя» – «динамика»: метафоры *самое начало у нас было совсем из ниоткуда; третья фраза должна быть еще насыщенной* показывают метафорический перенос с абстрактных признаков (*из ниоткуда, еще насыщенной*) и динамических нюансов игры;

– «абстрактное имя» – «темпо-ритм»: метафоры *а у этого полета есть какой-то свой пульс; вот эта четвертая, она длинная, начни позатаенней* отражают связь абстрактного имени (*полет, пульс, позатаенней*) и темпо-ритмических моментов исполнения;

Самые частотные соотношения слотов в речи преподавателей **скрипки**:

– «физическое воздействие – приемы игры»: метафоры *бас у тебя немножко тычется; необходимо привлечение внимания к какой-то ноте* описывают способ нажатия на смычок скрипки для извлечения соответствующего звука.

– «абстрактное имя» – «приемы игры»: метафоры *затакты эти нависают прямо таким, знаешь, чудищем над сильной долей; бас – важная вещь, не грех на ней и посидеть капельку* соотносят абстрактное имя (*чудище* и *вещь*) со способом звукоизвлечения;

– «абстрактное имя» – «образность»: метафоры *музыка – это процесс какой-то, изложение каких-то, не знаю, идей и это такое... отдых некий, прогулка, если хочешь; не особенно нагрузжай фразу каким-то пафосом, смыслом, страстями даже* описывают через абстрактное имя общую образность исполнения музыкальной фразы;

– «абстрактное» – «темпо-ритм»: метафоры *распухания нездорового размера; это привязка к пульсу, да, человеческому; время – это очень привлекательная вещь, сильный элемент привлечения* отражают взаимосвязь абстрактных явлений (*распухание, пульс, время*) и темпо-ритмической организации исполнения;

В речи преподавателей инструментального исполнительства по классу **фортепиано** выделены следующие наиболее частотные соотношения слотов:

– «физическое воздействие» – «приемы игры»: метафоры *передавливаешь, тужишься, выдавливаешь, отщелкивай, поддавливаешь* передают способ игры на инструменте через физические действия;

– «абстрактное имя» – «образность»: метафоры *внутренняя синкопистость такая; в этом ощущении азарта колоссального, вот этого драйва* позволяют осмыслить взаимосвязь абстрактного имени и характеристики общей образности исполнения;

– «абстрактное имя» – «приемы игры»: метафоры *ответ будет более легоньким; отскакивающими такими, веселыми пальцами это все играй* отражают соотношение абстрактного предмета и признака и способа звукоизвлечения;

– «абстрактное имя» – «динамика»: метафоры *звонит вот это вот красота верхнего регистра; крецендо больше, ярче* демонстрируют взаимосвязь абстрактного имени (*красота, регистр, больше, ярче*) и динамики исполняемого произведения.

Таким образом, наиболее частотные метафорические переносы или соотношения слотов области-источника и области-мишени в представленной модели метафорического пространства отражают специфику преподавания инструментального исполнительства в зависимости от инструмента и выявляют наиболее важные связи слотов, присущие метафорическому переносу при преподавании игры на музыкальных инструментах в целом, т. е. особенности данной сферы коммуникации преподавателя и ученика-музыканта.

Литература

Белюсов К.И. Синергетика текста: от структуры к форме. М.: УРСС, 2013.

Пахомов Л.В. Метафорическое пространство дискурса: структура и моделирование (на примере вокально-педагогического дискурса): дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2018.

*L.V. Pakhomov (Perm, Russia)
Perm State University,
Perm State Institute of Culture*

*D.S. Pavlova (Perm, Russia)
Perm State University,
St. Petersburg State University*

MODELING THE METAPHORICAL SPACE OF THE PEDAGOGICAL DISCOURSE OF INSTRUMENTAL MUSICIANS

The paper presents an original understanding of the model of metaphorical space, as well as an analysis of the mechanisms of metaphorical transfer used in teaching instrumental performance. The research material included transcripts of the lessons of teachers of instrumental performance (violin, guitar, piano) with students of the Sirius Educational Center. The results reflect the specifics of teaching instrumental performance depending on the instrument.

Key words: metaphor, metaphorical transfer, metaphorical space model, instrumental performance.

*Н.В. Питолина, Р.В. Бровченко (Псков, Россия)
Псковский государственный университет
peanut278@yandex.ru, rombrot@gmail.com*

МЕТАФОРА КАК СПОСОБ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В НАУЧНОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АСТРОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Предметной областью исследования являются способы метафорической концептуализации космоса и репрезентации космической картины мира образными средствами английского языка. В статье подчеркивается значение метафоры как когнитивного источника для процессов научного мышления, и выделяется базовая метафорическая модель ВСЕЛЕННАЯ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ, позволяющая рассматривать космическую среду в рамках известного человеку концепта, создавая научную модель познания Вселенной.

Ключевые слова: концептуальная метафора, научный дискурс, научное познание, номинация, космос.

Эволюция метафоры насчитывает более 2000 лет. На протяжении почти всего периода изучения метафора понималась как фигура речи. Однако в современной лингвистике определение метафоры сильно изменилось, многие устоявшиеся постулаты метафорологии, которые восходили еще к традиции аристотелевской поэтики, были заменены. Метафора начала рассматриваться не только как декоративная фигура текста, но и как неотчуждаемый компонент ментальных моделей познания мира [Лакофф, Джонсон 2004: 164].

Объясняя механизм метафоризации, состоящий в установлении определенных отношений между тем фрагментом действительности, которому мы хотим дать название, и тем, с которым мы его сравниваем, профессор Е.С. Кубрякова признает метафору наиболее продуктивным способом номинации и порождения новых языковых единиц [Кубрякова 1986: 41].

Особенно возрастает роль метафоры в процессе терминологической номинации в научном познании, т. к. именно метафора становится тем когнитивным механизмом, в рамках которого абстрактные, необъяснимые, а также неизвестные ранее понятия получают осмысление в терминах более понятных.

Несмотря на очевидную убедительность данного аргумента сегодня, допустимость использования метафорического переноса в научном дискурсе ранее подвергалась сомнению.

В философии науки можно выделить два подхода. Первый, из которого исходили позитивисты XIX века, указывает на то, что термины в научном дискурсе должны быть свободны от эмпирически необоснованного (О. Конт, Г. Спенсер, К. Поппер) [Овчинников 1992: 36].

Во втором подходе доминирует когнитивная и лингвистическая свобода научного дискурса от неподвижных рамок рационального языка (К. Юнг, Б. Грин, М. Талбот). Признавая важную роль метафоры для научного познания, ученые выделяют два способа ее функционирования в научном дискурсе: с одной стороны, в качестве фигуры речи, которая способствует трансляции знаний, с другой – как инструмента построения самого знания [Юнг 2012: 94].

В целом, метафоричное мышление является характерным для человека и позволяет человеческому разуму адаптироваться, постигать сложно-постижимые сознанием явления, к которым можно отнести объекты, созданные воображением человека, абстрактные понятия, недоступные сенсорному опыту, объекты, которые еще не получили достаточного научного освещения и объяснения. Одним из таких объектов являются космические явления.

Несмотря на научный прорыв, который намечился в космической науке в последнее столетие, космос и связанные с ним явления имеют (и, очевидно, всегда будут иметь) природу, до конца неясную или непостижимую для человека (к примеру, *темная материя, туманности, черные дыры, кольца галактики, виды звезд, небесные тела* и др.). В данном случае именно метафора становится одним из эффективных инструментов познания космического пространства, а в контексте нашего исследования – инструментом научного познания.

Актуальность данного исследования очевидна и обусловлена рядом факторов: во-первых, незначительной степенью проработки темы метафорической концептуализации космоса в научном дискурсе; во-вторых, необходимостью обозначить общее поле соприкосновения точных и гуманитарных наук на примере некоего обширного понятия – космоса; и, в-третьих, осознанием «статусной роли космонавтики», которая становится все более определяющей в человеческой жизни нынешнего столетия.

В XX веке наука астрономия подошла к таким вопросам познания окружающей человека действительности, описание которых вышло за рамки устоявшихся человеческих понятий, т. к. их теоретическое описание не вписывалось в контекст накопившегося опыта всего человечества. Именно в это время начинается работа с явлениями скрытого космоса [Сажин 2002: 53]. Открытия в области астрономии и астрофизики потребовали новых терминов. Для их создания используется метафора как надежный и неизбежный инструмент в процессе переосмысления исходных значений (*белая туманность, белые карлики, кольца Урана, разбегание галактик, гравитационные волны* и др.).

Анализ научных работ, исследований в области космоса, среди которых можно выделить труды голландского астронома Якобуса Каптейна (1922), британского астрофизика Стивена Хокинга (1984), американского астрофизика Фрица Цвикки (1957), а также статьи из авторитетных англоязычных научных журналов (*Living Reviews in Relativity, The Astronomy and Astrophysics Review, The European Physical Journal C, The Journal of the Astronautical Sciences, Nature Astronomy, AIAA Journal*, и др.) за последние 30 лет, позволил выделить базовую концептуальную метафору космоса, отражающую некий общий смысл и имеющую под собой основу в виде научных предпосылок. Такой концептуальной метафорой стала метафора ВСЕЛЕННАЯ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ / UNIVERSE IS A CONTAINER. Основой метафорического переноса в данном случае становятся представления человека о космосе как о бесконечном наполненном пространстве, неким огромным контейнером, чью вместительную мощь сложно переоценить.

Данная базовая модель репрезентирована конкретными примерами астрономической терминосистемы. Рассмотрим некоторые из них.

Голландский астроном Я. Каптейн в 1922 г. впервые использовал термин *темная материя* (*dark matter*) [Einasto 2012: 107]. Причиной, почему было выбрано именно подобное название феномена, стал тот факт, что человеческий глаз не может наблюдать данный вид материи, о ее массе и количестве можно догадываться лишь по гравитационному воздействию.

Другим, схожим по своей семантике термином является *темная энергия* (*dark energy*) – гипотетический вид энергии, введенный в модель Вселенной [Copeland 2006: 92]. Данный вид энергии также не наблюдаем человеческим глазом, и не поддается измерениям.

Данные примеры показывают, что для номинации не поддающихся непосредственному наблюдению астрофизических явлений, чья природа остается загадкой, человеческий разум использует соответствующую замену из полуценного опыта – *dark* (*темный, лишенный света, малозаметный*).

Другой интересной метафорической репрезентацией модели ВСЕЛЕННАЯ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ является термин *гравитационный колодец* (*gravitational well*). Термин служит номинацией гравитационного поля небесных тел. *Колодец* помогает вызвать в человеческом сознании более яркую и понятную картину астрофизической концепции – чем массивнее тело, тем глубже порождаемый им гравитационный колодец [Conway 2000: 57].

Рассмотрим другой хорошо известный как в научном дискурсе, так и за его пределами термин – *черная дыра* (*black hole*) – область в пространстве, которая ничего не излучает, но при этом обладает невероятной силой гравитационного притяжения [Price 2008: 122]. На данном примере можно заметить, что человек рассматривает исследуемое космическое явление как некое незаполненное пространство, образовавшуюся брешь, поглощающую другие объекты, своего рода место пустоты, не относящееся к общему пространству Вселенной.

Лингвистические наблюдения показывают, что символизация и метафоризация языка становятся общими тенденциями постклассической науки. Принимая, с одной стороны, тот факт, что в научном дискурсе номинация приобретает особую важность и серьезность, т. к. развитие и эффективность науки в большей мере, чем в других видах дискурса зависит от точности и глубины представлений о явлениях и объектах, попадающих в исследовательский фокус; мы должны признать уникальную природу и неопенимую помощь концептуальной метафоры в процессе познания мира, с другой. Ведь только метафора позволяет максимально близко и доступно обозначить суть исследуемого объекта.

Современную научную систему в целом можно представить как модель *объект-заменитель – объект-оригинал*, что не только находит сходство с метафорическим сравнением в лингвистике (ВСЕЛЕННАЯ – ЭТО ВМЕСТИЛИЩЕ), но и помогает решить проблему терминологической номинации путем метафоризации понятий. Обозначенное соотношение метафорической модели с понятием научной модели становится особенностью метафорической номинации в научном дискурсе.

Литература

- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности. М. Наука, 1986.
Овчинников Н.Ф. Карл Поппер, наш современник, философ XX века // Вопросы философии. 1992. № 8. С. 40–48.
Сажин М.В. Современная космология в популярном изложении. М.: Едиториал УРСС, 2002.
Юнг К.Г. Аналитическая психология. Прошлое и настоящее. М.: Мартис, 2012.
Conway J.T. Exact solutions for the gravitational potential of a family of heterogeneous spheroids. Mon. Not. R. Astron. 2000.
Copeland E., Sami M. and Tsujikawa S. Dynamics of dark energy. Int. J. Mod. Phys. 2006.
Einasto J. Dark matter. Astronomy and Astrophysics / Ed. by O. Engvold, R. Stabell, B. Czerny, J. Lattanzio. EOLSS Publishers, 2012.
Hawking S.W. The Quantum State of the Universe. Nucl. Phys. 1984.
Price R., Creighton T. Black holes. Scholarpedia T. 2008.

*N.V. Pitolina, R.V. Brovchenkov (Pskov, Russia)
Pskov State University*

METAPHOR AS A METHOD OF TERMINOLOGICAL NOMINATION IN SCIENTIFIC DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF ASTRONOMICAL RESEARCH)

This article discusses the issues of metaphorical nomination of terms in the field of astronomy. As an example of building a terminological apparatus with the help of the metaphor SPACE IS A CONTAINER, the vocabulary of the English astronomical term system is used. The main conceptual metaphor is singled out, which makes it possible to understand how the terms are created.

Key words: conceptual metaphor, scientific discourse, scientific cognition, nomination, space.

*С.Г. Проскурин (Новосибирск, Россия)
Новосибирский национальный исследовательский университет
Новосибирский государственный технический университет
s.proskurin@mail.ru*

*А.В. Проскурина (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
a.vyacheslavovna@gmail.com*

К ВОПРОСУ О КОГНИТИВНОЙ СУЩНОСТИ КОНЦЕПТОВ И МЕТАКОНЦЕПТОВ²²

Вопросы когнитивной лингвистики в аспекте культурологии сводятся к тематической семантической сети культуры. С одной стороны, в культуре обнаруживаются ценности, переживаемые носителями культуры, а с другой стороны, фиксируется порядок наблюдателя со своими тематическими группами метаконцептов. Так нами выделяется ценность ВЕРА и метаконцепт РЕЛИГИЯ.

Ключевые слова: ценность, концепт, наблюдатель, метаконцепт, когнитивная память, граница, перформативность.

²² Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 22-28-01712) «Неоязычество в художественных практиках современной России: этнокультурные рецепции, коммуникативные технологии, ценностные основания».

В рамках концептуального содержания культуры обнаруживаются концепты, выражающие ценностные и переживаемые носителями культуры единицы лексикона, насчитываемые в небольшом количестве. С другой стороны, имеются метаконцепты, или слова, постулируемые исследователем языка, которые находятся на краю лексической системы и являются терминами тематической группы. Срединной ценностью культуры предстает концепт ВЕРА, на контрасте которого выступает метаконцепт РЕЛИГИЯ. Отличие концепта от метаконцепта предстает в переживаемости одного и означаемости другого. Так, ценность веры переживается (концепт), а религия означает (метаконцепт).

Как отмечается в работе Ю.С. Степанова, концепт ВЕРА в религиозном аспекте возникает из древнейших языческих верований об обращении к божеству с молитвой, жертвой и просьбой. Общеиндоевропейское «верить», «уповать», «питать доверие» основывается на древнейшем словосочетании «*k^[h]ret'-d^[h]eH- буквально: «класть сердце»; ср.лат. *crēdō* (*crē* + *dō*) «верю», буквально «сердце даю», др.-инд. *śrad-dhā* «доверие», *śrāddadhāti* «доверяет», *śrāt te dadhāmi* (Ригведа, X, 147, 1) «я тебе верю», др.-хет. *k(a)ratan dai-* «вложить сердцевины» (от слова *k(a)rat* – «сердцевина, внутренность» при корне *ker/kard-* «сердце») и т. д. (Н. W. Köler. *Śrad-dha in der vedischen und altbuddhistischen Literatur*. Göttingen, 1948 [Diss.])» [Степанов 2004: 402-403].

Ценности культуры, такие как ВЕРА, представляют собой аутосистемный уровень, который сопрягается с метасистемными, т. е. внесистемными, концептами как РЕЛИГИЯ. Под этим понимается принадлежность к определенной конгрегации, и это само по себе рассматривается как ценность. Метапредикаты в современной культуре вошли в список ценностей индивидуума.

Реконструируя древнейший слой культуры, ученые-филологи восстанавливают терминологию первого порядка, т. е. ценности, такие как вера. Однако термин «религия» остается в метасистеме, т. е. принадлежит порядку наблюдателя. В русской культуре древний предикат *Я верую* является ценностью и сопоставим с современной версией *Я верю*. Высказывание *Я верю* составляет ценностную данность культуры, тогда как выражение **Я религиозен (I am religious)* теряет смысл в произнесении от 1-го лица, как, скажем, *Я ошибочно утверждаю* (см.: [Степанов, Проскурин 1993]).

К. Армстронг отмечает, что «слова “Я верю в Бога” лишены объективного содержания. Как и любое другое высказывание, они наполняются смыслом только в контексте, когда произносится членом определенного общества» [Армстронг 2015: 10]. Следовательно, в произносимом выражении «Я верю в Бога» реализуется изначально заложенный перформативный смысл.

Нами постулируется тематическая сетевая структура, состоящая из аутооператоров и метаоператоров. Такая тематическая сеть аккумулирует ценности субъекта (аутооператоры), противопоставленные позиции внешнего наблюдателя, которые формулирует метатермины (метаоператоры). Термины с приставкой «мета» в древнегреческом языке имели значение «следование за кем-либо» или «надстраивание над кем-либо». В этом смысле такие слова отражаются в языке.

В то же самое время нужно отметить искусственность границы между концептами и метаконцептами. Как утверждает Э. Лич: «Когда мы используем символы (вербальные и невербальные), чтобы отделить один класс предметов или действий от другого, мы создаем искусственные границы на том пространстве, которое в своем «естественном» виде является неразрывным. Это понятие границы нуждается в осмыслении» [Лич 2001: 44]. При осмыслении понятия *граница* мы переходим к вопросу когнитивной сущности, т. е. своеобразной матрицы понятий, имеющей свой центр и периферию. При активации суждений в когнитивной системе имеется ядерная модель, определяемая ценностями самой культуры. Помимо этого, есть и иной порядок – порядок внешнего наблюдателя. Так, метаконцепт РЕЛИГИЯ в «Словаре индоевропейских социальных терминов» Э. Бенвениста наполняется ценностями, формирующими концептуальное ядро [Бенвенист 1995]. В свою работу автор вносит следующие срединные ценности: ‘священное’, ‘возлияние’, ‘жертвоприношение’, ‘обет’, ‘молитва’, ‘моление’, ‘предзнаменование’, ‘предсказание’, ‘суеверие’. Эти ценности переживаются как данность субъектами культуры, а на краю системы вычленяются в тематическую группу ‘религия’.

В работе К. Армстронг отмечается различие концептов ВЕРА (утверждения, на которые полностью полагаются) и ВЕРОВАНИЯ (утверждения, принимаемые на веру). *Homo sapience* – это и *Homo religious*, поскольку люди верят в различных богов с тех самых пор, когда обрели человеческие черты. Религии появились одновременно с первыми произведениями искусства. Восприятие чудесного и таинственного, которое является неотъемлемой частью человеческого понимания мира, начинает проявляться уже в самых древних верованиях [Армстронг 2015: 7, 9]. Иными словами, когнитивная сущность субъектов культуры не имеет объективных искусственных границ.

В концептуальном содержании культуры наблюдаются парные термины, которые представляют, с одной стороны, ценности, а с другой стороны, репрезентируют метаконцепт. Такой парой является ценность ЗАКОН и метаконцепт ПРАВО. В истории русского языка известен концепт РЯД, который предшествует метаконцепту ПРАВО. Так, Э. Бенвенист (см.: [Бенвенист 1995]) в исследовании терминов права индоевропейцев сохраняет термин «право», который не является ценностным концептом, а предстает в виде метатермина, т. е. привносится извне.

В языке выявляется когнитивная дихотомия субъекта культуры и наблюдателя. Представленные нами отношения являются панхроническими и отражают становление лексикона. Так, индоевропейские тематические группы, как правило, содержат в основе метаконцепты, противопоставленные центральному или срединным концептам-ценностям.

В настоящей работе мы фиксируем парные понятия ‘вера’ и ‘религия’, ‘закон’ и ‘право’, ‘праздник’ и ‘ритуал’ и т. п. В результате возникает центрированная структура – ценность и метаконцепт.

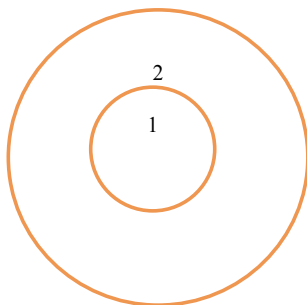

Рис. 1. Область терминов – ценностей (1) и область метатерминов – метапонятий (2)

На периферии системы обнаруживаются термины, зависимые от наблюдателя, а в центре регистрируются ценности, находящиеся во владении каждого субъекта культуры (см. рис. 1).

Таким образом, в языке актуальна дихотомия ценностей индивидуума, противопоставленная метапонятиям наблюдателя в культуре. Следовательно, содержательный уровень культуры представлен парными понятиями, зависимыми от линии восприятия терминов. Непосредственное владение понятиями и их переживаемость отвечают условиям субъекта культуры, их означивание с позиции наблюдателя представлено метатерминами. Так, ценности 'вера', 'закон', 'праздник' и т. д. принадлежат ценностям субъекта культуры, переживаемым им, тогда как 'религия', 'право' и 'ритуал' связаны с позицией наблюдателя извне.

Литература

- Армстронг К. История Бога: 4000 лет исканий в иудаизме, христианстве и исламе: пер. с англ. 6-е изд. М.: Альпина нон-фикшн, 2015.
- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр./ общ. ред. и вступ. ст. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс Универс, 1995.
- Лич Э. Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии: пер. с англ. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001.
- Степанов Ю.С., Прокурин С.Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в период двоеверия. М.: Наука, 1993.
- Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: изд.3-е, испр. и доп. М.: Академический Проект, 2004.

*S.G. Proskurin (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State University,
Novosibirsk State Technical University
A.V. Proskurina (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University*

ON THE ISSUE OF COGNITIVE ESSENCE OF CONCEPTS AND METACONCEPTS

Questions of cognitive linguistics in the aspect of cultural studies are reduced to the thematic semantic network of culture. On the one hand, culture reveals the values experienced by the individuals; on the other hand, the order of the observer is fixed with its thematic groups of metaconcepts. So we single out the value FAITH and the metaconcept RELIGION.

Key words: value, concept, observer, metaconcept, cognitive memory, boundary, performativity.

Ю.М. Разумовская (Тамбов, Россия)

*Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
julieden@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ ОСМЫСЛЕНИЯ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН (НА МАТЕРИАЛЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА)

Статья посвящена изучению прецедентных имен (далее – ПИ) с использованием метода когнитивно-матричного анализа, который позволяет представить концепт ЛИЧНОСТЬ, относительно которого осмысливается ПИ, как общую когнитивную матрицу, включающую контексты ВНЕШНОСТЬ, СТАТУС и ПСИХИКА.

Ключевые слова: феномен прецедентности, прецедентное имя, когнитивно-матричный анализ, концепт, когнитивный контекст.

Теория прецедентности – молодое направление лингвистических исследований, которое, хотя находится на стадии своего становления, приобретает все большую популярность. В предлагаемой статье изучаются прецедентные феномены, а конкретнее ПИ с точки зрения когнитивной лингвистики, «одного из самых современных направлений лингвистических исследований в мире... которое изучает когнитивную функцию языка во всех ее проявлениях, обращая особое внимание на соотношение и взаимодействие когнитивных и языковых структур» [Болдырев 2021: 14, 207]. Опираясь на исследования таких известных ученых, как Д.Б. Гудков, В.В. Красных, И.В. Захаренко, придерживаемся мысли, высказанной Д.Б. Гудковым, о том, что «ПИ входит в число вербальных или вербализуемых ПФ, вместе с которыми относится к ядерным элементам когнитивной базы» [Гудков 2020: 137].

С учетом сказанного, в статье ставится цель дать представление о структуре знания, привлекаемой при осмыслении ПИ, а также о том, какая информация оказывается востребованной при интерпретации ПИ *James Bond*. При проведении исследования используется метод когнитивно-матричного анализа, предложенный Н.Н. Болдыревым, который позволяет представить сложный концепт ЛИЧНОСТЬ. Полагаем, что осмысление ПИ происходит относительно данного концепта, «существенной чертой которого является интегративность, и, в то же время, опциональность его элементов» [Болдырев 2021: 64]. Когнитивно-матричный анализ позволяет выявить концептуальные характеристики концепта ЛИЧНОСТЬ, включающего когнитивные контексты ВНЕШНОСТЬ, ПСИХИКА И СТАТУС. Вместе с тем, опираясь на работы Л.В. Бабиной, Е.О. Паршиной, которые предложили «структурировать знание, репрезентируемое в языке именем собственным, посредством частной когнитивной матрицы, которая рассматривается как многомерная система, включающая ядерный концепт и несколько когнитивных контекстов, составляющих периферию матрицы» [Бабина, Паршина 2013: 30], мы рассматриваем концепт ЛИЧНОСТЬ как ядро частной когнитивной матрицы ПИ, контекстами которой могут быть

концепты ИСКУССТВО, НАУКА, ПОЛИТИКА, ИСТОРИЯ, ЭКОНОМИКА, РЕЛИГИЯ, СПОРТ и т. д.

Материалом данной статьи послужили ПИ, встречающиеся во французских масс-медиа – материалах газетных и журнальных публикаций, радио и телепередачах, публикациях в сети Интернет. В частности, в фокус исследования попало такое ПИ, как *James Bond*, известное представителям русского и французского лингвокультурного сообщества. Проведенное нами исследование ПИ *Джеймс Бонд* на материале русского языка [Разумовская, Бабина 2022] показало, что при его осмыслении происходит обращение к концепту ЛИЧНОСТЬ, который актуализируется относительно концептуальной области ИСКУССТВО, составляющими которой являются когнитивные контексты КИНО или ЛИТЕРАТУРА.

Нашей задачей является установить, актуализируются ли когнитивные контексты ВНЕШНОСТЬ, ПСИХИКА И СТАТУС при осмыслении ПИ *James Bond* во французском языке и какие знания попадают в фокус. Для этого рассмотрим несколько примеров:

(1) *L'ambassadeur français en Tunisie Boris Boillon, qui avait défrayé la chronique à son arrivée dans le pays après la révolution, fait la une en septembre du magazine people Tunivisions sous le titre «le James Bond de la diplomatie»?*

Costume noir et chemise blanche, petit sourire, Boris Boillon, 41 ans, nommé ambassadeur de France après la chute du régime Ben Ali en janvier, pose en Une du magazine people Tunivisions à la manière du célèbre espion 007. Interrogé sur ses qualités, l'ambassadeur énumère: «le courage et la franchise». Et son défaut? «l'impétuosité». Il dit agir selon la devise d'Henri Bergson: «agir en homme de pensée et penser en homme d'action» (L'Express).

В данном примере ПИ *James Bond* вынесено автором статьи в заголовок не случайно, оно определяет восприятие нами героя публикации и в дальнейшем раскрывается в тексте самой статьи. Языковой контекст, в котором используется ПИ *James Bond*, позволяет понять, что для его осмысления требуется обратиться к когнитивным контекстам ВНЕШНОСТЬ и ПСИХИКА концепта ЛИЧНОСТЬ, рассматриваемому относительно контекста ИСКУССТВО матрицы ПИ. При осмыслении ПИ относительно когнитивного контекста ВНЕШНОСТЬ в фокус внимания попадают характеристики 'атрибуты внешности – черный костюм и белая рубашка'. При интерпретации учитываются знания о том, что Джеймс Бонд – стильный, представительный мужчина, носит модные костюмы и одет всегда с иголочки.

При осмыслении ПИ *James Bond* относительно контекста ПСИХИКА актуализируется характеристика 'поведение'. В психологии выделяют факты поведения: 1) все внешние проявления физиологических процессов, связанных с состоянием, деятельностью и общением людей – поза, мимика, интонации и пр.; 2) отдельные движения и жесты; 3) действия как более крупные акты поведения, имеющие определенный смысл; 4) поступки – еще более крупные акты, как правило, имеющие общественное, социальное значение и связанные

с нормами поведения, отношениями, самооценкой и пр. [ПС 2003: 343]. Основываясь на этом, 'легкая улыбка' является одним из фактов поведения, характеризующего героя. Также выделяется концептуальная характеристика 'личностные качества', то есть так называемые «персональные «атрибуты» человека, влияющие на все возможные аспекты его жизнедеятельности [Ведмеш]. Как известно, герой Джеймса Бонда – решительный, бесстрашный человек, поэтому при упоминании в статье таких личностных качеств, как 'мужественность', 'откровенность', 'стремительность' мы транслируем эти качества на Посла Франции в Тунисе Бориса Бойона. При изучении нами ПИ *Джеймс Бонд* на материале русского языка в фокус исследования попадали такие личностные качества, как 'уверенность в себе', 'мужественность', 'элегантность' и другие.

Рассмотрим пример из статьи в французского автора Риты Сантуриан, в которой ПИ *James Bond* привлекается для характеристики Президента России Владимира Владимировича Путина.

(2) *Poutine: les meilleures photos du James Bond russe*

Il s'appelle Poutine, Vladimir Poutine. Dimanche 7 octobre, le président russe a fêté ses 60 ans. L'occasion pour Planet.fr de faire un album photo de cet ancien agent du KGB qui aime se mettre en scène. Voici ses meilleurs clichés (Santourian R. Poutine : les meilleures photos du James Bond russe).

Статья автора сопровождается фотографиями, на которых В.В. Путин едет на лошади, стреляет в тире, управляет танком, летает с птицами на аэроплане, играет на пианино и т. д.

Для анализа ПИ *James Bond* в этом случае мы рассмотрим два способа подачи информации – вербальную и невербальную, визуальную. Обе эти формы репрезентации текста отсылают нас к когнитивным контекстам СТАТУС и ПСИХИКА концепта ЛИЧНОСТЬ.

При осмыслении ПИ относительно когнитивного контекста СТАТУС прежде всего актуализируется характеристика 'профессиональный статус'. Мы активизируем эту характеристику в своем сознании, вспоминая, что Джеймс Бонд – успешный секретный агент британской разведки. Герой материала ассоциируется в нашем сознании с литературным персонажем, придуманным Яном Флемингом, так как Владимир Владимирович Путин в 1985-1990 годах работал в ГДР по линии Первого главного управления КГБ, которое отвечало за внешнюю разведку. Кроме этого, внимание читателя фокусируется на характеристике 'национальный статус', а именно русский.

Для интерпретации ПИ *James Bonde* относительно контекста ПСИХИКА активизируется 'личностная характеристика – умения'. Умение, которое относится к личностным качествам – «освоенный субъектом способ выполнения действия, обеспечиваемый совокупностью приобретенных знаний и навыков. Формируется путём упражнений и создаёт возможность выполнения действия не только в привычных, но и в изменившихся условиях» [ПС 2003: 533]. Визуальная составляющая статьи иллюстрирует умения В.В. Путина – управлять танком, нырять с аквалангом, водить мотоцикл, заниматься

спортом. При интерпретации ПИ *James Bonde* таким образом учитываются знания о том, что Бонд обладает отличными физическими качествами, преуспевает в одиночных видах спорта, таких как стрельба, дайвинг и плавание. Бонд отлично водит машину и управляет не только мотоциклом, но и субмариной. Особый интерес вызывает тот факт, что агент 007 – исключительно искусный мастер боевых искусств. Он является экспертом в различных видах боевых искусств, включая дзюдо, айкидо. На фото в статье, где В.В. Путин занимается борьбой дзюдо, есть подпись о том, что он является чемпионом по этому виду спорта. Таким образом, контексты СТАТУС и ПСИХИКА раскрываются в публикации при помощи вербальных и невербальных ее компонентов.

Подводя итог исследования, можно сделать вывод о том, что осмысление ПИ требует обращение к сложному концепту ЛИЧНОСТЬ, который выступает как ядро частной когнитивной матрицы ПИ. Интерпретация ПИ *James Bond* относительно данного концепта обеспечивается активизацией характеристик контекстов ВНЕШНОСТЬ, ПСИХИКА И СТАТУС. И во французском, и в русском языках ПИ актуализируются характеристики ‘атрибуты внешности’, ‘личностные качества’, ‘поведение’, ‘социальный статус’.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.
- Ведмеш Н.А.* Качества личности. Психология и психиатрия. URL: <https://psihomed.com/kachestva-lichnosti/>.
- Гудков Д.Б.* Прецедентноеимя и проблемы прецедентности. М.: ЛЕНАНД, 2020.
- Паршина Е.О.,* Бабина Л.В. Имена собственные в функции нарицательных в английском языке. Когнитивно-дискурсивный аспект. Saarbrucken, Deutschland: LAP LAMBERT ACADEMIC Publishing, 2013.
- ПС – Психологический словарь / авт.-сост. В.Н. Копорулина, М.Н. Смирнова, Н.О. Гордеева, Л.М. Балабанова. Ростов-на-Дону: Феникс, 2003.
- Разумовская Ю.М.,* Бабина Л.В. Когнитивные основы изучения прецедентных имен (на материале русского языка) // Когнитивные исследования языка. 2022. № 2 (49). (в печати).
- Par L'EXPRESSION.fr avec AFP. Tunisie: Boris Boillon, “le James Bond de la diplomatie?” // L'Express, 15.09.2011. URL: https://www.lexpress.fr/actualite/politique/tunisie-boris-boillon-le-james-bond-de-la-diplomatie_1030693.html
- Rita Santourian.* Poutine: les meilleures photos du James Bond russe // Planet.fr., 08.10.2012. URL: <https://www.planet.fr/international-poutine-les-meilleures-photos-du-james-bond-russe.253618.29335.html>

Yu.M. Razumovskaya (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

PECULIARITIES OF CONCEPTUALIZATION OF PRECEDENT NAMES (BASED ON THE FRENCH LANGUAGE)

The article is devoted to the study of precedent names (hereinafter PN) using the method of cognitive-matrix analysis, which allows presenting the concept PERSONALITY, in relation to which PN is conceptualized, as a general cognitive matrix, including the contexts APPEARANCE, STATUS and PSYCHE.

Key words: precedent phenomenon, precedent name, cognitive matrix analysis, concept, cognitive context.

В.В. Робустова (Москва, Россия)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
nikarbs@yandex.ru

ОНОМАСТИЧЕСКИЙ ФРЕЙМ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНОГО КОНТЕКСТА²³

Имена собственные способны репрезентировать определенные фреймы и служить вектором восприятия и интерпретации как конкретного текстового отрывка, так и произведения в целом. В статье представлен анализ фрейма «Хитклифф – Кэтрин», рассмотрены траектории формирования контекстуального значения онима, его влияния на конструирование образа нового героя (мистера Дарси) и роль энциклопедического значения имени в тексте.

Ключевые слова: ономастический фрейм, развитие энциклопедического значения, оним.

Форматы знания и способы его представления в языке продолжают находиться в фокусе внимания когнитивной лингвистики. Способность языковой единицы репрезентировать определенную информацию о реальном мире, осуществлять функцию его оязыковления, тем самым позволяя строить успешную коммуникацию и транслировать накопленный опыт из поколения в поколение, подчеркивают актуальность анализа текстовой коммуникации, особенно в межкультурном аспекте.

Имя собственное представляет собой уникальную языковую единицу, обладающую как языковым, так и энциклопедическим (внеязыковым) значением. Выделение энциклопедического значения онимов находим в работах О. Есперсена, А.В. Суперанской, Н.В. Васильевой, М.В. Голомидовой, Е.Ф. Косиченко и других авторов. В процессе знакомства с именами собственными, что происходит немного позже, чем с именами нарицательными, наша когнитивная база обогащается культурно-маркированной лексикой и информационно-ассоциативный потенциал онима тоже расширяется по мере обогащения его энциклопедической информацией и ее трансформации в знание у конкретного субъекта коммуникации.

Языковое значение имени собственного характеризуется статикой, в то время как его энциклопедическое значение подвержено динамике под воздействием коммуникативного контекста и реально происходящих событий. Энциклопедическое значение онима развивается по спирали, исходное информационное поле расширяется и инкорпорирует новые значения, приобретает новые смыслы и оттенки. Чем более известно имя, тем богаче его энциклопедическое значение, становясь прецедентным оно способно функционировать в качестве имени для других субъектов / объектов коммуникации, сохраняя исходный семантический потенциал.

В структуре художественного текста онимы играют особую роль, так как очень часто они емко и четко репрезентируют героя или определенную его

²³ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

черту, служат в качестве дескрипторов, а иногда и контекстообразующих элементов. Энциклопедическое значение имени выходит на первый план, его изучение (наличие знаний о нем) необходимо для адекватной интерпретации его использования в тексте, корректной коммуникации. В некоторых работах можно встретить термин «ономастическая информация», под которым понимают «имеющийся (или формирующийся) у говорящего комплекс знаний о СИ, куда входят информация о СИ как языковой единице, информация о носителе СИ, а также ассоциации/коннотации, которыми обладает данное СИ для отдельного носителя языка и/или для данного лингвокультурного сообщества» [Васильева 2008: 29-30]. Здесь присутствует объединение языкового и неязыкового аспектов значения, что вполне оправдано, так как без учета ономастической информации использование имени в дискурсе в качестве непрямого номинации практически невозможно.

Э. Ханзак писал о том, что имя собственное связано не с объектом, а с информацией об объекте. Данное утверждение представляется нам несколько двояким, так как при использовании имени в его не прямой функции номинации апелляция происходит именно к ономастической информации, но данная информация должна сначала сформироваться. Ребенок начинает использовать онимы в привязке к определенному субъекту/объекту номинации, то есть в сознании малыша идет апелляция к объекту номинации, а не к информации о нем, объем которой может оставаться минимальным, если не происходит дальнейшего знакомства с объектом номинации. Следовательно, в первичной функции наречения имя связано с объектом, во вторичной (непрямой) номинации уже с информацией о нем.

Н.В. Васильева применяет информационную модель онима к исследованию текста, что «имеет целью представить СИ в мире текста как ономастическую информацию, которая составляет часть общего информационного поля текста» [там же: 30-31]. С этой точки зрения ономастическая информация объективирует память культуры, под которой понимаем «совокупность различных семиотических средств, способных сохранять информацию или являться ее носителем, и, в особенности, совокупность всех письменных памятников, или письменных источников (текстов, произведений, сообщений и прочее), сохранившихся и сохраняемых в культуре как таковой (принимая во внимание ее национальное многообразие)» [Иванов 1999: 562].

Имя собственное характеризуется наличием обширной энциклопедической информации, актуализация которой способна задавать вектор интерпретации текста. Приведем пример, в котором вся ситуация первой встречи героев описывается через отсылку к образам, живущим в других романах, и отсылка реализуется с помощью имени собственного, именно оно помогает открыть «файл» с необходимой информацией. *“It struck me as pretty ridiculous to be called Mr Darcy and to stand on your own looking snooty at a party. It’s like being called Heathcliff and insisting on spending the entire evening in the garden, shouting “Cathy” and banging your head against a tree”* (Fielding H. Bridget Jones’s Diary).

Для создания образа героя и описания первой встречи автор использует прецедентные имена Mr. Darcy, Heathcliff, Cathy, каждое из которых актуализирует в нашей памяти образ исходного носителя данного имени. В случае с мистером Дарси актуализирован образ героя из романа Дж. Остин «Гордость и предубеждение». Герой произведения Х. Филдинг носит то же имя и его портретизация осуществляется на основе постоянного сравнения с исходным Дарси, что добавляет юмор и комичность в повествование. Данная функция реализуется только при условии существования в когнитивной базе реципиента соответствующей информации, то есть его знакомства с романом или хотя бы с экранизацией романа. Мистер Дарси относится к прецедентным именам и широко известен во многих странах.

В случае использования имен Хитклифф и Кэтрин автор использует прямую отсылку к исходным персонажам, имена которых используются для создания контекста, и, в определенной степени, реализации иронической функции. Для декодирования информации, стоящей за именем собственным, необходимо знакомство с романом Э. Бронте «Грозовой перевал», который чуть меньше известен в России, хотя в Великобритании и США все три имени отнесутся к национально-прецедентным. Использование имен Хитклифф и Кэтрин реализует одну из когнитивных форм представления наших знаний, а именно фрейм. «В центре внимания фреймовой семантики как лингвистической концепции находится изучение зависимости языкового значения от познавательного опыта человека» [Болдырев 2019: 376]. Наш пример как нельзя лучше иллюстрирует приведенный постулат, в отсутствии «познавательного опыта» значение онима не актуализируется. Использование фреймового анализа для исследования особенностей реализации семантического потенциала имен собственных, а также изучения их функционирования в художественном тексте представляется особенно актуальным. «Фреймовый анализ направлен на изучение многокомпонентного знания, между элементами которого обнаруживаются более сложные отношения: ассоциативные, иерархические или пропозициональные» [там же: 377].

Если вернуться к трактовке фрейма как смысловой рамке, используемой человеком для понимания чего-либо, представляется возможным говорить об ономастическом фрейме, а именно фрейме, вербализованном именами собственными, и задающем тем самым определенное понимание, вектор осмысления ситуации. Использование ономастических фреймов находим в произведении В. Аленикова «Каникулы Петрова и Васечкина». Первая глава называется «Хулиган (почти по Гоголю)» и уже в первых строках произведения мы читаем, что в лагерь едет хулиган, и все готовятся к его встрече. Мгновенно актуализируется содержание романа Н.В. Гоголя «Ревизор» и задается соответствующий фрейм восприятия книги В. Аленикова. Безусловно, для актуализации соответствующего фрейма необходимо его наличие, а именно его сформированность путем знакомства с книгой Н.В. Гоголя. При отсутствии соответствующей информации, фрейм не будет актуализирован. Вторая глава

книги названа «Рыцарь (почти по Сервантесу)». Здесь мы тоже встречаемся с конкретным фреймом, объективированным именем собственным.

Еще в работах Г.В. Колшанского ставилась проблема значения самой языковой единицы или ее контекстного окружения. «В так сказать обнаженной формулировке эта проблема может быть представлена как альтернатива – или значение рождается в контексте, или сам контекст определяется значением входящих в него элементов» [Колшанский 2020: 23]. В приведенном выше примере из романа Х. Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» интерпретация семантического потенциала онимов скорее идет по первому пути: мистер Дарси, Хитклифф, Кэтлин задают рамку осмысления нового произведения, актуализируя свою исходную ономастическую информацию (из произведений первоисточников). Однако следующий пример иллюстрирует обратную картину: “*Oh, darling, you can't go around with that tatty green canvas thing. You look like some sort of Mary Poppins person who's fallen on hard times. Just a little compact case with a pull-out handle*” (Fielding H. Bridget Jones's Diary). В данном случае значение онима Мэри Поппинс сужается благодаря контексту высказывания, подчеркивается старомодность, а не ее эlegantность и изысканность.

В русском лингвокультурном пространстве образ Мэри Поппинс чаще всего ассоциируется с фразой из песни «Вы само совершенство», и нам, в отсутствие контекста, употребление данного имени не будет понятно. В Оксфордском словаре аллюзий присутствует Мэри Поппинс и объективирует категорию Wholesomeness. “*Mary Poppins is the name of the Edwardian nanny with magical powers who appears in the series of children's books by P.L. Travers. It is probably Julia Andrew's portrayal of the character in the film musical Mary Poppins (1964) that caused the character's name to become a byword for unflinching cheerfulness and somewhat saccharine wholesomeness*” [Delahunty et al. 2001: 414]. Словарь дает близкое к русскому варианту аллюзивное значение, но именно контекст профилирует конкретное значение в примере выше и позволяет не только реализовать ироническую функцию, но и в целом прибавить штрихи к портрету главной героини. Следует отметить, что все имена собственные, которые используются в дискурсе героини, создают ее портрет, подчеркивают ее интересы, образованность, круг общения и т. д.

Использование фреймового анализа для исследования семантической специфики имен собственных открывает новые горизонты исследования, помогает адекватно интерпретировать замысел автора и выстроить успешную коммуникацию.

Литература

- Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский дом ЯСК, 2019.
- Васильева Н.В. Собственное имя в мире текста. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
- Иванов В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 1. М.: Языки русской культуры, 1999.
- Колшанский Г.В. Контекстная семантика. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020.
- Delahunty A., Dignen Sh., Stock P. The Oxford Dictionary of Allusions. Oxford University Press, 2001.
- Fielding H. Bridget Jones's Diary. London, Picador, 1998.

*V.V. Robustova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

ONOMASTIC FRAME AS A MEANS OF FORMING COGNITIVE CONTEXT

Proper names represent certain frames and serve as a vector of perception and interpretation of both a particular text passage and the work as a whole. The article presents the analysis of the “Heathcliff – Catherine” frame, considers the directions of the formation of the contextual meaning of the onym, its influence on the construction of a new hero image (Mr. Darcy) and the role of the encyclopedic meaning of the name in the text.

Key words: onomastic frame, development of encyclopedic meaning, onym.

*С.В. Русанова (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
rusanowa_7@mail.ru*

О ПРЕДПОСЫЛКАХ И ЯЗЫКОВОМ ОПЫТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КНИЖНО-СЛАВЯНСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ В ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Опираясь на научные положения о языковых средствах как индикаторах социальных и культурных позиций коммуникантов, автор статьи исследует языковую специфику малоизученных внешнеполитических актов первой четверти XVIII в. и предлагает иную интерпретацию некоторых языковых фактов, связанных с процессом славянизации официально-делового языка в Петровскую эпоху.

Ключевые слова: история русского литературного языка, деловой язык, международный юридический документ, интерпретация.

Мысль о том, что языковые выражения приобретают конкретное значение и смысл только в рамках определенной концептуальной системы [Болдырев 2011], особенно актуальной становится при изучении исторических аспектов функционирования языка.

В.М. Живов, исследуя проблемы предыстории и истории русского литературного языка XVIII в., акцентирует внимание на важности реконструкции интерпретаций, «с которыми имели дело устроители нового литературного языка». Ученый подчеркивает, что языковые элементы в сознании пишущих и говорящих существует «не как абстрактные средства коммуникации, а как индикаторы социальных и культурных позиций» [Живов, 1996: 17]. И далее: «Языковая деятельность неотделима от ее интерпретаций, а символическое (культурологическое) измерение языка создается из герменевтических пластов, накапливающихся в его истории» [Там же]. Все это обуславливает вовлеченность истории языка в социальные и культурные процессы.

Интересными в этом отношении представляются официально-деловые документы Петровской эпохи, свидетельствующие о повышении языковой

познавательной деятельности носителей русского языка, и прежде всего законодателей и делопроизводителей, и усилении интерпретирующей функции языка.

Семиотически значимой особенностью делового языка Петровской эпохи является его «славянизация», т. е. введение в языковое пространство делового текста элементов церковнославянского языка. Данная особенность признается одним из ключевых отличий, противопоставляющих его приказному письменному узусу XVII в., в который «славянизмы не допускались» [Майоров 2009: 72]. Усвоение деловым языком книжных форм традиционно связывается с распорядительной документацией первой половины XVIII в., что логично, т. к. мотивируется установкой Петра Великого регламентировать указами любые реформаторские начинания. Затем под влиянием законодательных актов, выполняющих, помимо директивной, кодифицирующую функцию, книжно-славянские элементы проникают в региональную деловую письменность [Кудрявцева 2007, Майоров 2006].

Однако, по нашим наблюдениям, самыми ранними документами, отражающими процесс славянизации делового языка в начале XVIII в., являются не внутривластные директивные документы, а связанные с межгосударственными отношениями акты, количество которых резко увеличилось в силу активизации внешней политики в период правления Петра I. См.: (ПСЗ 1830: IV, № 1804, 1700 г.); (ПСЗ 1830: IV, № 1824, 1701 г.); (ПСЗ 1830: IV, № 1934, 1703 г.); (ПСЗ 1830: IV, № 1985, 1704 г.) и др. Именно в подобных документах, наряду с приказными элементами, уже в первые годы XVIII в. обнаруживаются славянизмы в роли новых стилиобразующих средств деловой письменной коммуникации, среди которых такие яркие средства синтаксической организации текста, как указательные местоимения *оной, сей* и подчинительные союзы *понеже, дабы, ежели*, известные деловой письменности на протяжении всего столетия. Сравните:

Дабы (здесь и далее в примерах курсив мой – С.Р. Графика приводится в соответствии с современной кириллицей) путешествующих и торговых людей; село *да построится; понеже* обоей стороны намерение есть (ПСЗ 1830: IV, № 1804, 1700 г., с. 68); Если онъ желалъ получить согласия на таковыя условия, то ему следовало бы предложить *оныя* заранее; *дабы* поступить по Христиански <...> дань будетъ свободный пропускъ безъ осмотра (ПСЗ 1830: IV, № 1985, 1704 г., с. 260).

В документах, обслуживающих внутривластные отношения, активное использование книжно-славянских стилистических средств приходится на второе десятилетие:

<...> *дабы* впредь о томъ никакия жалобы не произошли, и *ежели* кто същется въ такомъ воровстве после (из именного указа – ПСЗ 1830: V, № 3005, 1713 г.); *Того ради* Вашему Высокоблагородию всепокорно предлагаю, *дабы* о томъ в *вышеупомянутые* Губернии <...> повелеть (из доношения – ПСЗ 1830: V, № 2659, 1713 г.); *Понеже* юфть, которая употребляется на обуви, весьма

негодна есть къ поношению, *ибо* делается съ дегтемъ <...>, *того ради оную надлежитъ* делать съ ворваннымъ саломъ и инымъ порядкомъ (из именного указа – ПСЗ 1830: V, № 2949, 1715 г.); *дабы* расколыщиковъ, какъ мужескъ поль, такъ и женскъ переписать; *ежели* (*паче чаяния*) расколыщики по се время еще у васъ непереписаны и податями необложены (из именного указа – ПСЗ 1830: V, № 2996, 1716 г.).

Появление книжно-славянских элементов в первую очередь в международных актах представляется закономерным, т. к. подобное употребление имеет предпосылки, опирается на языковой опыт, накопленный в данной сфере деятельности в предыдущий период, о чем свидетельствует язык внешнеполитических документов второй половины XVII в. Как показывают исследования, стандартный приказный язык, ярким образцом которого может быть названо Соборное уложение 1649 г. царя Алексея Михайловича [Ремнева 2003], и язык документов, обслуживающих международные отношения, существенно отличались [Русанова 2022]. Составители внешнеполитических документов, коими были прежде всего служащие Посольского приказа, будучи ориентированными на межъязыковую и межкультурную коммуникацию, обязанные учитывать дипломатический этикет и маркировать государственную значимость принимаемых решений, использовали для этих целей средства книжно-славянского языка. Кроме того, лексико-синтаксические ресурсы книжного языка обладали большим потенциалом для передачи синтаксической организации и лексического наполнения западноевропейских юридических текстов, нежели ресурсы приказного языка.

Сказанное позволяет несколько иначе интерпретировать известные советы Петра I своим переводчикам брать за образец приказной язык, и, в частности, ориентироваться на язык Посольского приказа. Речь идет прежде всего о требованиях Петра I, выраженных официально М.А. Мусиным-Пушкиным в письмах Федору Поликарпову и Гаврилу Бужинскому, переводчикам соответственно «Географии генеральной» Б. Варения и книги «Разговоры дружеские. Дезидерия Ерасма»: «... посылаю къ тебе и Географию переводу твоего, которая за неискусствомъ либо какимъ переведена гораздо плохо: того ради исправь хорошенько не высокими словами славенскими, но простымъ русскимъ языкомъ. <...> Со всемъ усердиемъ трудися, и высокихъ словъ славенскихъ класть не надобя, но Посольского приказу употреби слова»; «чтобы исправиль и речения бь клать некоторыя русскимъ обходительнымъ языкомъ» (цит. по: [Камчатнов 2005: 271]).

Комментируя данные высказывания, А.М. Камчатнов, делает вывод о том, что «простой» язык – это чисто отрицательное понятие, означающее «скорее отсутствие в тексте тех или иных языковых элементов, которые осознаются как специфически книжные и притом устарелые, чем положительную систему языковых средств, способную как-то иначе выразить какое-либо содержание, чем традиционный славянский язык» [Камчатнов 2005: 272]. То же отрицательное значение, по мнению ученого, имеет отсылка к приказному языку, который,

будучи лексически бедным, однотонным по содержанию и лишенным эмоциональности, «мог иметь значение только отрицательного образца, т. е. такого письменного языка, в котором не употребительны специфически книжные грамматические формы и конструкции» [Камчатнов 2005: 272]. Такая трактовка представляется несколько прямолинейной. Рекомендую переводчикам опираться на «простой, обходительный русский язык», Петр I действительно ориентирует их на разговорный узус: язык реформ должен быть «вразумительным» и «внятным». Однако отсылка Петра I и его соратников как к образцовому к языку документов Посольского приказа, апробировавшему, как показали исследования, использование в рамках одного текста приказных и книжно-славянских элементов с учетом коммуникативных интенций и жанрово-стилистической мотивированности, не позволяют относиться к «приказному языку» как однородному языковому пространству, не знавшему специфических книжных элементов. Показательны в этом отношении значения лексемы *обходительный* в «Словаре русского языка XVIII в.»: «1. Связанный с принятым обхождением, обращением людей друг с другом. 2. Учтивый, предупредительный в обхождении с людьми» (СРЯ XVIII, вып. 16, с. 105).

Об интерпретации законодателями церковнославянских элементов как семиотически значимых единиц формирующегося в Петровскую эпоху делового языка нового типа позволяет говорить последовательное расширение круга официальных документов в первые десятилетия XVIII в., в которых текстостилеобразующую функцию выполняют книжно-славянские средства.

Литература

- Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
- Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.
- Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI – первая половина XIX века. М.: Издательский центр «Академия», 2005.
- Кудрявцева Е.А. Элементы церковно-славянской традиции в деловой письменности начала XVIII века (на материале памятников Туруханского Троицкого монастыря): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2007.
- Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2006.
- Майоров А.П. Славянизмы в деловом языке 1-й половины XVIII века // Филологические науки. 2009. № 4. С. 29–37.
- ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи, в 45 т. ТТ. IV, V. СПб.: В Тип. 2-го Отдния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1830.
- Ремнева М.Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 2003.
- Русанова С.В. Книжно-славянские элементы в языке международных юридических документов Московской Руси второй половины XVII века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 109–115.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 16. СПб.: Наука, 2006.

*S.V. Rusanova, (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University*

TO THE BACKGROUND AND LINGUISTIC EXPERIENCE OF USING CHURCH SLAVONIC ELEMENTS IN THE BUSINESS LANGUAGE OF PETER THE GREAT PERIOD

The article explores the linguistic specifics of the poorly studied international legal documents related to the first quarter of the XVIII century. The research is based on the scientific points about linguistic means as indicators of the communicants' social and cultural position. As a result, the author offers a different interpretation of some linguistic facts referred to the process of Slavification of the official business language in Peter the Great period.

Key words: history of Russian literary language, business language, international legal document, interpretation.

*И.Ю. Рябова (Екатеринбург, Россия)
Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева
i.y.rjabova_3012@mail.ru*

ВТОРИЧНЫЙ ПРАВОВОЙ ТЕКСТ КАК ЭЛЕМЕНТ ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

В фокусе внимания находится текст художественного произведения, функционирующий на стыке двух дискурсов – правового и художественного. Объектом исследования является вторичный правовой текст, репрезентирующий в художественном произведении правовую историческую реальность. Ключевая характеристика вторичного текста – его имитационно-пародийная природа.

Ключевые слова: художественно-правовой дискурс, литературное произведение, формально-содержательная структура, вторичный текст, трансфер знания.

Формированию художественно-правового дискурса, в том числе нашедшему отражение в романной прозе, способствуют социально значимые исторические предпосылки: во-первых, интенция автора текста «осветить» острые проблемы «закрытой» юридической сферы в широких кругах общественности с целью их дальнейшего разрешения; во-вторых, вовлеченность писателя в своей профессиональной деятельности в обе сферы одновременно позволяет доподлинно осуществить трансфер знания из одной концептуальной области (правовой) в область литературного творчества (словесно-художественную).

Материал исследования – роман Ч. Диккенса «Холодный дом» (1853 г.), сюжет которого строится вокруг полувековой судебной тяжбы «Джарндисы против Джарндисов». Знание о положении дел в Канцлерском суде Англии (Chancery Court) в первой половине XIX в. «вплетается» в ткань художественного произведения в формате вторичного текста (текста о правовой действительности в его художественном «оформлении») на различных уровнях

формально-содержательной организации литературного произведения: фабульно-сюжетном, лексико-семантическом, структурно-синтаксическом.

Предмет исследования – специфика «включения» вторичного правового текста в нарративное пространство художественно-правового дискурса.

Цель работы – проследить корреляционные связи между правовой исторической реальностью и результатом ее художественной обработки и выявить инструменты языковой и текстовой репрезентации правового знания в романе.

Концепция настоящего исследования основывается на нарративной модели художественно-правового дискурса, базирующейся на прототексте – первоочередном официальном документе, фиксирующем конкретную правовую доктрину, и «белом знании» автора текста («тот, кто насмотрен и заслушан»), полученном в рамках профессиональной деятельности и жизненного опыта (подробнее см.: [Крюкова 2021: 53]). М. Мэтьюз замечает: «Критика Чарльза Диккенса в адрес юристов и судов была основана на его собственном опыте работы с правовой системой...» [Matthews 2015].

В произведении с доминантной юридической сюжетной линией в качестве содержания выступает «вторично» отраженная правовая реальность. «Вторичность» не имеет оценочного значения: «творчески отбирая и перерабатывая жизненный материал, он (автор) создает новую действительность – действительность сотворенного им художественного мира» [Вербицкая 2000: 74]. Так, М. В. Вербицкая понимает вторичный текст как «особое художественно-речевое явление», обладающее двумя свойствами – «имитационностью и стилистической несамостоятельностью» («сохранение семиологически релевантных знаков стиля оригинала», т. е. прототекста) [Вербицкая 2000: 53]. В данном исследовании *вторичный текст* – совокупность «вкраплений» правовой тематики, проявляющих свою имитационно-пародийную природу и «просвечивающих» прототекст.

Вторичный текст в романе Ч. Диккенса претендует на статус полноценного имитационного интекста – «включения, обладающего относительной целостностью и самостоятельностью, заимствующего черты и функции жанров, отличных от жанра включающего его текста. Имитационный интекст обладает особым композиционным статусом, часто являясь организующим центром композиции центра рассказа...» [Стырина 2005].

В процессе «включения» в «первичный» художественный текст коммуникативных ситуаций из правовой области изменяется структурная организация целого произведения, который становится адаптивной средой для актуализации знания правового. И.В. Арнольд замечает следующее: «Адаптивная система – самонастраивающаяся система, приспособляющаяся к условиям своего функционирования не только путем обогащения своего состава, но и путем изменения самой своей структуры» [Арнольд 1999: 94]. В этой связи формально-содержательная организация текста, функционирующего на стыке двух дискурсов, модифицируется в зависимости от выполняемых ею функций. На уровне фабульно-сюжетного построения текста уникальная структура

романа создает условия для сосуществования и «переключки» двух сюжетных линий – юридической и бытийной. На лексико-семантическом уровне интеграция языковых маркеров юридического дискурса и единиц художественного текста, взаимодействие элементов разных стилей речи – художественного и официально-делового – в процессе реализации коммуникативного аспекта (судоговорение и речевое поведение героев при дознании) обогащают интерпретационный потенциал вторичного текста. На структурно-синтаксическом уровне отчетливо проявляется имитационная функция вторичного текста, результирующая в «цитатности» при создании литературной пародии.

Языковые формы вторичных правовых «вкраплений» в романе включают прямую цитату, скрытую цитату, сноску, авторский комментарий и др. Частными приемами актуализации их зрительного восприятия являются прием «закавычивания» и рамочные конструкции. В качестве текстовых приемов репрезентации вторичных фрагментов выступают перебивка повествовательных ракурсов и коллажность повествования. Обратимся к иллюстрации того, как выявленные приемы способствуют становлению вторичного текста как уникального элемента структуры и приобретению им конституирующего признака в литературном произведении.

Прием перебивки повествовательных ракурсов – особый механизм перспективизации в романе, а именно «смещения фокуса в сторону личностного восприятия мира и его отражения в системе языка» [Петрова 2017: 136]. Взяв Эстер, одну из главных героинь романа, в соавторы (половина книги написана от ее лица), Ч. Диккенс дает возможность читателю «войти в жизнь сломленных обществом жертв; зато в других главах, где повествование ведет автор, он увидит в совокупности систему травли и преследований» [Уилсон 1975: 86]. Подобная техника создает мощный эффект отстранения.

Текстовые фрагменты, маркированные темой судопроизводства, представлены в романе на фоне повседневной жизни героев. Такого рода клиповый характер наррации «ведет к всеобъемлющей и спорадической циркуляции инаковости в дискурсе, в итоге, к гетерогенному тексту, понятому как перемешивание всевозможных фрагментов» [Пьеге-Гро 2008: 27]. Хаотическое сцепление тематически, на первый взгляд, разрозненных микро-событий позволяет умозаключить о том, что обыденная жизнь героев насквозь пропитана правовыми вопросами.

Отметим, что в работе научный вектор исследования направлен от художественного произведения в сторону историко-литературного поиска с целью получения подтверждающих наши выводы фактов. Так, Дж. Фостер, лучший друг писателя, указывает на реалистическую концепцию создания Диккенсом персонажей: «The case of Gridley is in no essential altered from one actual occurrence...» [Foster 1904: 144]. Он также дает сноску, указывая на человека – эсквайра (почетный титул в Великобритании: чиновник, занимающий должность, связанный с доверием правительства) – того, кем была представлена писателю информация: «By W. Challinor Esq. of Leek in Staffordshire...» [Foster

1904: 144]. Скрытая цитация как маркер интертекстуальности, согласно Р. Барту, – «общее поле анонимных формул, происхождение которых редко можно обнаружить, бессознательных или автоматических цитат, даваемых без кавычек» [Barthes 1973: 12].

Уникальным диккенсовским приемом моделирования прообраза конкретной персоналии выступает «закавычивание», когда, заимствуя образ Гридди из жизни – из записей эсквайра W. Chancellor, – автор использует для него обозначение «человек из Шропшира»: ... *Go into the Court of Chancery yonder and ask what is one of the standing jokes ... they will tell you that the best joke they have is “the man from Shropshire”*. “I,” he said, ...am “*the man from Shropshire*” (Dickens Ch. Bleak House).

Иронично-саркастический авторский комментарий представлен в романе посредством рамочной конструкции (с помощью «тире»). Обратимся к фрагменту разговора поверенного мистера Гаппи и светской особы Миссис Дедлок: – *That your ladyship would have the kindness to oblige me with a little conversation... I did not mention to your ladyship the name of the firm with which I am connected and in which my standing – and I may add income – is tolerably good* (Dickens Ch. Bleak House). Авторское замечание *I and may add income* коррелирует с архивными официальными документами исторической эпохи, свидетельствующими о хорошем жаловании и выплатах судейским [Chancery Commission 1826: 45]. Единицы официально-делового стиля (*your ladyship, would have kindness to oblige me*) имеют знаковый характер, как для вторичного правового текста, так и для всего произведения, маркируя специфику коммуникативного аспекта, характерного для первой половины XIX века.

Сноски с объяснением реалии правовой области, уточнения механизма функционирования правового принципа и под., которые даются Ч. Диккенсом на страницах романа, также становятся видом внутриязыкового художественно-правового «перевода» с целью устранения когнитивных помех в понимании идейно-художественного своеобразия романа.

В процессе создания «ремейка» исторической действительности дискурс права, нашедший отражение в феномене вторичного текста, пронизывает всю формально-содержательную структуру романа. Становится возможным вынести на всеобщее обозрение острые проблемы «закрытой» юридической сферы, проследить формирование речевого портрета представителя судебной власти, систематизировать знание о причинах хаоса в Канцлерском суде и о его пагубном влиянии на судьбы людей.

Литература

- Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность: сборник статей. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999.
- Вербицкая М. В. Теория вторичных текстов. Москва: МГУ, 2000.
- Крюкова Е. В. Типы и функции палимпсеста в юмористическом фэнтези: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2021.
- Петрова Н. Ю. Принципы и стратегии перспективизации в драматическом тексте: дис. ... д-ра филол. наук. Москва, 2017.

- Пьеге-Гро Н.* Введение в теорию интертекстуальности. М.: Издательство ЛКИ, 2008.
- Стырина Е. В.* Имитационный интекст как инструмент интертекстуальности: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2005.
- Уилсон Э.* Мир Чарльза Диккенса. Москва: Прогресс, 1975.
- Barthes R.* Texte // Encyclopedia universalis. Vol. 15. 1973.
- Chancery Commission – Copy of the report made to His Majesty by the commissioners appointed to inquire into the practice of Chancery. London, 1826.
- Dickens Ch.* Bleak House I. Moscow: T8 RUGRAM, 2018.
- Foster J.* The life of Charles Dickens. London: Chapman & Hall, 1904.
- Matthews M.* Law Meets Literature, 2015. URL: <https://www.mimimattthews.com/> 2015/04/06/law-meets-literature-bleak-house-and-the-british-court-of-chancery/

I.Y. Ryabova (Ekaterinburg, Russia)
Ural State Law University named after V.F. Yakovlev

SECONDARY LEGAL TEXT AS AN ELEMENT OF THE FORMAL AND INFORMATIVE STRUCTURE OF A LITERARY WORK

The focus of attention is laid on the text of a work of fiction at the intersection of two discourses – legal and literary. The object of the study is a secondary legal text, reflecting historical reality in the work of art. The key characteristic of the secondary text is its imitation – parody nature.

Keywords: literary-legal discourse, literary work, formal and informative structure, secondary text, knowledge transfer.

О.В. Рябуха (Санкт-Петербург, Россия)
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
Санкт-Петербургский государственный университет
телекоммуникаций имени проф. М.А. Бонч-Бруевича

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИНАМИЧНОГО КОНЦЕПТА EDUCATION НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННЫХ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТОВ

Данная статья посвящена изучению лингвистических способов репрезентации концепта EDUCATION. Динамичность концептов отражает изменения в окружающей действительности, при соприкосновении с которой происходят изменения и в ментальной деятельности человека. Коллокации, часто встречающиеся в текстах, отражают те структурные компоненты, которые относятся к ядерным, центральным элементам данного концепта.

Ключевые слова: концепт, динамичность, лингвистическая репрезентация, когниция, коллокация.

Язык отражает разнообразие аспектов культуры и реалии окружающей действительности, следовательно, изменения в структуре и содержании концепта прослеживаются и при его актуализации в различных текстах. Согласно «Краткому словарю когнитивных терминов», концепт рассматривается как «единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной

структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996: 90].

Концепту присуща динамичность. Вслед за изменениями в окружающей среде, концепт также обогащается, приращивает новые смыслы. Наряду с этим может также происходить перераспределение структурных элементов концепта. Периферийные элементы, могут приблизиться к ядерным, ряд ядерных элементов могут, напротив, утратить свое центральное положение. «Концепт -- величина динамичная, в огромной степени зависимая от состояния общества, общественной ситуации... поэтому любое синхронное описание концепта всегда будет именно описанием структуры и содержания концепта на данном конкретном историческом этапе, и его нельзя экстраполировать на более или менее длительный период существования общественного сознания» [Попова, Стернин 2007: 164].

Для анализа лингвистических средств, репрезентирующих концепт EDUCATION, обратимся к данным словарей и текстовым источникам. На основании толкований, представленных в Oxford Dictionary, “education” определяется как: a process of teaching, training and learning, especially in schools, colleges or universities, to improve knowledge and develop skills; a particular kind of teaching or training; the institutions or people involved in teaching and training; the subject of study that deals with how to teach; (often humorous) an interesting experience that teaches you something [Oxford Learner’s Dictionary].

На основании дефиниционного анализа данной лексемы, таким образом, можно выявить следующие составляющие: процесс преподавания, обучения и получения знаний, улучшения и развития имеющихся навыков, организации и люди, вовлеченные в обучение, свод знаний и методов обучения и определенный опыт, из которого можно извлечь полезный урок.

Обратимся к данным корпуса Corpus of Contemporary American English, который позволяет сравнить данные, полученные из словарей, и данные, полученные по результатам анализа внушительного массива текстов (свыше миллиарда слов из текстов разной жанровой направленности), и рассмотреть частотность употребления отдельных лексических единиц в сочетании с, другими словами. Наиболее часто встречающееся существительное в коллокации с “education” – “program”, оно насчитывает 9613 случаев употребления [Corpus of Contemporary American English]. Среди других часто встречающихся существительных, можно выделить лексические единицы, обозначающие организации и участников образовательного процесса – teacher, department, school, student, child, college (в порядке убывания частотности использования); отдельно взятые сферы и разделы – music, health, art; а также коллокации “state education”, “system of education”. Таким образом, можно говорить о значительной роли программ в системе государственного образования. Примечательно, что среди участников образовательного процесса наиболее часто упоминается

личность учителя, а студент и ребенок, как субъекты данной деятельности, обсуждаются несколько реже.

Среди глаголов, часто употребляемых со словом “education” выделены лексические единицы, обозначающие предоставление и получение образовательного контента – “provide”, “teach”, “receive”, “pursue”; завершение определенного этапа обучения – “complete”, “graduate”; улучшение и продвижение образовательных услуг – “improve”, “promote” и финансирование “invest”, “fund”. К прилагательным, которые регулярно встречаются в коллокации со словом “education” относятся “physical”, “environmental”, “special”, “public”, “national”, “general”, “social”, и прилагательные, характеризующие отдельные стадии или этапы “early”, “elementary”, “secondary”.

Помимо коллокаций, значительный интерес также представляют тематически соотносимые с семантически главным компонентом лексические единицы, которые встречаются или в свободном сочетании с ним или расположены в другой части искомого текста. В качестве наиболее частотной тематической лексики, сочетающейся со словом “education”, американский корпус приводит следующие слова: educational, educator, teacher, student, curriculum, classroom, learning, school, teaching, enrollment, college, graduation, academic, undergraduate, learner, accountability, elementary, tuition, district, faculty, graduate, instruction, institution, instructional, administrator, funding, university, skill, grade, foster [Corpus of Contemporary American English].

Для сравнения данных, представленных в корпусе, рассмотрим репрезентацию концепта EDUCATION в современных англоязычных медиатекстах. «Медиатексты отражают состояние современной культуры, позволяют получить представление о состоянии общества, его ценностных ориентирах и национальной культуре мира...» [Землякова, Рябуха 2019]. Медиатексты сообщают о событиях и последних тенденциях, наблюдаемых в мире, поэтому анализируя слова и фразы, актуализирующие интересующий нас концепт, можно проследить изменения в структуре самого концепта. «Концептуальная информация разного типа, как известно, выражается в языке с помощью слов, словосочетаний, предложений и текстов. Более того, концептуальная информация, которую кодирует язык, является наиболее существенной, и именно концепт определяет семантику языковых единиц, используемых для его выражения» [Болдырев 2001]. За последние годы в сфере образования произошли значительные изменения, связанные с внедрением цифровых технологий, что нашло свое отражение в репрезентации концепта EDUCATION.

Как отмечает автор статьи “Online learning is not a compromise – it’s the future”, пандемия заставила университеты полностью пересмотреть осуществление обучения и преподавания – “completely reshape their delivery of learning and teaching”. “But this shift gives us the opportunity to take stock and reassess fundamental assumptions about how students learn and how universities should teach” [Powles 2021] Переоценка фундаментальных представлений о том, как должен осуществляться образовательный процесс, повлечет за собой

дальнейшее использование онлайн технологий без привязки к определенным временным и пространственным рамкам.

В статье New York Times “Help Wanted: Adjunct Professor, Must Have Doctorate. Salary: \$0.” можно проследить актуализацию компонентов концепта EDUCATION, связанных с участниками образовательного процесса и его финансированием. Данная статья основана на опубликованной Калифорнийским университетом вакансии на должность внештатного преподавателя, спровоцировавшей резкую критику среди академического сообщества. Преподаватели, работающие не по постоянному контракту с университетом, описываются посредством таких лексических единиц, как “contingent faculty”, “untentured college teachers”, “staff university”, “assistant adjunct professor”, “undervalued adjunct professor”, “time workers”. Применительно к оплате труда используются такие фразы, как “without salary basis”, “no compensation”, “uncompensated”, “unpaid arrangements”, “free labour”, а компонент концепта, соотносимый с улучшением и развитием навыков посредством фразы “hone their own credentials”. Автор статьи указывает на распричастную проблему с отсутствием достойной оплаты и гарантии сохранении работы для большей части профессорско-преподавательского состава американских университетов: “Contingent faculty...make up a huge portion of the teaching staff of universities – by some estimates, around 70 percent overall and more in community colleges. They have long complained about the long hours and low pay. But these unpaid arrangements are perhaps the most concrete example of the unequal power in a weak labor market – in which hundreds of candidates might apply for one position.” [Hartocollis 2022]

Проведенный анализ данных словарей, лингвистического корпуса и текстов СМИ позволяет выявить структурные элементы, входящие в состав концепта EDUCATION в настоящее время. Приведенные примеры из опубликованных статей подчеркивают роль лексических единиц, вербализующих рассматриваемый в данной работе концепт, и отражают приращение новых компонентов к концепту как динамично развивающемуся ментальному образованию.

Литература

Болдырев Н.Н. Концепт и значение слова. URL: <https://docplayer.com/410915-N-n-boldyrev-tambov-koncept-i-znachenie-slova-issledovanie-vypolneno-pri-podderzhke-minobrazovaniya-rf-grant-go-1-6-429.html>

Землякова К.В., Рябуха О.В. Медиатекст как отражение медиакультуры // Вестник Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича (Санкт-Петербург). 2019. № 11. С. 275–279.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996.

Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ; Восток-Запад, 2007.

Corpus of Contemporary American English. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/>

Hartocollis A. Help Wanted: Adjunct Professor, Must Have Doctorate. Salary: \$0. // The New York Times. 7 April 2022. URL: <https://www.nytimes.com/2022/04/06/us/ucla-adjunct-professor-salary.html>

Oxford Learner's Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 01.05.2022)

Powles J. Online learning is not a compromise – it's the future. // The Times. 1 March 2021. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/online-learning-is-not-a-compromise-its-the-future-vs8vk5mxt>

O.V. Ryabukha (St.Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia
The Bonch-Bruевич Saint-Petersburg State University of Telecommunications

REPRESENTATION OF A DYNAMIC CONCEPT "EDUCATION" IN CONTEMPORARY ENGLISH MEDIATEXTS

This paper is devoted to analysing linguistic representation of the concept EDUCATION. The dynamic nature of concepts is revealed through hands-on experience and cognition of the outside world. Collocations that frequently occur in texts reflect the components that appear to be an integral part of a concept structure.

Key words: concept, dynamic nature, linguistic representation, cognition, collocation.

П.И. Сергиенко (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
poserg@bk.ru

КОГНИТИВНАЯ СВЕРТКА СМЫСЛА В ТЕКСТАХ PR-ДИСКУРСА

Данная статья рассматривает процесс когнитивного свертывания смысла в рамках дискурса по связям с общественностью (PR-дискурса), воплощенного в соответствующем вербальном выражении. При использовании особой терминологии, аббревиатур и акронимов, емких и сжатых слоганов, игры слов, ярких заголовков и других средств достигается эффективное выполнение профессиональных коммуникативных задач.

Ключевые слова: свертка смысла, когнитивная лингвистика, PR-дискурс, связи с общественностью.

В дискурсе по связям с общественностью, текст, как и в рамках межкультурной коммуникации, предстает разновидностью коммуникации, позволяющей выстраивать взаимоотношения между компанией и ее аудиторией. Для успешного совершения профессиональных задач коммуникаторов, связанных с установлением благоприятного отношения с аудиторией, созданием и поддержанием репутации компании, влиянием на поведение людей, необходимо обеспечить быструю и четкую передачу сообщения, его адекватную интерпретацию и верное толкование.

Языковая реализация ключевых смыслов PR-сообщения непосредственно связана с целями и задачами, которые ставит перед собой компания, продвигающая на рынок товар или услугу, со сферой деятельности, а также с возможностью языкового выражения идей и ключевых смыслов, направленных

на аудиторию, способную расшифровать и верно интерпретировать подобное сообщение. Стремясь заключить большой объем информации в емкие и краткие лингвистические единицы, создатели PR-текстов прибегают к когнитивным основаниям свертки смысла.

Исследователи говорят о том, что «свертка смысла, основанная на компактности и ударности фразы» вторит закону экономии языковых средств и усилий участников коммуникации, восходит к истокам мировой культуры и «вплочена в самом наличии в лексике парадигматических отношений - синонимов, омонимов, полисемии, гиперонимии и т. д.» [Молчанова 2012: 12]. Более того, отметим, что только на основе разделяемого вертикального контекста, общих фоновых знаний и профессионального кода возможно корректное декодирование свернутого смысла.

Одним из наиболее логичных приемов свертки смысла является процесс аббревиации, который на настоящем этапе наиболее ярким образом характеризует процесс развития английского языка в целом [Crystal 2003: 120]. Устранение избыточности информации и сокращение используемых языковых средств является наиболее широко представленным явлением, характеризующим современное общество. Отмечается, что лингвокреативная сущность человеческого сознания *per se* стремится наиболее оптимальным способом передать смысл, заложенный в сообщении [Minyar-Belouchева et al. 2020].

Следует подчеркнуть, что в рамках когнитивно-дискурсивных исследований языковое явление аббревиации соотносится с реализацией ментальных процессов в языке, структурированных в соответствии с видом дискурса и выстроенных, исходя из нужд общества, а также в соответствии с ограничениями данного типа дискурса [Вишнякова, 2018]. Английский язык PR специализации, направленный на продвижение идей и создание положительного имиджа организации, на поверку оказывается пронизан терминологическими единицами, включающими аббревиатуры как наиболее точный и эффективный способ передачи смысла [Сергиенко 2019]. Сокращения, возникающие в результате сжатия полнозначных лексических единиц, являются единицами номинативного характера и получают в тексте новую реализацию, характеризующуюся собственными функциональными свойствами [Кубрякова 2010: 8]. Следует подчеркнуть, что при анализе текстов по связям с общественностью, как и любой другой профессиональной области использования, значимой характеристикой аббревиатур в плане их маркированности оказывается возникновение дихотомии «свой-чужой» [Болдырев 2014: 119]. Н.Н. Болдырев утверждает, что означенная дихотомия обуславливает верную интерпретацию закодированного смысла, выраженного в аббревиатуре, при этом верное понимание свернутого содержания обеспечивается общекультурными и профессиональными знаниями участников коммуникации.

Иллюстрацией обозначенного положения могут являться различные интерпретации аббревиатуры AIDA, известной в предметной области связей с общественностью как название исследовательского инструмента PR-специалистов.

Считается, что данное понятие было придумано в США в начале XX века специалистом по рекламе Э. Льюисом [Lewis, Elmo 1903]. В области PR свернутая по смыслу аббревиатура получает следующее значение: A – Attention, I – Interest, D – Desire, A – Action. При рассмотрении других значений приведенной аббревиатуры можно увидеть альтернативные варианты расшифровки свернутого смысла: Agricultural Income Disaster Assistance (в правительственной сфере), Advanced Interactive Digital Administrations (в современной сфере государственного администрирования), Appreciative Inquiry Development Activities (в сфере социальной жизни), Another Insulting Deceptive Announcement (интернет-коммуникации), Artificial Intelligence For Document Analysis (компьютеры и искусственный интеллект) [The Web's Largest Resource, URL] и т. д. Даже в самой сфере по связям с общественностью, и близкими ей рекламе и маркетингу, AIDA может означать to Attract attention, desire, action. Измененное существительное (attention) на глагольную форму (to attract) преобразовывает изначальный смысл на более активное действие со стороны специалистов по продвижению имени компании и ее услуг.

Все значения многозначных аббревиатур, функционирующих в дискурсе по связям с общественностью, раскрывают скрытый потенциал существования данных языков единиц не только в сфере PR, но и других областях, в зависимости от их семантической интерпретации. Более того, созданные относительно недавно, такие единицы языка могут наделяться новыми смыслами и коннотативными значениями в процессе их использования специалистами разных предметных областей и профессий.

Другим примером свернутого смысла выражения основных идей компании в PR-материалах является использование ярких названий кампаний, слоганов и игры слов для продвижения социальных и профессиональных идей. Краткие, ритмичные выражения “Good food, good life” (слоган компании Nestle, полагающей, что хорошая жизнь связана с хорошей едой, потребляемой человеком), “Go green on your daily routine” (название кампании, предпринимаемой компанией Procter and Gamble, направленной на экономию воды и электроэнергии), “Sheer driving pleasure” (слоган немецкого автопроизводителя BMW, перевод с нем. “Freude am Fahren”, утверждающий, что автомобили этой марки предлагают истинное удовольствие от вождения) – все направлены на быструю и эффективную передачу основного смысла сообщения. Заложенный ритм, рифма, лексические и фонетические повторы подобных кратких сообщений облегчают запоминание, являются доступными и понятными символами, способными представить основные идеи коммерческих компаний.

Показательным в вопросе способности свертки смысла является заголовок PR сообщения британской нефтяной компании BP – “Net zero by 2050”, который одновременно актуализирует несколько когнитивных механизмов. Краткий и легко запоминающийся заголовок текста также выступает аллюзией к более широким фоновым знаниям получателя информации и глобальной общественной повестки, связанной с сокращением углеводородных

выхлопов. Согласно Парижскому соглашению 2016 года (Paris Agreement), мировое сообщество к 2030 году планирует сократить на 50 %, а в более долгосрочной перспективе – к 2050 году – намерено отказаться от всех вредных производств и транспортных средств, загрязняющих окружающую среду. Отсылки, предлагаемые в сообщении компании, направляют участников коммуникации к политическим и экономическим проектам современного общества, нацеленным на поддержку социальных инициатив и экологической повестки.

Для расшифровки многих современных смыслов, заложенных в PR-материалы, необходимо знание о Программе социальной ответственности деловой компании (Corporate Social Responsibility) перед обществом, принятой в Великобритании в 1994 году. Официальное назначение программы – призывать компании вести свою деятельность в согласии с потребностями общества, частью которого они являются: "...insight into the social and societal conditions, structures and processes in which organisations are embedded" [Davis 2007: 92]. В этих рамках становится понятным зашифрованный смысл, заложенный в трехкратном повторении латинской буквы "P" – PPP – People-Planet-Profit, показывающий необходимость всех сотрудников компании быть ответственными перед обществом при планировании деловой активности.

В целом, отметим, что для адекватной интерпретации сокращенного смысла, заложенного в текстах PR-дискурса, необходимо вести речь как о лингвистических, так и об экстралингвистических факторах, влияющих на успешность коммуникации. Это обуславливается необходимостью учитывать особенности и индивидуальные характеристики означенного типа дискурса, контекст, фоновые знания отправителя и получателя информации.

Рассмотренные способы свертки смысла, включавшие аббревиацию, сокращенное выражение в виде слогов и заголовков, а также игра слов и аллюзии, использованные в PR-текстах, раскрывают скрытый потенциал существования данных единиц не только в сфере связей с общественностью, но и других областях, в зависимости от их семантической интерпретации. Более того, единицы языка, позволяющие в свернутом виде представить смысл высказывания и обеспечить их адекватную интерпретацию, могут наделяться новым содержанием и коннотативным значением в процессе их использования специалистами разных предметных областей и профессий. Различные способы свертки смысла обеспечивают лингвокреативную деятельность носителей языка в тесной взаимосвязи с конструированием дискурсивного пространства социума.

Литература

Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение, 2014. Вып. 88. С. 118–122.

Вишнякова О.Д. Язык как инструмент смысловой интерпретации (на материале современного английского языка) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. М.: Издательство Московского университета. 2018. № 1. С. 17–27.

Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010.

Молчанова Г.Г. Вербальный символ и маркетинговые коммуникативные стратегии текста // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 3. С. 9–25.

Сергиенко П. И. К вопросу о составе терминологической системы предметной области связи с общественностью в английском языке // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2019. № 4. С. 19–26.

Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of the English Language. Cambridge University Press, 2003.

Davis A. Mastering Public Relations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.

Lewis E., Elmo St. Catch-Line and Argument. In: The Book-Keeper, Februar 1903. Vol. 15.

Minyar-Beloroucheva A.P., Sergienko P.I., Vishnjakova E.A., Vishnjakova O.D. Semantic and cognitive communicative aspects of abbreviation in the modern English discourse varieties // International Journal of English Linguistics. 2020. Vol. 10. No. 1. P. 26–36.

The Web's Largest Resource for Acronyms and Abbreviations. URL: <https://www.abbreviations.com/>

*P.I. Sergienko (Moscow, Russian)
Lomonosov Moscow State University*

COGNITIVE FOLDING OF MEANING IN THE TEXTS OF PR DISCOURSE

The article examines the process of cognitive folding of meaning within texts of PR discourse, found in corresponding verbal expressions. Within these frames it is stated, that effective PR communication is achieved by means of special terminology, including, abbreviations, brief and concise slogans, wordplay, bright headlines and other means, ensuring the correct interpretation of the meaning implied.

Key-words: folding of meaning, cognitive linguistics, PR discourse, public relations.

Т.В. Сивова (Гродно, Беларусь)

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
sitavi@tut.by*

ГОРТЕНЗИЯ В КОНЦЕПТОСФЕРЕ ЦВЕТА РУССКОГО ЯЗЫКА: ОТ МНОГООБРАЗИЯ РАСЦВЕТКИ К ЦВЕТУ РОСКОШНАЯ ГОРТЕНЗИЯ

В статье раскрывается специфика колористической визуализации гортензии. На материале лексикографического, ассоциативного, художественного, рекламного дискурса устанавливается количественный и качественный состав терминов цвета, значимых в дескрипции растения; выявляется функциональный потенциал описаний гортензии.

Ключевые слова: лингвистика цвета, термин цвета, фитоним, концепт, концептосфера, языковая картина мира.

Задача создания полной версии концептосферы цветообозначений русского языка, стоящая перед лингвистами, работающим в области лингвистики цвета [Кульпина 2019: 3], обуславливает наш исследовательский интерес к описанию ее фрагмента: цветовой концептосферы флористического пространства языка, а в рамках данной публикации: особенностей колористической перцепции

и визуализации гортензии, которая, согласно Н.Ю. Шведовой, дефинируется следующим образом: «деревья, кустарники, полукустарники, кустарнички, полукустарнички → не дающие культивируемых съедобных плодов; их цветы → листовенные (в том числе декоративные) → декоративные или преимущественно декоративные деревья и кустарники; их цветки» [РСС 2002: 517]. NB. Окраска цветов гортензии во многом зависит от степени кислотности почвы.

Цвет гортензии. Лексикографическая репрезентация. Цветовой признак в дефиниции гортензии фиксируется словарями непоследовательно: от его игнорирования до указания на многоцветность окраски либо ее интенсивность. Ср.: *гортензия* «травянистое декоративное растение с крупными соцветиями, а также само такое соцветие» [АТС 2016: 596]; «травянистое декоративное растение с крупными соцветиями» (БТС; МАС); «декоративное травянистое растение с крупными светлыми соцветиями» [СОШ]; «виды декоративных кустарников или полукустарников из рода гидрангия с красивыми округлыми листьями и зонтиковидными соцветиями различной окраски» [НСИС] [SLOVARI.RU]; «кустарник или полукустарник сем. гидрангиевых, имеющий округлые листья и зонтиковидные соцветия различной окраски и выращиваемый обычно в оранжереях в качестве декоративного растения» [Егорова 2014: 176]; «декоративный кустарник ... с цветками нежной окраски, собранными в крупные зонтичные соцветия» [РСС 2002: 530]. Уточнению колористического представления о растении будут способствовать результаты НАЭ.

Цвет гортензии. Направленный ассоциативный эксперимент (2021 г.; 611 студентов ГрГУ им. Янки Купалы; 4 факультета: истории, коммуникации и туризма; математики и информатики; филологический; инженерно-строительный; гендер: 297 м., 314 ж.; возраст: 17–20 лет), в ходе которого респондентам было предложено привести цветовую реакцию на стимул-фитоним *гортензия*, дал следующие результаты. Статистика по запросу: всего реакций на стимул «гортензия»: 274, различных: 254, одиночных: 20, отказов: 337. Цветовые реакции на стимул «гортензия»: *розовый* 41 / (бел.) *ружовый* 1 (м/ж); *фиолетовый* 40 (м/ж); *красный* 39 (м/ж); *белый* 37 (м/ж); *зеленый* 25 (м/ж); *желтый* 21 (м/ж); *голубой* 16 (ж); *оранжевый* 8 (м/ж); *сиреневый* 6 (ж); *синий* 5 (м/ж); *лиловый* 3 (м/ж); *малиновый* 3 (м/ж); *светло-розовый* 3 (ж); *бордовый* 2 (м/ж); *голубой, розовый* 2 (ж); *пурпурный* 2 (м/ж); *бело-желтый* 1 (ж); *белый, оранжевый* 1 (ж); *бледно-красный* 1 (ж); *бледно-розовый* 1 (ж); *грязно-белый* 1 (ж); *желто-красный* 1 (ж); *зеленый, розовый* 1 (ж); *красно-розовый* 1 (ж); *лавандовый* 1 (ж); *нежно-фиолетовый* 1 (ж); *салатовый* 1 (ж); *светло-голубой* 1 (ж); *светло-голубой, бледно-розовый* 1 (ж); *серый* 1 (м); *телесный* 1 (м); *темный* 1 (м); *яркий* 1 (ж); *яркий фиолетовый* 1 (м); *ярко-розовый* 1 (ж); *ярко-синий* 1 (м). Таким образом, цветовой спектр включает 18 т. цв.; расширяется 1) цветовыми композитами: а) *бело-желтый, желто-красный, красно-розовый*; б) *бледно-, грязно-, нежно-, светло-, ярко-*; 2) последовательностями цвета: а) *белый, оранжевый*; б) *светло-голубой, бледно-розовый*. Выявление доминанты цвета затруднительно (сильная позиция у т. цв. *розовый, фиолетовый*;

красный, белый), что свидетельствует в пользу стереотипного восприятия гортензии как многоцветной. РАС стимул / реакцию «гортензия» не регистрирует.

Цвет гортензии. Индивидуально-авторский дискурс. Смысловой, аксиологический, изобразительно-выразительный потенциал колористических дескрипций гортензии обуславливает их актуализацию в различных дискурсах, а также исследовательское внимание лингвистов к их функционированию. Так, Е.А. Акуленко и В.В. Леонтьева, исследуя язык СМИ в аспекте перифрастической картины мира, обращают внимание на перифраз *голубое золото* в связи с рядом фитонимов: *гортензия, пион, василек, незабудка* [Акуленко, Леонтьева 2021: 201]. А.О. Курбангалиева, С.Р. Никишина устанавливают, что в стих. Р.М. Рильке «Голубая гортензия» образ времени «представлен цветком – голубой гортензией, краткость существования которого показывает нам краткость самой жизни» [Курбангалиева, Никишина 2019: 230]. А.В. Самойлова устанавлиывает символично-ассоциативную связь гортензии с пространством в ром. Д. Дю Морье «Ребекка»: «броская красота цветка, его обилие и насыщенный цвет сообщают всем посетителям Мандерли о величии и роскоши поместья» [Самойлова 2018: 192]. По нашим наблюдениям, в прозе К.Г. Паустовского цветковые дескрипции гортензии (*желтый, розовый, водянисто-розовый, румянец*) конструируют как пространственное измерение: 1) *сел за столик, где всю зиму увядали в вазонах розовые гортензии* (Паустовский К.Г. Собрание сочинений), с фиксацией обусловленности окраски влиянием внешних факторов: *пожелтевшие от холода цветы гортензии стояли на столе* (Паустовский К.Г. Собрание сочинений); 2) *в столовой стояли гортензии – шары водянисто-розовых цветов на голых длинных ножках. Эти цветы напоминали сухопарых немок с пыльными бесцветными волосами* (Паустовский К.Г. Собрание сочинений); так и темпоральное: *В два часа уже зажгали электричество. Снег за окнами становился синим. Уличные фонари желтели, и гортензии на столиках оживали и покрывались слабым румянцем* (Паустовский К.Г. Собрание сочинений), демонстрируя функциональный потенциал цветового хронотопа [Сивова 2018].

В свете изложенного целесообразным представляется обращение к НКРЯ: цветоописания гортензии обнаруживаются в прозаических текстах А. Богдана, П. Краснова, М. Милованова, В. Набокова, К. Паустовского, Г. Прашкевича, Е. Расторгуева, А. Ткаченко; в журналистских – В. Иршенковой, М. Ожерельевой, В. Савельева и др.; в поэтических – М. Волошина, В. Набокова, И. Чиннова и др.

Цвет гортензии. Национальный корпус русского языка (осн.) фиксирует 9 терминов цвета, значимых в дескрипциях гортензии: *голубой* 6 (*бледно-голубой, голубой, тускло-голубой*); *белый* 4; *розовый* 4 (*бледно-розовый, розовый*); *желтый* 3 (*интенсивно-желтый, пожелтеть*); *зеленый* 3 (*бледно-зеленый, зеленый, темно-зеленый*); *красный* 1; *перламутровый* 1; *синий* 1; *фиолетовый* 1; также лексемы со зн. ‘быть в цветку’ 3 (*расцвести, цвести*); *яркий* 1; *окраска* 1, *цвет* 1. Выявленные термины цвета обнаруживают сочетаемость

с фитонимом *гортензия*, также с лекс. *гроздь, лепесток, лиана, лист, отросток, соцветие, цветок*. См.: *гробница, вся утопавшая в лилиях, сирени, в розовых и голубых гортензиях... помещалась в церкви* (НКРЯ). Поэтический подкорпус регистрирует 2 т. цв.: *голубой 2 (голубизна, голубоватый); сиреневый 1 (сиреневатый)* в корреляции с лекс. *гортензия* и ком. См.: ***Голубоваты, чуть сиреневаты*** *Большие комья царственных гортензий* (НКРЯ).

В результате наложения списков терминов цвета (№ 1 НАЭ, № 2 НКРЯ осн., № 3 НКРЯ поэт.) выявляется область их пересечения: во всех списках (№ 1 – № 3) фиксируется: *голубой*; в двух (№ 1, 2): *белый; желтый; зеленый; красный; розовый; синий; фиолетовый; яркий*; (№ 1, 3): *сиреневый*. Область расхождения выявляет уникальные цветовые реакции, около 20 единичных (№ 1): *лавандовый, нежно-фиолетовый, салатный, телесный* и др.; (№ 2): *перламутровый*.

Одним из свидетельств в пользу существования стереотипа цветового восприятия гортензии являются зафиксированные А.П. Василевичем и соавторами т. цв. *цв. гортензии* [Цвет 2005: 198], в разделе «Книжные и устаревшие слова» чит.: *гортензия* – франц. *hortensia* ‘цветок гортензии’; нежный (бледный) розовый цвет [Цвет 2005: 174]; см. также т. цв. *розовая гортензия* [Цвет 2005: 198]. Ср. с доминантой *розовый*, согласно НАЭ.

Цвет гортензии. Рекламный дискурс. Тенденция продуцирования терминов цвета на основе дескрипции гортензии проявляется в создании продающих текстов при реализации экспрессивной стратегии. Фактический материал (более 50 контекстов) свидетельствует об актуализации в создании т. цв. как лексем *гортензия* 20, так и т. цв. *голубой* 8, *розовый* 6, *синий* 3, *карамельный* 2, *лиловый* 1, а также лексем *светлый* 3, *сияние* 1; *роскошный* 2, *нежный* 1, *романтичный* 1, *чувственный* 1; *хлопья* 1 (ср. с данными словарей, НАЭ, НКРЯ). См.: *блокнот Moleskine, Голубая гортензия* (цв. св.-синий) (<https://kg.wildberries.ru>); *помада-карандаш Розовая гортензия, Yves Rocher* (<https://yr.kg>); *мел-карандаш для век, 05 Лиловая гортензия, Yves Rocher* (<https://shopliga.ru>); *маркер Copic Ciao, цв. B63 Светлая гортензия* (цв. лавандовый) (<https://kg.wildberries.ru>); *гель-лак POLE, 024 Сияние гортензии* (фиолетовый) (<https://sbermegamarket.ru>); *гель-лак ADRICOCO, 04 Роскошная гортензия* (зеленый) (<https://kg.wildberries.ru>); *лак для ногтей «Нежная гортензия», Frenchi* (бежевый) (<https://sbermegamarket.ru>); *румяна 05 Романтичная гортензия, Yves Rocher* (<https://yves-rocher.md/ru>); *гель-лак TNL 8 Чувств, № 012 Чувственная гортензия* (<https://grodno.deal.by>); *краски Sniezka Nature 165T Хлопья гортензии* (<https://www.oma.by>). Примечательно, что выявленные т. цв. допускают вариативность толкования цвета; что верно и для т. цв. *гортензия*. Ср.: *гель-лак In'GardenSo Naturally, № 107 Гортензия* (цв. розовый) (<https://sbermegamarket.ru>); *чернила для маркеров SKETCHMARKER, цв. B112 Гортензия* (синий) (<https://sbermegamarket.ru>); *блузка Mexx, цв. Гортензия (розово-сиреневый)* (<https://www.avito.ru>).

Таким образом, в визуализации гортензии принимают участие 19 т. цв. (доминанты *розовый, белый, красный, фиолетовый*), лексем со зн. ‘свет’, ‘быть

в цвету', интенсивности окраски, многоцветности. Функциональный потенциал колористических дескрипций растения проявляется в создании цветового времени и пространства – цветового хронотопа; раскрывается в продуцировании подлежащих лексикографированию в свете задачи создания полной версии цветовой концептосферы языка новых терминов цвета, в основе которых – как стереотип цветового восприятия, так и уникальные цветоопределения гортензии, как информационная (колористическая) составляющая, так и экспрессивная.

Литература

- Акуленко Е.А., Леонтьева В.В. Перифрастическая картина мира: в погоне за голубым золотом // Материалы научной конференции преподавателей и аспирантов университета: в 5 ч. Минск: МГЛУ, 2021. Ч. 5. С. 200–203.
- АТС – Академический толковый словарь русского языка. Т. 2, ВИНА – ГЯУР / под ред. Л.П. Крысина. М.: Языки славянской культуры, 2016.
- Егорова Т.В. Словарь иностранных слов современного русского языка. М.: Аделант, 2014.
- Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. : Азбуковник, 2003.
- Кульпина В.Г. Лингвистическая цветология: от истории к современности цветковых концептосфер. М.: МАКС Пресс, 2019.
- Курабангалиева А.О., Никишина С.Р. Пространство и время в поэзии Р.М. Рильке // Приоритетные дискуссии XXI века: материалы XIX Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного университета ИУБиП, 2019. С. 229–233.
- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 03.02.2021).
- Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 2: Роман и повести. 1981. Т. 4: Повесть о жизни. Кн. 1–3. 1982а. Т. 5: Повесть о жизни. Кн. 4–6. 1982б.
- РСС – Русский семантический словарь / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: РАН. Ин-т рус. яз., 2002.
- Самойлова А.В. Флористическая символика в романе Д. Дю Морье «Ребекка» // Школа молодых ученых: сб. материалов всероссийской научной конференции. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2018. С. 189–197.
- Сивова Т.В. Взаимосвязь цвета, света и хронотопа в языке произведений К.Г. Паустовского: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 2018.
- СЛОВАРИ.РУ. Электронная библиотека словарей русского языка. URL: <http://slovari.ru> (дата обращения: 03.02.2021).
- Цвет и названия цвета в русском языке / под общ. ред. А.П. Василевича. М: КомКнига, 2005.

T.V. Sivova (Grodno, Belarus)
Yanka Kupala State University of Grodno

HYDRANGEA IN THE RUSSIAN LANGUAGE COLOUR CONCEPTOSPHERE: FROM THE DIVERSITY OF COLOUR TO THE LUXURIOUS HYDRANGEA COLOUR

The article reveals the specificity of hydrangea color visualization. On the material of lexicographical, associative, artistic, advertising discourse the author reveals quantitative and qualitative composition of colour terms, significant in the plant descriptions; describes the features of hydrangea colour descriptions functioning.

Key words: linguistics of colour, colour term, phytonym, concept, conceptosphere, language picture of the world.

Т.А. Сироткина (Сургут Россия)
Сургутский государственный педагогический университет
sirotkina71@mail.ru

КОНЦЕПТ СОВЕТСКИЙ И ЕГО РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В КНИГЕ «МИР СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА»

В статье на материале книги «Мир советского человека» рассматривается структура и семантика концепта СОВЕТСКИЙ. Делается вывод о том, что такие концептуальные области данного концепта, как «наука», «культура», «спорт» и другие содержат общий семантический компонент – «принадлежащий советской стране», «лучший в мире», «призванный вызывать чувство законной гордости», «уникальный», что отражает не столько взгляды автора, сколько картину мира советского человека рассматриваемого периода.

Ключевые слова: концепт, дискурс, советология, А. Генис, концептуальная область.

По мере отдаления от эпохи СССР мы начинаем все внимательнее анализировать происходящее в тот период. Целый ряд советологических дисциплин исследует советскую историю, культуру, науку и т. д. Важное место, на наш взгляд, занимает и лингвистическая советология, занимающаяся исследованием языка советской эпохи, а также изменением содержания ключевых концептов прошлого, например, концепта СССР [Адясова 2015].

По нашему мнению, концепт СОВЕТСКИЙ является одним из ключевых признаков концептов, содержание которого в полной мере репрезентирует все основные сферы жизни в СССР. В настоящей статье рассмотрим основные составляющие вышеназванного концепта на примере книги Петра Вайля и Александра Гениса «Мир советского человека» [Вайль, Генис 2021].

Центральной областью данного концепта можно назвать концептуальную область «государство, страна». Она вербализуется как с помощью нейтральной лексемы «государство», так и оценочной «держава»: *Вместо вопроса – каково будущее советского государства – интеллигенция занялась проблемой – каким будет его прошлое* (Вайль П., Генис А. Мир советского человека); *Сильнее всех была миролюбивая советская держава, выше всех взлетели советские космонавты, быстрее всех будет достигнут коммунизм – финиш прогресса* (Вайль П., Генис А. Мир советского человека).

Одной из важных концептуальных областей данного концепта является область «власть»: *А принципы эти были конкретными и очевидными: «Определяя основные задачи строительства коммунистического общества, партия руководствуется гениальной формулой В.И. Ленина: “Коммунизм – это есть советская власть плюс электрификация всей страны”»* (Вайль П., Генис А. Мир советского человека).

Значительное место в тексте книги занимает концептуальная область «культура», к которой можно отнести советские журналы и газеты, советское кино, советскую моду, советскую литературу, советскую печать. Отмечается массовость, народность советской культуры, что коренным образом отличает ее от западной.

Еще одна концептуальная область анализируемого концепта – «Образование и наука». Репрезентантами его являются такие лексемы, определяемые эпитетом «советский», как:

– школа: *На волшебников учили в простой советской школе* (Вайль П., Генис А. Мир советского человека).

– ученый: *Гири́н – советский ученый, которого индийские гуру признали брахманом* (Вайль П., Генис А. Мир советского человека).

Не менее значима в составе концепта концептуальная область «спорт», вербализующаяся в текстах с помощью словосочетаний с лексемами:

– чемпион: *Советский чемпион по боксу готовился к титулу не в тюрьме, а в университете, где защищал диссертацию «Проблемы кондиционирования воздуха»* (В. Попченко) (Вайль П., Генис А. Мир советского человека);

– сборные: *Советские сборные, как десантные отряды, совершали глубокие рейды в тылу врага, вызывая победы чувство законной гордости* (Вайль П., Генис А. Мир советского человека);

– спорт: *Активно включившись в международные состязания, советский спорт оказался не только не хуже, но даже и лучше спорта западного* (Вайль П., Генис А. Мир советского человека).

Таким образом, одним из ключевых концептов анализируемого текста является признаковый концепт «советский», который определяет самые различные сферы жизни СССР рассматриваемого периода. Такие концептуальные области данного концепта, как «наука», «культура», «спорт» и другие содержат общий семантический компонент – «принадлежащий советской стране», «лучший в мире», «призванный вызывать чувство законной гордости», «уникальный». Сопоставление функционирования данного концепта в текстах разных дискурсов поможет исследователям составить более полное представление о его структуре и семантике.

Литература

Адясова Л.Е. Концепт Советский Союз и его языковая экспликация в современном российском медиадискурсе: дис... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015.

Вайль П., Генис А. Мир советского человека. М.: Издательство АСТ, 2021.

*T.A. Sirotkina (Surgut, Russia)
Surgut State Pedagogical University*

THE CONCEPT OF SOVIET AND ITS REPRESENTATION IN MEMOIR TEXTS

The article deals with the structure and semantics of the concept SOVIET based on the material of the book “The World of the Soviet Man”. It is concluded that such conceptual areas of this concept as “science”, “culture”, “sport” and others contain a common semantic component – “belonging to the Soviet country”, “the best in the world”, “designed to evoke a sense of legitimate pride”, “unique”, which reflects not so much the views of the author as the picture of the world of the Soviet person of the period under consideration.

Key words: concept, discourse, Sovietology, A. Genis, conceptual area.

В.Л. Соколова (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет;
Дипломатическая академия МИД Российской Федерации
sokolova_mglu@mail.ru

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ, ПСИХОЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА И ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛАКРИМАТОРНОГО ЭФФЕКТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ПЕСЕННОМ ДИСКУРСЕ

В своем докладе автор обращается к выявленному им ранее дискурсивному эффекту, названному лакриматорным и по своему воздействию на аудиторию противоположному юмористическому. В частности, рассматриваются как предположительно универсальные особенности лакриматорного эффекта, так и черты, характерные исключительно для полимодального англоязычного песенного дискурса.

Ключевые слова: лакриматорный эффект в лингвистике, дискурсивное программирование, эмпатия, англоязычный песенный дискурс, полимодальность, катарсис.

Настоящий доклад посвящен дискурсивному эффекту, который, по сути своей, является противоположностью эффекта юмористического. Этот эффект мы назвали лакриматорным (от лат. «слеза» – *lacrima*) [БСЭ 1969–1978], по аналогии с эффектами, которые вызывают слезотечение путём раздражения слизистых оболочек глаз [Соколова 2021].

Как это ни парадоксально, наличие лакримации (то есть, слезоточения) у реципиента информации, не рассматривается в качестве основной характеристики лакриматорного эффекта, поскольку лакримация предопределяется индивидуальными психоэмоциональными особенностями читателя, зрителя или слушателя. Полагаем, что для констатации наличия лакриматорного эффекта обязательным является наличие катартического воздействия на реципиента информации художественного произведения, материалов СМИ или аудиовизуального контента, таким образом, что, испытав сильную эмоцию сопереживания, реципиент информации испытывает облегчение и даже очищение (что соответствует значению термина «катарсис») (см., напр. [Гурьева 2009]). При этом не будем отрицать, что для отбора материалов исследования мы нередко пользовались отзывами слушателей или зрителей, заявляющими, что то или иное произведение “made them cry” («заставило их плакать»).

Отметим также, что хотя лакримация может сопровождать и смех, психофизиологическая природа такой лакримации радикально отличается от «слёз сострадания», поскольку, в то время как слёзы смеха, по наблюдению исследователей, преимущественно вызываются сокращением слёзных желёз [Lee 1990], слёзы, вызванные сопереживанием, являются следствием сразу нескольких гормональных и нейропсихических процессов [Bylsma, Gračanin, Vingerhoets 2019].

Полагаем, что в качестве психоэмоциональной основы лакриматорного эффекта можно рассматривать состояние фрустрации, которое создаётся в ходе

одновременной реализации процессов формирования эмпатии и ожиданий трагического события в отношении персонажа или персонажей произведения или аудиовизуального контента. Таким образом, по нашему мнению, лакриматорный эффект основан на не оправдании эмоциональных антиципаций, сформированных ранее у реципиента информации.

Основным концептуальным основанием лакриматорного эффекта, полагаем, являются фреймовые структуры, которые поэтапно устанавливают дискурсивные антиципации аудитории, таким образом дискурсивно программируя как эмпатическое отношение к персонажу произведения, так и трагическое событие, которое должно с ним произойти.

Рассмотрение лакриматорного эффекта в разных формах англоязычного дискурса (например, художественного, песенного и СМИ) позволяет сделать вывод о трех основных направлениях дискурсивного программирования лакриматорного эффекта: *прямой, параллельный и обратный*.

При прямом дискурсивном программировании лакриматорного эффекта сначала дискурсивно устанавливается эмпатическое отношение к персонажу произведения или аудиовизуального контента, а затем – антиципации трагического события, которые должны с этим персонажем произойти; при параллельном дискурсивном программировании эти два процесса происходят одновременно, а при обратном дискурсивном программировании трагическое событие дискурсивно программируется раньше, чем эмпатическое отношение к персонажу.

Рассмотрим, как перечисленные выше процессы реализуются в англоязычном песенном дискурсе, и какие характеристики аудиовизуального контента, типичные для песенного дискурса, могут в них проявляться.

В материале исследования ярким примером прямого дискурсивного программирования лакриматорного эффекта стала песня американского автора и исполнителя Сэма Ньюкамера (Sam Newcomer) “The Girl I Loved in Sunny Tennessee” («Девушка, которую я любил в солнечном Теннесси»). В первых двух куплетах и припеве эмпатическое отношение к девушке дискурсивно программируется через такие терминалы фрейма LOVE, как: *sweetheart, life's sweetest story, to long for smb.*, в то время как в последнем куплете дискурсивно программируется трагическое событие, которое произошло с девушкой (DEATH) через такие терминалы, как *sadness, churchyard lot (typical place of burial), sleep* (a euphemism for ‘to die’). Предположительно, не оправдание эмпатических коммуникативных антиципаций и может привести к эмоциональной реакции аудитории.

Полагаем, что наглядным примером другого – обратного – направления дискурсивного программирования является песня “My Heart Will Go On” («Мое сердце будет биться дальше») в исполнении Селин Дион. Примечательно, что обратное дискурсивное программирование (реализация фрейма трагического события) осуществляется вне текстовой части песни, поскольку эта песня является саундтреком к фильму «Титаник», главный герой которого погибает,

и на момент звучания песни фрейм DEATH уже актуализован через видеоряд фильма. Дискурсивно противопоставленный фрейму DEATH и вызывающий эмпатию фрейм LOVE в дискурсе песни актуализуется как напрямую (LOVE can touch us one time), так и через терминалы *feel someone in one's dreams, heart* (And you're here in my heart... You are safe in my heart), *love for a lifetime/ forever* (Love can touch us one time and last for a lifetime, We'll stay forever this way). Разворачивание эмпатического дискурсивного программирования на фоне ранее реализованного фрейма DEATH, полагаем, может программировать лакриматорный эффект, наличие которого подтверждается информацией в интернет-источниках (My heart and tears go on...). Помимо дискурсивного программирования с помощью языковых средств применительно к "My Heart Will Go On" актуальны средства дискурсивного программирования, характерные для кинодискурса. В частности видеоряд, представляющий сцены из «Титаника», который обычно сопровождает исполнение "My Heart Will Go On" также способствует формированию эмпатического отношения к персонажам через актуализацию таких фреймов, как LOVE, TALENT, PASSION через соответствующие терминалы (*loving glances, being a good artist, a sacrifice for the loved one*).

В этой же музыкальной композиции мы наблюдаем дискурсивное программирование фрейма состояния, вызывающего эмоцию – в данном случае чувство тревоги – через изменения частоты звука и через темпоральную организацию аудиоряда. В частности, наблюдается амплитуда в частоте звука в 4160 Гц, что может способствовать реализации фрейма ANXIETY, поскольку, по наблюдению исследователей, подобные изменения в звуковом ряде ведут к нарастанию беспокойства слушателя [Harrison, Loui 2014]. Что касается темпоральной организации аудиоряда, то аппаратные измерения с использованием мобильного приложения Arduino Science Journal показали аритмичную организацию рассматриваемой композиции, что через синхронизацию с нейронной системой реципиента (которая отмечается в специальных исследованиях [Lanzilotti et. Al 2019]) может способствовать созданию стрессового состояния реципиента (связь между аритмией и стрессом отмечается также в специальных исследованиях [Shusterman, Lampert 2013]). Сказанное выше свидетельствует о том, что фреймы связанные с лакриматорным эффектом (STRESS, ANXIETY), дискурсивно программируются для реципиента не только на языковом уровне.

Наконец, случаи одновременно обратного и параллельного дискурсивного программирования отмечаются в композиции Элтона Джона "Candle in the Wind" (1997), посвящённой памяти Принцессы Дианы. В данной композиции, хотя фрейм LOSS и актуализуется в первой строке через терминал *Goodbye* (*Goodbye England's rose*), в дискурсе песни продолжают параллельно дискурсивно программироваться и такие эмпатические фреймы, как RESPECTING ONE'S DUTY (You called out to our country), COMPASSION (...you whispered to those in pain), EVOKING POSITIVE EMOTIONS (The joy you brought us through the years) и такие «трагические» фреймы, как LOSS (Loveliness we've lost) и TEARS (The truth brings us to TEARS).

Таким образом, настоящее исследование позволило выявить психоэмоциональную основу (эмпатия, не оправданные коммуникативные ожидания, фрустрация), концептуальные основания (фреймовые структуры, актуализующиеся с помощью механизма дискурсивного программирования) и дискурсивные особенности программирования лакриматорного эффекта в англоязычном песенном дискурсе. Последние содержат как механизмы, которые, по всей видимости, являются достаточно универсальными для разных дискурсивных форм (например, прямое, обратное и параллельное дискурсивное программирование), так и механизмы, характерные для полимодального песенного дискурса (например, использование аудиоряда для дискурсивного программирования фрейма состояния и использование видеоряда как дополнительного средства дискурсивного программирования).

Литература

- БСЭ – Большая советская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия 1969–1978.
- Гурьева Т. Н. Новый литературный словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2009.
- Соколова В. Л. Психоэмоциональные основания и дискурсивные средства создания лакриматорного эффекта в англоязычных художественных произведениях // Язык, коммуникация и социальная среда. 2021. № 19. С. 55–66.
- Bylsma L.M., Gračanin A., Vingerhoets A.J.J.M. The neurobiology of human crying // *Clinical Autonomic Research*. 2019. Vol. 29. No. 1. P. 63–73.
- Harrison L., Loui P. Thrills, chills, frissons, and skin orgasms: toward an integrative model of transcendent psychophysiological experiences in music // *Frontiers in Psychology*. 2014. Vol. 5. No. 790.
- Lee B. S. Humor relations for nurse managers // *Nursing Management*. 1990. Vol. 21. Issue 5. P. 86–93.
- Lanzilotti C., Dumas R, Grassi M., D. Schön Prolonged exposure to highly rhythmic music affects brain dynamics and perception // *Neuropsychologia*. Vol. 129. P. 191–199. URL: <https://doi.org/10.1016/j.neuropsychologia.2019.04.011>.
- My heart and tears go on: Why Titanic still makes me cry // *Toronto Star*. May 20, 2017. URL: <https://www.thestar.com/entertainment/movies/2017/05/20/my-heart-and-tears-go-on-why-titanic-still-makes-me-cry.html>
- Shusterman V., Lampert R. Role of Stress in Cardiac Arrhythmias // *Journal of Atrial Fibrillation*, Vol. 5 (6), Issue 834.

V.L. Sokolova (Moscow, Russia)

Moscow State Linguistic University

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

CONCEPTUAL FOUNDATIONS, PSYCHOEMOTIONAL BASIS AND DISCURSIVE FEATURES OF THE LACRIMATORY EFFECT IN ENGLISH LANGUAGE SONG DISCOURSE

In her report the author addresses the lacrimatory effect in discourse which she had first identified in her previous research and characterized as the opposite of the humorous effect. The research findings show that while some discursive characteristics of the lacrimatory effect can presumably refer to different discursive types, others are inherent in a specific discourse.

Key words: lacrimatory effect in linguistics, discursive programming, empathy, catharsis, English language song discourse, multimodality.

*Н.Ю. Соколова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
n.y.sokolova@spbu.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НАЗВАНИЯХ ВЫСТАВОК СОВЕТСКОГО ИСКУССТВА²⁴

В статье проводится когнитивно-дискурсивный анализ англоязычных названий выставок советского изобразительного искусства. Название выставки рассматривается как малоформатный текст, главными признаками которого являются сжатость изложения и концентрированность культурологической информации. В названии выставок реализуются такие стратегии искусствоведческого дискурса как восприятие и оценка.

Ключевые слова: англоязычный искусствоведческий дискурс, малоформатный текст, концепт, советское изобразительное искусство, выставка, восприятие, интерпретация.

В последнее время лингвистика все чаще обращается к искусствоведческому дискурсу как предмету исследовательской мысли: предлагаются различные дефиниции, уточняется содержание понятия, определяется типология. В фокусе лингвистических изысканий по определению оказывается языковое выражение, ввиду чего искусствоведческий дискурс понимается «как вербализованный опыт мышления относительно области объектов, бытующих как произведения искусства, организованный в рамках стратегий восприятия, авторитета, оценочности и других искусствоведческих стратегий» [Булатова 1999: 44]. Интегральной характеристикой искусствоведческого дискурса является его неразрывная связь с интерпретацией, представляющей собой субъективное декодирование смыслов, заключенных автором произведения в свое творение, посредством языковых знаков [Милетова 2013: 115]. Таким образом, когнитивную основу искусствоведческого дискурса составляет взаимодействие процессов восприятия и интерпретации.

Лингвистика учитывает сложную дуальную природу явления и, следовательно, предлагает выделять невербальный искусствоведческий дискурс I типа (создается художником посредством визуализации образов, изображения символов и т. д. и направляется реципиенту, в качестве которого может выступать критик или зритель) и вербальный искусствоведческий дискурс II типа (адресованный читателю результат интерпретации произведения искусства и его творческого замысла специалистом или критиком) [там же].

Стратегия восприятия определяет и жанровое своеобразие вербального искусствоведческого дискурса: устные и письменные тексты научного и ненаучного характера. Тексты без потенциала к моделированию ситуации восприятия предлагается исключать [Булатова 1999: 48-49]. Таким образом, к числу основных жанров относятся рецензия, газетная статья, обзор и анонс [Милетова 2013: 115].

²⁴ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276

С нашей точки зрения, наряду с вышеуказанными текстами несомненный интерес представляют названия выставок, емкая и четкая формулировка которых, как правило, выполняет не только собственно номинативную и информативную функции, но также апеллирует к чувственной сфере посетителя, его восприятию, вызывая интерес и формируя в нем определенное отношение к содержанию выставки еще до осмотра экспозиции. При этом имеет значение тщательный отбор языковых единиц, номинирующих компоненты с наибольшей аксиологической плотностью в релевантной концептуальной области.

Мы полагаем, что текст названия выставки отвечает определению малоформатного текста, представляющего собой «одиночное высказывание, равное одному предложению, возможно, состоящему из одного-двух слов» [Трунова 2010: 52]. Содержание текстов малого формата характеризуется емкостью, лаконичностью и концентрированностью культурной информации [там же]. Очевидно, что формальному и содержательному критериям тексты названий выставок соответствуют.

Что касается потенциала названия выставок моделировать ситуацию восприятия, то здесь видится необходимым обратиться к аспекту концептуального наполнения соответствующих языковых единиц. Предметом рассмотрения в данной работе послужили англоязычные названия выставок советского и постсоветского изобразительного искусства, проведенных в Великобритании, США и Париже в 2017–2019 гг. XXI века.

Традиционной оптикой для взгляда на советское искусство служит призма когнитивных контекстов (термин Н.Н. Болдырева), определивших по сути восприятие событий всего XX столетия: *Октябрьская революция, Вторая мировая война, «холодная война»*.

1. Общим концептом, находящим актуализацию в каждом из трех когнитивных контекстов, а также языковую репрезентацию в названиях выставок, выступает цветовой концепт **RED**.

(1) *Red: Art and Utopia in the Land of Soviets*. (Париж, 20.03.2019 – 01.07. 2019)

Как структурно, так и содержательно данное название состоит из двух частей: до двоеточия и после. Обобщающее слово – прилагательное *red* – составляет первую, короткую часть высказывания, выступая языковым триггером, актуализирующим в западноевропейском сознании традиционные и устойчивые ассоциации с советскими реалиями – Страна Советов (*Red...Land of Soviets*) и официальное искусство (*Red...Art*). Однако квинтэссенция ценностного суждения выражена существительным, структурно расположенным в середине предложения – *Utopia*. Занимая формальное центральное место, оно также является аксиологическим центром, концентрацией оценки советского искусства и самой Советской страны, суть и существование которых могут а priori восприниматься потенциальным посетителем как утопические, обреченные на конечность и в определенном смысле бесплодные.

(2) *Red Horizon: Contemporary Art and Photography in the USSR and Russia, 1960–2010*. (Колумбус, Огайо, 16.06.2017 – 24.09.2017).

Название (2) имеет аналогичную названию (1) структуру с той разницей, что обобщающим элементом (метафорой) служит словосочетание *red horizon*. Кроме того, в отличие от предыдущего примера, который иллюстрирует корреляцию смыслов «красного» и советского, пример (2) распространяет представления о «красном» также и на современный период новейшей истории России: *Red Horizon – Contemporary art – USSR – Russia*. Подтверждением тому служит и включение в название выставки хронологического периода с 1960 года по 2010 год, обозначенные границы которого не совпадают с периодом преобразований общественно-экономической формации. Такая формулировка названия может способствовать созданию определенной гомогенности советских и российских реалий в восприятии посетителя выставки, не искушенного глубоким историческим знанием.

(3) *Red Star Over Russia: A Revolution in Visual Culture 1905–55*. (Лондон, 8.11.2017 – 18.02.2018).

При сохранении знакомой структуры часть высказывания до двоеточия утрачивает обобщающую функцию, но оставляет метафорическую. Примечательно, что в данном названии цветовой концепт RED актуализируется только в контексте *Russia* без номинации советского периода. По-видимому, это связано с тем, что на выставке были представлены экспонаты досоветского периода, начиная с 1905 года – года Первой русской революции. Об этом сообщает и употребление неопределенного артикля перед существительным *Revolution*, которое не означает конкретно Октябрьскую революцию, но апеллирует к зарождению революционности как таковой, появлению «красной звезды» задолго до октябрьского переворота. Таким образом, данное название расширяет границы темпорального аспекта концепта RED в англоязычном сознании, включая в него досоветский период (ср. с предыдущим примером).

Вышеприведенные примеры объединяет не только аналогичность структуры и актуализация концепта RED, но и возникновение пространственно-цветовой метафоры: *Red...Land of Soviets* (1), *Red Horizon* (2), *Red Star Over Russia* (stars – sky) (3). Такое употребление языковых единиц способствует усилению восприятия значительной протяженности «красной» территории в трех пространственных измерениях – ширину, длину и высоту и коррелирует с фактом обширного географического положения России и бывшего Советского Союза.

2. В ходе анализа уже было упомянуто употребление существительного *Revolution* в названии выставки. Наряду с концептом RED концепт **REVOLUTION** является одним из наиболее часто репрезентируемых.

(4) *Revolution: Russian Art 1917–1932*. (Лондон, 11.02.2017 – 17.04.2017).

В отличие от названия выставки (3), проходившей в Лондоне в те же самые дни, название (4) сообщает, что вернисаж посвящен изобразительному искусству, источником вдохновения для которого стала именно Октябрьская Революция и первые годы становления Советской России. Название, как и факт проведения мероприятия в год 100-летия Революции, свидетельствует об актуальном переосмыслении значения событий 1917 года.

(5) *Revolutsiia! Demonstratsiia! Soviet Art Put to the Test*. (Чикаго, 27.10.2017 – 15.01.2018).

Название (5) имеет менее распространенную и отличную от предыдущих названий структуру. Как показал собранный материал, восклицательные предложения не являются рекуррентными и не представляют собой частотный способ усиления воздействия на посетителя. Существительные *Revolutsiia* и *Demonstratsiia*, номинирующие важнейшие концепты советской культуры, приведены в названии транслитерацией и образуют односоставные предложения, что значительным образом способствует их восприятию в качестве вдохновенного советского лозунга. Однако вторая – англоязычная – часть названия призвана несколько снизить градус революционного пыла. В некотором смысле название выставки в Чикаго (5) коррелирует с названием выставки в Париже (1), так как в обоих прослеживается интенция поставить на обсуждение вопрос о долговечности советского искусства, его способности сохранять и порождать смыслы в современных реалиях.

Кроме вышеупомянутых англоязычные названия выставок советского изобразительного искусства репрезентируют и другие политические и культурные концепты, отражающие историю взаимоотношений Запада и Советского Союза: WWII, COLD WAR, IRON CURTAIN, GLASNOST, RUSSIAN SOUL. Эти концепты являются универсальными: возникновение их номинаций в названиях выставок (как правило, в первой части названия), а также предлагаемая организаторами авторская интерпретация (во второй части) способствуют определенному восприятию предлагаемых вниманию посетителей экспонатов, что, по-видимому, позволяет говорить о тексте названия выставки как релевантном компоненте искусствоведческого дискурса.

Литература

Булатова А.П. Лингвокогнитивный анализ искусствоведческого дискурса (тематические разновидности – музыка, архитектура): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 1999.

Милетова Е.В. Англоязычный искусствоведческий дискурс: природа и лексическое наполнение // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов. 2013. № 4. С. 114–119.

Трунова Е.А. Малоформатный текст как объект лингвистического исследования // Вестник РУДН, серия Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2010. № 1. С. 49–53.

*N.Yu. Sokolova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

CONCEPTUAL CONTENT OF LINGUISTIC UNITS IN ENGLISH-LANGUAGE NAMES OF EXHIBITIONS OF SOVIET ART

The article presents a cognitive and discursive analysis of the English-language names of exhibitions of Soviet fine art. The exhibition title is considered a small-format text, the main features of which are the conciseness of the statement and the concentration of cultural information. The names of the exhibitions implement such strategies of art discourse as perception and evaluation.

Key words: anglophone art discourse, small-format text, concept, Soviet fine art, exhibition, perception, interpretation.

*О.А. Солопова, Н.Н. Кошкарлова (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет
(национальный исследовательский университет)
o-solopova@bk.ru, studiumjuvenis@mail.ru*

ТОПОНИМ «ЧЕЛЯБИНСК» В БРИТАНСКОМ МЕДИА-ДИСКУРСЕ XIX ВЕКА

С целью изучения функционирования топонима Челябинск в британском медиа-дискурсе XIX века используется комплекс методов: источниковедческий, когнитивно-матричный, когнитивно-дискурсивный. Авторы приходят к выводу, что когнитивная матрица топонима представлена четырьмя компонентами: территория, политико-экономические особенности, растительный мир, культура.

Ключевые слова: топоним, Челябинск, дискурс, британский медиа-дискурс XIX века, когнитивная матрица, когнитивно-дискурсивный подход.

Предпосылкой исследования является тезис о том, что когнитивный аспект изучения топонима включает не только описание влияния экстрадискурсивных факторов на развитие топонимической системы, но и изучение роли топонимов в формировании образа того или иного географического объекта. Особую роль такие изыскания приобретают, когда они проводятся в исторической ретро-спективе и на материале другого языка.

На предыдущем этапе исследования [Кошкарлова, Сибиряков, Солопова 2022; Солопова, Кошкарлова, Сибиряков 2022] при работе с лексикографическими источниками (толковыми и энциклопедическим словарями, словарем топонимов) и географическими справочниками были выявлены четыре варианта топонима в английском языке (Chelyabinsk, Cheliabinsk, Tchelyabinsk, Čel'abinsk). Эти варианты были использованы в качестве ключевых слов для дальнейшей работы с корпусом [BNA].

Для сбора данных использовалось чередование автоматической выборки и ручной выборки. В результате автоматическая выборка (расширенный поиск по ключевым словам; временной диапазон 1800–1899) были отобраны 58 текстов. Ручная обработка материала позволила выявить варианты топонима, не зарегистрированные в словарях: Tcheliabinsk, Tcheljaba, Tcheliaba, Tcheljabinsk, Cheliaba, Cheljabinsk, которые послужили ключевыми словами для повторного автоматического поиска. Общее количество текстов, найденных в корпусе, составило 220.

Источниковедческий анализ показал, что чаще всего топоним Челябинск встречается в периодических изданиях Англии (159 документов) и Шотландии (34 документа): в графствах Лондон, Йоркшир и Хамбер (Англия), Ангус (Шотландия); при этом в Уэльсе, Северной Ирландии, британских доминионах и колониях топоним зафиксирован лишь в 27 газетах и журналах XIX века. Этот факт можно объяснить спецификой тематики периодических изданий локального и регионального уровня; особенностями социально-экономического развития промышленных центров, в которых они издавались; концентрацией

бизнес-элиты и экономической элиты в регионах, которые сыграли значительную роль в развитии британской металлургии [Daunton 1995].

В XIX веке индустриальная революция, развитие железнодорожной системы и рост городов привели к значительным изменениям в британской экономике и перемещению акцента с сельского хозяйства на промышленность, что повлекло за собой появление промышленных районов и крупных фабрик в окрестностях Лондона и в столице (например, Ист-Энд), увеличение добычи угля (Йоркшир и Хамбер (Англия), Ангус (Шотландия), Гламорган (Уэльс)), развитие рынка промышленных металлов (меди и свинца) в Гламоргане (Уэльс) и рост торговли (как экспорта, так и импорта). Владельцы предприятий могли быть заинтересованы в получении информации о разведке и разработке месторождений полезных ископаемых, добыче, производстве и обработке минерального сырья, а также о развитии металлургической промышленности в разных странах, включая Российскую империю. С этой точки зрения Челябинск мог представлять интерес для местных периодических изданий Великобритании, поскольку, во-первых, этот район был богат минеральными ресурсами; во-вторых, металлургическая промышленность была основой экономики Южного Урала; в-третьих, после начала строительства Транссибирской магистрали Челябинск превратился в торговый центр и транспортный узел, соединяющий центральную Россию, Урал и Сибирь.

Когнитивно-матричный анализ позволил зафиксировать смыслы, связанные с иностранным топонимом в британском дискурсе XIX века. Ученые отмечают, что основными когнитивными компонентами, составляющими матрицу любого топонима, являются территория, история, культура и религия [Болдырев, Алпатов 2008]. Анализ данных показал, что когнитивные компоненты «история» и «религия» не актуализированы в матрице топонима Челябинск, которая помимо «территории» и «культуры» включает «политические и экономические особенности» и «флора».

Самый частотный компонент «политические и экономические особенности» (65,9 %) представлен контекстами, описывающими социально-экономическую и политическую ситуацию в городе, растущую значимость Челябинска как крупного транспортного узла, соединяющего европейскую часть России и Сибирь: *The West Siberian Railway is connected through Northern Russia with the Port Archangel, to which a line 500 miles long was finished last November, and a shorter cut is being planned direct from Chelyabinsk. This will provide a direct outlet for Siberian wheat intended for shipment to Southern and Western Europe* (Morning Post, 1898).

Компонент «территория» (31,5 %) включает описание местоположения города и типов местности. Контексты описывают расстояние и время в пути между Челябинском и другими городами, протяженность железной дороги, климат и географию региона, в котором находится город: *Tchelyabinsk is on the farther side of the Urals* (The Graphic, 1898). Вполне закономерно, что географическое положение города определяет смыслы, закрепленные за иноязычным топонимом в британском дискурсе.

Компонент «флора» (1,6 %) охватывает характеристики разнообразной растительности региона: *When leaving Chelyabinsk, scattered clusters of birch trees look like a lot of small islands in a wide green sea, the grass is ready to absorb the incessant crowds of immigrants. The line passes through a small spruce forest, and pine trees are found nearby in the region* (Falkirk Herald, 1899). Показательно, что в большинстве контекстов описываются древесные растения, типичные для региона, что можно объяснить важностью производства древесины для социально-экономического развития Урала и экспорта древесины из России в Великобританию.

Наименее представлен компонент «культура» (1 %): *Since Cheliabinsk has been made the terminal point of three lines of railway, the population has increased considerably, and the town now contains 26,000 people. A theatre is now being built of stone, but there is no establishment for imparting secondary education; the single bookseller's shop is of no importance* (Eastern Morning News, 1899), что доказывает преобладание географических характеристик и экономических факторов, определяющих основные смыслы топонима в зарубежном дискурсе.

Когнитивно-дискурсивный метод использовался для объяснения наличия / отсутствия когнитивных контекстов в структуре матрицы русскоязычного топонима в британском медиа-дискурсе.

Использование топонима Челябинск в британском дискурсе XIX века в первую очередь было связано с проектом Транссибирской магистрали, направленным на развитие сельскохозяйственного и промышленного производства страны, организацию переселения крестьян и развитие Сибири и Дальнего Востока: *Of the 500 miles or so between Chelyabinsk (the eastern terminus of the Russian system with which the Trans-Siberian is to connect) and Omsk, the rails have been laid for 160 miles* (Glasgow Herald, 17 November 1894, p. 4). Интерес британских СМИ к Челябинску приобрел новое значение в конце XIX века; в первую очередь он был связан с экономическими факторами. Процессы, связанные с производством и продажей товаров, происходившие в Российской империи, были актуальны для британских бизнесменов, составлявших часть целевой аудитории газет; эти процессы могли повлиять на экономическое развитие различных регионов Европы и Азии, где Британская империя имела стратегические и коммерческие интересы.

Топоним Челябинск также ассоциировался с разведкой месторождений полезных ископаемых и их экспортом, что могло принести прибыль крупному и среднему бизнесу на территории Британской империи: *A rich vein of gold has just been discovered right under the Siberian railway track near the station of Cheliabinsk* (London and China Express, 1899). В контексте британской экономической экспансии в регионы Российской империи это могло стать причиной использования топонима Челябинск в британском дискурсе.

Следует отметить, что в британском дискурсе XIX века при концептуализации Уральского региона и Челябинска как его части часто подчеркивалась варварская и нецивилизованная природа России: *The station is situated a mile*

and third from the Chelyabinsk town, with which it is connected a badly-made highway inches deep in dust in summer, as are most Russian roads. A wood skirts this highway, and is the hiding place of quite a colony of beggars and ruffians, whom a little force of fifteen policemen is quite powerless to keep in check. Thus, it is not advisable to stray from the road into this wood (Globe, 1899). Для среднестатистического британского читателя, получавшего информацию о Челябинске из местных газет, экзотичность региона, рассматриваемая как абсолютно отличная от западной культуры, была совершенно очевидна.

Таким образом, чаще всего топоним Челябинск встречается в периодических изданиях, издаваемых в британских графствах с крупными промышленными центрами. При этом наблюдается прямая связь между использованием топонима Челябинск в британском медиа-дискурсе XIX века и историческими событиями, происходившими в стране, области и городе. Упоминание Челябинска напрямую связано со строительством Транссибирской магистрали, которая способствовала промышленному и сельскохозяйственному развитию страны, Сибири и Дальнего Востока.

Литература

Болдырев Н.Н., Алпатов В.В. Когнитивно-матричный анализ английских христианских топонимов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 4 (17). С. 5–14.

Кошкарлова Н.Н., Сибиряков И.В., Солопова О.А. Когнитивно-дискурсивные особенности топонимов Екатеринбург и Челябинск в британском медиадискурсе XIX века // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 1. С. 180–200.

Солопова О.А., Кошкарлова Н.Н., Сибиряков И.В. Образ Челябинска в британском медиа дискурсе первой половины XX века // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2022. Т. 13. № 1. С. 9–26.

Daunton M. J. Progress and Poverty: An Economic and Social History of Britain, 1700–1850. Oxford University Press. 1995.

BNA – The British Newspaper Archive. URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk>

O.A. Solopova, N.N. Koshkarova (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University (National Research University)

THE PLACE-NAME “CHELYABINSK” IN THE XIX CENTURY BRITISH MEDIA DISCOURSE

To analyze the place-name Chelyabinsk in the XIX century British media discourse the methods of source, cognitive-matrix, cognitive and discourse analyses are employed. The authors argue that the cognitive matrix of the place-name Chelyabinsk is represented by four components: territory, political and economic peculiarities, flora, and culture.

Key words: place-name, Chelyabinsk, discourse, XIX century British media, cognitive matrix, cognitive and discourse approach.

М.В. Стефанович (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный педагогический университет
maria_stefanovich@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ МОДУСНОЙ (ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕЙ) ПЕРЕКАТЕГОРИЗАЦИИ В СФЕРЕ НАРЕЧИЙ НА -ЛУ

В данной статье предпринята попытка рассмотреть особенности процесса модусной (интерпретирующей) перекатегоризации в сфере наречий на -лу. Являясь результатом перекатегоризации, наречия на -лу характеризуются референциально-диффузным значением, поддерживаемым категориальной подвижностью, что закладывает основу для модусной внутрикатегориальной и межкатегоральной перекатегоризации.

Ключевые слова: концептуальная деривация, наречие, категоризация, когнитивно-дискурсивный подход, модусная (интерпретирующая) перекатегоризация.

Интерпретирующая природа языкового знака давно находится в фокусе пристального внимания исследователей, отмечающих, что «относительная самостоятельность языковых знаков гораздо больше усматривается в других, гораздо более тонких явлениях языка, в более тонкой его интерпретирующей функции» [Лосев 1982: 97], которая реализуется через модусные категории. Сформированные в результате взаимодействия онтологии мира и онтологии языка, модусные категории инферентны по своей природе (т. е. интерпретируют и оценивают в том или ином плане знания о мире), обладают вторичным статусом и структурно-содержательной зависимостью от конкретных функций языковых единиц. В этой связи интерес представляют наречия на -лу, которые предрасположены к актуализации признаков других категорий и способны вовлекаться в сферу действия модусной (интерпретирующей) перекатегоризации.

Производная семантика наречий на -лу эксплицирует результат процесса перекатегоризации, заключающегося в переосмыслении признаковой сущности более высокой степени абстракции (признака второго порядка) через другую признаковую сущность (статический признак), определенно означенную и предметно соотносенную, доступную в языке в виде производящей основы. Присоединение суффикса -лу формирует обновленное (интегрированное) содержание, преобразуя исходное гетерогенное смысловое пространство в новую концептуальную структуру по линии экспликации ракурса обзора ситуации и его оценивание. Основанный на опыте человека, акт оценивания относится к базовым когнитивным операциям и является неотъемлемым компонентом процесса восприятия и осмысления окружающего мира. В результате, основу такой концептуальной структуры составляет признак второго порядка, определяющий общекатегориальное значение нового языкового знака и его предназначение – оценочную интерпретацию ракурса обзора ситуации. При этом скрытые возможности признаков исходной производящей основы, получающие актуализацию в признаковой природе наречия на -лу, расширяют его информационный диапазон и определяют содержание различных сопутствующих элементов в его пропозициональной структуре, которая обладает потенциалом

подсознательного их выделения и развития [Кубрякова 2004: 408], и, тем самым, регулирует набор внутрикатегориальных факторов и экстралингвистических параметров, задающих объем и вектор развития функционально-когнитивного потенциала наречий на *-ly*.

Перекатегоризация обуславливает развитие наречиями на *-ly* обобщенно-неспециализированного (референциально-диффузного) качественно-оценочного значения, отмеченного категориальной подвижностью, и закладывает основу для модусной перекатегоризации, т. е. переосмысления общего семантического сегмента признака второго порядка по линии соотношения его с другими категориями вследствие актуализации признаков этих категорий. Разнообразные взаимосвязи между концептуальными категориями (качество, количество, оценка, градуальность, интенсивность, модальность, таксис и пр.) свидетельствуют о пластичности сознания человека, которая позволяет компенсировать ограниченность человеческой памяти конечным набором языковых ресурсов за счет действия механизма модусной перекатегоризации. В частности, модусная перекатегоризация создает условия для форматирования признака второго порядка в виде сложной макроструктуры с прототипическим укладом ее организации, где содержание качественно-оценочного признака, который отличается первичным перцептивным базисом и относится к когнитивной области базового уровня, подвергается преобразованию по линии количественно-качественного, модально-оценочного и др. соотношений. Такие вторично-производные смыслы признака второго порядка находятся во взаимной связи с категориями качества, оценки, количества, градуальности, интенсивности, модальности, эвиденциальности и проч., постоянно пополняя периферию этой макроструктуры. На языковом уровне это воплощается в развитой полисемии и далее, полифункциональности, которая порождает асинтагматические особенности дискурсивного функционирования наречий на *-ly* в результате распространения сферы своего действия на всю ситуацию, описываемую предложением, а не только на его часть с семантически и комбинаторно зависимыми словами.

Переформатированные в процессе модусной перекатегоризации смыслы могут соотноситься как с разными категориями в рамках одной глобальной категории (внутрикатегориальная перекатегоризация), так и с другой глобальной категорией (межкатегориальная перекатегоризация) [Декатова 2008: 44]. В результате внутрикатегориальной перекатегоризации содержательно-неопределенные наречия на *-ly* получают возможность встраиваться как в ситуации, описываемые предложением или его частью, аналогичные прототипическим, так и в нетривиальные ситуации, реализуя признаки категорий градуальности, интенсивности, модальности, эвиденциальности, таксиса и пр. и актуализируя более абстрактную семантику (например, выражение таксисных отношений, интенсифицирующие, модальные, модально-эвиденциальные значения). Обратимся к примерам:

(1) <...> *but a third black-maned lion stands **menacingly** ready to attack.* (оценочное значение) → *His wife came towards him **menacingly**.* (выражение таксисных отношений одновременности)

(2) *naturally* fragrant oil; *naturally* more perceptive; *naturally* dominant breeds (оценочное значение) → *If you are self-employed, or in a partnership, you will naturally make all the contributions yourself to a pension plan.* (модальное значение)

(3) *Many adverts are specifically aimed at women, supposedly because they do most of the shopping.* (оценочное значение) → *specifically* true of laws against insider trading (интенсифицирующее значение)

В отличие от прототипических интенсификаторов (*extremely, awfully, utterly, absolutely*) наречия типа *specifically, fairly, notably, additionally, particularly* и пр. подвергаются модусной перекатегоризации по линии качественно-оценочное значение → интенсифицирующее значение без ориентира на норму, т. е. их соотношение с категорией интенсивности определяется актуализацией признака “степень / интенсивность проявления градуируемого признака”. Это позволяет таким интенсификаторам на *-ly* встраиваться в смысловое пространство предложения или его части, приращивая собственный объем экстралингвистической (фоновой) информации.

Межкатегориальная модусная перекатегоризация способствует расширению категориального аппарата мышления человека и проявляется в случаях, когда переформатированные значения наречий на *-ly* начинают соотноситься с другой глобальной категорией, актуализируя ее признаки. Это обусловлено глубинными концептуальными преобразованиями, затрагивающими трансформацию исходного общекатегориального значения через изменение семантического объема наречия на *-ly* по линии ослабления качественного, количественного, градуируемого, оценочного признаков и за счет этого формирование отвлеченно-обобщенного значения, которое приводит к расширению функциональных потенциалов наречия на *-ly*. Обратимся к примерам:

(4) *All the simply furnished rooms have private facilities and some have balconies.* (наречие оценки) → *I simply can't believe that responsible adults allowed a child to wander the streets.* (выделительно-ограничительное значение частицы)

(5) *So the Nepalese form of South Asian culture as it has evolved in the soil of the country through the course of several centuries is neither purely Mongolian nor purely Aryan in inspiration, neither purely Hindu nor purely Buddhistic.* (наречие оценки) → *I am acting in a purely professional manner.* (выделительно-ограничительное значение частицы), но ср.: *on a purely practical basis, for purely practical purposes, purely for interest's sake* (интенсифицирующее значение, внутрикатегориальная перекатегоризация).

(6) *Men of the cloth are nearly always good gardeners.* (наречие меры и степени) → *when I was at camp, I was going down a weir, when I got caught in a stopper at the bottom and nearly drowned myself again.* (отрицательная частица на *-ly*)

Данные примеры показывают, что переосмысление признака второго порядка в направлении генерализации градуируемого качественно-оценочного признака до выражения выделительно-ограничительного, идентифицирующего, отрицательного значения и указания на релевантную для говорящего информацию ориентирует переформатированные смыслы наречий на *-ly* на

обслуживание коммуникативных целей языковой личности. Поэтому в дискурсе частицы на *-ly* актуализируют комплекс прагматических коннотаций, обнаруживающих тонкую связь с национальной спецификой языка [Савельева 2018: 1054], например:

(9) *This is **precisely** how negativity works.*

(10) *These strictures apply **specifically** to financial services.*

(11) *Maybe this was **principally** why he had gone to Joan Sims and proposed.*

Таким образом, наречия на *-ly*, как результативные единицы перекатегоризации и языковые носители вторичной интерпретации знаний о мире (интерпретируют ракурс обзора ситуации через оценивание) отмечены категориальной подвижностью и обобщённо-неспециализированным, референциально-диффузным качественно-оценочным значением, вовлеченным в сферу действия внутрикатегориальной и межкатегориальной модусной перекатегоризации в результате отсутствия четких границ между категориями. Это порождает возможность переосмыслять общий семантический сегмент признака второго порядка по линии соотношения его с категориями качества, количества, интенсивности, оценки, модальности, эвиденциальности, таксиса, отрицания вследствие актуализации признаков этих категорий. На языковом уровне модусная перекатегоризация проявляется в способности наречий на *-ly* в дискурсе актуализировать интенсифицирующее, модальное и модально-эвиденциальное значения, значение меры и степени, выражать таксисные отношения (внутрикатегориальная перекатегоризация), а также ограничительное, идентифицирующее и отрицательное значения (межкатегориальная перекатегоризация).

Литература

Декатова К.И. Категориальные противоречия как креативный фактор смыслообразования знаков косвенно-производной номинации // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2008. Выпуск 28. № 37 (138). С. 41–47.

Кубрякова Е.С. Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славян. культуры, 2004.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф: труды по языкознанию. М.: Издательство: Московского университета, 1982.

Савельева Л.А. Поликатегориальность частиц в английском языке // Вестник Башкирского университета. Филология и искусство. 2017. Т. 22. № 4. С. 1052–1056.

*M.V. Stefanovich (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Pedagogical University*

THE PECULIARITIES OF MODUS (INTERPRETING) RECATEGORISATION IN THE SPHERE OF ADVERBS IN *-LY*

This article attempts to consider the peculiarities of modus (interpreting) recategorisation in the sphere of adverbs in *-ly*. Displaying the nature of recategorised units adverbs in *-ly* are characterized out of discourse by a referentially diffuse meaning supported by categorical mobility which forms the basis for modus recategorisation.

Key words: adverb, categorization, cognitive-discursive approach, modus (interpreting) recategorisation.

ЭТО САМОЕ КАК МАРКЕР-КСЕНОПОКАЗАТЕЛЬ СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ УСТНОЙ КОММУНИКАЦИИ

В современной лингвистике устойчиво возрастает интерес к изучению прагматических маркеров устной речи. В настоящем исследовании рассматриваются особенности функционирования выражения *это самое* как маркера-ксенопоказателя, используемого в устной коммуникации для ввода чужой речи (в широком ее понимании). Материалы мультимедийного подкорпуса Национального корпуса русского языка дают хорошую возможность для всестороннего изучения данной единицы.

Ключевые слова: маркер-ксенопоказатель, устная речь, корпусный подход, полифункциональность, прагматикализация.

Прагматические маркеры (ПМ) – это те единицы нашей устной речи, которые подверглись процессу прагматикализации, в результате их лексико-грамматическое значение оказалось ослаблено или вовсе утрачено, и на смену ему пришло прагматическое значение, или функция: *это самое, видишь, как его (её, их), ну вот, короче* и т. п. [Прагматические маркеры... 2021]. ПМ порождаются в нашей речи неосознанно, на уровне речевых автоматизмов, и практически не контролируются говорящим. Они представляют собой определенные формы, которые «вербализуют отношение говорящего лишь к процессу речепорождения, а не к содержанию речи» [Богданова-Бегларян 2019б: 15]. Изучение особенностей функционирования ПМ, самого инвентаря этих единиц находится в настоящее время на стадии активной разработки (см. например: [Богданова-Бегларян 2014; Прагматические маркеры... 2021]).

Объектом внимания в настоящем исследовании стал маркер *это самое* (ЭС) в функции *ксенопоказателя* (ПМК), способного вводить в повествование чужую речь. Такая возможность для этой единицы была впервые зафиксирована в работе [Sun Xiaoli 2021] (в контексте А.С. Макаренко из основного подкорпуса Национального корпуса русского языка – НКРЯ) и даже пока не попала в Словарь ПМ [Прагматические маркеры... 2021: 435–458], где ЭС описан только в функциях хезитатива, разграничителя (всех трех типов – стартового, навигационного и финального), а также маркера самокоррекции.

Функция ксенопоказателя в русском языке традиционно приписывается частицам, «остановившимся» на этапе грамматикализации. Но, в отличие от частиц, ПМ-ксенопоказатели часто сохраняют «грамматические атавизмы» – «способность изменяться по роду и числу (*такой/такая/такие*) или по лицу и числу (*зрю, грит, грим* и под.)» [Богданова-Бегларян 2019а]. К прагматическим маркерам, а не к частицам относит ксенопоказатели и Б. Фрезер [Fraser 1996]. Маркеры-ксенопоказатели – это «знаки чужого голоса, отчуждаемой речи, чужого мира», основная их функция – «маркировка присутствия Другого» [Арутюнова 2000: 437, 448]. Важно отметить, что термин *чужая речь* (ЧР) при

этом весьма условен и обозначает не только реальную чужую, но и свою собственную речь, сказанную ранее или планируемую на будущее, а также собственные или чужие мысли и даже речевое, «говорящее», поведение другого человека, его реакции и т. д. [Левонтина 2010: 284; Bogdanova-Beglarian, Ryko 2022].

Источником материала для анализа послужил мультимедийный подкорпус (МУРКО) Национального корпуса русского языка. Преимуществом данного электронного ресурса для онлайн-поиска является доступ не только к транскрипту, но и к сопровождающему его аудио- или видеоклипу. Ядро МУРКО составляют речь кино и устная публичная речь (94,9 %), относящиеся к так называемой *квазиспонтанной* речи, которая характеризуется достаточно высокой долей подготовленности и значительно меньшей степенью спонтанности. Очень низкой (только 0,9 %) является в МУРКО доля текстов устной непубличной речи, которая отличается полной неподготовленностью и непринужденностью речевого акта. Для маркера ЭС функция ПМК оказалась довольно редкой (обнаружено всего 5 употреблений) и встретила только в подлинно спонтанной речи. Эти контексты заслуживают специального рассмотрения. Чужая речь во всех случаях в контекстах подчеркнута, кавычки расставлены, как в корпусе, что не всегда последовательно и не всегда точно соответствует границам ЧР.

(1) *Вот он приходит / и это самое / «доченька / а чё ты поедешь? Мы тебе дадим щас полторы ставки / сразу полторы / [смеются] выходи на работу» // И всё* // (МУРКО О работе акушеркой);

В примере (1) с помощью маркера ЭС говорящий вводит ЧР, показывая, что последующая фраза является цитатой. Видно, что маркер стоит в препозиции по отношению к передаваемой информации.

(2) *А потом это самое (а) / «какая она пьянчужка / нормальная женщина / это самое (б)»... / Мария прибежала / «быстренько это самое (в) / чё / это самое (г) / чё / нормально?» // «Иди на х / говорю / чё это самое (д) / чё я здесь нахожусь / говорю / как дебилку меня одели / какие-то тапки / это самое (е)» / как его... / (МУРКО О тиграх и о шаманах).*

В контексте (2) можно видеть 6 употреблений конструкции ЭС. Первые четыре – (а)-(г) – маркируют высказывания как чужие (т. е. отстраняют говорящего от ЧР). ЭС (а) является одновременно стартовым маркером, второе ЭС (б) употребляется еще и как финальный маркер, образуя вместе с первым своеобразную рамочную конструкцию для передачи чужой речи: <ПМК – Р – ПМК> (где Р – собственно ЧР). Стоит отметить, что принципиальным свойством ПМ является их полифункциональность, т. е. они способны реализовать в одном употреблении более чем одну функцию. ПМК (в) также предшествует ЧР, а маркер (г) «вклинивается» в ее середину. Вслед за ними пятое ЭС (д) не только заполняет паузу гезитации, но и помогает говорящему в поиске последующего выражения (*я здесь нахожусь*) (функция поиска + навигация по тексту). В этом же контексте говорящий дважды использует типичный ПМК *говорю* для передачи своей собственной речи. Последняя конструкция ЭС (е) в функции

финального маркера и одновременно поискового хезитатива сворачивает речь самого говорящего.

Видно, что маркер ЭС в современной устной коммуникации редко употребляется как ПМК (только 5 из 225 употреблений ЭС в МУРКО, 2,2 %). Чаше встречаются другие ПМК, ср. (ЧР в контекстах снова подчеркнута):

(3) *Такая вся / «чё это / знаешь» / **говорит** / «там у вас богомолка есть... / Ну / я не пошла» / **грит** / «я при... / просто / проигнорировала / я русская / я это самое... / Только отъехали / меня как начало колотить / я чуть с лодки» **говорит** «не выпрыгнула»* // (МУРКО О тиграх и о шаманах);

(4) *Это самое // А потом Ваня пошёл **говорит** / когда уже действительно сказали что это тигр лазит / он пошёл утром / а снег подтаял немножко / и точно! «А ты чё не боялась?» **говорю** / «откуда я знала / Ваня / я чё» / **говорю** / соседу кричу / «какие-то следы у меня интересные / такая здоровая собака» / **говорю** / **круглые**... / [смеётся]* // (МУРКО О тиграх и о шаманах);

(5) *Меня до того колотил озноб / чуть я с лодки **говорит** не выпрыгнула / с этого» / [нрзб] **грит**» // Эти / мужики видят / а возил Яшика / покойный / **вот** / «чё такое? Надо вам вернуться / мы же вам **говорили**» // «Ну я» **грит** «русская / чё я буду лазить **говорит** / просто киньте / скажите что я еду туда / это самое» // (МУРКО О тиграх и о шаманах).*

В примере (3) ПМК *такой* в форме Им. п., ж. р., ед. ч. в комбинации с местоимением *вся* маркирует начало ЧР. В примерах (3)–(4) формы 1 и 3 л. ед. ч. глагола *говорить* предстают также как ПМК. Следует отметить, что в таких случаях маркер *говорю/говорит* обычно употребляется без подлежащего, подвергается сильной редукции, встречается в качестве сопутствующего инструмента ренаррации, часто в середине цитаты, и не имеет синтаксических связей с другими словами во фразе [Зайдес 2021: 117]. Редуцированный вариант *грит*, указывает на то, что текущий отрезок речи следует воспринимать не как принадлежащий самому говорящему, а как воспроизводимый им [там же: 179]. В примере (5) ПМК *вот* маркирует начало ЧР. Конструкция ЭС в этих примерах выступает в роли не ПМК, а других маркеров: хезитативно-поискового (3), стартового (4) и финального (5).

Таким образом, можно сделать вывод, что конструкция ЭС может употребляться как ПМК, но частота таких употреблений не так высока, как у других типичных ПМК, таких как *такой/ая/ие, вот, говорю/говорит, грит*. Маркер ЭС в принципе может сохранять так называемые «грамматические атавизмы» – «способность изменяться по роду, числу и падежу (*этот самый, эта самая, это самое, этого самого* и т. д.), но в функции ПМК, как показывает проведенный анализ, используется только в «классической» форме Им.-Вин. пп., ср. р., ед. ч. ПМК ЭС позиционно в предложении не закреплен и встречается как в начале ЧР, так и в ее середине или конце. Кроме того, часто он выступает как полифункциональная единица, реализуя в одном употреблении более чем одну функцию.

Из проведенного исследования видно, что в живой устной речи отражается динамика в изменении лексикона языка. Корпусный подход открывает различные возможности работы с материалом устной речи, в том числе для ее лексикографического описания. ПМ являются весьма активными элементами устной коммуникации, но долгое время выходили за рамки лексикографической фиксации. Поэтому закономерно возникла необходимость создания словаря ПМ – в рамках речевой лексикографии, каким и стало издание [Прагматические маркеры... 2021]. Результат настоящего исследования может расширить инвентарь ПМК русской устной речи и помочь в создании всеохватного лексикографического, грамматического и синтаксического описания устной спонтанной речи.

Литература

Арутюнова Н.Д. Показатели чужой речи де, дескать, мол // Язык о языке: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–452.

Богданова-Бегларян Н.В. Прагматемы в устной повседневной речи: определение понятия и общая типология // Вестник Пермского ун-та. Российская и зарубежная филология. 2014. № 3 (27). С. 7–20.

Богданова-Бегларян Н.В. Грамматические «атавизмы» прагматических маркеров русской устной речи // Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования / под ред. О.И. Глазуновой и К.А. Роговой. М.: ЛЕНАНД, 2019а. С. 436–446.

Богданова-Бегларян Н.В. Один в поле не воин: о «магнетизме» прагматических маркеров в русской устной речи // Социо- и психолингвистические исследования. Пермь, 2019б. № 7. С. 14–19.

Зайдес К.Д. Прагматические маркеры предикативного типа в русской устной спонтанной речи: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2020.

Левонтина И.Б. Пересказываемость в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: РГГУ, 2010. Вып. 9 (16). С. 284–289.

Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.

МУРКО – Мультимедийный корпус Национального корпуса русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/search-murco.html>

Bogdanova-Beglarian, N.V., Ryko, A.I. Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL) // Синергия языков и культур: междисциплинарные исследования. Материалы III международной научно-практической конференции, 23–24 сентября 2021 г., Санкт-Петербург. СПб., 2022. В печати.

Fraser B. Pragmatic Markers // Pragmatics. Vol. 6 (2), 1996. P. 167–190.

Sun Xiaoli The Ways of Translating Pragmatic Marker ETO SAMOE (Based on the Material of Parallel Russian and Chinese Literary Texts) // Communication Studies. 2021. Vol. 8. No. 2. P. 323–332.

*Sun Xiaoli (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

ETO SAMOE AS A XENO-MARKER IN MODERN RUSSIAN ORAL COMMUNICATION

In modern linguistics, there is a steadily increasing interest in the study of pragmatic markers in modern oral speech. This study examines the functioning features of *eto samoe* as a xeno-marker used in oral communication to enter someone else's speech (in its broad sense). Material from the multimedia subcorpus of the Russian National Corpus provide a good opportunity for a comprehensive study of this unit.

Keywords: xeno-marker, oral speech, corpus approach, polyfunctionality, pragmaticalization.

М.П. Таймур (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
mariataymour@gmail.com

BANNER BLINDNESS ИЛИ КОГНИТИВНЫЙ МЕХАНИЗМ ПРЕДЕЛЬНОГО ДЕФОКУСИРОВАНИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В статье ставится задача рассмотреть проблему функционирования когнитивного механизма дефокусирования при восприятии реципиентом англоязычной рекламы в мультимодальном виртуальном дискурсе. Анализ результатов проведенных исследований и экспериментов показал, что в определенных случаях (неверная генерализация, определенное расположение контента и проч.) дефокусирование может достигать своих предельных значений.

Ключевые слова: мультимодальный дискурс; механизм дефокусирования; когнитивный диссонанс; лингвокреативность; баннерная слепота.

Одним из главных факторов образования значения вербальных и мультимодальных единиц дискурса в когнитивной лингвистике является распределение внимания реципиента. Можно утверждать, что природа не только языковой, но и невербальной номинации предполагает избирательность, поскольку состоит в присвоении имени объекту или событию при опоре на ограниченное количество его признаков либо один признак [Ирисханова 2010]. Когнитивный механизм, участвующий в формировании смысла и процессе инференции значения большинства креативных единиц мультимодального дискурса – это когнитивный механизм дефокусирования, определяемый как «широкий класс лингвокогнитивных процессов, в ходе которых происходит изменение фокуса внимания говорящих, приводящее к понижению степени выделенности определенных элементов конструируемой ситуации или объекта, т. е. перемещению этих элементов во вторичных фокус или фон» [Ирисханова 2014: 65]. Коммуникативному успеху в случае использования данного механизма в коммуникации способствует меньшее количество требуемых когнитивных усилий адресата по декодированию смысла сообщения, более высокий уровень имплицированности важной информации в единице дискурса, но в то же время наличие определенных творческих усилий всех участников коммуникативной ситуации. Помимо этого, особое значение для мультимодального дискурса приобретает тот факт, что когнитивный процесс дефокусирования влияет на повышение значимости фона, или визуального элемента, который помогает реципиенту декодировать общее семантическое значение. В подобных случаях фон как часть дефокусированной зоны – это аналог когнитивного термина *база / домен* или более традиционного широкого термина *контекст*. Часто лингвокреативность проявляется в нарушениях установленных правил и конвенциональных способов выражения определенных мыслей. Это нередко приводит к распределению внимания реципиента нестандартным способом при помощи различных вербальных и невербальных средств. Дополнительные когнитивные

усилия на декодирование значения элемента дискурса, а также на восстановление скрытых значений с помощью использования фоновых знаний, вслед за У. Чейфом можно обозначить термином *activation cost* (стоимость активации) [Чейф 1983]. Если же цена оказывается слишком велика, это может привести к повышению уровня когнитивного напряжения, активированию механизма когнитивного диссонанса и сбою как прямой, так и непрямой коммуникации [Голубкова, Таймур 2019; Таймур 2020, 2021, 2022].

Высокий уровень дефокусирования может приводить в действие когнитивный механизм игнорирования или «баннерной слепоты» (*banner blindness*). Этот термин был впервые употреблен в начале периода развития виртуального дискурса и обозначает модель пользовательского поведения в интернете, при котором посетители веб-сайтов игнорируют рекламные блоки / баннеры или объекты, их напоминающие [Benway, Lane 1998]. На сегодняшний день эта модель поведения пользователя сети Интернет, также известная как *ad blindness / banner noise* – все более распространенное явление по причине ежедневно возрастающего объема информации и рекламы, потребляемых реципиентом. Это происходит даже несмотря на постоянную эволюцию не только мультимодальной рекламы, но и сетевых дизайн-паттернов в принципе. Баннерная слепота – это пример функционирования когнитивного механизма избирательного внимания или селективного восприятия, когда индивид направляют свое внимание только на стимулы окружающей онлайн среды, которые связаны с его конкретными коммуникативными целями. Такое поведение является следствием ограниченных возможностей индивида, поскольку если бы человек постоянно обращал внимание на нескончаемый поток информации в виде образов, звуков и стимулов других модальностей, его окружающих, оперативная память мозга индивида не справлялась бы с такой нагрузкой, что значительно уменьшало бы эффективность его мыслительных способностей. В Интернете элементы пользовательского интерфейса и различные фрагменты контента непрерывно борются за внимание пользователей. Чтобы эффективно выполнять свои задачи, люди научились обращать внимание на элементы, которые обычно полезны (например, панели навигации, поля поиска, заголовки), и игнорировать те, которые обычно не содержат ценной информации. Реклама – это один из самых главных элементов данной категории, и игнорирование рекламы – это приобретенная когнитивно обусловленная модель поведения пользователей при использовании виртуального дискурса с целью экономии времени.

Эмпирические данные, полученные в результате настоящего исследования, включающего анализ более 400 единиц мультимодальных англоязычных лингвокреативов, отобранных методом сплошной выборки с рекламных веб-сайтов и из корпусов VisMet, Google Image и Ads of the World, а также проведенные онлайн-эксперименты, показывают следующее: пользователями также игнорируются легитимные элементы контента, имеющие определенные характеристики, схожие с рекламой, такие как характерное для рекламы размещение

мультимодального текста (напр., в верхней части или справа веб-страницы); визуальная обработка, напоминающая рекламу (напр., включающая в себя анимацию); близость расположения к реальным рекламным объявлениям. Интересно отметить, что на современном уровне развития Интернет-пространства мультимодальные рекламные объявления часто расположены в зоне полезного контента, но экспериментальные данные показывают, что их целенаправленное игнорирование происходит и в этом случае. Кроме того, полезное содержание (напр., обучающие видео, ссылки), размещенное в контекстуальной близости с рекламными объявлениями, часто также игнорируется. Это объясняется действием гештальтного закона близости: объекты, расположенные в непосредственной близости друг от друга и являющиеся сходными по своим функциям, воспринимаются как часть единой группы. Когда индивид изучает различные элементы в пределах области экрана, он формирует когнитивную модель доступного контента на основе «информационного запаха» (*information scent*) присутствующих элементов. И если один из элементов кажется реципиенту неуместным, у пользователя создается подсознательное предположение, что весь раздел / блок не имеет отношения к цели его поиска, в результате чего сканирование остальных элементов прекращается. Мало того, реклама может заставить пользователей прекратить обращать внимание на определенные блоки веб-страниц, что может изменить не только их локальное поведение на конкретной интернет-странице, но и повлиять на их общее поведение в Интернете: они могут продолжать игнорировать ту же область на других страницах или на других сайтах. В когнитивной лингвистике это может быть описано как действие механизма постоянного / перманентного дефокусирования, в интернет-дискурсе данный феномен обозначается *the hot-potato phenomenon* или *the hot potato scanning pattern* (феномен горячего картофеля / шаблон сканирования «горячая картошка») [Nielsen, Pernice 2009]. В Интернете подобный механизм дефокусирования, когда реципиент смотрит на не интересующий его элемент и немедленно отводит взгляд, избегая фиксации внимания, срабатывает как защитный механизм, позволяющий избежать траты времени на нерелевантную информацию. Дефокусирование может срабатывать при взаимодействии с ментальным процессом неверной генерализации (*the false-consensus effect*): на основании одного или нескольких примеров пользователи сети предполагают, что контент одного и того же типа всегда будет отображаться в одном и том же месте на других страницах.

Итак, анализ полученных результатов позволяет сделать вывод о том, что в то время, как мультимодальный текст в виртуальном пространстве обладает очевидными преимуществами по сравнению с мономодальными элементами дискурса, обладая потенциальной возможностью притягивать внимание реципиента и передавать намного больший объем информации, чем текст мономодальный, для этого необходимо соблюдение некоторых условий: полимодальный текст не должен визуально напоминать стандартное рекламное

объявление, для чего фон, общий стиль и цветовая гамма невербального компонента должны быть тщательно продуманы; размещение в едином блоке рекламных объявлений и мультимодального контента может приводить к целенаправленному игнорированию реципиентом последнего. Проведение междисциплинарных экспериментов (напр., с помощью оборудования eye-tracking) может позволить более точно определять, находится ли тот или иной полимодальный текст в фокусе внимания целевой аудитории.

Литература

Голубкова Е.Е., Таймур М.П. Факторы преодоления когнитивного диссонанса в смешанных метафорах (на материале английского языка) // Когнитивные исследования языка. 2019. № 36. С. 147–153.

Ирисханова О.К. Дефокусирование и категоризация в комплексных лексических единицах // Когнитивные исследования языка. 2010. № 7. С. 78–93.

Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования: монография. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Таймур М.П. Смешанные вербально-графические метафоры в рекламе (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 835. С. 127–139.

Таймур М.П. Смешанная метафора как лингвокогнитивный феномен (на материале английского языка) // дис. ... канд. филол. наук. ФГБОУ ВО МГЛУ. Москва, 2021.

Таймур М.П. Лингвокреативность в мультимодальном дискурсе (на материале английского языка): монография. Москва: РУСАЙНС, 2022.

Чейф У.Л. Память и вербализация прошлого опыта // Новое в зарубежной лингвистике. 1983. Вып. XII. С. 35–73.

Benway J.P., Lane D.M. Banner Blindness: Web searchers often miss obvious links. Internet technical group, Rice University, 1998. URL: http://www.internettg.org/newsletter/dec98/banner_blindness.html

Nielsen J., Pernice K. Eyetracking web usability. 2009. RL: <https://www.nngroup.com/books/eye-tracking-web-usability/>

*M.P. Taymour (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

BANNER BLINDNESS OR A COGNITIVE MECHANISM OF LIMITED DEFOCUSING IN THE ENGLISH MULTIMODAL DISCOURSE

The article aims to consider the problem of the functioning of the cognitive mechanism of defocusing when the recipient perceives English-language advertising in a multimodal virtual discourse. An analysis of the results of the conducted research and experiments showed that in certain cases (incorrect generalization, a certain arrangement of content, etc.), defocusing can reach its limiting values.

Key words: multimodal discourse; defocusing mechanism; the cognitive dissonance; linguistic creativity; banner blindness.

А.К. Тарабакина (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
ak.tarabakina@mail.ru

МЕТАФОРА И ЖЕСТ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ: КОГНИТИВНО-СЕМИОТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена рассмотрению метафор с жестовым компонентом в художественном тексте с когнитивно-семиотической точки зрения. Автор анализирует вербализованные жесты рук в составе метафор с учетом этнокультурного контекста, а также раскрывает их роль в формировании метафорического смысла в рамках художественного мышления.

Ключевые слова: концептуальная метафора, словесная метафора, жест, художественное мышление, художественный текст.

Феномен метафоры на настоящем этапе развития когнитивных и семиотических исследований представляется одним из ключевых способов концептуализации и интерпретации мира вокруг и внутри нас. С момента выхода в свет работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lackoff, Johnson 1980] метафора, по сути, приобрела статус универсалии *hic et ubique*, обнаруживая себя не только в языке, но и в мышлении и деятельности человека. Переход от трактовки метафоры как риторического и стилистического приема к ее пониманию в качестве базового механизма мышления привел к формированию понятия концептуальной метафоры – способности нашего сознания описывать определенную область знаний или опыта в терминах другой и создавать на этой основе новые концепты.

Признание универсальности принципа метафоры вызвало закономерный интерес к разнообразию существующих способов репрезентации метафорического смысла, которые не ограничиваются словом и могут быть представлены паравербальными или невербальными формами (кинесика, музыка, живопись, артефакты и т. д.) [Козлова 2021: 527]. В данной статье нам хотелось бы уделить внимание жестам рук как источнику метафорической образности и смысла в современных англоязычных художественных текстах.

В последние десятилетия в работах отечественных и зарубежных ученых сложилась традиция рассмотрения жестов как кинесических паралингвистических средств, являющихся неотъемлемым компонентом человеческой коммуникации. При этом жест часто получает семиотическую трактовку и выступает в качестве знака со своим означающим и означаемым, которое требует интерпретации и понимания со стороны воспринимающего с учетом национально-культурного и социального контекста [см. например: Крейдлин 2004; Mittelberg 2014]. При отражении жестового поведения в художественном тексте возникает дополнительное семиотическое измерение, обусловленное необходимостью передачи жестов средствами лингвистического кода: они становятся объектом авторского описания и источником для создания структурно усложненных метафор, в которых могут присутствовать конвенциональные, культурно-

специфичные и индивидуальные компоненты. В рамках нашего небольшого исследования также хочется подчеркнуть значимость жеста (и особенно жестов рук) как компонента символических форм культуры, которые на протяжении многих веков служили точкой доступа к Невыразимому (по Л. Витгенштейну), или «трансцендентным содержаниям, находящимся за пределами языка и языкового мышления» [Берестнев 2008: 38]. Можно также предположить, что универсальность, символизм и эмоциональность жеста в определенные моменты метафорического использования создает возможность для самопроявления и «содержательного самораскрытия Невыразимого» (Г.И. Берестнев), что, на наш взгляд, коррелирует с аутопоэтическими способами репрезентации архетипических мотивов в художественном творчестве [подробнее см.: Тарабакина 2017].

Чтобы проиллюстрировать данные положения, обратимся к фрагменту из романа Г.Д. Робертса «Шантарам», действие которого происходит в Индии. Один из героев рассуждает о противоречивой природе счастья и страдания, сопровождая свои размышления жестами рук:

“Suffering is exactly like happiness, but backwards. One is the mirror image of the other, and has no real meaning or existence without the other.”

“I am sorry, I do not understand,” Farid said meekly, glancing at the others and blushing darkly. “Please can you explain it?” “It is like this,” Khaderbhai said gently. “Take my hand, as an example. If I open my hand out like this, stretching the fingers and showing you the palm, or if I open my hand and put it on your shoulder, my fingers stretched out like this – that is happiness, or we may call it so for the sake of this moment. And if I curl my fingers, and close them tightly into a fist, just so, we may call that suffering. The two gestures are opposite in their meaning and power. Each one is completely different in appearance and in what it can do, but the hand that makes the gesture is the same. Suffering is happiness, backwards.” (G.D. Roberts Shantaram).

В приведенном отрывке жестовый компонент развернутой метафоры вводится, на первый взгляд, лишь как поясняющий и иллюстрирующий (*take my hand, as an example*). Герои говорят на английском, который не является для них родным языком, и одному из участников беседы метафорическое утверждение о тесной связи и «зеркальной» соотнесенности страдания и счастья (*one is the mirror image of the other*) кажется трудным для понимания. Кадербхай терпеливо поясняет суть своей мысли, используя два жеста одной руки как кинесические метафорические образы: открытая ладонь с вытянутыми пальцами – для обозначения «счастья» и пальцы, сжатые в кулак, – для «страдания». Перевод словесной метафоры в жестовую плоскость в данном случае позволяет менее образованному собеседнику понять метафорический смысл через лаконичные конфигурации руки, а также придает действию героя ярко выраженную этнокультурную специфичность. Жесты рук в индийской культуре имеют особый символический статус и часто неотделимы от понятия *мудра*, которое трактуется в широком смысле как жест (в том числе рук), знак, образ, маркирующий определенное состояние или качество [Рыжакова 2019: 220].

Мудры изначально соотносятся со сферой ритуала, имеют свой «алфавит» (*хаста-мудры*) с перечнями значений и свою «грамматику» (навыки сочетания – *винийога*) и органично объединяют в себе аспекты статики (закрепление формы в жесте рук) и динамики (обладают преобразующей способностью). Способы использования хаста-мудр также позволяют выполнять их как жесты-знаки (в ходе ритуала) и как жесты-символы (в свободном танце и при театрализации) [Рыжакова 2019]. Таким образом, с учетом этнокультурного контекста мы можем интерпретировать жесты-метафоры героя как мудры в их знаковой ипостаси, то есть жесты с предустановленным конвенциональным значением. Интересно, что для визуализации счастья Кадербхай пользуется жестом раскрытой ладони с вытянутыми пальцами, который идентичен мудре *патака-хаста*. При помощи данного жеста в танце можно показать «зеркало» [Рыжакова 2019: 226], что коррелирует с ключевой метафорой отрывка. Подробное описание выполнения жестов самим героем позволяет проследить использование мудр в качестве символов в потоке театрализованного действия. В речи персонажа поэтапно фиксируются все моменты жестопорождения (*if I open my hand out like this, stretching the fingers and showing you the palm*), читатель полностью вовлекается в процесс метафоризации форм руки за счет детализирующих указаний (*like this, just so*) и использования императивов (*take my hand*), которые создают ощущение сиюминутности происходящего и текучести смысла, рождающегося в движении пальцев. Эта нестабильность и условность возникающих здесь и сейчас смыслов дополнительно подчеркивается активным использованием модального глагола «may» (*that is happiness, or we may call it so for the sake of this moment*). Стоит также отметить, что описание процесса экспликации метафоры дает читателю достаточно четкое представление о социальном статусе и взаимоотношениях действующих лиц, и Кадербхай, выполняющий жесты и наделяющий их значением, идентифицируется с фигурой Учителя и мудрого Отца.

Помимо этнокультурного компонента, хотелось бы привлечь внимание к еще одному важному моменту. На наш взгляд, жесты в рассмотренном фрагменте не только являются кинесическим материалом для создания словесных метафор, но и позволяют нам наблюдать процесс художественного мышления в действии. В данном случае мы опираемся на представление Н.И. Жинкина о механизме человеческого мышления, который «реализуется в двух противостоящих динамических звеньях – предметно-изобразительном коде (внутренняя речь) и речедвигательном коде (экспрессивная речь)» [Жинкин 2006: 261]. Анализируя проблему кодовых переходов во внутренней речи, исследователь отмечал, что зарождение мысли осуществляется именно в предметно-изобразительном коде, а далее она «пробивается в язык», побуждая его к развитию, перестройке и возникновению новых «свободных» правил и индивидуальных интонаций в рамках языка художественного мышления [Жинкин 2006: 260-262].

С нашей точки зрения, вербализованные жесты, включенные в словесные метафоры, являются сочетанием лаконичной предметной изобразительности, родственной внутренней речи, и ее репрезентации в языке художественного произведения. Жесты рук в приведенном выше отрывке в динамике фиксируют моменты кодового перехода и в концентрированной форме представляют реализацию художественного мыслительного процесса. Начиная с словесного образного сравнения (*suffering is like happiness, but backwards*) и метафоры (*one is the mirror image of the other*), которые остаются непонятыми, Г.Д. Робертс вводит жестовый компонент и помогает читателю через универсальность телесного опыта, знакомого каждому независимо от этнической принадлежности, шаг за шагом почувствовать и понять зеркальность и архаическое единство счастья и страдания – как двух контрастных жестов одной руки. Итогом этого пути мысли становятся словесная антитеза двух жестов и последующее объединение их значений в результирующей метафоре (*Suffering is happiness, backwards*), которая уже не кажется нам парадоксальной. В данном случае использование жестов в сочетании с словесными метафорами позволяет достичь максимальной вовлеченности читателя (он имеет возможность повторить жесты и через свой телесный опыт подтвердить или опровергнуть мысль автора) и сделать его полноценным участником диалога не только с текстом, но и с теми трансцендентными содержаниями, которые так важны для каждого человека, но всегда находятся чуть дальше пределов Слова.

Подводя итоги, отметим, что когнитивно-семиотическая интерпретация метафор с жестовым компонентом в художественном тексте позволяет нам наблюдать и анализировать механизмы порождения метафорического смысла в рамках художественного мышления. В исследованном материале вербализованные жесты рук в составе метафор были рассмотрены как точка кодового перехода с учетом их знаково-символической природы и этнокультурного контекста.

Литература

- Берестнев Г.И. К философии слова (лингвокультурологический аспект) // Вопросы языкознания. 2008. № 1. С. 37–65.
- Жинкин Н.И. О кодовых переходах во внутренней речи / Семиотика и Авангард: Антология. М.: Академический проект; Культура, 2006. С. 251–263.
- Козлова Л.А. Онтологическая метафора и способы ее репрезентации в художественном тексте // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 3. С. 526–529.
- Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика. М.: НЛЮ, 2004.
- Рыжакова С.И. Хапта, мудра, винийога. Жесты рук в индийской культуре: проблемы происхождения и порождения смыслов // Шаги. Т. 5. № 4. 2019. С. 216–238.
- Тарабакина А.К. Языковые средства имплементации мотива: аутопоэтический аспект (на материале творчества Джона Фаулза). Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2017.
- Lakoff, G. and Johnson, M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Mittelberg, I. *Gestures and iconicity / Body – Language Communication*. Vol. 38/2. De Gruyter Mouton, 2014. P. 1712–1732.

*A.K. Tarabakina (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University*

METAPHOR AND GESTURE IN FICTION TEXT: COGNITIVE SEMIOTIC PERSPECTIVE

The article provides a cognitive semiotic perspective on metaphor and gesture in fiction texts. The author analyzes verbalized gestures as metaphor components with emphasis on cultural context, examines their role in forming metaphorical meaning and implementing artistic thinking.

Key words: conceptual metaphor, verbal metaphor, gesture, artistic thinking, fiction text.

*Е.Л. Телицына (Ханты-Мансийск, Россия)
Челябинский государственный университет
e-telitsyna@mail.ru*

ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО СОБЫТИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ

Представлен анализ англоязычных медиа, содержащих лингвистические средства репрезентации *Второй мировой войны/ World War II*. Были исследованы контексты публикаций американских и британских медиадискурсов, извлеченные из корпуса News on the Web (NOW), сделаны выводы о средствах, используемых для наглядного представления исторических событий в англоязычном медиапространстве.

Ключевые слова: репрезентация, историческое событие, параметризация, Вторая мировая война, корпус News on the Web (NOW).

История – это не просто хронологический очерк событий прошлого, она наполнена идеями и предположениями тех, кто ее записывал/ редактировал. «Ревизией» истории занимались специалисты различных научных представлений, ставя под сомнение обоснованность и степень фактуальности исторических событий. Возросшее внимание к «памяти» способствовало тому, что проблемы репрезентации исторических событий стали привлекать все больше исследователей (В.И. Заботкина, С.Т. Золян, Е.Е. Голубкова, Е.Ю. Хрисонопуло). Особенно острым в реалиях цифровой эпохи становится вопрос отражения действительного мира в СМИ. «Известно, что текст журналиста отличается от текста художественной литературы и от текста историка нацеленностью на подачу событий в их актуальности» [Демьянков 2004], в частности, в центре нашего внимания выступают лингвистические средства репрезентации исторического события «Вторая мировая война» / “World War II” в англоязычном медиапространстве. **Цель** настоящей статьи – выявить основные языковые параметры, маркирующие историческое событие. **Задачи** – рассмотреть существующие определения исторического события, установить параметры исторического события. В соответствии с классификацией В.З. Демьянкова, историческое событие может быть реализовано как идея, содержащая в себе общеизвестные

представления, интенционал имени, как аналог собственно события, или референтного события, экстенционал имени и текстовое историческое событие. В настоящем исследовании текстовое историческое событие в рамках публицистических дискурсов вызывает особый интерес, так как оно имеет свойство «осцилировать», насыщаться противоречивыми деталями, создавая гипотетическую интерпретацию [Демьянков 1982].

Апеллируя к проблемному полю составляющих исторического события с лингвистической точки зрения, за основу принимаем определение Е.А. Давыдовой, утверждающей, что **события исторические**, как и другие события-в-реальности (по терминологии Е.А. Давыдовой, которая различает событие-в-действительности и событие-в-реальности), предполагают наличие трех основных текстовых категорий – Время, Пространство, Человек – категорий периферийных – Действие, Мотивы, Обстоятельства, Мысли и Наблюдатель [Давыдова 2012].

Оба исследователя говорят о пространственно-временной компоненте исторического события. Рассмотрим, какими вербально-семиотическими ресурсами языка объективируются пространственно-временной континуум исторического события «Вторая мировая война» в англоязычных медиадискурсах.

Материалом для анализа послужил электронный корпус NOW (News on the Web), на основе которого был сформирован исследовательский корпус, содержащий 610 газетных публикаций, извлеченных из англоязычной прессы по ключевым запросам “September 1945”, “10 April 1941”, “Pearl Harbor”, “3 September 1939”, “29 December 1940” в период 01.01.2010–01.01.2022.

В британском и американском медиадискурсах авторы статей часто апеллируют к событиям, непосредственно связанным с историей своего государства:

(1) *...was completed in the very day war was declared, on 3 September 1939* (Telegraph.co.uk). / ...было завершено в тот самый день, когда была объявлена война, 3 сентября 1939. В данном примере начало войны выражено числительным.

В следующем примере, как и в предыдущем, событие маркируется точной датой: (2) *... left much of the city devastated. # 29 December 1940 # The heaviest night of bombing in the Blitz* (Independent). / Прошлой ночью Ковентри также подвергся воздушной атаке, длющейся более 10 часов и оставившей большую часть города разрушенной. 29 декабря 1940. Наутрагчайшая ночь бомбардировки в Лондонском блице.

(3) *Hitler invades Balkans # 10 April 1941 # ...* (churchtimes.co.uk) / Гитлер вторгается на Балканы # 10 апреля 1941 # .

(4) *British forces, such as the British Pacific Fleet, waged war against Japan until the formal Japanese declaration of surrender was signed on 2 September 1945. V-J Day, or Victory against Japan Day, marks the total end of WW2 and is celebrated in Britain each year on 15 August* (tes.com) / Британские силы, такие как Британский Тихоокеанский флот, вели войну против Японии до тех пор,

пока 2 сентября 1945 года не было подписано официальное заявление Японии о капитуляции. День Победы над Японией знаменует окончание Второй мировой войны и отмечается в Великобритании каждый год 15 августа.

Приведенные контексты являются яркими примерами реализации пространственно-временных характеристик исторического события. Даты представлены порядковыми числительными, локации выражены топонимами или кодовыми названиями военных операций, семантическое наполнение которых характеризуется местом и периодом действий, как, например, в случае с «Большим» или «Лондонским Блицем».

В американском медиадискурсе вербально-семиотическими средствами также выступают имена числительные, сигнифицирующие знаменательные даты и топонимы, представленные именами существительными:

(5) *This month marks the 80th anniversary of the start of World War II. On Dec. 7, 1941, Japan bombed Pearl Harbor* (The Baltimore Sun) / *Этот месяц отмечен 80летием начала Второй мировой войны. 7 декабря 1941 Япония бомбардировала Перл-Харбор.*

(6) *...even after they defeated the US in the Philippines. # American troops massing in England for the November 1942 invasion of North Africa were asked to rank the fighting ability of Allied and Axis soldiers* (Business Insider) / *даже после победы над США на Филиппинах. # Американские войска, сосредоточенные в Англии для вторжения в Северную Африку в ноябре 1942 года, попросили оценить боеспособность солдат антигитлеровской коалиции и стран Оси.*

(7) *May 4, 1942 The Battle of the Coral Sea, the first naval clash fought entirely with carrier aircraft...*(richmond.com). / *4 мая 1942 г. В Тихом океане во время Второй мировой войны началось сражение в Коралловом море, первое морское столкновение, в котором участвовала только авиация...*

(8) *The war ended in September 1945* (SFGate) / *Война закончилась в сентябре 1945 года.*

Проведенный анализ контекстов позволил выявить основные языковые параметры исторического события. Структура исторического события «Вторая мировая война» во многом формируется за счет разнообразной фактуальной информации, представленной в публицистических контекстах. Это общие представления о периодизации Второй мировой войны, ходе военных операций, поворотных событиях. Содержательный минимум исторического события включает в себя пространственно-временные данные, языковая экспликация которых реализуется посредством имен числительных и топонимов, представленных именами существительными.

Литература

Давыдова Е.А. Категория «событие»: онтологический и лингвистический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2012.

Демьянков В.З. Конвенции, правила и стратегии общения: (Интерпретирующий подход к аргументации) / В.З. Демьянков // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1982. Т. 41. № 4. С. 327–337.

Демьянков В.З. «Событие» в семантике, прагматике и в координатах интерпретации текста // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1983. Т. 42. № 4. С. 320–329.

Демьянков В.З. Семиотика событийности в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие Ч. 2 / отв. ред. М.Н. Володина. М.: Изд-во МГУ, 2004. С. 68–83.

Репрезентация событий. Интегрированный подход с позиций когнитивных наук / отв. ред. В.И. Заботкина. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017а. С. 7–17.

NOW – News on the Web. URL: <https://www.english-corpora.org/now/>

*E.L. Telitsyna (Khanty-Mansiysk, Russia)
Chelyabinsk State University*

SPATIOTEMPORAL CHARACTERISTICS OF THE HISTORICAL EVENT IN THE MEDIADISOURSE

The article presents an analysis of English-language media containing linguistic means of representing World War II. The publications of American and British media discourses extracted from the News on the Web (NOW) corpus were studied, conclusions about the means used to visualize historical events in the English-language media were drawn.

Key words: representation, historical event, parametrisation, World War II, corpus News on the Web (NOW).

*А.Б. Теплякова (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
theasia@yahoo.com*

МЕТАФТОНИМИЯ ПРИ ИСПОЛЬЗОВАНИИ НЕОЛОГИЗМОВ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В работе рассматриваются метафоро-метонимические переносы в вербально-графическом медийном дискурсе на примере заголовков статей и иллюстраций к ним. Использование метафтонимии в иконическом элементе позволяет эксплицировать смысл заголовка и фокусирует значение неологизма.

Ключевые слова: медийный дискурс, метафтонимия, мультимодальная метафора, неологизм.

Глобализация современного мира сопряжена с огромным объемом информации. Этот процесс тесно связан с появлением новых идей, которые включаются в концепты, сложные и абстрактные мыслительные структуры, требующие вербализации [Болдырев 2001: 27]. Формы вербализации новых концептов реализуются в появлении новых значений слов и неологизмов, которые очень быстро распространяются благодаря популярности интернета. С другой стороны, увеличивающийся объем информации приводит к потребности хранить ее и обмениваться ею в сжатом виде. Компрессия информации характерна для медийного дискурса, в котором требования динамичности и информативности

выражаются не только в небольшом объеме текста, но и на морфосинтаксическом уровне [Добросклонская 2008: 80]. Тем важнее сегодня становится иллюстрация, считающаяся частью понятия «медиа́текст» [Добросклонская 2008: 39]. Порой читатель по одному взгляду на сопровождающую статью фотографию или рисунок принимает решение о том, стоит ли читать текст. Особый интерес представляют собой иллюстрации, не отражающие суть статьи напрямую, а содержащие метафорический перенос, а также метафоро-метонимический (метафтонимический) перенос, или метафтонимию [Goossens 1990: 323].

Ч. Форсвилль не ограничивает изучение метафор их вербальным проявлением и одним из первых рассматривает графическую метафору [Форсвилль 1994: 1]. Позже он дает определение мультимодальной метафоре как метафоре, где домен-источник и целевой домен преимущественно или полностью представлены в разных формах, которые включают в себя графические компоненты, письменную и устную речь, невербальные звуки и музыку [Форсвилль 2009а: 2]. М.П. Таймур предлагает использовать понятие мультимодальной смешанной метафоры и подчеркивает значимость когнитивного механизма метафтонимии для экспликации смысла вербально-графических метафор в условиях компрессии информации [Таймур 2020: 127].

Целью работы является анализ мультимодальных заголовков статей, в которых прослеживаются метафоро-метонимические связи, а также изучение влияния метафтонимии на определение семантики неологизмов. Статья рассматривает предполагаемые поэтапные когнитивные операции, происходящие при расшифровке информации, сжатой в заголовке и иллюстрации. Было проанализировано 74 заголовка, содержащих неологизмы и сопровождаемых иллюстрациями. Один из ярких примеров, который включает в себя максимальное количество общих черт, присущих заголовкам с метафоро-метонимическим переносом, послужил заголовок (*8 Big Signs Your New Boss May Be Toxic*), подзаголовок (*Don't ignore these red flags during the first few weeks of your new job*) и иллюстрация к статье Моники Торрес, опубликованной 10 мая 2022 в американском интернет-издании HuffPost (см. рис. 1) (HuffPost).

Рис. 1. Иллюстрация к заголовку статьи из интернет-издания HuffPost

Заголовок создает определенные ожидания у читателя, характеризуя потенциального начальника с помощью прилагательного *toxic*, которое здесь используется в своем относительно новом значении. Первое значение этого прилагательного – «ядовитый или вредный для людей, животных или окружающей среды» [Macmillan dictionary]. В последние годы благодаря развитию интернета и распространению английского языка это слово приобретает новые оттенки значения, например, «описывает кредиты или финансовые соглашения, создающие серьезные проблемы для банков или финансовых организаций», «описывает темы, порождающие такие разногласия, что их трудно обсуждать», «очень плохой, неприятный или вредоносный» [Macmillan dictionary], «очень неприятный, контролирующий и оказывающий влияние на других людей нечестными способами» [Oxford Learner's dictionaries]. Опрос, проведенный среди 15 носителей английского языка, в котором им было предложено интерпретировать слово *toxic* в данном заголовке (без иллюстрации), подобрав подходящие синонимы, показал, что наиболее частотными синонимами в этом контексте являются слова *exploitative, manipulative, abusive, ungrateful*, где доминирующим значением является злоупотребление положением, давление на подчиненных, отсутствие благодарности. Итак, в терминах Кевешеча, на более абстрактном уровне заголовок активизирует фрейм «токсичный человек в руководящей позиции может наносить вред, разрушать существующий уклад, давить на подчиненных» [Kövecses 2017: 333]. Следует отметить, что автор статьи использует новый оттенок значения слова, который отражен пока еще не во всех признанных современных словарях.

Подзаголовок вносит в этот фрейм дополнительный смысл благодаря общепринятому символу «красный флажок», традиционно обозначающему опасность. При последовательном прочтении заголовка, а затем подзаголовка фрейм «токсичный человек в руководящей позиции может наносить вред, разрушать существующий уклад» дополняется фреймом «токсичный человек в руководящей должности и его действия могут представлять собой опасность».

Самый яркий элемент невербального дискурсивного элемента – разгневанный волк с открытой пастью, острыми зубами и налитыми кровью глазами – активизирует онтологическую метафору ТОКСИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК – ЭТО АГРЕССИВНОЕ ЖИВОТНОЕ. Ярко-красный цвет его глаз и языка, контрастирующий с синим фоном, дополняет смысл подзаголовка, в котором токсичный босс концептуализируется как опасность, обозначенная красным флажком. Так визуализация акцентирует в фрейме признак опасности, традиционно ассоциирующийся с красным цветом, а структурная метафора ТОКСИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК – ЭТО ОПАСНОЕ АГРЕССИВНОЕ ЖИВОТНОЕ характеризует начальника. Менее заметные элементы – рупор, из которого вырывается волк, и держащая его рука. Это двойная метонимия: белая манжета рубашки и рукав пиджака указывают на то, что это рука начальника, а рупор, зачастую используемый для управления массовыми мероприятиями и ассоциирующийся с увеличенной громкостью, обычно является инструментом руководящего лица.

Так, иконический элемент реализует характеризующую функцию метафоры и идентифицирующую функцию метонимии [Шарманова 2011: 194].

Визуальная метафтонимия, в которой источниками служат метафора ТОКСИЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК – ЭТО ОПАСНОЕ АГРЕССИВНОЕ ЖИВОТНОЕ и метонимия «рука, держащая рупор, из которого вырывается волк, – это часть токсичного начальника», концептуализирует домен «токсичный начальник – это опасное агрессивное животное, которое вырывается на свободу через свою громкую речь». Таким образом, метафтонимизация визуального компонента через соединение фреймов вносит дополнительные смыслы и выделяет определенные аспекты токсичности, такие как опасность, агрессия, доминирование благодаря громкости, неконтролируемая свобода действий. Эти значения обогащают семантику неологизма “toxic” как характеристики человека.

Итак, мультимодальная метафтонимия, образованная за счет сочетания вербального и визуального компонента, который привлекает внимание читателя к статье, облегчает дешифрование смыслов, а также способствует выделению определенных фреймов и соответствующих аспектов значения неологизма *toxic*. Результаты исследования свидетельствуют о том, что, как правило, статьи в интернет-изданиях сопровождаются иконическими элементами, которых достаточно для того, чтобы понять, о чем содержание статьи. Однако в данном случае визуальный компонент настолько метафоричен, что читатель имеет значительно меньше шансов эксплицировать смысл статьи, опираясь только на рисунок. Стандартная последовательность прочтения (заголовок, подзаголовок, иллюстрация) обеспечивает определенный порядок фокусирования внимания и очередность инференции закодированных смыслов, при которой интерпретация иллюстрации заставляет вернуться к заголовку, переосмыслить его и выделить пока еще не зафиксированное в большинстве словарей значение неологизма. Сложная иерархическая структура когнитивных операций отражает природу медийного дискурса, характеризующуюся высоким уровнем компрессии информации и требующим от читателя способности к инференции значений.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Концепт и значение слова // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. А.И. Стернина. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. С. 25–36.
- Добросклонская Т.Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Издательство «Флинта», 2008.
- Таймур М.П.* Смешанные вербально-графические метафоры в рекламе (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 6 (835). С. 127–139.
- Шарманова О.С.* Метафтонимия как концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии // Вестник ИГЛУ. 2011. № 1 (13). С. 194–200.
- Forceville C.* Pictorial metaphor in advertisements // *Metaphor and Symbolic Activity*. March 1994. 9 (1). P. 1–29.
- Forceville C.* The role of non-verbal metaphor sound and music in multimodal metaphor // *C. Forceville & E. Urios-Aparisi (eds.), Multimodal Metaphor*. Berlin ; New York : Mouton de Gruyter, 2009. P. 383–400.

- Goossens L. Metaphonymy: the interaction of metaphor and metonymy in expressions for linguistic action // *Cognitive linguistics*. 1990. Vol. 1. No. 3. P. 323-342. URL: <https://doi.org/10.1515/cogl.1990.1.3.323>
- HuffPost. URL: https://www.huffpost.com/entry/toxic-boss-signs_1_627924ace4b046_ad0d7f45f2
- Kövecses Z. Levels of metaphor // *Cognitive Linguistics*, Vol. 28. No. 2. 2017. P. 321–347. URL: <https://doi.org/10.1515/cog-2016-0052>
- Macmillan dictionary. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/toxic>
- Oxford Learner's dictionaries. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/toxic?q=toxic>

*A.B. Teplyakova (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

METAPHONYMY WITH NEOLOGISMS IN A MULTIMODAL MEDIA DISCOURSE

The paper studies metaphor-metonymic mapping in the verbal-pictorial media discourse of article headlines and pictures. Metaphonymy in the iconic elements helps explicate the sense of the headline and makes the meaning of neologisms more focused.

Key words: media discourse, metaphonymy, multimodal metaphor, neologism.

*A.Ю. Тетюхина, Е.Н. Широкова (Нижегород, Россия)
Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
имени Н.И. Лобачевского
alexandratelyuhina@yandex.ru, shirokelen@yandex.ru*

СПЕЦИФИКА ДИСКУРСИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ФРЕЙМА БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ

В статье описывается специфика дискурсивной реализации фрейма БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ в текстах экстремистской направленности. Рассматриваются особенности языковой объективации фрейма, а также референциальный статус участников ситуации – агенса, *пациенса*, *прескриптора*, *исполнителя*. Материалом исследования послужили тексты субдискурсов феминизма, маскулизма и чайлд-фри, размещенные в сети Интернет.

Ключевые слова: фрейм, слот, референция, экстремистский дискурс, бытовое насилие, интернет-коммуникация.

Насилие как форма нелегитимной власти проникает в различные виды публичного дискурса и, закрепляясь в сознании реципиентов, формирует негативные установки и убеждения в обществе [Дейк 2013: 14]. Являясь идеологическим базисом экстремистского дискурса, такое насилие символично и не всегда осознаваемо [Жижек 2010: 5], что обуславливает необходимость его дальнейшего исследования. В области лингвистики актуальной задачей таких исследований является разработка методик анализа интернет-контента, направленных на выявление языковых маркеров экстремистского дискурса и пропаганды насилия.

В связи с тем, что понятие экстремистского дискурса формируется на стыке гуманитарных областей знания (в том числе, правоведения и языкознания), конвенциональный подход к его определению в настоящее время не выработан. Согласно узкой трактовке, возможности лингвиста, рассматривающего текст экстремистской направленности, ограничены «описанием речевого события» [Бринев 2009: 35], вписанного в рамки законодательного определения. В широком понимании, которое мы разделяем, допускается выявление обобщенных признаков вербального экстремизма посредством использования методов языкознания. В нашей работе под экстремистским дискурсом понимается совокупность речевых практик, включенных в единый оценочно-концептуальный континуум, для которого характерны: 1) оппозиционность доминантной (своей) и рецессивной (чужой) групп и негативное отношение к определенной части общества или существующему государственному порядку; 2) нацеленность на убеждение массового адресата в необходимости принятия пропагандируемой позиции и (или) на побуждение последнего к совершению противоправных действий.

В неоднородном пространстве экстремистского дискурса активно исследуется религиозный, этнический, гендерный экстремизм [Гребенщиков 2010: 60]. Наименее изученной в лингвистическом аспекте является пропаганда бытового насилия, заключающаяся в распространении убеждений, обосновывающих необходимость применения насилия в сфере семейных отношений. Такого вида практики могут проникать в субдискурсы феминизма, маскулизма и чайлд-фри, для которых идеологически важным является определение места их представителей в иерархии семейных ценностей. Дискурсивное пространство, в рамках которого эксплицируется пропаганда бытового насилия, может быть описано посредством рассмотрения реализации в нём фрейм-сценария БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ.

Анализируя концепт НАСИЛИЕ, Л.Р. Газизулина представляет его как фрейм-сценарий, включающий слоты *агенса*, *пациенса*, *действия*, *результата*, *диспозиционные причины*, *ситуационные причины* [Газизулина 2013: 6]. Поскольку прагматические особенности текстов экстремистской направленности, включающих призывы к бытовому насилию, определяются тем, что в них взаимодействуют дескриптивная (описывающая определенное положение дел, поведения или результатов этого поведения) и прескриптивная (предписывающая это поведение) функции языка [ТФГ 1990: 238], считаем необходимым включить в анализ фрейм-сценария БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ слоты *прескриптор* и *исполнитель*. Объектом нашего исследования являются особенности дискурсивной репрезентации слотов *агенса*, *пациенса*, *действия*, *результата*, *прескриптор* и *исполнитель* в текстах, относящихся к субдискурсам феминизма, маскулизма и чайлд-фри.

Так, текстовый фрагмент *Я же говорю, да, смотря как наказывать. Но нужно наказывать. В Библии, знаете, как написано? «Не жалей розги*

для сына твоего» (<https://www.youtube.com/watch?v=3zju2HG-1CA>) содержит призыв к бытовому насилию. При этом концепт НАСИЛИЕ объективируется лексемами *наказывать* и *розги*, а на бытовое насилие указывает обозначение *пациенса* лексемой *сын*, относящейся к лексико-семантической группе ‘член семьи’. Побуждение к насилию реализуется через отсылку к прецедентному тексту и включение в текст прохибитивного (отрицательно-императивного) предложения, в котором потенциальный *агент* отождествляется с *исполнителем* и репрезентируется императивной формой глагола. Причем специфика интернет-коммуникации определяет неопределенно-референтный характер исполнителя. *Пациент* представлен существительным с обобщенным значением и также имеет неопределенно-референтный характер. Слот *действие* эксплицируется существительным с семантикой инструмента деструктивного воздействия. *Результат* действия в исследуемом фрагменте не вербализуется. *Прескриптор* отождествляется с автором текста, репрезентируется личным местоимением *я* и в интернет-коммуникации может иметь для адресата как определенно-референтное, так и неопределенно-референтное употребление.

По-иному фрейм БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ эксплицируется в следующих высказываниях: (1) *Смерть всем непослушным женам!*; (2) *Пусть они ходят искалеченные, зато с совестью, пусть знают наш урок!* (<https://t.me/RVSsu/2999>), где слот *действие* не вербализуется, но имплицитно выводится из лексической составляющей слота *результат* существительным *смерть* с семантикой ‘прекращение жизни, уничтожение’ и причастием *искалеченные* с семантикой ‘деструктивное воздействие на объект’. Причем *прескриптор* представлен также имплицитно и выводится из семантики побудительных предложений, построенных по специализированной схеме именных предложений N2/N4 в (1); организованных формой повелительного наклонения глагола в (2).

Рассмотрим еще два примера.

(3) *Если жена не желает слушать мужа, поддерживать его, улаживать и удовлетворять потребности, не способна признать мужа своим господином без штампов в паспортах и прочего бреда – она пинком идет на**** (<https://www.youtube.com/watch?v=NpoYAxpYUQ&list=PLzZWziqsyPuDjHW9rPNOS7Nyh8sEmYFRo&index=15>). В выделенном фрагменте текста *агент* не вербализуется. *Пациент* представлен анафорическим местоимением, отсылающим к существительному *жена* с обобщенной семантикой и неопределенной референцией. Слот *действие* представлен сочетанием обценного устойчивого выражения с семантикой перемещения *идёт на**** и наречием *пинком*, представляющим собой лексему семантической группы ‘агрессивное воздействие на тело человека’. *Результат* действия в исследуемом фрагменте не вербализуется.

(4) *С точки зрения патриархата, у мужчины отнимают последний инструмент воспитания в семье женщины, а женщину в семье, ну естественно,*

иногда надо воспитывать, потому что иногда, как вы знаете, эмоциональная её часть выходит просто из берегов и, ну как я очень всегда любил повторять и говорить, что, ну, как бы немножечко так, ласковенько так, в табло чуть-чуть... (<https://www.youtube.com/watch?v=NpoYAxprYuQ&list=PLzZWziqsyPuDjHW9rPNOS7Nyh8sEmYFRo&index=15>). В выделенном фрагменте *агенса* не вербализуется, однако представлен в контексте всего высказывания лексемой *мужчина*, которая имеет генерализованное значение. Из контекста можно установить, что автор намеренно имплицитно предикат *дать* легко восстанавливается в контексте высказывания, которое в сочетании с лексемой *табло* имеет значение агрессивного действия. *Пациент* представлен метафорически лексемой *табло*, обозначающей лицо человека, при этом метафоризация осуществляется по пути овеществления. То, что *пациентом* является группа людей, объединенных по признаку 'жена', выводится на основе структур знаний, которые объективируются лексемами *патриархат*, *мужчина*, *женщина*, *семья*.

Обобщая полученные результаты исследования, отметим некоторые особенности репрезентации фрейма БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ в субдискурсах феминизма, маскулизма и чайлд-фри.

В экстремистских текстах, содержащих пропаганду бытового насилия, *агенса* не всегда имеет номинацию, он либо осмысливается как группа людей, осуществляющих действие над *пациентом*, и выражается путем неконкретной референции, либо имплицитно представлен через предметы, орудия, средства, которыми осуществляется действие. *Пациент*, как и агент, теряет свою индивидуальность, приобретая обобщенность. Его лексические репрезентанты входят в лексико-семантическое поле 'член семьи'.

Насильственное *действие* является базовым элементом фрейма БЫТОВОЕ НАСИЛИЕ. В экстремистском дискурсе вербализуется как с помощью прямой номинации действия (предикатов, выраженных глаголами, существительными с семантикой деструктивного воздействия на объект), так и косвенно имплицитно из контекста. *Результат* действия в текстах анализируемого типа зачастую не актуализирован. Однако его экспликация в некоторых контекстах (в частности, при помощи лексем, содержащих в себе семантический компонент 'последствия деструктивного воздействия на объект') позволяет объективировать не вербализованный в тексте слот *действие*.

Прескриптор и *исполнитель* реализуются в побудительных предложениях разной синтаксической структуры. В условиях интернет-коммуникации *исполнитель* всегда имеет неопределенно-референтное употребление, тогда как *прескриптор* для исполнителя отождествляется с автором текста и может иметь как неопределенно-референтное, так и определенно-референтное употребление.

Литература

Бринев К.И. Судебная лингвистическая экспертиза спорных речевых произведений, содержащих признаки экстремизма // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 7 (41). С. 35–39.

Газизулина Л.Р. Реализация концептов Насилие и VIOLENCE в дидактических текстах школьной литературы: на материале русского языка и американского варианта английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2013.

Гребенщиков И.В. Влияние государства на развитие дискурса об экстремизме: дис. ... канд. социол. наук. Санкт-Петербург, 2020.

Дейк Т. Ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.

Жижек С. О насилии. М.: Изд. «Европа», 2010.

ТФГ – Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Ленинград: Наука, 1990.

*A.Y. Tetyukhina, E.N. Shirokova (Nizhny Novgorod, Russia)
National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod*

THE SPECIFIC OF THE DISCURSIVE IMPLEMENTATION OF THE FRAME DOMESTIC VIOLENCE

The article describes the peculiarities of the discursive implementation of the frame DOMESTIC VIOLENCE in extremist texts. The authors consider the features of the linguistic objectification of the frame as well as the referential status of the participants in the situation – *agent, patient, pre-scriptor, performer*. The empirical material was the texts of feminist, masculist and child-free sub-discourses, posted on the Internet.

Key words: frame, slot, reference, extremist discourse, domestic violence, Internet communication.

*Е.В. Троценкова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.troschenkova@spbu.ru*

ПРЕВРАЩЕНИЕ СЛОГАНА ОППОНЕНТА В ОРУЖИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ: МЕТЕТИЗАЦИЯ *BUILD BACK BETTER*

В статье рассматривается кейс использования слогана Джо Байдена *Build Back Better* в про-республиканских твитах и мемах, когда его помещение в контекст республиканских координационных паттернов, создает саркастическое обыгрывание изначально позитивного посыла и начинает обслуживать цели прямо противоположные тем, с которыми слоган запущен в оборот. На этом примере ставятся более общие вопросы о паразитической трансформации элементов речевой продукции одной группы для целей политической борьбы.

Ключевые слова: общественно-политический дискурс, слоган, Интернет мем, глобальная стратегия негативизации образа оппонента, паразитическая коммуникативная координация.

В изучении когнитивного аспекта общественно-политической коммуникации особый интерес представляет то, каким образом стереотипные представления, облеченные в форму специфического речевого жанра политического слогана и рассчитанные на одну целевую аудиторию (сторонников своей партии), начинают использоваться с принципиально иными целями воздействия и для пользы иной, оппозиционной группы. В этой ситуации, как будет показано в нашем исследовании, благодаря паразитическому заимствованию для собственных целей и многократному тиражированию пользователями, придерживающимися противоположных политических взглядов, слоган в новых медиа трансформируется в жанр Интернет мема.

Цель в этом случае – смоделировать условия и механизмы подобной жанровой трансформации и описать с позиций прагматики и когнитивной лингвистики ее последствия. Такое исследование также вносит вклад в изучение проблемы коммуникативной координации, поскольку наглядно демонстрирует, что она может не ограничиваться кооперативным взаимодействием, в котором традиционно изучается, но имеет место и в конфронтационной коммуникации. Исследуемые процессы лежат в плоскости уже поднимавшегося нами ранее вопроса о коммуникативной подстройке как форме своеобразного «лингвистического паразитизма» [Троценкова 2017а, 2017б], который часто может наблюдаться в ситуации борьбы за власть в условиях технологически опосредованной коммуникации, когда ряд пользователей формально на уровне используемых вербальных и иконических средств воздействия согласует свои действия с тем, что уже делалось некой группой, при этом решая собственные, часто прямо противоположные задачи и – на уровне ментальных репрезентаций – формируя принципиально иные разделяемые своей группой когнитивные структуры.

В статье представлены результаты рассмотрения кейса трансформации слогана Джо Байдена, использовавшегося им еще до инаугурации в качестве президентской инициативы, предполагающей финансирование борьбы с целым рядом проблем, таких как последствия пандемии коронавируса, инфляция, необходимость обновления инфраструктуры, негативные изменения климата. В качестве материала в социальной сети Twitter 10-12.02.2022 по популярному хэштегу #buildbackbetter (часто используемому как способ коммуникативной координации про-демократически настроенных пользователей) методом сплошной выборки было отобрано 100 постов, в которых в явном виде проявлялся, напротив, сарказм и негативное отношение к Байдену, демократической партии и ее политическим инициативам. Также по запросу в Google “build back better memes” от 12.02.2022 сплошной выборкой было отобрано 125 Интернет мемов; здесь стояла задача определить соотношение позитивных/нейтральных и негативных мемов, порожденных из про-демократического слогана, призванного создать позитивный образ Байдена и его партии.

Изначально положительное целеполагание в использовании изучаемого слогана обусловлено жанровыми особенностями текста. Отмечается [Newsome

2002: 21-22; Селиверстова 2014: 49, 51], что политические слоганы – это жанр преимущественно фатической речи, призванный привлечь внимание потенциального избирателя, вовлечь его в политическую деятельность, способствовать узнаваемости политика и созданию его позитивного имиджа; создаваемые при помощи слоганов социальные стереотипы формируют у целевой аудитории чувство политической идентичности, способствуют групповой консолидации, слоганы суммируют и закрепляют в себе наиболее существенные пункты групповой повестки и активизируют членов группы на ее реализацию. При этом успешное функционирование слогана – результат коллаборативно достигаемый группой, которая принимает его и заложенные в него смыслы и транслирует эти коллективно одобряемые/неодобряемые идеи далее. Обратим внимание, что в этом аспекте слоган как жанр крайне схож с Интернет мемами [Трощенко 2021]. Хотя они в момент создания и имеют индивидуального автора, но по сути своей – информационный продукт коллективного творчества, успех которого зависит от активности рядовых пользователей по его вирусному распространению. Мем становится мемом лишь в этом случае. Причем несмотря на то, что мемы обычно воспринимаются как тексты преимущественно юмористического характера, как и слоганы, они обладают значительным манипулятивным потенциалом и в последние годы представляют собой особый вид политической практики [Miltner 2018].

В отобранном материале твитов 66 % текстов – это поликодовые сообщения, содержащие помимо вербального компонента иконический (картинки, фото, gif-файлы, видео); часть этих иконических компонентов – уже готовые Интернет мемы, интегрированные в сообщение пользователя. Слоган *Build Back Better*, помещенный в хэштег (вместе с другими изначально позитивными про-демократическими хэштегами, например, *#BidenBoom*), саркастически окружается этими иконическими компонентами и хэштегами с негативной оценкой Байдена и его политики: *#LetsGoBrandon* (фраза сама является частью популярного анти-байденевского мема), *#BidenLA LaughingStock*, *#WorstPresidentEver*. Твиты активируют ряд взаимосвязанных ментальных репрезентаций, большинство из них сконцентрировано вокруг двух координационных паттернов [Трощенко 2020], в основе которых лежат следующие аргументативные схемы: **I. «демократы связаны с популяризацией наркотиков»** (34 % текстов отсылают к этой идее вербальным и/или иконическим компонентом), **II. «демократы ответственные за плохую экономическую ситуацию в США»** (45 % текстов).

В рамках координационного паттерна I. наиболее активно критикуется инициатива финансировать программы некоммерческих организаций и местных органов власти, чтобы сделать употребление наркотиков более безопасным, для продвижения «расового равенства». Эти программы представляются как бесплатная раздача трубок для крэка и поощрение потребления: *#BuildCrackBetter* *#CrackPipeBiden* *#CrackPipeJoeHasToGo*. Негативизация образа президента выстраивается также через ассоциацию с наркозависимостью его

сына, помещением отсылки к Хантеру Байдену в хэштег #HunterBiden или иконический компонент. Ассоциация «демократы = наркотики, и это все, на что они способны добиться своими законодательными инициативами», меметизируется (рис. 1) через распространение в теле твита готовых поликодовых сообщений, например, визуализирующих трубку для курения крэка в букве *i* в фамилии Biden (и сарказмом вербальных сообщений типа *The future is lit*).

Также – это содержательно связывает паттерн I. с паттерном II. – Build Back Better ассоциированное с crack представляется как замена решению реальных экономических проблем. Паттерн II. специфицирован в разных твитах до указаний на галопирующую инфляцию, дороговизну самого плана Build Back Better, проигрываемую конкуренцию с Китаем (#Bidenflation; #BuildBackBetter will send us into hyperinflation and destroy our country; *The last time inflation was this high, I was sucking on a boob; the last time inflation was this high (7.5%), I wasn't even born yet*). В иконических компонентах фото выросших цен на заправках, пустые полки в магазинах, инфографика ухудшающихся экономических показателей и т. п.

Рис. 1. Демократы = наркотики

Рис. 2. План Байдена = возврат к господству Талибов в Афганистане

Рис. 3. Не трогай то, что и так работает

Паразитирование на чужом слогане в твитах, в целом, происходит за счет помещения изначально положительного и популяризованного слогана демократов в контекст аргументативной схемы, отражающей точку зрения противоположной партии, и резко негативный контекст повторяющихся вербальных и иконических средств. Среди отдельно размещенных в Интернете мемов, 92 % из отобранных единиц оказались про-республиканскими, негативно переосмысливающими рассматриваемый слоган по тем же принципам. Поскольку мемы по времени создания охватывают больший временной период, чем твиты, в них присутствует больше координационных паттернов, появившихся как реакция на актуальные события того или иного периода времени. Так, наряду с двумя вышеобозначенными схемами, в них активно представлены иные схемы аргументации, связанные с неудачным выходом США из Афганистана (рис. 2) или более общие рассуждения о том, что план Байдена способен только испортить ситуацию, а не исправить ее (рис. 3) и др.

Популярность слогана, в раскрутку которого уже были вложены силы демократов, в этих условиях начинает работать на их оппонентов, повышая видимость и силу воздействия их собственных координационных паттернов, в которые он интегрируется как элемент для издевки.

Литература

Селиверстова Л.Н. Политический слоган как речевой жанр в точки зрения прагмалингвистики// Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2014. № 1. С. 48–51.

Троценкова Е.В. (а) Функции языковой подстройки в конфликтных взаимодействиях в американском общественно-политическом дискурсе// Романо-германистика: сборник статей по материалам XLVI Международной филологической конференции, 13–22 марта 2017 г. СПб.: ВВМ, 2017. С. 216–223.

Троценкова Е.В. (б) Лексико-грамматическая координация в конфликтных диалогических единствах в общественно-политических дискуссиях// Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXXI. С. 313–320.

Троценкова Е.В. Координационные паттерны глобальных стратегий в условиях электронного участия пользователей в политической борьбе// Вопросы когнитивной лингвистики. № 1. 2020. С. 12–21.

Троценкова Е.В. Осмысление общественно-политической роли мемов в медиа дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. 2021. С. 21–31.

Miltner K. Internet memes// The SAGE Handbook of Social Media. J. Burgess, A. Marwick, T. Poell (Eds.) Thousand Oaks, CA: SAGE Publications, 2018. P. 412–428.

Newsome C. The Use of Slogans in Political Rhetoric// The Corinthian. 2002. Vol. 4, Article 3. P. 21–35. URL: <https://kb.gcsu.edu/thecorinthian/vol4/iss1/3>

*E.V. Troshchenkova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University*

TURNING OPPONENT'S SLOGAN INTO A TOOL FOR POLITICAL STRUGGLE: EMETIZATION OF BUILD BACK BETTER

This article examines the case of using Joe Biden's slogan *Build Back Better* in pro-Republican tweets and memes, where its placement in the context of Republican coordination patterns creates a sarcastic play on the original positive message and begins to serve purposes directly opposite to those with which it was

launched. This example raises more general questions about the parasitic transformation of elements of one group's speech production for the purposes of political struggle.

Key words: socio-political discourse, slogan, Internet meme, global strategy of opponent's image negativization, parasitic communicative coordination.

У Нань (Санкт-Петербург Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
st103099@student.spbu.ru

ФОРМЫ-ИДИОМЫ СО ЗНАЧЕНИЕМ «ВСЕ РАВНО» В РУССКОЙ ПОВСЕДНЕВНОЙ РЕЧИ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ И КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД

Статья посвящена описанию особенностей употребления в русской повседневной речи форм-идиом (ФИД) со значением «все равно» (*по фиг(у), без разницы, по барабану*). Исследование проведено на материале корпуса «Один речевой день». Данные ФИД, зафиксированные в языковом сознании носителей русского языка, в устном дискурсе часто формируют экспрессивный речевой акт отказа от выбора, или незаинтересованного согласия.

Ключевые слова: разговорная речь, форма-идиома, речевой акт, гендер, когнитивный подход, корпусный подход.

В русской разговорной речи существует большое количество особого рода «стабилизовавшихся построений» [Шведова 1960: 7]. Все они, как правило, хорошо знакомы носителям языка, отсутствуют в академических толковых словарях и потому обычно не попадают в сферу внимания лингводидактики, что составляет серьезную когнитивную проблему для иностранцев, изучающих русский язык. «Феномены такого рода, определяемые как “идиомы”, “устойчивые сочетания”, “речевые формулы”, “речевые штампы”, “клише”, находят в этом качестве определенное место в любом описании языка» [Гаспаров 1996: 121]. Одной из разновидностей таких единиц являются неоднословные, чаще предложно-падежные, словоформы: *по барабану, до дури, по понятиям, не вопрос* и т. п. Вслед за П.А. Лекантом [Лекант 1965], мы называем их *формами-идиомами* (ФИД).

Анализ корпусного материала показал, что такие единицы образуют в нашей речи отдельную лексическую систему, в рамках которой ФИД могут вступать между собой в синонимические отношения. В данной работе внимание сосредоточено на выявлении контекстных особенностей ряда форм-идиом, объединенных в одну такую синонимическую группу с общим значением ‘все равно, безразлично’.

Источником материала для анализа послужил звуковой корпус русской повседневной речи «Один речевой день» (ОРД) (<https://ord.spbu.ru>) (см. о нем подробнее: [Русский язык... 2016; Богданова-Бегларян и др. 2019]). В ходе фразеологического анализа [Лю Даян 2019] в корпусе было выявлено несколько ФИД с таким значением, ср. (все примеры в статье атрибутированы с указанием

номера информанта (И1, И2...) и его коммуникантов, мужчин (М1, М2...) или женщин (Ж1, Ж2...); знак (#) в расшифровках ОРД означает меню говорящих, знак (@) – наложение их речи; *Н – неразборчивый фрагмент; о других особенностях орфографического представления корпусного материала см.: [Русский язык... 2016: 242-243]:

(1) *мне совершенно () по фиг # мне совершенно тоже *Н # я могу материться не материться / мне совершенно без разницы* [Ж1 # И4];

(2) *то что вы с Ильюхой% к... шкурили блин / то ли он / то ли ты не знаю кто пропустил там это / *В но уже / уже по физиу // *П как бы (...) *В главное сейчас ну / (...) ну (...) неровно / *П стена неровная / но (...) краска ляжет / по фиг блин* [И36];

(3) *нет ну знаете давайте лучше в том порядке в котором подколоты(?) // но мне кажется нам это без разницы ... @ *Н* [И117];

(4) *ну / куда ты скажешь туда мы и поедем // # мне без разницы* [И128 # М1];

(5) *может можешь и в спортивном ехать как хочешь ? # какая тебе разница ? мне без разницы* [Ж1 # И131];

(6) «Хюндайчик»\$ *смешной какой-то стоит / у него какая-то морда необычная вот за окном // *П да тебе-то по барабану* [И39].

Когнитивная лингвистика дополняет анализ языка анализом речи, в том числе анализом фразеологии, пословиц, поговорок, афоризмов [Кочетова 2002: 9]. Рассмотрим в разных аспектах и выявленные ФИД выбранной синонимической группы.

1. Семантика, стилистика и синтаксические функции ФИД

Формы-идиомы *по фиг(у)*, *без разницы* и *по барабану* зафиксированы во фразеологических словарях русского языка и в словарях разговорной речи со значением ‘все равно, безразлично кому-л.’ [Химик 2004; Телия 2006; Мокиенко, Никитина 2007; Федоров 2008]. Это означает, что семантико-когнитивные особенности данных ФИД зафиксированы и в сознании (в ментальном лексиконе) носителей русского языка. Такие формы-идиомы, выступая чаще всего как сказуемое безличного предложения (*мне по фиг, нам без разницы, тебе-то по барабану*), подчиняются общим законам языка (встретилось, впрочем и употребление ФИД с роли обстоятельства образа действия: *страну / к стати / по барабану можно ставить () да не / ну наверное / надо Израиль\$ поставить* [И38]). Очевидна их явно сниженная стилистическая окраска, которая и оставляет их, как правило, за рамками лингводидактики, и в то же время некоторая стилистическая дифференциация, очевидная для носителей языка и менее понятная инофонам: жарг. *по барабану* и *без разницы*, грубо-прост. *по фиг(у)* [Химик 2004: 37, 522, 650].

2. Роль ФИД в формировании речевых актов

По теории речевых актов (РА) Дж. Серля [Серль 1986], чаще всего рассматриваемые ФИД формируют экспрессивный речевой акт, выражают психологическое состояние говорящего, которому что-либо неинтересно или безразлично.

Иногда такой РА представляет собой реплику слушающего: из примеров (2)–(4) видно, что собеседник использует такие ФИД, чтобы ответить на заданный вопрос или предложение. В этом случае формируется *речевой акт* отказа от выбора, или согласия, что прагматически эквивалентно единицам типа *да, ладно, хорошо*, также выражающим согласие. Такие употребления дают основания причислить рассматриваемые ФИД к классу *дискурсивных формул*, которые представляют собой «законченную реплику», «в своем функционировании <...> непосредственно связанную с типом предшествующего речевого акта», что выдвигает на первый план ее прагматическое значение [Жукова 2021: 16–17]. Можно только добавить, что в случае с рассматриваемыми ФИД и в отличие от *да, ладно, хорошо*, здесь формируется РА *незаинтересованного согласия*. Особенно это относится к форме *по фиг*, которая синонимична выражению *наплевать* и означает ‘совершенно безразлично, все равно, нет никакого дела’ [Химик 2004: 355], ср.:

(7) *они поедут // # да по фиг* [Ж2 # И96];

(8) *соответственно / ты ручку тоже красил её / *П нахла... накладку / *П ну и по фиг* [И36].

3. Особенности функционирования ФИД в гендерном аспекте

У мужчин и женщин во многом специфический выбор единиц лексикона. В корпусе ОРД выявлены 32 контекста с исследуемыми формами-идиомами. В речи мужчин – *без разницы* 5 раз, *по барабану* 6 раз, *по фиг(у)* – 10 раз; в речи женщин – *без разницы* 8 раз, *по фиг* – 3 раза. Даже на этом небольшом материале видно, что мужчины в 2 раза чаще женщин используют формы-идиомы данного синонимического класса и выбирают при этом разные (т. е. все возможные) типы единиц.

Первый из этих выводов несколько противоречит общему соотношению устойчивых выражений в мужской и женской речи. Так, по данным [Лю Даян 2019], полученным на корпусе ОРД, «в целом женщины употребляют разные типы идиом в 1,2 раза больше, чем мужчины (364 и 291 употреблений соответственно)» [там же: 110]. Можно предположить, что в данном случае преобладание конкретных форм-идиом в речи мужчин объясняется именно их стилистической сниженностью. Любопытно, однако, что грубо-просторечная форма *по фиг* была употреблена в нашем материале не только мужчинами, но и женщинами, хотя и в три раза реже.

Зато второй вывод полностью соответствует данным, полученным на том же корпусе ОРД, ср.: «индекс лексического разнообразия, определяющийся как отношение однократных лексических единиц к общему числу единиц, составляет по всему корпусу ОРД 0,164; в мужской речи он в среднем выше, чем по корпусу в целом (0,169), в женской речи – несколько ниже (0,128)» [Русский язык... 2016: 197]. Расширение материала может уточнить или скорректировать эти данные.

В целом детальное описание разных ФИД, в том числе сгруппированных по различным критериям, включая отношения синонимии, может быть важно

в разных аспектах: коллоквиалистика (общая теория разговорной речи), теория речевых актов, гендерная лингвистика, а также лингводидактика, при условии учета когнитивной информации, заложенной в единицах русского лексикона.

Литература

Богданова-Бегларян Н.В., Блинова О.В., Мартыненко Г.Я., Шерстинова Т.Ю. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день»: текущее состояние и перспективы // Труды Ин-та русского языка им. В.В. Виноградова. Вып. 21. Национальный корпус русского языка: исследования и разработки / гл. ред. А.М. Молдован, отв. ред. выпуска В.А. Плунгян. М., 2019. С. 101–110.

Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996.

Жукова С.Ю. Дискурсивные формулы русского языка в диахроническом аспекте (на материале XVIII–XXI веков): дис. ... канд. филол. наук. М., 2021.

Кочетова О.А. Проблемы и задачи когнитивной лингвистики // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2006. С. 51–53.

Лекант П.А. К вопросу о формах-идиомах в русском языке // Проблемы фразеологии и задачи ее изучения в высшей и средней школе. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1965. С. 41–43.

Лю Даян Фразеологизмы в русской повседневной речи: типология и функционирование: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2019.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп». 2007.

ОРД – Корпус повседневной русской речи «Один речевой день» // <https://ord.spbu.ru/>

Русский язык повседневного общения: особенности функционирования в разных социальных группах. Коллективная монография / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: ЛАЙКА, 2016.

Серль Дж.Р. Классификация иллокутивных актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М.: Прогресс, 1986. С. 170–194.

Телия Е.Н. Большой фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс. 2006.

Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель, АСТ. 2008.

Химик В.В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи. СПб.: Норинт, 2004. 768 с.

Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Наука, 1960.

*Wu Nan (St. Petersburg Russia)
Saint Petersburg State University*

FORMS-IDIOMS WITH THE MEANING “DOESN’T MATTER” IN RUSSIAN EVERYDAY SPEECH: GENDER AND COGNITIVE APPROACH

This article is devoted to the description of the characteristics of form idioms (Fid) in the meaning of “do not care” (*po fig(u), bez raznitsy, po barabanu*) on the material of the corpus of Russian everyday speech “One speech day”. FID are fixed in the linguistic consciousness of a native speaker of the Russian language; in oral discourse they form an expressive speech act, sometimes a speech act of consent. In the gender aspect of their study, men are able to use more idiom forms than women.

Key words: colloquial speech, form-idiom, speech act, gender, cognitive approach, corpus approach.

*А.А. Хвостенко (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
anna.khvostenko@ngs.ru*

ПОСТРОЕНИЕ КОГНИТИВНЫХ МОДЕЛЕЙ ТЕРМИНОВ СВОЙСТВА “WIF И “HŪS-BONDA” НА МАТЕРИАЛЕ ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ

Когнитивная лингвистика позволила изменить методологию традиционной лингвистики, теперь язык может быть изучен как средство познания мира, являясь результатом его категоризации и концептуализации. На основе этого постулата рассматривается построение когнитивных моделей свойства “wif” и “hūs-bonda» на материале древнеанглийских текстов и статей словаря Босворта-Толлера.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивные модели, термины свойства, древнеанглийский период.

Когнитивная лингвистика внесла изменения в современные исследования в области языка и культуры, в познавательные установки, оказала непосредственное влияние на анализ терминологии кровного родства и свойства, так как была изменена методология традиционной лингвистики. В рамках когнитивной лингвистики язык изучается как средство познания мира и является результатом его категоризации и концептуализации. Наше знание организовано посредством «идеализированных когнитивных моделей» (далее ИКМ). ИКМ используются в формировании категорий и в мышлении. Следовательно, утверждение о том, что общекогнитивные механизмы используются языком, можно принять в качестве рабочей гипотезы, по крайней мере, в том, что касается категоризации. Данная гипотеза позволяет Лакоффу [Лакофф 2004] на основании языковых данных разрабатывать теорию ИКМ, положения которой дают нам возможность построить когнитивные модели терминов свойства на материалах древнеанглийских текстов [Хвостенко 2015].

В сферу наших научных интересов попадает терминология свойства, которая появилась благодаря институту брака, в свою очередь, являющемуся одним из фундаментальных феноменов социальной организации. Исследуемые термины являются проекцией общекультурных представлений об институте брака. Этимологический анализ системы англосаксонских свойственных отношений помогает нам построить когнитивные модели таких основных терминов свойства, как “wif” и “hūs-bonda”.

Изучаемые нами термины находят свое отражение в эпосе «Беовульф», где показан период зарождения феодальных связей, господство патриархально-родовых отношений. В обязанности женщины входит продолжение рода и ведение хозяйства. Таким образом, женские персонажи не представлены ярко в англосаксонской литературе. Несмотря на второстепенную роль женщины, одним из примеров является Вальхтеов (жена правителя Хродгара), которая первая встречает Беовульфа, и рассматривается здесь в качестве королевы, украшенной золотом, хозяйки дома.

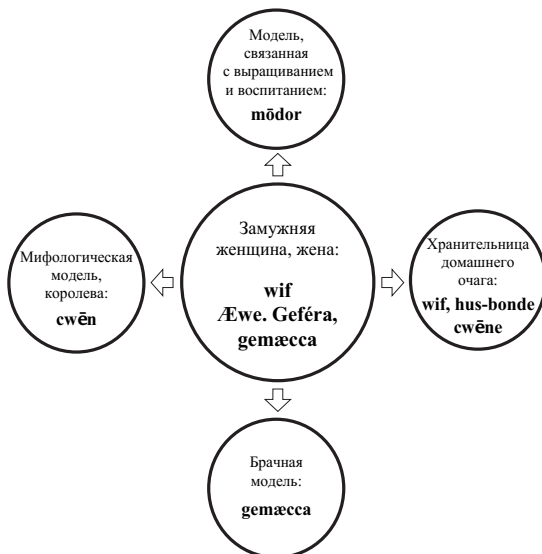

Рис. 1. Когнитивная модель “wif”

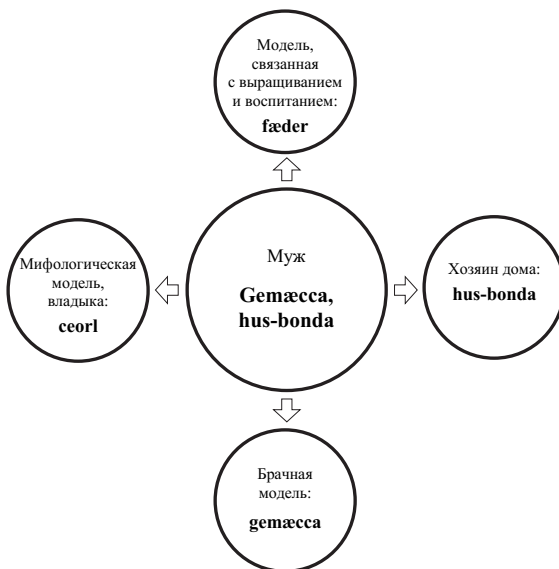

Рис. 2. Когнитивная модель “hus-bonda”

Понятие «жена» в древнеанглийском языке передается через определенный набор терминов, как: “*cwēne*” (женщина, жена, королева), “*æwe*” (замужняя женщина) “*gefēra*” *m*, “*gemaessa*”, *f* (жена), “*wif*” *n* (женщина, жена), “*hus-bonde*” *f* (хозяйка дома) [Хвостенко 2017].

Анализ данных терминов позволяет построить нам следующую модель (см. рис. 1).

Анализируя термин “*hūs-bonda*” («муж»), находим, что “*hūs*” означает «дом», а “*bonda*”, согласно словарю Босворта – Толлера: “*A husband, an householder, a master of a house*”.

Другие термины, характеризующие понятие «муж», это: “*ceorl*” *m*, “*gemaessa*” *m*, (муж), “*hus-bonda*” *m* (хозяин дома). Согласно словарным статьям древнеанглийского языка термин “*ceorl*” имеет следующие значения:

I. *freeman of the lowest class*;

II. *a man, husband*;

III. *a free man, as opposed to a slave*. [5, 151 <http://bosworth.ff.cuni.cz/006049>]

Следует обратить внимание, что значение «муж», «мужчина» стоит лишь на втором месте [Хвостенко 2017].

Таким образом, изученные нами модели являются доказательством того, что понятия «муж» и «жена» в древнеанглийском языке передаются не только через индивидуальные обозначения, но имеют общий термин “*gemaessa*”. Ключевыми терминами остаются: “*wif*”, “*hūs-bonde*”, “*hus-bonda*”, “*cwēne*” и “*æwe*”. Важными составляющими системы родственных отношений в англосаксонском обществе являются понятия «муж» и «жена», что нашло отражение в построении когнитивных моделей изучаемых терминов.

Литература

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Хвостенко А.А. Построение идеализированных когнитивных моделей на примере термина кровного родства «мать» // Язык и культура. 2015. № 20. С. 129–135.

Хвостенко А.А. Анализ структур когнитивных моделей свойства на материале древнеанглийских текстов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (73). Ч. 3. С. 188–193.

Beowulf: URL: <http://www8.georgetown.edu/departments/medieval/labyrinth/library/oe/texts/a4.1.html>

Bosworth J. An Anglo-Saxon Dictionary / J. Bosworth, T.N. Toller // *An Electronic Application on CD-ROM*. URL: <http://lexicon.ff.cuni.cz/app>

A.A. Khvostenko (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

CONSTRUCTION OF COGNITIVE MODELS OF THE AFFINITY TERMS “WIF” AND “HŪS-BONDA” ON THE MATERIAL OF OLD ENGLISH TEXTS

Cognitive linguistics has made it possible to change the methodology of traditional linguistics, now language can be studied as a means of cognition of the world, being the result of its categorization and conceptualization. Based on this postulate, the construction of cognitive models of the “*wif*” and “*hūs-bonda*” is considered on the material of Old English texts and articles of the Bosworth-Toller dictionary.

Key words: cognitive linguistics, cognitive models, terms of affinity, Old English period.

*Е.Г. Хомякова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
e.khomyakova@spbu.ru*

ПОЛИТИКА И ИСКУССТВО В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ²⁵

Представленная работа посвящена исследованию структуры кластерного концепта POLITICS, особенностям его репрезентации в англоязычных искусствоведческих текстах о советском искусстве, а также изучению характера и мотивации оценки его субконцептов, а ее результаты позволяют говорить о тесном взаимодействии концептуально-смысловых пространств искусства и политики.

Ключевые слова: искусствоведческий дискурс, концепт, кластер, искусство.

Искусствоведческий дискурс справедливо считается одним из наиболее специфических типов дискурса. Как и само понятие «дискурс», которое неоднозначно трактуется в современных лингвистических исследованиях, термин «искусствоведческий дискурс» представляет собой языковое пространство, для которого характерна особая ситуация общения. Понимание искусствоведческого дискурса как разновидности коммуникативной деятельности, связанной с интерпретацией произведения искусства в устной и письменной речи в соответствии с принятыми правилами и нормами, является чрезвычайно ценным в отношении интерпретации особенностей его функционирования [Милетова 2013]. В этой связи исключительно важным представляется определение искусствоведческого дискурса как вербализованного относительно произведения искусства опыта мышления, которое организовано в рамках восприятия, оценочности и других дискурсивных стратегий [Булатова 1999]. К основным чертам искусствоведческого дискурса относят использование в описании картин эмоционально окрашенной лексики, воздействующей на реципиента для привлечения его внимания к наиболее значимым деталям картины и активизации его образного мышления. Еще одной существенной характеристикой искусствоведческого дискурса справедливо считают гипертекстуальность, которая выражается в наличии глоссариев, ссылок, сносок, авторских комментариев, т. е. элементов, без которых понимание искусствоведческого текста было бы затруднительно.

Наконец, весьма значимой для искусствоведческого дискурса является его концептосфера, которая, как полагают специалисты, отражает взаимоотношения ментальных сущностей с экстралингвистической реальностью. Традиционно считается, что базовыми для англоязычного искусствоведческого дискурса являются концепты ART, PAINTING, NATURE, BRITAIN. Однако концептуальное поле в тексте искусствоведа, намного шире и зависит, как от

²⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276

жанра произведения искусства, времени его создания, так и от личности художника, политических и культурных взглядов, которые он разделяет. Оценка мастерства и мировоззрения художника, тематика картины и ее соответствие социально-ценностному контексту дополняют рецензию искусствоведа. Поэтому неудивительно, что тексты западных экспертов о советском искусстве имеют общественно-политическую направленность и включают в свое понятийное пространство концепты, объединенные в кластер POLITICS.

Понятие концептуального кластера в последнее время активно изучается в рамках когнитивной лингвистики и рассматривалось нами ранее: «Взаимодействие ценностных концептов на основе *ассоциативно-смысловых связей*, может организовывать их в *ценностно-значимые кластеры*, составляющие которых, передают, например, отношения между людьми – LOVE, FRIENDSHIP, RESPECT или *ценностно-нейтральные кластеры*, передающие эмоциональное состояние человека – ANGER, FEAR, JOY, SURPRISE. Приведенные концепты характеризуются в рамках своих кластеров отсутствием взаимозависимости, а также высокой степенью самостоятельности языковой репрезентации» [Хомякова 2018:90].

Изучение смыслового содержания концепта POLITICS приводит к пониманию того, что во все времена политика, проводимая государством, играла чрезвычайно важную роль в жизни как отдельного индивида, так и всего общества в целом. Данный концепт очень широко освещён в различных видах дискурса – историческом, общественно-политическом, теологическом, научном и искусствоведческом. Проведенный дефиниционный анализ позволяет утверждать, что основными значениями слова *politics* являются «деятельность органов государственной власти и государственного управления, отражающая общественный строй и экономическую структуру страны», а также, например, «общественный строй, экономическая структура страны, партия, общественная группировка, государственная власть, государственное управление» (OLD, MWD, СРЯ). Это означает, что, как и в любом другом сложном концепте, в структуре концепта POLITICS можно выделить целый ряд субконцептов, которые эксплицитно или имплицитно представлены в англоязычных искусствоведческих текстах как культурно-специфические понятия, посвященных русскому искусству XX века. К разряду высокочастотной в проанализированных искусствоведческих текстах можно отнести репрезентацию субконцептов POWER, IDEOLOGY, REGIME, PROPAGANDA, которые формируют концептуальный кластер POLITICS и функционируют в рамках оппозиции «Свой – Чужой», отражающей противостояние культур, политических систем и идеологий Запада и Востока, что зачастую предопределяет знак их оценки.

Как показывает анализ, коннотация субконцепта IDEOLOGY, входящего в кластер с доминантой POLITICS, находится в прямой зависимости от отношения эксперта к официальной позиции Советского Союза, что в данном случае объясняет, в целом, положительную оценку произведения искусства и его автора.

(1) Political posters deliver accessible and unambiguous messages to a diverse audience, translating complex ideologies into a concrete visual vocabulary.

(*Early Soviet posters are remarkable for their bold aesthetics, angled viewpoints, penchant for geometric shapes, shifts in scale, abundant use of photography and ingenious placement of scripts.*) (SOVIET POSTERS FROM the Museum of Russian Art COLLECTION).

В данном примере эксперт положительно отзывается о советском плакате, на что указывают прилагательные с положительной коннотацией *accessible and unambiguous (messages)*. Отмечая мастерство художника в транслировании сложных идеологических понятий посредством конкретных художественных приемов и образов, он косвенно выражает свое отношение и к идеологии государства.

В примере (2) обращает на себя внимание то, что текст изобилует политической лексикой, транслирующей семантику исследуемого концептуального кластера, способствуя, тем самым, его исчерпывающей репрезентации: *Russian propaganda, Soviet past, Soviet ideology, perestroika*, а словосочетание *to emulate the West* возвращает читателя к противостоению Запада и Востока:

(2) *Yet, unlike Russian propaganda, which diligently distances itself from the Soviet past, the perestroika poster still showed its continuity with the old Soviet ideology. Nevertheless, the new trend of the perestroika posters was self-flagellation, the rejection of the Soviet past and the desire to emulate the West. In fact, these posters did not answer questions about the main idea of perestroika, and from the point of view of the present time they look naive and treacherous* (Soviet social poster of Perestroika time).

В данном примере отрицательная оценка распространяется в первую очередь на автора плакатов, созданных во времена перестройки. Эксперт считает, что плакатам не хватает оригинальности, поскольку, по его мнению, их создатели пытаются «имитировать» (*emulate*) искусство западных стран, при этом отрицая историческое наследие своей собственной страны (*rejection of the Soviet past*). Оценка в данном примере выражена эксплицитно, на что указывает выражение *did not answer questions about the main idea of perestroika*, а также экспрессивные прилагательные *naive* (наивный) и *treacherous* (предательский). Доступность визуального материала, когда художник способен, по мнению эксперта, недвусмысленно передать сложные политические послания, оценивается положительно.

Еще одно важное понятие из концептуального кластера с доминантой POLITICS, представлено субконцептом REGIME, который в самом широком смысле определяется как способ организации политической системы, который отражает отношения власти и общества, уровень политической свободы и характер политической жизни в стране. В русскоязычных текстах понятие «режим» чаще всего употребляется в негативном контексте в силу его семантической связи с такими понятиями как строй, порядок, хотя, как известно, политические режимы подразделяются на демократические и антидемократические.

(3) *In this exhibition, it stands alongside examples of Vladimir Mayakovsky's 'Rosta' window-posters, film footage of an 'agit-train' delivering propaganda to*

Russia's regions, and a minute-long sequence of grainy images from the 1920 'Storming of the Winter Palace' staged by Nikolai Evreinov to mark the third anniversary of the Bolshevik seizure of power. All of these remind us of the urgency with which the Soviet regime worked to secure its grip on a vast empire beyond the febrile streets of Petrograd and the speed with which control of the historical narrative enabled both a rewriting of Russia's past and a vision of what its new future could be (Utopia and Nowhere: Soviet Art at the Grand Palais, Paris).

В данном примере оценка связана не с личностью художника или его мастерством, а с изображаемыми событиями. Эксперт обращает внимание на то, как произведения искусства послереволюционного периода передают поспешность, с которой советская пропаганда распространялась по стране. Хотя оценка не выражена эксплицитно, некоторые маркеры указывают на ее негативный характер. Так, например, сочетание *secure its grip on a vast empire* говорит о жесткости (*grip*) советского режима в послереволюционной России и стремление власти захватить контроль над страной: *control of the historical narrative enabled both a rewriting of Russia's past and a vision of what its new future could be*. Таким образом, эксперт имплицитно передает свое видение основной цели политики государства в период советской власти (*the Soviet regime*), которое понимает как переписывание прошлого и внушение новых идеалов.

Проведенный анализ англоязычного языка искусствоведческого дискурса позволяет сделать вывод (1) о тесной семантической связи субконцептов REGIME, IDEOLOGY, PROPAGANDA в концептуальном пространстве кластера с доминантой POLITICS; (2) о смешанном характере оценки произведения искусства экспертом в зависимости от того, что выступает ее объектом и о возможной корреляции положительной и отрицательной оценки в одном контексте; (3) о широкой смысловой вариативности искусствоведческого дискурса, которая определяется пространственно-временными и геополитическими условиями его создания и культурно-ценностными параметрами его тематики, (4) о тесном взаимодействии политики и искусства в событийном пространстве искусствоведческого дискурса.

Литература

- Булатова А.П. Лингво-когнитивный анализ искусствоведческого дискурса: (тематические разновидности – музыка, архитектура): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.
- Милетова Е.В. Англоязычный искусствоведческий дискурс: природа и лексическое наполнение // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2013. № 4. Ч. 2. С. 114–119.
- Хомякова Е.Г. Ценностные образования в концептуальном пространстве английского языка / Когнитивные исследования языка. Вып. XXXIII. 2018. С. 87–93.
- СРЯ – Словарь русского языка. М. «Русский язык». 1986.
- MWD – Merriam-Webster Dictionary/ URL: <https://www.merriam-webster.com/>
- OLD – Oxford Learner's Dictionary/ URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>

*E.G. Khomyakova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University*

POLITICS AND ART IN ANGLOPHONE ART DISCOURSE

The research deals with the peculiarities of the conceptual cluster POLITICS representation in Anglophone art discourse on Soviet visual arts, as well as with the character and motivation of its subconcepts valuation by art experts and the results of the analysis which prove the coordination of such notions as art and politics.

Key words: concept, cluster, discourse, valuation, politics, art.

*А.А. Хохлов (Москва, Россия)
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
bart.reutov@list.ru*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ДИАДЫ «ВОЙНА – МИР» В СОВРЕМЕННОМ ГАЗЕТНОМ ЗАГОЛОВКЕ (НА ПРИМЕРЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КРЫЛАТЫХ ЕДИНИЦ В РОССИЙСКОЙ ПРЕССЕ)

В статье рассматриваются основные способы репрезентации диалды «война – мир» в современной газетной прессе. Выявлены и проанализированы наиболее употребительные крылатые единицы, используемые в контексте современного заголовка. Концептуальная диалда «война- мир» рассмотрена в качестве макроконцепта, включающего в себя ряд других концептов.

Ключевые слова: крылатые единицы, диалда «война – мир», заголовок, российские газеты.

Концептуальная диалда «Война и мир» представляет собой совокупность понятий, способную отразить общечеловеческие ценности, а также представить обобщенное знание о бытийных ситуациях, отражающих особенности русского понимания и интерпретации мира.

Концептуальная диалда «война – мир» объективируется КЕ *За себя и за того парня* (ЭСКСВ: 263), *Враг будет разбит. Победа будет за нами!* (ЭСКСВ: 140), *Наверх вы, товарищи, все по местам!* (Серов 2020: 474), *Вставай, страна огромная!* (ЭСКСВ: 157), *Бери шинель, пошли домой* (ЭСКСВ: 53), *В здоровом теле здоровый дух* (БСКСВРЯ 1: 169); *Если хочешь быть здоров, закаляйся* (БСКСВРЯ 1: 169), *От всех болезней нам полезней / Солнце, воздух и вода* (ЭСКСВ: 431), *Если завтра война* (ЭСКСВ: 237), а также КЕ-трансформами: «варьирование компонентов КЕ значительно расширяет её способность к репрезентации определённого концепта» [Ломакина, Хохлов 2022: 77].

В рассматриваемых заголовках, репрезентующих исследуемую концептуальную диалду, наиболее часто встречаются КЕ, содержащие элемент, семантически связанный с указанными концептами. В ходе исследования удалось установить, что нередко в качестве первоисточника анализируемых заголовков военной тематики выступают советские песни. Представим заголовки, включающие КЕ из синтетических видов искусства.

«*Бери шинель, пошли домой!*» («КП», 25.06.2015). Ср.: *Бери шинель, пошли домой!* – «цитируется в качестве предложения оставить какие-либо дела, занятия» [Серов 2020: 53]. Пример использования КЕ в «чистом виде». Как правило, в подобных случаях экспрессия оказывается стертой. В.М. Мокиенко отмечает, что в случае такого рода употребления исходные выражения «соотносятся с контекстом лишь как элементы, воплощающие целостную семантику всей ФЕ» [Мокиенко 1989: 103]. Использование КЕ в данном заголовке позволяет без трансформации исходного выражения актуализировать содержание статьи, посвященной происхождению песни, являющейся источником обозначенного выражения. Учитывая, что КЕ представляет рефрен песни, читатель уже на этапе прочтения заголовка может определить тематику статьи.

«*Наверх вы, товарищи, все по местам!*» («Аргументы и факты», 02.04.2022). Ср.: *Наверх вы, товарищи, все по местам!* (из песни «Варяг», в которой восхваляется подвиг моряков одноименного русского крейсера).

Использование автором данной КЕ в качестве претекста позволяет говорить двойной актуализации исходного выражения, в результате чего наблюдается обновление семантики и усиление экспрессии. Употребление в данном контексте КЕ позволяет автору акцентировать внимание читателей на побудительность образованного заголовка. Военная тематика исходного выражения не случайна: журналист рассказывает о военном фильме «Курск», в основе которого лежит история о моряхах-подводниках. Таким образом, посредством языковой игры, происходит невербальная актуализация первоисточника КЕ в контексте статьи.

Обратимся к заголовкам, авторы которых используют КЕ-цитату «*Вставай, страна огромная!*» из одноименной песни композитора С.С. Прокофьева на слова советского поэта В. А. Луговского:

«*Вставай, страна огромная!*» («Коммунист», 10.04.2020). В статье рассказывается о группе Краснознамённого ансамбля красноармейской песни и пляски СССР, впервые исполнившей «Священную войну» 26 июня 1941 года на Белорусском вокзале: «*Вставай, страна огромная!*» («Факт», 01.05.2020). Статья посвящена судьбам почти 20 000 балашихинцев, отправившихся на поля сражений в 1941 году, из которых около 9000 не вернулись; «*Вставай, страна огромная!*» («Советская Россия», 23.06.2016). Автор статьи описывает историю создания обозначенной песни; «*Вставай, страна огромная! Вставай на смертный бой!*» («Дагестанская правда», 07.07.2017). Автор статьи анализирует хронологию военных событий 1941 года.

Приведённые примеры демонстрируют функциональный потенциал обозначенной КЕ, способной актуализировать контексты, связанные не только с первоисточником исходного выражения, но и с событиями Великой Отечественной войны. Учитывая происхождение и вербальную задачу песни – источника, описываемый функционал представляется естественным.

Подобным образом построен заголовок «*За себя и за того парня!*» («ННК», 20.09.2020); в качестве актуализатора содержания статьи выступает КЕ из одноименной песни (1970), написанной композитором М. Фрадким на стихи

Р.И. Рождественского. Не используя трансформацию компонентного состава, автор задействует исходное выражение «в готовом виде». Как результат – используемый инвариант, задействующий ассоциативную валентность языкового знака в сознании читателя, позволяет автору уже до прочтения статьи установить с адресантом коммуникативный контакт. Статья посвящена героическому труду советского народа до времена Великой Отечественной войны.

Отметим, что репрезентация военных событий, описываемых в представленных статьях, осуществляется также посредством вербализации концептуальной диады «война и мир», включающей концепт «Великая Отечественная война». Представленные заголовки позволяют проследить незамкнутость крылатики, что, по мнению С.Г. Шулежковой, является констатацией «высокой степени освоенности» КЕ. [Шулежкова 2002: 232].

КЕ «*Враг будет разбит. Победа будет за нами!*» из речи народного комиссара иностранных дел СССР В. М. Молотова [Серов 2020: 140], используя в нижеприведенной серии заголовков, актуализируя содержание статей, вербализует концептуальную диаду «война и мир».

«*Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!*» («Новое Заволжье», 02.04.2022). Статья посвящена функционированию и публикациям данного издания в годы Великой Отечественной войны. Формируя заголовок, автор использует имплицитное цитирование, придающее заголовку экспрессивность и создающее отсылку к тематике статьи.

««*Враг будет разбит, победа будет за нами!*»» («Заполярная правда», 03.05.2018). Автор статьи рассказывает о судьбе героев-партизан Анатолии Митрофановиче Градюшко и Иване Александровиче Утриванове. Используемые автором кавычки позволяют констатировать эксплицитное цитирование. Использование данной КЕ в заголовке позволяет журналисту уже на этапе формирования заголовка актуализировать отраженные в статье понятия *трудность – победа*, последнее из которых вербализуется в последней части статьи: «...и в последнюю минуту фашистов неожиданно атаковали партизаны, легко разбившие карателей».

«*Победа будет за нами!*» («Известия», 09.05.2018). Используемая КЕ задействуется в заголовке в усеченном виде, что позволяет автору вербализовать торжественность, заложенную в исходном выражении. Трансформация компонентного состава КЕ, приводящее к сужению семантики, дает возможность автору, конкретизируя сообщение статьи, не только привлечь внимание читателя, но и оказать на него эмоциональное воздействие. Таким образом, КЕ, подвергаясь комплексному преобразованию в составе заголовка, актуализируется в содержании статьи, в которой приводятся размышления главного редактора журнала «Историк» Владимира Рудакова о гордости и грусти праздника 9 Мая.

Нередко у КЕ прослеживается многоступенчатая этимология: являясь строкой из песни, она может преобразоваться в название художественного фильма и/или литературного произведения. В подобных случаях границы поиска первоисточника исходного выражения расширяются. Примером такого выражения

является КЕ «Если завтра война», которая, будучи фрагментом песни, написанной композиторами братьями Дмитрием и Даниилом Покрассами, трансформировалась в название советского кинофильма (1938) [Серов 2020: 140]. Рассмотрим заголовки, включающие данную КЕ.

«Если завтра война: критерии победы и поражения» («Юридическая газета», 25.02.2022). Заголовок включает КЕ без грамматических и синтаксических трансформаций; актуализация содержания статьи происходит посредством включения исходного выражения в готовый контекст заголовка. В статье автор рассматривает перспективы начавшейся «войны с Западом», анализируя критерии победы и поражения. Таким образом, происходит преобразование фразеологического значения в смысл, отраженный в статье. Актуализация происходит за счет смещения смыслового акцента на компонент *война*, являющийся в данном контексте смыслообразующим. Языковая игра, посредством которой происходит переосмысление КЕ, конкретизируя ее значение, позволяет журналисту создать интригующий заголовок, тем самым привлечь внимание читателя.

«Если завтра война» («Новая газета», 28.07.2016). Статья посвящена репрессиям советского правительства в период с 24 по 30 июля 1937 года. Используемая КЕ в составе заголовка выступает в качестве актуализатора содержания статьи. Компонент *завтра*, вербализуясь в значении «ближайшее будущее» [МАС 1: 505], актуализирует описываемое время репрессий как непосредственно близкое к войне, в то время как компонент *война* отождествляет происходящее с приближением Великой Отечественной войны, репрезентуя соответствующий концепт. Таким образом, КЕ претерпевает семантическое преобразование, в результате чего заголовок приобретает информативную насыщенность, а образовавшаяся экспрессия транслирует потенциальному читателю авторские интенции.

Анализ рассмотренных заголовков позволяет говорить о концептуальной диаде «Война и мир» как о макроконцепте, включающем в себя такие концепты, как «Спорт», «Политика», «Общество». Проведенный анализ основных способов репрезентации рассматриваемой диады посредством актуализации рассмотренных КЕ демонстрирует варьированности крылатики, что позволяет ее рассматривать в качестве одного из наиболее употребительных языковых средств, используемых в современной публицистике.

Литература

Ломакина О.В., Хохлов А.А. Варьирование крылатых единиц как способ расширения репрезентантов концепта (на материале газетных заголовков 2020–2022 гг.) // Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 1 (37). С. 72–80.

Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1980; 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989.

Шулежкова С. Г. Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М.: Азбуковник, 2002.

*A.A. Khokhlov (Moscow, Russia)
St. Tikhon's Orthodox University*

REPRESENTATION OF THE WAR-PEACE DYAD IN A MODERN NEWSPAPER HEADLINE (USING THE EXAMPLE OF THE USE OF WINGED UNITS IN THE RUSSIAN PRESS)

The article discusses the main ways of representing the dyad "war-peace" in the modern newspaper press. The most common winged units used in the context of a modern title are identified and analyzed. The conceptual dyad "war-peace" is considered as a macro concept that includes a number of other concepts.

Keywords: winged units, dyad «war – peace», headline, Russian newspapers.

*О.А. Хрущева (Оренбург, Россия)
Оренбургский государственный университет
hrox@mail.ru*

ОТГОЛОСКИ ТЕОРИИ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена описанию и анализу актуальных тенденций в сфере производства рекламной продукции (в частности брендинга и формулировки слоганов) в свете теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера. Автор утверждает, что несмотря на емкость и неординарность, рекламные наименования и слоганы подобного типа вызывают неоднозначную реакцию со стороны потребителя.

Ключевые слова: концептуальная интеграция, реклама, бренд, слоган.

В современном мире реклама окружает нас повсюду и по-прежнему остается двигателем торговли. Механизмы работы маркетологов и специалистов по связям с общественностью разнообразны и зачастую изощрены. Реклама имеет своей целью воздействие на все органы чувств потребителя, его сознание и подсознание. Именно на этом уровне влияние особенно значительно, а при самоанализе – значимо.

В более ранних работах мы уже обращались к исследованию единиц особого словообразовательного типа, которые получили название блендов-гибридов [Хрущева 2016: 185]. Их структурно-семантический и контент-анализ показал, что названные лексемы создаются на основе интеграции двух языковых систем, при этом их значение не сводится ни к одному из образующих его пространств, ни к сумме их элементов, но сочетает их черты и тем самым становится уникальным. В качестве примеров приводились образцы рекламной кампании производителя пива "Tuborg Green": *greendiuozno < green + grandiuozno; вечегreenка < green + вечеринка.*

На сегодняшний день приходится констатировать тот факт, что тенденция к порождению гибридных единиц сохраняется. Более того, российские маркетологи и специалисты сферы рекламы все чаще прибегают к интеграции, как на билингвальной основе, так и на почве родного языка. Данный рекламный

механизм воздействует на потребителя и благодаря емкости, яркости и краткости порождаемого рекламного наименования заставляет нас задуматься о приобретении товара или услуги, а также порождает в нашем сознании разнообразные ассоциации, пробуждает фоновые знания и стимулирует реакции.

Согласно теории концептуальной интеграции [Turner, Fauconnier 1995], смешанное пространство, получаемое на выходе в результате комбинации входных пространств, отражает информацию, хранящуюся в долговременной памяти, что позволяет проводить взаимосвязи между концептами.

Рассмотрим слоган Оренбургской производственно-торговой компании ООО «Сордес» – «*Полный грызлак*» (рис. 1), который представляет собой образец и продукт концептуальной интеграции на основе прецедентного высказывания «полный релакс», получившего распространение в разговорно-бытовой сфере общения в среде носителей русского языка, и глагола «грызть», непосредственно связанного с продукцией, реализуемой названной компанией. Выходное смешанное пространство в данном случае характеризуется взаимосвязью с такими ассоциациями, как отдых, возможность расслабиться и забыть о заботах и проблемах, что, несомненно, оказывает положительное влияние на потребительскую способность.

Обратная реакция зачастую может наблюдаться у потребителей, среднестатистических жителей российских городов, когда они сталкиваются с рекламными названиями, вызывающими непонимание и отторжение с их стороны.

Рис. 1. Слоган Оренбургской производственно-торговой компании ООО «Сордес»

Обозначенные эмоции вызваны всевозрастающей тенденцией к порождению неординарных наименований, брендов для организаций и компаний-поставщиков разнообразных товаров и услуг. Неординарность проявляется на графическом уровне (использование латинского алфавита для русскоязычных лексем или их составных элементов): салон красоты *КонFFетка*, магазин скобяных товаров *КренеZJ*, ателье по ремонту и пошиву одежды *So'шью*. В ряду подобных примеров также могут быть названы наименования, в состав которых входит заимствованный компонент, созвучный элементу исходного русскоязычного слова: комбинат общественного питания *СмоLOVEая*, магазин детской обуви *АртиCOOL*, пивные магазины *ПроBEERка*, *BEERёза*. В некоторых случаях интеграция порождает игру слов: магазин оптики *ГлазGO*, ресторан быстрого питания *TWO PIZZA*, пивной магазин *Пив&Live*. Отметим, что по данным проведенного социологического опроса жителей города Оренбург, наименования подобного типа вызывают неоднозначную реакцию у горожан: лишь 10 % населения считают их понятными и смешными, 50 % реагируют на них отрицательно, испытывая затруднения при их прочтении, верном произнесении и адекватном понимании их значения, и как следствие сложности при определении профиля организаций с названиями такого рода.

В заключение отметим, что по результатам наблюдения и фиксации актуальных тенденций в рекламном дискурсе механизм концептуальной интеграции

активно задействуется специалистами данной сферы, которые однозначно горды продуктами своего интеллектуального и творческого труда, но, с другой стороны, потребитель относится к рекламным наименованиям такого рода с предубеждением, несмотря на их несомненные и неотъемлемые достоинства.

Литература

Хрущева О.А. Проявление принципа синкретизма в словообразовании // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 183–185.

Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression. Metaphor and Symbolic Activity. 1995. № 10. P. 183–203.

O.A. Hrushcheva (Orenburg, Russia)
Orenburg State University

THE LEGACY OF CONCEPTUAL INTEGRATION THEORY IN TODAY'S ADVERTISING DISCOURSE

The paper provides the description and analysis of current trends in advertising (brand and slogan making) in the framework of conceptual integration theory by M. Turner and G. Fauconnier. The author claims that despite their brevity and ingenuity brand names and slogans may cause a mixed response on the part of the customers.

Key words: conceptual integration, advertising, brand name, slogan.

Л.В. Цвенгер (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
czvenger@corp.nstu.ru

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЦВЕТА РОЗОВЫЙ В РУССКОЯЗЫЧНОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются некоторые аспекты концептуализации цвета *розовый* на материале колоративной лексики русскоязычного газетного дискурса. Анализ интерпретации цветовой семантики позволяет установить содержание концепта РОЗОВЫЙ.

Ключевые слова: концепт, цвет, розовый, колоративная лексика, газетный дискурс.

Поскольку одной из актуальных проблем когнитивной лингвистики является соотношение ментальных репрезентаций и их языковой вербализации, то семантическая интерпретация колоративной лексики может способствовать установлению содержания и структуры концепта ЦВЕТ как единицы национального сознания. Представляется, что такое исследование вносит определённый вклад в изучение лежащих в основе семантики колоративных единиц культурных кодов, ценностей, стереотипов и т. п., характерных для определённого этноса.

Актуальность детерминирована общим контекстом современной лингвистической науки, нацеленной на решение вопросов, связанных с необходимостью изучения языковых фактов, функционирующих в конкретном типе дискурса.

Цель данной статьи – на материале колоративной лексики русского газетного дискурса выявить концептуальное наполнение цвета *розовый*.

Цвет как универсальная категория бытия на протяжении всей истории развития научной мысли является объектом междисциплинарного исследования различных наук. Лингвистический интерес к данному феномену обусловлен тем, что системе цвета в реальной действительности соответствует лингвистическая система цвета, которая пронизывает всю систему языка, в том числе и специальную лексику всех областей знаний [Кульпина 2001: 20]. Анализ накопленного теоретического материала в сфере лингвистических исследований колоративной лексики, свидетельствует о достаточно широкой проблематике данного феномена, рассматриваемого в русле различных подходов: исторический, лексико-семантический, психолингвистический, культурологический, сопоставительный, когнитивный и др.

Известно, что с древнейших времён восприятие человеком цвета не просто связано с определённым предметом окружающей действительности, но также включает в себе некую эмоциональную составляющую. Так, ещё Аристотель выделяет три основных цвета и соотносит их с явлениями окружающей действительности: *белый* – вода, воздух и земля; *чёрный* – разрушение, распад, переходность состояний; *жёлтый* – пламя огня [Лосев 1963: 305] Более того «именно сочетаемость с природными объектами даёт возможность цветовому

признаку конвенционализироваться и приобретать коннотации» [Рахилина 2008: 35]. Иными словами, «за базовым цветом, как правило, всегда стоит некоторый концепт, а не просто часть спектра, и именно он, а не физический цвет определяет сочетаемостные возможности базового прилагательного цвета» [там же]. В данной работе вслед за В.И. Карасиком, мы понимаем концепт как «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийные стороны» [Карасик 2004: 109].

Важно указать, что с одной стороны – цвет является универсальной категорией, с другой стороны данный феномен, как правило, связан с определённым, закреплённым в этнокультуре эмоционально окрашенным восприятием [Морщинский 2019]. Именно образные ассоциации составляют фундамент визуального, наглядно-чувственного выражения цвета, а также его вербальной номинации. Иными словами, цвет как концепт является универсальным феноменом, но в то же время содержит определённые культурно-обусловленные компоненты.

Поясним, что в настоящем исследовании колоративная лексика рассматривается как одно из значимых средств воздействия и выразительности современного газетного дискурса [Олянич 2016: 117]. Обращение к газетному дискурсу обусловлено идеей об антропоцентричности его пространства. Данный когнитивно-коммуникативный феномен представляет собой совокупность актуализации текстовых конструкций в условиях массовой коммуникации, и способствует обмену социально значимой актуальной информацией [Куёк 2005; Бобровская 2011 и др.].

Анализ фактического материала показал, что концептуализация цвета РОЗОВЫЙ может включать интерпретацию как внешних, так и внутренних свойств и характеристик реалий окружающей действительности. В рамках газетного дискурса рассматриваемые колоративные единицы обладают информационным и воздействующим потенциалом, обусловленным оценочными смыслами колоратива *розовый*, а также связанными с данным цветом ассоциациями, которые закреплены в сознании реципиента и актуализируются в процессе восприятия определённого контекста.

В подтверждение сказанного выше обратимся к примеру: *С женщинами все просто – розовая клавиатура «для блондинок» уверенно входит в десятку самых популярных подарков* (Конюхова К.).

В рассматриваемом примере символика цвета *розовый* становится мотивирующей образной основой для выражения автором качественной оценки товара, ориентированного на женщин-потребителей. В данном высказывании цвет не только указывает на гендерный стереотип как высокую степень вероятности того, что розовую клавиатуру выберет именно женщина, но также акцентирует внимание на типаже женщин, для которых данный товар будет особенно привлекателен – блондинки. Манифестация идеи о безошибочности в выборе подарка реализуется посредством ассоциативного ряда *розовый – для блондинок* и коррелирует со стереотипом о «тривиальности» вкуса данного

типажа женщин. Подобным образом на базе стереотипных представлений об оценочно-смысловом наполнении цвета *розовый* происходит формирование других интерпретирующих смыслов колоративной лексики, в своей совокупности составляющих концепт РОЗОВЫЙ. Для построения модели концепта РОЗОВЫЙ мы опирались на предложенную Ш.К. Жаркынбековой модель концепта ЦВЕТ [Жаркынбекова 2003].

В результате анализа семантики колоративной лексики газетного дискурса нам представляется возможным наполнение концепта РОЗОВЫЙ следующими составляющими: розовый как 1) временной параметр (*розовый закат*); 2) природное явление (*розовый пеликан*); 3) признак молодости и здоровья (*розовый младенец, розовые щёчки, розовое личико девушки*); 4) гендерный маркер (*розовый конверт* (для младенца-девочки)); *розовые пистолеты; розовая клавиатура* "для блондинок"); 5) оценка восприятия действительности (*розовые очки, розовые иллюзии, розовые ожидания*); 6) обозначение «своих», в частности, как знак принадлежности к сексуальным меньшинствам (*«розовые» уроки*); 7) символ роскоши (*розовое золото*); 8) символ борьбы с раком груди (*розовая ленточка*); 9) степень прожарки мяса (*розовый сок* стейка); 10) показатель социальной недостаточности (*розовая карточка* - свидетельство об инвалидности по умственной отсталости).

Подводя итог, отметим, что изучение концептуального наполнения колоративной лексики вносит определённый вклад в понимание этнокультурной специфики этноса, так и отдельной языковой личности, выступающей в роли интерпретатора окружающей действительности, а также способствует выявлению механизмов, лежащих в основе рассматриваемых единиц.

Литература

- Бобровская Г.В.* Элокутивные средства газетного дискурса в коммуникативно-прагматическом аспекте: на материале русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2011.
- Жаркынбекова Ш.К.* Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2003. № 1. С. 109–124.
- Карасик В.И.* Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
- Конохова К.* Милый, пришли мне смайлик! // Комсомольская правда, 2013.02.21
- Кук Ф.А.* Языковые средства газетного дискурса: лексико-семантический и прагматический аспекты: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2005.
- Кульпина В.Г.* Лингвистика цвета: Термины цвета в польском и русском языках / Факультет иностранных языков МГУ им. М.В. Ломоносова. М.: Московский Лицей, 2001.
- Лосев А.Ф.* История античной эстетики (ранняя классика). М.: Высшая шк., 1963.
- Морцинский В.С.* Цветообозначения как смыслообразующие элементы индивидуально-авторской картины мира в ранней прозе Л. Н. Андреева: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2019.
- Олянич А.В.* Невербальные презентемы как дискурсивные единицы воздействия // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 4. С. 109–118.
- Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008.

*L.V. Tsvenger (Russia, Novosibirsk)
Novosibirsk State Technical University*

CONCEPTUALIZATION OF THE COLOUR PINK IN RUSSIAN NEWSPAPER'S DISCOURSE

The article deals with the issue of conceptualization of the color pink in Russian Newspaper's Discourse. The colorative lexical units are analyzed. The analysis of the interpretation of color semantics allows to establish the content of the PINK concept.

Key words: concept, color, pink, color terms, newspaper discourse.

*Е.П. Ченских (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
chenskih@yandex.ru*

МЕТАФОРИЧЕСКАЯ ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ КОНЦЕПТА HEART В РОМАНАХ «ГОРДОСТЬ И ПРЕДУБЕЖДЕНИЕ» ДЖЕЙН ОСТИН И «ДНЕВНИК БРИДЖИТ ДЖОНС» ХЕЛЕН ФИЛДИНГ

В статье сопоставляются особенности метафорической репрезентации концепта СЕРДЦЕ в двух британских романах «Гордость и предубеждение» Джейн Остин и «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг. На основе анализа концептуальных метафорических моделей делается вывод о некоторых изменениях репрезентации концепта в художественном тексте, относящемся к XX веку.

Ключевые слова: художественный концепт, СЕРДЦЕ, Джейн Остин, Хелен Филдинг, Гордость и предубеждение, Дневник Бриджит Джонс.

Одной из актуальных проблем современной лингвистики является изучение репрезентации концептов в художественном тексте. Этому вопросу посвящены работы С.А. Аскольдова, Л.В. Миллер, И.А. Тарасовой, О.Г. Чупрына, В.С. Машошиной и др. Как и в случае с языковым концептом, учеными еще не выработанного универсального определения данного феномена. Л.В. Миллер под художественным концептом понимает ««сложное ментальное образование, принадлежащее не только индивидуальному сознанию, но и психоментальной сфере определенного этнокультурного сообщества», которое представляет собой «универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [Миллер 2004: 41].

То, как в художественном дискурсе представлены ключевые концепты лингвокультуры также становится предметом исследования в когнитивистике [Афанасьева 2019; Машошина 2020]. Одним из таких концептов в английской языковой картине мира является концепт HEART. Его можно отнести к универсальным языковым концептам, объективация которого обнаруживается

во многих языках. Так, М. Пименова относит его к базовым концептам внутреннего мира человека [Пименова 2011]. Особенностью английского HEART является то, что в первую очередь этот концепт отвечает за область чувств. Также смысловое поле концепта включает в себя эмоции, характер человека и некоторые другие слои [Chenskikh 2021]. Поэтому интересно обратиться к романному дискурсу с целью исследования объективации данного концепта в художественном тексте, поскольку именно в романах авторы особое внимание уделяют описанию чувств, переживаний, характеров персонажей.

Для решения этой задачи романы «Гордость и предубеждение» Джейн Остин и «Дневник Бриджит Джонс» Хелен Филдинг представляются удачным материалом исследования, так как, во-первых, по времени написания их отделяет почти 200 лет и это дает возможность сделать диахронический срез развития концепта, а во-вторых, между ними обнаруживаются многочисленные интертекстуальные связи. Действительно, при написании своего произведения Хелен Филдинг вдохновлялась шедевром Джейн Остин и мы находим много параллелей как в сюжетных коллизиях, так и в образах персонажей [Костюченко 2016]. Например, совпадают фамилии возлюбленных главных героинь – Дарси, сами героини похожи тем, что испытывают трудности в вопросе замужества: Бриджит трудно выйти замуж, поскольку она англичанка «за 30»; Элизабет – англичанка из небогатого рода, без приданого. Также схожи и родители героинь и по характеру, и в том, что матери во что бы то ни стало стараются выдать дочерей замуж, а отцы философски наблюдают за этим со стороны.

В данной статье представлены результаты анализа метафорической представленности концепта HEART в двух романах на основе теории концептуальной метафоры [Lakoff 2003]. Было проанализировано 63 контекстуальных примера с ядерным репрезентантом «heart» в романе «Гордость и предубеждение» и 27 аналогичных примеров в романе «Дневник Бриджит Джонс».

В обоих романах репрезентантами концепта являются достаточно большое количество идиоматических выражений. Однако, совпадений в этом списке очень мало. И в том, и в другом романе встречаются такие устойчивые словосочетания как: *break / win one's heart* и прилагательное *heartfelt*. Среди фразеологизмов с компонентом *heart* в романе Дж. Остин мы находим: *touch / open / engage / entertain / conquer one's heart, take to heart, set one's heart on smth, wish of one's heart, wish with all one's heart, thank / speak from one's heart, at one's heart*. В романе Хелен Филдинг: *heart sinks, heart gives a lurch, heart leaps / leaps into one's mouth, heart pounds, wry to one's heart, know in one's heart*.

В первую очередь в романе «Гордость и предубеждение» обращает на себя внимание ряд устойчивых выражений, где сердце выступает в качестве объекта действия с глаголами *touch / open / engage / entertain / win / conquer*. Здесь сердце метафорически концептуализируется как ценный (*win, conquer, engage*), хрупкий (*break*), нежный (*touch*), сокровенный объект (*open*), который можно завоевать, разбить, дотронуться, задеть, открыть как сокровищницу. В данных концептуальных метафорах сердце предстает как абстрактная модель того места

в человеке, где сосредоточены его чувства и сокровенные переживания: *her heart was not likely to be easily touched; I call Charles most capable of engaging any woman's heart; At night she opened her heart to Jane; She had dressed with more than usual care, and prepared in the highest spirits for the conquest of all that remained unsubdued of his heart, trusting that it was not more than might be won in the course of the evening* [Austin J.].

В романе «Дневник Бриджит Джонс» устойчивые выражения с «heart» иного рода. Здесь сердце выступает в качестве субъекта действия с глаголами: *leap* (подпрыгнуть), *jump* (прыгать), *sink* (утонуть, погрузиться, провалиться), *give a lurch* (дать крен), *round* (колотиться). Данные глаголы выражают некое резкое, внезапное действие, и метафорическое значение данных фразеологизмов основано на связи эмоциональной реакции человека и испытываемых ощущений в области сердца, таких как учащение сердцебиения и проч. Так, в романе Х. Филдинг такие идиомы выступают как вербализаторы смыслового слоя концепта HEART – эмоциональная реакция: *My heart sank. That phone call was suggesting a date* (Fielding H.). *Heart gave great lurch when got back from loos and saw Daniel standing with Simon from Marketing at the photocopier* (Fielding H.). *My heart sank at the thought of my relationship with Daniel being dissected in dose and intimate detail amongst the Lifeboat luncheons of Northamptonshire* (Fielding H.). *My heart pounding, I rounded the corner, then, keeping flat against the wall, I peered round to check he had gone from the window* (Fielding H.). *'That was Mark Darcy,' said Dad when he came back. My heart leaped into my mouth as I tried to control my features* (Fielding H.).

Смысловой слой концепта, где сердце предстает как область, где происходит мыслительная, интеллектуальная деятельность, вербализуется через коллокации с лексическими элементами, относящимися к ментальной сфере. Он значительно представлен в романе Д. Остин: *heart must tell you; heart whispers; heart retained a strong impression; heart was in the subject; listen with all one's heart* и только одним примером в романе Х. Филдинг: *know in one's heart*.

You can be at no loss, Miss Bennet, to understand the reason of my journey hither. Your own heart, your own conscience, must tell you why I come. Her heart did whisper that he had done it for her. But it was a hope shortly checked by other considerations, <...>. Do not consider me now as an elegant female, intending to plague you, but as a rational creature, speaking the truth from her heart; Elizabeth found the interest of the subject increase, and listened with all her heart; but the delicacy of it prevented further inquiry [Austin J.].

It's a gesture to the fact that they know in their hearts I have no idea who Mavis Enderby is <...> (Fielding H.).

Приведенные примеры указывают на то, что в концептуализации сердца как области внутреннего мира в романе XIX в. больше прослеживается связь с библейской традицией понимания роли сердца в человеке, где оно предстает как центр внутреннего человека, отвечающий не столько за чувства, сколько за мысли и мотивы поступков [Chenskikh 2021]: «от избытка сердца говорят уста» ЛК 6:45; «уразуметь сердцем» МФ 13:15.

Поскольку в художественном тексте мы имеем дело с художественным концептом, обращают на себя внимание авторские метафорические обороты с компонентом *heart*, используемые для описания чувств и эмоций: *Elizabeth made no answer, and walked on, her heart swelling with indignation; your profusion makes me saving; and if you lament over him much longer, my heart will be as light as a feather* [Austin J.].

Интересным представляется то, как в романе «Дневник Бриджит Джонс» обыгрывается фразеологизм с компонентом *heart*: *to wear your heart on your sleeve (to show your feelings openly)* [Longman 2022] – показывать свои чувства и эмоции открыто. Слово *heart* заменяется выражением: *commitment problem* – психологическая проблема, связанная с обязательствами и обещаниями в любовных и matrimониальных отношениях. *But you don't go round wearing your commitment problem on your sleeve like every bloody man over the age of twenty does these days* (Fielding 2015). А также авторское метафорическое сравнение, где любовь, чувство привязанности описывается как «одеяло», которое окутывает и согревает сердце, что символизирует эмоциональную связь с человеком: *When someone loves you it's like having a blanket all round your heart* (Fielding H.). При этом можно предположить, что сердце здесь представляется не как абстрактная область, а как орган, где сосредоточены чувства человека.

Таким образом, в обоих романах репрезентируются основные общеязыковые признаки концепта HEART, а именно: сердце как средоточие чувств, эмоций, настроения человека. Однако в метафорической представленности концепта наблюдаются отличия: в романе «Гордость и предубеждение» сердце объективируется более как абстрактная область средоточия чувств, внутренних переживаний и сокровенных мыслей через концептуальные метафоры объекта действия, контейнера, инструмента, в то время как в «Дневнике Бриджит Джонс» рассматриваемый концепт более объективирован через фразеологизмы, обозначающие эмоциональную реакцию человека, основанные на концептуальной метонимии. Можно предположить, что в XX в. В английской языковой картине мира сердце стало больше ассоциироваться с органом тела и для выражения эмоций в языке появляется в употреблении больше коллокаций с компонентом *heart*, в значении которых наблюдается метонимический перенос свойств сердца как органа (пульс, биение) на эмоциональные состояния.

Литература

Афанасьева О.В. Американская культурно-языковая картина мира XIX века: время, свобода, судьба, одиночество, достоинство: монография / О.В. Афанасьева, К.М. Баранова, В.С. Машошина, О.Г. Чупрына. Москва: Диона, 2019.

Костюченко М. В. Роман Х. Филдинг «Дневник Бриджит Джонс» как римейк романа Д. Остин «Гордость и предубеждение» // Мировая литература глазами современной молодежи: Сборник материалов междунар. студенческой научно-практической конференции. Магнитогорск: МГТУ, 2016. С. 113–117.

Машошина В.С. Репрезентация концепта WOMAN в романе Дж. Лондона Маленькая хозяйка большого дома // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2020. № 4. С. 34–42.

Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 39–45.

Пименова М.В., Кондратьева О.Н. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие. Москва: Флинта, 2011.

Austen J. Pride and Prejudice. URL: <https://www.janeausten.org/pride-and-prejudice/pride-and-prejudice-online.php>

Chenskikh E. Modern and biblical conceptualization of inner man in English lexical system (concepts heart and mind) // Time and culture in linguistic and literary discourse. Moscow: Printika, 2021. P. 34–42.

Fielding H. Bridget Jones's Diary. Москва: Эксмо, 2015.

Lakoff G., Johnsen M. Metaphors we live by. London: The university of Chicago press, 2003.

Longman Dictionary of Contemporary English. URL: <https://www.ldoceonline.com>

*E.P. Chenskikh (Moscow, Russia)
Moscow City University*

METAPHORICAL REPRESENTATION OF THE CONCEPT HEART IN "PRIDE AND PREJUDICE" BY JANE AUSTEN AND "BRIDGET JONES'S DIARY" BY HELEN FIELDING

The article compares the features of the metaphorical representation of the concept of HEART in two British novels "Pride and Prejudice" by Jane Austen and "Bridget Jones's Diary" by Helen Fielding. Based on the analysis of conceptual metaphorical models, the conclusion is made about some changes in the representation of the concept in the literary text relating to the XX century.

Key words: artistic concept, heart, Jane Austen, Helen Fielding, Pride and prejudice, Bridget Jones' Diary.

М.В. Черкунова (Самара, Россия)

*Национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
m.cherkunova@mail.ru*

АНГЛОЯЗЫЧНЫЕ РЕКЛАМНЫЕ АННОТАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ: ОПЫТ СИСТЕМНО-ДИНАМИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Статья посвящена изучению особенностей функционирования малоформатных текстов рекламной направленности с позиций системно-динамического подхода. Анализу подвергаются аспекты становления прагмасемантического плана аннотаций к произведениям художественной литературы с точки зрения специфики взаимодействия и взаимовлияния дискурсивных элементов при движении системы к функциональному аттрактору.

Ключевые слова: системно-динамический подход, функциональная лингвосинергетика, малоформатный текст, аннотация, функциональный аттрактор.

Условия жизни современного общества, главным образом – его тотальная цифровизация и переход многих социально-значимых практик в электронную среду, создают объективные предпосылки для трансформационных подвижек в плане оформления вербальной составляющей коммуникативного процесса.

В частности, характерной является тенденция к сокращению единиц речевого взаимодействия, в связи с чем широкое распространение получают тексты небольшой физической протяженности. Подобные малоформатные образования представляют интересный материал для лингвистического исследования, поскольку при своем незначительном объеме они способны к высокой концентрации смыслов и вполне результативны в плане выполнения своей коммуникативной задачи.

Для обеспечения прагматической эффективности малоформатного текста особое значение приобретает многоаспектное, разноплановое взаимодействие всех элементов дискурсивной системы, включая как собственно языковые характеристики текста, так и различные факторы ситуации, а также конкретные характеристики участников коммуникативного взаимодействия, поскольку специфическое наложение данных факторов друг на друга, их взаимовлияние приводят к формированию различных смысловых комбинаций, что в конечном итоге формирует семантику текста и определяет его прагматику.

В связи с этим, *цель* настоящего исследования заключается в выявлении специфики комплексного взаимодействия разноуровневых единиц в процессе выстраивания функционального плана текстов малой физической протяженности при консолидирующей роли факторов внешней среды.

Материалом для исследования послужили 500 англоязычных рекламных аннотаций к произведениям художественной литературы, размещенных в интернет-каталогах таких международных издательств, как *Legend Times Group*, *Penguin Group* и *Urbane Publications* в период с 2018 по 2022 гг.

Наиболее подходящим методологическим инструментом для анализа и описания сложных процессов взаимодействия и взаимовлияния элементов внутри дискурсивных систем является активно развиваемая в последние годы функциональная лингвосинергетика, которая представляет собой динамико-системный подход к явлениям речевой природы [Пономаренко 2015; Храмченко 2015; Pickering 2016]. С позиций данного подхода язык и дискурс рассматриваются как открытые сложные нелинейные самоорганизующиеся системы, находящиеся в состоянии постоянного развития и тесно взаимосвязанные с внешней средой. В этом ракурсе *дискурс* представляет собой «...систему смыслов <...>, формируемую всей совокупностью вербальных и невербальных средств их выражения» [Пономаренко 2013: 35]. Процесс развития прагмасемантического плана дискурса рассматривается как движение к коммуникативной цели (*функциональному аттрактору*), в процессе которого все системные элементы взаимодополняют и взаимоусиливают прагматический потенциал друг друга.

Особенностью рассматриваемого в данной работе дискурсивного сегмента является примарная реализация воздействующей функциональной доминанты, то есть функциональным аттрактором рекламных аннотаций является внушение потребителю мысли о необходимости приобретения предлагаемого издания.

Значимым в прагматическом плане признаком рассматриваемых текстов является однотипность состава элементов внешней структуры, основу которой

формируют 1) заголовок, 2) фамилия(и) автора(ов) произведения, 3) основной текст, 4) цитатный блок, 5) информация об авторе, сопровождающаяся фотографией, 6) иллюстрация (фотография обложки книги), 7) информационный блок (см. рис. 1).

LEGEND PRESS INFO@LEGENDPRESS.CO.UK

EVIL INTENT

JANE ISAAC

1 February 2022

A DCI HELEN LAVERY NOVEL

Jane Isaac
Evil Intent

When a series of women's bodies are discovered in the heart of rural Northamptonshire with a pentagram carved on their chests, DCI Helen Lavery is forced into a cat and mouse chase with a murderer who ultimately turns the tables and targets her.

Meanwhile, she is shocked to discover that her younger son's new best friend is the nephew of organised crime boss Chilli Franks – the man who has held a grudge against Helen's family since her father first put him away in the 1990s.

As her personal and professional lives collide, Helen finds herself in mortal danger as she races to track down the serial killer and restore safety to the streets of Hampton.

"Isaac is the queen of the emotional police procedural. With characters who invade your real world, and clever plot twists, *Evil Intent* is a compelling, powerful and unforgettable read."
Louise Beech author of *I am Dust* and *How to be Brave*

"The story is a real adrenalin rush, fast-paced and original, with an array of great characters that really live and breathe. Jane really is at the top of her game!"
Kate Rhodes author of *Hell Bay* and *Pulpit Rock*

ISBN (Paperback): 9781800310100
ISBN (Ebook): 9781800310117
Price: £8.99 (Paperback) £4.99 (Ebook)
Extent: 288 pages
Format: 198x129mm
Rights Held: World
Translation rights: Yes

Other books by the author:
The Truth Will Out (2014)
A Deathly Silence (2019)

Thrilling new crime novel from bestselling author

Key Selling Points:

- The fourth book in the highly acclaimed DCI Helen Lavery series
- Commercial crime thriller by critically acclaimed crime author with an extensive backlist
- Amazon #1 bestselling author

Comparison Authors:
Gillian Flynn, Sophie Hannah, Ann Cleeves, Jane Corry and Clare Mackintosh

The Author:
Jane Isaac is married to a serving detective and they live in rural Northamptonshire, UK with their dogs, Bolo and Digby. *Evil Intent* is Jane's eleventh novel and the fourth in the highly acclaimed DCI Helen Lavery series.
Twitter: @JaneIsaacAuthor
IG: @JaneIsaacAuthor

Рис. 1. Структура аннотации

Характерным свойством описанных выше структурных элементов является их семантическая автономность, вследствие чего они могут быть выстроены в произвольной последовательности. При этом каждая конкретная аннотация содержит заложенный автором вероятностный маршрут для развертывания прагмасемантического плана дискурса, в процессе реализации которого ключевую роль играет фактор визуальной интегративности текста, так как траектория восприятия и комбинирования его структурных элементов складывается с учетом визуального исполнения и взаиморасположения текстовых элементов.

Так, иллюстрация обложки книги представляет собой своего рода визуальный фокус, который привлекает внимание реципиента и с большой долей вероятности становится стартовой позицией для развития прагмасемантического плана текста. В рамках иллюстративного блока благодаря взаимодействию всех вербально-визуальных элементов дискурсивная система наполняется набором смыслов, минимально необходимых для формирования первоначального прагматического пакета – так, в приведенном примере иллюстративный блок содержит сведения об авторе (*Jane Isaac*) и названии произведения (*Evil Intent*), а также вводит имя главной героини книги (*Helen Lavery*) и обозначает ее профессиональную принадлежность (*DCI (Detective Chief Inspector)*). Таким образом, в дискурсивной системе намечаются две семантических доминанты – «автор» и «содержание» произведения.

В случае, если сформированный таким образом прагматический пакет согласуется с интересами и ожиданиями реципиента, в дискурсивную систему встраивается следующий функциональный элемент – потенциальная траектория этого движения также направляется благодаря параграфемному оформлению структурных блоков.

Так, вторым визуальным фокусом является слоганоподобный структурный элемент, набранный более крупным шрифтом относительно всех остальных текстовых блоков.

Слоган, сформулированный как *Thrilling new crime novel from bestselling author*, расширяет намеченные ранее смысловые доминанты, вербализующие жанр предлагаемого издания (*A DCI Helen Lavery novel + thrilling new crime novel*) и автора произведения (*Jane Isaac + bestselling author*), подключая позитивно-оценочные вербальные операторы.

Дальнейшее движение функционального плана дискурса происходит за счет расширения намеченных семантических доминант – при этом логика добавления структурно-содержательных блоков также выстраивается при непосредственном участии параграфемных средств. Одна из возможных траекторий движения прагмасемантического плана дискурса предполагает переход к чтению первого абзаца основной части аннотации – она выделена оранжевым шрифтом, привлекающим внимание на фоне остальных традиционно темных текстовых блоков. В этом случае предварительно сформированная смысловая доминанта, включающая информацию относительно жанровой принадлежности произведения, имени и профессии главной героини (*A DCI Helen Lavery novel*

+ *thrilling new crime novel*), дополняется за счет вербализации подробностей сюжетной линии: *When a series of women's bodies are discovered in the heart of rural Hampshire with a pentagram carved on their chests, DCI Helen Lavery is forced into a cat and mouse chase with a murderer who ultimately turns the tables and targets her.*

Второй вариант развития дискурсивной системы после подключения к ней слогана возможен за счет знакомства с информацией об авторе. В смысловом отношении биографический блок также демонстрирует эффект функционального синергизма дискурса, возникающий благодаря высокой концентрации смысловых компонентов, не просто констатирующих некий набор сведений об авторе книги, но совокупно создающих впечатление о человеке, которому есть чем поделиться с читателем и книгу которого необходимо купить: *Jane Isaac is married to a serving detective and they live in rural Northamptonshire, UK with their dogs, Bollo and Digits. Evil Intent is Jane's eleventh novel and the fourth in the highly acclaimed DCI Helen Lavery series. Twitter: @JanelsaacAuthor IG: @JanelsaacAuthor*

Таким образом, формирование системы смыслов малоформатного рекламного текста предстает как динамический процесс движения прагмасемантического плана дискурса к функциональному аттрактору при интенсивном многоплановом взаимодействии всех без исключения элементов текстовой архитектуры. Выстраиванию функционального плана происходит при непосредственном участии параграфемных средства, которые направляют логику этого движения, заключающегося в концентрическом расширении минимального набора семантических доминант. Нелинейность внешней текстовой структуры и автосемантия ее элементов создают возможность создания многослойного смыслового конструкта за счет поливариантной комбинаторики структурно-семантических блоков, что в конечном итоге приводит дискурсивную систему к формированию смысловых приращений в виде необходимости приобретения рекламируемого книжного продукта.

Литература

Пономаренко Е.В. О самоорганизации и синергизме функционального пространства английского дискурса. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2013. №13 (156)-18.

Пономаренко Е.В. Основания функциональной лингвосинергетики. М.: МГИМО-Университет МИД России, 2015.

Храмченко Д.С. Функционально-прагматическая эволюция английского делового дискурса: автореф. дис. ... д. филол. наук. М., 2015.

Legend Press Catalogues. URL: <https://www.legendpress.co.uk/catalogues>

Penguin Publishing Houses. URL: <https://www.penguin.co.uk/company/publishers.html>

Pickering W.A. Natural languages as complex adaptive systems // Estudos linguísticos. 2016. 45 (1). Urbane Publications. URL: https://issuu.com/urbanepublicationslimited/docs/urbane_cat_2020.

*M.V. Cherkunova (Samara, Russia)
Samara National Research University*

ENGLISH ADVERTISING ABSTRACTS TO WORKS OF FICTION: SYSTEM-DYNAMIC APPROACH

The article focuses on the study of small-format advertising texts from the standpoint of a system-dynamic approach. The dynamic aspects of the formation of the pragmasemantic plane of book abstracts are analyzed in terms of the interaction and mutual influence of textual elements on the way of the system towards its functional attractor.

Key words: system-dynamic approach, functional linguosynergetics, small-format text, abstract, functional attractor.

*Н.А. Чес (Москва, Россия)
Московский государственный институт международных
отношений (университет) МИД России
natches@yandex.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ОЦЕНКИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКОВ)

В статье рассматривается роль метафорических концептов в формировании оценочных смыслов в политическом медиадискурсе; анализируются онтологические свойства метафорических концептов, обуславливающие их оценочный потенциал; на актуальном языковом материале показывается механизм продуцирования оценки на базе метафорических концептов.

Ключевые слова: политический медиадискурс, метафорическая концептуализация, метафорический концепт, концептуальная эволюция метафор, оценка.

Концептуальная метафора, представляющая собой сложный лингвокогнитивный механизм, позволяющий применять готовые концептуальные структуры и их имена для когнитивного освоения нематериальных или новых сфер деятельности и их языковой репрезентации, характеризуется полифункциональностью, что обуславливает ее исключительную востребованность в политическом медиадискурсе. Метафора является эффективным средством прагматического воздействия, формируя определенное отношение к тем или иным политическим явлениям, событиям и процессам, благодаря заложенному в ней мощному оценочному потенциалу. По мнению Г.Я. Солганика, назначение метафоры в газетно-публицистической речи часто заключается не столько в создании образности, сколько в создании оценочного эффекта, положительного или отрицательного, и в этом плане показательны как источники, так и объекты метафоризации [Солганик 1981: 37].

Способность метафорических концептов нести разные оценочные смыслы обусловлена рядом факторов: во-первых, множественностью метафорической

концептуализации области-цели, предполагающей возможность выбора области-источника метафоризации; во-вторых, сложной структурой многих концептов (в том числе базовых), являющихся областью-источником метафорического переноса, обуславливающей возможность выведения в концептуальный и номинативный фокус ее различных компонентов; в-третьих, разнообразием ассоциаций, импликаций и инференций, связанных с концептами, участвующими в метафорическом переносе. Рассмотрим данные факторы подробнее.

Положение о том, что выбор области-источника метафорического переноса задает вектор оценки области-цели, подтверждается обширным исследовательским материалом. Например, в сложный период выхода Великобритании из Европейского союза сторонники сохранения членства в ЕС метафорически представляли Евросоюз как световой маяк, сигнальный световой огонь, служащий ориентиром (то есть примером) для стран, уважающих принцип верховенства закона, подчеркивая таким образом положительную роль данной организации: *The EU is a beacon for the rule of law. With or without the UK, the EU will continue to be a beacon strengthening the rule of law* (*The Guardian*, 2016). По мнению политиков, выступавших за Брексит, ЕС препятствовал экономическому развитию Великобритании и укреплению ее роли на международной арене, то есть являлся крайне негативным фактором, который метафорически репрезентировался как оковы: *Brexit will free the UK from the shackles of a failed, corrupt experiment and open up a new world of trade* (*The Belfast Telegraph*, 19 May 2016). *Britain must untie itself from the shackles of the EU by using Brexit to leave the Customs Union* (*The Sunday Telegraph*, 19 November 2016). *Leaving the shackles of the EU is a chance to really kickstart Britain's economy* (*The Sun*, 2019).

Важно отметить, что в определенных дискурсивных условиях репрезентанты метафорических концептов ЕС – СВЕТОВОЙ МАЯК и ЕС – ОКОВЫ могут служить отправной точкой для формирования противоположной оценочной направленности (фрагментов) текстов. Так, сомнение в том, что Европейский союз по-прежнему является «светочем», воплощением открытости и либерально-демократических ценностей, способствует созданию негативного имиджа объединения: *European integration: Is Western Europe Really a Beacon of Democracy and Civil Liberties?* (*The New Federalist*, 2021). В свою очередь, «освобождение от оков ЕС» (то есть свершившийся факт выхода из Европейского союза), по мнению последовательных сторонников Брексита, незамедлительно способствовало появлению положительных тенденций – началу успеха и процветания Соединенного Королевства: *The UK is starting to succeed and thrive now we are free of the shackles of the EU, so the bureaucrats in Brussels are rightly terrified more countries will want to leave* (*The Daily Express*, 2021).

В этой связи следует обратиться к работам А. Мусолффа [Musolff 2000, 2004a, 2004b], который предлагает дополнить современную теорию концептуальной метафоры понятием концептуальной эволюции (conceptual evolution) метафор. По мнению исследователя, в политическом дискурсе нередко реализуются совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии,

базирующиеся на одной и той же концептуальной метафоре, что указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора – экспериенциальную основу (традицию) и концептуальную гибкость. А. Мусолфф полагает, что конкретная область-источник – это точка отсчета для развертывания разнообразных метафорических сценариев, отражающих оценки и интенции участников коммуникации. Исследователь не отрицает частичную детерминированность смысла, продуцируемого в результате метафорической концептуализации, структурой области-источника, заложенными в ней фреймовыми знаниями и ассоциациями, подчеркивая при этом тот факт, что на функционирование политической метафоры значительное влияние оказывают не только когнитивные и языковые, но и экстралингвистические факторы.

Метафорические концепты **являются носителями противоположных оценочных смыслов именно благодаря своей многокомпонентной информационно**й структуре, в которой потенциально заложена как положительная, так и отрицательная оценочность. В зависимости от интенции автора сообщения в конкретных контекстах актуализируются разные составляющие метафорического концепта (или их комбинации), транслирующие положительную или отрицательную оценку событий и явлений.

Данное положение можно, в частности, проиллюстрировать на примере относительно нового метафорического концепта ОБНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ – ПЕРЕЗАГРУЗКА. Если в период активной реализации новой стратегии, направленной на улучшение российско-американских отношений, концептуальная метафора ОБНОВЛЕНИЕ ОТНОШЕНИЙ – ПЕРЕЗАГРУЗКА использовалась исключительно в положительном смысле, то по мере того, как становилось очевидным, что практические результаты не соответствуют декларируемым намерениям, вектор оценки постепенно менялся на противоположный. Следует также отметить, что одновременно изменялась и фокусировка данного метафорического концепта: в 2009–2010 годах профилирующими в структуре концепта-источника ПЕРЕЗАГРУЗКА были такие признаки, как «устранение сбоев в работе», «возобновление работы», в 2012–2014 годах – «сброс данных», «полная очистка оперативной памяти». Например, в статье, опубликованной в марте 2014 года под заголовком *Russia Threatens To Hit The Reset Button On Iran's Nuclear Program*, речь идет о том, что в качестве ответного шага на угрозы США и ЕС ввести новые санкции против России в контексте кризиса на Украине, Российская Федерация может аннулировать договоренности с этими странами о продолжении переговоров по иранской ядерной программе, то есть «произвести сброс данных».

Выбор концептуального и номинативного фокуса метафорического концепта может служить **косвенным** указанием на положительное или отрицательное отношение говорящего к описываемому фрагменту действительности. Имплицитная оценка такого рода, тем не менее, достаточно легко выводится реципиентом на основании стандартных фреймовых знаний, типовых ассоциаций и общего понимания актуального политического контекста. Например, в период с 2005 по 2014 год, когда Турецкая Республика предпринимала активные

попытки вступить в Европейский Союз, ход переговорного процесса в британской и французской качественной прессе репрезентировался как ДВИЖЕНИЕ ПО ДОРОГЕ В НАПРАВЛЕНИИ ЕС. Однако, при актуализации базовой образ-схемы ПУТЬ в соответствии со складывающейся политической обстановкой в концептуальный и номинативный фокус метафорического переноса в дискурсах выводились разные элементы. В политическом медиадискурсе Великобритании в качестве фокусных функционировали такие квалификаторы, как характеристика дороги (*Turkey's **straight road to Europe**. Turkey faces a **bumpy road to a European future**.*), протяженность дороги (*Turkey is travelling a **long road to deliver on its commitments**.*), наличие помех (*Turkey faces a **fresh obstacle on the rocky road to joining the EU**. There were two other **stumbling blocks** which Mr Erdogan tried, and failed, to have removed from the conditions for his country opening full EU membership talks.*) и невозможность дальнейшего движения (*Turkey's negotiations on joining the European Union have actually reached a **dead end**. Negotiations on Turkey's accession to the EU are **at a standstill**.*), причем такая фокусировка сохранялась и при актуализации субординатных метафорических концептов ДВИЖЕНИЕ ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ В НАПРАВЛЕНИИ ЕС (*The **deadlock** is threatening to **derail** negotiations on Turkey's accession to the EU.*) и ДВИЖЕНИЕ ПО МОРСКОМУ ПУТИ В НАПРАВЛЕНИИ ЕС (*In spite of these positive developments, there are **rocks ahead**: the current account deficit remains large and Turkey's huge debt needs constant refinancing.*). В политическом медиадискурсе Франции фокус метафорической концептуализации был настроен непосредственно на движущийся объект, характер его перемещения и локализацию: Турция «придерживается проевропейского курса» (*Les Turcs **maintiennent néanmoins un cap proeuropéen**.*) или «дрейфует» в направлении Ближнего Востока и Азии (*Même le chef de la diplomatie allemande craint une **dérive du pays vers le Moyen-Orient et l'Asie**.*), «топчется / марширует на месте» (*La candidature turque **marque le pas ces derniers mois**.*) или «стоит на запасном пути» (*Le train turc est **sur une voie de garage**.*). Очевидное различие в акцентах при концептуально-метафорической репрезентации сложного переговорного процесса о вступлении Турции в ЕС в политических дискурсах Великобритании и Франции запускает в действие механизм инференции, обеспечивающий понимание имплицированных смыслов: Великобритания, в целом поддерживающая стремление Турецкой Республики присоединиться к объединению европейских государств, считает, что трудности, с которыми сталкивается турецкое правительство, носят объективный характер, в то время как оппозиционно настроенная Франция полагает, что все проблемы обусловлены отсутствием активных и решительных действий со стороны самой Турции.

Таким образом, фокусировка метафорического концепта в конкретном контексте, обеспечивающая выдвигание на первый план определенных элементов структурированного знания об описываемом фрагменте политической реальности, вкупе с применением схем логического вывода позволяет реципиентам считывать общую оценочную направленность информационного посыла автора.

Литература

- Солганик Г.Я. Лексика газеты: (функциональный аспект): учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Журналистика». М.: Высшая школа, 1981.
- Musolff A. Political Imagery of Europe: A House Without Exit Doors? // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2000. Vol. 21. № 3.
- Musolff A. Metaphor and Conceptual Evolution // Metaphorik.de. 2004a. № 7.
- Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004b.

N.A. Ches (Moscow, Russia)

Moscow State Institute of International Relations (University)

METAPHORICAL CONCEPTS AS TOOLS OF EVALUATION IN MEDIATIZED POLITICAL DISCOURSE (A CASE STUDY OF BRITISH, AMERICAN AND FRENCH DISCOURSES)

The paper provides an overview of the intersection between metaphorical conceptualization and evaluation realized in mediatised political discourse. It identifies and explores some properties of metaphorical concepts that account for their effectiveness as mechanisms through which evaluation is carried out.

Key words: mediatised political discourse, metaphoric conceptualization, conceptual metaphor, conceptual evolution of metaphor, evaluation.

Чжао Цзэли (Санкт-Петербург, Россия)

*Санкт-Петербургский государственный университет
zhaozeli@mail.ru*

О ПОСТРОЕНИИ «ИДЕАЛЬНОГО» МОНОЛОГА-РАССКАЗА НА НЕРОДНОМ ЯЗЫКЕ (МЕТОДИКА С УЧЕТОМ КОГНИТИВИСТИКИ)

В статье описывается структура (зачин и концовка) «идеального» монолога-рассказа, построенного китайцами на неродном (русском) языке, устанавливаются корреляции между особенностями построения этих монологов-рассказов и индивидуальными характеристиками говорящих и предлагается шаблон построения такого монолога-рассказа.

Ключевые слова: монолог, русская спонтанная речь, зачин рассказа, концовка рассказа, речевой корпус, шаблон построения монолога.

Монолог – одна из основных форм устной спонтанной речи, по его особенностям можно судить об уровне владения человеком речью [Винокур 1990: 310], монологу, особенно в когнитивном аспекте, уделяется большое внимание в практике преподавания языка в любой аудитории. В отличие от диалога, монолог имеет такие важнейшие текстовые категории, как цельность и связность, которые проявляются и на содержательном, и на формальном уровнях организации структуры текста [Звуковой корпус... 2013: 65]. При этом монолог имеет

более сложную структуру, чем диалог, и способ его построения также отличается от диалога, основанного на обмене репликами. В результате и освоение монолога намного сложнее для не носителей языка, и его построению нужно специально учить.

Монолог-рассказ на заданную тему характеризуется наименьшей степенью лингвистической мотивированности и наибольшей степенью спонтанности [Там же: 87]. Анализ такого материала позволяет не только получить много интересных данных об устной монологической речи, но и раскрыть наиболее полно уровень владения говорящего иностранным языком и речевые умения иностранцев.

Монолог традиционно состоит из трех частей: зачин (вступление), основная часть и концовка (заключение) [Stubbs 2001: 11]. Анализ 20 монолог-рассказов китайцев из корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) [Чжао Цзэли 2022] показал, что текстов полной структуры в материале исследования только 35 % (7 монологов из 20), а 20 % монологов вообще не имеют ни зачина, ни концовки. Однако в рассказах тех же информантов на ту же тему (об отдыхе на каникулах), записанных на родном китайском языке, две трети (66,7 %) текстов имеют и зачин, и концовку, а монологов без зачина и без концовки не встретилось вовсе. Отсюда следует, что, хотя информанты имеют представление о построении монолога с полной структурой, их нормальная способность к выражению затруднена недостаточным уровнем владения русским языком. Чтобы улучшить навыки построения устного монолога-рассказа, очевидно необходим анализ структуры «идеальных» монологов, в которых есть и зачин, и концовка (монологов без основной части попросту не существует, даже и в русской речи иностранцев).

Материалом для анализа в настоящей работе послужили 7 монолог-рассказов полной структуры на тему «Как Вы проводите время на каникулах?», записанных от 7 китайских информантов из корпуса САТ (см. о нем подробнее: [Звуковой корпус... 2013]). Все информанты – студенты и аспиранты Санкт-Петербургских вузов, 4 юноши и 3 девушки, в возрасте (на момент записи) 23–28 лет, предварительно прошли тест по русскому языку как иностранному и психологический тест Г. Айзенка на китайском языке. В результате в группе информантов оказалось 4 человека с уровнем С1 (более высокий) и 3 человека с уровнем В2 (более низкий); 2 интроверта (И), 3 амбиверта (А) и 2 экстраверта (Э).

В этих «идеальных» монологах были проанализированы типы зачинов и типы концовок.

Зачин в таких монологах имеет три разновидности:

1) повтор вопроса:

• *ы-н* [] **как я провожу [каникулы / ы-н]** *ву-у* [*в июне / в конце июня мы закончили [а семестр / ы и [ы после экзамена я сразу же проехала в Китай* (И6, дев., В2, И) (зачин здесь сопровождается цепочками заполненных и незаполненных (физических) пауз хезитации: (*ы-н* [] *в начале*, (И) *внутри* и (*ы-н* [*ву-у*]) *в конце*);

2) изменение вопроса в соответствии с пониманием каникул:

• **как я провожу [вы своё свободное время это-о <вдох> мп для меня это тоже [такой-то вопрос / который [на который я [ы-ы не могу-у сразу ответить** (И20, юн., С1, А) (к хезитативным элементам (ХЭ) ([ы] внутри такого зачина добавляется еще растяжка звука (это-о), паралингвистический элемент <вдох> и причёмкивание (звуковой артефакт) (мп), что тоже можно отнести к разряду невербальных хезитативов [Богданова-Бегларян 2019]);

3) представление себя:

• **меня зовут Вера / я-я ы-н сейчас я аспирант первого курса сл н-н н-н у нас сейчас занятий не очень много / поэтому [ы у меня [много свободного времени** (И15, дев., В2, И) (ХЭ присутствуют и здесь: (я-я ы-н) внутри зачина и целая цепочка хезитативов в конце, при переходе собственно к основной части рассказа: сл (хлопанье) н-н н-н).

Обилие ХЭ в таких зачинах позволяет и всем им приписать некоторый хезитационный оттенок: говорящий думает, о чем говорить, и явно тянет время в поисках начала своего монолога, в том числе повторяя вопрос или представляя себя. В целом это свидетельствует об очевидных затруднениях говорящего инофона в построении монолога, даже на такую простую тему.

Наиболее распространен среди этих зачинов тип 2 (71,4 %), типы 1 и 3 имеют одинаковую частоту встречаемости (по 14,3 %), но оба они появились в этих монологах только по одному разу.

Концовки в проанализированных монологах оказались двух типов:

1) дискурсивные метакоммуникативные вставки:

• **и-и мп н-н или просто встречаться с друзьями / поболтать тоже может [вот [вот всё что я [могу сказать** (И13, юн., С1, Э);

• **я очень люблю ы сл ы-н найти с... вкусная [вкусные еды / и-и с друзьями друзьями ы поделиться ы-н [вот так** (И16, юн., В2, А);

• **и иногда погуляем ы-н [ы-н и иногда посещают сл ы-н [Эрмитаж / в ы-н в-в очень люблю Русский музей [всё** (И18, дев., С1, Э);

2) дискурсивные метакоммуникативные вставки + повтор темы:

• **ы-ы-ы иногда-а могу сказать что-о ы-н скучный человек / ы-н [поэтому вот ы-ы привлечение [для меня-я [не очень много / тс но [[но ещё-ё [есть что [ы-ы есть что делать в свободное время / и я [ы-ы вот так [провожу [моё [свободное время / спасибо //** (И20, юн., С1, А);

• **и подумай свой там рецепт / что-нибудь готовить [вкусно [[мп [ну [вот [это то что / как я провожу своё [свобо... [на время во время каникулы** (И8, юн., С1, А).

И снова в структуре концовок видно множество ХЭ, в основном физических пауз хезитации (I): закончить монолог говорящим не менее трудно, чем его начать. Концовки типа 1 встретились в материале исследования существенно чаще, чем типа 2 (71,4 vs 28,6 %).

Далее была сделана попытка установить связь между типами зачина и концовки монолога, с одной стороны, и характеристиками информанта, с другой. Результаты представлены в таблице.

Доля зачинов и концовок разного типа в речи информантов с разными характеристиками (в %)

Монологи полной структуры		ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНФОРМАНТОВ						
		ГЕНДЕР		ТРКИ		ПСИХОТИП		
		Дев.	Юн.	В2	С1	Э	И	А
Зачин	Тип 1	33.3		33.3			50.0	
	Тип 2	33.3	100.0	33.3	100.0	100.0		100.0
	Тип 3	33.3		33.3			50.0	
Концовка	Тип 1	100.0	50.0	100.0	50.0	100.0	100.0	33.3
	Тип 2		50.0		50.0			66.7

Видно, что зачины типа 1 и 3 встретились только в речи девушек, информантов с уровнем В2 и интровертов. Зачины типа 2 – чаще в речи юношей, информантов с уровнем С1, амбивертов и экстравертов. Концовки типа 1 чаще появлялись в речи девушек, информантов с уровнем В2, интровертов и экстравертов. Концовки типа 2 не показательны, но появились они только в речи юношей, информантов с уровнем С1 и амбивертов. Интересно, что частота использования всех трех типов зачина одинакова в речи девушек и информантов с уровнем В2, но в речи юношей и информантов с уровнем С1 появился только тип 2. Однако при выборе типа концовки все наоборот: концовка типа 1 стала единственным выбором для девушек и информантов с уровнем В2, в то время как вероятность выбора юношами и информантами с уровнем С1 двух типов концовки одинакова. Кроме того, концовка типа 1 является не только наиболее распространенной в речи интровертов и экстравертов, но и их единственным выбором. Амбиверты почти в два раза чаще используют концовки второго типа, чем первого.

Следовательно, если рассматривать частоту использования типов зачинов и концовок в речи информантов с уровнями В2 и С1 как некий стандарт сложности, то можно попытаться создать обычный и продвинутый шаблон для построения монолога. *Обычный шаблон*: зачины типа 1 и 3 + концовки типа 1. *Продвинутые шаблоны* требуют дополнительного владения зачинами и концовками второго типа. Учитывая гендерные и психологические особенности информанта, можно также проводить целенаправленное обучение построению монолога для разных групп учащихся. Например, при обучении юношей больший упор надо делать на овладение зачинами типов 1 и 3, при обучении интровертов и экстравертов – на овладение концовками типа 2, и т. д.

Развитие навыков построения связной монологической речи всегда было важной частью обучения иностранному языку. Создание некоторых шаблонов построения монолога может более эффективно помочь иностранным студентам усвоить такие навыки. Предложенную методику можно применять и для обучения другим типам устных монологов (пересказ/описание изображения).

Литература

Богданова-Бегларян Н.В. Прагматика невербального в русской устной речи // Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития. Международная научная конференция. Сб. статей. 24–25 октября 2019 г. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2019. С. 21–26.

Винокур Т.Г. Монологическая речь // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи: коллективная монография. Ч. 1. Чтение. Пересказ. Описание / отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2013.

Чжао Цзэли. Особенности построения монолога-рассказа на неродном языке (на материале русской речи китайцев) // Тезисы 50-й Международной научной филологической конференции имени Людмилы Алексеевны Вербицкой. 15–23 марта 2022 г., Санкт-Петербург. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 452–453.

Stubbs M. Words and Phrases: Corpus Studies of Lexical Semantics. Oxford, Blackwell, 2001.

*Zeli Zhao (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

ON THE CONSTRUCTION OF AN "IDEAL" MONOLOGUE-STORY IN A NON-NATIVE LANGUAGE (METHODOLOGY TAKING INTO ACCOUNT COGNITIVE SCIENCE)

The article describes the structure (the beginning and the end) of an "ideal" monologue-story constructed by Chinese in a non-native (Russian) language, establishes correlations between the features of the construction of these monologue-stories and individual characteristics of speakers and a template for constructing such a monologue-story is proposed.

Keywords: monologue, Russian spontaneous speech, story beginning, story ending, speech corpus, pattern of construction.

*Е.А. Чуксина (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
evgeniyach96@yandex.ru*

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА FEAR В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ²⁶

Статья посвящена изучению способов вербальной репрезентации эмоции страха в художественном дискурсе в английском языке. Определены языковые средства передачи индивидуально-авторского концепта FEAR, которые отражают гендерные особенности переживания эмоции. Фокусирование внимания на последних обусловлено индивидуальной картиной мира автора и прагматической установкой текста произведения.

Ключевые слова: FEAR, концепт, дискурс, картина мира, гендерный аспект.

²⁶ Публикация выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 20-18-00372).

В настоящее время существует много работ, посвященных проблемам изучения дискурса. Е.С. Кубрякова дает следующее определение дискурсу: «... дискурс может быть определен как такая форма использования языка в реальном (текущем) времени (on-line), которая отражает определенный тип социальной активности человека, создается в целях конструирования особого мира (или – его образа) с помощью его детального языкового описания и является в целом частью процесса коммуникации между людьми, характеризующего, как и каждый акт коммуникации, участниками коммуникации, условиями ее осуществления и, конечно же, ее целями» [Кубрякова 2004: 525]. Изначально под дискурсом понималась только устная речь человека, затем большинство ученых обосновало необходимость включения в дискурс не только устной, но и письменной речи (Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, А.А. Кибрик, Е.С. Кубрякова, Л.В. Цурикова и др.). Е.С. Кубрякова выделяет такие характеристики дискурса, как социальная и историческая обусловленность, интеракциональность, адресатность, интенциональность, целеполагание.

Художественный дискурс предполагает выражение обусловленного сформированной в ту или иную эпоху, на основе коллективного опыта, индивидуальной картиной мира, субъективного отношения писателя к предметам и явлениям действительности, а также оказание зависящего от прагматической установки автора воздействия на адресата, то есть читателя, при помощи языковых, часто образительно-выразительных, средств объективации концептов произведения.

Когнитивно-дискурсивный подход к исследованию языка предполагает изучение функционирования репрезентирующей тот или иной концепт языковой единицы в дискурсивной деятельности людей, носителей определенных картин мира.

Исследование картины мира также имеет длинную историю. Картину мира можно определить как совокупность знаний и представлений о мире. Понятие картины мира соотносится с понятием «когнитивный контекст» [Болдырев 2016], основываясь на котором человек способен интерпретировать и конструировать поступающую информацию. Таким образом проявляется интерпретирующий характер «человеческого сознания и, как следствие, языкового сознания, языковой картины мира, системы языка, всех его единиц и категорий, всей дискурсивной деятельности человека в ментально-языковом конструировании окружающего мира» [Болдырев 2016: 11].

То есть индивид, в соответствии с его возрастом, полом, социальным статусом, обладает определенной картиной мира, «индивидуальной концептуальной системой» [Болдырев 2017], на основе которой происходит интерпретация знаний о мире и, как следствие, формирование новых концептов или модификация уже имеющихся. Другими словами, происходит концептуальная деривация, которая, согласно Л.В. Бабиной, «представляет собой когнитивный процесс, обеспечивающий появление новой структуры знания в концептуальной системе человека на основе уже существующих концептов и концептуальных структур» [Бабина 2007: 86].

Созданные в сознании человека концепты получают частичное отражение в языке. Выбирая то или иное средство объективации концепта, автор выделяет определенные признаки последнего, которые, на его взгляд, являются важными в выполняемой им дискурсивной деятельности.

Целью данной работы является определение интерпретирующего потенциала первичных и вторичных средств репрезентации индивидуально-авторского концепта FEAR в детективных романах Агаты Кристи.

Концепт FEAR является одним из ключевых концептов детективного произведения. Репрезентированный имплицитно этот концепт призван внушать эмоцию страха читателю, в то время как его эксплицитная репрезентация отражает характер персонажа. Важным для реализации прагматической установки текста детективного произведения становится стереотипное мышление как автора, так и читателя, с опорой на которое создаются типы персонажей, некоторые гендерные различия которых выражаются в описании способов переживания эмоции страха.

Стоит отметить, что рассматриваемый концепт объективируется писателем, в чью индивидуальную картину мира входит сформированное в детском возрасте в викторианском обществе отношение к женщине как к слабому и эмоционально неустойчивому существу.

Анализ первичной репрезентации концепта FEAR позволил выявить, что эмоция страха женского пола чаще, чем эмоция страха мужского пола, передается лексемами, выражающими наиболее интенсивное эмоциональное переживание: *horror, terror*. Пример: *Vera whispered, horror-struck: 'She killed herself?'* (Christie A. Ten Little Niggers). В то время как языковые единицы, объективирующие менее интенсивное проявление эмоции (*fear, alarm, frightened*) в равной мере передают переживание как женского, так и мужского пола. Пример: *Five people—five frightened people. Five people who watched each other, who now hardly troubled to hide their state of nervous tension* (Christie A. Ten Little Niggers).

Эмоция страха мужчин, в большинстве случаев, передается при помощи первичной репрезентации: глаголом *to fear*; прилагательными *frightened, alarmed*: *That is, he is both himself—the man feared by M. Ratchett—and a passenger on the train so well disguised that M. Ratchett did not recognise him* (Christie A. Murder on the Orient Express). *The detective nodded. "Yes. He was alarmed. Tell me, how did he act when he received the first letter?"* (Christie A. Murder on the Orient Express).

Для объективации в языке эмоции страха, которую испытывает женщина, характерна, в основном, вторичная репрезентация.

В ходе анализа метафорической репрезентации концепта FEAR были выявлены следующие метафорические модели:

FEAR IS A DISEASE: *She broke down completely and fainted. The shock of having her wickedness brought home to her was too much for her. She literally died of fear* (Christie A. Ten Little Niggers).

FEAR IS A CONTAINER: *She looked like a woman who walked in mortal fear...* (Christie A. Ten Little Niggers).

FEAR IS AN ENEMY: *Mademoiselle Megan, all along, was haunted by a fear that it was you who had committed the second crime* (Christie A. The A.B.C. Murders).

FEAR IS A THING: *I was able to pooh-pooh the little lady's fears* (Christie A. Death On The Nile).

Первые три модели отражают активно проявляющий себя негативный характер воздействия эмоции страха на субъект женского пола. Четвертая метафора, как правило, указывает на переживание из-за незначительных объектов эмоции.

Используется описание локализации страха, который испытывает женский пол, в определенной части тела, в особенности в глазах. Выявили метонимическую модель Part – for – Whole: *Her eyes, staring frightened eyes, went round and round the ring of faces* (Christie A. Ten Little Niggers).

Описание невербального проявления эмоции, переживаемой как мужчиной, так и женщиной, осуществляется за счет метонимического переноса Nonverbal expression – for – Emotion и отражает влияние страха на работу дыхательных органов и сердечно-сосудистой системы, а также на оттенок кожи: *Blore said breathlessly: "Where's Mr Lombard?"* (Christie A. Ten Little Niggers). *"I pressed it and I pressed it, but nothing happened—and I can tell you, I thought my heart was going to stop beating"* (Christie A. Murder on the Orient Express). *He was as white as chalk* (Christie A. Murder on the Orient Express). *His face still looked pale and frightened* (Christie A. Murder on the Orient Express).

Однако изменения в голосе, потеря сознания и выражение эмоции с помощью крика в романах свойственны, в основном, женскому полу, что указывает на отношение автора к женщине не только как к более слабому, но и как к более искренне выражающему свои чувства полу: *She said, and her voice shook with horror: "Miss Brent's missing grey wool..."* (Christie A. Ten Little Niggers). *And suddenly toppling forward, she fainted heavily on M. Bouc's shoulder* (Christie A. Murder on the Orient Express). *Vera screamed. She screamed and screamed—screams of the utmost terror—wild desperate cries for help* (Christie A. Ten Little Niggers).

Таким образом, синонимы слова-репрезентанта концепта FEAR, метафорические и метонимические модели, которые объективируют эмоцию страха женского пола, передают более интенсивное и более отрицательно воздействующее на субъект проявление эмоции, чем языковые единицы, репрезентирующие эмоцию страха мужского пола.

В заключение следует отметить, что средства как первичной, так и вторичной репрезентации концепта FEAR в детективных романах Агаты Кристи отражают гендерные особенности переживания эмоции страха, фокусирование внимания на которых во многом обусловлено сформированной на основе коллективного опыта эпохи индивидуальной картиной мира писателя и намерением автора реализовать прагматическую установку текста своих произведений.

Литература

- Бабина Л.В. Проблема концептуальной деривации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 86–91.
- Болдырев Н.Н. Антропоцентрическая теория языка. Теоретико-методологические основы // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXVIII. С. 20–81.
- Болдырев Н.Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016. № 4. С. 10–20.
- Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Christie A. Murder on the Orient Express. URL: http://detective.gumer.info/anto/christie_8_2.pdf
- Christie A. The A.B.C. Murders. URL: https://royallib.com/read/Christie_Agatha/The_ABC_Murders.html#0
- Christie A. Ten Little Niggers. URL: <https://thefreeonlinenovel.com/bi/ten-little-niggers>
- URL: Christie A. Death on the Nile. URL: https://www.bookfrom.net/agatha-christie/33599-death_on_the_nile.html

*Е.А. Чуksina (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

GENDER ASPECT OF THE FEAR CONCEPT REPRESENTATION IN THE ARTISTIC DISCOURSE

The article is devoted to the study of the methods of the emotion of fear verbal representation in the artistic discourse in English language. The means of the representation of the individual author's concept FEAR reflecting the gender characteristics of the emotion of fear experience are defined. Focusing on the latter is determined by the author's individual world picture and the pragmatics of the text.

Key words: fear, concept, discourse, worldview, gender aspect.

*Т.Н. Чуrляева (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
churlyaevatatyana@gmail.com*

ПОНИМАЮЩЕЕ НЕПОНИМАНИЕ: К ПРОБЛЕМЕ ЦЕННОСТНО-СМЫСЛОВОГО АСПЕКТА ЧТЕНИЯ

Обсуждается проблема понимания смысла художественного текста, связанная с характером мыслительной и предметной деятельности. Ситуация непонимания-удивления трактуется как конститутивное условие подлинного понимания, рассматривается ее коммуникативно-диалогический потенциал. Дается критическая оценка качеству чтения профессионально-ориентированного читателя.

Ключевые слова: герменевтическая концепция понимания текста, непонимание как условие понимания, типы непонимания, коммуникативно-диалогический потенциал непонимания-удивления.

Вынесенный в название статьи оксюморон призван обозначить суть проблемы, послужившей первоначальным поводом для ее написания. Каким образом происходит понимание смысла художественного текста? Вопрос, казалось бы, имеющий сугубо теоретическую подоплеку, имеет колоссальную важность для решения практических задач в области обучения читательской деятельности: при каких условиях возможно понимание? Что свидетельствует о том, что понимание состоялось? Для чего и с какой целью необходимо добиваться лучшего предыдущему пониманию? Если не возникает понимания, то, как сделать так, чтобы понять?

К исследованию природы понимания смысла текста в его феноменологическом, онтологическом, аксиологическом аспектах обращаются науки, состоящие в близкой связи с современным литературоведением, – герменевтика, философия, психология, психолингвистика, когнитивная лингвистика и ряд других гуманитарных областей знания, но все научные поиски так или иначе сводятся к выражаемым сущность изучаемого объекта основаниям – имманентной сложности самого феномена понимания и смысла, не существующего помимо понимания, т. е. осознания понимания как феномена сообщаемости смысла, а значит, природы мыслительной и предметной деятельности, направленной на достижение понимания смысла и его передачу. Язык, речь, текст, мышление, сознание, восприятие, память, коммуникация – ключевой спектр понятий, составляющих понятийно-терминологический аппарат этой интегрированной проблемной области.

Исследование процесса понимания художественного текста с позиции мыследеятельностной парадигмы получило глубокую теоретическую и практическую разработку в филологической герменевтике, в работах Г.И. Богина, В.П. Литвинова, О.В. Карасева, Н.Ф. Крюкова и др. В герменевтической концепции понимания текста основным конститутивным условием понимания является непонимание [Гадамер 1991]. Т. е. в самом понятии понимания имплицитно содержится понятие ее предмета – непонимание как шаг к пониманию. Понимание смысла художественного текста есть понимание, как говорил С.С. Аверенцев, «особого рода, которое по сути своей тождественно “непониманию”», потому что относится «одновременно к двум разнородным планам: к научному уразумению и человеческому проникновению, к анализу и диалогу» [Аверенцев 1975: 157].

Любой текст – это чья-то мысль, выраженный смысл, который нужно в акте чтения осмыслить заново, восстановить для себя. Чтение начинается с осмысления того, что высказывается «текстом-сознанием». Эта мысль становится объектом анализа, подвергается аналитическим процедурам членения, структурирования, систематизирования, иерархизирования и пр. Но вместе с тем – и умным собеседником, «партнером умственной работы» в диалоге двоих – автора и читателя, способным обогатить, научить понимать то, что было до этой встречи недоступным.

Есть еще одно условие, диктуемое бытием художественного текста: включаясь в человеческий мир, текст становится «знаком-символом», который «взыскующе и вопрошающе “смотрит” на нас» [Аверенцев 1975: 158]. И чем сложнее мысль, тем таинственнее и запутаннее смысловая структура символического смысла текста. Символ как таковой, по выражению Гераклита, «не выговаривает и не скрывает, но знаменует», отсюда и смысл текста-сознания никогда не выражается напрямую, лишь косвенно, опосредованно, уловить который возможно лишь способностью к человеческому общению. Даже в обычной жизни понять собеседника не просто, потому что он может быть чем-то другим, чем мы сами. Он него нельзя требовать, чтобы он соответствовал нашим представлениям, желаниям и мыслям. Как отмечал С.С. Аверенцев, «Человеческое общение есть понимание “поверх барьеров” непонимания, предполагающее эти барьеры» [Аверенцев 1975: 158]. Здесь же в беседе с нами трудный собеседник, понять которого невозможно без допущения его инаковости как знака его объективного бытия. Читая текст, необходимы усилия для того, чтобы, как говорил М.К. Мамардашвили, «сделать допуск великодушия в предположении, что в этом тексте есть все-таки что-то, что достойно понимания и внимания» [Мамардашвили 2012: 14-15]. Без непонимания-удивления загадочности и непонятности, своей же непонятностью ошеломляющего художественного содержания и формы, интенционально направленных на выражение авторского сознания и объективацию смысла, невозможно понимание.

Многолетний опыт преподавания классической литературы, литературы XX и XXI вв., позволил выявить ряд проблем, в том числе в области обучения чтению/пониманию [Чурляева 2016].

Сегодня в студенческой филологической аудитории с анализом и интерпретацией художественного текста, направленных на понимание смысла, справляются единицы, для остальных эта задача непосильная. В лучшем случае студенты остаются в зоне комментирования значений отдельных текстовых единиц, взятых вне художественного целого, когда понимается лишь их буквальное значение. По типологии Г.И. Богина [Богин 1986], студенты в большей части осваивают семантизирующий тип понимания (декодирования единиц текста, выступающих в знаковой функции), когнитивное (установление связей, отношений и зависимостей между текстовыми элементами) и распремечивающее (восстановление опредмеченных автором смыслов) понимания, при которых происходит формирование смысла, оказываются доступными лишь для немногих. Студенты признаются в том, что чтение не приносит удовольствия, смысл читаемого им не открывается, а то, что «прочитывается», не встраивается в систему личностных ценностей: «Читал, читал, но так ничего и не понял»; «Дочитал до конца, но так и не понял: о чем это?»; «Мне это в жизни не пригодится!».

Ситуация с непониманием-недомыслием сама по себе не нова, более того, естественна: движение к смыслу через непонимание-удивление требует серьезных интеллектуальных, эмоциональных и душевных усилий. Вызывает опасение другое: чувство беспомощности перед литературным текстом, одно из

самых важных, соответствующее фундаментальному рефлексивному указанию на неведение и неразумение и сигналом к интерпретации и рефлексивному разумению, все чаще заменяется квази-пониманием, когда у студента-читателя возникает устойчивая иллюзия исчерпанности его анализа и интерпретации, в результате которых якобы достигнута предельная «граница» смыслового наполнения текста-символа, и ему все вполне «понятно». А это уже не просто заблуждение, но своего рода уничтожение непонимания-удивления и ликвидация самого предмета понимания, потому что непонимание-удивление есть конститутивный признак его бытия. Происходит безнадежное пресечение всякого понимания, после которого говорить не о чем. Наличная внутри текста смысловая структура, объективное существование которой как смыслоносной реальности имеет место лишь внутри диалога, оказывается безнадежно нивелирована поверхностным рационализмом, неуважительным и нечутким отношением к мысли собеседника.

Такая поверхностная рассудочность современного читателя опасна тем, что приводит к неспособности осознания своего непонимания как условия подлинного понимания, без которого личностное становление оказывается невозможным. Мысль М.К. Мамардашвили созвучна такому суждению: «<...> личность – такой феномен, который не существует сам по себе, не рождается натуральным образом <...> эта некоторая особая структура в человеке, которая создается особыми актами и особыми переживаниями» [Мамардашвили 2012: 16]. Таким событием является акт чтения как личностный поступок, причиной которого становится сам читатель, совершающий личностный акт, акт мысли.

Литература

Аверinceв С.С. Предварительные заметки к изучению средневековой эстетики // Древнерусское искусство. Зарубежные связи. М.: Наука, 1975. С. 371–382.

Богин Г.И. Типология понимания текста: учеб. пособие. Калинин, КГУ, 1986.

Богин Г.И. К онтологии понимания текста // Вопросы методологии. 1991. № 2. С. 33–46.

Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного / пер. с нем. М.: Искусство, 1991.

Мамардашвили М.К. Очерк современной европейской философии. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.

Чурляева Т.Н. Обучение чтению и пониманию в вузе: проблемы и пути решения // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: материалы 5 конгр. РОПРЯЛ, Казань, 4–8 окт. 2016 г. СПб.: РОПРЯЛ, 2016. Вып. 5. С. 1071–1076. 1 электрон. опт. диск (CD-R).

T.N. Churlyueva (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

LACK OF UNDERSTANDING AS KEY TO UNDERSTANDING: TO THE PROBLEM OF THE VALUE-AND-MEANING ASPECT OF READING

The article discusses the problem of understanding the meaning of a literary text, which is related to the nature of mental and objective activity. The situation of misunderstanding-surprise is interpreted as a

constitutive condition of true understanding, its communicative and dialogical potential is considered. A critical assessment of the quality of reading of a professionally oriented reader is given.

Key words: hermeneutic concept of text understanding, misunderstanding as a condition for understanding, types of misunderstanding, communicative-dialogical potential of misunderstanding-surprise.

Л.Л. Шевченко (Барнаул, Россия)

*Алтайский государственный педагогический университет
shevchenko_ll@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЙ СТИЛЬ – МЕТАКОГНИЦИЯ – ГИПЕРТЕКСТ: К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРОВАНИИ АВТОРСКОЙ КАРТИНЫ МИРА (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ АЙРИС МЕРДОК)

Статья посвящена изучению метафоры в художественном тексте с точки зрения ее участия в репрезентации авторской картины мира и когнитивного стиля писателя. Когнитивный стиль рассматривается как набор когнитивных стратегий, выявляемых в процессе метакогниции и интегрируемых в гипертекст – семантический инвариант текстов отдельного автора.

Ключевые слова: когнитивный стиль, метакогниция, метафора, концепт, гипертекст.

Вопрос о субъективной стороне порождения и восприятия художественного текста традиционно входит в проблематику лингвостилистики. Сегодня ему уделяется особое внимание, поскольку современный когнитивный подход к исследованию языка провозглашает принцип антропоцентризма и рассматривает человека как познающего субъекта, который не воспроизводит, а формирует смыслы, опираясь на определенный опыт и знания, определенный способ отражения мира.

Решение глобального вопроса когнитивной науки о том, каким образом в сознании человека отражается его понимание и видение мира, остается недоступным для исследователя языка, поскольку, используя данные лингвистики в полной мере невозможно объяснить, как работает человеческий мозг, какими структурами он оперирует. Однако на основе изучения опыта использования языка возможно «сmodelировать» эти структуры, их содержание и связи [Болдырев 2021: 23-24]. Когнитивное моделирование – это тот способ, с помощью которого можно продемонстрировать неразрывную связь между образом мира в сознании человека и его языковым воплощением.

В лингвистике текста и лингвостилистике проблема выбора языковых средств для выражения того или иного смысла тесно связана с проблемой стиля. Стиль как текстовая стратегия определяет целостность текста. Для художественного текста индивидуальный стиль является ведущим признаком и отправной точкой для исследования и систематизации способов репрезентации авторской картины мира.

Распространение когнитивного подхода на стилистические исследования привело к тому, что понятие «стиль» расширилось до понятия «когнитивный

стиль» ('mind style'). Когнитивный стиль – это «способ отражения определенных концептуальных структур и когнитивных привычек, которые характеризуют индивидуально-авторскую картину мира» ('mind style is to do with how language reflects the particular conceptual structures and cognitive habits that characterize an individual's world view'), или «проекция определенного взгляда на мир через повторяющиеся в тексте (или его части) языковые модели» ('the way in which linguistic patterns in (part of) a text can project a particular world view') [Semino 2002: 95].

Рассмотрение когнитивного стиля автора выводит исследование на уровень моделирования авторских когнитивных стратегий, что можно определить как «когницию о когниции», или метакогницию, которую Т.А. Клепикова определяет как «интроспективный анализ наших собственных ментальных состояний, либо прогностически-вероятностный анализ ментальных состояний другого когнитивного субъекта» [Клепикова 2008: 155].

Метакогниция как способ изучения авторского мировосприятия в той или иной мере свойственна большинству лингвостилистических исследований художественного текста. Однако на сегодняшний день еще не сформирован единый подход и не определены методы изучения когнитивного стиля. Л.Г. Лузина выделяет два типа исследований когнитивного направления в стилистике: 1) исследования, разрабатывающие общие положения; 2) исследования, рассматривающие отдельные стилистические приемы и средства языка с точки зрения когнитивного подхода [Лузина 2001: 208]. В нашей работе мы попытаемся дать обоснование общему подходу в изучении когнитивного стиля автора через анализ отдельной стратегии, или «когнитивной привычки», репрезентируемой в метафоре.

Объектом исследования выступают повторяющиеся метафорические модели, актуализирующиеся в тексте произведений Айрис Мердок. Предмет исследования – их участие в репрезентации когнитивного стиля автора.

Метафора – уникальное явление, лежащее на пересечении языка и мышления. Связующим звеном между вербальным и невербальным аспектами метафоры выступает образ. Выбор того или иного образа предопределен когнитивной стратегией, состоящей в использовании повторяющихся метафорических моделей. Эти модели очерчивают круг концептов, которые составляют ментальный лексикон автора и выполняют функцию аттракторов или «магнитных полюсов» в его концептуальной системе.

Метафора рассматривается нами как характерный для изучаемого автора способ объективации индивидуального мировосприятия. Анализируя творчество Айрис Мердок, мы заметили, что образы ее метафор не выходят далеко за пределы определенного набора концептов, среди которых базовыми являются следующие: ТЕАТР, ИЛЛЮЗИЯ, НЕСВОБОДА. Наиболее часто эти концепты актуализируются в образах *сцены, драмы, спектакля, занавеса, гобелена, сна, сети, паутины, клетки, тюрьмы* и являются ключевыми для интерпретации авторской картины мира. Тесная связь между образами обнаруживается в том,

как последовательно они перетекают друг в друга, находясь на пересечении базовых схем концептуального взаимодействия.

Наиболее устойчивой в концептуальной системе Айрис Мердок является модель ЖИЗНЬ – ТЕАТР, которая актуализируется в целой парадигме образов: *театр, сцена, акт, спектакль, драма, трагедия, маскарад, актерская игра, роль, актер, маска, кукла, арлекин, зритель*. Данная базовая метафора организует значительную область концептуального пространства, вовлекая в свою структуру многие другие концепты. Например, ЖИЗНЬ – ТЕАТР – ИЛЛЮЗИЯ: We are **absurdities, comic characters** in the **drama** of life... (Murdoch I. 1976), *Could it be that the great curtain of huge and misty shapes would be rolled away at last, and if it were so what would be revealed behind? (The Time of the Angels, 19)* (Murdoch I. 1971), *All this stuff doesn't matter, this house, this furniture, those lawns and trees, it's all a kind of illusion, it's just a tapestry that can be folded up and sold* (Murdoch I. 1976).

В самых различных образах представлена модель ЖИЗНЬ – НЕСВОБОДА: *There's another man I want in my net!* (Murdoch I. 1971), *But now George was just something hanging in the corner of a spider's web* (Murdoch I. 1971), *Does he want to keep Peter and me together in a cage?* (Murdoch I. 1970).

Образы плена, клетки, драмы, спектакля, сна, находясь на пересечении нескольких концептуальных областей, интегрируют в единую структуру концепты ТЕАТР – ИЛЛЮЗИЯ – НЕСВОБОДА: *You are a prisoner, of books, age and ill-health. It then occurred to him that in some curious way Max might derive consolation from the spectacle, over there in the other house, of another captivity, a distorted mirror image of his own* (Murdoch I. 1963), *...now their stillness in the chilly light in the dreary cage of the staircase suggested some jumbled and senseless drama in a dream* (Murdoch I. 1962). В общую структуру ассоциаций, объединяющих данные образы, входят признаки искусственности, нереальности, абсурдности происходящего, навязанной организованности, подчиненности некой высшей силе. Реальность происходящего в произведениях Айрис Мердок ставится под сомнение и служит лишь насмешливым напоминанием о некоей подлинной, первичной реальности.

Являясь отражением определенного способа восприятия, организации и переработки информации и свидетельством взаимодействия языковой и когнитивной сфер, метафора становится уникальным инструментом моделирования концептуальной системы автора. Структура взаимодействия ключевых концептов, служащих в качестве аттракторов в этой системе, представляет собой сверх- или гипертекст, содержащий в себе алгоритмы метафорообразования и текстового развертывания в целом.

Л.О. Чернейко, определяет гипертекст как исследовательскую модель текста, «выявляющую нелинейные смысловые отношения составляющих его лексических единиц и базирующуюся на их внутритекстовых прадигматических связях» [Чернейко 2017: 17]. А.В. Соснин рассматривает его как «общую модель» или «семантический инвариант для группы текстов» [Соснин 2021: 127].

На наш взгляд, тексты одного и того же автора, продуцируемые одним и тем же сознанием, обнаруживают множество схожих элементов, позволяющих сконструировать подобную модель.

Метафора является лишь одним из таких элементов. Изучение базовых концептов в метафорических моделях, может стать отправным пунктом для рассмотрения других характеристик когнитивного стиля автора. К примеру, актуализация концепта ТЕАТР, занимающего ключевое положение в структуре разрабатываемого гипертекста, обнаруживает аллюзивный характер, отсылая читателя к творчеству Шекспира, чье влияние на художественный метод Айрис Мердок неоспоримо. Оно проявляется не только в многочисленных параллелях между персонажами и сюжетами, но и в использовании художественных приемов (например, «пьеса в пьесе»). Шекспировская трактовка человеческой жизни как сцены, на которой разыгрывается пьеса (чаще трагикомедия), высвечивается во всех произведениях Айрис Мердок. Это не просто художественный образ, а определенная стратегия, или схема, заложенная в структуру произведения и запрограммированная авторской картиной мира.

Таким образом, можно говорить о возможности систематизировать повторяющиеся приемы, используемые автором в целом ряде произведений, и представить их в виде концептуальных структур, репрезентирующих когнитивный стиль автора. Результатом когнитивного моделирования в данном случае будет гипертекст, исследовательский конструкт, интегрирующий различные «когнитивные привычки», в которых отражается уникальный образ мира, заключенный в сознании автора.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021.
- Клепикова Т.А.* Метакогниция и язык // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 3 (59). С. 155–158.
- Лузина Л.Г.* Основные направления развития современной стилистики // Лингвистические исследования в конце XX в. Сборник обзоров. Москва, 2001. С. 205–214.
- Соснин А.В. Балакина Ю.В., Киселева Е.В.* Метафора «Лондон – текст» как важнейшая онтологическая метафора в составе лондонского текста английской лингвокультуры // Вестник РГГУ. Серия Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2021. № 3. С. 125–135.
- Чернейко Л.О.* Как рождается смысл: смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования. Москва, 2017.
- Semino E.* A cognitive stylistic approach to mind style in narrative fiction // *Cognitive Stylistics. Language and Cognition in Text Analysis*. Amsterdam, Philadelphia, 2002. P. 95–122.
- Murdoch I.* *An Unofficial Rose*. Penguin Books, 1962.
- Murdoch I.* *The Unicorn*. Penguin Books, 1963.
- Murdoch I.* *The Time of the Angels*. Triad Panther Books, 1966.
- Murdoch I.* *The Flight from the Enchanter*. Penguin Books, 1970.
- Murdoch I.* *An Accidental Man*. Triad Panther Books, 1971.
- Murdoch I.* *Henry and Cato*. Penguin Books, 1976.

*L.L. Shevchenko (Barnaul, Russia)
Altai State Pedagogical University*

**MIND STYLE – METACOGNITION – HIPERTEXT:
THE PROBLEM OF MODELING THE AUTHOR'S WORLD VIEW
(ON THE WORKS OF IRIS MURDOCH)**

The article considers metaphor as the means in which the author's individual world view and mind style are represented in their literary texts. Mind style is understood as a set of cognitive habits detected through metacognition and integrated in hypertext which serves as the semantic invariant for the texts of a certain author.

Key words: mind style, metacognition, metaphor, concept, hypertext.

*Е.С. Шмельёва (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
katherineshm@gmail.com*

**PARTYGATE, OMI-GONE И COVID WATCH:
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КРЕАТИВНОСТЬ
В ЭПОХУ ПАНДЕМИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТАБЛОИДОВ)²⁷**

Данная статья посвящена изучению словообразовательной креативности по актуальной тематике пандемии COVID-19. Исследование проведено на материале текстов англоязычных таблоидов за период 2020–2022 гг. Рассмотрены три основные модели креативного словообразования по пандемийной тематике: аффиксация, блендинг и словосложение.

Ключевые слова: медийный дискурс, лингвокреативность, лингвокреатема, параметризация лингвокреативности, словообразование, пандемия COVID-19.

Охватившая мир в декабре 2020 года пандемия коронавируса и сегодня остается одной из ключевых тем для обсуждения в СМИ. При этом, несмотря на порой трагичный характер новостей по данной тематике, обзор статей англоязычной прессы за период 2020-2022 гг. выявил значительное число текстов с теми или иными элементами лингвокреативности, что, по нашему мнению, заслуживает внимания исследователей. Следует отметить, что под лингвокреативностью, вслед за И.В. Зыковой, мы понимаем «способность глубинных (концептуальных) оснований (как результатов познания мира), системно порождать разнородные знаки языка, способствуя развитию или эволюционированию последнего, и обеспечивать процесс их коммуникативной адаптации к построению прагматически ориентированного дискурса, в ходе которого базовые формы языковых знаков могут подвергаться разного рода преобразованиям, т. е. модифицируются» [Зыкова 2017: 638].

²⁷ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН.

В ходе исследования нами был сформирован корпус, включающий 200 статей из англоязычных газет и журналов различного типа. Источником материала для анализа в рамках текущей работы послужили тексты популярной прессы или так называемых «таблоидов» (*The Mirror* и *The Sun*), которые посвящены актуальной тематике коронавируса. В них были установлены и соответствующим образом промаркированы лингвокреатемы на различных уровнях языка (лексическом, морфологическом, синтаксическом и словообразовательном) (см. подробнее о разработке понятия «параметризация лингвокреативности» в [Зыкова, Киосе 2020]). Заметим, что под термином «лингвокреатема» мы, вслед за Г.А. Копниной и А.В. Сквородниковым, понимаем «языковые / речевые единицы, рождающиеся в результате творческой речевой деятельности» [Копнина, Сквородников 2014: 101].

В результате анализа исследовательского материала наибольшее число лингвокреатем было выявлено на лексическом уровне, однако наше особое внимание привлекли именно элементы лингвокреативности в словообразовании. Несмотря на их достаточно ограниченное количество (менее 2 % от всех лингвокреатем в рамках исследовательского корпуса), выявленные элементы словообразовательной креативности в большей степени примечательны для читателя и наиболее полно реализуют функцию привлечения внимания ввиду новизны как их содержания, так и формы. Следует особо отметить, что в подавляющем большинстве выявленных нами случаев словообразовательная креативность ограничивается лишь заголовком (95 % рассмотренных примеров) и не находит подкрепления на уровне последующего текста статьи. Мы не остаемся на данной особенности реализации словообразовательной креативности, поскольку она была подробно рассмотрена нами на предыдущем этапе исследования, которое было проведено на материале англоязычной качественной прессы (см. подробнее в [Шмелёва 2021]). В результате нашего текущего исследования было сделано следующее наблюдение: наиболее часто лингвокреатемы по тематике пандемии формируются в результате таких словообразовательных процессов, как аффиксация, блендинг и словосложение. Рассмотрим соответствующие примеры.

В основе наибольшего количества случаев реализации словообразовательной креативности, установленных в ходе анализа медийных текстов из нашего корпуса, лежит модель аффиксального словообразования с участием суффикса *-gate*. Как известно, данный суффикс со времен Уотергейтского скандала используется для указания на разного рода политические скандалы. В частности, в популярной англоязычной прессе присутствуют многочисленные упоминания так называемого *Partygate* – скандала, связанного с участием Бориса Джонсона и других высокопоставленных лиц Соединенного Королевства в вечеринке, которая была организована несмотря на введение жестких карантинных мер в стране. Например, в заголовке *The Sun* от 10 декабря 2021 г. читаем: *Five new Tory MPs have demanded scandal-hit Boris Johnson QUILTS over Partygate* («Еще 5 тори-членов парламента потребовали отставки Бориса Джонсона

виду скандала с вечеринкой»). Интересно отметить, что далее в статье также фигурирует другая лингвокреатема, которая строится по аналогичной словообразовательной модели с привлечением суффикса *-gate*: *It comes after a horrid week for the PM <...> and the ongoing wallpaper-gate saga* («Оно [сообщение] поступило после ужасающей для премьер-министра недели <...> и продолжающегося “обойного” скандала»). (В данном случае речь идет о сумме в £112,549, которая была взята Б. Джонсоном из казны и потрачена на покупку обоев в его личную квартиру. – Прим. Е.Ш.).

Единица *Partygate* содержится и в текстах других таблоидов, например, в заголовке *The Mirror* от 25 мая 2022 г.: *How The Mirror broke Partygate scandal which could still sink PM Boris Johnson* («Как *The Mirror* сообщила о скандале с вечеринкой, который все еще может ‘потопить’ Бориса Джонсона») и далее в тексте статьи: <...> *claiming that ‘partygate’ had cut through on the ground* («<...> утверждалось, что ‘*namigeim*’ стал достоянием общечеловечности»). По нашим ощущениям, данная лингвокреатема, несмотря на ее неконвенциональную форму, довольно быстро перестала восприниматься читателями как креативная ввиду ее широкого употребления в текстах медиа. Представляется, что в данном случае правомерно говорить об осуществившемся переходе единицы *Partygate* из разряда окказионализмов в область английской неологии.

Вторым наиболее продуктивным способом формирования словообразовательных лингвокреатем, выявленных в ходе нашего исследования, стало блендовое словосложение (или блендинг). Заметим, что главным отличием блендинга от традиционного словосложения мы, вслед за Н.А. Лавровой, считаем «осколочный» характер совмещенных элементов [Лаврова 2011: 91]. Пример словообразовательной креативности на основе блендового словосложения содержится в заголовке статьи из *The Sun* от 12 мая 2022 г. *Kim Jong Un-Well* («Ким Чен Ынездоров»). Статья посвящена выступлению Верховного лидера Северной Кореи, в ходе которого он, надев защитную маску, публично признал факт существования эпидемии коронавируса в своей стране. Лингвокреатема *Un-Well* в заголовке данной статьи представляет собой бленд из части имени политика *Un* и прилагательного *unwell* в значении «нездоровый», что служит метафоричным указанием на пандемию COVID-19. Другая примечательная лингвокреатема, образованная в результате блендового словосложения, содержится в заголовке статьи из *The Sun* от 11 апреля 2022 г. *Jabulous* («Вакцистически»). Бленд *jabulous*, сформированный в результате сложения единиц *jab* (вакцина) и *fabulous* (фантастический) указывает на буквально фантастические результаты, которые могут быть достигнуты в ходе борьбы с коронавирусом с помощью масштабного вакцинирования населения.

Как показало исследование, значительная часть примеров блендовой словообразовательной креативности также строится на основе единиц, указывающих на вирус COVID-19 и на его штаммы. Например, заголовки статей из *The Sun* от 22 и от 29 апреля 2022 г. *Omi-gone?* («Оми-вон?») и *Omi-gone* («Оми-вон») содержат бленд *Omi-gone*, частью которого является элемент названия одного из последних выявленных штаммов коронавируса «омикрон» (*Omi-*),

а другая часть представляет собой причастие прошедшего времени *gone* (ушедший, покинувший) и указывает на спад пандемии.

Наконец, третьим наиболее продуктивным способом формирования «пандемийных» лингвокреатем стало словосложение. По нашим наблюдениям, наиболее часто такие сложные единицы формируются в результате комбинации с элементом *COVID*, указывающим на название вируса. В частности, пример такого рода содержится в статье из *The Sun* от 19 апреля 2022 г. *COVID Watch* («Ковид-часы»). Автор информирует о том, что в результате последних исследований о влиянии коронавируса на частоту сердечных сокращений некоторые модели смарт-часов могут диагностировать у их владельца омикрон. В статье часы с такой функцией называются *COVID watch*, т. е. *ковид-часами*. Представляется, что данная единица может быть классифицирована именно как лингвокреатема, поскольку, в отличие от многих других сложных слов, образованных в результате сложения с элементом *COVID* (*COVID spike*, *COVID pandemic*), единица *COVID-watch* не конвенциональна и образована по аналогии с уже существующими единицами *smart watch*, *Apple watch* и т. д.

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно сказать следующее. Актуальная на момент 2020–2022 г. тематика пандемии вируса *COVID-19* логичным образом получила широкое освещение в англоязычной прессе, в том числе в таблоидах. Несмотря на существующий общий негативный контекст, по нашим наблюдениям, медийные тексты популярной прессы по данной тематике характеризуются значительным числом случаев реализации лингвокреативности, что, с когнитивной точки зрения, можно связать со стремлением авторов сделать пугающие элементы бытия менее устрашающими и тем самым нивелировать негативное воздействие информационного поля на читателя. В ходе исследования мы выделили примеры реализации словообразовательной креативности по тематике пандемии, которые строятся на трех основных способах словообразования: аффиксации, блендинга и словосложения. Представляется, что некоторые лингвокреатемы по пандемийной тематике уже вошли в область английской неологии вследствие их широкой реализации в англоязычной прессе и того факта, что в основе данных элементов лежат продуктивные для английского языка модели словообразования (например, неологизмы с использованием суффикса *-gate*).

Литература

- Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017.
- Зыкова И.В., Куосе М.И. Параметризация лингвистической креативности в междискурсивном аспекте: кинодискурс vs дискурс детской литературы // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 2. С. 26–40.
- Котнина Г.А., Сквородников А.П. Стилистика креатива и эколлингвистика: точки соприкосновения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 8 (38): в 2-х ч. Ч. I. С. 101–104.
- Лаврова Н.А. Контаминация в современном английском языке: структура, семантика, прагматика // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 8 (223). Вып. 51. С. 88–93.
- Шмельёва Е.С. Лингвокреативность в медийном дискурсе // Лингвокреативность в дискурсах разных типов: Пределы и возможности: коллективная монография / отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Р.Валент. 2021. С. 499–557.

*E.S. Shmelyova (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

PARTYGATE, OMI-GONE И COVID WATCH: CREATIVITY IN WORD FORMATION AMID COVID-19 PANDEMIC (BASED ON ENGLISH LANGUAGE TABLOIDS)

This article examines linguistic creativity in the field of word formation on the topical issue of the COVID-19 pandemic. The study was conducted on the material of texts from English-language tabloids over the period of 2020–2022. Three main models of creative word formation in the field under consideration were identified: affixation, blending and word composition.

Key words: linguistic creativity, media discourse, linguacreative, parametrization of linguistic creativity, word formation, COVID-19 pandemic.

*Н.В. Шутёмова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
n.shutemova@spbu.ru*

ПАРАМЕТР ЗНАЧИМОСТИ В РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ОЦЕНКИ В ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ²⁸

Рассматривается реализация категории оценки в искусствоведческом дискурсе в соотношении с параметром значимости. На основе когнитивно-дискурсивного анализа англоязычных источников об изобразительном искусстве России XX века выявляются ценностные ориентиры субъектов оценки. Анализируются способы аргументации оценки значимости объекта.

Ключевые слова: категория оценки, параметры оценки, значимость, искусствоведческий дискурс.

Искусствоведческий дискурс, в силу специфики реализуемых им функций, основными из которых является трансфер знания в сфере теории, практики, истории, критики, дидактики искусства, информирование целевых аудиторий о событиях, тенденциях, персоналиях в сфере художественного творчества человека, оценка художественных произведений, формирование к ним общественного отношения, характеризуется комплексом свойств, одним из которых, наряду с информативностью и концептуальностью, является аксиологичность. При ее рассмотрении мы исходим из когнитивной трактовки категории оценки, восходящей к философии, оперирующей понятием ценности, и определяемой как ценностный аспект деятельности человека, суть которого состоит в познании ценности объекта и формировании ценностного отношения к нему [Каган 1997, Петухова 2017, Хомякова 2020, Hart, Lukeš 2007]. Такое толкование является особо востребованным в контексте изучения процессов понимания, интерпретации, трансфера знания [Алексеева, Мишланова 2019, Болдырев 2019, Демьянков 2016].

²⁸ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276.

Выделяемые в лингвистике параметры оценки, в соответствии с которыми организуется реализация данной категории в зависимости от типа дискурса, характеризуются широтой диапазона. В частности, он включает 1) параметр нравственности, систематизирующий оценку на оси, полюсами которой являются понятия «добро» и «зло»; 2) эстетический параметр, согласно которому ценность объекта рассматривается сквозь призму эстетических категорий («прекрасное» / «безобразное», «возвышенное» / «сниженное», «трагическое» / «комическое»); 3) параметр соответствия объективному состоянию дел, организующий оценку на шкале «истина» – «ложь»; 4) параметр утилитарности, на основе которого объект оценивается в прикладном аспекте [Арутюнова 1999, Баженова 2003, Ивин 1970].

Одним из наиболее общих параметров, задействованных человеком в качестве стержневых в познании свойств объекта и их анализе в дискурсе, является значимость объекта, поскольку она охватывает обозначенные выше аспекты и может трактоваться соответственно как значимость с позиций нравственности, эстетики, истинности, применимости. Данный параметр является системообразующим при реализации категории оценки и в искусствоведческом дискурсе при репрезентации оценки художественного произведения. Когнитивно-дискурсивный подход к анализу данного параметра позволяет выявить, с одной стороны, свойства, присущие объекту, и ценностные установки субъекта, его создавшего, с другой – свойства, приписываемые объекту, и ценностные ориентиры субъекта, его оценивающего, что актуально как в межличностных, так и институциональных отношениях внутри одной национальной культуры и в межкультурной коммуникации.

В искусствоведческом дискурсе, как показал его когнитивный анализ, значимость художественного произведения констатируется, объясняется и аргументируется, что сопровождается прежде всего характеристикой его целостности. Это означает, что значимость объекта раскрывается через анализ единства его формы и содержания.

Например, при оценке изобразительного искусства России XX века в энциклопедии «Британника» значимым считается эстетический поиск новых идей и образов, новых экспериментальных техник и материалов, способствующих объективации философско-эстетических взглядов авторов, их новаторских концепций. На этой основе к числу значимых, с точки зрения иной культуры, отнесено творчество К. Малевича, В. Татлина, В. Кандинского, М. Шагала, Э. Лисицкого, А. Родченко, П. Филонова, М. Эндер, Э. Неизвестного, И. Кабакова, М. Шемякина, Э. Булатова, В. Комара и А. Меламида, в то время как негативной оценкой наделены работы А.А. Пластова и И. Бродского.

По принципу оппозиции в энциклопедии репрезентируется и оценка значимости художественных течений: позитивную оценку получают примитивизм, абстракционизм, символизм, супрематизм, конструктивизм, неконструктивизм, концептуализм, в то время как негативное отношение высказывается по поводу соцреализма, неоклассицизма.

Позитивная оценка объекта с точки зрения его значимости получает в энциклопедии аргументацию, анализ которой также позволяет сделать заключение о ценностных предпочтениях субъекта оценки. Основным аргументом позитивной оценки значимости объекта является экспериментальный характер творчества обозначенных художников и течений. Данный аргумент является в «Британнике» стержневым, организуя оценку всех периодов в истории изобразительного искусства России XX века. Именно с этих позиций преимущественно позитивную оценку получают периоды 1) с начала столетия до 20-х гг., 2) собственно 20-х и 3) 60-х – 90-х. При этом значимость периода 30-х–50-х годов получает негативную оценку, в чем также прослеживается прием противопоставления при репрезентации оценки значимости объекта. Данный аргумент оценки значимости объекта можно рассматривать в качестве сильного, поскольку он основан на факте эстетического эксперимента в новаторском искусстве определенных периодов.

Данный аргумент получает развитие и детализируется в системе вспомогательных аргументов, которые также относятся к категории сильных, т. к. апеллируют к фактам. В частности, аргументы позитивной оценки значимости первого периода включают упоминание абстрактной живописи В. Кандинского, новаторской геометрии К. Малевича, архитектурные проекты В. Татлина, индивидуальная мифология как идейно-эмотивная основа произведений М. Шагала. К дополнительным аргументам негативной оценки значимости третьего периода относится упоминание большого множества однотипных работ и их противопоставление экспериментальному творчеству.

Отметим, что аналогичные ценностные ориентиры прослеживаются при оценке значимости творчества И. Наховой как представителя концептуализма в работе искусствоведов Джейн Шарп и Джулией Туловски (Jane A. Sharp, Julia Tulovsky) “Irina Nakhova. Museum on the Edge” (2019). При экспликации позитивной оценки посредством эпитета «prominent», обладающего емкой оценочной семантикой и обозначающего широкую известность и важность объекта, его отличие от других (“very well known and important”, “very noticeable, important, or famous”) [CD], авторами используются аргументы, ключевыми понятиями в которых являются игра и эксперимент. В целом доказательство позитивной оценки значимости творчества художника включает концептуальность работ, обыгрывание в них традиций, использование экспериментальных техник.

В целом параметр значимости способствует, с одной стороны, реализации категории оценки при порождении искусствоведческого текста, с другой – позволяет исследовать ценностные приоритеты субъекта оценки вне зависимости от его масштаба. В искусствоведческом дискурсе оценка значимости объекта искусства сопровождается аргументацией, основанной на анализе единства формы и содержания произведения. К сильным относятся аргументы, связанные не с приписываемыми, а с присущими объекту свойствами. Данный параметр отвечает сущности категории оценки и позволяет выявить разные виды ее реализации.

Литература

- Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Трансфер знания // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 36. С. 521–527.
- Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1998.
- Баженова Е.А. Категория оценки // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2003. С. 139–146.
- Болдырев Н.Н. Когнитивные доминанты языковой интерпретации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. 36. С. 43–52.
- Демьянков В.З. Когнитивные техники трансфера знания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 29–32.
- Ивин А.А. Основания логики оценки. М.: Изд-во Московского ун-та, 1970.
- Каган М.С. Эстетика как философская наука. СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997.
- Петухова Т.И. Аспекты оценочной интерпретации в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Когнитивные исследования языка. 2017. Вып. XXX. С. 283–286.
- Хомякова Е. Г. Лингвистический анализ оценки в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Общество. Среда. Развитие. 2020. № 4. С. 3–7.
- CD – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org/>
- Hart C., Lukeš D. Cognitive Linguistics in Critical Discourse Analysis: Application and Theory. Newcastle, UK: Cambridge Scholars Publishing, 2007. URL: <https://eds.p.ebscohost.com/eds/ebookviewer/ebook/ZTAwMHh3d19fNTi0MTU2X19BTg2?sid=5b6c5bba-d40a-4779-ba11-169406343812@redis&vid=6&format=EB&rid=32>
- The visual arts // Britannica. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:2573/place/Russia/The-visual-arts>
- Sharp J.A., Tulovsky J. Irina Nakhova: Museum on the Edge. New Brunswick, New Jersey: Rutgers University Press and the Zimmerli Art Museum, 2019. URL: <https://proxy.library.spbu.ru:3648/ehost/detail/detail?vid=4&sid=b3a3dd71-ffff-4e3d-bc3a-c1ac1f2891cc%40redis&bdata=JkF1dGhUeXBIPWl-wJmxhbmC9cnU%3d#AN=2318016&db=nlebk>

*N.V. Shutemova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

CATEGORY OF EVALUATION IN ART DISCOURSE: PARAMETER OF SIGNIFICANCE

The paper considers the category of evaluation in the art discourse in reference to the parameter of significance. Based on the cognitive-discursive analysis of English-language sources about fine arts in Russia of the 20th century, it is shown that this parameter allows revealing value preferences of recipients. Arguments used to prove the significance of an object are analyzed in correlation with its aesthetic form and content.

Keywords: the category of evaluation, parameters of evaluation, significance, art discourse.

*Е.А. Шушмарченко (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
имени Первого президента России Б.Н. Ельцина
cait.riona@yahoo.com*

НЕВЕРБАЛЬНОЕ И ВЕРБАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ КОНЦЕПТА ОДИНОЧЕСТВО В КИНОТЕКСТЕ

Целью данной работы является выявление комплекса вербальных и невербальных репрезентантов концепта ОДИНОЧЕСТВО в англоязычном кинотексте. Через понимание кино как текста

вводится понятие «киноконцепт». Определяется роль вербальной составляющей концепта в кинотексте, описывается невербальная составляющая киноконцепта.

Ключевые слова: кинотекст, концепт, киноконцепт, одиночество, английский язык.

В настоящее время исследование концепта не ограничивается изучением словарей. Для выявления авторских смыслов, несущих информативную и ценностную функции, важно определить номинативное поле концепта в художественном тексте. Наиболее популярной разновидностью художественного текста является кинотекст.

Концепт связан с эмоциональной и оценочной стороной мыслительной деятельности человека и может быть вербализован различными средствами – прямыми и образными, а может оставаться исключительно в сознании человека, поскольку является одной из тех абстрактных идей, которыми человек оперирует в процессе мышления. Смысловые слои концепта выявляются через анализ языковых средств, его репрезентирующих. При моделировании концепта происходит смысловое обобщение результатов значений языковых единиц, что приводит к формулированию когнитивных признаков описываемых компонентов («когнитивная интерпретация» [Попова, Стернин 2007]).

Художественный концепт отличается от языкового и является результатом концептуализации мира индивидуальным сознанием носителя языка, представленный в художественном тексте (или текстах) различными языковыми средствами, прямыми и/или образными, меняющийся в процессе творческих поисков автора. В структуре художественного концепта особо выделяются образный, оценочный, ценностный, эмоциональный, а также ассоциативный компоненты.

Концепт выступает системообразующей категорией в кинотексте: зритель перенимает раскрываемый автором концепт посредством сюжета, ракурса, звуковой дорожки, речи актеров и иных аспектов кинотекста, далее вырабатывая определенную оценку и наделяя воспринимаемую информацию собственным интерпретационным смыслом.

Кинотекст представляет собой «связное, цельное и завершенное сообщение, выраженное при помощи вербальных (лингвистических) и невербальных (иконических и/или индексальных) знаков, образованное в соответствии с замыслом коллективного функционально дифференцированного автора при помощи кинематографических кодов» [Слышкин, Ефремова 2004: 37]. Кинотекст состоит из двух семиотических систем: лингвистической (титры и надписи, звучащая речь актеров, закадровый текст, песня и т. д.) и нелингвистической (естественные и технические шумы, музыка, образы персонажей, их движения, пейзаж, интерьер, реквизит, спецэффекты и т. д.). С помощью этих двух систем передается замысел коллективного автора и происходит воздействие на сознание зрителя. Минимальной единицей кинотекста является кадр, в котором заложено кинозначение.

Поскольку кинотекст рассматривается исследователями как художественный текст [Милевская, Брыксин 2015], логично ввести новый термин: *киноконцепт* –

это результат концептуализации мира коллективно авторским сознанием носителя языка, представленный в кино вербальными и невербальными средствами одновременно.

Для формирования номинативного поля киноконцепта приведем следующий алгоритм анализа:

1. Выявление ключевого слова-репрезентанта концепта;
2. Определение синонимического ряда ключевого слова и его производных по данным синонимических и толковых словарей, а также выявление образных смыслов и контекстных синонимов номинанта изучаемого концепта в художественных текстах;
3. Определение содержания языкового концепта с помощью словарей;
4. Определение содержания киноконцепта с учетом всех репрезентаций (в т. ч. контекстных синонимов, образных и ассоциативных смыслов) в кино-тексте.

Материалом исследования послужила цифровая запись художественного фильма «Великий Гэтсби» (2013) австралийского режиссера База Лурмана.

В результате анализа словарных дефиниций толковых словарей английского языка [Lexico Dictionaries; Dictionary by Merriam-Webster] было составлено следующее определение: *одиночество* – это внутреннее состояние отсутствия душевной связи, близости с другими людьми, испытываемое человеком, пребывающем где-либо отдельно от других, либо имеющего мало общего с окружающими. Одиночество может формироваться посредством личных желаний индивида (добровольное одиночество), где субъект либо физически находится отдельно от общества, либо не имеет духовных контактов с окружающими. Кроме того, одиночество бывает вынужденным ввиду потери близких. Также большое влияние оказывают внешние факторы, не зависящие от индивида, то есть субъект может находиться в изоляции от других людей.

Собирательный образ человека, находящегося в одиночестве или испытывающего его, отражен через две позиции: 1) человек, стремящийся к одиночеству ввиду личных мотивов или побуждений; 2) человек, страдающий от вынужденной сепарации или отсутствия общества.

Концепт ОДИНОЧЕСТВО вербализован в кинотексте, как и в любом другом художественном тексте, синонимами с семантикой эмоционального состояния [Шушмарченко 2015а: 133], но представлен только тремя прямыми номинациями: *alone* (9), *loneliness* (1) и *single* (4).

Все примеры вербальных репрезентаций концепта одиночество в исследуемом материале были распределены на три группы: эмоциональное, физическое и социальное одиночество [Шушмарченко 2015б: 73].

Физическое одиночество может быть интерпретировано как отношение субъекта к окружающим и предметам действительности: приватный разговор, остаться наедине с собой, быть вне общества: “*But how do you live here all alone?*”, “*I could only climb if I climbed*” *alone*”.

Эмоциональное одиночество определяет состояние персонажа: оставить в покое, справиться в одиночку, сепарация от общества: “*Leave me alone!*”.

Социальное одиночество проявляется в социальном статусе персонажа: холостяк, без семьи (*“Thirty – the promise of a decade of loneliness...”*).

Образные номинации и невербальные репрезентации концепта одиночество были выявлены через интерпретацию состояния 6 основных персонажей кинофильма (Джей Гэтсби, Ник Кэррауэй, Дейзи Бьюкенен, Том Бьюкенен, Джордан Бейкер и Миртл Уилсон), через анализ их речи, сценического образа (элементы одежды, грим), мимики, жестов, движения глаз, голоса (высота, длительность), дополнительных звуков (вздохов, покашливаний и т. п.), а также через анализ пейзажей, интерьера, движения камеры, освещения и звуковой составляющей (естественные шумы и саундтреки). Кроме того, во внимание принимались тип кадра (приближенный, удаленный и пр.), расположение персонажа в кадре и цветовая составляющая. Каждый персонаж обязательно рассматривался в четырех сценах: первое появление, раскрытие характера, переломный момент, последнее появление.

В результате были выявлены следующие образные номинации, близкие по значению языковому концепту: *drunk, disgusted, haunted, sick, within and without, sad, empty, confused, nobody*; репрезентанты-антонимы: *enchanted and repelled, the young and ambitious, golden shimmering mirage*; ассоциации: *have had enough, affairs, the hot whips of panic, cynical, can't stand, drawing further and further into herself*.

К невербальным номинациям концепта одиночество в кинотексте можно отнести (по категориям):

- цвет: зеленый (недостижимость), синий (иллюзия и меланхолия), белый (пустота), желтый (трусость);
- поведение (как следствие пребывания в одиночестве): слезы, наигранность, покорность, пустая болтовня, позы и жесты защиты, беспорядочные половые связи;
- внешний вид: пустой взгляд, болезненный вид лица, неряшливая одежда;
- манера речи: длинные паузы, надломленный, тихий голос, нисходящая интонация;
- детали: роскошь (способ заполнить пустоту, залечить душевные раны и способ завоевания любви), иллюзия (способ избежать реальности), алкоголь (социальное дистанцирование).

Киноконцепт ОДИНОЧЕСТВО определяет феномен «одиночество» как состояние потери самоопределения, утраты жизненных и моральных ориентиров, неспособности распознать собственные эмоции. В кинотексте одиночество выражается в вынужденной форме ввиду внешних факторов, влияющих на субъект. Субъект находится в обществе, но имеет слабую духовную связь с окружающими.

Собирательный образ одинокого человека выражен следующими позициями: 1) замкнутый и разбитый человек, испытывающий душевную пустоту и неприязнь к обществу; 2) успешный человек в достатке, потерявший собственное я.

Литература

- Милевская Т.В., Брыксин А.И. Кинотекст как особая разновидность художественного текста: к постановке проблемы // Таврический научный обозреватель. 2015. № 5–2. С. 53–55.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ, 2007.
- Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст (опыт лингвокультурологического анализа). М.: Водолей Publishers, 2004.
- Шушмарченко Е.А. Роль образных номинаций в формировании концепта «одиночество» в романе Рэя Брэдбери «Смерть – дело одинокое» // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2015. № 3. С. 132–140.
- Шушмарченко Е.А. Семантика и функционирование прилагательного *alone* в произведениях Рэя Брэдбери // Вестник ЮУрГУ. 2015. № 2. С. 72–77.
- Definitions, Meanings, Synonyms, and Grammar by Oxford Dictionary on Lexico.com // Lexico Dictionaries | English. 2021. URL: <https://www.lexico.com/>
- Dictionary by Merriam-Webster: America's most-trusted online dictionary // Merriam-webster.com. 2021. URL: <https://www.merriam-webster.com/>

E.A. Shushmarchenko (Ekaterinburg, Russia)

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin

NON-VERBAL AND VERBAL INTERPRETATION OF THE CONCEPT *LONELINESS* IN THE MOVIE

The aim of the study is to identify both verbal and non-verbal representations of the concept *LONELINESS* in the English movie. Based on the idea of literary concept the author is presenting a new term – a “movie-concept”. The research also describes the role of the verbal component of the concept in the movie as well as the non-verbal component of the movie-concept.

Key words: movie, concept, movie-concept, loneliness, English.

И.А. Щирова (Санкт-Петербург, Россия)

Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

Schirova@vandex.ru

КАРТИНА МИРА С ПОЗИЦИИ СЛОЖНОГО

В статье анализируются понятийные и методологические основы описания сложных научных объектов и художественных форм. Устанавливаются корреляции между принципами сложности, холизма, целостности и контекстуализации.

Ключевые слова: познание, картина мира, сложное\ сложность, искусство, наука, холизм, целостность, контекст.

Для уточнения содержания понятия сложного обратимся к его определениям, представленным в неспециализированном источнике и научном анализе. Уже в неспециализированном (толковом) словаре в дефиниции *сложного* прослеживаются, с одной стороны, смыслы, касающиеся его организации, а с другой – смыслы, соотносящиеся с особенностями его понимания. Ср., например, СЛОЖНЫЙ 1. Состоящий из нескольких частей, многообразный по составу

частей и связей между ними. 2. Трудный, запутанный [Ожегов, Шведова 1949–1992]. В анализе значения сложного как принципа познания, который предлагает нам Э. Морен [Морен 2004: 7-26], в языковой единице *complexus* акцентируется значение того, что соткано, или соединено, воедино. Условием описания сложного научного объекта признается рассмотрение его как целостности и создание о нем не изолированных знаний, а знаний, расположенных в контексте (контекстуализированных). Сложное, по Морену, является тогда, когда его элементы становятся неотделимы друг от друга и воспринимаются как элементы целого [Морен 2004: 8].

В обеих трактовках сложного, как видим, выявляются смыслы, подразумевающие характерное построение, сочетание неразрывно связанных между собой многообразных элементов: образуя единое целое, они могут быть поняты адекватно лишь в его составе. В дефиниции Морена, в соответствии с её нацеленностью на раскрытие принципов сложности в современной науке, сложное (сложный научный объект) интерпретируется как целостность и по отношению к своим частям, наделяется качественно новыми свойствами. Эти свойства отсутствуют в изолированных частях целого, не являются результатом их механического суммирования и несут в себе качественные приращения. Важным смыслом сложного представляется и трудность его понимания, а значит, и научного описания, что можно проиллюстрировать на примере сложного научного объекта – картины мира.

Сравнительно долгая история осмысления феномена картины мира представлена в многообразии научных взглядов и научных отраслей. Описываются характеристики, аспекты, состояния, виды и классификации картины мира, но несмотря на многочисленность описаний, любое «измерение» картины мира остается потенциально незавершённым и, следовательно, открытым для дальнейшего изучения. Как и иные понятия, «картина мира», – воспользуемся фразеологией А.А. Кочергина –, фиксирует уровень содержания познаваемой действительности, в то время как зафиксированный в понятии опыт становится основой программы его дальнейшего исследования [Кочергин 2007]. Динамика историко- и социокультурного развития, появление новых научных фактов; смена научных парадигм, обнаруживающая себя в смене понятийных, методологических и ценностных ориентиров; расширение объема понятия за счет пополнения его новыми признаками ведут к появлению новых интерпретаций «картины мира» и новых ракурсов её рассмотрения.

Сложность изучения картины мира как научного объекта предопределяется фундаментальным характером ключевых составляющих её проблемного поля – «мир», «человек» и «познание», равно как и многообразием миров, «рисуемых» в сознании человека и в совокупности представляющих Универсум, «мир как целое». При проецировании идеи Универсума на человека, миром становится человек как целостность, в которой сочетаются Внешний человек и Внутренний человек (Ср. человек как «супер-сверхсложная систем» у М. Кагана). «Планета Земля», «феномен жизни» и «человек» причисляются

к «типичным объектам» полидисциплинарных исследований [Князева 2004: 30] и, наряду с понятиями полидисциплинарности или близкими ему по смыслу (ср. там же междисциплинарность, трансдисциплинарность, многомерность), реализуют идею сложного [Князева 2004: 30].

Явление сложности присутствует и в современной науке, и в современном искусстве.

В науке возрастает роль *сложных систем*, предполагающих участие человека, в том числе генной инженерии и человеко-машинных систем (Ср. системы искусственного интеллекта). Многомерность и междисциплинарность научных дисциплин, например, когнитивистики дают основание для понимания науки как «науки о человеческой сложности», а эпистемологии – как «науки о природе и сложности человеческого познания» [Князева 2004: 30]. Современные научные проблемы в целом оцениваются как сложные, многомерные и глобальные [Морен 2004: 8].

В искусстве очевидным примером сложного является многомерный, многозначный и полифункциональный художественный текст. Общеизвестные характеристики текста, как и свойства, выделяемые в рамках эпистемологии сложного, – контекстуальность, глобальность и планетарность [Морен 2004: 8], прогнозируют сложность художественного текста как объекта научного исследования. В совокупности культурных смыслов, репрезентируемых в тексте как артефакте культуры, «эстетическом событии» (М. Бахтин) и иерархически организованной смысловой целостности, помимо художественных, прослеживаются, отображая богатство мира, и смыслы иного порядка: религиозные, научные, философские, этические и эстетические и пр. Единство смыслового многообразия задается авторской интенцией и воспроизводится в художественно-трансформированной модели мира, а сами формирующие её смыслы сохраняют статус «виртуальных» до актуализации их в сознании субъекта, познающего мир текста и выступающего в роли соавтора.

Сложная природа художественного текста, обусловленная его образным началом и спецификой художественной коммуникации, усугубляется усложнением художественной формы. Примерами подобного усложнения можно назвать доминирование в тексте не простых, а сложных и сверхсложных повествовательных лабиринтов; замену эксплицитно выраженной авторской оценки её перемещением в глубинный подтекст; обращение к иронии, обретающей в постмодернизме статус повествовательного модуса; полифонию голосов в свободном косвенном дискурсе; «двухголосое авторское слово» (М. Бахтин), в формах пародии и стилизации. Усложнение искусства конца XX века, в частности, связывается с построением принципиально новой модели литературы, основанной на принципе «разрушения жизнеподобия». Такого рода «разрушение» ассоциируется с размыванием видовых и жанровых границ, разрывом причинно-следственных связей и утверждением синкретизма методов. Усложнением жанрового стереотипа, не соответствующим «горизонту ожидания» читателя, называется контаминация (смешение)

разных жанров, при котором доминирующими в литературном произведении остаются «жанровые признаки» лишь одного из них [Шарифова 2010: 10]. Ср. – трагикомедия или мелодрама.

На понимание сложной специфики объектов познания и разработку учитывающих её принципов исследования целенаправлены сегодня когнитивные и синергетические подходы. Разрабатываемые ими идеи *холизма* и *целостности* (нельзя понять целое, не понимая его частей), закономерно обращают нас к *междисциплинарности* как эффективному способу повышения полноты описания. Объединение знаний, созданных в разных дисциплинах, функционирует как своего рода компенсаторный механизм сложности.

Коррелирует с вышеназванными подходами установка на контекстуализацию знания [Морен 2004: 8], в соответствии с которой знание о любом сложном феномене, чтобы быть адекватно осмысленным, должно быть помещено в контекст.

Это закономерно относится и к интересующему нас феномену картины мира. Варьирующиеся масштабы контекста в этом случае, по-видимому, отражат разнообразие опыта, приобретаемого субъектом познания в разных коммуникативных ситуациях и необходимого ему для формирования адекватного видения мира и своего места в нем. Человек воспринимает и осмысливает, понимает и интерпретирует мир, реагируя на него эмоционально и/или рационально. Включая каждый новый освоенный фрагмент мира в ранее имевшуюся целостную картину, и внося в неё тем самым «новые мазки», он создает индивидуальную систему ценностей и антиценностей. Способности адекватного оценивания формируются, реализуются и совершенствуются в диалоге с Другим. На всех этапах реального когнитивного цикла «от восприятия к знанию» [Кубрякова Е.С.], в каждом новом опыте общения, человек выстраивает в сознании субъективное видение Внешнего и Внутреннего универсумов, тем самым идентифицируя собственное Я.

Литература

- Князева Е.Н.* Трансдисциплинарные когнитивные стратегии в науке будущего // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука, 2004. С. 29–49.
- Кочергин А.А.* Развитие понятия как форма исторического развития науки // Научный вестник МГТУ ГА. Серия История, философия, социология. 2007. № 133. С. 55–59.
- Морен Э.* Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука. 2004. С. 7–26.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка (С-Я) М: Азъ, 1992. URL: http://www.lib.ru/DIC/OZHEGOW/ozhegow_s_q.txt_with-big-pictures.html
- Шарифова С.Ш.* Понятие, механизмы и формы жанрового смещения в современной романистике // Актуальные инновационные исследования: наука и практика: электронное научное издание. 2010. № 4. URL: http://actualresearch.ru/nn/2010_4/ Article/ philology/sharifova.htm

*I.A. Schirova (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia*

WORLDVIEW FROM THE STANDPOINT OF COMPLEXITY

The article deals with the conceptual and methodological foundations of describing complexity in science and arts. Correlations between the principles of complexity, holism, integrity, and contextualization are established.

Key words: cognition, worldview, complex\ complexity, art, science, holism, integrity, interdisciplinary, context.

*В.И. Яременко (Москва, Россия)
Научно-исследовательский университет МИЭТ
veraj@mail.ru*

СТРУКТУРНЫЕ И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ НОВОСТЕЙ ИЗ СОВРЕМЕННОГО ЦИФРОВОГО ПРОСТРАНСТВА В КОГНИТИВНОМ РАССМОТРЕНИИ

Статья посвящена теме интернет коммуникации через тексты новостного жанра. Представлен краткий анализ структуры и лексических особенностей языка современных онлайн научно-технических текстов о достижениях и открытиях для ознакомления и дальнейшего обсуждения научным сообществом.

Ключевые слова: научно техническая новость, электронная коммуникация, цифровое пространство, научный контент.

Одним из самых актуальных направлений в современной лингвистике является исследование многогранного языка науки, представленного монографиями, статьями, тематическими сборниками трудов по результатам международных конференций, сборниками-дайджестами о проводимых в разных частях мира исследованиях исключительной важности для всего человечества и т. п. Несмотря на разные форматы научной коммуникации, они выполняют одну и ту же задачу – информировать о научных исследованиях, делать процессы исследований открытыми и понятными, помогать научному сообществу следить за изменениями и развитием профессиональных данных по определенной специализации.

Интенсивное внедрение цифровых технологий в научную индустрию привело к формированию новых жанров и форматов сохранения и передачи информации, новых моделей взаимоотношения адресатов с источниками постоянно обновляемых данных о достигнутых результатах исследований. Одним из таких подходов являются новостные научно-технические тексты современных интернет сайтов, таких как, www.phys.org, www.newtechnologynews.org, www.technewsworld.com, www.techtimes.com, которые демонстрируют

роль интернет ресурсов как коммуникационной среды качественного, корректного и при этом доступного научного контента с его содержательными, форматными, языковыми и когнитивными особенностями.

В качестве теоретической основы рассмотрения структурных и лексических особенностей жанра научно-технических новостей обратимся к вопросу о том, что представляет собой этот жанр, ссылаясь на предложенный И.А. Ивановым подход к определению данной разновидности дискурса. По его мнению, центральной задачей научной новости является не просто проинформировать, а объяснить ее важность в контексте достигнутых результатов и возможного их применения на последующих этапах на пути к решению проблемы, тем самым погружая читателя в научно-техническую сторону вопроса. Именно объяснение фактов, а не только сами факты и связи между ними делают новость качественной, грамотной и корректной с научно-технической точки зрения, а выбор лексических средств дополняет информативность, логичность и ясность изложения элементами современной электронной коммуникации, добавляя тексту повышенную экспрессивность и создавая прагматическую установку специалистам конкретной области научного знания.

Новостные научно-технические тексты современного цифрового пространства, включая представленные в нем вышеупомянутые сайты, представляют собой коммуникативное явление, при котором контакт между людьми опосредован компьютером и все взаимодействия осуществляются в пространстве виртуальной реальности. Для того, чтобы это общение было интересным с эмоциональной точки зрения и практически полезным для решения прагматической цели в последующем применении информации, формат, структура, лексическая и стилистическая составляющие этого процесса коммуникации должны быть направлены на наиболее рациональное достижение целей этого общения. Когнитивный уровень профессиональной коммуникации обеспечивает глубину и многоплановость изучаемой проблемы сочетанием языковых средств выражения и осмыслением представленной информации. Перед тем как начать рассмотрение некоторых принципов построения и лексических особенностей текстов жанра научно-технической новости, отметим кратко, что как упомянутые выше, так и многие другие сайты новостей отличаются строгой организационной структурой и наличием множества перекрестных ссылок, что дает возможность рассматривать исследуемую проблему с разных сторон, при этом количество публикуемых статей и материалов из рецензируемых научных источников поражает воображение даже самых искушенных научных работников.

Любой новостной текст начинается с заголовка, который всегда отличается информационной емкостью, вмещающей в себя точное и всем доступное сообщение о конкретном научном результате и на сайте всегда выглядит красочно оформленным. Например, заголовок *Scientific advance leads to a new tool in the fight against hackers* уже обозначает тему статьи о последних разработках по защите данных от хакерских атак киберпреступников. Не трудно предвосхитить содержание новостного текста, озаглавленного *Teaching computers to guide*

science: Machine learning method sees forests and trees, где ученые описывают прорывной результат трехлетней работы по созданию новой парадигмы проведения научных исследований для достижения ожидаемых результатов. Также говорит сам за себя заголовок *How AI-powered Speech Translations Will Shape the Future of Video Content*, из которого понятна актуальность разработки новых технологий перевода стремительно возрастающих объемов медиа контента на разные языки, делая их доступными не только для аудитории, на языке которой он был создан.

Новостной текст по определению не должен быть длинным, чтобы не отвлекать внимание читающего на фоновую информацию по теме. В среднем объем научно-технической новости составляет 1100-1200 слов при количестве абзацев от 15 до 25. Суть новости выносится в первые строчки в виде кратких и очень общих формулировок, не злоупотребляя деталями и терминами. Например, вот как это выглядит к новостному тексту, озаглавленного “Robots can go all the way to Mars but they can’t pick up the groceries”: *Cambridge researchers are studying the interaction between robots and humans – and teaching them how to do very difficult things that we find easy*. Такая своего рода «увертюра» к новости может быть приравнена к аннотации в традиционной научной статье. Основная задача научно-технической новости состоит в том, чтобы не только объяснить тему исследования, но и сообщить о новых результатах, актуальность и значимость которых поддерживается мнениями авторитетных ученых с мировым именем в виде многочисленных цитат по тексту. Невозможно переоценить роль иллюстраций к текстам, цель которых – создать визуальный настрой и добавить образности и красочности потоку фактов и аргументов по мере развертывания смысла и содержания научной новости.

Обратимся к рассмотрению некоторых лексико-семантических особенностей новостных научно-технических текстов, имея в виду, что их потенциальными читателями являются специалисты, знакомые с основами, целями и методиками исследования, и которые часто читают научные статьи «по диагонали» пока не увидят, где, собственно, сообщение о научном результате. Ценностью для читателя-эксперта являются научная корректность, проверяемость утверждений, а также концентрация информации. Все эти параметры обеспечиваются ссылками на мнения авторитетных ученых – сотрудников известных во всем мире научных лабораторий и исследовательских институтов, добавляя значимости и глубины исследуемой проблеме. Многочисленные цитаты по тексту создают у читателя впечатление участия в обсуждении рассматриваемой проблемы. Например, авторитетность цитаты “*We believe this is a different paradigm for doing science*”, said Yu, a professor in the departments of Statistics and Electrical Engineering & Computer Science at *UC Berkeley* подчеркивается именем знаменитого университета в Калифорнии, а достигнутые результаты могут служить средством передачи научного опыта и технического знания специалистам конкретной области.

Общий стиль изложения научно технической новости лишен излишней громоздкости, так как предложения в основном простые или сложносочиненные, с редким употреблением пассивных конструкций, делая акцент на самом действии или процессе, а не на зависимости от исполнителя. Вышеупомянутый факт наличия множественных цитат снимает необходимость использования обобщенно-личных и безличных конструкций, а лексика с разговорной окраской не только не снижает научность текста, но добавляет эмоционально-экспрессивный оттенок логичности и объективности описываемым событиям и явлениям. Например, в предложении *Apple...revealed the company's latest versions of its...operating systems at the kickoff of its annual...high-tech show* выделенная фраза категории неформальной лексики добавляет элемент коммуникативности научному тексту. Аналогичный пример можно наблюдать в предложении *A new form of security identification could soon see the light of day and help us protect data from hackers and cybercriminals*, где выделенный фразеологизм снимает эффект академичности стиля, заставляя читателя воспринимать текст заинтересованно.

Формат интернет-коммуникации в целом демонстрирует тенденцию к экспансии элементов разговорного стиля в новостных научно-технических текстах. Невозможно представить наличие в классической научной статье предложения типа *It has been a bit of a bumpy start, but a new era of computing is here; This is a wonderful achievement. The engineering is just phenomenal! ...these platforms...deliver amazing experiences...and provide developers with incredible opportunities...*, в то время как тексты жанра научно-технической новости изобилуют восклицательными предложениями и широким использованием прилагательных. К этим отличительным особенностям новостных текстов добавим наличие элементов интертекстуальности и прецедентных феноменов, номенклатура которых включает в себя названия фирм и учреждений (*Facebook, Twitter, Microsoft vs Apple*); акронимы (*AI* for Artificial Intelligence, *5G* (стандарт мобильной связи, призванный преобразовать наше восприятие мира и который приведет к социальной трансформации общества), *IoT* for Internet of Things, когда речь идет о возможном несанкционированном доступе к личным данным через приборы в нашей жизни), аллюзии (*Zen-like strategy*, в основе которой лежит принцип 'если хочешь выиграть, фокусируй внимание на цель, а не на оппонента'), крылатые фразы (*digital natives* о поколениях периода цифровой революции, привыкших получать всю информацию через цифровые каналы); рифмованные структуры (*Sharing is caring...* в заглавии к тексту о новом движении Открытой Науки, в основе которого лежит принцип полной прозрачности всего исследовательского процесса на сайтах электронных журналов); термины для передачи когнитивной информации (*cloud computing, quantum computing, big data, knowledge management KM*) и т. п.

Эффект и функция этих и некоторых других характерных особенностей рассматриваемого жанра научно-технических новостей обеспечивают информативность, оценочность, репрезентативность и эмоциональность текста.

Кажущийся поверхностный подход к освещению новости в полной мере компенсируется технологией выделенных ссылок по тексту, иногда в виде аудио фрагментов, которые в один клик расширяют и углубляют тему описываемого исследования, а послетекстовые и затекстовые ссылки обеспечивают многомерную связь с другими текстами по линиям содержания основного текста.

Литература

Иванов И.А. Объясняя науку: Руководство для авторов научно- популярных текстов. М.: Альпина нон-фикшн, 2021.

V.I. Yaremenko (Moscow, Russia)
Scientific Research University MIET

COGNITIVE ANALYSIS OF SOME STRUCTURAL AND LEXICAL FEATURES OF ONLINE SCIENTIFIC TECHNICAL NEWS TEXTS

The paper deals with the hot issue of internet communication via scientific news texts. Some structural and lexical features of online scientific technical texts are discussed. It is argued that the news text is a practical means of sharing scientific achievements with the wide research community for further discussion and development.

Key words: Scientific technical news, internet communication, internet sites, scientific content.

КОГНИТИВНЫЕ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

*К.М. Баранова, А.А. Могииш (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
BaranovKM@mgpu.ru, mogish@mgpu.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА “ТО TAKE, WE MUST GIVE” В РОМАНЕ ДЖ. АПДАЙКА «БРАЗИЛИЯ»

В данной статье рассматривается феномен концептуальной метафоры в качестве одного из основополагающих в современном когнитивном литературоведении. Здесь анализируются концептуальная метафора *to take, we must give* и способ ее языковой репрезентации в романе Джона Апдайка «Бразилия».

Ключевые слова: когнитивное литературоведение, концептуальная метафора, языковая репрезентация, концептуальный опыт.

В конце XX века в западном литературоведении выделилось новое направление – когнитивизм. Речь идет не о новой школе со своей уникальной методологической базой, а о направлении, в котором пересекаются интересы нескольких смежных наук – лингвистики, психологии, нейрофизиологии с фокусом на когнитивистике, которая изучает процесс формирования знаний в сознании человека и возникновение смыслов в процессе использования языка. Одним из базовых понятий когнитивного литературоведения является концептуальная метафора.

Данный термин впервые появился в трудах американских ученых М. Джонсона и Дж. Лакоффа. Согласно их представлениям, «метафора – это не стилистическое украшение, риторическая фигура, а основополагающий механизм человеческого мышления, обеспечивающий проекцию одной области концептуального опыта на другую» [Лозинская 2010: 195]. Концептуальная метафора может быть не только стилистическим средством создания художественного образа. Она способна выступать в роли лейтмотива всего произведения. Анализ концептуальных метафор в литературе помогает проследить роль языка в культуре народа, иначе говоря, выявить, какие фреймы, хранящиеся в коллективной памяти человечества, считаются ведущими в словесной репрезентации данного языка, а также уточнить, какие лингвистические и исторические слои актуализируются при использовании этой метафоры.

По словам американского когнитивиста М. Тёрнера, литература – это традиционное использование нашего обыденного языка, но только в более качественной форме с применением языковых инструментов, способствующих

видению концептуальной картины мира [Turner 1987]. Выделяя в художественных произведениях сюжетообразующие метафоры, можно проследить, какое воздействие на рецептивную способность читателя хотел оказать автор, и в какой мере это ему удалось. Французский лингвист Ж. Фоконье разработал теорию концептуальной интеграции, выделив новые ментальные пространства при смешении источника метафоры и конечной цели, ради которой она реализуется в новую структуру, так называемый интеграл [Fauconnier 2006]. Человек недаром выбирает те или иные слова для описания своих чувств и происходящих событий. Каждое слово индивида наслаивается на его внутреннюю проекцию и находит отклик в его бессознательном, формируя новый пласт смыслов. Данная теория наиболее успешно применяется в литературоведении для исследования художественных слоев в нарративе.

В романе известного американского писателя Дж. Апдайка «Бразилия» довольно часто используется выражение *to take, we must give*, которое, на наш взгляд, является концептуальной метафорой. Это заключение можно сделать благодаря расширенной семантике выражения, его синтаксической структуре, сюжетообразующей роли, которую оно выполняет в романе, и повторяемости метафоры на протяжении всего произведения, что ведет к образованию внутреннего лейтмотива.

Происхождение анализируемой метафоры достаточно древнее. Ее истоки восходят к восточной философии даосизма и предположительно имеют референцию к высказыванию, которое приписывают древнекитайскому философу Лао Цзы: “If you would take, you must first give, this is the beginning of intelligence”. Даосизм определяет главной целью в жизни человека поиск гармонии, одним из признаков которой является равновесие. Соответственно, для гармоничного порядка нужно иметь равновесие: прежде чем что-то взять, необходимо отдать что-то свое. Одновременно приведенное выше высказывание соотносится с массовым интересом западного мира к восточной философии и культуре. Это увлечение не могло обойти Дж. Апдайка. Возможно, однако, что используемая им концептуальная метафора является «сплавом», интегралом другой. В своих исследованиях русский филолог А.А. Аствацатуров отмечает, что Дж. Апдайк принадлежал к кальвинистскому направлению христианства и являлся его представителем, реализуя в своих книгах основные постулаты этого религиозного течения [Аствацатуров 2007: 267]. Американский писатель несколько модифицировал известный библейский постулат “Give, and it will be given to you” (Luke 6:38 «Отдайте и вам воздастся») в соответствии со своим художественным замыслом. Здесь можно усмотреть определенное смысловое изменение по отношению к первоисточнику.

По своей синтаксической структуре анализируемая метафора *to take, we must give* основана на противопоставлении двух взаимоисключающих тезисов, причем подобные конструкции весьма частотны в романе: *All that live must die* (Updike J.), *Black is a shadow of brown. So is white, if you look* (Updike J.), *An angel or a whore? ... Why cannot a girl be both?* (Updike J.). Все эти антитетические положения, по сути, являются полюсами единого целого. Противопоставляемые

референты контрастируют друг с другом – *give/take, live/die, black/white, angel/whore* и т. д. Они оказываются двумя сторонами одной медали, которую можно повернуть в ту или иную сторону в зависимости от представлений читателя или желания автора.

Анализируемая метафора является сюжетообразующей в романе Дж. Апдайка «Бразилия». В начале произведения главный герой Триштан дарит Изабел кольцо с надписью “DAR”, что означает «дать» (*to give*), и надеется получить взамен ее любовь. Подаренное кольцо не было ценным, однако Изабел почувствовала, что должна взамен отдать намного больше: *This ring you gave me. I must give you something now* (Updike J.). И она подарила юноше свою любовь.

Аналогичным образом данная метафора реализуется в другом эпизоде. После ночи, проведенной в трущобе у Триштана, и получив завтрак, который пожертвовала ей его мать, сама оставшись голодной, Изабел чувствует желание отблагодарить женщину: *In exchange, and in acknowledgement of your hospitality, I have something to give you* (Updike J.). Взамен черствой лепешки на завтрак Изабел дарит матери Триштана хрустальный подсвечник, что в разы превосходит оказанную ей услугу. В сознании читателя оба эпизода служат художественной иллюстрацией смысла, заключенного в метафоре.

Дальнейшее ее развитие происходит в середине романа в эпизоде волшебства: Изабел принимает невероятно храброе решение стать чернокожей, чтобы освободить своего возлюбленного из продолжительного рабства, превратив его в одночасье в белого человека, обменявшись с ним телами. Сопровождающая ее индианка объясняет, что волшебство имеет свои законы, такие же незыблемые, как и строение вселенной: *Magic has its rules and limits, like the nature from which it derives. To take, we must give* (Updike J.). Взамен за это чудо Изабел отдает кольцо с надписью *Dar*, которое было символом любви Триштана на протяжении всей ее жизни. Метафора, формируя сюжет, закольцовывает его, становясь отражением концептуального опыта любви.

У Дж. Апдайка ядерное значение концепта любви – это способность и необходимость отдавать, но не для того, чтобы получить нечто взамен, а потому, что так работает закон жизни, которому следуют Триштан и Изабел.

Подводя итог проведенному анализу, можно заключить, что метафора *to take, we must give* в романе Дж. Апдайка «Бразилия» является концептуальной, выступая в роли внутреннего лейтмотива всего произведения. Она отсылает читателя к легенде о Тристане и Изольде. Средневековые герои тоже всегда старались быть вместе. Однако мотивы поведения апдайковских влюбленных трансформируются. Они совершают свои подвиги не в противовес общественной морали, не подчеркивают чувственную сторону своей любви. Их чувство не примиряет все и всех. Для героев их любовь является высшим даром. Средневековые Тристан и Изольда так и не смогли воссоединиться и презреть все нормы морали, испытывая вечные муки совести и оправдывая свою любовь. В современной интерпретации никакие внешние препятствия не смогли сравняться с силой любви.

Литература

- Аствацатуров А.А.* Феноменология текста: игра и репрессия. М.: Новое литературное обозрение 2007.
- Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 1989.
- Лозинская Е.В.* Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманит. научн.-информ. исслед. отд. литературоведения. Москва, 2007.
- Лозинская Е.В.* Когнитивное литературоведение: авторы, методы, перспективы // Человек: образ и сущность. 2010. № 1. С. 192–225. URL: <https://rucont.ru/efd/475766>.
- Fauconnier G., Turner M.* Mental Spaces: Conceptual Integration Networks // *Cognitive Linguistics: Basic Readings* / edited by Dirk Geeraerts. Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006.
- Turner M.* Death is the mother of beauty: Mind, metaphors, and criticism. Chicago: Univ. of Chicago press, 1987.
- Updike J.* Brazil. London: Penguin Classics, 2006.

К.М. Baranova, A.A. Mogish (Moscow, Russia)
Moscow City University

THE CONCEPTUAL METAPHOR “TO TAKE, WE MUST GIVE” IN THE NOVEL “BRAZIL” BY J. UPDIKE

This article deals with the theory of conceptual metaphor as one of the main terms in contemporary cognitive literature study. The aim of the research claims to analyse the implementation and language representation of the conceptual metaphor *to take, we must give* in the novel “Brazil” by J. Updike.

Key words: cognitive literature study, conceptual metaphor, language representation, conceptual experience.

Н.Н. Болдырева, С.С. Фролова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.П. Державина
boldyrev@tsutmb.ru, susanna-frolova@yandex.ru

СПЕЦИФИКА ОЦЕНОЧНЫХ КОНЦЕПТОВ ЛИЧНОСТЬ / PERSONALITY¹

Целью исследования является исследование концептов ЛИЧНОСТЬ / PERSONALITY в качестве оценочных. Для достижения поставленной цели анализируются природа и специфика оценочного концепта в целом с позиций теории оценочной концептуализации, особое внимание уделяется структуре и содержанию концептов ЛИЧНОСТЬ / PERSONALITY.

Ключевые слова: оценочная концептуализация, оценочный концепт, личность.

Процессы концептуализации и категоризации являются основными процессами познания мира человеком, в которых активную роль играет язык. Формируя знания о мире, язык помогает осмыслить объекты и события и закрепить

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372).

результаты познания в виде единиц знания – концептов (концептуализация), и систематизировать их в виде определенных рубрик опыта – категорий (категоризация), получающих конкретное языковое обозначение (подробнее см.: [Болдырев 2018: 45]). При этом индивидуальные знания и представление о мире формируют индивидуальную концептуальную систему человека.

В основе общей теории концептуализации лежит представление о концепте как о содержательной единице мышления. Выражая представление об опыте и знаниях человека, концепт представляет результаты практической деятельности и познавательных процессов в виде «квантов знания» [Кубрякова 1996: 90]. Языковая репрезентация концептов не исключает при этом возможности использования множества разных языковых средств и подчеркивает его методологическую значимость для концептуального анализа более сложных ментальных структур и при изучении самих языковых средств (подробнее см.: [Беляевская 2003; Беляевская 2007]).

Чтобы выявить содержание концепта ЛИЧНОСТЬ, необходимо прежде всего проанализировать словарные дефиниции одноименной лексики, представленные в разных словарях. Этот анализ позволяет выделить следующие его основные характеристики:

1. Человек как обладатель уникальных качеств, составляющих его индивидуальность.
2. Человек как носитель каких-либо отличительных положительных и/или отрицательных свойств.
3. Человек, получивший признание в обществе.
4. Человек, добившийся выдающихся достижений в определенной сфере деятельности [Большой толковый словарь].

Другими словами, русскоязычные словари обращают внимание на характерные особенности человека, ставшие результатом его жизненного опыта, определяющие его как личность: внутренние характеристики человека (положительные и отрицательные), специфика поведения в рамках различных социальных ролей, личность как результат жизненного опыта (личностью не рождаются, а становятся).

Для верификации и дополнения характеристик человека как личности в общеязыковом плане рассмотрим также содержание англоязычного концепта PERSONALITY, который вербализуется лексемами person / personality. Анализ словарных дефиниций этих лексем и их синонимов обнаруживает следующие характеристики:

1. Человек как индивидуальность.
2. Знаменитый человек.
3. Человек как носитель интересных и / или привлекательных качеств для общества.
4. Человек, обладающий индивидуальным образом мыслей и манерой поведения.
5. Человек, отличающийся какими-либо качествами от других [Roget's 21st Century Thesaurus].

Сравнительный анализ дефиниций русских и английских лексем дает основание предполагать, что в своем содержании концепты ЛИЧНОСТЬ и PERSONALITY при всем возможном различии формулировок обнаруживают принципиально сходные характеристики: наличие индивидуальности, отличительные особенности, а также факт общественного признания. При этом в русской языковой картине мира понятие личности формируется в контексте взаимодействия человека с обществом, а в английской – акцентируется совокупность уникальных свойств отдельного человека (образ мыслей, темперамент, характер и др.).

Концепты ЛИЧНОСТЬ / PERSONALITY обнаруживают широкое разнообразие языковых средств их репрезентации, по-разному отражающих специфику оценки личностных характеристик человека. К их числу относятся:

1. Имена прилагательные, подчеркивающие выдающиеся и уникальные черты человека (*уникальный, единственный, особый, редкий, редкостный, ценный, особенный, outstanding, remarkable, extraordinary, exceptional, excellent, prominent* и др.).

2. Наречия степени (*очень / very, абсолютно / absolutely*), обозначающие степень проявления признака + имя прилагательное, раскрывающее выдающуюся личностную характеристику человека + существительное *личность* (*удивительно харизматичная личность*).

3. Имена существительные, раскрывающие выдающийся уровень личностные характеристики или высокий уровень общественного признания (*филантроп / philanthropist, гений / genius, инноватор / innovator* и др.).

4. Фразеологизмы и устойчивые выражения (*мастер на все руки, a man of his word* и др.).

5. Прецедентные языковые единицы (*to Meghan Markle, to kardashianize*).

Процессы оценочной концептуализации и категоризации базируются на оценочном знании о предмете или объекте, т. к. оценочные концепты и категории являются результатом оценочного осмысления объектом окружающего мира. Иными словами, под оценочной концептуализацией понимается вторичное осмысление объектов окружающего мира с позиции оценочного знания и индивидуально-ценностной картины мира человека с целью формирования оценочных концептов в сознании человека [Болдырев 2002:104].

Специфика оценочной концептуализации проявляется в соотношении понятий ОЦЕНКА и ЦЕННОСТЬ. Функция оценки, по мнению В. Н. Телия, заключается в идентификации ценностной предметности [Телия 1996: 29], закреплённой в семантических и синтаксических структурах [Вольф 2002: 5]. Оценка является социально обусловленным явлением, соотносимым с ценностными категориями (хорошо/плохо, добро/зло и др.) [Арутюнова 1988: 32-33]. Одновременно с этим оценка также формируется на основе личностных факторов, которые раскрывают различные способы ее представления в языке, т. е. зависит от системы общественных и личностных ценностей. Иными словами, оценка зависит от ценностной картины мира, состоящей из

индивидуальной и общечеловеческой картин мира, последняя из которых формирует представление о культурных реалиях при помощи ценностных доминант [Карасик 2002: 166-205].

Релятивный характер оценочных концептов обусловлен зависимостью оценки от индивидуально-ценностной картины мира человека, что предусматривает их связь с реальным миром через другую структуру знания. Несамостоятельность оценочных концептов подразумевает отсутствие смысловой значимости вне связи с другой концептуальной структурой. Оценочные концепты, таким образом, представляют собой результат пересечения или наложения двух процессов концептуализации и двух картин мира: физической и идеализированной, оценочной [Болдырев, Гаврилова]. Соответственно конкретизация характеристик оценочного концепта необходима в процессе коммуникации [Болдырев 2003].

Концепты ЛИЧНОСТЬ / PERSONALITY принадлежат к числу оценочных по целому ряду признаков из числа перечисленных. Важные характеристики данных оценочных концептов могут передавать знания об объекте через одну или несколько информативных характеристик. Например, знание о человеке как о личности может включать в себя следующие характеристики индивидуального или общественного уровня: индивидуальность, самодостаточность, самостоятельность в принятии решений, выдающиеся достижения в определенной сфере деятельности, высокая степень влияния на других людей, совокупность выдающихся свойств и качеств, общественное признание. Данные концепты также предполагают оценку человека в соответствии с коллективной ценностной картиной мира, согласно которой личность является носителем определенных свойств и качеств, выходящих за пределы общепринятых представлений о норме (*сверхталантливый ученый, выдающийся филолог и др.*) и определяющих человека как личность преимущественно с положительной стороны. Несамостоятельность концептов ЛИЧНОСТЬ / PERSONALITY, обусловленная неразрывной связью с концептом ЧЕЛОВЕК, тоже служит достаточным основанием для отнесения их к разряду оценочных. Знание о личности всегда передается знанием о человеке и является результатом наложения процессов естественной и оценочной концептуализации. На языковом уровне оценочные концепты ЛИЧНОСТЬ / PERSONALITY, как и другие концепты оценочного типа, характеризуются множественностью способов языковой репрезентации.

В качестве обобщения необходимо еще раз подчеркнуть, что концепты ЛИЧНОСТЬ / PERSONALITY как единицы знания оценочного характера репрезентируют представления о личности как о человеке, выдающемся определенными свойствами, качествами, достижениями, что преимущественно характеризует личность с положительной стороны. Рассмотрение специфики оценочных концептов ЛИЧНОСТЬ / PERSONALITY создает основу для дальнейшего понимания оценочной категоризации человека как личности, в том числе его уровневой категоризации, в языке.

Литература

- Арутюнова Н.Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
- Беляевская Е.Г.* Три парадигмы семантических исследований (чем отличается когнитивный подход к лексической семантике от традиционного) // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование: материалы международной конференции. Калининград: Изд-во КГУ, 2003. С. 60–72.
- Беляевская Е.Г.* Концептуальный анализ: модифицированная версия методов структурной лингвистики? // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб. науч. тр. / РАН. Ин-т языкознания; Мин-во образ. и науки РФ. ТГУ им. Г.П. Державина. М.; Калуга: Эйдос, 2007. С. 60–69.
- Болдырев Н.Н.* Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: Сб. науч. тр. Посвящается Е.С. Кубряковой. Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. С. 103–114.
- Болдырев Н.Н.* Отрицание как модусно-оценочный концепт // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: материалы научной конференции. 8–9 октября 2003. Вып. 7. Ч. 1. Белгород: Изд-во БелГУ, 2003. С. 4–5.
- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2018. 480 с.
- Болдырев Н.Н., Гаврилова Е.Д.* Специфика оценочных концептов и их место в картине мира. URL: <https://docplayer.com/30813222-N-n-boldyrev-e-d-gavrilova-tambov-specifika-ocenochnyh-konceptov-i-ih-mesto-v-kartine-mira.html>
- Большой толковый словарь. URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/>
- Вольф Е.М.* Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. М.: Едиториал УРСС, 2002. 280 с. (Лингвистическое наследие XX века).
- Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 166–205.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996.
- Теля В.Н.* О различии рациональной и эмотивной (эмоциональной) оценки // Функциональная семантика: Оценка, экспрессивность, модальность. In memoriam Е.М. Вольф. М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 31–38.
- Roget's 21st Century Thesaurus.* URL: <https://www.thesaurus.com/>

*N.N. Boldyrev, S.S. Frolova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

THE SPECIFICS OF THE EVALUATIVE CONCEPT OF PERSONALITY

The aim of the article is to investigate the concept of PERSONALITY as an evaluative one. To achieve this goal, the authors analyze the nature and specifics of the evaluative concepts in general within the framework of evaluative conceptualization theory, paying special attention to the structure and content of the PERSONALITY concepts as they are represented in Russian and English.

Key words: evaluative conceptualization, evaluative concept, personality.

*Е.А. Бочарникова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный технический университет
Bocharnikova2006@bk.ru*

В ЧЕМ СУТЬ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ (АНАЛИЗ НАУЧНЫХ ТЕКСТОВ ГУМАНИТАРНОГО ХАРАКТЕРА)

Статья посвящена исследованию некоторых особенностей гуманитарного знания, а именно – проблеме объединения данных разных наук в процессе создания знания определенной гуманитарной науки. В качестве примера представлены взятые из англоязычной и русскоязычной гуманитарной литературы фрагменты, в которых присутствуют знания, явно заимствованные из других научных областей. Один из примеров подробно проанализирован.

Ключевые слова: знание, гуманитарный, концепт, концептуализация, репрезентация.

Однажды Сократ своей ставшей знаменитой фразой «Знаю, что ничего не знаю» точно и емко раскрыл суть гуманитарного знания – знания о человеке и его жизнедеятельности, постижение и описание которого настолько сложно и многогранно, что может быть скорее представлено как знание-незнание, в виде вероятностей, предположений, высказанных субъективно и относительно. Особенностью гуманитарного знания также является его интегрированный характер, обусловленный неизбежным соучастием разных наук в создании определенного гуманитарного знания.

В данной работе мы приведем фрагменты научного гуманитарного знания, подтверждающие факт взаимопроникновения наук в гуманитарном дискурсе/тексте и проанализируем один из них с целью понять, что дает это взаимодействие.

В рамках нашего анализа мы исходим из представления знания как объективированного эпизода концептуальной системы автора, и, в частности, ее конкретных единиц – концептов, а также понятий, т. е., концептов, которые включают «наиболее общие, существенные признаки предмета или явления, его объективные, логически конструируемые характеристики» [Болдырев 2014: 53]. Данное понимание позволяет использовать термины «концепт» и «понятие» в рамках настоящей статьи как синонимы.

Применяя элементы контекстуального, дефиниционного, семантического и концептуально анализа, мы проанализируем фрагмент политологического текста: *Авторитет индивидуальная, а не институциональная, как власть, характеристика. В Средневековье особым авторитетом пользовались отцы церкви, в эпоху предпринимательства – бизнесмены, которых считали лидерами нации. Английский философ Томас Гоббс называл авторитетом того, чьи указания или приказы выполняются лишь по причине высокого доверия к его мудрости, знаниям, опыту либо нравственным принципам* (вербальные средства, с помощью которых происходит объективация знаний других областей, выделены нами жирным шрифтом) [Кравченко 2007: 66]. Данный пример представляет интерес тем, что автор книги по политологии, характеризуя

концепт «авторитет», привлекает информацию из области знания других дискурсов, таких как: исторический, актуализируя знание истории термином «Средневековье»; религиозный («отцы церкви»); экономический («предпринимательство, бизнесмен»); философский (Т. Гоббс и его воззрения на описываемое явление). Понятия «мудрость, знания, опыт, нравственные принципы» также следует, по-видимому, отнести к области знания философии. Знание социологии, на наш взгляд, объективируется в примере термином «лидер», а психологии – понятием «доверие».

С целью детализации состава знания, участвовавшего в процессе концептуализации анализируемого понятия, обратимся к толкованию вербальных единиц, использованных автором, которые восходят к другим областям знания (в вышеприведенном и последующих примерах выделены нами жирным шрифтом).

Если самой политологией согласно словарю политологических терминов термин «авторитет» понимается как «тот подтип власти, при котором люди с готовностью подчиняются приказам» [СОПТТ], то толкование данного термина другими науками, участвующими в его репрезентации в приведенном фрагменте знания, значительно расширяет представление о нем.

Так, в философии под «авторитетом» понимается «*значимость*, которой обладают люди и предметы, не нуждающиеся в постоянном ее подтверждении, в ее доказательстве на деле» [НФС]. соответственно, основное понятие политологии – «власть», доминирующее в семантическом поле концепта «авторитет», приобретает дополнительную характеристику – «*значимость*» (объективировавшиеся в результате заимствования характеристики здесь и далее выделены нами курсивом).

Эксплицитно представленный автором фрагмент знания религиозного дискурса, вербализованный фразой «отцы церкви», по-видимому, неслучайно выбран первым в ряду использованных описаний: исторически церковь служила власти и была средством политического воздействия на народные массы, а церковные служители пользовались бесспорным авторитетом и признанием, подтверждение чему находим в следующей трактовке: «К рядовому мирскому священнику или монашествующему священнику (иеромонаху) принято обращаться «*Ваше преподобие*». К протоиерею, протопресвитеру, игумену или архимандриту – «*Ваше Высокопреподобие*». Неофициальное обращение – «*отец (Имярек)*» или «*батьюшка*» [Википедия: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Священник>], что подтверждает вышесказанное, объективируя новые характеристики в содержании описываемого понятия.

В ходе дальнейшей концептуализации автор объединяет знания дискурса социологии и экономики, практически отождествляя понятия «лидер» и «бизнесмен/предприниматель», семантическое сходство которых с описываемым концептом очевидно исходя из толкований их значений. Так, согласно социологическому словарю, лидер – это «*Авторитетный член группы, организации, общества, выполняющий роль организатора, инициатора группового*

взаимодействия [БТСС], а словарь экономических терминов дает следующее определение понятия бизнесмен: «*коммерсант, предприниматель*, занимающийся любым законным видом экономической деятельности, приносящей прибыль или иные выгоды. Синонимы: *акула, барышник*» [БЭС]. Интересно отметить, что толкование этих понятий отображает не только положительную, но и отрицательную коннотацию концепта «авторитет», наделяя его характеристиками «*акула*», «*барышник*». Определение «*законный*» вносит положительный смысл.

Отдельные субординатные характеристики исследуемого концепта представлены автором анализируемого отрывка посредством обращения к дискурсу философии, раскрывая содержание концепта политологии на другом уровне. Так, вследствие приведения автором мнения английского философа, понятие «авторитет» раскрывает дополнительные смыслы – «знания», «нравственность», «опыт», «мудрость» и «доверие».

Представленный анализ фрагмента текста по политологии, на наш взгляд, демонстрирует некоторые бесспорные особенности научного гуманитарного знания/дискурса и текста (как результата дискурса), говорящие о его субъективности, незаконченности, неточности и открытости для различных интерпретаций, что представляется возможным главным образом благодаря тенденции и необходимости объединения в нем знаний разного научного и ненаучного происхождения.

Далее представлены фрагменты текстов из научной литературы искусствоведческого, экономического и социологического направления, в которых указанные выше свойства научного гуманитарного знания хорошо прослеживаются и могут быть интересны для подробного анализа.

Chemical analyzes of the patina of a bronze can help to establish this, as does the proof that a given manuscript of the Middle Ages stems from an archive of the fifteenth century. The whole sphere of authenticity is outside technical – and, of course, not only technical – reproducibility (Benjamin 2008). В данном отрывке из книги по истории искусства, автором привлекаются знания химии, что демонстрируют концепты «*Chemical analyzes*», «*patina*», «*bronze*» и истории – «*the Middle Ages*», «*the fifteenth century*».

На вопрос, почему, откуда в Польше постоянно возникает антисемитизм, она отвечала: это происходит из дурных традиций того двадцатилетия, которое приходится на период между Первой и Второй мировыми войнами (Штомка 2008). В данном примере, концептуализируя понятие социологии «антисемитизм», автор апеллирует к знаниям истории, что проявляется в употреблении терминов «двадцатилетие», «Первая и Вторая мировая война».

В следующем фрагменте, взятом из книги по экономике, наблюдается использование автором знаний исторического и политического характера, представленных, соответственно, концептами THE GREAT DEPRESSION, THE SECOND WORLD WAR и PRESIDENT ROOSEVELT'S 'NEW DEAL' PROGRAMMES OF THE 1930S, THE UNITED STATES GOVERNMENT,

CLEMENT ATLEE'S POST-WAR GOVERNMENT: *This seemed to be the conclusion of governments throughout the free world after the experience of the Great Depression and the Second World War. President Roosevelt's 'New Deal' programmes of the 1930s expanded the role of the United States government, in response to the Great Depression. In Britain, Clement Atlee's post-war government took control of much of the health, steel, air travel, petroleum, railtravel and telephone industries* (Harford 2006).

Приведенные примеры, как и выше представленный проанализированный фрагмент текста по политологии, на наш взгляд, демонстрирует некоторые бесспорные особенности научного гуманитарного знания/дискурса и текста (как результата дискурса), говорящие о его субъективности, незаконченности, неточности и открытости для различных интерпретаций, что представляется возможным главным образом благодаря тенденции и необходимости объединения в нем разных знаний научного и ненаучного происхождения.

Литература

- Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций // Изд. 4, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014.
- Кравченко А.И. Политология: учебник. ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007.
- Штолцка П. Социология. Анализ современного общества / пер. с польск. С.М. Червонной. М.: Логос, 2008.
- Benjamin W. The work of art in the Age of Mechanical Reproduction // Penguin Books UK. 2008.
- Harford T. The Undercover economist. Little, Brown. 2006.
- БТСС – Большой толковый социологический словарь. Лидер. URL: [https://gufo. me/dict/social_dict/Лидер](https://gufo.me/dict/social_dict/Лидер)
- БЭС – Большой экономический словарь. Бизнесмен. URL: <https://rus-big-economic-dict.slovaronline.com/search>
- НФС – Новейший философский словарь. Авторитет. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/dictionary/newest-dictionary/articles/26/avtoritet>
- СОППТ – Словарь основных политических понятий и терминов. Авторитет. URL: https://sociology.mephi.ru/docs/polit/html/sl_pol.html

*E. Bocharnikova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University*

WHAT IS THE ESSENCE OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE (ANALYSIS OF SCIENTIFIC TEXTS OF A HUMANITARIAN NATURE)

The article is devoted to the study of some features of humanitarian knowledge, namely, the problem of combining data from different sciences in the process of a certain humanitarian knowledge creating. Fragments taken from English and Russian-language humanitarian literature are presented, in which there are fragments of knowledge clearly borrowed from other scientific fields. One of the examples is analyzed.

Key words: knowledge, humanitarian, concept, conceptualization, representation.

Н.З. Гаевская (Санкт-Петербург, Россия)
Русская христианская гуманитарная академия
Lovich2000@mail.ru

ПРОБЛЕМА ТАБУИРОВАННОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Достоверность является одним из основных критериев инженерии ИИ, входит в область таксономии когнитивных наук. Проблема табуированной достоверности актуализирована в процессе изучения глубинных знаний, что связано с определением способа передачи опыта, основанного на применении метафоры.

Ключевые слова: достоверность, латентное знание, метафоризация, субъективное шкалирование, табуированность, притча, миф.

Впервые понятие достоверности стало предметом научного анализа в философских исследованиях. В философии начала XX века проблема достоверности тесно связывается с эпистемологической проблематикой. В работе «О достоверности» Л. Витгенштейн говорит об условиях достоверности, которые могут быть обретыены в самом субъекте и «жизненном мире» субъекта, в языке и «вопросании повседневности» [Витгенштейн 1991: 67].

Феноменологический подход, теории чувственных данных, верификационные теории или теории дескрипций, послужившие основой эвристики когнитивных исследований, обращают нас к представлению о том, что такое опыт и какие специфические проблемы в осмыслении достоверности возникают именно при этом виде познания. Термин достоверности рассматривается Р. Бартом в связи с анализом норм описания как художественного приема, дискурса, в отношении которого и сам феномен правдоподобия приобретает также дискурсивный характер [Барт 1994: 400]. В современной теории повествования проблема достоверности сводится к вопросу об источнике нарративной информации, к характеристикам нарратора, его интенций и свойств его сознания [Корчинский 2020]. Современная когнитивная нарратология, пишет исследователь, расширяет вопрос о проблеме достоверности до вопросов об онтологии и эпистемологии в целом, об отношениях между памятью, воображением и нарративом, что восходит к работам Р. Барта о правдоподобии и «референциальной иллюзии». Способность порождать нарративы, что является результатом способности сознания мыслить от первого лица, – это та способность, которая имеет уникальный когнитивный статус, и является непередаваемым свойством человеческого сознания и антропологическим ресурсом.

Понятие достоверности вновь актуализировано в конце XX века в связи с развитием когнитивных наук. Проблема достоверности стала решаться в новом дискурсивном пространстве, и исследования получили новые научные возможности: методы и инструменты. В 1994 году в Известиях РАН опубликована статья Т.А. Гавриловой и А.В. Воинова о роли психосемантики в выявлении глубинных знаний [Воинов, Гаврилова 1994: 3].

Проблема достоверности определяется как основная уже на первых этапах исследований личных значений, формы выражения глубинных знаний во вторичных знаковых системах. Исследователями применялась методика субъективного шкалирования, формализованное интервью, позволяющее выявить характеристики картины мира респондента, индивидуальные значения и смыслы, подлежащие экспликации. Метафора в данном эксперименте играет роль дополнительного стимула. Списки метафор для сравнения составляются на основе теории метафор. Метафора имеет целью не сообщить что-либо о данном объекте, а призвать к определенному отношению к нему [Воинов 2005: 24]. Исследователь утверждает, что изучение произвольного выбора метафор респондентами при сравнении с основным объектом позволяет сделать вывод о том, что метафора работает как фильтр, выделяющий посредством подбора адекватного объекта сравнения определенные свойства «основного» объекта [Воинов 2005: 24]. Метафора исследуется с лингвистических позиций, и даже когда приоритет исследования переходит к психологии, лингвистические методы остаются основными. Исследование сосредоточено на выявлении личных критериев выбора языка и показывает существенное отличие семантического пространства респондента, выявляемое метафорическим экспериментом. Интерпретация данного исследования позволяет выявить выбираемые метафоры по структуре: эклектичные, не имеющие внутреннего ядра, концептуально целостные. Метафора становится топологической единицей в топологии картины мира человека и знания о субъективных переживаниях внутренней жизни. Так выявляется специфика восприятия респондента, его субъективность, аксиология и реконструируется семантическое пространство памяти как языковая модель глубинного знания.

Если понятие достоверности считается терминологическим для научного знания, так называемого книжного знания, то проблему достоверности по отношению к латентному знанию можно интерпретировать, опираясь на понятия интенционала и экстенционала. А. В. Воинов говорит: «Именно хорювод метафорических признаков, свойственный избыточному экстенционалу заменяет экстенциональное описание, не довлеет над опытом, позволяет выразить его творчески и свободно» [Воинов 2022]. Посредством метафор может произойти отстранение от довлеющего интенционала и знания интенционального и выявление личной системы значений. Понятие достоверности, свойственное системе рациональных значений, по отношению к системе личных значений трансформируется, меняет категориальный спектр, «выносятся» из системы, что связано с тем, что понятие не входит в слой «живой жизни», опосредующим звеном которой являются вторичные знаковые системы [Воинов 2022]. Методы психосемантики: субъективное шкалирование, тест репертурных решеток, параллельное использование треугольника Фреге и треугольника субъективных значений, и когнитивной психологии, в частности эвристика гештальта, позволяют подойти к решению базовой задачи: определения путей метафоризации и формирования системы личных значений. Основным

материалом для исследований служат словарные статьи, архивы лексических блоков интернет-ресурсов, а природа метафоры определяет лингвистический дискурс как один из основных аналитических дискурсов.

Исследования показывают, что принципиальным свойством модели мира является то, что ее структура не дана человеку в интроспекции, она работает на существенно латентном, неосознаваемом уровне, не отмеченном в символической форме на поверхности вербального сознания [Воинов, Гаврилова 1994: 11]. Среди уровней градации континуума, отражающего картину мира, выделяется уровень собственно опыта, знания в себе, отвечающего за решения, представляющего интуитивный творческий акт и принципиально защищенного от формализации [Воинов, Гаврилова 1994:10]. Одной из характеристик которого и является табуированная достоверность. В процессе изучения механизмов формирования системы личных значений ученые приблизились к пониманию феномена табуированной достоверности как свойства мифологического сознания, притчевого нарратива, и самой метафоры, рассматриваемые в гносеологической парадигме. Притчи привлекают особое внимание противоречивой системой ценностей, неявной аксиологией, которая вводит читателя и слушателя в состояние неопределенности, фрустрации, порождает пространство эпистемологической неуверенности.

Механизм табуированности по отношению к понятию достоверности можно выявить в ходе феноменологического анализа результатов субъективного шкалирования. Так процедура натурализации феноменологии позволяет объяснить порождение вторичных знаковых систем и их функционал. Теория семантического смещения Фоконье позволяет увидеть процесс «склейки» значений и обнаружить варианты, объясняющие парадоксальные сочетания значений, не контролируемые сознанием реципиента, обрабатывающие и формирующие глубинное знание [Воинов 2022]. Кластерный анализ на следующем этапе позволяет обнаружить лакуны в подборе метафор, появление не именованных понятий, место метафоризации которого остается пустым. Эти лакуны есть главное свидетельство процесса табуирования. Можно говорить о том, что рациональное научное знание оперирует понятием достоверности до определенного предела. В системе личных значений этого уровня оказывается недостаточно и происходят процессы, меняющие уровневый порог и саму конфигурацию, границы пространства личных значений. Уровни сознательного и глубинного восприятия, их смешение, преодоление границ создают условия для действия метафор в пространстве неопределенных значений и его метафоризации. Отдельно можно выделить уровень табуированной достоверности и изменения в процессах метафоризации, которые являются как следствием табуированности, так и причиной ее дальнейшего углубления. Опираясь также на исследования в области смежных дисциплин, в частности, когнитивного религиозоведения, мы можем говорить о табуированной достоверности как принципе, рассматриваемом в религиозном дискурсе и объясняющем парадоксы метафоризации религиозных текстов. Учеными предлагается тезис: «Миф есть притча с табуированной достоверностью».

Литература

Барт Р. Эффект реальности // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М.: «Прогресс», 1994.

Витгенштейн Л. О достоверности // Вопросы философии. 1991. № 2. С. 67–120.

Воинов А.В., Гаврилова Т.А. Инженерия и психосемантика // Известия РАН. Техническая кибернетика. 1994. № 5. С. 3–11.

Воинов А.В., Черниговская Т.В. Сенсомоторный и когнитивный латеральный профиль // Физиология человека. 2005. Т. 31. № 2. С. 24–33.

Воинов А.В. Феноменологическая семиотика мифа и притчи. Доклад. СПбГУ. 22.02.2022. Аудиозапись.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики. СПб.: Питер. 2005.

Корчинский А.В. Нарративная достоверность в исторической перспективе // Narratorium: эл. научный журнал. 2020. № 14. URL: <https://narratorium.ru/2020/11/29/достоверность/>.

Voinov A.V. A topos over an ontology as a model of expert intuition // IEEE International Conference on Artificial Intelligence Systems. 2002. P. 26–31.

*N.Z. Gaevskaya (Saint Petersburg, Russia)
Russian Christian Humanitarian Academy*

THE PROBLEM OF TABOO RELIABILITY: THE COGNITIVE ASPECT

Reliability is one of the main criteria of AI engineering and is included in the taxonomy of cognitive sciences. The problem of taboo reliability is actualized in the process of studying in-depth knowledge, which is associated with the definition of a method for transferring experience based on the use of metaphor.

Keywords: authenticity, hidden knowledge, metaphorization, subjective scaling, taboo, parable, myth.

*Л.Ю. Иванова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
l.y.ivanova@spbu.ru*

ФАКТОР АДРЕСАТА ПРИ ПОСТРОЕНИИ КОНТРАКТИВНОГО БЛЕНДА В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОЙ КОММУНИКАЦИИ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ НОВЫХ МЕДИЙНЫХ ФОРМ¹

В статье в медиалингвистических терминах и терминах концептуальной интеграции обсуждается потенциал построения контрактивного бленда при осуществлении научно-популярной коммуникации с использованием новых медийных форм (Telegram-каналов). Структурообразующим для медиакоммуникации в этой сфере показан фактор адресата.

Ключевые слова: контрактивный бленд, научно-популярный Telegram-канал, медиакоммуникация, адресат.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ: проект 22-18-00184 «Речевые практики возражения и пути их преодоления в научно-популярной медиакоммуникации».

Доступно объяснить сложные научные явления массовому адресату – задача, которую ставят перед собой популяризаторы науки, в том числе авторы научно-популярных Telegram-каналов. Учет специфики воспринимающего сознания непрофессионала и одновременно технических особенностей мессенджера мотивирует телеграмеров-популяризаторов обращаться к таким техникам структурирования публикации, которые позволяют в малом текстовом объеме раскрывать комплексные проблемы естественных наук.

В медиалингвистике используется дискурсологический подход к изучению речевой деятельности в медиа, который нацелен на определение типовых особенностей смыслового позиционирования участников медиаобщения, на выявление взаимосвязей между характером высказывания и видом деятельности, на учет влияния на общение технологических аспектов взаимодействия [Дускаева 2018: 80]. В исследуемой научно-популярной сфере адресант занимает высокую коммуникативную позицию участника, обладающего знаниями. Адресат – неспециалист, который приобретает или расширяет знания в какой-либо области науки и для этого обращается к научно-популярным публикациям. Технологические условия взаимодействия – мессенджер Telegram, который мы считаем новой медийной формой в силу тенденции к сочетанию массово- и лично-ориентированного общения на одной площадке, где возможно, соответственно, как межперсональное общение, так и организация публичных на любые темы при ограничении объема сообщения 4096 знаками. Научно-популярные Telegram-каналы рассматриваем как «устойчивое и воспроизводимое средство коммуникации науки с обществом, которое может использоваться для донесения научных знаний до широкой аудитории и/или для формирования образа науки в общественном сознании» [Дивеева 2015: 13]. Материалом исследования выступили 30 публикаций Telegram-каналов о науке «Космос» и «Funscience», речевые характеристики которых рассмотрены с опорой на медиадискурсологический и когнитивный подходы.

Учет позиции гипотетического адресата при изложении научных фактов и объяснений может быть рассмотрен с позиции теории ментальных пространств – моделей дискурсивного понимания, предложенных в когнитивной лингвистике Ж. Фоконье и М. Тернером [Fauconnier, Turner 2006]. Отмечено, что в теории особое внимание уделено слушающему/воспринимающему, который интерпретирует сказанное [Скребцова 2011: 169]. Согласно теории ментальных пространств, процесс понимания не является линейным: для того чтобы получить интерпретацию на стороне реципиента, языковые выражения должны пройти конструирование смыслов на когнитивном уровне. Конструирование базируется на концептуальной интеграции, которую адресант направляет посредством использования необходимых для нее языковых выражений, связывая понятийные области [Fauconnier, Turner 2006]. По нашим наблюдениям, в научно-популярной коммуникации в Telegram-каналах продуктивным оказывается использование контрфактивного рассуждения – построения бленда (в терминологии Ж. Фоконье и М. Тернера) – конструкции типа «что

было бы, если...», которая позволяет создавать гипотетические ситуации посредством наложения исходных пространств.

Обратимся к примеру, и рассмотрим контрфактивное рассуждение в посте Telegram-канала «Космос»: *Как известно, температура белых карликов составляет около 100 000 градусов Цельсия, а Солнца – 5800 градусов. Правильно ли полагать, что Земля могла бы существовать на расстоянии 17.2 расстояния, от Солнца до Земли, от белого карлика?* Приведем выражение к наиболее простой логической форме, составив контрфактивное утверждение: *Если бы Земля могла существовать возле белого карлика, то она находилась бы на таком от него расстоянии, которое составляло бы 17.2 расстояния от Солнца до Земли* [https://t.me/deep_cosmos/2263].

Если следовать теории ментальных пространств, понимание данного контрфактивного рассуждения включает в себя создание общего пространства *вращение обитаемой планеты вокруг звезды*, которое подходит для обоих исходных пространств – *существование Земли у Солнца и существование Земли у белого карлика*. Автор устанавливает предел для проекции одного пространства на другое, оговаривая различия в числовых параметрах – в расстоянии до звезд и в их температурах. Таким образом, в данное высказывание автор выборочно спроецировал информацию, связанную с Солнцем и белым карликом, построив бленд только на ключевых свойствах двух объектов.

В построенном контрфактивном бленде представлена воображаемая ситуация, о перспективах существования которой предлагается продолжить рассуждать. Характеристики бленда включают (подробнее см.: [Fauconnier, Turner 2006: 324]): 1) создание ситуации, которая подобна ситуации существования планеты Земля на определенном расстоянии от другой звезды – белого карлика, 2) развитие, в котором даны предположения об условиях такого существования, дальнейшее мысленное его симулирование и 3) обратная проекция, фиксирующая особенности такой планеты Земля, которая могла бы возникнуть при белом карлике.

В речевой структуре публикации данный контрфактивный бленд играет ключевую роль. Гипотетическая ситуация, представленная связью ментальных пространств, передана в посте Telegram-канала от лица подписчика и поэтому имеет вопросную форму и выделена в ленте полужирным. Подчеркнутая ориентированность на адресата, во-первых, позволяет повысить его коммуникативный статус до участника, обладающего знаниями и, во-вторых, за счет диалогизации способствует компрессии как способу включения возможно большей информации, в том числе имплицитной, в возможно меньший объем.

В ответной части поста аргументируется невозможность существования планеты, подобной Земле, возле белого карлика: *Но зарождение жизни возле белых карликов всё же невозможно из-за специфики их появления, в ходе которого планеты если и уцелеют, то будут сожжены*. Однако несмотря на это, подписчики Telegram-канала не отказываются от развития гипотетических ситуаций, соответствующих контрфактивному бленду, в комментариях,

например: **Апрель Александр: Ну и что, что планета будет выжжена при формировании БК, остынет, а потом метеориты и кометы так же принесут на неё все необходимые химические вещества и воду.** Видим, как комментатор продолжает с помощью обстоятельства времени (*потом*) конструировать ситуацию, развивающую структуру бленда новыми подробностями, которые содержатся в том числе в лексике из фоновых знаний (*метеориты, кометы, химические вещества, вода*). Допуская вариант развития событий, предложенный телеграммером в ответной части поста, подписчик вводит частичное возражение с помощью разговорной конструкции *ну и что*, позволяющей снять запрет на существование бленда. Подписчик **ش** категорично возражает, используя квалификативные средства модуса (*возможно*) и делая свой вклад в развитие бленда: *Возможно, там иная форма жизни, нежели та, которую мы привыкли оценивать.*

Обращение научно-популярного Telegram-канала к сложной космологической тематике мотивирует использовать комплексные речевые техники, позволяющие оптимизировать усилия по созданию информационно насыщенной непротиворечивой публикации небольшого объема. Построение контрфактивного бленда в условиях, когда научные данные не могут быть верифицированы с помощью эксперимента, оказывается продуктивным, поскольку конструирует воображаемую ситуацию и тем самым помогает объяснить непростое для понимания естественнонаучное явление мегамира (структурной области, включающей галактики, звезды, звездные скопления и пр.). Фактор адресата становится существенным для научно-популярной коммуникации в Telegram-канале, поскольку мотивирует учитывать коммуникативный и информационный статус гипотетического адресата при компрессии текста публикации с помощью контрфактивного бленда. Связывание двух металлических пространств в контрфактиве побуждает подписчиков к дальнейшему развитию и освоению бленда, что в научно-популярной коммуникации можно рассматривать как позитивный перлокутивный эффект медиакоммуникации.

Литература

- Дускаева Л.Р. Метод (общий) прагматологии в медиалингвистике // Медиалингвистика в терминах и понятиях: словарь-справочник. М.: ФЛИНТА, 2018. С. 79–83.
- Дивеева Н.В. Популяризация науки как разновидность массовых коммуникаций в условиях новых информационных технологий и рыночных отношений: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2015.
- Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: курс лекций. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011.
- Fauconnier G., Turner M. Mental spaces. Conceptual integration networks // Cognitive Linguistics: Basic Readings / Ed. by D. Geeraerts. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2006.

L. Y. Ivanova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg state university

THE ADDRESSEE FACTOR IN THE CONSTRUCTION OF A COUNTERFACTUAL BLEND IN POPULAR SCIENCE COMMUNICATION USING NEW MEDIA FORMS

The paper discusses the potential of building a counterfactual blend in the implementation of popular science communication using new media forms (Telegram channels) in media linguistic terms and in terms of conceptual integration. The addressee factor is shown to be the structure-forming factor for media communication in this area.

Key words: counterfactual blend, popular science Telegram channel, media communication, addressee.

*H. V. Карпинская (Луганск, Луганская Народная Республика)
Луганский государственный аграрный университет
obr_okr2017@mail.ru*

ОТРАЖЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ АРХЕТИПИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА В СОМАТИЧЕСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Актуальность исследования фразеологической соматики согласована с общей тенденцией развития лингвоантропологических наук, которые подчеркивают стремление носителя языка наделить объекты внешнего мира человеческими чертами, табуизировать или персонифицировать как одушевленные, так и неодушевленные номинанты-компоненты фразеологизмов. Такой подход к изучению значительного пласта современного русского языка иллюстрирует общность культурного субстрата, социальных отношений, исторического развития и позволяет говорить об определенном архетипе русского мышления, общей культурно-исторической памяти, символического универсума.

Ключевые слова: соматизм, фразеологизм, когнитивные факторы, архетип.

Согласно антропоцентрическому принципу в структуре языка, знания организованы по аналогии к человеческим представлениям об окружающем мире. Общепризнанное мнение о сквозной антропоцентрической речи подтверждает особую связь человека с окружающей средой, вербализованной фразеологией. Фразеологический фонд языка отражает не только определенные реалии, но и представляет коннотативную палитру, которая выражается эксплицитно или имплицитно, а в лексикографических источниках передаётся путём помет. Например: функционально-стилистическая помета во фразеологизмах (ФЕ) указывает на разновидность устной речи (разг. *наломать (обломать) бока кому*; разг. *душа в душу*; прост. *душа вон*), на историческую принадлежность (арх. *на голове*; арх. *[вся] душа в горсти*), на экспрессию (неодобр. *то боком, то скоком*; шутл. *хоть боком катись*; жарг. *угол с боку два*; ирон. *бубны в голове*; шутл.-ирон. *в голове клепки не хватает*; пренебр. *бумажная душа*) и др.

[БСРП 2007: 54,139, 244]. Семантические особенности экспрессии во ФЕ чаще иллюстрируют пласт разговорной лексики, что передает непринужденный характер и мотивирует носителя языка к выражению разных чувств и эмоций при помощи устойчивых выражений (фразеологизмов, пословиц, поговорок).

В коллективной памяти носителей языка, сохраняется интертекстуальная связь ФЕ с тем или иным кодом культуры, что проявляется в способности носителей языка передавать их, сохраняя или трансформируя культурную коннотацию и обеспечивая диалогическую взаимосвязь языка и культуры [Телия 1996: 14].

Влиянию культуры на язык посвящены исследования С.Т. Воркачева, В.И. Карасика, В.В. Колесова, И.В. Кузнецовой, О.В. Ломакиной, В.А. Масловой, В.М. Мокиенко, В.Н.Телия и др., которые установили связь языка с культурным наследием русского этноса и утвердили идею закрепления культурных кодов в устойчивых единицах разных разрядов как моделях языковой картины мира.

Под культурным кодом мы понимаем «систему знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов, которые «прочитываются» в данных знаках [Ковшова 2007: 7-9]. Культурные коды задают структуризацию, категоризацию и оценку материального мира человеческого общества и соотносятся с давними архетипическими представлениями человека.

Существуют различные типологии выделения культурных кодов. В. Леонтьева выделяет специфические коды (природно-метеорологический, языковой, физиолого-соматический, цветной код и даже технический, социальный, геометрический жаргоны) для каждой формы существования языка [Леонтьева 2003: 18]. На наш взгляд, базовыми и соотносящимися с архетипичными представлениями русской культуры, которые фиксируют первичные представления о мироздании, являются коды, выступающие в такой последовательности: соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный. Хотя границы культурных кодов нестабильны, они способны к взаимопроникновению: например, знаки соматического кода широко представлены в пространственном: *рукой подать*; временном: *на носу экзамены*; *за плечами годы учебы*; биоморфном кодах: *змея подколотная*; *трусливый заяц*; *голодный как собака*; *как собака на сене* и др. Как видим, познание окружающего мира и его освоение происходит через «накладывания» на самого себя измерений внешнего мира.

В соматическом коде весомое место занимают символичные функции различных частей тела: *считать по головам*; *возложить ответственность на плечи*; *не хватает рабочих рук*; *получить на руки* и др., которые иллюстрируют когнитивные сценарии, представляющие динамичную последовательность отдельных жизненных эпизодов. Они представлены двумя видами, например: ФЕ *принимать близко к сердцу* 'придавать большое значение чему-либо, переживать из-за чего-либо, болезненно реагировать на что-либо' [БСРП 2007: 608] представляет общий стереотипный сценарий в культурном пространстве русского человека, его повышенную чувствительность и милосердие

по отношению к другим. Каждый человек самостоятельно выбирает модель поведения и реакцию на происходящее, что мотивирует индивидуальный когнитивный сценарий – *скрепя сердцем* 'против воли, против своих убеждений' [БСРП 2007: 608] иллюстрирует своеобразный нравственный выбор. Когнитивные сценарии транслируются через фразеологизмы и демонстрируют сформировавшийся за многие века коллективный дух народа, аксиологические установки, следование традициям и обычаям.

Соматический код культуры определенным образом организует окружающий мир индивида, он важен и имеет одно из определенных значений человеческой сущности, поскольку человек как личность остается в центре мироздания (*заглядывать в глаза смерти; запускать глаза за пазуху; заморозить глаза; мозолить глаза, пойти по головам*) [БСРП 2007: 123-124, 138]. Именно в человеческом теле наши предки видели антропоморфное представление Вселенной. Исследователи объясняют это способом усвоения мира индивидом-герменевтическим кругом от самого себя к себе и экстраполяцией круга на окружающую среду. Человеческая телесность отражает мир, в котором существует сам человек. Благодаря своему телу человек размещен в мире, поэтому тело перенимает на себя конфигурацию бытия. Компоненты ФЕ являются ключевыми звеньями культурной информации и через декодирование переносного значения мы реконструируем культурный смысл: *душа нараспашку* (разг.) называет откровенного, чистосердечного, отзывчивого человека, что является позитивной характеристикой русского человека [БСРП 2007: 212]; *душа лежит* иллюстрирует дефиницию 'кто-то испытывает симпатию, интерес, доброжелательно относится к кому-либо' [БСРП 2007: 212] и характеризует широту русской души, ее весомость в принятии житейских решений, глубину внутреннего мира русского человека. По словам С.Н. Толстой, «тело человека – это мир, которому присуща своя топология: низ, верх, ширина, середина, поверхность, край и др. Для современного человека эти термины имеют преимущественно пространственное, физическое, в то время как их метафизический смысл скрыт. Для архаичной культуры – наоборот. Для нее тело – космос, а потому все в теле имеет космическое значение...» [Толстая 1995: 152].

Голова управляет мышлением, разумом; *рука* является практическим применением того, о чем думает голова; *глаза* выступают источником информации; *язык* – средство передачи информации; *сердце, душа* отвечают за переживания и чувства; *ноги* иллюстрируют символику движения: *с больной головы на здоровую; куриные мозги; непокрытая голова; не висит ухо; смотреть во все глаза; душа болит, сердце ноет, ужалить в самое сердце; на четырех ногах; легкий на ноге; змеиный язык* и др. [БСРП 2007: 142, 439, 692]. Это результат взаимодействия языка тела и средства выражения мыслей, самого языка, который синтезирует смыслы.

Наблюдение над собой, знание о себе человек последовательно переносил на окружающую среду. Названия частей тела начали продуктивно использоваться в роли метаморфических сравнений, поскольку во время называния

нового объекта у человека первые ассоциации прежде всего с тем, что ему хорошо известно, что постоянно находится при нем. Части собственного тела постоянно находятся перед глазами и соответственно становятся своеобразным эталоном для сравнения, например: *В глаза хвалить – всё равно, что хаять* (глагол древнерусского происхождения, *хаять* 'осуждать, хулить, порицать'; 'корить, бранить') [Фасмер 1973: 124]. Иоанн Златоуст писал: *Похвала от людей ненадежна и часто проистекает не из доброго намерения; а похвала от Бога остаётся навсегда и сияет светло, когда воздаёт похвалу Знающий, тогда добродетель обнаруживается с несомненностью* (Иоанн Лествичник). Данный метафорический смысл иллюстрирует христианское понимание похвалы, поскольку такой способ мотивации граничит с лестью и тщеславием.

Таким образом, соматический код фразеологии русского языка эксплицируется путем оригинального действия в мире через самопознание: взгляды на окружающую среду, его особенности выступают вследствие экстраполяции в исследовании человека и свои части тела, «накапливают в составе фразеологизмов когнитивные сценарии и стратегии общения в речевой практике респондентов» [Шкуран, Карпинская 2021: 465]. Он пронизывает все наше бытие и предопределяет аксиологическую сферу жизни русского человека.

Литература

БСРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских поговорок / под общ. ред. В.М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа групп». 2007.

Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / М.Л. Ковшова (в соавторстве с Д.Б. Гудковым). М.: Гнозис, 2007.

Леонтьева Т.В. Интеллект человека в зеркале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2003.

Иоанн Златоуст Симфония по творениям свт. Иоанна Златоуста. URL: <https://azybka.ru/otechnik/loann-zlatoust/simfoniya-po-tvorenijam-svt-ioanna-zlatoust/115>

Теля В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 13–23.

Толстая С.Н. Язык и народная культура: очерки по славянской мифологии в этнолингвистике. М.: Индрик, 1995.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / перев. с нем. О.Н. Трубачева. Т. 4 (Т-Яшур). 1973.

Шкуран О.В., Карпинская Н.В. Когнитивные факторы процессов сакрализации и профанизации языковой семантики соматических фразеологических единиц с компонентом ГОЛОВА // Когнитивные исследования языка, 2021. Вып. 4 (47). С. 465–472.

*N.V. Karpinskaya (Lugansk, Lugansk People's Republic)
Lugansk State Agrarian University*

REFLECTION OF CONCEPTUAL IDEAS ARCHETYPAL CHARACTER IN SOMATIC PHRASEOLOGY

The relevance of the study of phraseological somatics is consistent with the general trend in the development of linguoanthropological sciences, which emphasize the desire of a native speaker to endow objects of the external world with human features, taboo or personify both animate and inanimate nominees-components of phraseological units. This approach to the study of a significant layer of the modern Russian language illustrates the commonality of the cultural substratum, social relations, historical development and allows us to talk about a certain archetype of Russian thinking, a common cultural and historical memory, a symbolic universality.

Key words: somatism, phraseology, cognitive factors, archetype.

*Ю.М. Коняева (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
j.konyaeva@spbu.ru*

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ИННОВАЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ОСВЕЩЕНИЯ В МАССМЕДИА¹

В статье на примере дискуссии вокруг новых правил русской орфографии (2021–2022) рассматриваются особенности речевой репрезентации в массмедиа лингвистической инновации. Выделены и описаны три модели репрезентации: «закономерное изменение», «проявление непрофессионализма», «работа над ошибками».

Ключевые слова: лингвистическая инновация, русская орфография, речевая репрезентация, медиакоммуникация, диалогичность.

Любые нововведения – неотъемлемая часть жизни общества: они способствуют его экономическому, социальному и культурному развитию, оказывают влияние на различные сферы жизнедеятельности, позволяют оптимизировать научные знания в соответствии с требованиями времени, становятся реакциями на закономерные изменения актуальной повестки. Однако наблюдения показывают, что инновации часто воспринимаются обществом неоднозначно: с одной стороны, это способ решения возникающих проблем, с другой же – это всегда риск, сопряженный с негативными последствиями. Именно этим объясняется двойственная реакция общественности на появляющиеся в массмедиа сообщения о планируемых или реализуемых нововведениях [Привалова 2012: 176–177]. Изменения в привычном укладе становятся угрозой, вызывая в обществе шквал негативных реакций (критика, отрицание, сопротивление, упрощение, высмеивание, троллинг, хейт и мн. др.).

¹ Исследование выполнено при поддержке РНФ, проект №22-18-00184 «Речевые практики возмущения и пути их преодоления в научно-популярной медиакоммуникации».

Ярким примером сформировавшейся «палитры» мнений является реакция общества на лингвистические инновации, которые мы, опираясь на специализированные словари, понимаем, как любые изменения в языке, формирующиеся закономерности, новые явления, отличающие языковую систему от ее первоначального или исконного состояния [ЭССЛТП 2014: 67; Ахманова 2004]. Роль русского языка в сохранении национальной культуры, формировании и отражении нравственных и духовных ценностей многократно подчеркивалась как представителями власти, так и научным сообществом. Любые попытки реформирования языковой системы закономерно маркируются как проблема, которая «неизбежно перерастает рамки сугубо академических интересов и приобретает очертания не только прикладного, но и социокультурного масштаба, поскольку реформа – как ее ни называть – непосредственно коснется каждой пишущей и читающей личности» [Варфоломеев 2003: 89]. Массмедиа при этом, «упаковывая» информацию о нововведениях в удобную для аудитории форму, становятся активными трансляторами общественных настроений.

Рассмотрим особенности речевой репрезентации лингвистической инновации на примере медиатекстов, раскрывающих изменения правил русской орфографии. Вопросы обновления орфографической нормы являются объектом многолетней дискуссии (подробнее см.: [Арутюнова 2011; Долин 2003 и др.]). Стимулом для нового всплеска интереса послужил проект постановления Правительства Российской Федерации «Об утверждении Основных правил русской орфографии», опубликованный на Федеральном портале проектов нормативных правовых актов (<https://regulation.gov.ru/projects>) в ноябре 2021 года. В медиа этот документ получил неоднозначную оценку. При освещении проекта массмедиа выполняют роль модератора, указывающего на основные достоинства и недостатки инновации. Мы выделили три модели репрезентации лингвистической инновации в медиатекстах, формирующие три вектора освещения научно-популярного знания.

1. «Закономерное изменение». Речевая репрезентация лингвистической инновации как закономерного изменения зафиксирована в текстах на начальном этапе дискуссии (9 ноября 2021 года). Медиа ставят задачей привлечь внимание аудитории к планируемым нововведениям. Публикации имеют преимущественно информирующий характер, о чем свидетельствует обилие фактологической информации. Так, информирование представлено в форме разъяснения, что подчеркивается лексически – глаголами речемышления: *Министр объяснил цель разработки новых правил орфографии русского языка* «РБК. 09.11.2021»; *Кравцов рассказал о проекте по обновлению правил русского языка* «РИА-Новости. 09.11.2021».

Важной частью репрезентации становятся средства передачи обоснованности и закономерности изменений, отражающие официальный характер излагаемых сведений:

– лексика, высвечивающая масштабность проекта: *основополагающая, ключевая вещь* «РБК. 09.11.2021»; *стал бы очередной твердой опорой*

в развитии языка (Там же); является **результатом кропотливой работы** «Радио Sputnik. 10.11.2021» и др.;

– глаголы в форме будущего времени (*обновят, станет, объяснят* и др.) и сослагательного наклонения (*стал бы*) как средство передачи ирреальной модальности;

– темпоральные маркеры, акцентирующие внимание на устаревшем характере действующих норм: *Их* [правила – прим. авт.] **обновят впервые с 1956 года**, когда появился единый свод правописания «Радио Sputnik. 10.11.2021»;

– номинации экспертов, подчеркивающие профессионализм комментирующего, его близость к научному сообществу: **Филолог, доцент ВШЭ Илья Кукулин** в разговоре с «Лентой.ру» согласился с доводами Минпросвещения «Lenta.ru. 09.11.2021»; В интервью радио Sputnik **доктор филологических наук Михаил Осадчий** прокомментировал грядущие изменения «Радио Sputnik. 10.11.2021»;

– указатели на непрофессиональный статус инициаторов коммуникации, коими в текстах преимущественно выступают чиновники («Минпросвещения», министр).

Содержание документа не подвергается обсуждению, отходя на второй план. В текстах доминирует информирующая интенция, которая через отбор фактов демонстрирует телеологическую оценку инновации как важного этапа обновления языковых норм.

2. «Проявление непрофессионализма». Смена тональности медиатекстов зафиксирована в конце ноября 2021 г. и сопряжена с потоком критических комментариев по поводу подготовленного документа. В модели репрезентации «проявление непрофессионализма» на первый план выходит оценка содержания проекта. Для репрезентации негативного образа инновации используются:

– лексика с отрицательно-оценочной семантикой: *это **испорченный** сокращениями знаменитый справочник 2006 года под редакцией Владимира Лопатина* «РГ. 27.11.2021»;

– глаголы речемышления, подчеркивающие негативное отношение к инновации (*отметили, предложили, раскритиковали, попросили* и др.);

– экспертные номинации – *лингвисты, члены орфографической комиссии*, которые в совокупности с обозначенными глаголами побуждают к критическому оцениванию инновации: **Орфографическая комиссия раскритиковала проект нового свода правил** «РГ. 27.11.2021», **Орфографическая комиссия РАН призвала Минпросвещения отозвать проект обновленных правил русского языка** «Радио Sputnik. 27.11.2021»;

– грамматические конструкции, демонстрирующие обоснованность и целесообразность критики (*авторы обращения приходят к выводу, что...; к примеру; в пример приводится; кроме того*, и т. д.).

Репрезентация инновации как «проявление непрофессионализма» в большинстве медиатекстов негативно окрашена, при этом критике подвергается

не содержательная сторона документа, а небрежность его подготовки, игнорирование лингвистической специфики, отсутствие научного аппарата: *В представленном проекте содержание правил ПАС из-за механистических сокращений и необдуманных нововведений существенно искажается* «РИА-Новости. 27.11.2021».

3. «Работа над ошибками». Третья модель репрезентации складывается на этапе обсуждения обновленной версии проекта (апрель 2022 года). Информирование выстраивается на сопоставлении двух версий документа с целью улучшения общественного мнения об инновации. Репрезентация авторитетности, продуманности, профессиональной работы формируют формальные и содержательные средства:

– номинации авторитетных ученых – авторов проекта: *Глава комиссии Алексей Шмелев стал редактором проекта новых правил: орфографические нормы в нем оставлены неизменными, в том числе и факультативное использование буквы «ё»* «Коммерсантъ. 11.04.2022»;

– введение официального наименования инновации, заменившего «плавающую номинацию» (ранее встречались наименования *новые правила орфографии русского языка, свод орфографических правил, проект новых правил орфографии и пунктуации русского языка, Проект правил русской орфографии* и др.): *Минпросвещения вынесло на общественное обсуждение проект постановления правительства РФ «Об основных правилах русской орфографии»* (Там же);

– темпоральные маркеры, демонстрирующие динамику изменений: *Это второй подобный документ за последние полгода. В предыдущей версии ... предлагалось вернуть в язык обязательную букву «ё»* (Там же).

Телеологическая оценка в модели репрезентации «работа над ошибками» показывает смену объекта оценивания: не инициатива чиновников, а работа профессионального сообщества: *В пояснительной записке сообщается, что в его разработке участвовал глава комиссии по правописанию РАН Алексей Шмелев, раскритиковавший предыдущую редакцию проекта* «Lenta.ru. 11.04.2022».

Таким образом, описанные модели репрезентации лингвистической инновации демонстрируют три вектора освещения нового знания в массмедиа, которые варьируются в зависимости от этапа научной дискуссии, настроений в обществе, целеустановки, характера коммуникации и других факторов. Каждый из векторов требует дополнительного научного осмысления.

Литература

Арутюнова Е.В. Полемика о «масштабной реформе языка» (на материале прессы 2001 г.) // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2011. № 6 (68). С. 138–148.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС: Едиториал УРСС, 2004.

Варфоломеев А.П. Это касается каждого: комментарий научных событий // Балтийский филологический курьер. 2003. № 3. С. 89–103.

Долин Ю.Т. Нужен ли нам новый свод правил русского правописания: за и против // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 4. С. 7–8.

Привалова Ю.В. К определению понятия инноваций в лингвистическом образовании // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2012. № 7-2(18). С. 176–178.

ЭССЛТП – Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий. Русский язык: в 2 т. / под общ. ред. А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова. Т. 1. М., 2014.

*Yu.M. Konyaeva (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

LINGUISTIC INNOVATION AS AN OBJECT OF MEDIA REPRESENTATION

The article examines the peculiarities of linguistic innovation's speech representation in the mass media by the example of the discussion around the new rules of Russian orthography (2021–2022). Three models of representation are identified and described: “logical change”, “manifestation of unprofessionalism”, “work on mistakes”.

Key words: linguistic innovation, Russian orthography, speech representation, media communication, dialogicity.

*Д.Ю. Костеева, Л.Н. Гишкаева (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
kosteevadari@gmail.com, adv88-02@mail.ru*

КУЛЬТУРНЫЕ ДОМИНАНТЫ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются культурные доминанты языковой личности преподавателя французского языка как иностранного в условиях глобализации. Наряду с концептами культуры и местами памяти отмечается возрастающая важность владения поликультурной компетенцией.

Ключевые слова: языковая личность, культурные доминанты, культура, концепт, места памяти, поликультурная компетенция.

В связи с глобализацией информационного пространства множество специалистов из различных сфер научного знания обращаются к проблеме языковой личности, поскольку посредством ее изучения становится возможным определить степень влияния мировых процессов на сознание и деятельность человека. Понятие языковой личности восходит к понятию личности в целом и может рассматриваться с двух сторон: личность как результат общественного развития, на который влияют внешние воздействия, и как активный участник социальной и культурной деятельности [Попова 2003: 35]. Под языковой личностью мы понимаем «личность, выраженную в языке, тексте и через язык», реконструируемую «во всей полноте, на базе языковых средств» [Маслова 2007: 44]. Однако языковая личность неразрывна с понятием культуры, поскольку язык и культура образуют две взаимообусловленные сущности.

Одной из профессий, наиболее остро испытывающих на себе влияние глобализации, становится преподаватель иностранного языка, выступающий в качестве транслятора знаний и культур. Современные учебные заведения представляют собой поликультурные образования [Сенаторова 2019: 83], требующие от педагога как никогда прежде высокого уровня владения межкультурной коммуникацией. Более того, профессия преподавателя иностранного языка имеет особую специфику: язык выступает одновременно и средством, и материалом обучения, что оказывает особое влияние на формирования его языковой личности.

По мнению Ю.Н. Караулова, сложная структура языковой личности состоит из трех уровней [Караулов 2010]: нулевого (структурно-языкового), предполагающего нормальное владение человека языком, довольно бессодержательное для исследователя и не включающее в себя индивидуальных черт; первого (лингвокогнитивного), отображающего иерархию основных понятий и ценностей в картине мира носителя (единицами этого уровня выступают понятия, идеи и концепты), и второго (прагматического), характеризующего цели, мотивы и установки языковой личности, определяющие уникальность ее речевой деятельности и формирования мировоззрения в целом. Таким образом, для изучения языковой личности преподавателя иностранного языка особый интерес представляют первый и второй уровни, в которых прослеживается тесная взаимосвязь языка и культуры.

На образование как первого, так и второго уровней языковой личности сильное влияние оказывают ее культурные доминанты. Культурные доминанты представляют собой «наиболее существенные для определенной культуры смыслы, совокупность которых образует тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке» [Карасик 2002: 169]. В нашей работе рассматривается преподаватель французского языка как иностранного. Следовательно, в формировании его языковой личности участвуют культурные доминанты французского языка.

Традиционно принято рассматривать в качестве культурных доминант концепты и места памяти. Понятие концепта встречается в трудах С.Г. Терминасовой, Е.С. Кубряковой, Ю.С. Степанова и других исследователей. Данное понятие представляет собой условную ментальную единицу, «сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2001: 43]. Так, например, концептами французской культуры могут выступать PATRIE (родина), SAVOIR-VIVRE (искусство жить), CUISINE (кухня), FAMILLE (семья) и т. д. Введенное французским исследователем П. Нора понятие мест памяти созвучно с понятием концепта и обозначает «культурные символы, которые сохраняются в памяти благодаря воле людей и времени» [Загряжская 2007: 11]. Другими словами, места памяти – это своеобразные свидетельства другой эпохи, которые остаются актуальными для современности, например, географические названия, исторические события, имена собственные, даты, юбилеи и проч. Они могут выражаться одним словом, например, *Paris* (Париж), *Marseillaise* (Марсельеза), *liberté*

(свобода); предметом, например, *drapeau* (флаг); художественным произведением, например, «*Gargantua et Pantagruel*» («Гаргантюа и Пантагрюэль») Ф. Рабле и т. д.

Однако все более частое столкновение языков и культур выводит на первый план необходимость владения поликультурной компетенцией. Ориентация на «плюрилингвизм» и «плюрикультурность» становится одной из ключевых идей, транслируемых Советом Европы в «Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком» [CECR 2018] и новой культурной доминантой языковой личности преподавателя иностранного языка. Поликультурная компетенция включает в себя несколько направлений: сформированность высокого уровня знаний о культурном многообразии мира; сформированность культуры эмоций, адекватной поликультурной среде (например, проявление толерантности, уважения к носителям других языков и культур); а также развитость культуры поведения в поликультурной среде (например, соблюдение норм этикета, использование различных коммуникативных стратегий, соответствующих ситуации общения с представителями той или иной культуры). Таким образом, речь идет не только о знании национальных особенностей других культур, но и о владении универсальными культурными концептами, которые имеют общечеловеческую ценность и помогают в выстраивании взаимодействия с представителями различных языков и культур.

В результате можно сделать вывод, что культурными доминантами современного преподавателя французского языка выступают концепты, места памяти, а также владение поликультурной компетенцией. Дальнейшее изучение данной темы может способствовать исследованию особенностей формирования поликультурной языковой личности.

Литература

Загряжская Т.Ю. Франция в культурологическом аспекте: учеб. пособие для вузов. М.: Издательский дом «Стратегия», 2007.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010.

Маслова В.А. *Homo lingualis* в культуре: монография. М.: Гнозис, 2007.

Попова Т.Г. Национально-культурная семантика языка и когнитивно-социокоммуникативные аспекты (на материале английского, немецкого и русского языков). М.: Изд-во МГОУ «Народный учитель», 2003.

Сенаторова Д.В. Формирование поликультурной языковой личности на занятиях РКИ // Лингводидактика: материалы VI Респ. науч.-практ. семинара, Минск, 25 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: С.И. Лебединский (гл. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2019. С. 82–86.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.

*D. Yu. Kosteeva, L.N. Gishkaeva (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia*

CULTURAL DOMINANTS OF THE LINGUISTIC PERSONALITY OF A FRENCH TEACHER

The article examines the cultural dominants of the linguistic personality of a teacher of French as a foreign language in the context of globalization. Along with the concepts of culture and places of memory, there is an increasing importance of multicultural competence.

Key words: linguistic personality, cultural dominants, culture, concept, places of memory, multicultural competence.

*Е.В. Кривенко (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
krivenko@corp.nstu.ru*

КОНЦЕПТЫ СОЛНЦЕ И ПРАВО-ЛЕВО В ЗАГОВОРАХ (НА ПРИМЕРЕ ФРАНЦУЗСКОГО, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР)

В статье рассматриваются концепты СОЛНЦЕ и ПРАВО-ЛЕВО на материале французских, английских и русских заговоров. С помощью лингвокультурологического анализа исследуется связь солнца, солнечного цикла и правого-левого в заговоре, основываясь на утверждении, что ритуалы являются неизменными в заговоре с течением времени.

Ключевые слова: заговор, посолонь, концепт, ритуал, право-лево.

Одной из задач когнитивной лингвистики является исследование процессов концептуализации констант культуры, Ю.С. Степанов исследовал концепты как элементы культуры. Исследованию бинарной оппозиции право-лево была посвящена работа Проскурина С.Г., материалом для которой послужили древнегерманские тексты и англо-саксонские заговоры, которые могут быть рассмотрены как общий пласт в различных культурах. Мы рассмотрим концепта «право-лево» во французских, английских и русских заговорах, используя метод лингвистического и культурологического анализа заговорах.

Заговорами являются особые тексты, содержащие в себе формулы и обладающие «магической силой» способной влиять на реальность. Так как считается, что изменения слов или ритуальных действий повлечет за собой неэффективность заговора, заговоры должны были оставаться неизменными, сохраняя в себе «языческий слой» [Велецкая 1978: 39].

В заговоре, при исследовании концепта «право-лево» с точки зрения семиотики, мы можем исследовать текст и его изменения со временем, так как нарушение одного из четырех правил успешности перформатива, например, некорректная этикетная формула или не то занимаемое положение лица, проводящего процедуру, ставит под сомнение само действие [Остин 1999: 15-16].

Если мы взглянем на процедуру, соблюдение которой отвечает первому условию успешности перформатива, следует упомянуть, что перформативы – это высказывания, не описывающие какие-то события, а, в отличие от констативных высказываний, есть действия [Остин 1999], то в заговоре это будет обряд, который «воспроизводит предначертанный порядок по возможности в неизменной форме» [Ассман 2004: 97].

Солнечный цикл. Поклонение Солнцу является наиболее логичным и естественным, так как от него зависит жизнь всего живого на Земле, причем согласно Мирча Элиаде [Элиаде 1999: 43], поклонение солнцу было настолько распространено, что в некоторых странах, например, в Египте, оно заняло господствующее положение. В.В. Иванов особо отмечает отсутствие солнца «в начале мифологического времени... К числу архаических солярных мифов принадлежат мифы об исчезновении и возвращении солнца, делающие отсылку на цикличность времени, «так как его основы – внеязыковые, внепсихологические, внечеловеческие, связаны с природой, с деятельностью солнца и ее отражением на земле» [Толстой 1996: 27]. Н.И. Толстой подчеркивает тот факт, что аграрный период древних славян был разделен на четыре части, не совпадающие с астрономическим делением на времена года. Также он обращает внимание на изоморфизм членения года и календарных суток: день – это лето, ночь – это зима, весеннее равноденствие соответствует рассвету, вечер же – это осень, а полдень есть летний солнцеворот (Ивана Купала), время от полуночи до первых петухов – это святки, некрещенные дни, в это время считается, что нечистая сила «распосывается» и утихает с криком первых петухов [Толстой 2003: 152], что можно проследить в заговоре от бессонницы ребенка: его нужно отнести поздно вечером в курятник, говоря: *Куры рабаи, куры сьраи, куры чернаи, вазмита сваи криксы ... аддайтя наш сонь.* [Майков 1869: 34]. Межевым является время захода и восхода солнца, когда присутствует нечистая сила и считается открытой и уязвимой. Поэтому различные магические действия осуществлялись перед рассветом, – заговоры, колдовство, и обращения к высшим силам, особенно к нечистым [Толстой 2003: 153]. В заговоре от бессонницы младенца [Майков 1869: 33], последнего кладут в подол, затем идут под куриный насест и молятся, вечером на запад, а утром на восток, то есть лицом, обращенным к солнцу. От зубной боли нужно выйти ночью во двор и, увидев луну, трижды проговорить: *Месяц золотой, у тебя зубы не болят, у раба божьего не болят.* [Майков 1869: 37]. До восхода солнца нужно произнести следующий заговор, предварительно прочитав 5 раз «Отче наш» и 5 раз «Ave Maria»: *Sainte Madeleine, tiens bien l'osset, faites qu'il se relève pour (nommer la personne)* † [Camus 2013: 56]. (Святая Мадлен, держи кость и заставь ее встать (назвать имя человека). В межевое время суток требуется себя обезопасить молитвами и только после этого произнести заговор.

Посолонь. В древнеиндийской мифологии существует понятие «дакшина», означающее дар, преподносимый брахману. Его этимология восходит к древне индо-европейскому обозначению правого – В. Н. Топоров приводит

следующие примеры *авест.* *dasina-*, *литов.* *dasinas*, *слав.* *desнь* и далее вплоть до *греч.* *Δεξιτερος*, *лат.* *dexter*, *др. ирл.* *dess* и *др.* Также в индуизме и буддизме существует обряд «прадакшина», который заключается в обхождении храма по направлению солнца, оставаясь правой рукой к объекту поклонения. [Michell 1988]. Можно предположить, что в русском языке этому обряду соответствует «посолонь», происходящее от по-сьлнь- от солнце [ЭС: 340], основное значение по словарю Даля: «от востока на запад, от правой руки (кверху) к левой» [Даль 1882: 349]. В энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона о посолони говорится как о церковном обряде: «посолонное хождение – первое упоминание о посолони, как церковном обряде, относится к последней четверти XV столетия. В 1478 г., при освящении Московского Успенского собора, митрополит Геронтий ходил с крестами вокруг церкви "не по солнечному всходу"» [ЭС: 688] Именно с востока на запад происходит солнечное движение, справа налево, что находит отражение в концепте «правый – левый» и имеет большое значение для эффективности заговора, также как и солнечный цикл.

Право-лево. С.Г. Проскурин в своей работе «О значениях “правый – левый” в свете древнегерманской лингвокультурной традиции» прослеживает изменение значений правый и левый в древнегерманских языках [Проскурин 1990]. Изначально правая рука воспринималась как более благоприятная, будучи активной, в отличие от левой, более пассивной. Кроме того, правая рука символизирует мужское начало, в то время как левая – женское. С.Г. Проскурин выделяет следующие бинарные оппозиции: правый – левый: почетный – непочетный, небесный – земной, позитивный – негативный [Проскурин 1990].

В русском заговоре от зубной боли нужно плюнуть через левое плечо, сказав: *Исповедовал Иоанн истину в сухом дереве и воде: был я в поле, видел мертвых. У мертвых зубы не болят. Так чтобы и у меня, раба Божия, не болели* [Майков 1869: 36]. Для избавления от боли, которая в архаическом сознании равнялась злему духу, используется левая сторона, и усиливается заговор плевком, то есть, слюной, болезнь как будто сплевывают в негативную сторону. Против эпилепсии во французских заговорах служит слово † *Ananizapta* †, его нужно сказать больному в правое ухо, потряхивая его за колено [Lecouteux 2008: 92]. Правое ухо – это благоприятная сторона, поэтому целительное слово говорится именно туда, а потряхивание колена имитирует эпилепсию. Указательным пальцем правой руки очертить знак креста на ожоге, проговаривая: *Brulûre, brulûre, je te conjure de faire partir ta violence aussi vite que Judas a trahi Notre seigneur Jésus-Christ au mont des Olives* [Camus 2013: 56] (Ожог, ожог, заклиная тебя отпустить твою силу так же быстро, как Иуда предал Господа нашего Иисуса Христа на Елеонской горе). Правая рука, рука на благоприятной стороне, чертит крест на ожоге – все эти действия взаимоусиливаются.

Ритуал является неизменным с течением времени. Солнечный цикл имеет важное значение для заговорной практики, от солнечного цикла зависит время, когда следует обращаться к потусторонним силам. Солнечный цикл нашел

отражение в ритуале посолонь, движении справа налево, что отразилось в концепте ПРАВО – ЛЕВО в заговорах, особенно на выборе времени суток для произнесения заговорной формулы. Выбор правой или левой стороны в ритуале заговора также имеет непосредственное отношение к солнцу и солнечному циклу.

Литература

- Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Библия.* URL: <https://bible.by/verse/23/41/13/>
- Велецкая Н.Н.* Языческая символика славянских архаических ритуалов. Москва: Издательство «Наука», 1978.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. СПб.-М.: Тип. М.О. Вольфа, 1882.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). Москва: Издательство «НАУКА», 1965.
- Майков Л.* Великорусские заклинания. С-Петербург, 1869.
- Остин Дж.* Избранное. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 1999.
- Проскурин С.Г.* О значениях "правый – левый" в свете древнегерманской лингвокультурной традиции // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 37–49.
- Толстой Н.И.* Язычество древних славян. Очерки истории культуры славян. М., 1996. С. 145–196.
- Толстой Н.И.* Очерки славянского язычества. М.: Издательство «Индрик», 2003.
- Элиаде М.* Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М.: Ладомир, 1999.
- ЭС – Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона:* Том XXIV (48). СПб: Семейновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1898.
- Эт.С – Этимологический словарь русского языка* Макса Фасмера. Т. 3. М.: Прогресс, 1987.
- Camus D.* Paroles magiques. Enquête sur les secrets de guérison. Paris: Imago, 2013.
- Grendon F.* Anglo-Saxon charms. New-York, 1909.
- Lecouteux C.* Le livre des Grimoires. Paris: Imago, 2008.
- Michell G.* The Hindu Temple. Chicago, Illinois: University of Chicago Press. 1988.

E.V. Krivenko (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

CONCEPTS RIGHT-LEFT AND SUN IN CHARMS (ON THE MATERIAL OF FRENCH, ENGLISH AND RUSSIAN CULTURES)

The article discusses the RIGHT-LEFT and SUN concepts basing on French, English and Russian charms. With the help of linguoculturological analysis, the connection of the sun, the solar cycle and the right-left in a charm is explored, based on the position that rituals are unchanged in a charm over time.

Key words: charm, salting, concept, ritual, right-left.

Е.А. Кузьмина (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
kelena_an@mail.ru

РОЛЬ КОНЦЕПТА *DEUTSCHTUM* В СТАНОВЛЕНИИ НЕМЕЦКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКИХ МЕДИАТЕКСТОВ 20–21 ВЕКОВ)

Статья посвящена исследованию развития концепта *DEUTSCHTUM* в немецком этнокультурном сознании на протяжении 20 и 21 веков и его роли в становлении немецкой государственности на материале немецкой прессы. Данный концепт является одним из основополагающих концептов для немецкой этнокультурной общности, имеющим особую значимость как конституирующий элемент немецкого социума. Кроме того, в статье рассматриваются истоки немецкого национализма и его связь с идеей особого места немецкого этноса в мировой истории.

Ключевые слова: концепт, *DEUTSCHTUM*, лексическая единица, глобализация, этническое самосознание, этнокультура, этнос, Рейх, немецкий характер.

Изменения, происходящие в реальном мире, влекут за собой изменения в концептуальной картине мира, что находит своё отражение в языке. Однако важно подчеркнуть, что, как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, тогда, как языковая картина, еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений.

Когнитивное направление в языкознании исследует проблемы связи языка и сознания, роль языка в концептуализации и категоризации мира, в познавательных процессах и обобщении человеческого опыта, связь отдельных когнитивных способностей человека с языком. Следует уточнить, что под концептом нами понимается «единица концептуального содержания, выделяемая человеком в процессе познания с целью последующей ее передачи в языковой форме или дальнейшего накопления, что предполагает ее определенное конфигурирование (или формат), а также структурную организацию в процессе хранения» [Болдырев 2011: 24].

Лингвокультурный подход предполагает изучение специфики национальной концептосферы от культуры к сознанию. Этот подход определяет концепт как базовую единицу культуры, обладающую образным, понятийным и ценностным компонентами, с преобладанием последнего [Карасик 2001].

Концепт *DEUTSCHTUM* является одним из базовых концептов для немецкого этнокультурного сообщества, имеющим особую значимость как конституирующий элемент немецкого социума.

Авторитетный немецкий словарь *Wahrig* дает следующее определение данному феномену:

Deutschtum – *deutsches Wesen, deutsche Eigenart; Gesamtheit der Deutschen im Ausland* [Wahrig 1997: 355]. То есть, согласно данному определению, ***Deutschtum*** можно трактовать либо как «немецкое своеобразие, немецкую сущность, немецкость, германизм», либо как «совокупность (диаспору) немцев,

живущую за границей». Фактический материал подтверждает, что данный концепт вербализуется в немецкой прессе в обоих указанных контекстах.

Следует уточнить, что после объединения Германии началась так называемая эпоха Вильгельмизма, характеризующаяся в Германском рейхе резким усилением национализма. Люди начали гордиться тем, что они немцы, и подчиняли этому чувству всю свою жизнь. К сожалению, вместе с патриотизмом и любовью к своей стране пришло представление о том, что люди других национальностей являются неполноценными, стоящими ниже германцев в умственном, социальном и даже физическом плане. На высокий пьедестал были вознесены немецкие герои, как реальные, так и фольклорные. Эта форма национализма проникла не только в политику, но и в повседневную жизнь людей. С одной стороны, в это время Германия развивалась как прогрессивное и современное индустриальное государство, с другой стороны, прославлялась немецкая история и, прежде всего, героическое немецкое прошлое. Но парадный фасад не мог скрыть накопившиеся проблемы, которые принесла с собой индустриализация: голод, бедность, отсутствие жилья, огромный разрыв между богатыми и бедными и прочие социальные трудности.

Для сплочения нации необходимо было найти общую идею и общего врага. Следствием этого стал рост расизма и антисемитизма. Немцы вдруг почувствовали свое превосходство над другими народами, многие из них искренне поверили в великую немецкую культурную нацию и ее достижения и сознательно отделяли себя от других наций. Такое отношение не могло не привести к взрыву – началась I Мировая война.

На открытке, датированной 1915 годом мы видим изображение собирательного образа врага, который сапогом попирает краеугольный камень немецкой нации – немецкую самобытность (Deutschtum). Надпись на открытке гласит: «*Das Deutschtum tratest du mit Füßen, am eignen Fleische wirst du es büßen*» (Ты растоптал немецкость ногами, ты искупишь это своей плотью). Как мы видим, по задумке автора на стороне немцев в лице кайзера Вильгельма выступают небесные высшие силы в лице архангела и орел – давний геральдический символ Германии, символ власти, господства, отваги и пронизательности.

Анализ немецких медиатекстов позволил выявить следующие лексемы, эксплицирующие концепт DEUTSCHTUM в немецкой прессе 20–21 веков: *das Deutschtum, die Deutschtümelei, der Deutschtümler, deutsch, der Deutsche, Deutschland*. Они являются базовыми лексическими средствами конструирования образа немецкой нации в прессе 20–21 веков. Дополнительные характеристики исследуемый концепт получает посредством корреляции с лексическими единицами, имеющими различную коннотацию. Отметим, что наиболее часто встречаются такие единицы как *der Schutz, die Pünktlichkeit, eine große Rolle, gute Gelegenheit, aktiv, rein, geduldig* с одной стороны, и *machtlos, sinnlos, feindlich, instabil, ausfällig, gefährlich* – с другой. Эти единицы придают исследуемому концепту дополнительные характеристики, с одной стороны – это усиление положительного, а с другой стороны – отрицательного смысла.

Концепт DEUTSCHTUM в немецкой прессе 20–21 веков актуализируется в различных сферах общественной жизни, в каждой из которых изучаемый концепт приобретает различные оценочные характеристики. В большинстве случаев исследуемый концепт имеет положительную коннотацию, что на наш взгляд связано с его важностью для немецкого этнокультурного сообщества. Но нейтральная и даже отрицательная оценка также имеют место при экспликации концепта DEUTSCHTUM.

В ходе анализа эмпирического материала было установлено, что исследуемый концепт постоянно развивался на протяжении 20–21 веков, приобретая новые концептуальные характеристики и утрачивая имевшиеся ранее, причем ядерные его характеристики, такие как «наличие государства Германия», «национальная самобытность немцев», «принадлежность к немецкому народу», «черты, характерные для Германии и ее населения», сохраняются на протяжении всего времени.

Es ist deshalb ein seltsamer Widerspruch, wenn heute so manche Anhänger des „reinen Deutschtums“ von demokratischen Forderungen nichts wissen wollen. Das beweist, was sich auch sonst konstatieren lässt, dass dieses nationalistische Deutschtum sich von den Wurzeln deutschen Wesens leider sehr weit entfernt hat. Je reiner tatsächlich in Deutschland die Bevölkerung germanisch ist, um so demokratischer denkt sie [Berliner Tageblatt, 02.03.1910]. (Поэтому странное противоречие состоит в том, что сегодня так много сторонников «чистого германизма» не хотят иметь ничего общего с демократическими требованиями. Это доказывает, как можно констатировать, что эта националистическая немецкость, к сожалению, очень далеко отошла от корней немецкого характера. На самом деле, чем чище германское население Германии, тем демократичнее оно мыслит). В данном примере, датированном 1910 годом, незадолго до начала I мировой войны, рассматриваемый концепт представлен с негативной коннотацией, что достигается корреляцией лексемы *Deutschtum* с единицей *nationalistisch*, а также написанием сочетания „*reinen Deutschtums*“ в кавычках, давая понять, что эта немецкость, отошедшая от демократических принципов, является мнимой.

Wir sind Deutsche. Wir sind gründliche Leute und in aller Welt bekannt für unsere Gründlichkeit [Deutsche Kriegszeitung, 16.08.1914]. (Мы – немцы. Мы основательные люди и известны во всем мире нашей основательностью). Основательность и надежность – это главные признаки немецкой сущности, о которых часто можно найти упоминание в прессе Германии в любой временной период.

В начале 20 века изучаемый концепт обладал такими дополнительными концептуальными характеристиками как «успешность в военной сфере», «успешность в развитии социальной политики», «важная роль религиозных институтов в жизни общества», «слабость в экономическом развитии».

In den Ostseeprovinzen hat sich ein Deutschtum durch sieben Jahrhunderte hindurch vollkommen rein erhalten. Wir müssen alles tun, um den Einfluss dieses Deutschtums sicherzustellen [Vossische Zeitung, 11.03.1918]. (В прибалтийских провинциях немецкость сохраняется в совершенной чистоте вот уже семь столетий. Мы должны сделать все, чтобы обеспечить влияние этой немецкости). В данном примере из 1918 года (война все еще продолжается) речь идет о справедливости, что характерно для стороны агрессора, который хочет замаскировать свои захватнические интересы рассуждениями о защите интересов своего населения.

В немецких СМИ конца 20-го – начала 21-го века актуальность приобретают такие концептуальные характеристики как «гарант экономической стабильности в Европе», «успешность в сфере внешней политики», «успешность в сфере социальной политики».

„*Wer die Bürgerversicherung Deutschlands als sozialpolitische Wunderwaffe bezeichnet, der unterstellt schon, dass sie sehr gut funktioniert*“ [FOCUS, 13.05.2013]. («Тот, кто описывает страхование граждан Германии как социально-политическое чудодейственное оружие, уже предполагает, что оно работает очень хорошо»). Данный пример вербализирует такую характеристику концепта DEUTSCHTUM как «успешность в сфере социальной политики». Данный факт придает изучаемому концепту положительную коннотацию, что достигается употреблением положительно окрашенной лексики: *sehr gut funktioniert, richtig, Wunderwaffe*.

Таким образом, обобщая все полученные данные, можно сделать вывод, что концепт DEUTSCHTUM имеет в немецкой прессе 20–21 веков высокую номинативную плотность, то есть данный фрагмент действительности детализован и имеет множественное вариативное обозначение. Это свидетельствует об актуальности данного концепта для немецкого общества.

Литература

Болдырев Н.Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: концепт как единица знания // Когнитивные исследования языка. Взаимодействие когнитивных и языковых структур. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2011. Вып. IX. С. 23–32.

Карасик В.И. О категориях лингвокультурологии // Языковая личность: проблемы коммуникативной деятельности. Волгоград, 2001. С. 7–14.

Краткий словарь когнитивных терминов. Сост. Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. М., 1997.

Wahrig G. Deutsches Wörterbuch. Mit einem "Lexikon der deutschen Sprache" / G. Wahrig. Neu hrsg. von Dr. Renate Wahrig-Burfeind. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 1997.

*Е.А. Кузмина (Тамбов, Россия)
Derzhavin Tambov State University*

THE ROLE OF THE CONCEPT 'DEUSCHTUM' IN THE DEVELOPMENT OF THE GERMAN STATEHOOD (ON THE MATERIAL OF GERMAN MEDIA TEXTS OF THE 20TH-21ST CENTURIES)

The article is devoted to the study of the development of the concept 'Deuschtum' in the German ethno-cultural consciousness during the 20th and 21st centuries and its role in the formation of the German statehood on the material of the German press. This concept is one of the fundamental concepts for the German ethno-cultural community, which is of particular importance as a constituent element of the German society. In addition, the article examines the origins of German nationalism and its connection with the idea of a special place for the German ethnos in world history.

Keywords: concept, Deuschtum, lexical unit, globalization, ethnic identity, ethnoculture, ethnos, Reich, german character.

*М.Г. Меркулова, Н.А. Тропина (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
merkulovamg@mgpu.ru, tropinana@mgpu.ru*

ПОЛЕМИКА С ДРАМАТУРГИЧЕСКИМИ УНИВЕРСАЛИЯМИ В ПЬЕСЕ МАРКА РАВЕНХИЛЛА «ФАУСТ МЕРТВ»: КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ

Статья посвящена вопросам полемики с драматургическими универсалиями в пьесе Марка Равенхилла «Фауст мертв» с позиции когнитивного литературоведения. В работе впервые вводится в научный оборот понятие «драматургические универсалии», а также обосновываются причины выбора описанных авторских стратегий.

Ключевые слова: когнитивное литературоведение, литературные универсалии, драматургические универсалии, концептуальная метафора, постмодернизм.

Когнитивное литературоведение получило свое развитие в начале 1980-х гг. в работах Р. Цура, Н. Холланда, Р. Де Богранда и др. Марк Тернер первым осознанно изложил концепцию когнитивного литературоведения в книге «Смерть – мать прекрасного: сознание, метафоры и критика» [Turner 1987]. В отечественном научном сообществе теорию когнитивного литературоведения активно развивают Е. В. Лозинская [Лозинская 2007; 2010] и И. А. Тарасова [Тарасова 2018].

Одним из центральных понятий когнитивного литературоведения выступают литературные универсалии, теорию которых предложил П. К. Хоган. Согласно исследователю, под литературными универсалиями понимаются такие свойства однотипных произведений, которые «встречаются в генетически не связанных и не влиявших друг на друга традициях с большей частотой, чем можно было бы предсказать, исходя из теории вероятности» [Hogan 2006]. Хоган выделяет некоторые литературные универсалии (ограничения на способы организации стиха и длину поэтической строки, прототипические сюжеты, системы конвенциональной образности и т. п.), а также классифицирует их как абсолютные и статистические [Там же].

Современным центром российского изучения литературных универсалий является Воронежский университет, в котором под руководством профессора А. А. Фаустова успешно осуществляется исследовательский проект «Универсалии русской литературы». Ученый создал классификацию универсалий, согласно которой выделил иконические (характерологические), индексальные (предметно-пространственные) и символические (модальные) универсалии [Фаустов 2009]. Отечественные литературоведы Н. Н. Старыгина и О. С. Березина ввели в научный контекст изучения литературных универсалий понятие «универсальные ситуации» [Старыгина, Березина 2015] – общие явления в жизни человека.

По аналогии с литературными универсалиями, на наш взгляд, для анализа современных пьес целесообразно ввести понятие «драматургические универсалии», которое мы рассмотрим с позиции когнитивного анализа пьесы Марка Равенхилла «Фауст мертв» (1997 г.). Под драматургическими универсалиями мы предлагаем понимать единство прежде всего родоопределяемых тактик и стратегий драматурга в генетически не связанных традициях, использующихся с целью воздействия на сознание читателя.

Предметом нашего размышления является содержащаяся в пьесе М. Равенхилла постмодернистская полемика с драматургическими универсалиями. Истоки полемики заключены в недоверии к универсалиям в постмодернизме вообще. Так, Ж.-Ф. Лиотар отмечает в качестве основной характеристики эпохи постмодернизма развенчание любых объяснительных систем прошлого и восприятие мира как хаоса [Welsch 2018]. В пьесе «Фауст мертв» полемика автора осуществлена на примере трансформации следующих драматургических универсалий: заглавие, композиция текста (единство действия, прием повтора), коллективный участник (хор).

Комментируя заглавие пьесы «Фауст мертв», мы можем отметить, что оно представляет собой концептуальную метафору (М. Джонсон, Дж. Лакофф [Лакофф, Джонсон 2004]), то есть комплекс проекций одной области концептуального опыта на другую [Лозинская 2010]. М. Равенхилл трансформирует заглавие произведения Гете «Фауст» таким образом, что читатель, еще не познакомившись с текстом пьесы, приходит к определенным выводам относительно содержания. Если Фауст Гете в конечном итоге спасает свою душу, несмотря

на совершенные им прегрешения, и отправляется в рай, то Фауст (главный персонаж Алан) Равенхилла призван ознаменовать смерть классического мифа о Фаусте: чтобы вернуться к реальности, Алану приходится пережить смерть. Алан выступает в роли как Фауста, так и Мефистофеля: с одной стороны, герой Равенхилла обладает большим знанием и размышляет над парадоксальными вопросами, с другой, интернет и современные технологии соблазняют его до такой степени, что он готов совершить даже самые жестокие поступки во имя знания.

В концептуальной метафоре «Фауст мертв» соединены также две основополагающие для европейской культуры аллюзии. В первую очередь, это высказывание Ф. Ницше «Бог мертв», которое связано с основополагающей идеей постмодернистской философии – смерть Бога [Ницше 1999], то есть отказ от идеи внешней причины и создание смысла жизни теми, кто эту жизнь проживает – Фаустом. Метафора «Фауст мертв» приводит нас к размышлениям о фаустовской культуре (О. Шпенглер), в соответствии с которой Фауст является архетипом западноевропейского человека.

Однако М. Равенхилл трансформирует данные философские идеи, соотносит их с современным состоянием общества, таким образом критикуя концепции гиперреальности и капитализма, процесс глобализации, подчеркивая кризис общества потребления. В названии пьесы драматург прибегает к своеобразному когнитивному приему «опрокинутой тележки с яблоками», знакомому по одноименной пьесе классика национальной драматургии Бернарда Шоу («The Apple Cart», 1928) [Меркулова 2018: 38]. Таким образом, заглавие пьесы М. Равенхилла «Фауст мертв» является парадоксальным, представляющим концептуальную метафору, раскрывающую смысл произведения на нескольких уровнях.

Следующей драматической универсалией выступает композиция пьесы. Текст состоит из 19 сцен одного акта. В отличие от традиционного способа построения внешней композиции драматургического произведения, пьеса М. Равенхилла не предполагает единства действия: в пределах одного акта драматург деконструирует театральное время и пространство. Такой прием отражает намерение писателя продемонстрировать способ моделирования виртуальной реальности. Как и в большинстве постмодернистских текстах, в данном произведении разрушаются линейные принципы функционирования действительности, а читатель, становясь невольным участником действия, утрачивает чувство подлинности в таком многомерном пространстве.

М. Равенхилл также нарушает единство действия с помощью приема повтора в сценах 2 и 11. Автор намеренно дублирует эпизод с интервью Алана ведущему ток-шоу Дэвиду Летерману, но не с целью усиления смыслового воздействия, а для подтверждения факта существования в условиях смешанной реальности – виртуальной и действительной. Во 2 сцене – это эпизод телевизионного ток-шоу, в 11 сцене – проигрывание того же эпизода на видеокассете. Так хронотоп пьесы иллюстрирует идею постмодернизма о признании

многомерности реальности. Следовательно, «Фауст мертв» – это монопьеса, трансформирующая драматургическую универсалию композиции одноактной пьесы, это скорее монтаж с целью усиления словесного и визуального влияния на реципиента.

Разрыв линейного течения времени, создание хаотичного пространства продолжается и в использовании М. Равенхиллом в качестве образа коллективного персонажа Хора, который является драматургической универсалией и восходит к античной традиции. Однако в отличие от античной драмы, Хор в пьесе выступает не как общественный голос или голос автора, а как образ современного театра, изображенный с целью привести еще больший хаос в сюжетную линию, расколоть единство повествования на более мелкие части, сделать и так насильственный мир персонажей еще более жестоким. Пьеса открывается партией Хора, который повествует от лица и словами ребенка о неправильно устроенном мире, где царит бесчеловечность. В ходе развития сюжета пьесы ребенок (Хор) вырастает и меняется согласно требованиям современного мира, выбирая симуляцию, а не реальность как таковую.

Таким образом, реплики Хора служат определенным фоном основных событий пьесы, раскрывая и поддерживая идею перехода человека в виртуальный, компьютерный мир. Помимо основных сюжетных линий пьесы – Донни и его виртуальная самоидентификация, Алан и его одержимость возможностью обретения знания с помощью Интернет-ресурсов, Пит и его восприятие реальности исключительно через компьютер и Интернет – М. Равенхилл дублирует проблему влияния цифровизации на развитие личности современного ребенка с помощью введения Хора. Данная стратегия писателя полемична с драматургической универсалией образа Хора и наилучшим образом отражает кризис современного общества эпохи постмодернизма.

В итоге мы пришли к выводу о том, что постмодернизм пьесы М. Равенхилла «Фауст мертв» базируется на открытой полемике с драматургическими универсалиями. Наиболее репрезентативными являясь следующие когнитивные стратегии драматурга: парадоксальность заглавия, отсутствие единства действия, повтор, введение Хора для раскрытия основной проблематики произведения и способа деконструкции времени и пространства.

Литература

- Козубовская Г.П. А.А. Фаустов и «универсалии» // Культура и текст. 2021. № 2 (45). С. 238–239.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / под ред. и с предисл. Баранова А.Н. М.: Едиториал УРСС, 2004.
- Лозинская Е.В. Когнитивное литературоведение: авторы, методы, перспективы // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnoe-literaturovedenie-avtory-metody-perspektivy>
- Лозинская Е.В. Литература как мышление: когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков. М.: ИНИОН РАН, 2007.
- Меркулова М.Г. Типология поздней драматургии Дж.Б. Шоу. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018.
- Ницше Ф. Веселая наука / пер. и коммент. К.А. Свасьяна. М.: ЭКСМО-Пресс, 1999.
- Старыгина Н.Н., Березина О.С. Универсальные ситуации как пример литературной универсалии (на материале романа Н.С. Лескова «На ножах») // Вестник Марийского государственного университета. 2015. № 5 (20). С. 88–92.

Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография. М.: ИНФРА-М, 2018.

Фаустов А.А. От ключевых слов к литературным универсалиям: несколько методологических соображений // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 7–11.

Чистюхин И. О драме и драматургии: учебное пособие. 2-е изд., исправл. СПб.: Издательство «Лань»; Изд-во «ПЛАНЕТА МУЗЫКИ», 2019.

Hogan P.C. What are literary universals? // Literary universals project. Palermo: Univ. of Palermo, 2006. URL: <http://litup.unipa.it/docs/whatr.htm>

Ravenhill M. Mark Ravenhill Plays: 1: Shopping and F***ing; Faust is Dead; Handbag; Some Explicit Polaroids (Contemporary Dramatists). London: Methuen Drama, 2007.

Turner M. Death is the mother of beauty: Mind, metaphors, and criticism. Chicago: Univ. of Chicago press, 1987.

Welsch W. Unsere Postmoderne Moderne. Berlin: Akademie Verlag, 2018.

*M.G. Merkulova, N.A. Tropina (Moscow, Russia)
Moscow City University*

POLEMIC WITH DRAMATURGICAL UNIVERSALS IN MARK RAVENHILL'S PLAY "FAUST IS DEAD": A COGNITIVE ASPECT

The article is devoted to the issues of polemics with dramaturgical universals in Mark Ravenhill's play "Faust is Dead" from the viewpoint of cognitive literary studies. The work introduces the concept of dramaturgical universals into scientific circulation for the first time. It also substantiates the reasons for choosing the described strategies of the author.

Key words: cognitive literary studies, literary universals, dramaturgical universals, conceptual metaphor, postmodernism.

*С.А. Москвичева, О.И. Александрова, А.С. Борисова (Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
moskvicheva-sa@rudn.ru, alexandrova-oi@rudn.ru, borisova-as@rudn.ru*

ФРЕЙМОВОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ПОЛЕЙ «РУССКАЯ КУЛЬТУРА» И «КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»¹

В статье представлена фреймовая структура концептуальных полей «Русская культура» и «Культура Российской Федерации». Первичный анализ эмпирического материала, полученного с помощью опроса 72 российских студентов РУДН, показал, что семантика поля «Русская культура» менее стереотипна и в большей степени опирается на опыт и переживания респондентов, а представляющие ее языковые единицы, как правило, являются синтагмами, а не изолированными номинациями.

Ключевые слова: структура репрезентации, лингвокультура, русская культура, культура Российской Федерации, концептуальное поле, фрейм.

¹ Исследование выполнено при поддержке темы № 056118-0-000 на базе Института современных языков, межкультурной коммуникации и миграций филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Введение. Целью данного исследования является структурно-семантический анализ представлений молодого поколения россиян о РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ (далее – РК) и КУЛЬТУРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (далее КРФ). Предполагается, что представления о русской культуре как культуре современного типа в большей степени связаны со стимулом "Российская Федерация" / "Россия". В фокусе исследования оказываются репрезентации концептуальных полей РК и КРФ, структура данных представлений, а также семантические и структурные различия исследуемых концептуальных полей.

Методология исследования. Эмпирическая часть исследования проводилась в апреле 2022 года. В нем приняло участие 72 студента филологического факультета РУДН в возрасте от 18 до 20 лет, из большинства регионов РФ. Респонденты были разделены на две группы: первой группе было предложено привести 10–15 слов или словосочетаний, которые, по их мнению, лучше всего характеризуют русскую культуру, второй группе – культуру РФ (методика списка репрезентаций). Полученный список репрезентаций составил основной корпус исследования. Более подробно общая методология исследования дана в нашей статье [Москвичева, Александрова, Эбзеева 2022]. В данной статье тезисно представлена часть результатов качественного анализа списка репрезентаций концептуальных полей РК и КРФ.

В теоретическом плане работа опирается на типологию и классификацию когнитивных единиц, предложенную в работах Н.Н. Болдырева [Болдырев 2000] и В.В. Красных [Красных 2016], используются теоретические конструкции фрейма [Fillmore 1982; Cienki 2007], идеализированной когнитивной модели [Lakoff 1987].

Обсуждение результатов.

1. После обработки материала опроса мы получили список из 198 оригинальных номинаций для РК и список из 95 – для КРФ. Полученные цифры говорят о высокой степени индивидуальности образа РК и более стереотипных представлениях о КРФ. Повторяемость номинаций у разных респондентов была незначительной.

2. В концептуальном поле РК преобладают номинации, выраженные атрибутивными синтагмами (60 %), в поле КРФ – однословные номинации (85 %). Основным, но не единственным, типом номинаций является конструкция ПРИЛ + СУЩ: *красивые храмы, деревянные игрушки, ржаное поле*, но могут быть более сложные конструкции типа *полуразрушенная церковь на холме*, *гергиевские ленточки на антеннах машин*, *пестрое кладбище на обочине дороги*. Отметим, что в поле КРФ все конструкции относятся к типу ПРИЛ + СУЩ, а 6 из 8 использованных прилагательных стереотипные и ожидаемые в данной ситуации *народный, национальный русский, советский, классическая/древнерусская*. В поле РК респондентами было использовано 49 оригинальных прилагательных. Наличие большого количества локализаторов, оценочных и уточняющих прилагательных (*ковер на стене, кружевная скатерть, большая дружная семья*) свидетельствует о более высокой степени апроприации,

переживании и реальности для информантов РК. КРФ оказывается в большей степени интеллектуальным конструктом. Для обсуждения специфики полей РК и КРФ обратимся к рис. 1.

Русская культура	Культура Российской Федерации
Люди	
Семья [дружная, большая], Люди [русские, приветливые, добрые, чуткие, которые всего-то готовы прийти на помощь], Народ [простой], Девушки [красивые, ухоженные (даже когда выходят за батоном)], Мужчины [+], Женщины [+], Бандиты, Богатыри, Крестьяне, Кубанские казаки, Славяне	Семья, Люди, Народы
Пространство и время	
Родина, Место, где я родилась, Страна [великая], Домашний очаг	Родина, Русификация, Победа, Герб, Гимн, Флаг
Местность [широкая], Просторы [русские], девяностые, Российская Империя, История	Простор, Москва, Питер, Красная Площадь, Кремль, Европа; *Война, История, Прошлое
Природа	
Рожь [поле ржаное] Береза Пшеница [поле пшеничное] Тополы [срубленные], Цветы [полевые], Медведь, Жаворонок, Пейзажи, Лес [березовый, безмерный], Тайга, Река (речка), Поле [пшеничное, ржаное], Солнце, Рассвет, Зима [суровая], Снег, Погода хмурая, "переменчивая"	Ромашка Кони Поле, река
Среда жизнедеятельности	
Достопримечательности, Памятники архитектуры, Дороги, Кладбище пестрое на обочине дороги, Церковь [полуразрушенная, на холме], Храмы [красивые], Купола, Заброшки, Электрички, Деревня	Высотки, Церкви, Памятники архитектуры
Города [красивые]: Детские площадки, Карта "Тройка", Лабиринты панельных домов, Многоэтажки, Университеты [лучшие], Хрущевки	
Дом, Красный угол, Очаг домашний, Баня, Ковер [на стене], Потолки [натяжные], Игрушки [деревянные], Самовар, Ска-терть [кружевная], Балалайка, Чайник	Самовар
Блины [блинчики], Блюда, Водка, Икра, Куличи пасхальные, Оливье, Салат с майонезом, Самогон, Чай, Яйца [крашеные]	Блины, *Кухня, Блюда [национальные], Борщ
Ботинок [в грязи], Валенки, Кокошник, Костюм народный, Платок [оренбургский], Рубахи, Сарафан	Костюмы (национальные) Платок, Сарафан
Искусство	
Литература (классическая), Проза, народные сказки Писатели (Достоевский), Поэты (Борис Рыжий, Лермонтов, *Ломоносов, Маяковский, Пушкин)	Искусство, Литература [классическая], Поэзия, Фольклор, Книги, «Война м мир» Л. Толстого, Достоевский, Шолохов
Музыка: Песни (народные), частушки, Инструменты [струнные/народные], Глинка, Чайковский	Музыка: Опера, Хор, Русские композиторы (Чайковский, Глинка, Прокофьев)
	Музеи, Музей танков, Эрмитаж, Большой театр, Современное уличное искусство
Танец, Балет, Пляски, "Барыня", Хороводы	Русские народные танцы, Балет
Театр	Театр, (Сергей Безруков), Большой театр, Кино [советское], Мультфильмы
Живопись: Художники (Айвазовский, Васнецов, Врубель, Крамской, Рублев, Шишкин)	Картины, Плакаты, Айвазовский

Рис. 1. Фрейм (фрагмент) РУССКАЯ КУЛЬТУРА и КУЛЬТУРА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3. Мы предлагаем представить структуру когнитивного поля РК и КРФ в виде фрейма, в котором активными и доступными наблюдению оказываются слоты, заполненные языковыми единицами, взятыми из нашего корпуса. Заполненные слоты показывают, что респонденты готовы считать КУЛЬТУРОЙ и, таким образом, позволяют определить границы когнитивного поля КУЛЬТУРА. В понятие культуры входят субъекты (ЛЮДИ), поле культуры вписывается во временные и пространственные рамки (ПРОСТРАНСТВО/ВРЕМЯ), заполненными оказываются слоты ПРИРОДА, СРЕДА ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ (ГОРОД, ДОМ, ЕДА, ОДЕЖДА), ЗАНЯТИЯ, ИСКУССТВО и РЕЛИГИЯ. Данные слоты заполнены в поле РК и КРФ, однако, плотность поля РК выше.

4. В поле РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ практически незаполненными оказались слоты, связанные с наукой ЛОМОНОСОВ (1) (Цифра в круглых скобках после названия репрезентации указывает на частотность номинации в корпусе), войной и военными действиями (ВОЙНЫ (2), ПОБЕДА (1), МУЗЕЙ ТАНКОВ (1) – все в поле КРФ), общественно-политической деятельностью (ЛЕНИН (1)). Практически не представлен СПОРТ, нет слота ОСВОЕНИЕ КОСМОСА.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Когнитивная семантика. Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2000.
Красных В.В. Словарь и грамматика лингвокультуры; Основы психолингвокультурологии. М.: Гнозис: 2016.
Москвичева С.А., Александрова О.И., Эбзеева Ю.Н. Фольклорные культуремы и структура культурных репрезентаций тувинцев // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. С. 164–182.
Cienki A. Frames, idealized cognitive models and domains // Greeraerts D. and Cuyckens H. (eds.). The Oxford Handbook of Cognitive linguistics. NY: Oxford University Press, 2007.
Fillmore Ch. Frame Semantics // Linguistics in the Morning Calm: Selected Papers from the SICOL-1981. Seoul: Hanship, 1982. P. 111–137.
Lakoff G. Women, fire, and dangerous thing: What categories reveal about the mind. Chicago: University of Chicago Press, 1987.

S.A. Moskvitcheva, O.I. Aleksandrova, A.S. Borissova (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia

FRAMES OF CONCEPTUAL FIELDS "RUSSIAN CULTURE" AND "CULTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION"

The article presents the frame structure of the conceptual fields "Russian culture" and "Culture of the Russian Federation". The primary analysis of the empirical data collected through a survey of 72 Russian RUDN students showed that the semantics of the "Russian culture" field is less stereotyped and relies more on the experience and feelings of the respondents. The linguistic units representing it, as a rule, are syntagmas, and not isolated nominations.

Key words: representation structure, linguistic culture, Russian culture, culture of the Russian Federation, conceptual field, frame.

Т.Е. Петрова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
t.e.petrova@spbu.edu

А.Е. Михеева (Оснабрюк, Германия)
Университет Оснабрюка
anna.mkh@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ РАЗНЫХ ТИПОВ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЫ¹

В статье на основе анализа ключевых слов к тексту рассматривается эффективность использования языковой игры в поликодовых плакатах социальной рекламы. Показано, что наличие языковой игры в слогане приводит к актуализации большего числа ключевых слов текста в сознании носителей русского языка, а тематика социальной рекламы оказывает значимое влияние на субъективные оценки респондентов при восприятии плаката.

Ключевые слова: поликодовый текст, восприятие текста, социальная реклама, языковая игра.

За последние несколько лет интерес исследователей к изучению поликодовых (текст + картинка) и мультимодальных (визуальный компонент + аудио компонент) текстов возрос. Появилось множество работ, посвященных проблемам обработки вербального и невербального компонентов [Вашунина 2009, Петрова и др. 2017], изучению отличий в восприятии текста и изображения, изучению особенностей рекламных текстов [Анисимова 2003].

Эффективным способом создания привлекательного и запоминающегося поликодового текста считается использование языковой игры (сравнений, метафор, риторических вопросов, перифраз, градации, гипербол) как преднамеренного нарушения языковых норм и речевых клише. Показано, что тип рекламируемого продукта тоже влияет на процесс восприятия рекламы людьми [Коновалова и др. 2021].

Цель данного исследования – изучение влияния приемов языковой игры (далее ЯИ) в тексте социальной (общественной, некоммерческой) рекламы на ее восприятие носителями русского языка.

Материалом исследования послужили 30 поликодовых плакатов социальной рекламы, размещенные в Санкт-Петербурге с 2020 по 2022 год, содержащие элементы того или иного вида ЯИ. Все плакаты были разделены по пяти тематикам, которые условно можно обозначить как «Вождение» (например, *Велосипедист! На пешеходном переходе двигайся только пешком*), «Дети» (например, *Весь в няню? Проводите больше времени с детьми*), «Коронавирус» (например, *Помоги нам спасти жизнь*), «Наркотики» (например, *Не возвращайся к токсичным отношениям с сигаретой*), «Экология» (например, *Эко-сумка вместо 1000 пластиковых пакетов*). В каждую тематическую группу

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 21-18-00429 «Когнитивные механизмы обработки мультимодальной информации: тип текста и тип реципиента».

было включено 6 плакатов. Далее для каждого из 30 плакатов с помощью программы Figma была создана пара без ЯИ. Стимульный материал представлен по ссылке на Google диск (https://drive.google.com/drive/folders/1zE9TEJbWF-UAjEWWvo5jFO8FInh_N3Rbf?usp=sharing)

На базе Google Forms было создано 2 протокола опроса, которые распространялись с помощью социальных сетей. Респондентам предлагалось написать наборы из 5-7 ключевых слов для каждого из 30 представленных плакатов, 15 из которых содержали приемы ЯИ, а 15 – нет. Также участникам предлагалось оценить плакаты по шкале от 1 до 5 по двум параметрам: привлекательность (*Насколько Вам нравится данный плакат?*), и актуальность (*Насколько данная реклама актуальна на сегодняшний день?*).

В эксперименте приняли участие 50 человек (12 мужчин и 38 женщин в возрасте от 16 до 52 лет).

В ходе эксперимента от респондентов было получено 8638 ключевых слов для 60 плакатов. Эта часть данных была обработана следующим образом: исключались служебные части речи, ключевые слова сводились к словарной форме (*переходят – переходить*), объединялись однокоренные слова (*ответственный – ответственность*), словосочетания делились на слова, входящие в них (*социальная реклама – социальная и реклама*), словосочетания «существительное + числительное» сводились к существительному (*5 метров – метры*), аббревиатуры считались за одно слово (*ПДД*). После обработки было получено 7983 ключевых слова, из которых количество разных ключевых слов составило 2884 слова. По результатам эксперимента для каждого из 60 плакатов был выявлен истинный набор ключевых слов (НКС), в который вошли слова, имеющие наибольшую частоту индексирования, а именно, те, которые встретились в ответах не менее 30% респондентов. Количество ключевых слов в наборах варьировалось от 4 до 8. Затем слова из истинных НКС для каждого плаката были проанализированы и распределены на 3 группы, в зависимости от того, к какой части плаката они относились: к тексту, к картинке или к ассоциации. В последнюю группу входили те ключевые слова, которые не соответствовали ни тексту рекламы, ни иллюстрации на рекламном плакате. В случае, если слово можно было отнести к нескольким группам, оно учитывалось в каждой группе по одному разу. Далее каждый из плакатов был проанализирован по следующим параметрам: критерий наличия ЯИ, общее количество ключевых слов к плакату, процент разных ключевых слов, частотность самого индексируемого ключевого слова, а также количество ключевых слов, относившихся к тексту, иллюстрации и ассоциации.

Статистическая обработка полученных данных позволила: 1) подтвердить гипотезу о том, что респонденты выделяют больше ключевых слов к плакатам с включенной в них ЯИ, чем к плакатам, не содержащих ЯИ; 2) показать, что вне зависимости от наличия в слогане плаката ЯИ при восприятии социальной рекламы респонденты значительно больше внимания уделяют тексту, а не картинке, так как большая часть ключевых слов относилась именно к вербальной

составляющей плаката (p -value = 0.002 для плакатов с ЯИ, p -value = 0.0005 для плакатов без ЯИ); 3) опровергнуть гипотезу о влиянии наличия ЯИ в плакате на бóльшую вариативность ответов респондентов при выделении ключевых слов к плакату, то есть на бóльшую вариативность интерпретации содержания плаката; 4) частично подтвердить гипотезу о том, что согласованность ответов участников в выделении КС (респонденты чаще обращали внимание на одни и те же компоненты плакатов и выражали их в своих наборах ключевых слов) зависит от тематики социальной рекламы: значимые различия наблюдаются между значениями согласованности оценок тематик «Дети» и «Наркотики» (p -value = 0.005), «Коронавирус» и «Дети» (p -value = 0.048), на уровне тенденции можно говорить о различиях между восприятием плакатов из групп «Вождение» и «Дети». Наибольший процент согласия был достигнут в тематике «Наркотики». То есть острые социальные проблемы общества, вызывающие негативные эмоции у населения, приводят к более согласованной оценке содержания плаката. В то же время позитивные по тематике плакаты (группы «Дети» или «Экология») оцениваются респондентами менее однозначно.

Оценка плакатов по критериям актуальности и привлекательности проводилась с помощью методики семантического дифференциала отдельно для каждого критерия на основе вычисления медиан (Me) – усредненных субъективных оценок по всей группе информантов.

В ходе анализа критерия актуальности было обнаружено, что для 49 из 60 плакатов согласованность оценок респондентов была ниже средней, таким образом, участники очень по-разному оценивали актуальность и частоту встречаемости на улицах города того или иного плаката, тематика плаката в данном случае не являлась значимым фактором.

Анализ по критерию привлекательности плаката выявил высокое согласие оценок респондентов для большей части стимулов (46 из 60 плакатов). Среднее значение привлекательности для всех плакатов составило 3,81. Таким образом, плакаты социальной рекламы по пятибалльной шкале оцениваются как весьма привлекательные, следовательно, носители русского языка в целом положительно относятся к текстам социальной рекламы. Исходная гипотеза о том, что плакаты, содержащие в себе ЯИ, считаются более привлекательными, чем плакаты без ЯИ, не подтвердилась ($p = 0.459$), то есть наличие ЯИ не является значимым фактором при оценке привлекательности плакатов социальной рекламы.

Далее с помощью теста Манна-Уитни был выполнен расчет значимости различий между отдельными тематическими группами плакатов. Из 10 проведенных попарных тестов только 4 из них показали значимые различия (p -value = 0.008, p -value = 0.001, p -value = 0.001, p -value = 0.031). Только плакаты социальной рекламы на тему «Экология» выделяются респондентами как значимо более привлекательные. Среди остальных четырех тематик значимых различий обнаружено не было. Несмотря на негативные комментарии респондентов к плакатам тематики «Наркотики», данные плакаты сами по себе не выделяются как наиболее непривлекательные.

Таким образом, в ходе проведенного исследования было доказано:

- социальная реклама разных тематических групп («Вождение», «Дети», «Коронавирус», «Наркотики», «Экология») в 2020–2022 годах была одинаково часто представлена на улицах города; не выявлено значимости влияния фактора «Актуальность плаката» при оценке согласованности ответов респондентов;
- наличие в слогане рекламы ЯИ как вербального средства воздействия на потребителя приводит к максимальному увеличению количества смыслов (большому количеству выделенных КС) при оценке содержания плаката;
- при оценке содержательной стороны плаката (вне зависимости от наличия приемов ЯИ в нем и тематики рекламы) зритель обращает большее внимание на вербальную составляющую, а именно, на текст;
- наличие ЯИ не влияет на субъективные оценки привлекательности и актуальности плакатов разных тематических групп, но приводит к большей согласованности ответов респондентов;
- тематика социальной рекламы является значимым фактором при оценке плакатов респондентами. Плакаты, поднимающие проблемы экологии, оцениваются как наиболее привлекательные.

Литература

- Анисимова Е.Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. М.: Academia, 2003.
- Вашинина И.В.* Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста: дис. д-ра филол. наук. М., 2009.
- Коновалова А.А., Петрова Т.Е., Беспалова К.В., Митина А.В.* Оценка рекламных плакатов подростками и взрослыми: психолингвистическое исследование на материале русского языка // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 358–362.
- Петрова Т.Е., Риехакайнен Е.И., Кузнецова А.С., Мараев А.В., Шаталов М.А.* Выделение ключевых слов в вербальных и невербальных паттернах // Социо- и психолингвистические исследования. 2017. № 5. С. 149–156.

T.E. Petrova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University,
M.E. Mikheeva (Osnabrück, Germany)
Osnabrück University

PROCESSING OF DIFFERENT TYPES OF SOCIAL ADVERTISING

The paper examines the effectiveness of using language game in polycode social advertising posters based on the analysis of keywords of a text. It is shown that language game in a slogan leads to the actualization of a larger number of key words of the text in the minds of native Russian speakers, and the subject of social advertising has a significant impact on the subjective assessments of respondents when perceiving the posters.

Key words: polycode text, text perception, social advertising, language game, key words.

Т.И. Петухова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
t.petuhova@spbu.ru

СОЦРЕАЛИЗМ VS ИМПРЕССИОНИЗМ: КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ СРАВНЕНИЯ И ОЦЕНОЧНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ¹

В статье рассматриваются аспекты оценочной интерпретации советского изобразительного искусства, которые находят языковую актуализацию в англоязычном искусствоведческом дискурсе в контексте сравнения соцреализма с живописью импрессионизма. Анализируются когнитивные основания сравнения и оценки, выявляются значимые тенденции, которые демонстрируют установление межкультурных связей и трансформацию оппозиции «свой-чужой» в зарубежном искусствоведческом дискурсе о соцреализме.

Ключевые слова: англоязычный искусствоведческий дискурс, советское изобразительное искусство, сравнение, когнитивное основание, оценочная интерпретация, межкультурные связи.

Характер оценки произведения искусства в большой степени обусловлен способностью искусствоведа определить его место в общей системе координат, определяющей направление развития национального и мирового искусства в каждый конкретный период времени и в динамике развития художественных традиций. Изучение произведения искусства с учетом культурно-исторического, социально-политического и идеологического контекста позволяет наиболее полно выявить его семиотическую составляющую, доминантные ценностные смыслы, определить концептуальное содержание произведения сквозь призму межкультурной парадигмы, а также проанализировать полиаспектное взаимодействие концептуальных систем представителей разных культур [Петухова, Хомякова 2020].

Изобразительное искусство соцреализма, каким бы чуждым на первый взгляд оно не казалось западноевропейскому зрителю, вместе с тем нередко анализируется зарубежными экспертами с точки зрения выявления его связи с различными направлениями в мировом искусстве, интерпретации как его содержательной составляющей, так и применяемых художниками методов в сопоставлении с известными и снискавшими мировую славу художественными течениями. Так, например, такие признаки как «визуальное впечатление», «наполненная светом атмосфера» выступают в роли когнитивного основания сравнения творчества художников соцреализма с импрессионизмом:

(1) *Paradoxically, even at the height of socialist realism, from the mid-1930s to the 1950s, impressionist landscape painting became an outlet for artists who wanted to explore visual sensations but also make sure that their work embodied national*

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00276.

qualities: narodnost' or national character was a defining element for Soviet art (Hilton A.).

Американский искусствовед Элисон Хилтон, анализируя произведения периода классического соцреализма, характеризует пейзажи некоторых советских художников как импрессионистические, актуализируя свойственный импрессионизму признак *visual sensations*. Вместе с тем, важным для зарубежного эксперта остается выявление отличительных черт советского искусства, и такие признаки как *narodnost'* и *national character* играют важную роль в его оценочной интерпретации.

Если для пейзажа применение техники импрессионизма является вполне естественным, то использование ее для изображения фабрик, колхозов и дамб кажется Э. Хилтон удивительным:

(2) *More surprising was the use of an impressionist manner for depictions of factories, dams, and collective farms. Gerasimov's Holiday on the Kolkhoz demonstrated the capacity of vigorous brushstrokes, light-filled atmosphere, and natural poses and groupings of figures to communicate a spirit of optimism and enthusiasm about Soviet life. While recognizing the attraction of such scenes, writers rejected the foreign designation impressionism, and instead used the term plener (the Russian transliteration of plein air), and most artists avoided the extremes of both the intensely optical treatment of forms and colors characteristic of Claude Monet or the structural shifts associated with Cezanne* (Hilton A.).

Когнитивным основанием сравнения и оценочной интерпретации картины С.В. Герасимова «Колхозный праздник» (1937 г.) выступают с одной стороны такие характерные для импрессионизма признаки как *the capacity of vigorous brushstrokes, light-filled atmosphere, a, с другой стороны, свойственные соцреализму дух оптимизма и энтузиазма (a spirit of optimism and enthusiasm about Soviet life)*. Вместе с тем эксперт отмечает, что сам термин импрессионизм отвергался на официальном уровне, и художники старались избегать характерных для известных художников-импрессионистов техник.

Верн Свенсон, известный американский эксперт, открывший советское изобразительное искусство американскому зрителю, вводит термин *Soviet Impressionism*. В. Свенсон находит общие черты, которые объединяют работы советских мастеров с творчеством французских и американских художников XIX – начала XX в., которые работали в рамках других направлений в изобразительном искусстве, а также обнаруживает связи советской живописи с картинами русских художников предыдущих поколений, чьи творческие методы оказали несомненное влияние на работы художников соцреализма. Анализируя советскую живопись 50-х – 60-х гг. XX в., искусствовед находит в ней импрессионистические черты, выделяя вместе с тем отличия советского и французского импрессионизма:

(3) *What had developed was not Impressionism as prescribed from Paris, but rather it was a working class, muscular Impressionism more in keeping with that of Jules Bastien-Lepage, Georges Laugee, John S. Sargent and their Russian*

counterparts, Valentine Serov, K. Korovin and S.A. Vinogradov. **Unlike the detached objectivity of the French, the Soviet artist thoroughly engaged the subject, the viewer and most of all himself, in the work at hand** (Swanson V.).

Сравнение-различие представлено в тексте на грамматическом уровне при помощи конструкции *was not ... but rather*, а также при помощи использования предлога *unlike* и актуализации концептуального противопоставления, представленного на языковом уровне оппозицией, которая объективируется словосочетаниями *detached objectivity* и *thoroughly engaged*. В отличии от отстраненной объективности французских импрессионистов, творчество советских художников характеризуется стремлением установить тесную связь между изображаемым объектом, зрителем и самим художником, все они оказываются вовлеченными в социально и культурно значимый полилог. В. Свенсон интерпретирует картины советских мастеров как импрессионизм рабочего класса (*a working class, muscular Impressionism*), тем самым актуализируя такие его признаки как «народность», «мускулиность» и «социальность».

Американский эксперт дает высокую оценку работам советских художников, выполненных в русле выделяемого им импрессионизма рабочего класса:

(4) *The work sometimes married the lyrical and intimate, while at the same time keeping sentimentalism and compromise at bay. Fodor Shapaev's compelling Young Pioneer at the Door is a prime example of how the artist could use industrial strength technique while expressing a heart warming incident* (Swanson V.).

По мнению В. Свенсона, умение художника репрезентировать милый художественный образ советской школьницы, вместе с тем избегая сентиментальности, способность мастера сочетать лиричность сюжета и динамичную технику изображения позволяют создать произведение, которое, с одной стороны, имеет импрессионистические черты, а с другой – обладает самобытностью и оригинальностью, характерной для живописи соцреализма.

Отмечая значимость импрессионизма и его роль в творчестве советских художников, зарубежные эксперты при оценочной интерпретации созданных ими картин характеризуют отношения между импрессионизмом и соцреализмом как диалог:

(5) *The survival and evolution of impressionism in various guises, from the height of Soviet socialist realism to the end of the Soviet era, testifies to its tremendous vitality and adaptability, given the hostile official attitude and a lack of reliable models or information about either French or Russian impressionism for decades. Recognizing the tenacity of impressionism does not, however, call for a wholesale reinterpretation of prominent Soviet artists as impressionists. Sergey Gerasimov, Pimenov, and Plastov did engage in productive dialogue with impressionism, but they are indisputably socialist realist artists. They used impressionist techniques to convey a sense of immediacy and engagement with their subject matter* (Hilton A.).

Элисон Хилтон оценивает диалог советских художников – соцреалистов с импрессионизмом как продуктивный, несмотря на официальное неприятие это направления в советском искусстве. Вместе с тем она отмечает, что даже те

художники, которые применяли характерные для импрессионизма техники, оставались, тем не менее, прежде всего представителями соцреализма и старались следовать установленным идеологическим канонам.

Таким образом, сравнение официального советского изобразительного искусства с импрессионизмом и оценочная интерпретация созданных советскими художниками работ играют важную роль в англоязычном искусствоведческом дискурсе о соцреализме. Очевидно, что зарубежные эксперты, признавая отличительные черты советского искусства, стремятся рассматривать его в широком культурном контексте, учитывая западноевропейские подходы и традиции в искусстве, и устанавливая тем самым межкультурные связи. Анализ языковой репрезентации признаков, которые выступают когнитивной основой сравнения, позволяет выявить специфику оценочной интерпретации советского изобразительного искусства в англоязычном искусствоведческом тексте. Важным также представляется подчеркнуть, что искусствоведческий дискурс нередко демонстрирует нам функционирование оппозиции «свой – чужой». Как отмечают современные исследователи, эта оппозиция в искусстве не является чем-то раз и навсегда устоявшимся, а представляет собой динамично функционирующую структуру. Анализируя тексты западных экспертов о советском соцреализме, мы зачастую являемся свидетелями трансформации оппозиции «свой-чужой» в оппозицию «свой-другой», что позволяет раскрыть новые грани взаимопроникновения культур.

Литература

Петухова Т.И., Хомякова Е.Г. Новое знание и биполярность оценочной интерпретации изобразительного искусства соцреализма в англоязычном искусствоведческом дискурсе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. С. 53–63.

Hilton A. Holiday on the Kolkhoz / Russian Art and the West. A Century of Dialogue in Painting, Architecture, and the Decorative Arts / Ed. by Rosalind P. Blakesley and Susan E. Reid. Northern Illinois University Press. 2007.

Swanson V. Hidden Treasures: Russian and Soviet Impressionism 1930–1970 s. USA: FFCA Publishing Company. 1994.

T.I. Petukhova (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

SOCIALIST REALISM VS IMPRESSIONISM: COGNITIVE BASES OF COMPARISON AND EVALUATING INTERPRETATION IN THE ANGLOPHONE ART DISCOURSE

The article deals with the aspects of evaluative interpretation of Soviet fine art, which find linguistic representation in the Anglophone art discourse in the context of comparison of Socialist Realism with the Impressionism painting. The cognitive bases of comparison and evaluation are analyzed, and significant trends are identified, which demonstrate the establishment of meaningful intercultural relations and the transformation of the opposition "friend-or-foe" in the foreign art discourse on Socialist Realism.

Key words: Anglophone art discourse, cognitive context, Soviet fine art, comparison, cognitive base, evaluative interpretation, intercultural relations.

*Е.М. Позднякова (Москва, Россия)
Московский государственный институт
международных отношений (университет) МИД РФ
helenpozdnuyakova@yandex.ru*

*Е.В. Суворина (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
SuvorinaEV@mgpu.ru*

ПРИМЕНЕНИЕ СИСТЕМЫ LANCSBOX В КОГНИТИВНО-КОРПУСНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье представлено краткое описание возможностей нового корпусного менеджера LancsBox 6.0 для решения задач когнитивной лингвистики средствами анализа корпусов естественного языка. Система LancsBox предназначена для автономной работы как с существующими, так и самостоятельно созданными корпусами, обеспечивая лингвистов универсальным программно-статистическим аппаратом для анализа лингвистических данных.

Ключевые слова: корпус, коллокации, LancsBox, семантические сети, N-граммы.

Современные исследования по когнитивной лингвистике практически полностью стали основываться на использовании методов корпусной лингвистики. Этот успех основан на объективности и воспроизводимости результатов, а также получении математически корректных статистических оценок значимости результатов с помощью корпусных менеджеров.

Первое поколение корпусных менеджеров было представлено системой BNCWeb для работы с Британским национальным корпусом, сформированным до 1996 года [Hoffmann et al., 2008], [Суворина 2011]. Второе поколение менеджеров представлено корпусом COCA [<https://www.english-corpora.org/>]. К настоящему времени последний ресурс представляет доступ к 16 разным корпусам английского языка с единым языком запросов и возможностями обработки.

Основной характеристикой корпусных менеджеров первого и второго поколения являются: ограниченность математических и статистических методов анализа первичных результатов, получаемых при обработке запросов к корпусу; жесткая привязка к существующим (подключенным) корпусам; отсутствие средств графического представления полученных результатов.

Первое поколение корпусных менеджеров позволяло автоматически генерировать текстовые фрагменты KWIC-типа (Key Word in Context) для дальнейшей ручной обработки. Автоматизация заключалась в возможности выбора сечений корпуса по гендеру, возрасту, типу источника и т. д. Единственный доступный вид статистического анализа заключался в отборе коллокатов заданной лексической формы с использованием как первичных данных по частотности (включая относительную) употребления, так и с использованием статистических критериев близости (критерий взаимной информации, критерий максимума правдоподобия и др.).

В менеджере второго поколения был расширен перечень доступных статистических критериев, добавлена возможность выбора сечения корпуса английского языка по стране (американский, британский, австралийский, индийский и др.), появилась возможность поиска коллокатов для фраз. Последняя доступная версия менеджера СОСА предоставила возможность расчета двухходовых таблиц для анализа пар коллокатов, являющихся готовым исходным материалом для проведения двухфакторного дисперсионного анализа.

В настоящее время исследователям стала доступна последняя версия корпусного менеджера LancsBox 6.0 [<http://corpora.lancs.ac.uk/lancsbox/>] [Brezina et al. 2021]. Его основные достоинства заключаются в следующем. Во-первых, LancsBox – полностью off-line система, работа с которой может вестись без доступа к сети Интернет. Во-вторых, она позволяет работать как с существующими корпусами, так и с собственными, авторскими, созданными для решения конкретной задачи когнитивной лингвистики по конкретным источникам текстовой информации. В-третьих, система обладает возможностями графического представления результатов в виде коллокационных графов и семантических сетей [Brezina et al. 2015; Brezina, 2018]. В-четвертых, менеджер LancsBox позволяет выполнять пакетную (batch) обработку сложных запросов с автоматической генерацией текста отчета о работе, содержащем все полученные результаты в формате Microsoft Word. Для диахронического анализа данных система предоставляет возможность построения N-Grams [Суворина 2018] регулируемой ширины с расчетом собственных частот и дисперсий встречаемости.

В базовой конфигурации в менеджере LancsBox доступны следующие корпуса:

- American English 2006 (written, newspapers, fiction, academic writing, general prose) [Pots & Baker 2012];
- British English 2006 (written, newspapers, fiction, academic writing, general prose) [Baker 2009];
- British National Corpus 2014: Business subcorpus (2014–2016, written, Financial reports) [BNC2014 Business, version 1 (2019). Distributed by Lancaster University, available via #LancsBox <http://corpora.lancs.ac.uk/lancsbox/>]
- Spoken British National Corpus 2014 [Love et al. 2017].

Также в базовой конфигурации представлены корпуса, созданные из произведений Дж. Остин, В. Шекспира, Ч. Диккенса, А.К. Дойля.

Опционально возможно скачивание и использование корпусов, представленных в табл. 1.

Скачивание необходимого корпуса производится однократно, вся дальнейшая работа с корпусом производится в системе на локальном компьютере. В рамках университета возможно размещение корпуса на сервере с доступом к нему по локальной сети со стандартной адресацией, предоставляемой операционными системами Windows или Linux.

Даже простое ознакомление с перечнем, представленным в табл. 1, показывает, насколько широкий круг задач современной лингвистики может быть решен с использованием современного корпусного менеджера LancsBox.

Корпуса, доступные для работы в системе LancsBox

Корпус	Язык	Период	Тип	Источники	Объем (млн слов)
American National Corpus	American English	1998–2015	written and spoken	newspapers, fiction, academic writing, informal speech	22
Anthology Reference Corpus	British English	1960s–2007	written	conference and journal papers in natural language processing and computational linguistics	62
Australian Corpus of English	Australian English	1960s	written	newspapers, magazines, fiction, academic texts, government documents	1
Brexit corpus	English	2016	written	web, blogs, newspapers, forums, Twitter posts	108
British Academic Spoken English corpus	British English	1999–2005	spoken	university seminars and lectures	1.6
British Academic Written English Corpus	British English	2004–2007	written	assessed student writing	6,5
British Law Report Corpus	British English	2008–2010	written	legal texts	8.5
British National Corpus 1994	British English	1960–1994	written and spoken	newspapers, fiction, academic writing, informal speech	100
Cambridge Academic English Corpus	US and UK English	–	written and spoken	lectures, seminars, essays, textbooks, presentations	3,1
CHILD English	US and UK English	–	spoken	child language	--
Corpus of Late Modern English prose	English	1837–1926	written	letters	0,1
Corpus of the English Web	English	–	written	webpages	3268
EcoLexicon English Corpus	English	–	written	environmental texts	23.1
Hansard Corpus	British English	1803–2005	spoken	parliament speeches + semantic annotations	1600

Литература

Суворина Е.В. Использование сетевого программного обеспечения BNCWEB при описании лингво-когнитивных особенностей слов «emotion» и «feeling» в современном английском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 1. С. 73–79.

Суворина Е.В. Применение Google N-grams в когнитивных исследованиях // Три «Л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика. М.: Диона, 2018. С. 67–70.

Baker P. The BE06 Corpus of British English and recent language change. *International journal of corpus linguistics*, 2009. 14(3). P. 312–337.

Brezina, V., McEnery, T. & Wattam, S. Collocations in context: A new perspective on collocation networks. *International Journal of Corpus Linguistics*, 2015. 20(2). P. 139–173.

Brezina V. *Statistics in corpus linguistics: A practical guide*. Cambridge: Cambridge University Press. 2018.

Brezina, V., Weill-Tessier, P., & McEnery, A. #LancsBox v. 6.x. [software package] 2021.

Hoffmann S., et al. *Corpus Linguistics with BNCweb – a Practical Guide*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2008.

Love R., Demby C., Hardie, A., Brezina V., & McEnery, T. (2017). The spoken BNC2014. *International Journal of Corpus Linguistics*, 22(3). P. 319–344.

Potts A., & Baker P. Does semantic tagging identify cultural change in British and American English? // *International Journal of Corpus Linguistics*, 2012. 17(3). P. 295–324.

*E.M. Pozdnyakova (Moscow, Russia)
Moscow State Institute of International Relations (University)*

*E.V. Suvorina (Moscow, Russia)
Moscow City University*

LANCSBOX SYSTEM IN COGNITIVE CORPUS-BASED STUDY

The article presents in brief the power of the new corpus manager LancsBox 6.0 to study the problems in cognitive linguistics within corpus-based framework. The LancsBox allows an offline job with existing and self-made corpora. It provides a single framework for linguistic data analysis.

Key words: corpus, collocations, LancsBox, semantic network, N-grams.

*Е.Б. Рябых, В.О. Татаринова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.П. Державина
ekaterina_ryabykh@mail.ru*

ИЗУЧЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ВИЗУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ, ВОПРОСОВ ЕЁ КОРРЕЛЯЦИИ С ВЕРБАЛЬНОЙ МЕТАФОРой И ИХ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА¹

В рамках проведенного исследования изучены ключевые вопросы, связанные со спецификой функционирования визуальной метафоры как промежуточного трансфера накопленного опыта и знаний, ключевые вопросы её корреляции с вербальной метафорой, а также их интерпретирующий потенциал. На примере корреляции с визуальными метафорами доказано, что образные метафоры могут помочь активировать иные концептуальные (структурно-концептуальные) метафоры. Определено, что метафорическая интерпретация мира скорее относительна, чем абсолютна, так как ее

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372) в Тамбовском государственном университете имени Г.П. Державина.

необходимо рассматривать с точки зрения культурного контекста, принимая во внимание культуры, которые используют метафору, а также более широкие контексты этих культур.

Ключевые слова: вербальная метафора, визуальная метафора, концептуальная метафора, образная метафора, структурная метафора, интерпретация, идентификация, культурное сито.

Концептуальная метафора в когнитивной лингвистике понимается как отображение между двумя концептуальными областями, где свойства из одной области (источника) переносятся в другую область (мишень), при этом основная нагрузка метафорического моделирования целевой области ложится на исходную область, что чаще основано на общности эмпирического опыта, разделяемого большей частью людей. Эмпирический опыт напрямую связан с мотивацией и теорией воплощённого познания, предполагающей, что когнитивные процессы необходимо рассматривать в их непосредственной взаимосвязи с физическим телом, взаимодействующим с окружающей средой [см., например, Johnson 1997]. Основываясь на данной теории, можно утверждать, что между чувственно-моторным опытом, поведенческими и эмоциональными реакциями, сознательным / бессознательным процессом принятия решений существует сложная взаимосвязь. Основные положения теории базируются на укорененности познания, происходящего под воздействием внешних раздражителей и внутренней мотивации, а также в условиях дефицита времени, в среде. Таким образом, познание необходимо рассматривать с учетом его обусловленности ситуативным контекстом, телесными механизмами функционирования, законами физического мира и взаимодействия с социокультурным, религиозным, историческим, политическим и рядом других контекстов. Выдвигается предположение, что познание при возможной оторванности от окружающей среды (например, при работе воображения), тем не менее также основано на идентичных механизмах переработки информации. Взаимосвязь между перечисленными выше контекстами и концептуальной метафорой в последнее время привлекает больше внимания со стороны ряда ученых в области когнитивной лингвистики [см., например, Kövecses 2018, Riabykh 2020 и др.].

В рамках данной публикации рассмотрим соотношение концептуальной и образной метафоры, которая включает в себя не отображение концептуальных областей, а скорее отображение ментальных образов [Lakoff 1987; Lakoff and Turner 1989; Lakoff 1993; Gibbs and Bogdonovich 1999; Deignan 2007; Соёгнартс and Kravanja 2012 и др.]. Образная метафора отличается от концептуальной, во-первых, поскольку область-мишень и область-источник относятся к конкретным объектам, непосредственно доступным органам чувств в противовес концептуальным метафорам типа *жизнь – путешествие*, которые нелегко визуализировать. Во-вторых, образные метафоры более специфичны, поскольку они богаты образными деталями и в большей мере основаны на интуитивных решениях, чем на знании и связи с логикой, а также

часто рассматриваются как основанные на единственном сходстве между областью-источником и областью-мишенью, подобно тому, как в стихотворении А. Бретона, которое Дж. Лакофф и М. Тернер [Lakoff and Turner 1989: 90] используют для иллюстрации образной метафоры *My wife...whose waist is an hourglass* (*Моя жена... чья талия – песочные часы*). В этом случае у нас есть два ментальных образа, один из которых представляет собой песочные часы, а другой – образ женщины, где только один аспект или сходство (форма песочных часов) отобра-

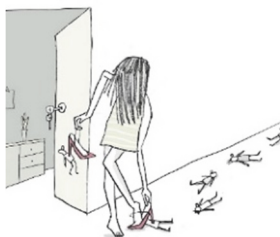
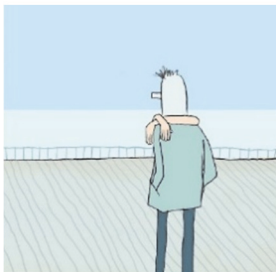
жается на форму женщины. Однако, если мы обратимся к визуализированным, а не только вербализированным образным метафорам как отражениям возникающих ментальных образов, мы сможем обнаружить, вероятно, более широкую палитру возможных метафорических интерпретаций окружающего нас мира (как, к примеру, на иллюстрации израильского художника Ю. Робичека (здесь и далее)).

Тем не менее, образные метафоры, вне всяких сомнений, являются концептуальными, хотя термин ‘концептуальный’ чаще приравнивается только к структурным метафорам типа *жизнь – путешествие*, которые, как считается, структурируют наше мышление, а, возможно, и задают вектор процессу познания и интерпретации окружающего мира.

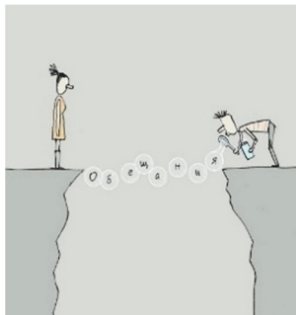
Кроме того, необходимо учитывать, что метафорическая интерпретация мира скорее относительна, так как непосредственно связана с индивидуально-авторским фактором и субъектным принципом в процессе мировосприятия. И, в первую очередь, особенности метафорической интерпретации мира необходимо рассматривать с точки зрения культурного контекста, принимая во внимание культуры, которые используют метафору, а также более широкие контексты этих культур.

Только ознакомившись с общими интересами, целями и потребностями культуры, можно досконально понять используемые метафоры и особенности процесса метафорической интерпретации мира. Считаем релевантной идею культурного сита как некоего посреднического механизма для лучшего понимания процесса метафорической интерпретации мира, который помогает физические, сенсомоторные, универсальные аспекты жизнедеятельности просеивать сквозь сложные социокультурные и исторически приобретенные убеждения, мировоззрения и знания, присущие одной или нескольким культурам.

Говоря о специфике визуализированной образной метафоры (визуальной метафоры), следует отметить, что не каждая из них имеет свою непосредственную вербальную реализацию и наоборот, однако, эти метафоры имеют интерпретирующий потенциал, как в следующих примерах, где туфли – оружие, а шарф – это руки, либо согревающие теплом любимого человека, либо душащие (в зависимости от ситуативного контекста).

Считаем, что области-мишени структурных концептуальных метафор обычно абстрактные и размытые, связаны с такими сложными вопросами как эмоциональная сфера, мораль, время, человеческие отношения и т. д., что труднее визуализировать. Это области-мишени, которые из-за отсутствия четкого понимания и возможности познания трудно охватить, подвергнуть их метафорической интерпретации, в связи с чем часто используется мультимодальная метафора. Область-источник обычно описывает их как конкретные, что означает, что они становятся непосредственно доступны органам чувств, примером

чего является следующая визуально представленная метафора *обещания – мыльные пузыри*. В данном случае мы имеем дело со сложной метафорой, так как, с одной стороны, *обещания – это мост*, который может соединить мужчину и женщину, а, с другой стороны, эти обещания настолько иллюзорны, что, как и мыльные пузыри, лопнут и исчезнут в любую минуту. Они не подтверждены делом и на них не следует полагаться, *обещания – это хлипкий мост*, который вот-вот исчезнет.

Таким образом, считаем, что визуально выраженная метафора представляет собой промежуточный трансфер накопленного опыта и знаний между ментальным образом и его вербальным воплощением. Визуально выраженная метафора может нести в себе большой объем информации. Каждый акт метафорической интерпретации мира напрямую связан с сознательно или подсознательно формируемыми ментальными образами и необходимостью за счет метафорической концептуализации донести ключевую идею до адресата, в связи с чем правомерно говорить о связи визуально выраженной метафоры как прообраза с вербально выраженной метафорой и о значимом интерпретирующем потенциале первой из них.

Литература

Coëgnarts M., Kravanja P. From Thought to Modality: A Theoretical Framework for Analysing Structural Conceptual Metaphors and Image Metaphors in Film // Image & Narrative, 2012. Vol 13. № 1. P. 97–113.

- Deignan A.* Image Metaphors and Connotations in Everyday Language // Annual Review of Cognitive Linguistics. 2007. Vol. 5. P. 173–192.
- Gibbs R., Bogdonovich J.* Mental imagery in interpreting poetic metaphor. *Metaphor and Symbol*. 1999. 14. P. 37–44.
- Johnson M.* The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason, Chicago: The University of Chicago Press, 1987.
- Kövecses Z.* Metaphor Universals in Literature // Literary Universals Project, 04.02.2018. URL: <https://literary-universals.uconn.edu/2018/02/04/me-taphor-universals-in-literature>
- Lakoff G., Turner M.* More Than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.
- Lakoff G., Turner M.* More than Cool Reason: A Field Guide to Poetic Metaphor. Chicago: The University of Chicago Press, 1989.
- Lakoff G.* Image Metaphors // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1987. Vol. 2. №. 3. P. 219–222.
- Riabykh E.B.* Dominante Kontexte der metaphorischen interpretation der Welt // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 4. P. 43–52.

E.B. Riabykh, V.O. Tatarinova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

THE STUDY OF THE SPECIFICS OF VISUAL METAPHOR, THE ISSUES OF ITS CORRELATION WITH VERBAL METAPHOR AND THEIR INTERPRETIVE POTENTIAL

Within the framework of the conducted research, key issues related to the specifics of the functioning of visual metaphor as an intermediate transfer of accumulated experience and knowledge, key issues of its correlation with verbal metaphor, as well as their interpretive potential are studied. Using the example of correlation with visual metaphors, it is proved that figurative metaphors can help activate other conceptual (structural-conceptual) metaphors. It is determined that the metaphorical interpretation of the world is relative rather than absolute, since it must be considered from the point of view of the cultural context, taking into account the cultures that use the metaphor, as well as the broader contexts of these cultures.

Keywords: verbal metaphor, visual metaphor, conceptual metaphor, figurative metaphor, structural metaphor, interpretation, identification, cultural sieve.

Ю.С. Старостина (Самара, Россия)
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева
juliatim@mail.ru

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДОМИНАНТА КАК КОГНИТИВНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ КОНСТРУКТ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДРАМАТУРГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Тезисно представлены результаты исследования, посвященного проблеме трансляции ценностных установок как когнитивных конструктов в оценочном пространстве межличностной коммуникации. Репрезентирована модель, отражающая системное взаимодействие когниции и вербалики с позиций лингвоаксиологии в пространстве драматургического дискурса. Установлен принцип каскадной манифестации модельных уровней в стилизованном диалоге.

Ключевые слова: лингвоаксиология, лингвоаксиосфера, ценностная доминанта, ценностный вектор, оценочное высказывание, стилизованная коммуникация, модель.

Скорость изменений современного социума детерминирует повышенный научный интерес к трансформационным аспектам ценностно-оценочной системы, а также к ее множественным структурно-содержательным характеристикам. Коммуникативный фокус лингвистики, ее лингвоаксиологическое измерение, пристальное внимание к когнитивной структуре диалогического дискурса [Болдырев, Григорьева 2020] актуализируют обилие вопросов относительно специфики языковых механизмов, транслирующих ценностные установки при интерактивном речевом взаимодействии. Установленным выступает положение о том, что ценности, как ментальные конструкторы, объективируются в формате оценки, имеющей языковую маркированность [Чекулай 2021]. Полиаспектно диверсифицированные оценочные высказывания формируют базис аксиологической репрезентации в межличностной коммуникации, то есть выстраивают вербальный уровень лингвоаксиосферы. Высший уровень лингвоаксиосферы объединяет ценности, или аксиологические единицы как специфические умозрительные образования: это элементы когнитивного характера, организующие единую ценностную систему как в индивидуальном, так и в общественном сознании.

Вместе с тем, на современном этапе развития лингвоаксиологии два обозначенных уровня лингвоаксиосферы зачастую рассматриваются исследователями в относительной изоляции друг от друга. Ученые-лингвисты концентрируют внимание либо на разнообразных средствах репрезентации оценочного отношения в дискурсивных практиках (подробнее см.: [Гергиев 2017; Мухина, Хабибуллина 2020]), либо на элементах ценностной системы как ментальных образованиях (подробнее см.: [Волкова, Панченко 2020; Isakova 2021]). Комплексных исследований, нацеленных на последовательное выявление и осмысление связующих механизмов, обеспечивающих непосредственное взаимодействие когнитивного и коммуникативного блоков с позиций лингвоаксиологии, на данном этапе практически не предпринималось. Однако выявление и уточнение принципа системного единства лингвоаксиосферных уровней могло бы способствовать более эффективной и валидной идентификации ценностных установок в процессе анализа специфики их дискурсивно-коммуникативной манифестации, а также могло бы помочь в формулировании новых научных положений относительно способов языковой актуализации аксиологических ориентиров при речевом взаимодействии. На наш взгляд, решить обозначенную научную проблему возможно за счет разработки авторской модели лингвоаксиологической доминанты, которая отразила бы принцип системной репрезентации ценностей в конкретном дискурсивно-коммуникативном пространстве. Релевантное модельное проектирование нам представляется целесообразным реализовать по итогам лингвоаксиологического изучения англоязычного драматургического диалога, рассматриваемого как стилизованный вариант подлинных ситуаций межличностного общения.

Цель исследования заключалась в разработке и обосновании модели лингвоаксиологической доминанты на основе комплексной лингвоаксиологической

интерпретации стилизованного диалога, репрезентированного в пространстве англоязычного драматургического дискурса. Эмпирическим материалом выступил англоязычный драматургический дискурс в формате современных британских и американский пьес. Ведущими методами были избраны метод лингвоаксиологической интерпретации диалога, метод сопоставительного лингвоаксиологического анализа и метод аналитического моделирования.

Коммуникативный лингвоаксиологический базис англоязычного драматургического дискурса представлен системой разнознаковых и разнотипных оценочных высказываний, реализуемых в англоязычном драматургическом диалоге в формате оценочных реплик говорящих. Их комплексный анализ позволил зафиксировать тот факт, что оценочные сообщения всегда конденсируются вокруг наиболее значимых для коммуникантов тем. Соответственно, тематическая направленность диалогического модуля детерминирует выбор объектов оценки, относительно которых выражается отношение со стороны нескольких участников стилизованной коммуникации, причем как в формате непосредственных оценочных реплик-стимулов, так и реактивных сообщений. Полифония речевого взаимодействия, таким образом, формирует оценочную полифонию, фиксируя аксиологическую нагруженность обсуждаемой тематики в виде ценностных векторов, то есть топикальных направлений аксиологически-маркированных интересов. Иными словами, при помощи оценочных средств в драматургическом диалоге акцентуализируются именно те фрагменты социальной действительности, которые представляют важность не только для отдельного индивида, но и для значительного числа участников общения. Как следствие, данные значимые фрагменты становятся центрами топикализации (термин Е.Ф. Серебренниковой [Серебренникова 2015: 131]) как минимум нескольких коммуникативных ситуаций в пространстве драматургического диалога. Узкотематические блоки поддаются дальнейшей систематизации по принципу их принадлежности к макро-теме, которая по сути и является коммуникативной реализацией ценностной доминанты, представляющей собой элемент высшего лингвоаксиосферного уровня. Ценностные доминанты выступают общесоциальным аксиологическим базисом, детерминирующим ориентиры и нормы лингвокультурного сообщества на определенном историческом этапе его развития. Именно элементы данного уровня адаптируются социальными группами и интериоризируются индивидами.

В итоге возможно говорить о трехслойном лингвоаксиологическом конструкте, все уровни которого находятся в системном взаимодействии, поскольку каждый из них непосредственно опирается на предыдущие. Лингвоаксиологическая доминанта являет собой комплексную систему, где оценка представляет вербальный (оценочный) уровень, ценностная доминанта – когнитивный (ценностный) уровень, а ценностный вектор выступает как переходный уровень, детализирующий тематико-содержательное наполнение ценностной доминанты и связывающий когницию и вербалику. Проблему терминологического оформления выявленного образования, объединяющего когнитивные

и коммуникативные уровни, возможно, на наш взгляд, решить за счет введения представленных номинаций: элемент высшего уровня целесообразно обозначить как «ценностную доминанту», что отражает ее когнитивную аксиологическую сущность; элемент среднего уровня как уровня смысловых аспектов, формирующих ценностную доминанту на основе ее топикальной детализации, рационально определить как «ценностный вектор», что показывает его направленность от высшего уровня к базисному и отражает их взаимосвязь; третьим уровнем выступает уровень вербальной дискурсивно-коммуникативной объективации предыдущего; его элементом выступает оценочное высказывание. Целостный конструкт правомерно, на наш взгляд, номинировать как «лингвоаксиологическая доминанта», что прицельно указывает на ее комплексную когнитивно-вербальную природу.

В стилизованном диалоге, представленном в рамках англоязычного драматургического дискурса, данная модель функционирует по принципу последовательной репрезентации: ценностная доминанта манифестируется посредством набора ценностных векторов, которые, в свою очередь актуализируются при помощи оценочных высказываний в межличностном диалоге. Количество внутриуровневых элементов и их диверсифицированность каскадно увеличивается при переходе от яруса к ярусу, то есть на первом (высшем) уровне фиксируется один элемент, а именно ценностная доминанта, на втором уровне число элементов возрастает, поскольку элемент высшего уровня содержательно формируется несколькими ценностными векторами; на третьем уровне, как уровень коммуникативного выражения, фиксируется многократное увеличение числа элементов, поскольку при ситуативной акцентуализации ценностно-оценочного отношения коммуниканты имеют возможность использовать весь спектр оценочных высказываний, задействуя, в соответствии с дискурсивными атрибутами диалога, потенциал релевантного типа в терминах оценочного знака, эмоционально-рационального соотношения, модуляционных характеристик и т. п. Таким образом, лингвоаксиологическая доминанта определяется как системный трехуровневый конструкт, симультанно репрезентирующий высший ментальный уровень ценностей, базисный вербальный уровень оценок и средний, переходный, ценностно-оценочный уровень. Ценностная доминанта, как элемент когниции, выступает консолидирующей единицей, объединяющей ценностные векторы и оценочные высказывания в синкретичную систему.

Литература

- Болдырев Н.Н., Григорьева В.С.* Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. Тамбов: Принт-Сервис, 2020.
- Волкова Я.А., Панченко Н.Н.* Трансформация коммуникативных и эмоциональных ценностей в русской лингвокультуре // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2020. Т. 19. № 2. С. 54–65.
- Гергиев О.А.* ИмPLICITно-оценочные высказывания в публичной речи // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. 2017. № 10. С. 136–140.
- Мухина Н.Б., Хабибуллина О.А.* Вербализация эмоционально-оценочной цели говорящего (на материале английского языка) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2020. № 1(106). С. 61–68.

Серебрянникова Е.Ф. Аксиологическое измерение дискурса // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2015. № 21(732). С. 128–137.

Чекулай И.В., Прохорова О.Н. Аспекты соотношения дихотомии «язык» и «речь», «ценность» и «оценка» // Исследования языка и современное гуманитарное знание. 2021. Т. 3. № 2. С. 167–173.

Isakova Z.Z. The Category of Value in Linguistics // Scientific Reports of Bukhara State University. 2021. Vol. 4. Iss. 6. Article 4. P. 1–7.

J.S. Starostina (Samara, Russia)
Samara National Research University

LINGUOAXIOLOGICAL DOMINANT AS A COGNITIVE-COMMUNICATIVE CONSTRUCT IN ENGLISH DRAMA DISCOURSE

The results of the study devoted to the problem of transmission of values as cognitive constructs in the evaluative space of interpersonal communication are briefly presented. A model of linguoaxiological dominant, which reflects the systematic interaction of cognition and verbal layer from the standpoint of linguoaxiology in the space of drama discourse, is presented. The principle of cascade manifestation of model levels in the stylized dialogue is established.

Key words: linguoaxiology, linguoaxiosphere, value dominant, value vector, evaluative utterance, stylized communication, model.

А. Талески (Пермь, Россия)
Пермский государственный национальный исследовательский университет
taleski87@yahoo.com

ДВОЙНАЯ ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРИЕНТАЦИЯ В ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ДЕЙКТИЧЕСКАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ¹

Статья посвящена вариативности использования двойной пространственной ориентации в виртуальной реальности (VR) в зависимости от коммуникативных и дейктических параметров. Исследование выполнено на материале эксперимента в VR и оно связано с необходимостью получения лингвистических данных о когнитивных процессах говорящего в VR, включая вариативность двойной пространственной ориентации.

Ключевые слова: пространственная ориентация, коммуникация, дейксис, виртуальная реальность, когнитивный процесс.

Статья посвящена анализу вариативности двойной пространственной ориентации говорящего в виртуальной реальности (VR). VR определяется как виртуальный трехмерный мир, усваиваемый пользователем посредством компьютерных технологий, позволяющих ему проводить комплексное погружение.

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, проект FSNF-2020-0023.

Пользователь в VR реалистично воспринимает информацию, чувствует и действует так же, как и в реальности, посредством компонентов систем репрезентации, таких как восприятие и передача визуальной, аудиальной, тактильной информации, а также ориентация [Heim 1991]. Данная концепция определяет VR как коммуникативную среду. Кроме того, VR характеризуется автономностью, порожденностью, актуальностью, интерактивностью, гибкостью, что обусловило считать VR экспериментальной средой и методом исследования, который используется в исследованиях разного рода [Mütterlein 2018; Ryan 2015].

Наше исследование выполнено на материале эксперимента в VR. В эксперименте использовались пять сцен, с помощью которых моделировались ситуации взаимодействия говорящего, VR-адресата и референта. В нем участвовали 24 испытуемых. Материалом для исследования послужили расшифровки видеозаписей, представленные в виде реплик: *В дальнем конце комнаты перед вами стоит бутылка, передайте, пожалуйста, ее мне.* Всего было проанализировано 725 реплик. Материал обрабатывался в ИС «Семограф» (<https://semograph.org>), из которой нам предоставлялись количественные данные о частоте исследуемых единиц. Методология эксперимента представлена в работе [Галески 2020].

Объектом исследования является двойная пространственная ориентация в VR, рассматриваемая как одна из основных когнитивных функций. Она построена на основе когнитивных процессов восприятия и памяти. Пространственная ориентация как объективная характеристика познания находит многочисленные репрезентации в языке, выраженные дейктиками. Способы двойной пространственной ориентации говорящего в VR определяются путем анализа пространственных и персональных дейктиков (местоимения, наречия, существительные).

В нашей работе рассматриваются три типа пространственной ориентации – эгоцентрическая (ЭГО), аллоцентрическая (АЛЛ) и геоцентрическая, которая разделяется на «топос» (ГЕО(Т)) и «границу» (ГЕО(Г)). Эгоцентрическая ориентация воспринимается как дейктическая система, где первичные формы относятся к говорящему. В аллоцентрической ориентации локализация объектов осуществляется относительно позиции собеседника. Геоцентрическая ориентация построена на основе абстрактной схемы, относящейся к некоторому предметному ориентиру [Berthele 2006; Bryant 1992; Levinson 2003]. Двойная пространственная ориентация – это комбинация из вышеуказанных видов ориентаций. В репликах информантов обнаруживаются 10 комбинаций двойных ориентаций (см. табл. 1).

Цель статьи – представить вариативность использования двойной ориентации говорящего в VR в зависимости от коммуникативных и дейктических параметров, заложенных в VR-сценах. Специфика двойной ориентации говорящего рассматривается с аспекта противопоставления личностно-ориентированной и пространственно-ориентированной дейктической системы и с позиции

референта в трех положениях относительно говорящего: проксимальном, медиальном, дистальном. Когнитивные процессы говорящего в VR-среде, спровоцированные коммуникативными или дейктическими параметрами недостаточно изучены.

В табл. 1 изложена доля встречаемости комбинаций двойных ориентаций в зависимости от позиции референта и от типа дейктической системы.¹ Из нее следует, что общая доля встречаемости двойных ориентаций говорящего в VR во всех трех позициях референта почти идентична. В то же время при проксимальной позиции референта не наблюдаются четыре комбинации двойной ориентации. Данное явление естественно, поскольку в комбинациях этих двойных ориентаций отмечается геоцентрическая ориентация на границу ГЕО (Г) или двойная геоцентрическая ориентация на топос ГЕО (Т), при этом референт находится в сфере говорящего. Комбинации, содержащие ориентацию ГЕО (Г) больше характерны при дистальной позиции референта. Также доля встречаемости комбинаций, содержащий ориентацию ЭГО выше в проксимальной позиции референта в отличие от медиальной и дистальной.

Т а б л и ц а 1

Доля встречаемости двойной ориентации в зависимости от позиции референта и от типа дейктической системы

Типы двойной ориентации	Позиция референта			Дейктическая система	
	P1 (проксимальная)	P2 (медиальная)	P3 (дистальная)	Лично-ориентированная	Пространственно-ориентированная
АЛЛ + ГЕО (Т)	0,0792	0,0833	0,1125	0,0972	0,0833
ГЕО (Г) + АЛЛ	0	0	0,0083	0	0,0069
ГЕО (Т) + ЭГО	0,0708	0,05	0,0042	0,0463	0,0347
ЭГО + ГЕО (Т)	0,0583	0,0208	0,0042	0,0301	0,0243
ГЕО (Г) + ГЕО (Т)	0	0,0083	0,0083	0,0069	0,0035
ГЕО (Т) + ГЕО (Г)	0	0,0125	0,1083	0,0324	0,0521
ЭГО + ЭГО	0,0125	0	0	0,0046	0,0035
ГЕО (Т) + АЛЛ	0,0958	0,1458	0,0625	0,0926	0,1146
АЛЛ + АЛЛ	0,0125	0,0042	0,0083	0,0116	0,0035
ГЕО (Т) + ГЕО (Т)	0	0,0083	0	0	0,0069
Всего	0,3292	0,3333	0,3167	0,3218	0,3333

Нетипичным для проксимальной позиции референта является то, что чаще всего говорящий ориентируется относительно VR-адресата и топоса – ГЕО (Т) + АЛЛ *на первом столе сзади вас* и АЛЛ + ГЕО (Т) *рядом с вами через один столик*. Это означает, что в ситуации, когда референт находится в ближайшем

¹ Частота встречаемости li рассчитывается как отношение абсолютной частоты fi к количеству реплик в конкретной выборке материала.

положении относительно говорящего, говорящий не ориентируется, выступая в качестве точки отсчета, чаще всего точкой отсчета в ориентации являются VR-адресат и VR-предметы. Это объясняется тем, что говорящий использует коммуникативные стратегии исходя из потребностей обстановки и самой задачи. Так, говорящий считает, что ориентация относительно VR-адресата более эффективна для успешного коммуникативного акта и выполнения задания. С другой стороны, использование топоса обусловлено появлением референта на столах в VR-среде.

При медиальной позиции референта самая частотная двойная ориентация – это ГЕО (Т) + АЛЛ. Она выражена самой высокой долей встречаемости относительно комбинаций во всех трех позициях референта. В медиальной позиции в отличие от остальных наблюдается комбинация ГЕО (Т) + ГЕО (Т) *через стол на столе*. К тому же, семь из восьми комбинаций двойной ориентации, встречающихся в медиальной позиции содержат ГЕО (Т).

При дистальной позиции референта нет комбинаций ЭГО + ЭГО *передо мной слева от меня* и ГЕО (Т) + ГЕО (Т). Между тем, только здесь, в отличие от проксимальной и медиальной позиций, наблюдается ориентация ГЕО (Г) + АЛЛ *ближе к стене перед вами*.

Относительно типов дейктической системы, из табл. 1 следует, что их итоговая доля встречаемости почти идентична. Как и в лично-ориентированной, так и пространственно-ориентированной системе информанты чаще всего ориентируются комбинациями ГЕО (Т) + АЛЛ и АЛЛ + ГЕО (Т). В остальных комбинациях доля встречаемости незначительно выше в пользу той или иной системы. Так, в большинстве случаев в лично-ориентированных ситуациях доля встречаемости у комбинаций, содержащих в себе ориентир ЭГО представлена выше, в соответствии с характеристиками самой дейктической системы.

Различие наблюдается в наличии комбинаций: если в пространственно-ориентированных ситуациях содержатся все 10 комбинаций, то в лично-ориентированных не встречаются комбинации ГЕО (Г) + АЛЛ и ГЕО (Т) + ГЕО (Т). Данное явление для комбинации ГЕО (Т) + ГЕО (Т) естественно и может быть объяснено тем, что в лично-ориентированной системе соотносительность дейктика с участниками коммуникации выходит на первое место. С другой стороны, учитывая то, что в данной дейктической системе местоположение собеседника выступает точкой отсчета, отсутствие комбинации ГЕО (Г) + АЛЛ можно охарактеризовать как нетипичное.

Как показали результаты анализа, существуют некоторые отличия при использовании двойной пространственной ориентации в VR относительно типа дейктической системы и позиции референта по отношению к говорящему. Такие случаи могут быть естественными – вызванными самой природой параметров, но нередко выбор той или иной двойной пространственной ориентации нетипичен. Тем не менее, оба случая свидетельствуют о том, что когнитивные процессы пространственной ориентации могут быть вызваны дейктическими и коммуникативными параметрами.

Литература

Taleski A. Поведение говорящего в виртуальной реальности (методика эксперимента и описание предварительных результатов) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2020. Вып. 4. Т. 12. С. 54–67.

Berthele R. Ort und Weg. Berlin: W. de Gruyter, 2006.

Bryant D.J. A spatial representation system in humans // *Psychology*. 1992. 3(16): 1.

Heim M. The Metaphysics of virtual reality. New York: Oxford University Press, 1991.

Levinson S.C. Space in language and cognition: Explorations in cognitive diversity. Cambridge, Cambridge University Press. 2003.

Mütterlein J. The three pillars of virtual reality? Investigating the roles of immersion, presence, and interactivity // Proceedings of the 51st Hawaii international conference on system sciences. 2018. P. 1407–1415.

A. Taleski (Perm, Russia)

Perm State National Research University

DUAL SPATIAL ORIENTATION IN VIRTUAL REALITY: DEICTIC VARIABILITY

The article is devoted to the variability of the use of dual spatial orientation in virtual reality (VR) depending on the communicative and deictic parameters. The study was carried out on the material of an experiment in VR and it is associated with the need to obtain linguistic data on the cognitive processes in the studied VR format, including the variability of speaker's dual spatial orientation.

Keywords: spatial orientation, communication, deixis, virtual reality, cognitive process.

Н.Н. Томская (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

natalie_tomskaya@mail.ru

КОГНИТИВНАЯ ПОЭТИКА АБСУРДА В ДРАМЕ Т. СТОППАРДА «РОЗЕНКРАНЦ И ГИЛЬДЕНСТЕРН МЕРТВЫ»

В статье впервые предлагается исследование когнитивной поэтики абсурда с использованием теоретических и методических положений Р. Цура. Проводится стилистический анализ пьесы, показывающий связь между языковыми особенностями пьесы и теми эффектами, которые они достигают.

Ключевые слова: когнитивная поэтика; театр абсурда; остранение; игра слов; Том Стоппард.

Предметом нашего рассуждения стала когнитивная поэтика абсурда в аспекте развивающегося когнитивного литературоведения. В отечественном научном сообществе когнитивное литературоведение получило обоснование в работах Е.В. Лозинской [Лозинская 2007, 2010], И.А. Тарасовой [2018], которые в своих аналитических обзорах иностранных теорий прежде всего обращаются к когнитивной поэтике Ревена Цура (ун-т Тель-Авива, Израиль).

Р. Цур исходит из современной трактовки понятия «когниция», или познание, которое включает в себя такие процессы и явления, как «восприятие, память, внимание, решение проблем, язык, мышление и образы» [Tsur]. Цитируя немецкого ученого М. Бирвиша, Р. Цур придерживается следующего определения поэтики: «объектами поэтики являются конкретные закономерности, которые встречаются в художественных текстах и которые определяют специфические эффекты поэзии; в конечном счете – способность человека создавать поэтические структуры и понимать их эффект, то есть то, что можно было бы назвать поэтической компетентностью» [Цит. по Tsur]. Как справедливо отмечает И.А. Тарасова, в когнитивной поэтике термин «поэтика» понимается в широком смысле – «как наука о средствах создания стиля и построения художественного мира (Ю. Борев), в известной мере реконструирующая ментальную реальность» [Тарасова 2003: 93]. Из определения М. Бирвиша следует, что поэтическая компетентность свойственна как автору (способность создавать поэтические структуры), так и читателю (способность понимать их эффект). В таком случае можно говорить о порождающей поэтике и поэтике восприятия [Тарасова 2003: 93]. Когнитивная поэтика Р. Цура, разработанная, главным образом, на материале поэтических текстов, позволяет связать текстовые особенности литературного произведения с теми эффектами, которые они производят на читателя, то есть является поэтикой восприятия.

В своей теории Р. Цур исходит из того, что поэтические тексты используют в эстетических целях ментальные структуры, которые предназначены для прагматических целей. Такое нецелевое использование ментальных структур свойственно любым художественным текстам, поскольку они реализуют эстетическую функцию. Эта идея близка понятиям «остранение» (В. Шкловской) и «очуждение» (Б. Брехт) – достижение художественного эффекта посредством нарушения автоматизма восприятия. Однако когнитивная поэтика описывает именно ментальные механизмы, обеспечивающие подобный эстетический эффект, а именно изменение, нарушение или адаптацию языковых и текстовых структур. Такие механизмы обнаруживаются на разных иерархических уровнях системы художественного произведения, точнее, при переходе между этими уровнями в процессе восприятия текста.

В частности, Р. Цур отмечает такую искусственную деавтоматизацию при переходе с акустического уровня к фонематическому. На данном уровне используются фоностилистические приемы и явление звукового символизма, позволяющие воспринимающему сознанию слушателя отметить нетипичное для бытовой речи звучание и задержаться на нем для дальнейшего осмысления.

Другим уровнем эстетического приращения является переход от поверхностных структур к глубинным, то есть переход от содержательно-фактуальной информации текста к концептуальной и подтекстовой (И.Р. Гальперин). В данном случае происходит «сдвиг ментальной установки», когда поверхностные структуры описывают один скрипт (ситуацию), а на глубинном уровне

происходит его замена на новый скрипт, требующий другой эмоциональной реакции. Этот механизм заложен в таких стилистических приемах, как игра слов, парадокс, ирония. Похожее явление наблюдается на семантическом уровне, когда происходит смешение прямого и переносного значения слова.

Абсурдистская драматургия представляется показательным материалом для исследования возможностей когнитивной поэтики. С одной стороны, драма всегда несет в себе опыт театрального искусства в области психофизиологического воздействия на публику, с другой – абсурдизм спорит с автоматизмами коммуникации, девальвирует язык, отказывается от сюжета, то есть бросает вызов весьма устойчивым ментальным структурам зрителя и/или читателя. Рассмотрим отмеченные закономерности когнитивной поэтики на примере пьесы Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы».

Деавтоматизации восприятия способствует прием антитезы, поскольку он требует переключения с одного значения на прямо противоположное:

PLAYER: We keep to our usual stuff, more or less, only inside out. We do on stage the things that are supposed to happen off. Which is a kind of integrity, if you look on every exit being an entrance somewhere else (Stoppard T.).

Эстетический эффект усиливается за счет многократного использования этого приема в одной реплике: *more or less, inside out, on stage – off stage, exit – entrance*. Причем степень экспрессивности каждой последующей антитезы усиливается: если первые две антитезы являются устойчивыми выражениями (*more or less, inside out*), то последняя достигает уровня сентенции (*every exit being an entrance somewhere else*). Этот прием способствует развитию метафоры жизнь-театр и общей метатеатральности пьесы.

Выдвижение эстетической цели в следующем примере происходит за счет игры слов, основанной на смешивании двух идиом с противоположным значением: *high and dry* (в затруднительной, беспомощной ситуации) и *home and dry* (в безопасности):

ROS: I want to go home.

GUIL: Don't let them confuse you.

ROS: I'm out of my step here –

GUIL: We'll soon be home and high – dry and home – I'll –

ROS: It's all over my depth –

GUIL: I'll hie you home and –

ROS: – out of my head –

GUIL: – dry you high and –

ROS (cracking, high): – over my step over my head body! – I tell you it's all stopping to a death, it's boding to a depth, stepping to a head, it's all heading to a dead stop – (Stoppard T.).

Розенкранц также путает четыре идиомы: *out of one's depth* (зайти слишком глубоко, не иметь возможности держать голову над водой), *out of one's head* (не в себе, не способен думать ясно), *out of step* (сбившийся с темпа), *over my dead body* (через мой труп). Путаница вызвана повтором звука /e/ и рифмой

head – dead. Именно акустическая маркированность становится триггером для воспринимающего сознания читателя/зрителя и требует от него последующего осмысления. Юмористический эффект на поверхностном уровне усиливается фразой Гильденстерна *Don't let them confuse you* (Не дай себя запутать). Однако на глубинном уровне происходит смена ментальной установки: это уже не просто комическая игра слов, основанная на речевых ошибках героев, а рефлексия персонажа его текущего состояния потерянности и беспомощности и ощущение приближающегося конца: *it's all heading to a dead stop*.

Эстетический (юмористический) эффект также достигается на семантическом уровне, когда слова используются одновременно и в прямом, и переносном значении, как в следующем примере:

GUIL: Now mind your tongue, or we'll have it out and throw the rest of you away, like a nightingale at a Roman feast.

PLAYER: Took the very words out of my mouth.

GUIL: You'd be lost for words.

ROS: You'd be tongue-tied.

GUIL: Like a mute in a monologue.

ROS: Like a nightingale at a Roman feast.

GUIL: Your diction will go to pieces.

ROS: Your lines will be cut.

GUIL: To dumbshows.

ROS: And dramatic pauses.

GUIL: You'll never find your tongue.

ROS: Lick your lips.

GUIL: Taste your tears (Stoppard T.).

Фраза *mind your tongue* (следы за выражениями) приобретает двойное прочтение за счет многозначности слова *tongue*. Весь диалог строится на параллельной эксплуатации прямого значения (орган в ротовой полости) – *like a nightingale at a Roman feast, lick your lips, taste your tears*; и переносного (язык и речь) – *lost for words, tongue-tied, mute, diction*. Так достигается деавтоматизация восприятия фразы *mind your tongue*. Тем самым внимание читателя/зрителя заостряется на теме языка, коммуникации и молчания, которые являются ключевыми для абсурдизма.

Итак, можно отметить, что когнитивная поэтика абсурда в драме Т. Стоппарда «Розенкранц и Гильденстерн мертвы» основывается на логическом вызове читателю/зрителю, который мы наблюдаем в таких фигурах выдвижения, как игра слов, антитеза, а также в стилистическом использовании полисемии. Такой вызов заставляет выйти из автоматизма восприятия и перейти к глубинным структурам художественного произведения. Так достигается не только эстетический, юмористический эффект, но и стимулируется интеллектуальная и игровая деятельность читателя/зрителя.

Литература

Лозинская Е.В. Литература как мышление: Когнитивное литературоведение на рубеже XX–XXI веков: Аналитический обзор / РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. научн.-информ. исслед. Отд. литературоведения. Москва, 2007.

Лозинская Е.В. 2010. 02. 002. Цур Р. Поэтические условности как застывшие когнитивные приемы. Tsur R. poetic conventions as fossilized cognitive devices: the case of Mediaeval and Renaissance poetics // PsyArt: a hyperlink Journal for the psychological study of the Arts. 2008. article 080921. URL: http://www.CLAS.Ufl.Edu/ipsa/journal/2008_tsur01.Shtml // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 7. Литературоведение. 2010. № 2. С. 12–18.

Тарасова И.А. Когнитивная поэтика: предмет, терминология, методы: монография. Москва: ИНФРА-М, 2018.

Stoppard T. Rosencrantz and Guildenstern Are Dead. URL: http://lib.ru/PXESY/STOPPARD/r_g_engl.txt.

Tsur R. Some aspects of cognitive poetics. URL: https://www.tau.ac.il/~tsurxx/2Cognitive_Poetics.html

*N.N. Tomskaya (Moscow, Russia)
Moscow City University*

COGNITIVE POETICS OF THE ABSURD IN TOM STOPPARD'S "ROSENCRANTZ AND GUILDENSTERN ARE DEAD"

The article offers a study of the cognitive poetics of the absurd using R. Tsur's theoretical and methodological provisions. The proposed stylistic analysis of the play shows the connection of the linguistic features of the play and the effects they achieve.

Key words: cognitive poetics; theater of the absurd; defamiliarization; ostranenie; wordplay; Tom Stoppard.

*Д. Цзиньчжи, Н.Л. Зелянская (Пермь, Россия)
Пермский государственный национальный исследовательский университет
707695802@qq.com, zelyanskaya@gmail.com*

ЦИФРОВОЕ ИЗМЕРЕНИЕ «НАИВНОЙ» ГЕОГРАФИИ И МОДЕЛИРОВАНИЕ ГЕОКОНЦЕПТОВ¹

Статья посвящена изучению наивной географии Китая. В исследовании разрабатываются семантические и когнитивные аспекты «наивной» географии как одного из направлений изучения способов, форм и процессов отражения географического пространства в индивидуальном и групповом сознании.

Ключевые слова: геоконцептология; геоконцепт; «наивная» география; ментальная карта; региональность.

«Наивная» география – междисциплинарная область исследований, посвященных анализу структурных, содержательных и процессуальных аспектов индивидуальных и коллективных геопропространственных представлений (ментальных

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФН (проект No 20-18-00336).

репрезентаций геопространства – в том числе ментальных карт) и влияющих на них факторов. Работы в области «наивной» географии, в основном в рамках «ментальных карт города», ведутся в зарубежной науке с середины прошлого века [Lynch 1960, Gould 1997]. Исследования проводились без привлечения цифровых технологий на материале карт, нарисованные на бумаге (т. н. sketch maps, которые мы обозначаем как «наивные» карты), и соответственно анализ проводился также в ручном режиме [Milgram 1976, James F. Herman 1980]. С 70–90 гг. XX в. началось изучение макропространства (стран и континентов), также на материале нарисованных на бумаге «наивных» карт [Saarinen 1988; Didelon и др. 2011]. В основе изучения ментальных карт и представлений о географическом пространстве лежит понятие геоконцепта, под которым понимается синтез образа географической локации (топос), ее имени (топоним), представления о ней и пространственных параметров (протяженность, координаты, расположение относительно других геолокаций) [Зелянская 2014; Калуцков 2012, 2015]. Наша работа посвящена реконструкции геоконцепта ПЕКИН.

Методом сбора материала является эксперимент по когнитивному геокартингованию, проведенный в разработанном Лабораторией социокогнитивной и компьютерной лингвистики ПГНИУ веб-приложении «Студия креативных карт» (creativemaps.studio). Так, наше исследование выполнено на материале нарисованных испытуемыми цифровых «наивных» карт. Всего было собрано 96 карт Китая, нарисованных информантами из нескольких китайских регионов (86 женщин, 10 мужчин; возраст от 17 до 23 лет). Так как в эксперименте участвовали китайские информанты, интерфейс веб-редактора и обучающие материалы по работе с ним были переведены на китайский язык. Пример «наивной» карты см. (рис. 1) (для удобства приведен русский интерфейс программы).

Информанты помимо графических средств (иконки городов, природного мира, степи, пустыни, а также цветовая гамма, размеры объектов и др.) используют и языковые инструменты, позволяющие давать название географическому объекту и репрезентировать ассоциации и/или представления, связанные с ним. Общее количество объектов на нарисованных картах – 1762, среди них текстовые описания, включая эмодзи, имеют 446 геообъектов (25 %).

Например, на рисунке 1 Пекин представлен иконкой мегаполиса красного цвета и характеризуется 我们的首都, 很美丽 (Наша столица очень красивый город).

Обработка первичного текстового материала производилась посредством его экспорта в информационную систему Семограф (semograph.com). Далее был проведен экспертный полевой анализ текстового слоя «наивных» карт: каждая характеристика геообъекта, данная информантом, описывалась с помощью разработанной системы категорий. Например, Пекин описывается Ии. Цзыбо_Ж_20 так: 中国首都, 经济政治中心. Семантика этого описания связана с категориями *Столица*, *Экономический центр* и *Политический центр*.

Построение **моделей** осуществлялось с опорой на метод визуализации данных с помощью графосемантического моделирования на основе суммаризации

парных вхождений категорий классификатора в анализируемые контексты, представляющие описание Пекина (см. рис. 2). Для построения графов применялось приложение Gephi (<https://gephi.org/>).

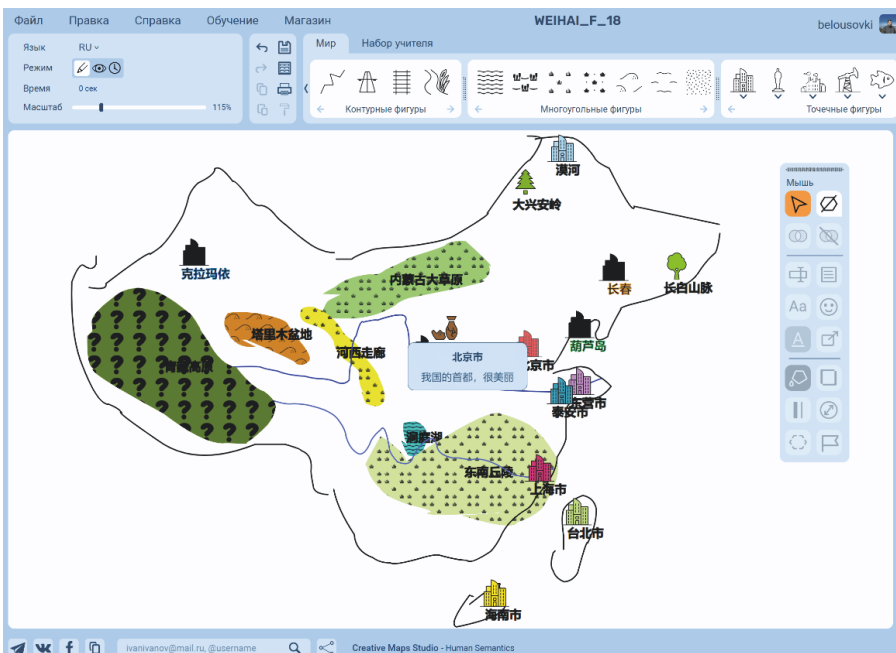

Рис. 1. Скриншот «наивной» карты в графическом веб-редакторе (Ии. Вэйхай_Ж_18 лет)

Важно указать, что Пекин присутствует на всех картах (96 карт), но вербальные характеристики встретились только в 52-х случаях (54 %). Центр графосемантической модели – категория **СТОЛИЦА**, соотнесенная со всеми остальными, при этом Пекин воспринимается больше как **ПОЛИТИЧЕСКИЙ**, а не **ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР** (как **ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЦЕНТР** Китая воспринимается Шанхай). Важным для геоконцепта Пекин является восприятие локуса в контексте **ВОЗМОЖНОСТЕЙ** города, раскрывающихся во взаимосвязях с **ПОЛИТИЧЕСКИМ** и **ЭКОНОМИЧЕСКИМ ЦЕНТРАМИ**, **КУЛЬТУРНЫМ НАСЛЕДИЕМ**, **ВЫСОКИМИ ЦЕНАМИ** (требование к уровню достатка жителей столицы). **РЕКА**, появляющаяся в системе категорий геоконцепта, связана, в восприятии Ии., с историей Китая: китайские историки приурочивают начало Японо-китайской войны к инциденту, произошедшему 7 июля 1937 года на мосту Лугоу (расположен над рекой Юндин в Пекине). Потому река Юндин ассоциируется с кровопролитной китайско-японской войной.

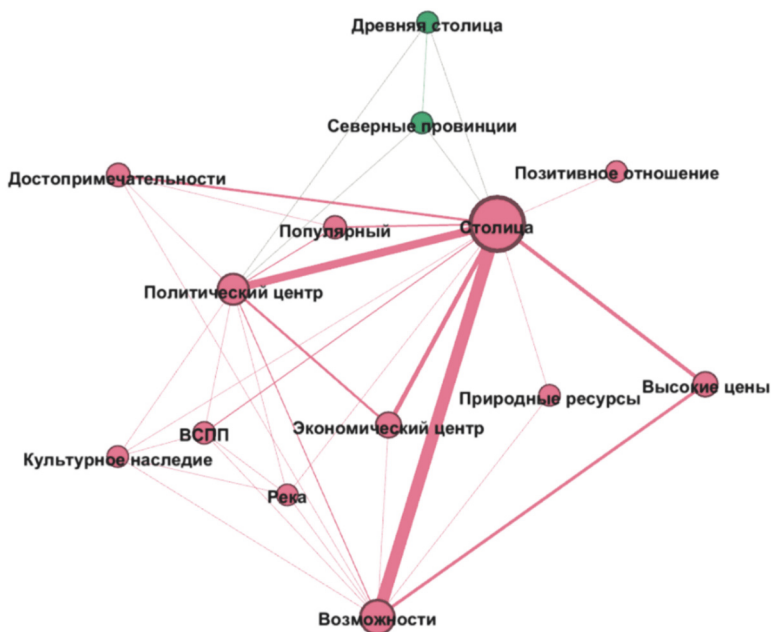

Рис. 2. Графосемантическая модель геоконцепта ПЕКИН

Примечание. ВСПП – высокая степень проявления признака

Важным для геоконцепта ПЕКИН стала связь СТОЛИЦЫ с ДРЕВНЕЙ СТОЛИЦЕЙ и КУЛЬТУРНЫМ НАСЛЕДИЕМ. История города Пекина насчитывает две тысячи лет, он был столицей Китая при семи династиях и является главным политическим центром в истории Китая и признанной столицей в сознании китайского народа. ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ и КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ связаны с Великой Китайской стеной, а самая известная часть Великой стены находится в Пекине. Кроме того, в Пекине бесчисленное множество других исторических достопримечательностей. Заметим также, что многие категории связаны с сугубо языковой категорией, которую мы обозначили как ВСПП (высокая степень проявления признака). В нее включаются лексические единицы, указывающие на интенсивность, масштабность: *самый, очень, известнейший* и пр.

Литература

Зелянская Н.Л. Геоконцептология и региональная идентичность // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. Пермь. 2014. Вып. 4 (28). С. 73–79.

Калуцков В.Н. Геоконцепты в географии // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 27–36.

- Didelon C., de Ruffray S., Boquet M., Lambert N.* A world of interstices: A fuzzy logic approach to the analysis of interpretative maps. *The Cartographic Journal*, 2011. Vol. 48. Pp. 100–107.
- German J.F.* Children’s cognitive maps of large-scale spaces: Effects of exploration, direction, and repeated experience, 1980.
- Gould P.R.* On Mental Maps // Discussion Paper. 1966. № 9.
- Lynch K.* The Image of City. Cambridge: The MIT Press, 1960.
- Milgram S., Jodelet D.* Psychological maps of Paris // *Environmental Psychology* / Ed. by H. Proshansky et al. New York: Holt, Rinehart & Winston., 1976.
- Saarinen T.F.* Centering of Mental Maps of the World // *National Geographic Research*. 1988. № 4(1). Pp. 112–127.
- Zelianskaia N.L., Belousov K.I., Galinskaia T.N., Ichkineeva D.A.* Naive geography: geoconceptology and topology of geomental maps // *Heliyon*, 2020. URL: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e05644>.

D. Jinzhi, N.L. Zelyanskaya (Perm, Russia)
Perm state university

DIGITAL MEASUREMENT OF «NAIVE» GEOGRAPHY AND MODELING OF GEOCONCEPTS

The article was made as part of the study of the naive geography of China. The article is devoted to the development of semantic and cognitive aspects of “naive” geography as one of the directions for studying the ways, forms and processes of reflection of geographical space in individual and group consciousness.

Key words: geoconceptology; geoconcept; “naive” geography; mental map; regionality.

Чжао Сыминь (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
251053385@qq.com

МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ КАК СПОСОБЫ КОСВЕННОЙ НОМИНАЦИИ КОНЦЕПТОВ В ПРОВЕРБИАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ, ВЕРБАЛИЗУЮЩИХ КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПОЛЕ ПРЯМОТА – ЛУКАВСТВО)

В статье рассматриваются метафора и метонимия как способы косвенной номинации концептов на материале пословиц, вербализующих концептуальное поле ПРЯМОТА – ЛУКАВСТВО. По результатам исследования делаются выводы о типологии метафоры, о событийной номинации и об особом типе метонимии в пословицах.

Ключевые слова: метафора, метонимия, пословица, концепт, косвенная номинация, прямота, лукавство.

Номинация – это «процесс и результат наименования, при котором языковые элементы соотносятся с обозначаемыми ими объектами» [Гак 1977: 237]. З.Д. Попова и И.А. Стернин понимают под концептами совокупность вербализованных и невербализованных образов предметов и ситуаций, образующих

концептосферу человека, а под денотатами – вербализованные образы [Попова, Стернин 2007: 19]. Обозначая тот или иной денотат, номинация отражает некоторую часть содержания обозначаемого концепта. Причем один и тот же концепт может быть представлен в языке различными номинациями, каждая из которых будет отражать определенную сторону этого ментального образования [Зырянова 2014: 46].

Номинации подразделяются лингвистами на прямые и косвенные. Под прямыми номинациями понимаются такие именованья, которые обладают прямой и непосредственной соотнесенностью с предметом обозначения, а не прямые или косвенные номинации характеризуются опосредованной, двойной соотнесенностью, что типично для стилистически маркированных знаков [Языковая номинация... 1977]. По внутренней форме В.Г. Гак разделяет косвенную номинацию на абстрактную (генерализующую) и переносную (метафорическую и метонимическую) [Гак 1977: 245]. В данной статье мы будем рассматривать метафору и метонимию в качестве важных способов косвенной номинации.

Вслед за К.С. Шиялевым и Е.А. Шлотгауэром, мы полагаем, что и метафора, и метонимия представляют собой когнитивный механизм, лежащий в основе не только их собственно языковых проявлений, но и смежных явлений. Метонимия рассматривается как референциальный сдвиг в пределах одной когнитивной сферы, а метафора является проекцией с одной концептуальной сферы на другую, т. е. со сферы-источника на сферу-мишень [Шиялев, Шлотгауэр 2019: 115].

Материалом для исследования послужили пословицы, извлеченные из раздела «Прямота – Лукавство» сборника В.И. Даля «Пословицы русского народа» [ПРН 2000], а также единицы, вербализующие данную концептуальную оппозицию, зафиксированные в «Большом словаре русских пословиц» [БСРП 2010]. Русские пословицы понимаются нами как сложное логическое, семиотическое целое, обладающее лексико-семантическими и структурными закономерностями [Селиверстова 2009: 5]. Сразу оговоримся, что совокупность исследуемых пословиц рассматривается нами как концептуальное поле, организованное такими концептами, как ХИТРОСТЬ, ЛЕСТЬ, ЛИЦЕМЕРИЕ, ПРОСТОТА, ПРЯМОТА, КРИВИЗНА.

По структуре метафоры в нашем материале можно разделить на три подтипа:

1) Представлена лишь сфера-мишень. См., например: *Лестью и душу вынимают*. В этой пословице сохранена сфера-мишень ЛЕСТЬ как прямая номинация концепта, опущена сфера-источник ОРУДИЕ УБИЙСТВА. Данный подтип метафоры не выполняет функции косвенной номинации.

2) Представлена лишь сфера-источник. См., например: *Не поддавайся на пчелкин медок, у нее жалыце в запасе*. В этой пословице сохранена сфера-источник МЕДОК как косвенная номинация концепта, опущена сфера-мишень ЛЕСТЬ.

3) Представлены оба домена метафоры. См., например: *Хитрость не дурацкая, второй ум в голове*. В этой пословице сфера-мишень ХИТРОСТЬ и сфера-источник ВТОРОЙ УМ соответственно выступают как прямая и косвенная номинации концепта. В данном случае, нам кажется, что функция косвенной номинации концепта у метафоры отходит на второй план. Как мы уже упомянули выше, каждая номинация отражает один из признаков обозначаемого концепта. Здесь косвенная номинация подчеркивает интеллектуальную значимость концепта ХИТРОСТЬ.

Сочетание прямой и косвенной номинаций в одной пословице также наблюдается в единице *Старую лису хитростям не учить*. Здесь слово-репрезентант «хитрость» в качестве прямой номинации не является доменом метафоры, а словосочетание «старая лиса» в качестве косвенной номинации представляет собой сферу-источник метафоры второго подтипа ХИТРЕЦ – СТАРАЯ ЛИСА. В данном случае метафора, на наш взгляд, позволяет избежать повтора однокоренных слов в одной единице.

Таким образом, второй подтип метафоры, выполняющий функцию косвенной номинации, является главным объектом данного исследования.

По мнению Г.В. Колшанского, номинация может осуществляться через слово и словосочетание (лексическая), предложение (пропозитивная) и текст (дискурсивная) [Колшанский 1977: 121]. При этом в зависимости от обозначаемого объекта В.Г. Гак выделяет два типа номинации: элементная и событийная (ситуативная). Элементная номинация обозначает определенный элемент действительности: предмет, качество, процесс, отношение, любой реальный или мыслимый объект. Номинантом здесь может быть слово или словосочетание (в этом случае говорят о лексической номинации). Событийная номинация в качестве номинанта имеет микроситуацию, т. е. событие, факт, объединяющий ряд элементов. Она имеет внешнюю форму предложения, т. е. пропозитивной номинации [Гак 1977: 257].

На наш взгляд, некоторые исследуемые нами пословицы можно рассматривать как событийную номинацию, состоящую из ряда элементарных (лексических) номинаций, а именно из нескольких метафор. В качестве примера возьмем пословицу *Это мыши kota погребают*, вербализующую концепт ЛИЦЕМЕРИЕ. Данная ситуация номинируется через метафоры «лицемер – мышь», «неприятель лицемера – кот и лицемерить», «притворяться добродушным – погребать» и, соответственно, состоит из трех элементов: лицемер как адресант действия, неприятель лицемера как адресат и лицемерное действие.

Более сложные по содержанию элементы фигурируют в пословице *Не поддавайся на пчелкин медок, у нее жальце в запасе*, которая, по нашему мнению, включает в себя следующие лексические номинанты-метафоры: «верить в лезть – поддаваться на пчелкин медок», «лестец – пчела», «злое и опасное намерение в душе – жальце в запасе».

Подобная ситуация также номинируется в таких единицах, как: *Плакала кукушка, что детей отдала в люди; Целовал ястреб курочку до последнего перышка; Пожалеет волк кобылу: покинул хвост да гриву*.

Перейдем к рассмотрению метонимизации концепта как способа его косвенной номинации. В анализируемых пословицах концепт ХИТРОСТЬ обозначается с помощью «способов реализации хитрости»: *Не гонкой волка бьют – уловкой; Идет рыба на блевку, идет на блесну; Клевать-то клюет, да на удочку нейдет.* Такие способы реализации хитрости, или, так сказать, ее воплощения, как уловка, блевка и удочка, рассматриваются нами в качестве составляющих хитрости, т. е. реализуется метонимия «часть вместо целого».

Наряду с этим, нередко обнаруживаются «соматические метонимии», которые осуществляются через модель «часть тела вместо человека», например: в пословице *Добро-добро, а ноги кривы* кривой по характеру человек замещен кривыми по форме ногами; а в единице *Одни глаза и плачут и смеются* двуличный человек обозначен через соматизм *глаза*.

Следует отметить, что в рамках соматической метонимии выделяется особая группа пословиц, в которой концепт номинируется через «двойную метонимию». В качестве примера рассмотрим пословицу *Весь бы прот, да привязан хвост (лисий)*, где двойная метонимия может быть условно представлена как «хвост – лиса, лиса – хитрость» по модели «часть вместо целого, целое вместо части». «Привязан хвост» понимается нами как «хитрость обнаружилась или не получилась». Рассматриваем здесь «хитрость» как часть «лисы», т. к. хитрость издавна считается лисьей повадкой и свойством. К данной группе относятся также следующие единицы: *Сам, кажись, и прот – да увяз хвост; И волчий рот, и лисий хвост; Где волчий рот, а где лисий хвост.*

Итак, в результате проведенного анализа можно сделать следующие выводы: во-первых, функцию косвенной номинации концепта в основном выполняют метафоры, в которых представлена лишь сфера-источник; во-вторых, некоторые исследуемые пословицы можно рассматривать как событийную номинацию, состоящую из ряда элементарных номинаций, которые реализуются с помощью ряда метафор; в-третьих, в рамках соматической метонимии обнаруживаются пословицы, в которых концепт номинируется через «двойную метонимию».

Литература

- Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы: коллективная монография / отв. ред. Б.А. Серебrenников, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1977. С. 230–293.
- Зырянова М.Н. Классификационные типы номинаций художественного концепта (на примере постмодернистских текстов Д.А. Пригова) // Концепт. 2014. № 1. С. 46–50.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток – Запад, 2007.
- Селиверстова Е.И. Пространство русской пословицы: постоянство и изменчивость. СПб.: ООО «МИРС», 2009.
- Шляев К.С., Шлотгауэр Е.А. Концептуальная метафора и метонимия в русскоязычных обозначениях вин и коньяков // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2019. № 61. С. 113–134.
- Языковая номинация. Общие вопросы: коллективная монография / отв. ред. Б.А. Серебrenников, А.А. Уфимцева. М.: Наука, 1977.
- БСРП – Большой словарь русских пословиц. М.: Издательство «Олма Медиа Групп», 2010.
- ПРН – Пословицы русского народа. М.: Эксмо Пресс, 2000.

*Zhao Simin (Saint Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University*

METAPHOR AND METONYMY AS METHODS OF INDIRECT NOMINATION OF CONCEPTS IN THE PROVERBIAL SPACE (BASED ON THE RUSSIAN PROVERBS VERBALIZING THE CONCEPTUAL FIELD *DIRECTNESS* – *SLYNESS*)

The article considers metaphor and metonymy as methods of indirect nomination of concepts on the example of proverbs that verbalize the conceptual field *DIRECTNESS* – *SLYNESS*. Based on the results of the study, conclusions are drawn about the typology of metaphor, event nomination and the special type of metonymy in proverbs.

Key words: metaphor, metonymy, proverb, concept, indirect nomination, directness, slyness.

*Н.В. Шелепова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный технический университет
shelepova1976@mail.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ ОБРАЗОВАНИЯ МЕТАФОРЫ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)

В статье изучается аналогия, а также когнитивные процессы фокусирования, дефокусирования, лежащие в основе трансформации смыслов и образовании метафорических значений английских языковых единиц, включая мифологем.

Ключевые слова: метафора, аналогия, фокусирование, дефокусирование, супрессия, мифологема.

Метафорические процессы являются неотъемлемой частью когнитивной деятельности человека. Изучение этих процессов регулярно предпринимается исследователями различных областей науки, включая когнитивную лингвистику. В настоящее время существует большое количество концепций, представляющих собой тот или иной подход к описанию и раскрытию сущности явления метафоризации.

Среди этого множества выделяется концепция Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Lakoff, Johnson 1980]. Традиционные подходы рассматривают метафору как фигуру речи, художественное украшение. Однако, по мнению авторов, метафора больше, чем изящный троп, но *фундаментальный способ придать смысл высказываниям*, а также *способ передать большую часть человеческого опыта*. Другими словами, метафора выступает в качестве средства интерпретации и представления человеком своего личного опыта взаимодействия с окружающей действительностью и самим собой. Причем, в той или иной культуре может существовать определенный закрепившийся шаблон, паттерн метафоризации фрагмента действительности. Ряд таких паттернов в различных культурах совпадает. Так, например, время/жизнь часто представляются через

процесс, пространство, реку/воду как в английских метафорах *life is a (sea) journey* and *time is a river*, так и в русских – *жизнь – путешествие*, *время – река* соответственно. Можно найти еще такие интересные варианты, как: *life is a journey through time*, *life is a voyage in space*. В обоих языках реализация данных концептуальных метафор часто осуществляется при использовании идиом и фразеологических оборотов. В английском языке встречаются примеры, в которых кроме самой реки/воды фигурируют еще различные транспортные средства (лодки, корабли и др.). В совокупности данные языковые единицы позволяют передать идею течения времени/жизни/судьбы, развертывания различных житейских ситуаций:

You cannot enter the same river twice – «нельзя войти в одну и ту же реку дважды; все течет, все меняется»; *The water of the river flows on without waiting for the thirsty man* – «время не ждет»; *God is good, but don't dance in a currach* – «Бог милостив, но не искушай его; не искушай судьбу»; *He that takes the devil into his boat must carry him over the Sound* (пословица о женьтибе) – рус. эквивалент «Взялся за гуж, не говори, что не дюж»; *sail all in one boat/ship* – «плыть в одной лодке, принадлежать к одной группе»; *in the same boat* – «в таком же затруднительном положении»; *there's another side on the boat* – «нет необходимости делать это таким образом; есть альтернатива»; *when my ship comes home/in* – «когда мне улыбнется счастье».

По мнению В.Н. Телии, Е.О. Опариной, «уподобление перипетий личной и общественной жизни плаванию по морю» является базовой, глубинной метафорой, восходящей своими корнями к библейскому сюжету о великом потопе [Телия, Опарина 2011: 148]. Полагаем, что здесь прослеживается не только аналогия между морским путешествием и жизнью с ее различными нюансами и неожиданностями, но подчеркивается значимость, важность отдельной жизни/судьбы человека. Фактически, она приравнивается к глобальному, масштабному событию, поскольку для каждого человека она, по сути, и является таковой. Что касается самих библейских притч, как считает П. Тагард, они являются *моральными аналогами*, говорящими людям как нужно действовать, например, как *the Good Samaritan* (*Добрый Самаритянин*) [Thagard 2014: 151]. Библейские притчи и мифологические сюжеты учат нравственному поведению и показывают возможные негативные последствия разрушительных действий человека.

Если непосредственно рассматривать когнитивные механизмы, лежащие в основе процесса метафоризации, то здесь необходимо остановиться более подробно на аналогии. *Аналогия* – форма умозаключения (и метод познания), когда на основании сходства двух объектов (явлений, понятий) по одним признакам делается вывод об их сходстве по другим признакам. Данный вывод не дает достоверного знания, но носит гипотетический характер [БПС: 39]. Аналогия – это всегда сравнение двух ситуаций: исходного аналога, полученного из предыдущего опыта, и аналога-цели, который является новой ситуацией или проблемой [Thagard 2014: 153]. Мышление по аналогии требует сочетания четырех

основных психологических процессов: *получение, отображение соответствий, адаптация и усвоение* (obtaining, mapping, adapting, and learning) [ibid: 154]. На языковом уровне такая аналогия ни есть синтаксическая система изоморфных отношений, поскольку семантические связи имеют решающее значение для отображения соответствий. Без таких семантических связей метафора не имела бы силы. Метафора создается за счет взаимодействия «ограничений» [Thagard 2014: 290], а не только за счет синтаксиса. Процесс сопоставления ограничений не порождает идеально изоморфный набор аналогий, но только семантически обоснованные соответствия, необходимые для достижения целей метафоры. Так, красоту девушки можно сравнить с цветком, розой, персиком, но не с бананом, репой и т. д. Другими словами, аналогия будет уместной, если исходный и целевой домены имеют общее схематически-структурное сходство.

Еще один важный момент: в результате процесса метафоризации возникает *когнитивно-семантическая аномалия* [Шелепова 2011: 73], сопровождающаяся неким «психо-эмоциональным напряжением», поскольку сознанию необходимо провести аналогию и совместить, казалось бы, несовместимые вещи, явления и т. д. На когнитивном уровне такая аномалия сопровождается процессами *супрессии* (подавления), при которой ряд свойств выводится из семантического фокуса языковой единицы. Оставшаяся в фокусе оценка переходит на новый референт (о процессах дефокусирования, супрессии подробнее см.: [Ирисханова 2007]). Рассмотрим на примере английской мифологемы *labyrinth*, как происходит процесс метафоризации с учетом аналогии, а также указанных процессов фокусирования и дефокусирования. Процессы фокусирования и дефокусирования будем считать *операциями трансформации*, поскольку, на наш взгляд, их действие уже, нежели той же аналогии, которую, в свою очередь, нельзя свести к таковым. Аналогия – это образ, способ мышления, который использует предыдущий опыт для решения проблем в новой ситуации. Как писала Е.С. Кубрякова, «В основе аналогии лежит...мысленное обобщение путей образования определенных форм в виде известного правила. Перенесение же этого правила на порождение единиц, ранее ему не подчинявшихся, свидетельствует о понимании структурного и/или семантического сходства между всеми такими единицами и о существовании ассоциативных связей между ними» [Кубрякова 1987: 45]. По мнению автора, аналогия – это перенос знания о структуре, членимости, значении и др. свойствах данного объекта на процесс конструирования сходного с ним в чем-то объекта [ibid].

Итак, в английских мифологемах процессы метафоризации протекают также, как и в других языковых единицах – на основе аналогии. К примеру, в английских словарях находим следующие толкования мифологемы *labyrinth* (лабиринт): a place constructed of or full of intricate passageways and blind alleys [MWD]; a confusing set of connecting passages or paths in which it is easy to get lost [CD] (появилось в начале 15 века). В переносном значении – something extremely complex or tortuous (marked by repeated twists, bends, or turns) in structure,

arrangement, or character [MWD]; something that is very confusing [CD] (сбивающие с толку аргументы, путаница, запутанность, трудное положение) (с 1540-х годов). Происходит из мифа о Критском лабиринте, построенном Дедалом для царя Миноса по образцу египетского, в котором Тесей убил Минотавра. С позиций когнитивных процессов в переносном значении проводится аналогия между определенным процессом, состоянием, явлением и блужданием в месте, характеризующимся сложностью, запутанностью, приводящим в замешательство, сбивающим с толку: *He was no stranger to the labyrinth of love* (CD) (состояние любви/влюбленности сравнивается с нахождением в лабиринте, в котором может быть много неожиданностей, непредсказуемостей, которое трудно понять); *...guided them through the labyrinths of city life* (MWD) (аналогия основывается на сравнении знакомства с разными аспектами непростой, хитросплетенной городской жизни с прохождением, перемещением по извилистым, незнакомым, запутанным дорогам, путям). Полагаем, что в обоих случаях из фокуса будут выводиться (дефокусироваться) – материальные характеристики лабиринта – место/строение с дорожками, проходами, одновременно будут выдвигаться такие компоненты как *запутанность, сложность, непредсказуемость, возможность потеряться*. На наш взгляд, супрессивные процессы здесь будут протекать не настолько интенсивно, чтобы имело место выведение большого числа свойств из семантического фокуса мифологемы. Даже когда мы говорим *the labyrinth of love*, на когнитивном уровне, фактически, мы представляем любовь через пространство – лабиринт, уподобляем психо-эмоциональное состояние месту, но здесь уже встает вопрос о концептуальной метафоре, о которой мы говорили в начале статьи.

Таким образом, изучение когнитивных процессов, лежащих в основе метафоризации, позволит раскрыть многие интересные аспекты работы сознания и понять специфику протекающих семантических процессов в языке.

Литература

- Ирисханова О.К. Концептуальный анализ и процессы дефокусирования // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: Сб. науч. трудов. М.-Калуга: ИП Кошелев А.Б. («Эйдос»), 2007. С. 69–80.
- Кубрякова Е.С. Размышления об аналогии // Сущность, развитие и функции языка. М.: Наука, 1987. С. 43–51.
- Телия В.Н., Опарина Е.О. Культурная коннотация как способ воплощения культуры в языковой знак // Культурология. 2011. 1 (56). С. 145–148.
- Шеленкова Н.В. Метафора как средство представления обыденного и профессионального знания в английском языке // Профессиональная коммуникация: лингвистика, лингводидактика, межкультурное общение: Коллективная моногр. Астрахань: Изд-во АГТУ, 2011. С. 69–83.
- Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
- Thagard P. *Brain-Mind: From Neurons to Consciousness and Creativity*. Draft 2, University of Waterloo, 2014.
- БПС – Большой психологический словарь / под ред. Мещерякова Б., Зинченко В. М.: АСТ, Прайм-Еврознак, 2009.
- CD – Cambridge Dictionary. Labyrinth. URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/labyrinth>
- MWD – Merriam Webster Dictionary. Labyrinth. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/labyrinth#related-phrases>

*N.V. Shelepova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University*

COGNITIVE PROCESSES OF METAPHOR FORMATION (BASED ON THE ENGLISH LANGUAGE ANALYSIS)

The article studies the analogy, as well as the cognitive processes of focusing, defocusing, which underlie creative thinking and provide the transformation of meanings and the formation of metaphorical ones in English words, including mythologems.

Key words: metaphor, analogy, focusing, defocusing, mythologem, suppression.

*О.В. Шкурин (Луганск, ЛНР; Москва, Россия)
Луганский государственный педагогический университет
Российский университет дружбы народов
oksana.shkuran@mail.ru*

СООТНОШЕНИЕ СМЫСЛА И ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА

Статья посвящена изучению смысла и значения слова, которое тесно связано с языковыми единицами и со звуковой системой современного русского языка. В его семантическом поле присутствуют нетождественные понятия с различными дефинициями, что свидетельствует о более глубоком смысле слова как генетически первичном явлении в комплексной языковой системе. Смысл слова иллюстрирует чувственное, вещественное и духовное, практическое и умозрительное содержание всей жизни народа.

Ключевые слова: слово, сигнификат, денотат, коннотация, значение, смысл.

Слово наполняется жизненными впечатлениями, нацеливает знание на смыслы возвышенного макроуровня, вбирает человеческие показатели и идеи, что воспроизводится в значении, которое сосредотачивается в логико-предметном взгляде, доказывающем синтезированную форму – сигнификативное значение. Это результат познания, в котором суммируется опыт приобретенных знаний. Сигнификат отражает все важнейшие параметры и черты объекта намного шире, чем только лексическое значение. Например, краткое толкование слова *благополучие* в страноведческих словарях занимает несколько столбцов в отличие от толковых – краткая дефиниция ‘спокойное, без каких-либо нарушений течение дел, жизни’ [МАС 1985: 94]. Сигнификат обеспечивается путем его ревульсии от отличительных черт предметов данного класса, внедряется в адекватную систему понятий и категорий универсальных гуманитарных наук без эмоционально-экспрессивной коннотации.

Слово воспроизводится и в психологическом аспекте, и значение слова напрямую соотносится с представлением о конкретном предмете – денотатом. Такое значение устанавливается через сопричастность языковой единицы к конкретному предмету, текущей позиции. В итоге сигнификат описывает лексическую единицу как структурную единицу языка, владеющую определенным

содержанием-реалемой, а денотат – как позиционирующую конкретные предметы, определенные обстоятельства. Денотативное значение отмечает языковую единицу в процессе межличностного общения – от прямого, соответствующего первичному, главному значению, к непрямоу, связывающему с вторичным, переносным значением. Такой подход демонстрирует язык «в действии» и его значимый смысл в дискурсе.

Самобытное языковое отражение оценки обозначаемого посредством стилистически выделенных слов определяют часть значения, выражающего позицию говорящего к словам и их обозначению, и, кроме этого, соответствующий эффект таких слов на окружающих. Слово приобретает прибавочное содержание с сопутствующими коннотациями, накладывающимися на семантику слова и выражающими различного рода эмоционально-экспрессивные свойства: ср. *лицо и лик, очень устал – страшно устал, голова – башка, руки – конечности* и др.

Все вышеназванные термины – сигнификат, денотат, коннотат – образуют семантическое пространство слова с занятыми семантическим «пространством» и свободными «клетками», находящимися в намерении получения эмоционально-оценочного элемента в зависимости от культурного погружения слова, напр.: *злачное место* 'место, богатое злаками и плодами' или 'место для праздного бесцельного времяпрепровождения'.

Таким образом, слово выступает достоянием очеловечивания мира, поэтому по мере его овладения либо мы входим в права наследования родным словом, либо – нет. Для этого требуется понимание совокупности смыслов, оттенков и определения нужного значения в соответствии с коммуникацией и промежутком времени. Освоение конкретным и точным смыслом, свободное употребление языковых средств в устной и письменной речи, владение генеральными словами (*родина, любовь, семья, истина, душа* и т. д.), формирующими мировоззрение русского человека с гражданской позицией, ответственностью, национальным самосознанием, самобытностью – вот один из векторов современного русского языкознания.

Следуя концепции В. ф. Гумбольдта, язык выражает национальный дух, и разность языков заключается не в звуках и знаках, а в самобытных точках зрения на мир: *Язык есть орган, образующий мысль; Звуковая форма есть выражение, которое язык создает для мышления* [Гумбольдт 2000: 10]. Известные дефиниции слова настолько широки, что, в силу метафоричности, сложно назвать их определениями, напр.: *Язык по своему происхождению и развитию – это человеческое приобретение, сделанное совершенно естественным образом... Наш язык – это также наша история* (Гримм Я.); *Язык есть духовное выражение... История языка есть не что иное, как история духовных форм выражения...* (Фосслер К.) и др. Поэтому с целью изучения природы, семантической структуры, содержания языка необходимо рассматривать единицы языка как факторы современного языкового анализа.

В монографии «Язык о языке» под ред. Н.Д. Арутюновой, И.Б. Левонтиной впервые была поставлена задача по комплексному изучению концептов *язык, слово, речь, значение, смысл*. В «Предисловии» к книге Н. Д. Арутюнова называет язык аналогом человека. «Он воспринимается одновременно умом и органами чувств. Этот дуализм языка, повторяющий двойственную природу человека, отражен почти во всех дефинициях» [Арутюнова 2000: 8].

Слово *язык* связано с речью как определенным видом деятельности, формирующей сознание каждой личности, создающей портрет народа. При употреблении слова *язык* в структуре паремий говорящий чаще выражает свое негативное отношение к болтливости: *держи язык за зубами; длинный язык с умом не в родстве; мягок язык, да жалит больно; острый язык – дарование, длинный язык – наказание* и др. (БСРП 2010:1012-1013); позитивное отношение к умению договориться, быть рассудительным, мудрым: *язык до Киева доведет; язык доброглазых умножит добрую беседу; язык разум открывает* и др. (БСРП 2010:1013), что демонстрирует вторичность природы слова *язык* и его национальный образ в зависимости от коммуникации.

Слово представляет жизнеспособность этноса, по этой причине культурно-просвещенный уровень владения словом тождествен уровню образованности нации. В бытовом сознании русского народа особое место слова определило многовековое Евангельское учение о сакральном значении Логоса, воплотившегося в образе Иисуса Христа, его образе, учении. По словам Н.Д. Арутюновой, «именно вычлениением слова было положено начало аналитическому подходу к речи и последовавшему за ним синтезу – осознанию механизмов связи слов...» [Арутюнова 2000: 14]. Постепенно слово становилось центром понятия, символом широкого смыслового поля. По словам А. Белого, слово «создает новый, третий мир – мир звуковых символов, посредством которого освещаются тайны вне меня положенного мира, как и в тайны мира, внутри меня заключенные» [Белый 1994: 131].

Слово – семантически подвижная языковая единица и, по мнению И.Б. Левонтиной, является «семантическим полем языка» [Левонтина 2000: 290], в котором присутствуют связанные между собой, но не тождественные по содержанию значение и смысл [Кобозева 2008: 303], ср.: значение 'смысл, содержание' [МАС 1985: 617] и смысл 'разум, рассудок; внутреннее логическое содержание; разумное основание; цель' [МАС 1988: 160]. Дефиниции похожи, но смыслу свойственны *рассудок* и *разум*. Недостаточность степени изученности этой проблемы (Дж. В. Ричардс, С.К. Огден дают шестнадцать определений) предполагает дальнейшее исследование этих терминов в проекции на лексическое значение слова.

Современный русский язык, переживая современные трансформации, зафиксировал в своем внутреннем содержании многие цивилизационные этапы развития новых смыслов и значений. Например, Институт русского языка имени А. С. Пушкина назвал самые популярные слова 2020 года: *самоизоляция, обнуление*; поисковая система Яндекс – *карантин, пропуск, Конституция*,

причем большинство из названных слов претерпели семантические трансформации и новые этапы развития номинации вещей или явлений, утратив или получив сакральный смысл.

Получается, что слово с разнообразным количеством выявленных связей и позиций в лексическом значении, эволюционных этапов от количества к качеству и наоборот, представляет сложную природу, воплощающуюся в мысль, мысль – в смысл (содержание, назначение, цель денотата), смысл – в языковую единицу с разнообразной семантикой, языковую единицу в константу (содержание денотата в мироздании).

В связи с этим в этой логической цепи смысл определяет весомость языковой единицы в системе мироздания, потому что он является результатом логического соединения первичного значения слова со всеми количественными связями в дискурсном окружении, ведущими к накоплению и образованию связей, отношений и образованию смысловой координаты. По мнению А.В. Бондарко, «смысл – это явление речи, имеющее ситуативную обусловленность ... во взаимосвязи значения и смысла существенны отношения средства и цели: языковые значения служат средством для выражения смысла в том или ином высказывании» [Бондарко 1978: 51].

Таким образом, смысл генетично первичен и передается не только языковыми средствами. Значение слова тесно связано с языковыми единицами и со звуковой системой данного языка, в чем и выявляется, по мнению З.А. Мирошниковой, неуниверсальность лексического значения [Мирошникова 2011: 139]. Изменения в лексико-семантической системе современного русского языка связаны с развитием духовной и материальной культуры русского народа, со сменой идеологических систем, социальных отношений, с когнитивным процессом, технореволюцией, что обуславливает разрушение мотивационных связей языковых единиц с генетическим началом современного русского языка и созданию новых смысловых полей слова.

Литература

- Арутюнова Н.Д., Левонтина И.Б. Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры. 2000.
- Белый А. Магия слов. URL: <https://vk.com/@stih-statya-andreya-belogo-magiya-slova>.
- Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. М: Наука, 1978.
- БСРП – Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русских пословиц / под общ. ред В.М. Мокиенко. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа групп». 2010.
- Гумбольдт В.ф. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс. 2000.
- Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 2008.
- Мирошникова З.А. Лексическое значение и смысл // Вестник СГТУ. 2011. № 4. Вып. 3. С. 135–140.
- Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. М.: Логос. 1998.
- МАС – Малый академический словарь: в 4 т. / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; [гл. ред. А.П. Евгеньева; выполн. Л. П. Алекторовой и др.]. Изд. 3-е, стер. Москва: Русский язык, 1985 1988. Т. 1. Т. 4.

O.V. Shkuran (*Lugansk, Lugansk People's Republic; Moscow, Russia*)
Lugansk State Pedagogical University
RUDN University

THE RELATIONSHIP OF MEANING AND MEANING OF THE WORD

The article is devoted to the study of the meaning and meaning of the word, which is closely related to the linguistic units and the sound system of the modern Russian language. In its semantic field there are not identical concepts with different definitions, which indicates a deeper meaning of the word as a genetically primary phenomenon in a complex language system. The meaning of the word illustrates the sensual, material and spiritual, practical and speculative content of the whole life of the people.

Keywords: word, signification, denotation, connotation, meaning.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

*О.Б. Абакумова, В.И. Ильминская, Д.А. Кубышкина (Орел, Россия)
Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
Abakumova-ob@mail.ru*

ПОСЛОВИЧНЫЕ ТРАНСФОРМЫ, ИХ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ И ПЕРЕВОД В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Статья посвящена проблемам, связанным с динамикой и трансформациями семантики и структуры пословиц в контекстах их употребления, а также сложностям перевода пословиц в коммуникативных эпизодах художественного текста. Пословицы выполняют текстообразующую функцию, входят в семантическую макроструктуру текста и передают главное послание автора читателю, которое необходимо декодировать и передать иноязычному читателю с учетом присущей паремиям оценочности и культурной коннотации. Но в последнее время в английских текстах появилось много сокращенных вариантов пословиц, которые имеют структуру словосочетания, и их функция в тексте меняется.

Ключевые слова: пословица, трансформы, культурная коннотация, художественный текст, перевод.

Пословицы всегда привлекали к себе внимание исследователей, поскольку они характеризуют ситуацию, моделируют ее в виде универсального высказывания, наделяют его персуазивным смыслом, могут переосмысливать исходную ситуацию в ироническом ключе [Карасик 2021: 223]. В данной статье пословица понимается как самый сложный языковой знак, фразеологизм со структурой предложения, оценочное суждение с обобщенным значением, текстовыми характеристиками и прагматическими функциями; в актуализованном режиме пословица представляет собой косвенный речевой акт чаще всего директивного типа и используется в коммуникации как тактическое средство реализации коммуникативной стратегии говорящего [Абакумова 2012, 2021]. Пословицы часто содержат метафору, которая наделяет объект оценки определенным оценочным качеством. Оценка в пословицах может быть выражена эксплицитно или имплицитно. В первом случае в плане выражения пословицы будут использованы следующие оценочные маркеры: оценочные слова (*хорошо*, *плохо* и их синонимы), метафоры как репрезентанты лингвокультурного кода (о лингвокультурных кодах подробнее см.: [Телия 2006, Ковшова 2021]), конструкции с отрицанием, параллельные конструкции с антонимами, антитезой,

сравнительные конструкции, императивы и др. Имплицитная оценка часто проявляется только в актуализованном режиме использования пословицы, когда в контексте инферируются фиксированные в семантике паремии деонтические нормы. Но пословицы – это не застывшие пласты фразеологического фонда лингвокультуры, они подвержены изменчивости и разного рода трансформациям как семантики, так и структуры [Мелерович, Мокиенко 2021]. Так, пословицы в бытовом диалоге и художественном дискурсе могут терять свою замкнутую предикативную структуру и, будучи редуцированными до уровня устойчивого словосочетания, выступать компонентами предложения как текст в тексте, выполняя не свойственную им строевую функцию, но сохраняя оценку и культурную коннотацию.

Для анализа проблем семантики, прагматики, функционирования пословиц, а также выявления и описания лингвокультурологических аспектов пословичного смысла нами была предложена прагматически ориентированная когнитивно-дискурсивная модель актуализации смысла пословицы в дискурсе [Абакумова 2012], которая включает коммуникативную, когнитивную, экспрессивную и регулятивную составляющие. Рассмотрим пример анализа коммуникативного эпизода, взятого из художественного текста Хелен Филдинг «Дневник Бриджит Джонс», в котором известная английская пословица, а точнее ее трансформ, содержащий культурно-значимую метафору, используется в качестве компонента структуры предложения в тексте дневниковой записи, где героиня доверяет бумаге свои сокровенные мысли.

*Alcohol units 4 (but drunk in police presence so clearly OK), cigarettes 0, calories 1760, 1471 calls to see if Mark Darcy has rung 11. 10: 30 p. m. Everything is going from bad to worse. Had thought only **silver lining in cloud** of mother's criminality was that might bring me and Mark Darcy closer together but have not heard a peep from him since he left the Alconburys* (Fielding H. Bridget Jones's Diary 1996).

В тексте используется трансформ известной английской пословицы «Every cloud has a silver lining» – *У каждого облака есть серебряная подкладка* (дословный перевод). Данная пословица также имеет значение: «Даже в самые темные времена можно найти свое счастье». В качестве русских эквивалентов приводятся такие пословицы как «*Будет и на нашей улице праздник*», «*Нет худа без добра*» [Котова 2000]. Оксфордский словарь дает такую дефиницию: 'said to emphasize every difficult or unpleasant situation has some advantage' [Oxford Concise Dictionary of Proverbs].

Коммуникативная ситуация представляет собой размышления девушки об обстоятельствах, которые на данный момент складываются в ее жизни. Героиня ведет личный дневник, куда записывает все события своей жизни и собственные эмоции. В данном отрывке она размышляет о «черной полосе», неудачах в личной жизни и о своей матери, у которой возникли проблемы с законом. В данной ситуации девушка использует трансформ пословицы, чтобы выразить свою надежду на положительный исход в своих делах, стараясь искать положительные моменты в даже, казалось бы, безвыходных ситуациях.

Kommunikativa (коммуникативная составляющая): главная героиня использует индивидуально-стратегическое действие (по [Habermas 1987]). Так как повествование в данном литературном произведении ведется от первого лица, все реплики героини отражают свойства ее личности и характера. Читатель будто бы является слушателем внутреннего диалога Бриджит Джонс, в котором она успокаивает себя тем, что в каждой, даже в самой плохой ситуации, есть светлые стороны: главная героиня предполагает, что узнав о проблемах с законом у ее матери, Марк Дарси, в которого она влюблена, захочет помочь, и тем самым они снова возобновят общение.

Konstativa (констативная составляющая), отражающая когнитивное использование языка: наложение трех типов фреймов и разворачивание пословичного сценария.

Образный фрейм: в центре ситуации находится природный объект (облако), обладающий «серебряной подкладкой», которой не существует в мире природы. «Серебряная подкладка» – метафора оптимизма. В английской культуре облако символизирует неприятности, а «серебряная подкладка», видимо по ассоциации с деньгами, передает идею оптимистического взгляды на мир.

Обобщенный фрейм: Каждая трудная или печальная ситуация имеет утешительный или более обнадеживающий аспект, даже если это не сразу бросается в глаза. Ср. первую логико-семиотическую модель Г.Л. Пермякова: Если какая-то вещь обладает одним свойством, она обладает и другим [Пермяков 1978]. В нашей классификации пословичных аксиологических предикатов это «квалитатив непостоянства, изменчивости, надежды на лучшее».

Окказиональный фрейм: Бриджит Джонс размышляет о жизни, переживает за свою мать, за отношения с любимым человеком. Используя пословицу, она подбадривает себя, надеясь, что ситуация изменится к лучшему.

Representativa (экспрессивная составляющая): модальность эпистемическая и аксиологическая, оценка ситуации двойственная, но скорее положительная.

Иллокутивная цель пословичного высказывания – косвенный директив (несмотря на сложную во всех отношениях ситуации, героиня контролирует свои эмоции и пытается надеяться на положительный исход событий).

Regulativa (Регулятивная составляющая): на протяжении всего романа жизнь преподносит сюрпризы главной героине, но ее отличительной чертой является то, что несмотря на провалы и неудачи она проявляет мужество и находит выход из любой ситуации, не поддается негативным эмоциям. Читатель инферирует деонтические нормы этического типа: «Нельзя падать духом, Следует надеяться на лучшее».

Лингвокультурологический анализ данного текстового отрывка показывает реализацию природного кода культуры с положительной культурной коннотацией.

Говоря о переводе данной паремии, приведем пример А. Москвичевой, которая использовала метод описательного перевода, передав тем самым суть

паремии нейтральной фразой, опустив образ. В данном тексте такой способ перевода поговорки сохранил стилистическое единство текста.

*Порций алкоголя – 4 (но пила в присутствии полиции, так что все о'кей), сигарет – 0, калорий – 1760, 1471, звонков с целью выяснить, не звонил ли Марк Дарси – 11. 22: 30. Дела идут все хуже и хуже. Я надеялась, что **единственным положительным моментом** в мамином преступлении будет то, что оно облизнул нас с Марком Дарси, но после того, как он уехал от Олконбери, я о нем ничего не слышала.*

Анализ реализации смысла поговорки в дискурсе по модели КДМ показал, что даже в трансформированном виде, когда базовая форма поговорки редуцировалась до уровня устойчивого выражения, ключевой компонент с метафорой вызывает в сознании читателя весь текст поговорки и связанную с ним культурную коннотацию, но функция поговорки в тексте меняется.

Литература

- Абакумова О.Б.* Пословицы в языке, сознании и коммуникации. СПб: Алеф-Пресс, 2012.
- Абакумова О.Б.* Метафоры в поговорках о любви: универсальное и специфическое // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 2(45). С. 411–422.
- Карасик В.И.* Комическая назидательность в паремиях // Фразеология в фокусе когнитивистики. М.: Изд.дом Академии Естествознания, 2021. С. 223–242.
- Ковинова М.Л.* Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, поговорок и поговорок. Антропонимический код культуры. М.: ЛЕНАНД, 2021.
- Котова М.Ю.* Русско-славянский словарь поговорок с английскими соответствиями. СПб: Изд-во СПбГУ, 2000.
- Мелерович А.М., Мокиенко В.М.* Семантизация межъязыковых фразеологических коррелятов и языковая картина мира // Фразеология в фокусе когнитивистики. М.: Изд. дом Академии Естествознания, 2021. С. 133–146.
- Пермяков Г.Л.* О смысловой структуре и соответствующей классификации поговорочных изречений // Паремнологический сборник. Пословица. Загадка. (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978. С. 105–135.
- Телия В.Н.* Послесловие. Замысел, цели и задачи фразеологического словаря нового типа // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М.: АСТ Пресс Книга, 2006. С. 776–72.
- Habermas J.* The Theory of Communicative Action. Boston: Beacon Press, 1987. Vol. 1 Reason and the Rationalisation of Society.
- Oxford Concise Dictionary of Proverbs* / Ed. by J.A. Simpson, J. Speake. 3-d ed. Oxford: Oxford University Press, 2008.

*O.B. Abakumova, V.I. Ilminskaya, D.A. Kubyshkina (Orel, Russia)
Orel State University named after I.S. Turgenev*

PROVERBIAL TRANSFORMATIONS, THEIR USAGE AND TRANSLATION IN THE TEXTS OF FICTION

The paper deals with proverbs and their transformations in the texts of fiction. In modern English texts proverbs are often reduced to phraseological units, and their function differs as they lose their complete predicative structure. Thus there are problems with translation of these types of phraseological units as they still preserve their cultural connotations.

Key words: proverbs, transformations, evaluation, cultural connotation, text of fiction.

А.Д. Бакина (Орёл, Россия)

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
heart-anna@yandex.ru

ЗООМОРФНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ В БИБЛЕЙСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

В статье обсуждается проблема актуализация зооморфного кода культуры, репрезентируемого фразеологическими единицами библейского происхождения с компонентами-зооморфизмами. Приводится классификация библейских зоофразеологических единиц по тематическому и структурно-семантическому критериям. Выявляется специфика семантики библейских фразеологизмов с зооморфным компонентом.

Ключевые слова: коды культуры, зооморфный код, библейский фразеологизм, компонент-зооморфизм.

Возникновение специфического научного интереса к библейской фразеологии обусловлено тем фактом, что, с одной стороны, они имеют все признаки и ключевые черты фразеологизмов [Fedulenkova 2003: 313], с другой, они собраны в единую систему по принципу своего происхождения – библейского источника.

Библейская фразеология изучается сегодня в рамках нескольких направлений, как, например, семантико-этимологическое, функциональное, историческо-составительное, лингвокультурологическое. Последнее в особой степени открывает перспективы выявления особенностей функционирования библейских фразеологизмов в различных языках и культурах, в которых по-разному воспринимается языковая и внеязыковая действительность носителями языка.

В качестве **методов** нашего исследования выступают следующие: метод фразеологической идентификации, метод фразеологического анализа и описания (разработаны проф. А.В. Куниным) а также контекстологический метод и поисковый корпусный метод.

Обратимся к основным понятиям, используемым в исследовании, и их краткой характеристике.

Фразеологизм библейского происхождения понимается нами, вслед за проф. Т.Н. Федуленковой, как «устойчивое, воспроизводимое в речи сочетание слов или предложение с полнотью или частично переосмысленным значением, возникшее на основе библейского прототипа и восходящее к тексту Библии или библейскому сюжету» [Федуленкова 2016: 23].

Код культуры определяется нами как *инструмент*, который помогает лучше понять культуру определенного общества. С помощью кода культурные особенности народа членятся, структурируются и делятся на категории. Коды культуры связаны с древнейшими представлениями человека о мире, предметах и событиях. Можно сказать, что коды систематизируют эти представления.

Зооморфный код представляет собой «совокупность обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных, которые выступают как источник осмысления человеком мира и несут в дополнение к своим природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы» [Даулет 2019: 214].

Книга книг изобилует названиями животных, которые можно разделить на две большие группы. К первой отнесем зоонимы-метафоры: *Верблюду легче пройти сквозь игольное ушко, чем богатому человеку войти в Царствие Небесное (От Марка 10:25)*. Вторая группа представляет зоонимы, которые употребляются в тексте Библии в прямом значении, чаще всего в рассказах о повседневной жизни персонажей Писания: *И Ревекка подняла глаза свои, и когда она увидела Исаака, она соскочила с верблюда (Бытие 24:64)*.

Кроме того, согласно тематической категоризации, библейские контексты с названиями животных можно подразделить по таким тематическим классам, как: «Человек», «Бог», «Семья», «История», «Чистота», «Грех», «Святость», «Этика», «Предсказание», «Чудеса», «Жизнь», «Смерть».

В качестве предмета активного изучения зоонимы в составе фразеологических единиц в синхронном и диахронном аспектах становятся уже в самом начале 20 в. Отдельного внимания заслуживают вопросы семантики зоонимов, их образности, этнической или этноспецифической значимости, анализа зооморфных метафор в пословичном фонде английского языка. Также, одно из центральных направлений фразеологической науки на рубеже 20–21 вв. связано с сопоставительным исследованием зоонимного фонда языков с целью выявления как универсалий, так и национально-специфических особенностей носителей языка и культуры. Это продиктовано тем, что данный лексический пласт является чрезвычайно специфичным и одновременно богатым, отличается экспрессивностью и метафоричностью. В нем заключено мировосприятие народа, его отношение к явлениям действительности, различные представления, система ценностей, особенности ассоциативно-образного мышления. Вышеперечисленные характеристики рассматриваемой лексики продиктованы многовековым сосуществованием человека и животных, зафиксированным в языке.

Анализируя структуру и содержание зооморфного кода в Библии, представленного фразеологизмами, выделяем устойчивые единицы с такими зоонимными компонентами, как например, *wolf / волк, calf / телец, dove / голубь, sheep / овца, leopard / леопард, lion / лев, camel / верблюд* и др. (*lost sheep, wolf in sheep's clothing, golden calf, to kill the fatted calf, like a lamb (sheep) to the slaughter, wise as serpents, Balaam's ass, dead dog, a lion in the path, one's ewe lamb*, etc. [Лепта библейской мудрости 2019]).

Основываясь на структурно-семантическом критерии, выявляем две большие группы английских фразеологизмов, содержащих компоненты-зоонимы / зооморфизмы (как единицы, образованные в результате образно-метафорического переосмысления зоонимов), а именно, фразеологические словосочетания и выражения.

К первой группе можно отнести следующие (выделено около 50 единиц): *Ravening wolf* / Разъяренный волк (Когда волк голодный, то он становится свирепым и жестоким, используется для описания человека, который ведет себя по-зверски и дико); *The golden calf* / Золотой телец (Олицетворение денег, богатства; власть денег, золота); *Wise as a serpent* / Мудрый змий (Значит иметь хорошее понимание о том где безопасно, а где нет, а также избегать препятствий и ловушек от нехороших людей); *Harmless as doves* / мягкий безобидный человек (Сохранять простоту души, то есть не поддерживать людей в их злых поступках и коварствах) и др.

К библейским фразеологическим выражениям с зооморфизмами относят следующие (выделено около 50 единиц): *A wolf and a lamb shall feed together* (Враги помирятся); *A living dog is better than a dead lion* (Живая собака лучше мертвого льва); *Where the carcass is, there shall be the eagles gathered together* (Где труп, там и орлы); *The lambs are for thy clothing, and the goats are the price of the field* (Вы должны проанализировать каждую часть своих экономических начинаний и изменить свои планы, чтобы максимизировать прибыль и минимизировать риск в меняющемся мире).

Метод лексико-семантического и фразеологического анализа позволил выделить оценочную составляющую зооморфизмов в составе фразеологических единиц, обуславливающую как положительную, так и отрицательную оценки, причем часто зооморфные *знаки-признаки* направлены на дискредитацию, резкое снижение ценности предмета речи и имеют яркий уничижительный оттенок, поскольку высокоморальная подоплека библейских текстов является ее константной характеристикой.

Библейские фразеологические единицы с зооморфным компонентом широко употребительны в разных типах дискурса. Прагматический потенциал исследуемых единиц высок, доказательством чему могут послужить следующие примеры функционирования библеизмов с зоонимами:

(1) ... *The salmon had already turned into a **ravening wolf**, eating at my innards. How soon joy can turn into fear!*' Nobody has seen hide nor hair of you for at least a month,' he was saying (BNC).

(2) ... *I was worried, too, about what was happening at Wuthering Heights. Hindley and his son Hareton seemed like **lost sheep** to me, and I knew there was a wicked wolf just waiting for the chance to attack them* (BNC).

(3) ... *She'll soon be here with her stocks of quilted kitchen towel, her milk and butter, jams and pickles, **loaves and fishes**; with her verdant washing-up liquid and a jumbo pack of Stu's repugnant breakfast cereal which he will shake jauntily each morning like a pair of maracas* (BNC).

(4) ... *In that period she could have changed. You might find she's now quite a different person. I doubt it. **Does a leopard change its spots?**' he queried in a voice that was faintly bored. She knew he was right* (BNC).

Таким образом, зооморфный код культуры в библейской фразеологии реализуется посредством разноструктурных воспроизводимых фразеологических

единиц библейской этимологии, содержащих компоненты-зооморфизмы. Данные единицы частотны в различных видах дискурса, вследствие своей высокой экспрессивности и образности и оценочности. В лингвокультурологических исследованиях очень важным представляется анализ устойчивых комбинаций, содержащих зоонимические компоненты, поскольку именно в зоолексике наиболее ярко отражаются национальные и культурные особенности разных народов. Вместе с тем, библейская концептосфера и репрезентирующие ее фразеологические единицы есть поле, в котором можно выделить как специфическое, так и универсальное.

Наконец, отметим, что несмотря на различия в разных лингвокультурах образной составляющей зоонимов во фразеологических единицах, библейские фразеологизмы с зооморфизмами обладают специфической семантикой, обусловленной библейским контекстом.

Литература

Даулет Ф.Н. Лингвокультурологические и семантические свойства фразеологических единиц с зооморфными компонентами (на материале китайского языка) // *Litera*. 2019. № 6.

Лента библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Т. 1: А–О / авт.сост.: З.К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е.Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019.

Лента библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Т. 2: П–Я / авт.сост.: З.К. Адамия [и др.]; под общ. ред. Е.Е. Иванова [и др.]. Могилев: МГУ имени А.А. Кулешова, 2019.

Федуленкова Т.Н. Лекции по английской фразеологии библейского происхождения: учебное пособие. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2016.

BNC – British National Corpus. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/>

King James Bible Online: официальный сайт. URL: <https://www.kingjamesbibleonline.org>

Fedulenkova T.N. Frequent Structural Patterns in Biblical Phraseology // *Proceedings of the Second International Scientific Conference «Language and Culture»*. М.: Institute of Foreign Languages, 2003. P. 313–315.

A.D. Bakina (Oryol, Russia)

Oryol State University named after I.S. Turgenev

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

THE ZOOMORPHIC CODE OF CULTURE IN BIBLICAL PHRASEOLOGY

The article discusses the problem of actualization of zoomorphic culture code, represented by the phraseological units of biblical etymology with zoomorphic components. The classification of biblical zoo-phraseological units according to thematic and structural-semantic criteria is given. The specificity of semantics of biblical phraseological units with zoomorphic component is revealed.

Key words: culture codes, zoomorphic code, biblical phraseology, zoomorphic component.

*М.А. Бредис, Л.И. Гишкаева (г. Москва, Россия)
Российский университет дружбы народов
briedis@yandex.ru, lgishkaeva@mail.ru*

*В.И. Ершов (г. Москва, Россия)
МГИМО МИД России
erшовik@mail.ru*

НАЗВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ ЕДИНИЦ КАК СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА БОГАТСТВО В ПОСЛОВИЦАХ РАЗНЫХ ЯЗЫКОВ¹

Статья посвящена анализу пословиц разных языков, включающих название компонента-денежной единицы, репрезентирующих концепт БОГАТСТВО, на примере аналогов русской пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*. Материалом исследования послужили паремиографические сборники. Показана роль компонента пословицы, участвующего в экспликации значения анализируемого концепта.

Ключевые слова: концепт БОГАТСТВО, пословица, татарский язык, кумыкский язык, тувинский язык, монгольский язык, хакасский язык.

Одним из средств репрезентации системы ценностей народа является пословичный фонд языка, в котором, вне зависимости от генетической классификации языков, содержится «семантика, объединяющая паремии как одного, так и нескольких языков, позволяющая выразить основные смыслы и морально-нравственные установки» [Ломакина 2021: 173].

Концепт БОГАТСТВО имеет амбивалентный характер, что объясняется, с одной стороны, отнесением к числу материальных ценностей, а с другой – честным или нечестным «способом добывания богатств и разумным расходом заработанных средств» [Бредис 2019: 186].

Известная русская пословица *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* подчёркивает ценность дружбы, заключая в себе идею *Дружба дороже богатства*, что представляет богатство как нематериальную ценность и соотносится с одним из переносных значений одноимённой лексемы «З. Обилие, множество, многообразие» [МАС 1: 101]. В этой пословице концепт «богатство» сравнивается с концептом «дружба», поэтому они могут рассматриваться как сопряжённые ценностные концепты, при это дружба оценивается как наибольшая ценность.

Анализ аналогов указанной паремии в русском, белорусском, украинском, польском, кашубском, латгальском, латышском, литовском, немецком, английском, таджикском, турецком, татарском, кумыкском, тувинском, хакасском и монгольском языках позволил выявить три группы аналогичных по семантике рассматриваемой русской паремии *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* пословиц: 1) полные аналоги – калки с русского языка с указанием наименования

¹ Публикация выполнена в рамках проекта D. 2-F/S2022 системы грантовой поддержки научных проектов РУДН.

русской денежной единицы – рубля; 2) семантические эквиваленты, упоминающие богатство или деньги как выражение богатства без указания конкретных денежных сумм; 3) аналоги с указанием конкретных денежных сумм с упоминанием наименований различных денежных единиц [Бредис 2022].

Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть роль наименований денежных единиц для создания образов в аналогах пословицы русской поговорки *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* в разноструктурных языках. Для этого использованы пословицы тюркской, монгольской и нахско-дагестанской групп языков из авторской картотеки, собранной из паремиографических сборников: «Большой словарь русских пословиц В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, Е.К. Николаевой, «Татарские народные пословицы и поговорки», «Кумыкско-русский словарь пословиц и поговорок» Н. Э. Гаджихамедова, «Пословицы и поговорки тувинского народа» Б.К. Будупа, «Монгольские пословицы и поговорки. Исследование, перевод, комментарий» И.В. Кульганек, «Хыйға сөс. Сөспектер. Сиспектер паза таптырғастар = Мудрое слово. Хакаские пословицы, поговорки и загадки», «Чеченские пословицы. Нохчийн халкъан кичанаш» Т.Б. Джамбековой и Л.М. Ибрагимова. Каждую пословицу сопровождает лингвокультурологический комментарий.

Рассмотрим примеры аналогов пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*, представляющие собой в основном кальки русской паремии, но при этом в анализируемых ниже паремиях используются национальные обозначения рублей, что придаёт этим пословицам этнокультурную маркированность.

Татарская пословица *Йөз сум акчаң булганчы, йөз дустан булсын* (букв. Вместо ста сумов денег, пусть будут сто друзей) и чеченская пословица с тем же значением *Бле сом хуьлчул а, бле доттагI хилар гIолехь ду* включают название денежной единицы *сум / сом*, которая называет рубль. Интересно происхождение наименования этой денежной единицы. *Сум (сом)* – историческое наименование денежной единицы у некоторых тюркских народов и название денежной единицы Золотой Орды XIV в. В письме ханши Тайдулы к венецианскому дожу от 4 марта 1359 г. о возмещении ущерба ордынским купцам, ограбленным венецианцами, она упоминает сумму в 550 сомов серебра, что на тот момент составляло 102 кг 960 г драгоценного металла (подробнее см.: [Григорьев А.П., Григорьев В. П 1997: 18-27]). В Эрмитаже в Санкт-Петербурге хранятся образцы ладьеобразных слитков серебра, называемых татарскими гривнами. Эти слитки в Орде назывались сумами. По весу они близки к новгородским гривнам (204,8 г), которые и получили название *рублей*. Сумы были мерой веса, и из них чеканились ордынские монеты – дирхемы. В настоящее время национальной валютой Узбекистана является сум, а валютой Кыргызстана – сом.

Кумыкский вариант данной пословицы *Юз манатынг (тюменинг) болгунча, юз ювугунг болсун* (букв. Лучше, чем сто манатов (тюменов), пусть будет сто друзей). Для обозначения рублей в ней может использоваться название *манат* или *тюмен*. *Манат* восходит к слову *монета*. В советское время в ряде тюркских языков слово *манат* использовалось как официальное наименование рубля.

Сейчас *манат* – название национальных валют Азербайджана и Туркменистана. Более интересен вариант с употреблением слова *тюмен*, поскольку это название восходит к татарскому *тумен*, что означает *десять тысяч*, затем оно перешло на денежные единицы. В XIII–XIV вв. денежная единица под названием *туман* в Персии составляла 10 000 серебряных динаров. Стоит отметить, что кумыкские земли в XVII в. находились под влиянием Персии, и персидский шах выплачивал кумыкским князьям жалование. В современном Иране один туман равен 10000 риалов. А в кумыкском языке название *тюмен* перешло на российские рубли, и этим словом стал называться *червонец* (*десять рублей*). Таким образом, буквальный перевод пословицы *Юз тюменинг болгунча, юз ювугунг болсун* (Лучше, чем сто червонцев, пусть будет сто друзей) повышает ставки: концепт *Богатство* выражается здесь более крупной денежной суммой – сто червонцев (1000 рублей).

Тувинский семантический эквивалент русской поговорки также вместо ста рублей использует намного большую сумму – 1000 лан: *Муң лаң орнуга / Чус эшитиг чор* (Не имей тысячи лан, / А имей сто друзей). Национальный колорит поговорки придаёт образ *тысячи лан*. Под названием лан здесь, возможно, подразумевается серебро в слитках. С 1921 г., когда была провозглашена Тувинская Народная Республика, в течение ещё пятнадцати лет государство не имело собственной денежной единицы и пользовалось денежными знаками других государств. Так, на территории Тувы в 1920-х гг. имели хождение банкноты Российской Империи с печатью министерства финансов ТНР, внутри которой имелась надпись на старомонгольском языке: *Tagnu tiva-iin sang-un jamun tamga* (Печать министерства финансов Танну-Тувы) [Бичельдей, Монгуш 2019: 4]. Преобладающим в Туве в то время был натуральный товарообмен, когда единицей товарообмена и исчисления государственных налогов, доходов и расходов применялась своеобразная единица *бода*, буквально означающая *крупный* применительно к скоту (*бода мал* – крупный рогатый скот). Эта единица условно приравнивалась к стоимости одной коровы в возрасте четырёх-пяти лет. Наряду с этим использовались и китайские, монгольские, российские и иные денежные знаки, а также натуральное серебро в слитках – лан [Бичельдей, Монгуш 2019: 50]. Кроме того, название *лан* имела первая денежная единица Монголии в 1921–25 гг., которая приравнивалась к китайскому ляну. *Лян* был основной денежной единицей Китая середины XIX – начала XX в. И имел много разновидностей весом примерно 33-37 г чистого серебра.

Монгольская поговорка также похожа на кальку из русского языка с заменой рублей на монгольские тугрики: *Зуун төгрөгтэй явснаас, зуун нөхөртэй явсан нь дээр* (Лучше иметь сто друзей, чем иметь сто тугриков). Название *тугрик* существует с 1925 г., когда в обращение в МНР была введена национальная валюта тугрик, который делится на 100 мунгу.

В хакасском языке *Чүс манидың полганча, чүс нанчың ползын* (Лучше, чем сто рублей, пусть будет сто друзей). Другой вариант: *Чүс ахча полганча чүс нанчың ползын* (букв. Лучше, чем сто монет, пусть будет сто друзей). В первом

варианте пословицы слово *рубль* передаётся *манидың*, а во втором – словом *ахча*. В современном хакасском языке *ахча* означает *деньги* вообще (*чачын ахча* – бумажные деньги). Другое значение этого слова – копейка. Исторически гривенник назывался *он ахча* (десять копеек), а полтинник – *ишг ахча* (пятьдесят копеек).

Проведённый анализ показал, что аналоги русской пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* в типологически различных языках имеют значительное сходство, поскольку в ряде языков они являются заимствованиями из русского. При общности семантической модели *Дружба дороже богатства* всех эквивалентов русской поговорки анализ позволил выявить общие и специфические черты ключевых понятий и образов, репрезентирующих концепты БОГАТСТВО и ДРУЖБА в русском, татарском, кумыкском, тувинском, хакасском и монгольском языках. Этнолингвомаркерами (термин О.В. Ломакиной) являются наименования денежных единиц, упоминающихся в пословичных эквивалентах: *рубли, сум, манат, тюмен, ахча, лан, тугрик*. Это подтверждает необходимость снабжения при переводе пословиц лингвокультурологическим комментарием в паремиологических сборниках. Результаты исследования будут в дальнейшем использованы в процессе дальнейшего изучения особенностей репрезентации концептосферы этнонациональной картины мира в пословичных фондах типологически различных языков, в том числе народов России.

Литература

Бичельдей К.А., Монгуш Б.Б. Государственные символы Тувы. Герб, флаг и гимн. Денежные и почтовые знаки. Кызыл, 2019.

Бредис М.А. Общее и этноспецифическое в поговорках (на примере аналогов пословицы *Не имей сто рублей, а имей сто друзей* в разноструктурных языках) // Вестник Челябинского государственного университета. Филологические науки. 2022. № 4 (462). Вып. 129.

Бредис М. А. Человек и деньги: очерки о поговорках русских и не только. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019.

Григорьев А. П., Григорьев В. П. Платежная ведомость Тайдулы (1359 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1997. Сер. 2. Вып. 3. С. 18–27.

Ломакина О.В. Концептуализация общечеловеческих ценностей в поговорках (на материале русского, узбекского и таджикского языков) // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 172–175.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 1.

*M.A. Bredis, L.A. Gishkaeva (Moscow, Russia)
Peoples' Friendship University of Russia*

*V.I. Ershov (Moscow, Russia)
MGIMO University*

NAMES OF MONETARY UNITS OF REPRESENTING THE CONCEPT WEALTH IN PROVERBS FROM DIFFERENT LANGUAGES

The paper is devoted to the analysis of proverbs in different languages, including the name of the monetary unit component, representing the concept of WEALTH, based on analogues of the Russian proverb *Не имей сто рублей, а имей сто друзей*. Paremiographic collections served as the research material. The role of the proverb component involved in the explication of the meaning of the analyzed concept is shown.

Key words: the concept WEALTH, proverb, Tatar language, Kумык language, Tuvan language, Mongolian language, Khakass language.

А.В. Верецагина (Москва, Россия)

ФГБОУ ВО МГЛУ

(Московский государственный лингвистический университет)

linaanghelina@mail.ru

ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЯ СИНЕГО/ГОЛУБОГО/СЕРОГО В ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Данная работа представляет сравнительный анализ древнегреческой и новогреческой языковой картины мира, а также языковых картин мира различных греческих авторов. В качестве материала привлечены греческие слова, относящиеся к цветообозначениям синего/голубого/серого в диахронии. Зафиксированы глобальные сдвиги в словесном выражении цветообозначений синего/голубого/серого в греческом языке.

Ключевые слова: языковая картина мира, синий, голубой и серый цвет, древнегреческий язык, новогреческий язык, диахрония.

Цветообозначения как ключевые понятия языковой картины мира подвергаются анализу в работах различных ученых [Василевич, Кузнецова, Мищенко 2005; Воевода 2012; Воробьева 2017; Данисламова 2017; Карасик 2004; Солопов 2016; Степанов 2004; Щитова, Щитов, Хуа 2018], часто в сравнительном ключе. Анализируется также непосредственно обозначение синего/голубого/серого цвета [Адушева 2015; Виниченко 2020; Ермаковская 2011; Зимина 2019; Козлова 2007; Садыкова 2015; Эрдынеева 2013]. Следует принимать во внимание труды, непосредственно рассматривающие языковое выражение цветообозначений на материале греческого языка [Норманская 2016; Садыкова 1975; Durbeck 1977].

В настоящей статье нами исследуется в сравнительном аспекте греческая лексика, связанная со цветообозначениями синего/голубого/серого в диахронии, а также у различных древнегреческих авторов, особенно с точки зрения деривационного потенциала. В качестве материала данной работы привлекаются данные основных словарей греческого языка и отдельных авторов [Дворецкий 1958; Хориков, Малев 1993].

I. В древнегреческом языке зафиксированы следующие обозначения синего/голубого/серого: $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$, $\kappa\upsilon\alpha\nu\acute{o}\varsigma$, $\rho\omicron\lambda\iota\acute{o}\varsigma$, $\pi\epsilon\lambda\iota(\tau\nu)\acute{o}\varsigma$, $\phi\alpha\iota\acute{o}\varsigma$ и некоторые другие.

Относительно лексемы $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\varsigma$ следует отметить, что в словаре даются значения – во-первых, светло-синий, голубой или светло-серый, сизый, например, $\theta\acute{\alpha}\lambda\alpha\sigma\sigma\alpha$ «море» (Гомер, Плутарх), $\lambda\acute{\iota}\mu\eta\eta$ «морской залив» (Софокл), $\acute{\alpha}\lambda\varsigma$ «море» (Еврипид), $\delta\omicron\mu\alpha\tau\alpha$ «глаза» (Аристотель); во-вторых, светло-зеленый, например, $\acute{\epsilon}\lambda\alpha\iota\acute{\alpha}$ «масличное дерево» или $\chi\lambda\omicron\eta$ «зелень, свежая листва» (Еврипид) и т. п., а также «светлый, сверкающий» и «светлоглазый». Эта лексема дает не менее 16 производных, не считая имен собственных, – существительные (5) – $\gamma\lambda\alpha\upsilon\acute{\xi}$ «сова» (Аристотель, Плутарх, Аристофан), $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\omega\mu\alpha$ «синее помутнение глаза» (Аристотель), прилагательные (9), 6 из которых сложные – $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\mu\epsilon\tau\alpha\omicron\varsigma$ «голубоглазый или сероглазый» (Платон, Плутарх), $\gamma\lambda\alpha\upsilon\kappa\acute{o}\chi\omega\varsigma$

«светло-зеленый» (ἐλαία «масличное дерево» – Пиндар), глаголы (2) – γλαυκιάω «сверкать (глазами)» (Гомер).

Прилагательное κυάνεος и κυανός в древнегреческом языке имеет значения темно-синий, иссиня-черный и темный у Гомера, Пиндара, Платона, Аристотеля, а также мрачный у Гесиода. Зафиксировано не менее 22 дериватов: существительные (3) – κυάνωσις «темно-синий цвет, темная синева» (Плутарх), сложные прилагательные (18) – κυανέμβολος «с темно-синим (корабельным) клювом» (Аристофан, Еврипид), κυανοβενθής «темноглубинный» (Аристофан), глаголы (1) – κυανίζω «быть темно-синим» (Плутарх).

К синему оттенку принадлежит и прилагательное πελιός «посиневший от кровоподтеков, синий» (Демосфен) и πελιτνός (Фукидид) / πελιδνός (Софокл), а также производные πελώμα «синее пятно, кровоподтек» (Аристотель), πέλεια (Гомер, Софокл, Еврипид и т. д.) и πελειάς (Гомер, Геродот и пр.) «дикий голубь», πελιδνόομαι «синеть или чернеть» (Аристотель).

Кроме того, вероятно, к обозначениям синего цвета можно отнести также метафорические именованя: во-первых, οἶνωψ «цвета вина, т. е. темный» (πόντος «море») у Гомера и οἶνωπός у Феокрита, Еврипида, Аристотеля, Плутарха; во-вторых, ιοειδής «похожий на фиалку, т. е. темно-синий» (πόντος «море») у Гомера, κρίνη «источник» у Гесиода, ὕδωρ «вода» у Феокрита) и ἰοεῖς (σίδηρος «железо» у Гомера); в-третьих, ὑάκινθος «гиацинтовый» (Гомер, Феокрит) и «цвета гиацинта, т. е. фиолетовый, пурпурный или темно-синий» (Лукиан), ὑακινθοβαφής «гиацинтового цвета» (Ксенофонт) и некоторые другие.

Среди обозначений серого цвета следует назвать πολίος «седой, седовласый, серый» и не менее 8 производных – существительные (3), например, πολίότης «седина», прилагательные (3) – πολιοκρόταφος «с седыми висками, седовласый» (Гомер, Гесиод), глаголы (2) – πολαινοῖμαι «покрываться седой (белой) пеной, пениться»; а также φαίος «сумеречный, т. е. серый; темный» и единичные производные – φαίότης «темная окраска, серый тон» (Аристотель), φαοχίτων «одетый в темное платье» (Эсхил).

II. В новогреческом языке зафиксированы следующие основные обозначения синего/голубого/серого: γλαυκός, κυανός, πολίος, φαίος, а также μπλέ, γαλάζιος, γκριζος (γκρί) и некоторые другие.

Что касается лексемы γλαυκός, в новогреческом языке она приобретает значения «сверкающий; цвета морской волны; спокойный», имеет не менее 11 производных и однокоренных слов – существительные (5), например, γλαυκότητα «голубой цвет; лазурь, синева», γλαύκωμα «мед. глаукома», сложные прилагательные (6) – γλαυκόχρους «цвета морской волны, лазурный, голубой», γλαυκόφθαλμος «голубоглазый», γλαυκοπράσινος «голубовато-зеленый».

Новогреческое слово κυανός «голубой, синий, лазурный», прежде всего, может являться первой частью сложных слов, означающей «синий, синеватый, голубой, синий, лазурный», например, κυανόλευκος «бело-голубой; греческий национальный флаг». Можно выделить не менее 10 производных и дериватов, например, существительные (4) – κύανος «василек; лазурит; синий дрозд»,

κυάνωση «посинение, синюшность», прилагательные (6) – κυανόαιμος «имеющий голубую кровь», κυανοπός «синеватый, голубоватый», κυανόχρους «голубой, синий, лазурный». Следует отметить, что среди них есть химические термины – κυάνιον «циан», κυανιούχος «цианистый», κυανίωση «цианизация».

Лексема λελιδνός в новогреческом языке перестает обозначать цвет как таковой, а имеет значение «мертвенно-бледный», как и существительное λελιδνότης «мертвенная бледность».

При этом в новогреческом языке появляются новые лексемы для обозначения синего и голубого цвета – μπλέ и μπλάβος «синий», μπλε-μαρέν «синий, морской волны», а также γαλάζιος «голубой, лазурный, синий». От лексемы γαλάζιος зафиксировано несколько производных – сложные прилагательные и существительные (γαλαζοαίματος «голубых кровей, из благородных»), γαλαζόμαυρος «темно-синий», γαλαζόπετρα «бирюза; медный купорос», γαλαζοπράσινος «бирозовый (о цвете)».

Среди метафорических описаний синего/голубого цвета в новогреческом языке можно выделить ιουείδη, встречающееся в древнегреческом языке, и ίοχρους, но уже в значении «фиолетовый», этимологически «фиалковый» (ίον «фиалка»), а также появляется новая лексема μενεξεδύς «фиолетовый» и однокоренные слова от μενεξές «фиалка», μελι(ν)τζανός «темно-фиолетовый, лиловый» от μελι(ν)τζάνα «баклажан».

Для обозначения серого цвета в новогреческом языке сохраняются малопроизводные древнегреческие лексемы πολιός, φαίος и появляется новая лексема γκριζος (γκρί) «серый, пепельный».

Таким образом, засвидетельствованы глобальные сдвиги в языковом выражении синего/голубого/серого и изменение языковой картины мира в греческом языке, а также подтверждается множественность языковых картин мира греческих авторов.

Литература

- Адушева И.А. Символика синего цвета в устойчивых сочетаниях английского и русского языков // Архивариус. 2015. № 3 (3). С. 102–105.
- Василевич А.П., Кузнецова С.Н., Мищенко С.С. Цвет и названия цвета в русском языке / Под общ. ред. А.П. Василевича. М.: КомКнига, 2005.
- Виниченко Л.Г. Исследование семантики цветообозначения «grau/серый» в немецком и русском языках // Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 81–91.
- Воевода Е.В. Цветовосприятие и ассоциативные поля в русском и английском языках // Научный Вестник ВГАСУ. 2012. № 2. С. 113–123.
- Воробьева Е.Ю. Национальная специфика в развитии цветовой семантики (на примере французского языка) // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 93–99.
- Даниславова О.Ю. К вопросу об основных цветообозначениях современного мансийского языка: антропологический и лингвокультурологический подходы // Вестник урведения. 2017. № 1 (28). С. 35–45.
- Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь. М: ГИС, 1958.
- Ермаковская Т.А. Семантическая репрезентация лексем микрополя синего цвета в прозе Б.К. Зайцева // МНКО. 2011. № 1. С. 45–48.

Зимина Н.В. Семантические особенности и лингвосимволика немецких цветообозначений weiss, schwarz, blau, grün, rot, gelb // Известия ВГПУ. 2019. № 9 (142). С. 184–190.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.

Козлова Н.Н. Цвета «синий» и «зеленый» в мировосприятии разных народов и их отражение в языковой картине мира // Лингвистические парадигмы и лингводидактика: материалы XII Международной научно-практической конференции, 13–15 июня 2007 года. Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2007. Ч. 1. С. 244–249.

Норманская Ю.В. Цветообозначения в древнегреческом языке // Наименование цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 54–65.

Садыкова Н.К. Цветообозначения у Гомера. М., 1975.

Садыкова С.З. Лексико-семантические особенности фразеологических единиц с цветовым компонентом гёк «синий» в современном кумыкском языке в сопоставлении с английским языком // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 3-2. С. 241–244.

Солопов А.И. Цветообозначения в латинском языке // Наименование цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 66–76.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: изд. 3-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2004.

Хориков И.П., Малев М.Г. Новогреческо-русский словарь. Москва, 1993.

Щитова О.Г., Щитов А.Г., Хуа Кай Когнитивное моделирование цветообозначения в русском и китайском языках // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 6 (195). С. 81–87.

Эрдынеева Е.Д. Концептуализация имени цвета bleu во французской картине мира // Magister dixit. 2013. № 1. С. 68–82.

Durbeck H. Zur Charakteristik der Griechischen Farbenzeichnungen. Bonn, 1977.

*A.V. Vereschagina (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University*

COLOR DESIGNATIONS BLUE/LIGHT BLUE/GRAY IN GREEK

This work presents a comparative analysis of the ancient Greek and modern Greek language picture of the world, as well as the language picture of the world of various Greek authors. The Greek words related to the color designations of blue/light blue/gray in a diachrony are used as material. The global shifts fixed in the verbal expressions of the color designations of blue/light blue/gray in the Greek language.

Key words: language picture of the world, blue, light blue, gray, ancient Greek, modern Greek, diachrony.

*Л.И. Гришаева (Воронеж, Россия)
Воронежский государственный университет
grischaewa@rgrph.vsu.ru*

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОТОКА В ИНТЕРАКЦИИ КАК УСЛОВИЕ УСПЕХА И ФАКТОР РИСКА В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Предмет обсуждения – размышления о причинной зависимости процесса и результата взаимодействия носителей разных языковых культур от когнитивных закономерностей. Обозначенный ракурс анализа обусловлен осознанием особой значимости когнитивных процессов при решении носителями языка и культуры любой когнитивной и коммуникативной задачи, с одной стороны, на этапе концептуализации и категоризации воспринимаемых продуцентом разнородных сведений

о мире, а также при выборе вербальных и невербальных средств и того или иного способа достижения цели, с другой стороны, на этапе обработки реципиентом воспринимаемых гетерогенных сведений. Сказанное означает необходимость выявить степень влияния конформности когнитивных процессов у обоих коммуникантов на отдельных фазах межкультурного взаимодействия, а также описать названные процессы в терминах условий успешности и факторов риска для межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: структурирование информационного потока; парадоксы межкультурного взаимодействия; ментальная структура коллективной и личностной идентичности субъекта познания и коммуникации; условия успеха; факторы риска; рецепция сведений о мире как интерпретация; культурная специфика когниции.

Вряд ли можно подвергнуть сомнению то, что межкультурная коммуникация представляет собой по своей сути феномен когнитивно-дискурсивный. Акцентировать предлагаемой трактовку правомерно потому, что при осуществлении названного вида интеракции имеют место и когнитивные, и дискурсивные процессы, а именно и в первую очередь такие, как концептуализация, категоризация, профилирование, кодирование гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире продуцентом и их обработка (и в принципе интерпретация) и декодирование реципиентом, с одной стороны, и выполнение в некоторой, известной всем носителям культуры, последовательности вербальных и невербальных действий, подчиненных достижению некоторой цели, с другой. Интеракция является, собственно, решением определенной коммуникативной и когнитивной задачи в тех или иных условиях носителями культуры, обладающими разнородными и разнообразными характеристиками. Предельно обобщая, коммуникацию можно также описать как структурирование актуального для коммуникантов информационного потока под влиянием разнонаправленных и разнородных факторов, которые, с одной стороны, способны благоприятствовать достижению общей цели, а с другой стороны, затруднять его и/или серьезно препятствовать или делать его вообще невозможным.

Упомянутые характеристики анализируемого процесса присущи, естественно, не только межкультурной коммуникации, но и любой интеракции как феномену. Однако в силу парадоксальности межкультурной коммуникации следует в первую очередь обратить внимание на основную причину упомянутой парадоксальности – принадлежность в стандартном случае **каждого** из участника межкультурного взаимодействия к **разным** культурным пространствам – со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Это, очевидно, предопределяет принципиальные различия в структуре картины мира, т. е. в этой, по выражению Е.С. Кубряковой, совокупности гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире. Следствием данного обстоятельства становятся различия в ментальной структуре коллективной и личностной идентичности каждого субъекта познания и коммуникации, нетождественность норм ожидания относительно организации конкретной интеракции и представлений о степени успешности взаимодействия коммуникантов. Разным является также выбор в тех или иных коммуникативных условиях культурно специфических когнитивных, номинативных, коммуникативных

стратегий, так как от результатов когнитивной обработки продуцентом воспринимаемых в интеракции сведений о мире зависит его выбор номинативных средств и в силу этого – в той или иной мере результат когнитивной обработки воспринимаемых реципиентом сведений, по-разному закодированных продуцентом в интеракции.

Другими словами, культурно специфическим является по своей сути выбор в интеракции каждым из носителей разных языков и культур способа и средств достижения цели. Такой выбор, естественно, потенциально чреват негативным коммуникативным результатом, несмотря на более или менее ясно осознаваемую интерактантами общность цели их интеракции, совместно осуществляемой ими в некотором культурном пространстве. Выражаясь иначе, цель межкультурной коммуникации, будучи, очевидно, общей для обоих участников межкультурного взаимодействия (в противном случае межкультурная коммуникация не могла бы состояться по определению), не может гарантировать – даже теоретически – обязательную успешность взаимодействия носителей разных языков и культур. Следовательно, при изучении соответствующих явлений требуется четко осознавать, что, во-первых, условия успешности и факторы риска самым серьезным образом взаимозависимы, но явно не тождественны и, во-вторых, выявить, насколько существенным является их влияние на процесс и итог того или иного типа межкультурной интеракции.

С этой точки зрения требуется отметить прежде всего ряд обстоятельств, принимая во внимание, что перечисляемые исследовательские задачи не только дискуссионны и/или все еще не решены, но и то, что многие из них даже не артикулированы как таковые.

Во-первых, необходимо исчислить условия успешности и факторы риска в межкультурной коммуникации с учетом их этиологии, природы, функциональной сферы, степени их влияния на процесс и результат интеракции того или иного типа, а также их места в системе факторов, эндогенных и экзогенных по отношению к некоторой интеракции.

Во-вторых, важно определить воздействие анализируемых параметров, обуславливающих процесс и результат интеракции, на выбор способа и средств реализации когнитивных, номинативных и коммуникативных стратегий в интеракции.

В-третьих, требуется четко разграничивать условия успешности и факторы риска применительно к коммуникативным ролям участников коммуникации в осуществляемой ими интеракции: и продуцента, и реципиента, поскольку в обоих случаях исследователю требуется учитывать интерпретативность когнитивной деятельности обоих коммуникантов, а также диалектику коллективной и личностной идентичности каждого из субъектов познания и коммуникации, в том числе и их ипостась в конкретной интеракции.

Целесообразно также, в-четвертых, обратить внимание на такие когнитивно релевантные факторы, как количественные и качественные параметры когнитивной рамки восприятия, предопределяющие селективное восприятие воспринимаемых сведений и тем самым – концептуализацию и категоризацию последних.

В-пятых, когнитивные фильтры «свой», «чужой», «другой» также влияют самым непосредственным образом на процесс и результат концептуализации, категоризации, профилирования и др. механизмы обработки воспринимаемых сведений о мире. Результат соответствующих процессов обуславливает в разных коммуникативных условиях разное конфигурирование одних и тех же актуальных признаков, по которым в интеракции распознается воспринимаемый объект (в широком смысле). Требуется также учитывать то, как эти процессы складываются при первичной социализации носителей языка и культуры, т. е. учитывать соотношение в интеракции конвенционального и окказионального. Это позволяет понять выбор субъектом познания и коммуникации когнитивной стратегии с последующим его выбором средств объективации сведений и способов решения коммуникативной задачи. Соответствующий выбор номинативной стратегии относительно субъектов, объектов, процессов, отношений, признаков, событий, положения дел и пр., с чем субъекты коммуникации имеют дело в коммуникации, в конкретной интеракции осознается или остается неосознаваемым субъектом и в конечном итоге в той или иной мере предопределяет выбор тем же субъектом познания и коммуникации своей коммуникативной стратегии.

В-шестых, без включения в аналитический аппарат теории межкультурной коммуникации категорий типа «когнитивный диссонанс», «ситуация неопределенности», «нормы ожидания», «ожидание сходства, а не различия» и др. при осмыслении барьеров в межкультурной коммуникации затруднительно онтологически и гносеологически описывать сам феномен межкультурной коммуникации и делать теоретически значимые обобщения.

Наконец, следует подчеркнуть, что развитие межкультурной коммуникации всегда имеет минимум две альтернативы – позитивный либо негативный коммуникативный результат – и что вероятность наступления той или иной альтернативы не может быть жестко и наверняка исчислена. Это, к сожалению, не учитывается в теоретических построениях, а неуспешность межкультурной коммуникации трактуется по умолчанию как несоблюдение условий успешности. Отмеченные обстоятельства только множат многочисленные аберрации при интерпретации описываемых явлений.

Принимая во внимание значимость для любой интеракции таких феноменов, как условия успешности и факторы риска, правомерно акцентировать и то, что под их влиянием активизируются и со-активируются некоторые нетождественные, но пересекающиеся совокупности гетерогенных, гетерохронных, гетеросубстратных сведений о мире. Поэтому очевидно, что в разных условиях одни и те же сведения, которые в конкретной интеракции либо объективируются вербальными и/или невербальными средствами, либо со-активируются, могут выступать либо как способствующие позитивному коммуникативному результату, либо как затрудняющие его наступление, либо как провоцирующие негативный коммуникативный результат. Тем самым ясно, что изложенная трактовка описывает на единых теоретических основаниях все потенциально

возможные способы развития интеракции в процессуальном и/или статическом ракурсе анализа, а также принимается во внимание разные результаты взаимодействия носителей языка и культуры: продуктивный, успешный, конфликтный, полностью неуспешный, провальный и др.

В обозначенном контексте, обобщая, уместно подчеркнуть, что постулаты когнитивной лингвистики существенно значимы практически для всех вопросов, относящихся к проблемному полю теории межкультурной коммуникации, этой естественно междисциплинарной науки, если обсуждаемая наука хочет обладать высокой объяснительной силой.

Таким образом, очевидно, что одной из наиболее актуальных и насущных исследовательских задач в обозначенной исследовательской области следует признать определение места и степени влияния когнитивных процессов на выбор способа взаимодействия, выбор вербальных и невербальных средств реализации коммуникативных стратегий, характер осуществления и результат межкультурного взаимодействия. Формулирование этого комплекса исследовательских задач в иных терминах означает выявление условий успешности и факторов риска в межкультурной коммуникации, поскольку первые и вторые категорически не являются взаимно конвертируемыми – в лучшем случае они соотносятся друг к другу как аверс и реверс одной медали. Ведь, будучи неотъемлемыми компонентами одного единого целого, они, понятно, не тождественны ни в формальном, ни в содержательном, ни в функциональном смыслах.

*L.I. Grishaeva (Voronezh, Russia)
Voronezh State University*

FEATURES OF STRUCTURING OF THE INFORMATION FLOW IN INTERACTION AS A CONDITION FOR SUCCESS AND A RISK FACTOR IN INTERCULTURAL COMMUNICATION

The paper presents reflections on the causal dependence of the process and result of the interaction of speakers from different cultures on cognitive patterns. The indicated perspective of analysis is explained by the awareness of the special significance of cognitive processes when native speakers as members of their culture solve any cognitive and communicative task, on the one hand, at the stage of conceptualization and categorization of heterogeneous information about the world perceived by the producer, as well as when choosing verbal and non-verbal means and a certain way of achieving the goal, on the other hand, at the stage of processing of perceived heterogeneous information by the recipient. The aforementioned factors imply the need to identify the degree of influence of the conformity of cognitive processes in both communicants at certain phases of intercultural interaction, as well as to describe these processes in terms of success conditions and risk factors for intercultural communication.

Key words: structuring of the information flow; paradoxes of intercultural interaction; mental structure of the collective and personal identity of the subject of cognition and communication; conditions for success; risk factors; reception of information about the world as an interpretation; cultural specificity of cognition.

*Е. С. Коканова, Л. С. Никифорова (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова
e.s.kokanova@narfu.ru, lnikiforova88@mail.ru*

НЕОЛОГИЗАЦИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК КОГНИТИВНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВТОРИЧНЫХ ЯВЛЕНИЙ

В статье рассматривается актуальный вопрос о соотношении языковой картины мира и неологизации. Особое внимание уделяется неонимации лексических единиц англоязычного экономического дискурса. Именно на лексическом уровне вторичные явления языковой картины мира проявляются в появлении неологизмов.

Ключевые слова: неологизм, англоязычный экономический дискурс, языковая картина мира, вторичные явления.

Язык подвержен постоянному обновлению, что обусловлено когнитивно-коммуникативными потребностями представителей социума. Неологизация является одним из фактов обновления языка. Новые лексемы появляются как результат конструирования действительности в языке сквозь призму интерпретации, концептуальной деривации и метарепрезентации [Виноградова 2021: 52].

Не представляется возможным рассматривать неологизмы без обращения к историко-культурному периоду развития общества. Для современной науки актуален когнитивный подход к анализу языка, заключающийся в фиксации и интерпретации фактов концептуализации и категоризации, отражающихся в языке. Изучение процессов концептуализации и категоризации связано с исследованиями языковой картины мира, которая представляет собой как способ восприятия мира, так и представление о мире в целом и исторически складывается в сознании носителей языка [Юздова, Безногова 2021: 292].

В процессе познания мира во всем многообразии его объектов и характеристик человек формирует его в своем сознании в виде когнитивной модели – картины мира. Активное участие человека в данном процессе, его зависимость от многочисленных факторов социального и физического плана, обуславливающих избирательность восприятия и осмысления окружающей действительности, определяют сам принцип ментального моделирования картины мира (антропоцентрический принцип). К числу данных факторов относятся условия жизни, место проживания и место рождения, ценности и ориентиры, целевые установки, профессиональная деятельность, повседневный опыт языкового общения и др. [Болдырев 2019: 38].

В мире происходят события, которые кардинально меняют жизнь общества: экологические и политические потрясения, экономические кризисы или наоборот, расцвет экономики, массовые вспышки заболеваний, изменения в социуме и т. п. Процесс пополнения языка неологизмами ускоряется в периоды изменений, происходящих в обществе, что обусловлено необходимостью

обозначить новые реалии. Новые реалии и концепты современного мира требуют введения новых названий – неологизмов. Так, одним из подобных событий стала пандемия COVID-19, которая потрясла мировое сообщество и послужила причиной появления большого пласта неологизмов, затронувших различные сферы жизни человека. Несомненно, что экономическая ситуация в мире находится в постоянном развитии. Экономика обладает способностью проникать во все сферы жизни человека и неологизмы, представленные ниже, напрямую связаны со сферой экономики.

Поясним сказанное на примерах (здесь и далее представлен авторский перевод неологизмов). В сфере технологий появилось понятие *quarantech* (приложения и гаджеты, позволяющие людям пережить время, проведенное в изоляции); в социальной сфере – понятие *quarantees* (обещания и соц. гарантии, которые предоставляют государство и компании в период пандемии), *covidivores* (разводы, оформленные в период пандемии); в сфере экономики – *covidpreneurs* (предприниматели, которые открыли бизнес в период пандемии), *gig worker* (человек, имеющий временную работу, как правило в сфере услуг в качестве независимого подрядчика или фрилансера) и др.

На смену традиционной работе в офисе приходит дистанционная работа или работа из дома, в частности. Среди неологизмов, обозначивших переход к новому способу выполнения обязанностей, можно выделить следующие: *homeference* (дистанционные конференции и совещания, когда каждый из участников находится у себя дома), *WFC* (*Working From Cafés*) – дистанционная работа, которую человек может выполнять, находясь в кафе, *WFH* (*Work From Home*) – работа из дома, *isodesk* (рабочее место, организованное дома в период пандемии), *resimercial* – офисно-домашний и др.

В рамках нашего исследования обратимся к проблеме вторичности в языковой картине мира в рамках образования новых слов в сфере экологии, которая оказывает сильное влияние на экономику. В настоящее время серьезную обеспокоенность вызывает изменение климата и напряженная экологическая ситуация во многих регионах мира. В связи с этим также возникают многочисленные неологизмы.

Рассмотрим следующий контекст:

Vaibhav Chaturvedi, a fellow at the Council on Energy, Environment and Water (CEEW), sees “greenflation”, or the costs associated with going green, as a concern, especially in the short-term. “Underlying commodity prices are rising everywhere in the world,” he said. Prices of metals such as tin, aluminium, copper, nickel-cobalt have risen by up to 91 per cent this year. These metals are used in technologies that are a part of the energy transition (reuters.com, 22.11.2021).

Так, лексему *greenflation* можно интерпретировать как экофляцию: повышение цен, возникшее в результате перехода к экономике, ориентированной на экологическую безопасность.

Подтверждение такой интерпретации находим в следующем контексте: *Vaibhav Chaturvedi, a fellow at the Council on Energy, Environment and Water*

(CEEW), sees “*greenflation*”, or the costs associated with going green, as a concern, especially in the short-term. “Underlying commodity prices are rising everywhere in the world,” he said. Prices of metals such as tin, aluminium, copper, nickel-cobalt have risen by up to 91 per cent this year. These metals are used in technologies that are a part of the energy transition (reuters.com, 22.11.2021).

Еще одним примером неологизмов, относящихся к сфере экологии, является словосочетание *planet placement* – планетацентризм (пропаганда экологически безопасной продукции, а также увеличение числа телепередач и фильмов, повышающих осведомленность населения о проблемах окружающей среды). Достаточно просто структурированное двусловное языковое выражение фиксирует довольно богатую и сложно структурированную когнитивную область, охватывающую большое количество разнообразных концептов. Проиллюстрируем сказанное следующим контекстом:

In The Tourist, a BBC drama starring Jamie Dornan, an Australian taxi driver slurps a drink through a metal – and therefore sustainable – straw before it is used to kill him. Albert, a Bafta-led sustainability initiative, describes this phenomenon as “planet placement”, meaning green themes being weaved into the fabric of some of the nation’s favourite programmes in the hope that they help to influence audience behaviour (thetimes.co.uk, 5.03.2022).

Из приведенных выше примеров можно сделать вывод о том, что дальнейший путь неологизмов и время их функционирования в языке в качестве неологизма зависит от частотности, востребованности и активности их употребления в речи носителями языка или в качестве заимствований в других языках. Неологизмы продельвают свой путь с разной скоростью: одни достаточно быстро становятся общеупотребительными и теряют качество «новизны», другие более продолжительное время остаются неологизмами и в дальнейшем входят в словарный состав современного английского языка, а третьи могут перейти в разряд узкоупотребительных слов или исчезнуть из употребления в англоязычном экономическом дискурсе.

Литература

- Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации // Когнитивные исследования языка. 2019. Вып. XXXVII. С. 37–44.
- Виноградова С.Г. Когнитивное осмысление вторичных явлений в языковой картине мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2021. № 4. С. 47–54.
- Юздова Л.Л., Безногова Т.Г. Неологизмы как отражение реалий меняющегося мира в языке // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. №3 (46). С. 291–294.
- Reuters.com. URL: <https://www.reuters.com/business/cop/greenflation-risk-renewable-energy-long-term-viability-intact-2021-11-22/>.
- The times.co.uk. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/bafta-on-a-mission-to-help-turn-tv-green-hcl3xtfkr>.

*E.S. Kokanova, L.S. Nikiforova (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov*

NEOLOGIZATION IN ENGLISH ECONOMIC DISCOURSE AS CONCEPTUALIZATION OF SECONDARY PHENOMENA

The article considers the current issue of the relationship between the linguistic worldview and neologization. There is special attention to the neomination of lexical units in the English economic discourse. It is at the lexical level that neologisms can be considered as the secondary phenomena in the linguistic worldview.

Key words: neologism, English economic discourse, linguistic worldview, second phenomena.

*В.Н. Колодяжная, Е.И. Трубаева (Белгород, Россия)
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет
veronikabgu@mail.ru*

ФОРМИРОВАНИЕ АУТЕНТИЧНОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ РЕЧЕВОЙ СРЕДЫ КАК ОДНО ИЗ СРЕДСТВ СОЗДАНИЯ ОБРАЗОВ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЙ О ГАРРИ ПОТЕРЕ)

Аутентичная лексика и контекстуально моделированные клише наделяют повествование дополнительным информативным подтекстом, придают национально-культурную окраску, отсылая к историческим реалиям, культуре и традициям народа, передают национально-культурный код народа. Изменения в составе устойчивых клише не меняют их первоначальное значение, а являясь инструментами контекстуальной связи в произведении.

Ключевые слова: идиоматическое выражение, аутентичность, культурный код, контекст.

В процессе исторического развития язык как система претерпевает значительные изменения. Большая часть таких изменений является результатом возникновения новых реалий жизни, таких как технические инновации, политические и экономические события в мире, события природного характера, изменения сознания социума в целом. В языке перечисленные события и изменения находят свое отражение в виде возникновения новых понятий, лексических единиц, сокращений, грамматических форм, синтаксических конструкций и т. д.

Несомненно, всеобщая глобализация, близкое межкультурное сосуществование и взаимодействие приводит к возникновению лексических, фразеологических, грамматических и других языковых вариантов, понятных всему многонациональному социуму. Таким образом, языковая аутентичность может постепенно потерять свою актуальность, стать менее ярко выраженной в языковом плане. Возникает вопрос, может ли язык, являясь постоянно развивающейся и модернизирующейся под современные условия жизни системой, сохранять компонент аутентичности?

Стоит отметить, что аутентичность в данной работе определяется как национально-культурный компонент языка, отражение национально-культурного опыта носителей языка.

Употребление аутентичной лексики в речи наделяет ее дополнительным информативным подтекстом, придает ей национально-культурную окраску, отсылая к историческим реалиям, культуре и традициям народа, отражает специфические национальные ценности и предпочтения, передает национально-культурный код народа. Национально-культурный код – сложная, многоуровневая система, наиболее концентрированный пласт национально-культурного опыта, который находит свое отражение в языке, укладе жизни, морально-этических ценностях, в особенностях ведения трудовой деятельности и регулировании социальных отношений. Языковой национально-культурный код раскрывает национально-культурный компонент языка, только при условии его владения всеми участниками коммуникации. В случае отсутствия специфического национально-культурного опыта языковой код не считается и не передает специфических национальных реалий, отраженных в ситуации общения, при таких условиях языковая аутентичность не прослеживается участникам коммуникативного акта. Языковые единицы, использованные для презентации национально-культурного компонента языка, остаются не узнаваемыми, что может приводить к полному нарушению коммуникации или частичному недопониманию сторон общения. Языковыми репрезентантами национально-культурного кода как правило служат фразеологизмы, лексические единицы, отражающие культурные и языковые реалии, элементы фольклора.

Несомненно, описываемые языковые репрезентации национально-культурного кода находят свое отражение в литературных произведениях, песенном дискурсе и фильмах. Для создания необходимой атмосферы аутентичности в своих произведениях авторы часто придерживаются вокабула, характерного для временного периода, национальной принадлежности главных героев и географического местоположения описываемых событий.

В рамках данного исследования рассматривается языковое отражение национально-культурного кода жителей Великобритании на материале произведений о Гарри Потере. При описании событий произведения автором был создан фантастический мир волшебной школы чародеев, тем не менее рассматриваемое произведение не получило бы такого большого мирового успеха без максимальной приближенности описываемых событий, жизненного уклада, традиций и речи героев к существующим национально культурным особенностям Великобритании. Таким образом, в произведении создается эффект реалистичности событий. Речь и презентация персонажей произведения наделяются национальным и культурным компонентами – национально-культурным кодом, воспринимаются аудиторией как аутентичные. Структура произведения в целом становится более глубокой и сложной, привлекает больший интерес, благодаря постоянно возникающим ассоциациям с культурой, традициями, языковыми особенностями и национальными чертами характера жителей

Соединенного Королевства. Тем не менее, следует отметить, что, обладая национально-культурным кодом Великобритании, рассматриваемое в данной работе произведение популярно не только среди британцев, но является узнаваемым и популярным во всем мире. Не вызывает сомнения, что причина такого успеха кроется в национально культурной узнаваемости рассматриваемого произведения и его ассоциация с национальным кодом, культурой Соединенного Королевства, правилами и традициями организации образовательной системы в Великобритании. Все вышеописанные составляющие произведения позволяют говорить о его аутентичности и объясняют высокую популярность данного произведения среди не только детской, но и взрослой аудитории.

Обратимся к анализу речи главных персонажей в произведениях о Гарри Потере. В своих произведениях Джоан Роулинг часто включает в описание событий и речь персонажей типичные английские клише, которые, будучи вплетенными в канву произведения и в целом сохраняя свою структуру, создают типичный английский речевой колорит. В тоже время Роулинг модифицирует семантику идиоматических выражений, которые с учетом контекста произведения обретают новые смыслы. С данной точки зрения интерес привлекают следующие примеры: *Put the Cat among the pixies* (Rowling 2003) выражение образовано от *cat among the pigeons*, значение которого – доставлять много хлопот, заставлять волноваться. Несмотря на замену *pigeons* на название сказочных существ *pixies* выражение сохраняет первоначальное значение, но в контексте участвует в создании сказочной атмосферы и одновременно придает речи аутентичность.

Dodged a bludger (Rowling 2014) образовано от *dodged a bullet* – едва избежать неприятностей. В книгах о Гарри Потере *Bludged* – это быстро и самостоятельно двигающийся волшебный мяч для магической спортивной игры Квиддич. По своим физическим параметрам и опасности для жизни указанный предмет близок к пуле, таким образом, несмотря на замену идиоматическое выражение сохраняет свою первоначальную семантику и одновременно является контекстуально оправданным.

Выражение *Hanged for a dragon as an egg* (Rowling 2003), семантически смоделировано от *hanged for a sheep as a lamb* передающего значение неотвратимости и одинаковой степени тяжести и необратимости последствий наказания за схожие по степени тяжести проступки, один из которых может быть менее тяжким при их сравнении. В рассматриваемом выражении *sheep* заменено на *dragon*, а *a lamb* на *an egg* как на название типичного представителя фауны сказочного мира и его будущего детеныша. Таким образом, описываемая замена в целом не меняет семантику идиоматического выражения. Описываемая идиома, являясь в целом типичной, легко узнаваемой, широко распространённой в современном английском языке и минимально измененной по структуре и семантике в рамках сказочного произведения, поддерживает магический контекст повествования, заставляя читателя принимать вымышленные реалии за общепринятые и неоспоримые факты.

Идиоматическое выражение *Don't count your owls before they are delivered* (Rowling 2005) образованное от английского «*don't count your chickens before they hatch*, значение которого передает предостережение от необоснованной и преждевременной радости по поводу еще не достигнутого успеха или результата. Выражение образовано на основе смежности значений, входящих в него компонентов с первоначальным вариантом, синтаксическая структура первоначального выражения полностью сохранена в его варианте. В сказочном мире Гарри Потера сова является полезной в практическом использовании и типичной в домашнем обиходе птиц, которая верно служит героям сказочного произведения, регулярно доставляя волшебные послания, несмотря на многочисленные невзгоды и опасности на пути.

The fire's lit, but the cauldron's empty (Rowling 2007) от английского *the lights are on, but nobody's home* передает значение несобранности, неорганизованности, неуверенности в действиях или суждениях. Анализ структуры и семантики приведенных выражений показывает, что несмотря на полную замену лексических элементов, новое образованное выражение является семантически близким к первоначальному варианту и обладает аналогичной синтаксической структурой. Противопоставление, т. е. в рамках анализируемых идиом значение нефункциональности, несостоятельности одного объекта без наличия положительных характеристик другого, в семантике рассматриваемых выражений несет смыслообразующую функцию. Семантическая близость анализируемых выражений основана на смежности понятий их первых компонентов *the fire's lit* и *the lights are on*.

Идиома *Get off one's high hippogriff* (Rowling 2007) образована от английского выражения *get off one's high horse* передает значение предостережения – «не будьте тщеславны». *Hippogriff* – сказочное существо, нечто среднее между лошастью и грифоном, таким образом, являясь семантически близким с *horse*, лексема *hippogriff* участвует в образовании метафоры в составе идиоматического выражения. Описываемая замена существенно не меняет значения выражения, но создает контекстуальную связь в произведении.

Несомненно, в создании аутентичной языковой среды в произведении участвуют также типичные английские выражения в своей первоначальной форме, такие как “*That's rubbish!*”, “*bloody hell*” и другие разговорные выражения, тем не менее, особый речевой колорит, культурную принадлежность и одновременно сказочность добавляют речи персонажей именно модернизированные, контекстуально связанные выражения. Описываемые изменения в составе устойчивых выражений в целом не меняют их первоначальное значение, а являются инструментами контекстуальной связи в произведении, поддерживают целостность повествования. Анализ фактического материала показывает, что изменения в составе идиоматических выражений с целью их контекстуального преобразования могут касаться замены как отдельных лексем конструкции, так и выражения в целом, но синтаксическая структура и коннотативное значение высказывания чаще всего остаются неизменными.

Литература

- Rowling J.K. Harry Potter and the Order of the Phoenix. New York: Arthur A. Levine Books, 2003.
Rowling J.K. Harry Potter and the Philosopher's Stone. London: Bloomsbury, 2014.
Rowling J.K. Harry Potter and the Half-Blood Prince. New York: Arthur A. Levine Books, 2005.
Rowling J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows. New York: Arthur A. Levine Books, 2007.

V.N. Kolodvazhnava. E.I. Trubaeva
Belgorod State National Research University

FORMATION OF THE AUTHENTIC ENGLISH-SPEAKING SPEECH ENVIRONMENT AS ONE OF MEANS FOR CREATING OF IMAGES IN LITERATURE (ON THE MATERIAL OF BOOKS ABOUT HARRY POTTER)

Authentic lexicon and contextually adapted clichés allocate a narration with additional informative implied sense, give it national-cultural colouring, sending to historical realities, culture and traditions of the people, transfers a national-cultural code. Changes in structure of steady clichés do not change their initial value, and are tools of contextual communication in the text.

Key words: idiomatic expression, authenticity, a cultural code, a context.

A.G. Самарина (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
stasyasamarina1994@yandex.ru

НАРУЖНАЯ РЕКЛАМА КАК ИСТОЧНИК МЕЖКУЛЬТУРНОГО КОНФЛИКТА (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ БАННЕРОВ)¹

Статья посвящается изучению баннеров как одних из средств наружной рекламы. Неправильная интерпретация размещенной на них информации может стать причиной конфликтного взаимодействия с реципиентами, для которых характерна другая языковая картина мира. Языковые механизмы, формирующие смыслы, ведут к конфликтной коммуникации в рекламе.

Ключевые слова: наружная реклама, конфликтная коммуникация, языковая картина мира, языковой механизм, интерпретация.

В современном мире реклама является неотъемлемой частью жизни людей, ее можно встретить не только в журналах, газетах, на телевидении, по радио, но и в городе. Для городской среды характерно широкое распространение наружной рекламы, это связано с широким охватом целевой аудитории, невысокой ценой ее размещения. Основная цель наружной рекламы – информирование о товаре / услуги, поэтому она должна быть понятной, интересной и привлекательной для потенциальных потребителей, в данном исследовании – для иностранных туристов.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

Под **наружной рекламой** принято понимать средство рекламы, рассчитанное преимущественно на визуальное восприятие изображения товара в посещаемых местах города [Аксенова 2005:19]. К **видам** наружной рекламы относятся: *биллборд, панель, баннер, басорама, брендмауэр, картуш, мобиль, растяжка*. Каждому товару/услуге подходит свой медианоситель, направленный на распространение необходимой информации и создания позитивного образа объектов рекламы [Чабанюк 2013: 13].

В рамках данного исследования будут рассматриваться **баннеры**, которые, согласно словарной дефиниции, обозначают настенное графическое изображение [https://ru.wiktionary.org]. Эффективность рекламы, размещенной на данных носителях, зависит от ее правильной языковой интерпретации целевой аудиторией. В противном случае, баннерная реклама может стать источником конфликтной коммуникации между рекламодателем и реципиентами с разной языковой картиной мира. Так, возникает необходимость изучения наружной рекламы, а именно баннеров, в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Языковая интерпретация «представляет собой вид познавательной активности, процесс и результаты понимания и объяснения человеком мира и себя в этом мире, процесс и результат репрезентации мира, которая основана на коллективных представлениях о мире, на личном опыте человека взаимодействия с ним» [Болдырев 2018: 254]. В процессе интерпретации важную роль играет **языковая картина мира**, которая передает специфику того, как человек конструирует окружающий мир в своем сознании [Болдырев 2014: 120].

При создании баннерной рекламы важно учитывать межкультурный компонент, ведь учет особенностей национальной культуры способствует продвижению товара на новые рынки сбыта и его эффективное рекламирование [Мамонтов, Морослин, Астремская 2013: 93]. К сожалению, очень часто Российские рекламодатели игнорируют этот факт, что приводит их к созданию грубой и неэффективной рекламы, непонятной представителем других культур, чья языковая картина мира отличается от нашей, в результате у них формируются представления о наружной рекламе как источнике межкультурного конфликта.

По мнению Н.Н. Болдырева, **конфликт** – это не только разные точки зрения, мнения, но и конфликт знаний, опыта (в том числе языкового) в плане степени совпадения их объемов и способов их структурирования у разных коммуникантов, механизмов формирования и понимания смысла [Болдырев 2022]. Конфликтное общение может быть обусловлено и неязыковыми факторами (например, неверно подобранное изображение). Особенно это проявляется в баннерной рекламе, для которой характерно взаимодействие вербальных и невербальных компонентов.

Конфликтное взаимодействие может формироваться посредством определенных языковых механизмов, провоцирующих конфликтную интерпретацию их семантики, порождаемых смыслов. Рассмотрим на конкретных примерах, взятых из сети интернет, как реализуется межкультурный конфликт в русской баннерной рекламе.

В примере (1) рекламируется трактор-клуб, в котором можно попробовать одно из популярных блюд русской кухни (ср.: уха – жидкое горячее рыбное блюдо [<https://dic.academic.ru>]). Однако иностранные туристы могут неправильно истолковать данную информацию в результате изображения на баннере части тела человека (ср.: ухо – орган слуха, а также наружная часть его (у человека – в форме раковины) [<http://slovarozhegova.ru>]), что приводит к созданию отталкивающей и пугающей рекламы. Конфликтное общение формируется посредством языкового механизма **лексической омонимии**.

В русском языке подобная реклама создается и при рекламировании блюд кавказкой кухни, где не только неверно трактуются названия, но и искажаются представления о семейных ценностях. Как известно, на Кавказе мама – это сакральное понятие, она считается источником всех нравственных начал, кто проявляет безграничную любовь и заботу по отношению к семье [<http://www.gumilev-center.ru>].

В примере (2) ресторан «Мама Азия» отталкивает иностранных туристов в результате подмены понятий, которая формируется за счет языкового механизма **лексической омонимии**, как было отмечено ранее. Рекламодатель приглашает попробовать блюдо кавказкой кухни в вышеуказанное заведение (ср.: люля - кебаб – мясное блюдо из баранины, мелко нарезанного лука, поджаренного на вертеле [https://ethno_ru.academic.ru]). Однако изображение на баннере формирует искаженное восприятие рекламы у носителей иноязычной культуры – на нем мы видим женщину с кулаком, такой невербальный жест во многих странах является признаком агрессии, а не гостеприимства, поэтому

рекламный слоган «Попробуй маминых люлей!» интерпретируется как насилие, злость и рукоприкладство.

Таким образом, баннерная реклама часто выступает источником межкультурного конфликта из-за неправильной ее языковой интерпретации. Конфликтное общение между рекламодателем и носителями иноязычной культуры формируется за счет языкового механизма лексической омонимии, которая часто вызывает нарушение языковой коммуникации. Совпадение слов приводит к их неправильному толкованию в связи с недостаточным знанием русского языка иностранными туристами, отсутствием у них фоновых знаний о соответствующей культуре. Эффект агрессивной, шокирующей рекламы усиливается посредством изображения. При создании баннерной рекламы важно учитывать языковую картину мира целевой аудитории, особое внимание нужно уделять подборке изображений для нейтрализации конфликтного общения.

Литература

- Аксенова К.А.* Реклама и рекламная деятельность. М: Приор-издат, 2005.
- Болдырев Н.Н.* Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 6. С. 118–122.
- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М: Издательский Дом ЯСК, 2018.
- Болдырев Н.Н.* Бесконфликтная языковая коммуникация: программа исследования // Когнитивные исследования языка. 2022. Вып. 4 (в печати).
- Мамонтов А.С., Морослин П.В., Астремская Е.В.* Межкультурная коммуникация в аспекте рекламоведения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семантика. 2013. № 2. С. 90–94.
- Чабанюк Т.А.* Теория и практика рекламы. Комсомольск-на-Амуре: ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2013.
- Викисловарь.* URL: <https://ru.wiktionary.org>.
- Толковый словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru>.
- Словари и энциклопедии на Академикѐ. URL: <https://dic.academic.ru>, https://ethno_ru.academic.ru.
- Центр Льва Гумелева. Евразийство и скифство. URL: <https://www.gumilev-center.ru>.

A.G. Samarina (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

OUTDOOR ADVERTISING AS A SOURCE OF INTERCULTURAL CONFLICT (BASED ON RUSSIAN BANNERS)

The article devotes to the investigation of banners as a type of outdoor advertising. The wrong interpretation of given information can cause the conflict interaction with recipients whose language image-world is different. Language mechanisms, forming meanings, lead to the conflict communication in advertising.

Key words: outdoor advertising, conflict communication, language image-world, language mechanism, interpretation.

Е.Д. Столяр (Белгород, Россия)

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
stolyar@bsu.edu.ru*

ОЦЕНОЧНАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

В статье демонстрируется важность использования когнитивного подхода при изучении оценочной категоризации в аспекте межкультурной коммуникации, т. к. он позволяет рассмотреть роль человека в понимании и создании оценочных смыслов. Цель статьи заключается в раскрытии особенностей формирования оценочных смыслов в языке. Оценочные концепты и категории рассматриваются как одни из наиболее фундаментальных образований в концептуальной системе человека. Их описание дается с учетом таких параметров, как культурные стереотипы, идеалы, нормы и т. д. различных социальных групп.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, оценочная концептуализация, оценочная категоризация, оценочный смысл.

Категория оценки в языке является одной из наиболее интересных и спорных категорий, изучаемой в рамках различных современных научных направлений. В данной статье категория оценки рассматривается с позиций взаимосвязи когнитивной лингвистики и межкультурной коммуникации.

С одной стороны, когнитивная лингвистика позволяет рассмотреть процесс формирования оценочных смыслов с опорой на одну из центральных способностей человека – воспринимать и отражать окружающую действительность в языковом значении. Данное положение показывает важность соотнесения языкового и когнитивного уровней, а именно языковых данных и процессов когнитивной деятельности человека. Это определяет выход в область когнитивной лингвистики. В центре ее внимания «находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [КСКТ 1996: 53].

С другой стороны, межкультурная коммуникация, по замечанию Н.Н. Болдырева, «помогает рассмотреть когнитивный контекст, который стоит за каждым словом в той или иной языковой культуре. Содержание этих контекстов во многом определяется национально-культурной спецификой» [Болдырев 2016: 425].

Целью данной статьи является изучение и описание процесса оценочной категоризации как способа формирования оценочных смыслов в языке в аспекте межкультурной коммуникации. Наше предположение состоит в том, что концептуальное содержание оценочных категорий очень велико. В конкретном речевом эпизоде может быть выявлена и зафиксирована при помощи определенной лексической единицы лишь часть этого содержания. Оно модулируется системой стереотипных представлений, норм, традиций, принятых в обществе. Во многом сам процесс порождения оценочного смысла обусловлен социокультурной спецификой, т. е. определенной концептуальной конфигурацией

знаний конкретного общества. Для достижения цели необходимо рассмотреть процессы оценочной концептуализации и категоризации, определить языковые и когнитивные механизмы порождения смыслов оценочного характера.

В статье оценочная концептуализация определяется как «оценочное осмысление объектов окружающего мира и образование в результате этого оценочных концептов в нашем сознании» [Болдырев 2002: 104]. Совокупность всех концептов, которые хранятся в нашей концептосфере, предполагает разный тип знания. Так, оценочные концепты, (например: «хорошо», «плохо») всегда связаны с внутренним миром системы мнений и оценок индивида. При этом оценочный концепт отличается большой гибкостью и мобильностью. Р. Джекендофф рассматривает концепт как «оперативную единицу уровня ментальных репрезентаций» [Jackendoff 1991: 8]. Согласно Р. Джекендоффу, «... концепт характеризуется схематическим строением и обладает набором существенных признаков для того, чтобы определять предметы и явления действительности» [там же]. Именно языковая репрезентация раскрывает схематичность оценочных концептов. Другими словами, схематичность смысла, которая передается оценочными концептами, проявляется при наложении на другую структуру знания. Как существенные, так и несущественные характеристики могут попасть в ячейки оценочной схемы. В первом случае порождаемый оценочный смысл определяется общественным, коллективным знанием. Во втором случае, оценка требует конкретизации, дополнительной информации, уточнения. Очевидно, что в этом случае формирование оценочного смысла определяется индивидуальными предпочтениями человека, которые не всегда могут совпадать с коллективными. При этом проявляется специфика оценочных концептов, которая заключается в их зависимом характере. Оценка всегда определяется оцениваемым объектом, явлением, событием.

Оценочная категоризация представляет собой «группировку объектов и явлений по характеру их оценки в соответствующие классы и категории, т. е. систему оценочных категорий (статический аспект), или мысленное соотнесение объекта или явления с определенной оценочной категорией (динамический аспект)» [Болдырев 2002]. Оценочная категоризация имеет прямую связь с языком, т. к. именно в языке происходит формирование и изменение оценок. Иначе говоря, язык помогает нам конструировать мир [Болдырев 2015, 2016a] Общая релятивизация оценки определяет структурные особенности данных емких ментальных образований. Они могут обнаруживать разные принципы своего строения в зависимости от характера оцениваемого объекта. Это говорит о том, что, несмотря на свою большую емкость, данные ментальные структуры отличаются большой гибкостью и мобильностью. Знание, хранящееся в оценочных категориях, всегда индивидуально и коллективно обусловлено.

В основе оценочной категоризации окружающего мира и формирования определенного оценочного смысла лежат когнитивные и языковые механизмы. К когнитивным механизмам оценочной категоризации относятся: «профилирование, сравнение, метонимический и метафорические переносы» [Гаврилова

2005: 39]. Механизм профилирование может основываться как на выделении центральных, так и периферийных характеристик объекта действительности. При этом профилирование этих характеристик во многом определяется когнитивным контекстом. Последний понимается как «когнитивные структуры или блоки знаний, которые подчеркивают определенное языковое значение и обеспечивают его понимание» [Болдырев 2019]. К языковым механизмам формирования оценочного смысла можно отнести «номинацию оцениваемых структур и их характеристик, взаимодействие семантических компонентов определяемой единицы и оценочных прилагательных, ..., а также близкий и широкий языковой контекст оценки» [Гаврилова 2005: 40]. В нашей статье будет рассмотрен механизм порождения оценочного смысла на основе профилирования (выделения) центральных, наиболее значимых характеристик объекта.

Формирование оценочного смысла, основанного на когнитивном механизме профилирования и языковом механизме прямой номинации оценки и оцениваемого объекта, не требует, как правило, уточнения и конкретизации в речи. Например: "*Take good walking shoes or boots*" (Richards 1993). В этом примере оценочный смысл реализуется за счет взаимодействия семантики существительного - объекта оценки: shoes, boots (an outer covering for the foot/leg) (Webster 1993), прилагательного walking, указывающего на точную функцию (to walk) и прилагательного общей оценки good, представляющего соответствующую оценочную категорию и такую ее характеристику, как "of high quality level or standard" (COBUILD 1997). В конкретном речевом эпизоде формирование оценочного смысла определяется стереотипным, общественным знанием об объекте.

Таким образом, в статье мы рассмотрели, как строятся отношения между реальным миром и миром ценностей индивида, на какие концептуальные характеристики он опирается в процессе порождения оценочного высказывания, какие когнитивные и языковые механизмы задействует. В статье раскрываются когнитивные основы оценочной категоризации окружающей нас действительности, подчеркивается важность изучения особенностей структуры и содержания культурно-ориентированных оценочных понятий и категорий, обеспечивающих наиболее эффективную реализацию процесса межкультурной коммуникации. При этом оценочная категоризация представляет одну из наиболее важных составляющих в концептуальной системе человека.

Литература

- Болдырев Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку. Москва – Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет. 2002. С. 103–114.
- Болдырев Н.Н. Роль языка в структурировании сознания // Когнитивные исследования языка. 2015. Вып. XXXV. С. 34–39.
- Болдырев Н.Н. Проблемы межкультурной коммуникации с позиции когнитивной семантики // Русский язык в поликультурном мире. Симферополь: ИТ «АРИАЛ». 2016. Т. 1. С. 423–431.
- Болдырев Н. Н. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2016(а). № 4. С. 10–20.

Гаврилова Е.Д. Оценочные категории “good” и “bad” в современном английском языке: дисс. ... канд.филол.наук. Тамбов, 2005.

КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов. М.: Изд-во МГУ. 1996.

Boldyrev N.N., Dubrovskaya O.G. Challenges of Intercultural Communication from the Perspective of Linguistic Interpretation Theory // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 4. С. 20–27.

Jackendoff R. Semantic Structures. Cambridge: The MIT Press, 1991.

E.D. Stolyar (Belgorod, Russia)

Belgorod State National Research University

EVALUATE CATEGORIZATION IN INTERCULTURAL PERSPECTIVE

The objective of this paper is to reveal and describe the basic problems connected with the communicants' axiological activity in evaluate sense creating in intercultural communication. The present article also deals with the questions concerning the cognitive basis of evaluation such as evaluate conceptualization, evaluate categorization. Studying evaluate categorization in the aspect of intercultural communication, we demonstrate the usefulness of cognitive approach.

Key words: evaluate conceptualization, evaluate categorization, evaluate sense creation, intercultural communication.

Ю.В. Сурмятова (Тюмень, Россия)

Тюменский индустриальный университет

surmjatovajv@tyuiu.ru

КАТЕГОРИЗАЦИЯ КРАСНОГО ЦВЕТА В ИДИОМАТИКЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Данная статья посвящена аксиологическим характеристикам красного цвета в немецком языке. Автором была предпринята попытка в тезисной форме отразить тематические группы, определяющие идиоматические образы, архетипы представлений немцев, предпринята попытка раскрытия имплицитных смыслов и символов, представляющих симболярий культуры.

Ключевые слова: симболярий, аксиологический параметр, цветокомпонент, идиоматическая картина мира, аксиологическая картина мира.

Симболярий культуры любого национального языка чаще всего представляется мифологемами, архетипами, символами, зачастую представленными кратких, но весьма образных сочетаниях слов посредством внутренней формы. Раскрытие скрытого смысла, интерпретация, и прояснение мотивации значимых смыслов является важнейшей задачей исследования проекции национального мировидения конкретного этноса. Процесс их изучения может быть представлен при помощи определения А.П. Василенко, в котором указывается, что специальный метаязык описания культуры, совокупности знаков, облачаемых культурной семантикой, – это симболярий, проявляющий образное ассоциирование с целью раскодировки / выявления глубин денотатов и глубинных слоёв устойчивых сочетаний [Василенко 2010: 237].

Прагматическое значение цвета, выраженное средствами идиоматики, дифференцирует лингвоцветовую и идиоматическую картины мира, а также выразительно отражают особенности этнокультурного мышления, бесценный опыт и субстанциональные ценностные категории, своеобразные и специфические способы ретранслирования человеческого опыта. Специфика выявления многовекового отношения нации к разным явлениям, скрытая референция, символизм, колоритность, а порой и патетичность, позволяют проникнуть в глубинные слои культурных смыслов. Однако исследования в этой области – явление не новое. В разное время изучением идиоматической картины мира немецкого языка занимались А.Д. Райхштейн (1980), Д.О. Добровольский (1988), Ш.М. Штанчаев (2009), Е.В. Емельянова (2010), М.А. Федорова (2012), И.С. Парина (2018) и др. При всем обилии работ, выявляющих этноспецифические особенности восприятия и оценки цветов, мы наблюдаем необходимость в изучении смыслов и аксиологических ориентиров в целях предотвращения коммуникативных неудач в межкультурной коммуникации.

Неожиданно объемным и многообразным является цветокомпонент ROT в составе устойчивых сочетаний немецкого языка. Архилексема ROT может быть репрезентована посредством следующих оттенков, зафиксированных в корпусе «Электронного словаря немецкого языка» («Das Digitale Wörterbuch der deutschen Sprache»): amarantrot, beigerot, blassrot, blaurot, blutrot, bordeauxrot, brandrot, braunrot, dunkelrot, erdbeerrot, fahlrot, falunrot, feuerrot, flammenrot / flammrot, gelbrot, glutrot, granatrot, grellrot, grünrot, hellrot, himbeerrot, hochrot, hummerrot, indianerrot, karfunkelrot, karmesinrot, karminrot, kirschrot, knallrot, korallenrot, krapprot, krebsrot, kupferrot, mahagonirot, mennigrot, mohnrot, ochsenblutrot, ockerrot, orangerot, orientrot, pink, pinkrot, purpurfarben, purpurn, purpurrot, puterrot, rosa, rosarot, rosenrot, rosig, rostrrot, rubinrot, sattrot, schamrot, scharlachrot, schwarzrot, schwedenrot, signalrot, tiefrot, tizianrot, tomatenrot, türkischrot, verkehrsrot, violettrot, weinrot, ziegelrot, zinnoberrot, zornrot, infrarot, puterrot, ultrarot, fuchsrot, rotblond.

Уникальность объема и дифференциации оттенков красного цвета позволяет глубже и достовернее понять немецкую семиотическую систему и, как следствие, лингвоцветовую картину мира. Уникальность красного цвета проявляется в его биполярной оценке носителями немецкого языка.

Хроматоним красный – один из цветов теплого спектра преимущественно ассоциируется с радостью, благополучием, состоянием довольства и радости, энергии, расположения, торжества, важности чего-либо, страсти, симпатии, горячей сердечной склонности, готовности к подвигу, нацеленности на успех, торжество военного духа и победу. Медиками экспериментально доказано, что красный цвет лидирует в плане распознавания после ахроматических цветов (белого и черного) у людей с патологией сосудистого генеза головного мозга. Причиной тому можно назвать генеративное влияние на анализаторы. Интерференция красного цвета крайне активна: возбуждение, повышение артериального давления, тахикардия и тахипноэ; изменения психологического характера:

активизация и нарастание нервозности и беспокойности, раздражительности и тревожное внутреннее состояние. Символическая референция крайне многообразна и насыщена. Рассмотрим примеры разносторонних концептуализаций.

С одной стороны, красный цвет считался самым важным цветом, поскольку связывался с силами, дарующими человеку жизнь. Красному цвету приписывались магические свойства и этимологически немецкое слово *Zauber* «магия», происходит от «tauf-» и родственно «teafor» «красная краска». Красный цвет считался обладающим сильнейшими защитными свойствами против злых сил, дурного глаза и болезней, поэтому выкрашенные в красную краску амулеты и красные драгоценные камни использовались в качестве оберега [Капица 2011: 50]. Первобытные люди использовали красный краситель или кровь для улучшения фертильности, придания энергии, здоровья и силы, мощи себе и домашнему скоту. В быту домашняя утварь и хозяйственные предметы, орудия труда и охоты окрашивались кровью побежденных. Одной из задач была узурпация свойств поверженных, иногда свежую кровь даже пили. У немцев сохранилась традиция использования красного постельного белья во избежание «красных болезней», таких как лихорадка, краснуха, неудачная беременность.

Два основных символических значения характеризуют красный цвет опираясь на: во-первых, утилитарные образы и свойства огня и крови, имеющих сакральное и тотемно-важное значение для жизни; во-вторых, аксиологически негативные ассоциации с идеограммами смерти и жестокого, кровопролитного противостояния, связанного с частичной или полной потерей сил. Символическое значение архетипа красного цвета простирается от полюса агрессии, разрушения и убийства, смерти до полюса любви, радости и красоты, самоотдачи, жертвы и мученичества. Следует заметить, что большая часть культурно-исторических символических значений красного цвета находит свое отражение во фразеологизмах с цветокомпонентом красный анализируемых языков. Мотивация этих значений в зависимости от степени идиоматичности и лексикализации более или менее прозрачна. Нами было проанализировано 116 единиц с цветокомпонентом красный в немецком языке. Анализ языкового материала базируется на выборке их лексикографических печатных и электронных источников, который свидетельствует о систематизации и регистрации особого константа культуры.

Ассоциативная логика переноса номинации цвета на коннотацию здоровый – символична, так как компилятивная ассоциация поддерживается цветом щек или в целом кожи человека как слегка красноватой, румяной: *rote Backen* «румяные щеки», *eine gesunde rote Gesichtsfarbe* «здоровый, румяный цвет лица». Славянскому мышлению свойственна компиляция красный цвет – красота, аттрактивность, привлекательность, устремленность в плане определения в области стремлений и желаний и, олицетворение жизненных сил, энергии; с таким символическим значением связаны пословицы и выражения: *Salz und Brot machen Wangen rot bukw.* «соль и хлеб делают щеки красными».

Медицинская профессионализация тяготеет к имманентному переносу номинации цвета на терминологию: *das Rote Kreuz* – организация с целью оказания помощи раненым на поле боя рус. красный крест, была основана в 1863 г., *roter Hund* «краснуха», *roter Schaden* «понос с кровью», *heute rot, morgen tot* «сегодня в порфире, а завтра в могиле», *roter Konig* «менструация».

Суеверия и тотемизм предписывает оттенки красного, пигментно-яркого цвета волос (рыжий, медный, красноватый) относить и оценивать, как настораживающий, внушающий опасения и чувство тревоги: *rote Haare* «рыжие волосы». рус. *рыжий да красный – человек опасный, рыжи да плешивы – все люди фальшивы*.

Семантическая доминанта связывает красный цвет со страстями, эмоциями. Эмотиологически релевантными в данном случае будут чувства «повышенного накала»: страсть, возбуждение, пылкость, несдержанность, вспыльчивость; производные состояния человеком будут ощущаться как скандальный, несдержанный, готовый в бой, ощущающий прилив энергии и энтузиазма, метафорически происходит перенос значения в эпитетах горячий, пламенный (о характере), что свидетельствует об намеренном усилении свойства. Немецкий этнос характеризует расщепившего человека, сравнивая его с быком, видящим красную тряпку: *das wirkt aufihn wie ein rotes Tuch* «это приводит его в ярость, это выводит его из себя», *rot sehen* «прийти в ярость, расщепеть, выйти из себя», *es war ihm rot vor den Augen* «кровь бросилась ему в голову», *rot werden, einen roten Kopf haben, , rot wie ein Zinshahn sein* «покраснеть от смущения (букв. стать красным как щетинка поросенка)», *rot wie ein gekochter Krebs* «быть красным как рак от гнева или стыда», *rote Leidenschaft* «сильная страсть», *rot anlaufen* «покраснеть, залиться краской», *rot machen* «вонзать кого-либо в краску, смутить кого-либо», *sich die Augen rot weinen* «выплакать себе глаза».

Основная масса языков и этносов трактует красный как нечто положительное, ассоциируемое с жизнью, жизненными силами, кровью проявляя чаще прагматический и конструктивный релятивизм, подобные оценки мы встречаем и в немецком языке: *den roten Teppich ausrollen* «оказать большую честь», «первостепенной важности», *einen Tag im Kalender rot anstreichen* «особо отмечать какой-либо день / праздновать», *das rote Buch, die Rote Liste* «список важнейших лекарств в Германии»; также *das rote Telefon* букв. «красный телефон», хотя сами телефонные аппараты необязательно должны быть красными, *Rotwild* «красная, наиболее ценная дичь».

Необходимо также отметить, что немецкий язык наделяет красный цвет и отрицательными аксеологическим параметрами: *einen roten Rock bringen, einen roten Rock ins Maul schieben* «давать взятку», *rote Laterne tragen* «занимать последнее место в состязании», *einen roten Rock verdienen* «втереться в доверие», *der rote Meister* «палач, убийца».

Подводя итог следует отметить, что колороним красный в миропонимании немцев является ведущим в концептуальной и аксиологической картине мира,

имеет полярные аксиологические параметры, представляемые средствами идиоматики. В заключении следует отметить, что колороним *ROT* активно фигурирует в идиоматической картине мира немецкого языка, символически репрезентует архетипы и модели мышления немецкоговорящего этноса и аксиологически чаще всего толкуется – варьируется с отрицательной коннотацией.

Литература

- Василенко А.П.* Символярный фразеологического корпуса русского и французского языков // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. № 3. С. 237–247.
- Каница Ф.С.* Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы: справочник. 8-е изд., стереотип. М.: ФЛИНТА, 2011.

Yu.V. Surmyatova (Tyumen, Russia)
Tyumen Industrial University

THE CATEGORIZATION OF RED IN GERMAN IDIOMATICS: AN AXIOLOGICAL ASPECT

This article is devoted to the axiological characteristics of the red color in the German language. The author attempted to reflect in the thesis form the thematic groups determining idiomatic images, archetypes of the Germans' representations, an attempt to disclose the implicit meanings and symbols representing the symbolarium of culture.

Key words: symbolarium, axiological parameter, color component, idiomatic picture of the world, linguocolor picture of the world.

Е.В. Федяева, Э.В. Массон (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
fedyaeva@corp.nstu.ru; masson.elvira@yandex.ru

КУЛЬТУРНОСПЕЦИФИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Межкультурная коммуникация как сложный и многоаспектный феномен связана с такими когнитивными процессами, как концептуализация, категоризация и интерпретация действительности, результаты которых представлены в каждом отдельном акте коммуникации. Эффективность межкультурного взаимодействия обусловлена уровнем межкультурной компетентности коммуникантов относительно системы ценностей, норм, стереотипов и этнокультурных доминант партнера по коммуникации, а также отсутствием этноцентристских установок.

Ключевые слова: знание, культура, коммуникация, межкультурное взаимодействие, этноцентризм.

В современных когнитивных исследованиях язык рассматривается как сущность антропоцентрической природы, как совокупность знаний и опыта многих поколений человечества, различных культур и каждого отдельного индивида. При этом язык реализует функцию репрезентации знания как результата

процесса познания и функцию интерпретации, заключающуюся в использовании всей системы знаний индивида, включая знания, формируемые из собственного когнитивного опыта, и культурноспецифические знания, приобретенные в рамках определенного лингвокультурного коллектива.

Современная лингвистика, являющаяся когнитивно-коммуникативной в своей основе, обладает значимым потенциалом для изучения межкультурной коммуникации как сложного и многоаспектного феномена, непосредственно связанного с такими когнитивными процессами, как концептуализация, категоризация и интерпретация действительности, результаты которых последовательно представлены в каждом отдельном акте коммуникации.

Межкультурная коммуникация, как и коммуникация в целом, «опирается на общие для собеседников познавательные силы и оказывается успешной в той мере, в какой общие для собеседников ментальные конструкторы, опыт, интересы, пресуппозиции позволяют прийти к более или менее единой точке зрения» [Хомский 2018: 131-132]. Л.А. Козлова отмечает, что «в последние десятилетия в когнитивной лингвистике закрепился тезис о том, что наша когниция этнически детерминирована, что находит свое отражение как в семантике языковых единиц различных уровней, так и в коммуникации» [Козлова 2021: 9]. Знания о мире людей, говорящих на разных языках, характеризуются своей спецификой, поскольку когнитивный опыт и менталитет индивида мотивирован определенным географическим, климатическим, экономико-политическим пространством, формирующим когнитивный и культурный контекст коммуникации (см., например: [Болдырев 2017; Boldyrev, Dubrovskaya 2016]). Следовательно, успешность коммуникации зависит от общности когнитивного опыта, схожести индивидуальных концептуальных систем коммуникантов, а в случае коммуникации между различными культурами – от уровня межкультурной компетентности и степени информированности коммуникантов, относящихся к разным лингвокультурным сообществам, относительно системы ценностей, норм, стереотипов, доминант культуры партнера по коммуникации как факторов, непосредственно влияющих на эффективность межкультурного взаимодействия.

Одной из помех на пути выстраивания эффективного межкультурного взаимодействия становится феномен этноцентризма как «подсознательной уверенности в том, что, способ мышления, сформированный в рамках нашей собственной культуры, является единственно верным, что именно наша культура имеет превосходство над другими культурами» [Martin, Nakayama 2021: 4]. Приведем в этой связи следующий контекст:

(1) *De Londres, il fallait quatre heures d'autoroute pour se rendre à Manchester. Les premiers kilomètres furent cauchemardesques : Jonatan pensa qu'il ne s'habituerait jamais à la conduite à gauche. Quelques sentiments antibritanniques traversèrent son esprit (on critiquait toujours l'arrogance des Français, mais que penser d'un peuple qui s'escrimait à refuser l'euro, continuait à rouler à gauche ...?), mais il repoussa ces clichés ethnocentriques. Il respira et se dit qu'il*

suffisait de rester zen, de rouler moins vite et de se concentrer. (Понадобилось четыре часа, чтобы добраться по автомагистрали из Лондона в Манчестер. Первые несколько километров были кошмарными: Джонатан подумал, что никогда не привыкнет к левостороннему движению. Кое-какие антибританские настроения закрались в его голову (всегда критиковалось высокомерие французов, но что же думать о нации, которая пыталась отказать от евро и продолжала использовать левостороннее движение...?), но он отбросил эти этноцентрические клише. Он вздохнул и сказал себе, что всё, что ему нужно сделать, это сохранять спокойствие, ехать медленнее и сосредоточиться) (Musso G. L'appel de l'ange).

Известно, что, несмотря на географическую близость, культуры Великобритании и Франции существенно различаются. Приведенный пример (1) иллюстрирует, что этноцентристские установки и убеждения героя романа, представителя французской культуры, провоцируют негативную оценку в отношении представителей британской культуры, формируя неблагоприятный фон для межкультурного взаимодействия и коммуникации между представителями данных культур.

Однако не только психологическая установка оценивать другую культуру и поведение ее представителей сквозь призму собственных норм и ценностей является помехой для успешного межкультурного взаимодействия. Степень осведомленности коммуникантов относительно доминант культуры партнера по коммуникации играет не менее значимую роль в процессе межкультурной интеракции.

Отметим, что больше различий наблюдается между географически удаленными культурами, например, культурами, подпадающими под условное деление на «культуры Запада» и «культуры Востока». Например, доминантами японской культуры являются терпимость и сдержанность, обусловленные спецификой островных климатических условий, которые формируют общие принципы и механизмы социальных отношений: спокойное и уважительное поведение по отношению к другим членам коллектива, стремление к гармонии в межличностном взаимодействии и избегание конфликтных ситуаций, подчинение младших старшим. Проиллюстрируем сказанное следующим контекстом, иллюстрирующим различия в поведении (в том числе коммуникативном) представителей французской и японской культур:

(2) ... – *Et un thé pour Katsushi? Ajouta-t-il en défiant du regard le protégé de la floriste.*

– *Je m'appelle Takumi, répondit froidement l'Asiatique, et je prendrais plutôt un cappuccino.*

Emile ne se dégonfla pas :

– *Et un cappuccino pour Tsashimi, un !*

Le jeune homme attrapa son gobelet sans rien dire et baissa la tête, déçu de ne pas être respecté par le grossiste.

– *Un jour, il faudra que tu décides à lui mettre ton poing dans la gueule, lui glissa Madeline tandis qu'Emile se dirigeait vers un nouvel arrivant. Ça, je ne peux pas faire pour toi.*

– *Mais... c'est un vieil homme.*

– *Il te dépasse de trois têtes et pèse deux fois ton poids ! Si ça te peut rassurer, mon bizutage a duré six mois. Chaque fois qu'il me voyait, il m'appelait la Rostbif ou l'English.*

– *Et ça s'est arrêté comment ?*

– *Lorsque je lui ai balancé son café bouillant à la gueule. Depuis il me traite comme une princesse.*

Takumi se sentait désemparé. Dans le pays où il était né, on cherchait à tout prix à éviter le conflit, l'affrontement ou les attitudes agressives. (... – И чай для Кацуки? – добавил он, демонстративно глядя на протееже флориста.

– *Меня зовут Такуми, – холодно ответил азиат, – и я бы предпочёл капучино. Эмиль не дрогнул: – И капучино для Цасими, один!*

Молодой человек молча взял свою чашку и опустил голову, разочарованный тем, что оптовик не уважает его.

– *Однажды тебе придётся решиться дать ему по морде, – шепнула ему Мадлен пока Эмиль пошёл навстречу новому посетителю. – Этого за тебя я сделать не могу.*

– *Но... он же пожилой человек.*

– *Он на три головы выше и в два раза тяжелее тебя! Если тебя это убедит, скажу, что надо мной он издевался полгода. Каждый раз, когда он меня видел, он называл меня Ростбиф или Инглиш.*

– *И как же это прекратилось?*

– *Я плеснула горячий кофе ему в лицо. С тех пор он обращается со мной как с принцессой.*

Такуми почувствовал себя беспомощным. В стране, где он родился, люди старались любой ценой избегать конфликта, конфронтации или агрессивного поведения) (G. Musso. L'appel de l'ange).

Приведенный пример показывает разницу между доминантами культур и регулятивами поведения представителей Запада и Востока. Неуважительное, достаточно агрессивное и высокомерное поведение представителя западной культуры в отношении своего восточного партнера свидетельствует об отсутствии межкультурной компетентности, а также проявлении этноцентристских установок, не благоприятствующих межкультурной коммуникации и взаимодействию в целом.

Подводя итог, отметим, что культурно ориентированные исследования сегодняшнего дня подразумевают учет того факта, что каждое лингвокультурное сообщество характеризуется особенностями структурирования мира и способами схематизации опыта «общения» с окружающей действительностью. Связанные общим знанием, члены коллектива образуют единство, отличающееся от других своими нормами, ценностными установками, культурными доминантами. Таким образом, знание культурноспецифического характера является основанием для выстраивания процесса эффективного межкультурного взаимодействия.

Литература

- Болдырев Н.Н. Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5–14.
- Козлова Л.А. Сопоставительная прагматика: речевые акты в этнокультурном ракурсе: учебное пособие. Барнаул: ФГБОУ «АлтГПУ», 2021.
- Хомский Н., Бервик Р. Человек говорящий. Эволюция и язык. Санкт-Петербург: Питер, 2018.
- Martin Judith N., Nakayama Thomas K. Intercultural Communication in Contexts. N.Y.: McGraw Hill, 2021.
- Boldyrev N.N., Dubrovskaya O.G. Sociocultural commitment of Cognitive Linguistics via dimensions of context // ILHA DO DESTERRO. A Journal of English Language, Literatures in English and Cultural Studies. 2016. Vol. 69. No 1. P. 173–182.

*E.V. Fedyayeva, E.V. Masson (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University*

CULTURE SPECIFIC KNOWLEDGE AS THE BASIS FOR INTERCULTURAL INTERACTION

Intercultural communication as a complex and multidimensional phenomenon is connected with such cognitive processes as conceptualization, categorization and interpretation of reality; the results of these processes are presented in each individual act of communication. The effectiveness of intercultural interaction depends on the level of the communicants' intercultural competence regarding the values, norms, stereotypes and ethno-cultural dominants of the communication partner, as well as the absence of ethnocentric attitudes.

Key words: culture, communication, intercultural interaction, ethnocentrism.

*О.А. Шеришкова (Москва, Россия)
Дипломатическая академия МИД России
okshera@yandex.ru*

ПАРАДОКСЫ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ МАЛОГО КОЛИЧЕСТВА В ПОРТУГАЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье на основе когнитивного подхода анализируются способы языковой репрезентации малого количества в португальском языке. Анализ проводится на примере употребления неопределенного артикля и квантификаторов *rouco* и *algum* с существительными

Ключевые слова: малое количество, квантификатор, неопределенный артикль, дискретный, недискретный.

XXI в. образно называют веком «цифры», информационных технологий. Впервые вопрос о взаимодействии языкового и математического мышления поднял И.А. Бодуэн де Куртенэ. По его мнению, «одной из сторон всеобщего бытия является целый комплекс количественных представлений, охваченный, т. е. расчлененный и объединенный (интегрированный), математическим мышлением», поэтому «каждый исследователь, интересующийся количеством языкового мышления», должен заниматься поиском соответствий между «различными

видами чисто математической количественности» и их представлениями в языковом мышлении [Бодуэн 1963: 312-314]. Для анализа количественных отношений в языке в настоящее время широко применяется когнитивный подход, поскольку количество «представлено на всех языковых уровнях в виде количественных смыслов», и поэтому «обращение к глубинному концептуальному уровню анализа количественных значений и смыслов» является научно обоснованным, «в целях выявления и описания различных механизмов, участвующих в их формировании» [Болдырев, Федяева 2020: 5]. По мнению А.Е. Супруна, как в философии и математике, так и в науке о языке выделяются различные разновидности количества, при этом «речь идет о возможности или невозможности, а также о реализуемости или нереализуемости подсчета элементов, составляющих количество» [Супрун 1996: 163-164]. Обращение к теме языковой репрезентации малого количества в португальском языке не случайно. Дискурсивное пространство современного человека сфокусировано на так называемых «больших данных» big data, а наше внимание, наоборот, привлекло малое количество и его репрезентация в языке. Так, в ряде языков мира, помимо граммы двойственного и тройственного числа, имеется граммема «паукального (или ограниченного) множественного числа, т. е. противопоставляются значения ‘один объект’, ‘небольшое количество объектов’ (паукальность) и ‘большое количество объектов’ (множественность)» [Плунгян 2011: 210]. А.А. Зализняк, развивая положение В.В. Виноградова о наличии в русском языке особого «ограниченного числа, обозначающего ограниченную множественность (от полутора до четырех)», считал, что в типологическом плане ограниченное число может быть сопоставимо с так называемым множественным числом «малого количества (plurale paucitatis) в арабском языке», которое обозначает от трех до десяти предметов [Зализняк 2002: 48]. По мнению В.А. Плунгяна, граммема паукальной множественности встречается довольно редко в современных языках [Плунгян 2011: 210], но в данном случае, по всей видимости, все-таки речь идет о морфологическом показателе ограниченной множественности, т. е. морфеме, передающей значение паукальности. Так, в португальском языке, на материале которого мы проводим анализ языковой репрезентации малого количества, это значение может быть передано посредством неопределенного артикля в форме множественного числа *uns/umas*, который «интерпретируется как неопределенное местоимение (*некоторые, несколько, кое-какие*)» [Неустроева 1997: 28], за исключением ряда случаев: (1a) *Vou pedir à minha avó que faça uns bolos* Попрошу бабушку испечь пирогов Ср. (1b) *...pela escola onde estão a aprender como se fazem bolos, pastéis e pães ...в этой школе обучаются, как печь пироги, пирожки и различные виды хлеба; Aspirou fundo o cigarro, refreou umas tosses* Затянувшись сигаретой, откашлялся (2a) (букв. сделал несколько *кашлей) Ср. (2b) *Entre os estudantes que assistem ao debate começa-se a ouvir tosses* В зале, где дискутировали студенты, слышались покашливания.

К прототипическим именам, обозначающим малое количество, относятся квантификаторы *pouco* и *algum*. *Pouco*: “adj. Que é em pequena quantidade ou

número. Pequeno. M. Aquilo que é em pequena quantidade ou número. Adv. Não muito” [GDLP, v.2: 741] *прил.* Незначительный по количеству или числу. Маленький. *Сущ. м. р.* То, что в малом количестве или числе. *Нар.* немного”); **algum**: “um de entre dois e mais; quantidade indeterminada mas pequena” [Estudante: 50] «то, что больше двух; неопределенное, но малое количество»). Мы хотели бы провести параллели между различными способами репрезентации малого количества (неопределенный артикль, квантификаторы **pouco** и **algum**, а также **algum de ‘часть от целого’**) на примере лексемы **мебель mobília**, которая, будучи употребленной в форме множественного числа **mobílias**, имеет дискретную интерпретацию **предметы мебели**: *Quando vim para a casa da Câmara, tive que comprar uma mobília* Когда я поселился в доме мэрии, то вынужден был купить кое-какую мебель *Ср.* *Nesse dia estavam cá uns senhores a pôr umas mobílias* В тот день какие-то люди расставляли мебель; *...se limitou a guardar alguma mobília na dispensa* ...он решил поставить какую-то часть мебели в кладовку *Ср.* *O sinistro danificou algumas mobílias existentes num armazém* Во время стихийного бедствия была попорчена часть мебели, находящаяся на складе; *Houve quem dissesse que alguma da mobília também veio a bordo* Поговаривали, что какая-то часть мебели была на борту *Ср.* *...se mostrou disponível para ceder algumas das mobílias originais da casa* ...он был готов предоставить отдельные предметы оригинальной мебели дома; *O seu quarto tem pouca mobília* В его комнате мало мебели *Ср.* *...poucas mobílias têm conserto* ...лишь несколько предметов мебели могут быть отреставрированы. Другим моментом является то, что португальский квантификатор **pouco** сочетается без ограничений с недискретными именами, что не характерно для его русских эквивалентов *малый, мало*, поскольку «квантификатор **много** (или **мало**) характеризует несчетность количества (или безразличие к ней), а квалификатор **несколько** указывает на счетность» [Супрун 1996: 164]. В этом плане **alguns/algumas** соотносим с русским **несколько**. Тем не менее следует отметить и различия в способах квантификации посредством **pouco** и **algum**. Во-первых, **pouco** полифункционален и может употребляться в различных синтаксических позициях: в качестве существительного, количественного наречия, деинтенсификатора прилагательных и наречий: *...muito poucos dos que venceram o Nobel o mereciam* ...лишь очень немногие из тех, кто получил Нобелевскую премию, были ее достойны; *Do pouco que se sabe... Из того немногого, что известно...; Os velhos contentam-se com pouco* Старикам довольствуются малым; *No deserto come-se pouco e bebe-se pouco* Находясь в пустыне, люди мало едят и мало пьют; *Este livro é pouco interessante* Эта книга не очень (мало) интересная. Во-вторых, в связи с тем, что в португальском языке активно используются субстантивные конструкции, то один и тот же количественный смысл может быть передан по-разному: *Ele fala pouco* (Adv.) Он мало говорит → *Ele é um homem de pouca fala* (Adj.N ед.ч.) Он неразговорчивый человек (букв. человек *малой речи); *Durante a refeição, estive de poucas falas* (Adj.N мн.ч.) (A. Redol) Во время еды я молчал; *Somos nisso um povo de*

poucas palavras (Adj.N мн.ч.) *Наш народ несловоохотлив; Vejo pouca televisão Я редко смотрю телевизор* (букв. смотрю *мало телевизора); *O Pedro alcançou-as em poucas passadas Педро быстро догнал их* (букв. несколькими шагами). Возможно также представление ситуации или события, однако конкретный смысл будет вытекать из контекста: *Um país com muita crise e pouso governo В стране большой кризис и малоэффективное правительство* (букв. *небольшое правительствo); *Ná pouca anglofobia primária na Escócia В Шотландии довольно редки случаи проявления англофобии на бытовом уровне* (букв. мало первичной англофобии); *O general Ramalho Eanes é homem de poucas biografias Биография генерала Рамалью Эанеша не изобилует фактами* (букв. человек *немногочисленных биографий).

Теперь о самом парадоксальном, когда синтаксическую конструкцию не только сложно перевести на русский язык, но и умом российским понять. В португальском языке встречаются случаи, когда квантификаторы *algum* и *pouco* употребляются вместе в одном линейном ряду, причем именно в приведенной последовательности, а употребляются они, как правило, в сочетаемости с числительными-существительными, обозначающие большие числа: *São aqueles pequenos e médios industriais, com algumas poucas dezenas de operários-escravos Это небольшие мелкие и средние предприятия, на которых работают несколько (немногие) десятков подневольных рабочих; ...poucas centenas de pessoas, arrebanhadas pela Indonésia, ... несколько сотен человек бежали из Индонезии; A alguns quilómetros dali, as poucas centenas de habitantes da aldeia esperam por Jozsef, como pelo Messias В нескольких километрах отсюда, несколько сотен жителей деревни ждут своего мессию Иосифа; Como o depósito central só tinha algumas poucas centenas de litros de combustível... Поскольку на центральном нефтехранилище было всего лишь несколько (немного) сотен литров топлива...; Para essa equipa que vendeu mais de 40 mil assinaturas anuais, mas que teve somente alguns poucos milhares de adeptos presentes na última partida Что касается этой команды, то ее клуб продал более 40 тысяч годовых абонементов, но на последней игре присутствовало всего лишь несколько (немного) тысяч фанатов.* На наш взгляд, в этих примерах *pouco* как бы уточняет смысл *algum*, посредством *pouco* как бы фокусируется внимание читателя на незначительности большой величины по отношению к объемлющему множеству.

Таким образом, для репрезентации малого количества в португальском языке задействованы как грамматические, так и лексические средства.

Литература

Бодуэн де Куртэн И.А. Количественность в языковом мышлении // Избранные труды по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, Т. 2. 1963.

Болдырев Н.Н., Федяева Е.В. Когнитивные механизмы формирования количественных смыслов в языке // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 3. С. 5–14.

Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002.

Неустроева Г.К. Теоретическая грамматика португальского языка. Морфология. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997.

Плунгин В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: учебное пособие. М.: РГГУ, 2011.

Супрун А.Е. Общая характеристика семантики количественности // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. С. 162–170.

Национальный корпус португальского языка. URL: <http://linguateca.pt/CETEMPublico/>

Estudante Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/> – Dicionário de Português. Dicionários do Estudante. Porto: Porto Editora, 1984.

GDLP – Cândido de Figueiredo. Grande Dicionário da Língua Portuguesa. 15-a ed. Lisboa: Bertrand, 1978. V. I. 1361 p., v. II.

Oxana A. Shershukova (Moscow, Russia)

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry

PARADOXES OF THE LINGUISTIC REPRESENTATION OF A SMALL NUMBER IN PORTUGUESE

The article deals with the ways of language representation of small quantity in Portuguese, using the cognitive approach to the study. The analysis is carried out basing on the use of the indefinite article and the quantifiers pouco and algum with nouns.

Key words: small quantity, quantifier, indefinite article, discreet, continuous.

Н.Г. Юзefович (Санкт-Петербург, Россия)

*Северо-Западное управление. Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
yuzefovich-ng@ranepa.ru*

«ВНУТРЕННИЙ ПЕРЕВОД» КАК ВАЖНОЕ СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ ИНТЕРЛИНГВОКУЛЬТУРНОГО МИРА

В статье анализируется разрабатываемая автором на протяжении многих лет концепция особого типа перевода – «внутреннего» – который характерен для словесных произведений би- и/или полилингвальных писателей, особенно ориентированных на описание феноменов инолингвокультуры. Такие тексты написаны на родном (втором или иностранном) языке, но при этом погружены в другую культуру, и контакт данных лингвокультур создает интерлингвокультурную картину мира.

Ключевые слова: интерлингвокультура, интерлингвокультурное словесное произведение/автор, инолингвокультурный субстрат/концепт, «внутренний перевод», think-aloud protocol.

Несколько десятилетий мы наблюдаем развитие межкультурных контактов (даже и в ситуации геополитических ограничений), что предопределяет дальнейшее расширение функций английского языка. Именно на английском языке многие авторы создают словесные произведения разных жанров в мультикультурном мире, помогая читателю понять картину мира другой лингвокультуры, используя для создания этой картины механизм «внутреннего перевода».

Данный вид перевода отличает так называемые интерлингвокультурные тексты, т. е. такие произведения – любого жанра, которые репрезентируют «ино» – относительно языка общения лингвокультуру. Для текстов такого рода характерно не только использование инолингвокультурных номинаций, репрезентирующих феномены описываемой лингвокультуры, иноязычных вкраплений, «чужих» имен, но и особая синтаксическая стилизация, создание инолингвокультурного колорита.

Автор такого текста, несомненно, отличается сбалансированным билингвизмом, т. е. обладает способностью мыслить на втором или иностранном языке, умеет переключаться с одного лингвокультурного кода на другой, владеет приемами репрезентации инолингвокультурных феноменов и конструирования инолингвокультурной картины мира. Основной задачей данного доклада является описание приемов реализации «внутреннего перевода» в коммуникации. По формальным признакам «внутренний перевод» можно узнать по разнообразию заимствований – практическая транскрипция, транслитерация, калькирование, а также по контексту или описательному переводу.

Изучением внутреннего перевода я занимаюсь уже много лет, начиная с учебы в институте, первой предпосылкой моего интереса стала работа гидом-переводчиком; в то время (советское) доступность англоязычных словарей была ограничена, и вопросы носителей английского языка о том или ином слове нередко ставили меня в тупик. В современной терминологии это можно назвать когнитивным диссонансом: расхождение коннотаций, ассоциаций и пр.

Основной вопрос: как говорить, писать, рассказывать о России так, чтобы меня поняли представители другой – инолингвокультуры, в каких терминах описать процесс формирования речи?

Ответы нашлись в зарубежной транслятологии, психолингвистике и когнитивной лингвистике. На первой стадии исследований теоретической основой была выбрана работа Р. Якобсона, в частности его классификация типов перевода – *interlingual*, *intra-lingual* и *intersemiotic* [Jakobson 1971].

Идея «внутреннего перевода» разрабатывалась в ходе работы над докторским исследованием, эмпирическим материалом которого выступали разнообразные по жанру англоязычные тексты о жизни в России и россиянах, созданные билингвами, в том числе и теми, для кого английский язык не был родным. Даже при поверхностном просмотре данных произведений было очевидно, что они в той или иной степени содержат иноязычные вкрапления, функция которых во много определяется жанром текста.

Использование метода *think-aloud protocol* (думай вслух) позволило проанализировать «путь мысли» при переводе ряда специфических номинаций, выделить наиболее адекватные, при этом были использованы разные переводческие приемы: перифраз, синонимы, жесты и пр. Как представляется «внутренний перевод» в той или иной степени объединяет названные типы перевода в концептуальное единство.

К сожалению, встречаются работы, где внутренний перевод трактуется несколько упрощенно как перевод на уровне слова/словосочетания; однако, если

следовать современным концепциям транслятологии, единицей перевода является концепт, репрезентация которого одним элементом инолингвокультуры дает весьма поверхностное представление о его сути. Внутренний перевод в полном объеме возможен только в случае сбалансированного билингвизма, билингвы обладают особой лингвистической чуткостью, именно они могут проникнуть «внутрь слова» инолингвокультуры и сопоставить его концептуальные составляющие с предполагаемым иноязычным вариантом перевода. «Внутренний перевод» особенно необходим в тех случаях, когда единицей перевода является концепт, т. е. ментальная единица. Именно «внутренний перевод» способствует эффективному межкультурному общению, создавая интерлингвокультурный мир.

Текст любого жанра является форматом знания [Болдырев 2013] и содержит как типологические характеристики, так и своеобразные, уникальные; при этом текст всегда предназначен читателю, погружен в контекст лингвокультуры читателя и автора, т. е. двунаправленен.

Давайте обратимся к примеру: довольно большой фрагмент (1436 знаков) посвящен анализу лингвокультурных смыслов слова *golubchik*, the most popular and national term of sociability in Russia. Автор объясняет смыслы функции слова, высказывает несогласие с традиционными формами перевода (It is seldom translated correctly, simply because it has so many shades). Она приводит примеры различных контекстов функционирования слова и возможные варианты его употребления:

(1) Pigeon. The last has entirely lost its connection with the idea of a pigeon, but it still remains the most popular and national term of sociability in Russia. (Pigeon is *golub*; and this favourite term is *golubchik*.) I am purposely calling it a term of sociability because that is where its main character lies. An ordinary term of sociability.

(2) It is not by a long way a term of endearment used exclusively by lovers. It comes into any lively conversation, and is used by, and for, man or woman, prince or beggar; what is more, it enters our everyday speech not only as a kindly form of address, but also as a humorous one or one of sympathetic condescension. It is seldom translated correctly, simply because it has so many shades, and because it needs all those numerous intonations with which the Russian speech is permeated. Sweetheart or pigeon, which are mostly used in translations as its equivalent in English, are both of them far too sentimental.

(3) The gravest statesman, discussing and arguing over most serious matters, will now and again put in the ‘*golubchik*’, unless the discussion is very formal. Drivers will encouragingly call out, ‘*Hey, vy (yon) golubchiki!*’ to their horses, when starting them on a quick, long run. A nice, simple old woman will address every gentleman in a respectfully-familiar way as ‘*golubchik barin*’ – practically equivalent to ‘*darling sir*’ – even if he has merely stopped her to inquire his way” (Jarintzov N. 1916).

В первом абзаце вводится заимствование *golubchik*, приводится пояснение, что это обращение, которое по сути не имеет ничего общего с именем («голубь» – pigeon). Читателю важно узнать, каковы лингвокультурологические характеристики слова и основная функция – An ordinary term of sociability (1).

Во втором абзаце читателю раскрываются другие важные характеристики слова, подчеркивается его эмотивность, его значимость в другой сфере – отношения между любовниками – a term of endearment used exclusively by lovers (2).

В третьем абзаце раскрываются другие качества слова *golubchik*, при его использовании в других коммуникативных сферах, например, ямщик погоняет лошадей (“*Hey, vy (yon) golubchiki!* ’ to their horses, when starting them on a quick, long run”) (3).

Вряд ли при переводе путевых заметок, например, переводчик может позволить себе так подробно остановиться на лингвокультурных характеристиках слова «голубчик» / *golubchik*, что приводит нас к очень важной специфике использования «внутреннего перевода»: автор не связан исходным текстом, текстом оригинала, что позволяет ему передавать смыслы текста на глубинном уровне.

Суммирую, именно интерлингвокультурные тексты (термин был введен в моей докторской диссертации) соединяют контактирующие лингвокультуры в единое коммуникативное целое, что дает возможность читателю глубже понять основные феномены как описываемой культуры, так и той, чей язык используется для ее идентификации.

Литература

Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1 (34). С. 5–13.

Огнева Е.А. Перевод социокультурных текстовых концептов // Взаимодействие языков и культур материалы докладов VII Междунар. науч. конф., посвященной 70-летию со дня рождения профессора В. П. Коровушкина (Череповец, 16–18 октября 2019). С. 109–111.

Юзефович Н.Г. Межкультурный научный дискурс: проблемы концептуального взаимодействия // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3(46). С. 876–879.

Юзефович Н.Г. Концептуальная деривация импортированных терминов сферы «Связи с общественностью» // Когнитивные исследования языка. 2019. № 39. С. 158–167.

Jakobson R. On linguistic aspects of translation // Jakobson R. *Word and Language*. The Hague: Mouton, 1971. P. 260–266.

Jarintzov N. The Russians and their language / with an introduction discussing the problems of pronunciation and transliteration and a preface by Nevill Forbes. 2nd ed. Oxford: Blackwell, Broad Street, 1916.

Vygotsky L.S. Thought and Language. MIT Press, Cambridge, Mass, 1986.

N.G. Iuzefovich (St. Petersburg, Russia)
Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

INNER TRANSLATION AS A MEANS OF CREATING AN INTERLANGUACULTURAL VIEW

The paper describes the author’s the concept of “inner” translation which distinguishes the texts created by bi- and/or multilingual authors to reflect a foreign culture. Such texts written in their native (second or foreign) language, immersed in another culture; thus, the contact of these cultures creates an interlanguocultural (*sic*) view of the world.

NB: The term “languoculture” is borrowed from M. Agar (language + culture)

Key words: interlanguoculture, interlanguocultural author, foreign cultural substrate/cognitive structure, ‘inner translation’.

КОГНИТИВНАЯ ПРАГМАТИКА

*С.Г. Виноградова (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
vinogradova.sg@yandex.ru*

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ХАРАКТЕР ПРОИЗВОДНЫХ МЕЖДОМЕТИЙ КАК ЧАСТИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА¹

В статье в когнитивном аспекте рассматриваются особенности формирования и функционирования производных междометий как вторичных структур языковой картины мира на материале отдельных персонажей.

Ключевые слова: производное междометие, интерпретация, вторичная структура, языковая картина мира, когнитивный контекст.

Неизменяемые слова и нерасчленимые фразы, образованные в результате переосмысления, десемантизации слов других классов и отдельных словосочетаний или конструкций, прежде всего, для выражения эмоциональных реакций человека на окружающий мир принято называть производными междометиями. Эти единицы являются вторичными по отношению к первичным структурам – первообразным, непроемлемым междометиям, передающим звуки.

Производные междометия составляют неотъемлемую часть языковой картины мира, ее интерпретационного континуума. Происходящие от слов или фраз, которые изначально наделены концептуальным содержанием, они фактически теряют это содержание и воспринимаются как единицы именно с эмоционально-экспрессивной природой.

В основе формирования вторичных явлений языковой картины мира лежит соотношение интерпретирующего и интерпретируемого концептов как результата интерпретации первичных знаний и опыта на основе концептуальной деривации [Болдырев 2021]. Концептуальная деривация при этом понимается как формирование вторичного, производного знания или перераспределение смыслов, при котором новые концепты образуются на базе исходных, уже существующих (см.: [Бабина 2003]).

Ученые по-разному отвечают на вопрос, кодируют ли междометия концепты [Вежицкая 1999; Warton 2003; Cruz 2009; Blakemore 2010; Norrick 2014]. Признавая, что кодируют, правомерно считать, что формирование эмоционально-экспрессивной природы производных междометий обусловлено

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 20-18-00372).

вышеназванным соотношением интерпретирующего и интерпретируемого концептов, и шире – интерпретируемого и интерпретирующего когнитивных контекстов. Данное соотношение предопределено процессами «расширения» индивидом концептуального содержания отдельных слов или фраз в поисках релевантной информации [Sperber, Wilson 1986].

В поисках наиболее релевантной (значимой) для данного момента общения информации слушающий может интерпретировать ингерентно соотносимый с высказыванием (словом или фразой) когнитивный контекст в более абстрактном, обобщенном ключе, ассоциируя его со своими эмоциями, выстраивая здесь и сейчас некоторый эмоционально ориентированный когнитивный контекст в результате дефокусирования исходных данных. Этот новый, связанный с эмоциями контекст может стать стабильным в тех или иных ситуациях общения и активировать в сознании слушающего определенный тип эмоций, чувств и отношений при восприятии конкретных слов и фраз. Как показатель специфики процесса расширения производные междометия могут кодировать не только эмоции, но и их функции. Они могут служить для передачи знаний о прагматике эмоций – их коммуникативно значимых функциях, отражающих намерение говорящего вызвать определенную ответную реакцию слушающего, воздействовать на него.

Интерпретирующий характер производных междометий как вторичных структур демонстрирует реальная коммуникация и коммуникация в контексте, например, литературных и кино-/телепроизведений. При создании образов отдельных персонажей или героев писателями и сценаристами в их речь могут обильно вводиться междометия, которые задают определенные параметры восприятия данных персонажей. Конструирование теми или иными героями мира в языке с помощью производных междометий обусловлено особенностями их концептуальной системы и личностными доминантами, которыми наделяют их создатели.

Обратимся к двум известным персонажам, речь которых наполнена междометиями. Это Эллочка Шукина (роман «Двенадцать стульев») и напарник Бэтмена Робин (телесериал “Batman” (1966–1968), основанный на комиксах).

Эллочка Шукина – эпизодический персонаж романа «Двенадцать стульев». Это привлекательная молодая женщина, личностные доминанты которой не включают стремления к образованию, духовным, семейным ценностям, профессиональной самоактуализации, их можно свести к избирательности, желанию соответствовать модным направлениям и осуществлению на этой основе тех или иных приобретений вопреки отсутствию достаточных средств.

Избирательна Эллочка и в отношении оформления своей речи. В начале главы 22 романа «Двенадцать стульев» говорится:

«Словарь Вильяма Шекспира, по подсчету исследователей, составляет 12 000 слов. Словарь негра из людоедского племени «Мумбо-Юмбо» составляет 300 слов.

Эллочка Щукина легко и свободно обходилась тридцатью. Вот слова, фразы и междометия, придирчиво выбранные ею из всего великого, многословного и могучего русского языка...» [Ильф, Петров 1982: 158].

Как междометия в указанном выше списке фигурируют *Хо-хо!*, *Кр-р-ра-сота!*, *Подумаешь!*, *Ого!* Когда же приводятся диалоги с участием Элочки, количество междометий, по большей части производных, увеличивается. Небольшой арсенал языковых единиц в распоряжении Элочки заставляет ее использовать эти единицы в универсальном ключе. Обратимся к производному междометию *Шутите!*, одному из частотных в арсенале Элочки. Оно образовано путем десемантизации глагола *шутить* в его значении «весело и забавно говорить, поступать; делать что-н. ради забавы, не всерьёз или пренебрегая чем-либо» (см.: [СО]). В ходе применения *Шутите!* реализует не столько функции возражения (1, 2) и благодарности за похвалу (3), сколько выступает в качестве показателя возможных масштабов процесса расширения первоначального когнитивного контекста, связанного с семантикой источников производных междометий, в результате чего междометия кодирует очень общие, «широкие» концепты, такие как ЭМОЦИЯ / ЧУВСТВО / ОТНОШЕНИЕ, и употребляются в речи фактически в «технических» целях – для поддержания разговора:

1. – *Но ведь это возмутительно! Ты живешь не по средствам! – Шутите!*
2. – *Сколько раз я просил не называть меня парнишей! – Шутите!*
3. – *Прекрасный мех! – воскликнул он. – Шутите!* – сказала Эллочка нежно. – *Это мексиканский тушкан* [Ильф, Петров 1982: 161-163].

Робин – псевдоним нескольких персонажей комиксов о Бэтмене. Эти персонажи, как правило, являются напарниками Бэтмена, но иногда отдельными героями. Робин в телесериале “Batman” (1966–1968) – молодой человек, супергерой в маске, который рука об руку с Бэтменом защищает вымышленный город Готэм Сити.

Привлекательна речь Робина: отталкиваясь от происходящих вокруг него событий, он выкрикивает фразы, которые специалистами рассматриваются и как крылатые выражения, и как восклицания / междометия, построенные по языковой модели *Holy + any word / phrase*. Эта модель лежит в основе ряда междометий, конструирование которых осуществляется с помощью эвфемистической замены призыва к Всевышнему (*Holy Christ!*). Так, эвфемизмами производного междометия *Holy Christ!* являются *Holy cats!*, *Holy Mike!*, эквивалентные *Holly Buckets!*, которое по данным словаря [DAS 1960] было весьма популярным среди американских подростков и активно вкладывалось в уста молодежи многими сценаристами, его повсеместно можно было услышать по радио, телевидению и в кино.

За время трансляции сериала Робин использует широкое разнообразие реакций, например: *Holy Cinderella!*, *Holy grammar!*, *Holy nightmare!*, *Holy mashed potatoes!*, *Holly Reshevsky!*, а также *Holy hole in a doughnut!*, *Holy bouncy boiler plate!*, *Holy astringent plum-like fruit!*, *Holy hardest metal in the world!* [Batman,

Robin], которые являются новыми вторичными образованиями. Как представляется, они создаются в ходе интерпретации исходного вербализованного знания (по крайней мере, доля которого связана с семантикой *holy*) с учетом ситуационного контекста, ассоциативных и фоновых знаний персонажа.

Несмотря на разнообразие этих реакций в целом они больше демонстрируют процесс расширения концептуального содержания исходных языковых данных, аналогичный чрезмерному расширению, к которому часто прибегают дети, когда им не хватает слов для обозначения сложных, уклончивых и невыразимых вещей. Они решают эту проблему, прежде всего, за счет реализации механизмов концептуальной метафоры и гиперболы [Cruz 2017]. Как результат популярности сериала и эмоционального образа Робина многие используемые этим персонажем производные междометия «закрепились» в языковой картине мира.

В целом следует подчеркнуть, что через употребление персонажами известных производных междометий, новых форм данных лексико-грамматических единиц авторы создают конкретные образы в результате интерпретации собственных знаний коллективного и индивидуального уровня о междометиях, их эмоционально-экспрессивной природе и моделях конструирования.

Литература

- Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: монография. Тамбов: ТГУ им. Державина, 2003.
- Болдырев Н.Н. Интерпретационная семантика как способ вторичного осмысления мира // Когнитивные исследования языка. 2021. № 2 (45). С. 34–44.
- Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева под ред. Т.В. Булыгиной. М.: «Языки русской культуры», 1999.
- Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев: роман. Т.: Изд. лит. и искусства, 1982.
- СО – Словарь Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/>
- Batman – <http://zserials.org/zarubezhnye/batman-1966.php>
- Blakemore D. Communication and the Representation of Thought: The Use of Audience-Directed Expressions in Free Indirect Representations // Journal of Linguistics 46. 2010. No. 37. P. 575–599.
- Cruz M.P. Might Interjections Encode Concepts? More Questions than Answers // Lodz Papers in Pragmatics. 2009. Vol. 5. No. 2. P. 241–270.
- Cruz M.P. On the Origin and Meaning of Secondary Interjections: A Relevance-Theoretic Proposal // Applications of Relevance Theory: From Discourse to Morphemes / A. Piskorska and E. Wąlaszewska (eds.). Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2017. P. 299–326.
- DAS – Wentworth H., Flexner S.B. Dictionary of American Slang. N.Y.: Crowell, 1960.
- Robin – <https://www.liveabout.com/robins-oddest-holy-exclamations-from-the-batman-tv-series-3896999>
- Norricks N.R. Interjections // Corpus Pragmatics. A Handbook / K. Aijmer and Ch. Rühlemann (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 249–276.
- Sperber D., Wilson D. Relevance. Communication and Cognition. Oxford: Blackwell, 1986.
- Wharton T. Interjection, Language, and the ‘Showing/Saying’ Continuum // Pragmatics and Cognition 11. 2003. P. 39–91.

*S.G. Vinogradova (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University*

THE INTERPRETIVE NATURE OF SECONDARY INTERJECTIONS IN THE LINGUISTIC MODEL OF THE WORLD

In a cognitive perspective, the author considers the formation and functioning of secondary interjections as non-primary structures of the linguistic model of the world on the material of certain characters' language.

Key words: secondary interjection, interpretation, secondary structure, linguistic model of the world, cognitive context.

*Т.Н. Пермякова (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
uchi70@mail.ru*

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ МЕТАТЕКСТОВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В ТЕКСТАХ ИНТЕРВЬЮ (НА ПРИМЕРЕ СОЧЕТАНИЯ ГРУБО ГОВОРЯ)

В статье на примере функционирования сочетания *грубо говоря* в текстах интервью выявляется когнитивно-прагматический потенциал метатекстовых показателей, которые призваны воспроизводить рефлексии говорящего по поводу сообщаемой им информации.

Ключевые слова: метатекст, метатекстовый показатель, вводное словосочетание, когнитивно-прагматический потенциал, интервью.

Когнитивная лингвистика сегодня – это не только изучение собственно языковой деятельности. Лингвисты все чаще стали обращать внимание и на метаязыковую деятельность, в центре которой находится метатекст и метатекстовые показатели. В аспекте метакогнитивных исследований научный интерес могут представлять публицистические тексты, в частности тексты интервью, поскольку в них фиксируется устная, как правило, неподготовленная речь, создаваемая языковой личностью интервьюируемого и отражающая его познавательный, интеллектуальный, эмоциональный опыт. Кроме того, в современной лингвистике наметилась тенденция к сближению когнитивного и прагматического подходов. В когнитивно-прагматическом аспекте изучаются не только разные типы дискурса (политический, риторический, медицинский, художественный и др.), но и проводится анализ междометий, побудительной модальности, фразеологических единиц, неологизмов и других языковых единиц [Моргун 2013].

В данной статье мы решили рассмотреть метапоказатель *грубо говоря* в когнитивно-прагматическом аспекте, поскольку использование данного сочетания в речи современных носителей языка не всегда бывает уместным. Но это только на первый взгляд.

В лексикографических источниках, справочниках по пунктуации *грубо говоря* толкуется как вводное сочетание, указывающее на то, что говорящий намерен высказать свою мысль приблизительно, неточно, в общих чертах [Кузнецов 1998: 230]. Н.П. Перфильева, исследуя метатекстовые показатели, отмечает, что *грубо говоря* используется в высказывании для снижения его категоричности [Перфильева 2006: 80].

Однако анализ эмпирического материала нашего исследования показал, что когнитивно-прагматический потенциал метатекстового показателя *грубо говоря* шире и не всегда укладывается в эти два значения.

Рассмотрим несколько примеров:

*«Напомню, это общественное место участвовало и победило в конкурсе Федеральной программы «Формирование комфортной городской среды». Людям показали красивое яблоко на картинке, а дали, **грубо говоря**, огрызок. Считаю, что в действиях заказчика имеются признаки совершения преступления по признакам ст. 293 УК РФ («Халатность»)», – Дмитрий Болдырев, представитель компании «Строймац» (Урал56. Ру).*

В данном примере автор использует метатекстовый показатель *грубо говоря* в прямом значении – маркирует последующее высказывание как грубое: существительное *огрызок* – слово с отрицательной коннотацией и в словарях идет с пометой *разг.* – это во-первых; во-вторых, описывая сложившуюся ситуацию как противостоящие конфликтующих сторон и подтверждая это на лексическом уровне с помощью антонимов *красивое яблоко – огрызок*, говорящий делает еще больший акцент на этом конфликте именно благодаря метакомпоненту *грубо говоря*; и наконец, в-третьих, можно предположить, что говорящий в данном высказывании употребляет *грубо говоря* еще и в значении некоего вывода, итога как своей мыслительной деятельности, так и описываемой ситуации в целом.

Неуместное, на первый взгляд, использование метапоказателя *грубо говоря* в речи интервьюируемого можно объяснить следующим образом. Как нам кажется, говорящий не всегда различает метапоказатели, имеющие общую сему 'речепорождение', в его сознании они семантически сближаются, особенно в естественной устной речи, в неподготовленном высказывании, каким является интервью, в ситуации, когда автор стремится изложить суть дела кратко и понятно, например:

*«Акция называется в честь специальной воинской операции на Украине. Поддержат наших ребят, которые защищают, **грубо говоря**, от нацизма, от бандеровцев, защищают Украину, поддержат жителей ЛДНР, которые, наконец-то, имеют такую возможность – официально себя провозгласить», – поделился руководитель местного отделения ДОСААФ Евгений Назимов (ГТРК «КомиГор» – филиал ФГУП ВГТРК).*

В данном фрагменте употребление метатекстового показателя *грубо говоря* представляется не вполне уместным. Однако в анализируемом высказывании говорящий использует такие слова, как *нацизм, бандеровцы*, имеющие отрицательную коннотацию, в этом случае благодаря определенным когнитивным

процессам он выбирает именно показатель **грубо говоря**, помогающий ему ввести в контекст данные лексемы. Автор высказывания с помощью метапоказателя как бы подготавливает адресата, предупреждает его о том, что далее последует негативная информация, которую он даже не пытается сгладить.

Рассмотрим еще пример:

После развала СССР Кочергина, Шатилову, Леонтьева, Кириллова, Шебеко – всех столпов советского телевидения – убрали из эфира.

*– Я считаю, что в этом в определенной степени есть логика. Мы были, **грубо говоря**, рупорами коммунизма, – отметил Кочергин (Vesti.ru).*

В этом примере метапоказатель **грубо говоря** выступает синонимом другим единицам метатекста – *так сказать, если можно так выразиться*, которые употребляются, по данным лексикографических источников, для смягчения какой-либо формулировки или ее неточности в значении [МАС 1999: 101]. В данном высказывании, по нашему мнению, говорящий с помощью сочетания **грубо говоря** не только стремится смягчить выражение *рупор коммунизма* (повторим, что эта функция свойственна данной единице), но и как бы подвести итог своей мыслительной деятельности, своим размышлениям по поводу описываемой ситуации.

В следующем примере:

*В целом я ожидал вердикта именно о двухлетних санкциях, он был предсказуем. Арбитры CAS ставили своей целью донести до руководства нашей страны месседж о том, что, **грубо говоря**, так делать, как они поступили с данными Московской лаборатории, нельзя. Донести это можно было только через спортсменов, но при этом совсем их отстранять и наказывать чистых атлетов CAS не хотел (Известия) – используется нейтральная лексика, нет грубых, просторечных слов и выражений. Однако говорящий, по нашему мнению, действует здесь интуитивно, опираясь на свой языковой «опыт», чувствуя, что данный контекст необходимо усилить, выбирает именно **грубо говоря** и пытается с помощью этого метапоказателя эксплицировать свою оценку описываемых фактов, их конфликтогенность, актуализировать для адресата всю серьезность ситуации.*

Анализируя эмпирический материал, мы обратили внимание на еще один пример.

*«...Конечно, надо сказать, мы особенно в это время ощущаем, что у РАН нет прямого организационного ресурса, чтобы заниматься этими работами, и, действительно, мы не можем, **грубо говоря**, поставить под ружье какие-то академические институты, которые бы сконцентрировались и начали бы работать по этой тематике», – сказал Сергеев во время онлайн-собрания Научного совета РАН в четверг (Интерфакс).*

Данный пример интересен тем, что в анализируемом высказывании говорящий употребляет фразеологизм *поставить под ружье*, заменяя им целый фрагмент речевой цепи, экономя тем самым свои речевые усилия. Данный фразеологизм со значением *быть в состоянии мобилизационной или боевой*

готовности’ относится, прежде всего, к военной сфере. Будучи человеком интеллигентным, академиком РАН, А. Сергеев, очевидно, понимает некоторую неуместность использования этого фразеологизма (значение которого он тоже может не знать точно) в данной коммуникативной ситуации и вводит в высказывание метатекстовый показатель *грубо говоря*, тем самым снимая с себя ответственность за допущенное нарушение, и в то же время он предупреждает нас, что сообщаемая информация может быть воспринята адресатом как «грубая».

Таким образом, анализ материала показал, что элементы метатекста, используемые в текстах интервью, представляют научный интерес не только в прагматическом, но и в когнитивном аспектах.

Метапоказатель *грубо говоря*, реализуя свой когнитивно-прагматический потенциал и сохраняя свои основные функции (функцию снижения категоричности высказывания и функцию квалификации части высказывания как приблизительного наименования), в текстах интервью может выступать а) как маркер когнитивной деятельности говорящего, б) как актуализатор важной, с точки зрения говорящего, информации, поскольку, как мы обратили внимание, *грубо говоря* находится в предложении, как правило, в интерпозиции: говорящий располагает метапоказатель рядом с той частью высказывания, которую он хочет актуализировать и для себя, и для адресата; в) в некоторых случаях как слово-паразит.

Иными словами, когнитивно-прагматический потенциал метапоказателя *грубо говоря* не исчерпывается наблюдениями, представленными в данной работе, и требует дальнейшего изучения.

Литература

Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов; РАН, Институт лингвистических исследований. Санкт-Петербург: Норинт, 1998.

Моргун Е.А. К вопросу о конвергенции когнитивного и прагматического подходов // Филология и лингвистика: проблемы и перспективы: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, апрель 2013 г.). Т. 0. Челябинск: Два комсомольца, 2013. С. 55–57. URL: <https://moluch.ru/conf/phil/archive/79/3728/>

Перфильева Н.П. Метатекст в аспекте текстовых категорий. Новосибирск, 2006.

Словарь русского языка: в 4-х т. / РАН, Институт лингвистических исследований: под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1999.

T.N. Permyakova (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

COGNITIVE-PRAGMATIC POTENTIAL OF METATEXT INDICATORS IN INTERVIEW TEXTS (USING THE EXAMPLE OF THE COMBINATION *ROUGHLY SPEAKING*)

Using the example of the functioning of the combination *roughly speaking* in the interview texts, the cognitive-pragmatic potential of metatext indicators, which are designed to reproduce the speaker's reflection on the information he reports, is revealed.

Key words: Metatext, metatext indicator, introductory phrase, cognitive-pragmatic potential.

*Г.Е. Попова (Астрахань, Россия)
Астраханский государственный технический университет
gepopova@mail.ru*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОГНИЦИЯ: ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАК АРГУМЕНТАЦИЯ И ИНТЕРАКЦИЯ

Мы затрагиваем вопрос о теоретических предпосылках анализа разнообразных механизмов организации коллективной когнитивно-коммуникативной интеракции, в частности, в политической коммуникации на примере репликативного парламентского дискурса.

Ключевые слова: парламентская делиберация, политическая когнициция, когнитивно-интеракционная прагматика, репликативный дискурс.

Вопросы социальной когнициции [Ирисханова 2014] становятся все более актуальными в современную эпоху тотального когнитивно-коммуникативного диссонанса [Савченко 2015]. Проблема взаимного (не)понимания оказывается глобальной проблемой общества. Философско-герменевтическая концепция *понимания* [Рикер 2003], дополняется вполне закономерной когнитивно-коммуникативной перспективой, в которой доминантой является социо-интеракционная природа коллективной когнициции [Попова 2019]. При этом когнитивная трансакция моделируется обычно как передача знаний, которая рассматривается скорее как «дорога с односторонним движением» («туда и обратно»), несмотря на декларативность внутренней диалогичности коммуникативного познания. Диалогичность коммуникативного познания предполагает прежде всего присутствие «внутреннего Другого» в индивидуальном и коллективном сознании [Лакан 2002], поэтому внутренний диалог есть базис для внешнего диалога, находящегося с ним в отношении симметрии-асимметрии. Релевантность коммуникации определяется ассонансом внутреннего и внешнего диалога, совпадением антиципаций и реализаций в пространстве речевого взаимодействия. Лингвистическая прагматика прорастает когнитивностью именно в инференциальных механизмах [Демьянков 2017], когда значение высказывания определяется смыслом речевой интеракции, исчисляемым через интерпретацию [Болдырев 2021] как когнитивное взаимодействие с субъектом, объектом и средой [Кравченко 2008]. Инференциальная модель коммуникации коррелирует с интеракционной моделью в плане внутреннего диалога, определяющего интерпретативное решение, лежащее в основе решения действительного, обыденного или институционального. Поэтому интерпретация лежит в основе коллективной когнициции в политическом, в частности, парламентском дискурсе, построенном на диалогической делиберативности (совещательности).

Отличие парламентского дискурса от многих других жанров политической коммуникации состоит в подчиненности политической агональности задачам конструктивного консенсуса в обсуждении повестки дня. Свойственный политической полемике коммуникативно-когнитивный диссонанс преодолевается через механизмы рациональной аргументативной дискуссии.

Рассматривая парламентский дискурс как де-libерацию с целью принятия решения, мы постулируем зависимость аргументативно-персуазивной эффективности дискурса парламентских дебатов от ассонанса внутренней и внешней релевантностей участников интеракции [Попова 2019]. Внутренняя релевантность связана, с одной стороны, с общим принципом релевантности (Д. Спербер). С другой стороны, каждое высказывание и выступление должно удовлетворять требованиям когнитивно-риторической структуры де-libеративного дискурса: когнитивно-интерпретативная стратегия субъекта дискуссии должна следовать закономерностям логической инференции, опирающейся на конвенциональное распознавание интенциональностей других участников парламентской интеракции. Нарушение аргументативно-риторической структуры рациональной дискуссии ведет к нарушению внутренней релевантности (понимания как интерпретации) в рамках субъект-объект-субъектных отношений [Попова 2021].

Основным требованием к успешной интеракции является симметрия в субъект-объектных отношениях и параллелизм в отношении к объекту (позиции) взаимодействующих индивидуальных когниций. Это достигается консенсусом в договоре по поводу референта (идентификации события как факта [Попова 2020]). Кроме того, субъект-субъектная перспектива речевой интеракции определяется интересубъективной релевантностью и взаимным межличностным параллелизмом (агон-мимезис) в позициях коммуникантов. Соединение субъект-объектной и субъект-субъектной векторности рождает аргументативный параллелизм (тезис-антитезис, аргумент-контраргумент) в ходе де-libеративности, выражаемый через иллокутивно согласованные, когерентные стратегии коммуникантов (вопрос – ответ, упрек / обвинение – оправдание / извинение, комплимент – благодарность и т. д.). В обыденной речевой интеракции нарушение внутренней релевантности происходит, как правило, вследствие логических ошибок, когнитивно-коммуникативных импозиций, то есть рассогласования коммуникативных интенций коммуникантов, неосознанных когнитивных искажений (предубеждений) и т. д. приводит к коммуникативным неудачам, не выходя за рамки внутренней релевантности (понимания). В парламентской коммуникации сбой во внутренней релевантности дискурса есть следствие и продолжение противоречия во внешних релевантностях коммуникантов.

Внешняя релевантность определяется контекстуальными моделями коммуникантов [Dijk 2014], их политическим этосом, коллективной идеологической ангажированностью, институционально детерминированными когнитивными предубеждениями.

В рамках парламентской де-libеративности противоречия во внешних релевантностях приводят к предвзятости интерпретаций, или абьюзивной интерпретации, выражаемой в репликативном парентетическом дискурсе, складывающемся из парламентских реплик, направленных на коммуникативно-когнитивный диссонанс, саботаж конструктивной де-libеративности, с одной

стороны, но и несущем контраргументативную функцию, оценочную функцию, протестную, резистентную интенциональность. Поэтому такой дискурс подвергается санкциям регламента, а с другой, появляется в протоколах заседаний парламентских слушаний, маркируя конфликтные реперные точки. Это особенно характерно для французского парламентского делопроизводства, в отличие от протоколов заседаний российского парламента, британского *Хансарда* и др. Возникает когнитивная аргументативность особого рода – интерпретативная аргументация, построенная на извлечении инференций, зачастую противоречащих интенции и смыслу дискурса «легитимного» выступающего («магистральный дискурс») [Попова 2019]. Приведем лишь два примера, первый из которых иллюстрирует контраргументативную функцию интерпретирующей реплики, а второй проявляет асимметричность субъект-субъектных и субъект-объектных отношений в структуре речевой интеракции в ходе дебатов:

(1) **Mariage pour tous (О равенстве браков)**

M. le président. *Allons ! Écoutons notre collègue !* (Председатель: Хватит! Послушаем нашего коллегу!)

M. Erwann Binet. *Monsieur le Premier ministre, à l'approche de ce moment historique qui va enfin permettre à tous les couples de bénéficier des mêmes droits...* (... исторический момент, который, наконец, позволит всем парам пользоваться равными правами...)

M. Philippe Meunier. *Et les droits des enfants ? (А права детей?)*

M. Erwann Binet. *...et donc de la même protection par la loi, quelle que soit leur orientation sexuelle...* (... и защитой закона, несмотря на сексуальную ориентацию...);

(2) **M. Jean-Marc Ayrault.** *Par ce projet de loi... vous allez pouvoir renforcer les droits des parents et ceux des enfants !* (Этим законопроектом вы укрепите права родителей и детей!)

M. Jacques Myard. *C'est faux ! (Это ложь!)*

M. Jean-Marc Ayrault. *Je voudrais, pour finir, m'adresser à Mmes et MM les députés de l'opposition.* (Я бы хотел в заключении обратиться к господам из оппозиции.)

M. Julien Aubert. *Alors regardez-nous ! (Ну что ж, вот они – мы!)* (Assemblée nationale).

Таким образом, реплика в редуцированной эллиптической форме оспаривает концептуальную (пропозициональную, оценочную и аргументативную) релевантность «магистрального» дискурса (1), извлекая инференции, вносящие контраргументативную и эмоционально-оценочную асимметрию (2) в делиберативность парламентской интеракции. Функциональная и структурная типология парентетического дискурса французского парламента отражает интерпретативные когнитивно-коммуникативные механизмы делиберативной интеракции, позволяет моделировать взаимодействие полемической и конструктивно-рациональной интенций (стратегий), выявлять триггеры пропозиционально-интеракциональной иррелевантности в политической дискуссии и дебатах.

Литература

- Болдырев Н.Н. Интерпретирующий потенциал вторичных структур // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 1(44). С. 15–24.
- Демьянков В.З. Прагматика коммуникации и когниция // Когнитивные исследования языка. – 2017. Вып. 29. С. 55–63.
- Ирисханова О.К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 4. С. 5–17.
- Кравченко А.В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск: Изд. БГУЭП, 2008.
- Лакан Ж. Семинары. Книга 5: Образования бессознательного (1957/58). М.: Гнозис/Логос, 2002.
- Попова Г.Е. Релевантность речевой интеракции: аспектуальная и жанровая типология. Пятигорск: Изд-во «ПГУ», 2019.
- Попова Г.Е. Когнитивный резонанс как функция интеракционного энталамирания // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 285–290.
- Попова Г.Е. Субъектность и объектность разделяемой когниции в коммуникативной интеракции // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3 (46). С. 731–734.
- Рикер П. Конфликт интерпретаций: Очерки о герменевтике. М.: Канон-пресс-Ц, 2003.
- Савченко И.А. Интеграция и коммуникация как векторы социокультурной динамики. М.: РИОР, Инфра-М, 2015.
- Assemblée nationale*. Compte rendu intégral. Deuxième séance du mardi 29 janvier 2013. URL: <https://www.assemblee-nationale.fr/14/cr/2012-2013/>
- Dijk van T. A. Discourse and Knowledge. A Sociocognitive Approach. London: Cambridge University Press, 2014.

Galina Ye. Popova (Astrakhan, Russia)
Astrakhan State Technical University

POLITICAL COGNITION: INTERPRETATION AS ARGUMENTATION AND INTERACTION

We touch upon the question of the theoretical prerequisites for the analysis of various mechanisms of organizing collective cognitive-communicative interaction, in particular, in political communication on the example of parliamentary parenthetical reply discourse.

Keywords: political cognition, cognitive-international pragmatics, parliamentary deliberation, parenthetical reply discourse.

Сунь Сяоли, Н.В. Богданова-Бегларян (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
Sunxiaoli_smile@163.com, n.bogdanova@spbu.ru

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОГО МАРКЕРА ЭТО САМОЕ В СПОНТАННОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Статья посвящена рассмотрению особенностей употребления прагматического маркера *это самое* в русской монологической речи. Материалом для анализа стали спонтанные монологи из корпуса «Сбалансированная аннотированная текстотека». Выявлены некоторые корреляции

употребления данного маркера с характеристиками (социальными и психологическими) говорящих и типом текста (пересказ, описание изображения, рассказ).

Ключевые слова: спонтанный монолог, прагматикализация, прагматический маркер, речевой корпус, хезитатив.

Всестороннее исследование устной речи в лингвистике началось немного позже, чем письменной. Но «звуковая речь “главнее” письменной» [Панов 1979: 4], поэтому устная речь сегодня – объект пристального внимания лингвистов.

Предметом настоящего исследования является одна из наиболее частотных единиц устного дискурса – прагматический маркер (ПМ) *это самое* (ЭС) и его функционирование в устной речи, где в результате *прагматикализации* единица утрачивает свое значение, «превращаясь» в ПМ, функционирующий во всех своих грамматических формах [Прагматические маркеры... 2021: 435-458]. Источником материала стал корпус русской монологической речи «Сбалансированная аннотированная текстотека» (САТ) (см.: [Звуковой корпус... 2013]). Для анализа были выбраны 5 монологов медиков и 10 монологов юристов, которые содержат маркер ЭС. Корпусный подход к анализу речи, учитывающий такие составляющие коммуникативной ситуации, как жанр текста, отношения между коммуникантами и другие факторы, непосредственно влияющие на речь, требует применения методов дискурсивного анализа. Все монологи в САТ строятся по четырем коммуникативным сценариям: чтение и пересказ (сюжетного и несюжетного текстов); описание (сюжетного и несюжетного изображений) и рассказ на заданную тему. С точки зрения отношения к исходному тексту, О.А. Лаптева выделяет два основных вида устной речи – воспроизведение и продуцирование [Лаптева 2001: 24]. Чтение и пересказы в структуре САТ являются результатом воспроизведения (точного и неточного соответственно), описания и свободные рассказы – результатом продуцирования. Балансировка материалов корпуса САТ дает возможность рассмотреть особенности употребления ПМ и их корреляции с характеристиками говорящих, а также с типом исходного текста.

Все тексты в составе САТ являются *вторичными текстами* по отношению к исходным – первичным. В нашем случае *первичный текст* – это текст, предложенный для чтения и пересказа (*предтекст* или *текст-стимул*), изображение для описания и тема рассказа, заданная вопросом экспериментатора. Вторичный текст «как речевое произведение информанта уже в некоторой степени пропущен через его сознание, поэтому отражает некоторые особенности восприятия субъекта, его социальные характеристики, проявляющиеся в речи на бессознательном уровне» [Русская спонтанная речь 2011: 7]. Таким образом, в центре настоящей работы находятся особенности употребления ПМ ЭС во вторичных текстах.

В 5 монологах медиков нашлось 9 употреблений ЭС, в том числе 8 – в «классической» форме *это самое* (88,9 %) и 1 – в форме *этот самый* (11,1 %).

По функции в тексте все употребления разделились на две группы: 1 маркер-навигатор (11,1 %) и 8 поисковых хезитативов (88,9 %) (о типологии ПМ см.: [Прагматические маркеры... 2021: 28-33]), ср. (в скобках после примера указан номер информанта, его профессия и гендер, а также тип текста):

1) ой / *С я чего-то / я чего-то / я чего-то запомнила только конец // как они kota накормили / **это самое (а)** // он начал / **это самое (б)** / (э-э) ну это / как его // (э-э) ну з... / ж... / ну жареной свиной // значит / окунями // и он начал кататься валять по полу (И5, мед., жен., пересказ сюж.);

2) (м-м) / старая такая / то ли / ну то ли сторожка / то ли / (м-м) ну / типа то ли вот может быть **этот самый** / колодец бывший (И5, мед., жен., описание несюж.).

В примере (1) ЭС (а) употребляется как маркер-навигатор: говорящий маркирует им конец метакоммуникативной вставки и начинает пересказ текста; происходит смена темы, и ЭС способствует продвижению монолога вперед. ЭС (б) заполняет паузу между фрагментами речи при поиске глагола. Поиск начинается с середины составного сказуемого, после произнесения вспомогательного глагола. Искомая единица следует дистантно после ЭС. Маркер ЭС в контексте (2) выступает в роли хезитатива, а искомое имя существительное (колодец) следует сразу после ЭС (контактно).

Интересно, что в блоке речи медиков все отобранные тексты принадлежат одному информанту И5 – медсестре 43 лет, с низким уровнем речевой компетенции (УРК). Конструкция ЭС употребляется в ее монологах, построенных по трем коммуникативным сценариям: в обоих пересказах сюжетного (по 2, по 22 %), в описаниях сюжетного (3, 33 %) и несюжетного (1, 11 %) изображений и в рассказе на заданную тему (1, 11 %). По этим данным трудно определить корреляцию типа монолога с особенностями употребления конструкции ЭС. Но нельзя не заметить в речи И5 и полярного явления: во всех случаях хезитативного поиска, маркированного с помощью ЭС, этот поиск оказывается удачным, что свидетельствует о способности говорящего быстро выйти из коммуникативного затруднения и найти нужное слово.

В 10 монологах юристов обнаружилось 37 ЭС в 7-ми грамматических формах: *это самое* (15,4 %), *эти самые* (7,2 %), *этой самой* (4,1 %), *этот самый* (3,8 %), *этим самым* (3,8 %), *этом самом* (3,8 %), *этих самых* (2,5 %). По функции эти употребления можно разделить на три группы: хезитативы (33, 89,2 %), разграничители (2, 5,4 %), маркеры самокоррекции (2, 5,4 %), ср.:

3) Лукашенко сидел там как **этот самый** () значит () и все вывешивали флагами этими () *О во-от (И12, юр., муж., рассказ);

4) ещё что-то / в общем там по поводу () **этой самой** () этой () Олимпиады / все конечно (...) все очень рады (И12, юр., муж., рассказ);

5) и поехали значит **на этом самом** () на вот этой вот () канатной дороге (И12, юр., муж. рассказ);

6) ну / на рыбалку // в лес сходить / за грибами // ну вот // а в выходные дни я (...) *К люблю **это самое** отдыхать (И35, юр., муж., рассказ).

В примере (3) конструкция ЭС входит в состав сравнительного оборота, в данном случае слово не найдено, но его нахождение практически и не предполагается. В примерах (4)-(6) ЭС используются в функции хезитатива. В примерах можно наблюдать также гармонию (4) и дисгармонию (5) форм хезитатива и найденного слова. В контексте (6) поиск снова опять начинается с середины составного сказуемого. «Создается впечатление, что грамматика планируемой конструкции для говорящего ясна изначально и он вынужден искать только ее лексическое наполнение» [Звуковой корпус... 2015: 273].

В речи юристов зафиксированы два типа разграничительных маркеров: 1 маркер-невигатор (7) и 1 стартовый маркер (8) (по 2,7 %):

7) *(э-э) я говорю так павлины бегали / ходили по это самое () их можно было с рук кормить / семечками (И12, юр., муж., рассказ);*

8) *ну в общем ну это самое / чтобы их угостили / в ресторане там / в кафе / они тоже решили половить рыбу (И39, юр., жен., описание сюж.).*

В примере (7) ЭС помогает говорящему продвинуть речь вперед после возникшего затруднения (он не смог найти подходящего союзного средства между фрагментами монолога – *павлины бегали, ходили и их можно было с рук кормить*). В примере (8) стартовая функция ЭС реализуется наряду с другими дискурсивными маркерами (*ну, в общем*) и маркирует начало монолога.

9) *говорить можно? так был ярк... () это самое () был () шольский день / вот / небо было чистым / безоблачным (И39, юр., жен.).*

В контексте (9) ЭС выступает как маркер самокоррекции и одновременно заполняет паузу хезитации. Речь И39 сопровождается множественными запинками и хезитативными паузами. Во время одной из запинок информант перебивает себя и старается припомнить время, описанное в первичном тексте (*ярк... → шольский день*).

Маркер ЭС был выявлен в монологах 7 информантов-юристов, 5 из них – с низким УРК (71,4 %) и 2 – с высоким УРК (28,6 %). Можно предложить, что употребление ПМ ЭС является одним из показателей низкого УРК говорящего, свидетельствует о его затруднениях при построении устного высказывания. С точки зрения психотипа, среди юристов было 3 экстраверта (43 %), 2 интроверта (28,5 %) и 2 амбиверта (28,5 %): влияние психотипа юристов на их речь не очевидно. В целом маркер ЭС больше оказалось в речи мужчин (71,4 %), чем в речи женщин (28,6 %). По типам текстов конструкция ЭС распределилась следующим образом: более всего их в рассказах (30 употреблений, 81 %), существенно меньше в описаниях сюжетного изображения (5,13 %) и менее всего в текстах, построенных по самым трудным коммуникативным сценариям, – в пересказах несюжетного текста и описаниях несюжетного изображения (по 1,3 %). Тот факт, что наиболее употребительной исследуемая конструкция оказалась в свободных монологах-рассказах, можно объяснить тем, что они в наименьшей степени лингвистически мотивированы исходным стимулом и потому наиболее спонтанны.

27 из 37 употреблений ЭС (73 %) в монологах юристов обнаружались в рассказе И12, а все отобранные монологи медиков принадлежат И5. Представляется, что именно в спонтанной монологической речи ярко проявляются личностные характеристики участников речевого общения. «Богатая, информативно-выразительная спонтанная монологическая речь есть высший пилотаж развития способностей человека» [Седов 2007: 114]. Индивидуальные речевые характеристики говорящего представляют собой «переплетение индивидуальных, социальных, национально-культурных и общечеловеческих особенностей» [Агапова 2004: 192].

Результаты настоящего исследования могут быть полезны как в теоретическом (коллоквиалистика, прагмалингвистика, социо- и психоллингвистика, когнитивистика), так в практическом (углубленное обучение русскому языку как иностранному) аспектах.

Литература

Агапова С.А. Основы межличностной и межкультурной коммуникации. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 1. Чтение. Пересказ. Описание / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2013.

Звуковой корпус как материал для анализа русской речи. Коллективная монография. Часть 2. Теоретические и практические аспекты анализа. Том 2. Звуковой корпус как материал для новых лексикографических проектов / Отв. ред. Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2015.

Панов М.В. Современный русский язык. Фонетика. М.: Высшая школа, 1979.

Лантвева О.А. Живая русская речь с телеэкрана. Разговорный пласт телевизионной речи в нормативном аспекте. М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Прагматические маркеры русской повседневной речи: словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.

Русская спонтанная речь. Монологи-описания. Тексты. Лексические материалы / Сост. В.В. Куканова / Отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2011.

Седов К.Ф. Нейропсихоллингвистика. М.: Лабиринт, 2007.

*Sun Xiaoli, N.V. Bogdanova-Beglarian (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

FEATURES OF USING THE PRAGMATIC MARKER ETO SAMOE IN SPONTANEOUS MONOLOGICAL SPEECH

The article deals with features of using the pragmatic marker *eto samoe* in spontaneous monological speech. The material for the analysis is monologues of lawyers and medics in the corpus "Balanced Annotated Textbook Library". Some correlations of using this marker with the characteristics (social and psychological) of the speakers and the types of text (retelling, description of the picture, story) are observed.

Key words: spontaneous monologue, pragmaticalization, pragmatic marker, speech corpus, hesitant

*И.Н. Толмачева (Тамбов, Россия)
Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина
itolmacheva@tsutmb.ru*

СЛУЖЕБНАЯ ЕДИНИЦА ЯЗЫКА КАК СРЕДСТВО ИНТЕРПРЕТАТИВНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЗНАНИЙ НА УРОВНЕ ГРАММАТИКИ¹

Исследование посвящено выявлению особенностей функционирования служебных языковых единиц, выступающих в качестве средства репрезентации и интерпретации знаний грамматического характера. Рассматриваются когнитивные контексты и языковые механизмы изменения и/или дополнения концептуального содержания языковой служебности, влияющие на интерпретацию смысла высказывания.

Ключевые слова: служебная языковая единица, знание, грамматическая категория, репрезентация, интерпретация.

Одним из современных больших вызовов, стоящих перед всем обществом и отдельным человеком в разных аспектах его социальной жизни является эффективная коммуникация, позволяющая сохранять стабильность существования и перспективы развития человечества и решать актуальные вопросы всех сфер общественной жизни – экономической, политической, социальной, духовной, а также вопросы межличностного характера.

Реалии современного общества таковы, что человеку ежедневно приходится взаимодействовать со все возрастающими объемами разнообразной информации, которую необходимо не только быстро обработать и осмыслить, сделав частью своего знания (своей концептуальной системы), но и на которую зачастую требуется незамедлительная и корректная языковая реакция в целях эффективного взаимодействия с другими людьми, социальными институтами, социальными и профессиональными группами и т. п. В связи с этим сильно возрастает потребность человека во владении методами и приемами концептуального осмысления каждого отдельного фрагмента сообщения и информации в целом, что подразумевает знание принципов и механизмов формирования смысла высказывания, его концептуального структурирования и языковой репрезентации.

Как показывает многовековая история речевого взаимодействия, эффективное языковое общение обусловлено, в первую очередь, совпадением представлений собеседников о том, о чем говорится, то есть совпадением концептуального наполнения выраженных языковыми единицами понятий. Это означает, что в системах знаний и опыта собеседников должно быть много схожего, общего, то есть концептуальные картины мира должны иметь точки для соприкосновения. Более того, должны иметь общее и языковые картины мира собеседников, то есть у них должны быть схожие знания языка – его

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00067, <https://rscf.ru/project/22-18-00067/>

грамматики, синтаксических структур, а также прагматических функций. В современной лингвистике широко исследуются лексические средства, обеспечивающие эффективное речевое взаимодействие в социуме. Нам же представляется весьма интересным исследование роли грамматических средств в коммуникативном ракурсе и, в частности, роли служебных слов в репрезентации и интерпретации смыслов.

Когнитивный подход к исследованию языковых явлений, активно разрабатывающийся в отечественной и зарубежной лингвистике в последние десятилетия, значительно усилил интерес к функции грамматики в формировании смысла высказывания за счет возможности рассматривать грамматические структуры не только на языковом, но также и на концептуальном уровнях. Особенности функционирования грамматических единиц как носителей обобщенных грамматических свойств могут рассматриваться в когнитивном контексте с точки зрения репрезентации ими определенных смыслов. Грамматические концепты и категории оказываются не менее интересными и содержательными в плане выражения ими огромного множества и разнообразия тех связей и отношений реального мира, которые представлены на концептуальном уровне. Более того, как показывают исследования, они не просто репрезентируют то или иное знание о форме построения высказывания в соответствии с правилами языка, но и создают особую концептуальную структуру взаимосвязей тех или иных объектов, свойств, событий, которые представлены в высказывании лексическими единицами. Такое понимание роли языковых единиц коррелирует с пониманием сущности лексических и грамматических концептов в когнитивной теории репрезентации знаний, согласно которой первые передают наше знание мира как таковое (репрезентативный аспект оперирования знанием), а вторые схематизируют это знание в соответствии с правилами и принципами вербальной коммуникации (коммуникативный аспект) (см. подробнее [Болдырев 2012]).

Значительный интерес с точки зрения когнитивной лингвистики представляют служебные единицы языка (служебные слова), которые образуют весьма обширный, но не имеющий четких границ класс языковых единиц. Эта особенность характерна как для русского, так и для других естественных языков. При этом само выделение в системе языка служебных слов (неполнозначных, формальных, несамостоятельных) для большинства языков довольно типично, что свидетельствует о значимости данной категории для языковой системы в целом.

В то же время содержание, структура и границы категории служебных слов вызывают расхождения как в отнесении тех или иных единиц, а также разрядов, классов слов к данной категории (предлоги, союзы, артикли, вспомогательные глаголы, связочные глаголы, частицы), так и в определении их языкового статуса (служебные, полуслужебные, гибридные и т. п.). Сложный и неопределенный языковой статус обуславливает, на наш взгляд, и крайнее многообразие терминов для обозначения служебных слов в отечественной лингвистической традиции – неполнозначные слова, несамостоятельные

слова, грамматические слова, незначительные части речи, пустые слова и т. п. Кроме того, класс служебных слов некоторыми лингвистами определяется как статичное и фиксированное языковое образование (см., например, [Corver & Riemsdijk 2001], с чем трудно согласиться, принимая во внимание способность целого ряда полнозначных лексических единиц функционально выступать в роли служебных (см., например, [Меркулова 2004]).

Связочные глаголы как служебные единицы языка, к примеру, представляют собой весьма убедительный пример изменения и дополнения концептуального содержания, влияющего на интерпретацию смысла высказывания. Если формальная («чистая») связка «быть» – это максимально прямая и категоричная репрезентация связи между субъектом и его предикативным признаком, то окказиональные (функциональные) связки способны реализовывать интерпретационные смыслы, значимые как для говорящего, так и для слушающего.

Например, в английском языке полнозначные глаголы, выступающие в функции связочных в конструкциях именного типа, своим лексическим значением могут реализовывать когнитивный контекст принадлежности признака субъекту. Рассмотрим следующие примеры с синтаксической конструкцией именного типа, в которой в качестве связочного глагола используется глагол зрительной перцепции (здесь и далее примеры взяты из [Reverso Context <https://context.reverso.net>]):

You looked different when I left.

The data were based entirely on whether people looked happy in these early pictures.

Any dance looks beautiful, if it's danced from the heart.

Зрительное восприятие оказывается тем когнитивным контекстом, который дополняет языковое значение связочности, реализуемое глаголом *look*, концептуальным значением «воспринимать при помощи зрения». Описываемой характеристикой чаще выступает внешний вид человека или какого-либо объекта:

I saw Tom yesterday and he looked sad.

This «mobile home» looks beautiful both from the outside and inside.

My child, you look pale.

Слуховое восприятие также является дополнительным когнитивным контекстом реализации связочного значения служебности полнозначным глаголом слуховой перцепции, как например:

You have to realize this sounds crazy.

He sounded very responsible, very concerned.

You know, you actually sounded convincing when you said that.

Принадлежность признака субъекту определяется через его восприятие при помощи слуха, что часто подтверждается наличием в предложении лексики той же или близкой концептуально-тематической области (*said, on the phone, story, words*):

You sounded upset on the phone. What's wrong?

Does any part of this story sound familiar to you?

I don't remember the words, but she sounded worried.

Интересно отметить, что когнитивные контексты зрительного и слухового восприятия воспринимаются слушающим как оценочные, способствуют репрезентации субъективной модальности при формировании смысла высказывания в момент грамматического соединения имени предмета и имени его предикативного признака. Высказывания с перцептивными глаголами в функции связочных звучат скорее как предположения, основанные на субъективном опыте говорящего, чем как утверждения, и тем самым способствуют снижению категоричности высказывания в целом.

Литература

Болдырев Н.Н. К вопросу об интегративной теории репрезентации знания в языке // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. XII. С. 33–43.

Меркулова И.Н. Категория функционально-связочных глаголов в современном английском языке: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Меркулова Ирина Николаевна. Тамбов, 2004.

Corver N., van Riemsdijk H. Semi-lexical categories // Semi-lexical categories: the content of function words and the function of content words / N. Corver, H. van Riemsdijk (Eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. P. 1–19.

Reverso Context. Режим доступа <https://context.reverso.net>. Дата обращения 12.05.2022 г.

I.N. Tolmacheva (Tambov, Russia)
Derzhavin Tambov State University

FUNCTIONAL WORD AS A MEANS OF INTERPRETATIVE KNOWLEDGE REPRESENTATION IN GRAMMAR

The research focuses on the specific character of functional words appearing as a means of representation and interpretation of grammatical knowledge. Cognitive contexts and linguistic mechanisms that determine changing and/or adding to the conceptual content of auxiliarity and influence the interpretation of meaning are studied.

Key words: functional word, knowledge, grammatical category, representation, interpretation.

Л.П. Юздова, И.Д. Баландина, Т.Н. Москвитина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
uzdovalp@cspu.ru; balandinaid@cspu.ru; moskvitinatn@cspu.ru

НРАВСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ¹

В статье рассматривается сущность нравственно-патриотического воспитания, его составляющие; отмечается, что патриотизм, с одной стороны, является системой взаимообусловленных элементов, с другой стороны, входит элементом в другую систему. Рассматривать проблему

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке МГПУ им. М.Е. Евсевьева, тема «Реализация концепции нравственно-патриотического воспитания студентов в процессе языкового образования в условиях профессиональной подготовки будущего учителя начальных классов», заявка № МК-04-2022/91, дата регистрации 28.04.2022.

формирования нравственно-патриотического воспитания авторы предлагают в системе: это значительно повысит эффективность процесса.

Ключевые слова: патриотизм, нравственно-патриотическое воспитание, цифровизация, смешанное обучение, система.

На современном этапе в социуме происходят глобальные изменения. Речь идет, прежде всего, о процессах интеграции и глобализации. На протяжении последних десятилетий осуществляется формирование системного взгляда на мир. Ученые пришли к единому мнению, что научные проблемы эффективно могут быть решены только с учетом и при рассмотрении аспектов проблемы как единой структурированной организации. Современное научное рассмотрение проблемы – это изучение предмета с различных точек зрения, с использованием информации, предоставленной различными науками. Междисциплинарное исследование проблемы основано на необходимости быстрого и эффективного реагирования на актуальные потребности социума. Когнитивная наука представляет собой комплекс исследований, взявших направление на изучение познавательных операций человека. Комплексный характер, сложность внутренних связей и многообразие используемых методов кардинально отличают когнитивную науку от дисциплин, классически занимающихся сходными проблемами.

То, что происходит в последнее время, – яркое свидетельство не только дезинтеграции экономики, но нуллификации духовных ценностей. Российская культура, искусство и образование, ранее характеризовавшиеся отчетливо положительным воспитательным влиянием, сдали свои позиции в области нравственно-патриотического воспитания. В ряде случаев патриотизм, в том числе и по причине нового восприятия человека как гражданина мира, свободного во всех проявлениях, стал восприниматься как национализм. Общество наводнилось людьми равнодушными, эгоистичными, нередко даже циничными. Неуважительное, резко негативное отношение к государству, власти, народу своей страны стало практически бытовым. Особо это стало проявляться в интернете. Молодое поколение в силу специфики возрастного развития и психологического восприятия мира активно подхватывает негативные высказывания, считая, что именно это и характеризует личностное начало.

Нравственно-патриотическое воспитание населения, в первую очередь молодежи, сегодня приобретает все более актуальное значение. Неслучайно Правительство РФ утвердило важнейший для современного этапа развития общества документ «Стратегия воспитания молодежи на период до 2025 года». Стратегически важной задачей в сфере воспитания, актуальность которой трудно переоценить, стала задача «развития высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите

Родины». Представители различных слоев российского общества все чаще выдвигают проблему нравственного и патриотического воспитания личности как наиболее важную для дальнейшего развития нашего государства. Действительно, в сфере воспитания накопилось немало проблем, которые носят системный характер.

В эпоху цифровизации, с одной стороны, сложнее осуществлять процесс воспитания, с другой стороны, добавились новые возможности, которые в условиях смешанного обучения надо реализовать. Под смешанным, или гибридным обучением понимается обучение, включающее и традиционные занятия в аудитории, и дистанционные, в процессе которых обучающиеся как под руководством обучаемого, так и самостоятельно осваивают предмет, формируют собственный взгляд на изучаемые проблемы. Конечно, все это должно осуществляться под непосредственным контролем или направляющими указаниями педагога. Так как при дистанционном обучении обучающийся должен часть информации найти самостоятельно, педагог обязательно информирует его о том, где предпочтительней брать необходимую информацию. Когнитологи неоднократно отмечали, что развитие технологий изменяет структуру мозга человека и когнитивных процессов, таких как мышление, внимание, память, речь, воображение. Что же необходимо сделать успешности нравственно-патриотического воспитания в эпоху цифровизации в условиях смешанного обучения? *Во-первых*, необходимо констатировать, что понимается под процессом воспитания, *во-вторых*, определить составляющие концептуальной системы нравственно-патриотического воспитания, *в-третьих*, осуществить выбор и произвести описание методов и приемов нравственно-патриотического воспитания, прежде всего, средствами дисциплин языкового цикла, *наконец*, разработать план реализации элементов концепции нравственно-патриотического воспитания в процессе языкового образования в условиях смешанного обучения.

Итак, воспитание традиционно понималось и понимается как постановка и достижение воспитательных целей и задач, связанных с созданием в сознании обучаемого системы взаимосвязанных элементов, характеризующих предмет. Цель воспитания всегда связана с запланированными изменениями в сознании, мышлении человека, на которого направлены специально организованные воспитательные действия. Патриотическое воспитание представляет собой реализацию в определенной системе особых воспитательных мер, причем это система, создающая и упорядочивающая системы смыслов (лингвистический компонент), образов, интерпретаций в образовательном процессе. Существует понятие научный патриотизм, под которым понимается «укрепление интереса к своим корням, предкам, формирование взаимного уважения между разными народами. Суть научного патриотизма – в восстановлении исторической справедливости о происхождении народов и их роли в истории» [Клёсов 2018: 227]. Патриотизм «базируется на ощущении удовлетворенности сограждан от своей тесной личной причастности к истории, интересам и судьбе своей родины. Также патриотизм базируется на явственно

осмысленном понимании необходимого служения ей и на искренней готовности сограждан к сбережению и защите ее интересов» [Щукина 2018: 71].

Под системой нравственно-патриотического воспитания будем понимать, в частности, следующие взаимосвязанные и взаимообусловленные на основных системообразующих признаках компоненты:

1. Приобщение граждан страны к патриотическим традициям общества, содействие пробуждению у них эмоционально-чувственного отношения к стране, формированию осознанной предметно-ценностной ориентации.

2. Формирование устойчивой патриотической убежденности с выражением позитивных эмоций, представлений, с приобретением знаний об истории, укладе, традициях и достоиниях своей страны.

3. Формирование поведенческих установок на основе гражданско-патриотической самоидентификации и накопленным практическим опытом патриотической деятельности.

4. Приобретение нравственно-правовой культуры, гражданской солидарности с большинством граждан страны.

5. Выражение гражданской солидарности с большинством граждан, с государством, выражающим волю народа.

Необходимо отметить, что патриотизм как система, в свою очередь, «является естественной составляющей правовой культуры личности. Без патриотизма, правовая культура личности деформируется, что может привести к серьезным негативным изменениям личности, в части правового мировоззрения человека» [Ядрышников 2017: 52].

В целом «идентификация индивида с той или иной общностью – родом, племенем, народностью, нацией, – действительно, не может не формировать у него отношение эмоциональной привязанности к «земле предков», психологической установки как на защиту этой общности, так и на сохранение ее самобытности, особенности, обеспечивающих эту идентификацию» [Мартынов 2009: 139].

Работать над реализацией задачи формирования нравственно-патриотического воспитания можно и нужно, используя средства различных дисциплин, в частности, в условиях смешанного обучения. В эпоху цифровизации эффективным средством нравственно-патриотического воспитания молодежи являются мобильные приложения, сайты. Например, познакомиться со своей страной, узнать ее особенности, историю, почувствовать искреннюю симпатию к своей стране помогут сайты типа «Все путешествия по России» [<http://strana.ru/>], «Виртуальные музейные путешествия в музей-заповедник «Кижы» [<http://kizhi.karelia.ru/journey/>], «Из истории Крыма. История города-курорта Евпатории» [<http://evpatoriya-history.info/>]. Сайт «Мемориал» дает возможность соотечественникам установить судьбу погибшего во время войны человека, найти информацию о близких, родственниках, которые погибли или пропали без вести, возможно, даже определить, где захоронен человек. Это и есть своего рода патриотические действия, патриотическое поведение [<http://obd-memorial.ru/flash/>]. Интересным ресурсом, предоставляющим материал для научного исследования в области нравственно-патриотического воспитания, является сайт

«Русский биографический словарь» [<http://www.rulex.ru/>]. Основу настоящего словаря составляют статьи из Энциклопедического словаря (ЭС) издательства Брокгауз и Ефрон и Нового энциклопедического словаря (НЭС). Словарь дает уникальную биографическую информацию о российских деятелях. Полезен будет информационный сайт «Президент России» [<http://kremlin.ru/>]. Функциональна в области нравственно-патриотического воспитания молодежи также игра «Империя». Это стратегия, в которой игроку предстоит принимать решения за лидеров страны, причем проблемы, с которыми столкнется игрок, подобны тем, что были и у реальных исторических личностей. Интерактивная игра по истории на тему «История в лицах» поможет сформировать у молодого человека нравственно-патриотические поведенческие навыки.

Считаем, что решению проблемы эффективного нравственно-патриотического воспитания молодежи в значительной мере способствует системный многоаспектный прагматический подход.

Литература

Клёсов А.А. Патриотизм и научный патриотизм // Эко-потенциал. 2018. № 4 (24). С. 225–228.

Мартынов М.Ю. Заметки о понятиях «национализм» и «патриотизм» // Социологические исследования. 2009. № 11. С. 138–141.

Щукина Р.И. Патриотизм государственный и патриотизм местный // Интегративная перспектива в гуманитарных науках. 2018. № 1. С. 69–76.

Яорышиников К.С. Патриотизм как составляющая правовой культуры личности // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 1. № 4. С. 50–53.

L.P. Yuzdova, I.D. Balandina, T.N. Moskvitina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University of Humanities and Pedagogy

MORAL AND PATRIOTIC EDUCATION IN THE ERA OF DIGITALIZATION IN A MIXED LEARNING ENVIRONMENT: THE PRAGMATIC ASPECT

The article examines the essence of moral and patriotic education, its components; it is noted that patriotism, on the one hand, is a system of mutually dependent elements, on the other hand, is an element in another system. The authors propose to consider the problem of the formation of moral and patriotic education in the system: this will significantly increase the efficiency of the process.

Keywords: patriotism, moral and patriotic education, digitalization, blended learning, system.

КОГНИТИВНОЕ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

*Л.М. Алексеева, С.Л. Мишланова (Пермь, Россия)
Пермский государственный национальный исследовательский университет
larissapsu@gmail.com, mishlanovas@mail.ru*

ПОНЯТИЕ ПЕРЕВОДЯЩЕЙ ЛИЧНОСТИ В КОГНИТИВНОМ ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

Статья посвящена исследованию проблемы личности в переводческом процессе. Предложена модель переводческих действий. Созданная модель отображает комплекс взаимосвязанных и обусловленных когнитивных действий переводчика, в основе которых лежит понимание исходного текста. Рассматривается возможность трактовать перевод с помощью понятия трансфера знания.

Ключевые слова: когнитивное переводоведение, переводящая личность, переводческие риски, моделирование, познание, трансфер знания.

Понятия компьютерных технологий, трансфера знания, искусственного интеллекта, определяющие развитие общества в XXI столетии, связаны с универсализацией человеческих способностей, использующихся в когнитивных процессах, включая переводческую деятельность [Алексеева, Мишланова 2018, 2019; Massey, Kiraly 2021; Рум 2013 и др.]. Это, в свою очередь, определяет постоянный поиск новых средств и методов создания наиболее привлекательного и востребованного продукта, в качестве которого выступает переводной текст.

В контексте данных проблем большое значение придается исследованию назревшего вопроса о соотношении компьютерных технологий в переводе и личностных профессиональных компетенциях специалиста [Алексеева, Мишланова 2018, 2021; Behnke, Barone, Sennrich, Sosoni, et al. 2018; Christensen 2018; The Development of Translation Competence 2014 и др.].

Смысл данного вопроса заключается в том, что переводчику трудно идентифицировать себя с членами той социальной группы, для которой он делает перевод. Речь идет о профессиональной группе. В данной ситуации переводчик сталкивается с противоречием: что он *хочет* достичь и что он *может* достичь с помощью компьютерных средств перевода. С учетом этого переводчик должен в большей степени полагаться на свою способность приспосабливаться к новому профессиональному знанию. Риски в переводе в этом плане полностью зависят от «человеческого фактора», т. е. от мыслительных способностей переводчика.

Вопросы овладения переводческой компетенцией в рамках когнитивного переводоведения оказались в центре нашего внимания в 2018 г. [Алексеева, Мишланова 2018, 2019, 2020, 2021 и др.]. Исследовательской доминантой оказалась проблема обучения переводу с помощью инновационных технологий на основе когнитивных действий переводчика. Поэтому главным в обучении переводу для нас становится формирование переводческой личности. В этом плане мы стремимся показать, что для переводчика его работа связана с осознанием себя как деятеля за счет расширения личного знания и одновременной концентрации на собственных мыслительных действиях.

Одновременно большое значение придается коллективным когнитивным действиям, позволяющим более эффективно формировать переводческую компетенцию. В проведенных исследованиях подчеркивается различие между переводческой компетенцией, сформированной по модели обучения «один ко многим», и взглядом на данную компетенцию в условиях сотрудничества и сотворчества, т. е. посредством модели обучения «многие ко многим». Отмечается, что, несмотря на многочисленные эмпирические исследования, посвященные сравнению эффективности профессиональных переводчиков и студентов-переводчиков, до сих пор не проводилось исследований по мониторингу приобретения переводческой компетенции как совместной деятельности группы студентов.

Как показывает наш многолетний опыт обучения переводу, а также проводимая в научных целях экспертиза переводных профессиональных текстов, основные переводческие трудности и риски связаны не с проблемой овладения компьютерными технологиями, а с непониманием переводчиком исходного профессионального знания, приводящим к искажению смысла [Алексеева, Мишланова 2019]. Причины таких «сбоев» объяснимы, на наш взгляд, недооценкой фактора переводящей личности и всего комплекса деятельности (языковой, когнитивной и коммуникативной), выполняемой переводчиком.

В традиционных теориях перевода понятие переводящей личности раскрыто не в полной мере, поскольку *субъект* перевода (собственно переводящая личность) не получал должного анализа и описания. Поскольку переводчик становится своеобразным «соавтором» исходного текста, то ему принадлежит активная роль в создании транслируемого знания. Это позволяет нам судить о центральном статусе переводящей личности и пересматривать традиционные взгляды на положение переводчика как второстепенного деятеля в специальной коммуникации, поскольку на переводчике специального текста лежит ответственность за адекватную передачу содержания текста-оригинала.

Решение данной проблемы мы видим в овладении специальным (профессиональным) знанием, связанным с формированием *soft skills*, включающих коммуникативные навыки (т. е. ориентацию на потребителя), навыки коллаборативной работы, а также умение выводить специальное знание.

Как нам представляется, в процессе перевода происходит формирование отношения переводчика к новому для него миру – миру профессионального

или научного знания, т. е. процесс перевода сопровождается одновременным формированием и развитием переводчика, превращая его в познающую профессиональную личность, названной нами переводящей личностью. Таким образом, формирование переводящей личности осуществляется путем вхождения и последующей адаптации переводчика в новой профессиональной среде. В этой связи переводчик выполняет функцию не просто транслятора информации, но одновременно и создателя этой информации.

С учетом высказанных суждений мы переходим к моделированию когнитивной деятельности переводчика, под которой мы понимаем идентификацию внутренних связей между когнитивными усилиями переводчика, позволяющую глубже понимать скрытые от непосредственного наблюдения действия переводчика.

Известно, что научный текст обладает концептуальной спецификой, благодаря использованию терминологии, связанной с конкретным опытом. Роль переводящей личности в сфере специального знания и коммуникации видится нам как достижение понимания переводимого текста.

Когнитивные действия, будучи чрезвычайно трудными для переводчика, поскольку они связаны с преодолением специального концептуального барьера, можно рассматривать как комплекс действий, осуществляемых на трех этапах: 1) этапе адаптации; 2) этапе индивидуализации; 3) этапе социализации.

Первый этап переводческой когнитивной деятельности соотносится с процессом выведения специального знания. На данном этапе стратегия перевода связана с уподоблением (адаптацией) переводчика членам нового для него профессионального сообщества.

В ходе второго этапа переводчик создает индивидуальное ментальное переводческое пространство, признаки которого зависят от индивидуальных интеллектуальных качеств переводящей личности.

Третий этап характеризуется авторизированностью, т. е. подчинением авторской идее. В аспекте когнитивных действий индивидуальное переводческое понимание специального концепта полностью подчиняется стремлению автора исходного текста объективировать собственное научное или профессиональное знание.

Отсюда следует, что для переводчика когнитивные действия составляют особую задачу, ввиду их ориентации на стратегию успешного перевода.

Таким образом, переводчик оказывается не просто участником или субъектом коммуникации, но и личностью, которая, благодаря выполняемым когнитивным действиям, определяет весь ход межъязыковой коммуникации. Это дает нам возможность рассматривать его в качестве переводящей личности.

С помощью понятия переводящей личности мы связываем личностные характеристики переводчика с необходимостью моделирования перевода как когнитивно-коммуникативного процесса, имеющего трансдисциплинарный характер.

Литература

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Между лингвистикой и дигиталистикой: феномены третьего вида // Естественные научные методы в цифровой гуманитарной среде: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. 15–18 мая 2018 г. Перм. гос. нац. иссл. ун-т. Пермь, 2018. С. 70–73.

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Трансфер знания в переводе как вызов современного сетевого общества // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. № 1. С. 41–53.

Alekseeva L.M., Mishlanova S.L. Trowd-Sourcing: a New Technology in Translation // Сборник материалов X Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах». 1–3 октября 2020 г. Челябинск: Изд-во Чел. гос. ун-та. С. 9–13.

Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Когнитивные основы локализации в переводе // Когнитивные исследования языка. 2021. Вып. 3(46). С. 748–751.

Behnke M., Barone A.V.M., Sennrich R., Sosoni V., et al. Improving Machine Translation of Educational Content via Crowdsourcing // LREC 2018 Proceedings. 2018. P. 3343–3347.

Christensen B. Communicating Humanistic Knowledge – Knowing the Knowing? // Journal of Organizational Knowledge Communication. 2018. 4(1). P. 1–15.

Massey G., Kiraly D. The Dreyfus Model as a Cornerstone of an Emergentist Approach to Translator Expertise Development // Teaching and Learning for Adult Skill Acquisition. Information Age Publishing, 2021. P. 237–266.

Рым А. Translation Skill-Sets in a Machine-Translation Age: Meta. 2013. № 583. P. 487–503.

The Development of Translation Competence: Theories and Methodologies from Psycholinguistics and Cognitive Science / Ed. by John W. Schwieter and Aline Ferreira. Cambridge Scholars Publishing, 2014.

L.M. Alekseeva, S.L. Mishlanova (Perm, Russia)
Perm State University

THE CONCEPT OF TRANSLATION PERSONALITY WITHIN COGNITIVE TRANSLATION STUDIES

The article deals with the problem of personality in the translation process. The authors work out a model of translator's actions. The model highlights a complex of interrelated and linked actions of the translator to comprehend the source sense. It is suggested to use the concept of transfer in the definition of translation cognitive activity.

Key words: cognitive translation studies, translation personality, translation risks, modeling, cognition, knowledge transfer.

М.К. Березовская, М.В. Влавацкая (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
mariabera@mail.ru, vlavatskaya@list.ru

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ПОЭТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА В КОНТЕКСТЕ РАЗНОВЕКТОРНОЙ ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ АСИММЕТРИИ

В статье приводится авторская методика анализа результатов поэтического перевода, опирающаяся на положения гештальт-синергетического подхода, иллюстрирующая зависимость результатов перевода от когнитивных особенностей переводчика. Лингвопереводческий анализ

проводится на трех уровнях: синтаксическом, лексико-семантическом и концептуальном – и проиллюстрирован на примере перевода на русский язык стихотворения Э. Дикинсон “The sky is low – the Clouds are mean...”

Ключевые слова: поэтический перевод, лингвопереводческий анализ, когнитивная лингвистика, гештальт-синергетический подход.

Актуальность исследования обусловлена потребностью современного общества в эффективной межкультурной коммуникации, а также повышении уровня эстетического развития его членов. Достижению этих целей способствует, в частности, качественный перевод поэтических текстов. Однако поэтический перевод как процесс настолько многогранен и сложен, что для объективной оценки его результатов требуется специальная методика лингвопереводческого анализа. Целью данного исследования является разработка такой методики и апробация ее на примере краткого анализа перевода стихотворения Э. Дикинсон “The sky is low – the Clouds are mean...” на русский язык, выполненного Э. Линецкой.

В качестве теоретической основы для разработки данной методики выступают положения гештальт-синергетического подхода к анализу перевода, разработанные Л.В. Кушниной. Согласно принципам данного подхода, перевод понимается как сложный динамический процесс. В качестве когнитивной модели для его описания исследователем предлагается схема переводческого пространства, включающего несколько полей – автора, переводчика и реципиента – а также смыслы, которые переходят из одного поля в другое, претерпевая различные изменения [Кушникова 2003: 45]. Основной единицей смысла в процессе эквивалентного перевода М. Ледерер считает образ, или наименьший отрезок текста, которому можно установить эквивалент в другом языке [Lederer 1994]. Для описания и характеристики изменений, происходящих с образами исходного текста в поле переводчика, Л.В. Кушникова обращается к понятию переводческой асимметрии, которая выступает системным свойством процесса перевода. Переводческая асимметрия имеет два вектора – позитивный и негативный. Асимметрия негативного вектора свидетельствует об ошибках понимания или выражения исходных смыслов, допущенных при работе над переводом. Асимметрия позитивного вектора свидетельствует о выявлении переводчиком нерегулярных контекстуальных соответствий, способствующих гармонизации смыслов в текстах оригинала и перевода [Кушникова 2014: 89].

Разработанная методика анализа направлена на выявление случаев переводческой асимметрии на разных уровнях поэтического текста: синтаксическом, лексико-семантическом и концептуальном. Анализ на синтаксическом уровне предполагает исследование симметрии членения оригинального текста и перевода на предложения, а также воссоздания в переводе основных синтаксических средств выразительности оригинального текста.

Анализ на лексико-семантическом уровне исследует степень асимметричности основных переводческих преобразований на уровне лексики. Для удобства и объективности проведения данной части анализа все преобразования

в тексте разделяются на тематические блоки. Следует отметить, что каждый исследователь может самостоятельно сформировать набор тематических блоков в зависимости от содержания стихотворения и имеющихся в нем преобразований. Например, в рамках данной статьи мы выделяем в исследуемом произведении блоки «характеристика поэтических субъектов» и «место действия», однако, рассматривая другое поэтическое произведение, исследователь может добавить блоки «образ действия», «время», «состояние» или любые иные.

Концептуальный уровень анализа предполагает вычленение основных концептов оригинального произведения. По мнению Е.С. Кубряковой, «понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде некоторых “квантов” знания» [Кубрякова 1996: 90]. Следовательно, проводя анализ на концептуальном уровне, мы имеем возможность наблюдать за мыслительным процессом поэта и переводчика, отражающим их индивидуальную картину мира.

Согласно разработанной методике, был проведен сопоставительный анализ оригинального стихотворения Э. Дикинсон и его профессионального перевода, выполненного Э. Линецкой.

<i>By E. Dickinson</i>	<i>(Перевод Э. Линецкой)</i>
The Sky is low – the Clouds are mean. A Travelling Flake of Snow Across a Barn or through a Rut Debates if it will go – A Narrow Wind complains all Day How some one treated him. Nature, like Us is sometimes caught Without her Diadem.	Нависло Небо, Тучи хмуры, И, съжившись в комок, Не знает Снег, скользнуть ли в Желоб, Присесть ли на Конек. А Ветер про свои обиды Все ноет, ноет нудно... Как нас, Природу в затрапезе Застать совсем нетрудно.

1. Синтаксический уровень. Текст оригинального стихотворения разделен на три предложения. Граница между ними проходит после первой и шестой строк. Первые два предложения являются бессоюзными, их части разделяет знак тире, несущий значение резкой смены события, визуальных образов. Первая часть второго предложения содержит подчинительную конструкцию со значением причинно-следственной связи. Третье предложение – простое, содержит сравнительный оборот. В тексте перевода наблюдается асимметрия синтаксического аспекта: текст так же разделен на три предложения, однако их границы оказываются смещенными на конец четвертой и шестой строк. Кроме того, тире в обоих случаях заменены запятыми, а второе предложение заканчивается не точкой, а многоточием. В данном случае определить вектор переводческой асимметрии затруднительно, поскольку в целом смыслы произведения

изменений не претерпели. Однако изменение знаков препинания и границ предложений способствует изменению темпа, мелодики, настроения стихотворения. Это свидетельствует об отсутствии в переводе аффективной эквивалентности, под которой М. Ледерер понимает слияние смысла текста и представлений (чувств) переводчика, вызванных этим текстом [Lederer 1994] – переводчик иначе уловил эмоциональный фон произведения, чем его задумал автор. Следовательно, переводческая асимметрия в данном аспекте все же имеет негативный вектор. Основным синтаксическим средством выразительности в данном тексте является, на наш взгляд, инверсия, которая наблюдается в 3–4 и 7-ой строках оригинала. В переводе мы видим оба случая сохраненными, следовательно, перевод в данном аспекте симметричен.

2. Лексико-семантический уровень. Для анализа переводческих преобразований и асимметрии на данном уровне были сформированы два тематических блока: «характеристика поэтических субъектов» и «место действия». Рассмотрим для примера следующих поэтических субъектов стихотворения: *Sky, Clouds, Flake of snow* и сравним характеристики, которые дает им автор оригинального произведения, с эквивалентами, которые подобрал переводчик. *Is low – нависло* – в данном случае переводчик использует другую часть речи, однако смысл сохраняется (нависло => расположено *низко*). *Mean – хмуры*. В данном случае имеет место асимметрия: прямой перевод слова *mean – захудалый, подлый*, что несет гораздо более негативную коннотацию, чем вариант переводчика *хмуры*. Слово *travelling* не имеет эквивалента в тексте перевода, что говорит о наличии асимметрии – на его месте в переводе оказывается деепричастный оборот *съездившись в комок*. Имя субъекта также передано переводчиком иначе, чем в оригинале – *Снег* вместо *Flake of snow*. Однако следует отметить неодинаковость значения выражений *снежные хлопья* и *комки снега*. Так, в переводе обнаруживается ошибка выражения, а следовательно, асимметрия негативного вектора. В тематическом блоке «место действия» также наблюдается асимметрия. В оригинальном тексте называются два места действия *barn (сарай)* и *rut (колея)*. В тексте перевода вместо точных соответствий используются слова *желоб, конек*. Переводчик использует следующие преобразования: прием конкретизации для перевода слова *barn*, поскольку сарай всегда имеет крышу, а значит может иметь и конек, и прием контекстуальной замены для слова *rut*. Это означает, что переводческая асимметрия в данном случае имеет позитивный вектор, поскольку не искажает смыслы исходного текста, а подобранные переводчиком эквиваленты помогают сохранить исходный ритм стихотворения и длину строк, которые были бы нарушены при использовании прямого перевода данных слов.

3. Концептуальный уровень. На данном уровне исследуем репрезентации одного из основных концептов данного произведения – ПЕЧАЛЬ. В оригинале данный концепт репрезентируется словами *mean, narrow, complains*. Также можно предположить, что выражение *the Sky is low* имеет отношение к данному

концепту, поскольку, принимая во внимание общий эмоциональный фон стихотворения, пасмурная погода вызывает у лирического героя скорее негативные эмоции. В переводе данный способ репрезентации концепта сохранен. Однако наблюдается увеличение общего количества репрезентаций данного концепта. Дополнительным является словосочетание *съезжившись в комок*. Важно отметить, что на концептуальном уровне, в отличие от лексико-семантического, данное словосочетание переводческой ошибкой не является. Также данный концепт репрезентируется словами *обиды* и *ноет нудно*. Следовательно, основной выделенный нами концепт произведения репрезентирован в переводе с добавлением дополнительного случая, что в целом является переводческой асимметрией позитивного вектора, поскольку не нарушает ни смысл произведения, ни его эмоциональную окраску.

Результаты трехуровневого лингвопереводческого анализа показали, что предлагаемая методика позволяет выявлять случаи переводческой асимметрии в переводе и делать выводы об их влиянии на результат перевода. Асимметрия негативного вектора наблюдается в исследованном переводе на синтаксическом и лексико-семантическом уровнях, в т.ч. на втором из обозначенных уровней обнаруживается ошибка выражения, что не позволяет признать перевод полностью гармоничным. Однако следует отметить, что один и тот же случай переводческой асимметрии может трактоваться как негативный или позитивный в зависимости от уровня, на котором рассматривается. На синтаксическом уровне асимметрия затрагивает исключительно эмоциональный аспект, в связи с чем можно заключить, что она вызвана когнитивными и психологическими особенностями переводчика (темпераментом, настроением в процессе перевода и пр.).

В перспективе исследования данную методику планируется дополнить рифмо-ритмическим уровнем, который станет самым «внешним» и займет первое место в иерархии уровней анализа. Также анализ возможно расширить и «горизонтально», если произведение имеет несколько вариантов перевода: тогда сопоставление будет касаться не только оригинала и перевода, но и вариантов перевода между собой.

Литература

- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Изд-во МГУ, 1996.
- Кушнина Л.В. Введение в синергетику перевода. Пермь: Изд-во Перм. нац. исслед. политех. ун-та, 2014.
- Кушнина Л.В. Динамика переводческого пространства: гештальт-синергетический подход. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2003.
- Lederer M. La traduction aujourd'hui. Le modele interpretative. Paris: Hachette, 1994.

*М.К. Berezovskaya, M.V. Vlavatskaya (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University*

ANALYSING THE RESULTS OF POETIC TRANSLATION IN THE CONTEXT OF MULTI-VECTOR TRANSLATION ASYMMETRY

The article presents a new methodology of analyzing poetic translation results. The analysis is based on the gestalt-synergetic approach, illustrating the dependence of translation results on the translator's cognitive characteristics. The linguistic-translation analysis is carried out at three levels: syntactic, lexical-semantic and conceptual and is illustrated by the Russian translation of E. Dickinson's poem "The sky is low – the Clouds are mean..."

Key words: poetic translation, linguistic translation analysis, cognitive linguistics, gestalt-synergetic approach.

*О.Г. Дубровская (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
o_dubrovskaya@inbox.ru*

КОГНИТИВНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ В ПЕРЕВОДНОМ ДИСКУРСЕ

В статье изучаются факторы, которые обеспечивают когнитивную вариативность переводного дискурса. Этими факторами являются (мета)концептуальные и собственно языковые факторы. В качестве (мета)концептуальных выступают области определения (домены), метаконцепты РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ, а в качестве языковых – лексические возможности и структурные особенности языка.

Ключевые слова: когнитивная вариативность, (мета)концептуальные и языковые факторы, области определения, метаконцепты.

Под вариативностью, как правило, понимают объективную характеристику и неотъемлемое свойство любого живого языка. Вариативность языка традиционно рассматривается совместно с понятием «языковая норма» и объясняется внутриязыковыми и внеязыковыми изменениями (см.: [Норма и вариативность... 2017]). Исследователи признают, что динамическая сущность языка обеспечивает вариативность речи (дискурса). Обращение к фундаментальной проблеме лингвистики – вариативности речи (дискурса) – в рамках данной работы объясняется следующим: 1) привлечение научной парадигмы когнитивной лингвистики к осмыслению известных явлений позволяет глубже понять, а иногда переосмыслить традиционные представления об изучаемом явлении; 2) когнитивная лингвистика характеризуется особым взглядом на соотношение языка и мышления (язык рассматривается как когнитивная способность человека, определяющая выбор языковых единиц в процессе концептуализации, категоризации и интерпретации); 3) до сих пор актуальны исследования, направленные на изучение факторов, определяющих конечный результат языковой деятельности человека – дискурс, на поиск ответа на вопрос: «Что и как влияет

на формирование дискурса?». В этой связи следует отметить внимание исследователей к когнитивному переводоведению как перспективному направлению в теории перевода (см.: [Леонтьева 2022]); 4) полученные данные являются важными в подготовке специалистов по переводу и теории перевода, так как позволяют учитывать мыслительные операции переводчика не в рамках теории переводческих трансформаций, а с точки зрения теории принятия решений как мыслительных операций по интерпретации мира, языка.

Цель данной работы – выявить факторы, влияющие на когнитивную вариативность в переводном дискурсе.

Как было показано в наших работах, вариативность дискурса обеспечивается субъектом как носителем контекстов знаний и представителем конкретных социумов и культур [Boldyrev, Dubrovskaya 2019]. В процессе познания мира в течение всей своей жизни субъект приобретает знания, которые «хранятся» в его голове в виде концептов и категорий. Это естественная (биологическая) способность человека познавать мир, сравнивать и сопоставлять объекты мира. Как представитель социумов и культуры, приобретая знания, субъект «пропускает» их сквозь сетку той лингвокультуры, носителем которой он является. Таким образом в сознании субъекта формируется надконцептуальный уровень – уровень метаконцептов, которые и определяют конечный продукт когнитивно-дискурсивной деятельности субъекта – собственно дискурс. Именно в дискурсе проявляется индивидуальный способ интерпретации мира (и его репрезентации), который ввиду индивидуальности процесса познания обеспечивается «набором» когнитивных доминант (см.: [Болдырев 2020]). По этой причине дискурс (включая переводной) на одну и ту же тему у разных субъектов разный.

Традиционно вариативность перевода рассматривается во взаимосвязи с противоположным явлением инвариантности. Существует также точка зрения, согласно которой понятие «инвариант» условное и «мифическое» (см.: [Сдобников 2015]). Отметим, что антропоцентрический подход к языку как установке, согласно которой «человек есть мера всех вещей» (Протагор), интерпретирующая функция языка (работы Н.Н. Болдырева) и субъектный принцип построения дискурса (работы Н.Н. Болдырева, О.Г. Дубровской) позволяют утверждать, что мыслительная деятельность конкретного субъекта (переводчика в том числе) определяется его концептуальной системой, что означает индивидуальное прочтение текста оригинала и «отсутствие» элемента, который сохраняется (то есть инварианта), так как даже план содержания подвергается индивидуальному прочтению (особенно в письменном переводе). В этой связи Л. Виссон, рассуждая о значении русского союза «и», отмечает, что, когда интонационный центр приходится на местоимение (*И она ушла*), предложение означает *She also left* (= *Some people left, and so did she*). Если интонационный центр приходится на глагол «ушла» (*И она ушла*), то смысл фразы становится иным: *And after that she left* [Виссон 2002: 103].

Анализ материала показывает, что вариативность в переводном дискурсе обусловлена (мета)концептуальными и языковыми факторами. В наших ранних работах мы выделили семь метаконцептов (РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ). Под фактором в данной работе принято общеупотребительное понимание: «фактор – движущая сила, причина какого-нибудь процесса, обуславливающая его или определяющая его характер» [ushakovdictionary.ru]. Вариативность в переводе объясняется приоритетами (доминантами), которые выставляет переводчик в процессе перевода (что сохранить в качестве обязательного элемента, чем пожертвовать) и языковыми возможностями и ограничениями, связанными с объективными характеристиками языка в естественной и привычной (узуальной) форме объективировать мысль.

Приведем примеры (мета)концептуальных и языковых факторов, обеспечивающих вариативность перевода следующего оригинала:

(1) *The usual suspects* в предложении: *Round up the usual suspects* (оригинал и переводы взяты из лекции П.Р. Палажченко, прочитанной им в рамках Школы перевода, проводимой СПбГУ).

(1а) *Арестуйте обычных подозреваемых* или: *Арестуйте кого обычно* (перевод П.Р. Палажченко). В качестве концептуального фактора выступает область определения известного фильма «Касабланка», а метаконцептуальным основанием выступает метаконцепт НОРМА: человек, знающий сюжет, язык и события, о которых повествуется в фильме, соотносит (1) с коллективными знаниями, репрезентируемые лексемой *suspect* – “*a suspect is a person who the police or authorities think may be guilty of a crime*” [https://www.collinsdictionary.com].

(2) *The usual suspects* в предложении: *We saw all the usual suspects in the bar: rum, gin, whisky.*

(2а) *Мы увидели здесь весь джентельменский набор: ром, джин, виски.* В качестве концептуального фактора выступает область определения БАР, а метаконцепт ПРОСТРАНСТВО (бар как место, где происходит действие) определяет переводной дискурс с заменой образности (джентельменский набор) или без замены образности (*Мы увидели все, что обычно предлагают бары: ром, джин, виски*).

По свидетельству П.Р. Палажченко, на переговорах в Кремле с М.С. Горбачевым госсекретарь США Дж. Шульц, окинув взглядом российскую делегацию, произнес:

(3) *All the usual suspects are here.* Перевод переводчика иностранной делегации: (3а) *Мы видим обычных подозреваемых.* Перевод П.Р. Палажченко: (3в) *Знакомые все лица.* Как показывают примеры (3а, 3в), вариативность в переводе объясняется различием в (мета)концептуальных основаниях: фильм «Касабланка» и коллективные знания, репрезентируемые лексемой *suspect* в переводе иностранного переводчика (3а), и ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ субъекта, знакомого с произведением А.С. Грибоедова «Горе от ума» в (3в).

Как показывают примеры (1-3) вариативность за счет собственно языкового фактора обеспечивается установкой переводчика на сохранение или потерю образности в переводе, в выборе синонимичных средств языка, той или иной конструкции ввиду синтетического и аналитического строя русского и английского языка соответственно.

Обнаруживаются также примеры, когда система языка позволяет выстроить «естественный» дискурс на принимающем языке (о понятии «естественности дискурса» см. работы Л.В. Цуриковой), но переводчик по той или иной причине принимает переводческое решение, которое соответствует его (мета)концептуальной системе. В качестве примера приведем известные переводы произведения Дж. Д. Сэлинджера «Над пропастью во ржи», выполненные Р. Райт-Ковалевой и М. Немцовым:

(4). *There were never many girls at all at the football games* (оригинал);

(4а). *На футбольных матчах всегда мало девочек* (Райт-Ковалева);

(4в). *Девчонок (рема) на футболе почти не бывает* (тема) (Немцов).

Структура русского языка позволяет выразить мысль оригинала с сохранением тема-рематического членения русского предложения (тема-рема: *На футбольных матчах всегда мало девочек*), однако М. Немцов в фокусную позицию своего перевода ставит рему (*девчонок*), сохраняя порядок слов оригинала. Фокусная позиция меняет вектор «естественности» дискурса: для того, чтобы перевод (4в) естественным образом вписывался в дискурс на русском языке, необходим иной контекст оригинала (4).

Таким образом, когнитивная вариативность в переводном дискурсе обеспечивается (мета)концептуальными и языковыми факторами. В качестве (мета) концептуальных факторов выступают области определения (домены), метаконцепты РОЛЬ, СТЕРЕОТИП, ЦЕННОСТЬ, НОРМА, ПРОСТРАНСТВО, ВРЕМЯ, ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ; в качестве языковых – лексические возможности и структурные особенности языка.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Доминантный принцип организации языка и языкового сознания // Когнитивные исследования языка. 2020. № 4 (43). С. 21–79.
- Виссон Л.* Синхронный перевод с русского на английский. Приемы. Навыки. Пособия. М.: Р. Валент, 2002.
- Леонтьева К.И.* Когнитивно-семиотическая модель перевода: доминанты, перспектива, дискурс (на материале русских переводов произведений англоязычной литературы XIX–XX веков): автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Тверь, 2022.
- Норма и вариативность в языке и речи: сборник научных трудов. М., 2017.
- Собников В.В.* Инвариант перевода: миф или реальность? // Иностранный язык в контексте межкультурной коммуникации: материалы докладов VII Международной конференции «Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации». 25–27 февраля 2015 г. Саратов. 2015. С. 197–208.
- Цурикова Л.В.* Проблема естественности дискурса в межкультурной коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2002.
- Boldyrev N.N., Dubrovskaya O.G.* Verbal interpretation variables and sociocultural aspect of language variation: a new perspective // Журнал Сибирского федерального университета. Гуманитарные науки. 2019. Т. 12. № 10. С. 1784–1795.

*O.G. Dubrovskaya (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

COGNITIVE VARIABILITY IN TRANSLATED DISCOURSE

In the article, factors that ensure cognitive variability of translated discourse are discussed. They are subdivided into (meta)conceptual and linguistic factors. The (meta)conceptual factors constitute domains, metaconcepts ROLE, STEREOTYPE, VALUE, NORM, SPACE, TIME, LANGUAGE EXPERIENCE; linguistic factors are represented by lexical variability and structural features of language.

Key words: cognitive variation, (meta)conceptual and linguistic factors, domains, metaconcepts.

*М.А. Ивлева (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
m.ivleva@corp.nstu.ru*

ВЛИЯНИЕ ЛИЧНОСТИ ПЕРЕВОДЧИКА НА КАЧЕСТВО НАУЧНОГО ПЕРЕВОДА

В статье анализируются результаты прохождения курса научного перевода с точки зрения качества представленных участниками курса переводов. Выявляется зависимость качества от знаний и личного опыта переводчика.

Ключевые слова: качество перевода, личность переводчика, знания, опыт.

Одним из главных переводческих мифов по сей день остается легенда о создании Септуагинты – перевода на древнегреческий нескольких книг Торы, которые впоследствии вошли в состав Ветхого Завета. Согласно одной из множества противоречивых версий появления этой книги 72 раввина-полиглота (по 6 представителей от каждого из 12 колен Израилевых) получили задание на перевод, при выполнении работ каждый из них находился в изоляции, но когда сравнили результаты, то переводы совпали слово в слово. Такое совпадение впоследствии объяснялось «боговдохновенностью» текста Септуагинты, которую также называли переводом «Семидесяти Толковников», поскольку даже неспециалистам понятно, насколько маловероятным является такое совпадение. Ученые, занимающиеся исследованием текста Септуагинты, действительно находят в тексте следы работы нескольких переводчиков, так как разнятся стиль, способ культурной адаптации, полнота передачи оригинала и т. п. [Нелюбин, Хухуни 2006: 39-40]. Таким образом, можно говорить о том, что роль личности переводчика, его индивидуального мировосприятия, интерпретации окружающей действительности и, соответственно, способа отражения воспринятого в переводе осознавалась еще в античности, хотя и не получила формального выражения.

Современное переводоведение также осознает важность личности переводчика в процессе перевода, о чем свидетельствует одна из базовых дефиниций

перевода: «Перевод – это деятельность, которая заключается в вариативном пере-выражении, перекодировании текста, порожденного на одном языке, в текст на другом языке, осуществляемая переводчиком, который творчески выбирает вариант в зависимости от вариативных ресурсов языка, вида перевода, задач перевода, типа текста и **под воздействием собственной индивидуальности** (выделено нами); перевод – это также и результат описанной выше деятельности» [Алексеева 2010: 7].

Особое внимание личности переводчика уделяется в рамках когнитивного переводоведения, которое динамично развивается в последнее время. Так, Н.Н. Болдырев полагает, что переводческая деятельность, как и любая коммуникация, напрямую связаны с **интерпретацией** ситуации общения участниками коммуникации, включая и переводчика, поскольку «1) вербальная коммуникация является в значительной степени интерпретирующим процессом, а язык выполняет, наряду с когнитивной и коммуникативной, интерпретирующую функцию, 2) перевод как способ межкультурной коммуникации существенно зависит от концептуальной системы переводчика, т. е. его знаний о мире, включая межкультурные отличия, 3) эти знания непосредственно связаны с социокультурными моделями познания и коммуникации, 4) концептуальная система переводчика, как и любого человека, обнаруживает доминантный способ организации, т. е. включает определенные личностные конструкты, которые определяют цели и результат любой деятельности человека, его общее поведение и языковую интерпретацию мира» [Болдырев 2018: 33].

Научным или научно-техническим переводчиком чаще всего становятся те, кто имеет либо специальное лингвистическое образование и освоил определенную тематику, либо специалисты в определенной сфере знаний с глубоким интересом к иностранному языку. Разумеется, профессиональный опыт накладывает свой отпечаток на результат переводческой деятельности.

В проведенном весной 2022 года онлайн курсе научного перевода приняли участие как переводчики с лингвистическим образованием, так и ученые, специализирующиеся в химии, а также материаловедении и нанотехнологиях. Интенсивный курс научного перевода предполагал 16 часов интерактивных лекций и 16 часов практических занятий, направленных на отработку перевода научных статей в технических и гуманитарных сферах: металлургия, биотехнологии, металлообработка, лингвистика, история и культурология.

Следует отметить, что поскольку уровень мотивации обучающихся был достаточно высок (курс был платным и проводился на базе наставнического проекта переводческой компании «PROtranslation»), то все участники курса успешно справлялись в поставленными перед ними задачами.

В качестве домашнего задания участники курса получали отрывки из научных статей и глав из монографий в объеме до 1000 слов, которые необходимо было перевести в течение недели, пользуясь любыми современными переводческими инструментами: системами машинного перевода, системами автоматизированного перевода, поисковыми системами, специальными словарями и т. д.

К некоторым отличиям переводчиков-лингвистов от переводчиков-специалистов можно отнести тот факт, что допускаемые переводчиками-лингвистами ошибки чаще всего касались терминологии. Например, при переводе предложения «*The term 'light metals' has traditionally been given to both aluminium and magnesium because they are frequently used to reduce the weight of components and structures*» переводчик-лингвист использовал некорректное словосочетание «Термин «легкие металлы» традиционно применяется к алюминию и магнию, так как они часто используются для уменьшения массы **конструкций и компонентов**», в то время как специалист корректно передал мысль при помощи закрепившихся в научном узусе выражений «Традиционно алюминий и магний относят к легким металлам из-за того, что они широко применяются для снижения веса **деталей и конструкций**». Естественно предположить, что специалист в определенной сфере владеет не только знаниями в ней, но и конвенциональными способами представления этих знаний при общении с другими специалистами.

Тем не менее, узкие специалисты с хорошим знанием английского языка предсказуемо хуже переводили тексты вне сферы своей профессиональной компетенции, например, при переводе статьи об этических проблемах перевода переводчик-специалист выбрал неподходящий по смыслу вариант передачи многозначной общеупотребительной лексемы: «*The general task of this approach is to find reasons why some of those decisions might be ethically better than others. The difficulty of the **enterprise** is that the reasons should derive...*» «Общая цель этого подхода состоит в том, чтобы найти причины, по которым некоторые из таких решений могут быть лучше с этической точки зрения, чем другие. Сложность **предприятия** состоит в том, что эти причины должны возникать...». В работе переводчика-специалиста также можно отметить заметное влияние систем машинного перевода и отсутствие качественного постредактирования, позволяющего сделать перевод соответствующим основным синтаксическим структурам русского языка.

Лингвисты лучше справляются со сглаживанием различий в синтаксисе русского и английского языков: «*Основная задача настоящего исследования состоит в том, чтобы установить причины, по которым некоторые переводческие решения могут быть лучше других с этической точки зрения. Сложность **поставленной задачи** заключается в том, что причины должны логично вытекать из ...*». При выполнении таких переводческих заданий лингвисты демонстрируют навыки стилистической адаптации текстов в зависимости от принятых в определенной культуре конвенций, то есть, те знания, умения и навыки, которые были получены в процессе обучения языкам и переводу.

Анализ представленных участниками курса переводов также показал, что переводчики с лингвистическим образованием продемонстрировали примерно одинаковое качество перевода в различных направлениях (английский → русский и русский → английский) и в различных тематиках. Специалисты лучше

переводили тексты знакомой им тематики в направлении английский → русский, а переводы на английский язык требовали редактуры, в основном связанной с различным тема-рематическим членением в английском и русском языках и буквальным переводом русских научных клише.

В направлении английский→русский лучшее качество перевода продемонстрировал начинающий переводчик, прошедший стажировку в переводческом агентстве и специальные курсы русского языка и стилистики для переводчиков. Отчасти, такой результат объясняется меньшей клишированностью и склонностью к популяризации знаний в английской научной речи по сравнению с русской.

Качество перевода в направлении русский → английский было выше у практикующих переводчиков-лингвистов, сотрудников вузов, которые занимались научной деятельностью сами и могли представить исследование в приемлемом для публикации качестве.

Таким образом, можно утверждать, что качество такого относительно стандартизированного вида перевода как научный напрямую зависит от личности переводчика, его опыта и знаний. Для достижения высокого качества научного перевода рекомендуется работать в сотрудничестве со специалистами как в сфере перевода, так и в тематике переводимого текста.

Литература

Алексеева И.С. Введение в переводоведение. Автономная некоммерческая организация «Издательство Санкт-Петербургского государственного университета», 2010.

Болдырев Н.Н. Перевод как проблема выбора когнитивных доминант // Когнитивные исследования языка. 2018. №. 34. С. 33–35.

Нелюбин Л.Л., Хухунли Г.Т. Наука о переводе (история и теория с древнейшим времен до наших дней). М.: Флинта : МПСИ, 2006.

M.A. Ivleva (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

THE INFLUENCE OF TRANSLATOR'S PERSONALITY ON THE SCIENTIFIC TRANSLATION QUALITY

The paper presents the analyses of translations performed during the course of scientific translation. The knowledge and background of the translator are shown to influence the quality of translation.

Keywords: translation quality, translator's personality, knowledge, background.

*И.Г. Игнатьева, Ф.Ю. Семенов (Москва, Россия)
МГИМО МИД России
ignateva.mgimo@yandex.ru*

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ ПРИ ПЕРЕВОДЕ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ

На материале примеров из речей американских политиков и их переводов рассматриваются когнитивные основания выбора переводческой стратегии при переводе безэквивалентной лексики с английского языка на русский, позволяющей осуществить адекватную прагматическую адаптацию и исключить буквализм при переводе. Подчеркивается роль контекстуально-дискурсивного анализа.

Ключевые слова: прагматическая адаптация, безэквивалентная лексика, перевод безэквивалентной лексики.

Несмотря на то что понятие безэквивалентной лексики находится в фокусе внимания исследователей уже не одно десятилетие, до сих пор можно констатировать, что трудности, с которыми встречаются практикующие переводчики при работе с безэквивалентной лексикой, не находят однозначного решения, а единая стратегия ее перевода не выработана. Когнитивные основания действий переводчика, как правило, остаются практически без внимания. На примерах из речей американских политиков ниже будут рассмотрены когнитивные и дискурсивные основания переводческих решений при определении стратегии перевода безэквивалентной лексики с английского языка на русский.

При всем существующем многообразии определений безэквивалентной лексики в рамках данной статьи мы пользуемся формулировкой, предложенной В.Н. Комиссаровым, который полагает, что безэквивалентная лексика – это единицы исходного языка, не имеющие регулярных соответствий в языке перевода и служащие для обозначения специфических для данной культуры явлений, которые представляют собой результат кумулятивной функции языка и могут рассматриваться в качестве носителей фоновых знаний, имеющихся в сознании говорящих [Комиссаров 2002: 51].

Учет прагматических аспектов перевода является одной из сложнейших задач, поскольку переводчик всегда должен принимать во внимание необходимость достижения желаемого коммуникативного воздействия на реципиента в зависимости от цели перевода. Согласно В.Н. Комиссарову, прагматическая адаптация – это многоуровневая аналитическая операция, направленная на то, чтобы текст перевода оказывал такое же прагматическое воздействие на своего реципиента, как воздействие, оказываемое на получателя оригинальным текстом [Комиссаров 1990: 156]. Передача прагматического потенциала текста может осуществляться с помощью различных переводческих трансформаций.

Для переводчика крайне важен, пользуясь термином М.Б. Бергельсон, интегральный подход к прагматике как всей совокупности когнитивных и коммуникативных контекстов, в которых происходят дискурсивные события и в рамках которых они только и могут быть проинтерпретированы [Бергельсон 2005: 5]. Интегральный подход к стратегии прагматической адаптации подразумевает при переводе учет взаимного влияния (1) разницы семантической структуры в оригинале и в переводе, (2) наличия импликаций и пресуппозиций, а также социо-культурных подтекстов – их совпадение/несовпадение в языке оригинала и в языке перевода, (3) контекстуального окружения, (4) дискурса. Важнейшим фактором становятся знания о мире, фоновые знания переводчика [Игнатъева 2004: 135], однако лишь с опорой на социокультурные контексты данной коммуникативной ситуации.

Когнитивно-дискурсивная деятельность переводчика начинается с восприятия знака на языке оригинала, затем развивается в направлении, противоположном тому, в котором осуществлялся процесс лингвосемиозиса, и заканчивается построением в сознании переводчика собственной картины мира, дискурсивного события, которое уже можно перевыразить средствами языка перевода.

В рамках ограниченного объема данной статьи трудно разобрать необходимое количество примеров, однако приведем фрагмент речи, обращенной к выпускникам военной академии США Вест-Пойнт:

(1) *Thank you so much. (...) To General Trainor, General Clarke, the faculty and staff at West Point – you have been outstanding stewards of this proud institution and outstanding mentors for the newest officers in the United States Army. I'd like to acknowledge the Army's leadership – General McHugh – Secretary McHugh, General Odierno, as well as Senator Jack Reed, who is here, and a proud graduate of West Point himself. To the class of 2014, I congratulate you on taking your place on the **Long Gray Line** (Commencement Address at the United States Military Academy in West Point, New York).*

Для перевода единицы **Long Gray Line** обращение к словарям и семантический анализ не является продуктивным, ее значение в целом не может быть выведено из составляющих ее семантических элементов. Контекстуально речь идет о церемонии выпуска: присутствуют слова *general, institution, officers, US Army, graduate, class, congratulate on...* Для подбора варианта перевода данной безэквивалентной единицы, являющейся лакунарной для русскоязычной лингвокультуры, переводчику придется обратиться к фоновым знаниям: в Вест-Пойнте одной из отличительных черт является серая форма курсантов. В ходе выпускной церемонии курсанты выстраиваются в ровные ряды, которые по вышеуказанной причине со стороны кажутся наблюдателю серыми. Выражение *Long Gray Line* получило весьма широкое распространение в американской культуре, метафорически обозначая всех курсантов, когда-либо учившихся в данной академии, связанных узами единой подготовки в альма-матер. С учетом того, что Вест-Пойнт является элитным учебным заведением

США, выпускниками которого являлись президенты и генералитет, принадлежность к данному сообществу считается крайне престижной. Сохранить и передать данную импликацию – задача переводчика. Оттенок гордости и уважения может быть внесен с помощью добавления лексической единицы *достойный*, имеющей в русском языке соответствующую семантику. Соответственно, прагматическая адаптация будет выполнена посредством описательного перевода с добавлением: ... *поздравляю вас с тем, что вы займете свое достойное место в рядах выпускников академии Вест-Пойнт*.

Рассмотрим также пример из речи Э. Блинкена о восстановлении работы посольства США в Киеве:

(2) *The Stars and Stripes fly again over Embassy Kyiv. I can announce that we have officially resumed Embassy operations in Ukraine's capital* (U.S. Embassy Resumes Work in Kyiv).

Stars and Stripes – это одно из неофициальных названий *государственного флага США*. Данное значение фиксируется всеми основными толковыми словарями английского языка. Казалось бы, можно говорить о наличии эквивалента. Однако переводчику следует проанализировать данное выражение с точки зрения прагматики. Для этого необходимо обратиться к рассмотрению ситуации в рамках дискурса. Как известно, на фоне ситуации, сложившейся между Россией и Украиной, США оказывают последней активную поддержку, позиционируя себя как защитников демократии. В сотрудничестве между «защитниками демократии» и Украиной важную роль играет посольство США как стратегически важный пункт взаимодействия между двумя государствами. Именно важность активизации такого взаимодействия подчеркивается торжественностью лексической единицы *Stars and Stripes*, имеющей коннотацию пафоса национальной гордости, вместо рядового, стилистически нейтрального *the U.S. flag*. В адекватном переводе элемент торжественности должен быть передан каким-либо дополнительным способом, например, с помощью слова «знамя», обладающего в русском языке, по сравнению со словом «флаг», большей степенью возвышенности, торжественности, пафосности. В итоговом виде результат прагматической адаптации при переводе: *Над посольством США в Киеве вновь развевается звездно-полосатое знамя*.

Наиболее эффективными методами переводческого анализа считаются семантический, контекстуальный и дискурсивный виды анализа, однако эффективными они становятся только во взаимосвязи, поскольку позволяют комплексно проанализировать значения единиц перевода на уровне отдельного слова, выражения, предложения, текста в целом и с учетом экстралингвистических, социо-прагматических факторов. Представляется, что в случае прагматической адаптации при переводе безэквивалентной лексики основанием принятия переводческих решений становится не только и не столько семантика языковых единиц в контексте дискурсивного события, сколько, в значительной степени, совокупность знаний о мире, о лингвокультуре оригинала, социокультурных presuppositions и импликаций.

Литература

Бергельсон М.Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.

Игнатьева И.Г. Система фоновых знаний: переводческие аспекты // Лингвострановедение: методы анализа, техника обучения: Второй межвузовский семинар по лингвострановедению. Сборник статей в 2-х частях. 10–11 июня 2004 года. М.: Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2004. С. 134–145.

Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Москва: ЭТС, 2002.

Комиссаров В.Н. Теория перевода. Лингвистические аспекты. М.: Высшая школа, 1990.

Commencement Address at the United States Military Academy in West Point, New York. URL: <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/commencement-address-the-united-states-military-academy-west-point-new-york-3>

U.S. Embassy Resumes Work in Kyiv. URL: <https://www.wsj.com/livecoverage/russia-ukraine-lat-est-news-2022-05-18/card/u-s-embassy-resumes-work-in-kyiv-nzxE8uwBbhaeq7pyAkTM>

I.G. Ignateva, F.Yu. Semenov (Moscow, Russia)
Moscow State University of International Relations (MGIMO University)

PRAGMATIC ADAPTATION IN TRANSLATING NON-EQUIVALENT VOCABULARY: CONCEPT AND DISCOURSE ANALYSIS

The author considers cognitive grounds for translation strategy when translating the non-equivalent vocabulary from English into Russian, which allows adequate pragmatic adaptation and excludes literalism in translation. The role of conceptual and discourse analysis is emphasized.

Key words: pragmatic adaptation, non-equivalent vocabulary, translation of non-equivalent vocabulary, cognitive analysis, conceptual analysis, discourse analysis.

Н.В. Иноземцева, Е.Ю. Черномырдина (Оренбург, Россия)
Оренбургский государственный университет
jenn.558@yandex.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СТАТЬИ ПО НАНОТЕХНОЛОГИЯМ “POTENTIAL BENEFITS AND RISKS OF NANOTECHNOLOGY ON ENVIRONMENT AND HEALTH”)

Статья посвящена рассмотрению когнитивных механизмов при передаче научно-технических терминов в сфере нанотехнологий. Нами осуществлен перевод оригинального научно-технического текста “Potential Benefits and Risks of Nanotechnology on Environment and Health” на русский язык. Особое внимание было уделено передаче рассматриваемых терминологических единиц с позиции когнитивного подхода. Мы утверждаем, что такой подход при переводе научно-технического текста способствует более глубокому пониманию сути излагаемого и более адекватному варианту его перевода.

Ключевые слова: когнитивизм, когнитивные фреймы, научно-технический текст, технический перевод, термин, нанотехнологические термины, типы перевода.

В связи со стремительным ростом научно-технического прогресса развитие перевода научно-технических текстов является одной из проблем современного перевода и когнитивной лингвистики. Для нашего исследования значимым считаем использование когнитивных механизмов перевода научно-технической литературы как способа обмена и распространения информации в мировом сообществе.

В последние десятилетия наблюдалось быстрое развитие когнитивной лингвистики и теории когнитивного перевода (С.Г. Бархударов, В.Н. Комиссаров, И.Н. Ремхе, А.Д. Швейцер, Ч. Филлмор, Т.А. ван Дейк). В сфере перевода когнитивный подход используется, прежде всего, для изучения характера, способов и причин действий переводчика в процессе перевода. Все научно-технические документы характеризуются четким и лаконичным изложением, строгим соблюдением технической терминологии, логической последовательностью изложения информации и конкретностью в переводе фактов на язык перевода.

Акт перевода заключается в активизации и выборочном использовании различных видов знаний, включая лингвистические. Поскольку знания и опыт каждого переводчика по своей природе уникальны, то процесс перевода представляет собой уникальное творческое действие, даже если речь идет о техническом переводе.

Проблема исследования технического перевода нашла отражение в работах таких ученых, как Л.М. Алексеева, Н.Н. Гавриленко, Б.Н. Климзо, Ю.С. Котова, М.П. Котурова, Л.В. Кушнина, А.О. Ушакова, Дж. Бирн, М. Фонтанет и др. Опираясь на научные исследования, отметим, что «технический перевод представляет собой перевод технической и специализированной документации с языка оригинала на язык перевода» [Ушакова 2017: 4]. Он является одним из самых сложных типов перевода, требующих особого набора знаний по теме переводимого текста и его терминологии.

При работе с техническими текстами особое внимание уделяется терминологии. В своих работах доктор филологических наук М.Н. Володина представляет термин как фреймовый концепт, отражающий иерархическую структуру определенной терминосистемы и в то же время являющийся ее главным элементом [Володина 1998: 2]. Можно сделать вывод, что термин-фрейм является особой когнитивной структурой, требующей соответствующего поведения, продиктованного конкретными знаниями.

Ч. Филлмор в своих исследованиях разделяет все когнитивные фреймы на два типа: классификационные фреймы, представляющие знание определенной системы классификации; ситуационные фреймы, отражающие знания неязыкового мира, соответствующие каким-либо событиям, этапам жизни, истории [Филлмор 1988: 5].

Если у термина по каким-либо причинам нет соответствия в языке или он отсутствует в словарях, определяющим условием адекватного перевода будет знание корневых связей слова и анализ возможных значений термина, исходя из контекста. Когнитивный классификационный фрейм можно проиллюстрировать на примере структуризации знания многокомпонентных терминов

в рамках описания отдельного технического явления. Так, термин “waste”, имеющий значение «вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые перерабатываются, утилизируются или захораниваются», используется в качестве основы для терминов, уточняющих тип отходов, например, “nanowaste” (пер. «наноотходы»), “nuclear waste” (пер. «ядерные отходы»), “radwaste” (пер. «радиоактивные отходы») и др. На основе таких базовых понятий, как представленные выше, могут возникнуть десятки и даже сотни словосочетаний.

В современной лингвистике универсальное определение понятия «термин» отсутствует. В наиболее общем смысле понятие «термин» представлено в работах О.С. Ахмановой – это «слово или словосочетание специального языка, создаваемое для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова 2004: 1]. В нашем исследовании данное определение понятия «термин» взято за рабочее.

Если углубиться в терминологию технических текстов по нанотехнологиям, то важно отметить, что в этой области получили очевидное развитие интернационализация терминов и межсистемные заимствования, вызванные междотраслевым характером описываемых процессов и явлений. В данном случае можно говорить о развитии ситуативного фрейма, отражающего знания неязыкового мира событийного характера, что определяет особенности перевода терминов нанотехнологического характера. В рамках исследования мы определили основные типы перевода, наиболее часто употребляемые при работе с терминами на материале оригинальной статьи на английском языке. Полученные результаты представлены ниже в виде таблицы и диаграммы.

Таблица 1

Основные переводческие трансформации при передаче научно-технических терминов

Переводческие трансформации	Примеры
Калькирование	“nanoparticle” («наночастица»), “nanofoam” («нанопена»), “ecotoxicity” («экотоксичность»), “nanopharmaceuticals” («нанофармацевтика»)
Транслитерация и транскрипция	“metallophyrinogen” («металлофириноген»), “pathogen” («патоген»), “apolipoproteins” («аполипопротеины»)
Приближенный перевод	“dendrimer” («арборол»), “irradiation” («облучение»), “chelators” («энтеросорбенты»)
Описательный перевод	“redox” (окислительно-восстановительные реакции), “nutrients” («питательные вещества»), “findings” («результаты флуоресцентных методов»)
Лексико-семантические замены	“zero-valent iron nanoparticles” («наночастицы нульвалентного железа»), “zinc-oxide semiconductor” («цинк-оксид-полупроводниковая структура»), “neural tissue” («нервная ткань»)

Номинативность терминологии напрямую связана с ее денотативным (обозначающим) характером. Одним из наиболее популярных способов образования терминов в сфере нанотехнологий являются аффиксация и сложение двух слов. Например, приставка *nano-*, и в русском, и в английском языках имеет значение одной миллиардной части, т. е. описывает предмет или вещество как нечто очень маленьких размеров (“nanotechnology” – «нанотехнологии», “nanoparticle” – «наночастица»). “Ecotoxicity” (где *eco-* – «экологичный», – *toxicity* – «токсичность»), “pathogen” (*path-* – корень слова, имеющий значение «вредящий», а *-gen* – «ген») – это сложносоставные слова, части которых несут в себе конкретные значения, образуя тем самым общее значение для указанного термина, например, “ecotoxicity” («экотоксичность») – способность нанести вред окружающей среде, “pathogen” («патоген») – любой фактор внешней среды, способный вызвать повреждение каких-либо систем организма.

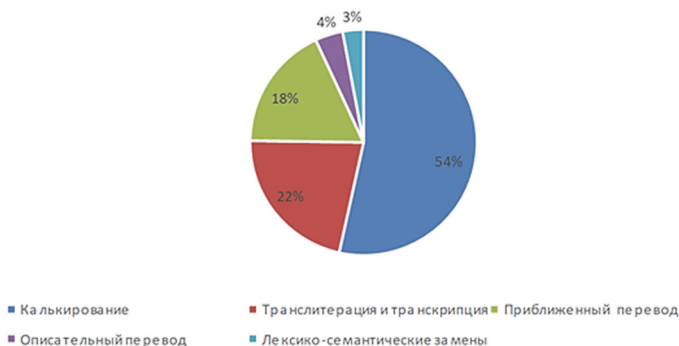

Диаграмма 1. Переводческие трансформации при передаче научно-технических терминов (%)

Таким образом, отметим, что термины наиболее подробно раскрываются через призму когнитивного подхода. В процессе передачи терминов и текста переводчик определяет когнитивные механизмы, необходимые для обеспечения максимальной эквивалентности текста перевода. Как было отмечено в ходе исследования, в статье “Potential Benefits and Risks of Nanotechnology on Environment and Health” [Du 2020: 6] наиболее часто употребляются ситуативные термины-фреймы. Помимо этого, значительное число терминов в статье по нанотехнологиям имеет классификационный фреймовый концепт, что облегчает процесс поиска и перевода многокомпонентных и однокоренных терминов в языке.

Литература

- Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 2004.
Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина и терминологическая номинация: автореф дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998.
Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах. М.: Высшая школа, 1987.
Ушакова А.О. Специфика технического перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 4. С. 18–26.
Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. XXIII. С. 52–92.
Du Baogui Potential Benefits and Risks of Nanotechnology on Environment and Health // Journal of International Scientific Publications: Ecology & Safety. 2020. Vol. 14. P. 129–134.

*N.V. Inozemtseva, E.Yu. Chernomyrdina (Orenburg, Russia)
Orenburg State University*

COGNITIVE FEATURES OF TRANSLATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TEXTS (BASED ON THE ARTICLE IN THE FIELD OF NANOTECHNOLOGIES “POTENTIAL BENEFITS AND RISKS OF NANOTECHNOLOGY ON ENVIRONMENT AND HEALTH”)

The article is devoted to the consideration of cognitive mechanisms in the transfer of relevant scientific and technical terms in the field of nanotechnology. The original scientific text “Potential Benefits and Risks of Nanotechnology on Environment and Health” was translated into Russian. Particular attention was paid to the transfer of terminological units, taking into account the cognitive approach. We argue that the cognitive approach contributes to a more adequate perception of the translated text and the correct translation, which is equivalent to the original text.

Key words: cognitivism, cognitive frames, scientific and technical text, technical translation, term, nanotechnological terms, translation types.

*А.Ю. Калинин (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
a_kalinine@mail.ru*

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ АППРОКСИМАЦИЯ В ПЕРЕВОДЕ МАТЕРИАЛОВ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ СМИ

В статье рассматриваются онтологический статус и транслатологическая валидность аппроксимации как переводческой тактики аудиовизуального медиаперевода, направленной на нейтрализацию прогнозируемых когнитивных диссонансов путем замещения неизвестных или слабоассимилированных концептов исходной культуры близкими в функциональном плане концептами, находящимися в пределах апперцепционной доступности адресатов переводного сообщения.

Ключевые слова: аудиовизуальный перевод, ограниченный перевод, культурно-специфический концепт, аппроксимация в переводе, концептуальная аппроксимация.

Бурное развитие информационных технологий в конце XX – начале XXI вв. обусловило формирование глобализованного информационного пространства,

для которого характерны высочайшая скорость и широчайший ареал распространения информации. Очевидно, что одним из условий обеспечения глобального доступа к информации является нейтрализация языковых барьеров, что стимулирует растущую потребность в межъязыковом переводе материалов электронных, в частности аудиовизуальных, СМИ. При этом в когнитивном аспекте одним из требований, предъявляемых к такому переводу, является отсутствие ощутимого «межъязыкового стыка», способного спровоцировать у реципиентов когнитивный диссонанс и, как следствие, привести к нарушениям в восприятии поступающей информации, а подчас и формированию искаженных представлений о содержательной стороне информационного сообщения. М. Бэйкер отмечает в этой связи, что автоматическое воспроизведение в тексте перевода, например, «незнакомого имени собственного и даже упоминание о неизвестном блюде или техническом устройстве могут нарушить континуальность текста и затруднить релевантное восприятие любого высказывания с ними связанного» (перевод наш – А.К.) [Baker 2018: 247].

Как известно, основными приемами перевода, рекомендуемыми для передачи содержания этно- и культурно-специфических концептов считаются калькирование и заимствование, реализуемое в тексте путем транскрипции, реж транслитерации и трансплантации. Подобные приемы, по сути, представляют собой разновидности транскодирования вербальной номинации исходного концепта, т. е. операции над языковыми знаками, без обращения к описываемой ситуации [Ревзин, Розенцвейг 1964]. Главным недостатком транскодирования поверхностной структуры, репрезентирующей концепт, является неизбежное снижение когнитивного потенциала полученного переводного соответствия в силу денотативной резистентности переводящего языка к подобного рода окказиональным неологизмам, что вынуждает переводчика сопровождать их примечаниями и комментариями той или иной степени развернутости. Если объем последних рискует выйти за рамки допустимого, переводчики обычно прибегают к т.н. «описательному» переводу, который призван создать у реципиента относительно корректное представление о содержании исходного понятия.

В аудиовизуальном переводе, который традиционно рассматривается как вид межъязыкового трансфера, ограниченный целым рядом факторов (*constained translation* [Titford 1982]), регулярно возникает ситуация, когда ни один из вышеуказанных способов перевода не может быть признан адекватным. Релевантность переводческих решений детерминирована множеством прагматических факторов, среди которых первостепенное значение приобретают параметры коммуникативной и фактической ситуации перевода, формы предъявления переводного контента адресатам, а также прогнозируемые ожидания относительно «апшерцепционной доступности» [Якубинский 1986] для них имплицитного содержания высказывания. Так, к числу функциональных доминант при переводе материалов аудиовизуальных СМИ, где пояснительные комментарии как правило невозможны в силу специфики развертывания многоканального текста и особенностей слуховой перцепции его вербальной

составляющей, относятся необходимость сохранения синергетического характера отношений между семиотическими рядами и обеспечение неосложненного восприятия перевода гетерогенной зрительской аудиторией. Таким образом, чрезмерное использование в переводном аудиовизуальном произведении как калек, заимствований, так и развернутых экспликаций способно провоцировать семантико-смысловую энтропию переводного произведения и представляется деструктивным с точки зрения адекватности.

С учетом вышеизложенного одной из тактик перевода, обладающих значительным аппликативным потенциалом и направленных на нейтрализацию когнитивных лакун реципиентов, представляется их замещение близкими в функциональном плане концептами принимающей культуры, относительно легко опознаваемыми ее носителями. Такую тактику в целом целесообразно определить как переводческую аппроксимацию, а применительно к задачам передачи контекстуальных значений культурно-специфических концептов, как *концептуальную аппроксимацию*. По мнению М. Кронина [Cronin 2000], в глобальном медиапространстве перевод призван обеспечивать проницаемость информационных границ и быть максимально неощутимым для адресата, что заставляет переводчика все больше и больше «аппроксимировать» переводной текст, т. е. исходить из предполагаемой фреймовой доступности компонентов транслята для реципиента. Вместе с тем не стоит отождествлять концептуальную аппроксимацию с тактикой доместикации [Venuti 1995]. Последняя выступает скорее гипонимом по отношению к аппроксимации и ее крайним проявлением, т. к. состоит в систематической подмене реалиями принимающей культуры культурных конструкторов оригинала в стремлении не допустить у потребителя перевода ощущения их «чужеродности». Концептуальная аппроксимация преследует не только цель удобства восприятия переводного текста для аудитории, но прежде всего обеспечение адекватности извлечения реципиентами релевантного смысла исходного высказывания путем актуализации доступных семасиологических связей и преодоления когнитивных искажений, спровоцированных потенциально ложными ассоциациями с иной референциальной системой.

Подобно внутриязыковой (лингвистической) аппроксимации, под которой «...понимается приблизительное наименование разных денотатов: предметов, признаков и отношений, действий и явлений окружающего мира» [Ионова 2006: 49], концептуальная аппроксимация в переводе тесным образом связана с интерпретирующей функцией языка [Болдырев 2011] и интерпретацией содержания высказывания. На уровне реализации, т. е. в конкретном речевом высказывании присутствуют лишь некоторые (актуальные) компоненты смыслового содержания концепта, интерпретация которых становится возможной благодаря контексту и когнитивному опыту получателя информации. Межъязыковой перевод как акт двойной коммуникации представляет собой процесс порождения на новом языке вторичного в смысловом отношении текста, предназначенного для интерпретации его адресатами. Однако этот процесс состоит не в механической подстановке известного или интродукции неологизированного

межъязыкового соответствия, а в эвристическом поиске такой языковой формы существования переводного текста, которая учитывала бы актуальное значение элементов исходного высказывания, параметры коммуникативной ситуации, цель выполнения перевода, равно как и культурно-когнитивные фильтры его получателей. Для принятия оправданного решения о необходимости аппроксимации переводчик должен обладать определенным презумптивным знанием, то есть иметь адекватные представления о таких фильтрах, только в этом случае предлагаемый вариант перевода будет выражать актуальный смысл и корректно передавать модус высказывания. Отсюда следует, что одна и та же вербальная репрезентация концепта исходного текста может иметь различные соответствия на уровне поверхностной структуры в переводе, что делает переводческий инвариант не универсальной константой, а коммуникативно обусловленной переменной. При этом соблюдение принципа прецедентности переводческих эквивалентов имеет решающее значение только в пределах конкретной предметной области, типа дискурса, а иногда и временного промежутка (ср., например, англ. *nuclear deterrence*, которое в разные периоды переводилось в официальных русскоязычных источниках как *ядерное устрашение*, а затем как *ядерное сдерживание*). В этом смысле концептуальная аппроксимация направлена на решение проблем не только структурной асимметрии контактирующих в процессе перевода языковых систем, но и асимметрии специфичных для носителей данных языков ментальных репрезентаций и когнитивных моделей.

Ранее (см.: [Калинин 2018, 2020]) на материале наблюдений над образцами перевода материалов аудиовизуальных СМИ, выполненного в технологии *voice-over*, т. е. перевода для закадрового озвучивания, нами был описан ряд примеров использования тактики концептуальной аппроксимации. Таковы, в частности, актуальные переводческие эквиваленты *разжигание... розни / возбуждение ненависти*, использованные при переводе на русский язык значений связанной номинации американо-английского концепта *hate speech* [Калинин 2018]; или фразеологизированное словосочетание *ville nouvelle*, избранное при переводе на французский язык телеочерка об истории строительства БАМа в качестве номинации аналога русского концепта советской эпохи *городок*, несмотря на асимметрию национально-исторических референтов [Калинин 2020].

Таким образом, с учетом коммуникативной функции, характера развертывания и перцептивных особенностей текстов аудиовизуальных СМИ концептуальную аппроксимацию целесообразно рассматривать как перспективную тактику межъязыкового перевода, нацеленную на преодоление потенциальных когнитивных диссонансов и лакунарности восприятия информационного потока реципиентами.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 33 (248). С. 11–16.
- Ионова С.В.* Аппроксимация содержания вторичных текстов. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006.
- Калинин А. Ю.* Язык вражды, риторика ненависти или... как перевести hate speech на русский язык? // Россия и Запад: Диалог Культур: сборник научных статей XX Международной конференции. 07–08 июня 2018. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 2018. С. 213–221.
- Калинин А. Ю.* Прагматически детерминированные приемы аудиовизуального медиаперевода // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 2. С. 45–57.
- Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю.* Основы общего и машинного перевода. М.: Высшая школа, 1964.
- Якубинский Л.П.* Язык и его функционирование. Избранные работы. М.: Наука, 1986.
- Baker M.* In Other Words: A Coursebook on Translation. 3rd Edition. London and New York: Routledge, 2018.
- Cronin M.* Across the Lines. Travel, Language, Translation. Cork: Cork University Press, 2000.
- Titford Ch.* Sub-titling: constrained translation // Lebende Sprachen, 1982. 27 (3). P. 113–116.
- Venuti L.* The Translator's Invisibility. New York: Routledge, 1995.

A.Y. Kalinin (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

CONCEPTS' APPROXIMATION IN TRANSLATION OF AUDIOVISUAL MEDIA CONTENT

The article examines the ontological status and translational validity of approximation as a translation tactic aimed at neutralizing the projected cognitive dissonance by replacing unknown or weakly assimilated concepts of the source culture by close functional concepts that are within the applicative accessibility of the recipients of translation.

Key words: audiovisual translation, constrained translation, culture-specific concepts, approximation in translation, concepts' approximation.

Е.С. Коканова, Н.С. Пак (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
e.s.kokanova@narfu.ru, n.pak@narfu.ru

ПРЕДРЕДАКТИРОВАНИЕ ТЕКСТОВ ДЛЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА КАК МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ АНГЛИЙСКИХ КОНСТРУКЦИЙ С ПРИЧАСТИЕМ В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются английские абсолютные причастные конструкции с предлогом с точки зрения репрезентации ими денотативных ситуаций и их вклада в формирование смысла предложения. Предредактирование текстов для нейронного машинного перевода выступает как метод, позволяющий проанализировать вторично-предикативные структуры в зависимости от их когнитивно-дискурсивной природы.

Ключевые слова: абсолютная причастная конструкция с предлогом, вторично-предикативная структура, репрезентация ситуаций, предредактирование, нейронный машинный перевод.

Статус герундия и причастия настоящего времени является одним из дискуссионных вопросов английской грамматики [Smet 2010]. Совмещая в себе концептуальные признаки глагола (активность или псевдо-активность, длительность, контролируемость и др.) [Болдырев 2016: 43] и именных (предметность, адъективность) частей речи, герундий и причастие настоящего времени находятся на периферии категории глагола, но сохраняют возможность быть ядром предикативной группы (вторично-предикативной структуры).

Предложение, содержащее вторично-предикативные структуры, оставаясь формально простым, является полипредикативным и репрезентирует несколько денотативных ситуаций. Такие предложения представляют сложность для перевода, в том числе, с использованием средств автоматизации перевода, поэтому целесообразно их предредактирование (редактирование исходного текста перед загрузкой в систему машинного перевода) [Жоканова 2019] для того, чтобы получить результат, пригодный для постредактирования и снизить когнитивную нагрузку постредактора [Жоканова 2021].

Предредактирование медицинских текстов (медицинских статей и опубликованных в медицинских журналах историй болезни) для машинного перевода, помимо практических целей, предоставляет ценный материал для прикладных лингвистических исследований. Действительно, в медицинском дискурсе абсолютные причастные конструкции с предлогом благодаря их свернутости являются средством компрессии. Предредактирование и последующий перевод системой нейронного машинного перевода (НМП) позволяет глубже проанализировать их с точки зрения репрезентации ситуации в зависимости от их когнитивно-дискурсивной природы, а также оценить, какие дополнительные компоненты смысла вносит использование этих конструкций по сравнению с предложениями, образованными путем их развертывания. Рассмотрим несколько примеров.

(1) *All of the results that came from the shuttle era pertain to relatively short exposure to zero gravity, with the longest exposure being 17 days* (Prisk K.).

(НМП 1) *Все результаты, полученные в эпоху шаттлов, относятся к относительно короткому пребыванию в невесомости, причем самое продолжительное воздействие составляет 17 дней.*

(1.1) *All of the results that came from the shuttle era pertain to relatively short exposure to zero gravity, the longest exposure was 17 days.*

(НМП 1.1) *Все результаты, полученные в эпоху шаттлов, относятся к относительно короткому пребыванию в невесомости, самое продолжительное воздействие составило 17 дней.*

С точки зрения репрезентации ситуаций, абсолютная причастная конструкция с предлогом в данном примере идентична простому предложению в составе сложносочиненного: в обоих предложениях первая часть отражает состояние исследований в целом (только краткосрочные полеты), вторая часть уточняет его, репрезентируя отдельную ситуацию внутри – самый продолжительный полет на шаттле. Тем не менее, анализ лексических и грамматических значений

элементов предложений и результата нейронного машинного перевода показывает, что конструкция с причастием настоящего времени не просто конкретизирует ситуацию, а усиливает ее значимость (17 суток – это *самый длинный* полет). При разворачивании конструкции образуемые предложения более независимы друг от друга и меньше влияют на смысл друг друга. Рассмотрим другое предложение с абсолютной причастной конструкцией с предлогом.

(2) *They are at high risk of exposure while caring for patients in the early outbreak days, especially when no pathognomonic signs of measles have yet manifested* (Zmerli O.).

(НМП 2) *Они подвергаются высокому риску заражения при уходе за больными в первые дни вспышки, особенно когда еще не проявились патогномоничные признаки кори.*

(2) *With the ongoing COVID-19 pandemic, oxygen utilization has been on the rise worldwide, with some countries often experiencing scarcity in such crucial times* (Chudasama K.).

(НМП 2) *В связи с продолжающейся пандемией COVID-19 использование кислорода во всем мире растет, и некоторые страны часто испытывают его нехватку в такие критические времена.*

(2.1) *With the ongoing COVID-19 pandemic, oxygen utilization has been on the rise worldwide and some countries often experience scarcity in such crucial times.*

(НМП 2.1) *В условиях продолжающейся пандемии COVID-19 использование кислорода во всем мире растет, и некоторые страны часто испытывают его нехватку в такие критические времена.*

В некоторых случаях при предредактировании абсолютной конструкции с предлогом, несмотря на замену предлога *with* на сочинительный союз *and* после развертывания конструкции, оба варианта репрезентируют ситуации, связанные причинно-следственной связью. При этом связь выражена в большей степени лексически – *in SUCH crucial times* отсылает к элементу *the ongoing COVID-19 pandemic*. Именно поэтому для интерпретации смысла предложения несущественно наличие формальной сочинительной или подчинительной связи. Результат нейронного машинного перевода подтверждает тождественность исходного и развернутого предложений.

Для сравнения рассмотрим предложение с причастием настоящего времени:

(3) *They are at high risk of exposure while caring for patients in the early outbreak days, especially when no pathognomonic signs of measles have yet manifested* (Zmerli O.).

(НМП 3) *Они подвергаются высокому риску заражения при уходе за больными в первые дни вспышки, особенно когда еще не проявились патогномоничные признаки кори*

(3.1) *They are at high risk of exposure while they are caring for patients in the early outbreak days, especially when no pathognomonic signs of measles have yet manifested.*

(НМП 3.1) *Они подвергаются высокому риску заражения во время ухода за больными в первые дни вспышки, особенно когда еще не проявились патномоничные признаки кори.*

В данном примере для репрезентируемых ситуаций ключевым признаком является единство времени. Медицинский работник ухаживает за пациентом и одновременно подвергается риску заражения. Эта связь сохраняется как при использовании причастия настоящего времени с союзом, так и при развертывании до придаточного предложения. Однако причастие с союзом *while* имплицитно передает не только временные, но и причинно-следственные связи. Так, когнитивный контекст позволяет читателю понять, что уход за больным для медицинского работника – не только точка отчета времени, но и причина, по которой он может заразиться инфекционным заболеванием. При развертывании до придаточного предложения несколько сужается поле для возможных интерпретаций, поэтому может возникнуть когнитивный диссонанс: медицинские работники в зоне риска только в момент ухода за больным, получается, как только они вышли из палаты, риск исчез. Безусловно, такая интерпретация не соответствует действительности.

Таким образом, предредактирование и анализ результатов нейронного машинного перевода позволяет сделать следующие выводы об абсолютных причастных конструкциях с предлогом:

– абсолютная причастная конструкция с предлогом и причастие настоящего времени (вторично-предикативные структуры) способны репрезентировать ситуацию наряду с предикативными группами, ядром которых являются личные формы глагола;

– ситуация, репрезентируемая вторично-предикативными структурами с причастием, в ряде случаев более тесно связана с ситуацией, репрезентируемой главными членами предложения; характер связи позволяет им вносить дополнительные компоненты смысла (усиливать, вводить причинно-следственные и другие отношения);

– формальное соответствие конструкции одному из членов предложения (сложное дополнение, сложное обстоятельство времени и т. д.) не всегда влияет на характер смысловых изменений и дополнений, которые она способна вносить, а также на результат предредактирования.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Когнитивная лингвистика. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2016.
- Коканова Е. С., Берендяев М. В., Куликов Н. Ю.* Типы ошибок при нейронном машинном переводе текста об арктических конвоях // Развитие Северо-Арктического региона: проблемы и решения в гуманитарной сфере. 2019. С. 80–86.
- Коканова Е. С., Пак Н. С.* Когнитивный подход в исследовании постредактирования машинного перевода // Когнитивные исследования языка. 2021. 3(46). С. 346–351.
- Chudasama K., Sangey E.* Oxygen: Friend or foe in the COVID-19 battle // Clinical Case Reports. 2021. 9(12).

Prisk K. Pulmonary challenges of prolonged journeys to space: taking your lungs to the moon // The Medical journal of Australia. 2019. P. 271–276.

Smet H. English -ing-clauses and their problems: The structure of grammatical categories // Linguistics. 2010. № 48. P. 1153–1193.

Zmerli O. A challenging modified measles outbreak in vaccinated healthcare providers / O. Zmerli, A. Chamieh, E. Maasri, E. Azar, C. Afif // Infection Prevention in Practice. 2021. Vol. 3. Issue 1.

E.S. Kokanova, N.S. Pak (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University

PRE-EDITING TEXTS FOR MACHINE TRANSLATION AS A METHOD FOR ANALYSING THE PREPOSITIONAL ABSOLUTE PARTICIPLE CONSTRUCTIONS IN ENGLISH MEDICAL DISCOURSE

The article considers English prepositional absolute participle constructions in terms of the representation of denotative situations and their contribution to the sense of the sentence. Pre-editing of texts for neural machine translation is used as a method to analyse secondary-predicative structures depending on their cognitive-discourse nature.

Key words: prepositional absolute participle construction, secondary-predicative structures, representation of situations, pre-editing, neural machine translation.

М.М. Лютянская, Е.С. Коканова (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
m.lyutyanskaya@narfu.ru, e.s.kokanova@narfu.ru

СОХРАНЕНИЕ СВЯЗНОСТИ ТЕКСТА В ПРОЦЕССЕ ПОСТРЕДАКТИРОВАНИЯ МАШИННОГО ПЕРЕВОДА (КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ)

Настоящее исследование посвящено изучению проблемы сохранения связности текста в процессе постредактирования машинного перевода (МП). Постредактирование МП рассматривается как вид переводческой деятельности, требующий от переводчика когнитивных усилий. Особая роль в сохранении связности текста отводится оперативной памяти и вниманию переводчика.

Ключевые слова: связность текста, постредактирование машинного перевода, когнитивная нагрузка, когнитивное усилие, оперативная память.

Коммуникативная эквивалентность текстов на исходном языке (ИЯ) и языке перевода (ПЯ) обеспечивается сохранением ряда свойств, параметров текста перевода, составляющих его текстуальность. Важнейшим из этих свойств текста является связность. Исследователи по-разному трактуют понятие связности текста: противопоставляют когезию как совокупность формальных внутритекстовых связей когерентности как явлению более высокого порядка или отождествляют их [Атултанова 2006]. При всем имеющемся разнообразии дефиниций связности понимание ее особенностей может быть сведено к следующему: связность – это семантико-когнитивная целостность текста,

явившаяся результатом грамматико-синтаксической и лексической взаимосвязи компонентов поверхностной структуры текста. Представляется, что переводчик, читая исходный текст (ИТ), воспринимает замысел автора (выявляет смысловые связи) благодаря расшифровыванию формальных связей на поверхности текста. Затем, поняв замысел автора, переводчик вербализует этот замысел в виде связного текста на ПЯ, то есть переводчик должен подбирать формальные маркеры связности в ПЯ таким образом, чтобы они обеспечивали смысловое единство текста перевода (ПТ). Если выявляется сбой в поверхностной (формальной) когезии ПТ, то один из выводов, который можно сделать, заключается в том, что переводчик не до конца понял / неправильно понял замысел автора.

Применение машинного перевода (МП) в сфере переводческих услуг становится неотъемлемой частью рынка и ведет к развитию нового вида переводческой деятельности – постредактированию машинного перевода. Новый вид переводческой деятельности требует теоретического осмысления и исследования его особенностей, как с точки зрения самого процесса, так и с позиций оценки качества результата, т. е. получаемого перевода. Степень участия человека в предоставлении результатов МП может быть разной в зависимости от целей перевода, что ведет к выполнению так называемого «легкого» или «полного» постредактирования. Отметим, что обучение постредактированию ни в коем случае не заменяет обучение письменному переводу, а наоборот, дополняет его и способствует развитию компетенций будущего переводчика [Лютянская 2020: 100; Коканова 2021: 98]. Далее попытаемся обосновать точку зрения, согласно которой различие в уровне постредактирования связано (среди прочего) с сохранением связности ИТ в переводе.

Материалом исследования послужили работы участников конкурса по постредактированию машинного перевода текста с английского языка на русский язык. Для постредактирования был предложен МП текста “Insights and Recommendations on MT Training Practices” с сайта организации TAUS. Объем текста составил три переводческих страницы и был разбит на 90 сегментов. Участникам был дан астрономический час на выполнение постредактирования. Для анализа и оценки полученных результатов были предоставлены текст оригинала, МП исходного текста, зафиксированные изменения, внесенные в МП участником конкурса и окончательный перевод подтвержденных сегментов. Сопоставление поверхностных структур передачи связности в оригинале, машинном переводе и в тексте перевода после проведенного постредактирования позволяет выявить тенденции изменения способов обеспечения связности в ПТ (иными словами, производимых переводчиком-редактором трансформаций в тексте МП). Анализ и оценка переводческих решений проводились с учетом фактора времени, который является одним из основных в оценке эффективности применения машинного перевода и последующего постредактирования. Поясним сказанное на примерах.

Одним из способов обеспечения связности текста являются ключевые слова, обеспечивающие единство темы. К таким словам и словосочетаниям в рассматриваемом тексте можно отнести: *engine*, *training data*, *LSP*, *МТРЕ* и др. Данные языковые единицы неоднократно встречаются в тексте и не представлены синонимами. В выполненных переводах наблюдается ситуация, когда данные слова и словосочетания имеют разные эквиваленты в ПЯ, даже если встречаются в соседних сегментах. Например, *engine* – *механизм*, *двигжок*, *двигатель*; *training data* – *данные обучения*, *данные об обучении*, причем вариант перевода – «данные для обучения» встретился, к сожалению, в единичных работах.

Еще одним распространенным видом когезии является референция. Примером нарушения референции в рассмотренном материале может служить перевод слова *none*. В тексте данное слово отсылает к фразе “*Regarding the kind of comparisons they do...*”, следовательно, с учетом контекста данное слово должно было получить вариант перевода «не проводят сопоставление» или «ни одно из перечисленных». Конечно, система МП не может учитывать контекст, поэтому машинный перевод дает вариант «нет». 50 % участников его не исправили, некоторые заменили на «ничего» или «ни тот ни другой», что, на наш взгляд, не является удачным решением, хотя и потребовало от участников конкурса временных затрат на правку.

Постредактирование МП в сравнении с традиционным письменным переводом, выполняемым человеком, отличается более высокой скоростью процесса, что является важным фактором, обуславливающим целесообразность применения той или иной системы МП. Однако помимо коммерческих и технологических аспектов постредактирование МП представляет интерес для когнитивных исследований, поскольку сопряжено с серьезной когнитивной нагрузкой для переводчика-постредактора, требует от него значительных когнитивных усилий.

При осуществлении постредактирования чтение текста оригинала происходит непосредственно в момент редактирования и часто бывает фрагментарным, так как время на принятие переводческого решения ограничено [Коканова, Пак 2021: 348]. Ограничение во времени осуществления постредактирования сближает этот вид переводческой деятельности с синхронным переводом: постредактору приходится выполнять одновременно несколько операций – воспринимать ИТ, извлекать из него смысл, сопоставлять результат своей мысленной обработки текста с результатом МП и вербализовать результат проведенного анализа в виде отредактированного перевода. Дополнительным фактором, оказывающим воздействие на мыслительный процесс постредактора, является сам текст МП, который предлагает уже готовый вариант, а также визуальная сегментация текста, что затрудняет целостное восприятие текста переводчиком.

Таким образом, когнитивная нагрузка в процессе постредактирования складывается из нескольких источников: текста оригинала, который постредактор читает с целью понимания, результата МП, который постредактор анализирует, текста перевода, который постредактор либо правит, либо принимает

МП. Для решения переводческой задачи необходимо значительное когнитивное усилие, иными словами актуализация памяти, внимания, визуального распознавания.

Сказанное убеждает в том, что важными факторами, обуславливающими успешность процесса постредактирования с точки зрения сохранения связности ПТ, являются такие психологические механизмы перевода, как внимание (его объем, концентрация, устойчивость, переключение, избирательность) и оперативная память, которая предполагает восприятие объектов в момент совершения действий, краткосрочное удержание в памяти образа и всей ситуации, а также их изменений [Зимняя 1981; Серова 2001]. Именно развитые механизмы оперативной памяти и внимания обеспечивают регулирование деятельности по постредактированию и способствуют сохранению связности текста перевода.

Литература

Атултанова В.Б. Связность текста как переводческая проблема: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М: МГЛУ, 2006.

Зимняя И.А. Психология перевода: учебное пособие (для Высших курсов переводчиков) / сост. И.А. Зимняя, В.И. Ермолович. М.: Изд-во МГПИИЯ им. М. Тореза, 1981.

Коканова Е.С. Зачем навыки постредактирования студенту, или как оценивать студенческий машинный перевод? // Языки и культуры: междисциплинарные исследования. Санкт-Петербург, 2021. С. 97–101.

Коканова Е.С., Пак Н.С. Когнитивный подход в исследовании постредактирования машинного перевода // Когнитивные исследования языка. 2021. № 3. С. 346–351.

Лютянская М.М. Новые технологии в переводе: проблема преподавания и оценки учебного письменного перевода // Перевод и культура: взаимодействие и взаимовлияние. Нижний Новгород, 2020. С. 100–101.

Серова Т.С. Психология перевода как сложного вида иноязычной речевой деятельности. Пермь: Перм. гос. техн. ун-т, 2001.

М.М. Lyutyanskaya, E.S. Kokanova (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University

MAINTAINING TEXTUAL COHESION WHILE POST-EDITING MACHINE TRANSLATION (COGNITIVE ASPECT)

The study examines the problem of maintaining the textual cohesion in the post-editing process of machine translation (MT). Post-editing of MT is considered as a type of translation activity that requires translator's cognitive effort. There is a special role of the translator's working memory in maintaining the textual cohesion.

Key words: textual cohesion, post-editing of machine translation, cognitive effort, cognitive load, working memory.

*Е.Д. Малёнова (Омск, Россия)
Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского
malenovae@mail.ru*

ПОЛИКОДОВЫЙ АУДИОВИЗУАЛЬНЫЙ ТЕКСТ: ОТ ВОСПРИЯТИЯ К ПЕРЕВОДУ

В исследовании рассматривается поликодовый аудиовизуальный текст в аспекте его перевода с учетом восприятия реципиентами доминантных семиотических кодов. При помощи метода мультимодальной транскрипции автор выявляет доминантные семиотические коды, оказывающие воздействие на реципиента отдельно взятого аудиовизуального поликодового текста, и акцентирует внимание на необходимости учета этих семиотических кодов при аудиовизуальном переводе.

Ключевые слова: аудиовизуальный текст, аудиовизуальный перевод, поликодовый текст, мультимодальная транскрипция, переводческое решение.

В последние годы исследования в области лингвистики текста и переводоведения все чаще обращаются к коммуникативно-функциональному подходу, в рамках которого текст предстает не просто линейной последовательностью языковых знаков, вступающих в семантико-смысловое взаимодействие, а скорее единицей коммуникации, соотношенной с конкретной ситуацией общения. Учитывая тот факт, что современные тексты «все чаще и чаще кодируются средствами различных знаковых систем – вербальных и визуальных – создавая семантические и функциональные единства, оказывающие комплексное воздействие на адресата» [Terskich 2018: 68], в исследованиях текста, в том числе как объекта перевода, необходимо отказаться от разграничения его вербальных и невербальных компонентов. При переводе таких текстов мало принимать во внимание только их вербальную составляющую – важно учитывать информацию, передаваемую посредством невербальных каналов, которая довольно часто является принципиально важной для понимания тех идей и смыслов, которые транслируются посредством поликодового текста.

Для номинации подобного типа текстов было предложено довольно много терминов: креолизованный текст [Сорокин, Тарасов 1990], контаминированный текст [Бельчиков 1996], видеовербальный текст [Пойманова 1997], поликодовый текст [Бернацкая 2000], интерсемиотический текст [Бочкарев 2003] и т. п. В данной работе предлагается использовать термин «поликодовый аудиовизуальный текст», так как в рамках исследования рассматриваются тексты, в которых основными каналами передачи информации предстают аудиальный и визуальный каналы. Для передачи смыслов, заложенных в такой текст, и для оказания коммуникативного эффекта, соответствующего авторской интенции, используются семиотические коды различной природы. В результате создается поликодовое семантическое и функциональное единство, оказывающее на реципиента текста комплексное воздействие, вызывающее эмоциональный отклик и решающее ту коммуникативную задачу, которую ставил перед собой автор (авторский коллектив), создавший поликодовый аудиовизуальный текст. Комплексный характер такого рода текстов

обуславливает те трудности, с которыми сталкивается аудиовизуальный переводчик, ведь для выбора стратегии перевода таких текстов и отбора потенциально эффективных переводческих решений необходимо учитывать специфику восприятия текстов реципиентами, так как синергетический эффект воздействия такого рода текстов напрямую зависит от возможностей зрителя «дополнять устанавливаемую внутримодальную связь каждой составляющей связностью межмодальной» [Сонин 2006: 35].

Учитывая тот факт, что значения и смыслы, транслируемые поликодовым аудиовизуальным текстом, создаются посредством различных знаковых систем, необходимо рассмотреть те семиотические коды, которые участвуют в создании этих смыслов и воспринимаются реципиентом аудиовизуального текста. Для достижения данной цели видится логичным использовать классификацию семиотических кодов, предложенную И. Гамбье. Исследователь предлагает классификацию, состоящую из 14 семиотических кодов, актуализующихся посредством двух глобальных знаковых систем: вербальной и невербальной – и транслируемых через аудиальный визуальный каналы. Вербальные семиотические коды, передаваемые посредством аудиального канала, включают в себя вербальный лингвистический, вербальный паралингвистический и художественно-театральный коды. Для актуализации вербальных элементов, которые передаются реципиенту через визуальный канал, используется графический семиотический код. Посредством аудиального канала передаются и невербальные семиотические коды, которые включают музыкальный, шумо-звуковой и невербальный паралингвистический коды. Наиболее разнообразны семиотические коды, используемые для передачи невербальной информации, транслируемой посредством визуального канала: фотографический, кинематографический, иконографический, кинесический, проксеMATический, сценографический и костюмный коды [Gambier 2103: 48]. Данные коды обуславливают воздействие, которое поликодовый аудиовизуальный текст оказывает на реципиента, и диктуют переводчику необходимость принимать то или иное переводческое решение для оптимальной передачи смыслов, заложенных в тексте на языке оригинала.

Целью настоящего исследования стало экспериментальное выявление доминантных семиотических кодов, оказывающих непосредственное воздействие на реципиента аудиовизуального произведения, и определения необходимости учета этих кодов при принятии переводческих решений. Для проведения экспериментального исследования было принято решение воспользоваться методом мультимодальной транскрипции, который был подробно описан А. Болдри и П. Тибалтом [Taylor 2013]. В процессе создания мультимодальной транскрипции исследователь последовательно разбивает поликодовый аудиовизуальный текст на кадры или отдельные сцены. Затем скриншот каждого кадра или сцены помещается в соответствующую ячейку таблицы и расшифровывается посредством трех ключевых параметров: описания визуального образа (описание тех предметов или персонажей, которые зритель может видеть

на экране); кинетических действий (описание перемещения персонажей или предметов в пространстве кадра), звуковой составляющей (указание значимых шумов, описание саундтрека). Каждый из параметров описывается в соответствующем столбце таблицы. В целях данного исследования в таблице с мультимодальной транскрипцией, содержащей описание трех разнородных аудиовизуальных текстов, в столбцы, которые должны были содержать ключевые параметры, предложенные А. Болдри и П. Тибалтом, включались семиотические коды, выделенные И. Гамбье. В качестве материала исследования использовался отрывок из кинофильма «Матрица» (реж. Ларри и Энди Вачовски, 1999 г., США), клип группы «Роднополисы» на песню «Здорово, мама» (продюсер А. Дмитриев, реж. А. Фечишев, 2012 г., Россия), который выполняет роль своеобразной социальной рекламы, и мультипликационный фильм «Коровка» (реж. М. Карпова, 2015 г., Россия). Все указанные аудиовизуальные произведения отличает использование различных семиотических кодов для донесения основной идеи. На основе созданной мультимодальной транскрипции был разработан опросник, целью которого было выявление степени воздействия, которое семиотические коды, задействованные в указанных аудиовизуальных произведениях, оказывают на реципиентов. В качестве респондентов исследования выступили магистранты 1 курса, обучающиеся по профилю «Аудиовизуальный перевод и медиадоступность». Им предлагалось просмотреть указанные отрывки, и выделить семиотические коды, указанные в соответствии с классификацией И. Гамбье, в наибольшей степени повлиявшие на восприятие аудиовизуальных произведений с позиции зрителя. Затем тем же респондентам предлагалось оценить степень воздействия выделенных доминантных семиотических кодов на процесс принятия переводческого решения при выполнении перевода просмотренных отрывков под дубляж, закадровое озвучивание и при переводе субтитров.

В результате выяснилось, что максимальное воздействие на реципиентов оказала группа вербальных аудиальных семиотических кодов. Доминантными аудиальными вербальными кодами были признаны лингвистический и художественно-театральный. Из этого факта можно сделать вывод, что ключевые смыслы аудиовизуальных произведений транслируются именно посредством указанных кодов. Все респонденты сошлись во мнении, что именно эти коды необходимо в первую очередь учитывать при выполнении различных видов аудиовизуального перевода. Второе место по степени воздействия на реципиента заняла группа невербальных семиотических кодов, причем доминантными семиотическими кодами были признаны фотографический и сценографический коды. Респонденты отметили, что информация, транслируемая посредством указанных кодов, отвлекает внимание от информации, транслируемой кодами вербальной природы, что важно учитывать в процессе перевода. В особенности важно учитывать воздействие фотографического и сценографического кодов при переводе субтитров.

Интересно, что шумо-музыкальный код вызвал обратную эмоциональную реакцию: некоторые участники эксперимента отметили, что иногда данный код начинал играть роль дополнительного раздражителя, что не позволяло реципиенту сконцентрироваться на вербальном и художественно-театральном кодах. Это означает, что в процессе перевода необходимо принимать во внимание вероятность такой реакции и при высокой интенсивности трансляции шумо-музыкального кода принимать переводческие решения, которые позволили бы облегчить восприятие вербализуемой информации. Наименьшее воздействие на реципиентов оказал графический семиотический код. Тем не менее, более 70 % респондентов отметили, что для принятия эффективного переводческого решения необходимо учитывать комплексное воздействие всех имеющихся семиотических кодов, так как именно гармоничное соединение кодов в единое целое способствует созданию оптимального воздействия на реципиента как в оригинале, так и в переводе.

Литература

- Бельчиков Ю.А.* Взаимодействие функциональных разновидностей языка (Контаминированные тексты) // Культура русской речи и эффективность общения. М.: Наука, 1996. С. 335–356.
- Бернацкая А.А.* К проблеме «креолизации» текста: история и современное состояние // Речевое общение: специализированный вестник. Красноярск: Красноярский университет, 2000. Вып. 3 (11). С. 104–110.
- Бочкарев А.Е.* Семантический словарь. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2003.
- Пойманова О.В.* Семантическое пространство видеовербального текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. В. Пойманова; Моск. гос. лингв. ун-т, Москва, 1997.
- Сонин А.Г.* Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дис. ... докт. филол. наук. М., 2006.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа, 1990. С. 180–186.
- Gambier Y.* The position of audiovisual translation studies // *The Routledge handbook of translation studies*. New York: Routledge, 2013. P. 45–59.
- Taylor Ch. J.* Multimodality and audiovisual translation // *Handbook of Translation Studies*. Vol. 4. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2013. P. 98–104.
- Terskikh M.V.* Visual metaphorization models in PSA discourse // *XLinguae*. 2018. Vol. 11. № 2. P. 68–94.

E.D. Malenova (Omsk, Russia)
Dostoevsky Omsk State University

POLYCODE AUDIOVISUAL TEXT: FROM COGNITION TO TRANSLATION

The research focuses on translation of polycode audiovisual text in the context of the viewers' perception of dominant semiotic codes integrated into the text. The author uses the method of multimodal transcription to detect the dominant semiotic codes which influence the viewers' perception of an audiovisual text. The main emphasis is put on the necessity to consider these semiotic codes in the process of audiovisual translation.

Key words: audiovisual text, polycode text, audiovisual translation, multimodal transcription, translation solution.

Ю.Ю. Миклухо (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
juliavlasova@mail.ru

КОНЦЕПТ ОДИНОЧЕСТВО В РАННЕЙ ДРАМАТУРГИИ ГЕРХАРТА ГАУПТМАНА И ЕЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ

Рассматривается проблема репрезентации центрального в творчестве немецкого драматурга Г. Гауптмана концепта ОДИНОЧЕСТВО в ранних пьесах и способы реализации авторской концепции в переводах на русский язык. Используется метод когнитивного анализа.

Ключевые слова: художественный перевод, адекватность, идиостиль, концептосфера, концепт.

В современном переводоведении существуют различные точки зрения относительно возможности создания адекватного перевода, максимально близко передающего средствами другого языка авторскую концепцию, сохраняющего индивидуальный авторский стиль, систему образности и т. д. Вопрос о том, насколько свободен переводчик художественных текстов, также остается предметом непрерывных дискуссий. В рамках данного исследования разделяется позиция Романа Ингардена, который подходит к решению проблемы перевода (идея «интенциональности»), он, вместе с тем, отстаивал идею так называемого «субстанциализма», подчеркивая важность воспроизведения оригинального содержания как «единственного идеального эстетического предмета», задуманного и реализованного автором [Ингарден 1962].

В связи с этим, предлагаемая в рамках когнитивного подхода категория авторского «идиостиля» оказывается созвучной современным представлениям об авторской уникальности и, следовательно, продуктивной при анализе художественных переводов как способа проникновения в авторскую концепцию. В свою очередь, базовой категорией идиостиля является формируемая автором в процессе творчества концептосфера, представленная системой концептов-доминант [Белянин 1988].

В данном исследовании будет рассмотрена репрезентация концепта «одиночество» в раннем творчестве известного на рубеже XIX–XX вв. немецкого драматурга, представителя так называемой «новой драмы» Герхарта Гауптмана, а также проанализирована степень проникновения в авторскую концепцию русскоязычными переводчиками произведений писателя.

Одиночество представляет собой философский феномен, осмысление которого восходит к древним временам. Н.В. Подзолкова указывает на сложность его понятийной структуры, коррелирующей в себе когнитивный и эмоциональный аспекты и, в то же время, культурный и социооценочный [Подзолкова 2005]. В западной культуре одиночество рассматривается как неизбежное условие становления личности [Вулф 1982].

Прежде всего, под одиночеством понимается психическое состояние, характеризующееся неудовлетворенностью взаимодействия с социумом, и, как следствие, изоляцией от него, вынужденной или самопроизвольной. В немецкой культуре одиночество традиционно рассматривается как одна из основополагающих ментальных характеристик, а в немецком языковом сознании концепт ассоциирован с такими категориями, как пустота (Leere), уединение (Abgeschiedenheit), боль (Schmerz), беспомощность и заброшенность (Verlassenheit), замкнутость (Abkapselung), холод (Kälte), любовная тоска (Liebeskummer), свобода (Freiheit), лабиринт (Labyrinth) и лекарство (Arznei) [Журавкова 2017]. В то же время, в отличие от русского понимания данного явления, одиночество не трактуется в немецкой традиции в однозначно негативном ключе. Если для Н. Бердяева одиночество – основная проблема человеческой личности и философии человеческого состояния, то у Ницше оно репрезентуется как сознательный выбор, возвышающий человека над толпой. На неоднозначное отношение к одиночеству говорит и немецкая фразеология. Так, согласно немецкой поговорке, «Besser allein, als in böser Gemein» (Лучше быть одному, чем жить в злом обществе). Русское языковое сознание, напротив, чаще связывает восприятие одиночества с грустью, тоской и слезами. На периферии паремиологического фонда русского языка лежат такие ассоциации, как свобода и спокойствие.

В творчестве Гауптмана одиночество становится одним из ключевых концептов. Сложность его структуры и, соответственно, интерпретации прослеживается на всех уровнях художественной системы: в идейно-философском плане, проблематике, образности, символах и мотивах, организации художественного пространства, развитии сюжетных линий и т. д. В самих названиях его ранних произведений содержатся отсылки к проблеме одиночества, начиная с аллюзии на ницшеанские мотивы в первой пьесе «Перед восходом солнца» («Vor dem Sonnenaufgang» [Hauptmann 1956]) и заканчивая драмой «Одинокие» («Die Einsamen Menschen» [Там же]).

Уже в «Перед восходом солнца» возникает герой-одиночка, для которого самоизоляция является сознательным выбором. Во внешнем облике, речевой характеристике заглавного персонажа драмы – Альфреда Лота – читается претензия на исключительность ницшеанского толка. Необходимо отметить, что философия Ф. Ницше получает в творчестве Гауптмана глубокое осмысление. При этом позиция драматурга, как показывает анализ его произведений, оказывается весьма неоднозначной. С одной стороны, в его произведениях действуют одаренные, особенные герои, претендующие на статус избранных, с другой, – жизнь разрушает их идеалы и демонстрирует несостоятельность их теоретических установок. Самоизоляция не приносит желаемых результатов, не придает их существованию какой бы то ни было смысл, а одиночество оказывается не личным выбором, а неизбежной суровой реальностью, наступающей не только главных персонажей, но и близких к ним людей.

В драмах Гауптмана на реализацию концепта «одиночество» работают не только портретные и речевые характеристики, но и пространственная организация. Окружающее героя пространство получает символическое значение, становясь способом самоидентификации Лота. В частности, это касается образа горы, которая чаще всего фигурирует в связи с заглавным персонажем. В творчестве Гауптмана этот образ семантически продуктивен, и в более зрелом творчестве автор ни раз к нему возвращался. В «Перед восходом солнца» одинокая гора на горизонте, помимо своей пейзажной функции, несет особую смысловую нагрузку, ассоциируясь, с одной стороны, с идеалом, к которому стремится Лот, а с другой, – с избранностью, исключительностью. Поэтому, восхищаясь природой, Лот акцентирует свое внимание именно на духовно близкой ему горе. В финале драмы Лот, покидающий имение Краузе, вновь упоминает гору, прибегнув к фразеологическому обороту: «Loth: <...> Morgen schon bin ich über alle Berge» [Hauptmann 1956]. Устойчивое сочетание «über alle Berge» (дословно ‘завтра я буду уже за всеми горами’) на русский язык передается посредством таких эквивалентов, как ‘его и след простыл’ или ‘поминай, как звали’. В русскоязычных переводах данный образ передан неоднозначно. Так, В. Саблин, прибегнув к буквализму, сохранил единство этого важного образного мотива («Не беспокойся, завтра я буду далеко за горами» [Гауптман 1900]). У Вс. Мейерхольда же этот образ отсутствует, поскольку передается лишь общая семантика фразы («Не беспокойся, завтра и след мой простыл» [Гауптман 1910–1912]). О. Всеволодская ограничивается воссозданием общего значения фразы: «Не беспокойся, завтра меня уже здесь не будет» [Гауптман 1902].

Если в первой пьесе Гауптман еще во многом тяготеет к традициям классической драмы, а сцены из крестьянской жизни пестрят неприкрытым натурализмом, то драма «Одинокие» («Einsame Leute») стала важным этапом не только в его творчестве, но и, в целом, в формировании немецкой «новой драмы», подготовившей почву для развития драматургических новаций XX века. В произведениях «новой драмы» трагедия частной личности, оказавшейся в ситуации экзистенциального вакуума, приобретает философское звучание. В названии своей драмы Гауптман прибегает к форме множественного числа, указывая, таким образом, на общезначимость, универсальность дисгармоничного состояния человека в мире и утверждая для драмы новые онтологические основания. В драме одиночество репрезентуется, как и в случае с первой пьесой, двойственно – как сознательный экзистенциальный выбор героев, но, в то же время, как неизбежная человеческая трагедия.

Если в первой пьесе слово «одиночество» не встречается ни разу, то в «Одиноких» звучит на протяжении всего действия. Лексемы «одиночество» (Einsamkeit), «один» (allein), «одинок / одинокий» (einsam) употребляются в репликах персонажей многократно, актуализируя разные аспекты этого понятия. С одной стороны, тоски, душевной муки и потери в устах заглавного героя – Иоганнеса Фокерата, с другой, – установку на самовольное отшельничество,

как удел сильных личностей (в речи Анны Мар). В любом случае, трагедия одинокой личности в драме получает фатальное решение; единственно возможный выход из данной проблемы оказывается сопряжен со смертью. В этой драме вновь возникает образ гор, которые, вместе с озером, противопоставлены замкнутому пространству усадьбы и сада и семантизируются как образы “большого” мира. В переводах такая организация пространства нарушается: если Н. Эфрос [Гауптман 1900] хотя бы намечает оппозицию между ними, а В. Саблин [Гауптман 1910–1912] выделяет два плана – ближний и дальний, но сад, в отличие от оригинала, приравнен к пространству дома, то в переводе О. Поповой [Гауптман 1899] этот важный смысловой акцент стерт вовсе: здесь и веранда, и сад, и озеро оказываются в одном ряду.

Рассмотренные примеры лишь в малой степени намечают подходы к изучению способов репрезентации концепта «одиночество» в драмах Гауптмана, обозначившего его в своем творчестве как центральную экзистенциальную проблему. Анализ русскоязычных переводов, смещающих акцент в сторону социальной проблематики, продемонстрировал неспособность переводчиков уловить философскую глубину произведений немецкого драматурга. Если у Гауптмана герои от драмы к драме движутся в сторону духовной зрелости, позволяющей увидеть и осознать, в отличие от остальных, весь трагизм бытия, то в переводах и Альберт Лот, и Иоганнес Фокерат показаны примерно в одной плоскости – как слабые, безвольные личности, не способные на ответственность и поступок, а одиночество интерпретируется как проблема социальная.

В целом, изучение специфики репрезентации концепта одиночества, реализующийся в текстах Гауптмана на различных уровнях, представляется продуктивным для изучения как творчества автора, в целом, так и специфики его русскоязычной переводческой рецепции.

Литература

- Белянин В.П. Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: МГУ, 1987.
- Вулф Т. Домой возврата нет. М., 1982.
- Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм // Мастерство перевода. Сборник восьмой. М.: Советский писатель, 1971.
- Гауптман Г. Драматические сочинения. М.: Труд, 1900.
- Гауптман Г. Одинокие люди: Драма в 5 д. СПб.: Тип. Попова, 1899.
- Гауптман Г. Полн. собр. соч.: в 14 т. М.: В.М. Саблин, 1910–1912. Т. IV.
- Журавкова Т. П. Репрезентация состояния одиночества в произведениях немецкоязычных писателей XVIII–XX вв. и формы ее концептуализации: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Пятигорск, 2017.
- Ингарден Р. Исследования по эстетике. М.: Издательство Иностранной литературы, 1962.
- Наумов В.В. Лингвистическая идентификация личности. М.: ЛИБРОКОМ, 2010.
- Подзолкова Н.В. Концепт «одиночество» в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Волгоград, 2005.
- Hauptmann G. Ausgewählte Dramen. Berlin: Aufbau-Verlag, 1956. Band I.

*Yu. Yu. Miklukho (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University*

THE CONCEPT OF LONELINESS IN GERHART HAUPTMAN'S EARLY DRAMATURGY AND ITS RUSSIAN-LANGUAGE TRANSLATIONS

The concept of LONELINESS is central to the works of the German playwright G. Hauptman. This paper considers the issues of transferring the concept into the Russian translations on the example of the author's early plays with the help of cognitive analysis method.

Keywords: literary translation, adequacy, idiostyle, conceptsphere, concept.

*С.А. Песина, Т.Ю. Солончак (Магнитогорск, Россия,
Магнитогорский государственный технический университет имени Г.И. Носова
spesina@bk.ru, tanusha_mgn@mail.ru)*

МЕХАНИЗМЫ ПЕРЕВОДА МЕТАФОРИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ¹

В статье представлены механизмы и примеры перевода метафор различной степени эквивалентности. Определен лексический инвариант многозначного слова как кластер доминантных признаков, лежащий в основе переносных метафорических значений многозначного слова. Показано как посредством лексических инвариантов осуществляется перевод метафор.

Ключевые слова: метафора, переводческие техники, многозначность, когнитивная лингвистика, жаргонизмы.

Метафора является одной из самых ярких и образных фигур речи, которая помогает понять сложное через простое. С другой стороны, конвенциональные, обыденные или мертвые метафоры настолько привычны, что мы их не замечаем. Например, в коротком английском предложении “I see your point” имеются сразу две метафоры, которые мы не воспринимаем как фигуры речи. Во-первых, глагол to see употреблен в переносном смысле согласно продуктивной модели «понимать значит видеть». Во-вторых, point – это тоже довольно стертая метафора.

Трудность для переводчика состоит в том, что в разных языковых культурах одним и тем же языковым единицам, например, классам животных приписываются разные признаки. Так, во французской культуре помимо признака трусости заяц является слабоумным, настороженным, чистоплотным. Так, когда мы говорим, что кто-то ведет себя как заяц, в смысле как трус, то актуализируется скрытый семантический компонент *трусливый*. Этот компонент отсутствует в первом значении (ср. «заяц» в главном значении: *животное, летом*

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-20022, <https://rscf.ru/project/22-18-20022/>

серое, живет в лесу, любит морковь»). Скрытый семантический признак *трус-ливый* актуализирован потому, что кто-то когда-то наблюдал за повадками зайцев и решил, что их основное качество – это трусость, поскольку чтобы не стать добычей им приходится много, пугать следы и т. п.

Когда в контексте сказанного мы встречаем это слово, то наше сознание как бы спотыкается, поскольку понимает, что речь идет не о лесном обитателе, который любит морковь, а о человеке. На основе врожденного механизма сравнения и имеющейся русскоязычной когнитивно-языковой картины мира выводится новый смысл: *трус*. Со временем подобные скрытые компоненты начинают прочно ассоциироваться с конкретным объектом и с метафорой.

Но более эффективное декодирование метафоры, как родного языка, так и иностранного, происходит, как это не странно, именно в обход главного значения. В действительности, в первом значении этого слова в русском мы не найдем признак *трусливый*. Мы сами в своем сознании по мере использования этой метафоры закрепляем его за формой «заяц».

Мы полагаем, что за любым многозначным словом с развитой метафорической структурой стоят доминантные скрытые метафорообразующие компоненты, которые мы назвали «лексическим инвариантным кластером». Понимание метафоры происходит за счет ее сличения с таким кластером, который состоит из признаков, которых мы не находим в первом значении. Подобный инвариантный кластер формируется в языковом сознании по мере актуализации значений всей структуры полисеманта.

Так, при декодировании сообщения языковое сознание быстро «подключается» к необходимому кластеру семантических признаков, игнорируя «несущественные» компоненты первого значения. В случае «соответствия» имеет место понимание контекста без особых затруднений [Песина, Латушкина 2016; Песина, Зимарева 2017].

Так, для слова *head* таким лексическим инвариантным кластером, лежащим в основе всех метафорических значений этого слова, является следующий пучок признаков: *the top, round and the most important part of a larger object; the beginning or end of it*. Так, актуализировав доминантный инвариантный компонент *top part* мы легко декодируем такие метафоры, как *head of beer* – пена/шапка пива, *head of milk* – сливки на молоке.

В целом метафора переводится как эквивалентными единицами или частичноэквивалентными (аналогами), так и заменами, описаниями и буквализмами. Так, существует масса эквивалентных метафор при совпадении правил сочетаемости: *head of a flower, foot of a mountain, neck of a bottle, knee of a pipe, nose of a ship, a branch road* – ответвление от главной дороги и т. д. Если же мера подобия в двух языках различна, то используются следующие базовые переводческие техники:

- добавление или опущение: *bubble* – мыльный пузырь, давление – *blood pressure*, *not to be a cheap skate* – не быть дешевкой, *a control freak* – всегда все контролирующий;

- замена в случаях неполного лексического соответствия: *head of water* – давление воды, *head of a tree* – крона дерева, *a forkin the road/ slip off the road* – развилка дороги.

Есть многочисленные примеры и частичноэквивалентного метафорического перевода устойчивых единиц: *Black sheep* – паршивая овца, *black frost* – трескучий мороз, *hand of a clock* – стрелка часов, *root of a weld seam* – внутренний скрытый сварной шов, *ill deeds* – плохие деяния и др.

- описательный перевод, когда образные выражения в одном языке мало-понятны или неизвестны: человек в футляре: *a person who keeps oneself in cotton wool and is afraid of any changes*, ватник (*vatnik*) – *a person, usually without a higher education, not critical-minded, who believes in everything that is being said by authorities*).

Приведем еще примеры безэквивалентного перевода. Богатый источник безэквивалентной лексики можно найти в молодежном сленге и жаргоне: *a root* – сигарета, *a corker* – потрясная девушка, *a bag/cap/deck* – капсула/пакетик с наркотиком, *sugar/horse/snow/dynamite* – героин, *buck shee* – бесплатно, *clap-trap* – чепуха, *bug/sod off!* – Отвали, *Stuff you!* – не хочу и т. п.

В процессе перевода русскоязычных метафор на английский язык отметим большой объем безэквивалентной лексики. Это имеет место вследствие того, что две концептуально-языковые картины мира не совпадают и английский язык в целом более образный. В этой связи, использование буквализмов или описательного перевода может привести к частичным стилистическим потерям (особенно в художественной литературе). Поэтому переводчик осуществляет выбор либо в пользу языка оригинала и сохраняет экспрессию, либо в пользу итогового перевода, сохраняя в нем образность. Хотя в ряде случаев все же оправдано снятие образности как чего-то излишнего и неуместного. Например, это характерно для газетного и публицистического стилей англоязычных стран, которые, в отличие от соответствующих русскоязычных стилей, несколько сдержаннее и суше.

Как следствие значительного несовпадения когнитивных картин мира носителей русского и английского языков, большое число отсутствующих устойчивых выражений, пословиц и поговорок требует особого мастерства от переводчика: *there is more than one way of skinning a cat* – имеются и другие выходы из положения, *with flying colours* – очень хорошо, *a fly in the ointment* – препятствие, *to beat about the bushes* – напрасно, *to be a right cow* – гад (о человеке), *a snout box* – нос (юмористически).

Кроме того, отдельно отметим антропоморфные метафоры, хотя они переводятся перечисленными выше техниками. В них окружающие объекты и действия уподобляются тому как устроено и функционирует человеческое тело

(a head of a train/ mountain/ beer/ river/ stick, a mouth of a furnace/ river/ volcano, a nose of a berry/ ship, a foot of a mountain, a knee of a pipe, a neck of a bottle и т. п.). Много метафор связано с одеждой человека (veil of fog, coat of a pipe, sleeve of a pipe, cloak of prejudice/ religion/ hypocrisy и др) [Песина 2010; Pesina, Solonchak, 2015].

В целом перечисленные выше метафоры обладают разного уровня образностью. В основном метафоры в составе данных устойчивых выражений довольно образны, но в силу разных представлений о том, как «все работает» в оценке окружающей действительности у носителей двух языков, эти образы могут мало чем помочь переводчику.

Вследствие того, что образы, стоящие за метафорами, не всегда в помощь переводчику, данные достаточно частотные в современном разговорном английском языке единицы нужно заучивать. Эффективнее это делать синонимическими группами соответствующих значений или с привлечением соответствующих техник, например, с построением ассоциаций, на фоне эмоциональных подкреплений и заучивания в приложении к себе самому [Песина, Юсупова, Морозов 2013; Песина, Солончак 2014].

Итак, в целом метафора значительно упрощает жизнь человека, ему становится легче осмысливать абстрактные понятия и лучше ориентироваться в жизни. Метафора способствует лучшему запоминанию информации (подробнее об участии лексических инвариантов в быстром и эффективном декодировании и запоминании метафор см.: [Песина, Баклыкова, Козлова 2021]). Действительно, стоит назвать грибы природными пылесосами, и мы вспомним, что именно грибы хорошо всасывают токсины из почвы. Хороший переводчик чувствует наличие метафорического переноса исходя их окружающего контекста и в целом зачастую интуитивно имеет представление о том, какие признаки лежат в основе той или иной фигуры речи.

Литература

- Песина С. А., Баклыкова Т.Ю., Козлова К.А. Метафора как модель когниции и конвенциализации смысла // Гуманитарно-педагогические исследования. 2021. Т. 5. № 1. С. 45–50.
- Песина С.А., Зимарева О.Л. Семантический анализ и репрезентация значений в структуре многозначных слов // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 1 (50). С. 146–154.
- Песина С.А., Латушкина О. Л. Эмпирический анализ метафоры с позиции теории лексической инвариантности // Вестник Челябинского государственного университета. Выпуск 100: Филология и искусствоведение. 2016. № 4 (386). С. 151–156.
- Песина С.А., Солончак Т.Ю. Метафора и лексический инвариант // European Social Science Journal. 2014. № 10-1. С. 238–245.
- Песина С.А., Юсупова, Л. Г., Морозов, Е. А. Языковая компетенция современного специалиста // Языки, литература и культура в полилингвальном пространстве: сборник материалов Международной научно-практической конференции. Уфа: РИЦ БашГУ, 2013. С. 68–74.
- Песина. С.А. Репрезентация слов в лексиконе // Когнитивные исследования языка. 2010. № 6. С. 121–123.
- Solonchak T., Pesina S. Lexicon Core and Its Functioning Metaphors // Procedia - Social and Behavioral Sciences. Vol. 192, 24. 015. P. 481–485.

*S.A. Pesina, T.Yu. Solonchak (Magnitogorsk, Russia),
Nosov Magnitogorsk State Technical University*

MECHANISMS OF METAPHORICAL UNITS TRANSLATION

The article presents the mechanisms and examples of the translation of metaphors of various equivalence degrees. The lexical invariant of a polysemous word is defined as a cluster of dominant features underlying the figurative metaphorical meanings of a polysemous word. It is shown how the translation of metaphors is carried out by means of lexical invariants.

Key words: metaphor, translation techniques, polysemy, cognitive linguistics, jargon.

*О.Г. Шевченко (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
olga-ivleva@yandex.ru*

КОГНИТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ПЕРЕВОДА КАК АКТА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

В статье описывается процедура когнитивного моделирования перевода с помощью дискурс-анализа на примере студенческих переводов текстов персонального дискурса. Предполагается, что перенесение фокуса с системно-структурных параметров в когнитивную сферу позволит улучшить качество переводов.

Ключевые слова: когнитивное моделирование перевода; персональный дискурс; модус интерпретации; мета-концепт.

Модели перевода помогают представить, как протекает процесс перевода. Но ни одна из них не является универсальной. Концепция рассмотрения процесса перевода только как контакта двух языков приводит к искажению онтологического статуса акта перевода [Леонтьева 2017: 48]. Согласно принципу дополнительности Н. Бора: «Очень сложные объекты должны изучаться в топологическом N-мерном пространстве, и каждое новое направление в нем имеет ценность, потому что вкладывает какие-то новые штрихи в общую картину объекта» [Бор 1960]. Одним из возможных направлений описания процесса перевода является использование когнитивного моделирования перевода.

В рамках этого подхода процесс перевода категоризируется как интерпретирующая и конструирующая деятельность переводчика. По мнению Д.Н. Шлепнёва [2020: 174], необходимость дать читателю перевода возможность разной интерпретации текста является главной задачей переводчика. Совместное смыслообразование при когнитивном взаимодействии субъектов дискурса называется интеракцией и является приоритетом при создании текста перевода (ПТ).

Согласно У. Фроули, цитируется по: [Леонтьева 2017: 155], при переводе происходит взаимодействие матричного кода исходного текста (ИТ) с параметрами целевого кода, при этом совершается трансформация обоих кодов, в результате образуется абсолютно новый код. В ходе интерпретации вербальное конструирование транслируемой реципиенту реальности предполагает выбор пространственной позиции наблюдателя, точки обзора, перспективы и точки зрения, различных модусов интерпретации, различных вариантов профилирования одной и той же сущности [Болдырев, Панасенко 2013: 7]. Всё это позволяет У. Фроули рассматривать перевод как качественно инновативный семиотический процесс.

В качестве примеров оценки перевода как инновативной деятельности приведем работы студентов 3 курса Новосибирского государственного технического университета. Экспериментальные тексты представляют собой искусствоведческий и музыкальный текст (персональный дискурс), где доминантами является система образов, выраженных в эпитетах, сравнениях, метафорах, синестезии. И главным оказывается модус восприятия мира активного субъекта.

(1): **Some of the fulfilling moments in an interior design project occur** when a **bond develops** between designer and client [Chicago style].

(1.1): **Один из** наиболее приятных моментов в работе с клиентом при разработке проекта – это **достижение** полного **взаимопонимания**.

(1.2): **Одни из самых** приятных моментов в проекте дизайна интерьера возникают, когда между дизайнером и клиентом **рождается связь**.

В тексте (1) в первичный фокус попадает некое множество случаев (приятных моментов, которые могут сложиться между дизайнером и его клиентом). В тексте (1.1) точка обзора смещается на единичный случай.

В тексте (1) место подлежащего занимает фактический объект “a bond”. Это обусловило действия обоих переводчиков произвести трансформацию текста и поставить фактический объект в позицию ремы. В (1.1) данная трансформация обусловила возможность применения номинализации предиката в девербатив «достижение». Использование девербативов часто воспроизводится в дискурсивных практиках говорящих на русском языке. По мнению К.И. Леонтьевой [Леонтьева 2017: 181], подобная процедура навязывает русскому читателю восприятие события и не как действия, а как состояния.

Характерна и интерпретация переводчиками слова «bond». При чтении текста (1.2) реципиентом перевода слово «связь» скорее выведет на другие ассоциативные ряды, т. к. несет негативную окраску.

Интересен и перевод слова “develop”. В (1) он маркирует отдаленную пространственную позицию, когда читатель понимает, что отношения между дизайнером и клиентом определяются постепенным изменением во времени и переходом в качество. В (1.2) «возникает» постулирует появление отношений как нечто самой собой разумеющееся и происходящее быстро.

(2): But Stravinsky **settled** in Western Europe in 1910, and **it seems that after a time** these specially Russian materials **started going cold** on him [Walsh 2022].

(2.1): Однако **после переезда** в Западную Европу в 1910 году И. Стравинский **отстранился** от русской музыкальной традиции.

(2.2.): И. Стравинский **поселился** в Западной Европе в 1910 году. **Через некоторое время он отстранился** от исконно русских музыкальных традиций.

(2.3.): **Когда** в 1910 году И. Стравинский **поселился** в Западной Европе, эти специфически русские материалы **начали ему надоедать**.

В тексте (2) демонстрируется агентивная модель восприятия мира. В первый фокус попадет активный субъект. В тексте (2.1) аспектуальная схема глагола-действия превращается в существительное «переезд». К.И. Леонтьева [Леонтьева 2017: 181] подчеркивает, что в англоязычном дискурсе субъект, как правило, берет на себя действие и ответственность за него. В то время, как в русскоязычном дискурсе человек растворен в коллективе, в природе, в необозначенных, неизвестных силах, поэтому и получается, что русское сознание выбирает такие формы представления знаний и оценок о мире.

В тексте (2) предикат пропозиционального отношения проблематической достоверности “seem” выражает предположительную оценку автором событий, происходящих с героем текста. Ни в одном тексте перевода не сохраняется предположительность. В текстах (2.1), (2.2) и (2.3) используются предикаты пропозиционального отношения категорической достоверности, выраженные возвратными глаголами «поселился» и «отстранился» в (2.1) и (2.2). Тем самым, смещается ракурс восприятия реципиентами перевода с предположительного на категоричный.

Темпоральный показатель “after a time” в тексте (2.1) трансформировался в наречие в роли обстоятельства времени «после», а в тексте (2.3) в подчинительный союз «когда». В рамках структуры модели ВРЕМЯ категоризация в обоих переводах происходила с метонимическим сдвигом и темпоральная локализация событий сместилась. Интерпретация «после» и «когда» не специфицирует промежутка времени, необходимого герою для изменения отношения к событиям. Интерпретация «через некоторое время» (текст 2.2) максимально точно специфицирует наличие определенного времени, после наступления которого, герой начал вести себя по-другому. К тому же, переводчик выполнил трансформацию членения предложения, отдавая, тем самым, события друг от друга. Можно считать такие переводческие мероприятия рациональным модулем интерпретации события.

Интересен и перевод глагола с герундием, выражающим метафорическую интерпретацию события “started going cold”. Это начальная фаза действия неких факторов, которая вместе с темпоральным показателем “after a time” маркирует постепенность действий на изменение психологического состояния героя. Неактивный субъект “specifically Russian materials” является фактическим

объектом действия. В текстах (2.1) и (2.2) маркирована конечная фаза действия – «отстранился». Возвратный глагол специфицирует конечную фазу психологического состояния героя как некий результат, который появляется у него по необъяснимым причинам. В (2.3) внимание читателя фиксируется на начальной фазе состояния героя. Но здесь переводчик оставляет неактивный субъект перед предикатом, тем самым, смещая коммуникативную нагрузку именно на предикат. «Надоедать» (2.3) и “going cold” (2) нельзя приравнять друг к другу ни эквивалентными семантическими отношениями, ни с точки зрения вызываемых ими коннотаций. «Надоедать» кодирует психическое состояние раздражения, чего нет в тексте (2).

Все описанные трансформации в обоих текстах можно назвать умеренно инновативными. Интерпретацию координировали мета-концепты ЯЗЫКОВОЙ ОПЫТ или СТЕРЕОТИП (если трансформации расценивать как осознанные и рассчитанные на легкость и естественность восприятия текста реципиентом).

Наверняка, с точки зрения когнитивного переводоведения, ни одну студенческую работу нельзя назвать оптимальной. Однако в когнитивном пространстве переводчиков возникало стремление соответствовать структуре и нормам ПТ и они снимали эту проблему, используя неагентивную модель восприятия мира (с помощью номинализации, например).

Однако, работа в когнитивном пространстве «система исходного языка – система переводящего языка» оказывается недостаточным условием для перевода, и нужно переходить к дискурс-анализу. Анализ основных переводческих проблем через призму когнитивного моделирования перевода предлагает перенесение фокуса с структурно-системных параметров на когнитивные, т. е. связанные с модусами восприятия и интерпретации пишущего субъекта и субъекта-создателя нового ПТ. Представленные материалы, в какой-то степени, позволяют рассматривать переводческие проблемы и обучение переводчиков в целом с различных позиций и сделать предположение, что когнитивное моделирование перевода может эффективно дополнять переводческие теории.

Литература

Болдырев Н.Н., Панасенко Л.А. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 2. С. 5–22.

Бор Н. Принцип дополнительности // Принципы и методы современных научных исследований. М.: Госполитиздат, 1960.

Леонтьева К.С. Когнитивное моделирование перевода: основы антропоцентрического подхода: монография // К.И. Леонтьева; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВО «Тамб.гос.ун-т им. Г.Р. Державина». Тамбов, 2017.

Шляпнёв Д.Н. Теория перевода: введение в ремесло: учебник. М.: «Р. Валент», 2020.

Chicago style. URL: <https://www.incollect.com/articles/chicago-style>.

Walsh S. Stravinsky and Neoclassicism. URL: <https://www.bl.uk/20th-century-music/articles/stravinsky-and-neoclassicism>

O.G. Shevchenko (*Novosibirsk, Russia*)
Novosibirsk State Technical University

COGNITIVE PECULIARITY OF TRANSLATION AS AN ACT OF INTERPRETATION

The article covers the issues of a cognitive modeling of translation. With a help of the discourse analysis some students' translations are being analyzed. The shift from the language system to the cognitive sphere is supposed to be a productive way of improving the quality of translation.

Keywords: cognitive modeling of translation; personal discourse; mode of interpretation; meta-concept.

КОГНИТИВНАЯ СОЦИО-, ЭТНО- И ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Ю.С. Андриюшкина (Брянск, Россия)

*Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского
shakhova.07@mail.ru*

НЕЙРОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИНОЯЗЫКОВОЙ ТРЕВОЖНОСТИ У ИНДИВИДА ПРИ СУБОРДИНАТИВНОМ ТИПЕ БИЛИНГВИЗМА

В статье обсуждаются языковые и когнитивные особенности становления и функционирования учебного двуязычия, определяющие возникновение иноязыковой тревожности. В результате обзора научной литературы делается вывод об объективной природе возникновения феномена иноязыковой тревожности при субординативном типе билингвизма с позиции психолингвистики и нейрофизиологии.

Ключевые слова: иноязыковая тревожность, учебное двуязычие, искусственный билингвизм, субординативный тип билингвизма.

Иноязыковая тревожность в различной степени знакома всем, кто изучает иностранный язык. Возникает вопрос: почему же, независимо от срока изучения и уровня владения иностранным языком [Андриюшкина 2019], искусственный билингв испытывает коммуникативные сбои, а иногда и провалы. По мнению ряда ученых, причина кроется в особенностях условий формирования и специфике превалирующих процессов при становлении искусственного билингвизма, и как следствие, продуктов учебного двуязычия [Залевская 2016; Карлинский 1990; Черниговская 2006].

Исчерпывающая трактовка феномена двуязычия практически невозможна, поскольку одна из наиболее значимых характеристик билингвизма – уровень овладения родным и иностранным языками (далее – Я1 и Я2) – не может быть идентичной не только у разных билингвов, но и у одного и того же участника коммуникации на различных этапах становления иноязычной компетенции [Вайнрайх 1979]. Очевидно, что билингвизм – это изменчивая характеристика, меняющаяся от незначительного до совершенного уровня владения иностранным языком. Из этого следует, что невозможно однозначно установить наличие/отсутствие билингвизма у конкретного индивида: можно говорить лишь о степени владения Я2 или о преобладании того или иного типа билингвизма [Залевская 1996; Имедадзе 1979].

У. Вайнрайх отмечает ключевую роль условий усвоения Я2 в ходе формирования билингвизма: смешанный билингвизм возникает в ситуации одновременного усвоения родного и иностранного языков в юном возрасте при аналогичных условиях и ситуациях; формирование билингвизма координативного типа возможно при условии усвоения Я1 и Я2 естественных условиях, но в разных контекстах объективной реальности; формирование билингвизма субординативного типа обуславливает изучении Я2 после усвоения Я1 и только в условиях учебной ситуации [Чугунова 2019].

Ограниченность речевого опыта в контексте учебной ситуации, лимитированность времени общения на Я2, недостаточность входящей информации на Я2, низкая мотивации к изучению иностранного языка или её полное отсутствие при формировании коммуникативной компетенции не позволяют «запустить» биологические механизмы овладения языком [Залевская 2016: 14–15; Чугунова 2019]. Нейронные ресурсы, обеспечивающие активизацию вероятностного прогнозирования, произвольного усвоения языка и извлечения правил непосредственно из речи, не доступны искусственным билингвам, в той же степени, насколько эти же стратегии используются носителями языка [Башкова, Овчинникова 2013]. Исследования речевой деятельности при учебном двуязычии убедительно показывают, что когнитивные механизмы, доступные носителям языка и естественным билингвам, не могут быть запущены в мозге искусственного билингва ни при многолетнем изучении Я2, ни при изучении близкородственного языка [Овчинникова 2009].

В отличие от освоения Я2 в естественной среде, когда индивид овладевает «живым знанием», позволяющим ему пользоваться языком как средством познания и общения, в учебной ситуации, с учётом сознательного отношения к языку и речевой деятельности, обучающийся билингв приобретает знания декларативного типа, позволяющие ему использовать язык только рамках образовательного процесса [Залевская: 4-15; Чугунова 2019]. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что особенности условий формирования и специфика превалирующих процессов при становлении искусственного билингвизма, и как следствие, продуктов учебного двуязычия являются объективной причиной возникновения беспокойства относительно своих знаний у обучающегося, страх быть некомпетентным в сравнении с носителем языка может даже не осознаваться, но присутствовать.

Еще одним объяснением негативного влияния иноязыковой тревожности на устную и письменную речь индивида, а также на его способность воспринимать информацию на слух и извлекать из памяти лексические единицы [Андрюшкина 2020], может служить предположение, что ситуация стресса является причиной снижения активности зеркальных нейронов. Объяснением может служить утверждение, что нарушение связи между лимбической системой и остальным мозгом, возникающее при сильном эмоциональном напряжении, приводит к ослаблению деятельности зеркальных нейронов [Черниговская 2006]. В результате нарушается связь сенсорных и моторных отделов коры

головного мозга, вследствие чего замедляются или блокируются когнитивные операции, позволяющие соотносить коды восприятия поведения и коды его осуществления [Arbib 2002].

Таким образом, возникновение феномена иноязыковой тревожности при субординативном типе билингвизма может быть обосновано с позиции, как психолингвистики, так и нейрофизиологии. Исходя из вышеизложенного, полагаем, что деструктивное влияние иноязыковой тревожности, проявляющееся в угнетении коммуникативной компетенции обучающегося билингва, следует предвидеть и учитывать в ходе организации педагогического процесса его подготовки. Соглашаясь с мнением, о необходимости пересмотра действующих дидактических принципов обучения Я2 и разработки специфической методики с учетом интегративных психолингвистических позиций, мы также придерживаемся позиции, что ее целью должно стать развитие коммуникативной личности продуктивного билингва, партнера реальной межкультурной / межъязыковой коммуникации [Черничкина 2006: 59].

Литература

- Андрюшкина Ю.С.* Эмпирическое исследование взаимосвязи иноязыковой и личностной тревожности у обучающихся билингвов // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2019. № 4 (63) С. 218–224.
- Андрюшкина Ю.С.* Влияние феномена иноязыковой тревожности на спонтанную речь обучающегося билингва // Лингвистическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2020. № 2 (25). С. 127–130.
- Барина И.А., Овчинникова И.Г.* О влиянии коллокаций лексем осваиваемого языка на организацию ментального лексикона русско-английских билингвов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. Серия: Филология и искусствоведение. 2012. № 4. С. 35–38.
- Башкова И.С., Овчинникова И.Г.* Нейропсихологическая характеристика билингвизма // Вопросы психолингвистики. 2013. № 17. С. 52–69.
- Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования: пер. с англ. Киев: Вища школа, 1979.
- Залевская А.А.* Вопросы теории овладения вторым языком в психолингвистическом аспекте. Тверь: ТвГУ, 1996.
- Залевская А.А.* Введение в теорию учебного двуязычия: учебник для магистрантов. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2016.
- Имедадзе Н.В.* Экспериментально-психологические исследования овладения и владения вторым языком. Тбилиси: Мецниереба, 1979.
- Карлинский А.Е.* Основы теории взаимодействия языков. Алма-Ата: Гылым, 1990.
- Овчинникова И.Г.* Еще раз о моделировании ментального лексикона билингва // Вопросы психолингвистики. 2009. № 10. С. 43–49.
- Черниговская Т.В.* Зеркальный мозг, концепты и язык: цена антропогенеза. Физиологический журнал им. И.М. Сеченова. 2006. Т. 92. № 1. С. 8–99.
- Черничкина Е.К.* К вопросу искусственного билингвизма // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. 2006. Т. 1. № 5. С. 60–67.
- Чугунова С.А.* Взаимодействие языков в условиях учебного билингвизма (По результатам свободного ассоциативного эксперимента) // Этнопсихолингвистика. 2019. № 2. С. 175–189.
- Arbib M. A.* The Mirror System, Imitation and the Evolution of Language // Imitation in animals and artifacts. 2002. Vol. 229. 38 p.

Y.S. Andryushkina (Bryansk, Russia)

Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky

NEUROPHYSIOLOGICAL AND PSYCHOLINGUISTIC CONTEXT OF THE EMERGENCE OF FOREIGN LANGUAGE ANXIETY IN AN INDIVIDUAL WITH A SUBORDINATE TYPE OF BILINGUALISM

The article discusses the linguistic and cognitive features of the formation and functioning of classroom bilingualism, which determine the occurrence of foreign language anxiety. As a result of the review of scientific literature, a conclusion is made about the objective nature of the phenomenon of foreign language anxiety in the subordinative type of bilingualism from the perspective of psycholinguistics and neurophysiology.

Key words: foreign language anxiety, classroom bilingualism, artificial bilingualism, subordinate type of bilingualism.

Э.Н. Ахмедова (Москва, Россия)

Московский городской педагогический университет

ahmedova_ely@mail.ru

КАК ЯЗЫК МАСС-МЕДИА МЕНЯЕТ СИСТЕМУ ЦЕННОСТЕЙ СВОИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Работа посвящена исследованию влияния языковых средств, пришедших в русский язык из американского английского языка, на ценностные ориентиры читателя. Глобализационные потоки, надвигающиеся с Запада, способны трансформировать не только локальные языковые формы, но и культурные элементы. Так, в настоящий момент актуальной становится проблема определения сдвигов в лингвокультурной идентичности русскоязычного читателя.

Ключевые слова: масс-медиа, заимствование, образ мира, национальная идентичность, система ценностей.

Проблема американизации национальных языков рассматривается учеными по-разному: одни полагают, что заимствования – это естественная составляющая любого современного языка, другие же в повсеместном использовании американизмов видят угрозу утраты идентичности. Учитывая тот факт, что историческое изменение языка всегда сопровождалось появлением в нем иностранных единиц [Агаев: URL], нет оснований утверждать, что употребление иноязычия всегда несет собой идею трансформации национальных языков. Некоторые заимствования ассимилировались и были успешно приняты языком в целях пополнения тезауруса. Справедливо отметить, что не всегда заимствование носит избыточный характер – много новых слов, пришедших из европейских языков, уточняют, либо добавляют новый смысл в случае отсутствия подходящего понятия в русском языке. Чаще всего данные слова приходят из таких

смысловых групп, как спорт (*пилатес*), кулинария (*чизкейк*), техника (*гирескутер*) и других.

Кроме выполнения своей основной функции информирования, текст также является отражением современного состояния национального языка и культуры. Осознанно или неосознанно выбирая языковые единицы, автор закладывает дополнительные смыслы, создавая или искажая образы, возникшие у читателя от прочитанного текстового сообщения. Учитывая безостановочное движение глобализационных процессов в XXI веке, а также активную социально-культурную интеграцию современного мира, исследователи задаются вопросом, является ли язык средством навязывания определенной идеологии. В данном контексте уместной будет мысль В. Гумбольдта о том, что язык и дух народа сплетены в единое целое, являясь отражением друг друга [Гумбольдт 1984: 90]. Исследователи глобализации утверждают, что глобализационные потоки, надвигающиеся с Запада, способны агрессивно вторгаться в национальную культуру и оказывать существенное влияние на жизнь и мировосприятие отдельной личности через язык [Garrett 2010: 450]. Ценности Западной цивилизации, претендуя на звание ценностей «универсального» государства [Хатингтон 2003: 334], как правило, внедряются во все сферы жизни человека - иноязычные вкрапления встречаются в наше время не только в Интернет-сообществах, но и в городском пространстве: об этом говорят современные названия жилищных комплексов, салонов красоты или детских центров в большом городе: «*Каширка.Like*», «*Мамин садик Seasons*», «*Салон красоты Selfie*» и прочие. Очевидно, что наибольшее число заимствований приходит в русский язык из современного американского английского языка. Американское благосостояние, идея об «американской мечте» транслируется русскоязычному читателю через тексты масс-медиа, в которых языковое высказывание подкрепляется новым и модным заимствованием: *фэшн*, *прайм-тайм*, *бьюти-лист*, *мудборд*. Л.П. Крысин называет социально-психологические факторы такого заимствования: носители национальной культуры воспринимают иноязычие как более актуальное и красиво звучащее [Крысин 1996: 147].

Так, «вестернизация» или «американизация» оказывается необычайно модным явлением в русской современной культуре. В качестве источников анализируемого материала нами были использованы статьи модного молодежного Интернет-журнала «*Elle-girl*», в текстах которых особенно отчетливо выражены сдвиги национальных языковых и культурных форм в пользу иностранных, например, «*самый полный, жуткий, яркий, интригующий watch-list из хорроров на любой вкус*». В русском языке есть стилистически нейтральные слова, использование которых в текстах, рассчитанных на русскоязычного реципиента, было бы уместнее. Фонетически неблагозвучное для русского уха слово *watch-list* не коррелирует с началом фразы, хотя, возможно, и кажется более удобным, чем фраза «список фильмов, обязательных к просмотру». При этом для обозначения фильмов ужасов в русском языке существует сленговое слово «ужастик», которое вписывается в контекст статьи, но даже оно утратило свою актуальность, уступив место *хоррорам*.

Другой пример из того же журнала: «3 крутых рецепта самых **криповых** закусок на Хэллоуин... Красиво раскладываем, эффектно вносим в комнату, **фоткаем в Instagram** и наслаждаемся восторгом гостей!» В приведенном фрагменте текста внимание привлекает не только иностранная лексика. Не менее важной единицей является и сам праздник, к которому призывает готовиться журнал, и эти призывы – яркая иллюстрация того, что в эпоху глобализации многие духовные ценности оказываются под угрозой [Кирилина 2012: 56]. Так, праздник, не имеющий ничего общего с русской культурой, занимает лидирующие позиции по актуальности в новостях середины-конца октября 2021 года. Материал дополняется модным иностранным вкраплением, таким, как *криповый* (от англ. «scary»), посредством чего в сознание молодых людей внедряются не только новые тенденции в языке, но и мировоззрение. Фраза «фоткаем в *Instagram*» у подростка, прочитавшего статью, станет ассоциироваться со всеобщим восторгом гостей – не с тем, что ранее считалось русским гостеприимством. Справедливо сделать вывод о том, что новая лексика массовой формирует в сознании человека и внедряет в него идейные ценности определенного общества и, в конечном счете, может привести к изменению социального поведения.

Обратимся к другому тексту в данном журнале: «Зачем нужно поступать в магистратуру? Во-первых, с каждым годом появляется все больше областей работы, для которых нужны умелые кадры со **скиллами**. Ты когда-нибудь слышала о **сайнс-арте**? Многие магистранты уже знакомы с новыми специальностями на практике». Очевидно, что в подобных статьях журналов семантика слова не так важна, как внешняя привлекательность слова. Тема, которая может оказаться важной и полезной для молодого читателя, преподносится в формате, отражающем множество смыслов и форм, с посылом «быть в тренде», а не получать новые знания. Семантически необработанное иноязычие «*сайнс арт*» не объясняется и представляется читателю как данность, которую нужно обрабатывать самостоятельно, и оказывается неуместным в контексте обращения к читателям, не являющимся представителями издательского сообщества. Такая языковая ситуация может нести значительную опасность человеческой культуре, так как подобные тенденции грозят ослаблением мыслительной активности [Уваров 2009: 230]. Серьезные темы, которые преподносятся в форме развлечения, действительно могут значительно замедлять мыслительный процесс, и в конечном счете приведут к тому, что подросток перестанет отличать серьезный материал от развлекательного.

Очевидно, что редакторы журнала убеждены в том, что заимствование из американского английского придаст статье статусности и экспрессивности. Тексты, рассмотренные нами в указанном Интернет-журнале, относятся к сферам образования, красоты, моды и развлечений – сферам, в которых бытует стереотипное мнение «американский – лучший». Навязывая данную идею, авторы имплицитно воздействуют на образ мира читателя: происходит изменение стиля жизни, образа мира и видение собственной (национальной)

культуры. Подводя итоги, нужно отметить, что при формировании культурной и этнической идентичности сообществ язык всегда играет центральную роль. Модные современные заимствования в языке могут размывать семантику слов, существующих в языковом поле русского человека (такие, как «праздник», «гостеприимство» или «образование»). Непонятные и незнакомые русскоязычному реципиенту элементы чужой культуры настолько плотно укоренились в культуре русской, что языковая оппозиция «свое-чужое» перестает существовать в сознании личности. Таким образом, язык, используемый в текстах масс-медиа, способен менять национальные ценности и подвергнуть опасности идентичность конкретного общества, открывая дорогу личности, лишенной национального духа.

Литература

Агаев Э. Угрожает ли русскому языку американизация? [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.litrossia.ru/archive/1/will_discuss/6.php.htm (дата обращения: 05.01.16).

Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984.

Кирилина А.В. Жанр «демотиватор» как проявление полифонии и фиксация повседневности / Полифония большого города. Сб. научных статей / под ред. Л.М. Терентия, В.В. Красных, А.В. Кириловой. М., 2012. С. 54–74.

Крысин Л.П. Иноязычные слова в современной жизни // Русский язык конца XX столетия. М., 1996. С. 147–154.

Уваров М.С. Вызовы современности: сб. статей / под ред. М.С. Уварова. СПб.: Изд-во С.-Петербурга, ун-та, 2009.

Хатчингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.

Garrett P. Meanings of “Globalization”. East and West. The Handbook of Language and Globalization (ed. by N. Coupland). Blackwell Publishing Ltd., 2010.

*E.N. Akhmedova (Moscow, Russia)
Moscow City University*

HOW THE LANGUAGE OF MASS MEDIA CHANGES THE VALUE SYSTEM OF ITS READERS

The paper presents the study of the influence of language means, which came into the Russian language from American English, on the reader's values. Globalization flows coming from the West are capable of transforming local linguistic forms and cultural elements. Thus, the relevance of the study is caused by the interest in the problem of determining shifts in the linguistic and cultural identity of the Russian-speaking reader.

Keywords: mass media, borrowing, image of the world, national identity, value system.

Л.Г. Бабенко (Екатеринбург, Россия)
Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина
lgbabenko@yandex.ru

ВЕРБАЛЬНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЛОЖНЫХ И КОМПЛЕКСНЫХ ЭМОЦИЙ: ТИПЫ И КОГНИТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ ¹

Рассмотрены лексические репрезентации сложных и комплексных эмоций, в семантике которых отображаются знания особого типа, основанные на ментальной интеграции. Выявлены основные когнитивные стратегии формирования подобных ментальных структур, основанные на механизмах конъюнкции, дизъюнкции, контраюнкции и др.

Ключевые слова: комплексные эмоции, вербальные репрезентации, когнитивные стратегии, ментальная интеграция

В психологии традиционно при изучении природы внутреннего мира человека разграничиваются эмоции и чувства. Эта оппозиция достаточно устойчива и отображает различия процесса их внутреннего протекания, переживания прежде всего по параметрам темпоральности, степени интенсивности и глубины переживания, осознаваемости и др. Эмоции обычно характеризуются как психологические реакции на что-либо, отличающиеся краткостью, быстротечностью, ситуативностью, спонтанностью, слабой степенью проявления, замкнутостью в субъекте. Например, *испуг, удивление, влюбленность* и др. Чувства отличаются от эмоций большей длительностью, интенсивностью, глубиной переживания, осознаваемостью, погруженностью в мыслительное пространство субъекта, обусловленностью, направленностью на объект-источник чувств, например, *страх, любовь, страсть* и др. При этом эмоции осмысляются как простые, а чувства как более сложные когнитивные структуры.

При лингвистическом подходе рассмотрения эмотивной лексики так сложилось, что эмоции и чувства традиционно не разграничиваются как разные психологические константы и для их обозначения преимущественно употребляется термин *эмоция* и его производные: *эмоциональный, эмоциональность, эмотивный, эмотивность* и др., а лексема *чувство* не использовалась в терминологическом смысле как более конкретное и содержательное в когнитивном отношении (ср.: производные от этих слов: *эмоциональный / чувственный, эмоциональная / чувственная* тональность). Но следует отметить, что для лингвистической семантики также важно разграничение простых и сложных внутренних переживаний, закрепившихся за оппозицией эмоция – чувство, в которой эмоции осмысляются как простые, а чувства как более сложные психологические структуры.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 22-18-00352, <https://rscf.ru/project/22-18-00352>.

Когнитивный поворот в лингвистике оказал влияние на обновление подходов к изучению вербальных репрезентации эмоций и, соответственно, актуализировал вопросы изучения природы и типов самих эмоций, в том числе сложных комплексных чувств. Результатом исследования когнитивных разновидностей вербальных репрезентаций эмоций стало выявление сложных комплексных номинаций чувств, основанных на ментальной интеграции, таких как *злорадство*, *злосчастие*, *раскаяние*, *ревность*, *зависть* и др. Моделирование когнитивных стратегий организации их ментальных структур позволило выявить в их множестве различные способы отображения сложных и комплексных чувств, основанных на механизмах ментальной интеграции. В самом общем виде во всем множестве вербальных репрезентаций подобных структур можно выделить следующие основные типы когнитивных стратегий:

1. Вербальные репрезентации, основанные на ментальной интеграции различных когнитивных признаков, близких по семантике, свойственных лексике общего эмотивного пространства, которые интегрируются в единую целостность на основе принципа дополнительности, конъюнкции. Например, лексема РАСКАЯНИЕ обозначает сложное чувство, ментальная структура которого содержит в качестве равноправных когнитивных компонентов совокупность различных эмотивных признаков, таких как *вина* (1), *сожаление* (2), *желание испряться* (3). Ментальная структура лексемы ПОКАЯНИЕ включает те же признаки плюс когнитивный признак *признание вины* (*словесное или событийное*). Подобные когнитивные структуры репрезентируют сложные многокомпонентные чувства, в формировании которых участвуют близкие по эмоциональной тональности когнитивные признаки одного концептуального пространства, наблюдается инкорпорирование подобных когнитивных признаков в общую структуру, ведущее к усложнению когнитивной ментальной структуры лексем одной семантической группы. Это позволяет отнести их к разряду сложных вербальных репрезентаций эмоций близкой тональности.

2. Вербальные репрезентации, основанные на ментальной интеграции различных когнитивных признаков, свойственных лексике общего для них эмотивного пространства, интегрируемых в единую целостность на основе принципа дизъюнкции. Например, ментальная структура лексем ЗЛОРАДСТВО формируется на сопряжении базовых эмотивных признаков, базирующихся на отношениях взаимоисключения, в данном случае эмоций: *злость* – *радость*. Это способствует выражению знаний о сложных противоречивых эмоциях, которые по отдельности воспринимаются как различные по эмоциональной тональности и оценочности: *злость* – *радость* или *злость* – *счастье* (ср.: ЗЛОСЧАСТИЕ: *злость* + *счастье*). Их можно отнести к разряду сложных вербальных репрезентаций эмоций с синкретичной эмотивностью и аксиологической политональностью по причине их отнесенности к одному эмотивному концептуальному пространству.

3. Вербальные репрезентации, основанные на ментальной интеграции когнитивных признаков, свойственных лексике разных концептуальных пространств: эмотивного и дополнительно какого-л. другого, интегрируемых

в единую целостность на основе принципа их противоположности, контражюнкции. Например, подобную группу составляют комплексные репрезентации, основанные на ментальных слияниях рационального и чувственно-эмоционального, которые обычно противопоставляются как разные сферы внутреннего мира человека, представляемые и вербализуемые по отдельности как члены антонимических оппозиций: *разум ↔ чувство; интеллект ↔ эмоция; рациональный ↔ эмоциональный* и др. В психологии сопряжение эмоций и интеллекта обозначается термином «эмоциональный интеллект», в котором категориальную значимость имеет интеллектуальный компонент, а эмоциональный выступает в качестве зависимого конкретизатора. Результаты анализа вербальных репрезентаций когнитивных стратегий подобных слияний обнаруживают, что имеет место и противоположная когнитивная стратегия, реализация которой фиксирует главенствующую роль эмоционального компонента, а зависимую – рационального (см.: *злопамятность, злонамеренность, зложелание* и др.). При этом следует заметить, что репрезентация двух вариантов когнитивных стратегий с указанными противоположными смыслами по-разному отражается в лексической семантике основанных на этой стратегии отдельных слов или их группировок. В первом случае фокус внимания направлен на эмоциональный интеллект, который рассматривается как особый психолингвистический феномен, связанный с эмоциональной внутренней рефлексией и интерпретацией интеллектуального процесса в целом с позиций переживающего его субъекта. Во втором случае фокус внимания сосредоточен на комплексных эмоциях, совмещаемых с разного рода мыслительными процессами: памятью, намерениями, интенциями разного рода и отображаемых в различном формате: во внутрисловных и межсловных концептуальных структурах (в лексическом значении отдельного слова или группы слов), передающих знания об интеграции интеллекта и эмоций, т. е. другими словами – об интеллектуальных эмоциях. Приведенные оппозиции передают идею взаимодействия рационального и эмоционального обычно в достаточно конкретном виде, следствием чего является широкая представленность в общем синонимико-антонимическом лексическом фонде эмотивной лексики интегративных слияний когнитивных признаков, указующих на частные варианты интеллектуальной деятельности и конкретные эмоции. Подобные интеллектуально-эмотивные вербальные репрезентации можно отнести к разряду комплексных в силу отнесенности их к разным концептуальным полям.

4. Вербальные репрезентации, основанные на ментальной интеграции когнитивных признаков, свойственных лексике разных концептуальных пространств: эмотивного и дополнительно какого-л. другого, интегрируемых в единую целостность на основе принципов конъюнкции (соположения) или инкорпорирования (включения). Здесь наблюдаются ментальные слияния эмотивных когнитивных признаков с когнитивными признаками других концептуальных пространств: речевого, жестового, поведенческого и др. (см.: *МОЛЬБА. Страстная просьба*). В ментальных структурах этого типа наблюдается

тенденция к конкретизации интегрируемых признаков, как эмотивного, так и какого-л. другого, при этом репрезентируются самые разные эмоции. Приведем примеры ментальных слияний речевой и эмоциональной деятельности: **возбуждение** (*кричать*), **настойчивость** (*зывать*), **откровенность** (*исповедоваться*) **скука** (*дудеть, долдонить, ныть*), **одобрение** (*хвалить*), **неободрение** (*ругать*), **пренебрежение** (*процедить*), радость (*балагурить*), злость (*изрыгать, злословить*) и др.

Подобные репрезентации можно отнести также к разряду комплексных в силу сопряжения в их ментальных структурах когнитивных признаков разных концептуальных полей, регулярно сопрягаемых с эмотивными когнитивными признаками. Итак, в результате исследования выявлены четыре типа вербальных репрезентаций, основанных на когнитивной стратегии ментальной интеграции, приводящей к формированию сложных и комплексных эмотивных номинаций.

Во-первых, это сложные вербальные репрезентации близкой тональности, основанные на ментальной интеграции различных когнитивных признаков общего эмотивного пространства, интегрируемые на основе принципа дополнительности, конъюнкции; во-вторых, сложные вербальные репрезентации эмоций с синкретичной эмотивностью и аксиологической политональностью, относящиеся к одному эмотивному концептуальному пространству, интегрируемые в единую целостность на основе принципа дизъюнкции; в-третьих, комплексные интеллектуально-эмотивные вербальные репрезентации, основанные на ментальной интеграции когнитивных признаков разных концептуальных пространств: эмотивного и какого-либо другого на основе принципа их противоположности, контраъюнкции; в-четвертых, комплексные вербальные репрезентации, основанные на ментальной интеграции когнитивных признаков разных концептуальных полей с эмотивными когнитивными признаками на основе принципов конъюнкции (соположения) или инкорпорирования (включения).

L.G. Babenko (Yekaterinburg, Russia)

Ural Federal University

named after the First President of Russia B. N. Yeltsin

VERBAL REPRESENTATIONS OF DIFFICULT AND COMPLEX EMOTIONS: TYPES AND COGNITIVE STRATEGIES¹

Lexical representations of difficult and complex emotions are considered, in the semantics of which knowledge of a special type based on mental integration is displayed. The main cognitive strategies for the formation of such mental structures based on the mechanisms of conjunction, disjunction, counterjunction, etc. have been identified.

Keywords: complex emotions, verbal representations, cognitive strategies, mental integration.

М.С. Белова (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
m.s.belova@mail.ru

«НАСТОЯЩИЙ РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК» В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ ЯЗЫКА (ОПЫТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В статье рассматривается выражение «настоящий русский человек» как один из примеров реализации автоэтноимпликатур о русских. Приводятся результаты психолингвистического эксперимента, которые, по мнению автора, позволяют выявить действующий спектр представлений о том, какими характеристиками обладает (должен обладать) «настоящий русский человек».

Ключевые слова: национально-культурные ценности, национальные черты, национальная идентичность, автоэтноимпликатура.

Отражение национально-культурных ценностей и черт в языке и речи может быть выражено как эксплицитно, например, в виде устойчивых сочетаний (фразеологизмов, паремий и т. п.), так и завуалированно, имплицитно. М.Д. Зиновьева справедливо замечает, что «главными признаком истинных ценностей культуры прежде всего является их незаметная коммуницируемость. Они допускаются или предполагаются в процессе общения в форме импликаций или намеков, что свидетельствует об их предполагаемой самоочевидности в национальной среде» [Зиновьева 1999: 131]. В современной русской речи подобное явление широко представлено в виде **автоэтноимпликатур**, то есть некоторой этнолингвистической информации о собственной нации, которая представлена имплицитно в рамках каких-либо высказывания и воспринимается слушающим как подразумеваемая говорящим. Необходимыми условиями для успешной реализации автоэтноимпликатур являются общий набор фоновых знаний о родной стране, имеющихся у коммуникантов, некоторые слова-индикаторы, грамматические и синтаксические конструкции (подробней об этом см. в [Белова 2021]), а также контекст или ситуация общения.

Одним из ярких примеров реализации автоэтноимпликатуры в современной русской речи может служить выражение «**настоящий русский (человек)**». Все смыслы, которые вкладываются автором в данное выражение, могут как эксплицитоваться в самом контексте (*Юра был настоящим русским человеком – добрый, размашистый*. [Татьяна Шмыга. Счастье мне улыбалось... (2000)]), так и оставаться непроясненными (*Я настоящий русский, и этим все сказано!*). В последнем случае автор не говорит прямо о том, какими именно характеристиками обладает (должен обладать) «настоящий русский», предполагая, что носителю языка и культуры и так все ясно. Иными словами, данное высказывание будет содержать в себе автоэтноимпликатуру.

На основании анализа контекстов, взятых из Национального корпуса русского языка, в составе которых есть выражение «настоящий русский (человек)», можно сделать ряд наблюдений. В большинстве случаев выражение

«настоящий русский (человек)» используется для того, чтобы подчеркнуть те или иные черты русского национального характера, ср.: *Какой ты **настоящий русский**, когда забыл про свой народ?* [Евгений Евтушенко. «Волчий паспорт» (1999)], *Но это настоящий русский, смекалистый и одаренный.* [Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда (2001)]. *Не теряя бодрости – **настоящий русский человек** – оборотился он назад и прибавил: – Ничего, лошадки пообмокнут, да еще лучше поедят.* [Н. А. Полевой. Клятва при гробе Господнем (1832)]. Как правило, данное выражение обладает положительной модальностью, иными словами выражение «настоящий русский (человек)» является своего рода комплиментом, приписываемым определенному лицу, ср.: *Вы умный человек, господин Красавицын, и **настоящий русский**, истинно русский человек!* [Н. Д. Телешков. Крамола (1906)]. *Начали осматривать меня; они одобряли, говоря, что я **настоящий русский**, простой бык; другие сомневались.* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Неоконченное. Благонамеренные речи (1872–1876)] Однако, когда автором данного выражения является человек, не относящий себя к русским, выражение «настоящий русский (человек)» может приобретать отрицательную оценку, ср.: – *Фу! какой злой! **Настоящий русский!** Все русские злые! Вот он уходит! Фу!* [И. С. Тургенев. История лейтенанта Ергунова (1868)]. – *Ты когда-нибудь видел живого русского? **Настоящий русский** туп и плохо пахнет.* [И. Ю. Стогов Мачо не плачут (2001)]. – *Ну, – прервал барон, – на вашем месте француз был бы гораздо вежливее. Теперь я вижу, вы **настоящий русский**.* [М. Н. Загоскин. Искуситель (1838)].

По результатам анализа материала из НКРЯ можем заметить, что если иностранцы, используя данное выражение в своей речи, опираются прежде всего на некоторые оценочные (и часто стереотипные) суждения о России и русских, то русские люди, то есть те, кто считает себя частью русской культуры, а русский язык – своим родным языком, при интерпретации данного выражения обращаются к базовым национально-культурным ценностям и чертам русского национального характера. В связи с этим можно предположить, что интерпретации русскими данного выражения вне контекста поможет выявить целый спектр действующих представлений о том, какими характеристиками обладает (должен обладать) настоящий русский человек, а принятие / непринятие этих черт позволяет выявить степень национально-культурной идентичности.

Для проверки выдвинутой нами гипотезы мы провели психолингвистический эксперимент среди русских людей в возрасте от 18 до 30 лет, имеющих неполное высшее или высшее (гуманитарное) образование. Выбранная методика – метод прямого толкования – заключалась в том, что респонденты должны были дать определение выражению «настоящий русский человек». Формулировка звучала следующим образом:

***Объясните, как вы понимаете данное выражение / дайте ему определение:
Настоящий русский человек – это ...***

Всего было опрошено 70 человек, 69 респондентов дали ответ, 1 человек затруднился с выполнением данного задания. На основании выделенных сем

в полученных ответах мы попробовали представить портрет «настоящего русского человека»:

Настоящий русский человек – это человек, который:

- **(Что делает?)** любит свою Родину (16); говорит на русском языке (10); родился и живет в России (9); знает, чтит и соблюдает традиции и обычаи (9); верен своей Родине, готов защищать, развивать и поддерживать ее, равнодушен к ее судьбе (8); ценит русскую культуру и считает себя ее частью, принимает русскую ментальность (7); имеет русских родителей, русские / славянские корни (6); знает и чтит историю своей страны (6); не оставит в беде, всегда придет на помощь другим (6); осознает свою русскую идентичность (5); гордится своей национальностью (3); является гражданином России (3); считает свою семью большой ценностью (3); готов пойти на многое ради своих родных и близких (3); с уважением относится к окружающим (3); с уважением относится к старшим (3); любит выпить, но при этом имеет к алкоголю «иммунитет» (3); любит природу (2); имеет типичную для русских внешность (русые волосы и светлые / голубые глаза) (2); способен найти выход из сложной ситуации (2); любит риск (2); не предаст (2); не боится препятствий (2); не боится холода (2); редко улыбается (2); молится, ходит в церковь (2); может в любой день устроить праздник; никогда не стыдится, что он русский; не будет нападать на чужую страну; много работает и трудится; не кривит душой; способен удивить любого иностранца своей смекалкой; верит в себя; любит и ненавидит свое правительство одновременно; ненавидит все западное, но при этом пользуется благами западного мира; не желает всем нравиться, но при этом переживает за других; не боится быть таким, какой он есть, знает группу Любэ, любит холодец.

- **(Какой?)** добрый (10), сильный духом (10), с «русской душой» / «с широкой душой» (6), справедливый (5), физически сильный (5), гостеприимный (4), открытый (4), с большим сердцем (2), веселый (2), с чувством юмора (2), искренний (2), вечно чем-то не довольный (2), свободолюбивый (2), мощный (2), стойкий (2), смелый (2), волевой, выносливый, крепкий, несгибаемый, грустный, позитивный, легкий на подъем, энергичный, уверенный в себе, великодушный, щедрый, милосердный, снисходительный, благородный, самоотверженный, статный, величественный, невозмутимый, безбашенный, изобретательный, грубый, добродушный, непоследовательный, противоречивый, верный себе и своим убеждениям, преданный, романтический, начитанный и образованный, честный, прямой в своих мыслях и мотивах, немного хитрый, надеющийся на авось, зависимый от внешних обстоятельств, ответственный, трудолюбивый, трудоспособный, дружелюбный, ищущий стабильность, немного консервативен, душевный.

- **(Имеет что?)** Любовь и веру (2), свое мнение, печаль в глазах, стремление к поиску правды, стремление к коллективизму, честь, достоинство, лень.

- **(Кто?)** Крестьянин в лаптях, Обломов, богатырь как идеал русского человека.

По результатам анализа ответов респондентов можно сделать следующие выводы: 1) выражение «настоящий русский человек» имеет целый ряд интерпретаций (потенциальных автоэтноимпликатур), которые позволяют очертить портрет настоящего русского человека, имеющий место в коллективном языковом сознании, однако для успешной реализации конкретной автоэтноимпликатуры в речи необходим контекст или ситуация общения; 2) можно заметить, что при интерпретации данного выражения некоторые респонденты обращались не только к национально-культурным ценностям, которые они разделяют, но также к актуальным на момент прохождения анкетирования фоновым знаниям – социальным, политическим событиям, происходящим в современном российском обществе (см., например, дискуссии в СМИ о том, кому сегодня стыдно / не стыдно быть русским). Последнее может говорить о том, что в настоящее время идет процесс переосмысления идентичности русского народа.

Литература

Белова М.С. Этноимпликатура и способы ее реализации в русской речи // Севастопольские Кирилло-Методиевские чтения. 2021. № 14. С. 76–81.

Зиновьева М. Д. «Русскость» как имплицитная информация в лексике и фразеологии // Имплицитность в языке и речи / отв. ред. Е. Г. Борисова, Ю. С. Мартемьянов. М.: «Языки русской культуры», 1999. С. 124–133.

Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>

M.S. Belova (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

“THE REAL RUSSIAN PERSON” IN THE LANGUAGE CONSCIOUSNESS OF NATIVE SPEAKERS (EXPERIMENTAL RESEARCH)

The article considers the expression "a real Russian person" as one of the examples of realization of autoethnoimplicatures about Russians. The results of a psycholinguistic experiment are presented, which, in the author's opinion, allow us to identify the current range of ideas about what characteristics a "real Russian person" has (should have).

Keywords: national cultural values, national traits, national identity, autoethnoimplicature.

А.И. Бочкарев (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
arsentiy_87@mail.ru

АНТИЦЕННОСТНЫЙ КОНЦЕПТ ANGER В КОМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЫ

В представленной статье изучается комическая объективация антиценностного концепта ANGER в рамках комического дискурса англоязычной лингвокультуры. Комические характеристики гнева можно представить в виде иерархии. На первом уровне гнев выражается через свои

эмоциональные характеристики. На втором уровне выражение гнева может усиливаться через нанесение материального ущерба.

Ключевые слова: ценностная концептосфера комического, аксиологическая лингвистика, эмоции, антиценности, концепт ANGER.

Введение. По данным Дж. Горера, самым распространенным своим грехом англичане считают гнев [Gorer 1955: 287]. Концепт ANGER является одним из основных эмоциональных концептов в англоязычной культуре, при этом открытое проявление гнева относится к социально неприемлемым эмоциям. Во многом, это обусловлено тем, что гнев нарушает структуру позитивного мышления (важного принципа американской лингвокультуры) и является противоположностью эмоциональной сдержанности (важного принципа британской лингвокультуры) [Никишина 2008]. Кроме того, гнев является наименее контролируемой негативной эмоцией, при этом сама по себе эмоция гнева не обязательно предполагает внешнего проявления. Основными причинами гнева являются: физическое ощущение боли, ограничение свободы, препятствия в достижении цели и аверсивная стимуляция. Наиболее распространенными стимулами гнева являются несправедливость, обман или ошибка объекта гнева по отношению к субъекту гнева [Иззард 2008]. Обычно гнев приводит к необдуманному и неодобряемому в обществе агрессивным поступкам [Иззард 2008], при этом в большинстве случаев гнев выражается вербально [Averill 1983]. Гнев зачастую выражается через употребление эллиптических предложений, параллельных конструкций, повторов, повелительных предложений [Цыбина 2005: 15]. Также одним из основных актуализаторов концепта ANGER является повышение или понижение громкости [Цыбина 2005: 16]. Система метонимии гнева включает такие признаки как жар тела, внутреннее давление, покраснение в зонах лица и шеи, дрожание и помеха адекватному восприятию [Lakoff, Kovecses 1987]. Континуум гнева включает в себя также такие эмоции как раздражение и ярость [Иззард 2008]. Особым случаем гнева является так называемый праведный гнев, который представляет собой реакцию на нанесенное оскорбление [Berkowitz 1990]. Подобный вид гнева тесно связан с концептом «справедливость» и понимается как средство восстановления порядка [Никишина 2008: 4-5]. Как отмечает И.Ю. Никишина, гнев в качестве сдержанной эмоциональной реакции на несправедливый поступок «представляет собой доминанту поведения, характерную для англоязычной лингвокультуры» [Никишина 2008: 10]. Таким образом, гнев становится антиценностью только в тех случаях, когда он находит внешне выражение, при этом существует прямая зависимость между поступком, который привел к гневу, и внешним проявлением гнева. Так, возникновение комического эффекта более вероятно в том случае, если незначительный поступок объекта гнева привел к сильному внешнему выражению гнева со стороны субъекта гнева.

Комическая объективация антиценностного концепта ANGER

В современных англоязычных словарях дается следующее определение слова anger: the strong feeling that you have when something has happened that you

think is bad and unfair [OALD]. Важно также рассмотреть определение слова rage (крайняя форма гнева): a feeling of violent anger that is difficult to control [OALD]. Данное определение содержит в себе указание на то, что гнев необходимо контролировать. Сам по себе гнев не предполагает обязательного выражения соответствующих эмоций путем крика или нанесения телесных повреждений, проявление же гнева подвергается порицанию. Таким порицанием в рамках комического является осмеяние объекта, проявляющего гнев. Комические характеристики гнева можно представить в виде иерархии. Первоначально все характеристики можно разделить с точки зрения эмоциональных особенностей выражения гнева. В том случае если за эмоциональным выражением гнева следует нанесение материального ущерба, то подобное выражение гнева реализуется через соответствующее поведение. В качестве практического материала мы взяли записи и скрипты стендап комедий и ситкомов. Полужирным курсивом выделены те фрагменты, которые вызвали смех зрителей.

а. Эмоциональные особенности выражения гнева

К первичным комическим характеристикам антиценностного концепта ANGER относятся эмоциональные особенности выражения гнева, а именно: резкий переход из спокойного состояния в возбужденное; необоснованная реакция на какую-либо ситуацию.

Резкий переход из спокойного в возбужденное состояние является наиболее распространенной характеристикой осмеяния в рамках реализации концепта ANGER: “Oh, hey, where you from, dawg?” D.C.? Word? “That’s a rough city, man.” Then his cell phone started ringing. “Hold on one second.” Hello? Oh, what’s up, n*gga? What? What the f*ck? Slow down. What? **What the F*CK?! No! No! Noooo! F*ck that! N*gga, F*CK IT! I’m on my way** (Chappelle D. Killin’ Them Softly). Вежливое отношение к клиенту сменяется переходом на обценную лексику (f*ck, n*gga) при разговоре с другим человеком. Вежливое отношение выражается через: заинтересованность собеседником (where you from, dawg?); употребление слов, настраивающих на дружеский лад (dawg); использование клишированных вежливых фраз для прерывания коммуникации (Hold on one second). Кроме того, с адресантом объект осмеяния разговаривает спокойно, в то время как с третьим лицом он общается на повышенных тонах. Последнее высказывание (I’m on my way) помимо смеха сопровождается аплодисментами.

Концепт ANGER может реализовываться через необоснованную реакцию на какую-либо ситуацию, т. е. слова или действия объекта осмеяния не вытекают из сложившейся ситуации: He’d see something broke... “Oh, Christ, will you look at that? Godd*mn it, Billy, gimme that f*cking screwdriver. **I swear to god, I don’t know what the f*ck I ever got married for** (Burt V. You People Are All the Same). Слова объекта осмеяния не связаны с предметом, который вызвал у него гнев. Так, объект осмеяния чинит что-то и неожиданно приходит к выводу, что он зря женился. Выражение гнева усиливается за счет использования обценной лексики (godd*mn, f*cking, f*ck).

Зачастую при высмеивании гнева объект осмеяния совмещает два предыдущих состояния в одно: Robin: Well why’d you guys break up? Ted: I just wasn’t

looking for a big commitment at the time, of course now a big commitment doesn't seem so bad... maybe I should call her? What do you guys think? Barney: **You dumped a porn star? Friendship over (gets up) FRIENDSHIP OVER!** (How I Met Your Mother. Return of the Shirt). Резкий переход из спокойного состояния в возбужденное выражается через повышение громкости голоса, а необоснованная реакция состоит из декларирования о завершении дружбы на основании того факта, что его друг бросил порно звезду.

б. Выражение гнева через нанесение материального ущерба

Если эмоциональному выражению гнева сопутствует нанесение материального ущерба, то гнев может приводить к следующим результатам: уничтожение материальных объектов; нанесение телесных повреждений объекту гнева. Подобные ситуации в наибольшей степени соотносятся с высказыванием А. Бергсона о том, что «комическое для полноты своего действия требует как бы кратковременной анестезии сердца» [Бергсон 1914: 98]. В том случае если зритель/читатель не испытывает негативных эмоций по отношению к объекту гнева, то высока вероятность отсутствия комического эффекта, так как зритель/читатель может почувствовать жалость.

Зачастую выражение гнева сопровождается уничтожением материальных объектов, представляющих ценность для объекта гнева. Комический эффект возможен только в том случае, если в конкретный момент мы не испытываем эмпатии к пострадавшему: Ted: So, should we go get a drink? Jeanine: As long as it's in your apartment. (a car stops near them, tires squeal). Lady in car: Whoa, I'm sorry. Jeanine: Watch! Where! You're! Going! (**Jeanine is crushing the car**) (How I Met Your Mother. Swarley). В приведенном примере пару влюбленных чуть не сбила машина, в ответ на это девушка разбивает стекло битой. Уничтожение объекта сопровождается переходом из спокойного состояния в возбужденное.

В тех случаях, когда объект осмеяния наносит физический ущерб объекту гнева, комический эффект может возникнуть только если предыдущий контекст показывает определенную оправданность проявления гнева: Natalie: Tracked me down, begged me to go out with you again only so you could dump me three weeks later. Again on my birthday! ... Narrator: Turns out Krav Maga is not a kind of yoga. **It's a form of gorilla street fighting developed by the Israeli army. (She kicks Ted and he flies back)** (How I Met Your Mother. Return of the Shirt). Объект гнева бросает девушка во второй раз на ее день рождения, после чего девушка начинает избивать его. Смех сопровождается аплодисментами.

Заключение. Нами были проанализированы особенности вербализации и основные высмеиваемые характеристики антиценностного концепта ANGER на материале англоязычных стендап-комедий и ситкомов. В рамках комического дискурса данный концепт выражается эмоционально через резкий переход из спокойного состояния в возбужденное и через необоснованную реакцию на повседневную ситуацию. Кроме того, концепту ANGER может сопутствовать физическое выражение (уничтожение материальных объектов или нанесение телесных повреждений объекту гнева). Нами было выявлено, что при

выражении вербального гнева зачастую используется обценная лексика, при этом переход из спокойного состояния в возбужденное может сопровождаться сменой регистра общения. Гнев также выражается через смену громкости голоса. На письме данное различие отображается при помощи использования прописных букв для написания слов, произнесенных громким голосом. Следует также отметить, что в комическом дискурсе проявление гнева зачастую воспринимается более или менее положительно, что подтверждается реакцией зрителей в виде аплодисментов.

Литература

- Бергсон А.* Собрание сочинений. Т. 5. Введение в метафизику смеха. Санкт-Петербург: Издание М.И. Семенова, 1914.
- Изард К.Е.* Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980.
- Никишина И.Ю.* Выражение концепта anger («гнев») в современной английской и американской художественной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2008.
- Цыбина Л.В.* Языковые и неязыковые средства актуализации эмоции «гнев» в кинематографическом дискурсе (гендерный аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2005.
- Averill J.R.* Studies on anger and aggression: Implications for theory of emotions // *American Psychologists*. 1983. № 38. Pp. 1145–1162.
- Berkowitz L.* On the formation and regulation of anger and aggression: A cognitive-neoassociationistic analysis // *American Psychologists*. 1990. 45(4). Pp. 494–503.
- Gorer J.* Exploring English Character. New York: Criterion Books, 1955.
- Lakoff G., Kovecses Z.* The Cognitive Model of Anger Inherent in American English // In D. Holland & N. Quinn (eds). *Cultural models in language and thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. Pp. 195–221
- OALD – Oxford Advanced Learner’s Dictionary. URL: <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com>

A.I. Bochkarev (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

THE ANTI-VALUE CONCEPT ANGER IN HUMOROUS DISCOURSE OF ENGLISH LANGUAGE CULTURE

This article studies the humorous objectification of the anti-value concept ANGER within the framework of humorous discourse of English language culture. Humorous characteristics of anger can be represented as a hierarchy. At the first level anger is expressed through its emotional characteristics. At the second level anger can be intensified through damaging some objects.

Key words: axiological conceptual framework of humor, axiological linguistics, emotions, anti-values, concept ANGER.

Л.О. Бутакова (Омск, Россия)

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

larisabut@rambler.ru

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА РАЗНОГО ВОЗРАСТА ПРИ РЕАГИРОВАНИИ НА СТИМУЛ С ЦЕННОСТНОЙ СЕМАНТИКОЙ

Анализируется когнитивная природа ассоциативного реагирования носителями русского языка 14-16, 19-22, 30-40 лет на стимул *работа*, входящий наименований ценностей. Показан характер речевого действия реципиентов разного возраста в коммуникативной ситуации свободного и направленного ассоциативного эксперимента. Выявляется возрастная и универсальная специфика когнитивных механизмов при выборе речевого действия в процессе реагирования на ценностно значимые стимулы.

Ключевые слова: когнитивный механизм ассоциации, речевое действие, свободный ассоциативный эксперимент, ассоциативное поле, когнитивная структура ассоциативного поля, ценностная семантика.

Введение. Когнитивный анализ ассоциаций носителей русского языка разного возраста связан с подходом к способу реагирования как выбору речевого действия в разных ситуациях речевой деятельности [Залевская 2011, Курганова 2012, 2019: 24-38, Пищальникова 2021, Пищальникова и др.: 2019, Стернин 2020: 110-126, Степыкин 2022]. Проблема состава ценностей, качественных и количественных изменений в разном возрасте, смысловых особенностей слов, называющих ценности, связана с проблемами когнитивной природы ассоциативных процессов, отражения в психологическом значении языковых знаков результатов концептуализации мира. Выбор аудитории реципиентов обусловлен интересом исследователей к возрастной эволюции субъективной семантики, небольшим количеством работ когнитивного и психолингвистического профиля, в которых анализируются тенденции формирования ценностных компонентов ментального лексикона представителей разных поколений, особенно – поколения 30–40-летних. Когнитивно-психолингвистическая направленность исследования, внимание к ценностным фрагментам сознания определяет его актуальность. Проблемы смыслового содержания знаков языка, возрастного когнитивного развития, когнитивных механизмов свободного и направленного реагирования на стимулы ценностной направленности, выбора речевого действия в разных коммуникативных ситуациях вызывают устойчивый интерес [Залевская 2011; Пищальникова 2021, Пищальникова и др. 2019, Стернин 2020, Степыкин 2021, Tyler 2020, McLaren, McAndrew, Angerer etc. 2018].

Материалы и методы. Свободный (САЭ) ассоциативный эксперимент, проведенный в 2020–2021 гг. с реципиентами подросткового (12–14 лет), молодого (19–22 года), среднего возраста (30–40 лет), направленный (НАЭ),

проведенный с реципиентами среднего возраста (30–40 лет). Анкеты предъявлялись письменно, ответы давались в ограниченном режиме времени. Отнесение слова к словам с ценностной семантикой определялось в ходе доэкспериментального опроса представителей разных поколений, а также в ходе АЭ, НАЭ со стимулом *ценности* представителей возрастной группы 30–40-летних. Ассоциативные поля составлялись традиционно, моделировалась когнитивная структура поля [Курганова 2012, 2019], оценивались способы речевого действия респондентов [Пищальникова и др. 2019: 73–79, Степыкин 2021: 36 и далее]. Под речевым действием, объединяющим стимул и реакцию, понималась когнитивная операция – «... и способ предсказания, представляющий личностный смысл, и средство предсказания, установленное внутренней формой языка» [Пищальникова 2020: 10].

Цель статьи – проанализировать особенности речевых действий, выбираемых носителями русского языка разных возрастных групп на стимул *работа* в ситуации свободного реагирования, показать возрастную и универсальную специфику когнитивных механизмов.

Результаты. Режим свободного ассоциирования проявил определенные типы когнитивных операций, связывающих стимул и реакции, у респондентов разного возраста (см. таблицу 1). Отличительной чертой группы респондентов *среднего поколения (30–40-летних)* является менее частотный выбор способов реагирования из смысловых сфер качеств, выраженных оценочными предикатами и предикативными конструкциями (*со свободным графиком; интересная; любимая; полезная; творческая; тяжелая; хорошая* и др. (6,2 %)); идентификации, выраженных одиночными существительными (*долг (2); жизнь (2); головоломка; забота; задача (5,6 %)*); ассоциаций, связанных с устойчивыми выражениями, представленными не полным их составом и одиночными формами (*волк; не волк; перейди на Федота (3); есть; нет (5 %)*); необходимых объектов, передаваемых преимущественно субстантивами и отражающих личностные свойства, субъектов, временные атрибуты (*труд (9); ответственность (4); характер; рано вставать; время; график; команда (12 %)*). Чаще, чем описанные выше, выбирались способы реагирования с помощью указания конкретных мест и областей работы, обозначенные предикативными и номинативными сочетаниями, отдельными именами, аббревиатурами в локативной функции (*офис (3); Ип (2); аудит; больница; в отпуске по уходу за ребёнком; маркетинг; московское наследие; государственные закупки; инжиниринг* и др. (13 %)). Высоко частотным способом речевого действия у респондентов указанной группы оказалось выбор наименования профессий, рода занятий, должностей (*врач (6); стилист (4); инженер (3); юрист; хореограф; дизайнер-декоратор; домохозяйка; менеджер; предприниматель; преподаватель английского языка; спортивный тренер; генеральный директор; самозанятый* и др. (20 %)). Наиболее частотным было реагирование через представление нематериальных и материальных результатов с помощью субстантивов (*деньги (19); зарплата (5); творчество (4); интерес (3); удовольствие (3); заработок (2); общение (2);*

профессионализм (2); успех (2); радость; развитие; усталость; самореализация; свобода; занятость; счастье (37 %).

У студентов тенденции реагирования имеют качественно-количественные проявления, связанные с частотностью выбора оценочных предикатов, выраженных преимущественного адекватными, сочетаниями с ними, реже – субстантивами (*тяжелая* (22); *хорошая* (11); *интересная* (9); *любимая* (9); *трудная* (8); *сложная* (6); *высокооплачиваемая* (4); *легкая* (4); *в мужская* (2); *оплачиваемая* (2); *скудная* (2); *выгодная*; *в радость*; *в удовольствие* и пр.). При выборе этого способа реагирования есть реакции, связанные с темпоральными качествами (*долгая*; *до вечера*; *временная*; *постоянная*; *всей жизни*); относящимися к другому значению стимула из актуальной для респондентов сферы (*курсовая*; *дипломная*; *домашняя*; *контрольная*); качествами из личностной сферы (*над собой* (2); *моя* (2); *головой*; *по душе*) (24%). Речевое действие, представляющее стимул через сферу результатов или объектов, преобладает, вовлекает в репрезентацию наименования материальных, духовных, эмоциональных, деятельностных феноменов, переданных существительными (*деньги* (52); *зарплата* (14); *отдых* (9); *заработок* (6); *усталость* (6); *учеба* (6); *удовольствие* (5); *карьера* (4); *ответственность* (4); *время* (2); *доход* (2); *забота* (2); *лопата* (2); *наслаждение* (2); *нудность* (2); *потребность* (2); *профессия* (2); *скука* (2); *безработица*; *бесполезность*; *будни*; *бумага* и пр. (всего 33,4 %)). Речевое действие, связанное с представлением стимула через категоризацию (стратегию идентификации), выбирается реже, связано с не оценочными (*труд* (45); *дело* (8); *занятие* (3); *обязанность* (3); *деятельность* (2); *служба* (2); *способ*; *бизнес* и др.), оценочными (*зло*; *каторга*; *любимое дело*; *мечта*; *повинность*; *рутина*; *смерть*), понятийными (*будущее* (2); *смысл жизни*) наименованиями (всего 15,2 %). Индивидуально-субъектное ассоциирование опирается на трансформацию поговорки «работа – не волк, в лес не убежит» – (*не волк* (26); *волк* (4); *нет* (3); *не волк, в лес не убежит* (2); *волки*; *не волк, не дематериализуется*), а также выбор ситуативных реакций (*молоток*; *о! нет*; *хлам*; *хочу спать*; *мало платят*; *Маша много работает* и др.) (всего 8,6 %). Реагирование с опорой на темпоральные (*ежедневно* (2); *лето* (2); *утро* (2); *будни*; *далеко*; *до вечера*; *каждый день*; *с утра*; *шесть утра* (2,4 %), деятельность (*делать*; *спать*; *достала*; *ждет*; *зарабатывать*; *изнуряет*; *искать*; *кипит*; *кормит*; *началась*; *сидеть* (1,6 %), оценочные (*тяжело* (4); *хорошо* (3); *плохо* (2); *фигня* (2); *интересно*; *круто*; *легко*; *мечта*; *нужно*; *пойдет*; *тяжко*; *ужас*; *хе*ня* (4,4 %) наименования осуществлялось реже. В сфере оценки есть жаргонные, разговорно-просторечные реакции (*фигня* (2); *круто*; *хе*ня*).

Школьники подросткового возраста при выборе речевого действия, как и респонденты других групп, чаще всего актуализировали сферу результатов или объектов (см. табл. 1). Выбор способа и средств при таком реагировании традиционен – имена существительные (*деньги* (76); *заработок* (13), *усталость* (13); *зарплата* (10); *карьера* (5), *мечты* (5), *ответственность* (5),

удовольствие (4); долг (3), скука (3), бумаги (2), должность (2), достаток (2), доход (2), интерес (2), помощь (2), портфель (2), радость (2), сложность (2), тяжесть (2), успех (2); *денюжки, з/п*) и др. (40,4%). Традиционная картина наблюдается при выборе качественных предикатов (*любимая* (16); *тяжелая* (6); *трудная* (4), *в радость* (3), *сложная* (3), *усердная* (3), *хорошая* (3); *безвозмездная, в кайф, важная, для души!, достойная* и др. (16 %). В сфере идентификационного реагирования есть как традиционные (*труд* (43); *дело* (15); *мечта* (6), *обязанность* (6), *жизнь* (5), *рутина* (5), *деятельность*), так и субъектно-оценочные способы (*каторга* (3), *рабство* (3), *скука* (3), *смерть* (3), *хобби* (3), *ад, благо, зло, неволя* и др. (21,6 %). В темпоральной сфере на фоне традиционных зафиксированы способы реагирования «с речевыми приметамы современности» – *24/7, part-time*. Выбор локативного способа речевого действия осуществлялся как в традиционном формате (*дом* (31), *по дому, завод, на дому*), так и выявил новые формы и реалии (*офис* (9); *офис (скука), по бизнесу*) (всего 9,4 %).

Выводы. Анализ свободного ассоциативного эксперимента в разных возрастных группах носителей русского языка показал универсальность речевого действия выбора для стимула *работа* субстантивов из сферы результатов, объектов (когнитивная стратегия «работа – то, что она дает»), среди которых стабильно наиболее частотной является реакция *деньги*. Возрастные особенности такого реагирования состоят в более высокой частотности указанной реакции у подростков и представителей среднего возраста (см. табл. 1, 2).

Таблица 1

Когнитивная структура АП *работа* в языковом сознании носителей русского языка разных возрастных групп в сопоставлении

Когнитивные слои АП работа	Объем реакций в %		
	Студенты СИБАС	Школьники АСП 2 2021 г.	30–40-летние САЭ 2021 г.
Результаты / объекты	167 г 33,4 %	202 г 40,4 %	53 г 37 %
Качества + оценка	120 г 24 %	80 г 16 %	8 г 5,6 %
Необходимость / объекты	–	4 г 0,8 %	18 г 12 %
Профессия	10 г 2 %	7 г 1,4 %	28 г 20 %
Локус	36 г 7,2 %	47 г 9,4 %	19 г 13 %
Ассоциации	47 г 8,6 %	22 г 4,4 %	7 г 5 %
Идентификация	76 г 15,2 %	108 г 21,6 %	9 г 6,2 %
Субъекты	4 г 0,8 %	4 г 0,8 %	–
Деятельность	12 г 2,4 %	12 г 2,4 %	–
Время	12 г 2,4 %	1 г 0,2 %	–
Оценка	22 г 4,4 %	17 г 3,4 %	–

Частотные реакции в АП работа в сопоставлении

Реакция	Студенты	Школьники	30–40-летние
Деньги	52 г 10 %	76 г 15,2 %	19 г 13 %
Труд	45 г 9 %	43 г 8,6 %	9 г 6,2 %
Не волк	26 г 5,2 %	9 г 1,8 %	1 г 0,7 %
Тяжелая	22 г 4,4 %	6 г 1,2 %	1 г 0,7 %
Зарплата	14 г 2,8 %	3 г 0,6 %	5 г 3,5 %
Дом	12 г 2,4 %	31 г 6,2 %	–
Отдых	9 г 1,8 %	10 г 2 %	–
Любимая	9 г 1,8 %	16 г 3,2 %	1 г 0,7 %
Дело	8 г 1,6 %	15 г 3 %	–
Усталость	2 г 0,4 %	13 г 4,4 %	1 г 0,7 %
Заработок	2 г 0,4 %	28 г 5,6 %	2 г 1,4 %

Речевое действие с опорой на интертекстальную сферу наиболее актуально в группе студентов (см. табл. 2).

Речевые действия представителей среднего возраста отличаются выбором способа реагирования с опорой на собственный опыт, в силу этого именно в этой возрастной группе частотно указание профессий и рода деятельности.

Литература

- Залевская А.А.* Значение слова через призму эксперимента. Тверь: Тверской гос. ун-т, 2011.
- Курганова Н.И.* Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. 2019. № 3 (41). С. 24–38.
- Курганова Н.И.* Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: дис. ... д-ра филол. наук. Тверь, 2012.
- Пищальникова В.А.* История и теория психолингвистики. М.: Р. Валент, 2021.
- Пищальникова В.А., Карданова-Бирюкова К.С., Панарина Н.С., Степыкин Н.И., Хлопова А.И., Шевченко С.Н.* Ассоциативный эксперимент: теоретические и прикладные перспективы психолингвистики: монография / под ред. В.А. Пищальниковой. М.: Р. Валент, 2019.
- Стернин И.А.* Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопросы психолингвистики. 2020. № 3 (45). С. 110–126.
- Степыкин Н.И.* Речевое действие как психолингвистический механизм порождения и актуализации смысла: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2021.
- Tyler. S.* Human Behavior and the Social Environment. Open textbook library. University of Arkansas, 2020. URL: <https://uark.pressbooks.pub/hbse1/> (дата обращения: 08.06.2022).
- McLaren IPL, McAndrew A., Angerer K., McLaren R., Forrest Ch., Bowditch W., Monsell St., Verbruggen F.* Association and cognition: Two processes, one system. Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2018. V. 72, issue 2. Pp. 98–117. URL: <https://doi.org/10.1177/1747021818766287>

*L.O. Butakova (Omsk, Russia)
Dostoevsky Omsk State University*

COGNITIVE FEATURES OF SPEECH ACTIONS OF RUSSIAN SPEAKERS OF DIFFERENT AGES IN RESPONSE TO A STIMULUS WITH VALUE SEMANTICS

The article analyzes the cognitive nature of the associative response of native speakers of the Russian language 14–16, 19–22, 30–40 years old to the stimulus work as a name of value. The nature of the speech action of recipients of different ages in the communicative situation of a free and directed associative experiment is shown. The age and universal specifics of cognitive mechanisms are revealed when choosing a speech action in the process of responding to value-significant stimuli.

Keywords: cognitive mechanism of association, speech action, free associative experiment, associative field, cognitive structure of the associative field, value semantics.

*К.А. Бучнева (Омск, Россия)
Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского
k.a.buchneva@mail.ru*

«УЧИТЕЛЬ» И «ПРЕПОДАВАТЕЛЬ» КАК ОБРАЗЫ СОЗНАНИЯ И ОБЪЕКТЫ РЕЦЕПЦИИ СТАРШЕКЛАСНИКОВ

В статье рассмотрено фрагменты языкового сознания старшеклассников, реконструированные на основе результатов свободного ассоциативного эксперимента. В рамках САЭ были выявлены реакции на стимулы «учитель» и «преподаватель» и выделены ядра ассоциативных полей. Полученные АП были сопоставлены с ассоциативными словарями русского языка.

Ключевые слова: психолингвистика; языковое сознание; ассоциативный эксперимент; САЭ; ассоциативное поле; стимул; реакция.

Целью данной статьи является исследование определенных фрагментов языкового сознания старшеклассников г. Омска, имеющих отношение к образованию. Необходимость подобного исследования связана с выявлением качества восприятия стимулов, отражающих переходный период (окончания школы, выбора следующего учебного заведения) жизни учащихся старших классов. Для установления качества рецепции и смыслового состава того, что стоит за указанными знаками в сознании школьников, необходимо определить методологический и методический аппарат. В исследовании были использованы методы свободного ассоциативного эксперимента, когнитивно-семантического анализа, сравнительно-сопоставительный.

В методологическом отношении для определения качества рецепции того или иного феномена, выявления и описания структур сознания носителя языка было актуально понятие *овнешнения* [Тарасов 1996: 8] его составляющих. В психолингвистике для этого принято использовать термин «языковое сознание», понимаемое Е.Ф. Тарасовым как «совокупность образов сознания,

формируемых и овнешняемых при помощи языковых средств – слов, свободных и устойчивых словосочетаний, предложений, текстов и ассоциативных полей» [Тарасов 2000: 24]. Л.О. Бутакова замечает, что «сегодня категория языкового сознания рассматривается как одна из базовых категорий отечественной психолингвистики» [Бутакова 2009: 157].

В любом случае языковое сознание проявляется и фиксируется при помощи разных способов вербализации, в чём помогает, в частности, свободный ассоциативный эксперимент (далее – САЭ). Как пишет И.А. Стернин, «он позволяет реконструировать различные связи языковых единиц в сознании и выявить характер их взаимодействия в различных процессах понимания, хранения и порождения речевых произведений, а также с использованием многочисленных других экспериментальных методов» [Стернин 2002: 44].

Авторами ассоциативного эксперимента считают психологов Х.Г. Кента и А. Дж. Розанова (1910). А развитие данного метода в психолингвистике было бы невозможно без Дж. Ризе и Ч. Осгуда, которые разработали варианты его проведения. Отечественная психология и психолингвистика усовершенствовала эксперимент исследованиями А.Р. Лурии, О.С. Виноградовой и других ученых.

А.А. Леонтьев выделил три вида ассоциативного эксперимента [Леонтьев 1979: 212]: свободный, цепной (цепочечный) и направленный. Сам эксперимент представляет собой стимулы и реакции на них. Испытуемому дается список слов-стимулов на бумаге (либо диктуется), а они, в свою очередь, должны написать первые приходящие на ум ассоциации. Обычно стимульный список состоит из 100 слов, а на эксперимент отводится 7–10 минут.

Для достижения цели в данном исследовании поставлены следующие задачи: изучить понятия «языковое сознание», «свободный ассоциативный эксперимент», составить стимульный список для экспериментов, провести пилотный свободный ассоциативный эксперимент, соотнести итоги эксперимента с данными «Русского ассоциативного словаря», проследив за динамикой изменений субъективной семантики стимулов.

Гипотеза исследования состояла в том, что понятия «учитель» и «преподаватель» будут близки в семантическом плане, но смысловой состав фрагментов языкового сознания, связанных с указанными лексемами, будет содержать разные предметные, эмотивные, ассоциативные компоненты.

В ходе пилотного САЭ нами был опрошен 81 респондент, ученик 9–11 класса СОШ, лицеев и гимназий г. Омска в возрасте 15–18 лет. Школьникам был предложен стимульный список, состоящий из 40 лексем, среди которых располагались шумы и нужные нам стимулы *учитель* и *преподаватель*.

Рассмотрим результаты САЭ по двум стимулам, их сопоставление с «Русским ассоциативным словарём» и между собой.

Ниже представлены реакции, полученные в ходе САЭ на стимул *учитель* (всего реакций на стимул: 81, различных реакций на стимул: 50, одиночных:

40, отказов: 1): ученик (10), знания (6), человек (5), педагог (4), школа (4), наставник (3), зло (2), оценки (2), работа (2), хороший человек (2), бодрость, боль, Валерий Ваганович, власть, главный, демон, добрая женщина, доброта, домашнее задание, домашняя работа, женщина, злой, злость, история, классный, Корчажкина, который учит многому, начальник, образование, образованная личность, плавания, препод, преподаватель, работник, родитель, слушать, спокойствие, строгий, строгость, уважение, умный человек, учёба, учит, учит тупеньких детей, физики, хороший, хороший человек, школьная доска, школьный, `=), (∕)

Получив ассоциативные данные, мы сравнили результаты с реакциями на стимул *учитель* в «Русском ассоциативном словаре» [РАС] (всего реакций на стимул: 41, различных: 33, одиночных: 26, отказов: 1), произведя автоматизированный выбор реакций респондентов возрастом от 15 до 18 лет. Повторяющиеся в ассоциативных полях (далее – АП) реакции приведены в табл. 1. Среди всех реакций можно заметить, что их частотность практически не изменилась. Единственное отличие – количество реакций *ученик*. В результатах САЭ их стало значительно больше. Данную тенденцию можно трактовать как более глубокое понимание субъектно-субъектных отношений между учителем и учеником, что может свидетельствовать об улучшении взаимоотношений между ними в нынешнее время. С семантической точки зрения, повторяющиеся реакции условно можно разделить на несколько тематических групп: оценка (*классный, строгий, хороший*), учебный предмет (*история, физики*), лицо (*преподаватель, ученик*).

Таблица 1

Сопоставление данных РАС и САЭ на стимул «учитель».

№	Реакции	РАС	САЭ
1	Преподаватель	2	1
2	История	1	1
3	Классный	1	1
4	Строгий	1	1
5	Ученик	1	10
6	Физики	1	1
7	Хороший	1	1

Перейдём к анализу реакций на стимул *преподаватель* в свободном ассоциативном эксперименте. Всего реакций на стимул: 81, различных: 39, одиночных: 33, отказов: 1.

Учитель (26), знания (6), человек (6), ученик (3), школа (3), работа (2), строгость (2), босс, Валерий Ваганович, власть, второй дом, даёт свои знания нам, дети, домашнее задание, злой, источник знаний, мозг, наставник, Наталья Владимировна, наука, образованная личность, обучение, Ольга Николаевна,

очки, педагог, преподаёт, преподаватель, профессия, рубашка, старший, страх, студент; то же самое, что учитель; уважать, умный человек, учёба, учит; человек, знающий своё дело; человек какой-то, /.

Как и в предыдущем случае, полученные ассоциаты мы сравнили с реакциями на стимул *преподаватель* в РАС (всего реакций на стимул: 56, различных: 47, одиночных: 41, отказов: 3). Повторяющиеся в ассоциативных полях (далее – АП) реакции приведены в табл. 2. Количество реакций *школа, старший, ученик* практически не изменилось. Их мы можем считать стабильными, то есть способными сохраняться вне зависимости от времени и изменений внешнего мира. Большая частотность появилась у слов *знания* и *учитель*, что говорит о связи стимула с главным объектом собственной профессиональной деятельности и большей развитости парадигматической лексической связи (синонимии) между понятиями *учитель* и *преподаватель*.

Таблица 2

Сопоставление данных РАС и САЭ на стимул «учитель»

№	Реакции	РАС	САЭ
1	Учитель	3	26
2	Школа	2	3
3	Знания	1	6
4	Старший	1	1
5	Ученик	1	3

Далее сравним повторяющиеся реакции САЭ в ассоциативных полях на стимулы *учитель* и *преподаватель*. Мы можем наблюдать заметное количественное совпадение у реакций *знания* (*учитель*: 6, *преподаватель*: 6), *человек* (5; 6) и *образованная личность* (1;1), *строгость* (1;2), *учёба* (1;1), *учит* (1; 1). С точки зрения семантики мы можем выделить у этих слов общие семы, связанные с учёбой и образованием, которые также являются ядерными. Однако есть и существенные различия. По результатам анализа можно сказать, что учителя больше ассоциируют с педагогом (4;1), чем преподавателя, то же самое со словом *наставник* (3;1).

Анализ ассоциативных полей слов *учитель* и *преподаватель* позволяет говорить о том, что респонденты-школьники осознают непосредственную семантическую связь между ними, ассоциируют их со знаниями, учениками, человеком. При этом связь с реакцией *ученик* для второго стимула значительно слабее, как и с реакцией *педагог*. В то время как для первого стимула данная реакция – самая частотная. Для стимула *преподаватель* самой частотной является реакция *учитель*. В качестве стимула указанная лексема связана со школой и сопутствующими ей понятиями. Разграничение реакций для стимулов по параметру «место работы» оказывается не актуальным.

Литература

- Бутакова Л.О. Динамические процессы в структуре языкового сознания жителей города // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. М.: Эйдос, 2009. С. 157–158.
- Курганова Н. И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операционных параметров значения слова: автореф. дис. д-ра филол. наук. Тверь, 2010.
- Леонтьев А.А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка. М.: МГУ, 1979.
- Стернин И.А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку. Москва-Воронеж, 2002. С. 44–51
- Тарасов Е.Ф. Актуальные проблемы анализа языкового сознания // Языковое сознание и образ мира. М.: ИЯ РАН, 2000. С. 24–32.
- Тарасов Е.Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 7–22.
- Уфимцева Н.В. Языковое сознание и образ мира славян // Языковое сознание и образ мира. Сборник статей / Отв. ред. Н.В. Уфимцева. М., 2000.
- РАС – Русский ассоциативный словарь. В 2 т. / Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова, Н.В. Уфимцева, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. Т. I. От стимула к реакции: Ок. 7000 стимулов. М.: АСТ-Астрель, 2002.

*К.А. Buchneva (Omsk, Russia)
Dostoevsky Omsk State University*

“TEACHER” AND “LECTURER” AS IMAGES OF CONSCIOUSNESS AND OBJECTS OF RECEPTION OF HIGH SCHOOL STUDENTS

The article considers the language consciousness of high school students, reconstructed on the basis of the results of a free associative experiment. As part of the experiment, reactions to the stimulus “teacher” and “lecturer” were revealed, and the cores of the associative fields were identified. The resulting associative fields were compared with the associative dictionaries of the Russian language.

Key words: psycholinguistics; language consciousness; associative experiment; associative field; core of the associative field; stimulus; reaction.

*А.Р. Гайсуна (Челябинск, Россия)
ФГАОУ ВО Южно-Уральский государственный университет НИУ
89048124196@mail.ru*

ОППОЗИЦИЯ СВОЙ-ДРУГ ИЛИ ЧУЖОЙ-ВРАГ: ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Происходящие в мире события отражаются на всех сферах нашей жизни. Одной из этих сфер, безусловно является наше сознание, языковое сознание и картина мира. Основываясь на данных свободного ассоциативного эксперимента, мы попытались проследить и проанализировать изменения, произошедшие в языковом сознании людей спустя десять лет, на примере образов свой-друг или чужой-враг.

Ключевые слова: этнопсихолингвистический подход, языковое сознание, картина мира, ассоциативный эксперимент.

Лингвисты по-прежнему уделяют большое значение изучению языковой картины мира. По мнению Л.П. Лобановой, «впервые понятие языковой картины мира возникает в виде целостной концепции в трудах Вильгельма фон Гумбольдта, хотя истоками своими уходит в глубокую древность» [Лобанова 2013: 22]. «Несколько языков – это не столько же обозначений одной и той же вещи. Это различные ее картины...» [Humboldt 1826: 248].

«В мировой философской, психологической и лингвистической литературе можно найти два взаимоисключающих подхода к соотношению языка и сознания. Согласно одному из них, единицей сознания, тем, в чем и при помощи чего существует сознание, является система вербальных, словесных значений и обслуживающих эти значения равноуровневых коммуникативных средств. То есть: система языковых знаков. Согласно другому подходу единицей сознания является предметное значение, а язык в этом случае понимается как система значений, могущих актуализироваться и в вербальной форме» [Леонтьев 1993: 16–17].

«В отличие от языковедов и философов XX в. Гумбольдт не ставит ни в одной из своих работ вопрос об истинности или объективности языковой картины мира даже в возможности, поскольку каждая из них, в его понимании, всегда национально субъективна» [Лобанова 2013: 180].

Под «ассоциацией» в психологии «понимают возникшую в опыте индивида связь между двумя содержаниями сознания (ощущениями, представлениями, мыслями, чувствами и т. п.), при которой актуализация одного из них вызывает и актуализацию другого» [Психологический словарь 1996: 26].

Мы провели два масштабных ассоциативных эксперимента в 2012 и 2022 году. В эксперименте приняло участие около 250 респондентов мужского и женского рода, разного возраста, русской и татарской национальности. С помощью представленных реакций-ответов, нам удалось определить ядро языкового сознания русских и татар, а также увидеть определенные изменения, произошедшие за последние 10 лет.

Т а б л и ц а 1

Анкета для проведения ассоциативного эксперимента

1. Дружба	9. Чужой	17. Независимость
2. Семья	10. Образование	18. Аудитория
3. Вера	11. Самообучение	19. Фейк
4. Враг	12. Достаток	20. Страх
5. Родина	13. Университет	21. Москва
6. Угроза	14. Друг	22. Домашняя работа
7. Свой	15. Очный	23. Современный
8. Красота	16. Опасность	24. Родители

Фрагмент заполненной анкеты

1. Навсегда	9. Инопланетный	17. Свобода
2. Тепло	10. Удаленка	18. Преподаватель
3. Религия	11. Сложно	19. Обман
4. Навсегда	12. Деньги	20. Под столом
5. Одна	13. Каждый день	21. Столица
6. Оружие	14. Игра	22. Много
7. Брат	15. Ходьба	23. Modern
8. Татарка	16. Оружие	24. Дома

Проанализировав ответы респондентов, мы пришли к следующим выводам. Языковая картина мира того или иного человека, народа, этноса в целом, меняется под воздействие различных факторов, происходящих в нашем обществе, политических, социальных, социокультурных и т. д.

Основываясь на данных эксперимента, нам удалось проследить значительные изменения в паре *свой-друг*, где образ *своего* воспринимается испытуемыми как *семья* (88), *брат* или *сестра* (37), *уют* (17), *тепло* (7). Друг же напротив, воспринимается как тот, с кем можно играть, проводить время, *не навсегда* (15), что говорит о том, что данное понятие утратило трепет и воспринимается как что-то навещающее сомнения, *сегодня друг один, а завтра другой* (25).

Рассматривая пару, *чужой-враг*, мы пришли к выводу, что политическая обстановка напрямую отражается на реакциях респондентов. На слово-стимул *чужой* мы получили такие реакции как *война* (80), *противостояние* (35), *Украина* (17). Но несмотря на это, испытуемые все же ассоциируют данную пару с *человеком* (27), приводят такие реакции как *отрицательный герой, плохой, злой, не порядочный*.

Оппозиция *друг-враг* является также показательной относительно тех событий, которые происходят сегодня в стране и во всем мире. Друг, тот кому можно верить, тот кто не предаст, *защитник* (35), *не устроит войну* (20). Образ врага отождествляют с *антигероем* (40), *трусом* (17), *камуфляж* (9).

Необходимо отметить, что наблюдается положительная тенденция взаимоотношений между людьми русской и татарской национальности. Нам удалось проследить данную тенденцию благодаря пролонгированному исследованию.

В 2012 году мы получили следующие реакции на стимул *чужой*: *татарин/татарка* (35), *приезжий* (15), *мигрант* (12), *чурка* (7). Встречались имена собственные, *Ринат, Салават, Рамиль*. Были единичные реакции типа, *незванный гость хуже татарина, ну ты и татарин*.

Стимул *свой* ассоциировали также с национальными характеристиками, *русский/русская* (40), *Андрей* (13), *береза* (5).

В 2022 году данные ассоциативного эксперимента значительно разнятся по сравнению с 2012 годом. Спустя 10 лет отношения между двумя национальностями сгладились. Теперь русский и татарин – это *друг* (35), *свой* (20), *верный* (13), *вкусные угощения*, *гостеприимство* (8).

Благодаря ассоциативному эксперименту, нам удастся проанализировать языковую картину мира разных народов и избежать межнациональных конфликтов и споров. Мы можем изучить ядро языкового сознания определенной культуры, выявить национальные особенности этноса в целом. С помощью ассоциативного эксперимента нам удастся проводить пролонгированные исследования, отследить изменения, происходящие в языковой картине мира той или иной национальности.

Литература

Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира // Язык и сознание: парадоксальная рациональность. М.: Институт языкознания РАН, 1993.

Лобанова Л.П. Концепция языковой картины мира и ее истоки в трудах Вильгельма фон Гумбольдта. М.: Academia, 2013.

Психологический словарь. М.: Педагогика-Пресс, 1996.

A.R. Gaisina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University

THE OPPOSITION OUR OWN-FRIEND OR ALIEN-ENEMY: ETHNOPSYCOLINGUISTICAL APPROACH

What is happening in the world affects all spheres of our lives. One of these spheres is certainly our consciousness, language consciousness and picture of the world. Based on the data of a free associative experiment, we tried to trace and analyze the changes that have occurred in the language consciousness of people ten years later, using the images of our own-friend or alien-enemy.

Key words: ethnopsycholinguistical approach, language consciousness, world picture, associative experiment.

Г.В. Грачев (Москва, Россия)
Московский государственный лингвистический университет
georgegrachev@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ HLĀF (ХЛЕБ) В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

В статье представлены результаты изучения процесса формирования категории HLĀF (ХЛЕБ) в древнеанглийский период. Описаны исторические изменения номинативных средств в данной категории на основе анализа этимологии современных единиц *bread* и *loaf*. Делаются выводы о факторах, оказывающих решающее влияние на формирование данной категории.

Ключевые слова: категоризация, категория, теория номинации, номинативное поле питания, древнеанглийский язык.

Появление слова в языке для обозначения понятия является кульминацией сложных когнитивных процессов концептуализации и категоризации. Универсальные по своему характеру, эти процессы, тем не менее, испытывают сильное влияние языковой картины мира, системы данного языка, языковой ситуации, исторических и культурных условий.

Выбор языковым сообществом определенной единицы для наименования обособленной структуры знаний определяется сочетанием когнитивных, языковых и социокультурных факторов. Е.С. Кубрякова особо отмечала необходимость изучения того, чем руководствуется человек, классифицируя факты эмпирического опыта [Кубрякова 2004: 311].

Категоризация определяется как «подведение вещи, явления, процесса и любой анализируемой сущности под определенную категорию как определенную рубрику опыта или знания или признание ее (этой сущности) членом этой категории» [Кубрякова 2004: 307].

По Н.Н. Болдыреву, «категория – это концептуальное объединение объектов, или объединение объектов на основе общего концепта» [Болдырев 2019: 109]. Для объединения в класс, рубрику опыта, требуется наличие знаний о том концепте, на основе которого объекты могут быть объединены в данную категорию.

Хлеб является конкретным референтом, представляющим собой физический объект или субстанцию. Категоризация конкретных референтов приводит к появлению предметных имен, сосредоточивающих в своей семантике структуры знаний о признаках, свойствах этих референтов. Предметное имя, называющее физический объект, предполагает включение в данную категорию объектов, обладающих физическими свойствами, общими с предметом-именем категории. В развитых предметных категориях концептуальными основаниями формирования категории могут выступать самые разные признаки. Так, Г.Г. Бондарчук, анализируя категорию наименований одежды, выделяет такие основания, как изготовитель, человек, который носит одежду, ситуация ношения, функция и др. [Бондарчук 2011: 46]. Попытаемся выяснить, какие основания были ведущими на самом начальном этапе формирования категории ХЛЕБ в английской языковой картине мира.

В древнеанглийский период хлеб как референт был широко известен и, без сомнения, характеризовался исключительно высокой степенью социальной значимости, что подтверждается высокой дискурсивной рекуррентностью его языковых наименований. В отличие от современного английского языка, где основной лексической репрезентацией данной категории является слово *bread*, в древнеанглийском языке основной единицей, обозначающей хлеб, являлась лексема *hlāf* (современное *loaf*). Е.Б. Яковенко отмечает, что концепт HLĀF в древнеанглийский период относился к ядру концептуального поля ПИТАНИЕ и это было характерно и для носителей других древнегерманских языков [Яковенко 219: 342]. Именно это средство номинации мы выбрали в качестве обозначения исследуемой категории.

Для описания истории номинативных изменений в исследуемой категории обратимся к этимологии современных единиц *bread* и *loaf*. Согласно этимологическому словарю “The Barnhart Dictionary of Etymology”, слово *bread* в форме *brēad* было впервые употреблено в древнеанглийский период (около 950 г.) в Евангелии из Линдисфарна [BDE: 114–115]. Оно родственно древнефризскому слову *brād*, древнесаксонскому *brōd*, древневерхненемецкому *brōt* (современное немецкое *Brot*), среднеголландскому *broot* (современное голландское *brood*) и дренисландскому *braudh*. Все указанные слова означали «хлеб» и происходили от общегерманского **braudān*. Они соотносились с древнеанглийским *brēowan* (*to brew* – варить, заваривать), видимо, в силу того что процесс изготовления хлеба был связан с ферментирующим действием дрожжей при закваске.

В древнеанглийский период слово *brēad* употреблялось крайне редко, в то время преимущественно употреблялось слово *hlāf*. Первое употребление *brēad* зафиксировано в качестве компонента в сложном слове *bēobrēad* (современная форма – *beebread*, «перга, пчелиный хлеб»). В Евангелии из Линдисфарна слово употребляется в значении ‘*morsel*’ «кусочек», и только в Евангелии от Иоанна (6:23) оно означает ‘*bread*’ «хлеб» [BTASD].

В среднеанглийский период, около 1200 г., слово *brēd* вытеснило слово *lōf* в значении «кусочек вещества». Согласно словарю “Oxford English Dictionary”, развитие семантической структуры рассматриваемого слова *bread* шло от значения «кусочек» (*‘bit, piece’*) к значению «кусочек хлеба» (*‘piece of bread’*) и далее – к значению «хлеб» (*‘bread’*).

Словарь “The Barnhart Dictionary of Etymology” определяет слово *loaf* как ‘*baked as one piece*’, т. е. «хлеб, выпеченный одним куском». Около 1280 г. в английском языке появилась форма *lōf*, которая произошла от древнеанглийской формы *hlāf*, означавшей ‘*bread or loaf*’ («хлеб или булка/буханка») [BDE: 604].

Рассматриваемое слово *loaf* родственно древнефризскому слову *hlēf* («булка»), древневерхненемецкому *hleib, hlaiba* (современное немецкое *Laib*), дренисландскому *hleifr* (в современном шведском – слово *lev*, в норвежском – *leiv*), и готском *hlaifs*, все указанные существительные произошли от общегерманского **Hlaiþaz*.

Среди ученых-этимологов нет единого мнения по вопросу о том, какое значение слова *hlāf* появилось первым – ‘*bread*’ («хлеб») или ‘*loaf*’ («булка/буханка»). Существуют предположения о том, что слово *hlāf* этимологически связано с древнеанглийским глаголом *hlīfian* (*‘to rise’* «подниматься», *‘to be raised high’* «быть поднятым высоко»), которое по смыслу связано с брожением дрожжей и созреванием теста для хлеба.

Анализ лексикографических источников по древнеанглийскому периоду показывает, что лексема *brēad* обладала ограниченной семантической структурой. Выделялись всего два значения: 1) *a bit, fragment, morsel*; 2) *bread*, второе из которых являлось редко употреблявшимся лексико-семантическим вариантом.

Лексема *hlāf* в древнеанглийском языке имела более развитую семантическую структуру, включавшую три лексико-семантических варианта с высокой частотностью употребления: 1) *bread*; 2) *food*; 3) *loaf*. Лексикографы приводят большое количество примеров употребления каждого из трех лексико-семантических вариантов. Словари содержат устойчивые сочетания и дериваты слова *hlāf*: *heofon-hlāf* («манна небесная»), *hlāf-ofen* («печь для выпечки хлеба»), *hlāf-ræce* («инструмент для поддержания огня во время приготовления пищи»), *hlāf-senung* («обряд благословения хлеба») и др., что доказывает значение HLĀF как концепта, вокруг которого формировалась рассматриваемая категория.

Важно отметить, что второе значение лексемы свидетельствует о том, что HLĀF в древнеанглийский период являлся прототипическим представителем более крупной категории FŌDA (ПИЩА).

Сама категория HLĀF строилась за счет образования сложных слов с компонентом *hlāf*. Анализ состава исследуемой категории позволяет выделить несколько категориальных признаков:

1) состав хлеба: *ge-syfted hlāf* («молочнокислый хлеб»), *bere-hlāf* («ячменный хлеб»), *oster-hlāf* («пирожок/лепешка с устрицами»);

2) способ изготовления хлеба: *brād-hlāf* («печенье, сухарь, жареный хлеб»), *peorf-hlāf* («буханка бездрожжевого хлеба»);

3) предназначение хлеба: *oflaet-hlāf* («хлеб, используемый во время таинства причастия»), *offrung-hlāf* («хлеб, приносимый в жертву») *aelmes-hlāf* («хлеб, раздаваемый нищим в качестве милостыни»).

Проведенный анализ позволяет сформулировать некоторые выводы. Лексема *bread*, центр современного номинативного поля и наименование современной категории, в древнеанглийский период не формировала категорию. Лишь ее периферийный лексико-семантический вариант выступал редким синонимом основного значения лексемы *hlāf*, которая и стала средством номинации концепта и соответствующей категории.

В древнеанглийский период мы можем наблюдать самую начальную стадию процесса формирования категории HLĀF, которая после XIII в. сменит наименование формирующего ее концепта и значительно расширит свою структуру и набор членов категории.

Процессы категоризации применительно к концепту HLĀF имели разные основания. Кроме обычных для предметных имен характеристик состава и физических свойств хлеба, основаниями для категоризации выступали знания говорящих о процедурах изготовления хлеба и его предназначении. В «функции гештальтного целого» [Болдырев 2019: 128] могла выступать функция хлеба или значимая цель (результат) его использования. В этом смысле имя *hlāf*, являясь предметным именем, по классификации Е.В. Рахилиной, уже в древнеанглийский период имело признаки функциональных имен [Рахилина 2010: 35].

Состав категории подтверждает тот факт, что из трех возможных подходов к формированию категорий [Болдырев 2019: 111] в рассматриваемой категории,

очевидно, работает когнитивный (прототипический) подход. При этом формирование категории и соответствующего номинативного поля, как универсальные механизмы реализации когнитивной функции языка, испытывали серьезное влияние специфики древнеанглийского языка и конкретных культурно-исторических условий процесса познания окружающего мира.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. Москва: Издательский дом ЯСК, 2019.
- Бондарчук Г.Г.* Когнитивно-семиотические основания развития категории предметных имен в английском языке (на материале английских наименований одежды): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. Москва: Языки славянских культур, 2004.
- Рахилина Е.В.* Когнитивный анализ предметных имен: Семантика и сочетаемость. Москва: Издательский центр «Азбуковник», 2010.
- Яковенко Е.Б.* Элементы концептуального поля 'питание' в древнегерманских переводах притчи о блудном сыне // Когнитивные исследования языка. 2019. № 38. С. 340–347.
- BDE – The Barnhart Dictionary of Etymology / edited by Robert K. Barnhart. New York: The N. W. Wilson Company, 1988.
- BTASD – Bosworth Toller's Anglo-Saxon Dictionary online. URL: <https://bosworthtoller.com>.
- OED – Oxford English Dictionary online. URL: <https://www.oed.com>.

G.V. Grachev (Moscow, Russia)
Moscow State Linguistic University

FORMATION OF THE CATEGORY HLĀF IN THE OLD ENGLISH PERIOD

The paper presents the results of investigation into the process through which the category HLĀF was formed in the Old English period. It analyses the etymology of contemporary English words *bread* and *loaf* and describes the diachronic changes in the onomaseological field representing the category. The conclusions list the factors of crucial significance for the formation of the category.

Key words: categorization, category, onomaseological theory, onomaseological field, Old English.

Е.В. Ерофеева, Е.С. Худякова (Пермь, Россия)
Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь)
elenerofee@gmail.com, khudiakova.es@gmail.com

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА ТЕКСТОВОГО БЛОКА «СЕМЬЯ» В УСТНЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ КОМИ-ПЕРМЯКОВ И ТАТАР

В статье рассматривается фреймовая структура текстовых блоков «Семья» в составе спонтанных текстов «О себе» на русском языке у билингвов коми-пермяков и татар. Анализируются объемы и состав тематических групп лексики, интерпретируемых

как слоты семантической структуры фрейма-блока. Демонстрируется разница в составе и объемах слотов.

Ключевые слова: билингвы, коми-пермяки, татары, спонтанный монолог «О себе», текстовый блок «Семья», фреймовая структура.

Введение. Каждое общество характеризуется репертуаром идентичностей, который является частью объективного знания его членов; в результате социализации идентичности интернализуются, т. е. становятся компонентами структуры личности [Berger 1973: 276]. Усвоение категорий, составляющих идентичность, происходит через дискурсы [Weedon 2004: 13]. Категории, формирующие структуру «Я», варьируют у разных групп [Turner 1988: 113]. Помимо этноса, гендера, профессии и др., семья входит в набор этих категорий, являясь социальным конструктором. Репрезентации представлений о семье в текстах удобно рассматривать как фрейм: фрейм является универсальной структурой представления знания, верхний уровень которой устойчив, а нижний – слоты – заполняются отдельными примерами или данными [Minsky 1974: 1].

Материал и методы исследования. Материалом исследования – спонтанные монологи на тему «О себе» на русском языке, полученные от билингвов – коми-пермяков и татар (22 текста от коми-пермяков и 23 текста от татар). Информантов просили рассказать о себе; текст порождался свободно, тема раскрывалась по усмотрению говорящего. Транскрипты монологов опубликованы в [Русская речь коми-пермяков 2007; Русская спонтанная речь татароязычных билингвов Пермского края 2012]. Общий объем текстов – 10 523 словоупотребления.

В данных монологах на основе анализа семантики пропозиций вычленяются текстовые блоки – суждения «о каком-либо явлении или факте действительности, у которого есть текстовый субъект и текстовый предикат» [Седов 2004: 200]. Методика выделения текстовых блоков предполагает: 1) выявление актантных и предикативных единиц в каждом высказывании; 2) определение семантики этих единиц; 3) объединение пропозиций по правилам опущения, обобщения, построения и когнитивного вывода [Дейк ван 2000: 43-44]. Текстовый блок выделяется, если обнаружено несколько высказываний с актантами, характеризующимися общей (родовой) семантикой, и разными предикатами, описывающими одну ситуацию. При членении устных текстов на текстовые блоки учитывались также дискурсивные и интонационные показатели начала и конца блока: наличие инициальных и финальных дискурсивов (*ну, вот, что еще сказать?*), единое интонационное оформление [см.: Светозарова 1982: 18], наличие пауз на границе, отсутствие показателей когезии на границе блоков. Набор этих показателей для каждого блока вариативен.

Среди текстовых блоков был выделен блок «Семья», поскольку он является крайне важным для структуры идентичности личности. Объем этого текстового блока составил 1 158 словоупотреблений в текстах татар (30,2 % от объема всех текстов) и 713 словоупотреблений у коми-пермяков (10,2 % от объема текстов).

Текстовый блок «Семья» был рассмотрен как фрейм, включающий определенные слоты – тематические группы лексики, которые его наполняют. Анализировались и сопоставлялись объемы слотов (количество словоупотреблений) и семантика лексики, входящей в слоты.

Анализ объемов тематических групп (слов). В предыдущем разделе показаны доли текстовых блоков «Семья» в структуре спонтанного монолога «О себе» у коми-пермяков и татар. Как показывают эти цифры, для татар данный текстовый блок оказывается намного важнее, чем для коми-пермяков. В текстах татар именно этот блок занимает первое место по объему (почти треть всего текста), в то время как у коми-пермяков его объем уступает другим блокам и оказывается только шестым в иерархии текстовых блоков. Уже это свидетельствует о разнице в роли текстового блока «Семья» при самопредставлении коми-пермяков и татар, а также о роли семьи в их системе идентичностей.

Обратимся к фреймовой структуре текстового блока «Семья» в исследуемых текстах. Поскольку предметное значение, важное для определения идентичности, передают в основном существительные, именно существительные, входящие в блок «Семья», были распределены по тематическим группам – слотам. Объем слотов высчитывались от общего числа существительных в блоке.

Проведенный анализ тематических групп лексики (слов), составляющих рассматриваемый блок, показывает, что у коми-пермяков и татар фреймовая структура блока различна (см. рис. 1).

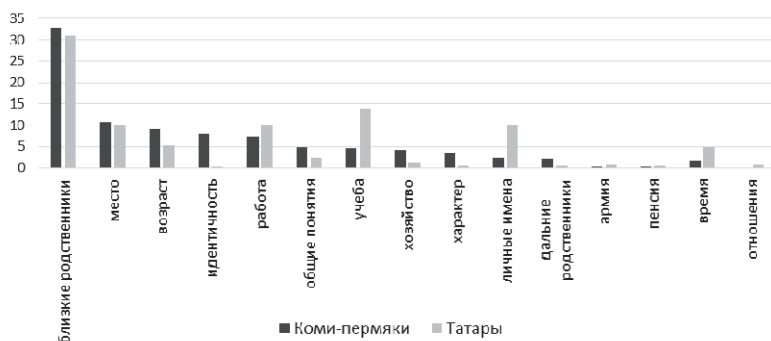

Рис. 1. Слоты фреймовой структуры текстового блока «Семья», %

Обе группы информантов, при раскрытии фрейма «Семья», говорят о родственниках (в основном о близких) и месте проживания семьи. Коми-пермяки при рассказе о семье больше внимания уделяют возрасту, национальной идентичности, общим понятиям, хозяйству и характеру; как для татар более важным оказывается рассказ о работе, учебе и указание на определенные даты, только в текстах татар встречается слот «отношения» и активны личные имена.

Личные имена используются для именованя близких родственников. Рассматривая всю совокупность наименований родственников, можно заключить, что у коми-пермяков доля слота, посвященного родственникам, оказывается меньше, чем у татар (см. рис. 2).

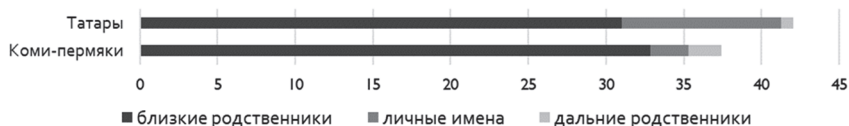

Рис. 2. Слоты фреймовой структуры текстового блока «Семья», %

Разный объем слотов позволяет предположить, что в структуре представлений о семье коми-пермяков преобладают аспекты национальной идентичности, образа жизни, а также индивидуальных характеристик человека (возраста и характера), в то время как для татар характерна большая ориентация на семью в целом, на широкие социальные связи семьи, временной аспект бытия семьи (не только через называние дат, но и через больший спектр временных периодов жизни – учеба, армия, работа, пенсия), а также на личные связи и отношения внутри семьи.

Анализ семантики лексики тематических блоков. Не только объемы слотов, но и их качественное наполнение у коми-пермяков и татар отличаются. Покажем это на примере слота «Работа». Лексика тематической группы «Работа», употребленная в текстах коми-пермяками и татарами приведена в таблице.

Лексика слота «Работа»

	Татары		Коми-пермяки
нефтяник (4)	автослесарь	полимер	колхоз (4)
бухгалтер (3)	администрация	предприниматель	работа (2)
работа (3)	воспитатель	промконтракт	тракторист (2)
водитель (2)	воспитательница	профессия	агроном
врач (2)	детский сад	распределение	библиотека
директор (2)	дело	слесарь	водитель
компания (2)	ЗАО	совет	доярка
Лукойл (2)	землеустроитель	Сургутнефтегаз	зарплата
Ман (2)	коллектив	УТТ	колхозник
начальник (2)	колхоз	физрук	парторг
ООО (2)	командировка	электрик	продавец
повар (2)	компьютер	декретный отпуск	строитель
почта (2)	мастер	клуб	экономист
автомастерская	менеджер	основатель	магазин
автопредприятие	отделение	турник	механизатор
			начальник

Как показывает таблица, не только общий объем слота «Работа», но и разнообразие лексики слота больше у татар, чем у коми-пермяков. При этом коми-пермяки, говоря о работе, в основном рассказывают о своем собственном опыте, в то время как татары апеллируют к рабочему опыту всей семьи, за счет чего охват профессиональных сфер увеличивается. Это еще раз подтверждает ориентацию татар на широкий социальный контекст и на идентичность, осмысленную через социальные, в том числе профессиональные, отношения.

Выводы. Анализ фреймовой структуры текстового блока «Семья» показывает, что и сам блок (фрейм), и его слоты имеют разный объем и лексическое наполнение в спонтанных русскоязычных текстах «О себе» у коми-пермяков и татар. Структура фрейма отражает аспекты идентичностей, на которые влияет национальное сознание говорящих.

Литература

- Дейк Т.А. ван.* Язык, познание, коммуникация. Благовещенск: Благовещ. гос. колледж им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000.
Русская речь коми-пермяков / науч. ред. Т. И. Ерофеева. Пермь, 2007.
Русская спонтанная речь татароязычных билингвов Пермского края: Ординский район / науч. ред. Т. И. Ерофеева. Пермь, 2012.
Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004.
Светозарова Н.Д. Интонационная система русского языка. Л.: Изд-во ЛГУ, 1982.
Berger P.L. The Social Reality of Religion. Harmondsworth: Penguin University Books, 1973.
Minsky M. A Framework for Representing Knowledge. MIT-AI Laboratory Memo № 306. Massachusetts: MIT, 1974.
Turner J.C. Comments on Doise's Individual and Social Identities in in-tergroup relations // European Journal of Social Psychology. 1988. Vol. 18. Pp. 113–116.
Weedon Ch. Identity and Culture: Narratives of difference and belonging. NY, Maidenhead: Open University Press, 2004.

*E.V. Erofeeva, E.S. Khudiakova (Perm, Russia)
Perm State University*

FRAME STRUCTURE OF THE TEXT BLOCK “ABOUT FAMILY” IN KOMI-PERMYAKS’ AND TATARS’ ORAL TEXTS IN RUSSIAN

The article considers the frame structure of the text block “Family” as part of the spontaneous texts “I, myself” in Russian, produced by bilingual Komi-Permyaks and Tatars. The volume and components of the thematic groups of lexis, interpreted as slots of the semantic structure of the frame (block), are analyzed. The differences in the composition and volume of the slots are demonstrated.

Key words: bilinguals, Komi-Permyaks, Tatars, spontaneous monologue “I, myself”, text block “About Family”, frame structure.

*O.N. Zherdeva, O.V. Frolova (Barnaul, Russia)
Polzunov Altai State University
vigrijanova@mail.ru, frolova.olga@list.ru*

IMPLEMENTATION OF THE CONCEPT WORK IN THE RUSSIAN AND GERMAN LANGUAGES: COMPARATIVE ASPECT

In the article the authors consider the value side of the concept WORK in Russian and German, point out semantic blocks in both languages by analyzing proverbs: compare them and identify common and individual semantic blocks that reveal value dominants in the Russian and German national picture of the world.

Key words: national picture of the world, concept, mentality, language picture of the world.

The concept of WORK refers to general cultural concepts, that is, concepts that are significant in the national picture of the world of any nation and determine its value orientations. The analysis of general cultural concepts allows us to find out their place in the linguistic picture of the world, and then in the national self-identification of the people.

In D.N. Ushakov's explanatory dictionary "work" is "what someone is doing, occupation, labor, source of income". Such lexemes as "labor", "service", and "occupation" are indicated as synonyms [Ushakov 2008: 843].

In Duden's German Dictionary, "work" (*die Arbeit*) is defined as "an activity related to the performance of certain operations" (*Arbeit – Tätigkeit mit einzelnen Verrichtungen, Ausführung*). In German, *die Arbeit* is synonymous with *Werk* (business), *Beruf* (profession), *Gewerbe* (craft) [Duden].

Thus, the definition of the concept and the synonymous line shows significant differences: in Russian WORK is a broader concept, it is any service (that is, work for someone, often of a forced nature), for which they receive money, and in German, "Arbeit" is a business, a craft, where the skill is "honed", "the soul is invested", work is presented as an important part of a person's living space.

The German definition also reveals a connection between work and order. Studies of dominants in German speech culture make it possible to single out the concept ORDNUNG as a leitmotif [Tahtarova 2009: 264]. Another noticeable nuance is that the work consists of a set of clearly built fractional actions. One gets the impression that labor is a mechanism whose functioning depends on well-coordinated interaction and step-by-step distribution of the functionality of parts.

In the Russian version, however, there is an expansion of the concept of work, a certain abstraction, it is not always an activity aimed at making money, work can be equivalent to the word labor, it is any useful human activity, "what a person is doing" [Ushakov 2008: 843].

The result of a comparative analysis of proverbs with the lexeme "work" in Russian and German was the selection of semantic blocks, the analysis of which allows us to find similarities and differences in attitude towards the work of Russians and Germans and, thus, to identify the national content of the concept.

The analysis of phraseological units, sayings, proverbs in the Russian and German languages made it possible to identify the same blocks: “as one eats, so one works”, “disapproving attitude towards idleness”, “business, work must be on the first place”, “assessing a person by work”, “perseverance and patience in work can solve any problem”.

Large blocks in both languages (which include a large number of proverbs and sayings) are “disapproving attitude towards idleness”. The motive of the award for conscientious work can be traced in the folklore of both Russian and German people. For example, in the Russian folk tale “Morozko”, the stepdaughter “*received an award for her work and for her kindness*” (“he found her alive; she had a good fur coat on her, an expensive veil and a box with rich gifts”) («Morozko». Russkije narodnye skazki]. In the German fairy tale (in the adaptation of the Brothers Grimm) “Frau Holle”, the hardworking stepdaughter is also rewarded: *the gates opened, and when the girl was under them, a heavy golden rain suddenly began, and all the gold remained on her, so that she was completely covered with gold. “This is for you for working so diligently”* (Brüder Grimm).

Diligence is perhaps the main feature that the main character in a German fairy tale should have (“König Drosselbart” “Von einem Schuster, dem sie die Arbeit gemacht”, etc.)

In individual blocks in the Russian language that do not exist in German: “work as the meaning of life (importance)”, “high assessment of skill in business (professionalism)”, “boasting and hurry in work (disapproval)” etc.

The blocks “work gives moral satisfaction” and “respect for the working person”, “only honest work is beneficial” reflects an intangible idea of happiness in the very opportunity to do something, to work conscientiously. This idea is historically conditioned, connected with the peculiarities of life and values of the ancient Slavs, peasant life.

Among the individual blocks of the Russian language, the national marker, in our opinion, is the block “overcoming the fear of work with patience”. Patience has its origins in the Orthodox religion, work is often associated with patience, humility, as illustrated by sayings, proverbs, the atmosphere of folk songs (“patience and work will grind everything”), texts of Russian folk labor songs with characteristic intonations and cries “Hey, uhnem ” (Hey, heave ho!) etc.

The “importance of mutual assistance” block puts collective work at the forefront. There is no such content of the concept of WORK in the German worldview.

Blocks peculiar only to the German language: “word and deed” (the word is not serious, the result is important)”, word and deed are different concepts (“one thing is to say – another is to do”), “work is not shameful”, “bad work takes revenge on employee” and “labor brings material benefits”.

It should be noted that in German proverbs the lexeme “work” is often connected with the word “Fleiß” (diligence). This way work in the German mentality is closely related to diligence, quality. The example can be found in the Brothers’ Grimm fairy tales “Von einem Schuster, dem sie die Arbeit gemacht”, and in Hauff’s “Frozen”,

where the main character's desire to get "easy money" without investing diligence, turns into a tragedy [Hauff].

Indicative nuances of the difference in attitude towards work of Russians and Germans are shown in the block "shying away from work" common to both languages. In the German worldview unwillingness to work is associated with the inability to earn a lot and bad luck, so the characters of fairy tales are looking for a mystical solution to the problem (hence the motive for selling their souls), in the Russian version it is unwillingness to work at all, laziness [Zaliznyak].

It is noteworthy that in the block "to acquire material wealth through work" there are sayings with the word süß (sweet): *Arbeit hat bittere Wurzeln, aber süße Früchte* (work has bitter roots, but sweet fruits); *Arbeit macht das Leben süß* (work makes life sweet). It is known that the concept of "sweet" is mentally colored, burgher's, well-fed life is characteristic of the German worldview [Zherdeva 2017: 124].

When analyzing common blocks, there can be found sayings that absolutely coincide in meaning and even their dictionary translation corresponds to Russian. However, there are nuances in such sayings that make it possible to identify differences within the framework of national content. For example, in Russian there is a saying *When you've done the work, you are free to relax*, and in German this saying corresponds to several options: *Erst die Last, dann die Rast, erst die Arbeit, dann's Vergnügen* (first load, then rest, first work, then pleasure). *Erst die Arbeit, dann das Spiel* (first work, then play); *Nach getan er Arbeit ist gut ruhn* (after a well-done job, have a good rest). For Germans, rest is associated with peace and quiet. So, shops are closed on weekends and holidays, events are not held, loud music cannot be turned on so as not to disturb the peace of neighbors.

The block "word and deed" is interesting. For Russians the phrase with which the Gospel of John begins is: "In the beginning there was the Word, and the Word was with God, and the Word was God" [Gachev 2003: 28]. For Germans, however, the beginning was the deed: in Goethe's *Faust* "It is written: in the beginning there was the deed" [Goethe 1968: 27].

The block "Work should alternate with rest" is not revealed by chance. Health is very important for the Germans; there have always been many resorts in Germany.

In the block "Bad work takes revenge on the employee", the leitmotif is the idea of the need to work honestly, to love work. In G.V. Hauff's fairy tale "Frozen", written based on folk tales, the Glass Man - the forest spirit - says to Peter Munk: *If you promise me to work honestly, without being lazy, I will help you" fulfilling Peter's desire to get a lot of money, the Glass Man instructs him: "But remember: work feeds only those who love work"* (Hauff W.).

The German proverb *Arbeit hat bittere Wurzeln, aber süße Früchte* (work has bitter roots, but sweet fruits) can be compared to the Russian *Training hard, fighting easy*. Interestingly, the first saying in the dictionaries is translated as the equivalent of Russian. However, in the German version, sweet fruits are material goods, and not further easy work, as in the Russian proverb.

Thus, the analysis of the general and individual blocks of the concept WORK that we have pointed out, including Russian and German proverbs and sayings, allows us to identify similarities in the attitude towards work of both Russians and

Germans, which is understandable, since the concept is one of the key in all cultures in terms of emotional content. This is also proved by equivalent proverbs.

On the other hand, there are also significant differences that allow us to identify the national symptoms of this general cultural concept.

References

- Gachev G.D. Mentalitet narodov mira. Gachev G.D. M., 2003.
Zherdeva O.N., Abubakarova Ye.V. Nemetskiy mir v perevodakh A.A. Feta. Barnaul, 2017.]
Zaliznyak A., Levontina I., Shmelev A. Klyuchevyye idei russkoy yazykovoy kartiny mira]. URL: <https://lingvotech.com/zaliznyak>
Morozko. Russkiye narodnyye skazki. URL: <https://azku.ru/russkie-narodnie-skazki/morozko.html>.
Tahtarova S.S. Kategoriya kommunikativnogo smyagcheniya (kognitivno-diskursivnyy i etno-kul'turnyy aspekty). Volgograd: Izd-vo VolGU, 2009.
Ushakov D.N. Bol'shoy tolkovyy slovar' sovremennoy russkoy yazyka. M., 2008.
Bruder Grimm Frau Holle. URL: <https://www.litres.ru/bruder-grimm-21119543/frau-holle-64184930/chitat-onlayn/>
Duden. URL: <https://classes.ru/all-german/dictionary-german-russian-Lein-term-18918.htm>
Hauff W. Das kalte Herz. URL: <https://www.bad-wildbad.de/maerchenweg/daskalteherz/>
Johann Wolfgang von Goethe. Faust. Tragoedie, erster Teil. Verlag Leipzig, 1968.

О.Н. Жердева, О.В. Фролова (Барнаул, Россия)

Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА РАБОТА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

В статье авторы рассматривают ценностную сторону концепта РАБОТА в русском и немецком языках. выявляют путем семантического анализа паремий семантические (смысловые) блоки в обоих языках, сравнивают их, выделяют общие и индивидуальные смысловые блоки, которые позволяют выявить ценностные доминанты в национальной картине мира русского и немецкого народов.

Ключевые слова: национальная картина мира, концепт, менталитет, языковая картина мира, сравнительные исследования.

А.Г. Кротова, Я.Ю. Алимova (Новосибирск, Россия)

*Новосибирский государственный технический университет
anakry@yandex.ru yualimova.18@mail.ru*

ВОСПРИЯТИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СИНЕСТЕТИЧЕСКОЙ МЕТАФОРЫ НОСИТЕЛЯМИ ЯЗЫКА (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

В статье описываются результаты эксперимента, направленного на выявление особенностей восприятия и интерпретации синестетической метафоры носителями языка. Сделаны выводы о том, что синестезия как лингвистический феномен понятна носителям языка, она активно используется в речи испытуемых, выполняя эстетическую функцию. Трудности вызывает интерпретация модальностей, лежащих в основе такого рода метафор.

Ключевые слова: синестезия, синестетическая метафора, модальность, эксперимент.

Синестезия – специфический феномен человеческого восприятия, который, с одной стороны, имеет нейробиологическую обусловленность и свойственен далеко не всем, однако с другой стороны, будучи отраженным в языке и речи, может рассматриваться как универсальное свойство человеческого мышления. Синестезия является ярким, нестандартным способом выражения сложных чувственных переживаний, метафорой с большим художественным потенциалом, а также одним из способов структурирования восприятия окружающих явлений.

Синестезия рассматривается как феномен одновременного возникновения ощущения конкретной модальности при стимуляции другой модальности [Лупенко 2015]. Выделяют так называемую сильную синестезию – реальное ощущение, врожденный механизм, который усложняется в процессе индивидуального развития человека и может передаваться по наследству [Лупенко 2015].

Слабая же синестезия существует в языке и речи в виде метафор, таких как *кислая улыбка*, *соленая шутка*, *вкусный текст* и пр. По мнению М.В. Никитина, синестетическая метафора порождается механизмами восприятия и переработки информации и может быть отнесена скорее к метафорам когнитивного круга, поскольку «представляет собой способ осмысления и именованя того, что наблюдается в описываемом мире, а не того, что отмечается и называется сверх того в прагматических отношениях говорящих к тому, что описывается» [Никитин 2007: 206]. Тем не менее, исследователь включает ее в категорию эпистемических метафор и сближает при этом с эмотивно-оценочными в связи с тем, что механизмы появления синестетической метафоры связаны не с признаками онтологического плана, а с сенсорными ощущениями [Никитин 2007: 207].

Известно, что когнитивная сущность метафоры и синестетической метафоры заключается в том, что с помощью механизма метафоризации мы воспринимаем, структурируем и категоризируем явления окружающего мира; метафора способствует лучшему пониманию сущности объектов. Однако способны ли носители языка распознавать синестетические метафоры и декодировать их образное основание? Осознают ли они тот самый межчувственный перенос? Для того чтобы ответить на эти вопросы, мы разработали и провели экспериментальное исследование, направленное на выявление особенностей восприятия и интерпретации носителями языка синестетической метафоры как способа выражения внутреннего состояния особого характера. В эксперименте приняло участие 100 человек с филологическим (55) и нефилологическим (45) образованием; возраст испытуемых варьируется от 18 до 47 лет.

Разработанная анкета включала определения понятий «синестезия» и «синестетическая метафора» для лучшего понимания испытуемыми исследуемого явления; блок анкетных данных; семь заданий, направленных на выявления особенностей понимания, интерпретации и использования синестетических метафор носителями языка.

Задание №1 было ориентировано на проверку способности респондентов выявлять словосочетания, в основе которых лежит синестетическая метафора: испытуемым было предложено найти такие словосочетания среди десяти представленных и обозначить модальности (каналы сенсорного восприятия), которые образуют соощущение. Результаты выполнения данного задания представлены на рис. 1.

Рис. 1

Лучше и чаще всего как синестетические метафоры интерпретировались словосочетания *теплый цвет* (осязание + зрение) – 67 % ответов и *яркий запах* (зрение + обоняние) – 53 % ответов. Модальности в словосочетании *горькая правда* смогли правильно определить лишь 23% респондентов, и это вполне ожидаемо, поскольку данное словосочетание представляет собой особый вид синестетических метафор, основанный на ассоциации между абстрактными понятиями и определенными сенсорными впечатлениями – так называемая вторичная синестезия [Свистова 2012].

В задании № 2 испытуемые должны были найти синестетическую метафору в контексте и определить ее модальности. В качестве текстов были отобраны отрывки из произведений отечественных писателей: стихотворение «Легче птицы, легче стрел...» М. Кузмина; стихотворение «Разговор книгопродавца с поэтом» А. Пушкина; рассказ «Книга» И.А. Бунина; стихотворение «Ты такая ж простая, как все...» С. Есенина; стихотворение «Н. И. Кролю (Сентябрь холодный бушевал...)» Ф. Тютчева; стихотворение «Аромат Солнца» К. Бальмонта. Необходимо было обнаружить шесть синестетических метафор: *жгучий звук*; *сладкий звук*; *тепло, мягко пахнет*; *холод синий*; *холодно-бесцветно*; *острый запах*.

Чаще всего (73% ответов) как синестетическое сочетание интерпретировалось окказиональное *холодно-бесцветно* (осязание + зрение). Реже всех (28% ответов) выбиралось словосочетание *острый запах* (осязание + обоняние). Интересно, что экспликант *острый* имеет закрепленное в словарях значение «сильно действующий на органы чувств; резкий» с широким экстенционалом,

затрагивающим различные сенсорные каналы восприятия: *острый запах, острый вкус, острый цвет*. Возможно, именно поэтому для носителей языка словосочетания с лексемой *острый* обладают наименьшей образностью: для них это потухшая синестезия, стертая метафора.

В задании № 3 испытуемые должны были придумать / вспомнить несколько синестетических словосочетаний, ответить на вопрос, какие метафоры им было придумать / вспомнить легче всего и объяснить почему.

Всего было получено 174 примера синестетических словосочетаний и 97 словосочетаний, не относящихся к синестетическим и/или не являющихся метафорами (*холодная вода, горячий чай, прозрачный лед, душевная боль* и пр.).

Практически все приведенные примеры представляют собой атрибутивно-препозитивные словосочетания с согласованием, в которых экспликантом является прилагательное (*теплый цвет, шершавый голос, сладкая песня*). Это согласуется с утверждением о том, что синестетическая метафора обычно двучленна по своей структуре и состоит из «источника» и «адресата», принадлежащих к различным сферам ощущения. Адресат и источник выполняют в синестетической конструкции разные функции: адресат (существительное) способствует метафоризации источника (прилагательного). Источник же выделяет наиболее значимые в данном контексте признаки адресата [Ищенко, Ким 2014: 127].

Самыми распространенными синестезируемыми экспликантами в приведенных примерах являются прилагательные, выражающие модальность осязания (более 60 % ответов), связанную с тактильным, температурным, гравитационным восприятием. При этом синестезирующими экспликандумами могут быть существительные с разными модальностями (зрение, вкус, слух, обоняние): *холодный цвет, тяжелый вкус, шершавый голос, мягкий аромат*. Таким образом, мы можем наблюдать, как тактильные ощущения достаточно легко переносятся в область других сенсорных систем, создавая целостный образ воспринимаемого объекта.

В заданиях № 4–7 испытуемые должны были вспомнить, используют ли они в своей речи синестетические словосочетания, привести конкретные примеры; описать свои ощущения при их использовании, а также объяснить, для какой цели они применяют данные словосочетания.

79 % испытуемых ответили, что используют синестетические словосочетания в своей речи, 9 % предположили, что используют, но не замечают этого, 7 % однозначно ответили, что не используют данные словосочетания, и 5 % воздержались от ответа. Объясняя цели применения синестетических метафор, респонденты отмечали, что такие метафоры необходимы для «лучшего выражения своих чувств и эмоций», а также «для красоты».

Итак, эксперимент показал, что синестетическая метафора как лингвистический феномен осознается и понимается носителями языка, при этом достаточно трудным является определение модальностей, лежащих в основе таких

метафор. Задания на саморефлексию позволили выяснить, что цель использования таких метафор, с точки зрения респондентов, заключается в выражении чувств и эмоций в определенной эстетически приятной форме.

Литература

Ищенко И.Г., Ким К.К. Способы реализации синестезии в американских музыковедческих текстах // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 66. С. 126–132.

Лупенко Е.А. Что такое синестезия? [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://postnauka.ru/faq/50745> (дата обращения: 05.05.2022).

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: учебное пособие. 2-е изд., доп. и испр. СПб.: Изд-во РПГУ им. А.И. Герцена, 2007.

Свистова А.К. Синестезийная метафоризация как способ развития полисемии (на материале русской и немецкой поэзии XIX – XX веков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012.

Смолина А.Н. Синестезия как троп метафорического типа. Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 2. С. 101–107.

*A.G. Krotova, Y.U. Alimova (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University*

HOW NATIVE SPEAKERS PERCEIVE AND INTERPRET SYNESTHETIC METAPHORS

The article describes the results of a questionnaire aimed at identifying the features of the perception and interpretation of the synesthetic metaphor by native Russian speakers. We concluded that synesthesia as a linguistic phenomenon is understandable to native speakers, it is actively used in the speech of the subjects and performs an aesthetic function. The interpretation of the modalities that underlie this type of metaphor causes difficulties for native Russian speakers.

Keywords: synesthesia, synesthetic metaphor, modality, experiment.

*Н.А. Лиханова (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
Nadezh-l@yandex.ru*

ЛОГИКО-ПОНЯТИЙНАЯ СИСТЕМА КАК СПОСОБ МОДЕЛИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

В данной статье рассматривается современное состояние логико-понятийной системы как способа моделирования в рамках этнолингвистического направления. Источником моделирования выступает региональный языковой материал. Представлен фрагмент логико-понятийной системы, формирующий терминологию золотого промысла.

Ключевые слова: этнолингвистика, моделирование, логико-понятийная система, региональная лингвокультура, областные словари.

В лингвоантропологической науке моделирование знаний региональной лингвокультуры становится актуальным вопросом. Один из авторов теории лингвистического моделирования И.И. Ревзин (1967) в своём труде напишет важную мысль, которая спустя десятилетия приобретёт новое видение в отношении регионального языкового материала. Автор на первом этапе своей работы предполагал, что моделирование – это заданные упрощения, где для более ясного моделирования языковых артефактов понадобятся модели новые. Языковой материал позволит строить сложные системы, но начало пути пройдёт через поэтапное создание простых схем, систем, кластеров. Указывал И.И. Ревзин и на то, что модель должна учитывать не только лингвистическую теорию моделей, а она должна быть гораздо шире, образовывать некую «мета-теорию», причём такую, которая занимается не конкретными моделями, а общими принципами моделей во всех науках. Моделирование отдельных отраслей знаний сейчас становится главной задачей для многих учёных, где идёт интеграция гуманитарных наук, формирование методологической базы и нового взгляд на процедуру анализа языкового материала.

Специалисты по когнитивной лингвистике заметят, что в «когнитивном под-сознательном у человека есть модель или модели, интерпретаторы языковой системы, обеспечивающие доступ к языковым ресурсам в долговременной памяти. Это модели, в которых уже безграничность знаний, накопленных человеком, приведена в соответствие с его перцептивными возможностями. Они несут в себе сжатый смысловой код для обработки информации и ее перекодирования в языковые знаки» [Крюкова 2018: 87]. Перцептивные возможности учитывают модели построения поведения людей, социальный фактор, культурные границы.

В этом отношении этнолингвистический подход при моделировании знаний региональной культуры приобретает новое видение. Об этнолингвистической необходимости моделирования знаний и представлений в области как материальной, так и духовной культуры этноса впервые заговорил А.С. Герд [Герд 2005]. Учёный предложил описание отдельных фрагментов народной культуры на базе логико-понятийной системы и обозначил её как «концептуальную систему знаний об объекте, представленную в том или ином вербальном или графическом виде. В такой системе выявлены не только все понятия, но и отношения между ними. В конечном счёте логико-понятийный анализ имеет целью вскрыть всю иерархию понятий, связанных с тем или иным объектом» [Герд 2005: 60]. Автор подчёркивал, что подобное моделирование возможно в результате интеграции ряда гуманитарных наук: этнографии и лингвистики (1995), географии и лингвистики (2015), где также подразумевается комплексное привлечение данных различных текстов, словарей, атласов, специальных исследований. Тем не менее, автор термина – логико-понятийной системы моделирования – с научной «осторожностью» применял его, говоря о нерешённости многих задач.

При исследовании артефактов региональной лингвокультуры можно выделить и концепцию моделирования научно-исследовательского текста В.Д. Табанаковой, которая может «осуществляться по крайней мере на двух уровнях: на уровне значений терминов в тексте и отношений между ними, и на внетекстовом уровне, когда мы моделируем значения терминов и их отношений в соответствующих терминосистемах, которым они принадлежат» [Табанакова 2003: 25]. Анализ терминологических систем в составе текста расширяет границы знаний по той или иной научно-профессиональной отрасли. Это и способствовало созданию принципов логико-понятийного анализа терминологии в лексикографических источниках [Табанакова 2001].

Польский учёный Е. Бартминьски при реконструкции фактов народной культуры определяет лексику, «как своеобразный инвентарь культуры и как сейсмограф, регистрирующий общественные, цивилизационные и культурные изменения. Предметом его внимания становится не просто семантическое развитие слов, но и их семантическое преобразование через субъективные составляющие, которые проявляются в дополнительной коннотации, учитывается энциклопедическое обогащение смыслов и их культурные особенности» [Кульпина 2012: 85]. Эти рекомендации польского учёного применимы в отношении формирования логико-понятийной системы народной культуры. Здесь учитываются дополнительные этнолингвистические данные при анализе региональной лексики, которая также позволяет в ходе процедуры анализа языкового материала выявить терминосистему заявленного предмета исследования.

Областные словари как объект исследования содержат информационное поле по различным отраслям, от народных промыслов до профессиональной деятельности. Например, опираясь на предметную область – практический материал в «Словаре русских говоров Забайкалья» – возможно, выстроить логико-понятийную систему профессиональной отрасли. Рассмотрим в качестве примера фрагмент «Золотой промысел». В данной логико-понятийной системе, сформированной на базе словаря, получили следующее:

I. Технология добычи руды и золота

1.1. Добыча золота не шахтным способом (открытым)

1.2. Добыча золота шахтным способом (закрытым)

1.2.1. Отдельные наименования способов проходки шахт

1.2.2. Отдельные наименования способов проходки шурфов

1.2.3. Отдельные наименования способов проходки ям и пр.

Например, к фрагменту «Отдельные наименования способов проходки шахт» можно отнести термин *втулок* – маленькое отверстие в боке штольни шахты. В составе контекста слово содержится в следующих примерах: «Пробили втулок для пробы, есь ли в боках золота», «Втулок был небольшой, сажени три в длину и сажень ширину», «Во втулке оказалось золото» [Элиасов 1980: 83]. Слово *втулок* является маленьким звеном в построении логико-понятийной системы для данной отрасли знаний. Слово содержит информацию: о размере прохода в шахту; отверстие пробивали с целью определить качество пробы для поиска природного минерального образования; содержит в своём

составе золотоносную руду в штольне, которая была предназначенная для добычи полезных ископаемых или обслуживания горного промысла. Поясним, что исторически на территории Восточного Забайкалья находились золотые промыслы, где работали как вольные рабочие, так и каторжане, с особым условием труда под надзором охранников. Эти люди формировали лексику золотого промысла, используя её в повседневной жизни.

В результате репрезентации логико-понятийной системы региональной лингвокультуры выяснили:

- моделирование логико-понятийной системы возможно в результате интеграции гуманитарных наук, что позволит провести процедуру анализа регионального материала;
- при построении логико-понятийной системы необходимо учитывать экстралингвистические факторы, функционирование в определенном регионе;
- в региональном аспекте логико-понятийная система должна ориентироваться на систему знаний, взаимозависимых сведений о репрезентируемой отрасли, которые были сформированы на отдельной территории, где учитывается исторический, культурный, социальный, географический контекст;
- областные словари могут стать источниками построения логико-понятийной системы;
- отдельные языковые фрагменты формируют целый системный комплекс.

Литература

Герд А.С. Введение в этнолингвистику. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2005.

Герд А.С. Нерешённое в моделировании логико-понятийных систем // Структурная и прикладная лингвистика. 2015. № 11. С. 8–15.

Крюкова О.П. Когнитивные лингвистические знания: моделирование, управление речепорождением // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 10 (803). С. 85–96.

Кульпина В.Г., Татаринов В.А. О сопоставительных аспектах польской когнитивной этнолингвистики // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2012. № 1. С. 82–88.

Ревзин И.И. Метод моделирования в типологии славянских языков. М.: Наука, 1967.

Табанаква В.Д. Моделирование научно-исследовательского текста: учебное пособие. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2003.

Табанаква В.Д. Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях: дис. ... д-ра филол. наук. Тюмень, 2001.

Элиасов Л.Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М.: Наука, 1980.

N.A. Lihanova Novosibirsk (Russia)
Novosibirsk State Technical University

LOGICAL CONCEPTUAL SYSTEM AS A METHOD OF REGIONAL VOCABULARY MODELING

The author considers current state of logical conceptual system as a modeling method in ethno-linguistic direction. The source of modeling is regional language material. The fragment of logical conceptual system in golden mining terminology is presented in this article.

Key words: ethno-linguistic, modeling logical conceptual system, regional linguistic culture, regional dictionaries

*И.О. Онал (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
onal@corp.nstu.ru*

КОНЦЕПТ ВРАГ В ТУРЕЦКОЙ ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В статье анализируются единицы паремиологического фонда турецкого языка, репрезентирующие концепт ВРАГ. Являясь культурной универсалией, данный концепт относится к категориям, составляющим основу языкового сознания любого этноса. Целью исследования является определение основных признаков, образов и ценностных установок, реализующихся при вербализации концепта ВРАГ в паремиологическом фрагменте турецкой языковой картины мира.

Ключевые слова: концепт, враг; паремия; языковая картина мира; турецкий язык.

Паремии представляют собой богатейший пласт языковой системы, в котором веками накапливаются и сохраняются наблюдения и представления о мире, этические и эстетические нормы, сведения традициях, обычаях и укладе жизни людей, их общественная и частная жизнь, опыт взаимоотношений. Феномены дружбы и вражды чрезвычайно важны для любой лингвокультуры, так как свойственны любому народу и существуют столько же, сколько существует само человечество, и, следовательно, являются универсальными общечеловеческими понятиями. Цель данной работы заключается в выявлении специфики (содержания, аксиологической значимости) концепта ВРАГ в турецкой паремиологии. Материалом для исследования послужили турецкие паремии (atasözleri ve deyimler), репрезентирующие концепт ВРАГ.

Концепт представляет собой термин, «служащий объяснению ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знание и опыт человека; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [Кубрякова и др. 1996: 90]. В лингвистической литературе предлагаются различные дефиниции понятия «концепт», однако все исследователи сходятся в том, что концепт социален, обладает национальной специфичностью и является фрагментом культуры (Ю. С. Степанов, А. Вежибцкая, В. Н. Телия и др.). По образному определению И. А. Масловой, концепт – это относительно стабильный и устойчивый «когнитивный слепок объекта действительности» [Маслова 2016: 30], при этом доступ к концепту обеспечивается средствами языка: через слово, предложение, дискурс. Важным источником при исследовании концептов являются паремии, поскольку в них, как и в других единицах фразеологического фонда языков, в большей степени отражается образно-эмоциональная и национально-специфическая стороны концепта. Выделяют три основных составляющих концепта: понятийную, ценностную и образную [Карасик 2007], при этом ценностная составляющая, согласно В. И. Карасику, является для концепта основной и проявляется в количестве номинативных единиц,

актуализирующих его в языке и речи, определяя его актуальность, а также в возможности закреплять за ним оценочные категории.

В ходе исследования методом сплошной выборки из турецких лексикографических источников были извлечены 56 паремиологических единиц, в состав и/или лексикографическое толкование которых входят ключевые лексемы-презентанты концепта ВРАГ, а именно, номинации *düşman*, *yağ*, *düşmanlık* и т. д. Изучение выбранных паремиологических единиц позволило установить, что в данных паремиях объективируются ассоциативные связи понятия «враг» с различными явлениями материального и нематериального мира. Опираясь на проанализированный эмпирический материал, можно выделить следующие группы признаков исследуемого концепта: 1. Характеристики врага; 2. Источники/причины появления врагов; 3. Отношение к врагу; 4. Враг как мерило/символ чего-то неприятного, нежелательного.

1. **Характеристики врага.** В турецких паремиях враг всегда начеку, ждет возможности причинить вред; враг нападает внезапно, от него не стоит ждать милости: *Su uyur, düşman uyuşmaz* (Вода спит – враг не спит); *Isıracak köpek dişini göstermez* (Собака не показывает зубы перед тем, как укусить); *Düşman düşmana gazel okumaz* (Враг не поет оды врагу). Врага не стоит недооценивать, даже если он кажется незначительным и не опасным: *Düşmanın karınca ise de hor bakma* (Даже если твой враг – муравей, не смотри на него свысока). Также постулируется идея о том, что враг остается врагом навсегда, и вражда ни при каких условиях не может превратиться в дружбу: *Eski düşman dost olmaz* (Старый враг не станет другом); *Domuz derisi(-nden) post olmaz, eski düşman dost olmaz* (Из свиной кожи не получится шкуры, из старого врага – друга). В последнем примере враг уподобляется нечистому животному,

В ряде паремий качества врага описываются через сопоставление с качествами друга, формируя бинарную оппозицию, конкретизируя и уточняя признаки одного концепта через другой. Так, слово друга, хотя и болезненно, приносит благо, в отличие от слова врага: *Dost ağlatır, düşman güldürür* (Друг заставит плакать, враг – смеяться). Друг скрывает свои горести, делая вид, что у него все хорошо, чтобы не расстраивать друга, в то время как враг может делать вид, что ему плохо, но в душе смеяться над вами: *Dost içten ağlar, dıştan güler, düşman ise dıştan ağlar, içten güler* (Друг плачет внутри и смеется снаружи, враг плачет снаружи и смеется внутри). Количественный аспект тоже имеет значение: наличие хотя бы одного врага может отравить существование: *Dost bin ise azdır, düşman bir ise çoktur* (Тысячи друзей мало, а одного врага много).

Примечательно, что некоторые качества врага могут сделать его предпочтительным по отношению к другу, обладающему противоположными качествами, например, *Kötü huylu dosttan, mert huylu düşman iyidir* (Добродушный враг лучше сварливого друга), *Cahilin dostluğundan arifin düşmanlığı yeğdir*, *Deli dostun olacağına akıllı düşmanın olsun* (Мудрый враг лучше глупого друга), *Belli düşman, gizli dosttan yeğdir* (Явный враг лучше тайного друга).

2. **Источники/причины появления врагов.** Как показывает анализ эмпирического материала, обзавестись врагом достаточно легко, так как, в отличие от друга, которого надо искать или завоевывать, враг может появиться откуда угодно, стать врагом может даже собственный брат или сестра: *Sen dost kazan; düşman ocağın başından çıkar* (Друга надо завоевать, а враг появится и у очага), *Kazanırsan (sen) dost kazan, düşmanı anan da doğurur* (Друга надо завоевать, даже твоя мать может родить врага); *Ararsan dost ara, düşman ağağının dibindedir* (Если ищешь – ищи друга, враг появится из ниоткуда).

Одной из причин появления врагов является наличие у кого-то денег (богатства): *İlim sahibine dost mal sahibine düşman kazandırır* (Знания приносят человеку друзей, деньги – врагов). Просьба о деньгах в долг также может привести к установлению враждебных отношений между сторонами: *Verip pişman olmaktan vermeyip düşman olmak yeğdir* (Лучше не дать и стать врагом, чем отдать и потом пожалеть). Вероятно, по этой же причине возвращение долга сравнивается с избавлением от врага: *Borç vermekle düşman vurmakla* (Отдаешь долг – уничтожаешь врага).

Между тем, умный человек, по-видимому, может с легкостью завоевывать как друзей, так и врагов: *Akullunun düşmanı çoktur* (У мудрых много врагов), *İlim sahibine dost mal sahibine düşman kazandırır* (см. выше). Важным «инструментом» представляется человеческий язык, который может повлиять как на формирование дружеских, так и неприязненных отношений: *Söz var ara bozar söz var ara düzer* (Иногда слово разрушает, иногда слово укрепляет).

3. **Отношение к врагу.** Поскольку враг коварен и желает зла, относиться к нему следует соответствующим образом: *Dost evinde başını bağla, düşman evinde tırnağını kes* (В доме друга повяжи голову, в доме врага подстриги ногти). *Yağmurda düşmanın koyunu, dostun atı satılsın* (Пусть овца врага и лошадь друга продаются под дождем).

Ни в коем случае нельзя давать врагу возможность оказаться сильнее, а еще лучше избавиться от него как можно раньше: *Düşmanın eline kılıç verilmez* (Нельзя давать врагу в руки меч); *Yılanın başı küçükken ezilmeli* (Голову змеи нужно раздавить, когда она маленькая). Ради друга нужно идти на всевозможные жертвы, но с врагом надо бороться всеми силами: *Dost için ölmeli düşman için dirilmeli* (Ради друга можно умереть, из-за врага нужно воскреснуть); *Düşmanın karıncaysa, sen fil ol* (Если твой враг муравей, будь слоном). Если же человек беспомощен, то применять силу по отношению к нему нельзя, даже если это враг: *Su içene dokunulmaz* (Нельзя трогать того, кто пьет воду); *Aman diyene kılıç kalkmaz* (На просящего пощады меч не поднимают).

Между тем, врага можно одолеть и хитростью: если нельзя использовать силу, можно применить лесть: *Isıramadığın eli öp başına koy* (Поцелуй руку, которую нельзя укусить); *Tatlı dil, azgın düşmanı bile yola getirir* (Сладкий язык поколеблет даже свирепого врага).

4. **Враг как символ/мерило чего-то неприятного/нежелательного.** В турецкой провербальной картине мира концепт «враг» служит для экспликации

других явлений окружающего мира и действий человека. Например, упорный труд приветствуется, даже если человек не сможет воспользоваться его результатами: *Sen kazan da düşmana kalsın.* (Продолжайте работать, даже если то, что вы зарабатываете/сделаете, достанется врагу). Идея о том, что работников надо хорошо кормить, чтобы они продуктивно работали, вербализуется с помощью номинаций «друг» и «враг»: *Ata dost gibi bakmalı, düşman gibi binmeli* (За лошадей надо ухаживать, как за другом, а садиться – как на врага).

«Врагами» человека, согласно некоторым турецким паремиям, могут быть различные предметы, способные принести ему вред, и стихийные бедствия: *Mal adama hem dost, hem düşmandır* (Собственность человеку и друг, и враг); *Çaputluya çalı düşman* (Человеку в бедной одежде даже куст – враг); *Od ile su dilsiz, yağidir* (Огонь и наводнение, как и враг, приходят без предупреждения).

Проведенный анализ позволяет выделить следующие составляющие концепта ВРАГ в турецкой паремиологической картине мира. Предметно-образная сторона концепта ВРАГ представляет собой обобщенный образ врага, который эксплицируется языковыми номинациями характеристик врага, составляющих понятийную сторону концепта. Враг в турецких паремиях коварен, опасен, жесток; обзавестись врагом легко, особенно тому, у кого есть деньги. Образ врага вербализуется в турецких паремиологических единицах как посредством прямой номинации с помощью соответствующих лексем, так и метафорическими средствами, где враг чаще всего соотносится с животным. Ценностная сторона концепта ВРАГ – это принятые в обществе нормы обращения с врагом. К врагу следует относиться с необходимой твердостью, и по возможности держаться от него на расстоянии. Несмотря на безусловную антиценность врага, его положение на аксиологической шкале повышается, если он обладает такими качествами, как мудрость и открытость.

Литература

- Карасик В. И. Языковые ключи. Волгоград: Парадигма, 2007.
Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996.
Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. Москва: ФЛИНТА, 2016.
Aksay Ö. A. Atasozleri ve Deyimler Sozlugu 2. İstanbul: İnkılap Kitabevi. 2013.
Atasözleri ve Anlamları. URL: <https://atasozleri.tembel.net/> (accessed 01.03.2022)
Açıklamalı Türkçe Atasözleri Sözlüğü. URL: <https://www.dersimiz.com/atasozleri-sozlugu/> (accessed 01.03.2022)

I.O. Onal (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

THE CONCEPT ENEMY IN THE TURKISH PAREMIOLOGICAL WORLDVIEW

The article analyzes the units of the paremiological fund of the Turkish language, representing the concept of ENEMY. Being a cultural universal, this concept belongs to the categories that form the basis of the linguistic consciousness of any ethnic group. The aim of the study is to identify the main features,

images and values realized by means of the verbalization of the concept ENEMY in the paremiological fragment of the Turkish linguistic worldview.

Key words: concept; enemy; paremia; linguistic worldview; Turkish.

*Е.С. Пleshков (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный университет (НИУ)
pleshkoves@susu.ru*

ОБРАЗ УКРАИНЫ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН (НА МАТЕРИАЛЕ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Статья посвящена анализу содержания образа Украины в языковом сознании носителей русской культуры с привлечением метода свободного ассоциативного эксперимента. Полученные результаты показывают, что образ Украины в языковом сознании респондентов актуализируется прежде всего как топоним и не имеет выраженной негативной коннотации.

Ключевые слова: образ, Украина, языковое сознание, ассоциативный эксперимент, психолингвистическое значение.

В настоящее время к внешнеполитическим отношениям России и Украины приковано внимание всего мира. Несмотря на общие культурные корни и историческое прошлое, сейчас эти страны имеют разное политическое устройство и геополитические интересы. В текущих реалиях многие журналисты, политики, ученые обсуждают меняющееся отношение россиян к Украине и украинцев к России. В условиях постоянного функционирования темы российско-украинских отношений в мировой информационной повестке представляется актуальным выявить динамику образа Украины в сознании россиян. Цель настоящего исследования – проанализировать образ Украины в языковом сознании россиян. Используемые нами методы исследования позволяют оценить представленность образа именно в обыденном сознании российских граждан.

Теоретической основой исследования является обоснованное в психолингвистике представление о том, что явления реальной действительности, воспринимаемые человеком в структуре деятельности и общения, отображаются в его сознании таким образом, что это отображение фиксирует причинные, пространственные связи явлений и эмоций, вызываемых восприятием этих явлений. Но поскольку языковое сознание не может быть объектом анализа в момент протекания процессов, его реализующих, оно может быть исследовано как продукт бывшей деятельности через «овнешнение» (термин Е.Ф. Тарасова) его образов средствами языка [(Нео)психолингвистика ... 2017: 33]. Одним из способов «овнешнения» выступает свободный ассоциативный эксперимент, который открывает доступ к анализу содержания языкового сознания индивида.

По результатам эксперимента выстраивается ассоциативное поле (АП), которое в рамках данного исследования имеет следующую структуру: ядерная

зона, ближняя периферия и крайняя периферия. К ядерной зоне мы относим первую по частотности реакцию, а также вторую и третью, если разрыв между ними и первой реакцией небольшой – не более 5% (если же разрыв составляет более 5%, то вторую и третью по частотности реакции мы включаем в состав ближней периферии). К крайней периферии мы причисляем единичные реакции и, наконец, ближнюю периферию составляют реакции, занимающие промежуточное положение между ядерной зоной и крайней периферией.

На основе анализа состава АП формулируется психолингвистическое значение исследуемого слова-стимула. Под психолингвистическим значением, вслед за И.А. Стерниным, мы понимаем тот объем семантических компонентов, который актуализирует изолированно взятое слово в сознании носителей языка, в единстве всех образующих его семантических компонентов – более и менее ярких, ядерных и периферийных [Стернин, Рудакова 2011: 99]. Значение конструируется в виде дефиниции с указанием частотности актуализации тех или иных семантических компонентов, что является показателем относительной яркости данных компонентов в структуре значения исследуемого слова-стимула. Кроме того, указывается количество отказов, т. е. число респондентов, отказавшихся дать реакцию на исследуемое слово-стимул.

Эксперимент проводился в период с марта по май 2022 г. В качестве респондентов в эксперименте приняли участие 196 человек в возрасте от 18 до 69 лет (граждане России, 98 мужчин и 98 женщин соответственно). Достоверность полученных результатов обеспечивается положением о том, что в психолингвистической практике для проведения анализа образов и включения данных в словарь необходимым и достаточным является АП, состоящее из 100 ассоциативных реакций, поскольку в этом случае относительные частоты встречаемости реакций стабилизируются [Черкасова 2005: 227].

Проанализируем состав АП слова-стимула *Украина* (табл. 1). Отличительной особенностью ядерной зоны (наиболее частотные реакции) является качественная бедность ассоциативных реакций ввиду количественного превосходства единственного ядерного ассоциата *страна*, что в процентном соотношении составляет 49 % от общего количества реакций. Таким образом, в языковом сознании почти половины респондентов актуализируется образ Украины как страны.

Зона ближней периферии (менее частотные реакции), по сравнению с ядерной зоной, выглядит довольно сбалансированной в плане качественно-количественных характеристик. Рассмотрим состав данной зоны более подробно и остановимся на описании отдельных ассоциатов. Реакция *сосед* обусловлена географическим положением Украины относительно России. 4 % респондентов отождествляют Украину и Россию (ассоциат *Россия*), т. е. в их языковом сознании Украина – это Россия или ее часть. Реакции *война* и *специоперация* характеризуют современную геополитическую ситуацию, причем как *специоперацию* данную ситуацию воспринимают только 1 % респондентов по сравнению с 4 % в случае с *войной*. У 6 % респондентов образ

Украины актуализируется в виде Родины. Демонстрация негативного отношения к слову-стимулу **Украина** проявляется в ассоциативной реакции *помойка* (1 %). В то же время ассоциаты *братья*, *жалость*, *жертва*, *друг* свидетельствуют о чувстве сострадания и позитивном настрое респондентов. Очень показательна реакция *це Европа* (укр. «это Европа»), которая обусловлена своей известностью в информационном поле в связи с современным геополитическим курсом Украины. Можно сказать, что 1,5 % респондентов считают Украину частью Европы, несмотря на то что Украина в данный момент не является частью Евросоюза.

Таблица 1

Ассоциативное поле слова-стимула **Украина**

Ядерные реакции	Страна (96)
Ближняя периферия	Сосед (11), война (8), Россия (8), Родина (6), братья (5), Зеленский (4), государство (3), це Европа (3), славяне (3), украинцы (3), флаг (3), жалость (2), люди (2), помойка (2), спецоперация (2), жертва (2), друг (2)
Крайняя периферия (единичные реакции)	31: Борщ, враг, город, детство, Донбасс, желтый, злые бандеровцы, знакомые, идиоты, киберспорт, традиции, Киев, корни, Крым, нацизм, наша, недружественная, новости, плохая, раздражает, сало, семья, слава, СНГ, сочувствие, многонациональная, терпимо, уничтожим, цвет, Чернобыль

В зоне крайней периферии наблюдается обилие топонимов, связанных с Украиной: реакции *Донбасс*, *Киев*, *Чернобыль*, *Крым* (0,5 % респондентов относят Крым к украинской территории). Ассоциаты *борщ* и *сало* демонстрируют стереотипность представлений об Украине. Что касается реакции *киберспорт*, то она связана с высоким уровнем развития данного вида деятельности в Украине. Небольшая часть респондентов (0,5 %) относит Украину к пространству СНГ (реакция *СНГ*). Здесь представляется уместным провести параллель с реакцией из ближней периферии, где Украина была отнесена к европейскому пространству (1,5 %).

Кроме того, зона крайней периферии характеризуется ассоциатами, которые условно можно разделить на «положительные» и «отрицательные». К первым мы относим реакции *наша*, *семья*, *слава*, *сочувствие*, *терпимо*. Ко вторым – *враг*, *злые бандеровцы*, *идиоты*, *нацизм*, *недружественная*, *раздражает*, *уничтожим*. Несмотря на наличие таких отрицательных реакций и принимая во внимание тот факт, что их вклад в общую структуру АП составляет всего по 0,5 %, говорить о сформированности негативного отношения к исследуемому слову-стимулу не приходится.

Проанализировав составляющие АП, представляется возможным сконструировать психолингвистическое значение слова-стимула **Украина**, репрезентирующее наиболее значимые смы в языковом сознании респондентов.

Украина (196) – наша 1 многонациональная 1 недружественная 1 пизда-тая 1 плохая 1 страна 96, о которой говорят в новостях 1, помойка 2, сосед 11 России 8, Родина 6, где проходило детство 1, где корни 1 и семья 1, живут люди 2, братья 5, славяне 3, украинцы 3, друзья 2, знакомые 1, идиоты 1, враги 1 и злобные бандеровцы 1, где едят борщ 1 и сало 1, где происходит война 8 и спецоперация 2, где нацизм 1 и слава 1; где процветает киберспорт 1 и традиции 1; вызывает сочувствие 1 и жалость 2, является жертвой 2, относимся терпимо 1, но уничтожим 1; государство 3 в Европе 3 и СНГ 1 с флагом 3 желтого 1 цвета 1, где президент Зеленский 4, столица Киев 1, Крым 1, Донбасс 1 и город 1 Чернобыль 1.

Отказы: 0.

Итак, выявленное в эксперименте психолингвистическое значение и коэффициенты относительной яркости демонстрируют наиболее важные семантические компоненты в структуре образа исследуемого слова-стимула. Наиболее ярким компонентом является ассоциат *страна* (96), который и образует ядерную зону. Семантические компоненты зон ближней и дальней периферии АП вследствие большого разрыва между ними и ядром в процентном соотношении вносят менее значимый вклад в общую картину. Следовательно, полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что слово-стимул **Украина** воспринимается, прежде всего, как топоним и не имеет выраженной негативной коннотации.

Литература

(Нео)психолингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем / И.А. Бубнова, И.В. Зыкова, В.В. Красных, Н.В. Уфимцева; под ред. В.В. Красных. М.: Гнозис, 2017.

Стернин И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. «Ламберт», 2011.

Черкасова Г.А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей / Г.А. Черкасова // Общение, языковое сознание, межкультурная коммуникация. Сб. статей. Институт языкознания РАН. Калуга: Издательство КГПУ им. К. Э. Циолковского, 2005. С. 227–244.

*E.S. Pleshkov (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State University*

IMAGE OF UKRAINE IN LINGUISTIC CONSCIOUSNESS OF RUSSIANS (BASED ON ASSOCIATIVE EXPERIMENT)

The article is devoted to the analysis of the content of the image of Ukraine in the linguistic consciousness of the bearers of Russian culture using the method of free associative experiment. The obtained results show that the image of Ukraine in the linguistic consciousness of the respondents is actualized primarily as a toponym and does not have a pronounced negative connotation.

Key words: image, Ukraine, linguistic consciousness, associative experiment, psycholinguistic meaning.

*Н.Н. Помуран (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
pomnatnik@mail.ru*

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ДВУЯЗЫЧНОГО МЕНТАЛЬНОГО ЛЕКСИКОНА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДА ТЕКСТА

В статье на основе сравнительного анализа перевода художественного текста изучаются особенности организации и функционирования двуязычного ментального лексикона у переводчиков. Делается вывод о специфичности проявления взаимосвязей между ощущениями разных модальностей в метальных репрезентациях определенных лексических концептов на индивидуальном уровне.

Ключевые слова: двуязычный ментальный лексикон, анализаторная сенсорная система, модальность.

Интерес к исследованию функционирования и организации двуязычного ментального лексикона связан с поиском ответов на множество вопросов, в том числе о том, что обуславливает активацию того или иного слова при переводе с одного языка на другой.

В ряде зарубежных работ по психолингвистике выделяют две группы моделей организации двуязычного ментального лексикона: иерархическую и сетевую. В иерархических моделях ментальный лексикон представлен на двух уровнях: первый включает относительно самостоятельные вербальные репрезентации разных языков; второй уровень, уровень концептуальных репрезентаций, является общим для всех языков [Groot de et al. 1994; Heij la et al. 1996; Kroll, Stewart 1994; Potter et. al 1984].

В моделях сетевого типа структурными элементами являются узлы и меж-узловые связи. Узлы соотносятся со словами и представляют семантическую, фонологическую, орфографическую и др. информацию, в то время как меж-узловые связи отражают способы взаимодействия слов в сознании по различным основаниям [Grainger et al. 2010; Marian, Spivey 2003; Meuter 2009]. Информация об отдельном слове распределена по нескольким участкам сети в связях между разными узлами, благодаря этому одни и те же ментальные единицы у разных людей могут активизировать различные вербальные репрезентации [French 1998].

Ментальный лексикон представляет собой психическую сущность, организация и функционирование которого зависит от психических процессов. Рассматривая особенности взаимосвязь между концептами и словами, А. Павленко обращает внимание на мультимодальность метальных репрезентаций лексических концептов, хранящихся в имплицитной памяти [Pavlenko 2009: 132]. Ранее на полимодальность и интермодальность мысли указывал Л.М. Веккер, отмечая, что, суть «модальности мысли» состоит в ее особенности переходить из одного спектра в другой (например, из визуального в акустический). Данное

положение объясняет способность человека проникать в одни и те же характеристики объекта средствами разных модальностей, и наоборот, при помощи средств одной модальности проникать в характеристики объекта другой модальности [Веккер 1998]. Выводы ученых основаны на принципе единства организации сенсорной системы, предложенном Б.Г. Ананьевым и А.Р. Лурия. Выделяя две группы взаимосвязанных ощущений, интермодальные (взаимодействие двух разных модальностей) и интерамодальные (взаимодействие двух одинаковых модальностей), авторы подчеркивают роль взаимодействия и взаимовлияния анализаторных систем в познавательных процессах [Ананьев 2005: 55; Лурия 2006: 108].

Мы предположили, что между ощущениями разных модальностей в ментальных репрезентациях определенных лексических концептов в индивидуальном двуязычном лексиконе могут быть доминирующие связи, иными словами, проникая в характеристики отдельных объектов или явлений действительности, одни и те же модальности оказываются взаимосвязанными.

В качестве материала нашего исследования были отобраны два перевода произведения О. Хаксли "Brave New World", выполненные Р.Д. Равич и О.П. Сорока на русский язык. Для выявления особенностей организации двуязычного ментального лексикона у переводчиков мы использовали метод сравнения предикатов на языке оригинала и перевода, не совпадающих по модальности.

Так, у Р. Д. Равич некоторые кинестетические концепты, а именно «движение, ощущение тепла», вербализуется на языке перевода в визуальной модальности: *It was warm (K) and bright on the roof.* – Крыша была залита ярким солнечным светом (V); *...he sprang to his feet and darted forward, his hand outstretched, smiling (K) with all his teeth...* – ...мгновенно вскочил и с сияющим(V) лицом бросился к незнакомцу...; *They clung (K) round him imploringly...* – ... умоляюще глядя (V) на него. В то же время концепты визуальной модальности оказываются связанными с чувствами, переживаниями, интероцептивными ощущениями, вербализующимися при помощи кинестетических предикатов: *...ignoring her lustrous(V) smile...* – ...не обращая внимания на ее манящую(K) улыбку...; *...a harsh thin light glared (V) through the windows, hungrily seeking some draped lay figure, some pallid(V) shape of academic gooseflesh.* – Свет проникал(K) сквозь стекла, блуждая в тщетных поисках какою-нибудь замерзающего(K), покрытого гусиной кожей. Примерами, когда кинестетические концепты активизируют слова аудиальной модальности, могут служить следующие фрагменты: *...his voice sent a strange thrill quivering along their diaphragms (K)...* – ...сказал он, и голос его странной дрожью отдавался в ушах (A)...; *Maniacally, the mother brooded (K) over her.* – Мать, как помешанная, вхохчет (A) над своими детьми.

При переводе с английского на русский язык лексики, связанной с обозначением «умственной активности», Р.Д. Равич использует вербальные единицы визуальной модальности: *...she thinks (D) of herself as meat...* – ...она сама смотрит (V) на себя как на кусок мяса...; *Each time he found (K) himself looking*

on the level... –Замечая (V), что вместо того, чтобы глядеть сверху вниз...; Their world didn't allow them to take things easily (K). – Их мир не позволял им смотреть на вещи просто (V).

Иные особенности взаимосвязи сенсорных ощущений обнаруживаются при анализе перевода О.П. Сорока. Предикаты аудиальной модальности активируют на языке перевода слова в кинестетической модальности. При передаче «звуков» для переводчика характерно использование глаголов «движения»: *...whenever the great man spoke (A), he desperately scribbled... – ...как только великий человек раскрывал рот (K), студенты принимались яростно строчить;... and took an evident pleasure in quoting (A) figures... – ...и явно рад был сыпать (K) цифрами...; ...he had looked and longed and despaired of ever having the courage to ask her (A)... – ...он глядел издали и тосковал, не отваживаясь подойти (K).* И наоборот, предикаты в кинестетической модальности на языке оригинала переводятся в аудиальной модальности: *...when he was interrupted (K) by a loud boo-hooing... – ...но тут послышался громкий (A) плач...; He was choked (K) with confusion... – Он смолк (A), совершенно потерявшись...; ...smiling with all his teeth, effusive (K)... – ...скаля все свои зубы, шумно ликуя (A).*

Интересный пример трансформации модальности при переводе у О.П. Сорока находим в следующем отрывке: *Fanny remained speechless and averted (K)... – ...но Фанни по-прежнему молчала, не глядела (V)...* Здесь доминирует взаимосвязь между кинестетической и визуальной модальностями, слово значение «отвернуться» тесно связано с вербальной единицей «не смотреть». Однако, чаще всего у переводчика обнаруживаются взаимосвязи ощущений различных модальностей с аудиальной: *Do ask (A) Henry where he got it. – Пожа-луйста, узнай (D) у Генри, где он его достал.*

Таким образом, можно сделать следующие выводы об особенностях взаимосвязи ощущений разных модальностей в метальных репрезентациях определенных лексических концептов, определяющих специфику индивидуального двуязычного ментального лексикона и глубинных процессах оперирования словом у переводчиков. У Р.Д. Равич кинестетические вербальные единицы, обозначающие «движение, тепло» активизируются средствами визуальной модальности, в то время как визуальные вербальные единицы связаны с чувственной переживаемостью и интероцептивными ощущениями, т. е. с кинестетической модальностью. Концепты «умственной активности» на языке перевода активируют вербальные единицы визуальной модальности. У переводчика О.А. Сорока аудиальные вербальные репрезентации на языке оригинала активируют кинестетические предикаты «движения», в то время как вербальные репрезентации чувственных переживаний и действий связаны с аудиальными предикатами. При этом, О.П. Сорока чаще сохраняет модальность языка оригинала, чем Р.Д. Равич.

Итак, знания об окружающем мире поступают по различным сенсорным каналам, вместе с тем в ментальном лексиконе модальности пересекаются

и взаимодействуют. Наше исследование показывает, что данные взаимодействия имеют свои специфические особенности и закономерности на уровне индивидуального двуязычного ментального лексикона.

Литература

- Ананьев Б. Г.* О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001.
- Веккер Л.М.* Психика и реальность единая теория психических процессов. М.: Издательство «Смысл», 1998.
- Лурия А.П.* Лекции по общей психологии. СПб.: Питер, 2006.
- French R.* A simple recurrent network model of bilingual memory // Gernsbacher M., Derry S. (eds.). Proceedings of the 20th Annual Conference of the Cognitive Science Society. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1998. P. 368-373.
- Grainger J., Midgley K., Holcomb P.* Re-thinking the bilingual interactive-activation model from a developmental perspective (BIA-d) // Kail M., Hickmann M. Language Acquisition across Linguistic and Cognitive Systems. N.Y.: John Benjamins, 2010. P. 267–284.
- Groot A. de, Dannenburg L., Hell J. van.* Forward and backward translation by bilinguals // Journal of Memory and Language. 1994. V. 33. P. 600-629.
- Heij W. la et al.* Nonverbal context effects in forward and backward translation: Evidence for concept mediation / Heij W. la, Hooglander A., Kerling R., Hell J. van, Groot A. de. // Journal of Memory and Language. 1996. V. 35. № 5. P. 648-665.
- Kroll J., Stewart E.* Category interference in translation and picture naming: Evidence for asymmetric connections between bilingual memory representations // Journal of Memory and Language. 1994. V. 33. P. 149–174.
- Marian V., Spivey M.* Competing activation in bilingual language processing: Within and between language competition // Bilingualism: Language and Cognition. 2003. V. 6. P. 97–116.
- Pavlenko A.* Conceptual Representation in the Bilingual Lexicon and Second Language Vocabulary Learning // The Bilingual Mental Lexicon: Interdisciplinary Approaches / Ed. by A. Pavlenko. Bristol et al: Cromwell press LTD, 2009. P. 125–160.
- Potter M. et al.* Lexical and conceptual representation in beginning and proficient bilinguals / Potter M., So K., Eckardt B. von, Feldman L. // Journal of verbal learning and verbal behavior. 1984. № 23. P. 23–28.

N.N. Pomuran (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

THE ORGANIZATION OF THE BILINGUAL MENTAL LEXICON: A COMPARATIVE TRANSLATION ANALYSIS OF A TEXT

The article studies the peculiarities of the organization and functioning of the bilingual mental lexicon of translators on the basis of a comparative analysis of the translation of a literary text. The conclusion is that the sensory modalities of an individual in mental representations of certain lexical concepts are specifically interacted.

Key words: bilingual mental lexicon, sense perception system, modality.

*А.Ю. Пыхтина (Москва, Россия)
Московский городской педагогический университет
anypiht@yandex.ru*

ПРИМЕНЕНИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ МЕТОДОВ В РАМКАХ КОГНИТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В данной статье анализируются некоторые особенности познавательной деятельности человека. Рассматривается применение экспериментальных методов (в частности, метода свободного ассоциативного эксперимента) в решении задач когнитивных исследований. Выявляется психологически реальное значение слова.

Ключевые слова: язык, мышление, познавательная деятельность, экспериментальные методы исследования, психологически реальное значение слова.

Современные исследования в области когнитивной лингвистики представляют огромный интерес. Именно язык как сложная, многоуровневая, непрерывно развивающаяся и вместе с тем стабильная система обеспечивает процессы мышления и познавательную деятельность человека. Изучение взаимосвязи мышления и языка как инструмента, благодаря которому становятся возможными процессы восприятия, понимания, усвоения, кодирования, трансформации информации, является одним из ведущих направлений в современном языкознании. Результаты исследований в данной области позволяют «за категориями языковой семантики увидеть общие понятийные категории и рассматривать их как результат освоения мира человеческим познанием [Стариченок 2008: 248].

Единицы языка вмещают когнитивное содержание, в них запечатлены результаты познавательной деятельности человека. Вместе с тем следует отметить, что когнитивный стиль, под которым в статье понимается «относительно устойчивые индивидуальные особенности познавательных процессов субъекта, которые выражаются в используемых им познавательных стратегиях» [Рапацевич 2006: 315] одного человека может отличаться от когнитивного стиля другого.

В рамках антропоцентрического подхода к языку ученых-лингвистов интересует как системное (лексикографическое) значение слова, так и психологически реальное значение. Это обусловлено тем, что процессы когнитивной деятельности человека неоднородны, на них влияет множество факторов, они несут отпечаток психического своеобразия личности; вследствие уникальности как психики человека, так и его опыта взаимодействия с окружающей действительностью, механизмы и результаты когнитивной деятельности в сознании разных людей могут существенно различаться. Эти различия затрагивают в первую очередь процесс формирования понятий, процесс взаимодействия системного и психологически реального значений слов в сознании носителя языка и, как результат, структуру образа мира индивида. Таким образом, при рассмотрении когнитивных механизмов и возможностей человека, неизбежно

встает вопрос о таких феноменах, как понятие (научное и обыденное), концепт, значение слова (системное и психологически актуальное). При этом важно провести четкую грань между концептом и значением слова, так как «...концепт – единица концептосферы, значение – единица семантической системы, семантического пространства языка. Значение своими системными семемами передает определенные признаки, образующие концепт, но это всегда лишь часть смыслового содержания концепта. Для экспликации концепта нужны обычно многочисленные лексические единицы, а значит – многие значения» [Попова, Стернин 2003: 59].

Изучение и анализ психологически реального или субъективного значения слова как единицы индивидуального сознания, соответствующей свойствам психометрического интеллекта носителя языка [Бубнова 2008], подразумевает использование экспериментальных методов исследования, и, прежде всего, метода свободного и направленного ассоциативного эксперимента.

Экспериментальные методы позволяют выявить и зафиксировать содержательное наполнение лексемы в сознании носителя языка, актуальность того или иного значения отдельного слова для индивида, а также ответить на вопрос, как функционируют когнитивные механизмы в сознании человека и насколько результативна когнитивная деятельность индивида или представителей языковой, социальной, возрастной и т. д. группы.

С целью выявления психологически реального значения слова нами был использован метод свободного ассоциативного эксперимента. Участникам предлагалось записать первое пришедшее в голову слово или словосочетание в качестве реакции на стимул «Портрет женщины-дипломата». Выбор стимула связан с рядом факторов. Так, дипломатия является одним из важнейших условий существования государства, представителя дипломатической службы во многом определяют для обывателя облик страны, обоснованность предпринимаемых правительством действий во внешней политике. А отношение гражданина к своей стране зачастую определяет его мировоззрение, социальную позицию, видение им своего места в обществе и своего будущего.

Кроме того, согласно результатам недавнего исследования, в мировосприятии современной молодежи прослеживается следующая тенденция: значительное число молодых людей расценивает дипломатию как исключительно мужскую сферу деятельности несмотря на то, что ситуация в мире в течение последних десятилетий претерпела существенные изменения: роль женщин, занимающих ключевые посты в сфере международной политики и международных отношений, неуклонно возрастает [Пыхтина 2021].

Показательно, что язык отражает эту тенденцию: у лексемы *дипломат* отсутствует зафиксированная в лексикографических источниках форма женского рода, в отличие от целого ряда аналогичных слов (например, аристократ – аристократка, президент – президентша, дипломант – дипломантка, лауреат – лауреатка и т. д.). Можно предположить, что, благодаря

пересмотру мировоззренческих установок социума через какое-то время лакуна будет заполнена и несоответствие языковой формы действительности исчезнет. О наличии когнитивного диссонанса свидетельствует высказывание одной из участниц эксперимента в процессе последующего лингвистического интервьюирования: «А у меня сразу отторжение от фразы «женщина-дипломат» и желание подобрать подходящий синоним женского рода».

В эксперименте приняли участие 57 человек в возрасте от 18 до 21 года, 22 юноши и 35 девушек. Они учатся на первом курсе вузов по программе бакалавриата по специальностям, не связанным со сферой международных отношений.

Было получено 57 реакций. Ассоциативное поле, состоящее из 43 сем, может быть представлено следующим образом: *костюм 4; юбка-карандаш 3; пиджак 2; аккуратность 2; высокая 2; утонченная 2; в пиджаке; женщина в строгом костюме; трибуна; длинные заплетенные волосы; распущенные волосы; ухоженные волосы; карэ (волосы); собранные волосы; укладка; высокий хвост; убранные волосы; опрятная прическа; короткие седые волосы; в юбке-карандаше; юбка; опрятная; вежливость; сдержанность; вежливая; воспитание; очки; в очках; иногда очки; женщина-европейка; производит прекрасное впечатление; испытываю восхищение; 40–50 лет; вперед смотрящая* с ясным твердым взглядом; *открытая; коммуникабельная; блондинка; худая; брюки; рубашка; рубашка белая; носит украшения; каблук; на каблуках; дорогая сумка; классическая черная сумка; статус; сочетает красоту и ум; утонченная, мудрая; красивая; более красивая; обаятельная; умна; расчетлива; интеллигент в ухоженном виде; ей завидуют; громкий уверенный тембр голоса; маникюр; с красивым маникюром; блуза; красная блузка; серое платье; туфли; улыбка; строгий вид; строгий внешний вид; строгое лицо; тоже серьезное лицо; бойкая; смелость; смогла достичь высот; молчалива; собранность; патриотизм; уверенность; тонкие закрытые губы; няши-няши; Захарова; Поклонская.*

Результаты свободного ассоциативного эксперимента позволяют предположить, что процесс восприятия и усвоения информации носителем языка связан прежде всего с наглядными, зрительными образами, что вполне объяснимо, если учитывать специфику нынешних образовательных стандартов, начальных ступени обучать школьника сложнейшим когнитивным интегративным навыкам» [Бубнова 2018]. Безусловно, «можно согласиться с тем, что визуальная коммуникация в учебном процессе является сегодня необходимым, или, по меньшей мере, желательным дополнением вербальной. Но именно дополнением, не вытесняющим и не замещающим последнюю» [Черненко 2018].

В памяти участников эксперимента присутствует именно «картинка» – фото или видео из интернета, СМИ, печатных изданий и т. д. Преобладает фиксация

внешних характеристик: одежда, обувь, прическа, аксессуары, рост, телосложение, индивидуальные черты внешности и т. п., хотя внутренние качества женщины-дипломата также были указаны, среди них *высокий интеллект, твердый характер, собранность, серьезность, патриотизм, уверенность* и т. д.

Таким образом, можно заключить, что слово в познавательной деятельности значительного числа современных носителей языка вторично по отношению к зрительному образу, что, в свою очередь, обедняет язык и снижает глубину постижения окружающего нас мира.

В свете достигнутых на данном этапе развития языкознания результатов можно предположить, что взаимодействие когнитивной лингвистики и психолингвистики позволяет охватить более широкий спектр стоящих перед учеными вопросов и способствует решению как теоретических, так и прикладных задач лингвистических исследований.

Литература

- Бубнова И.А. Когнитивный механизм формирования структуры субъективного значения слова // Вопросы когнитивной лингвистики. 2008. № 3 (16). С. 51–56.
- Бубнова И.А. Проблемы современного образования: психолингвистический аспект // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. 4 (32). С. 94–103.
- Даль В. И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
- Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 120 000 слов и фразеологических выражений. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО «А ТЕМП», 2015.
- Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2003.
- Психолого-педагогический словарь Сост. Рапацевич Е. С. Минск: «Соврем. слово», 2006.
- Пыхтина А.Ю. Гендерная специфика лексемы *дипломат* в языковом сознании современной молодежи / Казанская наука. 2021. № 12. С. 178–181.
- Стариченок В.Д. Большой лингвистический словарь. Ростов н/Д: Феникс, 2008.
- Черенькая С.В. Информационные технологии в образовательном интернет-пространстве // Коммуникативные стратегии информационного общества. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2018. С. 412–413.

*A.Y. Pykhina (Moscow, Russia)
Moscow City Pedagogical University*

APPLICATION OF EXPERIMENTAL METHODS IN THE FRAMEWORK OF COGNITIVE RESEARCH

This article analyzes some features of human cognitive activity. The application of experimental methods (in particular, the method of free associative experiment) in solving problems of cognitive research is considered. The psychologically real meaning of the word is revealed.

Key words: language, thinking, cognitive activity, experimental research methods, psychologically real meaning of the word.

Ю.В. Сергаева

*Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия
sergaeva@gmail.com*

ИМЯ КАК СКРЫТОЕ СОБЫТИЕ: О НЕКОТОРЫХ МОДЕЛЯХ КРЕАТИВНОГО ИМЯНАРЕЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛОЯЗЫЧНОМ СОЦИУМЕ

На примере ономастикона США, Канады и Великобритании выделяются такие основные тенденции креативного имянаречения, как заимствование имен, транспозиция других классов онимов и апеллятивов, рециркуляция винтажных имён, лексико-морфологические инновации и пр. На прагматическом и когнитивном уровнях имянаречения использование данных средств нередко сопровождается «кодированием» информации, в частности, референцией к определенному личностно-значимому для имядателя событию.

Ключевые слова: ономастика, креативное имянаречение, референция, антропоним, словотворчество, событийность.

О значимости личного имени для его носителя, членов семьи, сообщества и, собственно, для исследователей писали представители разных областей знаний – от философов, историков, педагогов до психологов, этнографов и лингвистов, целенаправленно изучающих различные аспекты антропонимикона той или иной культуры. Как следствие, трактовка имени многогранна и часто противоречива: имя наделяют некой мистической силой, метафизическими свойствами, видят в нём философскую категорию, лишенный значения или, напротив, насыщенный смыслом знак, а также прагматически обусловленную форму речевого поведения. И если, например, П. Флоренский, Ж. Делёз и Ф. Гваттари говорят о личностной (в том числе духовной и психофизической) и общественной значимости имени собственного, представляя его как «силовую субстанцию или энергию» [Флоренский 2007: 55], «нечто из порядка события, становления или этовости» [Делёз, Гваттари 2010: 435], то специалисты-ономасты отмечают дискурсивную природу имени как «многомерного социально-языкового знака, имплицитующего различные аспекты социопрагматических референций говорящих» [Пак 2005] и вводят понятие антропонимической языковой личности [Гарагуля 1998], включающей имядателя и референта (носителя имени).

Имянаречение, несомненно, является видом творческого речевого акта: по словам американского историка-краеведа Дж. Каплана, имя обладает референциальными свойствами глобальной и локальной значимости, представляя собой сжатую историю конкретной личности или всего лингвокультурного сообщества, являясь формой поэзии и повествования (“a form of poetry, storytelling, magic, and compressed history”) [Kaplan, Bernays 1999: 13].

Для реализации творческого потенциала антропонимической языковой личности в ономастиконе США, Канады и Великобритании активно используются такие средства лингвокреативной деятельности в сфере имянаречения,

как заимствование имен (в том числе аллюзивных) из разных культур (*Gogol, Arya, Odin*), транспозиция других классов имен собственных (топонимов, эргонимов, фамилий и др. *Chicago, Bentley, Lincoln, Biden*) и апеллятивов (*Harmony, Theory, Royal, True, Wolf, Bear*), рециркуляция винтажных имён (*Abigail, Tobias, Theodora, Ambrose*), лексические и морфологические инновации (*Khemistry, Evol* – анаграмма лексемы *love*) и пр.

Прагма-когнитивный, психолингвистический и социокультурный аспекты креативного имянаращения характеризуют двустороннюю сущность антропонимической языковой личности – номинатора и носителя имени – таким образом, что имя человека (антропоним) становится не только единицей ономастического пространства в его статике и динамике, но и особым видом дискурса – так называемым скрытым диалогом имядателя и носителя имени или, например, других лиц, косвенно послуживших источником вдохновения имядателя. Сложность, как правило, состоит в том, что эксплицировать все заложенные имядателем скрытые смыслы и референции имени не всегда легко, для этого требуются как антропометрические методы исследования (опрос, анкетирование, интервью), так и изучение медийных, литературных, лингвострановедческих, этимологических и исторических источников.

Среди основных выявленных стратегий имянаращения – учет семантики имени, гендерная нейтрализация, истинная и ложная этническая маркированность, реклама/самореклама и, что особенно важно для нашего исследования – кодирование личностно-значимой информации, наделение имени скрытыми и явными референциями.

Имя может содержать скрытую референцию к определенному событию, значимому человеку, месту и т. п., о чем носитель имени и окружающие могут и не подозревать, если только сам имядатель не раскроет эту информацию. Так, канадская актриса Эванджелин Лилли не стала скрывать, что назвала сына необычным именем *Kahekili* (гавайск. «гром») потому, что он родился во время грозы на Гавайях. Необычное для англоязычной культуры имя дочери известных американских атлетов ММА Ронды Роузи и Трэвиса Брауна *La'akea Makalapuaokalanipō Browne* эксплицирует гавайские этнические корни отца и является привычным для гавайской культуры семантически мотивированным именем со значением «священный свет».

Многие имена становятся своеобразными метками уникального топоса при более глубоком анализе экстралингвистических факторов: так, популярные на Аляске имена *Aurora* и *Bristol* содержат референтную отсылку не к литературному персонажу и английскому городу, а к характерному для Аляски природному явлению *aurora borealis* и известному политику из этого штата *Bristol Palin*. [Popular Baby Names]

Необычные, редкие для определенной культуры имена, как правило, характеризуют больше номинатора (родителей и пр.), чем собственно носителя имени, который нередко может страдать от креативного антропонима. Такие имена, как *Tequila, Rhianna, Rooney, Pro Life, Mormon Beauty, Confederate*

American могут прямо или косвенно указывать на увлечения имядателя, его кумиров, взгляды на мир, особенности профессии и характера. Имя же сына Илона Маска *X Æ A-Xii* являет собой своеобразный ребус интересов и ценностей эксцентричного миллиардера, где X – это неизвестная переменная, Æ – эльфийское написание Ai, означающей любовь и/или искусственный интеллект, A-12 – отсылка к предшественнику самолета SR-17.

Событийная референция нередко наделяет имя собственное свойством своеобразной свёрнутой пропозиции, отсылающей к целой ситуации или культурному сценарию, связанному с биографией имядателя. Популярны модели имянаречения, в основе которых лежит событийность:

А) место/время → событие → имя;

Типичные события, связывающие топоним с именем – ребёнок был зачат / родился в этом месте, здесь состоялась первая встреча будущих родителей и т. п. Как правило, это оттопонимные имена и случаи транспозиции числительных или других маркеров времени. Напр., *Brooklyn Beckham* получил такое имя, потому что родители узнали о том, что они ждут ребенка, именно во время поездки в Нью Йорк, а его сестра – дочь Дэвида и Виктории Бекхэм *Harper Seven* – получила среднее имя в честь времени своего рождения в 7 утра в воскресенье в седьмой месяц года.

Б) известный носитель имени → связанное с ним событие → имя

Типичные события, послужившие причиной наречения ребёнка в честь известной личности – неожиданная смерть кумира, встреча со знаменитостью, значимая спортивная победа, научный прорыв и т. п. При этом может заимствоваться не только имя, но и различные сочетания титула, имени и фамилии. Напр., сразу после трагической гибели принцессы Дианы несколько девочек (даже в России!) получили имя *Princess Diana*.

Имена такого рода выполняют мемориальную функцию, прежде всего, для имядателя, если референция неочевидна и остаётся для других скрытой. В романе Дж. Лахири “*The Namesake*” [Lahiri 2004] раскрытие личностно-значимой для отца причины наречения своего сына, американца индийского происхождения, именем *Gogol* (которое сын не принимает и отвергает, не зная его особой событийной референции) становится ключевой темой произведения и философским рассуждением о роли данного при рождении имени в судьбе человека. Только узнав, с каким событием связано в жизни отца имя русского писателя – с чудесным спасением во время крушения поезда – молодой человек переосмысливает своё отношение к имени *Gogol* и его скрытой референции.

Итак, существенное влияние на отношение индивида к своему имени оказывает восприятие его имени окружающими, понимание / непонимание явных или скрытых референций имени, личностные негативные или позитивные ассоциации, событийные характеристики. Именно в корреляции между индивидом и определенной этнокультурой, языковой системой и экстралингвистическим контекстом, под воздействием различных субъективных и объективных факторов формируется антропонимическая идентичность и имятворческий потенциал языковой личности.

Литература

- Гарагуля С. И. Антропонимическая прагматика и идентичность индивида (опыт системного описания личных имен в США): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009.
- Делёз Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато. Капитализм и шизофрения. Екатеринбург: Астрель, У-Фактория, 2010.
- Пак С.М. Ономастикон как объект филологического исследования (на материале американского дискурса XIX – XX вв.): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
- Флоренский П. Имена. М.: Харьков, 2007.
- Kaplan J., Bernays A. The Language of Names. N.Y. 1999.
- Lahiri J. The Namesake. Mariner Books; Reprint edition, 2004.
- Popular Baby Names. URL: <https://nameberry.com/popular-names> (дата обращения: 14.04.22).

*Y.V. Sergaeva (Saint Petersburg, Russia)
Herzen State Pedagogical University of Russia*

NAME AS A HIDDEN EVENT: ON SOME CREATIVE NAMING MODELS IN ENGLISH-SPEAKING COUNTRIES

A study in personal names circulating in the USA, Canada and Great Britain reveals such creative name-giving practices as borrowing names from other cultures, transposing other word classes into the class of proper names, vintage names rise, lexical and structural modifications of names. In their pragmatic and cognitive contexts, personal names are often loaded with additional hidden references to some events, people, places meaningful for name givers.

Key words: onomastics, creative name-giving, reference, anthroponym, lexical creativity, event construal.

*Чжао Цзэхун (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
zhaozehong@mail.ru*

ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ КОНЦЕПТА ВЕЖЛИВОСТЬ

Статья посвящена изучению гендерного аспекта концептов. В статье вежливые выражения классифицируются по различным речевым актам, сравнивается количество различных речевых актов у мужчин и женщин и делается попытка проанализировать различия в восприятии концептов мужчинами и женщинами в зависимости от разницы в количестве.

Ключевые слова: концепт ВЕЖЛИВОСТЬ, гендерный аспект, речевой акт, брифинг, компонент концепта.

В настоящее время исследование концепта «вежливость» накопило некоторые результаты (см. Федорова 2003, Ларина 2003, Богданова 2009, Степыкин 2011, Остякова 2020 и др.), исследователи обычно описывают и подтверждают содержание концепта ВЕЖЛИВОСТЬ с помощью словарных данных (толковые словари русского языка, этимологические словари русского языка, словари синонимов русского языка, специальные терминологические словари

и ассоциативные словари русского языка) и ассоциативных экспериментов. Концепт представляет собой «результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 24]. Вслед за Е. С. Кубряковой концепт понимается как «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и мозга, всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ 1996: 90]. Именно поэтому изучение концепта носит не только когнитивный, но и психологический, социальный и культурный характер.

Н.И. Степыкин считает, что «культурная память» слов наиболее полно зафиксирована в различных словарных данных [Степыкин 2011: 53], поэтому использование словарных дефиниций является важной частью описания содержания концепта, а ассоциативные эксперименты позволяют исследовать концепт в объективной реальности, поэтому они являются незаменимой частью исследования концепта. Поскольку исследователи не используют в своих работах абсолютно одинаковые источники и экспериментальные группы, полученные результаты могут несколько отличаться. В данном исследовании мы приводим результаты, уже полученные предшественниками, и извлекаем общие части концепта ВЕЖЛИВОСТЬ в качестве базовой части исследования.

Среди различных выводов изучения концепта ВЕЖЛИВОСТЬ с помощью словарных данных мы можем резюмировать, что этот концепт включают в себя следующие компоненты: *уважение, деликатность, учтивость, корректность, предупредительность, услужливость, тактичность, доброжелательность, дружелюбие, приличие, этикет, воспитанность, обходительность, любезность, заботливость, приветливость, галантность и хорошие манеры*. А среди результатов, полученных в ходе ассоциативных экспериментов с концептом «вежливость», можно выделить нечто общее: *воспитанность, уважение, культура, учтивость, корректность, доброта, внимательность, тактичность, доброжелательность, душевность, заботливость, искренность, порядочность, уважительное отношение к старшим, этикет*. При этом *воспитанность, уважение и культура* были тремя наиболее часто упоминаемыми, кроме того, в качестве дополнительных частей концепта имеются некоторые периферийные, такие как: *женщина, чуткость, качество человека, скромность, толерантность, галантность, ум, мягкость, образование, знание правил хорошего тона, возможность найти компромисс, способность людей уважительно относиться друг к другу и выслушивать противоположную точку зрения, помощь и поддержание семьи, помощь друзьям, делать другим приятное, забота о том, чтобы окружающие чувствовали себя комфортно* и т. д.

Концепт ВЕЖЛИВОСТЬ был полно раскрыт благодаря работе исследователей, но гендерные различия этого концепта все еще остаются вне поля зрения ученых. Из-за гендерных стереотипов мужчины и женщины с детства живут

в разных субкультурах и, как следствие, имеют определенные различия в своем восприятии различных концептов. В данной работе гендерные различия концепта ВЕЖЛИВОСТЬ раскрываются путем сравнения различий в вежливых выражениях представителей разных гендеров. Вслед за Т.В. Лариной, мы понимаем вежливость «как центральную коммуникативную категорию, содержанием которой является система ритуализованных стратегий коммуникативного поведения» [Ларина 2003: 79]. Итак, рассмотрение конкретной реализации вежливости в реальном общении дает дополнительную возможность для изучения концепта ВЕЖЛИВОСТЬ.

Материалы исследования взяты с сайта МИД РФ, где представлены 409 текстов, из которых методом систематической выборки отобраны 20 мужских и 20 женских текстов (293 страницы). Временные рамки материалов – с 19 марта 2009 года до 13 января 2022 года, внутри которых имеются выступления трех официальных представителей МИД: А. А. Нестеренко (19.03.2009 – 29.10.2010), А. К. Лукашевича (27.01.2011 – 24.04.2015), М. В. Захаровой (27.08.2015 – до сих пор). Для лучшего изучения выражения вежливости классифицируются по речевым актам, после чего подсчитываются различия в количестве речевых актов у разных гендеров. Результаты представлены в таблице.

Статистика вежливых выражений у мужчин и женщины

	Просьба	Несогласие	Эвфемизм	Благодарность
Мужчины	87/35,5%	40/16,3%	16/6,5%	1/0,4%
Женщина	132/32,6%	99/24,4%	35/8,6%	22/5,4%

	Совет	Отказ	Прощание	Приветствие
Мужчины	18/7,3%	21/8,6%	20/8,1%	20/8,1%
Женщина	22/5,4%	20/4,9%	20/4,9%	20/4,9%

	Сочувствие	Соболезнование	Приглашение	Пожелание
Мужчины	2/0,8%	4/1,6%	5/2%	4/1,6%
Женщина	8/2%	6/1,5%	6/1,4%	4/1%

	Угроза	Извинение	Поздравление	Итоги
Мужчины	1/0,4%	2/0,8%	2/0,8%	245/100%
Женщина	3/0,7%	3/0,7%	3/0,7%	405/100%

Согласно данным таблицы, наиболее распространенными речевыми актами, используемыми как мужчинами, так и женщинами, были *просьба* и *несогласие*, причем у мужчин на просьбы приходится 35,5 % вежливых выражений и 16,3 % – на несогласие, по сравнению с 32,6 % и 24,4 % соответственно у женщин. Это означает, что указанные два речевых акта являются наиболее распространенными в общении и наиболее нуждаются в вежливом

выражении в сознании мужчин и женщин. *Просьба* в некоторой степени посягает на территорию адресата, а *несогласие* может легко вызвать негативную реакцию. Высокая частота использования этих двух речевых актов подразумевает, что в реальном общении и мужчины, и женщины считают, что самым важным аспектом вежливости является стремление не обидеть других, то есть в коммуникации ядерным компонентом концепта «вежливости» в сознании мужчин и женщин является *уважение*. Это объясняет некоторые другие речевые акты, которые часто используются в вежливых выражениях, такие как *отказ* и *совет*, а также использование *эвфемизмов*.

Можно заметить, что разрыв данных между показателями «просьба» и «несогласие» у мужчин значительно больше, чем у женщин. Это может быть объяснено тем, что *несогласие* отличается от *просьбы* как выражение точки зрения говорящего, при этом в коммуникации речевые стратегии мужчин направлены на доминирование в ходе общения, а речевые стратегии женщин – на выражение солидарности и поддержание контакта [Пшеничникова 2008: 31-32]. Поэтому в мужском общении иногда выбирается прямое выражение несогласия как способ укрепления своей точки зрения и диалога, в то время как женщины предпочитают избегать всех возможных конфликтов, то есть защита лица собеседника в понимании вежливости у женщин имеет более высокий приоритет, чем у мужчин.

Вторая по величине разница между данными мужчин и женщин заключается в показателе «благодарность»: частота использования *благодарности* в вежливых выражениях у мужчин занимает последнее место (0,4 %), в то время как у женщин она четвертая (5,4 %). Этот разрыв связан с тем, что женщины в общении уделяют больше внимания построению близких и доверительных межличностных отношений, чем мужчины [Пшеничникова 2008: 35], в то время как мужчины в большинстве случаев используют вежливые выражения только при необходимости; и то же самое отражается в показателях «сочувствие». Поэтому мы делаем вывод, что быть добрым и дружелюбным, заботиться о других и делать других приятными очень важно в представлении женщин о вежливости, причем приоритет этих трех пунктов значительно выше, чем в представлении мужчин.

Различия в значениях показателей «приветствие» и «прощание» не связаны с гендерными различиями (только в этом материале). «Приветствие» и «прощание» появляются в каждом тексте по одному разу, материал состоит из 20 мужских и 20 женских текстов, поэтому и «приветствие», и «прощание» используются и мужчинами, и женщиной по 20 раз. Разница в процентах объясняется различным общим количеством вежливых выражений, используемых мужчинами и женщинами.

Кроме того, мы можем наблюдать, что количество вежливых выражений, используемых женщинами, намного выше, чем у мужчин. Этот факт совпадает с результатами ассоциативного эксперимента, который также объясняет, почему вежливость связана с женскими группами в русском сознании. Поддержание

вежливости явно более важно в сознании женщин, чем мужчин. Таким образом, мы можем сделать вывод, что мужчины и женщины по-разному понимают вежливость и это соответственно отражается в их речевых актах, другими словами, в приоритете компонентов концепта ВЕЖЛИВОСТЬ.

Литература

Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац В. Г. и др. Краткий словарь когнитивных терминов. М.: МГУ, 1996.

Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах: монография. М.: Издательство РУДН, 2003.

Попова З. Д., Стернин И. А. Семантико-когнитивный анализ языка: научное издание. Изд. 2-е, перераб. и доп. Воронеж: ИСТОКИ, 2007.

Пшеничникова А. Б. Гендерные спецификации вежливости в директивных речевых актах в американской лингвокультуре: интердискурсивный подход: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2008.

Степыкин Н. И. Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2011.

***ZeHong Zhao** (St. Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University*

THE GENDER DIMENSION OF THE CONCEPT OF POLITENESS

The article is devoted to the study of the gender aspect of the concepts. The article classifies polite expressions according to different speech acts, compares the number of different speech acts in men and women and attempts to analyse the differences in the perception of concepts by men and women depending on the difference in number.

Keywords: the concept of politeness; gender; speech act; briefing; concept component.

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ И ТЕРМИНОЛОГИИ

*Д.Е. Барашева (Севастополь, Россия)
Севастопольский государственный университет
varvaraverevkinaV@yandex.ru*

МОДЕЛИ ПЕРСОНАЛИЗАЦИИ СУБЪЕКТА-ИСТОЧНИКА В НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ: РОЛЬ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ АНТРОПОНИМОВ И ИХ ДЕРИВАТОВ

Исследование было направлено на анализ персонализации субъекта-источника посредством актуализации прецедентных антропонимов и их дериватов в научной коммуникации в социально-гуманитарной сфере. В основу анализа легли установки когнитивной теории языка и когнитивно-дискурсивного подхода к лингвистическому анализу. Были выделены пять типов моделей персонализации субъекта-источника.

Ключевые слова: персонализация, прецедентные антропонимы и их дериваты, концептуальные структуры, когнитивные механизмы, модели персонализации субъекта-источника в научной коммуникации.

Понятие «персонализация» ввел отечественный психолог В.А. Петровский: это процесс и результат репрезентации субъекта и его личных вкладов в других, осуществляемый посредством предметной деятельности и общения, обеспечивающего бестелесную жизнь личности в словах других [Петровский 1981: 44-47]. Ее социально-психологическая значимость заключается в обеспечении преемственности коллективных знаний и потребных личностных качеств и в ««социальном страховании» индивида» [Петровский 2012: 87].

В сфере научных коммуникаций персонализация, очевидно, связана с соблюдением принципа преемственности и носит обоснованный конвенционный характер. По Р. Мертону, указание на используемые источники является принципиально важным в плане когнитивных и этических оснований науки. Это оптимизирует научную познавательную деятельность других исследователей отсылками к источникам; служит данью предшественникам и вознаграждением за их вклады; обеспечивает сохранение прав интеллектуальной собственности отдельного исследователя при одновременно общем доступе к результатам его труда [Merton 1988: 620-622].

Поскольку имя собственное выступает неотъемлемым атрибутом «человека-личности» [Новикова 2011: 14], оно, соответственно, должно служить

одним из важных средств персонализации. Конкретный антропоним, «привязываясь» в процессе коммуникации к определенному человеку, в сознаниях взаимодействующих с ним людей «обрастает» разными характеристиками последнего. Имя ученого, прежде всего, аккумулирует в памяти членов научного сообщества знания о результатах его исследований. Чем весомее вклад, тем более «говорящим» становится имя. Значимость прецедентных антропонимов в науке, по Е.А. Баженовой, определяется в четырех аспектах: онтологический – они могут номинировать выявленные учеными, их носящими, объекты познания; гносеологический – ассоциируясь с соответствующими теориями, обеспечивают сохранение, компрессию и структурирование старого знания; функциональный – ориентируют в фоновом дисциплинарном знании и обеспечивают адекватность взаимопонимания; лингвистический – приобретают признаки «автосемантности, дейктивности и итеративности», дериваты могут терминологизироваться [Баженова 2010: 32-34].

Учитывая вышесказанное, полагаем, что за использованием прецедентных антропонимов и их дериватов в научной коммуникации должны обнаруживаться определенные модели, по которым осуществляется персонализация субъекта-источника. Применение ключевых положений когнитивно-дискурсивного подхода к анализу языка [Кубрякова 2004] и основных принципов и установок когнитивной теории языка [Болдырев 2019] в данном исследовании позволяет выделить пять типов таких моделей в социально-гуманитарном научном дискурсе: экспликация, метонимизация, интерполяция, адъективация и экстраполяция.

Модель экспликации персонализируемого субъекта-источника предполагает интерпретацию его в качестве деятеля и прямое указание в высказывании его имени и определенного вклада. Антропонимы используются в своем первичном назначении – как универсальные социальные идентификаторы личности субъекта. Интерпретирующим операционным концептом служит пропозиция, роль агенса в которой отводится тематическому концепту, репрезентирующему конкретного ученого. Посредством механизма профилирования внимание фокусируется на определенных результатах его деятельности (фактитив в пропозиции): *Cosseru строго выделил круг первоочередных задач...* (Алпатов 2008: 20); *Vygotsky developed various strategies...* (Dafermos 2016: 30), или на объекте осмысления (пациенс): *Данную трихотомию бытия Кант переосмысливает...* (Калинников 1990: 6); *Chomsky criticized mechanic, reductionist interpretation of language...* (Dafermos 2016: 30). Модель экспликации может выражаться также посредством ядерных субстантивных словосочетаний регрессивного типа в русском языке и прогрессивного типа в английском. Антропонимы в них выступают в качестве зависимых элементов, профилирующих значение ядерных компонентов. Например: *реконструктивная этика Хабермаса* и др. (Антонио 2004: 38); *Идеи Н. Хомского* (Харитончик 2017: 7) и *Montaigne's words* (Cassirer 1953: 32); *Fodor and Pylyshin's argument* (Chalmers 1990). Т.о., осуществляется мнемоническая связь имени ученого с его вкладом.

По **модели метонимизации** субъект-источник вторично концептуализируется и личное имя символизирует результаты его научной деятельности, выступающие объектом осмысления. Репрезентирующему осмысливаемому автором вклад определенного ученого концепту в пропозиции отводится роль пациенса. На уровне оперирования концептуальными структурами это обеспечивается механизмом когнитивной метонимии, на уровне лингвистических комбинаций – находит выражение в формах ядерных прогрессивных глагольных словосочетаний и ядерных регрессивных субстантивных словосочетаний. В обоих типах антропонимы выступают зависимыми элементами. В первом их зависимость определяется значениями переходных глаголов: *заново открыть Канта* (Хинске 2015: 166); *дополнить Соссюра* (Алпатов 2008: 18); *to reinterpret Kant* (Allison 1996); *studying Vygotsky* (Dafermos 2016: 28). Во втором – девербативов, образованных от переходных глаголов: *интерпретация Канта*, *рецепция Канта* (Хинске 2015: 156); *раскрытие “второго Соссюра”* (Скубачевска-Пневска 2019: 39); *a “new reading” of Plato, a new “discovery” of Plato* (Kwiek 1996: 147); *a critical re-reading of Saussure* (Carrasco 2016). Т.о., обеспечивается компрессия знаний о вкладе субъекта-источника и когнитивная экономия в научной коммуникации.

Специфика **модели интерполяции** заключается в том, что в ней посредством механизма концептуального блендинга осуществляется интеграция значений двух или более субъектов-источников, а образованная единица задает профиль связанному с ней каузальными отношениями объекту осмысления – результату деятельности персонализируемых субъектов. Это находит выражение в использовании ядерных субстантивных словосочетаний, прогрессивного или регрессивного типа, в которых зависимый элемент представлен производным словом, образованным сложением двух или более антропонимов. Примерами могут служить конвенционализированные словосочетания: *теория (эмоций) Джеймса-Ланге, круг Выготского-Лурии, гипотеза Сэпира-Уорфа / the James-Lange theory (of emotions), Vygotsky-Luria circle, the Sapir-Whorf hypothesis* и мн. др. Или, например, авторские словосочетания: *культурно-деятельностный подход Л.С. Выготского–А.Н. Леонтьева–А.Р. Лурии* [Варако 2019]; *“the Plato-Kant canon”, Kant-Hegel-Nietzsche/pragmatism* [Kwiek 1996: 133, 140, 155]. Т.о., модель интерполяции объединяет знания о вкладах, типично, двух и, иногда, более ученых в развитие научных знаний; при этом терминологизированные словосочетания, включающие производные сложные антропонимы, входят в лексический состав языка науки и тем самым обеспечивают вторую «жизнь» соответствующих ученых, систематизацию научных знаний и оптимизацию научной коммуникации.

В основе **модели адъективации** лежат механизмы вторичной категоризации и вторичного профилирования. Репрезентируемый субъект-источник переводится из концептуальной категории субъекта – деятеля, в категорию признака фокусируемого объекта – результата его деятельности, и объект осмысления вторично профилируется посредством данного признака.

От антропонимов суффиксальным способом образуются прилагательные, которые в комбинации с нарицательными именами существительными формируют ядерные регрессивные субстантивные словосочетания, выступая в них определяющими ядерных элементов. Например: *аристотелевские «Категории»* и др. (Калинников 1990: 3, 11); *Фрейдовская картина психики* (Радзиховский 1988: 103); *Lockean empiricism* и др. (Rockmore 2019); *Chomskyan linguistics* и др. (Katz 1996). В результате конструирования данной модели в компрессированной форме, обеспечивающей когнитивную экономию в коммуникации, выделяются знания автора дискурса об отличной точке зрения субъекта-источника на общий в определенной науке объект познания.

По модели экстраполяции знание точки зрения ученого – субъекта-источника, распространяется на класс других исследователей или на категорию соответствующего научного направления. В языке это находит выражение в апелляции антропонимов аффиксальным способом. Словообразовательные суффиксы выполняют функцию вторичной языковой интерпретации значения выбранной лексической единицы, их использование обеспечивает вторичную концептуализацию предмета осмысления – выведение нового значения, и вторичную категоризацию – индивидуальное → общеклассовое, конкретное → абстрактное. Например: *кантианц(ы), фрейдист(ы), соссюрианц(ы); Kantian(s), Freudian(s), Saussureanist(s)* и под., и, соответственно, *кантианство, фрейдизм, соссюрианство; Kantianism, Freudism, Saussureanism* и под. В результате субъект-источник получает вторую «жизнь» посредством мультипликации неопределенным множеством последователей и абстрагирования в качестве научного направления. Дополнительно могут использоваться префиксы, задающие временные перспективы: *постсоссюрианство* (Скубачевска-Пневска 2019: 37, 39), *post-neo-Kantianism* (Noras 2020: 89), и оценочные перспективы: *квазициципейанство, квазивеберуанство* (Антонио 2004: 36, 53); *pseudo-Marxism, pseudo-Freudianism, pseudo-Lacanianism* (Johnston 2017: 278). Первые обеспечивают количественные, временные границы научной жизни и вкладов ученых, вторые – качественные, предупреждающие их искажения.

В качестве основных выводов отметим следующее. Актуализация в научном дискурсе прецедентных антропонимов и их дериватов способствует соблюдению обособованно принятого в науке принципа преемственности и тем самым обеспечивает персонализацию субъекта через «вторую жизнь» в других – в их памяти, мышлении, рассуждениях, высказываниях, в воздействии на процесс их научного познания, на развитие научных знаний и языка науки. Сохраняясь в научной памяти в первичных или производных формах и выступая символическими репрезентантами личных вкладов ученых, они играют важную роль в развитии научной картины мира – в ней выделяются «лица» значимых персон и наука сохраняет свое «человеческое лицо».

Литература

- Баженова Е.А.* Прецедентные единицы в научном тексте // Вестник Пермского университета. 2010. Вып. 3(9). С. 32–36.
- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
- Новикова О.Н.* Тенденции развития британского антропонимикона: дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2011.
- Петровский А.В.* Потребность «быть личностью» // Вестник практической психологии образования. 2012. № 44(33). С. 87–91.
- Петровский В.А.* К пониманию личности в психологии // Вопросы психологии. 1981. № 2. С. 40–46.
- Merton R.K.* The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property // *ISIS*. 1988. Vol. 79. P. 606–623.

D.E. Barasheva (Sevastopol, Russia)
Sevastopol State University

SOURCE SUBJECT PERSONALIZATION MODELS IN SCIENCE COMMUNICATION: A ROLE OF PRECEDENT ANTHROPONYMS AND THEIR DERIVATIVES

The study was aimed at analyzing the personalization of the source subject through the actualization of precedent anthroponyms and their derivatives in science communication in social and humanities sphere. The analysis was based on the principles of the language cognitive theory and of the cognitive-discursive approach to linguistic analysis. Six models of the source subject personalization were distinguished.

Key words: personalization, precedent anthroponyms and their derivatives, conceptual structures, cognitive mechanisms, models of the source subject personalization in science communication.

Н.П. Глинская (Москва, Россия)
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
glinkaya_nelly@mail.ru

СПЕЦИФИКА МЕТАЯЗЫКОВОГО ОПИСАНИЯ ЛОЖНО-ОРИЕНТИРУЮЩИХ ТЕРМИНОВ (MISNOMERS) В АНГЛОЯЗЫЧНОМ НАУЧНОМ ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Статья посвящена изучению структуры метаязыкового описания так называемых *misnomers* – ложно-ориентирующих англоязычных психологических терминов на материале 200 современных научных текстов по психологии. Проведена диагностика метаязыковой рефлексии ученых в отношении причин ложной ориентации психологических терминов и определены основные восемь компонентов метаязыковых описаний. Посредством факторного анализа выявлены пять метаязыковых факторов, определяющих когнитивно-дискурсивную специфику описания ложной ориентации термина в английском научном психологическом дискурсе.

Ключевые слова: ложно-ориентирующие термины, англоязычная психологическая терминология, научный психологический дискурс, когнитивно-дискурсивное терминоведение.

Познавательная деятельность опирается на знаково-опосредованные, рефлекслируемые формы сознания, репрезентирующие реальность в научных конструктах и терминах. Изучение метаязыка как основы для построения научной картины мира и терминологической рефлексии является важной задачей современного когнитивно-дискурсивного терминоведения, поскольку именно рефлексия профессионалов в отношении используемого языка нередко инициирует процесс проблематизации, обеспечивает точность коммуникации в профессиональном сообществе, стимулирует поиск новых решений. Терминологическая номинация выполняет роль языковой интерпретации и является «частью ментального познания мира (т. е. освоения знаний о мире), имеющего отношение к вторичной концептуализации и вторичной категоризации» [Болдырев 2019: 257].

Одним из фундаментальных когнитивных процессов, определяющих терминологическую репрезентацию знаний, является перспективизация, под которой понимается, вслед за О.К. Ирисхановой, «конструирование объекта одними участниками дискурсивного акта для других (или совместно с другими)» [Ирисханова 2013:46]. В случае правильной (оптимальным образом отражающей научный конструкт) перспективизации возникают правильно-ориентирующие термины, обеспечивающие «носителю языка возможность без обращения к дефиниции, по экспоненту определить закрепленное за термином понятие, денотат или место данной единицы в терминосистеме» [Ребрушкина, Аришкина 2011: 211]. И, напротив, функционируя по принципу *petitio principii*, ложно-ориентирующие термины способствуют неправильному пониманию научного конструкта, создают препятствия для научной коммуникации и осложняют развитие науки.

В рамках данного исследования с целью изучения специфики метаязыкового описания ложно-ориентирующих англоязычных психологических терминов были отобраны 200 современных научных текстов по психологии, содержащих обсуждение психологических терминов, называемых учеными-психологами «misnomers». На первом этапе осуществлялась диагностика метаязыковой рефлексии ученых в отношении ложной ориентации изучаемых психологических терминов. По полученным нами данным, наиболее частотной причиной (примерно 37 % проанализированных контекстов) появления ложно-ориентирующего психологического термина стала омонимия с общепарадными словами и словосочетаниями (например, *attention deficit; emotional awareness; social distancing; remote sensing; stage fright; sex role; group counseling; effect size; seduction theory*).

Распространенной причиной (около 28%) стало соотнесение терминоэлемента ложно-ориентирующего составного термина со словом общепарадного языка, значение которого не соответствует терминологическому значению (например, *school phobia, dental phobia, corticosteroid phobia, homophobia, self-help organizations, etc.*). Ошибочное соотнесение терминоэлемента ложно-ориентирующего термина с другим психологическим термином (e.g. *alcoholic*

dementia; Weber–Fechner law; trauma-related dissociation; false memory; compassion fatigue), вызвало появление термина, квалифицируемого как *misnomer*, примерно в 18 % случаев. Приблизительно для 12% случаев причиной неудачного обозначения стала ложная системность терминов (в частности, *mental deficiency; specific reading comprehension disability; chaos theory; high functioning autism, etc.*). По полученным нами данным, замыкает список причин появления ложно-ориентирующих терминов внутрисистемная омонимия терминов (около 5 %, например, *hyperactivity; alexithymia*). Выделенные типы причин во многом согласуются с названными еще Аристотелем видами софистических опровержений, основанных на неправильном употреблении словесных выражений [Аристотель 1978: 538-540].

На втором этапе данного исследования были проанализированы 200 метаязыковых описаний терминов, подпадающих под статус *misnomer*, в текстах англоязычных научных статей с целью выявления структуры описания ложно-ориентирующего термина. Согласно нашим результатам, обсуждение ложно-ориентирующих терминов включало следующие компоненты: 1) дефинирование термина; 2) указание на полный отказ от его употребления; 3) указание на необходимость его замены; 4) введение альтернативного термина; 5) фактологическая (эмпирическая) аргументация; 6) теоретическая аргументация (отсылка к теории, научной школе); 7) указание на авторство термина; 8) примерное время введения термина в научный обиход.

Для выявления структуры метаязыковых описаний был проведен факторный анализ методом главных компонент с Varimax вращением с помощью статистической программы «MINITAB 19» для Windows. Величина факторной нагрузки каждого признака, вошедшего в фактор, и процент описываемой дисперсии представлены ниже в таблице 1 (5 факторов – 83,6 % дисперсии).

Т а б л и ц а 1

Результаты факторного анализа составляющих метаязыкового описания ложно-ориентирующих терминов

1-й фактор (24,0%)	2-й фактор (17,6%)	3-й фактор (15,3%)	4-й фактор (13,5%)	5 фактор (13,3%)
Авторство	Альтернатива	Аргументация	Нормализация	Толкование
указание на источник авторство ложно-ориентирующего термина (0,975); примерное время введения в научный обиход (0,971);	указание на необходимость замены термина (0,788); введение заменяющего термина (0,809);	эмпирическая аргументация (фактологическая) (-0,617); теоретическая аргументация (отсылка к теории, научной школе) (0,900);	указание на отказ от употребления термина (-0,935); указание на необходимость замены термина (0,309);	дефинирование термина (0,954); фактологическая (эмпирическая) аргументация (-0,366);

Результаты факторного анализа с полученными существенными по весу факторами показывают высокую степень определенности описаний, что свидетельствует о достаточной однородности оценки англоязычного метаязыкового

конструкта «misnomer» в научной психологической литературе. Полученные метаязыковые описания хорошо отражают суть оценочной интерпретации, предполагающей, в русле теории Н.Н. Болдырева, «схематизацию опыта (объектов и событий) в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм, идеалов, стереотипов, ценностей, на основе определенных оценочных шкал, принятых в рамках той или иной культуры» [Болдырев 2019: 257].

Таким образом, принципиальный когнитивно-дискурсивный подход к термину и метаязыковому сознанию служит основой изучения специфики терминологической номинации как средства репрезентации мира в сознании профессионала. В рамках англоязычного научного дискурса выявлены пять метаязыковых факторов, определяющих когнитивно-дискурсивную специфику описания ложной ориентации психологического термина, и получивших следующие условные названия: авторство специального знака; наличие альтернативы; аргументация использования термина (эмпирическая и/или теоретическая); нормализация применения; терминологическое толкование.

Литература

Аристотель. Сочинения в 4-х томах. Т. 2. Ред. З. Н. Микеладзе. М.: «Мысль», 1978.

Болдырев Н.Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. 2-е изд. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019.

Ирисханова О.К. О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // Когнитивные исследования языка. 2013. № 15. С. 43–58.

Ребрушклина И. А., Арискина О. Л. Отрицательная ориентация термина как его относительный признак (на материале лингвистической терминологии) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2011. № 2 (14). С. 211–214.

N.P. Glinskaya (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University

SPECIFIC METALINGUISTIC DESCRIPTION OF TERMINOLOGICAL MISNOMERS IN ENGLISH PSYCHOLOGICAL DISCOURSE

The paper explores the structure of metalinguistic description of the English psychological terminological misnomers on the basis of 200 modern psychology research texts. The author discusses the main causes of this phenomenon, using researchers' metalinguistic analysis of psychological terms. Eight major components of metalinguistic description of terminological misnomers have been determined. Five metalinguistic factors underlying the cognitive-discursive specifics of terminological misnomers in English scientific psychological discourse through factor analysis have been identified.

Keywords: terminological misnomers, English-language psychological terminology, scientific psychological discourse, cognitive-discursive terminology study.

*Е.И. Дмитриева (Москва, Россия)
Российский университет транспорта
edmitrieva@mail.ru*

КОГНИТИВНАЯ СТРУКТУРА ПОДЪЯЗЫКА ТРАНСПОРТА

Статья посвящена анализу существующих классификаций терминологических подсистем различных видов транспорта. Индуктивным путем составлена универсальная классификация для терминов различных видов транспорта. Исследование выполнено на материале английского языка.

Ключевые слова: английский язык, терминоведение, когнитивная структура, транспорт.

Изучение терминологии невозможно представить в отрыве от понимания основных элементов данной отрасли. В данной работе автор исходит из того, что когнитивная структура терминосистемы транспорта продиктована функционированием транспортной системы. Далее в работе рассмотрена тематическая структура основных подязыков транспорта на материале англоязычной терминологии.

Семантическая классификация терминов железнодорожного транспорта подробно приводится в статье «Тематические группы английских терминов железнодорожного транспорта» и диссертации Е.В. Демишкевич. По мнению автора, в пределах предложенной терминосистемы следует определить 5 групп, в зависимости от их тематики [Демишкевич 2015: 60]:

- «1. Путь и путевое хозяйство
2. Организация процесса перевозок.
3. Приборы и устройства
4. Машина и подвижной состав
5. Технические операции.»

Также Е.В. Демишкевич приводит подробные количественные данные по каждой из групп.

Отличительной чертой для выше описанных тематических групп можно указать существование семантических связей и иерархической, ступенчатой структуры элементов. Как показало дальнейшее исследование, данная особенность будет характерна и подязыков других видов транспорта.

Несколько иная семантическая классификация представлена в трудах М.А. Терпак. Она предлагает классификацию, включающую 4 группы. Первую группу составляют лексические единицы, которые, составляют основу для образования терминов в научно-профессиональной сфере железнодорожного транспорта. К таким единицам, по мнению автора, относятся следующие слова: ballast, car, carriage, depot, locomotive, rail, railway, train, wagon. Ко второй группе относятся слова, у которых совпадают семантические значения в общенаучных и научно-технических отраслях знания, но обладающие возможностью определять более точно семантику железнодорожной системы терминов. Примерами могут служить такие слова как bridge, control, signal, system, tunnel. Третью группу составляют термины, которые были заимствованы из пограничных

сфер и на сегодняшний день играют важную роль в системе железнодорожных терминов. Например, слова *traffic* и *gout* были взяты в железнодорожную терминосистему из системы автомобильной терминологии, а слово *freight* было заимствовано из системы терминов торговли. [Терпак, 2018; 119]. К четвертой группе относятся термины, обладающие широкой семантикой (преимущественно заимствованные из других отраслей транспорта).

Ш.Б. Каримов выделяет следующие тематические группы авиационных терминов:

- термины, обозначающие общие авиационные понятия (например, *passenger airplane*);
- аэропорт (например, *check-in*);
- взлетно-посадочная полоса (например, *runway*);
- помещение (например, *aircrew briefing room*);
- воздушное судно (например, *board*);
- служба (например, *apron management service*);
- посадка (например, *landing*);
- груз (например, *cargo*);
- авиационное предприятие (например, *airline*);
- багаж (например, *diplomatic bag*) [Каримов 2014: 20]

Как видно из приведенного выше списка, семантическая структура данной подсистемы включает в себя как объекты и места, так и происходящие во внеязыковой действительности процессы.

В работе Е.В. Ковтун, в свою очередь, представлены следующие семантические макросистемы авиационной терминологии:

- безопасность;
- планы/схемы полета;
- субъекты полета;
- объекты полета;
- время полета;
- сигналы;
- условия полета;
- диспетчерское обслуживание полета;
- полет ВС;
- фигуры пилотажа;
- конструкция ВС;
- двигатели ВС;
- приборы и системы ВС;
- поиск и спасение;
- расследование авиационных происшествий [Ковтун 2013: 240].

Ревина Ю.Н. предлагает следующую тематическую классификацию терминов автомобильной отрасли:

- конструкция автомобиля (включающую подгруппы: «Устройство: системы, узлы и детали», «Виды и типы автомобилей»);

- техническая эксплуатация (включающую подгруппы: «Диагностика», «Ремонт», «Тюнинг»);
- автомобильные перевозки (включающую подгруппы: «Дороги и дорожные объекты», «Субъекты дорожного движения»);
- производство автомобилей (включающую подгруппы: «Процессы и операции», «Материалы и вещества») [Ревина 2011: 4].

Л.В. Беспамятная приводит следующую тематическую классификацию терминов морского и водного транспорта:

- конструктивные элементы и части корпуса судна;
- типы и виды судов;
- процессы кораблестроения;
- секции и помещения судна;
- предметы и процессы, связанные с обшивкой и покраской судна;
- судовое и палубное оборудование;
- характеристика судна;
- технические средства судна;
- предметы и процессы, связанные с вентиляционной системой и системой трубопроводов;
- энергетические установки судна;
- предметы и процессы, связанные с испытанием судна;
- технические системы судна [Беспамятная 2018: 238].

Обобщив рассмотренные классификации, можно предложить следующую тематическую классификацию транспортных терминов:

- инфраструктура транспорта и технические устройства;
- подвижной состав и его элементы;
- технологические процессы на транспорте;
- субъекты транспортных процессов.

Литература

- Беспамятная Л.В.* Структура и семантика субстантивных терминов кораблестроения в английском, немецком, русском и украинском языках: дис. ...канд. филол. наук. Донецк, 2018.
- Демичкевич Е.В.* Тематические группы английских терминов железнодорожного транспорта // Омский научный вестник. 2015. № 1. С. 59–61.
- Каримов Ш.Б.* Структурно-семантический анализ авиационных терминов в таджикском и английском языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Душанбе, 2014.
- Ковтун Е.В.* Английская авиационная терминосистема: лингвистический и переводоведческий анализ // Язык и социальная динамика: спец. вып. Ценности социума: сб. науч. тр. / отв. ред. А.В. Михайлов, Т.В. Михайлова; Сиб. гос. аэрокосмич. ун-т. Красноярск, 2013. С. 536–545.
- Ревина Ю.Н.* Автомобильная терминология в немецком и русском языках: структурно-семантический и функциональный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2011.
- Терпак М.А.* Сопоставительный анализ семантических и функциональных особенностей лексических единиц профессионального железнодорожного дискурса в английском и русском языках // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. № 2. С. 115–122.

*E.I. Dmitrieva (Moscow, Russia)
Russian University of Transport*

COGNITIVE STRUCTURE OF THE SUB-LANGUAGE OF TRANSPORT

The paper is devoted to the analysis of existing classifications of terminological subsystems of various modes of transport. Inductively, a universal classification for the terms of various modes of transport has been compiled. The study was carried out on the material of the English language.

Keywords: English language, terminology, cognitive structure, transport.

*A.S. Епимахова (Архангельск, Россия)
Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова
a.epimahova@narfu.ru*

СЛОВАРЬ КАК СРЕДСТВО СНИЖЕНИЯ КОГНИТИВНОЙ НАГРУЗКИ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ МОРЯКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ РУКОПИСНОГО СЛОВАРЯ 1940–1942 гг.)

В статье рассматривается рукописный словарь, одним из источников которого является Международный свод сигналов (1931 г.). Передача сообщений с использованием свода требовала одновременного выполнения целого ряда операций, в том числе перевода на английский язык. Вероятно, одна из целей составления англо-русского словаря – снижение когнитивной нагрузки при коммуникации с использованием Международного свода сигналов.

Ключевые слова: профессиональная коммуникация, словарь, морской словарь, Международный свод сигналов, когнитивная нагрузка.

При создании словаря многое зависит от квалификации лексикографа, его опыта, широты кругозора, умения ориентироваться в различных пластах языка и источниках. Составители переводных специальных словарей как правило опираются на собственный опыт профессиональной или переводческой деятельности. В основу словаря могут быть положены научные издания, учебные пособия, производственные документы, другие словари. При этом целесообразно ориентироваться на знакомые пользователям словарные форматы [Позднякова, Мокрова, 2012: 258], чтобы уменьшить когнитивную нагрузку.

Материалом данного исследования является англо-русский рукописный словарь, составленный архангельским капитаном Ф.М. Щепетовым в начале 1940х гг. [Щепетов]. Комментарии составителя к словарю отсутствуют, однако анализ документа позволяет сделать выводы о том, каким он видит пользователя словаря, как оценивает его языковую подготовку, когнитивный багаж и связанные с профессиональной деятельностью запросы.

Рассматриваемый словарь представляет собой шитую вручную тетрадь, куда внесены записи, в основном имеющие следующую форму: единица на английском

языке (слово, словосочетание или предложение) – ее перевод на русский язык. Словарь содержит несколько более 9 тысяч единиц (если считать, не исключая повторы и единицы без соответствий). Относительное единообразие в оформлении словарных статей указывает на то, что составитель уже выработал собственный подход к оформлению материала. Единицы выстроены преимущественно в алфавитном порядке. Некоторые слова сопровождаются списком словосочетаний; например, собран в одном месте ряд составных терминов с главным словом *buoy* (*Bar buoy, Entrance buoy, Mooring buoy, Spar buoy, Turning buoy*), но другие термины (*Can buoy, Pillar buoy* и т. д.) расположены в соответствии с алфавитным порядком по первому слову. На полях имеются дополнения (в основном, слова без перевода на русский язык). После каждой буквы оставлены несколько чистых страниц. Работа над словарем еще не была завершена, однако находилась уже далеко не на начальном этапе.

Открывая морской словарь, мы ожидаем, прежде всего, обнаружить в нем специальную терминологию. Тем не менее, словарь Ф.М. Щепетова содержит много лексики из других сфер, а также общеязыковой лексики (названия дней недели, грузов, объектов на суше и пр.). С одной стороны, такой подход объясняется с позиций когнитивной матрицы, включающей ряд концептуальных областей [Коканова 2018: 866]. С другой стороны, обращает на себя внимание связь между данным словарем и Международным сводом сигналов (МСС), который активно использовался в международной коммуникации моряков в данный период. Мотивацией для составления словаря стало, вероятно, не только отсутствие актуальных и доступных лексикографических ресурсов и стремление поделиться собственным опытом, когда из-за болезни нет возможности ходить в море [Елимахова 2019], но и понимание того, какие трудности могут возникнуть в профессиональной деятельности моряка, не знающего английский язык, при работе с МСС. Можно утверждать, что Ф.М. Щепетов использовал МСС 1931 г. на английском языке и его перевод на русский язык [МСС-1931, 1934].

МСС – это система связи между судами. До середины XX в. она прежде всего ассоциируется с флажной сигнализацией, хотя уже могли использоваться и иные средства связи. Флажная сигнализация может передавать сообщения побуквенно (например, названия) благодаря тому, что каждая буква обозначается присвоенным ей флагом, однако такой способ неудобен. Иной способ состоит в том, что флагам и их сочетаниям присваивается значение слов или фраз. Они собраны в книгу, называемую Сводом. Сообщение составляется из флагов и флажных сочетаний, которые поднимаются на фалах.

В действующей сейчас версии МСС 1965 г. [МСС-1965, 1968] набор фраз (и, соответственно, связанных с ними ситуаций) ограничен темами, непосредственно связанными с мореплаванием («Бедствия», «Маневрирование», «Метеорология – Погода», «Медицинский раздел» и др.). Во-первых, это позволило сократить его объем, т. е. упростить поиск нужного значения. Во-вторых, содержание сообщения проще стало прогнозировать. В-третьих, зная язык

собеседника не обязательно, МСС используется как раз тех ситуациях, когда присутствует языковой барьер. В МСС-1965 четко реализован принцип однозначности и завершенности сообщения в отличие от более ранних версий (например, в годы Первой мировой войны отмечались частые коммуникативные неудачи из-за того, что сообщение набиралось по действовавшей тогда версии МСС пословно) [МСС-1931, 1939, с. XI].

В отличие от МСС-1965, версия МСС-1931 гораздо более сложна и объемна. Во времена, когда средства связи были менее надежными и эффективными, требовалась возможность передавать с использованием флажной сигнализации или радиотелеграфа довольно длинные сообщения на разные темы (обсуждение товаров, условий работы, оформление документов и т. д.). Поэтому в МСС-1931 включена лексика, принадлежащая к разным тематическим пластам, значительная ее часть не имеет отношения к морской терминологии. Такая лексическая пестрота могла создать дополнительные трудности при коммуникации, поскольку термин как инструмент упорядочения, переработки и хранения информации основывается на ментальных категориях, которые заложены в памяти специалиста [Клэстер 2012: 171], а здесь присутствие значительного количества «сторонней» лексики рассеивает внимание и препятствует формированию целостной картины.

МСС-1931 имеет две объемных части: разборную и наборную, а также целый ряд таблиц и даже особую систему спряжения глаголов. При работе с МСС-1931 высока когнитивная нагрузка, определяемая не столько сложностью самого материала, сколько ходом выполнения задания и количеством задействованных ресурсов [Sweller et al. 2019: 264]. Одно и то же сообщение могло набираться по-разному [Фришман 1939: 129], и дополнительных когнитивных усилий требовала необходимость сформулировать сообщение так коротко и однозначно, чтобы использовать минимум флажных сочетаний.

Слова и фразы представлены в МСС-1931 на русском языке, но нужным оказывалось и знание английского языка, который является для МСС основным (советское издание – переводное). Во втором советском издании МСС-1931 в международной разборной части свода параллельно русскому тексту есть и английский текст сигналов, чтобы «дать личному составу возможность полного грамматического перевода принимаемых сигналов» [МСС-1931, 1939, с. XII]. Также на двух языках представлены значения однофлажных и двухфлажных сигналов. Получается, что задействуются сразу несколько кодовых систем: набирая или разбирая сообщение по МСС, нужно держать в уме его перевод на английский язык. Ф.М. Щепетов, скорее всего, использовал первое советское издание 1934 г., где фраз на английском нет, т. е. их необходимо было помнить. Перевод многих таких фраз как раз включен им в словарь.

Формулировки в разборной и наборной частях МСС-1931 имеют расхождения (иначе перевод был бы неточным), особенно в первом советском издании. Это издание также содержит случаи «многочисленного сигнального

обозначения одного и того же слова или целой фразы, что весьма осложняло набор сигналов, расплывая внимание набирающего» [МСС-1931, 1939, с. XII].

Таким образом, работа с МСС-1931 требовала хорошего знания двух языков и существенных когнитивных усилий, что усугублялось ответственностью: пользование МСС «является весьма сложным и сугубо ответственным делом, необходимо особо отметить, что **лишь полное знание инструкции по использованию средств внешней связи даст возможность правильно вести переговоры как с иностранными, так и с советскими судами, береговыми постами и сигнальными станциями**» [МСС-1931, 1934, с. XII]. Следовательно, МСС-1931 не отвечал полностью требованиям преодоления языкового барьера.

Судя по включенной в морской словарь общеязыковой лексике базового уровня, Ф.М. Щепетов полагал, что уровень владения английским языком (не только профессиональным) может быть у моряков низким. Он также понимал, насколько важны языковые навыки для успешной международной коммуникации с использованием первого советского издания МСС-1931, которая и так требовала существенных когнитивных усилий. В частности, когнитивную нагрузку снижала возможность иметь готовую формулировку сигнала на двух языках. Вероятно, это стало одной из причин составления англо-русского словаря для профессиональной деятельности моряков.

Литература

- Епимахова А.С.* Переводные словари, составленные на Поморском Севере, как средство трансфера знаний // Когнитивные исследования языка. 2019. № 37. С. 946–951.
- Клёстер А.М.* Когнитивный подход к изучению межотраслевой терминосистемы // Омский научный вестник. 2012. № 4 (111). С. 171–174.
- Коканова Е.С.* Межязыковое посредничество через призму арктических конвоев: когнитивный аспект // Когнитивные исследования языка. 2018. № 34. С. 863–866.
- МСС-1965 – Международный свод сигналов (МСС-1965). [М.]: Гидрограф. упр. М-ва обороны, 1968.
- МСС-1931, 1934 – Международный свод сигналов. 1931. М.: Гострансиздат, 1934.
- МСС-1931, 1939 – Международный свод сигналов. 1931: 2-е сов. изд. Кн. 1. М.: Водный транспорт, 1939.
- Позднякова С.Ю., Мокрова Н.И.* Когнитивно-методические основы создания учебного словаря-минимума узкоспециальных технических терминов // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2012. № 2. С. 254–260.
- Фришман З.С.* Сигнальное дело – учебник для подготовки сигнальщиков РКВМФ. М.-Л.: Военно-морское издательство НКВМФ СССР, 1939.
- Щепетов Ф.М.* Тетрадь, составляемого мною английского-русского словаря в морской жизни и практики, необходимого на каждом судне. 1940–1942. [рукопись]
- Sweller, J., van Merriënboer, J.J.G., Paas, F.* Cognitive Architecture and Instructional Design: 20 Years Later. // Educational Psychology Review. 2019. № 31. P. 261–292.

*A.S. Epimakhova (Arkhangelsk, Russia)
Northern (Arctic) Federal University*

DICTIONARY AS A MEANS OF REDUCING COGNITIVE LOAD IN PROFESSIONAL INTERNATIONAL COMMUNICATION AT SEA (BASED ON A MANUSCRIPT DICTIONARY OF 1940–1942)

The paper aims at the analysis of a manuscript naval dictionary partially based on the 1931 International Code of Signals. The transmission of messages using this code required simultaneous execution of a number of operations, including translation between Russian and English. Probably, one of the goals of compiling this English-Russian dictionary was to reduce cognitive load in professional communication using the International Code of Signals.

Key words: professional communication, dictionary, naval dictionary, International Code of Signals, cognitive load.

*M.Yu. Mironova (Saint Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State University of Economics
mkpr@yandex.ru*

THE ROLE OF CONCEPTUAL METAPHOR IN TERM FORMATION

The article is devoted to one of the creative ways of forming new meanings – a conceptual metaphor. The paper reveals the role of metaphor in term formation, demonstrates the possibility of applying the theory of conceptual integration to study the emergence of the term “stock market”.

Key words: a metaphor, conceptual integration, a blend, a term.

The purpose of each speech is to convey meanings with the help of signs. These signs represent the basis for conceptual units. However, their content depends on the person’s experience and the world around. The tendency of a natural language to use its old material in relation to new tasks allows it to economically express a large number of meanings by means of using a limited number of units. This is relevant for terminology. As A.V. Superanskaya notes, the terminological nomination is always secondary. If everything is already named in the general language, new names are constantly required in the language for special purposes [Superanskaya, Podolskaya, Vasiljeva 2012].

In this paper, the term is defined as a word or phrase of a special language, created or borrowed in order to express special concepts. Thus, a term can be either a variant of an ordinary word or a specially created unit that has both the properties of its primary basis and specific qualities.

As modern language is being studied from the cognitive perspective, there is a growing need to identify the rules of language sign interpretation and to study the history of their origin. The cognitive approach gives an opportunity to define the causes and mechanisms of development processes in the field of professional terminology nomination and to get an in-depth understanding of the term, taking into

account its prototypical categorization and actualization in professional communication.

Speaking about the content structure of the term, it is important to raise the question of how lexical units acquire a terminological meaning. One of the reasons for this is the process of metaphorization, as a result of which secondary nomination arises. There is no doubt that a significant part of human concepts is structured with the help of metaphors. Metaphor is a way of forming new meanings, thereby acting as an instrument of cognition.

According to M.V. Nikitin, metaphor assumes the similarity of denotations on the basis of which the name of one object becomes the name of another object because this second one does not have a name at all and needs a designation, or has its primary name, which, however, for some reason does not meet the goals of communication [Nikitin 2007: 254]. Comparison is used in order to determine similarities or differences, in other words, to categorize one object through another, serving as a basis for comparison.

Today, the concept of a metaphorical term is widely used in cognitive science. According to modern researches, a term is no longer stylistically neutral but has connotative meanings. Linguistic metaphor has appeared as a result of the fact that a lexical sign consists not only of a denotative, but also a connotative meaning that reflects associations, concepts and additional meanings attached to this sign and reflecting expressive, emotive and evaluative associations that have strengthened in the linguistic consciousness of people and represent its knowledge about the subject.

However, it is sometimes difficult to isolate the attribute underlying the metaphorical transfer of meaning. Sometimes the dependence of the metaphorical meaning on the original one is determined not by the repetition of the elements essential for the nomination, but by the reflection of associative and representative features reflecting ideas about phenomena and objects. Thus, comparing the interpretations of the basic and figurative meanings, it is not always easy to define the qualities underlying the transfer of meaning [Sklyarevskaya 1993].

In the present study, a semantic element is considered to be common to the two meanings, which is included in the denotative core and is fixed in dictionary definitions in both metaphorical and primary meanings. According to G.N. Sklyarevskaya, the symbol of metaphor is an element of semantics consisting either of one seme or of a set of semes, which in the original nominative meaning belongs to the sphere of connotation, and in the metaphorical meaning enters the denotative content as nuclear (differential) seme and serves as the basis for semantic transformations in the process of metaphorization [Sklyarevskaya 1993].

In the cognitive analysis of language for special purposes, the most interesting and informative is the use of conceptual integration analysis developed by G. Fauconnier and M. Turner. Their blending theory is being widely used in linguistics today, because it provides new opportunities for the study of metaphor. According to the linguists, when people speak and think, mental spaces arise in their consciousness. Thus, meanings are conveyed by people not only with the help of words, but also by

means of the information which is implicitly present in the utterance. The person himself is not aware of how the process of meaning interpretation is going on. Understanding turns out to be possible thanks to mental construction at the cognitive level. Mental spaces act as a kind of theoretical construct that creates a cognitive background, which in turn acts as an intermediary between language and the world. The success of human communication, therefore, depends on the degree of similarity of the spatial configurations constructed by the interlocutors [Skrebtsova 2000].

As the theory of conceptual integration puts it, input spaces interact with each other, what leads to a cross-space mapping. This cross-space mapping is represented by a common space (generic space) and a blended space. As a result of combining similar elements (prototypes) which are present in both input spaces, a common space (generic space) is formed. Then, after being filled with new background knowledge, these elements form a blended space. Having developed the theory of G. Lakoff and M. Johnson, G. Fauconnier and M. Turner introduced an additional mental space – a blend. These blends borrow some part of each space, resulting in the formation of a new meaning. Blends differ from original spaces, because they are more filled with cognitive and cultural models [Fauconnier 1997].

Table 1

Conceptual metaphor STOCK MARKET IS A HUMAN BEING

generic space – human presence – human activity		
input space/domain 1 Stock market – place of purchase and sale of shares – the process of buying/selling shares – involvement of people and organizations – a gathering place for sellers and buyers		input space/domain 2 Human being (person) – having a certain character, behavior – thinking, speaking
blended space Stock market is a human being The stock market appears as a living being with character, capable of expressing emotions and reacting to the surrounding reality, demonstrating certain behavior depending on the situation, susceptible to diseases.		

This research is devoted to the analysis of an investment term “stock market” and the concept represented by this term in an investment concept sphere. When analyzing the use of investment terminology, an anthropomorphic metaphor STOCK MARKET IS A HUMAN BEING was revealed. This metaphor is a result of combining two conceptual areas STOCK MARKET and LIVING ORGANISM. The blend has been formed due to the fact that people interpret the activity of the stock market by

their own actions, feelings, emotions and associations. This tool allows to represent professional concepts as simple and well-known realities. When studying investment-related texts one can come across a large number of examples of the stock market personification, where it possesses the features of a living being. For example, *the stock market is saying, the stock market needed to hear, the stock market is acting, the stock market is bleeding, the stock market has gone insane, stock market has witnessed..., the stock market is very happy, a stock market solves a problem, the stock market would kill it*, etc. The metaphorical model of STOCK MARKET IS A HUMAN BEING reflects the perception of the stock market as a person. Two input spaces (domains) STOCK MARKET and HUMAN BEING interact, leading to the formation of a blend STOCK MARKET IS A HUMAN BEING.

Thus, the main function of metaphor is to provide understanding, but not only with the help of individual isolated concepts, but an entire area of experience. Metaphor is a cognitive process which connects conceptualization and language, the source sphere and the target sphere. As the primary function of metaphor is characterization, it is based on the comparison procedure, the search for analogies between objects. According to researchers, metaphor is present in our daily life and can be observed not only in language, but also in thinking and action [Fauconnier 1997].

In conclusion, it is important to underline that the role of metaphor in term formation is obvious today and is emphasized by many linguists: the metaphorical mechanism of conceptualization of scientific realities, the formation of terms and semantic formation are still being analyzed. The need to study metaphor as a tool of cognition and a method of scientific research is becoming increasingly recognized.

References

- Nikitin M.V.* Kurs lingvisticheskoy semantiki: Uchebnoe posobie. 2-e izd., dop. i ispr. SPb.: Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, 2007.
Sklyarevskaya G.N. Metafora v sisteme yazyka. Sankt-Peterburg: Nauka, 1993.
Skrebtsova T.G. Amerikanskaya shkola kognitivnoy lingvistiki. SPb.: Anatoliya, 2000.
Superanskaya A.V., Podol'skaya N.V., Vasil'eva N.V. Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii / otv. red. T.L. Kandelaki. 6-e izd. M.: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2012.
Fauconnier G. Mappings in thought and language. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

М.Ю. Миронова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный экономический университет

РОЛЬ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТАФОРЫ В ТЕРМИНООБРАЗОВАНИИ

Статья посвящена одному из творческих способов оформления новых смыслов – концептуальной метафоре. В работе раскрывается роль метафоры в терминообразовании, демонстрируется возможность применения теории концептуальной интеграции для исследования возникновения термина “stock market”.

Ключевые слова: метафора, концептуальная интеграция, бленд, термин.

Н.И. Немкина (Москва, Россия)

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

nemkinani@my.msu.ru

МУЛЬТИМОДАЛЬНОСТЬ В КОГНИТИВНОМ АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОЙ КОММУНИКАЦИИ

Возросший интерес к изучению мультимодальности связан с расширением границ текстуальности, внедрением новых средств коммуникации в культуру общения. В статье описываются подходы к исследованию мультимодальности, рассматривается развитие понятия, а также роль феномена в профессиональной коммуникации.

Ключевые слова: мультимодальность, профессиональная коммуникация, когнитивная лингвистика, подход к исследованию.

С оформлением антропоцентрической парадигмы лингвистического знания интерес лингвистов смещается с исследования собственно языка на исследование языка в его тесной связи с человеком – субъектом, познающим мир через осознание себя и своей деятельности. «В лингвистике, избравшей в качестве своей методологической основы антропологический принцип, в центре внимания оказываются два круга проблем: 1) определение того, как человек влияет на язык, и 2) определение того, как язык влияет на человека, его мышление, культуру» [Серебренников 1988: 9]. Влияние общества на язык может быть сознательным и целенаправленным и регулироваться при помощи языковой политики. В свою очередь влияние языка на общество обусловлено стремлением к взаимопониманию, совершенствованию языковой способности членов различных социальных групп. Создание новых инструментов для общения с целью придания более выраженного коммуникативного эффекта становится неизбежным явлением, обусловленным потребностью общества в эффективном взаимодействии.

Внимание исследователей в области когнитивной лингвистики в последнее время стал привлекать такой феномен, как мультимодальность. Данный термин расширяет границы текстуальности, используя разные семиотические средства: вербальные и невербальные. Центральным в мультимодальности является идея о том, что смысл может создаваться любыми средствами (модусами) – письмом, речью, изображением. Подходы к рассмотрению мультимодальности развивались последовательно. Само понятие тесно связано с социальной семиотикой британского лингвиста М. Хэллидея, которая опирается на понимание коммуникации как взаимодействия при помощи знаков, знаковых систем, языков, кодов. В своём подходе М. Хэллидей разрабатывает системно-функциональную модель, ориентирующуюся на то, как слова и выражения используются для передачи смысла. Учёный рассматривает текст как семантическое явление, проявляющееся посредством грамматических категорий, связанных с так называемыми метафункциями или функциональными компонентами. М. Хэллидэй выделяет эмпирическую, межличностную и текстуальную

метафункции. Первая связана с языковой картиной мира говорящего и ее значение может рассматриваться как истинное. Межличностная предназначена для выражения наклонения. Текстуальная метафункция определяет связь организации в предложении значений с окружающими их идеями [Halliday 1985: 529].

Зарубежные исследователи Г. Кресс и Т. ван Лиувен, опираясь на социальную семиотику М. Хэллидея, развили свои идеи использования знаковых систем в социальном аспекте. Их подход к исследованию мультимодальности основан на том, что изображения, как и язык, имеют свои грамматические структуры, проецирующие значения. Подобно языку «визуальные грамматики» выступают в качестве социально обусловленных трансформационных элементов, на которые накладываются метафункции М. Хэллидея [Kress, Leeuwen 2006].

Другой подход к исследованию мультимодальности опирается на когнитивную семиотику, согласно которой процесс восприятия информации подчинен особенностям интерпретации знака индивидом [Манерко 2016: 724]. Данный подход основан на идеях Ч. Пирса, утверждавшего, что знаки не имеют определённого значения, так как оно нуждается в уточнении (a sign can never have a definite meaning, for the meaning must be continuously qualified) [BE]. Ч. Пирс различал не только внешние механизмы коммуникации, как Ф. де Соссюр, но и внутренние: исследование знаковых процессов, а также скрытых за этими знаками смыслов.

По мнению некоторых исследователей, «с появлением фокуса мультимодальности изменился сам способ восприятия мира. Доминирующее ранее в качестве основного носителя информации **слово** заменяется **образом**, что выражается и в приоритете визуального ряда над вербальным» [Омельяненко 2018: 70]. Тем не менее, нельзя полностью согласиться с данным утверждением, поскольку ни одна другая система знаков не способна так полно выразить весь спектр смыслов, как язык.

Мультимодальность находит своё самое широкое применение в теории коммуникации, развившейся как отрасль лингвистических учений. Его распространение связано с развитием интернет-коммуникаций и стимулированием обмена невербальными формами общения. В коммуникативистике мультимодальность характеризуется использованием нескольких модусов, в данном случае модус представляет собой способ передачи смысла с целью создания единого продукта творческой деятельности человека. Совокупность данных модусов определяет значение мультимодальности и ее воздействие на различные коммуникативные ситуации, степень их восприятия аудиторией.

Следует отметить, что с переходом значительной части коммуникации в интернет пространство изменилось само понимание мультимодальности. Фокус исследования сместился с рассмотрения мультимодальности как соединения различных кодов предъявления информации (жеста, мимики, движения тела, слова, невербальных звуков) в единой субстанции на исследование феномена в аспекте интернет-коммуникаций. Можно сказать, что «активизировалось

представление о мультимодальности как мультимедийности, если под “медиумом” понимать изображение, звук, текст» [Загидуллина 2019: 183]. По мнению Л.А. Манерко «мультимедийные средства дополняют коммуникацию, выраженную языковыми средствами, заставляя авторов быть более изобретательными, привлекая внимание слушателей и задействуя зрительный и слуховой каналы восприятия информации» [Манерко 2016: 726].

На сегодняшний день все чаще можно встретить мультимодальность в профессиональной коммуникации. Развитие научной устной и письменной речи становится неизбежным явлением, вызванным доступностью информации и ее возросшей ролью в современном обществе. Рост роли знания как такового связан с целым рядом причин, среди которых: востребованность всех существующих видов коммуникаций в различных сферах производства; резкое увеличение числа IT-продуктов и услуг, а также создание всемирного информационного поля, способствующего эффективному взаимодействию и общению людей. Все это подчёркивает «открытость системы общения и незамкнутость границ человеческого познания в освоении действительности, которая обусловлена возможностями, представленными языковыми средствами и информационными технологиями» [Манерко 2016: 727].

На современном этапе когнитивных исследований мультимодальность выступает важным элементом в системе взаимоотношения людей между миром действительности, познавательной и коммуникативной деятельностью. Развитие мультимодальности проявляется в переосмыслении понятия, раскрытии его посредством новых способов коммуникации и восприятия информации. Доступность ресурсов в сочетании с неограниченными возможностями человеческого познания в условиях современной цифровизации откладывает свой отпечаток на взаимодействие в области профессионального общения и на терминоведение в целом.

Литература

- Манерко Л.А. Мультимодальность дискурса как основа для междисциплинарных когнитивных исследований // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 27. С. 720–730.
- Омельяненко В.А., Ремчукова Е.Н. Поликодовые тексты в аспекте теории мультимодальности // Коммуникативные исследования. 2018. № 3(17). С. 66–78.
- Серебренников Б.А., Кубрякова Е.С., Постолова В.И. и др. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988.
- Загидуллина М.В. Мультимодальность: к вопросу о терминологической определенности // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2019. № 1 (31). С. 181–188.
- Halliday M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. London: Arnold, 1985.
- G. Kress and T. van Leeuwen, Reading images: The grammar of visual design. New York: Routledge, 2006.
- BE – British Encyclopaedia (Britannica). URL: <https://www.britannica.com/science/semiotics>.

*N.I. Nemkina (Moscow, Russia)
Lomonosov Moscow State University*

MULTIMODALITY IN THE COGNITIVE ASPECT OF MODERN COMMUNICATION

The increased interest in the study of multimodality is associated with the expansion of the boundaries of textuality, implementation of new means of communication in society. The article describes approaches to studying multimodality, discusses the development of the concept, as well as the role of this phenomenon in professional communication.

Key words: multimodality, professional communication, cognitive linguistics, research approach.

*С.А. Панкратова (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения
svetpankrat@yandex.ru*

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБРАЗНОСТЬ В ОСМЫСЛЕНИИ КОГНИТИВНЫХ ЛАКУН

В статье рассматриваются проблемы осмысления непознанного в речи профессионалов на примере коммуникации технических сотрудников в зарубежном кинофильме о нефтедобытчиках «Глубоководный горизонт». Выдвигается гипотеза о том, что вся палитра терминологических средств при осмыслении когнитивных лакун в экстренных ситуациях находится в зависимости от антропоцентрического фактора, а превалирующим средством вербализации непознанного является прием персонификации.

Ключевые слова: профессиональный жаргон, когнитивные лакуны, терминология, антропоцентризм.

Согласно современным представлениям, когниция опирается на предзаданную гипотезу о мире, включающую коллективное знание, воплощенное в языковой картине мира. Формирование картины мира профессионала зависит от разнообразных факторов – во-первых, это его профессия, затем место проживания, социальный статус, его взаимоотношения с коллегами, пол, возраст, образование, профессиональные интересы и пристрастия. Профессиональная сфера и коммуникация внутри нее не может не включать вторичную интерпретацию, которая, по мнению Н.Н. Болдырева, индивидуальна по сути и представлена в системе модусных категорий варьирования языковых единиц разных уровней. Его типология включает ряд единиц: отрицание, аппроксимация, экспрессивность, тональность, определенность-неопределенность, эвиденциальность, различного рода оценочные концепты и категории, в чем проявляется антропометричность языка [Болдырев 2015].

Особое влияние на выбор средств профессиональной коммуникации оказывают коллективные представления и архетипы. Дж. Лакофф называл поле существования совместных для человечества структур знания «распределенный модус» (от англ.: shared distributed knowledge), он трансформируется

в структуру индивидуального, живого знания [Лакофф 2011]. Это база знания образует основу мышления личности и составлена из концептов языка и формирует концептосферу национального языка и образ мира как совокупность представлений о мире (сюда входят рациональные суждения и чувственно-наглядные образы), а образ мира в сознании личности становится системным и влияет на восприятие личностью мира вокруг.

Профессиональное знание как часть всеобщего коллективного знания не менее императивно и обладает принудительной силой, воспринимается автоматически в готовом виде и навязывается личности с самого раннего детства в неизменном виде, передаваясь из поколения в поколение [Леви-Брюль 1930]. Относясь к области архетипического, по М. Осборну, подобные образы «...применяются чаще, чем свежие, одинаковы во все периоды и у всех культур, базируются на человеческом опыте, коррелируют с ведущими человеческими потребностями, влияют на большинство аудитории, встречаются в центральных, наиболее значимых частях посланий» [Osborn 1977]. Человек принимает коллективные стереотипы потому, что нам свойственна «инерция» мышления, а создаваемые нами когнитивные модели во многом субъективны. «Человек подчиняется традициям, склонен фиксироваться на одном общепринятом качестве сформировавшейся модели» [Богоявленская 2002: 37].

С другой стороны, выбор образных схем носит субъективно-индивидуальный характер, человек в выборе образов ориентируется на: 1) особенности восприятия ситуации, 2) объем имеющихся у субъекта знаний и 3) систему языка, в рамках которого осуществляется выбор образа. Опять же, даже в сфере индивидуального дискурсивное мышление базируется на стереотипизации, склонности человека избегать углубленного анализа, ориентация на стереотипы, шаблоны и клише.

При этом человек склонен не обращать внимания на те явления, которые усложняют и проблематизируют его представления. Клише, стереотипы и шаблоны «...усыпляют критическую настороженность читателя, что создает идеальные условия для манипулирования» [Мельникова, Шигорева 2016: 458-460]. Таким образом, мы можем сделать вывод, что специфика выбора образности скорее коллективна, чем индивидуальна и зависит от общественной практики, которая принудительна, обязательна, доведена до автоматизма в ее языковых проявлениях и воспринимается обществом как готовые образы на уровне автоматизма.

Рассмотрим образность в речи профессионалов на примере драмы «Глубоководный горизонт» (Deerwater Horizon) (2016). Это фильм-катастрофа. Постановка: Питер Берг, в ролях: Марк Уолберг, Курт Рассел, Джон Малкович. Отправляясь на очередную вахту и прощаясь с семьями, они не подозревали, что могут не вернуться. История о страшной аварии на нефтяной платформе «Глубоководный горизонт» 20 апреля 2010 года в Мексиканском заливе. Хроника беспримерного мужества и отваги перед лицом одной из самых страшных

техногенных катастроф в мировой истории [kinopoisk]. В сценарии Мэтью Майкла Карнахана [scripts.com] есть ряд олицетворяющих образов.

Встречающиеся в сценарии обрзные элементы в речи профессионалов попадают под сферу влияния образной схемы «ПРЕПЯТСТВИЕ > ЖИВОЕ СУЩЕСТВО»

- "I knew this monster we go next. Better call her **"beast"**. (Я знаю этого монстра куда мы едем. Зови его «тварью».)"

- "Vidrine and Kaluza, BP expect to have tamed this **beast**... and prepare to move the mud. (Видрин и Калуза из БиПи надеются укротить чудовище... и готовятся слить раствор.)"

- "Opening preventer. Hopefully the **monster** is asleep. Mud pumps working. (Открываю клапан. Надеюсь монстр спит. Растворные насосы работают.)"

В сценарии фильма поставлена задача победить разбушевавшуюся стихию в виде воспламенившегося фонтана нефти и спасти работников буровой вышки. Образ стихии передается наименованием «monster, beast» и связанными с ним действиями. Исходная зооморфная область и техническая сфера-цель соединены ассоциированием и дополнены слотами суб-образами, описывающими сон скважины «asleep» и ее укрощение «tame». Образ зверя слабо адаптирован к технической сфере и требует приспособительных средств в виде кавычек 'beast'. Все это говорит о сложном характере работы нефтяников, обычно не зовущих свои объекты непривлекательными именами. Способом амплификации образной схемы служит обращение к зоометафорике с непротиворечивым подстраиванием под нее и с добавлением новых единиц, которое носит связный и логичный характер. Поправка-уточнение (Better call her "beast") выводит понимание характера скважины на новый уровень. Комплексное сквозное видение горячей скважины как зверя проходит красной нитью через весь сценарий, а концептуальная абберрация, ухудшение смысловой окраски говорит о негативном отношении нефтяников к проблемной скважине. Образная трактовка уничижительна и прагматична одновременно ибо единственным действием, требуемым от нефтяников, оказывается укрощение стихии, иных вариантов взаимодействия в сложившейся ситуации не предусмотрено. Итак, олицетворяющая образность в представленных сценариях не несет решающей смысловой нагрузки, являясь способом выражения эмоционального-оценочного отношения.

Суммируя, отметим, что особенностью речи профессионалов является недостаточность средств номинации в условиях экстренных действий, когда лексема в лексиконе индивида может объективно отсутствовать параллельно с существованием самого концепта. Все богатство мысленных образов и понятий не всегда вызывает лексическое воплощение в силу факторов испуга, страха, внезапности. Субъективно выпадение из памяти слова дает начало лакуне, пробелу, пропуску номинации, ее недостаточности. Когнитивная лакуна сигнализирует о том, что есть некий концепт, но сема для него недоступна коммуниканту в силу усталости, дремотного состояния, стресса. При этом узнавание без

называния есть психологический болезненный процесс недостаточной вербализации. Недостаточность номинации имеет различную степень глубины: с одной стороны это эпизодическое забывание, с другой это полное незнание, когда на помощь приходят слова широкой семантики: вещь, штукация. В речи профессионалов непознанное именуется словом “beast, monster” (англ.? тварь, монстр), что приближает непознанное к кругу одушевленных, а стало быть, доступных узнаванию и контролю существ, в чем выражается исходный антропоцентризм мышления профессионалов в экстренных ситуациях.

Литература

- Болдырев Н.Н.* Антропоцентрическая сущность языка в его функциях, единицах, категориях // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 1 (042). С. 1–12.
- Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении. М.: Гнозис, 2011.
- Леви-Брюль Л.* Первобытное мышление. М.: Атеист, 1930.
- Osborn M.* The Evolution of the Archetypal Sea in Rhetoric and Poetic // Quarterly Journal of Speech. 1977. Vol. 63. 56 p.
- Богоявленская Д.Б.* Психология творческих способностей. М.: Академия, 2002.
- Мельникова Ю.Н., Шигорева Е.С.* Особенности функционирования новостных клише в медиакультуре // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. XXVI. С. 458–460.
kinopoisk.ru/film/607737 Дата обращения: 3.09.2020
scripts.com/script/deepwater_horizon_6657 Дата обращения: 7.09.2020

S.A. Pankratova (Saint-Petersburg, Russia)
Saint-Petersburg State Institute of Film and Television

PROFESSIONAL COMMUNICATION AND IMAGERY IN THE CONCEPTUALISATION OF COGNITIVE LACUNAE

The report deals with problems of conceptualization of unknown in the professionals' speech on the example of the communication of technical workers of an oil derrick in the technical drama “Deepwater Horizon”. The proposed hypothesis states that the scope of terminological means in emergency cases depends on the anthropocentric factors, while the prevailing way of the verbalization of the unknown is personification.

Key words: professional jargon, cognitive lacunae, terminology, anthropocentrism.

М.М. Русакова, Н.В. Маврина (Челябинск, Россия)
Южно-Уральский государственный медицинский университет
mmrusakova@yandex.ru mavrinanv@mail.ru

ЦИФРОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ТЕРМИНОЛОГИЯ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ

В данной статье рассматриваются современные каналы профессиональной коммуникации в медицинской среде, виртуального общения как личного, так и профессионального через внедрение искусственного интеллекта в медицинскую среду. Изучается

процесс расширения «цифровой» терминосистемы, языкового разнообразия электронной терминологии и структурно-морфологические модели терминообразования.

Ключевые слова: цифровизация, здравоохранение, коммуникация, цифровая терминология, электронный термин, искусственный интеллект, e-Здравоохранение.

Новые тенденции развития общества требуют от любой индустрии, сферы общества или организации перехода на новый цифровой уровень развития, цифровой трансформации. Мейнстримом перестройки всех процессов медицинской сферы становится внедрение инновационных технологий, открытых электронных ресурсов, «умных» медицинских устройств, которые обеспечивают интернет-навигацию граждан в системе здравоохранения, способствуют расширению и применению новых способов коммуникации медицинского работника с клиентом учреждения (клиники, больницы, диагностического центра и т. д.), оперативному доступу к информации, ускорению коммуникации медицинских работников между собой на рабочем месте или дистанционно.

Происходит глобальная «э-революция», охватившая всю систему здравоохранения. «Эпидемиологическая ситуация последнего времени значительно увеличила долю виртуального общения как личного, так и профессионального» [Сафронова, Маврина 2021: 147]. «В ближайшие десятилетия во всех уголках земного шара клиницисты, менеджеры, политики и ученые должны будут тесно сотрудничать с потребителями, чтобы планировать, проектировать, разрабатывать, внедрять и оценивать постоянно расширяющуюся инфраструктуру электронного здравоохранения» [Weiner 2012: 5]. Внедрение современных информационных технологий в медицине является не просто закономерным, оно выводит здравоохранение на новый уровень, так как оперативный доступ к информации и обмен ею существенно сокращают временные затраты на поиск решений проблемы, а время часто является решающим фактором в спасении жизни человека.

Каждое медицинское направление использует уникальные цифровые инструменты, ориентированные на потребителя, специфическое оборудование, специально разработанное программное обеспечение. Современные цифровые технологии в медицинской практике открыли для пациента новые каналы взаимодействия со специалистом-медиком и учреждением через интернет-сайты, интернет-приложения.

Благодаря последним, практикующие специалисты имеют доступ к достоверным данным о пациенте, отвечают пользователю в режиме реального времени, назначая ему правильное лечение в любое время из любой точки мира. Устанавливаемые на мобильные устройства приложения представляют собой версии программ, которые обеспечивают возможность виртуального общения медицинского специалиста с пациентом, дистанционного отслеживания и регистрации показателей общего состояния организма, своевременного обращения за онлайн/оффлайн консультацией к специалистам различного профиля, повышая вовлеченность целевой аудитории за счет актуальной и своевременной

информации [3; 5]. Так приложение ONDOC предлагает пользователям доступ к данным о состоянии здоровья, связь с клиникой и специалистами в чате и по видео, телемедицинские консультации, онлайн-запись на приём к врачу или диагностические процедуры, создание медицинской карты пациента [7].

Веб-сайт медицинского учреждения становится точкой глобальной трансляции медицинских новостей, притяжения целевой аудитории и своеобразной бесплатной рекламой своих корпоративных услуг. Композиционная структура сайта медицинского учреждения сравнима с корпоративным сайтом любой компании. Контент сайта универсален для любой больницы. Здесь представлены учредительные документы и лицензии на осуществление медицинской, фармацевтической деятельности, исторические справочные материалы, освещаются деятельность поликлиники, стационара и диагностического центра, новости, акции. Обязательны рубрики, посвященные информированию посетителей больницы о перечне работ, режиме работы учреждения, предоставлении платных услуг и т. д. Через новый онлайн-канал связи граждане могут задавать вопросы специалисту, используя рубрику «Вопрос-ответ», через отправку сообщений по электронной почте или в рубрике «Написать отзыв» сообщать о качестве предоставленных услуг врачом-специалистом.

Таким образом, создание сайта медицинского многопрофильного учреждения становится необходимым ресурсом в сфере здравоохранения, посредством которого формируется новая коммуникационная цифровая среда.

Еще один «умный» инструмент для взаимодействия специалиста с пациентом – это Smart Badge / «умный» больничный бейдж. Такое устройство, связанное со смартфоном удаленно, позволяет пользователю записывать голосовые сообщения, отвечать на вопросы, оставаться на связи.

С развитием цифровых технологий в медицинской сфере происходит расширение «цифровой» терминосистемы, которая представляет перспективное, динамичное направление языкознания, заключающееся в кодировании информации с определённым алгоритмом генеза. Свойства «цифровой» терминологии возможно экстраполировать и на другие подобные терминологические системы.

«Сделав мир глобальным с помощью мгновенного доступа к сети Интернет и новой электронной форме коммуникации, Всемирная паутина создает постоянные изменения на языковом уровне, формируя множество новых слов, терминов и фраз и/или трансформируя прежние» [Русакова, Скарнев 2020: 651], требуя совершенствования цифровых знаний и цифровой грамотности. При изучении темы цифровизации в медицинской сфере авторы делают вывод, что широкое внедрение искусственного интеллекта в медицинскую среду привело к экспансии медицинской терминологии. *Искусственный интеллект (ИИ) в медицине; цифровая медицина; большие данные (Big Data) в медицине; облачные сервисы; блокчейн в здравоохранении, медицине и фармацевтике; чат-бот; виртуальная реальность; виртуальный пациент; медицинское периферийное*

облако 5G; идентификационные токены из приложений для заботы о здоровье; цифровой двойник сердца; цифровой медицинский паспорт ребенка; электронный больничный лист; электронный рецепт; биохакинг; цифровая гигиена – это лишь небольшое количество примеров.

Следует отметить высокую частотность употребления англоязычных терминов при номинировании смарт-товаров, мобильных приложений, высокотехнологичных носибельных технологий, которая вызывает потребность изучения особенностей лексического фонда.

Динамизм коммуникации требует передачи большего количества информации за счет меньшего количества языковых средств, отсюда наблюдаем тенденцию к компрессии информации с помощью сокращений, аббревиатур, блендинговых моделей. Например, термин «чат-бот» или «бот» представляет собой слияние английского слова *to chat* «болтать» и аферезиса существительного *robot* (от чеш. *robota* «подневольный труд»). «Боты упрощают переход на телемедицину – они выполняют роль посредника между пациентами и медперсоналом, берут на себя рутинные задачи, а операторы и медики уделяют больше внимания сложным кейсам» [6]. Чат-боты в разных мессенджерах (WhatsApp, Viber, Telegram) помогают информировать население о заболеваниях, наличии вакцины, пунктах вакцинации, направлять на консультацию к врачу, вызывать врача на дом, оформлять больничный лист и др. [4]. «Возможности чат-ботов могут совершенствоваться с использованием машинного обучения и искусственного интеллекта, позволяя им лучше улавливать контекст разговора и отвечать более убедительно, интересно и индивидуально» [Сафронова, Маврина 2021: 150].

Отмечается массовое наполнение контента приложений и сайтов лексическими единицами-композиатами, образованными посредством инициального сокращения *e-* (от англ. *electronic* «электронный»). В коммуникативной медицинской среде происходит активное формирование и адаптация нового лексического пласта электронного здравоохранения (*e-Здравоохранения*): **англ.** *e-health, e-medical mobile app, children's e-hospital app, eMedical client, medical e-Visits 24/7, Register for e-Visit, e-health records, e-prescription, etc.*; **русс.:** *e-Здравоохранение, eМедицина, eЗдоровье, e-услуги здравоохранения, e-больничный, e-рецепт, eАптека*, и тд.

Авторами замечена следующая дифференциация *e-*терминов. Сравнение русскоязычных единиц с англоязычными показало, что в русском контенте инициальное сокращение *e-* встречается в латинизированном варианте и в меньшем количестве, но чаще представлено прилагательным «электронный» в несокращенном виде.

Изучение лексического материала показало, что композиционный состав терминов цифровой сферы представлен терминообразующими морфологическими процессами разных типов, среди которых основослоложение, аббревиация, усечения и др.

Мы убеждены, что современные цифровые технологии в медицинской практике выводят здравоохранение на новый уровень, влияют на взаимодействие

врача с пациентом, предлагают уникальные возможности для облегчения коммуникации между пациентом и медицинским специалистом, приводят к внедрению и освоению «умных» технологий всеми сторонами, требуют дальнейшего описания, углубленного сравнительно-сопоставительного исследования и изучения языка «цифровых» явлений. Достоинством цифровых инструментов в медицине являются: охват больших аудиторий пользователей цифровыми инновациями, индивидуальный подход, огромный выбор мобильных программ, приложений и высокотехнологичных смарт-вещей, эффективность и невысокая оплата или бесплатность услуг, отсутствие ограничений по возрасту, доступность в режиме 24/7.

Литература

Мобильные приложения для вовлечения врачей и пациентов (Электронный ресурс). URL: <https://viseven.ru/news-ru/mobilnye-prilozhenia-dlya-vrachey-i-patsyentov> (доступ 12.05.2022)

Русакова М.М., Скнарев Д.С. Электронный язык в современном электронном обществе // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 651–655.

Сафронова И.В., Маврина Н.В. Использование чат-ботов в образовательном процессе // Россия сегодня: национальные цели и региональные интересы: Материалы XXXVIII международной научно-практической конференции; Акад. труда и соц. отношений, Урал соц.-эконом. ин-т (фил.). М.: ИИЦ «АТиСО», 2021. С. 147–151.

Тег: чат-бот (Электронный ресурс). URL: <https://d-russia.ru/tag/chat-bot> (доступ 15.05.2022).

20 полезных приложений для врачей и пациентов (Электронный ресурс) URL: <https://www.imena.ua/blog/best-med-apps/> (доступ 28.05.2022).

AdIndex Бот в помощь (Электронный ресурс) URL: <https://adindex.ru/specprojects/apc44/293335.phtml> (доступ 15.05.2022)

ONDOC (Электронный ресурс). URL: <https://ondoc.me/> (доступ 28.05.2022).

Weiner J P : Doctor-patient communication in the e-health era. Israel Journal of Health Policy Research 2012 1:3 doi:10.1186/2045-4015-1-33

*M.M. Rusakova, N.V. Mavrina (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Medical University*

DIGITAL COMMUNICATION AND HEALTHCARE TERMINOLOGY

The article discusses modern channels of professional communication in the medical settings, personal and professional virtual communication through the introduction of artificial intelligence into the medical environment. The process of expanding the "digital" terminological system, the linguistic diversity of electronic terminology and structural and morphological models of term formation are studied.

Keywords: digitalization, healthcare, communication, digital terminology, electronic term, artificial intelligence, e-Health.

*С.Г. Сабирова (Душанбе, Республика Таджикистан)
Филиал Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова в городе Душанбе
ssanovbar@mail.ru*

ФУНКЦИОНАЛЬНО-ДИСКУРСИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА ЗЕЛЁНАЯ ЭКОНОМИКА В ТАДЖИКСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье в сопоставительном аспекте проанализированы функционально-дискурсивные особенности концепта «иктисоди сабз - green economy – зелёная экономика». В результате структурирования концепта выделены дискретные элементы, описаны прототипические эффекты и универсально-предметный код.

Ключевые слова: концепт, дискретный элемент, прототипический эффект, универсально-предметный код.

Экстралингвистические особенности формирования новых концептов в экономическом дискурсе отражают тенденцию развития новых трендов и моделей. Анализируемый концепт зафиксирован в научных трудах, в практической деятельности субъектов дискурса и в приоритетных стратегиях развития экономики государств. Термин «зеленая экономика» впервые был использован в 1989 году в новаторском докладе группой ведущих экономистов-экологов под названием «Программа зеленой экономики» [Pearce, Markandya, Barbier 1989: 6]. Зарождение данного концепта датируется 2011 годом после опубликования доклада «Навстречу зелёной экономике; пути к устойчивому развитию и искоренению бедности» [Гурьева 2014: 100]. Этот концепт связан с идеей социально-экономически устойчивого развития нынешнего мира только при рациональном управлении природным и человеческим капиталом. В процессе определения контуров исследуемого концепта следует сразу отметить, что концепт объективирует взаимодействие экономических, социальных и экологических трендов. Коцептуальная составляющая терминологического сочетания иктисоди сабз – green economy – зелёная экономика проявляется в константно изменяющейся парадигме сущности устойчивого развития национальных, социально-экономических зелёных ресурсов, интеграции экономики и экологии. В основном дефиниции терминосочетания имплицитно передают стандартное значение «увеличение благосостояния без причинения вреда природе, рациональное управление природным и человеческим капиталом» [Ботавина 2016: 143]. Данное терминосочетание широко употребляемо как в экономической так и политической риторике сопоставляемых языков, применяется в противовес терминосочетанию иктисоди қаҳваранг – brown economy – коричневая экономика (индустриальная экономика, не учитывающая экологических проблем). Понятия «коричневый» и «зелёный» с лексико-семантической принадлежности являются контрарными, так как исключают друг друга, но обладают общей семьей, гипероним «цвет». Признак противоположности заключается

в территориальном распространении «зелёной экономики» и недопустимость сосуществования с природоёмкой традиционной и высокоуглеродной «коричневой экономикой» из-за расточительного отношения к естественным ресурсам. Концептуальные терминосочетания зелёная/синяя/коричневая экономики относятся к лексико-семантической группе биоиктисод – bioeconomy и bio-based economy – биоэкономике. Дефиниции системно объективируют когнитивно-терминологическое гнездо концепта в котором проявляются прототипические эффекты: **модель** → иктисоди сабз – green economy – зелёная экономика; **процесс** → коркарди дубора - recycling – переработка; **субъект** → корпорацияҳои трансмиллӣ ва банкҳои фаромиллӣ – transnational corporations and transnational banks – транснациональные корпорации и транснациональные банки; **объект** → идоракунии партовҳо – waste management – управление отходами; **инструмент** → шарикҳои стратегии иктисоди сабз – green strategic partnerships – зеленые стратегические партнерства; **результат** → рушди устувор – sustainable development – устойчивое развитие. Максимальный уровень терминологической связанности и мотивированности обеспечивается через ядро концепта. В основном дефиниции концепта содержат стандартный перечень характеристик и утверждений эксплицирующих увеличение благосостояния без причинения вреда природной среде ради будущих поколений. Концептуальное пространство вышпредставленных терминосочетаний создаёт когнитивную модель фиксации профессиональных знаний и функционирования стереотипной ситуации в экономической объективной действительности.

Конструктами данного концепта выступают сегменты которые считывают и передают наиболее актуальную информацию для последующего воссоздания модели профессионально-ориентируемого концепта в языковом сознании субъектов экономического дискурса. Сегментный концепт как одна из моделей представляет базовый слой в окружении сегментов, которые равнозначны по степени абстракции [Попова, Стернин 2000: 62]. Структура данного концепта следующая: в ядро входят термины и терминосочетания напрямую связанные с концептом, они выступают как кодирующий образ составляющий базовый сегмент концепта в аспекте универсального трансдисциплинарного подхода. Базовый сегмент это ядро концепта, считающийся наивысшим уровнем, в котором единицы категории воспринимаются по сходным общим очертаниям; на данном уровне одиночный ментальный образ (разновидность нового тренда, модели экономики) может отражать всю категорию в целом; для взаимодействия с объектами категории субъект использует однородную систему действий; быстрее всего идентифицируются единицы категории; используются наиболее естественные и общепринятые названия для членов категории; это уровень, на котором структурируется наибольшая часть знания [Лакофф 1996: 163].

В сегментную приядерную зону входят термины и терминосочетания связанные с экологической терминологией: ҳифзи захираҳои табиӣ – conservation of natural resources – сохранение природных ресурсов. В периферию концепта

входят термины и терминосочетания связанные с социальной терминологией: фароҳам овардани шароити хуби корӣ – creating good working conditions – создание хороших условий труда. Сегментарные особенности концептуальных терминосочетаний возможно определить в дефинициях. Практические примеры подтверждают «теорию центральности» [Лакофф 1996: 153], основанную на принадлежности объекта к категории, в данном исследовании концепт «иктисод – есопому – экономика». Несмотря на прототипичность когнитивно-терминологического гнезда, внутренние границы размытые и взаимозависимые, наблюдается комплексный трансотраслевой переход терминов и терминосочетаний естественных и гуманитарных наук. Сегменты организованы по иерархическому принципу от общей к частным, ядро – экономика, приядерная зона – экология, периферия – социология, при этом когнитивно, спецификация носит субординативный характер. В каждом сегменте концепта определены «дискретные элементы» [Попова, Стернин 2000: 64], для данного исследования это информация передающая концептуальные признаки отдельных отраслевых терминологических значений. Концептуальные признаки концепта проявляются в сегментах интерпретационного поля ведущие к появлению поликомпонентных терминосочетаний: рушди инфрасохтори устувор («шаҳрҳои интелектуалӣ», нақлиёти барқӣ) – sustainable infrastructure development («smart» cities, electric transport) – развитие устойчивой инфраструктуры («умные» города, электротранспорт). Терминологическое сочетание иктисоди кабуд – blue есопому – синяя экономика является функционально-продуктивным для английского и русского языков ввиду географических и геополитических особенностей, наличие прибрежных территорий, морей и океанов, для таджикского языка фиксация кванта профессионального будет не распространённой и неприменимой в институциональном аспекте ввиду отсутствия прямого выхода к морю. Компонентный анализ концепта «иктисоди сабз – green есопому – зелёная экономика» показывает что признаками являются характеристики типов экономики, в которых функционирует номинированная реалия принадлежащая глобальной модели концепту «иктисод – есопому – экономика». К вопросу функциональности и фиксации данной экономической реалии в дискурсе английского языка необходимо отметить мотивированную первичность появления данного концепта, «в середине 80–90 годов XX века в структурных подразделениях ООН сформировались концептуальные подходы по развитию общества и экономики» [Бобылёв, Кирюшин, Кудрявцева 2019: 7-8]. Для экономического дискурса русского языка данный концепт зафиксирован в ходе «оформления стратегических и международных документов, которые являются довольно новыми, и они фактически не используются в официальных документах» [Бобылёв, Кирюшин, Кудрявцева 2019: 11]. В экономическом дискурсе таджикского языка данный концепт зафиксирован в документе «Стратегия развития зеленой экономики», предстаёт как форма структурированной предикации указания к исполнению и как отражение интерпретации концептуальных признаков.

В результате проведённого анализа можно констатировать, что колороним сабз – green – зелёный обладает ярко выраженным прототипическим эффектом. Необходимо также подчеркнуть роль прототипической единицы сабз – green – зелёный которая типологически создаёт атрибутивные семантические когнитивно-терминологические гнезда как отражение системности внутри сегмента. Значение можно считать полностью мотивированным, поскольку оно позволяет дифференцировать его в экономическом дискурсе как разновидность тренда экономики. Универсальным предметным кодом концепта в ядре является прилагательное сабз – green – зелёный которое придаёт не только смысл, но доказывает существенность, актуальность и важность признака с исконным термином как отражение современной экономической объективной действительности. Универсально – профессиональный код способствует быстрому распознаванию, усвоению, частотному употреблению, ускоренному решению поставленных задач, которые связаны с концептуальной идентификацией терминологической единицы, которая применяется в логическом вычислении референта для исконного термина, и «используется для понимания категории в целом» субъектами экономического дискурса даже при заимствовании концептов как экономической реалии [Lakoff 1986: 32]. Не все терминологические сочетания сегментов концепта «иктисоди сабз – green есоному – зелёная экономика» приняты и являются свойственными для экономического дискурса таджикского языка.

Литература

- Бобылёв С. Н., Киришин П. А., Кудрявцева О. В.* Зелёная экономика и цели устойчивого развития для России. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2019.
- Ботавина Р. Н.* Экологические аспекты «зеленой экономики» в системе экономического роста России // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2016. Т. 7. № 4. С. 142–147.
- Гурьева М.А.* Эволюция понятий «экологизация» и «зеленая экономика» // Перспективы науки. Тамбов, 2014. № 10 (61). С. 99–105.
- Лакофф Дж.* Когнитивное моделирование // Язык и интеллект. М.: Прогресс, 1996.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: ИСТОКИ, 2001.
- Lakoff G.* Classifiers as a reflection of mind // Noun classes and categorization: Proc. of a Symposium on categorization and noun classification, Eugene, Oregon, October 1983. A.; Ph.: Benjamins, 1986.
- Pearce D., Markandya A., & Barbier E. B.* Blue Print for a Green Economy: Earthscan, London, Great Britain, 1989.

*S.G. Sabirova (Dushanbe, Republic of Tajikistan)
Lomonosov Moscow State University in Dushanbe*

FUNCTIONAL AND DISCOURSIIVE FEATURES OF THE CONCEPT GREEN ECONOMY IN THE TAJIK, ENGLISH AND RUSSIAN

In the article, in a comparative aspect, the functional and discursive features of the concept "iqtisodi sabz – green economy – green economy" is analyzed. As a result of structuring the concept, discrete elements are singled out, prototypical effects and a universal subject code are described.

Key words: concept, discrete element, prototypical effect, universal subject code.

Чжао Цихан (Санкт-Петербург, Россия)
Санкт-Петербургский государственный университет
st067961@student.spbu.ru

КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ БИОМЕДИЦИНСКОЙ ИНЖЕНЕРИИ (ТЕМАТИЧЕСКАЯ ГРУППА «БИОМАТЕРИАЛОВЕДЕНИЕ»)

Данная статья посвящена описанию терминов тематической подгруппы «биоматериаловедение» в терминосистеме биомедицинской инженерии в когнитивном аспекте. Структурируется ее внутренняя организация с точки зрения теории фреймов, предлагается фреймовая схема исследуемой тематической подгруппы в русском, английском и китайском языках.

Ключевые слова: термин, терминосистема, когнитивный аспект, биоматериаловедение, биомедицинская инженерия, теория фреймов.

Исследование терминосистемы той или иной сферы научного знания занимает значительное место в современной науке, ибо в связи с быстрым развитием науки и техники появляются как новые составы понятийного аппарата многих «старых» научных дисциплин, так и новые научные отрасли знаний, в частности, биомедицинской инженерии (далее БМИ).

Биоматериаловедение как направление молодой науки БМИ, ставшей на настоящий момент «основой новых научных достижений России» [Юлдашев 2014: 2], касается знаний биологии, материаловедения и медицины, изучая производство, обработку и применение материалов, используемых для диагностики, лечения, восстановления или замены тканей, органов или улучшения их функций [Россихин 2011: 3]. Отсюда явствует, что терминологический состав биоматериаловедения представляется сравнительно новым для российского сознания, что влечет за собой острую необходимость в исследовании его терминосистемы, в классификации и систематизации его терминов.

При анализе терминосистемы определенной специальной области когнитивный аспект является одним из современных и актуальных. Когнитивное терминоведение, «исследуя роль терминов в научном познании и мышлении» [Росянова 2011: 105], позволяет понимать термин как динамическое образование, служащее «средством вербализации научного (специального) концепта» [Лейчик 2009: 6]. Подобное понимание термина в данном аспекте отражается и в трудах других исследователей, так например: «Термин – это основная единица науки, специальных отраслей знаний и сфер деятельности человека, призванная номинировать объекты и процессы и одновременно служить средством познания окружающего мира» [Ивина 2003: 14]; термин определяется как вербализованный результат профессионального мышления, важное лингвокогнитивное средство в профессиональной сфере и самый главный элемент профессиональной коммуникации [Голованова 2011: 58].

Исследуя термины в когнитивном аспекте, терминологи уделяют особое внимание соотношению языковых структур со структурами знания [Росянова

2011: 105], что и соответствует двойной природе термина: как единицы языка и как единицы понятийной области [Литовченко 2006: 185]. Следовательно, структуру тематической подгруппы «биоматериаловедение» в терминосистеме БМИ можно выстроить, опираясь на теорию фреймов, в рамках которой фрейм понимается как система «концептов, организованных определенным способом и для того, чтобы понять один из этих концептов, необходимо охватить всю систему, в которую он входит» [Fillmore 1982: 111].

Проанализировав терминологические единицы, отобранные из трех учебных пособий на русском, английском и китайском языках («Биоматериаловедение» [Россихин 2011], «Biomaterials Science: An Introduction to Materials in Medicine» («Биоматериаловедение: Введение в материалы в медицине») [Ratner 2013] и «生物材料学» (Биоматериаловедение) [Сюй 2016]), в соответствии с теорией фреймов, мы представляем данный фрагмент терминосистемы иерархически организованными фреймами (см. рис. 1). В данной фреймовой схеме, выраженной русскими, английскими и китайскими лексическими средствами, вокруг ядерного понятия «биоматериаловедение» (biomaterials science, 生物材料学) мы выделяем шесть базовых концептов:

1. Концепция биоматериаловедения (concept of biomaterials science, 生物材料学的概念) (например *биоматериал* (biomaterials, 生物材料)).

2. Производство биоматериала (biomanufacture, 生物制造). Ряд понятий (например *быстрое прототипирование биоматериалов* (rapid prototyping of biomaterials, 生物材料快速成型)) относится, по нашему мнению, к данному блоку, потому что называет необходимый шаг, предшествующий обработке поверхности биоматериала.

3. Обработка поверхности биоматериала (surface treatment of biomaterial, 生物材料的表面处理). Можно рассматривать данный блок как субфрейм фрейма «биоматериаловедение», поскольку представленные термины называют разнообразные покрытия биоматериалов (coating of biomaterial, 生物材料表面涂层) (например, гидроксиапатитовое покрытие (hydroxyapatite coating, 羟基磷灰石涂层)) и модификации поверхности биоматериалов (surface modification of biomaterial, 生物材料表面改性) (например: микродуговое окисление (micro-arc oxidation, 微弧氧化)). Обработка поверхности биоматериала влияет на его биосовместимость.

4. Биосовместимость биоматериала (biocompatibility of biomaterial, 生物材料的生物相容性). В субфрейме объединены термины, относящиеся к двум базовым концепциям: реакция материалов (reaction of material, 材料反应) (например: *массовая деградация* (bulk degradation, 本体降解)) и реакция хозяина (host response, 宿主反应) (например: *воспалительная реакция* (inflammatory reaction, 炎症反应)). Биосовместимость биоматериала определяет его применение.

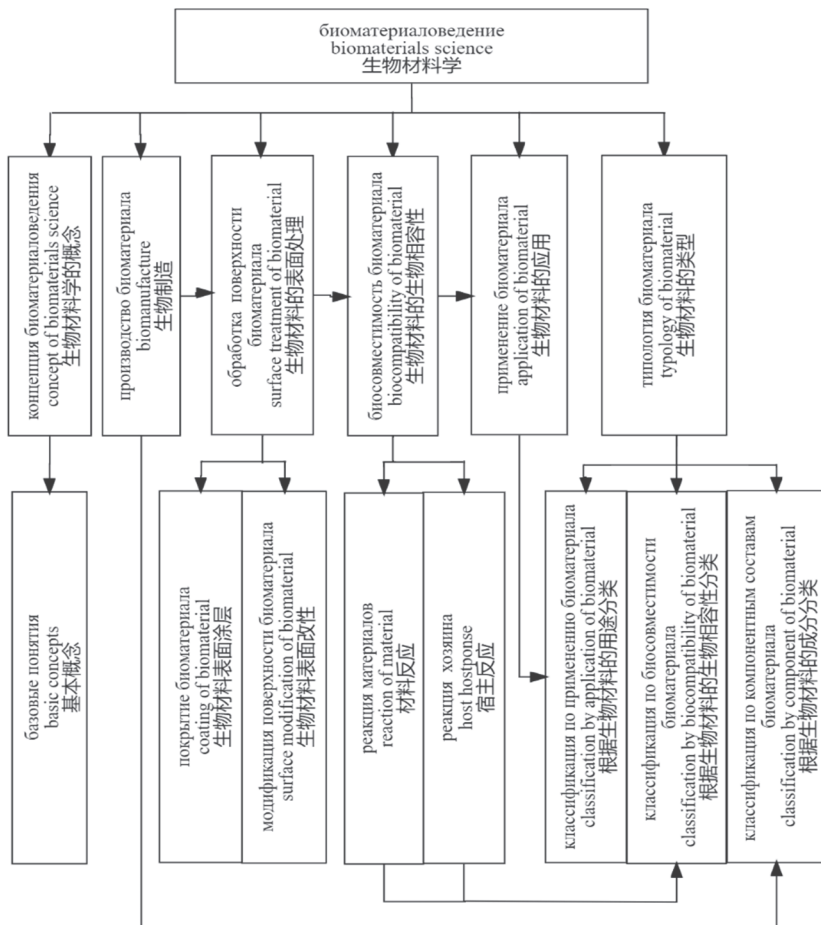

Рис. 1. Фреймовая схема тематической подгруппы «Биоматериаловедение»

5. Применение биоматериала (application of biomaterial, 生物材料的应用) (например: *восстановление мягких тканей (soft tissue repair, 软组织修复)*). По данному критерию можно классифицировать биоматериалы.

6. Типология биоматериала (typology of biomaterial, 生物材料的类型). Биоматериал можно классифицировать не только по его применению (например: *пломбировочный материал (filling materials, 填充材料)*), но и по его биосовместимости (например: *Биосовместимый материал (biocompatible materials,*

生物相容性材料)), а также по составляющим компонентам (например: биомедицинские полимеры (biomedical polymer, 生物医用高分子材料)).

7. На основании полученных результатов можно утверждать, что когнитивный подход может применяться для изучения, описания, совершенствования организации тематической подгруппы «биоматериаловедение», а также терминосистемы БМИ в целом.

Литература

- Голованова Е.И.* Введение в когнитивное терминоведение. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
- Ивина Л.В.* Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем (на примере англоязычной терминологии венчурного финансирования). М.: Академический проект, 2003.
- Лейчик В.М.* Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Дом Книга, 2009.
- Литовченко В.И.* Семантические особенности термина // Сибирский аэрокосмический журнал. 2006. № 2 (9). С. 185–186.
- Россихин В.В.* Биоматериаловедение: Учебное пособие/ В.В. Россихин, А.И. Ильинский, Н. Ф. Кляшев. Харьков: НТУ «ХПИ», 2011.
- Роснянова Т.С.* Когнитивный подход к рассмотрению термина // Известия СПбГЭУ. 2011. № 5. С. 105–108.
- Юлдашев З.М.* Биомедицинская инженерия – основа новых научных достижений России // Биотехносфера. 2014. № 3 (33). С. 2.
- Fillmore C.* Frame Semantics // Linguistics in the morning calm, ed. The Linguistic Society of Korea. Seoul, 1982.
- Ratner B.D, Hoffman A.S, Schoen F.J, Lemons J.E.* Biomaterials Science: An Introduction to Materials in Medicine, Third Edition. Canada: Academic Press, 2013.
- 徐晓苗, 高琨* 生物材料科学, 第二版. 北京: 科学出版社, 2016. (*Сюй Сяочжоу, Гао Кунь* Биоматериаловедение, Изд. 2-е. Пекин: издательство науки, 2016.)

Zhao Qihang (Saint Petersburg, Russia)
Saint Petersburg State University

COGNITIVE ASPECT OF STUDYING THE TERM SYSTEM OF BIOMEDICAL ENGINEERING (THEMATIC GROUP “BIOMATERIALS SCIENCE”)

The article is devoted to the description of the terms of the thematic subgroup “biomaterials science” in the term system of biomedical engineering in the cognitive aspect. We structure its internal organization in view of frame theory, and show an example of its frame structure in Russian, English and Chinese.

Key words: term, term system, cognitive aspect, biomaterials science, biomedical engineering, frame theory.

КОГНИТИВНО-ИНФОРМАЦИОННАЯ ПАРАДИГМА В ОБРАЗОВАНИИ

*И.В. Барабашёва (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
barabashyova@corp.nstu.ru*

КОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ВУЗА

Статья посвящена исследованию зависимости когнитивных способностей человека от его физиологического возраста и рода профессиональной деятельности, определению когнитивных особенностей преподавателя вуза, а также выявлению роли образовательных технологий и андрагогических принципов обучения в его профессиональном развитии.

Ключевые слова: профессиональное развитие, преподаватель, когнитивные особенности, образовательные технологии.

Формирование образовательной экосистемы, как модели «life-long education», является трендом XXI века, который призван обеспечить гибкое персонализированное обучение и развитие личности на протяжении всей жизни в контексте требований стремительно меняющихся экономики и общества. Эта образовательная модель направлена на формирование у человека «навыков будущего», позволяющих оперативно отвечать современным технологическим, социальным и экологическим вызовам и способных обеспечить устойчивое личностное и профессиональное развитие специалиста. Особая роль в этих процессах отводится преподавателю, который, с одной стороны, выступает организатором и модератором образовательной экосистемы, ведет поиск новых подходов к организации учебного процесса, построенного на равноправии и вовлечении всех его субъектов, а с другой сталкивается с необходимостью собственного профессионального развития, направленного на обеспечение высокого уровня сформированности профессиональных компетенций для решения поставленных задач модернизации системы образования и прогнозирования результативности всего педагогического процесса. Профессиональное развитие преподавателя, согласно исследованиям С.И. Змеёва, Б.Р. Манделя, Э. Г. Скибицкого и других, обусловлено соблюдением андрагогических принципов обучения взрослых, в основе которых лежит анализ и учет когнитивных, возрастных особенностей педагогов, степень интенсивности их интеллектуального труда и т. д.

Существует несколько подходов к определению возрастного состава групп взрослых обучающихся с опорой на их физиологические, психологические и социальные характеристики в контексте целей их обучения и условий образовательной среды. Согласно одному из них выделяют следующие группы: возраст от 20 до 35 лет – «период ранней взрослости», до 50 лет – «период зрелости», до 65 – «поздней взрослости» и, наконец, категорию обучающихся «третьего возраста» [Змеёв 2009: 79].

Для первой возрастной группы *периода ранней взрослости* характерны такие когнитивные особенности, как увеличение показателей кратковременной памяти, усиление вербально-логических компонентов мышления, происходит усиление связей концентрации и избирательности внимания.

Период зрелости человека характеризуется некоторым снижением памяти с одной стороны, и более высоким уровнем развития мышления и внимания с другой, отмечается усиление дифференциации образного и вербального компонентов, прогресс в произвольном запечатлении и кратковременной памяти.

У представителей групп *поздней взрослости* и людей «*третьего возраста*» фиксируют значительное снижение памяти, мышления и внимания, а также сопутствующих когнитивных процессов, что, однако, не влияет на способность к выполнению рутинных повседневных видов деятельности и способность к успешному решению профессиональных задач, в основе которых лежит процедурная память [Мандель 2017: 24].

В ситуации со взрослыми обучающимися, которые вовлечены в умственный труд и ведут активную профессиональную деятельность (к этой категории относятся и преподаватели вуза) показатели когнитивных способностей существенно отличаются. Отмечается не только сохранение, но и повышение уровня когнитивных способностей этой категории участников образовательного процесса. Структура памяти преподавателя вуза, регулярно проводящего исследования, осваивающего новые виды интеллектуальной деятельности, занимающегося самообразованием и саморазвитием, обучающегося на курсах повышения квалификации, отличается большей динамичностью, в ее центре находится вербальное запечатление долговременной памяти и ее объемные характеристики, а также вербальная кратковременная память. Подобные положительные изменения наблюдаются в мышлении, внимании и в других интеллектуальных функциях этой группы взрослых обучающихся [Мандель 2017: 96-97].

Обращаясь к факторам и условиям, влияющим на результативность обучения взрослых, необходимо отметить роль мотивации, которую определяют их психолого-физиологические особенности – фактор, придающий учебной деятельности направленность, избирательность, осмысленность, динамичность и обуславливающий ее успешность. Однако, когда в роли взрослого обучающегося выступает преподаватель вуза, которому необходимо пройти обучение, например, по программам повышения квалификации, ситуация становится довольно неоднозначной. В таких случаях преподаватель занимает

особую позицию, характеризующуюся рядом противоречий между его социальным, возрастным статусом и ролью обучающегося; между принятием себя как состоявшегося профессионала и необходимостью контакта с коллегой, выступающим в роли обучающего (иногда младше по возрасту и ниже по должности или ученому званию); диспропорцией между реальным уровнем знаний и необходимым в контексте стремительно меняющихся условий образовательной среды, признанием своей компетентности как основы собственной профессиональной деятельности и некомпетентности в области, составляющей предмет обучения [Уманская 2013: 220].

Росту положительной мотивации взрослых обучающихся способствует учет факторов, обеспечивающий результативность совместной деятельности (психологическая совместимость, взаимопонимание, координированность усилий, равный статус участников обучения в распределении функций и ответственности за принимаемые решения), соблюдение андрагогических принципов обучения [Скибицкий 2019: 137-141], образовательные технологии группы профессионального развития [Барабашёва 2020: 115-116]:

– **приоритет самостоятельности и индивидуализации обучения** – данный принцип может быть реализован при использовании *«Технологии контекстного обучения»* (обеспечивает развитие мышления, формирование и развитие коммуникативных, аналитических и рефлексивных навыков);

– **принцип опоры на социальный и профессиональный опыт обучающегося** реализуется в рамках *«Технологии взаимопосещения занятий»* (ознакомление с новыми педагогическими методиками и технологиями из успешной практики коллег, помощь в поиске причин возникновения и способов улаживания проблем, возникающих на занятии);

– **принцип коррективы устаревшего опыта и личностных установок** – технологии *«Преподавательский журнал»* и *«Педагогическое портфолио»* (отражают уровень профессионального развития педагога);

– **принцип актуализации и востребованности результатов обучения в практической деятельности педагога** – технология *«Кейс-анализ»* (коллективный анализ проблемной ситуации, прогнозирование вероятных последствий, поиск альтернативных решений, проектирование стратегических и тактических действий для урегулирования возможного конфликта);

– **принципы системности, контекстности, осознанности обучения** *«Технология самоисследования»* (регулярная педагогическая рефлексия, оценка уровня владения ЗУН, индивидуальный педагогический анализ);

– **принцип совместной деятельности взрослого обучаемого, группы обучающихся и обучающего** – технологии *«Сетевое взаимодействие»* и *«Группы поддержки преподавателей»* (когнитивная деятельность в образовательной сети, совместные методические проектирования, групповая рефлексия, анализ занятий, коллективная экспертиза продуктов педагогической деятельности), *«Технология бинарного преподавания»* (взаимодействие двух и более педагогов в совместной разработке и одновременном ведении занятия,

организации контроля и анализе деятельности; развития исследовательских навыков и др.), технология «Профессионально-педагогическое содействие».

Использование *цифровых* и *BYOD-технологий* в контексте цифровизации экономической, социальной и бытовой сфер жизнедеятельности призвано обеспечить устойчивое развитие общества, социальную и экономическую справедливость, равный доступ к благам цивилизации для всех слоев населения. Для результативного внедрения этих технологий в процесс обучения взрослых необходимо принимать во внимание исследование «Теории поколений» [Ивакина 2021: 35], в которой когнитивные особенности взрослых обучающихся привычной возрастной категоризации (ранняя зрелость, зрелость, поздняя зрелость) сопоставляются с особенностями поколений X, Y и Z. Авторами отмечается неизбежное влияние «цифровой информационной революции» на психологические процессы, обуславливающие качество обучения, при котором различного рода гаджеты рассматриваются в качестве специфических помощников в этом процессе – информационных «партнеров» по общению, досугу, поиску информации. В этих условиях оценивание когнитивных способностей человека, их сопоставление с показателями других поколений на основе привычных критериев становится невозможным, новые условия образовательной среды требуют новых подходов, новых методик и диагностик.

Литература

- Барабашёва И.В.* Формирование готовности преподавателей технических вузов к образовательной деятельности: дис. ... канд. пед. наук. Кемерово, 2020.
- Змеёв, С.И.* Андрагогические основы обучения в высшей школе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2009. № 562. С. 79–90.
- Ивакина Е.Г.* Когнитивные особенности новых поколений студентов как причина изменения подходов к методологии обучения / Е.Г. Ивакина и др. // Современные проблемы науки и образования. 2021. № 2. С. 32.
- Мандель Б.Р.* Андрагогика: история и современность, теория и практика: учебное пособие для обучающихся в магистратуре. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017.
- Скибицкий Э.Г., Скибицкая И.Ю.* Основы педагогики и андрагогика: учебное пособие. Новосибирск: НГАСУ, 2019.
- Уманская, А. В.* Андрагогический подход к развитию профессиональной компетентности преподавателей вузов // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 3 (40). С. 220–221.

*I.V. Barabasheva (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University
barabashyova@corp.nstu.ru*

COGNITIVE ASPECTS OF UNIVERSITY TEACHER'S PROFESSIONAL DEVELOPMENT

This article aims at the study of a person's cognitive abilities dependence on the physiological age and type of professional activity, it defines the cognitive characteristics of a university teacher and clarifies the role of educational technologies and andragogical principles of education in his/her professional development.

Key words: professional development, teacher, cognitive aspects, educational technologies.

*O.N. Zherdeva, O.V. Frolova, T.A. Golovina (Barnaul, Russia)
Polzunov Altai State University
vigrijanova@mail.ru, frolova.olga@list.ru, gol-an-ta@mail.ru*

A FOREIGN LANGUAGE TEXT AS A MEANS OF FORMING COGNITIVE AND SPEECH PROCESSES (ON THE MATERIAL OF THE GERMAN LANGUAGE)

This article is part of a study on the use of foreign texts in teaching a foreign language in order to develop abstract thinking, which makes it possible to find a connection between doing exercises for the development of abstract thinking and the formation of cognitive speech-thinking processes.

Key words: foreign language text, cognitive approach, development of inductive skills.

The question of the relationship between language and thinking is basic not only in cognitive linguistics, psycholinguistics, but also rightly raises the question of the need to develop conceptual thinking in teaching a foreign language. One of the main means of forming cognitive skills and a trigger for speech activity is the text. The word text (textus) is translated from Latin as “fabric, plexus, connection” [<http://latin-online.ru>], thus, the etymology of the word itself carries a “cognitive” content.

Speaking about purposeful (not in a situation of bilingualism) mastering a foreign language, then psycholinguistic scientists consider the ability to “phonetic coding” and grammatical structuring as the main linguistic abilities [Bashkova, Ovchinnikova 2013: 53-69], the development of memorization skills (this is how vocabulary is replenished) and inductive skills (the ability to systematize, structure material, generalize, highlight primary and secondary, etc. [Caroll 1993]).

Thus, it seems effective when working with a foreign language text to use exercises that contribute to the development of abstract thinking.

With the help of abstract thinking, we connect various concepts with each other, build their logical interaction and use the conclusions made in practical life [Gamezo, Stepanosova, Khalizeva 2001].

Verbal-logical (abstract) thinking is finally formed by the age of fourteen [Gamezo, Stepanosova, Khalizeva 2001], thus, methods for the development of abstract thinking are relevant and should become leading for teaching an adult.

Working with a foreign language text involves understanding (global and detailed), selecting the necessary information and transferring the content of what has been read. We can distinguish the following points of working with a foreign text using the methodology for the development of abstract thinking:

- 1) reading aimed at global, selective or total reading comprehension (depending on the goal)
- 2) transmission (retelling) of the content of the read, depending on the type of text (traditional text, visual text)

As part of the formation of abstract thinking, along with the generally accepted consistent retelling of the text (close to the content, reproducing the clichés and phrases found in the text and worked out before reading, often memorizing entire

sentences), one can use such a technique as retelling in parts (for example, in paragraphs), observing the formal division of the text

At the same time, students should not tell in detail, but in one or two sentences, what is being discussed in this paragraph. It is important that students do not take a ready-made sentence from the text, but compose their own sentences following their own logic (individual syntactic construction of sentences using vocabulary characteristic of the student's own speech).

In training, you can use both sequential retelling and retelling "scattered" (a separate selected paragraph or part of the text). Scattered retelling is necessary so that students turn on the process of logical thinking, so that they focus primarily on meaning, and not reproduce the text from memory.

One of the exercises for a "meaningful" retelling can be an exercise in structuring the text: creating a retelling plan with highlighting points. It can also be the selection of keywords and phrases from the text, written sequentially in the form of a plan.

A more meaningful retelling of the text can also be made based on the emotional component of the text. This type of retelling can be based on the emotional impact of the text on the student (after all, the information that made the greatest impression is remembered first of all). Therefore, the task of retelling "emotional" information can become an effective task for the student. Of course, for such tasks, the teacher must choose the right text, regarding the genre.

As you know, text retelling exercises develop such inductive skills as analysis, reasoning, structuring, and logical construction of retelling.

In this article we will dwell on the transfer of the content of a visual text in more detail.

Visual text is "a message (photo, silent film, poster, etc.) intended for visual perception" [Fedorov 2010: 64]. A visual text is one of the ways to convey a metaphorical meaning, since it implements the author's individual worldview, and the study of these meanings occurs when using the language as a semiotic system.

Plot pictures or a series of pictures on a studied conversational topic, or a picture suggesting an active narrative (development of a plot with intended actions) can become relevant in learning. To diversify the task, the offer of pictures made within the same plot, in the wrong sequence or an unfinished story will help: the student's task will be to build them logically correctly or think of the end of the story.

In the context of inducing reflection, a picture with a question, a monologue or dialogic statement of characters, an incomplete phrase, etc. can become interesting. In this context, the selection of memes that are currently popular may be curious. (A meme is an idea, a symbol, consciously or unconsciously transmitted from person to person through speech, writing, video, pictures, photos, etc.) [[https:// ru.m.wikipedia.org](https://ru.m.wikipedia.org)].

The text created by the participants of communication using pictures does not have to be large; rather, the interpretation should be extraordinary, reflecting their own vision, and also encouraging discussion. The special value of visual text lies in the fact that the use of visual text contributes to spontaneous discussion, which leads

not only to the formation of spontaneous speech skills, but also to the elimination of the psychological barrier of communication in a foreign language. On the other hand, the use of visual text contributes to the development of critical thinking and creativity of students.

One of the interesting and useful tasks in the development of abstract thinking from our point of view can be the task of analyzing the graph, which is one of the key tasks in the DaF test (Deutsch als Fremdsprache - German as a foreign language). DaF is considered one of the most difficult exams: it evaluates not only the level of language proficiency, but also the cognitive abilities of the examinee: this exam is taken to study at German universities (Bachelor's, Master's) and in order to be able to conduct research in Germany.

Artistic thinking does not find realization in graphs, since it presents statistical information, but the transmission of the content of this visual text can and should contain an element of interpretation.

Graph (Grafik) is essentially a visual text that you need to understand and logically build an oral or written retelling of this picture (there is a task with a graph in both the oral and written parts of the exam).

The "text" of the graphics produced by the student must be clearly structured.

The structure of the retelling should, in our opinion, consist of an introduction, the main part, and a conclusion.

Introduction

1. Designate a problem in society, reflected in the graph;
2. Give output data: what is the name of the graph, the source where the graph is taken from);

3. Show the changes that the graph describes in a certain time range;

4. Present data in terms of values (percentages, numbers, etc.);

Main part

5. Reveal the contents of the graph, also observing a certain structure, this allows you not to make the text voluminous (there are restrictions both in volume and in time), to focus on important details.

Conclusion

6. Describe your own position on the problem reflected in the graph, talk about how this situation is presented in your home country.

At each stage of the analysis of the graph, it is advisable to use clichés.

Our proposed classification of exercises for retelling both traditional (written symbols) and visual text is given below:

1. Retelling in parts (points of the plan indicated by us)

2. Generalization of what has been read (transmission by several own sentences (not taken from the text) of the content of what has been read) (either the entire text or in parts);

3. Generating of a key sentence reflecting the main idea of a paragraph (or several paragraphs) of the text

4. Structuring the text (making up a retelling plan, including either a sentence-thought, or a sentence-question, or several key words for each part)

5. Highlighting the main emotional components of the text, conveying the "emotional" content relevant to the reader.

6. Analysis and interpretation of what has been read.

Observing and tracking the results of students, our own experience of preparing for the DaF test using approaches that form abstract thinking, as well as the opinion of students trained by us (now students of German universities) allows us to discover the connection between doing exercises to develop abstract thinking and the ability to understand foreign language texts and "cognitive" presentation of what has been read.

References

Bashkova I.S., Ovchinnikova I.G. Neyropsikhologicheskaya kharakteristika bilingvizma. Voprosy psikhologicheskoy psikhologii. 2013. № 17. S. 53–69.

Gamezo M.V., Stepanosova A.V., Khalizeva L.M. Slovar'-spravochnik po pedagogicheskoy psikhologii. M., 2001.

Fedorov A.V. Slovar' terminov po mediaobrazovaniyu, mediapedagogike, mediagramotnosti, media-kompetentnosti. Taganrog: Izd-vo Taganrog. gos. ped. in-ta, 2010.

A meme. URL: <http://ru.m.wikipedia.org>.

Caroll J.B. Human cognitive abilities. Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Textus. URL: <http://latin-online.ru>

О.Н. Жердева, О.В. Фролова, Т.А. Головина (Барнаул, Россия)

Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова

ИНОЯЗЫЧНЫЙ ТЕКСТ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНЫХ И РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Данная статья является частью исследования по использованию иноязычных текстов в обучении иностранному языку с целью развития абстрактного мышления, что позволяет обнаружить связь между применением упражнений на развитие абстрактного мышления и формированием когнитивных речемыслительных процессов.

Ключевые слова: иноязычный текст, когнитивный подход, развитие индуктивных навыков.

Ю.А. Макарова (Новосибирск, Россия)

Новосибирский государственный технический университет

Jumakarova@rambler.ru

КОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ КРЕАТИВНОМУ ПИСЬМУ В ВУЗЕ

Рассматривается когнитивный подход к обучению креативному письму в вузе, а также основные принципы, лежащие в основе данного подхода. Предлагаются варианты применения таких приемов креативного письма как «синестезия», «прогнозирование», «создание метафор и необычных сравнений» и «агглютинация» на занятиях по немецкому языку в вузе.

Ключевые слова: креативное письмо, когнитивный подход, обучение креативному письму в вузе.

В системе высшего профессионального образования при определении целей обучения иностранному языку наблюдается тенденция включения наряду с коммуникативным в равной степени и когнитивного аспекта [Новиков 2010: 13, 28]. Таким образом, при обучении иностранному языку необходимо учитывать развитие когнитивных способностей студентов, так как данные способности влияют на их эмоционально-оценочное отношение к содержанию обучения, способствуют развитию творческого потенциала личности. Они также необходимы для успешного осуществления профессионально-творческой деятельности в дальнейшем [Холодная 2007].

Проблема когнитивного подхода к обучению различным видам иноязычной речевой деятельности освещалась Н.В. Барышниковым, М.Е. Бершадским, И.Н. Верещагиной, М.Г. Гец, М.А. Холодной, С.Ф. Шаталовым и многими другими исследователями. Суть когнитивного подхода заключается в направленности процесса обучения на восприятие, познание и понимание обучающимися действительности, а также приобретении, обработке, структурировании, сохранении, выведении и использовании знаний. В целом, основа стратегии когнитивного обучения состоит в том, чтобы учить тому, как учиться, а не обучать отдельным понятиям и навыкам.

Учитывая тот факт, что процесс письма рассматривается как комплексная когнитивная деятельность [Жинкин 1982; Лурия 1998; Bereiter 1985], опора на когнитивный подход к обучению письму на иностранном языке видится абсолютно оправданной.

Креативное письмо можно с полным правом обозначить как методику, направленную на развитие когнитивных способностей обучающихся, так как оно способствует развитию воображения и ассоциативного мышления. Когнитивная направленность процесса обучения креативному письму заключается в том, что через познавательную деятельность студентов развивается их творческое мышление. Принцип когнитивной направленности обеспечивает активную роль студентов в осмыслении языковых явлений. Процесс креативного письма становится исследовательским и экспериментальным процессом открытия языка, пишущим осуществляется «новокомбинирование» слов [Алтухова 2003: 63]. Через обучение креативному письму происходит формирование творческого потенциала, удовлетворение потребности в самовыражении.

Уточним, что под креативным письмом нами понимается процесс создания текста, содержащего оригинальные идеи, для которого характерны самостоятельность в определении содержания с использованием воображения, фантазии, эмоций и личного опыта пишущего, выражение собственных мыслей и чувств по отношению к предмету высказывания. Важно также подчеркнуть, что в креативном тексте имеет место индивидуальное комбинирование усвоенных ранее речевых средств для выражения оригинальных (новых, нестандартных) мыслей и осуществления письменной коммуникации [Алтухова 2003: 63].

Если ориентироваться на иерархическую структуру личности К.К. Платонова, состоящую из четырех уровней (подструктур), то креативное письмо

отвечает за формирование третьего уровня – «особенности психических процессов», ведь именно на этом уровне происходит развитие интеллекта (внимания, мышления, памяти) и формирование восприятия окружающего мира [Платонов 1984: 36]. Исследователь указывает на то, что упражнения являются специфическим видом (способом) формирования данной подструктуры [Там же].

Рассмотрим некоторые приемы креативного письма, которые способны заполнить указанную выше задачу, то есть участвовать в формировании третьего уровня иерархической структуры личности.

Начнем с приема **«синестезия»**. Уточним, что под синестезией понимается «сенсорное психическое явление, когда раздражитель, специфичный для одного анализатора, вызывает ощущения, свойственные другому» [Платонов 1984: 130]. В качестве примера можно привести цветной слух, цветное обоняние и т. д. Перед студентами ставится задача определить, какого цвета печаль и тишина, какой вкус у ненависти и у счастья, как пахнет дружба и равнодушие. Данная нестереотипная задача может быть решена лишь в процессе творческой мыслительной деятельности. Это упражнение выполняется на подготовительном этапе обучения креативному письму.

Цель применения приема **«прогнозирование»** заключается в развитии творческого воображения; студенты учатся генерировать идеи, искать выход из проблемной ситуации. Преподаватель предлагает студентам посмотреть на некую проблему с позиции «если бы...». Примером служат следующие гипотетические ситуации:

- (1) Что было бы, если бы завтра на нашу планету вторглись инопланетяне?
- (2) Что было бы, если бы вы нашли волшебную палочку?
- (3) Что было бы, если бы люди стали понимать язык зверей и птиц?

Сначала студенты обсуждают данные ситуации в небольших группах (по три-четыре человека), пытаясь представить возможное развитие событий. Затем они приступают к написанию индивидуальных текстов. За фазой редактирования текстов следует фаза презентации креативных продуктов с последующим обсуждением. Данное упражнение выполняется на продуктивном этапе обучения креативному письму: во-первых, студенты не ориентируются на какой-либо образец и не воспроизводят его, во-вторых, в результате возникает полноценный (в плане объема) креативный текст.

Прием «прогнозирование» может использоваться и иным образом. Преподаватель представляет начало какого-либо рассказа (художественная литература) в письменной или устной форме, либо в виде отдельных глав и сцен. Студентам предлагается продолжить повествование, представить, что могло бы произойти с героями в будущем. Затем креативный продукт сравнивается с оригиналом.

Цель приема **«создание метафор и необычных сравнений»** состоит в следующем: студенты учатся создавать оригинальные образы, использовать нестандартные лексические изобразительно-выразительные средства. Преподаватель предлагает студентам создать метафоры к следующим понятиям:

«любовь», «семья», «дружба», «война», «свобода». Пример метафоры к понятию «свобода» (нем. „Freiheit“):

Freiheit ist wie ein Vogel, der immer die Ferne sucht. Je höher, desto freier fühlt er sich. Wenn ihn aber plötzlich hohe Berge umringen, und kein Ausweg aus dieser Falle zu finden ist, muss er zum Boden fliegen und fühlt sich wie im Käfig.

Это упражнение может быть представлено в ином формате: студентам предлагается сравнить свойства или объекты необычным, оригинальным образом:

So einsam wie ...	Schreiben ist wie ...
So hungrig wie ...	Deutsch ist wie ...
So müde wie ...	Uni ist wie ...

Перед студентами стоит задача не ориентироваться на банальные, общепотребительные сравнения. Например:

Uni ist wie ein Geländelauf. Du läufst und läufst, und es gibt kein Ende. Manchmal ist der Weg glatt, und du musst fallen. Manchmal fühlst du dich stark und atmet leicht. Aber du weißt: Es gibt ein Ziel, und du sollst es erreichen.

Далее проанализируем применение приема «агглютинация». Под агглютинацией понимают слияние отдельных элементов или частей нескольких предметов в один образ [Педагогика и психология высшей школы 2002: 57-58]. Студентам (в группах из трех-четырех человек) предлагается создать новые тексты путем соединения фрагментов уже существующих текстов. Преподаватель подбирает отрывки из различных произведений немецких писателей или поэтов, а задача студентов заключается в соединении этих отрывков, причем необходимо «сгладить» места соединения, для того чтобы впоследствии текст казался единым целым.

Таким образом, в процессе креативного письма студенты осуществляют шесть операций, включаемых, согласно И.Я. Лернеру, в процесс творческой деятельности [Лернер 1981]:

- 1) самостоятельный перенос знаний и умений в новую ситуацию;
- 2) обнаружение новой проблемы в стандартной ситуации;
- 3) установление целостной структуры объекта;
- 4) видение новой функции объекта;
- 5) учет альтернатив при решении проблемы;
- 6) комбинирование и преобразование ранее известных способов деятельности при решении новой проблемы.

В процессе выполнения всех указанных выше операций происходит развитие когнитивных способностей обучающихся: способности к анализу и синтезу; способности обнаруживать новые проблемы в традиционной ситуации; способности мыслить ассоциациями, а также способности генерировать большое количество идей.

Литература

- Алтухова М.К. Обучение творческой письменной речи студентов третьего курса языкового педагогического вуза на материале английского языка: дис. ... канд. пед. наук. – СПб., 2003.
Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982.

Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.

Лернер И.Я. Дидактические основы методов обучения. М.: Педагогика, 1981.

Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Издательство Московского университета, 1998.

Новиков А.Н. Основания педагогики: пособие для авторов учебников и преподавателей. М.: Этвес, 2010.

Педагогика и психология высшей школы: учеб. пособие / М.В. Буланова-Топоркова и др. Ростов на Дону: Феникс, 2002.

Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1984.

Холодная М.А. Перспективы исследований в области психологии способностей // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 28–37.

Bereiter C., Scardamalia M. Wissen-Wiedergeben als ein Modell für das Schreiben von Instruktionen durch ungeübte Schreiber // Unterrichtswissenschaft. 1985. № 13. S. 319–333.

Yu.A. Makarova (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

COGNITIVE APPROACH TO TEACHING CREATIVE WRITING IN HIGHER EDUCATION

The article considers the cognitive approach to teaching creative writing to university students, as well as the basic principles underlying this approach. The author suggests some options for using such creative writing techniques as "synesthesia", "forecasting", "creating metaphors and unusual comparisons" and "agglutination" in German classes at the university.

Key words: creative writing, cognitive approach, teaching creative writing in higher education.

Е.А. Мелёхина (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
[*melixina@corp.nstu.ru*](mailto:melixina@corp.nstu.ru)

ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ: ОТ ТРАДИЦИОННОЙ К КОГНИТИВНО-ИНФОРМАЦИОННОЙ

В статье обосновывается необходимость парадигмальных изменений в системе Российского образования в условиях цифровизации, изменяющей образовательный контекст не только в плане материально-технического обеспечения учебного процесса, но и в содержательном и методическом аспектах, включая способы мышления современных обучающихся.

Ключевые слова: цифровая среда, когнитивно-информационная парадигма образования, мышление.

Геополитические, экономические и технологические процессы, происходящие в обществе, неизменно отражаются на системе образования в виде заказа к результатам обучения, как со стороны всего общества, так и со стороны отдельной личности, получающей образование. Образование, в свою очередь, реагирует на изменяющуюся реальность и требования к результатам своей деятельности сменой парадигм, под которыми в широком смысле понимается

комплекс основных понятий, категорий, определенный стандарт или модель в решении задач образовательной системы в конкретный период времени.

За три десятилетия, прошедших со времени распада Советского Союза, российское образование осуществило переход от традиционной знаниево-центристской парадигмы к гуманистической развивающей. Традиционная парадигма была ориентирована на сохранение и передачу подрастающему поколению культурного наследия человеческой цивилизации в виде знаний, навыков, идеалов и ценностей, которые должны были способствовать их развитию и поддержанию устоявшегося общественного порядка. Гуманистическая парадигма ориентируется на воспитание человека как главного субъекта своей жизни, осознающего необходимость постоянного саморазвития на благо себя и общества в целом. В рамках гуманистической парадигмы выделяются такие модели, как: компетентностная и личностно-ориентированная.

Несмотря на ценностные составляющие обеих парадигм – передача культурного наследия (традиционная) и ценность саморазвития (гуманистическая), исследователи обращают внимание на такие недостатки, как:

- в традиционной – недостаток развития творческих способностей; опора на память, а не на развитие мышления; отсутствие учета индивидуальных особенностей, обучающихся;

- в гуманистической – ориентация только на материальные потребности личности; отсутствие духовно-нравственных ценностей, профессиональной и образовательной культуры; выход образования из разряда ценностей [Егорова, Лопатухина 2017].

По мнению Левиной Е.Ю. и её коллег, существующая в настоящее время ситуация с высшим образованием сложилась как результат функционирования двухуровневой системы обучения в моделях двух обозначенных парадигм. Авторы утверждают, что для этой ситуации характерны такие негативные проявления, как: «переизбыток социогуманитарных и недостаток технико-технологических специалистов»; снижении роли рабочего и профессионального образования в реальной экономике при наличии спроса от работодателей; потере «лица» российского образования и утрате образовательных традиций; упрощении высшего образования и снижении его результативности в экономическом и научном аспектах» [Левина и др. 2021: 36].

Являясь одним из основных видов социальной деятельности, образование также не всегда справляется с задачами развития личности, её духовного формирования. Нельзя не согласиться с Сухоруких А.В., который констатирует, что «к XXI веку уже существенно снижен общий уровень культурной повестки, дискредитировано глобальное этическое и гностическое целеполагание в прикладной практике обучения» [Сухоруких 2019: 9].

Как неудачный эксперимент оценивается реформирование Российского высшего образования в соответствии с принципами Болонской декларации, приведшее к утрате мировоззренческого начала, переводу высшей школы в поставщика образовательных услуг с рационально-прагматическим и потребительским

подходом к миру [Романова 2013]. Абсолютизация компетентностного подхода, согласно Лукашу С.Н., привела систему российского образования к «тотальному функционализму» [Лукаш 2022: 26], переведя воспитание в школах и вузах в разряд второстепенного, последствия чего сказались на патриотизме, гражданской позиции и готовности служить интересам государства у современной молодежи.

Новая цифровая реальность, информационные войны и угроза глобальных кризисов, таких как пандемия COVID-19, актуализируют формирование новой когнитивной образовательной парадигмы, которая основывается на «ином обращении к способам, видам и технологиям переработки информации субъектом, формируя свою систему познания мира как инструмент жизнедеятельности, ориентируясь на непрерывную генерацию знаний» [Левина и др. 2021: 32]. В информационном потоке для современного человека становится необходимым не только умение определять границу знания и незнания, но и способность выделять область значимого и незначимого. Не менее важны эмоциональный интеллект, интуиция и умение ориентироваться в различных типах культуры. Образование должно способствовать развитию у человека такого состояния ума, при котором он не только приходит к пониманию явлений и процессов, но и способен создавать новые смыслы [Воловик 2013].

Развивающиеся технологии и средства получения и обработки информации приводят к необходимости смены способов мышления обучающихся. Поскольку информационный ресурс обладает формально-логической и семантической составляющими, процесс познания может осуществляться только в диалектическом единстве, когда информация приобретает смысл, а обучающийся понимает [Романова 2013]. Однако в последнее время в публикациях о проблемах информатизации образования отмечаются некоторые негативные аспекты её влияния на мыслительные процессы обучающихся: перевод системы знаний в оперативную плоскость при отсутствии необходимости запоминать; снижение способности к анализу и систематизации информации; клиповое мышление, не позволяющее сформировать целостное восприятие дисциплины; преобладание кратковременной памяти; трудности понимания сложного материала [Вайнштейн 2021]. Также сообщается о необходимости учитывать психические и физические последствия компьютерной зависимости, а именно, «изменение когнитивных свойств личности, спад интереса к полезной информации, снижения памяти и понимания, способности к логическому мышлению, к принятию решений» [Орлов, Орлова 2021: 9].

Новая парадигма образования требует целостной трансформации образования на основе дидактического осмысления, новых цифровых учебников, новых условий реализации образовательного процесса и новых качеств субъектов образовательного процесса – преподавателей и студентов [Петрунева и др. 2021].

Рассматривая направления развития информатизации образования в условиях цифровой трансформации, Роберт И.В. выделяет методологическое, теоретическое, методическое и гуманитарное. На уровне методологии описаны дидактико-технологические парадигмы информатизации образования: сетевое

взаимодействие, территориально распределенные обучающиеся, высоко развитая цифровая инфраструктура образовательной организации и объединение различных предметных областей, включая педагогику и цифровые технологии. Развитие теории должно быть направлено на обоснование целей, принципов, содержания, организационных форм, методов и средств обучения. В частности, в качестве результатов педагогического воздействия выделяется активизация интеллектуальной деятельности обучающегося, реализация способностей к познанию, творческой инициативе, совершению открытий изучаемой закономерности. Перспективы развития методики включают методическую поддержку неконтактного информационного взаимодействия через реализацию иммерсивных образовательных технологий с обязательной экспертизой и сертификацией педагогической продукции, функционирующей на базе ИКТ. Гуманитарно-прикладное направление призвано обеспечить формирование мировоззрения будущего члена информационного общества, основанного на философско-психологических, когнитивно-интеллектуальных, морально-этических, национально-этнических, культурно-эстетических, конвергентных, здоровьесберегающих ценностях и информационной безопасности [Роберт 2022].

Необходимость принятия во внимание когнитивных особенностей, обучающихся при построении образовательного процесса в цифровой среде, актуализирует формирование когнитивной модели обучающегося, в которой на основе цифрового следа должны быть учтены его познавательные способности, социально-обусловленные и биопсихические особенности, способность к рефлексии, сложившийся уровень личностного опыта, профессиональная компетентность, а также техническая оснащенность [Шамсутдинова 2020].

Для реализации образовательной деятельности в соответствии новой парадигмой в университетах требуется создание службы педагогических дизайнеров в помощь преподавателям при проектировании новых учебных материалов и образовательного процесса в цифровой среде. Именно педагогический дизайн, как педагогическая область деятельности, анализирует процесс развития и обучения личности в условиях инновационной информационной среды, характеризующейся многомерностью, динамичностью, многовариантностью, преобладанием визуальной информации, и на основе этого анализа создает такие модели компонентов этой среды, которые адекватны познавательным интересам, психологическим возможностям и личностным потребностям обучающихся.

Несомненно, новая реальность ставит перед всей системой образования, и вузовской в частности, комплексную задачу по цифровой трансформации образовательной среды, которая требует не только существенных финансовых вложений на технологическое переустройство, но и парадигмального сдвига в подходах и методах обучения для подготовки специалистов к жизни и деятельности в условиях многозначного и противоречивого цифрового мира. С одной стороны, необходима готовность преподавателей не только к освоению потенциала информационно-коммуникационных технологий в части доступа к ресурсам и презентации учебного материала, но и в решении дидактических

задач по эффективной организации обучения преподаваемым дисциплинам. С другой стороны, необходимы междисциплинарные исследования по особенностям обучения и воспитания человека в нестабильном виртуально-реальном мире.

Литература

Вайнштейн Ю.В. Педагогическое проектирование персонализированного адаптивного предметного обучения студентов вуза в условиях цифровизации: дис. ... д-ра пед. наук. Красноярск, 2021.

Воловик И.В. Современное образование: гуманитарная парадигма // Вестник ИжГТУ. 2013. № 3(59). С. 168–172.

Егорова Е.В., Лопатухина Т.А. Смена образовательных парадигм в современном российском образовании // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2017. № 4 (181). С. 118–122.

Левина Е.Ю. и др. Онтология когнитивной парадигмы образования // Генезис когнитивной парадигмы образования: монография под научной редакцией Е.Ю. Левиной. Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем, 2021.

Левина Е.Ю. и др. Предпосылки становления когнитивной парадигмы образования // Генезис когнитивной парадигмы образования: монография под научной редакцией Е.Ю. Левиной. – Казань: Институт педагогики, психологии и социальных проблем, 2021.

Лукаш С.Н. Цивилизационная парадигма модернизации отечественного образования // Педагогика. 2022. № 4. С. 26–37.

Орлов А.А., Орлова Л.А. Студент педвуза как субъект профессионального самоопределения: особенности развития в цифровую эпоху // Педагогика. 2021. 10. С. 5–23.

Петрунева Р.М., Васильева В.Д., Петрунева Ю.В. Проблемы дидактики высшей школы: нерезрезанные страницы // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 8–9. С. 56–68.

Роберт И.В. Развитие информатизации образования в условиях цифровой трансформации // Педагогика. 2022. № 1. С. 40–50.

Романова К.С. Информационные технологии и современные проблемы образования // Философия образования. 2013. № 6 (51). С. 155–160.

Сухоруких А.В. Культурогенные интенции образования и актуализация гуманистической парадигмы // Культура и образование: научно-информационный журнал вузов культуры и искусств. 2019. № 2(33). С. 5–11.

*E.A. Melekhina (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University*

EDUCATIONAL PARADIGMS: FROM TRADITIONAL TO COGNITIVE-INFORMATIONAL

In the article, the need for new paradigmatic changes in the system of Russian education undergoing the process of digitalization is substantiated. The changing educational context necessitates not only technological transformations in terms of equipment and software but also reconsideration of content and teaching methodology taking into account cognitive aspects of students' development.

Key words: digital environment, cognitive-information educational paradigm, thinking.

КОГНИТИВНАЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Ю.А. Ненашева (Челябинск, Россия)

*Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
nenajalex@gmail.com*

ПРОСОДИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА КОМПЕНСАЦИИ ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ В ПРОЦЕССАХ ПОРОЖДЕНИЯ/ВОСПРИЯТИЯ РЕЧИ (НА ПРИМЕРЕ ЧТЕНИЯ ВСЛУХ)

Автор описывает просодические средства компенсации психофизиологических ограничений, обеспечивающие воспроизведение продолжительных высказываний при чтении вслух. Такими средствами являются паузация и конфигурации тональных и динамических параметров интонационных контуров. Использование этих средств определено дискурсивными факторами: в зависимости от коммуникативного намерения говорящего эти средства могут функционировать самостоятельно или в комплексе, играя ведущую или вспомогательную роль.

Ключевые слова: просодия, дискурс, психофизиологические ограничения, интонационный контур, паузация, даунстеп, повелительные высказывания.

Понимание дискурса как «разветвленной структуры знания ... о речи и речевой деятельности ... условиях ее порождения, по ходу ее протекания» [Кубрякова 2012: 125] свидетельствует о связи речевых структур с мыслительными; данная связь обусловлена как интенциями говорящего, так и общим замыслом всей деятельности: А.А. Кибрик называет дискурсивный контекст одним из факторов активации, потенциально влияющим на выбор говорящим того или иного средства [Kibrik 2011].

Специфика непосредственных процессов производства и восприятия речи заключается в наличии ограничений психофизиологической природы, накладываемых на эти процессы: человеческое сознание характеризуется предельными величинами скорости и точности приема и обработки информации, получаемой посредством органов чувств (10 – 20 бит/сек) [Моль 1966: 111], а слуховой и речевой аппарат имеют пороги ощущений – «минимальные и максимальные величины стимулов, вызывающие появление, исчезновение или изменение тех или иных ощущений» [Немов 2007: 302].

Изучение того, какие средства могут быть использованы для преодоления психофизиологических ограничений в дискурсе предполагает использование методологии экспериментального анализа дискурса (ЭАД), основанного на

когнитивно-дискурсивном подходе [Федорова 2014], и метода анализа основных компонентов – PCA (Principal Component Analysis) [Ward 2019: 113]. Методология ЭАД определяет особенности проведения эксперимента при изучении дискурса с соблюдением таких требований, как контролируемость условий эксперимента и воспроизводимость его результатов.

Представленное выше определение дискурса, сформулированное Е.С. Кубряковой, подтверждает возможность использования аудиоварианта художественного произведения для изучения просодии в дискурсе, поскольку, являясь видом драматургического произведения, аудиокнига демонстрирует «осуществление дискурсивной деятельности», воспроизводя живое (онлайн) общение людей [Кубрякова 2012: 134-135]. Это обеспечивает возможность изучения того, какими средствами воспользуется чтец-диктор для преодоления трудностей, создаваемых психофизиологическими ограничениями: письменная речь характеризуется продолжительными линейными последовательностями, чтение прямой речи персонажей отражает быстрые, возможно неосознаваемые процессы порождения/восприятия речи чтеца-диктора, разворачивающиеся в относительно естественном внеязыковом контексте [Федорова 2014].

Поскольку просодическая организация высказываний при чтении вслух опирается на когнитивные механизмы понимания и интерпретации [Величковский 2006; Ахутина 2014; Болдырев 2017], а последние исследования показывают, что прямая речь прямо определяет выбор просодических средств чтецами-дикторами [Stites et al, 2013; Eerland et al, 2013; Yao and Scheepers 2015; Yao et al, 2021; Eerland, van Charldorp 2022], исследование прямой речи персонажей на материале аудиокниги позволяет оценить просодические средства используемые чтецами-дикторами для преодоления психофизиологических ограничений, возникающих в ходе непосредственных процессов речепроизводства/речевосприятия.

В ходе экспериментального исследования выборка, содержащая более 9000 высказываний была подвергнута анализу при помощи программного обеспечения PRAAT (Prosogram) [Mertens 2019]. Исследуемые высказывания представляют собой канонические повелительные высказывания [Кибрик Подлеская 2009: 55]. В соответствии с полученными результатами можно сделать следующие выводы:

1) Паузация является ведущим средством, обеспечивающим членение длинной линейной последовательности предложения в письменной речи на отрезки, соответствующие максимальному количеству единиц, которое способна обработать кратковременная память (Magical Number Seven) [Miller 1956]. Распределение высказываний в соответствии с их длительностью показывает, что высказывания, содержащие от 2 до 7 фонетических слогов, составляют 68 % от общего количества высказываний. Поскольку когнитивная доминанта повелительных высказываний основана на интенциональном принципе, ведущим коммуникативным намерением чтецов-дикторов является реализация этого принципа – выражение побудительности [Aikhenvald 2010; Jary, Kissine 2014;

Болдырев, Григорьева 2018]. Таким образом, паузация является ведущим просодическим средством членения длинной линейной последовательности предложения письменной речи на более короткие отрезки-высказывания, характеризующиеся собственной просодической структурой.

2) В части высказываний общей выборки, выделенных в самостоятельное высказывание при помощи паузации, не было обнаружено ни одного фонетического слога или был обнаружен всего один фонетический слог, эта часть общей выборки составила 8 %. Акустические характеристики этих высказываний характеризуют необычный звуковой состав этих высказываний, что сближает их по звучанию с первообразными междометиями. Такое «превращение» высказываний одного вида в высказывания другого вида называется функциональной гибридизацией. Оно носит градуальный характер, реализуясь в большей или меньшей степени в зависимости от коммуникативного намерения говорящего: в данной группе было выделено три подгруппы высказываний, характеризующихся большей или меньшей степенью «превращения» повелительного высказывания в междометие. Это явление сопровождается эмфатической нагрузкой в семантике высказывания. Тональный и динамический компоненты просодической структуры высказывания представляют собой вспомогательные средства.

3) Доля высказываний с количеством фонетических слогов более семи достаточно велика и составляет 23 %. В высказываниях этой группы также наблюдается функциональная гибридизация: синтаксические повелительные конструкции становятся энклитиками/проклитиками более крупного отрезка предложения, если чтец-диктор реализует повелительные конструкции как усиленные элементы при наличии эмфатической нагрузки в семантике высказывания. Паузация как средство членения звуковой последовательности на менее крупные отрезки утрачивает ведущую роль.

4) В случае отсутствия выраженной эмфатической составляющей в семантике высказывания, чтец-диктор использует иное средство, позволяющее членить высказывание на отрезки, содержащие определенную информацию: конфигурацию *Downstep*, которая характеризуется тремя параметрами: 1) в конце конфигурации следует нисходящее тональное движение, которое сопровождается снижением значений динамического компонента (громкости), 2) конфигурация обязательно включает в себя несколько слогов, 3) слоги предшествующие нисходящему тональному движению реализуются на более высоком, чем начальный тональный уровень исходящего тонального движения, и характеризуются низкой вариативностью тонального и динамического компонентов – не более 4- полутонов [Ward 2019: 34].

Нисходящее тональное движение в *Downstep* отличается от терминального нисходящего тонального движения тем, что реализуется на более высоком тональном уровне. А предшествующие нисходящему тональному движению в *Downstep* слоги, которые, в свою очередь, также реализуются на более высоком уровне, чем начало нисходящего движения в *Downstep*, создают

слабовыраженное восходящее тональное движение. Поскольку данное явление наблюдается системно, следует сделать вывод, что оно является результатом сознательного усилия, контроля над просодическими характеристиками речи, целью которого является членение (chunking) высказывания на отрезки, содержащие определенный объем информации. Количество конфигураций Downstep в анализируемых высказываниях не превышало шести, даже в высказываниях, где программное обеспечение зарегистрировало 36 фонетических слогов. Таким образом, было получено еще одно подтверждение, что данное просодическое средство используется намеренно, его целью является преодоление психофизиологического ограничения, накладываемого на производство и восприятие продолжительного высказывания в дискурсе.

Литература

- Ахутина Т.В.* Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: ЯСК, 2013.
- Болдырев Н.Н.* Проблемы вербальной коммуникации в когнитивном контексте // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 2. С. 5–14.
- Болдырев Н.Н., Григорьева В.С.* Когнитивные доминанты речевого взаимодействия // Вопросы когнитивной лингвистики. 2018. № 4. С. 15–24.
- Величковский Б.М.* Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Изд. центр «Академия». Т. 2. 2006.
- Кибрик А.А., Подлеская В.И.* Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. – М.: ЯСК, 2009.
- Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. Языкознания РАН. М.: Знак, 2012.
- Моль А.* Теория информации и эстетическое восприятие. М.: «Мир», 1966.
- Немов П.С.* Психологический словарь. М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007.
- Федорова О.В.* Экспериментальный анализ дискурса. М.: ЯСК, 2014.
- Aikhenvald A.Y.* Imperatives and Commands. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Eerland A., Engelen J.A.A., Zwaan R.A.* The Influence of Direct and Indirect Speech on Mental Representations. // PLoS ONE. 2013. 8(6): e65480.
- Eerland A., van Charldorp T.* The Influence of Police Reporting Styles on the Processing of Crime Related Information. // Frontiers in Communication. 2022. 7:816461.
- Jary M., Kissin M.* Imperatives. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.
- Kibrik A.A.* Reference in discourse. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Merten P.* From pitch stylization to automatic tonal annotation of speech corpora. // Rhapsodie. A prosodic and syntactic treebank for spoken French. Studies in Corpus Linguistics 89. Amsterdam: Benjamins, 2019. P. 233–250.
- Miller G. A.* The magical number seven, plus or minus two: Some limits on our capacity for processing information // Psychological Review. 63 (2). P. 81–97.
- Stites M.C., Luke S.G., Christianson K.* The psychologist said quickly, “Dialogue descriptions modulate reading speed!” // Memory and Cognition. 2013. 41. P. 137–151. URL: <https://doi.org/10.3758/s13421-012-0248-7>.
- Ward N. G.* Prosodic patterns in English conversation. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
- Yao B., Taylor J. R., Banks B., & Kotz S. A.* Reading direct speech quotes increases theta phase-locking: Evidence for cortical tracking of inner speech? // NeuroImage. 2021. 239. 118313. URL: <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2021.118313>.

*Iu.A. Nenasheva (Chelyabinsk, Russia)
South Ural State Humanitarian Pedagogical University*

PROSODIC MEANS COMPENSATING FOR THE PSYCHO PHYSIOLOGICAL CONSTRAINTS IN SPEECH PRODUCTION/SPEECH PERCEPTION

The author describes the inventory of prosodic means compensating for the psychophysiological constraints in speech production/speech perception while reading aloud longer sentences. Pausation and intonation and intensity patterns in an intonation contour act as such means. Their usage is conditioned by the discursive factors. The speaker uses any of these means either separately or in complex, according to the communicative intention. When used in complex these means can take up primary or secondary roles.

Key words: prosody, discourse, psychophysiological constraints, intonation pattern, pausation, Downstep, imperatives.

*О.М. Разумникова, В.А. Казан (Новосибирск, Россия)
Новосибирский государственный технический университет
razoum@mail.ru; vlad.parlev@gmail.com*

КОГНИТИВНЫЙ ТРЕНИНГ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИГРОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Рассмотрено применение видеоигр для формирования и активации когнитивных резервов мозга. Информационные технологии широко используются в образовании и как методы когнитивного тренинга для замедления атрофии нервных клеток при старении и сохранения функций внимания и памяти. Применение с этой целью программ игровых интернет-сайтов позволяет компенсировать недостаток волевых усилий за счет мотивационного вовлечения в деятельность и дальнейшего ее удержания системой награды и индукции положительных эмоций.

Ключевые слова: когнитивный тренинг, видеоигры, активность мозга, контроль поведения, игровая аддикция.

Известно, что динамика развития мозга и его старения зависит от информационной среды и при недостатке информации, например, при потере зрения или слуха, нейропластичность мозга и компенсаторные процессы во взаимодействии его функциональных систем являются основой для успешной адаптации в измененных условиях существования. При старении такой компенсаторный ресурс создают образовательный уровень и сохранение профессиональной, социальной и физической активности [Разумникова 2015; Park 2009].

Наряду с перечисленными факторами особое значение для предотвращения старческой деменции имеет освоение новых видов деятельности и применение специальных приемов когнитивного тренинга для сохранения функциональной активности лобных отделов мозга и гиппокампа, то есть тех структур мозга, которые страдают при старении в первую очередь [Разумникова 2015]. Однако, как и в педагогической практике для усвоения новой информации и/или успешного освоения нового вида деятельности требуется мотивация

(награды или наказания) или эффективный волевой контроль для осуществления поведения необходимого, но непривлекательного.

В детском и подростковом возрасте, склонность к новизне и особая чувствительность к награде, создают условия для развития не только интеллектуальных способностей, но и игровой зависимости. В пожилом возрасте, использование когнитивных тренингов для поддержания эффективных функций внимания и памяти, напротив, встречает сопротивление из-за страха неудачи и склонности к поддержанию стереотипных, хорошо усвоенных стратегий поведения. Ранее нами было показано, что несмотря на осознание важности активации когнитивных резервов, длительное выполнение предложенного компьютеризированного тренинга осуществляется с трудом [Разумникова 2018]. Однако менее 10 % пенсионеров, посещающих занятия Народного факультета при НГТУ, согласились на учебное ознакомление с этим когнитивным тренингом, и только единицы из них смогли длительное время систематически выполнять задания, что обеспечило результативность тренинга [Разумникова 2022].

Когнитивная тренировка в форме видеоигры применяется не только для профилактики старческой деменции, но и при тренировке внимания у детей с синдромом дефицита внимания или для лечения депрессии или шизофрении. Видеоигры, особенно дополненная реальность и многопользовательские онлайн-игры, уменьшали стресс, тревогу, депрессию и одиночество среди подростков и молодых людей во время карантина, однако имели пагубные последствия для людей из группы риска игровой интернет-зависимости (особенно - для молодых мужчин) [Pallavicini 2022].

В качестве когнитивных функций, на развитие которых направлены видеоигры, рассматриваются кратковременная и эпизодическая память, рассуждения, концентрация внимания и способности к его переключению, скорость реакции при выполнении простых и сложных зрительно-моторных задач, скорость и эффективность принятия решения при селекции конкурирующих потоков информации, вербальная беглость или гибкость мышления [Boyle 2013; Choi 2021]. Чаще всего для обучения и геймифицированной оценки используют показатели рабочей памяти и исполнительных функций [Lumsden 2016]. Хотя авторы этого обзора делают вывод о том, что геймифицированное обучение кажется увлекательным и повышает мотивацию участников, однако результаты других исследований свидетельствуют о неоднозначном влиянии видеоигр на выполнение задач.

Кроме испытанного удовольствия от видеоигр в качестве основных факторов, которые могут повлиять на эффективность их применения для улучшения когнитивных функций, рассматривается степень сосредоточения внимания, воспринимаемое удобство использования и эстетика интерфейса человек-компьютер [Boyle 2016]. Для вовлечения учащихся и поддержки обучения в обучающей онлайн-игре важными признаются такие ее функции, как анимация, графика, правила и цели (например, поиск редких игровых предметов), вознаграждение (получение очков), а также быстрое время загрузки.

Следует отметить, что для разных лиц мотивирующие факторы могут быть противоположными: одних привлекают простые и понятные правила игры, а других – элементы новизны и непредсказуемости. В связи с этим в последнее время ведутся исследования по созданию персонализированных интерфейсов с обратной связью в соответствии с индивидуальными психологическими и нейрофизиологическими характеристиками пользователей [Freed 2021; Palaus 2017].

Как демографические и поведенческие переменные эффективности сложных видеоигр рассматриваются возраст, интеллект и зрительное внимание; как нейроанатомические – корреляции серого и белого вещества мозга и функциональной нейропластичности [Kovbasiuk 2022]. Показано, что в приобретении новых когнитивных навыков у молодых людей результаты обучения связаны с объёмом серого вещества в подкорковых структурах, а у пожилых – в лобных областях коры. Этот эффект связывают с возрастными компенсаторными механизмами в лобных областях, как предлагается моделью «The Scaffolding Theory of Aging and Cognition» [Park 2009]. Наряду с такой возрастной дифференциацией при анализе эффекта видеоигровой тренировки обнаружено увеличение объема серого вещества в префронтальной, височной и теменной областях коры, гиппокампе и мозжечке как у молодых, так и пожилых лиц [Kovbasiuk 2022].

В основе развития игровой аддикции лежит дисбаланс взаимодействия орбитофронтальной области лобной коры и структур лимбической системы, в первую очередь амигдалы и стиратума, определяющих доминирование систем награды или наказания и исполнительного контроля этих мотиваций [Dong 2021; Jin 2016]. Геймеры с высоким уровнем риска интернет-зависимости показывают значительно более низкий уровень самоконтроля и худшее взаимопонимание со своими родителями по сравнению с игроками с низким уровнем риска. Другими ключевыми предикторами игровой зависимости стали: мужской пол и игры как частое занятие в свободное время [Masur 2021]. Степень привыкания к видеоиграм связывают с такими чертами личности, как низкая самооценка, тревожность и агрессивность, стресс и неадекватное преодоление трудностей, снижение психосоциального благополучия и одиночество, психоматематические проблемы и снижение успеваемости [von der Heiden 2019].

Анализ видеоигр, включающих как основной поведенческий компонент само действие (скорость реакции, распределение внимания) или стратегию действия (рассуждение и выбор поведения), показал, что результативность игр первого типа больше связана с показателем фракционной анизотропии белого вещества в таких структурах как fornix и stria terminalis, а второго – в левой цингулярной коре и гиппокампе [Ray 2017]. Учитывая разные формы фоновой активности коры, связанные не только с опытом игры, но и с использованием игровой механики, предлагается использовать в исследованиях более дифференцированную классификацию игр, а не общее обозначение жанра [Cui 2021].

Систематический обзор результатов исследований, опубликованных в период 2009–2018 г.г. показал, что полезные для мозга эффекты варьируются в зависимости от типа видеоигр (3D-приключения, головоломки, ритм-данс или стратегии) и продолжительности (16–90 часов) [Brilliant 2019]. Наиболее нейропластичными структурами мозга являются префронтальная кора, мозжечок, гиппокамп и вентральный стриатум, т.е. структуры, основными функциями которых являются, соответственно, исполнительный контроль поведения, организация двигательной активности, память и ориентация в пространстве и подкрепление поведения мотивацией награды.

Наряду с психометрическим подходом к оценке интеллектуального и эмоционально-мотивационного статуса пользователя разработка персонализированной программы когнитивного тренинга, как показывают выше приведенные данные, требует оценки исполнительных функций префронтальной коры и баланса ее взаимодействия со структурами лимбической системы. Такая психофизиологическая оценка результативности применения видеоигр возможна в лабораторных условиях или в естественных условиях деятельности с применением портативных приборов регистрации активности мозга или изменений сердечной деятельности, указывающих на эмоциональное напряжение и стрессоустойчивость.

Литература

- Разумникова О. М.* Закономерности старения мозга и способы активации его компенсаторных ресурсов // Успехи физиологических наук. 2015. № 2. С. 3–16.
- Разумникова О. М.* Возрастные и индивидуальные особенности тренировки зрительной кратковременной пространственной памяти // Экспериментальная психология. 2022. № 1. С. 4–18.
- Разумникова О. М., Асанова Н. В.* Мотивационные индукторы поведения как резервы успешного старения // Успехи геронтологии. 2018. № 5. С. 737–742.
- Boyle E.A., Hainey T., Connolly T.M., Gray G., Earp J., Ott M., Lim T., Ninaus M., Pereira J., Riberio C.* An update to the systematic literature review of empirical evidence of the impacts and outcomes of computer games and serious games // Computers & Education. 2015. V. 94. P. 178–192.
- Brilliant T.D., Nouchi R., Kawashima R.* Does video gaming have impacts on the brain: Evidence from a systematic review // Brain Sci. 2019. V. 9. Ar. 251.
- Choi E., Shin S.H., Ryu J.K., Jung K.I., Hyun Y., Kim J., Park M.H.* Association of extensive video gaming and cognitive function changes in brain-imaging studies of pro gamers and individuals with gaming disorder: Systematic literature review // JMIR Serious Games. 2021. V. 9. Ar. e25793.
- Cui R., Jiang J., Zeng L., Jiang L., Xia Z., Dong L., Gong D., Yan G., Ma W., Yao D.* Action video gaming experience related to altered resting-state EEG temporal and spatial complexity // Front Hum Neurosci. 2021. V.15. Ar. 40329.
- Dong G.H., Wang M., Zheng H., Wang Z., Du X., Potenza M.N.* Disrupted prefrontal regulation of striatum-related craving in Internet gaming disorder revealed by dynamic causal modeling: results from a cue-reactivity task // Psychol Med. 2021. V. 51. P. 1549–1561.
- Freed S.A., Sprague B.N., Stephan A.T., Doyle C.E., Tian J., Phillips C.B., Ross L.A.* Feasibility and enjoyment of exercise video games in older adults // Front Public Health. 2021. V. 9. No. 751289.
- Jin C., Zhang T., Cai C., Bi Y., Li Y., Yu D.* Abnormal prefrontal cortex resting state functional connectivity and severity of internet gaming disorder // Brain Imaging Behav. 2016. V. 10. P. 719–729.
- Kovbasiuk A., Lewandowska P., Brzezicka A., Kowalczyk-Grebska N.* Neuroanatomical predictors of complex skill acquisition during video game training // Front Neurosci. 2022. V. 16. Ar. 834954.
- Lumsden J., Edwards E.A., Lawrence N.S., Coyle D., Munafò M.R.* Gamification of cognitive assessment and cognitive training: A systematic review of applications and efficacy // JMIR Serious Games. 2016. V. 4. Ar. e11.

Macur M., Pontes H.M. Internet gaming disorder in adolescence: investigating profiles and associated risk factors // BMC Public Health. 2021. V. 21. Ar. 1547.

Park D. C., Reuter-Lorenz P. The Adaptive brain: Aging and Neurocognitive Scaffolding // Ann. Rev. Psychol. 2009. V. 60. P. 173–196.

Palau M., Marron E.M., Viejo-Sobera R., Redolar-Ripoll D. Neural basis of video gaming: A systematic review // Front Hum Neurosci. 2017. V. 11. Ar. 248.

Pallavicini F., Pepe A., Mantovani F. The effects of playing video games on stress, anxiety, depression, loneliness, and gaming disorder during the early stages of the COVID-19 Pandemic: PRISMA systematic review // Cyberpsychol Behav Soc Netw. 2022. V. 25. P. 334-354.

Ray N. R., O'Connell M. A., Nashiro K., Smith E. T., Qin S., Basak C. Evaluating the relationship between white matter integrity, cognition, and varieties of video game learning // Restor. Neurol. Neurosci. 2017. V. 35. P. 437–456.

von der Heiden J.M., Braun B., Müller K.W., Egloff B. The association between video gaming and psychological functioning // Front. Psychol. 2019. V. 10. Ar.1731.

O.M. Razumnikova, V.A. Kagan (Novosibirsk, Russia)
Novosibirsk State Technical University

COGNITIVE TRAINING USING INFORMATION TECHNOLOGIES OF VIDEO GAMING

The video gaming as a way of forming and activating the cognitive reserves of the brain is considered. Information technologies are widely used in educational processes and as methods of cognitive training to slow down the atrophy of nerve cells during aging and preserve the functions of attention and memory. For this purpose, the use programs of Internet gaming sites makes it possible to compensate for the lack of strong-willed efforts due to motivational involvement in the activity and its further retention by the system of rewards and the induction of positive emotions.

Key words: cognitive training, video games, brain activity, behavior control, game addiction.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ 16+
КОГНИТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА

Выпуск № 3 (50)

**КОГНИЦИЯ, КУЛЬТУРА, КОММУНИКАЦИЯ
В СОВРЕМЕННЫХ ГУМАНИТАРНЫХ НАУКАХ**

Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием
15–16 сентября 2022 года

Главный редактор
Болдырев Николай Николаевич
Ответственный редактор выпуска
Федяева Елена Владимировна
Компьютерная верстка
Веселовская Лариса Анатольевна

Подписано в печать 25.08.2022. Дата выхода в свет 14.09.2022.
Формат 60 × 84/16. Физ. печ. л. 52,5. Тираж 500 экз. Заказ 229. Цена свободная

Учредители:

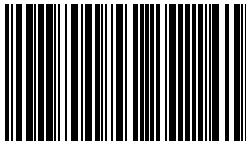
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»
Общероссийская общественная организация
«Российская ассоциация лингвистов-когнитологов»
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт языкознания Российской академии наук

Адрес редакции и издателя: 392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33.
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Издательство Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20. Тел. (383) 346-31-87.
E-mail: office@publish.nstu.ru

Отпечатано в типографии Новосибирского государственного технического университета
630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20.

ISBN 978-5-7782-4730-7

978 5 7782 4730 7